БЛАГОВѢСТНИКЪ,

или

ТОЛКОВАНІЕ

БЛАЖЕННАГО ѲЕОФИЛАКТА,

АРХІЕПИСКОПА БОЛГАРСКАГО,

НА

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛІЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ЛУКИ.

Изданіе второе.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1874.

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, протоіерей *А. Владимірскій.*

БЛАЖЕННАГО ѲЕОФИЛАКТА,

АРХІЕПИСКОПА БОЛГАРСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ

НА СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ЛУКИ.

ЖИЗНЬ ЕВАНГЕЛИСТА ЛУКИ ПО СОФРОНІЮ.

Лука, врачь, антіохіянинъ, какъ показываютъ его сочиненія, нечуждый греческаго образованія, ученикъ апостола Павла, и спутникъ его чрезъ все его странствованіе, написалъ евангеліе. Объ немъ самъ апостолъ Павелъ говоритъ: «съ нимъ послали мы брата во всѣхъ церквахъ похваляемаго за благовѣствованіе» (2 Кор. 8, 18), и къ Колоссаемъ пишетъ: «привѣтствуетъ васъ Лука, врачь возлюбленный» (4, 14).—Онъ выдалъ и другое превосходное сочиненіе, съ надписью «Дѣянія апостоловъ», въ которомъ разсказъ простирается до двухлѣтняго пребыванія апостола Павла въ Римѣ, то есть, до четвертаго года Нерона. Отселѣ мы убѣждаемся, что книга сія составлена въ этомъ самомъ городѣ. Путешествіе Павла и Θеклы, и все повѣтствованіе о крещеніи Льва, должны быть отнесены къ писаніямъ апокрифическимъ. Ибо неразлучному спутнику апостола между прочими его дѣяніями нельзя было не знать и сего обстоятельства. Тертулліанъ говоритъ, что въ это время одинъ пресвитеръ въ Асіи, ученикъ апостола Павла, былъ обличаемъ Іоанномъ въ сочиненіи книги, и сознался, что онъ сдѣлалъ это, по сильной любви къ Павлу. Нѣкоторые думаютъ, что онъ за это былъ изверженъ. Всякій разъ, какъ Павелъ говоритъ въ своихъ посланіяхъ: «по благовѣствованію моему» (Рим. 2,

16), явно указываетъ на евангеліе Луки. Лука учился евангелію не отъ одного только апостола Павла, который не былъ съ Господомъ, жившимъ во плоти, но и у прочихъ апостоловъ, о чемъ самъ онъ ясно говоритъ въ началѣ своей книги: «какъ предали намъ бывшіе съ начала очевидцами» (Лук. 1, 2). Итакъ евангеліе онъ написалъ такъ, какъ слышалъ, а Дѣянія апостоловъ составилъ какъ самъ историкъ.—Мощи его принесены и положены въ Константинополѣ, куда тѣло его перенесено вмѣстѣ съ мощами апостола Андрея.

ЖИЗНЬ ЕВАНГЕЛИСТА ЛУКИ ИЗЪ ОБОЗРѢНІЯ (СИНОПСИСА) МУЧЕНИКА ДОРОѲЕЯ, ЕПИСКОПА ТИРСКАГО.

Евангелистъ Лука былъ родомъ антіохіянинъ, искусствомъ врачь. Написалъ онъ евангеліе по порученію апостола Петра, а Дѣянія апостоловъ по порученію апостола Павла. Ибо онъ былъ спутникомъ этихъ апостоловъ, въ особенности апостола Павла. О немъ-то упомянулъ апостолъ Павелъ, когда написалъ въ посланіи: „привѣтствуетъ васъ Лука, врачь возлюбленный о Господѣ" (Колос. 4, 14). Умеръ онъ въ Ефесѣ; здѣсь же и погребенъ; а впослѣдствіи вмѣстѣ съ апостолами Андреемъ и Тимоѳеемъ перенесенъ въ Константинополь, во времена царя Констанція, сына Константина великаго.

—

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЕВАНГЕЛІЮ ОТЪ ЛУКИ.

Божественный Лука былъ родомъ антіохіянинъ, искусствомъ врачь, и богатъ внѣшнею мудростію. Онъ усвоилъ себѣ даже еврейское образованіе, во время частыхъ посѣщеній Іерусалима, когда и Господь нашъ училъ. Нѣкоторые говорятъ, что Лука былъ однимъ изъ семидесяти апостоловъ, и вмѣстѣ съ Клеопою встрѣтился воскресшему Христу (Лук. 24, 13,—35). Когда же Господь вознесся на небо, и Павелъ увѣровалъ, Лука сдѣлался сотрудникомъ и спутникомъ Павла (Дѣян. 16, 10), и написалъ евангеліе со всею тщательностію, какъ и самое вступленіе показываетъ (Лук. 1, 3). Написалъ онъ евангеліе спустя пятнадцать лѣтъ отъ вознесенія Христова. Пишетъ онъ къ Өеофилу, члену сената, а, быть можетъ, князю. Ибо титулъ *державнаго* (κράτιστος) придавался князьямъ и правителямъ, какъ, напримѣръ, Павелъ говоритъ правителю Фисту: *державный Фисте* (Дѣян. 26, 25). Да и всякій человѣкъ, любящій Бога и получившій власть надъ страстями, есть державный өеофилъ, воистину достойный слышать Евангеліе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (¹).

Зач. I. *Понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ, Якоже предаша намъ иже сперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе: Изволися и мнѣ послѣдовавшу выше вся испытно, по ряду писати тебѣ, державный Ѳеофиле: Да разумѣеши, о нихже научился еси словесѣхъ, утвержденіе.* Кто были эти многіе, которые начали? Лжеапостолы. Ибо точно многіе составляли евангелія, каково, напримѣръ, евангеліе отъ египтянъ и евангеліе съ надписью „отъ двѣнадцати". Они только начали, а не окончили. Поелику они начали безъ благодати Божіей, посему и не окончили. Итакъ Лука хорошо сказалъ: *мнози начаша*. Подлинно, немногіе, именно Матѳей и Маркъ, не начали только, но и окончили: ибо они имѣли Духа, творящаго совершенное. *О извѣствованныхъ вещехъ*. Ибо относящееся до Христа не просто извѣстно, по голословному преданію, но истинно, совершенно вѣрно и вполнѣ доказательно. Какъ же, скажи Лука, это доказательно? *Якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе*. Изъ сего видно, что Лука былъ ученикомъ не съ начала, но въ послѣдствіи времени. Ибо иные были учениками (Слова) съ самаго

(¹) У блажен. Ѳеофилакта первая глава евангелія отъ Луки начинается пятымъ стихомъ по принятому у насъ счету, первые же четыре стиха у него составляютъ отдѣльное вступленіе.

начала, напримѣръ, Петръ и сыны Заведеевы (Матѳ. 4, 18—22). Они-то и передали Лукѣ то, чего онъ самъ ни видѣлъ, ни слышалъ. *Да разумѣеши, о нихже научился еси словесѣхъ, утвержденіе.* Я понимаю это двоякимъ образомъ; во-первыхъ такъ: прежде я наставлялъ тебя, Ѳеофилъ, безъ писанія, а теперь, передавая тебѣ евангеліе въ писаніи, утверждаю твой умъ, чтобы онъ не забылъ преданное безъ писанія; во-вторыхъ такъ: мы, люди, часто имѣемъ обычай, когда кто-нибудь говоритъ намъ безъ писанія, подозрѣвать его, что можетъ быть онъ и ложь говоритъ, но когда онъ пишетъ свои слова, мы вѣримъ, что онъ и не написалъ бы, если бы не былъ смѣло увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ. Такъ и евангелистъ говоритъ: для того я написалъ тебѣ евангеліе, чтобы ты съ большею увѣренностію содержалъ то, въ чемъ наставленъ былъ безъ писанія, имѣя болѣе ко мнѣ довѣрія теперь, когда я настолько увѣренъ въ преданномъ безъ писанія, что изложилъ оное и въ писаніи. Не сказалъ: чтобы ты *зналъ* (γνῷς), но *позналъ* (ἐπιγνῷς), т. е. чтобы получилъ вдвое большее познаніе, и вмѣстѣ смѣлую увѣренность, что я не лгу.

О родителяхъ Іоанна крестителя, и о рожденіи его самого.— О привѣтствіи Маріи отъ ангела, и Елисаветѣ отъ Маріи.

* *Бысть во дни Ирода царя Іудейска, іерей нѣ-* Зач.
кій, именемъ Захаріа, отъ дневныя череды Авіани: и 2.
жена его отъ дщерей Аароновѣхъ, и имя ей Елисаветъ.

*Во время оно**

Лук.

Упомянулъ о царствованіи Ирода, съ одной стороны, изъ желанія повѣствовать по примѣру пророковъ; ибо они начинаютъ такъ: во дни Ахаза и Езекіи и такого-то совершилось слѣдующее (Иса. 1, 1. Ос. 1, 1. Амос. 1, 1); а съ другой стороны, поелику намѣренъ говорить о Христѣ, для того упомянулъ объ Иродѣ, дабы показать, что при Иродѣ Христосъ воистину пришелъ. Такъ какъ Иродъ сей былъ тогда, когда по пророчеству Іакова (Быт. 49, 10) не стало князей изъ іудеевъ, то отсюда и доказывается, что Христосъ пришелъ. Достигаетъ и нѣкоторой другой цѣли: говоря о времени, показываетъ истинность Евангелія; ибо желающимъ даетъ возможность изслѣдывать, и отъ времени узнать истинность Евангелія. — Начинаетъ отъ Захаріи и рожденія Іоаннова: прилично. Поелику онъ намѣренъ говорить о рождествѣ Христовомъ, а Іоаннъ—предтеча Христовъ: посему прежде рождества Христова прилично повѣствуетъ о рожденіи Іоанновомъ, которое и само не безъ чуда. Поелику Дѣва имѣла родить; то благодать предустроила, чтобы старица родила не по закону природы, хотя и съ мужемъ. Что же значатъ слова: *отъ дневныя чреды Авіани?* Нѣкоторые понимаютъ такъ, что было два священника, преемственно совершавшихъ богослуженіе, одинъ по имени Авія, а другой Захарія, и такъ какъ Авія отправилъ богослуженіе, послѣ его чреды служилъ Захарія. Но дѣло кажется не такъ. Ибо Соломонъ, окончивъ храмъ, установилъ и дневныя чреды, то есть, седмицы: въ одну, напримѣръ, седмицу постановилъ сыновъ Кореевыхъ, въ другую—Асафа, въ слѣ-

дующую—Авію, въ иную—другаго (2 Паралипом. 8, 14. 1 Парал. гл. 24). Посему, когда говоритъ, что Захарія былъ *отъ дневныя чреды Авіани*, нужно понимать такъ, что онъ былъ въ седмицу Авіи, а не такъ, что онъ принялъ служеніе послѣ седмицы Авіиной; ибо тогда сказалъ бы: *послѣ* дневныя чреды Авіани: а теперь, когда сказалъ: *отъ дневныя чреды Авіани*, представляетъ, что онъ былъ изъ чреды и седмицы Авіи.—А желая показать, что Іоаннъ по той и другой сторонѣ (по отцу и по матери) законно былъ изъ рода священническаго, говоритъ: *и жена его отъ дщерей Аароновѣхъ*; ибо не позволено было брать жену изъ чужаго колѣна, но изъ тогоже самаго (Числ. 36, 6. 9). Елисавета по толкованію значитъ: покой Божій, а Захарія—память Господня.

Бѣста же праведна оба предъ Богомъ. Часто нѣкоторые бываютъ праведны, но не предъ Богомъ, а по видимости и предъ людьми. Захарія же и Елисавета были праведны предъ Богомъ. *Ходяще во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ Господнихъ безпорочна.* Заповѣди суть, напримѣръ: „не прелюбы сотвориши, не украдеши" (Исх. 20, 14 и 15); а оправданія суть, напримѣръ: „злословяй отца или матерь, смертію да умретъ" (Исх. 21, 1 и 16): ибо это праведно. Но знай, что и заповѣдь можетъ называться оправданіемъ, такъ какъ она дѣлаетъ человѣка праведнымъ и, еще болѣе, есть оправданіе Божіе. Ибо въ день оный Богъ будетъ судить насъ, имѣя заповѣди, какъ-бы нѣкоторымъ письменнымъ оправданіемъ. *Аще не быхъ пришелъ*, гово-

ритъ, *и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. 15, 22), и опять: *слово, еже глаголахъ имъ, то судитъ имъ* (Іоан. 12, 48). Для чего къ словамъ: *ходяще во всѣхъ заповѣдехъ*, прибавлено: *безпорочна?* Выслушай. Часто, нѣкоторые поступаютъ по закону Божію, но все дѣлаютъ для того, чтобы показаться людямъ (Матѳ. 23, 5). Таковые не безпорочны. А Захарія и заповѣди соблюдалъ, и соблюдалъ безпорочно, а не для того, чтобы чрезъ исполненіе ихъ понравиться людямъ.

И не бѣ има чада, понеже Елисаветъ бѣ неплоды, и оба заматорѣвша во днехъ своихъ бѣста. Жены праведниковъ и сами праведные часто были бездѣтны, чтобы ты позналъ, что законъ требуетъ многочадія не плотскаго, а духовнаго. *Оба заматорѣвша бѣста:* и по тѣлу и по духу; ибо и по душѣ они состарѣлись, то есть, сдѣлали большой успѣхъ, полагая восхожденія въ сердцѣ (Псал. 83, 6) и имѣя жизнь, какъ день, а не ночь, поступая благоприлично какъ во свѣтѣ (Рим. 13, 12. 13).

Бысть же служащу ему въ чину чреды своея предъ Богомъ, по обычаю священничества: ключися ему покадити вшедшу въ церковь Господню. И все множество людей бѣ молитву дѣя внѣ, въ годъ ѳуміама. Предъ Богомъ священнодѣйствуютъ одни чистые, а отъ нечистыхъ Богъ отвращаетъ лицо свое.—Когда же пришла ему чреда покадить? Безъ сомнѣнія, въ день очищенія, когда одинъ первосвященникъ входилъ во святая святыхъ, дабы мы научились, что какъ сей первосвященникъ, вшедъ во святая святыхъ, получилъ плодъ, такъ и Господь Іисусъ, единый и великій поистинѣ Архі-

ерей, вшедъ во святая святыхъ, то есть, съ плотію на небо, получилъ плодъ своего явленія во плоти—наше усыновленіе (Богу) и спасеніе.

Явися же ему ангелъ Господень, стоя одесную олтаря кадильнаго. Ангелъ является не всѣмъ, а чистымъ сердцемъ, каковъ былъ Захарія. Олтарь названъ кадильнымъ, потому что былъ и другой олтарь—всесожженій.—*И смутися Захаріа видѣвъ, и страхъ нападе нань. Рече же къ нему ангелъ: не бойся Захаріе: зане услышана бысть молитва твоя: и жена твоя Елисаветъ родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ. И будетъ тебѣ радость и веселіе: и мнози о рождествѣ его возрадуются.* Захарія смущается; ибо необычайное видѣніе возмущаетъ и святыхъ. Но ангелъ останавливаетъ возмущеніе. Ибо вездѣ по сему узнаются видѣнія Божественныя и бѣсовскія: если помыслъ съ начала смутится, но потомъ, съ разсѣяніемъ страха, вскорѣ совершенно успокоится: то видѣніе поистинѣ отъ Бога; если же страхъ и возмущеніе болѣе усиливаются, то видѣніе—отъ бѣсовъ. Для чего ангелъ сказалъ: *зане услышана бысть молитва твоя, и жена твоя Елисаветъ родитъ тебѣ?* Ибо Захарія молился не о сынѣ, а о грѣхахъ народа? Одни говорятъ: такъ какъ Захарія молился о грѣхахъ народа, а имѣлъ родить сына взывающаго: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29), то ангелъ прилично говоритъ ему: услышана молитва твоя объ отпущеніи грѣховъ народа, ибо ты родишь сына, чрезъ котораго будетъ отпущеніе грѣховъ. Другіе же понимаютъ такъ: Захарія! молитва твоя услышана, и Богъ простилъ народу грѣхи; потомъ какъ-

бы онъ сказалъ: откуда это видно? Ангелъ говоритъ: вотъ я тебѣ даю знаменіе: Елисавета родитъ тебѣ сына, а изъ того, что Елисавета родитъ, ты долженъ удостовѣриться и въ отпущеніи грѣховъ народу.

Будетъ бо велій предъ Господомъ, и вина и сикера не имать пити: и Духа Святаго исполнится еще изъ чрева матери своея. И многи отъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ ко Господу Богу ихъ: И той предъидетъ предъ нимъ, духомъ и силою Иліиною, обратити сердца отцемъ на чада, и противныя въ мудрости праведныхъ: уготовати Господеви люди совершены. Ангелъ возвѣщаетъ, что Іоаннъ будетъ великъ, но предъ Господомъ: ибо многіе называются великими предъ людьми, но не таковы предъ Богомъ, напримѣръ: лицемѣры. А Іоаннъ великъ по душѣ, какъ и всякій соблазняющійся малъ по душѣ. Ибо ни одинъ великій не соблазняется, но малые и великодушные, какъ и Господь говоритъ: *иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ* (Матѳ. 18. 6). Какъ родители Іоанна были праведны *предъ Богомъ*, такъ и сынъ ихъ великъ *предъ Господомъ*.—*Сикерою* называется все, что, будучи не изъ винограда, можетъ произвести опьяненіе.—*Исполненъ* онъ былъ *Духа Святаго*, тогда, какъ былъ еще во утробѣ матери: когда пришла къ Елисаветѣ Матерь Господа, то младенецъ, радуясь пришествію Господа, взыгралъ.—*Обратилъ сердца отцемъ на чада*, то есть, обратилъ евреевъ къ апостоламъ. Ибо іудеи были отцы, а апостолы дѣти ихъ. Обратилъ сердца іудеевъ къ апостоламъ ученіемъ и свидѣтельствомъ о Христѣ; а свидѣтельствующій о Христѣ дѣлаетъ и учениковъ Его

вполнѣ достовѣрными. Іоаннъ не всѣхъ обратилъ, но многихъ: а Господь просвѣтилъ всѣхъ.—Пришелъ онъ *духомъ Илгинымъ;* потому что какъ въ Иліи дѣйствовала благодать, такъ и въ Іоаннѣ, и какъ Илія—предтеча втораго пришествія, такъ Іоаннъ—перваго. И *силою Илгиною,* потому что пришествіе обоихъ, Иліи и Іоанна, имѣетъ одну и туже силу, именно приводитъ ко Христу. И въ другомъ смыслѣ, Іоаннъ пришелъ въ силѣ и духѣ Иліи: потому что и онъ былъ пустынникъ, воздержникъ и обличитель, какъ Илія.—Обратилъ *непокорныхъ* іудеевъ, *мудростію праведныхъ,* то есть, ученіемъ апостоловъ; мудрость же апостоловъ—благодать Духа въ нихъ, которою они были управляемы.—*Уготовалъ Господу,* то есть, Христу, *люди совершены,* то есть, людей способныхъ къ принятію проповѣди. Скажу нѣкоторое подобіе. Когда приходилъ какой-нибудь пророкъ съ проповѣдью, то не всѣ вѣровали, но способные, то есть, предуготовившіе себя къ тому; ибо какъ если кто-нибудь придетъ въ домъ ночью, то не всѣ его принимаютъ, но бодрствующіе, и ожидающіе его, и приготовившіеся къ принятію: такъ и Іоаннъ приготовилъ Господу людей, но не непокорныхъ, а способныхъ, то есть, предуготовившихся къ принятію Христа.

И рече Захаріа ко ангелу: по чесому разумѣю сіе? Азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ. И отвѣщавъ ангелъ рече ему: азъ есмь Гавріилъ предстояй предъ Богомъ: и посланъ есмь глаголати къ тебѣ, и благовѣстити тебѣ сія. И се будеши молча, и немогій проглаголати, до негоже дне будутъ сія: занѣ

не вѣровалъ еси словесемъ моимъ, яже сбудутся во время свое. Хотя Захарія былъ праведенъ и святъ, однакожъ, принимая во вниманіе необычайность рожденія сына, нелегко повѣрилъ. Почему ангелъ и сказываетъ ему о своемъ достоинствѣ: я—Гавріилъ, предстоящій Богу, не бѣсъ обольститель, а Божій ангелъ. И такъ за то, что не вѣруешь, будешь глухъ и неспособенъ говорить. Справедливо подвергается тому и другому, глухотѣ и нѣмотѣ; ибо какъ преслушникъ наказывается глухотою, а какъ противорѣчущій—молчаніемъ. Кромѣ того, онъ предъизображалъ и случившееся съ іудеями. Ибо какъ онъ, старый и безплодный и неповѣрившій, родилъ сына, бо́льшаго пророковъ: такъ и церковь іудейская и іерархія, хотя застарѣла, и была безплодна, и невѣрна, и преслушна, однакожъ родила во плоти Слово Божіе, Владыку пророковъ, съ рожденіемъ котораго бывшіе прежде непокорными перешли къ вѣрѣ и исповѣданію.

И бѣша людіе ждуще Захарію: и чудяхуся коснящу ему въ церкви. Изшедъ же не можаше глаголати къ нимъ: и разумѣша, яко видѣніе видѣ въ церкви: и той бѣ помавая имъ, и пребываше нѣмъ: И бысть яко исполнишася дніе службы его, иде въ домъ свой. Видишь ли, какъ іудеи дожидались и оставались, пока вышелъ первосвященникъ? А мы, христіане, лишь вошли во храмъ, какъ и думаемъ уже, что съ нами дурно случится, если мы не выйдемъ. Захарія дѣлалъ знаки народу, вѣроятно, вопрошавшему о причинѣ молчанія: но какъ онъ не могъ говорить, то и объяснялъ ее знаками. Примѣть и то, что Захарія не пошелъ въ свой

домъ, пока не окончились дни его служенія, но оставался во храмѣ. Ибо нагорная страна дѣйствительно далеко отстояла отъ Іерусалима. Да священнику, если онъ имѣлъ домъ и въ самомъ Іерусалимѣ, не позволено было уходить, во время его чреды, изъ двора храма. А мы, увы, какъ пренебрегаемъ божественными службами! Что Захарія не могъ говорить, а употреблялъ знаки, это указываетъ на неразумную жизнь іудеевъ. Ибо, умертвивши Слово, они не могутъ дать отчета ни въ дѣлахъ, ни въ рѣчахъ своихъ. Если даже спросить у нихъ о чемъ-нибудь пророческомъ, то они не отверзаютъ устъ и не могутъ дать тебѣ ни слова, ни отвѣта.

По сихъ же днехъ, зачатъ Елисаветъ жена его:
**и таяшеся мѣсяцъ пять, глаголющи: Яко тако мнѣ* Зач. 3.
сотвори Господь во дни, въ няже призрѣ отъяти поношеніе мое въ человѣцѣхъ. Елисавета, будучи цѣломудренна, стыдилась, и, зачавши въ старости, таилась она пять мѣсяцевъ, пока зачала и Марія. Когда же и сія (Марія) зачала и младенецъ взыгралъ во чревѣ ея (Елисаветы), она уже болѣе не таилась, и даже держала себя смѣло, какъ мать такого сына, который и прежде рожденія своего почтенъ былъ достоинствомъ пророка.

Въ мѣсяцъ же шестый посланъ бысть ангелъ Гавріилъ отъ Бога, во градъ галилейскій, емуже имя Назаретъ, къ дѣвѣ обрученнѣй мужеви, емуже имя Іо-

---

*Во днехъ онѣхъ, зачатъ Елисаветъ жена Захаріина:**

Лук.

сифъ. отъ дому Давидова: и имя Дѣвѣ Маріамъ. И вшедъ къ ней ангелъ, рече: радуйся благодатная. Господь съ тобою: благословена ты въ женахъ. Она же видѣвши смутися о словеси его: и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе. И рече ангелъ ей: не бойся Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога. Въ мѣсяцъ *шестый*, считая отъ времени зачатія Іоанна. Говоритъ, что Дѣва обручена была мужу изъ дома Давидова, чтобы показать, что и она происходила изъ Давидова же рода; ибо такой былъ законъ, чтобы обѣ половины (въ бракѣ) были изъ одного и тогоже рода и изъ одного и тогоже колѣна (Чис. 36. 6. 9). Поелику Господь сказалъ Евѣ: *въ болѣзнехъ родиши чада* (Быт. 3, 16); теперь эту болѣзнь разрѣшаетъ та радость, какую приноситъ Дѣвѣ ангелъ, говоря: *радуйся благодатная*. Поелику Ева была проклята; Марія теперь слышитъ: *благословена ты*. Марія размышляла о привѣтствіи, каково оно: не гнусное ли и порочное, каково обращеніе мущины къ дѣвицѣ, или божественное, такъ какъ въ привѣтствіи упомянуто и о Богѣ: *Господь съ тобою*. Ангелъ, во-первыхъ, успокоиваетъ сердце ея отъ страха, чтобы она приняла божественный отвѣтъ въ невозмутимомъ положеніи; ибо въ состояніи смущенія она не могла бы должнымъ образомъ выслушать имѣющее сбыться потомъ, какъ-бы въ изъясненіе вышесказаннаго слова *благодатная*, говоритъ: *обрѣла бо еси благодать у Бога*. Ибо быть облагодатствованнымъ значитъ получить благодать у Бога, то есть, угодить Богу. Но это (счастіе) общее: ибо и другія многія получили благодать у Бога: а приносимое Маріи привѣтствіе не идетъ еще ни къ кому.

И се зачнеши во чревѣ, и родиши сына: и наречеши имя ему Іисусъ. Сей будетъ велій, и Сынъ Вышняго наречется, и дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида отца его: И воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію его не будетъ конца. Се зачнеши: этого преимущества не удостоилась еще никакая другая (дѣва). Сказалъ: *во чревѣ;* этимъ показывается, что Господь существенно воплотился изъ самыхъ ложеснъ Дѣвы. Пришедшій для спасенія нашего рода справедливо названъ *Іисусомъ:* ибо имя сіе, въ переводѣ на греческій языкъ, означаетъ: спасеніе отъ Бога. *Іисусъ,* по толкованію, значитъ Спаситель, потому что и спасеніе называется іаѡ (ἰαῶ). *Будетъ,* говоритъ, *велій, и Сынъ вышняго наречется.* Великъ былъ и Іоаннъ, но еще не былъ и сыномъ Вышняго. А Спаситель—*великъ* по своему ученію, и—*Сынъ Вышняго* тоже по ученію, ибо Онъ училъ какъ имѣющій власть, и по совершенію дивныхъ чудесъ. Называется Сыномъ Вышняго видимый человѣкъ: ибо такъ какъ лице (ὑπόστασις) было одно, поистинѣ былъ Сыномъ Вышняго человѣкъ, сынъ Дѣвы. Слово было Сыномъ Вышняго и прежде вѣковъ, но не называлось такъ, и не было извѣстно; когда же воплотилось и явилось во плоти, тогда и названъ Сыномъ Вышняго видимый и творящій чудеса. Слыша о *престолѣ Давидовѣ,* не подумай о царствѣ чувственномъ, но разумѣй о божественномъ, которымъ Онъ воцарился надъ всѣми народами божественною проповѣдію. *Домъ Іакова* суть увѣровавшіе какъ изъ евреевъ, такъ точно и изъ другихъ народовъ; ибо таковые собственно (κυρίως) суть Іаковъ и Израиль. Какъ же говорится, что

Лук.

Онъ возсѣлъ на престолѣ Давидовѣ? Слушай. Давидъ былъ меньшій между братьями своими: и Господь былъ въ презрѣніи и поношеніи какъ ядца и винопійца и сынъ древодѣлателя, и въ безчестіи даже у своихъ братьевъ, сыновей Іосифовыхъ. *Ни братія бо его*, сказано, *вѣроваша въ него* (Іоан. 7, 5). Давидъ, не смотря на благотворительность, былъ гонимъ: и на Господа, творящаго чудеса, клеветали и бросали камни. Давидъ побѣдилъ и воцарился кротостію: и Господь воцарился, принявши крестъ по кротости. Итакъ видишь ли, въ какомъ смыслѣ говорится, что Онъ возсѣлъ на престолѣ Давидовѣ? Какъ Давидъ принялъ чувственное царство, такъ Господь принялъ духовное царствованіе, которому *не будетъ конца*. Ибо царствованію Христову, то есть, богопознанію и христіанству, не будетъ конца. Ибо мы и въ гоненіи сіяемъ благодатію Христовою.

Рече же Маріамъ ко ангелу: како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю? И отвѣщавъ ангелъ рече ей: Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя, тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій. Дѣва сказала: *како будетъ сіе,* не потому, что она какъбы не повѣрила, но потому, что она, какъ мудрая и разумная, желала узнать образъ настоящаго событія: ибо ничего подобнаго не было прежде сего, ни послѣ сего не будетъ. Посему и ангелъ прощаетъ ей, и не осуждаетъ какъ Захарію, но еще объясняетъ образъ (событія). Захарія справедливо осуждается: онъ имѣлъ много примѣровъ, такъ какъ многія неплодныя раждали, а Дѣва не имѣла ни одного примѣра. *Духъ Свя-*

тый, говоритъ, *найдетъ на тя,* устрояя утробу твою плодоносною, и созидая плоть для единосущнаго Слова. *И сила Вышняго,* Сынъ Божій, ибо Христосъ—сила Божія (1 Кор. 1, 24), *осѣнитъ тя,* то есть, покроетъ тебя, окружитъ тебя со всѣхъ сторонъ. Ибо какъ птица осѣняетъ совершенно своихъ птенцовъ, накрывая своими крыльями, такъ сила Божія объяла Дѣву совершенно (*ὅλην*); сіе и значитъ: *осѣнитъ.* Быть можетъ, иной скажетъ: какъ живописецъ сначала набрасываетъ тѣнь, потомъ раскрашиваетъ окончательно, такъ и Господь, созидая самъ Себѣ плоть, и составляя образъ человѣка, сначала оттѣнилъ плоть во утробѣ Матери, смѣсивъ ее изъ кровей Приснодѣвы, а потомъ образовалъ ее. Но это сомнительно. Ибо одни говорятъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Господь осѣнилъ утробу Дѣвы, тотчасъ же сталъ совершенный младенецъ; а другіе не принимаютъ сего. Выслушай же, что говоритъ: *тѣмже и раждаемое свято,* то есть, растущее во утробѣ твоей постепенно, а не вдругъ явившееся въ совершенномъ видѣ. Отселѣ и уста Несторія заграждаются. Ибо онъ говорилъ, что не Сынъ Божій, обитавшій во утробѣ Дѣвы, воплотился, но простой (*ψιλὸς*) человѣкъ, родившійся отъ Маріи, сталъ имѣть въ послѣдствіи Бога своимъ спутникомъ. Пусть же слышитъ, что раждаемое во утробѣ, именно оно, было Сынъ Божій; не иной былъ носимый во чревѣ, и иной—Сынъ Божій, но одинъ и тотъ же былъ сынъ Дѣвы и Сынъ Божій. Смотри, какъ указалъ и на святую Троицу, поименовавъ Духа Святаго, силу—Сына, Вышняго—Отца.

Лук.

И се Елисаветь южика твоя, и та зачать сына въ старости своей: и сей мѣсяць шестый есть ей нарицаемѣй неплоды. Яко не изнеможеть у Бога всякъ глаголъ. Рече же Маріамъ: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему. И отъиде отъ нея ангелъ. Быть можетъ, иной недоумѣваетъ, какъ Елисавета была сродницею Дѣвѣ, когда Дѣва была изъ колѣна Іудина, а Елисавета—изъ дщерей Аароновыхъ. Ибо законъ требовалъ, чтобы браки были изъ одного и тогоже колѣна, а потому и родство находилось между происходившими отъ одного и тогоже колѣна. На сіе можно сказать и то, что со времени плѣна роды смѣшались, а лучше—слѣдующее: Ааронъ имѣлъ женою Елисавету, дочь Аминадава, а сей былъ изъ колѣна Іудина. Видишь ли, что Богоматерь была сродницею Елисаветѣ съ самаго начала, отъ Аарона. Поелику жена Аарона происходила изъ колѣна Іудина, изъ котораго была и Богоматерь, а Елисавета была изъ дщерей Аароновыхъ: слѣдовательно Елисавета—сродница Богоматери. Ибо праматерь ея, жена Аарона, была изъ колѣна Іудина. Смотри и на преемство родства: жена Аарона—Елисавета и жена Захаріи—Елисавета, какъ отъ нея происходящая. Но посмотримъ, что говоритъ Дѣва. *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему:* я—дска живописца: пусть пишетъ писецъ, что онъ хочетъ; пусть творитъ Господь, что Ему угодно. Очевидно, прежде сказанное: *како будетъ сіе*, было выраженіемъ не невѣрія, а желанія узнать образъ: ибо еслибъ не вѣрила, не сказала бы: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему.* Знай и то, что Гавріилъ значитъ человѣкъ Бо-

жій, Маріамъ—госпожа, а Назаретъ—освященіе. Посему, когда Богъ имѣлъ содѣлаться человѣкомъ, *прилично посылается Гавріилъ, который означаетъ: человѣкъ Божій; да и привѣтствіе совершается въ святомъ мѣстѣ, то есть, въ Назаретѣ; ибо гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ ничего нечистаго.

Воставши же Маріамъ во дни тыя, иде въ горняя со тщаніемъ, во градъ Іудовъ. И вниде въ домъ Захаріинъ, и цѣлова Елисаветъ. И бысть, яко услыша Елисаветъ цѣлованіе Маріино, взыграся младенецъ во чревѣ ея: и исполнися Духа Свята Елисаветъ. И возопи гласомъ веліимъ, и рече: благословена ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего.* Дѣва, услышавъ отъ ангела, что Елисавета зачала, поспѣшила къ ней, частію радуясь благополучію сродницы, а частію, какъ весьма благоразумная, желая окончательно увѣриться въ томъ, истину ли сказалъ явившійся ей, дабы, по справедливости сказаннаго объ Елисаветѣ, не сомнѣваться и въ касающемся ея самой. Ибо хотя она и надѣялась, но все же боялась, чтобы какъ-нибудь не обмануться, и это—не по невѣрію, но по желанію точнѣе узнать дѣло. Захарія жилъ въ нагорной странѣ; посему Дѣва туда и спѣшитъ. А Іоаннъ, получивъ нѣкоторое особенное дарованіе предъ прочими людьми, играетъ въ утробѣ матери, почему онъ и больше пророковъ (Матѳ. 11, 9): ибо они пророчествовали послѣ своего рожденія, а онъ удостоился такого дарованія, будучи еще въ утробѣ матери. Смотри: Дѣва привѣт-

Зач. 4.

---

*Во дни оны, воставши Маріамъ**

Лук.

ствовала Елисавету, то есть, начала рѣчь съ нею. Итакъ голосъ Дѣвы былъ голосъ воплощающагося въ ней Бога, а потому Онъ и предтечу удостоилъ благодати еще во чревѣ и содѣлалъ пророкомъ. Ибо пророчественныя слова Елисаветы къ Маріи были слова не Елисаветы, а младенца; а уста Елисаветы только послужили ему, подобно какъ и уста Маріи послужили сущему во утробѣ ея—Сыну Божію. Ибо Елисавета тогда исполнилась Духомъ, когда младенецъ взыгралъ во чревѣ: если бы младенецъ не взыгралъ, она не пророчествовала бы. Какъ о пророкахъ говорятъ, что они прежде приходили въ вышеестественное состояніе и вдохновлялись, а потомъ пророчествовали: такъ, можетъ быть, и Іоаннъ, какъ-бы вдохновившись, прежде взыгралъ, потомъ устами матери пророчествовалъ. Что же пророчествовалъ? *Благословена ты въ женахъ*. Потомъ, поелику многія святыя жены раждали недостойныхъ дѣтей, напримѣръ, Ревекка Исава, говоритъ: *и благословенъ плодъ чрева твоего*. Можно разумѣть и иначе: *благословена ты въ женахъ*. Потомъ, какъ-бы кто спрашивалъ: почему? высказываетъ причину: ибо благословенъ плодъ чрева твоего, то есть, ибо плодъ чрева твоего—Богъ, такъ какъ одинъ Богъ благословенъ, какъ и Давидъ говоритъ: *благословенъ грядый* (Пс. 117, 26). Ибо въ Писаніи обычно употребленіе союза *и* вмѣсто союза *ибо;* напримѣръ: даждь намъ помощь, *и* суетно спасеніе человѣческо (Пс. 59, 13), вмѣсто: *ибо* суетно спасеніе человѣческо; и опять: се ты разгнѣвался еси, *и* мы согрѣшихомъ (Иса. 64, 5), вмѣсто: *ибо* мы согрѣшихомъ. Называетъ Господа *плодомъ чрева*

Богоматери, потому что зачатіе было безъ мужа. Прочіе младенцы суть рожденія отцовъ; а Христосъ плодъ одной утробы Богоматери, ибо она одна понесла Его.

И откуда мнѣ сіе, да пріиде мати Господа моего ко мнѣ? Се бо, яко бысть гласъ цѣлованія твоего во ушію моею, взыграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ. И блаженна вѣровшая, яко будетъ совершеніе глаголаннымъ ей отъ Господа. Какъ въ послѣдствіи, когда Христосъ пришелъ креститься, Іоаннъ возбранялъ Ему изъ благоговѣнія, говоря: *нѣсмь достоинъ* (Мато. 3, 14. 11), такъ и теперь вѣщаетъ чрезъ свою мать: *откуда мнѣ сіе, да пріиде мати Господа моего ко мнѣ*, именуя чревоносящую матерью, прежде чѣмъ она родила Господа. Прочихъ женъ, прежде чѣмъ онѣ родятъ, не принято называться матерями, изъ опасенія неблагополучныхъ родовъ, то есть, извержснія; а относительно Дѣвы такого подозрѣнія никакъ не было. Марія! и прежде, чѣмъ ты родила, ты—мать, и блаженна, потому что повѣрила, что будетъ исполненіе сказаннаго тебѣ Господомъ.

И рече Маріамъ: величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ. Яко призрѣ на смиреніе рабы своея: се бо отнынѣ ублажатъ мя вси роди. Яко сотвори мнѣ величіе Сильный, и свято имя его: И милость его въ роды родовъ боящимся его. Дѣва, будучи совершенно увѣрена въ истинѣ предсказаннаго ей, славословитъ Бога, приписывая чудо не себѣ, а Ему: ибо Онъ, говоритъ, призрѣлъ на меня смиренную, а не я воззрѣла на Него; Онъ явилъ мнѣ милость, а не я Его взыскала. И *отнынѣ ублажатъ мя*

вси роди, не одна Елисавета, но и роды вѣрующихъ. За что же ублажать? Ужели за мою добродѣтель? Нѣтъ! Но за то, что Богъ явилъ надо мною величіе. Наименовала Его *сильнымъ*, чтобы всякій вѣрилъ словамъ ея, принимая во вниманіе, что Господь силенъ сдѣлать это. *Имя Его* назвала *святымъ*, чтобы показать, что Чистѣйшій, зачинаясь во утробѣ жены, нисколько не оскверняется, но пребываетъ святъ. Не ко мнѣ одной *милость Его*, но и ко всѣмъ боящимся Его; ибо не боящіеся Его, но совершенно недостойные, не получаютъ милостей. Сказавши, что милость Божія *въ родъ и родъ*, указала на то, что боящіеся Бога милость получаютъ и въ нынѣшнемъ родѣ, то есть, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и въ будущемъ родѣ, то есть, въ безконечномъ вѣкѣ; ибо и здѣсь получаютъ во сто кратъ, а тамъ еще болѣе (Матѳ. 19, 29). Внимай: прежде душа величаетъ Господа, потомъ духъ радуется. Или что тоже: величаетъ Бога тотъ, кто ходитъ достойно Бога. Ты называешься христіаниномъ: не умаляй же достоинства и имени Христова чрезъ недостойныя дѣла, но величай оное чрезъ совершеніе великихъ и небесныхъ дѣяній. Тогда и духъ твой возрадуется, то есть, духовное дарованіе, полученное тобою чрезъ великія дѣла, взыграетъ и благоуспѣетъ, а не сократится, и, такъ сказать, умертвится. Знай и то, что Писаніе, повидимому, просто называетъ духомъ и душою πνεῦμα καὶ ψυχὴν одно и тоже, но собственно оно различаетъ. Ибо оно называетъ душевнымъ человѣкомъ того, кто живетъ по естеству и руководится человѣческими помыслами, напримѣръ, въ случаѣ голода ѣстъ, врага ненавидитъ и вообще ни въ чемъ не представляется возвышающим-

ся надъ естествомъ; а духовнымъ называетъ того, кто побѣждаетъ законы природы, и не мудрствуетъ ни о чемъ человѣческомъ. Таково въ Писаніи различіе между душою и духомъ (1 Кор. 2, 14. 15 Гал. 6, 8.) Быть можетъ, врачи различаютъ ихъ иначе; но намъ нужно внимать Писанію, а врачи пусть заблуждаютъ.

Сотвори державу мышцею своею, расточи гордыя мыслію сердца ихъ. Низложи сильныя со престолъ, и вознесе смиренныя. Алчущыя исполни благъ: и богатящыяся отпусти тщы. Воспріятъ Ісраиля отрока своего, помянути милости, якоже глагола ко отцемъ нашимъ, Авраму, и сѣмени его до вѣка. Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы: и возвратися въ домъ свой. Мышца отца—Сынъ: итакъ Богъ и Отецъ въ Сынѣ своемъ явилъ власть и силу надъ природою; ибо при воплощеніи Сына природа побѣждена: Дѣва—родила, Богъ—содѣлалѣя человѣкомъ, а человѣкъ—Богомъ (θεοθέντος). Господь *расточилъ гордыхъ* бѣсовъ, изгнавъ ихъ изъ душъ человѣческихъ и пославъ однихъ въ бездну, а другихъ—въ свиней. Можно разумѣть и объ іудеяхъ, которыхъ разсѣялъ по всякой странѣ, и которые и понынѣ въ разсѣяніи. *Низложи сильныя со престолъ*, то есть, бѣсовъ, которые господствовали надъ людьми и въ душахъ человѣческихъ имѣли престолы, покоясь въ нихъ. Но и фарисеи суть сильные, какъ похитители принадлежащаго бѣднымъ, и, какъ учители, имѣютъ престолы, съ коихъ они низложены. *Вознесе смеренныя*, людей или язычниковъ, коихъ грѣхъ смирилъ; вознесъ ихъ, даровавши имъ сыноположеніе; подобно какъ и алчущихъ, тѣхъ же са-

мыхъ, то есть, язычниковъ (ибо они не имѣли писаній, закона или заповѣдей) исполнилъ благами отъ Писаній; а іудеевъ, богатящихся закономъ и заповѣдями, выслалъ внѣ Іерусалима, горняго и дольняго, лишенными всякаго блага. Ибо іудеи нынѣ не имѣютъ ничего, хотя и кажутся имѣющими. *Воспріятъ Ісраиля отрока своего.* Говорится или о чувственныхъ израильтянахъ: ибо многіе десятки тысячъ и изъ нихъ увѣровали, и исполнилось обѣтованіе Бога Аврааму, сказавшаго ему: *о сѣмени твоемъ благословятся вся племена земная* (Быт. 12, 3); или говорится объ израилѣ духовномъ: ибо всякъ видящій Бога называется израилемъ, такъ какъ имя сіе означаетъ: видящій Бога; итакъ воспріялъ сихъ видящихъ Бога, возведши въ небесное наслѣдіе. — Марія пребыла съ Елисаветою около трехъ мѣсяцевъ, потомъ возратилась. Поелику Елисавета имѣла родить, то Дѣва удаляется ради множества имѣющихъ собраться къ рожденію; ибо Дѣвѣ неприлично находиться при такихъ обстоятельствахъ. А изъ того, что Дѣва возратилась при наступленіи для Елисаветы времени родить, видно, что ангелъ пришелъ къ Маріи въ шестый мѣсяцъ отъ зачатія предтечи; да Марія пребыла съ Елисаветою около трехъ мѣсяцевъ; вотъ почти и девять мѣсяцевъ.

Елисаветы же исполнися время родити ей: и роди сына. И слышаша окрестъ живущіи, и ужики ея, яко возвеличилъ есть Господь милость свою съ нею, и радовахуся съ нею. И бысть, во осмый день пріидоша обрѣзати отроча, и нарицаху е именемъ отца его, Захарію. И отвѣщавши мати его рече: ни, но да наречется Іо-

аннъ. И рѣша къ ней: яко никтоже есть въ родствѣ твоемъ, иже нарицается именемъ тѣмъ. И помаваху отцу его, еже како бы хотѣлъ нарещи е? И испрошь дщицу, написа глаголя: Іоаннъ будетъ имя ему, и чудяхуся вси. Отверзошася же уста его абіе, и языкъ его: и глаголаше благословя Бога. Дѣва пребыла съ Елисаветою около трехъ мѣсяцевъ, быть можетъ, потому, что поражена была чудомъ и нуждалась въ нѣкоторомъ утѣшеніи, какое могла находить въ пребываніи съ Елисаветою; но когда приблизилось рожденіе, она удалилась. *Когда Елисаветѣ исполнилось время родить:* нужно замѣтить, что о грѣшникахъ не говорится—исполнилось время родить, но только тамъ сіе говорится, гдѣ раждающійся—праведенъ. Ибо роды грѣшниковъ обыкновенно несовершенны и неполны, и лучше бы для нихъ, еслибъ они не раждались.—Почему имя давалось послѣ обрѣзанія? Потому, что прежде нужно получить печать отъ Бога, а потому уже и человѣческое имя. Иначе: обрѣзаніе означаетъ отверженіе плотскихъ свойствъ. Ибо никто недостоинъ именоваться воиномъ Божіимъ и быть вписаннымъ по имени въ книгѣ небесной, прежде чѣмъ отвергнетъ и отсѣчетъ плотскія свойства. Елисавета говорила о имени, что имя его Іоаннъ, какъ пророчица. А можетъ быть, Іоаннъ и самъ назначилъ себѣ имя; ибо онъ сообщилъ матери пророчественный даръ. Захарія, не будучи въ силахъ объявить имя знаками, проситъ дщицу; и когда онъ относительно имени дитяти оказался совершенно согласенъ съ женою, всѣ удивились. Ибо не было сего имени въ родствѣ ихъ, и никто не могъ сказать, что оба они уговорились

Лук.

о семъ еще прежде времени. Іоаннъ значитъ: благодать Божія; посему и отецъ тотчасъ получилъ благодать, и пророчествуетъ прежде о Христѣ, а потомъ и о сынѣ.

И бысть на всѣхъ страхъ живущихъ окрестъ ихъ: и во всей странѣ іудейстѣй повѣдаеми бяху вси глаголи сіи. И положиша вси слышавшіи въ сердцѣ своемъ, глаголюще: что убо отроча сіе будетъ? и рука Господня бѣ съ нимъ. И Захаріа отецъ его исполнися Духа Свята, и пророчествова, глаголя: Благословенъ Господь Богъ Ісраилевъ, яко посѣти, и сотвори избавленіе людемъ своимъ: И воздвиже рогъ спасенія намъ, въ дому Давида отрока своего: Якоже глагола усты святыхъ сущихъ отъ вѣка пророкъ его. Спасеніе отъ врагъ нашихъ, и изъ руки всѣхъ ненавидящихъ насъ: Сотворити милость со отцы нашими, и помянути завѣтъ святый свой: Клятву, еюже клятся ко Аврааму отцу нашему, дати намъ, безъ страха изъ руки врагъ нашихъ избавльшимся. Служити ему преподобіемъ и правдою предъ нимъ вся дни живота нашего. При чудесномъ проглаголаніи Захаріи на всѣхъ напалъ страхъ; ибо какъ при наложеніи на него молчанія народъ пришелъ въ изумленіе; такъ и теперь, когда онъ началъ снова говорить, (изумляются), такъ что по симъ двумъ чудесамъ всѣ могли уразумѣть, что родившійся выше многихъ. Все это было по особенному смотрѣнію, чтобы имѣющій свидѣтельствовать о Христѣ былъ принятъ съ полнымъ довѣріемъ и чтобы всѣ убѣдились изъ самаго рожденія Іоаннова, что онъ выше многихъ. Захарія благословляетъ Бога, призрѣвшаго на израильтянъ. Онъ

дѣйствительно пришелъ къ погибшимъ овцамъ дома израилева, но очень многіе изъ нихъ не захотѣли принять благодати, почему Онъ и призрѣлъ на истинныхъ израильтянъ, то есть, на тѣхъ, кои увѣровали. *Воздвиже рогъ спасенія,* то есть, силу и царство спасительное. Ибо *рогъ* значитъ или силу, такъ какъ рогатыя животныя имѣютъ силу въ рогахъ, или царство, ибо цари помазывались изъ рога. Христосъ есть сила и царство Отца; итакъ для насъ возсталъ рогъ спасенія—Христосъ. Ибо Онъ, повидимому, почивалъ, когда не обращалъ вниманія на многіе грѣхи, и долготерпѣлъ идолобѣсію; но когда Онъ воплотился въ послѣднія времена, Онъ возсталъ и сокрушилъ всѣхъ ненавидящихъ насъ бѣсовъ, не продолжаетъ уже покоиться и долготерпѣть. Воздвиже *въ дому Давида,* то есть, въ Виѳлеемѣ; ибо тамъ Онъ родился. Виѳлеемъ, разумѣется, городъ Давидовъ, какъ говорили пророки. Ибо всѣ они говорили о воплощеніи, а Михей упомянулъ и о домѣ Давидовомъ, то есть, Виѳлеемѣ, говоря: *и ты Виѳлееме, ничимже менши еси. Изъ тебе бо изыдетъ вождь* (Мѳ. 2, 6. и Мих. 5, 2).—*Сотворилъ милость,* не только съ живыми, но и *съ отцами нашими.* Ибо благодать Христова простерлась и на нихъ, хотя они уже умерли. Именно: намъ живымъ Онъ даровалъ надежду воскресенія, и мы воскреснемъ; но не мы только удостоимся этого благодѣянія, а и тѣ, кои прежде скончались. Ибо вся природа получила это благо. И иначе: *сотворилъ милость съ отцами,* въ томъ, что исполнилъ ожиданія ихъ; ибо чего они надѣялись, то увидѣли на Христѣ исполнившимся. Да и дѣтей своихъ видя въ

блаженствѣ отъ толикихъ благъ, отцы радуются, и, участвуя въ радости, принимаютъ милость, какъ-бы для нихъ самихъ сдѣланную. О какомъ упомянулъ завѣтѣ и о какой клятвѣ, данной Аврааму? Безъ сомнѣнія, о сей: *благословя благословлю тя, и умножая умножу тя* (Быт. 22, 17). Авраамъ дѣйствительно умножился теперь, какъ всѣ народы чрезъ вѣру сдѣлались его сынами; ибо какъ онъ увѣровалъ, такъ и они чрезъ вѣру сдѣлались ему сынами.—*Избавилъ насъ отъ враговъ безъ страха*. Часто иные избавляются, но со страхомъ и многими трудами и борьбою: а Христосъ распялся за насъ, безъ всякаго съ нашей стороны труда, и избавилъ наконецъ безъ страха, то есть, безъ опасности. Для чего же Онъ избавилъ насъ? Не для того ли, чтобъ мы жили въ удовольствіяхъ? Нѣтъ: но для того, чтобы мы служили Ему, и не день, не два дня, но всякій день, и служили не плотскимъ только поклоненіемъ и служеніемъ, но преподобіемъ и правдою. Преподобіе есть праведность въ отношеніи къ Богу, а правда—справедливость въ отношеніи къ людямъ. Напримѣръ: кто держитъ себя въ удаленіи отъ священныхъ предметовъ и не прикасается нечестиво къ вещамъ божественнымъ, но сохраняетъ совершенное уваженіе къ тому, что̀ досточтимо, тотъ преподобенъ; равно преподобенъ и тотъ, кто почитаетъ родителей, ибо и они суть домашніе боги. А кто нелюбостяжателенъ, ни хищникъ, ни воръ, ни прелюбодѣй, ни блудникъ, тотъ—праведенъ. Такимъ образомъ должно служить Богу *преподобіемъ*, то есть, благоговѣніемъ къ божественнымъ предметамъ, и *правдою*, то есть, похвальнымъ образомъ жизни въ отноше-

ніяхъ человѣческихъ, служить предъ нимъ, а не предъ людьми, какъ человѣкоугодники и лицемѣры.

И ты, отроча, пророкъ Вышняго наречешися: предъидеши бо предъ лицемъ Господнимъ, уготовати пути его: Дати разумъ спасенія людемъ его, во оставленіе грѣхъ ихъ, Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихже посѣтилъ есть насъ востокъ свыше: Просвѣтити во тмѣ и сѣни смертнѣй сѣдящыя, направити ноги наша на путь миренъ. Отроча же растяше и крѣпляшеся духомъ: и бѣ въ пустыняхъ до дне явленія своего ко Іcраилю. Кажется страннымъ, что Захарія говоритъ такія слова дитяти. Ибо съ младенцемъ, ничего еще непонимающимъ, несвойственно бесѣдовать. Можно на это сказать, что дитя сіе какъ рожденіе имѣло необычайное,—ибо въ пришествіе Маріи оно играло и пророчествовало во утробѣ,—такъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, если оно и послѣ рожденія понимало слова отца. *Предъидеши,* говоритъ, *предъ Господомъ,* оставивъ меня вскорѣ. Ибо Захарія зналъ, что немного спустя онъ лишится Іоанна, такъ какъ сей имѣетъ удалиться въ пустыню. Зачѣмъ же предъидеши? Затѣмъ, чтобы *уготовати пути Господни.* А пути суть души, къ коимъ Господь приходитъ. Итакъ предтеча приготовилъ души къ тому, чтобы въ нихъ ходить Господу. Какъ же онъ приготовилъ ихъ? Чрезъ сообщеніе людямъ познанія о спасеніи. Спасеніе есть Господь Іисусъ. Итакъ Іоанномъ преподано людямъ познаніе о спасеніи, то есть, о Христѣ: ибо Іоаннъ свидѣтельствовалъ объ Іисусѣ. Познаніе заключалось въ отпущеніи грѣховъ: ибо Господь иначе не былъ бы и признанъ Богомъ.

еслибъ не отпускалъ грѣховъ народу. Ибо отпускать грѣхи свойственно Богу. А Онъ простилъ намъ грѣхи, по благоутробію милости, не за наши дѣла: ибо мы не сдѣлали ничего добраго; а Онъ, называемый Востокъ, призрѣлъ на насъ свыше. Ибо Онъ есть Солнце правды, и возсіялъ намъ, бывшимъ во тмѣ, то есть, въ грѣхѣ. Два зла господствовали надъ природою человѣческою: незнаніе о Богѣ, въ которомъ находились язычники, и грѣхъ, который имѣли евреи, хотя и знали Бога. Итакъ Онъ явился природѣ человѣческой, чтобы освѣтить и *сущихъ во тмѣ*, то есть, въ невѣдѣніи и безбожіи, и *сидящихъ въ тѣни смертной*, то есть, въ грѣхѣ. А грѣхъ есть тѣнь смерти, въ томъ, думаю, смыслѣ, что какъ тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ, такъ гдѣ смерть, тамъ и грѣхъ. Напримѣръ: изъ того, что Адамъ умеръ, ясно, что былъ и грѣхъ. Равно и смерть Христову найдешь не безъ грѣха: ибо Христосъ умеръ, но за наши грѣхи. Посему грѣхъ, всегда сопровождаемый смертію, справедливо называется тѣнію смерти. Можно и другое сказать на это, и, думаю, мы сказали при изъясненіи евангелія Матѳея. Но достаточно ли только возсіять омраченнымъ? Нѣтъ; нужно еще направить ноги наши на путь мира, то есть, праведности. Ибо какъ грѣхъ есть вражда съ Богомъ, такъ праведность — миръ. Итакъ путь мира есть праведный образъ жизни, къ которому направилъ стопы нашихъ душъ возсіявшій свыше Христосъ.—Отроча возрастало тѣломъ и укрѣплялось духомъ; ибо съ тѣломъ возрастало и духовное дарованіе, и чѣмъ болѣе расло дитя, тѣмъ болѣе об-

наруживались и силы духа, такъ какъ орудіе (тѣло) было способно вмѣщать ихъ. — Для чего Іоаннъ былъ въ пустыняхъ? Для того, чтобы ему жить внѣ злобы многихъ, и, не стыдясь (ложно) никого, обличать съ дерзновеніемъ,—ибо еслибъ онъ былъ въ мірѣ, то быть можетъ, отъ сожительства и общенія съ людьми утратилъ бы чистоту,—а вмѣстѣ и для того, чтобы, когда будетъ проповѣдывать о Христѣ, пользоваться полнымъ довѣріемъ, какъ пустыннику и превосходящему другихъ жизнію. Въ пустыняхъ скрывался онъ дотолѣ, когда Богъ благоволилъ явить его народу израильскому.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О переписи.—О разрѣшеніи Маріи.—О пастыряхъ.—О Симеонѣ.—Объ Аннѣ пророчицѣ.—Объ Іисусѣ, найденномъ среди учителей.

Бысть же во дни тыя, изыде повелѣніе отъ Ке-* Зач.
саря Августа, написати всю вселенную. Сіе написаніе 5.
первое бысть владящу Сиріею Киринію. И идяху вси написатися, кождо во свой градъ. Взыде же и Іосифъ отъ Галилеи, изъ града Назарета во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Виѳлеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова; Написатися съ Маріею обрученою ему женою, сущею непраздною. Бысть же, егда быша тамо, исполнишася дніе родити ей. И роди сына своего первенца, и повитъ его, и положи его въ яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста во обители. Пере-

---

Во днехъ онѣхъ *

пись происходитъ для того, чтобы, когда всякій пойдетъ въ свое отечество, и Дѣва пришла въ Виѳлеемъ, свое отечество, и такимъ образомъ Господь родился въ Виѳлеемѣ, и исполнилось пророчество. Когда единый Богъ имѣлъ прекратить многобожіе, прилично было и державствовать одному царю — Кесарю. Вмѣстѣ со всѣми записывается и Христосъ. Господу и слѣдовало записываться со вселенною, чтобы освятить записывающихся и упразднить рабство; ибо какъ, претерпѣвъ обрѣзаніе, Онъ упразднилъ обрѣзаніе, такъ, записавшись какъ рабъ, упразднилъ рабство нашей природы. Ибо работающіе Господу уже не суть рабы людей, какъ говоритъ апостолъ: *не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. 7, 23. 22), но если по тѣлу и рабы, то по духу свободны, не увлекаясь нечестіемъ господъ.—Господа справедливо назвалъ сыномъ Дѣвы, *первенцемъ*, хотя никакого другаго Она не родила. Ибо рожденный первымъ называется первороднымъ, хотя бы послѣ него и не раждался другой. — Полагается въ ясляхъ, быть можетъ, для того, чтобы отъ начала научить насъ смиренію, а быть можетъ, и для того, чтобы символически показать, что Онъ явился въ міръ сей—мѣсто, обитаемое нами, уподобившимися неразумнымъ скотамъ (Псал. 48, 13, 21). Ибо какъ ясли принадлежатъ скотамъ, такъ и міръ сей — намъ. Итакъ міръ—ясли, а мы—неразумныя животныя; а чтобы искупить насъ отъ неразумія, для сего Онъ и явился здѣсь.

И пастыріе бѣху въ тойже странѣ, бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ. И се ангелъ

Господень ста въ нихъ, и слава Господня осія ихъ: и убояшася страхомъ веліимъ. И рече имъ ангелъ: не бойтеся, се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ: Яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ. И се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита, лежаща въ яслѣхъ. И внезапу бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога, и глаголющихъ: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе.—Пастыріе бяху пасуще, то есть, играли полевую пѣснь, или расположились и жили въ полѣ. Ангелъ является имъ за простоту ихъ нрава и незлобіе, такъ какъ они видимо подражаютъ образу жизни праведныхъ: ибо и древніе патріархи, Іаковъ, Моvсей и Давидъ, были пастырями. Ангелъ не явился въ Іерусалимѣ фарисеямъ или книжникамъ, ибо они были вмѣстилищемъ всякой злобы; а тѣ, не будучи коварны, удостоились божественныхъ видѣній. Господь показалъ симъ, что Онъ съ самаго начала избралъ и сдѣлалъ проповѣдниками тѣхъ, которые простосердечнѣе другихъ. Ибо они пошли и стали проповѣдывать обо всемъ этомъ.—Ангелъ благовѣстилъ великую радость, которая, сказалъ, будетъ для всѣхъ людей; собственно для людей Божіихъ. Ибо не всѣ іудеи—народъ Божій. Но воплощеніе Бога было радостію и для всего рода человѣческаго.—Что означаетъ пѣснь ангеловъ? Безъ сомнѣнія, благодарность горнихъ чиновъ и радость тому, что мы, живущіе на землѣ, облагодѣтельствованы. Ибо говорятъ: слава Богу, на землѣ теперь насталъ миръ. Прежде природа человѣческая была во

враждѣ съ Богомъ; а теперь такъ примирилась, что стала въ союзѣ съ Богомъ, и соединилась съ Нимъ въ воплощеніи. Итакъ видишь ли миръ Бога съ человѣкомъ? Можно разумѣть и иначе. Самъ Сынъ Божій есть миръ; ибо говоритъ: *Азъ есмь миръ* (Іоан. 14, 27. 16, 33). Итакъ самый миръ, Сынъ Божій, явился на землѣ. И *въ человѣцѣхъ благоволеніе,* то есть, упокоеніе Божіе. Ибо теперь Богъ упокоился, и обрѣлъ богоугожденіе въ людяхъ, тогда какъ прежде не благоволилъ и не находилъ въ людяхъ угожденія Себѣ.

И бысть, яко отъидоша отъ нихъ на небо ангели, и человѣцы пастыріе рѣша другъ ко другу: прейдемъ до Виѳлеема, и видимъ глаголъ сей бывшій, иже Господь сказа намъ. И пріидоша поспѣшшеся, и обрѣтоша Маріамъ же и Іосифа, и младенца лежаща во яслехъ. Видѣвше же, сказаша о глаголѣ глаголанномъ имъ о отрочати семъ. И вси слышавшіи дивишася о глаголанныхъ отъ пастырей къ нимъ. Пастыри сіи суть образъ духовныхъ пастырей — архіереевъ. Итакъ архіереямъ должно хранить свое стадо и играть (ἀγραυλεῖν), то есть, пѣть нѣчто духовное и учить народъ, и тогда они удостоятся божественнныхъ видѣній и слышаній. Виѳлеемъ значитъ: домъ хлѣба. Какой же это иной домъ хлѣба, какъ не Церковь, въ которой отложенъ оный хлѣбъ (ὁ ἄρτος)? Итакъ дѣло словесныхъ пастырей — искать небесный хлѣбъ, и, когда увидятъ сей хлѣбъ, долгъ ихъ проповѣдывать и другимъ, подобно какъ пастыри, увидѣвши младенца, передавали объ немъ и другимъ.

гл. 2.

Маріамь же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцы своемъ. И возвратишася пастыріе, славяще и хваляще Бога о всѣхъ, якоже слышаша и видѣша, якоже глаголано бысть къ нимъ.* Какіе глаголы соблюдала Дѣва? Иные говорятъ, что тѣ, кои сказалъ ей ангелъ, и тѣ, кои сказали пастыри. Она соблюдала ихъ и слагала въ сердцѣ своемъ, то есть, обсуждала и во всѣхъ находила одну согласную мысль, что Сынъ ея есть Богъ. А мнѣ кажется, что здѣсь глаголами называются событія; говорится какъ-бы такъ: Марія соблюдала всѣ глаголы, то есть, тѣ событія, о которыхъ я теперь говорю, и чрезъ то дѣлаю ихъ словами. Ибо событіе, когда о немъ скажутъ, становится словомъ. Пастыри возратились сь благодарностію Богу за все; ибо они не были завистливы, какъ іудеи. Зач. 6.

*И егда исполнишася осмь дній, да обрѣжутъ его, и нарекоша имя ему Іисусъ, нареченное ангеломъ прежде даже не зачатся во чревѣ, И егда исполнишася дніе очищенія ею по закону Моѵсеову, вознесоста его** во Іерусалимъ, поставивти его предъ Господемъ, Якоже есть писано въ законѣ Господни: яко всякъ младенецъ мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеви наречется: И еже дати жертву, по реченному въ законѣ Господни: два горличища, или два птенца голубина.* Когда законъ далъ заповѣди, тогда нарушители оныхъ подвергались проклятію. Итакъ Господь Зач. 7.

---

*Во время оно, возвратишася**

*Во время оно, вознесоста родителя отроча Іисуса***

обрѣзуется, чтобы, и въ этомъ исполнивъ законъ и не опустивъ ничего изъ заповѣданнаго онымъ, искупить насъ отъ проклятія. Да пристыдятся отселѣ тѣ, кои говорятъ, что воплотился призрачно. Ибо какъ обрѣзанъ, если воплотился призрачно? Изслѣдывать же, гдѣ находится отрѣзанная часть, безполнезно. Ибо не должно изыскивать того, о чемъ Писаніе умолчало. Да это и совершенно безполезно. Можно сказать, что она, по отрѣзаніи, пала на землю и освятила оную, подобно какъ кровь и вода, истекшія изъ ребръ Его. А Онъ извѣстнымъ Ему образомъ сохранилъ частицу эту неврежденною, и по воскресеніи снова воспріялъ оную, чтобы и въ семъ отношеніи не оказаться съ недостаткомъ; подобно какъ и мы въ воскресеніи получимъ тѣло наше въ цѣлости. Примѣчай, что Господь зачался не тотчасъ, какъ ангелъ сказалъ: *се зачнеши*, но послѣ сего,—когда восхотѣлъ. Ибо смотри, что здѣсь говоритъ: *нареченное ангеломъ, прежде даже не зачатся во чревѣ*. Это видно и изъ самаго изреченія; ибо не сказалъ: *се зачинаешь*, но *се зачнеши*. Изъ сего можно заключать, что Господь зачался въ то время, но не въ ту самую минуту, когда говорилъ ангелъ, а можетъ быть, когда окончилъ рѣчь. Впрочемъ мы говоримъ это не утвердительно (ού δογματικῶς). *Исполнишася дніе очищенія єю, по закону Моѵсеву*. Хорошо сказалъ: *по закону Моѵсеову*. Ибо по-истинѣ Дѣва не имѣла необходимости ожидать дней очищенія, которыхъ, въ случаѣ рожденія мужеска пола, было сорокъ. Въ законѣ сказано: *жена, яже зачнетъ* (зачнетъ отъ сѣмени, σπερματισθῇ) *и родитъ мужѣскъ полъ* (Левит. 12 2, 2). А

Дѣва зачала не отъ сѣмени, но родила отъ Духа Святаго. Посему она не имѣла необходимости, а пришла во храмъ по желанію исполнить законъ. Почему же въ случаѣ рожденія мужеская пола дней очищенія—семь, а женска—вдвое? *Жена*, сказано, *яже аще зачнетъ и родитъ мужескъ полъ, нечиста будетъ седмь дней..... Аще же женскъ полъ родитъ, и нечиста будетъ четыренадесять дней* (Левит. 12, 2. 5)? Потому, что родившая мужескій полъ вводитъ въ міръ другаго Адама, а родившая женскій полъ раждаетъ другую Еву—сосудъ слабый и малосильный, сосудъ глиняный разбитый, трость обмана, наставницу преслушанія.—Слова закона: *всякъ младенецъ мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеви*, сбылись собственно на одномъ Христѣ. Ибо Онъ самъ разверзъ ложесна Дѣвы, тогда какъ у прочихъ матерей ложесна разверзаетъ мужъ.—Законъ повелѣвалъ приносить пару горлицъ, въ показаніе того, что дѣторожденіе—отъ чистаго супружества. Ибо о горлицѣ говорятъ, что она цѣломудренная птица, такъ что, лишившись своего самца, съ другимъ не совокупляется. Если же родители не имѣли горлицъ, то приносили двухъ птенцовъ голубиныхъ, чтобы жизнь сего дитяти послужила къ многочадію: ибо голубь—птица многоплодная.

И се бѣ человѣкъ во Іерусалимѣ, емуже имя Симеонъ: и человѣкъ сей праведенъ, и благочестивъ, чая утѣхи Ісраилевы: и Духъ бѣ Святъ въ немъ. И бѣ ему обѣщанно Духомъ Святымъ, не видѣти смерти, пре-*

---

*Во время оно**

жде даже не видитъ Христа Господня. И пріиде Духомъ въ церковь: и егда введоста родителя отроча Іисуса, сотворити има по обычаю законному о немъ: И той пріемъ на руку своею, и благослови Бога, и рече: Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ: Яко видѣстѣ очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей: Свѣтъ во откровеніе языкомъ, и славу людей твоихъ Ісраиля. Сvмеонъ не былъ священникъ, но былъ человѣкъ боголюбивый, и ожидалъ, что придетъ Христосъ, утѣшитель евреевъ и освободитель отъ рабства грѣховнаго, а можетъ быть, и отъ рабства римлянъ и Иродова. Ибо кто увѣровалъ во Христа, тотъ по-истинѣ свободенъ, и въ чести у царей и всѣхъ людей. Посмотри на апостоловъ. Не были ли они рабами римлянъ? А теперь цари римскіе почитаютъ ихъ и покланяются имъ. Итакъ для нихъ, израильтянъ, Христосъ сталъ утѣшеніемъ. Сей Сvмеонъ, движимый Духомъ Святымъ, взошелъ во храмъ, когда Матерь привела Господа, и, принявъ Его на руки, исповѣдуетъ Богомъ. Ибо сказать: *нынѣ освобождаешь меня, Владыко,* могъ исповѣдующій, что Онъ есть Господь жизни и смерти. Смотри, какъ святые тѣло считаютъ узами. Потому и говоритъ: *нынѣ отпущаеши* (разрѣшаешь, ἀπολύεις), какъ-бы отъ узъ. *По глаголу твоему:* говоритъ о полученномъ имъ предсказаніи, что онъ не умретъ, пока не увидитъ Христа. *Съ миромъ,* вмѣсто: въ спокойствіи. Ибо человѣкъ, покуда живетъ, *мятется,* какъ Давидъ говоритъ (Псал. 38, 7): умершій же находится въ мирѣ. *Съ миромъ*—можно разумѣть и иначе, именно: съ

полученіемъ ожидаемаго. Прежде, чѣмъ я увидѣлъ Господа, я, говоритъ, не былъ спокоенъ помыслами, но ожидалъ Его, и всегда помышлялъ съ заботою, когда Онъ придетъ; а теперь, когда я увидѣлъ Его, я успокоился и пересталъ думать, я разрѣшаюсь. *Спасеніемъ* назвалъ воплощеніе единороднаго, которое Богъ уготовалъ прежде всѣхъ вѣковъ. Уготовалъ это спасеніе предъ лицемъ всѣхъ людей. Ибо для того Онъ воплотился, чтобы спасти міръ и чтобы воплощеніе Его явлено было всѣмъ. Спасеніе это есть *свѣтъ во открове́ніе языкомъ,* то есть, для просвѣщенія омраченныхъ язычниковъ, *и въ славу Ісраиля,* ибо Христосъ есть слава по-истинѣ израильскаго народа, потому что отъ него Онъ возсіялъ, и по-истинѣ благоразумные находятъ для себя величіе въ этомъ. Такъ говоритъ Сумеонъ. А мнѣ кажется, что сему Сумеону приличествуютъ и слова Давида: *долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе мое* (Псал. 90, 16).

И бѣ Іосифъ и мати его чудящася о глаголемыхъ о немъ. И благослови я Сумеонъ, и рече къ Маріи матери его: се лежитъ сей на паденіе, и на востаніе многимъ во Ісраили, и въ знаменіе пререкаемо: И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе: яко убо да открыются отъ многихъ сердецъ помышленія. Сумеонъ благословилъ обоихъ, а рѣчь обратилъ къ истинной Матери, оставивъ мнимаго отца. *Се,* говоритъ, *лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Ісраили;* на паденіе невѣрующимъ, а вѣрующимъ — на востаніе. Или иначе: Господь лежитъ на паденіе зла, гнѣздящагося въ душахъ нашихъ, и на востаніе добра; падаетъ блудъ

востаетъ цѣломудріе. Можно разумѣть и еще иначе: Христосъ лежитъ *на паденіе*; вмѣсто: самъ имѣетъ пострадать и подвергнуться смерти, а чрезъ Его паденіе многіе имѣютъ востать. Итакъ послѣ словъ: *на паденіе* поставь точку, потомъ начинай: *и на востаніе многимъ*. Знаменіе есть крестъ, который доселѣ находитъ противорѣтіе себѣ, то есть, не принимается невѣрными. Называется и воплощеніе Господа знаменіемъ, и знаменіемъ чуднымъ, поелику Богъ сталъ человѣкомъ, и Дѣва—матерью. И этому знаменію, то есть, воплощенію Христа, противорѣчатъ. Ибо одни говорятъ, что тѣло—съ неба, другіе, что оно призрачно, а иные пустословятъ еще иное. *И тебѣ же самой*, Дѣвѣ, *душу пройдетъ оружіе*. Оружіемъ называетъ, можетъ быть, скорбь, бывшую при страданіи, а можетъ быть, и соблазнъ, который приразился къ ней, при видѣ Господа распятымъ. Ибо она, быть можетъ, помышляла, какъ былъ распятъ, умерщвленъ и оплеванъ Тотъ, кто родился безсѣменно, творилъ чудеса, воскрешалъ мертвыхъ. *Яко да открыются отъ многихъ сердецъ помышленія*. Сіе означаетъ то, что откроются и обнаружатся помышленія многихъ соблазняющихся, и, обличенные, они найдутъ скорое уврачеваніе. Напримѣръ, и ты, Дѣва, откроешься и обнаружишься въ своемъ мудрованіи о Христѣ, потомъ утвердишься въ вѣрѣ въ Него. Подобно и Петръ оказался отвергшимся; но явилась сила Бога, снова принявшаго его чрезъ покаяніе. И иначе: открылись помышленія многихъ сердецъ, когда обнаружился предатель, и обнаружились любя-

щіе Его, каковы, напримѣръ, были Іосифъ, пришедшій къ Пилату, и жены, стоявшія у креста.

И бѣ Анна пророчица, дщи Фануилева, отъ колѣна Асирова: сія заматорѣвши во днехъ многѣхъ, живши съ мужемъ седмь лѣтъ отъ дѣвства своего, И та вдова яко лѣтъ осмьдесятъ и четыре, яже не отхождаше отъ церкве, постомъ и молитвами служащи день и нощь. И та въ той часъ приставши исповѣдашеся Господеви, и глаголаше о немъ всѣмъ чающимъ избавленія во Іерусалимѣ. И яко скончашася вся по закону Господню, возвратишася въ Галилею, во градъ свой Назаретъ. Отроча же растяше, и крѣпляшеся духомъ, исполняяся премудрости: и благодать Божія бѣ на немъ. Евангелистъ останавливается на повѣствованіи объ Аннѣ, перечисляетъ ея отца и колѣно, чтобы мы знали, что онъ говоритъ истину, такъ какъ онъ приглашаетъ какъ-бы многихъ свидѣтелей, знающихъ отца и колѣно. Она вмѣстѣ съ другими *исповѣдывалась* Господу, то есть, благодарила Его, и всѣмъ передавала о Господѣ, что Онъ есть Спаситель и утѣшеніе насъ, ожидающихъ искупленія.—По исполненіи всего, они возвратились въ Галилею, въ городъ свой Назаретъ. Виѳлеемъ былъ также ихъ городъ, но какъ отчизна, а Назаретъ какъ мѣсто жительства.—Іисусъ возрасталъ по тѣлу. Хотя Онъ могъ бы отъ самой утробы достигнуть въ мѣру мужескаго возраста, но тогда могъ бы показаться призракомъ; посему Онъ растетъ мало по малу. Съ возрастомъ проявлялась премудрость Бога Слова. Ибо Онъ былъ мудръ не по успѣху (въ ученіи); прочь такая мысль! Поелику же Онъ

прирожденную премудрость открывалъ мало по малу, то говорится, что Онъ успѣвалъ и укрѣплялся духомъ сообразно съ возрастомъ тѣлеснымъ. Ибо еслибъ Онъ явилъ всю мудрость въ самомъ первомъ своемъ возрастѣ, то показался бы чудовищнымъ. А теперь обнаруживая самого Себя, сколь можно, въ соотвѣтствіи съ возрастомъ, Онъ исполнялъ домостроительство, не пріемля мудрости. Ибо что было бы совершеннѣе совершеннаго изъ начала? Однакожъ Онъ присущую (мудрость) обнаруживаетъ мало помалу.

И хождаста родителя его на всяко лѣто во Іерусалимъ, въ праздникъ пасхи. И егда бысть двоюнадесяти лѣтъ, восходящымъ имъ во Іерусалимъ по обычаю праздника, И скончавшымъ дни, и возвращающымся имъ, оста отрокъ Іисусъ во Іерусалимѣ, и не разумѣ Іосифъ и мати его. Мнѣвше же его во дружинѣ суща, преидоста дне путь, и искаста его во сродницѣхъ и въ знаемыхъ. И не обрѣтше его возвратистася во Іерусалимъ, взыскающе его. И бысть, по тріехъ днехъ обрѣтоста его въ церкви, сѣдящаго посредѣ учителей, и послушающаго ихъ, и вопрошающаго ихъ. Ужасахуся же вси послушающіи его о разумѣ и о отвѣтѣхъ его. И видѣвша его, дивишася, и къ нему мати его рече: чадо, что сотвори нама тако? се отецъ твой и азъ боляще искахомъ тебе. И рече къ нима: что яко искасте мене? не вѣсте ли, яко въ тѣхъ, яже Отца моего, достоитъ быти ми? И та не разумѣста глагола, егоже глагола има. Іисусъ вмѣстѣ съ родителями ходитъ во Іерусалимъ, чтобы во всемъ показать, что Онъ ни Богу не противится, ни требованіямъ закона не сопротивляется. Когда они

исполнили дни, то есть, семь дней пасхи, Онъ остался въ Іерусалимѣ.—*Разсуждалъ съ книжниками,* давая имъ вопросы отъ закона. *И вси изумлялись.* Видишь ли, какъ Онъ успѣвалъ въ мудрости, такъ что для многихъ былъ предметомъ любознательности и удивленія? Ибо обнаруженіе мудрости Его есть самый успѣхъ Его.—Богоматерь называетъ Іосифа отцемъ, хотя и знала, что онъ не есть отецъ. Безъ сомнѣнія, она именуетъ Іосифа отцемъ Его ради іудеевъ, чтобы они не возъимѣли какой-либо нечистой мысли касательно Его рожденія. Иначе: такъ какъ Іосифъ прилагалъ отеческую заботу и служеніе въ воспитаніи, то прилично назвала его самимъ отцемъ, какъ-бы Духъ Святый почтилъ его наименованіемъ отца.—Почему же они искали Его? Ужели предполагали, что Онъ, какъ дитя, потерялся или заблудился? Прочь такая мысль! Ибо она не могла придти ни премудрой Маріи, получившей безчисленныя о Немъ откровенія, ни Іосифу, которому и самому было открыто, что Онъ отъ Духа Свята. Но они искали Его затѣмъ, чтобы Онъ какъ-нибудь не отсталъ отъ нихъ, чтобы какъ-нибудь не оставилъ ихъ. А когда нашли Его: смотри, какъ Онъ отвѣчаетъ имъ! Такъ какъ Дѣва назвала Іосифа отцемъ Его, то Онъ говоритъ: не онъ (Іосифъ) мой истинный отецъ, хотя я и былъ въ его домѣ; но Богъ—мой Отецъ, и потому Я въ Его домѣ, то есть, во храмѣ Его. Но они не поняли, что Онъ сказалъ имъ; ибо это была тайна.

И сниде съ нима, и пріиде въ Назаретъ, и бѣ повинуяся има, и мати его соблюдаше вся глаголы сія въ сердцы своемъ. И Іисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и человѣкъ. Іи-

сусъ повиновался родителямъ, давая и намъ образецъ. чтобы мы повиновались своимъ родителямъ.—Дѣва соблюдала все это: ибо дѣла и слова Отрока были божественны, и являли въ Немъ не двѣнадцатилѣтняго отрока, но человѣка совершенно зрѣлаго. Для объясненія того, что значитъ успѣвать *премудростію*, евангелистъ присовокупляетъ: *и возрастомъ;* ибо преспѣяніе въ возрастѣ называетъ успѣхомъ въ премудрости. *Былъ пріятенъ и предъ Богомъ и предъ людьми*, то есть, творилъ угодное Богу и достохвальное отъ людей; но прежде былъ пріятенъ предъ Богомъ, а потомъ предъ людьми. Ибо прежде должно угождать Богу, а потомъ людямъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О проповѣди Іоанновой.—О вопрошавшихъ Іоанна.—Объ Иродѣ и Іоаннѣ.—О крещеніи Спасителя.—Родословіе Христа.

Зач. *Въ пятое же* надесяте лѣто владычества Тіверія Кесаря, обладающу Понтійскому Пилату Іудеею,*
9. *и четвертовластвующу Галилеею Ироду, Филиппу же, брату его, четвертовластвующу Ітуреею и Трахонитскою страною, и Лисанію Авилиніею четвертовластвующу, При архіереи Аннѣ и Каіафѣ, бысть глаголъ Божій къ Іоанну Захаріину сыну, въ пустыни: И пріиде во всю страну Іорданскую, проповѣдая крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ.* Справедливо упомянуто о времени и о властителяхъ, чтобы показать, что

Въ пятое *

при Христѣ прекратилось преемство начальниковъ іудейскихъ; поелику игемономъ былъ Пилатъ, человѣкъ изъ другаго народа, а четвертовластники — сыновья Ирода аскалонитянина, и чтобы потому за вѣрное было принято, что пришелъ Христосъ, по пророчеству Іаковлеву (Быт. 48, 10). *Бысть,* сказано, *глаголъ Божій ко Іоанну:* чтобы ты зналъ, что онъ пришелъ свидѣтельствовать о Христѣ, не какъ самозванецъ, но потому, что былъ движимъ Духомъ Божіимъ. Подъ *глаголомъ* разумѣй или Духа Святаго или повѣленіе Божіе. Слово Божіе къ Іоанну было *въ пустынѣ.* Поелику дѣти пустой, то есть, церкви изъ язычниковъ, имѣли быть многочисленнѣе дѣтей имѣющей мужа (Иса. 54, 1), то есть, церкви іудейской: то слово и повелѣніе Божіе прилично было ко Іоанну, когда онъ находился въ пустынѣ. Онъ проповѣдывалъ людямъ крещеніе покаянія, то есть, исповѣди. А это крещеніе содѣйствовало имъ къ оставленію грѣховъ, даруемому чрезъ крещеніе Христово. Ибо крещеніе Іоанново не имѣло оставленія грѣховъ, но вело къ оставленію, то есть, приготовляло людей къ принятію Христова крещенія, имѣющаго оставленіе грѣховъ

Якоже есть писано въ книзѣ словесъ Исаіи пророка глаголюща: гласъ вопіющаго въ пустыни, уготовайте путь Господень, правы творите стези его. Всяка дебрь исполнится, и всяка гора и холмъ смирится: и будутъ стропотная въ правая, и остріи въ пути гладки. И узритъ всяка плоть спасеніе Божіе. Путь, который повелѣваетъ уготовить, есть образъ жизни по ученію Христову; ибо Господь

вскорѣ имѣлъ проповѣдывать. *Стези* суть заповѣди закона, какъ-бы уже истертыя. Повелѣвается дѣлать ихъ *правыми*, потому что фарисеи развращали заповѣди. Подъ *путемъ* можно разумѣть и душу, а подъ *стезями*—помыслы и дѣла. Итакъ намъ должно уготовлять душу, и дѣлать правыми дѣла и помышленія наши. Потомъ какъ-бы кто-либо спросилъ: какъ же мы совершимъ это? Ибо добродѣтель нелегка для исполненія, и встрѣчаетъ много козней и препятствій и отъ лукавыхъ силъ и отъ живущихъ въ насъ страстей? Отвѣчаетъ, что ничто не будетъ трудно, но все удобно. Ибо *долины наполнятся*, то есть, естественныя наши силы, ослабѣвшія для добра и пришедшія въ низкое состояніе, восполнятся *и всякая гора и холмъ*, то есть, противныя силы и пожеланія, кажущіяся намъ вложенными съ природою, по-истинѣ ослабѣли: и все сдѣлалось ровнымъ, и кривое перемѣнилось на прямое. Ибо Христосъ упразднилъ противныя силы, которыя здѣсь называются горами и холмами, и оживилъ природныя наши побужденія къ доброму, которыя евангелистъ назвалъ наполняемыми долинами. Ибо Онъ для того и воплотился, чтобы возставить нашу природу въ собственный ея видъ. *Всяка плоть* сказано, *узритъ спасеніе Божіе*: не іудеи только и пришельцы, но всякая плоть; ибо Евангеліе пронесено по всей землѣ. Можно было бы сказать и многое другое, но по большей ясности пусть будетъ сказано это.

Глаголаше же исходящимъ народомъ креститися отъ него: порожденія ехиднова, кто сказа вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва? Сотворите убо плоды достой-

ны покаянія: и не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама, глаголю бо вамъ: яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму. Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо древо, не творящее плода добра, посѣкается и въ огнь вметается. Іудеевъ называетъ *порожденіями ехидниными,* потому что они оскорбляли своихъ отцовъ и матерей; ибо и это животное, говорятъ, проѣдаетъ утробу матери и такимъ образомъ раждается. Притомъ они убивали пророковъ и учителей. *Грядущимъ гнѣвомъ* называетъ вѣчное наказаніе. *Достойные плоды покаянія* составляетъ не только удаленіе отъ зла, но и упражненіе въ добрѣ. Ибо совершеніе добра есть по-истинѣ плодъ и порожденіе покаянія. Не начинайте говорить въ себѣ, что вы хорошаго рода, и, надѣясь на отцовъ, не оставляйте добродѣтели. Богъ сможетъ и отъ камней сихъ дать дѣтей патріарху; ибо почти подобное сему Онъ и прежде сотворилъ. Утроба Сарры, хотя была тверже камней, однакожъ получила благодать дѣторожденія. *Сѣкира* есть божественный судъ, исторгающій недостойныхъ изъ среды живыхъ. Если, говоритъ, не покаетесь, будете лишены жизни. Сѣкира лежитъ *при корнѣ* вашихъ деревъ. Подъ *корнемъ* разумѣется жизнь, какъ мы сказали. Но подъ *корнемъ* можно разумѣть и родство съ Авраамомъ. Отъ этого родства съ Авраамомъ, по апостолу (Рим. 11, 11—21), отсѣкаются тѣ, кои недостойны быть его вѣтвями. Наказаніе—двоякое: ибо грѣшный и безплодный не только отсѣкается отъ сродства съ праведными, но и въ огнь ввергается.

Лук.

И вопрошаху его народи глаголюще: что убо сотворимъ? Отвѣщавъ же, глагола имъ: имѣяй двѣ ризѣ, да подастъ неимущему: и имѣяй брашна, такожде да творитъ. Пріидоша же и мытари креститися отъ него, и рѣша къ нему: учителю, что сотворимъ? Онъ же рече къ нимъ: ничтоже болѣе отъ повелѣннаго вамъ творите. Вопрошаху же его и воини, глаголюще: и мы что сотворимъ? И рече къ нимъ: никогоже обидите, ни оклеветайте: и доволни будите оброки вашими. Чающымъ же людемъ, и помышляющымъ всѣмъ въ сердцахъ своихъ о Іоаннѣ, еда той есть Христосъ? Отвѣщаваше Іоаннъ, всѣмъ глаголя: азъ убо водою крещаю вы: грядетъ же крѣплій мене, емуже нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу его: той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ. Емуже лопата въ руку его, и потребитъ гумно свое: и соберетъ пшеницу въ житницу свою: плевы же сожжетъ огнемъ негасающимъ. Многа же убо и ина, утѣшая, благовѣствоваше людемъ. Іоаннъ вразумляетъ три разряда пришедшихъ къ нему: простой классъ народа, мытарей и воиновъ. Простой классъ народа онъ убѣждаетъ прилежать къ милостынѣ, повелѣвая, чтобъ имѣющій двѣ одежды удѣлялъ неимущему; мытарей убѣждаетъ не взыскивать, то есть, не требовать ничего лишняго; воиновъ убѣждаетъ не похищать, но довольствоваться оброками, то есть, жалованьемъ, какое обыкновенно дается отъ царя. Смотри, какъ Іоаннъ простой классъ народа, какъ незлобивыхъ, убѣждаетъ дѣлать нѣчто доброе, то есть, удѣлять другимъ, а мытарей и воиновъ — удерживаться отъ зла. Ибо сіи не были еще способны, не могли совершать

что-нибудь доброе, а имъ достаточно было—не дѣлать зла. Нѣкоторые, повелѣніе имѣющему двѣ одежды дѣлиться съ неимѣющимъ, понимаютъ въ нравственномъ смыслѣ (κατὰ ἀναγωγήν). Именно говорятъ: двѣ одежды означаютъ духъ Писанія и букву; имѣющаго тотъ и другую Іоаннъ побуждаетъ сообщать совершенно ничего неимѣющему; напримѣръ, если кто разумѣетъ Писаніе въ обоихъ отношеніяхъ, по буквѣ и по духу, тотъ пусть передаетъ неимѣющему, пусть научитъ незнающаго, и дастъ ему по крайней мѣрѣ букву. Добродѣтель Іоанна и была столь высока, что всѣ помышляли объ немъ, не онъ ли самый Христосъ. Отвращая таковое мнѣніе, онъ говоритъ: различіе между мною и Христомъ, во-первыхъ, то, что я крещаю водою, а Онъ—Духомъ и огнемъ, а другое—то, что я недостоинъ даже развязать ремень сапоговъ Его. Что значатъ слова: *креститъ васъ Духомъ и огнемъ*, совершенно ясно. Ибо онъ послалъ апостоламъ Духа, и надъ ними явились раздѣленные огненные языки (Дѣян. 2, 3. 4). А слова: *недостоинъ разрѣшити ремень сапогу Его* очевидно означаютъ то, что я недостоинъ поставить себя даже и въ послѣдніе рабы Его. Въ болѣе сокровенномъ смыслѣ, *два сапога* Господа суть—явленіе Его съ неба на землю и сошествіе съ земли во адъ. Способа этихъ двухъ явленій никто не можетъ разрѣшить, хотя бы подобенъ былъ даже Іоанну. Ибо кто можетъ сказать, какъ воплотился Господь, или какъ сошелъ во адъ? Слова: *Емуже лопата въ руку Его* означаютъ то, что хотя Онъ и креститъ васъ, вы не думайте, что вы уже безнаказанны; но если вы въ по-

слѣдующей за симъ жизни не сохраните себя безпорочными, то Онъ пожжетъ васъ огнемъ негасимымъ. Плевелъ есть тотъ, кто имѣетъ безплодный умъ и прилагаетъ большую заботу только о предметахъ житейскихъ. *Многа же и ина, утѣшая благовѣствоваше людемъ.* Ибо доброе ученіе есть по-истинѣ утѣшеніе, и справедливо называется благовѣстіемъ (евангеліемъ).

Зач. 10. *Иродъ же четвертовластникъ, обличаемъ отъ него* о Иродіадѣ женѣ брата своего, и о всѣхъ яже сотвори злая Иродъ: Приложи и сіе надъ всѣми, и затвори Іоанна въ темницѣ. Бысть же егда крестишася вси людіе, и Іисусу крещшуся и молящуся, отверзеся небо и сниде Духъ Святый тѣлеснымъ образомъ, яко голубь нань: и гласъ съ небесе бысть, глаголя: ты еси Сынъ мой возлюбленный, о тебѣ благоволихъ.* Евангелистъ къ мѣсту вставилъ здѣсь слово объ Иродѣ. Онъ какъ-бы такъ говоритъ: хотя народъ весьма высоко думалъ объ Іоаннѣ, но Иродъ, обличаемый отъ него, ко всѣмъ (злодѣяніямъ своимъ) прибавилъ и то, что заключилъ его въ темницу. Повѣствуетъ какъ-бы съ глубокою скорбію и сильною жалостію о томъ, что Иродъ такъ неправо поступилъ съ Іоанномъ, тогда какъ народъ имѣлъ о немъ высокое понятіе. *Небо отверзается*, для того, чтобы намъ показать, что крещеніе всѣмъ отворяетъ небо, запертое Адамомъ. *Духъ нисходитъ* на Іисуса, чтобы мы познали изъ сего, что и на насъ, когда крещаемся, приходитъ Духъ. Ибо Господь не имѣлъ нужды въ Духѣ, но все творитъ ради насъ и самъ бываетъ первенцемъ во всемъ (Колос.

---

*Во время оно. Иродъ четверовластникъ обличаемъ отъ Іоанна **

1, 18), что мы имѣли принять въ послѣдствіи, чтобы быть перворожденнымъ во многихъ братіяхъ. *Яко голубь*, чтобы мы научились, что намъ нужно быть кроткими и чистыми. И какъ при Ноѣ голубь изображалъ успокоеніе гнѣва Божія, такъ и здѣсь Духъ Святый, потопивъ грѣхъ, примирилъ насъ съ Богомъ. И Сынъ слышитъ гласъ, отъ Отца произнесенный, чтобы показать, что и намъ крещаемымъ онъ даровалъ сыноположеніе. *О тебѣ благоволихъ*: я успокоился.

И той бѣ Іисусъ * *яко лѣтъ тридесять, начиная, сый, яко мнимъ сынъ Іосифовъ, Иліевъ, Матѳатовъ, Левіинъ, Мелхіинъ, Іаннаевъ, Іосифовъ, Маттаѳіевъ, Амосовъ, Наумовъ, Еслімовъ, Наггеовъ, Мааѳовъ, Маттаѳіевъ, Семеіевъ, Іосифовъ, Іудинъ, Іоаннановъ, Рисаевъ, Зоровавелевъ, Салаѳіилевъ, Нирiевъ, Мелхіевъ, Аддіевъ, Косамовъ, Елмодамовъ, Ировъ, Іосіевъ, Еліезеровъ, Іоримовъ, Матѳатовъ, Левіинъ, Симеоновъ, Іудинъ, Іосифовъ, Іонановъ, Еліакимовъ, Мелеаевъ, Маинановъ, Маттаѳаевъ, Наѳановъ, Давидовъ, Іессеовъ, Овидовъ, Воозовъ, Салмоновъ, Наассоновъ, Аминадавовъ, Арамовъ, Іорамовъ, Есромовъ, Фаресовъ, Іудинъ, Іаковль, Исааковъ, Авраамовъ, Ѳаринъ, Нахоровъ, Серуховъ, Рагавовъ, Фалековъ, Еверовъ, Салановъ, Каинановъ, Арфаксадовъ, Симовъ, Ноевъ, Ламеховъ, Маѳусалевъ, Еноховъ, Іаредовъ, Малелеиловъ, Каинановъ, Еносовъ, Сиѳовъ, Адамовъ, Божій*. Господь крестился имѣя тридцать лѣтъ, потому что этотъ возрастъ есть совершеннѣйшій, и въ немъ человѣкъ оказывается почтеннымъ или негоднымъ. Лука представляетъ родословіе Господа въ порядкѣ, об-

Зач. 11.

Во время оно, бѣ Іисусъ *

Лук.

ратномъ. сравнительно съ евангелистомъ Матѳеемъ, чтобы показать, что родившійся нынѣ по плоти есть отъ Бога,—ибо смотри, какъ родословіе восходитъ до Бога,—и вмѣстѣ чтобы мы знали, что Онъ воплотился для того, чтобы всѣхъ посредствующихъ отцовъ возвести къ Богу и сдѣлать сынами. Могу сказать и иначе: рожденіе Господа, какъ безсѣменное, встрѣчало невѣріе. Посему евангелистъ, желая показать, что и въ другое время человѣкъ былъ безъ сѣмени, отъ низшихъ восходитъ до Адама и Бога. Онъ говоритъ какъ-бы такъ: если ты не вѣруешь, какъ вторый Адамъ родился безъ сѣмени, то, прошу, обратись умомъ къ первому Адаму, и ты найдешь, что онъ сотворенъ Богомъ безъ сѣмени, и—послѣ сего не будь невѣренъ. Нѣкоторые спрашиваютъ: какъ Матѳей называетъ Іосифа сыномъ Іаковлевымъ, а Лука Иліевымъ? Ибо невозможно, говорятъ, одному и томуже быть сыномъ двухъ отцовъ. На это отвѣчаютъ, что Іаковъ и Илій были единоутробные братья, но отъ разныхъ отцовъ; что, по смерти Илія, жену его взялъ Іаковъ, чтобы возставить отъ нея дѣтей, и что посему Іосифъ называется сыномъ Іаковлевымъ по природѣ, а Иліевымъ—по закону. Ибо Іаковъ дѣйствительно родилъ его по природѣ, и онъ былъ родной сынъ его, а сыномъ Иліевымъ онъ былъ только по закону. Ибо законъ повелѣвалъ, чтобы жена умершаго бездѣтнымъ сочетавалась съ его братомъ, и чтобы родившееся отъ сего союза считалось дитятею умершаго (Второз. 25, 5. 6), хотя по природѣ оно было отъ живаго. Посему евангелисты говорятъ вѣрно, и не противорѣчатъ другъ другу. Матѳей запи-

салъ природнаго отца Іосифа, а Лука—причитающагося ему отцомъ по закону, т. е. Илія; а оба показываютъ, что Господь родился для того, чтобы освятить природу и законъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О постѣ и искушеніи Спасителя.—Объ Іисусѣ, возведенномъ іудеями на гору и прошедшемъ посреди ихъ. —Объ имѣющемъ духа бѣсовскаго.—О тещѣ Петровой.—Объ исцѣленныхъ отъ различныхъ болѣзней.

Іисусъ же исполнь Духа Свята возвратися отъ Іордана, и ведяшеся Духомъ въ пустыню, днїй четыредесять искушаемь отъ діавола, и не ястъ ничесоже во дни тыя: и скончавшымся имъ, послѣди взалка. И рече ему діаволъ: аще Сынъ еси Божїй, рцы каменеви сему, да будетъ хлѣбъ. И отвѣщавъ Іисусъ къ нему, глаголя: писано есть: яко не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ Божіи. И возведъ его діаволъ на гору высоку, показа ему вся царствія вселенныя, въ часѣ времяннѣ. И рече ему діаволъ: тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ: яко мнѣ предана есть, и емуже аще хощу, дамъ ю. Ты убо аще поклонишися предо мною, будутъ тебѣ вся. И отвѣщавъ рече ему Іисусъ: иди за мною сатана, писано есть: поклонишися Господу Богу твоему, и тому единому послужиши. И веде его во Іерусалимъ, и постави его на крилѣ церковнѣмъ, и рече ему: аще Сынъ еси Божїй,*

---

*Во время оно, возвратися Іисусъ исполнь Духа Свята**

верзися отсюду долу. Писано бо есть: яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя: И на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. И отвѣщавъ рече ему Іисусъ: яко речено есть, не искусиши Господа Бога твоего. Господь крестился для того, чтобы освятить воды для насъ, имѣющихъ вкусить благодати. Послѣ крещенія *духомъ отводится* въ пустыню: ибо Духъ Святый вводилъ его въ борьбу противъ діавола. Уходитъ *въ пустыню*, затѣмъ, чтобы дать діаволу поводъ къ нападенію на Себя; ибо онъ приступаетъ къ намъ особенно тогда, когда мы уединились. *Постится сорокъ дней*, и не превышаетъ мѣры поста Моисеева и Иліина, чтобы тѣмъ не подать сатанѣ мысль, что Онъ больше ихъ, но чтобы онъ приступилъ къ Нему, думая, что и Онъ—человѣкъ, а вмѣстѣ и для того, чтобы не показаться воплотившимся только призрачно. *Искушается* послѣ крещенія, чтобы намъ показать, что послѣ крещенія насъ встрѣтятъ искушенія. Постится потому, что постъ есть великое оружіе въ искушеніяхъ, и потому, что послѣ крещенія намъ должно предаваться не чувственнымъ наслажденіямъ, а посту. Врагъ нападаетъ на Него, сначала пресыщеніемъ, какъ и на Адама (Быт. гл. 3); потомъ—любостяжаніемъ, показавъ Ему всѣ царства. Какъ показалъ? Нѣкоторые говорятъ, что представилъ Ему оныя въ мысли. Но я думаю, что не въ мысли, а чувственно показалъ Ему оныя, подставивъ предъ очи въ призракѣ, а не въ воображеніи Господа. Въ-третьихъ, нападаетъ на Него тщеславіемъ; ибо говоритъ: если ты Сынъ Бо-

жій, то бросься внизъ. Пустословилъ это, лаская Его, чтобы Онъ, обманувшись лестію и желая показать Себя Сыномъ Божіимъ, бросился внизъ, и такимъ образомъ открылся предъ нимъ, кто Онъ. Но смотри, какъ Господь поражаетъ его Писаніемъ. *Не искусиши,* говоритъ, *Господа Бога твоего;* ибо никто не долженъ подвергать себя очевидной опасности, въ самообольщеніи, что Богъ ему поможетъ. Замѣть и то, что знать Писанія весьма полезно. Ибо и Господь поразилъ сатану Писаніями. *Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ,* это—Моисеево изреченіе о маннѣ (Второз. 8, 3); ибо хотя манна была не хлѣбъ, однакожъ питала народъ. Равнымъ образомъ Моисеевы изреченія и сіи: *Господу Богу твоему поклонишися* и: *не искусиши* (Второз. 6, 13, 16).

И скончавъ все искушеніе, діаволъ отъиде отъ него до времене. И возвратися Іисусъ въ силѣ духовнѣй въ Галилею: и вѣсть изыде по всей странѣ о немъ. И той учаше на сонмищахъ ихъ, славимъ всѣми. Хотя Господь искушаемъ былъ тремя искушеніями, однако Лука говоритъ, что Онъ окончилъ все искушеніе, потому что основанія всѣхъ искушеній суть три сіи: пресыщеніе, любостяжаніе, тщеславіе. Искушеніе пресыщенія Господь отразилъ словами: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.* Прежде другихъ искушеній, навелъ это искушеніе на Него, какъ и на Адама. Ибо Адама онъ не могъ запнуть ни любостяжаніемъ, такъ какъ Адамъ, будучи одинъ, не имѣлъ, противъ кого бы желать болѣе; ни гнѣвомъ, ибо не на кого было ему гнѣваться; ни завистью; а запнулъ его чрево-

угодіемъ. Искушеніе любостяжанія Господь отразилъ тѣмъ, что не палъ, не поклонился передъ нимъ. Ибо, когда онъ чувственно показалъ всѣ царства въ призракѣ, Господь не покорился ему. Нѣкоторые разумѣли это о царствахъ не чувственныхъ, но мыслимыхъ, что онъ, напримѣръ, показалъ Ему царство невоздержанія, царство зависти и вообще царства всѣхъ грѣховъ, и говорилъ Ему какъ-бы такъ: если ты хочешь царствовать надъ всѣми страстями, и на то пришелъ, чтобы плѣнить одержимыхъ мною, то пади и поклонись мнѣ, и получи всѣхъ, надъ которыми я царствую. Господь хочетъ царствовать, и на то пришелъ, но царствовать не съ грѣхомъ, ни безъ борьбы, но послѣ подвига и побѣды. Такъ разумѣли нѣкоторые. Кому угодно, пусть такъ и принимаютъ. Отразилъ Господь и искушеніе тщеславія словами Писанія. Господи, избавь и насъ отъ сихъ трехъ главъ змія.—*Возвратися Іисусъ въ силѣ духовнѣй.* Мнѣ кажется, что Іисусъ возвратился въ состояніи вдохновенія; ибо это значитъ *въ силѣ духа.* Глубоко внимай Писанію, потому что тогда написано: *въ силѣ духовнѣй,* когда Онъ побѣдилъ искусителя, и явилъ силу свою. Слова: *отъиде отъ Него до времене,* имѣютъ такой смыслъ: діаволъ нападаетъ на Господа двумя чувствованіями,—удовольствіемъ и скорбію; удовольствіемъ онъ напалъ на Господа, напримѣръ, на горѣ; а отступилъ отъ Него до времени, то есть, до времени креста, ибо тогда намѣревался напасть на Него скорбію.

Зач. 14. *И пріиде* въ Назаретъ, идѣже бѣ воспитанъ: и*

---

*Во время оно пріиде Іисусъ**

внide по обычаю своему въ день субботный въ сонмище: и воста чести. И даша ему книгу Исаiи пророка, и разгнувъ книгу, обрѣте мѣсто, идѣже бѣ написано: Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя, благовѣстити нищымъ посла мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущенiе, и слѣпымъ прозрѣнiе, отпустити сокрушенныя во отраду: Проповѣдати лѣто Господне прiятно. И согнувъ книгу, отдавъ слузѣ, сѣде: и всѣмъ въ сонмищи очи бѣху зряща нань. И начатъ глаголати къ нимъ: яко днесь сбытся писанiе сiе во ушiю вашею. Господь пожелалъ явить Себя израильтянамъ, потому что и помазанъ былъ отъ Бога и Отца на то, чтобъ спасти живущихъ въ поднебесной. Чудно устрояетъ Онъ это. Прежде иныхъ Онъ является жителямъ Назарета, съ которыми былъ воспитанъ, чтобы и насъ научить, что нужно благотворить прежде своимъ и научить ихъ, а потомъ изливать человѣколюбiе и на прочихъ. Когда подали Ему книгу, Онъ ее разгнулъ и нашелъ не то, что случайно попалось, но чего самъ желалъ. Ибо не думай, будто, какъ Онъ открылъ случайно книгу, и нашлось то мѣсто, въ которомъ написано объ Немъ: а это случилось по Его желанiю. Что же было написано? *Духъ Господень помаза мя*, то есть, посвятилъ Меня, поставилъ Меня на благовѣствованiе *нищимъ*, то есть, язычникамъ, которые, не имѣя ни закона, ни пророковъ, дѣйствительно были въ большой нищетѣ. *Сокрушенные сердцемъ* были, быть можетъ, израильтяне, которыхъ сердце сначала было велико и высоко, и было домомъ Божiимъ, а впослѣдствiи, когда они стали служить

идоламъ и грѣшить разнымъ образомъ, сердце ихъ сокрушилось и разстроилось, ставши вмѣсто дома Божія вертепомъ разбойниковъ. Итакъ Господь пришелъ, чтобы и ихъ исцѣлить и дать *плѣннымъ отпущеніе* и *слѣпымъ прозрѣніе*, язычникамъ и израильтянамъ. Ибо обѣ сіи части были и плѣнными, у сатаны, и слѣпыми. Можно разумѣть это и о мертвыхъ. Ибо и они, бывъ плѣнными и сокрушенными, чрезъ воскресеніе освободились изъ-подъ власти ада. *Проповѣдалъ и лѣто пріятное*. Что же это за лѣто пріятное? Быть можетъ, и будущій вѣкъ, о которомъ Господь проповѣдалъ, говоря: *въ той день Мене не воспросите ничесоже* (Іоан. 16, 23), и опять: *грядетъ часъ, егда мертвіи* воскреснутъ (Іоан. 5, 25). Но пріятное лѣто есть и время пришествія Господа во плоти. О немъ Павелъ говоритъ: *нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія* (2 Коринѳ. 6, 3). Прочитавъ это, Онъ сказалъ: *днесь сбыстся писаніе сіе во ушію вашею*, очевидно указывая въ Себѣ слушателямъ того самаго, о которомъ это писано.

*И вси свидѣтельствоваху ему. И дивляхуся о словесѣхъ благодати, исходящихъ изъ устъ его,** *и глаголаху: не сей ли есть сынъ Іосифовъ? И рече къ нимъ: всяко речете ми притчу сію: врачу, исцѣлися самъ: елика слышахомъ бывшая въ Капернаумѣ, сотвори и здѣ во отечествіи своемъ. Рече же: аминь глаголю вамъ: яко ни который пророкъ пріятенъ есть во отечествіи*

Зач. 14.

Во время оно, дивляхуся народи о словесѣхъ благодати, исходящихъ изъ устъ Іисусовыхъ. *

своемъ. Поистиннѣ же глаголю вамъ: многи вдовицы бѣша во дни Иліины во Іс҃раили, егда заключися небо три лѣта и мѣсяцъ шесть, яко бысть гладъ великъ по всей земли: И ни ко единой ихъ посланъ бысть Иліа, токмо въ Сарепту сидонскую, къ женѣ вдовицѣ. И мнози прокажени бѣху при Елиссеи пророцѣ во Іс҃раили: и ни единъ же отъ нихъ очистися, токмо Нееманъ Сиріанинъ. И исполнитася вси ярости въ сонмищи, слышавшіи сія. И воставше изгнаша его вонъ изъ града: и ведоша его до верху горы, на нейже градъ ихъ созданъ бяше, да быша его низринули. Онъ же прошедъ посредѣ ихъ, идяше. Народъ, слушая рѣчь Христову, удивлялся словамъ благодати; удивляясь же, надсмѣхался надъ Нимъ, говоря: не это ли сынъ плотника? Между тѣмъ, что препятствовало быть Ему достойнымъ удивленія и поклоненія? Не видишь ли, какія творитъ Онъ дѣла? Не слышишь ли, какія Онъ говоритъ рѣчи? Не смотря на то, ты осмѣиваешь отца Его? Объ нихъ-то, какъ нельзя болѣе, справедливо можно сказать: *се людіе буіи и неимущіи сердца: иже имѣюще очи и не видятъ, и уши, и не слышатъ* (Іерем. 5, 21). Что же говоритъ имъ Господь? Конечно, вы скажете мнѣ: сдѣлай и въ отечествѣ своемъ тѣже чудеса, какія и въ Капернаумѣ сдѣлалъ. Ибо это значитъ: *врачу, исцѣлися самъ.* Это была общая у іудеевъ поговорка, которую они обращали къ больнымъ врачамъ. Но Я говорю вамъ, что Я сдѣлалъ бы много знаменій и у васъ, моихъ соотчичей, но знаю общую и со всѣми случающуюся страсть—презирать и самыя отличныя дѣла, коль скоро они перестаютъ быть рѣдкими, а становятся общи-

Лук.

ми и обыкновенными, и когда всѣ могутъ свободно наслаждаться ими. Ибо люди всегда имѣютъ обычай заботиться о рѣдкомъ и странномъ, и ему дивиться, а общее и обычное презирать. Посему ни одинъ пророкъ не цѣнится въ своемъ отечествѣ, но, если онъ придетъ изъ какой-нибудь другой страны, ему удивляются. Такъ и Илію вдовы іудейскія не приняли, а сарептянына приняла. И Елиссей очистилъ отъ проказы иноземца, потому что сей явилъ вѣру къ нему, тогда какъ знакомые и соотечественники его не вѣрили ему, и потому не очищались. Подобнымъ образомъ и вы, соотечественники мои, считаете Меня достойнымъ не удивленія, а презрѣнія, а потому и Я знаменій не творю. Жители же Капернаума считаютъ Меня достойнымъ удивленія, и Я знаменія творю, и принятъ ими. Слышащіе это въ синагогѣ наполнялись яростію, что̀ достойно удивленія, и думали бросить Его съ утеса. Но Онъ, прошедъ посреди ихъ, ушелъ, не потому впрочемъ, будто Онъ бѣгалъ страданій, но потому, что ждалъ опредѣленнаго времени. Ибо Онъ пришелъ пострадать за насъ; а теперь, когда еще начиналась Его проповѣдь, Ему не должно было предавать Себя на смерть, но тогда скончаться, когда уже научитъ достаточно. Изъ сего ясно, что, когда Онъ былъ распятъ, не противъ Его воли былъ распятъ, но добровольно предалъ Себя на смерть. Знай, что отечество пророковъ—синагога іудейская, у которой они въ безчестіи. Ею пророки не приняты: а мы чужеродные приняли ихъ. Ибо вдовица, то есть, церковь изъ язычниковъ, приняла Илію, то есть, пророческое слово, когда въ Іудеѣ былъ

голодъ духовный, то есть, голодъ слышанія слова Божія (Амос. 8, 11). О сей-то вдовицѣ говоритъ пророкъ: *яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (Иса. 54, 1), и въ другомъ мѣстѣ: *яко неплоды роди седмь, и многая въ чадѣхъ изнеможе* (1 Царст. 2, 5).

И сниде въ Капернаумъ, градъ галилейскій: и бѣ уча ихъ въ субботы. * *И ужасахуся о ученіи его: яко со* Зач. 15.
властію бѣ слово его. И въ сонмищи бѣ человѣкъ имый духа бѣса нечиста: и возопи гласомъ веліимъ, глаголя: остави, что намъ и тебѣ, Іисусе Назаряниме? пришелъ еси погубити насъ: вѣмъ тя, кто еси, святый Божій. И запрети ему Іисусъ, глаголя: премолчи, и изыди изъ него, и повергъ его бѣсъ посредѣ, изыде изъ него, никакоже вредивъ его. И бысть ужасъ на всѣхъ, и стязахуся другъ ко другу глаголюще: что слово сіе, яко властію и силою велитъ нечистымъ духовомъ, и исходятъ? И исхождаше гласъ о немъ во всяко мѣсто страны. Поелику ни разумъ, ни ученіе не превлекаетъ невѣрныхъ къ вѣрѣ, то Господь присоединяетъ чудотворенія, какъ самое дѣйствительное средство. Итакъ творитъ чудеса въ Капернаумѣ. Ибо жители сего города были самые невѣрные, и для вѣры нуждались во многихъ (чудесахъ). Итакъ когда Онъ достаточно научилъ и притомъ какъ имѣющій власть (ибо Онъ не говорилъ: *сія глаголетъ Господь*, но: *Азъ глаголю вамъ*, потому что Онъ былъ не изъ числа пророковъ, но истинный Сынъ Божій), послѣ сего присоединяетъ и чудо, именно ис-

---

Во время оно, сниде Іисусъ въ Карернаумъ, градъ галилейскій, и бѣ уча народы въ субботы. *

Лук.

цѣляетъ мучимаго бѣсомъ. Бѣсъ сначала обнаруживаетъ вражду, чтобы свидѣтельство его было достовѣрнѣе, потомъ приводитъ свидѣтельство: знаю Тебя, кто Ты, святый Божій; сначала упрекаетъ Его: за чѣмъ Ты пришелъ сюда погубить насъ? Потомъ ласкаетъ Его, думая, что Господь, увлеченный ласкою, оставитъ его. Но Господь, научая не пользоваться свидѣтельствомъ и представленіемъ отъ бѣса, говоритъ: умолкни и выйди изъ него. Впрочемъ позволяетъ бѣсу повергнуть человѣка, чтобы присутствующіе узнали, что онъ подлинно имѣетъ бѣса, которому и слова принадлежали, хотя орудіемъ былъ языкъ человѣка. И всѣ говорили другъ ко другу, удивляясь случившемуся и говоря: что это за слово, то есть, что это за повелѣніе, которымъ Онъ повелѣваетъ: выйди изъ него, и замолчи? Знай же, что и нынѣ многіе имѣютъ бѣсовъ, именно тѣ, кои исполняютъ пожеланія бѣсовъ; напримѣръ, кто гнѣвливъ, тотъ имѣетъ бѣса гнѣва. Но когда придетъ Іисусъ въ синагогу, то есть, когда умъ будетъ сосредоточенъ, а не разсѣянъ, тогда скажетъ бѣсу гнѣва, доселѣ неукротимому: *замолкни*, и онъ тотчасъ выйдетъ изъ человѣка, повергнувъ его на средину. Что же значитъ бросить на средину, знай. Человѣкъ долженъ быть ни совершенно гнѣвливъ и раздражителенъ, ибо это свойственно звѣрямъ, ни совершенно безгнѣвенъ, ибо это свойственно безчувственному, но идти среднимъ путемъ и имѣть гнѣвъ противъ злобы. И такъ когда духъ лукавый броситъ кого-нибудь на средину, то уходитъ отъ него.

Воставъ же изъ сонмища, вниде въ домъ Симоновъ. Теща же Симонова бѣ одержима огнемъ веліимъ: и молиша его о ней. И ставъ надъ нею, запрети огню: и оставú ю: абіе же воставши служаше имъ. Заходящу же солнцу, вси, елицы имѣяху болящыя недуги различными, привождаху ихъ къ нему: Онъ же на единомъ коегождо ихъ руцѣ возложъ, исцѣляще ихъ. Исхождаху же и бѣси отъ многихъ, вопіюще и глаголюще, яко Ты еси Христосъ Сынъ Божій: и запрещая не даяше имъ глаголати, яко вѣдяху Христа самаго суща. Бывшу же дни изшедъ иде въ пусто мѣсто: и народи искаху его, и пріидоша до него: и держахуся его, да не бы отшелъ отъ нихъ. Онъ же рече къ нимъ: яко и другимъ градовомъ благовѣстити ми подобаетъ царствіе Божіе: яко на се посланъ есмь. И бѣ проповѣдая на сонмищахъ галилейскихъ.* Господь всѣхъ питался гостепріимствомъ учениковъ, подобно какъ и теперь Онъ принятъ Петромъ, и исцѣляетъ тещу его, чтобы и тебя научить не отказываться отъ благорасположенія бѣдныхъ. Не просто исцѣляетъ ее отъ болѣзни, но придаетъ ей крѣпкое здоровье и силу для служенія. Если и мы примемъ Его, Онъ угаситъ нашу горячку, горячку гнѣва и похотѣнія, и возставитъ насъ такъ, что мы въ состояніи будемъ служить Ему, то есть, дѣлать угодное Ему.— Посмотри, прошу тебя, и на вѣру народа, какъ онъ и при захожденіи солнца приносилъ больныхъ, и не удерживался временемъ.—Не позволяетъ бѣсамъ говорить,

Зач. 16.

---

* *Во время оно, вниде Іисусъ въ домъ Симоновъ, и исхождаше гласъ о немъ во всяко мѣсто страны.*

какъ потому, что не нуждается въ похвалѣ отъ нечистыхъ, ибо *не красна похвала во устѣхъ грѣшника* (Іис. Сирах. 15, 9), такъ и потому, что не желаетъ возжечь въ евреяхъ зависть, при похвалѣ Ему отъ всѣхъ. Народъ ищетъ Его, хотя Онъ ушелъ въ пустое мѣсто, и удерживаетъ Его. Но Онъ не ограничивается однимъ мѣстомъ, а говоритъ, что Мнѣ должно благовѣстить царство Божіе и другимъ городамъ. Посему и намъ не должно быть лѣнивыми, ни довольствоваться однимъ мѣстомъ заключенія, но всюду обходить, чтобы кому-нибудь принесть пользу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О ловлѣ рыбъ.—О прокаженномъ.—О разслабленномъ.—О мытарѣ Левіи.—Объ Іисусѣ, вкушающемъ вмѣстѣ съ мытарями.—О томъ, почему ученики Іоанновы постятся, а Христовы нѣтъ.

Бысть же належащу ему народу, да быша слыша-
Зач. 17. *ли слово Божіе, и той бѣ стоя* при езерѣ Геннисаретстѣ. И видѣ два корабля стояща при езерѣ: рыбаріе же оштедше отъ нею, измываху мрежи. Влѣзъ же въ единъ отъ кораблю, иже бѣ Симоновъ, моли его отъ земли отступити мало: и сѣдъ учаше изъ корабля народы. Якоже преста глаголя, рече къ Симону: поступи во глубину, и вверзите мрежи ваша въ ловитву. И отвѣщавъ Симонъ, рече ему: наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ: по глаголу же твоему ввергу*

---

* *Во время оно, стояше Іисусъ*

мрежу. И се сотворше, яша множество рыбъ много: протерзашеся же мрежа ихъ. И помануша причастникомъ, иже бѣху во друзѣмъ корабли, да пришедше помогутъ имъ: и пріидоша, и исполниша оба корабля, яко погружатися има. Видѣвъ же Симонъ Петръ, припаде къ колѣнома Іисусовома, глаголя, изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи. Ужасъ бо одержаше его и вся сущыя съ нимъ о ловитвѣ рыбъ, яже яша: Такожде же Іакова и Іоанна, сына Зеведеова, яже бѣста обещника Симонови, и рече къ Симону Іисусъ: не бойся, отселѣ будеши человѣки ловя. И извлекше оба корабля на землю, оставлше вся, вслѣдъ его идоша. Господь убѣгаетъ отъ славы, а она тѣмъ болѣе преслѣдуетъ Его. Когда народъ тѣснился около Него, Онъ всходитъ на корабль, чтобы съ корабля учить стоящихъ на берегу моря, такъ что всѣ находились предъ лицемъ Его и никто не ушелъ за спину. А за то, что Онъ училъ народъ съ корабля, Онъ не оставилъ владѣтеля его безъ награды. Онъ даже вдвойнѣ его облагодѣтельствовалъ: одарилъ его множествомъ рыбъ, и сдѣлалъ своимъ ученикомъ. Подивись смотрѣнію Господа, какъ Онъ каждаго привлекаетъ чрезъ свойственное и сродное ему средство, напримѣръ, волхвовъ—посредствомъ звѣзды, а рыбарей—посредствомъ рыбъ. Замѣть и кротость Христа, какъ онъ умоляетъ Петра отплыть отъ земли, ибо *просилъ* (ἠρώτησεν) разумѣй вмѣсто *умолялъ* (παρεκάλεσε), и то, какъ благопокоренъ былъ Петръ: человѣка, котораго не видалъ, онъ принялъ на свой корабль, и во всемъ ему повинуется, Когда Сей сказалъ ему, чтобы онъ отплылъ на глубь.

тотъ не отяготился, не сказалъ: всю ночь я трудился и ничего не пріобрѣлъ, и тебя ли теперь послушаю, и вдамся въ новые труды? Ничего такого онъ не сказалъ, но напротивъ: по слову твоему я закину сѣть. Такъ Петръ былъ теплъ въ вѣрѣ и прежде вѣры! За то и поймалъ онъ столько рыбъ, что не могъ (одинъ) вытащить ихъ, а знаками пригласилъ и соучастниковъ, то есть, общниковъ, бывшихъ на другомъ кораблѣ. Знаками пригласилъ ихъ потому что, пораженный необычайною ловлею, не могъ и говорить. Далѣе, Петръ въ глубокомъ благоговѣніи проситъ Іисуса сойти съ корабля, говоря о себѣ, что онъ грѣшникъ, и недостоинъ быть вмѣстѣ съ Нимъ.

Если хочешь, понимай это и въ переносномъ смыслѣ. Корабль есть синагога іудейская. Петръ представляетъ образъ учителей закона. Учители, бывшіе до Христа, всю ночь трудились, (ибо время до пришествія Христова—ночь), и ничего не достигли. А когда пришелъ Христосъ, и насталъ день (Рим. 13, 12), то апостолы, поставленные на мѣсто законоучителей, по слову, то есть, по заповѣди Его закидываютъ сѣть Евангелія и уловляютъ множество людей. Но апостолы одни не могутъ вытащить сѣть съ рыбами, а приглашаютъ и соучастниковъ своихъ и сообщниковъ, и влекутъ вмѣстѣ съ ними. Это суть пастыри и учители церквей всѣхъ временъ: они, преподавая и объясняя ученіе апостольское, помогаютъ апостоламъ ловить человѣковъ. Обрати вниманіе и на выраженіе: *закинули сѣть.* Ибо Евангеліе есть сѣть, имѣющая изложеніе рѣчи смиренное, простое и приблизительное

къ простотѣ слушателей; посему и говорится, что оно закинуто. Если же кто скажетъ, что чрезъ закинутіе сѣти означается глубина мыслей; то и съ этимъ можно согласиться. Итакъ исполнилось слово пророка, сказавшаго: *се Азъ послю рыбари многи, рече Господь, и уловятъ ихъ: и по семъ послю многи ловцы, и уловятъ ихъ* (Іерем. 16, 16). Рыбарями назвалъ онъ святыхъ апостоловъ, а ловцами провителей и учителей церквей послѣдующихъ временъ.

И бысть егда бѣ Іисусъ во единомъ отъ градовъ, и се мужъ исполнь проказенія: и видѣвъ Іисуса, падъ ницъ моляся ему, глаголя: Господи, аще хощеши, можеши мя очистити. И простеръ руку, коснуся его, рекъ: хощу, очистися, и абіе проказа отъиде отъ него. И той заповѣда ему никомуже повѣдати: но шедъ покажися іереови, и принеси о очищеніи твоемъ, якоже повелѣ Моѵсей, во свидѣтельство имъ. Прохождаше же паче слово о немъ: и схождахуся народи мнози слышати, и цѣлитися отъ него отъ недугъ своихъ. Той же бѣ отходя въ пустыню, и моляся.* Прокаженный сей достоинъ удивленія, потому что имѣетъ о Господѣ мысль достойную Бога, и говоритъ: если хочешь, можешь меня очистить. Это показываетъ, что онъ помышляетъ о Христѣ какъ о Богѣ. Ибо онъ пришелъ не какъ ко врачу (такъ какъ проказа неизлечима руками врачей), но какъ къ Богу; ибо Ему одному возможно исцѣлять отъ такого рода болѣзней. Господь *прикасается* къ нему, не безъ причины. Но поелику, по закону, при-

Зач. 15.

Во время оно *

Лук.

касающійся къ прокаженному считался нечистымъ: то, желая показать, что Онъ не имѣетъ нужды соблюдать подобныя мелкія предписанія закона, но самъ есть Господь закона, и что чистый нисколько не оскверняется отъ кажущагося нечистымъ, но что проказа душевная, именно она, оскверняетъ,—для сей цѣли прикасается; а вмѣстѣ и для того, чтобы показать, что святая плоть Его имѣетъ божественную силу—очищать и животворить, какъ истинная плоть Бога Слова. Заповѣдуетъ прокаженному не сказывать никому (о Немъ), для того, чтобы насъ научить не искать похвалы отъ тѣхъ, кому благотворимъ; но говоритъ: пойди, покажись священнику, и принеси даръ во свидѣтельство имъ. Ибо законъ былъ такой, чтобы священникъ осматривалъ прокаженныхъ и опредѣлялъ, очистились ли они, и если прокаженный очистился въ семь дней, онъ оставался внутри города, если же нѣтъ, былъ изгоняемъ (Левит. 13 гл.). Поэтому-то Господь сказалъ: ступай, покажись священнику, и принеси даръ. Какой же былъ даръ? Двѣ птицы (Левит. гл. 14). Что значитъ: *во свидѣтельство имъ?* Значитъ, въ обличеніе ихъ и осужденіе; чтобы, если будутъ обвинять Меня какъ преступника закона, убѣдились, что Я не преступаю, изъ сего, изъ повелѣнія тебѣ принести даръ, заповѣданный Моусеемъ. Кстати можно сказать и о томъ, какъ эти двѣ птицы приносились Богу. Одну птицу закалали, и кровь ея брали въ новый глиняный сосудъ; потомъ оба крыла другой птицы обмакивали въ крови, и такимъ образомъ отпускали птицу живою. Симъ изображалось то, что имѣло сбыться на Христѣ. Два крыла суть двѣ

природы Христа, божеская и человѣческая, изъ коихъ одна была заклана, то есть, человѣческая, а другая осталась живою. Ибо природа божественная пребыла безстрастною, помазавшись кровію природы пострадавшей, и страданіе воспринявъ на себя. Кровь Господа принялъ новый глиняный сосудъ, то есть, новый народъ, изъ язычниковъ, способный къ принятію новаго завѣта. Смотри: когда кто уже очистится отъ проказы, тогда достоинъ приносить этотъ даръ, то есть, закалать Христа и священнодѣйствовать. Ибо прокаженный и нечистый по душѣ не можетъ быть удостоенъ приносить такіе дары, то есть, приносить тѣло и кровь Господа, соединенныя съ божескою природою. Внимай и тому, какое несказанное преимущество имѣетъ Господь надъ Моѵсеемъ. Моѵсей, когда сестра его поражена была проказою, не могъ уврачевать ее, хотя много молился (Числ. 12, 10—15); а Господь очистилъ прокаженнаго однимъ словомъ. Замѣть и смиреніе Господа, какъ Онъ, когда народъ желалъ прикасаться Ему, съ особенною охотою проводилъ время въ пустыняхъ и молился. Такъ Онъ во всемъ подавалъ намъ образецъ—молиться наединѣ, и уклоняться отъ славы.

И бысть во единъ отъ дней, и той бѣ уча: и бѣху сѣдяще фарисее и законоучителіе, иже бѣху пришли отъ всякія веси галилейскія и іудейскія и іерусалимскія: и сила Господня бѣ исцѣляющи ихъ. И се мужіе носяще на одрѣ человѣка, иже бѣ разслабленъ, и искаху внести его, и положити предъ нимъ. И не*

---

*Во время оно, бѣ уча Іисусъ:**

Лук.

обрѣтше кудѣ внести его народа ради, взлѣзше на храмъ, сквозѣ скуделы низвѣсиша его со одромъ на средy предъ Іисуса. И видѣвъ вѣру ихъ, рече ему: человѣче, оставляютмися грѣси твои. И начаша помышляти книжницы и фарисее, глаголюще: кто есть сей, иже глаголетъ хулы? кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ? Разумѣвъ же Іисусъ помышленія ихъ, отвѣщавъ рече къ нимъ: что помышляете въ сердцахъ вашихъ? Что есть удобѣе рещи: оставляютмися грѣси твои? или рещи: востани и ходи? Но да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи, рече разслабленному: тебѣ глаголю, востани, и возми одръ твой, и иди въ домъ твой. И абіе востасъ предъ ними, вземъ, на немже лежаше, иде въ домъ свой, славя Бога. И ужасъ пріятъ всѣхъ, и славляху Бога: и исполнишася страха, глаголюще: яко видѣхомъ преславная днесь. Предъ собраніемъ враговъ Господу нужно было совершить какое-нибудь новѣйшее знаменіе. Посему Онъ исцѣляетъ человѣка, болящаго неизлечимою болѣзнію, чтобы чрезъ уврачеваніе такой болѣзни уврачевать и неисцѣльное безуміе фарисеевъ. Сначала Онъ врачуетъ болѣзни души, сказавъ: оставляются тебѣ грѣхи твои, чтобы мы знали, что многія болѣзни рождаются отъ грѣховъ; потомъ исцѣляетъ и немощь тѣла, видя вѣру принесшихъ. Ибо Онъ часто по вѣрѣ однихъ спасаетъ другихъ. А фарисеи говорятъ: что̀ Онъ произноситъ хулы? Кто можетъ отпускать грѣхи, кромѣ одного Бога? Говорятъ они это, осуждая Его на смерть. Ибо законъ повелѣвалъ наказывать смертію того, кто скажетъ хулу на Бога (Ле-

вит. 24, 16.) Господь, чтобы показать имъ, что Онъ есть истинный Богъ, и не выдаетъ себя за Бога по тщеславію, убѣждаетъ ихъ другимъ знаменіемъ. Онъ самъ узнаетъ, о чемъ они помышляли въ себѣ. Отсюда совершенно явно, что Онъ Богъ; ибо знать сердца свойственно Богу (1 Паралип. 28, 9, 2 Парал. 6, 30). Итакъ Онъ говоритъ: что вамъ кажется удобнѣе—грѣхи отпустить, или тѣлу дать здоровье? Конечно по вашему мнѣнію, отпущеніе грѣховъ кажется удобнѣе, какъ дѣло невидимое и необличимое, хотя оно труднѣе,—а выздоровленіе тѣла кажется труднѣе, какъ дѣло видимое, хотя въ сущности оно удобнѣе. Однакожъ Я сдѣлаю и то и другое, и чрезъ исцѣленіе тѣла, что для васъ кажется труднѣйшимъ, удостовѣрю и въ уврачеваніи души, которое хотя и трудно, но, какъ невидимое, вамъ кажется удобнымъ. Смотри: грѣхи оставляются на землѣ. Ибо пока мы находимся на землѣ, мы можемъ загладить наши грѣхи; а послѣ того, какъ переселимся съ земли, мы уже не можемъ сами загладить нашихъ грѣховъ исповѣдію: ибо дверь заперта. Но объ этомъ предметѣ мы сказали обширнѣе въ объясненіи другихъ евангелистовъ(¹).

И по семъ изыде, и узрѣ мытаря, именемъ Левію,* Зач.
сѣдяща на мытницѣ, и рече ему: иди по мнѣ. И ос- 20.
тавль вся, воставъ во слѣдъ его иде, И сотвори учре-

---

*Во время оно, преходя Іисусъ, узрѣ**

(¹) См. Благовѣстникъ. Часть первая: Евангеліе отъ Матѳея; гл. 9; зач. 26. Часть вторая: Евангеліе отъ Марка; гл. 2: зач. 7.

Лук.

ждение веліе Левій ему въ дому своемъ: и бѣ народъ мытарей многъ, и инѣхъ, иже бяху съ нимъ возлежаще. И роптаху книжницы на него и фарисее ко ученикомъ его, глаголюще: почто съ мытари и грѣшники ясте и піете? И отвѣщавъ Іисусъ рече къ нимъ: не требуютъ здравіи врача, но болящіи. Не пріидохъ призвати праведныхъ, но грѣшныя въ покаяніе. Матѳей не прикрываетъ, но прямо объявляетъ свое имя, говоря: Іисусъ увидѣлъ Матѳея мытаря, сидящаго на мытницѣ (Матѳ. 9, 9). Но Лука и Маркъ, изъ уваженія къ евангелисту, выставляютъ другое имя его, именно Левій. Подивись человѣколюбію Божію, какъ Онъ похищаетъ сосуды лукаваго. Ибо мытарь—сосудъ лукаваго и звѣрь лукавый. Испытавшіе жестокости сборщиковъ знаютъ это. Ибо мытари суть тѣ, кои откупаютъ народныя подати, чтобы чрезъ то пріобрѣсть выгоду и уплатить повинности за собственныя души. Господь не только Матѳея пріобрѣлъ, но старался пріобрѣсть и другихъ мытарей, съ коими Онъ обѣдалъ. Ибо Онъ затѣмъ и благоволилъ ѣсть съ ними, чтобы привлечь и ихъ. Смотри же, что слышатъ фарисеи, обвинявшіе Его. Я, говоритъ не пришелъ призвать праведниковъ, то есть, васъ, которые сами себя дѣлаете праведниками, а пришелъ призвать грѣшниковъ, не для того впрочемъ, чтобъ они оставались во грѣхѣ, но чтобы покаялись. И иначе: Я не пришелъ праведныхъ призвать, потому что не нахожу ихъ, такъ какъ всѣ согрѣшили (Псал. 13, 1—3); ежели бы можно найти было праведныхъ, Я не пришелъ бы. Мытарь же есть и всякій, кто работаетъ міродержителю и взноситъ подать плоти. Чре-

воугодникъ платитъ подать плоти явствами, блудникъ—нечистыми связями, иный—инымъ. Когда же Господь, то есть, евангельское слово, увидитъ его *сидящимъ* на мытницѣ, то есть, ни преуспѣвающимъ, ни идущимъ впередъ и не подвизающимся на большее зло, но какъ-бы бездѣятельнымъ: то возставитъ его отъ зла, и онъ послѣдуетъ за Іисусомъ, и приметъ Господа въ домъ души своей. А фарисеи, надменные и отсѣченные бѣсы (ибо фарисей означаютъ: отсѣченный отъ другихъ) ропщутъ на то, что Онъ ѣстъ съ грѣшниками.

Они же рѣша къ нему: почто ученицы Іоанновы постятся часто, и молитвы творятъ, такожде и фарисейстіи: а твои ядятъ и піютъ? Онъ же рече къ нимъ: еда можете сыны брачныя, дондеже женихъ съ ними есть, сотворити поститися? Пріидутъ же дніе, егда отъятъ будетъ отъ нихъ женихъ, и тогда постятся въ тыя дни. Глаголаше же и притчу къ нимъ: яко никтоже приставленія ризы новы приставляетъ на ризу ветху: аще ли же ни, и новую раздеретъ, и ветсѣй не согласуетъ еже отъ новаго. И никтоже вливаетъ вина нова въ мѣхи ветхи: аще ли же ни, расторгнетъ новое вино мѣхи, и само изліется, и мѣхи погибнутъ. Но вино новое въ мѣхи новы вливати, и обоя соблюдутся. И никтоже пивъ ветхое, абіе хощетъ новаго: глаголетъ бо: ветхое лучше есть.* Объ этомъ мы сказали въ объясненіи на евангеліе отъ Матѳея ([1]), и

Зач. 21.

Во время оно, приступиша фарисеи ко Іисусу, глаголюще: *

([1]) См. Благовѣстникъ. Часть первая: Евангеліе отъ Матѳея; гл. 9; зач. 31. Часть вторая: Евангеліе отъ Марка; гл. 2; зач. 9.

теперь скажемъ кратко, что сынами брака называетъ апостоловъ. Пришествіе Господа уподобляется браку, потому что Онъ принялъ Церковь въ невѣсту Себѣ. Посему апостоламъ теперь не нужно поститься. Ученики Іоанновы должны поститься, такъ какъ учитель ихъ совершалъ добродѣтель съ трудомъ и болѣзнію. Ибо сказано: *пріиде Іоаннъ, ни ядый, ни пія* (Матѳ. 11 18). А мои ученики, какъ пребывающіе со Мною—Богомъ Словомъ, теперь не нуждаются въ пользѣ поста, потому что они отъ сего самаго (пребыванія со Мною) облагодѣтельствованы, и Мною сохраняются. Когда же Я буду взятъ, а они будутъ посланы на проповѣдь: тогда они будутъ и поститься и молиться, какъ приготовившіеся къ великимъ подвигамъ. И иначе: теперь, будучи слабы и еще необновлены Духомъ, они подобны старымъ мѣхамъ и старой одеждѣ. Посему ихъ не должно обременять какимъ-нибудь очень труднымъ образомъ жизни, подобно какъ и къ обветшалой одеждѣ не пришиваютъ новой заплаты. Итакъ можешь принять, что старымъ мѣхамъ уподоблены апостолы, какъ еще слабые, а можешь разумѣть, что имъ уподоблены и фарисеи. Господь какъ-бы такъ говоритъ имъ: мое ученіе есть новое вино, а вы, будучи старыми мѣхами, не можете принять оное; но, напившись стараго вина, то есть, древняго преданія, не желаете моего новаго, а говорите, что старое вино, то есть, ветхій завѣтъ, лучше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Объ ученикахъ Христовыхъ, срывающихъ колосья въ субботу.—Объ имѣющемъ сухую руку.—Объ избраніи апостоловъ.—О блаженствахъ.—О любви ко врагамъ.—О томъ, что не должно спорить съ ближнимъ, ни осуждать ближняго.

Бысть же въ субботу второпервую ити ему сквозѣ сѣянія: и восторгаху ученицы его класы, и ядяху, стирающе руками. Нѣцыи же отъ фарисей рѣша имъ: что творите, егоже не достоитъ творити въ субботы? И отвѣщавъ Іисусъ рече къ нимъ: ни ли сего чли есте, еже сотвори Давидъ, егда взалкася самъ, и иже съ нимъ сущіи? Како вниде въ домъ Божій, и хлѣбы предложенія веземъ, и яде, и даде сущымъ съ нимъ, ихже не достояше ясти, токмо единымъ іереемъ? И глаголаше имъ: яко Господь есть Сынъ человѣческій и субботѣ.* Іудеи всякій праздникъ называли субботою. Ибо суббота значитъ: покой. Часто праздникъ встрѣчался въ пятницу, а эту пятницу, ради праздника, называли субботою. Потомъ собственно субботу называли второпервою, какъ вторую послѣ предшествовавшаго инаго праздника и субботы. Подобное случилось и тогда, и суббота сія названа второпервою.—Фарисеямъ, обвиняющимъ учениковъ за то, что они въ субботу ѣли *исторгая,* то есть сощипывая колосья, и кроша, то есть, растирая руками, Господь указываетъ на Давида, взалкавшаго и ѣвшаго хлѣбы предложенія. Ибо онъ, бѣгая отъ Саула, прибылъ къ первосвященнику

Зач. 23.

---

*Во время оно, хождаше Іисусъ въ субботу**

Авіаѳару, и обманулъ его, сказавъ, что царь послалъ его на одно очень нужное дѣло, и въ алчбѣ взялъ отъ священника хлѣбы предложенія, которыхъ каждый день предлагалось на священной трапезѣ по двѣнадцати, по шести съ правой и по шести съ лѣвой руки (Левит. 24, 5, 6). Получилъ онъ такъ же и мечь Голіафа (1 Царст. 21, 1—9). Господь, напоминая имъ эту исторію, поступкомъ Давидовымъ пристыжаетъ ихъ. Если вы, говоритъ, Давида почитаете, то какъ же осуждаете моихъ учениковъ? И иначе: Сынъ человѣческій, то есть, Я есмь Господь субботы, и, какъ Создатель и Творецъ и Владыка и Законоположникъ, имѣю власть разрушить субботу. *Сыномъ человѣческимъ* могъ быть названъ не иной кто, какъ Христосъ, который будучи Сыномъ Божіимъ, ради человѣковъ пречудно соизволилъ быть и именоваться сыномъ человѣческимъ. Ибо нѣтъ ничего новаго въ томъ, что меня и тебя называютъ сыномъ человѣческимъ, а то замѣчательно, что Онъ, пречудно вочеловѣчившійся, называется сыномъ человѣческимъ.

Бысть же и въ другую субботу внити ему въ сонмище, и учити: и бѣ тамо человѣкъ, и рука ему десная бѣ суха. Назираху же книжницы и фарисеи, аще въ субботу исцѣлитъ: да обрящутъ рѣчь нанъ. Онъ же вѣдяше помышленія ихъ, и рече человѣку имущему суху руку: востани и стани посредѣ: онъ же воставъ ста. Рече же Іисусъ къ нимъ: вопрошу вы, что достоитъ въ субботы, добро творити, или зло творити? душу спасти, или погубити? они же умолчаша. И воззрѣвъ на всѣхъ ихъ, рече ему: простри руку

твою, онъ же сотвори тако: и утвердися рука его здрава яко другая. Они же исполнишася безумія, и глаголаху другъ ко другу, что быша сотворили Іисусови. Что мы сказали въ объясненіи на евангеліе отъ Матѳея, то извѣстно (¹). А теперь скажемъ, что сухую имѣетъ руку тотъ, кто не совершаетъ никакихъ дѣлъ благочестія. Ибо рука есть орудіе дѣятельности; а у кого она изсохла, тотъ безъ сомнѣнія, празденъ. Итакъ кто желаетъ вылечить свою руку, уврачуетъ ее въ субботу. Пояснимъ. Не можетъ тотъ совершать дѣла благочестія, кто прежде не успокоится отъ злобы. Уклонися прежде отъ зла, и тогда сотвори благо (Псал. 36, 27). Итакъ когда будешь субботствовать, то есть, покоиться отъ злыхъ дѣлъ; тогда прострешь руку твою на дѣла благочестія, и она у тебя возстановится. Прилично сказалъ: *утвердися* (возстановилась). Ибо было время, когда человѣческая природа имѣла дѣятельность добрую, и руку, то есть, дѣятельную силу, здоровую; потомъ утратила ее, и по благодати Христовой снова пріобрѣла ее, и возвратилась къ прежнему добру.

Бысть же во дни тыя, изыде въ гору помолитися: и бѣ обнощь въ молитвѣ Божіи. И егда бысть день, призва ученики своя, и избра отъ нихъ двонадесяте, ихже и апостолы нарече: Симона, егоже имено-* Зач. 23.

(¹) См. Благовѣстникъ. Часть первая: Евангеліе отъ Матѳея; гл. 11; зач. 45. Часть вторая: Евангеліе отъ Марка; гл. 3; зач. 10.

*Во время оно, изыде Іисусъ**

Лук.

ва Петра, и Андреа брата его, Іакова и Іоанна, Филиппа и Варѳоломеа, Матѳеа и Ѳому, Іакова Алѳеева и Симона нарицаемаго Зилота, Іуду Іаковля, и Іуду искаріотскаго, иже и бысть предатель.

Зач. 24. *Изшедъ съ ними, ста* на мѣстѣ равнѣ: и народъ ученикъ его и множество много людей отъ всея Іудеи, и Іерусалима, и поморія Тѵрска и Сидонска, Иже пріидоша послушати его, и исцѣлитися отъ недугъ своихъ, и страждущіи отъ духъ нечистыхъ: и исцѣляхуся. И весь народъ искаше прикасатися ему: яко сила отъ него исхождаже, и исцѣляше вся.* Господь все творитъ въ наше наученіе, чтобы и мы также дѣлали, какъ Онъ. Вотъ, напримѣръ, Онъ намѣренъ молиться. Онъ восходитъ на гору. Ибо молиться должно успокоившись отъ дѣлъ и не предъ лицемъ многихъ, и молиться чрезъ всю ночь, а не такъ, чтобъ стать на молитву, и сейчасъ же перестать.—Избираетъ учениковъ послѣ молитвы, желая научить, чтобы и мы, когда намъ приведется поставить кого-нибудь на духовное служеніе, брались за это дѣло съ молитвою, искали руководства отъ Бога и Его просили показать намъ достойнаго. — Избравъ двѣнацать, сходитъ съ горы, чтобы исцѣлить пришедшихъ изъ городовъ, и облагодѣтельствовать вдвойнѣ, именно по душѣ и по тѣлу. Ибо слушай: *пріидоша послушати его:* это врачеваніе душъ; *и иссцѣлитися отъ недугъ своихъ:* это врачеваніе тѣлъ.—*Сила бо исхождаше отъ него, и исцѣляше вся.* Пророки и другіе святые не имѣли силы,

---

*Во время оно, ста Іисусъ**

исходящей отъ нихъ; ибо они не были сами источниками силъ. А Господь имѣлъ силу исходящую отъ Него; ибо Онъ самъ былъ источникъ силы, тогда какъ пророки и святые получали особенную силу свыше.

И той возведъ очи свои на ученики своя, глаголаше: блажени нищіи духомъ, яко ваше есть царствіе Божіе. Блажени алчущіи нынѣ, яко насытитеся, блажени плачущіи нынѣ, яко возсмѣетеся. Блажени будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы, и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день, и
взыграйте: се бо мзда ваша многа на небеси. По симъ Зач. 25.
бо творяху пророкомъ отцы ихъ. Обаче горе вамъ богатымъ, яко отстоите утѣшенія вашего: Горе вамъ насыщеніи нынѣ, яко взалчете, горе вамъ смѣющымся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете. Горе, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы: по симъ бо творяху лжепророкомъ отцы ихъ.* Господь, рукоположивши учениковъ, чрезъ блаженства и ученіе приводитъ ихъ въ болѣе духовное состояніе. Ибо Онъ ведетъ рѣчь съ обращеніемъ къ нимъ. И во-первыхъ ублажаетъ бѣдныхъ; хочешь, разумѣй подъ ними смиренномудрыхъ, хочешь— ведущихъ жизнь несребролюбивую. Вообще же всѣ блаженства научаютъ насъ умѣренности, смиренію, уничиженію, перенесенію поношеній. Подобно какъ *горе* назначается въ удѣлъ тѣмъ, кои богаты въ нынѣшнемъ вѣкѣ, (о коихъ говоритъ, что они получаютъ утѣшеніе,

---

* *Рече Господь ко пришедшымъ къ нему Іудеомъ:*

Лук.

то есть, здѣсь въ настоящемъ вѣкѣ вкушаютъ радости), веселятся, наслаждаются удовольствіями и получаютъ похвалы. Устрашимся, братія! поелику горе тѣмъ, кои имѣютъ похвалу отъ людей. Ибо должно заслуживать похвалу и отъ людей, но прежде отъ Бога,

Но вамъ глаголю слышащымъ: любите враги ваша, добро творите ненавидящымъ васъ. Благословите кленущыя вы, и молитеся за творящихъ вамъ обиду. Біющему тя въ ланиту, подаждь и другую: и отъ взимающаго ти ризу, и срачицу не возбрани. Всякому же просящему у тебе дай, и отъ взимающаго твоя не истязуй.

Зач. *И якоже* хощете да творятъ вамъ человѣцы, и*
26. *вы творите имъ такожде. И аще любите любящыя вы, кая вамъ благодать есть? ибо и грѣшницы любящыя ихъ любятъ. И аще благотворите благотворящымъ вамъ, кая вамъ благодать есть? ибо и грѣшницы тожде творятъ. И аще взаимъ даете, отъ нихже чаете воспріяти, кая вамъ благодать есть? ибо и грѣшницы грѣшникомъ взаимъ даваютъ, да воспріимутъ равная. Обаче любите враги ваша, и благотворите, и взаимъ дайте, ничесоже чающе: и будетъ мзда ваша многа, и будите сынове Вышняго: яко той благъ есть на безблагодатныя и злыя. Будите убо милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть.* Апостолы имѣли быть посланы на проповѣдь, и потому ожидали себѣ многихъ гонителей и навѣтниковъ. Итакъ еслибъ апостолы, тяготясь гоненіемъ, потомъ желая отмстить оскорбителямъ, умолкли и перестали бы учить, то солнце Евангелія погасло бы.

---

*Рече Господь: якоже**

Посему-то Господь предварительно убѣждаетъ апостоловъ не приступать къ мщенію врагамъ, но все случающееся переносить мужественно, будетъ ли кто обижать ихъ, или неправедно злоумышлять противъ нихъ. Такъ и самъ Онъ поступилъ на крестѣ, говоря: *Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34). Потомъ, чтобы апостолы не сказали, что такая заповѣдь—любить враговъ невозможна, Онъ говоритъ: чего желаешь ты себѣ самому, то дѣлай и другимъ, и будь въ отношеніи къ другимъ таковъ, каковыми желаешь имѣтъ въ отношеніи къ тебѣ самому другихъ. Если, посему, желаешь, чтобъ враги твои были до тебя суровы, несострадательны и гнѣвливы, то будь и ты таковъ. Еслиже, напротивъ, желаешь, чтобъ они были добры, сострадательны и непамятозлобивы, то не считай невозможнымъ дѣломъ—и самому быть таковымъ. Видишь ли врожденный законъ, въ сердцахъ нашихъ написанный? Такъ и Господь сказалъ: *во днехъ онѣхъ дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я* (Іерем. 31, 33). Потомъ предлагаетъ имъ и другое побужденіе, именно: если вы любите любящихъ (васъ), то вы подобны грѣшникамъ и язычникамъ; еслиже вы любите злобствующихъ на васъ, то вы подобны Богу, который благъ къ неблагодарнымъ и злымъ. Итакъ чего вы желаете: грѣшникамъ ли быть подобными, или Богу? Видишь ли божественное ученіе? Сначала Онъ убѣждалъ тебя закономъ естественнымъ: чего желаешь себѣ, то дѣлай и другимъ; потомъ убѣждаетъ и кончиною и наградою: ибо въ награду вамъ обѣщаетъ то, что вы будете подобны Богу.

Лук.

Зач. *И не судите*, и не судятъ вамъ: и не осуждай-*
27. *те, да не осуждени будете: отпущайте, и отпустятъ вамъ. Дайте и дастся вамъ, мѣру добру, наткану, и потрясну, и преливающуся дадятъ на лоно ваше, тою бо мѣрою, еюже мѣрите, возмѣрится вамъ. Рече же притчу имъ: еда можетъ слѣпецъ слѣпца водити? не оба ли въ яму впадутъ? Нѣсть ученикъ надъ учителемъ своимъ: совершенъ же всякъ будетъ, якоже и учитель его.* Господь отсѣкаетъ отъ нашихъ душъ самую трудную болѣзнь, разумѣю корень высокомѣрія. Ибо кто не надзираетъ за самимъ собою, а только за ближнимъ подсматриваетъ и желаетъ его опорочить, тотъ, очевидно, плѣненный высокомѣріемъ, забылъ самого себя. Онъ всеконечно думаетъ о себѣ, что онъ не грѣшитъ, и посему осуждаетъ другихъ, когда они грѣшатъ. Итакъ если не желаешь быть осужденнымъ, не осуждай другихъ. Ибо скажи, пожалуй, почему ты другаго осуждаешь, какъ преступника божественныхъ законовъ во всемъ? А ты самъ развѣ не преступаешь божественнаго закона (не говорю о другихъ грѣхахъ, но) тѣмъ самымъ, что другихъ осуждаешь? Ибо законъ Божій рѣшительно повелѣваетъ тебѣ не осуждать брата. Значитъ, и ты преступаешь законъ. А будучи самъ преступникомъ, ты не долженъ осуждать другаго какъ преступника: ибо Судія долженъ быть выше природы, впадающей въ грѣхъ. Итакъ отпускай, и тебѣ отпущено будетъ: давай, и тебѣ дано будетъ. Ибо мѣру хорошую, надавленную, натрясенную и преисполненную дадутъ

---

*Рече Господь: не судите**

въ нѣдра ваши. Ибо Господь будетъ возмѣрять не скупо, а богато. Какъ ты, намѣреваясь отмѣрять какой-нибудь муки, если желаешь отмѣрять безъ скупости, надавливаешь ее, натрясываешь и накладываешь съ избыткомъ: такъ и Господь дастъ тебѣ мѣру большую и преисполненную. Быть можетъ, иный остроумный спроситъ: какъ Онъ говоритъ, что дадутъ въ нѣдра ваши мѣру преисполненную, когда сказалъ, что возмѣрится вамъ тоюже мѣрою, какою вы мѣрите: ибо если переливается чрезъ верхъ, то не таже самая? Отвѣчаемъ. Господь не сказалъ: возмѣрится вамъ *толикою же* мѣрою; но *тоюже*. Если бы Онъ сказалъ: *толикою же мѣрою*, тогда рѣчь представляла бы затрудненіе и противорѣчіе; а теперь, сказавъ: *тоюже*, Онъ разрѣшаетъ противорѣчіе: ибо можно мѣрять и одною мѣрою, но не одинаково. Господь то и говоритъ: если ты будешь благотворить, и тебѣ будутъ благотворить. Это— одна и таже мѣра. Преисполненною названа она потому, что за одно твое благодѣяніе тебѣ заплатятъ безчисленными. — Тоже самое и объ осужденіи. Ибо осуждающій получаетъ тоюже самою мѣрою, когда его впослѣдствіи осуждаютъ; поелику же онъ осуждается болѣе, какъ осудившій ближняго, то мѣра сія преисполнена. Господь, сказавъ это, и запретивъ намъ осуждать, представляетъ намъ и притчу, то есть, примѣръ. Онъ говоритъ: осуждающій другаго, и самъ тѣже грѣхи дѣлающій! скажи, пожалуй, не подобенъ ли ты слѣпцу, руководящему слѣпца? Ибо если ты осуждаешь другаго, а самъ впадаешь въ тѣже грѣхи, то вы оба слѣпы. Хотя ты и думаешь, что чрезъ осужденіе руководишь его на добро, но ты не

руководишь. Ибо какъ онъ будетъ наставленъ тобою на добро, когда ты и самъ падаешь? Ученикъ не бываетъ выше учителя. Если, посему, ты, мнимый учитель и руководитель, падаешь, то безъ сомнѣнія падаетъ и руководимый тобою ученикъ, Ибо и приготовленный ученикъ, то есть, совершенный, будетъ таковъ, каковъ его учитель. Сказавъ сіе о томъ, что намъ не должно осуждать слабѣйшихъ насъ и повидимому грѣшныхъ, Онъ присовокупляетъ и нѣчто другое на тотъ же предметъ.

Что же видиши сучецъ, иже есть во очеси брата твоего: бервна же, еже есть въ очеси твоемъ, не чуеши? Или како можеши рещи брату твоему: брате, остави, да изму сучецъ, иже есть во очеси твоемъ, самъ сущаго во очеси твоемъ бервна не видя? лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего: и тогда прозриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего. Нѣсть бо древо добро, творя плода зла: ниже древо зло, творя плода добра. Всяко бо древо отъ плода своего познается: не отъ тернія бо чешутъ смоквы: ни отъ купины емлютъ гроздія. Благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое: и злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое: отъ избытка бо сердца глаголютъ уста его. Что, говоритъ, видишь сучецъ, то есть, малый грѣхъ своего брата, а не замѣчаешь бревна—великаго своего грѣха? Это можетъ относиться и ко всѣмъ, а особенно къ учителямъ и начальникамъ, которые и малыя погрѣшности своихъ подчиненныхъ наказываютъ, а свои, какъ бы ни были онѣ велики, оставляютъ безнаказанными. Потому-то Господь

и называетъ ихъ лицемѣрами, что они иными кажутся (ибо, наказывая погрѣшности другихъ, они кажутся праведными), и иное—на дѣлѣ, ибо и сами грѣшатъ, да еще хуже. Потомъ подтверждаетъ рѣчь свою и примѣромъ. Какъ хорошее древо, говоритъ, не приноситъ плода гнилаго, а древо гнилое не приноситъ хорошаго плода: такъ и тотъ, кто намѣревается уцѣломудрить другихъ, исправить и привести въ лучшее состояніе, самъ не долженъ быть золъ; если же самъ будетъ золъ, то другихъ не сдѣлаетъ лучшими. Ибо сердце каждаго есть сокровищница. Если она вмѣщаетъ добро, то и человѣкъ добръ и говоритъ доброе; если же сердце полно зла, то и человѣкъ золъ и говоритъ злое. Всю эту рѣчь можешь разумѣть и о фарисеяхъ. Ибо Онъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ: выбрось прежде бревно изъ своего глаза, и тогда уже сучецъ изъ глаза брата своего, подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *оцѣждающіи комары, вельблуды же пожирающе* (Матѳ. 23, 24). Какъ же, говоритъ, вы, фарисеи, будучи гнилыми деревьями, можете принесть добрые плоды? Ибо какъ ученіе ваше гнило, такъ и жизнь, такъ какъ вы говорите отъ избытка сердца. Какъ же вы будете исправлять другихъ и наказывать преступленія другихъ, когда сами грѣшите больше?

Что же мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю? Всякъ грядый ко мнѣ, и слышай словеса моя, и творя я, скажу вамъ, кому есть подобенъ. Подобенъ есть человѣку зиждущу храмину, иже* Зач. 28.

---

*Рече Господь: что Мя**

Лук.

ископа и углуби, и положи основаніе на камени, наводненію же бывшу, припаде рѣка къ храминѣ той, и не може поколебати ея: основана бо бѣ на камени. Слышавый же и не сотворивый, подобенъ есть человѣку создавшему храмину на земли безъ основанія, ейже припаде рѣка и абіе падеся, и бысть разрушеніе храмины тоя веліе. Это необходимо относится къ намъ, которые устами исповѣдуемъ Его Господомъ, а дѣлами отрекаемся отъ Него (Тит. 1, 16), Если, говоритъ, Я—Господь: то вы во всемъ должны поступать какъ рабы. А долгъ рабовъ—дѣлать то, что Господь повелѣваетъ. Потомъ говоритъ намъ, какая польза тому, кто слушаетъ Его, и не только слушаетъ, но и на дѣлѣ исполняетъ. Таковый подобенъ человѣку строющему домъ, построившему оный на камнѣ. Камень же, какъ свидѣтельствуетъ апостолъ (1 Кор. 10, 4), Христосъ.—Копаетъ и углубляетъ тотъ, кто принимаетъ слова Писанія не поверхностно, а изыскиваетъ глубины ихъ духомъ. Таковый основываетъ на камнѣ; потомъ, когда случится наводненіе, то есть, гоненіе или искушеніе, рѣка подступитъ къ этому дому, то есть, искуситель, бѣсъ ли то или человѣкъ, и однакожъ не можетъ поколебать его. Искушающій человѣкъ очень справедливо можетъ быть сравненъ съ наводненіемъ рѣки. Ибо какъ наводненіе рѣчное производитъ вода, сверху падающая, такъ и человѣка искусителя возращаетъ сатана, спадшій съ неба. Домъ тѣхъ, кои не соблюдаютъ словъ Господа, падаетъ, и разрушеніе сего дома бываетъ большое. Ибо паденія слушающихъ, но не творящихъ, велики. Потому что не слышавшій

и не сдѣлавшій погрѣшаетъ легче, а слышавшій, и однакожъ не исполняющій, согрѣшаетъ тяжелѣе.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

О сотникѣ. — О сынѣ вдовицы. — О посланныхъ отъ Іоанна. — О женѣ, помазавшей Господа мѵромъ.

Егда же сконча вся глаголы своя въ слухи людемъ, вниде въ Капернаумъ. * *Сотнику же нѣкоему рабъ боля злѣ, хотяше умрети, иже бѣ ему честенъ. Слышавъ же о Іисусѣ, посла къ нему старцы іудейскія, моля его, яко да пришедъ спасетъ раба его. Они же пришедше ко Іисусови, моляху его тощно, глаголюще: яко достоинъ есть, еже аще даси ему. Любитъ бо языкъ нашъ, и сонмище той созда намъ. Іисусъ же идяше съ ними, еще же ему не далече сущу отъ храмины, посла къ нему сотникъ други, глаголя ему: Господи, не движися: нѣсмь бо достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши. Тѣмже ни себе достойна сотворихъ пріити къ тебѣ: но рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой. Ибо и азъ человѣкъ есмь подъ владыкою учиненъ, имѣя подъ собою воины, и глаголю сему: иди, и идетъ, и другому: пріиди, и пріидетъ, и рабу моему: сотвори сіе, и сотворитъ. Слышавъ же сія Іисусъ чудися ему: и обращся, идущему по немъ народу рече: глаголю вамъ, ни во Ісраили толики вѣры обрѣтохъ. И возвращшеся посланніи, обрѣтоша болящаго раба исцѣлѣвша.* Сотникъ сей есть одинъ и тотъ же съ упоминаемымъ у еван-

Зач. 29.

Во время оно, вниде Іисусъ въ Капернаумъ *

гелиста Матөея (гл. 8). Хотя Матөей и не говоритъ, что сотникъ посылалъ іудеевъ просить и молить Іисуса: но что изъ того? Ибо очень вѣроятно, что онъ сначала послалъ іудеевъ, а потомъ и самъ пошелъ. Итакъ что̀ опустилъ Матөей, то̀ говоритъ Лука. Можетъ быть и то, что іудеи, снѣдаемые завистію, не допустили бы сотника придти къ ногамъ Іисусовымъ, ибо это доставило бы славу Іисусу, еслибъ онъ, вынуждаемый крайностію, и самъ пришелъ къ Іисусу. Но, можетъ быть опять, кто-нибудь спроситъ: какъ же Матөей говоритъ, что сотникъ самъ лично умолялъ Іисуса придти, а Лука говоритъ здѣсь, что сотникъ чрезъ посланныхъ просилъ Іисуса не приходить? На сіе можно сказать, что нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, другихъ ли послать, или самому придти сказать это, то есть, попросить не приходить. Но вѣра мужа, назвавшаго себя недостойнымъ посѣщенія Іисусова, достойна удивленія. Посему и Господь говоритъ: Я и въ израильскомъ народѣ не нашелъ такой вѣры. Ибо сотникъ былъ язычникъ, быть можетъ, изъ римскихъ отрядовъ.—Сотникъ же есть и всякій умъ, который, имѣя много дѣлъ въ жизни, беретъ верхъ надъ многимъ зломъ, но имѣетъ больнаго раба — неразумную часть души, разумѣю гнѣвъ и похотѣніе; ибо сіи поставлены быть рабами. Онъ призываетъ Іисуса, пославъ къ нему посредниками іудеевъ, то есть, помыслы и слова исповѣданія; ибо Іуда значитъ: исповѣданіе. Ибо не исповѣданіе ли и смиреніе выражаютъ слова: я недостоинъ того, чтобъ ты вошелъ подъ кровъ мой и проч? Итакъ когда онъ увѣруетъ въ Іисуса; то скоро

онъ уврачуетъ раба своего, то есть, гнѣвъ и похотѣніе.

И бысть по семъ, идяше во градъ, нарицаемый Наинъ: и съ нимъ идяху ученицы его мнози, и народъ многъ. Якоже приближися ко вратомъ града, и се изношаху умерша, сына единородна матери своей: и та бѣ вдова: и народъ отъ града многъ съ нею. И видѣвъ ю Господь, милосердова о ней, и рече ей: не плачи. И приступль коснуся во одръ, носящіи же сташа, и рече: юноше, тебѣ глаголю, востани. И сѣде мертвый и начатъ глаголати: и даде его матери его. Пріятъ же страхъ вся, и славляху Бога глаголюще: яко пророкъ велій воста въ насъ, и яко посѣти Богъ людей своихъ.* Зач. 30.
Возвративъ здоровье сотникову рабу, даже заочно, Господь совершаетъ еще новое чудо. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: что же Онъ сдѣлалъ новаго надъ рабомъ, быть можетъ, рабъ и не умеръ бы?—для сего Господь воскрешаетъ мертваго, котораго уже выносили. Не словомъ только Господь совершаетъ чудо, но и одра касается,—чтобы мы познали, что тѣло Его есть тѣло жизни. Поелику плоть Его была собственною плотію Слова, животворящаго все, посему и сама животворитъ и разрушаетъ смерть и тлѣніе.—*И сѣде мертвый, и начатъ глаголати,* дабы кто-нибудь не подумалъ, что онъ воскрешенъ призрачно. А то, что онъ сѣлъ и началъ говорить, было признакомъ истиннаго воскресенія. Ибо тѣло безъ души не можетъ ни сидѣть, ни говорить.—Подъ вдовою можешь

---

*Во время оно идяше Іисусъ**

Лук.

разумѣть и душу, лишившуюся своего мужа, то есть, слова Божія, всѣявшаго добрыя сѣмена. Сынъ ея— умъ, умершій и выносимый внѣ города, вышняго Іерусалима, который есть страна живыхъ. Потомъ Господь, умилосердившись, касается одра. Одръ ума — тѣло. Ибо тѣло (σῶμα) есть поистинѣ одръ, гробъ (σῆμα); почему нѣкоторые и называли его σῆμα, то есть, гробъ. Господь, коснувшись тѣла, воскрешаетъ умъ, дѣлая его юнымъ и отважнымъ. Юноша, то есть, умъ этотъ, садится, и, воскрешенный изъ гроба грѣха, начинаетъ говорить, то есть, учить другихъ. Потому что доколѣ онъ одержимъ бываетъ грѣхомъ, онъ не можетъ учить и говорить. Ибо кто ему повѣритъ?

Зач. 31. *И изыде слово сіе по всей Іудеи о немъ,* и по всей странѣ. И возвѣстиша Іоанну ученицы его о всѣхъ сихъ, и призвавъ два нѣкая отъ ученикъ своихъ Іоаннъ, посла ко Іисусу, глаголя: ты ли еси грядый, или иного чаемъ? Пришедша же къ нему мужа, рѣста: Іоаннъ креститель посла насъ къ тебѣ, глаголя: ты ли еси грядый, или иного чаемъ? въ той же часъ исцѣли многи отъ недугъ, и ранъ, и духъ злыхъ, и многимъ слѣпымъ дарова прозрѣніе. И отвѣщавъ Іисусъ рече има: шедша возвѣстита Іоанну, яже видѣста и слышаста: яко слѣпіи прозираютъ, хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, глусіи слышатъ, мертвіи востаютъ, нищіи благовѣствуютъ. И блаженъ есть, иже аще не соблазнится о мнѣ. Отшедшема же ученикома Іоанно-*

---

*Во время оно, изыде слово о Іисусѣ по всей Іудеи,**

вома, начатъ глаголати къ народомъ о Іоаннѣ: чесо изыдосте въ пустыню видѣти? трость ли вѣтромъ колеблему? Но чесо изыдосте видѣти? человѣка ли въ мякки ризы одѣяна? се, иже во одежди славнѣй и пищи сущіи, во царствіи суть. Но чесо изыдосте видѣти? пророка ли? ей, глаголю вамъ, и лишше пророка. Сей бо есть, о немже писано есть: се азъ послю ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже устроитъ путь твой предъ тобою. Глаголю бо вамъ: болій въ рожденныхъ женами пророка Іоанна крестителя никто же есть: мній же во царствіи Божіи болій его есть. И вси людіе слышавше и мытаріе, оправдиша Бога, крещшеся крещеніемъ Іоанновымъ. Фарисее же и законницы, совѣтъ Божій отвергоша въ себѣ, не крещтеся отъ него, Слухъ о чудѣ, совершенномъ въ Наинѣ, разнесся по всей Іудеѣ и окрестной странѣ. Дошелъ онъ и до учениковъ Іоанновыхъ. При похвалахъ Господу они, какъ еще несовершенные, досадовали. Посему Іоаннъ, желая показать имъ величіе Христа и то, насколько онъ (Іоаннъ) отстоитъ отъ Него (Христа), устрояетъ слѣдующее: не дѣлаетъ ученикамъ никакого отзыва объ Іисусѣ, а, представляясь незнающимъ, посылаетъ ихъ, чтобы они, увидѣвши чудеса, изъ самыхъ дѣлъ увѣровали, что весьма велико разстояніе между Господомъ—Іисусомъ и рабомъ—Іоанномъ. Ибо не думай, будто Іоаннъ дѣйствительно не зналъ о Христѣ и потому послалъ учениковъ своихъ съ вопросомъ. Онъ еще, прежде рожденія, въ утробѣ матери взыгралъ, какъ познавшій Его, и на Іорданѣ свидѣтельствовалъ объ Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ.—Итакъ онъ посылаетъ учениковъ, повелѣвая

имъ спросить Іисуса: *ты ли еси грядый?* Видишь ли, какъ глубоко Іоаннъ ведетъ учениковъ къ вѣрѣ, что Іисусъ есть Богъ? Ибо пророки называются *посланными*, и самъ Іоаннъ, какъ говоритъ евангелистъ, бысть человѣкъ *посланъ* отъ Бога, (Іоан. 1, 6). А Господь—*грядый:* ибо Онъ пришелъ со властію, а не противъ воли. Итакъ говоритъ: Ты ли Тотъ, чьего пришествія въ міръ ожидаютъ?—Иные *грядый* разумѣютъ о сошествіи во адъ; какъ-бы такъ было сказано: ты ли имѣешь придти и во адъ? Что же Господь? Зная, съ какимъ намѣреніемъ Іоаннъ послалъ учениковъ, именно, чтобъ они увидѣли дѣла Его, и отъ нихъ пришли къ вѣрѣ, Онъ говоритъ посланнымъ: возвѣстите, что видите. Потомъ перечисляетъ чудесныя дѣйствія, о которыхъ и пророками предвозвѣщено. Ибо слова: *слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, и нищіи благовѣствуютъ*, находятся у Исаіи (35, 5. 6). Потомъ говоритъ: *и блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ*, какъ-бы такъ говоря имъ: и вы блаженны, если не соблазнитесь о Мнѣ. Поелику многіе легко могли соблазниться объ Іоаннѣ, какъ онъ прежде столь много свидѣтельствовалъ о Христѣ, а теперь послалъ съ вопросомъ „*Онъ ли есть грядый*"; посему Христосъ говоритъ народу: ничего подобнаго не подозрѣвайте объ Іоаннѣ. Онъ—не трость, чтобы склоняться то на ту сторону, то на другую, и чтобы въ одно время свидѣтельствовать обо Мнѣ, а въ другое—не знать Меня. Ибо еслибъ онъ былъ таковъ, тогда для чего бы вышли вы въ пустыню смотрѣть его? Онъ отнюдь не растлилъ ума своего чувственными наслажденіями; ибо

одежда его показываетъ, что онъ выше всякаго наслажденія; притомъ онъ жилъ бы въ палатахъ, если бы любилъ удовольствія. Но вы сами почитаете его за пророка? Истинно говорю вамъ, что онъ и больше пророка. Ибо другіе пророки только предсказывали о Христѣ, а онъ видѣлъ Его и указалъ, говоря: *се Агнецъ Божій*; притомъ другіе пророки пророчествовали послѣ того, какъ уже вышли изъ утробы своихъ матерей, а онъ узналъ Господа и взыгралъ еще прежде, чѣмъ вышелъ изъ утробы. Потомъ приводитъ свидѣтельство: *се Азъ посылаю ангела моего* (Малах. 3. 1). Іоаннъ названъ *ангеломъ*, быть можетъ, и потому что жизнь его почти безплотная и ангельская, а быть можетъ и потому, что онъ возвѣстилъ (*ἤγγειλε*) пришествіе Спасителя. *Аминь глаголю вамъ: не воста въ рожденныхъ женами больше Іоанна.* Предтечу поставляетъ выше всѣхъ другихъ. Потомъ, какъ-бы кто сказалъ: „и тебя самаго, Христосъ, Іоаннъ больше“? прибавляетъ: а Я, меньшій его, больше въ царствѣ небесномъ. Ибо хотя Меня считаютъ меньшимъ его и по благородству, и по возрасту, и по славѣ, однакожъ въ царствѣ небесномъ, то есть, во всемъ божественномъ и духовномъ, Я больше его. Итакъ всѣ люди, которые послушали Іоанна, оправдали Бога, то есть, почтили Бога тѣмъ, что приняли Его пророка. А фарисеи не почтили Бога, поелику не приняли Іоанна.— Нѣкоторые иначе понимали слова: *въ рожденныхъ женами;* именно: хорошо сказалъ Господь: *въ рожденныхъ женами,* исключая такимъ образомъ Себя. Ибо Онъ родился отъ Дѣвы, а не отъ жены, то есть, не

отъ замужней женщины—Иначе понимали и выраженіе: *мній въ царствіи небеснѣмъ*; именно: меньшій въ жизни христіанской есть больше праведнаго по закону. Напримѣръ, Іоаннъ непороченъ по праведности законной. Но если кто крещенъ, и не сдѣлалъ еще ничего ни добраго, ни злаго, то онъ, хотя весьма малъ въ царствѣ небесномъ, то есть, въ проповѣди христіанской, больше однакожъ некрещеннаго, хотя бы праведнаго по закону. И иначе: поелику Іоаннъ, хотя почти безплотенъ и невеществѣнъ, однакожъ находится еще во плоти: то самый малый въ воскресеніи, которое называетъ царствомъ небеснымъ, больше его. Ибо тогда, получивъ совершенное нетлѣніе, мы не будемъ уже поступать по плотскому и малый тогда—больше праведнаго теперь, но еще носящаго плоть.

Зач. *Рече же Господь: кому убо* * *уподоблю человѣки*
32. *рода сего, и кому суть подобни? Подобни суть отрочищемъ сѣдящымъ на торжищахъ, и приглашающымъ другъ друга, и глаголющымъ: пискахомъ вамъ, и не плясасте: рыдахомъ вамъ, и не плакасте. Пріиде бо Іоаннъ креститель, ни хлѣба ядый, на вина пія, и глаголете: бѣса имать. Пріиде Сынъ человѣческій ядый и пія, и глаголете: сей человѣкъ ядца и винопійца, другъ мытаремъ и грѣшникомъ. И оправдися премудрость отъ чадъ своихъ всѣхъ.* У іудеевъ былъ родъ нѣкоторой игры такой: большое число дѣтей раздѣлялись на двѣ части, и, какъ-бы въ насмѣшку надъ жизнію, одни на одной сторонѣ, плакали, а другіе, на другой, играли

---

*Рече Господь: кому**

на свирѣли, и ни граюціе не соглашались съ плачущими, ни плачущіе съ играющими. Господь и фарисеевъ представляетъ дѣлающими нѣчто подобное. Ибо ни съ Іоанномъ, ведущимъ плачевную жизнь и вводящимъ покаяніе, не скорбѣли и не подражали ему, ни Іисусу, показывающему пріятную жизнь, не повиновались и не соглашались съ Нимъ, но отъ обоихъ отстранили себя, не оказавъ сочувствія ни Іоанну плачущему, ни Іисусу играющему и отпускающему. И наконецъ мудрость Божія оправдалась, то есть, почтена не фарисеями, но ея чадами, то есть, принявшими ученіе Іоанново и Іисусово.

Моляше же его нѣкій отъ фарисей, дабы ялъ* Зач.
съ нимъ: и вшедъ въ домъ фарисеовъ, возлеже. И се же- 33.
на во градѣ, яже бѣ грѣшница, и увидѣвши, яко возлежитъ во храминѣ фарисеовѣ, принесши алавастръ мѵра, И ставши при ногу его созади плачущися, начатъ умывати нозѣ его слезами, и власы главы своея отираше, и облобызаше нозѣ его, и мазаше мѵромъ. Видѣвъ же фарисей воззвавый его, рече въ себѣ, глаголя: сей аще бы былъ пророкъ, видѣлъ бы, кто и какова жена прикасается ему, яко грѣшница есть. И отвѣщавъ Іисусъ рече къ нему: Симоне, имамъ ти нѣчто рещи. Онъ же рече: учителю, рцы: Іисусъ же рече: Два должника бѣста заимодавцу нѣкоему: единъ бѣ долженъ пятіюсотъ динаріи, другій же пятіюдесять. Не имущема же има воздати, обѣма отда: который убо ею,

---

*Во время оно, моляше Іисуса**

Лук.

рцы, паче возлюбитъ его? Отвѣщавъ же Симонъ рече: мню, яко емуже вящше отда. Онъ же рече ему: право судилъ еси. Этотъ фарисей, позвавшій Господа, кажется, былъ неправыхъ мыслей, но хитрый и полный лицемѣрія. Говоритъ: *сей аще бы былъ пророкъ*; очевидно, онъ не вѣровалъ, когда такъ говорилъ. Господь хотя и знаетъ его непрямоту, однакожъ идетъ къ нему и обѣдаетъ съ нимъ, конечно, насъ чрезъ сіе поучая вести себя просто и прямо даже съ тѣми, кои по отношенію къ намъ коварны. — Многихъ занимаетъ вопросъ: сколько было женъ, помазавшихъ Господа мѵромъ. Одни говорятъ, что ихъ было двѣ, одна— упоминаемая въ евангеліи отъ Іоанна, сестра Лазаря (Іоан. 12, 3), и другая—та, о которой упоминаютъ евангелисты Матѳей (26, 2. 6, 7) и Маркъ (14, 1. 3), и въ настоящемъ мѣстѣ Лука. Но я вѣрю тѣмъ, кои говорятъ, что ихъ (женъ, помазавшихъ Господа мѵромъ) было три: одна—сестра Лазаря, упоминаемая у Іоанна, помазавшая Господа за шесть дней до пасхи, другая—упоминаемая у Матѳея и Марка, помазавшая Господа за два дня до пасхи, и третья—сія, упоминаемая теперь Лукою, помазавшая Господа въ срединѣ евангельской проповѣди. И ничего нѣтъ страннаго, что она сдѣлала это еще прежде, чѣмъ настало время страданія, а тѣ сдѣлали тоже самое близь времени страданія, изъ подражанія ей или по другому побужденію. Если упоминаемй у Матѳея фарисей, позвавшій Господа, названъ Симономъ, какъ и у Луки: то что̀ удивительнаго въ совпаденіи именъ? Поелику тотъ (о которомъ говоритъ Матѳей) былъ прокаженный, а сей (у Луки) нѣтъ; тотъ по исцѣленіи отъ проказы

пригласилъ Господа въ знакъ благодарности, а сей не былъ прокаженнымъ, и не высказывалъ благодарности; тотъ ничего не говоритъ, а сей ропщетъ и осуждаетъ въ одно время Іисуса и жену, сію какъ грѣшницу, а Того какъ человѣколюбца. О безуміе! человѣкъ по-истинѣ фарисей. Но Господь, спрашивая его притчами и выводя на среду двоихъ должниковъ, незамѣтнымъ образомъ высказываетъ, что и онъ есть должникъ, хотя и считающій себя меньше должнымъ, но все-таки должникъ. Итакъ ни ты, должный меньшимъ, не можешь отдать долгъ (ибо одержимый гордостью, ты не имѣешь исповѣданія), ни жена не можетъ. Посему обоимъ будетъ отпущено. И кто возлюбитъ болѣе? Безъ сомнѣнія, тотъ, кому много отпущено. Сказавъ это, Онъ заграждаетъ уста гордеца.

И обращся къ женѣ, Симонови рече: видиши ли сію жену? внидохъ въ домъ твой, воды на нозѣ мои не даде: сія же слезами облія ми нозѣ, власы главы своея отре. Лобзанія ми не даде: сія же отнелиже внидохъ, не преста облобызающи ми нозѣ. Масломъ главы моея не помаза: сія же мѵромъ помаза ми нозѣ. Егоже ради глаголю ти: отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много: а емуже мало оставляется, менше любитъ. Рече же ей: отпущаются тебѣ грѣси. И начаша возлежащіи съ нимъ глаголати въ себѣ: кто сей есть, иже и грѣхи отпущаетъ; рече же къ женѣ: вѣра твоя спасе тя: иди въ миръ. Господь обнаруживаетъ въ Симонѣ гордеца и безумца:—гордеца, потому что онъ, самъ будучи человѣкомъ, осудилъ человѣка за грѣхи;—безумца, поелику не уразумѣлъ, что жену, которая явила такіе знаки вѣры и любви, нужно было принять, а не

отвергнуть. Посему Господь и обличаетъ его, въ томъ, что онъ напрасно осудилъ жену, которая сдѣлала столько, сколько самъ онъ не сдѣлалъ, не сдѣлалъ даже гораздо низшаго въ сравненіи съ нею. Ты, напримѣръ, не далъ и воды на ноги, что̀ самое обыкновенное дѣло, а она слезами омыла ихъ; ты не облобызалъ Меня и въ лицо, а она облобызала мои ноги; ты не вылилъ и елея, а она возлила мvро. Поелику ты сказалъ, что Я—не пророкъ, такъ какъ Я не различилъ, что она—грѣшница: то вотъ Я обличаю помышленія твоего сердца, чтобы ты зналъ, что Я знаю какъ сокрытое въ тебѣ, такъ еще болѣе знаю относящееся до нея, что̀ знаютъ и многіе другіе. Итакъ отпущаются грѣхи ея, потому что она много возлюбила, то есть, обнаружила великую вѣру.—Возлежащіе вмѣстѣ съ Нимъ и притомъ ропотники не сообразили, что сказанное Имъ къ Симону очень прилично идетъ и къ нимъ. Господь, усмиряя ропотъ ихъ и желая показать имъ, что всякаго спасаетъ вѣра его, не сказалъ: жена! *Я тебя спасаю*, чтобы они не воскипѣли большею завистью, но: *вѣра твоя*. Это сказалъ Онъ, какъ я уже замѣтилъ, частію для того, чтобы успокоить зависть ихъ, а частію для того, чтобы ввести ихъ въ вѣру, давъ имъ знать, что вѣра, именно она, спасаетъ. *Иди въ миръ*, то естъ, въ праведности. Ибо праведность есть миръ съ Богомъ, подобно какъ грѣхъ—вражда на Бога. Смотри: отпустивъ ей грѣхи, Господь не оставилъ ее только съ отпущеніемъ грѣховъ, но придалъ и производительную силу добра. Ибо слова: *иди въ миръ* ты долженъ разумѣть такъ: ступай, дѣлай то, что возвратитъ тебѣ миръ съ Богомъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О женѣ, помазавшей Господа мvромъ.—Притча о сѣятелѣ.— О матери и братьяхъ Іисуса, желающихъ видѣть Его.—Объ укрощеніи волнъ.— О легеонѣ.— О дочери начальника синагоги.—О кровоточивой.

И бысть по семъ, и той прохождаше * *сквозѣ грады и веси, проповѣдуя и благовѣствуя царствіе Божіе: и обанадесять съ нимъ. И жены нѣкія, яже бяху исцѣлены отъ духовъ злыхъ и недугъ: Маріа нарицаемая Магдалина, изъ неяже бѣсовъ седмь изыде, И Іоанна жена Хузаня приставника Иродова, и Сусанна, и ины многи, яже служаху ему отъ имѣній своихъ.* Снисшедъ съ неба затѣмъ, чтолы во всемъ представить намъ Собою образецъ и предначертаніе, Господь научаетъ насъ не лѣниться въ обученіи, но обходить по всѣмъ мѣстамъ и проповѣдывать. Ибо что Онъ ни дѣлалъ, дѣлалъ для наставленія нашего. Онъ проходилъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ, и водилъ съ Собою двѣнадцать учениковъ, которые не учили, не проповѣдывали, но сами отъ Него учились и назидались дѣлами Его и словами Его.—Господь проповѣдывалъ не о земныхъ благахъ, но о царствѣ *небесномъ.* Ибо кому иному было приличнѣе проповѣдывать о небесномъ, какъ не приходящему съ неба? Посему-то ни одинъ изъ пророковъ не проповѣдывалъ о царствѣ небесномъ. Ибо какъ бы они стали проповѣдывать о томъ, чего не видали? Посему-то и предтеча говорилъ: сущій отъ земли и го- Зач. 34.

Во время оно, прохождаше Іисусъ *

ворить, какъ сущій отъ земли, а приходящій съ небесъ, что̀ видѣлъ, о томъ и свидѣтельствуетъ (Іоан. 3, 31. 32).—За Господомъ слѣдовали и жены—чтобы мы знали, что и женскому полу слабость не препятствуетъ послѣдовать Христу. Смотри и на то, какъ онѣ, будучи богатыми, презрѣли однакоже все, и избрали нищету ради Христа и со Христомъ. А что онѣ были богаты, познай изъ того, что онѣ служили Господу имѣніемъ *своимъ*, а не чужимъ или несправедливо пріобрѣтеннымъ достояніемъ, какъ многіе дѣлаютъ.—Въ словахъ: *изъ неяже бѣсовъ седмь изыде*, нѣкоторые число *семь* принимаютъ неопредѣленно, вмѣсто: *много*. Ибо въ Писаніи число семь часто принимается вмѣсто: *много*. Иной, быть можетъ, скажетъ: какъ семь есть духовъ добродѣтели, такъ напротивъ семь же и духовъ злобы; напримѣръ, есть духъ страха Божія, есть, съ противной стороны, духъ безстрашія Божія; есть духъ разумѣнія, есть, съ противной стороны, духъ неразумія, и такъ далѣе. Если эти семь духовъ злобы не будутъ прогнаны отъ души, никто не можетъ послѣдовать Христу. Ибо прежде должно сатану изгнать, а потомъ Христа вселить.

Разумѣвающу же народу многу, и отъ всѣхъ градовъ грядущымъ къ нему, рече притчу: Изыде сѣяй*
Зач. 35. *сѣяти сѣмене своего: и егда сѣяше, ово паде при пути, и попрано бысть, и птицы небесныя позобаша е. А другое паде на камени, и прозябъ усше, зане не имѣяше влаги. И другое паде посредѣ тернія, и возрасте тер-*

---

*Рече Господь притчу сію:**

ніе и подави е. Другое же паде на земли блазѣ, и прозябъ сотвори плодъ сторицею. Сія глаголя, возгласи: имѣяй уши слышати, да слышитъ. Вопрошаху же его ученицы его глаголюще: что есть притча сія? Онъ же рече: вамъ есть дано вѣдати тайны царствія Божія, прочымъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ, и слышаще не разумѣютъ. Нынѣ сбылося то, что давно сказалъ Давидъ отъ лица Христова. *Отверзу*, сказалъ онъ, *въ притчахъ уста моя* (Псал. 77, 2). Господь притчами говорилъ по многимъ цѣлямъ, именно: чтобы слушателей сдѣлать болѣе внимательными и возбудить умъ ихъ къ изслѣдованію того, о чемъ говорится (ибо мы, люди, обыкновенно болѣе занимаемся прикровенными рѣчами, и на ясныя мало обращаемъ вниманія), и чтобы недостойные не поняли того, что говорится таинственно; и по многимъ другимъ побужденіямъ говоритъ Онъ притчами. Вышелъ *сѣятель*, то есть Сынъ Божій. *Вышелъ* изъ нѣдръ Отца и изъ своей сокровенности, и сдѣлался видимымъ. Кто же вышелъ? Тотъ, кто всегда сѣетъ. Ибо сынъ Божій не перестаетъ всегда сѣять въ нашихъ душахъ: Онъ сѣетъ въ нашихъ душахъ добрыя сѣмена не только тогда, когда учитъ, но и чрезъ міръ сей и чрезъ тѣ явленія, которыя совершаются съ нами и около насъ. Онъ вышелъ не затѣмъ, чтобы погубить земледѣльцевъ или выжечь страну, но затѣмъ только, чтобы сѣять. Ибо земледѣлецъ часто выходитъ не затѣмъ только, чтобы сѣять, но и за другимъ.—Онъ вышелъ сѣять сѣмя *свое*. Ибо слово ученія у него было собственное, а не чужое. Пророки, напримѣръ, что ни говорили, говорили не отъ себя, но отъ Духа; почему и говорили они: *сія глаголетъ Господь*. А Христосъ имѣлъ сѣмя свое;

почему, когда и училъ, Онъ не говоритъ: *сія глаголетъ Господь,* но: *Азъ глаголю вамъ.*—Когда Онъ сѣялъ, то есть, училъ, иное сѣмя упало при дорогѣ. Не сказалъ Онъ: сѣятель бросилъ, но: оно упало; потому что сѣятель сѣетъ и учитъ, а слово падаетъ въ сердца слушателей. Они-то и оказываются или дорогою, или камнемъ, или терніемъ, или землею доброю.—Когда ученики спросили о притчѣ; Господь сказалъ имъ: вамъ дано знать тайны царствія Божія, то есть, вамъ, желающимъ научиться; ибо всякій просящій получаетъ. А прочимъ, недостойнымъ таинствъ, онѣ сообщаются прикровенно; и таковые кажутся видящими, но не видятъ, и слышащими, но не разумѣютъ, и это для ихъ же блага. Ибо Христосъ для того сокрылъ сіе отъ нихъ чтобы они, познавъ таинства и презрѣвъ ихъ, не подпали большему осужденію; такъ какъ знающій и пренебрегающій достоинъ тягчайшаго наказанія.

Есть же сія притча: сѣмя есть слово Божіе. А иже при пути, суть слышащіи: потомъ же приходитъ діаволъ, и вземлетъ слово отъ сердца ихъ, да не вѣровавше спасутся. А иже на камени, иже егда услышатъ, съ радостію пріемлютъ слово: и сіи корене не имутъ: иже во время вѣруютъ, и во время напасти отпадаютъ. А еже въ терніи падшее, сіи суть слышавшіи, и отъ печали, и богатства и сластми житейскими ходяще, подавляются, и не совершаютъ плода. А иже на добрѣй земли, сіи суть, иже добрымъ сердцемъ и благимъ слышавше слово, держатъ, и плодъ творятъ въ терпѣніи. Сія глаголя, возгласи: имѣяй уши слышати, да слышатъ. Три разряда людей, кои не спасаются по этой

притчѣ: къ первому относятся тѣ, кои подобны сѣмени, упавшему при пути, то есть, совершенно не приняли ученія; ибо какъ дорога, утоптанная и избитая, не принимаетъ сѣмени, потому что она жестка, такъ и жестокосердые совершенно не принимаютъ ученія, потому что хотя они и слушаютъ, но безъ вниманія. Къ другому относятся тѣ, кои подобны сѣмени, упавшему на камень, то есть, тѣ, кои хотя и приняли ученіе, но потомъ, по немощи человѣческой, оказались безсильными предъ искушеніями. Третій же разрядъ, — это тѣ, кои знаютъ ученіе, и однакожъ подавляются заботами житейскими. Итакъ три части погибающихъ, а одна спасающихся. Такимъ образомъ спасающихся мало, а погибающихъ—очень много. Смотри, какъ Онъ говоритъ относительно подавляемыхъ (заботами житейскими): не сказалъ Онъ, что они подавляются богатствомъ, но заботами о богатствѣ. Ибо не богатство вредитъ, а заботы объ немъ. Потому что многіе получили пользу отъ богатства, раздавъ его на утоленіе голода бѣдныхъ. Примѣть, пожалуй, и точность евангелиста, какъ онъ сказалъ о спасающихся: *слышавше слово держатъ*. Это сказалъ онъ ради тѣхъ, кои при пути; ибо сіи не содержатъ ученіе, но дьяволъ уноситъ его у нихъ. *И плодъ творятъ;* это сказалъ онъ ради тѣхъ, кои подавляются (заботами житейскими) и не выдерживаютъ до конца; ибо таковые, то есть неносящіе до конца, не приносятъ плода. *Въ терпѣніи*, сказалъ ради тѣхъ, иже на камени; они и принимаютъ ученіе, но, не устоявъ противъ нашедшаго искушенія, оказываются негодными. Видишь ли, какъ Онъ сказалъ о спасающихся: *дер-*

жать, плодъ творятъ, въ терпѣніи, и чрезъ эти три свойства отличилъ ихъ: — отъ несодержащихъ, каковы тѣ, иже при пути, отъ неприносящихъ плода, каковы— тѣ, иже въ терніяхъ, и отъ непереносящихъ нападшаго на нихъ искушенія, каковы—тѣ, иже на камени.

Зач. 36. *Никтоже убо* свѣтилника вжегъ, покрываетъ его сосудомъ, или подъ одръ подлагаетъ: но на свѣщникъ возлагаетъ, да входящіи видятъ свѣтъ. Нѣсть бо тайно, еже не явлено будетъ, ниже утаено, еже не познается, и въ явленіе пріидетъ. Блюдитеся убо, како слышите: иже бо имать, дастся ему: и иже аще не имать, и еже мнится имья, возмется отъ него.* Здѣсь начало другаго ученія. Ибо Онъ обращается къ ученикамъ и говоритъ это, съ цѣлію наставить ихъ быть тщательными въ жизни и непрестанными подвижниками, такъ какъ всѣ на нихъ будутъ обращать взоры. Ибо на учителя и проповѣдника всѣ смотрятъ, всѣ наблюдаютъ за нимъ, хорошъ ли онъ или наоборотъ, и ничего своего онъ не укроетъ. Итакъ если вы, ученики, будете внимательны и тщательны, то Богъ даруетъ вамъ большую благодать; а кто не будетъ имѣть тщательности и внимательности, тотъ своею небрежностію угаситъ и погубитъ и тотъ даръ отъ Бога, какой, повидимому, онъ имѣетъ.

Пріидоша же къ нему мати и братія его, и не можаху бесѣдовати къ нему народа ради. И возвѣстиша ему, глаголюще: мати твоя и братія твоя внѣ стоятъ, видѣти тя хотяще. Онъ же отвѣщавъ рече

---

*Рече Господь: никтоже**

къ нимъ: мати моя и братія моя сіи суть, слышащіи слово Божіе, и творящіи е. Отсюда оказывается, что Христосъ былъ не вмѣстѣ съ своими сродниками по плоти, но они пришли къ Нему; ибо Онъ, оставивъ ихъ, занимается духовнымъ (учительствомъ). Такъ и всякій, кому ввѣрено служеніе Божіе, не долженъ ничего предпочитать ему; а должно и родителей оставлять, если они безъ пользы и напрасно будутъ препятствовать намъ въ дѣлѣ Божіемъ, подобно какъ и Господь теперь поступаетъ. Когда нѣкоторые сказали Ему объ Его сродникахъ, Онъ не заключаетъ братства въ числѣ немногихъ, и сынамъ Іосифовымъ не придаетъ той части, будтобъ они только одни Его братья. Но поелику Онъ пришелъ спасти весь міръ, и всѣхъ сдѣлать братьями, то говоритъ: мать моя и братья мои суть тѣ, кои слушаютъ слово Божіе; потомъ, поелику одно слушаніе никого не спасаетъ, а развѣ только осуждаетъ, Онъ говоритъ: и исполняютъ. Ибо должно слушать и вмѣстѣ исполнять. Словомъ Божіимъ называетъ свое ученіе; ибо что̀ Онъ ни говорилъ, все принадлежало Отцу Его, такъ какъ Онъ не былъ противникомъ Богу, чтобы слова Его не были Божіими. Нѣкоторые мѣсто это понимаютъ такъ: поелику Христосъ училъ, и былъ въ славѣ за свое ученіе, то нѣкоторые, возбуждаемые завистію, какъ-бы въ насмѣшку надъ Нимъ, говорили: вотъ, мать твоя и братья твои стоятъ внѣ, и желаютъ видѣть тебя. Такъ какъ мать Его была бѣдна, и братья Его неславны, какъ дѣти плотника; то они, чтобъ опозорить Его какъ неблагодарнаго, и указывали Ему на мать Его и на

братьевъ. Но Онъ, зная мысль ихъ, сказалъ: бѣдность родственниковъ нисколько не вредитъ Мнѣ, напротивъ, если кто даже и бѣденъ, но слушаетъ слово Божіе, того Я дѣлаю сродникомъ своимъ.

Зач. 37. *И бысть во единъ отъ днiй, и той влѣзе* въ корабль, и ученицы его: и рече къ нимъ: прейдемъ на онъ полъ езера: и поидоша. Идущымъ же имъ, успе: и сниде буря вѣтреная въ езеро: и скончавахуся, и въ бѣдѣ бѣху. И приступльше воздвигоша его, глаголюще: наставниче, наставниче, погибаемъ. Онъ же воставъ запрети вѣтру и волненiю водному: и улегоста, и бысть тишина. Рече же имъ: гдѣ есть вѣра ваша? убоявшеся же чудишася,*[~] *глаголюще другъ ко другу: кто убо сей есть, яко и вѣтромъ повелѣваетъ, и водѣ, и послушаютъ его?* Господь засыпаетъ съ особеннымъ намѣреніемъ, именно, чтобъ доставить упражненіе ученикамъ и испытать, какова ихъ вѣра, останутся ли они безъ смущенія отъ искушеній. Оказывается, что они слабы. Они обнаруживаютъ вѣру не совершенную, но смѣшанную съ невѣріемъ. Ибо вѣруютъ, что Онъ можетъ спасти, но какъ маловѣрные говорятъ: спаси! погибаемъ. А если бы они имѣли совершенную вѣру, то были бы вполнѣ убѣждены, что для нихъ даже невозможно погибнуть тогда, когда съ ними находится Всемогущій. *Онъ же воставъ запрети вѣтру.* Чтобы сила Его была очевиднѣе, Онъ допустилъ ихъ смутиться. Ибо мы, люди, обыкновенно болѣе помнимъ того избавителя, который спасъ насъ отъ большой опасности.

---

*Во время оно, влѣзе Іисусъ:**

Посему Онъ восталъ и спасъ ихъ не въ началѣ, но когда они были на краю опасности.—Можешь усматривать и переносный смыслъ. Настоящее событіе есть образъ того, что̀ случилось съ учениками въ послѣдствіи. Озеро есть Іудея, на которую нашла сильная буря неистовства противу Христа, каковымъ неистовствовали іудеи при распятіи Господа. Смутились и ученики: ибо всѣ оставили Его, и бѣжали. Но Господь всталъ отъ сна, то есть воскресъ, и—ученики опять успокоились. Ибо, представъ предъ ними, Онъ сказалъ: *миръ вамъ* (Іоан. 20, 19). Таковъ переносный смыслъ сего мѣста.—*Кто убо сей есть?* Они говорятъ это не въ смыслѣ сомнѣнія, но въ чувствѣ удивленія. Они какъ-бы такъ сказали: *кто сей есть* то есть, какой Онъ великій и дивный, и какою властію и силою творитъ это?!

И преидоша во страну Гадаринскую, яже есть обонполъ Галилеи. Изшедшу же ему на землю, срѣте его мужъ нѣкій отъ града, иже имяше бѣсы отъ лѣтъ многихъ, и въ ризу не облачашеся, и во храмѣ не живяше, но во гробѣхъ. Узрѣвъ же Іисуса, и возопивъ, припаде къ нему, и гласомъ веліимъ рече: что мнѣ и тебѣ, Іисусе Сыне Бога вышняго? молюся ти, не мучи мене. Повелѣ бо духови нечистому изыти отъ человѣка, отъ многихъ бо лѣтъ восхищаше его, и вязаху его узы желѣзны и путы, стрегуще его: и растерзая узы, гонимъ бываше бѣсомъ сквозѣ пустыни. Вопроси же его* Зач. 38.

---

*Во время оно, пришедшу Іисусу во страну Гадаринску**

Іисусъ, глаголя: что ти есть имя? онъ же рече: легеонъ: яко бѣси мнози внидоша въ онъ. И моляху его, да не повелитъ имъ въ бездну ити. Бѣ же ту стадо свиней много пасомо въ горѣ: и моляху его, да повелитъ имъ въ ты внити: и повелѣ имъ. Изшедше же бѣси отъ человѣка, внидоша во свинія: и устремися стадо по брегу въ езеро, и истопе. Смотри: бѣсъ одержимъ двумя страстями злобы, дерзостію и страхомъ. Ибо слова: *что мнѣ и тебѣ* свойственны дерзкому и безстыдному рабу, а: *молюся ти*—боязливому. Живетъ онъ въ гробахъ, съ намѣреніемъ вложить людямъ лукавую мысль, что души умершихъ становятся бѣсами.—Бѣсы просятъ о томъ, чтобъ имъ не повелѣно было идти въ бездну, но позволено еще пожить на землѣ. Господь позволяетъ имъ быть на землѣ, чтобы они, нападая на людей, дѣлали ихъ болѣе славными. Ибо если бы не было противоборствующихъ, не было бы и подвиговъ; а если бы не было подвиговъ, не было бы и вѣнцовъ.—Знай и болѣе переносный смыслъ. Кто имѣетъ въ себѣ бѣсовъ, то есть, бѣсовскія дѣла, тотъ не надѣваетъ на себя одежды, то есть, не имѣетъ одежды крещенія, и не живетъ въ дому, то есть, въ церкви, ибо недостоинъ входить въ церковь, но живетъ во гробахъ, то есть, въ мѣстахъ мертвыхъ дѣлъ, напримѣръ, въ домахъ непотребныхъ, въ мытницахъ (таможняхъ). Ибо такіе домы суть вмѣстилища злобы.

Видѣвше же пасущіи бывшее, бѣжаша: и возвѣстиша во градѣ и въ селѣхъ. Изыдоша же видѣти бывшее, и пріидоша ко Іисусови, и обрѣтоша человѣка сѣдяща, изъ негоже бѣси изыдоша, оболчена и смысляща,

при ногу Іисусову, и убояшася. Возвѣстиша же имъ видѣвшіи, како спасеся бѣсновавыйся. И моли его весь народъ страны Гадаринскія отъити отъ нихъ: яко страхомъ веліимъ одержими бѣху: онъ же влѣзъ въ корабль, возвратися. Моляшеся же ему мужъ, изъ негоже изыдоша бѣси, дабы съ нимъ былъ: отпусти же его Іисусъ, глаголя: Возвратися въ домъ твой, и повѣдай елика ти сотвори Богъ, и иде, по всему граду проповѣдуя, елика сотвори ему Іисусъ. Бѣгство пастуховъ было для гадаринцевъ поводомъ къ спасенію; но они не уразумѣли. Имъ должно было удивиться силѣ Спасителя и увѣровать въ Него; а они, сказано, просили, то есть, умоляли Іисуса отойти отъ нихъ. Ибо они боялись, чтобъ еще не потерпѣть какого-нибудь другаго убытка, подобно тому, какъ они лишились свиней. Но получившій исцѣленіе представляетъ непререкаемое доказательство исцѣленія. Онъ сталъ настолько здоровъ умомъ, что позналъ Іисуса, и просилъ Его, чтобы быть съ Нимъ. Вѣроятно, онъ боялся, чтобы, по удаленіи отъ Іисуса, ему снова не попасть во власть бѣсовъ. Но Господь, показывая ему, что онъ, и не будучи со Іисусомъ, но покрываемый Его благодатію, можетъ быть выше бѣсовскихъ сѣтей, говоритъ ему: возвратись въ домъ свой, и разскажи, что сотворилъ тебѣ *Богъ*, Не сказалъ: *что Я сотворилъ тебѣ*, чтобы намъ подать образецъ смиренномудрія, и чтобы мы всякое счастливо совершенное дѣло относили къ Богу. Но исцѣленный былъ настолько благоразуменъ, что разсказывалъ о томъ, что сдѣлалъ ему *Іисусъ*. Хотя Господь заповѣдалъ ему разсказывать о томъ, что сотворилъ ему *Богъ*, а онъ

разсказываетъ, что сдѣлалъ ему *Іисусъ*. Итакъ и намъ, когда сдѣлаемъ кому-нибудь добро, не должно желать проповѣданія объономъ; а тотъ кому сдѣлано добро, долженъ возвѣщать о немъ, хотя бы мы и не желали сего.

Бысть же егда возвратися Іисусъ, пріятъ его на-
Зач. *родъ: бѣху бо вси чающе его. И се пріиде мужъ,* * *емуже*
39. *имя Іаиръ, и той князь сонмищу бѣ: и падъ при но-*
гу Іисусову, моляше его внити въ домъ свой: Яко дщи единородна бѣ ему, яко лѣтъ двоюнадесяте, и та умираше. Егда же идяше, народи угнѣтаху его. И жена сущи въ точеніи крове, отъ двоюнадесяте лѣту, яже врачемъ издавши все имѣніе, и не возможе ни отъ единаго исцѣлѣти. И приступльши созади, коснуся края ризъ его, и абіе ста токъ крове ея. Іисусъ лишь возвратился изъ страны Гадаринской; а народъ уже ждалъ Его, частію ради ученія, а частію ради чудесъ. Пришелъ и одинъ начальникъ синагоги, ни бѣдный, ни отверженный, но изъ первыхъ. Евангелистъ присовокупляетъ и имя его, чтобы тѣмъ очевиднѣе было, что чудо истинно. По настоянію нужды, онъ припадаетъ къ ногамъ Іисусовымъ. Хотя бы онъ, и безъ настоятельной нужды, долженъ былъ пасть предъ Іисусомъ и исповѣдать Его сущимъ Богомъ: однакожъ бываетъ, что и скорбь побуждаетъ людей къ избранію лучшаго. Почему и Давидъ сказалъ: *броздами и уздою челюсти ихъ востягнеши, не приближающихся къ тебѣ* (Псал. 31, 9). Во время пути Господа приступаетъ жена, ру-

---

*Во время оно, человѣкъ нѣкій приступи ко Іисусу.**

ководимая весьма сильною вѣрою. Подошедши, она коснулась края одежды Господа, въ той увѣренности, что какъ только прикоснется, тотчасъ и исцѣлится. *И абіе ста токъ крове.* Какъ если кто-нибудь обратитъ глазъ къ сіяющему свѣту, или поднесетъ хворостъ къ огню, они (свѣтъ и огонь) тотчасъ оказываютъ свое дѣйствіе, такъ и жена, принесшая вѣру Могущему исцѣлить, тотчасъ получила исцѣленіе. Ибо она ни о чемъ не думала, ни о долговременности болѣзни, ни объ отчаяніи врачей, ни о другомъ чемъ, но только вѣровала, и—спаслась. И, какъ кажется, она прикоснулась къ Іисусу прежде мыслію, а потомъ тѣломъ.

И рече Іисусъ: кто есть коснувыйся мнѣ? отметающымся же всѣмъ, рече Петръ, и иже съ нимъ: наставниче, народи одержатъ тя и гнѣтутъ, и глаголеши: кто есть коснувыйся мнѣ? Іисусъ же рече: прикоснуся мнѣ нѣкто: азъ бо чухъ силу изшедшую изъ мене. Видѣвши же жена, яко не утаися, трепещущи пріиде: и падши предъ нимъ, еяже ради вины прикоснуся ему, повѣда ему предъ всѣми людми, и яко исцѣлѣ абіе. Онъ же рече ей: дерзай дщи, вѣра твоя спасе тя: иди въ мирѣ. Господь, желая показать всѣмъ вѣру жены, чтобы подражали ей, и подать Іаиру добрую надежду объ его дочери, обнаруживаетъ то, что было сдѣлано тайно. Именно, Онъ спрашиваетъ о томъ, кто прикоснулся къ Нему. Но Петръ, какъ смѣлый, упрекая Его за такой вопросъ, говоритъ: столько (народа) стѣсняютъ Тебя, и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мнѣ? а самъ не понималъ, о чемъ спрашивалъ Господь. Ибо

Іисусъ спрашивалъ: кто прикоснулся ко Мнѣ съ вѣрою, а не просто, такъ. Ибо какъ всякій имѣетъ уши, чтобы слышать, и однакожъ иной, имѣя уши, не слышитъ: такъ и въ семъ случаѣ иной прикасается съ вѣрою, а иной хотя и приближается, но сердце его отстоитъ далеко. Итакъ Господь, хотя и зналъ жену, спрашиваетъ однакожъ для того, чтобы, какъ я сказалъ, и вѣру ея прославить, и начальника синагоги болѣе обнадежить, спрашиваетъ, и такимъ образомъ жену выводитъ на средину. *Азъ бо чухъ силу изшедшую изъ мене.* Справедливо говоритъ. Ибо пророки не имѣли силъ, отъ нихъ исходящихъ: они совершали чудеса благодатію Божіею. А Іисусъ, будучи источникомъ всякаго блага и всякой силы, имѣетъ и силы, отъ Него исходящія. Христосъ вдвойнѣ врачуетъ жену: во-первыхъ, исцѣлилъ болѣзнь ея, а потомъ и страхъ души усмирилъ, сказавъ: *дерзай дщи.*

Еще ему глаголющу, пріиде нѣкій отъ архисинагога, глаголя ему: яко умре дщи твоя, не движи учителя. Іисусъ же слышавъ, отвѣща ему, глаголя: не бойся, токмо вѣруй, и спасена будетъ. Пришедъ же въ домъ, не остави ни единаго внити, токмо Петра, и Іоанна, и Іакова, и отца отроковицы, и матере. Плакахуся же вси и рыдаху ея. Онъ же рече: не плачитеся: не умре бо, но спитъ. И ругахуся ему, видяще, яко умре. Онъ же изгнавъ вонъ всѣхъ, и емь за руку ея, возгласи, глаголя: отроковице, востани. И возвратися духъ ея, и воскресе абіе: и повелѣ дати ей ясти. И дивистася родителя ея. онъ же повелѣ има никомуже повѣдати бывшаго. Іисусъ, услышавъ, что нѣкто сказалъ начальнику

синагоги: не безпокой учителя, то есть, не утруждай, не проси пойти, не позволилъ начальнику синагоги сказать что-нибудь Себѣ, но упредилъ его, чтобы начальникъ синагоги не сказалъ: я не имѣю въ тебѣ нужды, несчастіе уже совершилось, та, которую, мы надѣялись, ты исцѣлишь, умерла. Итакъ, чтобы онъ не сказалъ ничего такого (ибо онъ былъ невѣрующій іудей), Христосъ упредилъ его, и сказалъ: не бойся, только вѣруй; смотри, говоритъ, на кровоточивую; подражай ей, и ты не обманешься.—Господь позволяетъ войти съ Собою только Петру, Іоанну и Іакову, какъ избраннѣйшимъ изъ учениковъ и какъ могущимъ умолчать о чудѣ. Ибо Онъ не желалъ, чтобы оно прежде времени было открыто многимъ. Онъ скрывалъ большую часть своихъ дѣлъ, быть можетъ, по причинѣ зависти іудеевъ, чтобы, возжигаемые завистію, они не были повинны осужденію. Подобнымъ образомъ должны поступать и мы: если кто завидуетъ намъ, мы не должны обнаруживать предъ нимъ наши совершенства, чтобы, поражая его оными, не возбудить въ немъ большей зависти и не ввести въ грѣхъ, но должны, сколь возможно, стараться скрывать ихъ отъ него. — Когда Господь сказалъ, что (дѣвица) не умерла, но спитъ, и смерть назвалъ сномъ (поелику имѣлъ воскресить умершую, какъ-бы отъ сна возбудить), то слышавшіе сіе засмѣялись надъ Нимъ, что̀ допустилъ Онъ затѣмъ, чтобы чудо было больше чудомъ. Чтобы впослѣдствіи не могли сказать, что дѣвица не умирала, но спала, для сего Онъ устроилъ такъ, что прежде осмѣяли Его за слова: *не умре, но спитъ,* чтобы заградить уста желающихъ клеветать. Ибо смерть дѣ-

вицы такъ была явна, что засмѣялись надъ Нимъ, когда Онъ сказалъ, что она не умерла. Господь всѣхъ выслалъ вонъ, быть можетъ, съ тѣмъ, чтобы насъ научить не любить славы и ничего не дѣлать напоказъ, а быть можетъ, и съ тѣмъ, чтобы внушить, что имѣющій совершить чудо не долженъ быть въ средѣ многихъ, но долженъ находиться въ уединеніи и быть свободнымъ отъ всякихъ безпокойствъ со стороны другихъ. *И возвратися духъ отроковицы.* Ибо Господь не новую внесъ душу, но повелѣлъ возвратиться той самой, которая отлетала отъ тѣла. Приказалъ подать ей поѣсть,—для большаго увѣренія и доказательства того, ччо она дѣйствительно воскресла. Можно это и такъ понимать. Кровоточивая есть всякая душа, въ которой кипитъ и какъ-бы ключемъ бьетъ кровавый и убійственный грѣхъ. Ибо всякій грѣхъ есть убійца и закалатель души. Если душа коснется одеждъ Іисусовыхъ, то есть, воплощенія Его, и увѣруетъ, что Сынъ Божій воплотился, то получитъ здравіе. Если кто будетъ и начальникъ синагоги, то есть, умъ, возвышающійся надъ богатствомъ, собраннымъ отъ любостяжанія, но дочь его, то есть, помыслъ заболитъ: то пусть призоветъ только Іисуса, и увѣруетъ въ Него, и—будетъ спасенъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О посольствѣ двѣнадцати апостоловъ (на проповѣдь).—Объ Иродѣ, услышавшемъ объ Іисусѣ.—О пяти хлѣбахъ и двухъ рыбахъ.—Вопросъ Господа ученикамъ.—О преображеніи Христовомъ.—О бѣсноватомъ.—Споръ учиниковъ о томъ, кто изъ нихъ больше.—Ученики запрещаютъ человѣку изгонять бѣсовъ.—Іисусъ не позволяетъ просить наказанія тѣмъ, кто не принялъ ихъ.—Господь не позволяетъ нѣкоторымъ слѣдовать за Собою.

Созвавъ же обанадесяте, даде имъ силу и власть* Зач. 40.
на вся бѣсы, и недуги цѣлити. И посла ихъ проповѣдати царствіе Божіе, и исцѣлити болящыя. И рече къ нимъ: ничесоже возмите на путь, ни жезла, ни пиры, ни хлѣба, ни сребра, ни по двѣ ризѣ имѣти. И въ оньже домъ внидете, ту пребывайте, и оттуду исходите. И елицы аще не пріемлютъ васъ, исходяще отъ града того, и прахъ отъ ногъ вашихъ оттрясите во свидѣтельство на ня. Исходяще же прохождаху сквозѣ веси, благовѣствующе, и исцѣляюще всюду. И отсюда открывается превосходство божества Іисусова. Ибо Онъ не только самъ творилъ чудеса, но туже силу давалъ и ученикамъ. А сообщать своимъ друзьямъ такіе дары, безъ всякаго сомнѣнія, возможно не человѣку, а только Богу.—Давъ ученикамъ власть надъ злыми духами, Господь не ограничилъ ихъ употребленіемъ только сей власти, но повелѣлъ имъ и Евангеліе проповѣдывать. Тотъ, кому вручено учительство, долженъ и проповѣдывать и совершать чудеса.

---

*Во время оно, созва Іисусъ обанадесяте ученики своя,**

Въ такомъ случаѣ проповѣдь подверждается чудесами, а чудеса проповѣдью. Ибо многіе часто совершали чудеса силою бѣсовскою, но проповѣдь ихъ не была истинная; а посему и чудеса ихъ не отъ Бога.—Господь, посылая учениковъ, заповѣдуетъ имъ такую умѣренность, что не повелѣваетъ имъ братъ ни хлѣба, ни чего-нибудь другаго такого, чего многіе изъ насъ набираютъ себѣ. Заповѣдуетъ имъ и то, чтобъ они не перебѣгали отъ одного къ другому, но въ какой домъ войдутъ, въ томъ и оставались бы, дабы не показаться какими-то непостоянными и очень перемѣнчивыми. Оттрясайте, говоритъ, пыль на тѣхъ, которые не примутъ васъ, во свидѣтельство на нихъ, то есть, на обличеніе и осужденіе ихъ, показывая имъ, что, хотя ради ихъ и много пути совершили, не получили однакожъ отъ нихъ никакой прибыли.—Нѣкоторые заповѣдь апостоламъ—не носить ни сумы, ни посоха, ни имѣть по (ἀνά) двѣ одежды, понимаютъ такъ: не собирайте сокровищъ; ибо сума, вмѣщая многое, означаетъ собираніе; не носите посоха, то есть, не будьте гнѣвливы и драчливы (πληκτικός); не имѣйте по двѣ одежды, то есть, не будьте перемѣнчивы въ нравахъ и двоедушны въ мысляхъ.

Зач. 41. *Слышавъ же Иродъ четвертовластникъ* бывающая отъ него вся, и недоумѣвашеся: зане глаголемо бѣ отъ нѣкихъ, яко Іоаннъ воста отъ мертвыхъ: Отъ иныхъ же, яко Илія явися: отъ другихъ же, яко про-*

---

*Во время оно, слышавъ Иродъ четвертовластникъ ô Іисусѣ**

*рокъ единъ отъ древнихъ воскресе. И рече *Иродъ: Іоанна азъ усѣкнухъ: кто же есть сей, о немже азъ слышу таковая? и искаше видѣти его.* Иродъ сей былъ малый, сынъ великаго Ирода, избившаго младенцевъ. Тотъ былъ царь; а этотъ—четвертовластникъ. Онъ недоумѣвалъ, кто бы такой былъ Іисусъ. Впрочемъ Іоанна, говоритъ, я усѣкнулъ, и потому, если онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то я, увидѣвъ его, узнаю; и—искалъ случая увидѣть Іисуса. Смотри: евреи полагаютъ воскресеніе метрвыхъ въ жизни плотской, въ яствахъ и питіяхъ. Ошибочно они думаютъ. Ибо воскресеніе не въ пищѣ и питіи или въ жизни плотской, но воскресшіе живутъ такъ, какъ ангелы Божіи.

И возвращшеся апостоли повѣдаша ему елика сотвориша: и поимъ ихъ, отъиде единъ на мѣсто пусто града, нарицаемаго Виѳсаида. Народи же разумѣвше, по немъ идоша: и пріемъ ихъ, глаголаше имъ о царствіи Божіи, и требующыя исцѣленія цѣляше. День же начатъ преклонятися. Приступльше же обанадесяте рекоша ему: отпусти народъ, да шедше во окрест-* Зач.
ныя веси и села витаютъ, и обрящутъ брашно: яко 42.
здѣ въ пустѣ мѣстѣ есмы. Рече же къ нимъ: дадите имъ вы ясти, они же рѣша: нѣсть у насъ вящше, токмо пять хлѣбъ, и рыбѣ двѣ, аще убо не шедше мы купимъ во вся люди сія брашна. Бѣху бо мужей яко пять тысящъ. Рече же ко ученикомъ своимъ: посадите ихъ на купы по пятидесятъ. И сотвориша тако: и по-

---

*Во время оно, приступиша ко Іисусу обанадесяте ученика его,**

садиша ихъ вся. Пріимъ же пять хлѣбъ, и обѣ рыбѣ, воззрѣвъ на небо, благослови ихъ: и преломи, и даяше ученикомъ предложити народу. И ядоша, и насытишася вси: и взяша избывшыя имъ укрухи, коша дванадесяте. Іисусъ, имѣя намѣреніе совершить чудо надъ хлѣбами, уходитъ въ пустое мѣсто, чтобы кто-нибудь не вздумалъ сказать, что хлѣбы принесены были изъ города, вблизи находящагося.—Принявъ народъ, Онъ училъ и исцѣлялъ, чтобы ты позналъ, что любомудріе наше раздѣляется на слово и дѣло, и что какъ не должно говорить того, что неудобоисполнимо, такъ не должно дѣлать того, о чемъ нелѣпо говорить.—Когда день склонялся къ вечеру, ученики, начавшіе уже отличаться человѣколюбивыми и пастырскими расположеніями, сжалились о народѣ и сказали: отпусти ихъ, то естъ, скорѣй уврачуй ихъ болѣзни, исполни ихъ прошенія. А Господь говоритъ ученикамъ: вы дайте имъ ѣсть. Говоритъ Онъ такъ не потому, будто не зналъ о скудости, но потому, что желалъ заставить учениковъ самихъ высказать, сколько они имѣютъ хлѣбовъ, и такимъ образомъ чрезъ исповѣданіе ихъ, чрезъ объявленіе количества хлѣбовъ, явить (все) величіе чуда. Повелѣвая ученикамъ разсадить народъ рядами по пятидесяти, показываетъ, что и намъ, когда принимаемъ какого-нибудь странника, должно успокоить его и прилагать всякое попеченіе о немъ. Взираетъ на небо, чтобы показать, что и мы, намѣреваясь вкушать пищи, должны возсылать благодареніе Богу. Даетъ самъ ученикамъ, и они потомъ уже и народу, для того, чтобы не забывали о чудѣ, но вспоминали бы объ немъ

при мысли, что они брали хлѣбы въ свои руки. Остатковъ было двѣнадцать коробовъ, чтобы мы знали, какую силу имѣетъ страннопріимство, и какъ умножается наше достояніе, когда мы помогаемъ бѣднымъ.— Впрочемъ объ этомъ пространнѣе сказано въ объясненіи на евангеліе отъ Матѳея (¹).

И бысть егда моляшеся единъ, съ нимъ бѣху ученицы, и вопроси ихъ, глаголя: кого мя глаголютъ народи быти? Они же отвѣщавше рѣша: Іоанна крестителя: иніи же Илію: друзіи же, яко пророкъ нѣкій отъ древнихъ воскресе. Рече же имъ: вы же кого мя глаголете быти? отвѣщавъ же Петръ рече: Христа Божія. Онъ же запрещь имъ, повелѣ никомуже глаголати сего, Рекъ: яко подобаетъ Сыну человѣческому много пострадати, и искушену быти отъ старецъ, и архіерей, и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день востати.* Зач. 43.
Господь, вопрошая учениковъ, не спрашиваетъ прямо, что они сами говорятъ, но прежде спрашиваетъ о мнѣніи народномъ, а потомъ о мнѣніи уже ихъ самихъ. Такъ поступаетъ Онъ для того, чтобы показать несправедливость народной о Немъ молвы, и привесть учениковъ къ истинному понятію; что и было сдѣлано. Ибо, когда ученики сказали, что одни называютъ Тебя Іоанномъ, другіе Иліею, Онъ спросилъ: а вы, то есть, вы отличные отъ всѣхъ, вы избранные, вы отдѣленные, кѣмъ Меня называете? Тогда Петръ предваряетъ про-

---

(¹) См. Благовѣстникъ. Часть первая: Евангеліе отъ Матѳея; гл. 14; зач. 58.

*Во время оно, бысть егда Іисусъ**

чихъ и, сдѣлавшись устами всѣхъ, исповѣдуетъ Его тѣмъ Христомъ Божіимъ, о которомъ издавна проповѣдуется. Не просто Христомъ Божіимъ назвалъ Его, но тѣмъ Христомъ Божіимъ (τόν Χριστον), съ членомъ, чтобы показать, что Онъ есть собственно Христосъ Божій. Ибо многіе были помазаны, но тотъ Христосъ (Помазанникъ) Божій есть единый и единственный.

Глаголаше же ко всѣмъ: аще кто хощетъ по мнѣ*
Зач. 44. *ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ ми. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою мене ради, сей спасетъ ю. Что бо пользуетъ человѣкъ, пріобрѣтъ міръ весь, себе же погубивъ, или отщетивъ? Иже бо аще постыдится мене, и моихъ словесъ, сего Сынъ человѣческій постыдится, егда пріидетъ во славѣ своей и Отчей и святыхъ ангелъ. Глаголю же вамъ воистинну: суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ царствіе Божіе.* Поелику Христосъ сказалъ о Себѣ, что Сыну человѣческому надлежитъ много пострадать, то присовокупляетъ нѣчто общее и вселенское, именно: не Я одинъ претерплю смерть, но и всѣ желающіе послѣдовать Мнѣ должны отречься самихъ себя, не имѣть никакого общенія съ плотію, но презирать самихъ себя.—*Крестомъ* называетъ здѣсь смерть, самую поносную; ибо не было иной такъ безславной смерти, какъ смерть на крестѣ. Итакъ Онъ объявляетъ, что тотъ, кто желаетъ быть ученикомъ Его, долженъ умереть смертію не славною, но понос-

---

*Рече Господь:**

ною, будетъ убитъ какъ осужденный. Поелику же многихъ убиваютъ поносно какъ разбойниковъ и злодѣевъ, посему Онъ присовокупилъ: *и да послѣдуетъ Ми*, то есть, да упражняется во всякой добродѣтели.—*Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю*, то есть, ежели кто захочетъ жить по-мірскому, тотъ умретъ душою.—Христа стыдится тотъ, кто говоритъ: какъ я буду вѣровать въ распятаго и поруганнаго Бога? А тотъ стыдится и словъ Его, кто глумится надъ простотою Евангелія. Господь постыдится таковаго *во славѣ своей*, то есть, во второе пришествіе. Онъ говоритъ какъ-бы такъ: какъ домувладыка, имѣя лукаваго раба, стыдится звать его своимъ рабомъ, такъ и Я постыжусь наименовать своимъ рабомъ того, кто отрекся отъ Меня.—Поелику Онъ выше сказалъ: *иже погубитъ душу свою, спасетъ ю*, то теперь, желая показать, какихъ благъ удостоятся таковые, говоритъ: *суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ царствіе Божіе*, то есть, ту славу, въ какой имѣютъ быть праведные. Сказалъ Онъ это о своемъ преображеніи. Ибо преображеніе было образомъ будущей небесной славы, и какъ Іисусъ въ преображеніи чудно возблисталъ, какъ молнія, такъ и тогда праведники просіяютъ подобнымъ же образомъ (Матѳ. 13, 43). Есть, говоритъ, нѣсколько такихъ (Іоаннъ, Петръ и Іаковъ), которые не умрутъ прежде, чѣмъ увидятъ, въ какой славѣ будутъ мои исповѣдники. А увидятъ они это во время преображенія.

Лук.

Бысть же по словесѣхъ сихъ яко днiй осмь, и по-
Зач. *емъ* Петра, и Іоанна, и Іакова, взыде на гору помо-*
45. *литися. И бысть егда моляшеся, видѣнiе лица его ино, и одѣянiе его бѣло блистаяся. И се мужа два съ нимъ глаголюща, яже бѣста Моvсей и Илiа, явлшася во славѣ: глаголаста же исходъ его, иже хотяше скончати въ Іерусалимѣ. Петръ же, и сущiи съ нимъ, бяху отягчени сномъ: убуждшеся же видѣша славу его, и оба мужа стояща съ нимъ. И бысть егда разлучистася отъ него, рече Петръ ко Іисусу: наставниче, добро есть намъ здѣ быти: и сотворимъ сѣни три, едину тебѣ, и едину Моvсеови, и едину Илiи: не вѣдый, еже глаголаше. Се же ему глаголющу, бысть облакъ и осѣни ихъ: убояшася же вшедшымъ имъ во облакъ. И гласъ бысть изъ облака, глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный: того послушайте. И егда бысть гласъ, обрѣтеся Іисусъ единъ: и тiи умолчаша, и никомуже возвѣстиша въ тыя дни ничесоже отъ тѣхъ, яже видѣша.* Евангелистъ Матѳей говоритъ, что Іисусъ взошелъ на гору тогда, какъ послѣ этихъ словъ протекло шесть дней (Матѳ. 17, 1), а Лука говоритъ, что прошло восемь дней. Ибо Матѳей говоритъ объ одныхъ только промежуточныхъ дняхъ, а Лука не о промежуточныхъ только, но разумѣетъ и тотъ день, въ который эти слова были сказаны, и тотъ, въ который совершилось преображенiе.—Іисусъ взялъ съ собою только троихъ: Петра, какъ любящаго, Іоанна, какъ любимаго, и Іакова, какъ пламенѣющаго ревностiю по

---

*Во время оно поемъ Іисусъ**

Немъ, или какъ способныхъ сокрыть событіе, удержать въ молчаніи и никому не сказывать.—Чтобы помолиться, Іисусъ восходитъ на гору; ибо мы должны молиться въ уединеніи, съ восхожденіемъ, не преклоняясь ни къ чему земному.—Видъ Его сталъ другой, не такъ впрочемъ, будто бы самъ Онъ сталъ иной, по существу, ибо Онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ, но видъ лица Его явился гораздо свѣтлѣйшимъ, чѣмъ прежде. Подобное произошло и съ Его одеждою. Ибо только видъ ея блисталъ молніей; существо одежды не перемѣнялось, а только наружность.—Когда Онъ молился, Ему предстояли Моѵсей и Илія, дабы показать, что Онъ не былъ противникъ закона и пророковъ. Ибо еслибъ Онъ былъ (противникъ), то Моѵсей, давшій законъ, и Илія, ревностнѣйшій изъ пророковъ, не дозволили бы себѣ служить (δορυφορεῖν) Ему (на подобіе тѣлохранителей), ни даже быть съ Нимъ.—Они говорили о исходѣ, который Ему надлежало совершить во Іерусалимѣ, то есть, о смерти Его. — Въ то время, какъ Христосъ пребывалъ въ молитвѣ, Петръ отягченъ былъ сномъ; ибо онъ былъ слабъ и, служа сну, отдавалъ должное человѣческой природѣ. Когда же Петръ пробудился, то увидѣлъ славу (Христову) и двухъ мужей. Находя такое пребываніе здѣсь пріятнымъ, по причинѣ свѣта и созерцанія пророковъ, Петръ говоритъ: хорошо намъ здѣсь быть! Онъ думалъ, что теперь настала кончина (міра) и царство Іисусово. Но онъ не зналъ, что говорилъ. Ибо тогда еще не была кончина, еще не наступилъ день царства и наслажденія тѣми благами, коими будутъ обладать святые. Петръ

сказалъ это (хорошо намъ здѣсь быть) вмѣстѣ и потому, что опасался, что Христосъ будетъ распятъ. Онъ слышалъ отъ Христа, что Ему должно быть убиту и въ третій день воскреснуть; посему и сказалъ это, выражаясь какъ-бы такъ: не будемъ сходить съ горы, будемъ здѣсь оставаться, чтобы избѣжать креста и страданія; если придутъ на насъ іудеи, то мы имѣемъ помощникомъ Илію, который свелъ съ неба огонь и истребилъ пятьдесятоначальниковъ; имѣемъ Моѵсея, который поразилъ столько и такихъ народовъ. Сказалъ онъ это, не зная, что говоритъ. Ибо онъ думалъ, что крестъ есть зло и притомъ мучительное, а посему, желая избѣжать его, и сказалъ это. Между тѣмъ Господь жаждалъ быть распятымъ; поелику иначе не могло совершиться спасеніе людей.—Тогда, какъ Петръ говорилъ еще: сдѣлаемъ три сѣни, Господь внезапно творитъ сѣнь нерукотворенную и входитъ въ нее съ пророками, чтобы показать, что Онъ ничѣмъ не меньше Отца. Ибо какъ въ ветхомъ завѣтѣ Господь являлся въ облакѣ, и Моѵсей входилъ въ оное, и такимъ образомъ получилъ законъ (Исх. 19, 9. 20. 20, 21), такъ и нынѣ облако обняло Христа, и облако не мрачное (ибо прошла тѣнь закона и мракъ невидѣнія), но облако свѣтлое. Ибо истина пришла и благодать Господня возсіяла, и потому нынѣ ничего нѣтъ темнаго.—И исшелъ изъ облака гласъ, подобно какъ въ ветхомъ завѣтѣ слышанъ былъ изъ облака гласъ Божій.—Іисусъ же остался одинъ, чтобы кто не подумалъ, что слова: *сей есть сынъ Мой возлюбленный*, сказаны были о Моѵсеѣ или объ Иліи. Впрочемъ симъ, быть мо-

гл. 9.

жетъ, означается и то, что законъ и пророки были до нѣкотораго только времени, какъ и здѣсь видимы были Моусей и Илія, а потомъ, когда прошло ихъ время, остался одинъ Іисусъ. Ибо нынѣ господствуетъ Евангеліе, тогда какъ (многое) законное миновало.— Апостолы умолчали и ничего не говорили о томъ, что̀ видѣли. Прежде креста и не слѣдовало говорить объ Іисусѣ что-нибудь богоприличное. Ибо какое объ Немъ составили бы мнѣніе тѣ, кои слышали это, а потомъ увидѣли Его распинаемымъ? Не сочли ли бы они Его обманщикомъ и мечтателемъ? Посему-то апостолы прежде креста не проповѣдуютъ ни объ одномъ чудесномъ и богоприличномъ дѣлѣ (Іисуса).—Впрочемъ объ этомъ предметѣ достаточно сказано нами въ объясненіи на евангеліе отъ Матѳея(¹).

Бысть же въ прочій день, сшедшымъ имъ * *съ горы, срѣте его народъ многъ. И се мужъ изъ народа возопи, глаголя: учителю, молютися, призри на сына моего, яко единороденъ ми есть: и се духъ емлетъ его и внезапу вопіетъ, и пружается съ пѣнами, и едва отходитъ отъ него, сокрушая его. И молихся ученикомъ твоимъ: да иждепутъ его: и не возмогоша. Отвѣщавъ же Іисусъ рече: о роде невѣрный, и развращенный, доколѣ буду въ васъ, и терплю вы? приведи ми сына твоего сѣмо. Еще же грядущу ему, поверже его бѣсъ и стрясе, запрети же Іисусъ духови нечистому,* Зач. 46.

(¹) См. Благовѣстникъ. Часть первая Евангеліе отъ Матѳея: гл. 17; зач. 70.

* *Во время оно, сошедшу Іисусу*

и исцѣли отрока: и вдаде его отцу его. Человѣкъ сей (о которомъ рѣчь) былъ весьма невѣрующій. Посему и бѣсъ не выходилъ изъ сына его. Ибо невѣріе превозмогало силу апостоловъ. Невѣріе и дерзость его видны изъ того, что онъ пришелъ предъ всѣми обвинять учениковъ. Но Господь объявляетъ, что сынъ его не исцѣленъ по причинѣ его невѣрія, и предъ всѣми порицаетъ его, и не одного его, но и прочихъ всѣхъ вообще. Ибо сказавъ: *о роде невѣрный!* разумѣетъ подъ этимъ всѣхъ іудеевъ, а словомъ *развращенный* показываетъ, что злоба ихъ не отъ начала и не отъ природы. По природѣ они были добры, (ибо они были святымъ потомствомъ Авраама и Исаака), но развратились по своей злобѣ. Слова: *доколѣ буду съ вами, доколѣ буду терпѣть васъ?* означаютъ то, что Онъ желаетъ воспріять смерть и хочетъ скорѣе избавиться отъ нихъ. Ибо доколѣ, говоритъ, буду терпѣть ваше невѣріе?— Господь, чтобы показать, что Онъ имѣетъ силу побѣждающую невѣріе іудеевъ, говоритъ: приведи сюда сына своего, и исцѣливъ его, отдалъ отцу его. Бѣсноватый прежде принадлежалъ не отцу своему, но злому духу, одержавшему его; а теперь Господь отдалъ его отцу, потерявшему его, а потомъ нашедшему.

Дивляхуся же вси о величіи Божіи. Всѣмъ же чудящымся о всѣхъ, яже творяше Іисусъ, рече ко уче-
Зач. *никомъ своимъ:* Вложите вы во уши ваши словеса сія:*
47. *Сынъ бо человѣческій имать предатися въ руцѣ человѣчестѣ. Они же не разумѣша глагола сего, бѣ бо при-*

---

*Рече Господь своимъ ученикомъ:**

кровенъ отъ нихъ, да не ощутятъ его: и бояхуся вопросити его о глаголѣ семъ. Прочіе всѣ дивились всему, что творилъ Іисусъ, а не одному только сему чуду. Но Іисусъ, оставивъ прочихъ, бесѣдуетъ съ учениками, и говоритъ: все это, чудеса и слова о чудесахъ, вложите вы себѣ во уши. Для чего? Такъ какъ Я имѣю быть преданъ и распятъ, то для того, чтобы вы, когда увидите Меня распятымъ, не подумали, что Я претерпѣлъ это по своему безсилію. Ибо кто творитъ такія чудеса, тотъ могъ бы и не быть распятъ. Но они не поняли слова сего; и оно было закрыто отъ нихъ. Для чего же это было? для того, чтобъ они прежде времени не вдались въ печаль и не смущались отъ страха. Итакъ Богъ, снисходя ихъ слабости, и руководя ихъ какъ-бы дѣтей какихъ, попустилъ имъ не понять того, что говорилось о крестѣ.—Примѣть и благоговѣніе учениковъ, по которому они не дерзали, даже болѣе—боялись спросить (Господа). Ибо страхъ усиливаетъ благоговѣніе, равно какъ и благоговѣніе есть страхъ, растворенный любовію.

Вниде же помышленіе въ нихъ: кто ихъ вящшій бы былъ? Іисусъ же вѣдый помышленіе сердецъ ихъ, пріемъ отроча, постави е у себе. И рече имъ: иже аще пріиметъ сіе отроча во имя мое, мене пріемлетъ: и иже аще мене пріемлетъ, пріемлетъ пославшаго мя, иже бо меншій есть въ васъ, сей есть великъ. Отвѣщавъ же Іоаннъ, рече: наставниче, видѣхомъ нѣкоего о имени* Зач. 48.

---

*Во время оно, приступи ко Іисусу единъ отъ ученикъ его, и рече ему:**

Лук.

твоемъ изгонящa бѣсы, и возбранихомъ ему, яко во слѣдъ не ходитъ съ нами. И рече къ нему Іисусъ: не браните: иже бо нѣсть на вы, по васъ есть. Апостоловъ постигла страсть къ пустой славѣ. Кажется, страсть эта возбудилась въ нихъ отъ того, что они не исцѣлили бѣсноватаго. Вѣроятно, по сему случаю они заспорили, утверждая каждый съ своей стороны, что отрокъ не былъ исцѣленъ не по моему безсилію, но по безсилію такого-то, а отсюда загорѣлась распря и о томъ, кто бы изъ нихъ былъ больше. Но Господь, зная сердце каждаго, предваряетъ, и прежде чѣмъ страсть сія возрасла, старается пресѣчь ее въ самомъ корнѣ. Ибо страсти въ началѣ удобно преодолѣть, а когда онѣ возрастутъ, тогда уже весьма трудно бываетъ исторгать ихъ. Какъ же (Господь) пресѣкаетъ зло? Взявъ, сказано, дитя, показываетъ его ученикамъ, давая чрезъ сіе знать имъ, что мы должны привесть свой умъ въ такое состояніе, въ какомъ бываетъ онъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Ибо дѣти бываютъ неопытны во злѣ, весьма просты, и не волнуются помыслами ни славолюбія, ни желаніемъ первенства предъ другими.—*Кто*, говоритъ, *приметъ сіе дитя во имя мое, тотъ приметъ Меня.* Слова сіи такой имѣютъ смыслъ: хотя вы думаете, что вы понравитесь многимъ и что вы очень многими будете приняты, въ такомъ случаѣ, если будете казаться гордыми и славолюбивыми: но Я вамъ говорю, что Мнѣ особенно пріятна простота и что она служитъ отличительнымъ признакомъ моихъ учениковъ, такъ что кто препростаго и незлобиваго мужа приметъ какъ моего ученика (ибо это означаетъ выраженіе: *во*

имя мое), тотъ приметъ Меня. Ибо кто принимаетъ гордаго, тотъ не принимаетъ ни ученика моего, ни Меня.—Іоаннъ же, вступя въ разговоръ, сказалъ: Наставникъ! мы видѣли человѣка именемъ твоимъ изгоняющаго бѣсовъ, и запретили ему. Какая послѣдовательность между словами Іоанна и словами Господа? Очень близкая. Поелику Господь сказалъ, что, кто изъ васъ меньше всѣхъ, тотъ будетъ великъ: то Іоаннъ началъ бояться, не худо ли они поступили, когда властительски и гордо запретили тому человѣку. Ибо запрещеніе кому-нибудь чего-нибудь обнаруживаетъ въ запрещающемъ не меньшаго, но думающаго о себѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ о томъ, кому онъ запрещаетъ, Итакъ Іоаннъ побоялся того, не гордо ли онъ поступилъ, запретивъ тому человѣку.—Почему же ученики запретили этому человѣку? не по зависти, но потому, что считали его недостойнымъ творить чудеса, такъ какъ онъ не получалъ вмѣстѣ съ ними благодати чудотворенія, не былъ, какъ они, посланъ на то отъ Господа и вовсе не слѣдовалъ за Іисусомъ. Что же Господь? Оставьте, говоритъ, его дѣлать это; ибо и онъ сокрушаетъ силу сатаны. Поелику же онъ не препятствуетъ вамъ въ дѣлѣ проповѣди, ни дѣйствуетъ за одно съ діаволомъ: значитъ, онъ за насъ. Ибо кто не противъ Бога, тотъ за Бога, подобно какъ тотъ—съ діаволомъ, кто не собираетъ съ Богомъ.—Подивись, пожалуй, и силѣ имени Христова, какъ дѣйствовала благодать при одномъ произношеніи онаго, хотя бы произносящіе были и недостойны и не были учениками Христовыми. Такимъ же образомъ и чрезъ священни-

ковъ, хотя бы они были и недостойны, благодать дѣйствуетъ, и всѣ освящаются, хотя бы священникъ былъ и не чистъ.

Зач. *Бысть же, егда скончавахуся дніе восхожденію его, и той утверди лице свое ити во Іерусалимъ. И посла вѣстники предъ лицемъ своимъ: и изшедша внидоша въ весь Самарянску, яко да уготовятъ ему. И не пріяша его, яко лице его бѣ грядущее во Іерусалимъ. Видѣвше же ученицы его Іаковъ и Іоаннъ, рѣша: Господи, хощеши ли, речемъ, да огнь снидетъ съ небесе, и потребитъ ихъ, якоже и Иліа сотвори? Обращся же запрети имъ, и рече: не вѣсте, коего духа есте вы. Сынъ бо человѣческій, не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти, и идоша во ину весь.* Что означаютъ слова: когда приближались дни взятія Его? То означаютъ, что настало время, въ которое нужно было уже Ему претерпѣть за насъ спасительное страданіе, и потомъ вознестись на небо, и совозсѣсть съ Богомъ и Отцемъ.— Когда наступило время страданія Его и взятія отъ міра, Онъ разсудилъ не ходить уже то туда, то сюда, но взойти въ Іерусалимъ. Выраженіе: *утверди лице свое*, то и означаетъ, что Онъ опредѣлилъ, рѣшилъ, положилъ твердое намѣреніе идти во Іерусалимъ.—Посылаетъ вѣстниковъ предъ лицемъ своимъ, чтобы они приготовили какой-нибудь пріемъ для Него. Хотя Онъ зналъ, что самаряне не примутъ Его, однакожъ послалъ вѣстниковъ, чтобы отнять у самарянъ всякое извине-

---

*Во время оно, бысть егда скончавахуся дніе восхожденію Іисусову.**

ніе, чтобы впослѣдствіи они не могли сказать, что мы приняли бы Его, еслибъ Онъ послалъ кого-нибудь передъ Собою. Поступилъ Онъ такъ вмѣстѣ и для пользы учениковъ своихъ, именно, чтобы они, когда увидятъ Его на крестѣ въ оскорбленіи, не соблазнились, но изъ настоящаго случая научились, что какъ теперь Онъ незлобиво перенесъ презрѣніе отъ самарянъ и даже самимъ ученикамъ воспретилъ возбуждать въ Немъ гнѣвъ на обидчиковъ, такъ и тогда терпитъ распятіе не потому, будтобы Онъ безсиленъ, но потому, что долготерпѣливъ. Полезно это для учениковъ и въ томъ отношеніи, что Господь собственнымъ примѣромъ научаетъ ихъ быть незлобивыми. Ибо они, взирая на Илію, дважды истребившаго огнемъ по пятидесяти человѣкъ и съ ихъ начальниками, и будучи еще несовершенны, возбуждали Господа на мщеніе обидѣвшимъ Его. Но Господь, показывая имъ, что Его законъ выше жизни Илiиной, запрещаетъ имъ и отводитъ ихъ отъ такого образа мыслей, а напротивъ научилъ ихъ переносить обиды съ кротостію. — Что означаютъ слова: *не пріяша Его, яко лице Его бѣ грядущее во Іерусалимъ?* Не то ли ими говорится, что не приняли Его потому, что Онъ вознамѣрился пойти въ Іерусалимъ? И если такъ будемъ понимать, что самаряне не приняли Господа потому, что Онъ вознамѣрился пойти въ Іерусалимъ, то непринявшіе Его не оказываются ли невинными? Можно сказать, что евангелистъ говоритъ такъ: не приняли Его, и Онъ не вошелъ въ Самарію; потомъ какъ-бы кто спросилъ: почему же не приняли Его противъ воли, и Онъ не вошелъ? ужели потому

что Онъ былъ безсиленъ, или не могъ войти, хотя бы они и не желали? въ разрѣшеніе сего (евангелистъ) и говоритъ: не потому не вошелъ Господь, будто бы для Него было это невозможно, но потому, что Онъ самъ не желалъ войти туда, но вознамѣрился идти прямо въ Іерусалимъ. Ибо еслибъ не было у Господа такого намѣренія, то Онъ вошелъ бы въ селеніе самарянъ и въ томъ случаѣ, когда они не желали бы сего.

Зач. *Бысть же идущымъ имъ* по пути, рече нѣкій къ*
49. *нему: иду по тебѣ, аможе аще идеши, Господи. И рече ему Іисусъ: лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главу подклонити. Рече же ко другому: ходи въ слѣдъ мене, онъ же рече: Господи, повели ми шедъ прежде погребсти отца моего. Рече же ему Іисусъ: остави мертвыя погребсти своя мертвецы: ты же шедъ возвѣщай царствіе Божіе. Рече же и другій: иду по тебѣ, Господи: прежде же повели ми отвѣщатися, иже суть въ дому моемъ. Рече же къ нему Іисусъ: никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи.* Сей, пришедшій къ Іисусу и просившій позволенія пойти за Нимъ, пришелъ съ лукавою мыслію. Видя, что за Господомъ слѣдуетъ много народа, онъ подумалъ, что Господь собираетъ съ нихъ деньги, и самъ пришелъ къ мысли, что онъ составитъ себѣ имѣніе, если послѣдуетъ за Іисусомъ. Посему Господь отвергъ его, говоря ему какъ-бы такъ: ты думаешь чрезъ послѣдованіе за Мною составить себѣ имѣніе, полагая,

---

*Во время оно, идущу Іисусу**

что такова моя жизнь; но на дѣлѣ не такъ. Я учу и проповѣдую такую бѣдность, что не имѣю и дома (своего), тогда какъ прочія животныя имѣютъ норы. И такимъ образомъ отвергъ его.—А другому, который и не просилъ, позволяетъ слѣдовать. Когда же сей спросилъ позволенія сходить и похоронить отца своего, Господь не позволилъ, но сказалъ: оставь мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ. Симъ намекается, что отецъ его былъ невѣрующій и потому недостойный пропитываться въ старости отъ сына своего, который увѣровалъ. Оставь, говоритъ, родственникамъ *мертвымъ*, то есть, не вѣрующимъ питать, въ старости и до гроба, невѣрующаго отца твоего. Ибо похоронить здѣсь означаетъ: имѣть попеченіе до самаго гроба. Поелику и въ обыкновенной бесѣдѣ мы говоримъ: такой-то сынъ похоронилъ своего отца, и чрезъ сіе разумѣемъ не то, что онъ похоронилъ его и не сдѣлалъ ему никакого другаго добра, но то, что имѣлъ попеченіе объ немъ до самой смерти и погребенія. Итакъ пусть эти мертвые, то есть, невѣрующіе похоронятъ своего мертвеца, то есть, твоего отца. А поелику ты увѣровалъ, то какъ мой ученикъ проповѣдуй Евангеліе Божіе. Господь, сказавъ это, не запрещаетъ намъ питать родителей, но научаетъ насъ богопочтеніе предпочитать невѣрующимъ родителямъ, и не имѣть никакого препятствія къ добродѣтели, но презирать и самую природу. Такъ человѣку, который просилъ позволенія слѣдовать за Нимъ, но прежде отдать должное (ἀποτάξασθαι) домашнимъ своимъ, Онъ не позволилъ сего, то есть, сходить въ домъ свой и отдать должное, или, скажу проще, проститься-

ся. Ибо такой человѣкъ обнаруживаетъ въ себѣ привязанность къ міру и отсутствіе апостольскаго расположенія; ибо апостолы, какъ услышали призваніе отъ Господа, тотчасъ послѣдовали за Нимъ, ничѣмъ инымъ уже не занимались, а оставили даже и прощаніе съ родными. И часто случается, что въ то время, какъ человѣкъ прощается съ своими родственниками, между ними оказываются такіе, кои удерживаютъ его отъ богоподобной жизни. Посему хорошо, имѣя расположеніе къ добру, тотчасъ же и совершать оное, нимало не медля. Ибо никто взявшійся за плугъ духовный, и снова оглядывающійся на міръ, не способенъ къ царству небесному.—Подъ *лисицами* разумѣй лукавыхъ бѣсовъ; они же называются и птицами небесными, то есть, воздушными; ибо сказано: *по князю власти воздушныя* (Ефес. 2, 2). Итакъ Господь говоритъ (помянутому) человѣку: поелику бѣсы имѣютъ въ тебѣ норы, то Я, Сынъ человѣческій, не имѣю, гдѣ главу приклонить, то есть, въ сердцѣ твоемъ, полномъ бѣсовъ, Я не вижу мѣста для вѣры въ Меня. Ибо глава Христа есть вѣра въ Него. Кто увѣруетъ, что Христосъ есть Богъ, тотъ получаетъ главу Христову. А грѣшникъ мертвъ; она и погребаетъ своихъ мертвецовъ, то есть, лукавые помыслы, тѣмъ, что не исповѣдуетъ ихъ. Итакъ Господь намѣревающемуся быть Его послѣдователемъ запрещаетъ погребать лукавый помыслъ и скрывать оный, но повелѣваетъ обнаруживать его чрезъ исповѣдь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Объ избраніи семидесяти.—О законникѣ, вопрошающемъ Господа.—О человѣкѣ, который попался разбойникамъ.—О Мароѣ и сестрѣ ея Маріи.

По сихъ же яви Господь и инѣхъ седмьдесятъ, * Зач. 50.
и посла ихъ по двѣма предъ лицемъ своимъ, во всякъ градъ и мѣсто, аможе хотяше самъ ити. Глаголаше же къ нимъ: жатва убо многа, дѣлателей же мало: молитеся убо господину жатвѣ, да изведетъ дѣлатели на жатву свою. Идите: се азъ посылаю вы яко агнцы посредѣ волковъ. Въ книгѣ Исходъ написано: *и пріидоша сынове Іраилевы во Елимъ: и бяху тамо дванадесять источниковъ водъ, и седмьдесятъ стеблій финиковыхъ* (Исх. 15, 27). Что случилось тогда исторически и образно, то нынѣ сбылось въ дѣйствительности. Елимъ значитъ—восхожденіе, Этимъ не другое что означается, какъ то, что мы, восходя въ совершеннѣйшее разумѣніе и въ духовный возрастъ, и не останавливаясь, какъ евреи, на законѣ, но востекая въ христіанство, найдемъ двѣнадцать источниковъ, то есть, двѣнадцать верховныхъ апостоловъ, которые суть источники всякаго сладчайшаго ученія. Найдемъ и семьдесятъ финиковыхъ стеблей, то есть, апостоловъ. Они не называются источниками, но финиками, какъ воспитываемые и руководимые отъ апостоловъ (верховныхъ). Ибо хотя и сихъ (семьдесятъ апостоловъ) Христосъ

Во время оно, явлъ Господь и инѣхъ седмьдесятъ ученикъ своихъ, *

же избралъ, но они были ниже двѣнадцати, и впослѣдствіи были ихъ учениками и спутниками. Итакъ сіи финики напитались отъ источниковъ, то есть, отъ апостоловъ, и намъ доставили плодъ сладкій и вмѣстѣ умѣренно кислый (στύφοντα). Ученіе святыхъ дѣйствительно таково: оно не совсѣмъ услаждаетъ и ласкаетъ и не совсѣмъ стѣсняетъ и поражаетъ, но совмѣщаетъ то и другое свойство, и по-истинѣ приправлено солію, и соединено съ благодатію, какъ и апостолъ Павелъ взываетъ: *слово ваше да бываетъ во благодати, солію растворено* (Колос. 4, 6). Господь избираетъ *семьдесятъ* учениковъ, по причинѣ множества нуждающихся въ ученіи. Ибо какъ поля съ хорошимъ урожаемъ требуютъ много жнецовъ, такъ и для вѣрующихъ, поелику ихъ имѣло быть безчисленное множество, настояла нужда во многихъ учителяхъ. — Господь посылаетъ ихъ *по два*, для того, чтобъ они были безопаснѣе и другъ другу содѣйствовали. Они ходили предъ лицемъ Его, то есть, подобно Іоанну учили: *приготовьте путь Господу* (Матѳ. 3, 3). Примѣчай, какъ Онъ прежде сказалъ: молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей, а потомъ самъ своею властію посылаетъ ихъ. Ибо Онъ, какъ истинный Богъ, есть по-истинѣ Господинъ жатвы, то есть, вѣрующихъ.—Напередъ говоритъ имъ о гоненіяхъ, и о томъ, что они будутъ какъ агнцы въ срединѣ волковъ, для того, чтобы сіи, напавъ на нихъ неожиданно, не смутили ихъ внезапностію.

Не носите влагалища, ни пиры, ни сапоги: и никогоже на пути цѣлуйте. Въ оньже аще домъ внидите первѣе глаголите: миръ дому сему. И аще убо будетъ

ту сынъ мира: почіетъ на немъ миръ вашъ: аще ли же ни, къ вамъ возвратится. Въ томже дому пребывайте, ядуще и піюще яже суть у нихъ: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея, не преходите изъ дому въ домъ. И въ оньже аще градъ входите, и пріемлютъ вы, ядите предлагаемая вамъ. И исцѣлите недужныя, иже суть въ немъ, и глаголите имъ: приближися на вы царствіе Божіе. Поелику Господь намѣренъ послать учениковъ съ проповѣдію Евангелія, то говоритъ имъ: не берите ни мѣшка, ни того, ни сего; ибо для васъ достаточно быть заботливыми о словѣ. А если вы будете носить мѣшокъ, очевидно, вы будете имъ заняты, а о словѣ начнете нерадѣть. Иначе: поелику васъ будутъ питать тѣ, коихъ вы будете учить, то какая вамъ нужда въ мѣшкѣ, или въ сумѣ, или въ сапогахъ? Ибо наставляемые вами удовлетворятъ всякой вашей нуждѣ въ нихъ. *И никогоже на пути цѣлуйте.* Такъ заповѣдуетъ имъ для того, чтобы они не занимались людскими привѣтствіями и ласками, и чрезъ то не полагали бы препятствія дѣлу проповѣди. Ибо вѣроятно, получившій привѣтствіе отвѣтилъ бы и самъ привѣтствіемъ. а можетъ быть вступилъ бы въ продолжительный разговоръ, какъ обыкновенно дѣлаютъ спутники, а потомъ какъ-бы уже подружившись, заговорился бы о чемъ-нибудь еще болѣе, и такимъ образомъ апостолъ ниспалъ бы въ обычная людскія отношенія, а о словѣ вознерадѣлъ бы. По сказанной причинѣ Господь и запрещаетъ ученикамъ привѣтствовать кого-нибудь на дорогѣ.—*Въ оньже*, говоритъ, *аще домъ внидете, глаголите: миръ дому сему*, то есть, привѣтствуйте находящихся въ дому; потомъ показывая, что это не простое только привѣт-

ствіе, а вмѣстѣ и благословеніе, говоритъ: если домохозяинъ будетъ достоинъ, то онъ будетъ благословенъ, а если онъ обидчикъ и неспособенъ къ принятію мира, если онъ врагъ и противникъ вашего слова и ученія, то благословеніе не придетъ къ нему, но къ вамъ возвратится.—Заповѣдуетъ не переходить изъ дому въ домъ, чтобы апостолы не показались чревоугодниками, не подали бы многимъ повода къ соблазну, и не оскорбили бы тѣхъ, кои приняли ихъ въ началѣ. *Ядите*, говоритъ, *уже суть у нихъ*, то есть, что предложатъ вамъ, и хотя бы то было мало и небогато, большаго не требуйте. Пищу принимайте вмѣсто награды, то есть, не ищите того, чтобъ вамъ получать пищу и плату особо, но самую пищу принимайте за награду. Смотри, какъ Онъ учениковъ своихъ дѣлаетъ твердыми противъ бѣдности. Заповѣдуетъ исцѣлять больныхъ, находящихся въ городахъ, для того, чтобы апостолы своими чудотвореніями могли привлечь людей къ проповѣди. Ибо смотри, что говоритъ: *и глаголите имъ: приближися на вы царствіе Божіе.* Ибо если вы прежде исцѣлите, а потомъ станете учить, проповѣдь ваша будетъ благоуспѣшна, и люди увѣруютъ, что до нихъ достигло царствіе Божіе. Ибо они не были бы исцѣлены, еслибъ не совершила сего нѣкоторая божественная сила. Да и къ больнымъ тогда приблизилось царство Божіе, когда они по душѣ исцѣлены. Ибо оно далеко отъ больнаго, надъ которымъ еще царствуетъ грѣхъ.

И въ оньже аще градъ входите, и не пріемлютъ васъ, изшедше на распутія его, рцыте: И прахъ прилъпшій намъ отъ града вашего, оттрясаемъ вамъ: оба-

че сіе вѣдите, яко приближися на вы царствіе Божіе. Глаголю вамъ, яко содомляномъ въ день той отраднѣе будетъ, неже граду тому. Если, говоритъ, не примутъ васъ, то выдьте и засвидѣтельствуйте имъ, что у насъ ничего нѣтъ общаго съ вами, мы ничего не имѣемъ отъ вашего города, даже и пыль, прилипшую къ намъ, мы сметаемъ, то есть, оттрясаемъ, очищаемъ и бросаемъ на васъ; однакожъ знайте, что приблизилось къ вамъ царствіе Божіе. Здѣсь спроситъ иной: какъ Господь говоритъ, что царствіе Божіе приблизилось и къ тѣмъ, кои принимаютъ апостоловъ, и къ тѣмъ, кои не принимаютъ ихъ? Нужно сказать, что Онъ нисколько не противорѣчитъ Себѣ. Ибо къ тѣмъ, кои принимаютъ апостоловъ, царствіе приближается съ благодѣяніями, а къ тѣмъ, кои не принимаютъ, съ осужденіемъ. Ибо, прошу тебя, представь себѣ, что на какомъ-нибудь зрѣлищѣ находится много (однихъ) осужденныхъ, а другихъ неосужденныхъ, напримѣръ, сенаторовъ, полководцевъ и вельможъ, потомъ какой-нибудь глашатай всѣмъ вмѣстѣ, осужденнымъ и почетнымъ, возвѣщаетъ: царь приблизился къ вамъ! Не то ли онъ говоритъ, что къ однимъ изъ нихъ царь приблизился для наказанія, а къ другимъ, чтобы оказать имъ честь и благоволеніе? Такимъ же образомъ и здѣсь понимай. Отраднѣе, говоритъ, будетъ Содому, нежели городу тому, который не принялъ васъ. Почему? потому, что въ Содомъ не были посланы апостолы, и посему не принявшіе апостоловъ—хуже содомлянъ. Замѣть и то, что городъ, не принимающій апостоловъ, имѣетъ широкія улицы. А широкій путь приводитъ къ погибели. Итакъ кто ходитъ

широкими дорогами, ведущими къ погибели, тотъ не принимаетъ апостольскаго и божественнаго ученія.

Горе тебѣ Хоразине, горе тебѣ Виѳсаидо: яко аще въ Тѵрѣ и Сидонѣ быша силы были бывшая въ васъ, древле убо во вретищи и пепелѣ сѣдяще покаялися быша. Обаче Тѵру и Сидону отраднѣе будетъ на судѣ, неже вамъ. И ты Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада низведешися. Слушаяй васъ, мене слушаетъ: и отметаяйся васъ, мене отметается: отметаяйся*
Зач 15. *же мене, отметается пославшаго мя.* Тиръ и Сидонъ были города языческіе, а Виѳсаида и Хоразинъ—іудейскіе. Итакъ Онъ говоритъ, что на судѣ язычникамъ будетъ отраднѣе, нежели вамъ, видѣвшимъ чудеса и неувѣровавшимъ; ибо если бы они видѣли, они увѣровали бы. Да и ты, Капернаумъ, вознесшійся до небесъ, какъ прославленный многими чудесами, совершившимися въ тебѣ, низвергнешься до ада; ты будешь осужденъ за то самое, что и послѣ столькихъ чудесъ не вѣруешь.— Потомъ, чтобы посылаемые на проповѣдь не сказали, зачѣмъ же посылаешь насъ, если нѣкоторые города не примутъ насъ, говоритъ: не печальтесь; отвергающійся васъ, отвергается Меня и Отца моего; посему обида не останавливается на васъ, но восходитъ до Бога. Итакъ пусть будетъ для васъ утѣшеніемъ то, что оскорбленіе наносится (не вамъ, а) Богу. Равнымъ образомъ, съ другой стороны, не хвалитесь и не превозноситесь тѣмъ, что нѣкоторые слушаютъ васъ: ибо это не ваше дѣло, но мое и—благодати.

---

*Рече Господь своимъ ученикомъ:**

Возвратишася же седмьдесятъ съ радостію, глаголюще: Господи, и бѣси повинуются намъ о имени твоемъ. Рече же имъ: видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша. Зач. ** Се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію: и ничесоже васъ вредитъ. Обаче о семъ не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ.* Прежде сказалъ (евангелистъ), что (Господь) послалъ семьдесятъ (учениковъ), а теперь говоритъ, что они возвратились съ радостію о томъ, что они не только отъ другихъ какихъ болѣзней исцѣляли, но избавляли еще отъ большаго зла,—отъ демоновъ. Смотри, какъ они далеки отъ высокомудрія; ибо они говорятъ Господу: *о имени твоемъ* повинуются намъ бѣсы, по твоей благодати, а не по нашей силѣ. А Господь сказалъ имъ: не дивитесь тому, что бѣсы вамъ повинуются; ибо начальникъ ихъ давно низверженъ и не имѣетъ никакой силы. Хотя для людей это и не было видно; но для Меня, созерцающаго и невидимое, это было видно. Какъ молнія спалъ съ неба (сатана), потому, что онъ былъ свѣтомъ, архангеломъ и денницею, хотя теперь и сталъ тьмою. Если же онъ спалъ съ неба, то рабы его, разумѣю бѣсовъ, чего не потерпятъ? Нѣкоторые слово *съ небесе* разумѣютъ такъ: отъ славы. Такъ какъ семьдесятъ сказали Господу, что имъ бѣсы повинуются, то онъ говоритъ: это и я зналъ, ибо я видѣлъ, какъ сатана спалъ съ неба, то есть, лишился славы, которую онъ имѣлъ, и чести. До прише-

---

*Рече Господь своимъ ученикомъ:**

ствія Христова его чтили какъ Бога, а теперь онъ спалъ съ неба, то есть, перестали его почитать за Бога и думать, что онъ живетъ на небѣ.—Се даю вамъ власть попирать силы его. Ибо змѣи и скорпіоны суть полки бѣсовъ, пресмыкающіеся долу, и тѣ изъ нихъ, кои язвятъ болѣе видимымъ образомъ, суть змѣи, а тѣ, кои болѣе скрытнымъ образомъ поражаютъ, суть скорпіоны. Напримѣръ, бѣсъ блуда и убійства есть змѣй, ибо онъ побуждаетъ на видимыя злодѣянія; а тотъ бѣсъ, который подъ предлогомъ болѣзни, напримѣръ, преклоняетъ человѣка пользоваться банями, благовонными мазями и другими нѣгами, можетъ быть названъ скорпіономъ, такъ какъ онъ имѣетъ скрытное жало, и тайно старается ужалить плоть, чтобы послушавшаго его ввесть въ большее преступленіе. Но благодареніе Господу, давшему власть наступать на нихъ! Впрочемъ, научая учениковъ не высокомудрствовать, Господь говоритъ: однакоже не тому радуйтесь, что бѣсы вамъ повинуются (ибо отъ сего получаютъ благодѣяніе другіе, именно получающіе исцѣленіе), но болѣе тому радуйтесь, что имена ваши написаны на небесахъ, написаны не чернилами, но Божіею памятью и благодатію. Дьяволъ спадаетъ съ неба, а люди, на землѣ живущіе, написываются на небесахъ. Итакъ истинная радость въ томъ, что имена ваши написаны на небесахъ и не забываются Богомъ.

Въ той часъ возрадовася духомъ Іисусъ, и рече: исповѣдаютися Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ: ей, Отче, яко тако бысть благово-

леніе предъ тобою. Какъ добрый отецъ, увидѣвъ дѣтей успѣвшихъ въ чемъ-нибудь достойномъ похвалы, радуется: такъ и Спаситель возрадовался тому, что апостолы удостоились такихъ благъ. Посему Онъ благодаритъ Отца за то, что такія таинства утаены *отъ мудрыхъ*, то есть, фарисеевъ и книжниковъ, истолковывавшихъ законъ, *и* отъ *разумныхъ,* то есть, учениковъ этихъ же книжниковъ. Ибо кто учитъ, тотъ мудръ, а кто учится и понимаетъ уроки, тотъ разуменъ; напримѣръ, Гамаліилъ—мудръ, а Павелъ—разуменъ, ибо первый—учитель, а вторый—разумѣетъ то, чему наставляетъ первый.—Господь называетъ учениковъ своихъ *младенцами*, потому что они были не изъ искусныхъ въ законѣ, а были избраны большею частію изъ простаго класса народа и изъ рыбарей. Впрочемъ они могли быть названы младенцами и по ихъ незлобію. А тѣ (фарисеи и книжники) не были настоящими мудрецами и разумными, а только казались. Итакъ сіи таинства утаены отъ мудрыхъ и разумныхъ, которые казались таковыми, а на самомъ дѣлѣ не были. Ибо, если бы они были таковыми, то таинства были бы открыты имъ. *Ей, Отче,* благодарю тебя, *яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою,* то есть, что такое у Тебя было благоволеніе и хотѣніе, и такъ было угодно Тебѣ.

И обращся ко ученикомъ, рече: Вся мнѣ предана* Зач. 52.
быша отъ Отца моего: и никтоже вѣсть, кто есть Сынъ, токмо Отецъ, и кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и емуже аще хощетъ Сынъ открыти. И обращся ко учени-

---

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

комъ единъ рече: блажени очи видящіи, яже видите. Глаголю бо вамъ, яко мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша: и слышати, яже слышите, и не слышаша. Отецъ все передаетъ Сыну, потому что все имѣетъ покориться Сыну. Богъ царствуетъ надъ всѣми двоякимъ образомъ: во-первыхъ надъ тѣми, кои не желаютъ Его царствія, и, во-вторыхъ, надъ тѣми, кои желаютъ. Для примѣра скажу: Богъ есть Владыка мой, хотя бы я и не хотѣлъ, потому что Онъ—творецъ мой; и опять, Богъ есть Владыка мой, когда я, какъ благоразумный рабъ, исполняю волю Его чрезъ соблюденіе заповѣдей. Природа человѣческая и прежде была въ рабствѣ и въ рукахъ Бога, хотя и не хотѣла того, хотя и сатанѣ служила. Но когда Христосъ выдержалъ борьбу за насъ, и, освободивъ насъ изъ-подъ власти діавола, сдѣлалъ насъ своими слугами и исполнителями заповѣдей, съ того времени мы стали благоразумными рабами и по природѣ и по изволенію; ибо первое рабство было только по природѣ, а второе, кромѣ того, и по нашему изволенію. Итакъ Господь говоритъ теперь то: все предано Мнѣ Отцемъ моимъ, то есть, все имѣетъ покориться Мнѣ и подпастъ подъ мое владычество. Это подобно другому изреченію, сему: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. 28, 18). А такъ говоритъ Онъ потому, что Онъ примирилъ все (Колос. 1, 20), что̀ есть на небѣ и на землѣ. И иначе: Отецъ все предаетъ Сыну, всѣ дѣла домостроительства нашего спасенія. Посему ради насъ не воплотился ни Отецъ, ни Духъ, или пострадалъ, или воскресъ, но все это со-

вершилъ Сынъ, и Онъ сдѣлался вождемъ нашего спасенія; посему Онъ и говоритъ, что все Ему предано. Онъ сказалъ какъ-бы такъ: Отецъ мой все Мнѣ ввѣрилъ: воплотиться, пострадать, воскреснуть, спасти отторгшуюся природу. — *И никтоже вѣсть, кто есть Сынъ, токмо Отецъ, и кто есть Отецъ, токмо Сынъ.* Поелику Онъ сказалъ, что все Мнѣ предано, то теперь какъ-бы разрѣшаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Чтобы кому-нибудь не пришла мысль: почему жъ Онъ предалъ все Тебѣ, а не другому, хотя бы ангелу или архангелу,—Онъ говоритъ: Мнѣ Онъ предалъ потому, что Я одной съ Нимъ природы и сущности. И какъ Его никто не знаетъ, такъ и Меня никто же, кромѣ одного Отца. Посему Онъ справедливо предалъ все Мнѣ, какъ единосущному съ Нимъ, и превышающему всякое познаніе, подобно какъ и Онъ выше всякаго познанія. Ибо Отца, говоритъ, знаетъ только одинъ Сынъ, и тотъ, кому Сынъ восхощетъ открыть. Смотри: Сынъ знаетъ Отца не чрезъ откровеніе, а твари чрезъ откровеніе, ибо онѣ получаютъ познаніе по благодати; слѣдовательно Сынъ не сотворенъ.—Обратясь къ ученикамъ, Господь ублажаетъ ихъ, и вообще всѣхъ, кои съ вѣрою взираютъ на Него, ходящаго во плоти и творящаго чудеса. Ибо древніе пророки и цари хотя и сильно желали увидѣть Господа во плоти и послушать Его, однакожъ не удостоились этого. И иначе: поелику Онъ выше сказалъ, что тотъ знаетъ Отца, кому откроетъ Сынъ, то теперь ублажаетъ учениковъ, какъ получившихъ уже это откровеніе. Ибо Собою Онъ открылъ имъ Отца, такъ какъ видящій Его видѣлъ Отца (Іоан. 14, 9).

А этого блага не достигъ никто изъ тѣхъ святыхъ, кои жили до явленія и дѣйствованія Сына Божія во плоти. Поелику же они не видѣли во плоти Господа, чрезъ котораго познавался Отецъ, то значитъ, они и Отца не видѣли такъ, какъ видѣли апостолы.

Зач. *И се законникъ нѣкій воста,* искушая его, и гла-*
53. *голя: учителю, что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдую? Онъ же рече къ нему: въ законѣ что писано есть? како чтеши? Онъ же отвѣщавъ рече: возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ: и ближняго своего яко самъ себе. Рече же ему: право отвѣщалъ еси: сіе сотвори, и живъ будеши.* Законникъ этотъ былъ человѣкъ хвастливый, очень высокомѣрный, какъ оказывается изъ нижеслѣдующаго, и сверхъ того коварный. Посему онъ приступаетъ къ Господу, искушая Его; вѣроятно, онъ думалъ, что уловитъ Господа въ Его отвѣтахъ. Но Господь указываемъ ему на тотъ самый законъ, коимъ онъ очень надмевался.—Смотри, съ какою точностію законъ заповѣдуетъ любить Господа. Человѣкъ есть совершеннѣйшее изъ всѣхъ твореній. Хотя онъ имѣетъ и нѣчто общее со всѣми ими, но имѣетъ и нѣчто преимущественное. Напримѣръ, человѣкъ имѣетъ общее съ камнемъ; ибо онъ имѣетъ волосы, ногти, кои безчувственны, какъ камень. Имѣетъ общее съ растеніемъ; потому что онъ растетъ, и питается, и раждаетъ подобное себѣ, какъ и

---

* *Во время оно, законникъ нѣкій приступи ко Іисусу*

растеніе. Имѣетъ общее съ животными безсловесными; потому что имѣетъ чувства, гнѣвается и похотствуетъ. Но, что̀ возвышаетъ человѣка надъ всѣми прочими животными, онъ имѣетъ общее и съ Богомъ, именно разумную душу. Посему законъ, желая показать, что человѣкъ всецѣло во всемъ долженъ предать себя Богу и всѣ душевныя силы плѣнить въ любовь Божію, словами *отъ всего сердца* указалъ на силу болѣе грубую и свойственную растеніямъ, словами *отъ всея души*—на силу болѣе тонкую и приличную существамъ одареннымъ чувствами, словами *всѣмъ помышленіемъ* обозначилъ отличительную силу человѣка—разумную душу. Слова *всею крѣпостію* мы должны примѣнить ко всему этому. Ибо мы должны подчинить любви Христовой и растительную силу души: но какъ? сильно, а не слабо; и чувственную, и ее сильно; наконецъ и разумную, и ее также всею крѣпостію, такъ что мы всецѣло должны предать себя Богу и подчинить любви Божіей нашу силу питательную, чувствующую и разумную,—*И ближняго своего яко самъ себе.* Законъ, по причинѣ младенчества слушателей, не могшій еще преподать совершеннѣйшаго ученія, заповѣдуетъ любить ближняго, какъ самого себя. Но Христосъ научилъ любить ближняго больше, чѣмъ и самого себя. Ибо Онъ говоритъ: никто не можетъ оказать больше сей любви, какъ если кто душу свою положитъ за друзей своихъ (Іоан. 15, 13).—Итакъ законнику говоритъ: правильно ты отвѣчалъ. Поелику ты, говоритъ, подлежишь еще закону, то ты правильно отвѣчаешь; ибо по закону ты вѣрно разсуждаешь.

Лук.

Онъ же хотя оправдитися самъ, рече ко Іисусу: и кто есть ближній мой? Отвѣщавъ же Іисусъ рече: человѣкъ нѣкій схождаше отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники впаде, иже совлекше его, и язвы возложше отъидоша, оставлше еле жива суща. По случаю же священникъ нѣкій схождаше путемъ тѣмъ, и видѣвъ его, мимоиде. Такожде же и левитъ, бывъ на томъ мѣстѣ, пришедъ и видѣвъ мимоиде. Самарянинъ же нѣкто грядый (ὁδεύων), *пріиде надъ него, и видѣвъ его, милосердова: И приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино: всадивъ же его на свой скотъ, приведе его въ гостинницу, и прилѣжа ему. И наутрія изшедъ, изъемъ два сребренника даде гостиннику, и рече ему: прилѣжи ему: и еже аще пріиждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти. Кто убо отъ тѣхъ тріехъ ближній мнитися быти впадшему въ разбойники? Онъ же рече: сотворивый милость съ нимъ. Рече же ему Іисусъ: иди, и ты твори такожде.* Законникъ, получивъ похвалу отъ Спасителя, выказалъ высокомѣріе. Онъ сказалъ: а кто ближній мой? онъ думалъ, что онъ праведенъ, и не имѣетъ подобнаго себѣ и близкаго по добродѣтели; ибо полагалъ, что праведнику ближній есть только праведный же. Итакъ, желая оправдать себя и возвыситься предъ всѣми людьми, онъ съ гордостію говоритъ: а кто ближній мой? Но Спаситель, поелику Онъ творецъ и во всѣхъ видитъ одно созданіе, опредѣляетъ ближняго ни дѣлами, ни достоинствами, но природою. Не думай, говоритъ, что поелику ты праведенъ, то и нѣтъ тебѣ никого подобнаго. Ибо всѣ имѣющіе одну и туже природу суть ближніе твои. Итакъ и ты

самъ будь ближнимъ ихъ, не по мѣсту, но по расположенію къ нимъ и заботливости объ нихъ. Для того и привожу Я тебѣ въ примѣръ самарянина, чтобы тебѣ показать, что хотя онъ различался по жизни, однакожъ сталъ ближнимъ для нуждавшагося въ милости. Такъ и ты проявляй себя ближнимъ чрезъ состраданіе, и поспѣшай на помощь по собственному признанію. Итакъ сею притчею мы научаемся быть готовыми къ милосердію и стараться быть ближними для тѣхъ, кои нуждаются въ нашей помощи. Познаемъ и благость Божію въ отношеніи къ человѣку. Природа человѣческая шла изъ Іерусалима, то есть, изъ безмятежной и мирной жизни; ибо Іерусалимъ означаетъ: видѣніе мира. Куда же шла? въ Іерихонъ, пустой, низкій и удушливый отъ жара, то есть, въ жизнь полную страстей. Смотри: не сказалъ Онъ *сошелъ,* но *схождаше.* Ибо природа человѣческая всегда склонялась къ земному, не однажды, но постоянно увлекаясь страстною жизнію. *И въ разбойники впаде,* то есть, попался бѣсамъ. Кто не сойдетъ съ высоты ума, тотъ не попадется бѣсамъ. Они, разоблачивши человѣка и снявши съ него одежды добродѣтели, потомъ нанесли ему грѣховныя раны. Ибо они сначала обнажаютъ насъ отъ всякаго добраго помысла и покрова Божія, а потомъ и наносятъ раны грѣхами. Природу человѣческую они оставили *полумертвою,* или потому, что душа безсмертна, а тѣло смертно, и такимъ образомъ подчинена смерти половина человѣка; или потому, что природа человѣческая не совсѣмъ была отвержена, а надѣялась получить спасеніе во Христѣ, и такимъ образомъ была не совершен-

но мертвою. Но какъ чрезъ преступленіе Адама смерть вошла въ міръ, такъ чрезъ оправданіе во Христѣ смерть имѣла быть упраздненною (Рим. 5, 15—17). Подъ священникомъ и левитомъ разумѣй, пожалуй, законъ и пророковъ. Ибо они желали оправдать человѣка, но не могли. *Не возможно бо*, говоритъ апостолъ Павелъ, *крови юнчей и козлей отпущати грѣхи* (Евр. 10, 4). Они сжалились надъ человѣкомъ и размышляли, какъ бы исцѣлить его, но, побѣжденные силою ранъ, опять удалились назадъ. Ибо это значитъ ἀντιπαρελθεῖν (пройти мимо). Законъ пришелъ, и остановился надъ лежащимъ, но потомъ, не имѣя силы уврачевать, отступилъ. Это и означаетъ ἀντιπαρῆλθε (прошелъ мимо). Смотри: слово *по случаю* имѣетъ нѣкоторый смыслъ. Ибо законъ дѣйствительно данъ не по особой какой-либо причинѣ, но по причинѣ слабости человѣческой (Гал. 3, 19), немогшей сначала принять Христова таинства. Посему и говорится, что священникъ, то есть, законъ пришелъ уврачевать человѣка не нарочито, но *по случаю,* что̀ мы обыкновенно называемъ случайностію. Но Господь и Богъ нашъ, ставшій за насъ клятвою (Гал. 3, 13) и названный самаряниномъ (Іоан. 8, 48), пришелъ къ намъ, (ὁδεύων) совершая путь, то есть, предлогомъ къ пути и цѣлію поставивъ то самое, чтобы исцѣлить насъ, а не проходомъ только, и посѣтилъ насъ не случайно (между прочимъ), но жилъ съ нами и бесѣдовалъ не призрачно.—Тотчасъ перевязалъ раны, не попустивши болѣзни усилиться, но связавши ее.—Возлилъ масло и вино: масло, это слово ученія, предуготовляющее къ добродѣтели обѣщаніемъ благъ,

а вино—слово ученія, приводящее къ добродѣтели страхомъ. Итакъ, когда слышишь слово Господа: *пріидите ко Мнѣ, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28): это—масло, ибо показываетъ милость и упокоеніе. Таковы же слова: *пріидите, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѳ. 25, 34). Но когда Господь говоритъ: идите во тьму (Матѳ. 25, 41): это — вино, ученіе строгое. Можешь разумѣть и иначе. Масло означаетъ жизнь по человѣчеству, а вино—по божеству. Ибо Господь иное совершалъ какъ человѣкъ, а иное какъ Богъ. Напримѣръ, ѣсть, пить, проводить жизнь не безъ пріятностей и не обнаруживать суровости во всемъ, какъ Іоаннъ, это—масло; а чудный постъ, хожденіе по морю и прочія проявленія божеской силы, это — вино. Вину можно уподобить божество, въ томъ отношеніи, что божества въ самомъ себѣ (безъ соединенія) никто не могъ бы стерпѣть, еслибъ не было и масла сего, то есть, жизни по человѣчеству. Поелику же Господь спасъ насъ чрезъ то и другое, то есть, божество и человѣчество: посему и говорится, что Онъ возлилъ масло и вино. И ежедневно тѣ, кои бываютъ крещаемы, исцѣляются отъ ранъ душевныхъ, будучи помазуемы мνромъ, тотчасъ же пріобщаясь къ Церкви и причащаясь божественной крови. Господь посадилъ нашу израненную природу на своего подъяремника, то есть, на свое тѣло. Ибо, сдѣлалъ насъ своими членами и причастниками своего тѣла: насъ, долу находящихся, возвелъ на такое достоинство, что мы одно съ Нимъ тѣло!—Гостинница есть Церковь, всѣхъ принимающая. Законъ не всѣхъ принималъ. Ибо сказано: *Моавитинъ и Аммони-*

тинъ да не внидетъ въ храмъ Господень (Второзак. 23, 3). А нынѣ во всякомъ языцѣ бояйся Бога пріятенъ Ему есть (Дѣян. 10, 35), если желаетъ увѣровать и сдѣлаться членомъ Церкви. Ибо она всѣхъ принимаетъ, и грѣшниковъ и мытарей. Примѣчай точность, съ какою сказано, что привезъ его въ гостинницу и возъимѣлъ о немъ попеченіе. Прежде чѣмъ привезъ въ нее, онъ только перевязалъ раны. Что это значитъ? то, что когда составилась Церковь и открылась гостинница, то есть, когда вѣра возросла почти у всѣхъ народовъ, тогда открылись и дары Святаго Духа, и благодать Божія распространилась. Это узнаешь изъ Дѣяній апостольскихъ. Образъ гостинника носитъ въ себѣ всякій апостолъ, и учитель, и пастырь. Имъ Господь далъ два денарія, то есть, два завѣта, ветхій и новый. Ибо тотъ и другой завѣтъ, какъ изреченія одного и тогоже Бога, имѣютъ на себѣ изображеніе одного Царя. Сіи-то денаріи Господь, восходя на небеса, оставилъ апостоламъ и послѣдующихъ временъ епископамъ и учителямъ.—Сказалъ: если что изъ своего издержишь, я отдамъ тебѣ. Апостолы дѣйствительно издерживали и свое, много трудившись и повсюду разсѣявая ученіе. Да и учители послѣдующихъ временъ, изъясняя ветхій и новый завѣтъ, много издержали своего. За это они получатъ награду, когда Господь возвратится, то есть, во второе Его пришествіе. Тогда каждый изъ нихъ скажетъ Ему: Господи! Ты далъ мнѣ два денарія, вотъ я пріобрѣлъ другіе два. И Онъ такъ скажетъ таковому: хорошо, добрый рабъ!

гл. 10.

Бысть же ходящымъ имъ, и самъ вниде въ весь* Зач.
нѣкую: жена же нѣкая именемъ Марѳа пріятъ его въ 54.
домъ свой. И сестра ей бѣ, нарицаемая Маріа, яже и сѣдши при ногу Іисусову, слышаше слово его. Марѳа же молвяше о мнозѣ службѣ: ставши же рече: Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? рцы убо ей, да ми поможетъ. Отвѣщавъ же Іисусъ, рече ей: Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ: едино же есть на потребу. Маріа же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея. Великое благо и отъ гостепріимства, какъ показала Марѳа, и не нужно пренебрегать имъ; но еще большее благо—внимать духовнымъ бесѣдамъ. Ибо тѣмъ питается тѣло, а сими оживляется душа. Не для того, говоритъ, существуемъ мы, Марѳа, чтобы наполнять тѣло разными яствами, но для того, чтобы творить полезное душамъ. Примѣчай и благоразуміе Господа. Онъ ничего не сказалъ Марѳѣ прежде, чѣмъ отъ нея получилъ поводъ къ упреку. Когда же она покусилась отвлечь свою сестру отъ слушанія, тогда Господь, воспользовавшись поводомъ, упрекаетъ ее. Ибо гостепріимство дотолѣ похвально, доколѣ оно не отвлекаетъ и не отводитъ насъ отъ того, что̀ болѣе нужно; когда же оно намъ начнетъ препятствовать въ важнѣйшихъ предметахъ, тогда должно предпочесть ему слушаніе о божественныхъ предметахъ. Притомъ, если сказать точнѣе, Господь возбраняетъ не гостепріимство, но разнообразіе и суетность, то есть, развлеченіе и смуще-

---

*Во время оно, вниде Іисусъ **

ніе. Для чего, говоритъ, Марѳа, ты заботишься и печешься о многомъ, то есть, развлекаешься, безпокоишься? Мы имѣемъ нужду въ томъ только, чтобъ сколько-нибудь поѣсть, а не въ разнообразіи яствъ.—Иные слова: *едино есть на потребу*, разумѣли не о пищѣ, но о вниманіи къ ученію. Итакъ сими словами Господь научаетъ апостоловъ, чтобы, когда они войдутъ въ чей либо домъ, не требовали ничего роскошнаго, но довольствовались простымъ, не заботясь болѣе ни о чемъ, какъ о вниманіи къ ученію.—Пожалуй, разумѣй подъ Марѳою дѣятельную добродѣтель, а подъ Маріею—созерцаніе. Дѣятельная добродѣтель имѣетъ развлеченія и безпокойства, а созерцаніе, ставъ господиномъ надъ страстями (ибо Марія значитъ: госпожа), упражняется въ одномъ разсмотрѣніи божественныхъ изреченій и судебъ.—Обрати вниманіе и на слова: *сѣдши при ногу Его, слышаше слово Его.* Подъ ногами можно разумѣть дѣятельную добродѣтель: ибо онѣ означаютъ движеніе и хожденіе. А сидѣніе есть знакъ неподвижности. Итакъ, кто сядетъ при ногахъ Іисусовыхъ, то есть, кто утвердится въ дѣятельной добродѣтели, и чрезъ подражаніе хожденію и жизни Іисуса, укрѣпится въ ней, тотъ послѣ сего доходитъ до слышанія божественныхъ реченій, или до созерцанія. Поелику и Марія прежде сѣла, а потомъ слушала слова.—Итакъ, если ты можешь, восходи на степень Маріи, чрезъ господство надъ страстями и стремленіе къ созерцанію. Еслижъ это невозможно для тебя, будь Марѳою, прилежи дѣятельной сторонѣ и чрезъ то принимай Христа.—Примѣть и сіе: *яже не отъимется отъ нея.* Подвизающій-

ся въ дѣлахъ имѣетъ нѣчто такое, что̀ отнимается у него, то есть, заботы и развлеченіе. Ибо, достигши до созерцанія, онъ освобождается отъ развлеченія и суетности, и такимъ образомъ у него нѣчто отнимается. А подвизающійся въ созерцаніи никогда не лишается сей благой части, то есть, созерцанія. Ибо въ чемъ больше онъ будетъ успѣвать, когда достигъ самаго высшаго, разумѣю, созерцанія Бога, что̀ равно обоженію? Ибо кто удостоился зрѣть Бога, тотъ становится Богомъ, такъ какъ подобное объемлется подобнымъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О молитвѣ.—О бѣсноватомъ нѣмомъ.—О женщинѣ, возвысившей голосъ изъ народа. О требующихъ знаменія.—О фарисеѣ, пригласившемъ Іисуса къ себѣ.—Угрозы законникамъ.

И бысть внегда быти ему на мѣстѣ нѣкоемъ* Зач.
молящуся, и яко преста, рече нѣкій отъ ученикъ его 55.
къ нему: Господи, научи ны молитися, якоже и Іоаннъ научи ученики своя. Рече же имъ: егда молитеся, глаголите: Отче нашъ, иже на небесѣхъ, да святится имя твое: да пріидетъ царствіе твое: да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный подавай намъ на всякъ день. И остави намъ грѣхи наша, ибо и сами оставляемъ всякому должнику нашему: и не введи насъ во искушеніе: но избави насъ отъ лукаго. Ученикъ Христовъ ревнуетъ ученикамъ Іоанновымъ, и потому желаетъ научиться, какъ молиться. Спаси-

---

* *Во время оно, бысть внегда быти Іисусу **

Лук.

тель не отвергъ желанія учениковъ, но научаетъ. *Отче нашъ,* говоритъ, *иже на небесѣхъ.* Примѣчай силу молитвы. Она тотчасъ возводитъ тебя къ горнему, и, поелику ты именуешь Бвга Отцемъ, убѣждаетъ тебя всячески не терять подобія Отцу, но стараться уподобляться Ему. Не сказалъ *Отче мой*, но *Отче нашъ*, возбуждая тебя къ братолюбію, и побуждая любить всѣхъ, какъ братьевъ вообще. Сказавъ: *на небесѣхъ*, не органичиваетъ ими Бога, но слушателя возводитъ къ небесамъ и отводитъ отъ земнаго.—*Да святится имя твое*, вмѣсто *да прославится*, то есть устрой нашу жизнь такъ, чтобъ она была въ славу твою. Ибо какъ злыми хулится имя Божіе, такъ ведущими добрую жизнь прославляется.—*Да пріидетъ царствіе твое.* Грѣшникъ не молится о царствіи Божіемъ; ибо не желаетъ его пришествія, по причинѣ ожидающихъ его тамъ наказаній. Напротивъ праведникъ молитъ, чтобъ оно пришло скорѣе, чтобы ему освободиться отъ здѣшнихъ искушеній и упокоиться.—*Да будетъ воля твоя,* какъ на небѣ—у ангеловъ, такъ и у насъ людей—на землѣ. Ибо ангелы всѣ и во всемъ дѣйствуютъ по волѣ Божіей.—Научаетъ просить *хлѣба* только *насущнаго*, то есть, полезнаго для нашего существованія и для поддержанія жизни, отнюдь не лишняго, но необходимаго.—Не входить въ искушеніе значитъ не порываться на искушенія. Ибо намъ должно молить Бога не о томъ, чтобы Онъ наслалъ на насъ искушеніе, но о томъ, чтобы отвратилъ оное; а если постигнетъ, должно съ мужествомъ переносить оное. Нужно сказать, что искушеній два вида. Однѣ—произвольныя, напри-

мѣръ, пьянство, убійство, прелюбодѣяніе, и прочія страсти. Ибо симъ искушеніямъ мы сами подпадаемъ произвольно. Другія искушенія—невольныя, коимъ подвергаютъ насъ владыки и сильные. Отъ произвольныхъ-то искушеній, то есть, отъ страстей намъ должно убѣгать, молиться объ избавленіи отъ нихъ, и говорить: *не введи насъ,* то есть, не попусти намъ впасть *во искушеніе,* то есть, въ произвольную страсть.—*Но избави насъ отъ лукаваго.* Ибо онъ наводитъ невольныя и вольныя искушенія. Посему, когда ты невольно терпишь искушеніе отъ человѣка, не человѣка сего считай виновникомъ твоего искушенія, но лукаваго. Ибо онъ наущаетъ человѣка яриться на тебя и неистовствовать.

И рече къ нимъ: кто отъ васъ иматъ друга, и идетъ къ нему въ полунощи, и речетъ ему: друже, даждь ми взаимъ три хлѣбы: Понеже другъ пріиде съ пути ко мнѣ, и не имамъ чего предложити ему: И той извнутрь отвѣщавъ речетъ: не твори ми труды: уже двери затворены суть, и дѣти моя со мною на ложи суть: и не могу воставъ дати тебѣ. Глаголю же вамъ: аще и не дастъ ему воставъ, зане есть другъ ему, но за безъочство его воставъ дастъ ему, елика требуетъ. Господь, научая насъ молиться нелѣностно, сказываетъ притчу и примѣръ. Что же означаетъ притча? *Полуночью* называетъ послѣдніе дни жизни, до которыхъ когда достигнутъ люди, начинаютъ сочувствовать добру и устремляются къ Богу. Ибо Онъ есть другъ, любящій всѣхъ и (всѣмъ) желающій спасенія (1 Тимоѳ. 2, 4). Итакъ многіе въ полночь, то есть, при концѣ

жизни приходятъ къ Богу, какъ другу, и говорятъ: *дай три хлѣба,* то есть, вѣру въ Троицу; ибо зашелъ другъ, то есть, ангелъ, вземлющій душу. Впрочемъ и всякій ангелъ есть другъ, какъ и Господь говоритъ: радость бываетъ на небѣ о спасеніи человѣка (Лук. 15, 10).—Дѣти, покоющіяся на постелѣ, суть люди, обратившіеся и потому сдѣлавшіеся чадами Господа и удостоившіеся покоиться вмѣстѣ съ Нимъ. — *Безъочствомъ* называетъ усильную и продолжительную молитву съ терпѣніемъ.—Рѣзумѣй и иначе, именно: подъ *полночью* разумѣй силу и средину искушеній. Ибо всякое искушеніе есть ночь, а средина искушеній, безъ сомнѣнія, полночь. Итакъ, когда кто находится въ срединѣ искушеній, тотъ приходитъ къ любящему насъ Богу и говоритъ: дай мнѣ взаймы *три хлѣба,* то есть, спасеніе тѣла, души и духа. Ибо искушенія угрожаютъ опасностію симъ тремъ. Кто же другъ, зашедшій съ дороги? Безъ всякаго сомнѣнія, Господь, испытывающій насъ въ искушеніяхъ и желающій вкусить наше спасеніе. Впадшій въ искушенія, не въ силахъ будучи самъ по себѣ противустать имъ и оказать пріемъ Господу, не имѣетъ, что предложить Ему.—Запертыя двери означаютъ то, что мы должны быть готовы прежде искушеній, а когда впадемъ, тогда дверь къ приготовленію уже заперта, и мы, оказавшись неготовыми, потерпимъ опасность, если Богъ не поможетъ. Дѣти суть (поелику прежде обратились) тѣ, кои чрезъ добродѣтель содѣлались сынами Божіими, возлежатъ и почиваютъ въ Богѣ.

гл. 11.

И азъ вамъ глаголю: просите, и дастся вамъ:* Зач.
ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вамъ. 56.
Всякъ бо просяй пріемлетъ: и ищай обрѣтаетъ: и толкущему отверзется. Котораго же васъ отца воспроситъ сынъ хлѣба, еда камень подастъ ему? или рыбы, еда въ рыбы мѣсто змію подастъ ему? или аще попроситъ яица, еда подастъ ему скорпію? Аще убо вы зли суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящымъ у него. Смотри, какая точность въ словахъ. Не сказалъ Господь: *попросите*, и дастся вамъ, но *просите*, то есть, непрерывно ищите.—*Всякъ бо просяй пріемлетъ.* Ужели получаетъ тотъ, кто проситъ безполезнаго? Нѣтъ. Ибо, во-первыхъ, прошеніе о безполезномъ не можетъ быть и названо прошеніемъ предъ Богомъ. Ибо кто молится Богу, тотъ долженъ просить того, что̀ Онъ даетъ. А если кто проситъ безполезнаго, тотъ творитъ прошеніе не къ Богу. Ибо Онъ не даетъ неполезнаго. Потомъ слушай, какъ и самъ Господь научаетъ насъ просить того, чего должно просить. Онъ говоритъ: сынъ проситъ хлѣба, и рыбы, и яица. Посему какъ эти предметы составляютъ пищу человѣка, такъ и наши прошенія должны быть полезны намъ и служить въ помощь. Подъ просящимъ *хлѣба* разумѣй, пожалуй, всякаго, кто проситъ, чтобы открыты ему были вѣра въ Троицу и правильность догматовъ. Ибо они, какъ утверждающіе сердце, суть хлѣбъ. А *рыбы* проситъ тотъ, кто, находясь въ морѣ жизни сей,

---

*Рече Господь своимъ ученикомъ:**

просить у Бога помощи, чтобы ему, какъ рыбѣ, сохраниться живымъ и непогруженнымъ среди искушеній. А тотъ проситъ *яица*, кто желаетъ, чтобъ ему даны были порожденія добродѣтельныхъ душъ, каковыя души, какъ взявшія крылья, вознесшіяся духомъ и прелетѣвшія землю, по справедливости могутъ быть уподоблены птицамъ.

Зач. 57. *И бѣ* изгоня бѣса, и той бѣ нѣмъ: бысть же бѣсу изшедшу, проглагола нѣмый: и дивишася народи. Нѣцыи же отъ нихъ рѣша: о веелзевулѣ князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы. Друзіи же искушающе, знаменія отъ него искаху съ небесе. Онъ же, вѣдый помышленія ихъ, рече имъ: всяко царство само въ себѣ раздѣляяся запустѣетъ: и домъ на домъ, падаетъ. Аще же и сатана самъ въ себѣ раздѣлися, како станетъ царство его? якоже глаголете, о веелзевулѣ изгоняща мя бѣсы. Аще же азъ о веелзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ? сего ради тіи будутъ вамъ судіи. Аще ли же о перстѣ Божіи изгоню бѣсы, убо постиже на васъ царствіе Божіе.* Нѣмымъ часто называется тотъ, кто не говоритъ; но называется также и тотъ, кто не слышитъ, а вѣрнѣе тотъ, кто не слышитъ, ни говоритъ. Кои отъ роду не слышатъ, тѣ и не говорятъ. Это съ ними бываетъ по необходимости. Ибо мы говоримъ то, чему научаемся чрезъ слышаніе. Когда кто не слышитъ, тотъ по всей вѣроятности и не говоритъ. Развѣ у кого слухъ повредился въ послѣдствіи, отъ болѣзни, тому ничто не препятствуетъ говорить. При-

---

* *Во время оно, бѣ Іисусъ**

веденный ко Христу былъ въ обоихъ отношеніяхъ нѣмъ, и на языкъ и на ухо. Онъ есть образъ человѣческой природы, которая, будучи одержима отъ бѣсовъ, неспособна была ни къ слышанію словъ Божіихъ, ни тѣмъ болѣе къ пересказыванію. Но Господь, пришедъ и изгнавъ бѣсовъ, то есть, страстныя и бѣсовскія дѣла, сдѣлалъ то, чтобы мы не только говорили, но и проповѣдывали истину. Ибо слова Божіи должно не только слушать, но и другимъ пересказывать. Итакъ будемъ слушать мы, имѣющіе въ себѣ дѣла бѣсовскія, думающіе другихъ учить и позволяющіе называться отъ людей учителями. Ибо когда выйдетъ бѣсъ, тогда бываетъ истинная говорливость и ученіе; а доколѣ внутри насъ находятся произведенія демоновъ (страсти), дотолѣ мы не говоримъ, хотя и кажемся говорящими.—Фарисеи клевещутъ на чудо, и Господа поносятъ какъ обманщика. Они говорятъ: онъ друженъ съ княземъ бѣсовскимъ, и при его содѣйствіи изгоняетъ бѣсовъ. Господь говоритъ имъ: какъ возможно, чтобы бѣсъ изгонялъ другаго бѣса? Это было бы уже разрушеніемъ его царства. Ибо, если они царство и упокоеніе поставляютъ въ томъ, чтобы жить въ людяхъ, а ихъ же князь изгоняетъ ихъ, то явно, что онъ самъ себя разрушаетъ. Ибо и всякое царство, раздѣлившееся и возмутившееся, разстроивается, и домъ раздѣлившійся падаетъ. Подъ *домомъ* будешь ли разумѣть зданіе? Хорошо. Ибо и зданіе стоитъ дотолѣ, доколѣ оно сохраняетъ соединенность, а когда стѣны отстанутъ одна отъ другой, оно падаетъ. Будешь ли разумѣть подъ *домомъ* живущихъ въ дому? И они, доколѣ

соблюдаютъ миръ, стоятъ, а если востанутъ другъ на друга, то падаютъ.—Пусть будетъ и такъ, что Я изгоняю бѣсовъ силою веельзевула; но сыны ваши, то есть, апостолы чьею силою изгоняютъ? Не очевидно ли, что моимъ именемъ? Какъ же вы обо Мнѣ говорите, что Я изгоняю чрезъ веельзевула, нуждаясь въ силѣ его, когда сыны ваши, именно апостолы, изгоняютъ именемъ моимъ? Подлинно, они будутъ васъ судить. Ибо, если они изгоняютъ именемъ моимъ, то Я самъ, очевидно, не имѣю нужды въ силѣ другаго. Я изгоняю *перстомъ Божіимъ*, то есть, Духомъ Святымъ, а не духомъ лукавымъ. Духа называетъ *перстомъ*, для того, чтобы ты зналъ, что какъ перстъ одного существа съ цѣлымъ тѣломъ, такъ и Духъ (Святый) единосущенъ со Отцемъ и Сыномъ. А быть можетъ, и не потому ли (такъ называетъ), что Сынъ именуется десницею Божіею, а на Немъ почили семь силъ Духа, и не какъ на орудіи Духа, но какъ на единосущномъ съ Нимъ; одно же изъ дарованій и дѣйствій Духа есть сила врачевать. Говоритъ, что Я изгоняю бѣсовъ *перстомъ* Божіимъ, то есть, дарованіемъ Духа. Ибо какъ перстъ есть часть руки, такъ и духъ исцѣленій былъ частію тѣхъ духовъ, то есть, силъ Духа, которые имѣлъ Іисусъ.—Если, говоритъ, Я *изгоняю бѣсовъ* силою Божіею, то подлинно дошло до васъ царствіе Божіе. А это имѣетъ такой смыслъ: разрушается наконецъ царство діавола, и воцаряется Богъ, изгоняющій бѣсовъ. Ибо слушай, что̀ говоритъ далѣе.

Егда крѣпкій вооружився хранитъ свой дворъ, во смиреніи суть имѣнія его: Егда же крѣплѣй его нашедъ

побѣдитъ его, все оружіе его возметъ, на неже уповаше, и корысть его раздаетъ.

* *Иже нѣсть со мною, на мя есть: и иже не собираетъ со мною, расточаетъ. Егда же нечистый духъ изыдетъ отъ человѣка, преходитъ сквозѣ безводная мѣста, ищя покоя: и не обрѣтая, глаголетъ: возвращуся въ домъ мой, отнюдуже изыдохъ: И пришедъ обрящетъ и пометенъ и украшенъ. Тогда идетъ и поиметъ седмь другихъ духовъ горшихъ себе, и вшедше живутъ ту: и бываютъ послѣдняя человѣку тому горша первыхъ.* Прежде моего пришествія, говоритъ, сатана былъ силенъ, и *охранялъ* свой *домъ*, то есть, господствовалъ надъ естествомъ человѣческимъ твердо и безопасно. Но когда пришелъ Я, сильнѣйшій его, тогда Я побѣдилъ міръ и все его *оружіе*, на которое онъ надѣялся, то есть, всѣ виды грѣха. Ибо грѣхъ есть оружіе діавола, и имъ-то онъ смѣло преодолѣвалъ людей. Это все оружіе его Я сокрушилъ, потому что во Мнѣ не нашлось никакого грѣха (1 Петр. 2, 22); съ тѣхъ поръ онъ ослабѣлъ. *И корысть его,* то есть, людей, которые были какъ-бы добычею его, Я исторгъ у него, и поручаю каждаго особому (ἄλλου ἄλλῳ) ангелу, вѣрному хранителю, чтобы вмѣсто бѣса, у котораго онъ былъ во власти, управлялъ имъ ангелъ.—И иначе. Какое общеніе между Мною и веельзевуломъ? Мое дѣло—собирать разсѣянныхъ чадъ Божіихъ; а его дѣло состоитъ въ томъ, что онъ расточаетъ собранныхъ. Какъ же вы заключаете обо Мнѣ, что Я имѣю общеніе съ сатаною?

Зач 58..

Рече Господь: *

По-истинѣ, такое помышленіе явилось у васъ отъ того, что вы нынѣ въ бо́льшемъ общеніи съ бѣсами. Нечистый духъ жилъ въ васъ и прежде, когда вы служили идоламъ и убивали пророковъ. Потомъ, повидимому, онъ вышелъ изъ васъ. А нынѣ опять возвратился *въ домъ свой*, то есть, въ ваши души съ *семью* духами, то есть, многими (ибо число *семь* въ Писаніи часто употребляется въ значеніи *много*), и сдѣлалъ для васъ послѣднее хуже перваго. Ибо тогда, когда вы служили идоламъ, вы убивали пророковъ, но еще не наносили явнаго оскорбленія Сыну Божію, ради васъ явившемуся во плоти. А нынѣ какая надежда на спасеніе, когда вы остаетесь при тойже неблагодарности и дерзости, и послѣ того, какъ Сынъ воплотился и ради васъ совершаетъ чудеса?—*Мѣста безводныя* суть души тѣхъ, кои не имѣютъ никакой мягкости, (души) черствыя и озабоченныя собою. Поелику же лукавый не имѣетъ никакого мѣста къ обитанію въ такихъ душахъ: то онъ возвращается къ іудеямъ, и последнее для нихъ становится хуже перваго. Такъ, нынѣ у нихъ нѣтъ уже ни пророковъ, ибо они убили Слово, ни помазанія, ибо они распяли Христа (помазанника). Прежде, хотя они и служили идоламъ, у нихъ видимы были пророки и помазаніе; а нынѣ они всего лишились, потому что согрѣшили противъ Сына Божія.

Бысть же егда глаголаше сія, воздвигши нѣкая жена гласъ отъ народа, рече ему: блажено чрево носившее тя, и сосца, яже еси ссалъ. Онъ же рече: тѣмже убо блажени слышащіи слово Божіе, и хранящіи е.

гл. 11.

*Народомъ же собирающымся, начатъ * глаголати: родъ сей лукавъ есть: знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка. Якоже бо бысть Іона знаменіе Ниневитомъ, тако будетъ и Сынъ человѣческій роду сему. Царица южская востанетъ на судъ съ мужи рода сего, и осудитъ ихъ: яко пріиде отъ конецъ земли слышати премудрость Соломонову: и се множае Соломона здѣ. Мужіе Ниневитстіи востанутъ на судъ съ родомъ симъ, и осудятъ и: яко покаяшася проповѣдію Іониною: и се множае Іоны здѣ.* Тогда какъ фарисеи и книжники порочатъ чудеса Господа, жена, лице безхитростное и простое, прославляетъ Его. Гдѣ тѣ, кои говорятъ, что Господь явился призрачно? ибо вотъ свидѣтельство, что Онъ и сосцами питался! А Онъ ублажаетъ тѣхъ, кои соблюдаютъ слово Божіе, впрочемъ отнюдь не съ тѣмъ, чтобы Матъ свою лишить ублаженія, но съ тѣмъ, чтобы показать, что и Она не получила бы никакой пользы отъ того, что родила Его и питала сосцами, если бы не имѣла всѣхъ прочихъ добродѣтелей. Говоритъ это вмѣстѣ и потому, что идетъ ко времени. Поелику завидующіе Ему и не слушающіе словъ Его поносили слушающихъ: то Онъ вопреки имъ особенно ублажаетъ слушающихъ. Можетъ быть, Онъ говоритъ это и ради исцѣленнаго глухаго, чтобы и онъ, выслушавъ слово, соблюдалъ оное, чтобы (дарованная ему) способность слышать не послужила ему въ осужденіе.—Когда народъ сталъ схо-

Зач. 59.

---

*Во время оно, народомъ собирающымся, начатъ Іисусъ **

диться во множествѣ, Господь началъ обличать неразумныхъ. Между ними было нѣсколько такихъ, кои желали, чтобы Іисусъ совершилъ знаменіе съ неба; ибо говорили: знаменія, какія Онъ творитъ, суть отъ земли, и Онъ творитъ ихъ силою веельзевула, князя міра, имѣющаго власть надъ землею; а знаменія съ неба Онъ не можетъ сотворить, потому что Онъ не есть Сынъ Отца небеснаго. Поелику нѣкоторые такъ говорили, то Господь обличаетъ ихъ и говоритъ: дастся вамъ знаменіе, которое докажетъ, что Я — истинный Сынъ небеснаго Отца. Какое же? Знаменіе Іоны, то есть, знаменіе воскресенія. Ибо какъ онъ провелъ три дни во чревѣ китовомъ, такъ и Я пробуду три дни во чревѣ кита, великаго животнаго, то есть, ада, и воскресну. Когда Іона, выброшенный китомъ и какъ-бы снова ожившій, началъ проповѣдывать, то ниневитяне послушались; а Мнѣ и послѣ воскресенія моего родъ сей не повѣритъ. Посему они будутъ осуждены за то, что не подражали ниневитянамъ, хотя здѣсь больше Іоны. Ибо мое достоинство и способъ проповѣди представляютъ большое различіе. Я—Владыка, онъ—рабъ. Я проповѣдую царство небесное, онъ — спасеніе отъ угрожающей погибели. Я совершаю чудеса, онъ не сотворилъ никакого чуда.—Равнымъ образомъ, и царица южная осудитъ родъ сей; ибо она приходила съ конца земли слушать премудрости Соломоновой. Подъ *царицею южскою* разумѣй, пожалуй, и всякую душу, сильную и постоянную въ добрѣ. Объяснюсь. Сѣверъ, когда служитъ символомъ мѣстопребыванія противника, Писаніемъ не одобряется, потому что онъ холодитъ и

наводитъ омертвѣніе и оцѣпенѣніе; а югъ (какъ противоположный сѣверу) одобряется, потому что южный вѣтръ приноситъ теплоту, оживленіе, отогрѣваетъ и оцѣпенѣвшія части. Посему и въ Пѣсни пѣсней невѣста, прогоняя сѣверъ, говоритъ: *востани сѣвере, и гряди юже* (4 гл. ст. 16), и пророкъ опять говоритъ: *и сущаго отъ сѣвера отженетъ Господь*, то есть, сатану (Іоил. 2, 20). Итакъ душа, царствующая на югѣ, то есть, въ благодатной странѣ духовной жизни, и окрѣпшая чрезъ упражненіе въ дѣятельности, приходитъ слушать премудрость, то есть, восходитъ къ созерцанію. Ибо премудрость Соломона, мирнаго царя, есть созерцаніе Господа и Бога нашего, котораго никто не достигнетъ иначе, если чрезъ упражненіе въ дѣятельности не сдѣлается царемъ и владыкою въ добродѣтельной жизни.

Никтоже (убо) свѣтилника вжегъ, въ скровѣ полагаетъ, ни подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да входящіи свѣтъ видятъ.

* *Свѣтилникъ тѣлу есть око: егда убо око твое* Зач. 60.
просто будетъ, все тѣло твое свѣтло будетъ: егда же лукаво будетъ, и тѣло твое темно. Блюди убо, егда свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть. Аще бо тѣло твое все свѣтло, не имый нѣкія части темны, будетъ свѣтло все, якоже егда свѣтилникъ блистаніемъ просвѣщаетъ тя. Поелику завистливые іудеи, смотря на чудеса, по злобѣ ума превратно толковали ихъ: то Господь и говоритъ слѣдующее: люди, получившіе *свѣтилникъ* отъ

Рече Господь: *

Бога, то есть, даръ ума, которымъ мы смотримъ, какъ-бы свѣтомъ намъ даннымъ, сокрыли разсудительность, и, омрачивши себя завистію, не видятъ чудесъ и благодѣяній, хотя мы для того получили умъ, чтобы поставлять на подсвѣчникъ, дабы и другіе видѣли свѣтъ. По моему мнѣнію, Онъ говоритъ такъ: фарисей! ты имѣешь знаніе: это свѣтильникъ. Тебѣ слѣдовало воспользоваться симъ знаніемъ къ тому, чтобъ самому признать чудеса и другимъ объявить и объяснить, что они суть дѣла Сына Божія, а не веельзевула. Такимъ образомъ и *входящіе*, то есть, вновь вводимые и начинающіе, увидѣли бы свѣтъ. Ибо кто мудръ, тотъ ужѐ вошелъ; а кто еще учится, тотъ лишь входитъ. Но вы, фарисеи, не захотѣли (сдѣлать) сего, а око души, то есть, умъ, доселѣ простый, искривили и затемнили. Ибо какъ око тѣла, каково само, таковымъ дѣлаетъ и тѣло, напримѣръ, если оно чисто, то и тѣло свѣтло, а если оно темно, то и тѣло мрачно: такъ же точно и душа располагается по состоянію ума. Если око и свѣтъ, полученные ею отъ Бога, начинаютъ омрачаться завистію, или любостяжаніемъ, вообще сказать, любовію къ вещественному, то и она омрачается.

Егда же глаголаше, моляше его фарисей нѣкій: да обѣдуетъ у него: вшедъ же возлеже. Фарісей же видѣвъ дивися, яко не прежде крестися прежде обѣда. Рече же Господь къ нему: нынѣ вы фарисее внѣшняя сткляницы и блюда очищаете, внутреннее же ваше полно грабленія есть и лукавства. Безумніи, не иже ли сотвори внѣшнее, и внутреннее сотворилъ есть? Обаче отъ сущихъ дадите милостыню: и се вся чиста вамъ

будутъ. Хотя Господь знаетъ недоброжелательство фарисеевъ, однакожъ обѣдаетъ съ ними по тому самому, что они были лукавы и нуждались въ исправленіи. Ибо для того Онъ обѣдаетъ съ ними, чтобъ имѣть поводъ къ улучшенію нравовъ ихъ. Напримѣръ, и теперь смотря на неразумный ихъ обычай—умываться предъ вкушеніемъ пищи, научаетъ, что душа должна быть очищена добрыми дѣлами, такъ какъ полосканіе водою очищаетъ не душу, а тѣло. Они, безразсудные, думали, что чрезъ погруженіе въ водѣ и омытіе тѣла вмѣстѣ съ тѣломъ очищается и душа ихъ. Посему Господь воспользовался прекраснымъ примѣромъ чаши. И какъ время было стола, Онъ упоминаетъ о чашѣ и блюдѣ, и, заимствуя свидѣтельство отъ того, что лежало предъ глазами, убѣждаетъ фарисея, что какъ нѣтъ никакой пользы, если чаша снаружи чиста, а внутри наполнена всякою грязью, такъ нѣтъ никакой пользы и въ томъ случаѣ, если, при омываніи тѣла, душа исполнена всякой нечистоты, напримѣръ, хищенія и лукавства. Господь сдѣлалъ намекъ на двѣ господствующія страсти іудеевъ, словомъ *грабленіе*—на любостяжаніе, словомъ *лукавство*—на зависть и слѣдствія зависти. Итакъ никакой нѣтъ пользы, если душа находится въ такомъ состояніи. Безразсудные! не Тотъ же ли сотворилъ и душу, кто сотворилъ тѣло, на которомъ вы такъ много останавливаетесь? Посему вы должны и душу очищать. Потомъ научаетъ ихъ, какъ очищается внутренность, именно указываетъ на милостыню. Смотри, пожалуй, какъ Онъ, указавши на милостыню, врачуетъ обѣ страсти ихъ, разумѣю зависть и хищеніе. Ибо кто

истинно милостивъ, тотъ не будетъ ни похищать у того, кому онъ творитъ милостыню, ни завидовать ему. Итакъ, поелику Онъ порицалъ въ нихъ двѣ страсти, то изгоняетъ ихъ однимъ лекарствомъ, именно—милостынею, которая есть первая дверь боготворящей любви. А гдѣ любовь, тамъ какое любостяжаніе и зависть?—*Отъ сущихъ*, то есть, отъ имѣнія вашего. Хорошо сказалъ: отъ сущихъ *въ васъ* (τὰ ἐνόντα), а не просто: отъ *сущихъ* (ὄντα), потому что имѣніе находится въ сердцѣ любостяжательнаго и господствуетъ въ немъ. Почему и Давидъ заповѣдуетъ не прилагать сердца къ богатству (Псал. 61, ст. 11), то есть, не пригвождать его и не привязывать.

Зач. 61. *Но горе вамъ* фарисеомъ, яко одесятствуете отъ мятвы и пигана и всякаго зелія, и мимоходите судъ и любовь Божію: сія подобаше сотворити, и онѣхъ не оставляти. Горе вамъ фарісеомъ, яко любите предсѣданія на сонмищахъ, и цѣлованія на торжищахъ. Горе вамъ книжницы и фарісее лицемѣри, яко есте яко гроби невѣдоми: и человѣцы ходящіи верху не вѣдятъ. Отвѣщавъ же нѣкій отъ законникъ рече ему: Учителю, сія глаголя и намъ досаждаеши. Онъ же рече: и вамъ законникомъ горе, яко накладаете на человѣки бремена не удобь носима, и сами единѣмъ перстомъ вашимъ не прикасаетеся бременемъ.*

Зач. 62. *Горе вамъ,* яко зиждете гробы пророкъ, отцы*

---

*Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: горе вамъ**

*Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: горе вамъ книжницы и фарисее,**

же ваши избиша ихъ. Убо свидѣтельствуете и соблаговолите дѣломъ отецъ вашихъ: яко тіи убо избиша ихъ, вы же зиждете ихъ гробы. Сего ради и премудрость Божія рече: послю въ нихъ пророки и апостолы, и отъ нихъ убіютъ и изженутъ: Да взыщется кровь всѣхъ пророкъ, проливаемая отъ сложенія міра, отъ рода сего, отъ крове Авеля, даже до крове Захаріи, погибшаго между олтаремъ и храмомъ: ей глаголю вамъ, взыщется отъ рода сего. Фарисеи, именно для того, чтобъ не преступить закона, давали десятину и съ самыхъ незначительныхъ предметовъ, и если кто упрекалъ ихъ въ мелочности, они ссылались на законъ, который повелѣвалъ приносить священникамъ десятину со всего. Посему Господь и говоритъ: какъ симъ вы не пренебрегаете, такъ надлежало вамъ творить и судъ и любовь Божію. Поелику (фарисеи) были неправосудны, притѣсняли вдовицъ и сиротъ: то (Господь) гогоритъ: должно вамъ имѣть *судъ*, то есть, правосудіе. Поелику же они были презрительны и къ Богу, безъ разсужденія простирая руки къ священнымъ дѣламъ: то (Господь) заповѣдуетъ имъ имѣть *любовь Божію*. Ибо кто любитъ Бога, тотъ къ дѣламъ Его не приступаетъ съ пренебреженіемъ. А мнѣ кажется, поелику два вида любви, любовь къ Богу и любовь къ ближнему; то, быть можетъ, Господь дѣлаетъ намекъ на два эти вида: словомъ *судъ* обозначаетъ любовь къ ближнему, такъ какъ правосудіе и непритѣсненіе ближняго происходитъ отъ любви къ нему, а словомъ *любовь Божія*, безъ сомнѣнія, обозначаетъ всецѣлое расположеніе къ Богу. И когда кто любитъ ближняго не по какому-ни-

будь мірскому или постыдному расположенію, но ради Бога, тогда и эта любовь можетъ быть названа любовію Божіею, поколику она заповѣдана Богомъ и благоугодна Ему.—Они (фарисеи) любили, чтобы всякій человѣкъ отдавалъ имъ честь, и чтобъ въ народныхъ собраніяхъ называли ихъ титуломъ: учитель (Мѳ. 23. 7): это означаютъ слова: *цѣлованіе, званіе.* (Господь же) говоритъ: вы подобны гробамъ, которые полны всякой гнилости, а снаружи блещутъ мраморомъ; люди по наружности ихъ не узнаютъ, какими правилами они руководствуются въ жизни (почему они ходятъ), а если бы знали, то отвратились бы по причинѣ внутренней скверности.—Законникъ безрасудно самъ себя подвергаетъ обличенію. Законники были иное, чѣмъ фарисеи. Фарисеи считались подвижниками и отсѣченными отъ прочихъ; а законники были книжники и учители, и для желающихъ разрѣшали вопросы изъ закона. Они (законники) налагали на людей бремена тяжелыя и неудобносимыя; а сами не дотрогивались до этихъ бременъ и перстомъ своимъ, то есть, сами ничего не соблюдали изъ того, что заповѣдывали прочимъ. Ибо когда учитель самъ дѣлаетъ то, чему учитъ, тогда онъ облегчаетъ бремена, подавая въ самомъ себѣ примѣръ и ободряя учениковъ, Когда же онъ ничего не дѣлаетъ изъ того, чему учитъ, тогда бремена кажутся ученикамъ истинно тяжелыми, такъ какъ-де и учитель не можетъ выполнить ихъ.—Господь обнаруживаетъ также, что іудеи—потомки Каина и наслѣдники его злобы, когда говоритъ, что вся кровь пролитая, отъ Авеля до Захаріи, взыщется отъ рода сего. Вы, говоритъ, убивали

пророковъ, братьевъ вашихъ, какъ и онъ Авеля. Почему не безъ основанія нѣкоторые принимали Каина за образъ людей, побивавшихъ пророковъ, за что отмщено имъ въ семь разъ, то есть, наказаніемъ легчайшимъ, а Ламеха—за образъ людей, убившихъ Христа, за что отмщено имъ въ семьдесятъ разъ седмижды (Быт. 4, 24), именно разсѣяніемъ въ плѣнъ безвозвратный.— Кто же былъ Захарія, котораго убили между храмомъ и олтаремъ? Одни говорятъ, что это—давнишній Захарія, сынъ Іодаевъ, котораго побили камнями, какъ извѣстно изъ книги Царствъ (2 Паралип. 24, 20. 21). А другіе (¹) говорятъ, что это—отецъ Предтечи. Онъ не исключилъ изъ ряда дѣвъ Богородицу послѣ того, какъ Она родила Христа, и поставилъ ее на томъ же мѣстѣ, гдѣ и онѣ стояли; а это мѣсто было между храмомъ и внѣшнимъ мѣднымъ олтаремъ. За это и убили его. Такъ какъ нѣкоторые ожидали во Христѣ будущаго царя своего, а другіе между тѣмъ не желали быть подъ властію царя; посему убили этого святаго и за то, что онъ утверждалъ, что родила Дѣва, и что родился Христосъ, будущій Царь ихъ, что было имъ противно, ибо они желали быть безъ царя.

Горе вамъ законникомъ, яко взясте ключь разумѣнія: сами не внидосте, и входящимъ возбранисте. Глаголющу же ему сія къ нимъ, начаша книжницы и фарисее бѣднѣ гнѣватися нанъ, и престати его о мнозѣ, лающе его, ищуще уловити нѣчто отъ устъ его, да нанъ воз-

(¹) Напримѣръ: Оригенъ, Василій великій, Петръ александрійскій, Іоаннъ златоустъ и Епифаній

глаголютъ. Ключемъ разумънія Господь назвалъ ученіе и руководство посредствомъ закона, могущаго приводить ко Христу. Ибо законъ, безъ сомнѣнія, служитъ руководителемъ ко Христу (Галат. 3, 24). Итакъ законники повидимому объясняли законъ, а (между тѣмъ) злонамѣренно удерживали ключь разумѣнія и не отворяли дверей закона, чрезъ которыя могли бы и сами они и народъ придти ко Христу. Законъ служитъ дверью ко Христу. Но эта дверь остается заключенною, если кто-нибудь не объяснитъ примрачной стороны закона, и такимъ образомъ не отворитъ (двери), Ибо и Господь сказалъ: если бы вы вѣрили Моѵсею, то повѣрили бы и Мнѣ (Іоан. 5, 46). И опять: изслѣдуйте Писанія, ибо они свидѣтельствуютъ о Мнѣ; но вы не хотите прійти ко Мнѣ (Іоан. 5, 40). Для примѣра, укажу на одно. У іудеевъ закалаемъ былъ агнецъ, помазываемы были пороги, вкушали они эти мяса, и это у нихъ было побѣдою надъ губителемъ (Исх. 12, 1—13). Всѣмъ этимъ предъизображалось таинство Христово. Когда Онъ заклался какъ непорочный и пречистый Агнецъ, тогда помазаны и наши пороги, то есть, сердце и воля, и наддверіе ихъ, то есть, умъ, и мы вкусили плоти Сына человѣческаго, и побѣдили губителя душевныхъ нашихъ силъ. И очень многія (установленія) закона указывали на Христа.— Хотя законъ былъ запертъ темнотою буквы, какъ-бы дверью какою; но если кому-нибудь ввѣряемо было ученіе, тотъ имѣлъ ключь разумѣнія: и если бы таковый пожелалъ, то могъ бы отворить его, и самъ вошелъ бы, и другихъ бы ввелъ. Но законники не сдѣлали этого, а ключь разумѣнія взяли, то есть, сокры-

ли, спрятали изъ виду; когда же взять быть отъ среды (скрытъ) этотъ ключъ, то есть, истолкованіе закона, то запертою осталась и дверь его.—Подъ ключемъ разумѣнія можешь понимать и вѣру. Ибо познаніе истины происходитъ чрезъ вѣру, какъ и пророкъ Исаія говоритъ: *аще не увѣруете, не уразумѣете* (Исаіи 6, 10). Итакъ законники ключь разумѣнія, то есть, вѣру, взяли отъ среды и скрыли. Ибо они не допускали нѣкоторыхъ вѣровать во Христа, Спасителя всѣхъ. Онъ творилъ чудеса, и народъ, вѣруя ради этихъ чудесъ, призналъ бы Его Богомъ: а они (законники) говорили, что Онъ совершаетъ эти чудеса силою веельзевула. Видишь ли, какъ они взяли ключь разумѣнія, не допуская вѣрить тому, что̀ самихъ привело бы къ знанію? Онъ (Христосъ) въ сүнагогахъ училъ волѣ Божіей; а они (законники) говорили: бѣса имать, и бѣснуется, зачѣмъ Его слушаете? Итакъ они по-истинѣ взяли ключь разумѣнія, но сами не вошли, и другихъ не впустили, и притомъ *входящихъ*, то есть способныхъ уже къ богопознанію.—Когда Онъ еще говорилъ сіе, они, вмѣсто того, чтобы признаться въ своемъ безсиліи, какъбы въ опроверженіе Его словъ, объявили себя именно мудрѣйшими Его, и начали заграждать Ему уста (*ἀποστοματίζειν*), то есть, непрерывно спрашивать Его и приводить въ недоумѣніе. Ибо обыкновенно происходитъ затрудненіе въ рѣчахъ, когда одного человѣка очень многіе (вдругъ) спрашиваютъ, и притомъ о разныхъ предметахъ. Тогда человѣкъ этотъ, не имѣя возможности всѣмъ отвѣчать, неразумнымъ дастъ поводъ считать себя побѣжденнымъ. Тоже злоумышляли противъ Хри-

ста и эти проклятые. Они, многіе вопрошая одного, думали сбить Его въ рѣчахъ и привесть въ затрудненіе, какъ немогущаго имъ отвѣчать: что было и вѣроятно. Ибо какъ можетъ одинъ (вдругъ) отвѣчать многимъ на разные вопросы? — Τὸ ἀποστοματίζειν можно принимать и въ такомъ значеніи: уловить Его изъ устъ и обличить. Ибо когда кого уловятъ въ собственныхъ его словахъ, то онъ, кажется, самъ замыкаетъ себѣ уста, то есть, обличается своими устами и осуждается. Это значеніе видно и изъ послѣдующаго. Ибо сказано: *ищуще уловити нѣчто отъ устъ Его.* Что немного прежде названо ἀποστοματίζειν, то теперь замѣняется словами уловить изъ устъ Его. Вопросы Ему предлагали то относительно закона, чтобы обличить Его какъ богохульника, который хулитъ Моисея (ибо они подозрѣвали Его въ этомъ), то касательно кесаря, чтобы объявить Его возмутителемъ и домогающимся власти, и обо всемъ такомъ, что могли придумать души лукавыя и исполненныя всякой злобы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О закваскѣ фарисейской.—О желающихъ раздѣла наслѣдства.—О богачѣ, у котораго былъ хорошій урожай въ полѣ.—О презрѣніи земныхъ благъ.—Объ избѣжаніи сребролюбія.—О бдительномъ рабѣ.—О томъ, что ненужно спорить съ ближними.

О нихже собравшимся тмамъ народа, яко попирати другъ друга, начатъ глаголати ученикомъ своимъ первѣе: внемлите себѣ отъ кваса фарисейска, еже есть лицемѣріе.

гл. 12.

Ничтоже бо покровено есть, еже не открыется,* Зач.
и тайно, еже не уразумѣется. Зане, елика во тмѣ 63.
рѣсте, во свѣтѣ услышатся: и еже ко уху глаголасте во храмѣхъ, проповѣстся на кровѣхъ. Фарисеи пытались уловить Господа въ словѣ, чтобы отклонить отъ Него народъ, а сталось напротивъ. Народа сходилось еще болѣе: онъ собирался многими тысячами, и каждый такъ стремился приблизиться къ Нему, что другъ друга тѣснили. Такъ истина сильна, а ложь вездѣ безсильна! Іисусъ, зная коварство фарисеевъ, видя, что они только представляются вопрошающими, а на дѣлѣ подъискиваются подъ Нимъ, заговорилъ ученикамъ своимъ о лицемѣріи фарисеевъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы обличить ихъ, и обнаружить полныя лицемѣрія сердца ихъ. Господь называетъ лицемѣріе *закваскою*, потому что оно терпко, полно древней злобы, измѣняетъ и растлѣваетъ собою образъ мыслей тѣхъ людей, къ коимъ оно приразится. Ибо ничто такъ не измѣняетъ нравовъ, какъ лицемѣріе. Посему ученикамъ Христовымъ должно бѣгать лицемѣрія. Ибо Христосъ, будучи истина (Іоан. 14, 6), очевидно, противоположенъ лжи. А всякое лицемѣріе, инымъ представляясь на видъ, и инымъ будучи на дѣлѣ, исполнено лжи. Хотя фарисеи, говоритъ, думаютъ прикрыться лицемѣріемъ, поддѣлывая себѣ благонравіе: однакожъ нѣтъ ничего сокровеннаго, что бы не открылось. Ибо всѣ и слова и помышленія на послѣднемъ судѣ представят-

---

*Рече Господь: ничтоже**

ся во всей наготѣ (1 Кор. 4, 5). Да и въ настоящей жизни обыкновенно обнаруживается много тайнаго. Посему, что̀ вы сказали въ темнотѣ, и что̀ вы говорили внутри дома и тайно, то̀ будетъ провозглашаемо во свѣтѣ и съ кровель.—Повидимому, Онъ говоритъ это ученикамъ, а между тѣмъ направляетъ противъ фарисеевъ, намекая на ихъ ковы, и хотя говоритъ, повидимому, ученикамъ, но фарисеямъ выражаетъ какъ-бы такъ: фарисеи! что̀ вы замышляли въ темнотѣ, въ вашихъ темныхъ сердцахъ, желая уловить Меня, то̀ будетъ услышано и узнано во свѣтѣ. Ибо Я есмь свѣтъ (Іоан. 8, 12), и вы не можете укрыться отъ Меня, но во Мнѣ—Свѣтѣ—распознается все, что̀ замышляетъ ваша темнота. И то̀, что̀ вы порѣшили между собою на ухо, стало для Меня такъ извѣстно, какъ-бы провозглашаемо было съ высокихъ кровель. А это можешь понимать и такъ, что свѣтъ есть Евангеліе, а высокія кровли—высокія души апостоловъ. То̀, что фарисеи замышляли, въ послѣдствіи было провозглашаемо и слышимо во свѣтѣ Евангелія, когда на высокихъ душахъ апостоловъ стоялъ великій проповѣдникъ—Духъ (Святый).

Глаголю же вамъ другомъ своимъ: не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, и потомъ не могущихъ лишше что сотворити. Сказую же вамъ, кого убойтеся: убойтеся имущаго власть по убіеніи воврещи въ дебрь огненную: ей глаголю вамъ, того убойтеся. Не пять ли птицъ цѣнится пѣнязема двѣма? и ни едина отъ нихъ нѣсть забвена предъ Богомъ: Но и власи главы вашея вси изочтени суть? не убойтеся убо: многихъ птицъ унши есте вы.

Послѣ того, какъ Господь обличилъ лицемѣріе фарисеевъ, отвратилъ отъ него учениковъ своихъ, и между тѣмъ снова поразилъ фарисеевъ словами: *елика во тмѣ рѣсте, во свѣтѣ услышатся*, теперь обращается къ друзьямъ своимъ съ рѣчью о болѣе совершенномъ. Исторгнувъ уже терны, сѣетъ доброе сѣмя.—*Глаголю же вамъ другомъ своимъ.* То, что прежде говорилось, относилось не къ нимъ, но къ фарисеямъ. Итакъ я говорю вамъ, друзьямъ моимъ. Ибо слово сіе идетъ не ко всѣмъ, но къ тѣмъ, которые всею душою возлюбили Его, и могутъ сказать: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія* (Рим. 8, 35)? Таковымъ прилично это убѣжденіе.—Не бойтесь, говоритъ, убивающихъ тѣло, и ничѣмъ болѣе не могущихъ вредить. Ибо вредъ отъ тѣхъ, кои вредятъ тѣлу, состоитъ не во многомъ. Тѣло потерпитъ свойственное ему и въ томъ случаѣ, если они не будутъ вредить. Но должно бояться того, кто наказываетъ не только тѣло, но и душу, существо безсмертное, подвергаетъ безконечнымъ мученіямъ и притомъ въ огнѣ. Такимъ образомъ Христосъ обучаетъ друзей своихъ мужеству духовному, дѣлаетъ ихъ свидѣтелями и отгоняетъ отъ нихъ страхъ человѣческій. Люди, говоритъ, простираютъ злобу свою только на тѣло тлѣнное, и конецъ ихъ козней противъ насъ—смерть плотская. Но когда Богъ казнитъ, тогда не останавливается на одной только плоти, но и самая душа несчастная подвергается мученіямъ. Примѣчай отсюда, что смерть приводитъ грѣшниковъ къ казни: они и здѣсь наказываются, будучи убиваемы, и тамъ ввергаются въ геенну.—Разбирая это изреченіе, уразумѣешь и нѣчто

другое. Смотри: Господь не сказалъ: бойтесь того, *кто* по убіеніи *ввергаетъ* въ геенну, но: *кто имѣетъ власть* ввергнуть. Ибо умирающіе грѣшники не непремѣнно ввергаются въ геенну, но во власти Божіей состоитъ то, чтобы и прощать, напримѣръ, ради тѣхъ приношеній и подаяній, которыя бываютъ по умершихъ и которыя приносятъ немалую пользу даже тѣмъ, кои умираютъ въ тяжкихъ грѣхахъ. Итакъ Богъ не безусловно по убіеніи ввергаетъ въ геенну, но имѣетъ власть ввергнуть. Будемъ же и мы непрестанно прилежать къ милостынямъ и молитвамъ, и умилостивлять ими Того, кто имѣетъ власть ввергнуть, но не пользуется этою властію непремѣнно, а можетъ и прощать.—Многіе, говоритъ, думаютъ, что умирающіе за истину оставляются Богомъ; но вы не думайте такъ. Вы будете умирать не потому, будтобы Мною будете оставлены. Ибо если не забытъ (у Бога) ни одинъ изъ воробьевъ, которые продаются (дешево), тѣмъ болѣе не должна быть забыта ваша смерть—други мои, какъ будтобы Я не пекусь объ васъ. Напротивъ. Я имѣю такое попеченіе объ васъ, что до тонкости знаю все ваше, напримѣръ, у Меня сочтены и волосы ваши. Итакъ, если Я попущу вамъ впасть въ искушеніе; то, безъ сомнѣнія, дамъ и силу къ перенесенію (1 Кор. 10, 13). А часто, когда увижу кого слабымъ, Я и не попущу ему впасть въ искушеніе. Ибо будучи попечителенъ и зная все, и имѣя на счету самыя мелочныя вещи, Я устрою каждому приличное и полезное. Если наблюдаешь, то найдешь, что въ Писаніи считается все мужеское, достигшее въ мѣру возраста и вообще достойное божествен-

наго счисленія (Исход. 18, 21. Числ. 26 гл.).—Подъ *головою* должно разумѣть христоугодную жизнь каждаго изъ вѣрующихъ, а подъ *волосами* ея частнѣйшія дѣянія, коими умерщвляется тѣло, кои у Бога исчисляются и принимаются въ разсужденіе. Ибо таковыя ваши дѣла удостоиваются воззрѣнія Божія. Подъ *пятью воробьями* нѣкоторые разумѣютъ пять чувствъ, которыя, будучи искупаемы двумя ассаріями, т. е, цѣною ветхаго и новаго завѣтовъ, не забыты у Бога. Ибо кто свои чувства умѣряетъ и подчиняетъ разуму, такъ что они бываютъ небезполезны для духовнаго питанія, тотъ не забытъ у Бога.

Глаголю же вамъ: всякъ, иже аще исповѣсть мя* Зач.
предъ человѣки, и Сынъ человѣческій исповѣсть его предъ 64.
ангелы Божіими: А отвергійся мене предъ человѣки, отверженъ будетъ предъ ангелы Божіими. И всякъ иже речетъ слово на Сына человѣческаго, оставится ему: а на Святаго Духа хулившему не оставится. Егда же приведутъ вы на сборища и власти и владычества, не пецытеся, како или что отвѣщаете, или что речете: Святый бо Духъ научитъ вы въ той часъ, яже подобаетъ рещи. Теперь предлагаетъ награду за исповѣданіе (вѣры). Такъ какъ Онъ сказалъ: не бойтесь убивающихъ тѣло, и прибавилъ, что и волосы ваши сочтены; то, дабы кто-нибудь не сказалъ: дай же мнѣ и награду какую-нибудь, ибо что̀ мнѣ будетъ изъ того, что Ты сочелъ мои волосы,—Онъ говоритъ (таковому): ты желаешь и награды? слушай. Кто исповѣдаетъ (вѣ-

---

Рече Господь: *

ру) во Мнѣ, тотъ Мною будетъ признанъ предъ Богомъ. Сказалъ: исповѣдаетъ *во Мнѣ* (ἐν ἐμοί), то есть, при моемъ содѣйствіи и моею силою. И Я исповѣдую его *въ немъ* (ἐν αὐτῷ), то есть, при его содѣйствіи. Ибо какъ мы предварительно нуждаемся въ Богѣ, такъ какъ безъ Него не можемъ ничего сдѣлать (Іоан. 15, 5): такъ и Богъ нуждается въ насъ. Ибо если Онъ не найдетъ въ насъ дѣлъ достойныхъ, Онъ и не принимаетъ насъ: а иначе Онъ былъ бы лицепріятенъ. Итакъ мы исповѣдаемъ въ *Немъ*, то есть, при Его содѣйствіи, а Онъ *въ насъ*, то есть, при нашемъ содѣйствіи. Ибо если мы не дадимъ Ему повода, Онъ и не будетъ свидѣтельствовать за насъ. А отвергающійся отвергается не силою Божіею, почему Онъ и не присовокупилъ: *Мною* (ἐν ἐμοί), но сказалъ: кто отвергнется *Меня* (με).—Такъ какъ всякій святый пребываетъ во Христѣ, а Христосъ въ немъ (Іоан. 15, 5); то, быть можетъ, и не поэтому ли сказалъ такъ; кто (Меня) исповѣдаетъ *во Мнѣ*, то есть, пребывая, того исповѣдаю и Я, въ немъ пребывая.—*И всякъ иже речетъ слово на Сына человѣческаго, оставится ему*. Это значитъ: кто скажетъ хулу на Меня, по виду своему простаго сына человѣческаго, ядущаго, пьющаго, обращающагося съ мытарями и блудницами, тотъ, покается ли, или не покается (въ своей хулѣ), прощенъ будетъ. Ибо таковому (человѣку) невѣріе его въ грѣхъ не вмѣняется. Ибо что̀ онъ видѣлъ располагающаго къ вѣрѣ? напротивъ, чего онъ не видѣлъ достойнаго хулы? онъ видѣлъ человѣка, обращающагося съ блудницами, и говоритъ хулу на него, а посему грѣхъ не вмѣняется ему. Ибо

естественно онъ могъ подумать, что же за Сынъ Божій тотъ, кто обращается съ блудницами? посему того, кто такъ поступаетъ, и между тѣмъ выдаетъ себя за Сына Божія, онъ можетъ поносить и назвать обманщикомъ.— *А на Святаго Духа хулившему не оставится.* Слова эти имѣютъ такое значеніе. Кто, видя божественныя знаменія м великія и необычайныя дѣла, не вѣруетъ и поноситъ, дѣйствія Святаго Духа приписывая веельзевулу, тотъ, изрыгая хулу на Святаго Духа и говоря, что знаменія сіи совершаются духомъ лукавымъ, а не Божіимъ, если не раскается, не будетъ извиненъ и проіщенъ. Говорящему хулу на Сына человѣческаго не вмѣняется грѣхъ, а посему онъ прощается и безъ покаянія, а видящему дѣла Духа Божія и хулящему безъ покаянія не будетъ прощено, но вмѣнится въ величайшій грѣхъ.—*Егда приведутъ вы на сборища и власти*, и проч. Слабость наша двоякаго рода: мы убѣгаемъ отъ исповѣданія (вѣры), или по страху наказаній, или по простотѣ и неспособности дать отвѣтъ въ нашей вѣрѣ. Страхъ наказаній Господь уврачевалъ словами: не бойтесь убивающихъ тѣло. Теперь Онъ врачуетъ страхъ, происходящій отъ простоты. Поелику немного мудрыхъ по плоти (1 Кор. 1, 26) увѣровало, а большая часть простыхъ; то Онъ говоритъ: не бойся, необразованный и простецъ, и не заботься, какъ или что̀ отвѣчать при допросѣ отъ властителя, или что̀ говотитъ при другомъ случаѣ,—у тебя будетъ иной образъ рѣчи. *Святый бо Духъ научитъ вы въ той часъ, яже подобаетъ рещи.* Посему какая нужда заботиться, если ты въ тотъ часъ наученъ будешь Духомъ (Святымъ)? Итакъ съ той и

другой стороны укрѣпляетъ насъ на подвигъ исповѣданія, врачуя страхъ какъ тѣлесной немощи, такъ и страхъ простоты и невѣдѣнія.

Зач 65. *Рече же ему* нѣкій отъ народа: учителю, рцы брату моему раздѣлити со мною достояніе. Онъ же рече ему: человѣче, кто мя постави судію или дѣлителя надъ вами? Рече же къ нимъ: блюдите и хранитеся отъ лихоимства: яко не отъ избытка кому животъ его есть отъ имѣнія его.* Чтобы научить насъ, какъ мало должно радѣть о житейскомъ и заниматься земнымъ, Господь отсылаетъ отъ Себя того, кто проситъ Его распоряженія о раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, и потому говоритъ: *кто Мя постави судію и дѣлителя надъ вами?* Поелику человѣкъ этотъ не сталъ просить того, что̀ полезно и нужно для спасенія, а просилъ Его быть дѣлителемъ земнаго и временнаго имѣнія: то Господь отсылаетъ его какъ безпокойнаго и нежелающаго научиться ничему нужному; впрочемъ дѣлаетъ это кротко, а не грозно. Но поступкомъ этимъ, безъ сомнѣнія, всѣхъ, какъ тогдашнихъ, такъ и нынѣшнихъ, слушателей своихъ Онъ научаетъ не заботиться ни о чемъ земномъ и временномъ, не спорить изъ-за него съ братьями, а даже уступать имъ, если они желаютъ быть и любостяжательными (ибо говоритъ: *отъ взимающаго твоя, не истязуй* Лук. 6, 30), и искать того, что̀ полезно и необходимо для спасенія души. Посему и присовокупилъ сіи слова: *блюдите и хранитеся отъ лихоимства*, убѣждая насъ избѣгать любо-

---

*Во время оно, учащу Іисусу, рече**

стяжанія какъ-бы какой-нибудь дьявольской ямы. Кому же сказалъ Онъ это: смотрите, берегитесь любостяжанія? Онымъ двумъ братьямъ. Такъ какъ у нихъ былъ споръ о наслѣдствѣ и вѣроятно изъ нихъ двоихъ одинъ другаго обидѣлъ, то Онъ и обращаетъ къ нимъ рѣчь о любостяжаніи. Ибо оно — великое зло. Посему ап. Павелъ называетъ оное идолослуженіемъ (Колос. 3, 5), быть можетъ, потому, что оно прилично однимъ тѣмъ, кои не знаютъ Бога, или, что̀ и справедливѣе, потому, что идолы язычниковъ серебро и золото (Псал. 113, 13). Почитающій серебро и золото подобенъ идолопоклонникамъ, потому что тотъ и другіе покланяются и воздаютъ почтеніе одному веществу. Итакъ избытка должно бѣгать. Почему? потому, что *не отъ избытка кому животъ его есть,* то есть, мѣра сей жизни не соразмѣряется съ изобиліемъ имѣнія. Ибо если кто имѣетъ многое, то не значитъ еще, что онъ уже и проживетъ долго. Долголѣтіе не зависитъ отъ множества богатства. Господь говоритъ это въ опроверженіе мыслей любителей богатства. Любители богатства, повидимому, заботятся о богатствѣ потому, что желаютъ жить, и собираютъ отвсюду потому, что намѣреваются долго жить. Посему Господь говоритъ: несчастный и бѣдный! неужели отъ многаго имѣнія прибавится тебѣ и долголѣтіе? Зачѣмъ же ты явно страдаешь изъ-за неизвѣстнаго успокоенія? Ибо неизвѣстно еще, достигнешь ли ты старости, для которой собираешь; а то очевидно, что нынѣ ты тратишь (свою жизнь) на пріобрѣтеніе имѣнія.

16-21 Лук.

Зач. 66. *Рече же притчу къ нимъ, глаголя: * человѣку нѣкоему богату угобзися нива: И мысляше въ себѣ, глаголя: что сотворю, яко не имамъ гдѣ собрати плодовъ моихъ? И рече: се сотворю: разорю житницы моя, и большія созижду: и соберу ту вся жита моя и благая моя: И реку души моей: душе, имаши многа блага лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися. Рече же ему Богъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ? Тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя.* Сказавъ, что жизнь человѣка не становится продолжительнѣе отъ изобилія имѣнія, (Господь) приводитъ и притчу въ подтвержденіе своихъ словъ. И смотри, какъ Онъ изображаетъ намъ ненасытимые помыслы безумнаго богача. Богъ творилъ свое намѣреніе, и явилъ особенное благоутробіе. Ибо не въ одномъ мѣстечкѣ, но во всемъ полѣ богача былъ хорошій урожай; а онъ былъ такъ безплоденъ въ милосердіи, что, прежде чѣмъ получилъ, удерживалъ уже за собою.—Посмотри и на удовольствія богача. Что мнѣ дѣлать? Не эти ли самыя слова произноситъ и бѣднякъ? Что мнѣ дѣлать? мнѣ нечего ѣсть, нечѣмъ одѣться. Вникни, пожалуй, и въ слова богача: что мнѣ дѣлать? мнѣ некуда собрать плодовъ многихъ. Хорошо же спокойствіе! И бѣднякъ говоритъ: что мнѣ дѣлать? я не имѣю.......... И богачь говоритъ: что мнѣ дѣлать? я не имѣю....... Что же мы получаемъ отъ того, что очень много собираемъ? Спокойствіемъ мы не пользуемся, и очевидно, отъ заботъ; развѣ только собираемъ себѣ множество грѣховъ.—*Разорю житницы моя, и большія созижду.* А если на будущее лѣ-

то урожай въ полѣ будетъ еще болѣе, ты опять сломаешь, и опять построишь? И какая нужда ломать и строить? Утробы нищихъ, вотъ тебѣ житницы. Онѣ могутъ и вмѣстить многое, онѣ и неразрушимы и нетлѣнны, ибо небесны и божественны, такъ какъ питающій бѣднаго питаетъ Бога.—Вотъ и еще безуміе (богача). *Жита моя, и благая моя.* Онъ не считаетъ ихъ даромъ отъ Бога, ибо, въ противномъ случаѣ, располагался бы относительно ихъ, какъ приставникъ Божій, а считаетъ ихъ плодомъ собственныхъ трудовъ. Посему, присвояя ихъ себѣ, и говоритъ: жита *моя* и благая *моя.* Я, говоритъ, не имѣю никакого сообщника, не буду ни съ кѣмъ дѣлиться. Все это добро — не Божіе, а мое: посему я одинъ буду и наслаждаться имъ, а Бога не приму участникомъ въ наслажденіи имъ. Это явно безумно.—Посмотримъ еще далѣе. *Душе, имаши многа блага лежаща на лѣта многа.* Самъ назначаетъ себѣ долголѣтнюю жизнь, какъ будто и долголѣтіе онъ получилъ отъ воздѣлываемой имъ земли. Неужели и это—произведеніе твое? Неужели и это—добро твое?—*Яждь, пій, веселися.* Прекрасныя же блага души! Ѣсть и пить есть благо души неразумной. Впрочемъ, поелику ты и самъ имѣешь такую душу, то справедливо предлагаешь ей такія блага. Но благо души разумной состоитъ въ томъ, чтобы уразумѣвать, разсуждать, увеселяться закономъ Божіимъ и благими размышленіями. Для тебя недостаетъ, безумный, ѣсть и пить, ты предлагаешь душѣ своей и слѣдующее затѣмъ постыдное и скаредное удовольствіе? Ибо очевидно, что Господь словомъ *веселися* обозначилъ страсть распутства, которая обыкновенно слѣдуетъ за просыщеніемъ яствами и питіями

(Филип. 3, 19. Ефес. 5, 18).—*Рече же ему Богъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе.* Сказано такъ: *рече же ему Богъ,* не потому, будто бы Богъ бесѣдовалъ съ богачемъ, а слова сіи имѣютъ такой смыслъ, что, когда (богачь) такъ гордо помышлялъ въ себѣ, тогда Богъ сказалъ ему (ибо это подразумѣваетъ притча). Богъ называетъ богача *безумнымъ,* потому что онъ въ душѣ своей полагалъ совѣты самые безумные, какъ мы показали. Ибо всякій человѣкъ безуменъ и суетенъ, какъ и Давидъ говоритъ: *суета всякъ человѣкъ,* и причина сему та, что *сокровищствуетъ, и не вѣсть, кому соберетъ я* (Псал. 38, 7. 8). Ибо какъ не безуменъ тотъ, кто не знаетъ, что мѣра жизни въ рукахъ одного Бога, и что никто самъ себѣ не можетъ опредѣлить жизни? — Обрати вниманіе и на слово: *истяжутъ.* Страшные ангелы, какъ-бы жестокіе сборщики податей, возмутъ у тебя душу твою противъ воли твоей, поелику ты изъ любви пожить присвоялъ себѣ здѣшнія блага. У праведника не истязуютъ душу, но онъ предаетъ ее Богу и Отцу духовъ съ радостію и веселіемъ, и не чувствуетъ непріятности при отложеніи тѣла, ибо онъ тѣло имѣетъ какъ-бы легкую тяжесть. Но грѣшникъ, оплотянивъ душу, сдѣлавъ ее тѣломъ и землею, чрезвычайно затрудняетъ отдѣленіе оной. Посему и говорится, что душу *истяжутъ* у него, какъ-бы у какого упорнаго должника, преданнаго въ руки жестокихъ сборщиковъ. Примѣть и сіе. Не сказалъ Господь: Я возму душу у тебя, но *истяжутъ.* Ибо *въ руцѣ Божіей души праведныхъ* (Прем. Солом. 3, 1). И по-истинѣ отъ таковаго *ночью* истяжутъ душу: ибо онъ

не имѣетъ озаряющаго свѣта богопознанія, но находится въ ночи богатстволюбія и омраченный сю захватывается смертію. Такъ, кто собираетъ сокровища для себя, тотъ по справедливости называется безумнымъ, и не успѣваетъ привесть въ исполненіе свои намѣренія, но въ самое время составленія плановъ рѣшительно исторгается изъ среды живыхъ. Но если бы онъ собиралъ для бѣдныхъ и для Бога, съ нимъ не было бы такъ поступлено. Посему будемъ стараться *богатѣть въ Бога,* то есть, на Него уповать, Его считать нашимъ богатствомъ и хранилищемъ богатства. Не будемъ говорить: блага *мои,* но: блага Божіи. Если же блага Божіи, то не будемъ отчуждать Бога отъ Его благъ. Богатѣть въ Бога значитъ вѣровать, что если я и все (свое) отдамъ и истощу, то и тогда ни въ чемъ необходимомъ у меня не будетъ недостатка. Ибо сокровищница моихъ благъ есть Богъ: я отворяю, и беру что нужно.

Рече же ко ученикомъ своимъ: сего ради глаголю вамъ: не пецытеся душею вашею, что ясте: ни тѣломъ, во что облечется. Душа больши есть пищи, и тѣло одежды. Смотрите вранъ, яко не сѣютъ, ни жнутъ, имже нѣсть сокровища, ни житницы, и Богъ питаетъ ихъ: кольми паче вы есте лучши птицъ? Кто же отъ васъ пекійся можетъ приложити возрасту своему лакоть единъ? Аще убо ни мала чесо можете, что о прочихъ печетеся? Мало помалу Господь восходитъ къ ученію о высшемъ совершенствѣ. Замѣть же порядокъ. Онъ научилъ беречься любостяжанія, и присовокупилъ притчу о богатомъ, въ доказательство того, что желаю-

Лук.

щій очень многаго—безуменъ. Простирая ученіе далѣе, Онъ не позволяетъ намъ заботиться и о необходимомъ. Какъ діаволъ, начиная съ малыхъ грѣховъ, ввергаетъ насъ и въ большіе, почему и названъ онъ у Іова (Іов. 4, 11) *мраволевъ:* такъ, напротивъ, Господь, разрушая дѣла его, научаетъ прежде бѣгать великихъ грѣховъ, а потомъ указываетъ и начала ихъ. Заповѣдавъ намъ беречься любостяжанія, доходитъ и до корня его, то есть, заботы, дабы и корень пресѣчь, и говоритъ: *сего ради глаголю вамъ.* Поелику, говоритъ, безуменъ тотъ, кто назначаетъ самъ себѣ продолжительную жизнь, и, обольщаясь симъ, желаетъ большаго, каковъ былъ помянутый богачь, потому Я вамъ говорю: *не пецытеся душею вашею, что ясте.* Сказалъ такъ не потому, будтобы разумная душа ѣстъ, но потому, что душа, повидимому, удерживается въ связи съ тѣломъ только подъ тѣмъ условіемъ, если мы употребляемъ пищу. И иначе: тѣло, будучи и мертво, одѣвается, но уже не питается. Поелику же питаться свойственно тѣлу одушевленному, то справедливо употребленіе пищи онъ отнесъ къ душѣ. Или: не называется ли душою питательная сила? Итакъ питательною частью неразумной души не заботьтесь, что̀ вамъ ѣсть, ни тѣломъ, во что одѣться. За симъ представляетъ основаніе. Тотъ, кто далъ большее, именно душу, не дастъ ли и пищу? Тотъ, кто далъ тѣло, не дастъ ли и одежду? Потомъ доказываетъ примѣромъ вороновъ. На птицъ указываетъ для того, чтобы болѣе усовѣстить насъ. Могъ бы Онъ привесть въ примѣръ святыхъ пророковъ, какъ то: Илію и Моусея, но для большаго посрамленія указываетъ на

птицъ. Потомъ представляетъ еще и другое основаніе. Скажи, пожалуй, какая тебѣ прибыль отъ заботъ? Прибавляешь ли ты своему росту хотя малѣйшую часть? Нѣтъ; напротивъ ты даже истощаешь свое тѣло: ибо забота сушитъ. Если же и малѣйшаго не можешь прибавить, что заботишься о прочемъ? Очевидно, что какъ росту Богу придаетъ, такъ и прочее подастъ.

Смотрите крины, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ: глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ. Аще же траву на селѣ днесь сущу, и утрѣ въ пещь вмещему, Богъ тако одѣваетъ: кольми паче васъ, маловѣри? И вы не ищите что ясте, или что піете: и не возноситеся. Всѣхъ бо сихъ языцы міра сего ищутъ: вашъ же Отецъ вѣстъ, яко требуете сихъ. Обаче ищите царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ. И примѣръ лилій Господь выставилъ для большаго нашего вразумленія. Ибо если Богъ лиліи одѣваетъ такъ, что слава Соломонова не могла никогда сравниться ни съ одною изъ нихъ, и притомъ тогда, какъ для лилій красота не необходима: не тѣмъ ли болѣе Онъ одѣнетъ насъ—честнѣйшее свое созданіе, когда притомъ для тѣла нашего одѣянія необходимо?—Что же, скажутъ, повелѣваешь намъ не воздѣлывать земли? Я не сказалъ: не воздѣлывайте землю, но не заботьтесь. Дѣлать Я не возбраняю, а (запрещаю) безпокоиться, то естъ, имѣть надежду на самихъ себя. А кто дѣлаетъ и уповаетъ на Бога, тотъ живетъ беззаботно. Явно, что Онъ искореняетъ заботу потому, что она удаляетъ отъ Бога.—Далѣе, говоритъ: *не ищите, что ясте, или что піете:*

Лук.

и не возноситеся (μὴ μετεωρίζεσθε). Возношеніемъ называетъ, безъ сомнѣнія, не иное что, какъ развлеченіе и непостоянное направленіе разума, помышляющаго то о томъ, то о другомъ, перескакивающаго отъ одного на другое и всегда мечтающаго о чемъ-то болѣе высокомъ. Не значитъ ли это гоняться за метеорами? Такую-то заботу, какъ удаляющую насъ отъ Бога, или легкомысліе, запрещаетъ Господь, сказавъ, что *всѣхъ сихъ языцы ищутъ.* Ибо забота не останавливается на необходимомъ, но, какъ я сказалъ, всегда ищетъ болѣе высокаго, почему и называется μετεωρισμὸς (возношеніемъ вверхъ). Напримѣръ, мы не имѣемъ хлѣба. Мы сначала заботимся, откуда бы получить его, но на этомъ не останавливаемся, а желаемъ получить хлѣбъ изъ отличной пшеницы; потомъ желаемъ и вина, и притомъ цвѣтистоблаговоннаго; за тѣмъ желаемъ и жаренаго, и притомъ изъ рябчиковъ или фазановъ. Видишь ли, какова забота и легкомысліе? Посему Господь рѣшительно пресѣкаетъ оную, ибо этого ищутъ язычники.—Потомъ представляетъ и другое основаніе, именно, что Отецъ нашъ знаетъ, въ чемъ мы имѣемъ нужду, и (представляетъ) не одно, а много основаній. Говоритъ: Онъ есть *Отецъ,* а если Отецъ, то какъ не дастъ? Притомъ Онъ *знаетъ,* ибо не незнаетъ. Да и вы *имѣете нужду,* ибо это не лишнее, а необходимое. Итакъ, если Онъ Отецъ, и вы имѣете нужду, и Онъ знаетъ, то какъ же не дастъ? Посему прежде всего ищите царствія Божія, а заботу о житейскомъ, какъ удаляющую васъ отъ Него, отвергните: и тогда все сіе придастся вамъ. Видишь ли, каковъ Богъ? Если ты

ищещь малаго, ты дѣлаешь неугодное Ему, ибо оскорбляешь Его великодаровитость; если ищешь великаго, то и его получишь, и малое придастся тебѣ. Ибо если Онъ увидитъ, что ты занятъ исканіемъ царства Его, то Онъ всеконечно будетъ промышлять о тебѣ въ твоихъ нуждахъ. Даже и мы въ своихъ дѣлахъ не такъ ли поступаемъ? и мы заботимся болѣе о тѣхъ, кои всецѣло предали себя нашему попеченію, и бываемъ къ нимъ такъ предусмотрительны, какъ будтобы они сами и не смотрятъ за собою? Не тѣмъ ли паче (такъ сотворитъ) Господь? Итакъ Господь пресѣкаетъ заботу о житейскомъ, для того, чтобы убѣдить насъ искать царствія Его: ибо при заботахъ о житейскомъ это невозможно.

* *Не бойся малое стадо: яко благоизволи Отецъ* Зач.
вашъ дати вамъ царство. Продадите имѣнія ваша, и 67.
дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища не ветшающа, сокровище неоскудѣемо на небесѣхъ, идѣже тать не приближается, ни моль растлѣваетъ. Идѣже бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. Господь желающихъ быть учениками Его называетъ *малымъ стадомъ* или потому, что въ мірѣ семъ святыхъ весьма мало по причинѣ требуемой произвольной нищеты и нестяжательности, или потому, что ихъ меньше, чѣмъ ангеловъ, которыхъ сонмы не имѣютъ числа и несравненно превышаютъ число насъ. А что ангеловъ гораздо больше, это видно изъ притчи, въ которой Господь сказалъ, что пастырь объ одномъ заблудшемъ-было и снова найденномъ радуется болѣе, нежели о де-

---

Рече Господь: *

Лук.

вяносто девяти не заблудшихъ (Лук. 15, 7). Ибо отселѣ видно, что какъ единица относится къ девяносто девяти, такъ и родъ человѣческій къ міру ангельскому. *Не бойся*, говоритъ, малое стадо, то есть, не сомнѣвайся, что Богъ будетъ промышлять о тебѣ, хотя бы ты самъ и не заботился о себѣ. Почему? Потому, что Отецъ благоволилъ дать вамъ царство. Если Онъ даетъ царство, то тѣмъ болѣе подастъ предметы земные. Итакъ не думай, что если ты усвоишь себѣ нищету, то не будетъ Промыслителя о тебѣ, но продавай имѣніе, давай милостыню и сдѣлай сокровище неистощимымъ. Потомъ убѣждаетъ насъ и непререкаемыми умозаключеніями. Здѣсь, говоритъ, моль съѣдаетъ, а на небѣ нѣтъ. Итакъ не безумно ли слагать сокровище въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ оно повреждается? Потомъ, поелику моль не съѣдаетъ золота, Онъ присовокупилъ: *идѣже тать не приближается*. Ибо если моль не съѣдаетъ золота, то воръ похищаетъ его. Потомъ, поелику не всѣхъ же обкрадываютъ, Онъ присовокупляетъ еще большее и совершенно неопровержимое основаніе. *Идѣже бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ*. Пусть, говоритъ, будетъ и такъ, что и моль не съѣстъ, и воръ не подойдетъ; но самое порабощеніе сердца закопанному въ землю сокровищу и поверженіе въ землю богоподобнаго существа души какого достойно наказанія? Не тѣмъ ли больше наказаніе (предлежитъ) тому, кто имѣетъ умъ? Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше. Если сокровище въ землѣ, то и сердце въ ней; если сокровище на небѣ, то и сердце—горѣ. Кто же не изберетъ лучше быть горѣ, чѣмъ подъ землею,

быть ангеломъ, чѣмъ кротомъ, живущимъ въ подземныхъ норахъ?

Да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтилницы горящіи: И вы подобни человѣкомъ чающимъ господа своего, когда возвратится отъ брака, да пришедшу и толкнувшу, абіе отверзутъ ему. Блажени раби тіи, ихже пришедъ господь обрящетъ бдящихъ, аминь глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ, и минувъ послужитъ ихъ. И аще пріидетъ во вторую стражу, и обрящетъ ихъ тако: блажени суть раби тіи. Сіе же вѣдите: яко аще бы вѣдалъ господинъ храмины, въ кій часъ тать пріидетъ, бдѣлъ убо бы, и не бы далъ подкопати дому своего. И вы убо будите готови: яко, въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ. Господь, сдѣлавъ ученика своего свободнымъ отъ лишняго, упразднивъ отъ всякой житейской заботы и надменія, и такимъ образомъ сдѣлавъ его легкимъ, дѣлаетъ его уже и слугою. Ибо кто желаетъ служить, тотъ долженъ быть легкимъ и расторопнымъ. Посему, говоритъ: *да будутъ чресла ваша препоясана,* то есть, вы всегда являйтесь готовыми на дѣла своего владыки, и *свѣтилницы горящіи,* то есть, не живите во тмѣ и безъ разсужденія, но свѣтъ разума пусть указываетъ вамъ все, что̀ должно и что̀ не должно дѣлать. Итакъ міръ сей есть ночь. Препоясанные по чресламъ суть ведущіе дѣятельную жизнь. Ибо таково одѣяніе рабочихъ. Имъ нужны еще и свѣтильники горящіе. Ибо при дѣятельной жизни нужно и дарованіе разсужденія, то есть, чтобы дѣятель могъ распознавать не только то, что̀ должно дѣлать, но и то, какъ должно дѣлать.

Лук.

Ибо многіе дѣлали доброе, но дѣлали нехорошо. Таковые хотя и были препоясаны по чресламъ, поелику они дѣйствовали, но свѣтильниковъ горящихъ не имѣли, то есть, не имѣли разумнаго разсужденія, а впадали или въ гордость, или въ другую пропасть безумія. Примѣть и то, что прежде препоясываются чресла наши, потомъ свитильники зажигаются. Ибо прежде бываетъ дѣятельность, потомъ созерцаніе, которое есть озареніе ума нашего. Ибо свѣтильникъ, умъ нашъ, тогда называется горящимъ, когда сіяетъ въ немъ свѣтъ Божій. Итакъ будемъ тщательно упражняться въ добродѣтели, дабы намъ имѣть горящими оба свѣтильника наши, то есть, слово внутреннее и слово произносимое, внутрнннее—все озаряющимъ въ душѣ, а произносимое,—блистающимъ на языкѣ. Ибо внутренній свѣтильникъ насъ просвѣщаетъ, а слово учительское и произносимое свѣтитъ прочимъ.—И мы должны быть подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія своего господина съ брака. Кто жъ иной этотъ господинъ, какъ не Христосъ Іисусъ? Онъ, воспріявъ человѣческую природу какъ-бы невѣсту и соединивъ съ Собою, сотворилъ бракъ, прилѣпившись къ ней въ плоть едину. Да и не одинъ бракъ творитъ Онъ, а многіе, ибо на небѣ каждодневно уневѣщиваетъ Себѣ души святыхъ, которыя Павелъ или подобный Павлу представляетъ ему чистыми дѣвами (2 Кор. 11, 2). Возвращается Онъ съ небеснаго брака, можетъ быть, открыто предъ всѣми (καθολικῶς), при кончинѣ вселенной, когда придетъ съ неба во славѣ Отца, а можетъ быть, невидимо и неожиданно являясь во всякую пору, при кончинѣ ка-

ждаго въ частности. Итакъ блаженъ тотъ, кого Онъ найдетъ препоясаннымъ по чресламъ, то есть, готовымъ служить Богу дѣятельною частію христіанскаго любомудрія, и имѣющимъ горящій свѣтильникъ слова и разсужденія, нетолько творящимъ доброе, но творящимъ оное хорошо, и сверхъ того принявшимъ созерцаніе какъ-бы нѣкоторый свѣтильникъ. Ибо чрезъ препоясаніе по чресламъ у насъ становится горящимъ и свѣтильникъ созерцанія, и даже два свитильника, внутренній и износимый вовнѣ.—Для такого слуги самъ Господь становится слугою. Ибо *препояшется*, сказано, *и посадитъ ихъ. и приступивъ послужитъ имъ*. Богъ препоясуется, потому что не всю полноту благъ источаетъ намъ, но сдерживаетъ оную. Ибо кто можетъ вмѣстить Бога, каковъ Онъ есть? Это видно и на серафимахъ, которые покрываются отъ превосходства божественнаго свѣта .(Исаіи 6, 2). Добрыхъ рабовъ Онъ полагаетъ на ложе, то есть, всѣхъ во всемъ успокоиваетъ. Ибо какъ лежащій на ложѣ все тѣло успокоиваетъ, такъ и въ будущее пришествіе всѣ святые будутъ успокоены во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь они не находятъ отдохновенія для тѣла, а тамъ вмѣстѣ съ душами и тѣла ихъ, духовныя и божественныя, наслѣдовавъ нетлѣніе, будутъ наслаждаться совершеннымъ покоемъ, и Богъ будетъ все во всѣхъ ихъ (1 Корин. 15, 28). (Господь) *послужитъ* достойнымъ (рабамъ),—воздавая имъ равное. Какъ они служили ему, такъ и Онъ послужитъ имъ, предлагая имъ изобильную трапезу и подавая наслажденіе духовными дарованіями. — Подъ *второю и третіею стражею* можешь разумѣть разныя

времена нашей жизни. Объясню примѣромъ. Какъ не спящій во вторую и третью стражу считается самымъ неусыпнымъ, ибо эти часы ночи въ особенности доставляютъ людямъ сонъ и сонъ первый: такъ разумѣй, пожалуй, что и при различныхъ состояніяхъ нашей жизни есть времена, которыя, если мы окажемся въ оныя бодрствующими, дѣлаютъ насъ блаженными. Похитилъ ли кто у тебя имѣніе? Дѣти ли у тебя умерли? Оклеветалъ ли кто тебя? Если ты въ такихъ обстоятельствахъ не ниспалъ, но оказался бдящимъ предъ Богомъ и Владыкою, и не допустилъ себѣ ничего сдѣлать вопреки Его заповѣдямъ; то Онъ по-истинѣ нашелъ тебя бдящимъ *во вторую и третью стражу*, то есть, во время тяжелое, въ которое нерадивыя души падаютъ и засыпаютъ сномъ смертнымъ. Итакъ необходимо бодрствовать. Ибо мы подобны хозяину дома. Если онъ не спитъ, то воръ не можетъ похитить ничего изъ его имѣнія; если же онъ сонливъ, то воръ все заберетъ и уйдетъ. Нѣкоторые разумѣютъ здѣсь подъ татемъ діавола, подъ домомъ—душу, а подъ хозяиномъ дома—человѣка. Однакожъ такое разумѣніе, кажется, не подходитъ къ связи рѣчи. Здѣсь татю уподобляется пришествіе Господа, по его неожиданности, какъ и одинъ изъ апостоловъ говоритъ: *день Господень яко тать въ нощи* (2 Петр. 3, 10). И здѣсь же, смотри, какъ Господь объясняетъ, кто такой воръ. *И вы убо*, говоритъ, *будите готови, яко въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ*,—Нѣкоторые же говорятъ, что подъ бдящими въ первую стражу разумѣются тѣ, кои внимательнѣе прочихъ, подъ бдящими во вторую стражу—тѣ,

кои уступаютъ имъ, а подъ бдящими въ третью стражу—тѣ, кои стоятъ ниже и сихъ. А другія изъясняли стражи о различныхъ возрастахъ: первую—о юности, вторую—о мужествѣ, а третью—о старости. Итакъ блаженъ тотъ, кто въ какомъ бы то ни случилось возрастѣ, найденъ будетъ бдящимъ, а не безпечнымъ относительно добродѣтели.

Рече же Ему Петръ: Господи, къ намъ ли притчу сію глаголеши, или ко всѣмъ? Рече же Господь:

**Кто убо есть вѣрный строитель и мудрый, егоже поставитъ господь надъ челядію своею, даяти во время житомѣріе? Блаженъ рабъ той, егоже пришедъ господь его обрящетъ творяща тако. Воистинну глаголю вамъ, яко надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его.* Зач. 68

Петръ, какъ обо всѣхъ заботящійся, и по братолюбію ревнующій о пользѣ слушателей, и какъ получившій уже Церковь въ свое довѣріе, спросилъ (Господа), ко всѣмъ ли Онъ говоритъ эту притчу. Господь ясно не отвѣчаетъ ему на вопросъ, а прикровенно показываетъ, что хотя сказанная притча обща, и простирается на всѣхъ вѣрующихъ, кто бы они ни были, но относится и къ вамъ—апостоламъ и вообще удостоеннымъ учительства или предстоятельства. Слушай. *Кто убо есть вѣрный строитель и мудрый.* Вышесказанная притча, говоритъ, многимъ прилична, а теперь говоритъ о тѣхъ, которые удостоены предстоятельства: недоумѣваю, кто окажется имѣющимъ то и другое, то есть, вѣрность и благоразуміе. Ибо таковые рѣдки, и

Рече Господь: *

трудно находить ихъ. Какъ въ управленіи обыкновеннымъ имѣніемъ, если кто вѣренъ своему господину, но неблагоразуменъ, тотъ расточаетъ имѣніе господина, ибо не умѣетъ распоряжаться имъ, какъ должно, когда нужно давать, не даетъ, а гораздо больше теряетъ: равнымъ образомъ, если кто благоразуменъ и находчивъ, но невѣренъ, тотъ можетъ быть воромъ и тѣмъ менѣе уловимымъ, чѣмъ болѣе онъ благоразуменъ: такъ и въ божественныхъ предметахъ нужны вмѣстѣ вѣрность и благоразуміе. Ибо я знаю многихъ, которые, повидимому, и усердны къ добродѣтели, и богобоязливы, и имѣютъ вѣру, но, поелику не могли благоразумно распоряжаться церковными дѣлами, повредили не только имѣнію, но и душамъ. Напримѣръ, если кто впадетъ въ духовное преступленіе, но предстоятель не будетъ благоразуменъ, а будетъ имѣть только вѣру, то есть, добродѣтель безсознательную, то падшій можетъ потерпѣть вредъ или отъ непомѣрной строгости, или отъ неумѣстной кротости его, и не уврачуется, но сокрушится. Итакъ кто будетъ найденъ вѣрнымъ и благоразумнымъ, тотъ поставленъ будетъ надъ *челядію* Господа, то есть, надъ всѣми рабами Его, дабы каждому въ свое время раздавать опредѣленную мѣру хлѣба, то есть, или догматическое ученіе, которымъ питаются души, или образецъ дѣятельности и начертаніе, какъ должно жить. Если онъ будетъ найденъ поступающимъ такъ, то блаженъ, и Господь *посадитъ его надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ,* нетолько надъ рабами, но и надъ всѣмъ поставитъ его, удостоивъ его высшей степени, такъ что ему будетъ покаряться земное и небесное, каковы были, напримѣръ, Іисусъ На-

винъ и Илія. Одинъ изъ нихъ повелѣвалъ солнцу, а другой — облакамъ небеснымъ (3 Царст. 17, 1), Да и всѣ вообще святые, какъ друзья Божіи, пользуются достояніемъ своего Друга. И у друзей обыкновенно все бываетъ общее (Дѣян. 4, 32). И всякій, кто при безмятежной жизни упражняется въ дѣятельной добродѣтели, и подчиняетъ себѣ рабскія страсти—гнѣвъ и похотѣніе, давая каждой изъ нихъ въ свое время опредѣленную мѣру пищи: гнѣву, напримѣръ, ненависть къ ненавидящимъ Господа и раздраженіе противъ враговъ Его (Псал. 138, 21), похотѣнію—заботу только о необходимомъ для плоти, а всецѣлое устремленіе—къ Богу, всякій таковой—блаженъ: онъ достигнетъ и созерцанія, и будетъ поставленъ надъ всѣмъ имѣніемъ (τοῖς ὑπάρχουσι сущимъ у) Господа, онъ удостоится созерцательнымъ умомъ зрѣть и наблюдать все, нетолько существующее не само по себѣ, но и то, что въ собственномъ смыслѣ существуетъ, то есть, вѣчно.

Аще же речетъ рабъ той въ сердцы своемъ: коснитъ господинъ мой пріити: и начнетъ бити рабы и рабыни, ясти же и пити и упиватися: Пріидетъ господинъ раба того въ день, въ оньже не чаетъ, и въ часъ, въ оньже не вѣстъ: и растешетъ его, и часть его съ невѣрными положитъ. Горе такимъ рабамъ, которые, получивъ дарованіе духовнаго настоятельства, погубляютъ ввѣренное имъ домостроительство, пьютъ и упиваются, будешь ли понимать сіе о чувственномъ пьянствѣ (ибо и это случается съ худыми настоятелями церквей, расточающими имѣніе бѣдныхъ), или будешь разумѣть подъ пьянствомъ развращеніе ума въ ученіи и

въ распоряженіи инѣніемъ. Такіе предстоятели бьютъ слугъ и служанокъ, то есть, соблазняя слабѣйшихъ членовъ Церкви, убиваютъ ихъ совѣсть. Ибо слабый и малодушный, увидѣвъ, что я—архіерей—веду худую жизнь, соблазняется симъ и убивается совѣстью, принимаетъ удары въ сердце и дѣлается еще слабѣйшимъ. А все это случается съ лукавымъ рабомъ отъ того, что онъ (въ сердцѣ своемъ) сказалъ: не скоро придетъ господинъ мой. Ибо такого рода поведеніе происходитъ отъ безпечности и неразмышленія о часѣ кончины. Если же бы мы содержали въ мысли, что Господь идетъ, что при дверяхъ кончина міра и конецъ нашей жизни, то мы грѣшили бы менѣе.—Примѣчай и наказаніе. *Растешетъ*, говоритъ, *его*, то есть, лишитъ дарованія учительства. Дабы кто-нибудь не подумалъ, что дарованіе сіе поможетъ ему избавиться отъ сильнаго наказанія, Онъ говоритъ: какъ поможетъ ему дарованіе, когда онъ въ то время не будетъ имѣть его? Ибо быть разсѣченнымъ пополамъ значитъ—быть лишеннымъ благодати. Таковый, будучи плотію, а не духомъ, окажется тогда достойнымъ сожалѣнія. Поелику, по апостолу, мы тогда живемъ по духу, когда Духъ Божій живетъ въ насъ (Рим. 8, 9). А кто найденъ будетъ ходившимъ не по духу, но по плоти, и непричастнымъ духовной жизни, тотъ поставится въ ряду съ невѣрными, поелику осудится съ міромъ невѣрнымъ, какъ неполучившій никакой пользы отъ мнимой вѣры. Ибо истинной вѣры въ немъ не было. Если бы въ немъ была истинная вѣра, онъ былъ бы вѣрнымъ домостроителемъ. А теперь, поелику онъ пилъ и упивался, и расточалъ принадле-

жащее господину, очевидно, что не имѣлъ истинной вѣрности, какая требуется отъ домоправителей. Посему справедливо часть его полагается съ невѣрными. Ибо, лишенный дарованія и разоблаченный, онъ оказывается поврежденнымъ, а несовсѣмъ цѣлымъ.

Той же рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много. Не вѣдѣвый же, сотворивъ же достойная ранамъ, біенъ будетъ мало.

*Всякому же, * емуже дано будетъ много, много взыщется отъ него: и емуже предаша множайше, множайше просятъ отъ него.* Здѣсь Господь представляетъ намъ нѣчто болѣе важное и ужасное. Таковый, говоритъ, не только дарованія лишится и не найдетъ въономъ пособія къ освобожденію отъ наказанія, но величіе достоинства сдѣлаетъ его повиннымъ еще бóльшему осужденію. Ибо чѣмъ болѣе знаетъ согрѣшающій, тѣмъ бóльше онъ заслуживаетъ себѣ наказаніе.—Въ дальнѣйшей рѣчи раскрываетъ это еще яснѣе. Кому, говоритъ, дано много, отъ того много и потребуется, и кому много ввѣрили, съ того больше взыщутъ. Чрезъ сіе Господь показываетъ, что наказаніе, заслуженное учителями, будетъ бóльшее. Учителямъ дается и ввѣряется: *дается*, напримѣръ, дарованіе творить чудеса, врачевать болѣзни, а *ввѣряется* имъ дарованіе слова и учительства. Господь сказалъ: больше взыщутъ, не при словѣ *дается*, но при словѣ *ввѣряется*. Ибо при дарованіи слова по-истинѣ нужно дѣланіе, и съ учи- Зач. 69.

---

*Рече Господь: всякому**

теля взыскивается больше. Онъ не долженъ оставаться безпечнымъ, но долженъ пріумножать талантъ слова. Итакъ слова: *емуже предаша*, ты долженъ разумѣть такъ: кому много отдали въ ростъ. Ибо предметомъ отдаваемымъ подъ сохраненіе здѣсь Онъ назвалъ ростъ.— Иные спрашиваютъ: пусть такъ, что справедливо наказывается знавшій волю господина и не дѣлавшій по ней; но почему наказывается тотъ, кто не зналъ? Потому, что и онъ могъ узнать, однакожъ не захотѣлъ, а по безпечности самъ сдѣлался виновнымъ въ незнаніи. Итакъ онъ достоинъ наказанія за то, что добровольно не узналъ. Устрашимся, братія! Ибо если тотъ, кто совершенно не зналъ, достоинъ наказанія, то какое извиненіе оправдаетъ согрѣшающихъ при знаніи, особенно, если они были учителями? Подлинно, осужденіе ихъ очень тяжело.

Огня пріидохъ воврещи на землю: и что хощу, аще уже возгорься? Крещеніемъ же имамъ креститися, и како удержуся, дондеже скончаются? Подъ *огнемъ* разумѣется и проповѣдь. Ибо слово есть огонь, поядающій всякое вещественное и нечистое помышленіе и истребляющій идоловъ, изъ какого бы ни были они вещества. Разумѣется и ревность по добру, возгарающаяся въ каждомъ изъ насъ. А можетъ быть, и ревность, порождаемая словомъ Божіимъ, не разнится отъ первой. Господь желаетъ, чтобы симъ-то огнемъ возгорѣлись сердца наши. Ибо мы должны имѣть пламенную ревность по добру. *И что хощу*, иначе: и сколь сильно желаю, чтобы онъ уже возгорѣлся! Ускоряетъ возженіе огня сего, подобно, какъ и Павелъ говоритъ:

духомъ горяще (Римл. 12, 11), и въ другомъ мѣстѣ: *ревную бо по васъ ревностію Божіею* (2 Кор. 11, 2).— *Крещеніемъ* называетъ смерть Свою. Такъ какъ огонь этотъ имѣлъ возгорѣться не иначе, какъ послѣ смерти Его, ибо оттолѣ возросла проповѣдь и ревность: то присовокупляетъ рѣчь о смерти, называя оную крещеніемъ. Сильно желая оной, говоритъ: *икако удержуся*, то есть, сколько Я забочусь и томлюсь, пока сіе совершится! Ибо Я жажду смерти за спасеніе всѣхъ.— Господь пришелъ низвесть огонь нетолько на всю землю, на которой распространились Его ученіе и вѣра, но и на душу каждаго, которая (сама по себѣ) есть терновная и безплодная земля, но словомъ Божіимъ возжигается какъ бы огнемъ, и становится способною къ принятію божественныхъ сѣмянъ и духовноплодоносною. Ибо когда благодать Божія невидимо коснется чьей-нибудь души, то, кажется, она горитъ такою любовію къ Богу, что нельзя и сказать. Такъ точно и Клеопа съ его спутникомъ, воспламеняемые невидимо огнемъ Божіей благодати, говорили: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ* (Лук. 24, 32). Кто испыталъ такое состояніе, тотъ пойметъ слова наши. А многіе и часто испытываютъ оное, то̀ при чтеніи божественнаго Писанія или житій святыхъ отцевъ, то̀ при убѣжденіи и поученіи отъ кого-нибудь, воспламеняясь душами къ дѣланію добра, и одни пылаютъ до конца, а другіе тотчасъ же охладѣваютъ.

Мните ли, яко миръ пріидохъ дати на землю? ни, глаголю вамъ, но раздѣленіе. Будутъ бо отселѣ пять во единомъ дому раздѣлены, тріе на два, и два на три.

Раздѣлится отецъ на сына, и сынъ на отца: мати на дщерь, и дщи на матерь: свекровь на невѣсту свою, и невѣста на свекровь свою. Христосъ есть миръ нашъ (Ефес. 2, 14), однакожъ говоритъ: не пріидохъ дати миръ. Значитъ слова Его загадочны. Итакъ мы говоримъ, что не всякій миръ безпороченъ и добръ, но часто бываетъ опасенъ и удаляетъ отъ божественной любви, напримѣръ, когда мы заключаемъ миръ и согласіе на опроверженіе истины. Христосъ не пришелъ дать такого мира, а напротивъ желаетъ, чтобъ мы изъ-за добра раздѣлялись другъ противъ друга, что и случилось во время гоненій. Ибо въ одномъ дому отецъ язычникъ раздѣлялся противъ вѣрующаго сына, и мать противъ дочери, и наоборотъ.—Какъ Онъ сказалъ, что пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, а при исчисленіи помянулъ *шесть* лицъ? отвѣчаемъ: одно лицо взято дважды, именно дочь и невѣстка есть одно и тоже лице. По отношенію къ матери названа дочерью, а по отношенію къ свекрови—невѣсткою. Итакъ трое, отецъ и мать и свекровь, станутъ раздѣляться противъ двоихъ, сына и дочери. Ибо дочь, какъ мы сказали, будучи одно лице, но принимая двоякое отношеніе, именно въ приложеніи къ матери и къ свекрови, представляется посему двумя лицами.—Подъ отцемъ, и матерью, и свекровью разумѣй, пожалуй, и просто все ветхое, а подъ сыномъ и дочерью—все новое. Въ такомъ случаѣ Господь желаетъ, чтобы Его новыя божественныя заповѣди и ученіе поборoли все наше ветхое, грѣховные нравы и ученіе.—Разумѣй и такъ. Отецъ есть умъ, а сынъ—разсудокъ. Между ними въ единомъ дому, т. е.

въ человѣкѣ, происходило раздѣленіе. Скажу яснѣе. Умъ Діонисія Ареопагита былъ озаренъ, и принялъ проповѣдь. Но уму его, безъ доказательствъ принявшему вѣру, противился языческій разсудокъ, пытающійся доказать и заставляющій слѣдовать діалектическимъ пріемамъ. Видишь ли раздѣленіе между отцомъ и сыномъ, враждующими другъ противъ друга ради Христа и проповѣди? Матерью и свекровью можешь назвать—мысль, а дочерью и невѣсткою—чувство. И между ними бываетъ борьба ради Христа. У мысли бываетъ вражда противъ чувства, когда мысль убѣждаетъ почитать непреходящее выше преходящаго, невидимое выше видимаго, и имѣетъ на то многія сильныя доказательства. Бываетъ, что и со стороны чувства направляется борьба противъ мысли. Ибо чувство, руководимое къ вѣрѣ чудесами и видимыми знаменіями, не убѣждается доводами мысли, не хочетъ слѣдовать и языческимъ доказательствамъ, которыя внимающихъ имъ побуждаютъ не вѣровать, что Богъ сдѣлался человѣкомъ или что Дѣва—родила. Такъ безумны умозаключенія язычниковъ, боготворящихъ природу. Между тѣмъ чувство посредствомъ видимыхъ чудесъ приводитъ къ богопознанію лучше всякаго доказательства. Итакъ не всякій миръ и согласіе добро, но бываетъ, что и вражда и раздѣленіе кажутся нѣкоторымъ божественнымъ дѣломъ. Посему никто да не пребываетъ въ дружбѣ съ лукавыми, но, хотя бы отецъ и мать оказались противниками закона Христова, и съ ними, какъ врагами истины, должно враждовать.

Лук.

Глаголаше же и народомъ: егда узрите облакъ восходящъ отъ запада, абіе глаголете: туча грядетъ: и бываетъ тако, И егда югъ вѣющъ, глаголете: зной будетъ и бываетъ. Лицемѣри, лице небу и земли вѣсте искушати: времене же сего како не искушаете? Что же и о себѣ не судите праведное? Егда бо грядеши съ соперникомъ твоимъ ко князю. на пути даждь дѣланіе избыти отъ него: да не како привлечетъ тебе къ судіи, и судія тя предастъ слузѣ, ислуга всадитъ тя въ темницу. Глаголю тебѣ: не изыдеши оттуду, дондеже и послѣднюю мѣдницу воздаси. Поелику Господь велъ рѣчь о проповѣди и наименовалъ ее огнемъ и мечемъ, то очень вѣроятно, что слушатели, не понимая значенія словъ Его, смутились. Посему Онъ говоритъ: какъ перемѣны въ воздухѣ вы распознаете по нѣкоторымъ признакамъ, такъ и Мое пришествіе вамъ должно было признать изъ того, что Я говорю и что дѣлаю. Мои слова, подобно какъ и дѣла, показываютъ во Мнѣ противника вашего. Ибо вы—мытари и похитители, а Я не имѣю, гдѣ голову приклонить (Лук. 9, 58). Посему какъ по тучѣ вы предвозвѣщаете дождь и по южному вѣтру—жаркій день, такъ слѣдовало вамъ распознать и время Моего пришествія, и догадаться, что Я пришелъ не миръ дать, но дождь и смущеніе. Ибо Я и самъ есмь облако, и иду съ запада, то есть, человѣческой природы. которая прежде унизилась и была въ густомъ мракѣ отъ грѣха. Пришелъ Я и огонь низвесть, и сдѣлать жаркій день. Ибо Я есмь югъ—теплый вѣтръ и противоположенъ холодности сѣвера. Посему и явился Я изъ

Виѳлеема, который лежитъ къ югу. Сказавъ это, Господь преподаетъ имъ ученіе и о достохвальномъ мирѣ. Указавъ похвальное раздѣленіе, показываетъ и миръ безпорочный. Именно, говоритъ: когда соперникъ повлечетъ тебя въ судилище, то еще на дорогѣ всячески постарайся. (ибо *даждь дѣланіе* (δὸς ἐργασίαν) означаетъ придумывать всѣ способы), раздѣлаться съ нимъ. Или иначе: *даждь дѣланіе* разумѣется въ такомъ смыслѣ, что, хотя бы ты и ничего не имѣлъ, но возми въ займы подъ проценты, и *даждь дѣланіе*, то есть, ростъ, чтобъ раздѣлаться съ нимъ.—*Да не како привлечетъ тебе къ судіи, и судія тя предастъ слузѣ, и слуга всадитъ тя въ темницу; дондеже и послѣднюю мѣдницу воздаси.* Господь говоритъ это съ тѣмъ, чтобы оплотянѣвшихъ привесть въ страхъ и побудить къ миру. Онъ знаетъ, что страхъ убытка и наказаній всего болѣе смиряетъ оземленѣвшихъ, посему и говоритъ это.—Разумѣютъ эту рѣчь и о діаволѣ. Ибо онъ есть соперникъ нашъ. Посему мы, будучи еще на *пути*, то есть, въ сей жизни, должны постараться, чрезъ упражненіе въ добродѣтели, освободиться отъ него, и ничего не имѣть съ нимъ общаго (¹), дабы на будущемъ судѣ онъ не предалъ насъ Судіи. Ибо самыя дѣла его, которыя мы здѣсь совершали, предадутъ насъ суду, а Судія отдастъ насъ истязателю, то есть, какой-нибудь мучительной и злотворной силѣ, и будетъ наказывать насъ

(¹) Въ славянскомъ переводѣ въ поясненіе къ нему прибавлено: рекше (то есть) зависти, блуда, любодѣянія, клятвы, сребролюбія, еже есть корень злу, грабленія, піанства, гнѣва.

дотолѣ, пока не получимъ должное и за послѣдніе грѣхи и не исполнимъ мѣру наказанія. А такъ какъ мѣра наказанія никогда не исполнится, то мы будемъ вѣчно мучиться. Ибо если будемъ въ темницѣ дотолѣ, пока не заплатимъ и послѣдней полушки, а заплатить ее мы никогда не будемъ имѣть возможности, то очевидно, что казнь будетъ вѣчная.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О галилеянахъ, и о тѣхъ, которые погибли въ Силоамѣ.— О смоковницѣ, неприносящей плода.—О женщинѣ, имѣвшей духа немощи.—Притча о зернѣ горчичномъ и о закваскѣ.— О человѣкѣ, спрашивавшемъ: неужели мало спасающихся?— О предостерегавшихъ Іисуса по поводу намѣренія Ирода.

Зач. 70. *Пріидоша же нѣцыи въ то время *, повѣдающе ему о Галілеехъ, ихже кровь Пілатъ смѣси съ жертвами ихъ. И отвѣщавъ Іисусъ рече имъ: мните ли, яко Галілеане сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ Галілеанъ бяху, яко тако пострадаша? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете. Или они осмьнадесяте, на нихже паде столпъ Сілоамскій, и поби ихъ, мните ли, яко тіи должнѣйши бяху паче всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ? Ни: глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете.* Іуда галилеанинъ, о которомъ сей же самый евангелистъ упоминаетъ и въ дѣяніяхъ (5, 37), будучи самъ свѣдущъ въ законѣ, убѣдилъ многихъ и иныхъ галилеанъ пристать къ своему ученію. Училъ же онъ тому, что никого изъ людей, ни

---

*Во время оно, пріидоша нѣцыи ко Іисусови **

даже самого царя, не позволительно именовать господомъ, ни въ буквальномъ смыслѣ, ни въ смыслѣ почтенія и благоволенія. Отсюда многіе изъ нихъ за то, что не называли кесаря господомъ, жестоко были наказываемы. Они учили еще, что не должно быть приносимо никакихъ жертвъ, кромѣ заповѣданныхъ Моисеемъ. Почему они возбраняли жертвоприношенія за кесаря и за римскій народъ. Вѣроятно, въ негодованіи на это, Пилатъ приказалъ заколоть сихъ галилеянъ при тѣхъ самыхъ жертвоприношеніяхъ за римскій народъ, которыя были ими воспрещаемы. Посему кровь ихъ смѣшалась съ кровію жертвъ. Объ этомъ, какъ происшедшемъ изъ-за благочестія, нѣкоторые доложили Спасителю, желая узнать Его мнѣніе объ этомъ предметѣ. Ибо нѣкоторые думали, что они пострадали весьма справедливо, какъ грѣшники, такъ какъ они были виновниками возмущенія и возбудили въ Пилатѣ ненависть къ іудеямъ, Ибо ихъ сопротивленіе называть кесаря господомъ было простираемо на весь народъ іудейскій. Спаситель не отрицаетъ того, что они грѣшны, но не говоритъ и того, что они пострадали такъ потому, что грѣшнѣе прочихъ непострадавшихъ. Но если и вы не покаетесь, если не перестанете возмущать и возжигать внутреннія междоусобія, и не поспѣшите умилостивить Бога дѣлами, то подвергнетесь еще худшей участи. Ибо не слѣдуетъ подъ предлогомъ благочестія снискивать себѣ славу, и между тѣмъ возбуждать внутренніе мятежи.—Башня, упадшая въ Силоамѣ, была предъуказаніемъ на то, что имѣло въ послѣдствіи случиться съ этимъ народомъ. Примѣромъ немногихъ, тогда по-

гибшихъ, она вразумляла многихъ, что и они потерпятъ большое зло. Ибо башня служила предъизображеніемъ цѣлаго города, а тѣ (погибшіе) восемнадцать человѣкъ—цѣлаго народа. Дѣйствительно, когда городъ палъ отъ Тита, тогда вмѣстѣ съ нимъ погибъ и весь народъ, упорный въ невѣріи. Это должно быть для насъ урокомъ при всѣхъ ежедневныхъ случаяхъ. Если нѣкоторые падаютъ, тогда какъ мы остаемся безъ искушеній: то сіе не должно служить для насъ поводомъ къ совершенной беззаботливости, будто бы мы остаемся безъ искушеній потому, что праведны, а напротивъ мы должны болѣе вразумляться, что за тѣмъ они наказываются, дабы мы улучшились; если жъ мы не исправимся, то горе наше будетъ больше.

Глаголаше же сію притчу: смоковницу имяше нѣкій въ віноградѣ своемъ всаждену: и пріиде ищя плода на ней, и не обрѣте. Рече же къ вінареви: се третіе лѣто, отнелиже прихожду, ищя плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю: посѣцы ю убо, вскую и землю упражняетъ? Онъ же отвѣщавъ рече ему: Господи, остави ю и се лѣто, дондеже окопаю окрестъ ея, и осыплю гноемъ. И аще убо сотворитъ плодъ: аще ли же ни, во грядущее посѣчеши ю. Согласно съ ходомъ рѣчи приводитъ притчу сію. Предъ симъ Онъ сказалъ: если вы не покаетесь, то погибнете. Теперь, кстати присовокупляетъ притчу сію. Смоковница есть народъ іудейскій, производящій одни только горькіе листья, а плодовъ неприносящій. Стоялъ онъ въ виноградникѣ Божіемъ, то есть, въ церкви (τῇ πολιτεία) іудейской. Домувладыка—Христосъ приходилъ и искалъ (въ іуде-

яхъ) плода вѣры и добрыхъ дѣлъ, но не нашелъ. Приходилъ Онъ по три срока, разъ чрезъ Моисея, въ другой чрезъ пророковъ, а въ третій Самъ лично. Наконецъ, поелику, не смотря на все это, (іудеи) не покаялись, (Христосъ) отсѣкъ ихъ отъ любви Божіей. Ибо они уже не называются народомъ Господнимъ и людьми святыми, но вмѣсто ихъ введены язычники, могущіе приносить плодъ (Мѳ. 21, 43).—Подъ смоковницею можно разумѣть и все человѣчество; подъ домувладыкою—Бога и Отца; подъ виноградаремъ—Сына Божія, явившагося во плоти для того, чтобъ приложить попеченіе и очистить нашъ виноградникъ. Христосъ не позволяетъ срубить эту смоковницу, какъ безплодную, говоря (Отцу): оставь ее и на этотъ годъ. Если (люди) не улучшились чрезъ законъ и пророковъ, и не принесли плода покаянія; то Я еще напою ихъ Своимъ ученіемъ и страданіями, и—можетъ быть, они принесутъ плодъ благопокорности. Еслижь (смоковница) не принесетъ плода, то послѣ срубишь ее, отвергши ихъ отъ участи праведныхъ. По три раза Богъ искалъ плода въ родѣ нашемъ (человѣческомъ) и (трижды) онъ не далъ: въ первый разъ, когда мы преступили заповѣдь въ раю (Быт. гл. 3); въ другой, когда во время законодательства слили тельца (Исход. гл. 32) и славу Бога промѣняли на изображеніе вола, ядущаго траву (Псал. 105, 20); въ третій, когда испрашивали (на распятіе) Спасителя и Господа, говоря: нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря (Іоан, 19, 15).—И каждый изъ насъ въ частности есть смоковница, посаженная въ виноградникѣ Божіемъ, то есть, въ Церкви, или, просто сказать, въ

здѣшнемъ мірѣ. Богъ приходитъ искать плода, и если находитъ тебя безплоднымъ, повелѣваетъ тебя исторгнуть изъ здѣшней жизни. Но виноградарь можетъ пощадить. Кто же этотъ виноградарь? Или ангелъ хранитель каждаго, или и самъ человѣкъ. Ибо каждый самъ для себя есть виноградарь. Часто подвергшись смертной болѣзни или инымъ опасностямъ, мы говоримъ: Господи! оставь и на этотъ годъ, и мы покаемся. Ибо это означаетъ окопать и обложить навозомъ. Душа окапывается, когда она оттрясаетъ съ себя пыль житейскихъ заботъ и дѣлается легкою. Она облагается навозомъ, то есть, теплотою (θερμότης) жизни безславной и всѣми презираемой. Ибо когда кто для спасенія души оставляетъ славу и рѣшается на жизнь безславную, тогда это называется обложить душу навозомъ, чтобъ она принесла плодъ. Ежели принесемъ плодъ, (то хорошо); а если нѣтъ, то (Господь) не оставитъ уже насъ въ своемъ виноградникѣ, но исторгаетъ изъ здѣшняго міра, чтобъ мы не занимали напрасно мѣста. И кто видитъ грѣшника долго живущимъ, тотъ самъ портится и дѣлается хуже, и такимъ образомъ оказывается, что грѣшникъ самъ не приноситъ плода, да препятствуетъ другому, который могъ бы принести плодъ. Если же онъ будетъ исторгнутъ изъ здѣшней жизни, то видѣвшіе посѣченіе его, можетъ быть, придутъ въ чувство, перемѣнятся и плодъ принесутъ.— Говорится, что домохозяинъ приходилъ къ смоковницѣ *по три года*, можетъ быть, потому, что намъ даны три закона, чрезъ кои Господь къ намъ приходитъ, именно: естественный, Моусеевъ (ομικός) и духовный. Намъ

слѣдовало приносить плодъ и при руководствѣ естественнаго закона, ибо природа сама по себѣ научаетъ должному. Но поелику (Господь) нашелъ естественный законъ бездѣйственнымъ въ насъ, то въ помощь естественному Онъ далъ Моусеевъ законъ. Когда же и сей оказался безполезнымъ по нашему нерадѣнію, Онъ далъ законъ духовный. Итакъ чьей души не улучшатъ эти три закона, кто не можетъ улучшиться не смотря на долголѣтіе и человѣколюбіе, тотъ уже не оставляется на дальнѣйшее время, поелику Богъ не можетъ обманываться отсрочками.—Разумѣй, пожалуй, подъ тремя годами и три состоянія возрастовъ: отрочество или юность, которая считается до восьмнадцати лѣтъ, мужество, и состояніе тѣхъ, кои начинаютъ уже сѣдѣть. Посему если мы и на старости, въ этотъ третій годъ, не принесемъ плодовъ, и если намъ еще попущено будетъ жить, чтобъ обложить себя навозомъ, чрезъ восприятіе безславной жизни ради Христа, а мы и опять солжемъ: тогда Господь уже не пощадитъ насъ, но срубитъ, дабы мы не занимали землю напрасно и притомъ со вредомъ для другихъ. И это изъясненіе мнѣ кажется болѣе близкимъ къ предлежащей цѣли.

Бяше же уча * *на единомъ отъ сонмищъ въ суб-* Зач. 71.
боту: И се жена бѣ имущи духъ недуженъ лѣтъ осмьнадесятъ, и бѣ сляка, и не могущи восклонитися отнюдъ. Видѣвъ же ю Іисусъ, пригласи, и рече ей: жено, отпущена еси отъ недуга твоего. И возложи на ню руцѣ: и абіе простреся, и славяше Бога. Отвѣщавъ же

Во время оно, бѣ уча Іисусъ *

старѣйшина собору, негодуя, зане въ субботу исцѣли ю Іисусъ, глаголаше народу: шесть днїй есть, въ няже достоитъ дѣлати: въ тыя убо приходяще цѣлитеся, а не въ день субботный. Отвѣща (же) убо ему Господь, и рече: лицемѣре, кождо васъ въ субботу не отрѣшаетъ ли своего вола или осла отъ яслїй, и ведъ напаяетъ? Сїю же дщерь Авраамлю сущу, юже связа сатана се осмоенадесяте лѣто, не достояше ли разрѣшитися ей отъ юзы сея въ день субботный? И сїя ему глаголющу, стыдяхуся вси противлящїися ему: и вси людїе радовахуся о всѣхъ славныхъ бывающихъ отъ него. Недугъ этотъ съ упоминаемою женщиною случился по насилію діавольскому, какъ и Господь говоритъ: *юже связа сатана се осмоенадесяте лѣто* (ст. 16). Быть можетъ, сатана мучилъ ее потому, что она оставлена была Богомъ за какія нибудь преступленія. Ибо онъ, когда попущается ему свыше, отъ Бога, причиняетъ всевозможныя непріятности тѣламъ людей (Іов. 2, 6. 7). Онъ и въ началѣ былъ виновникомъ того, что мы лишились нетлѣнія, въ которомъ были созданы (Прем. Сол. 2, 23), и что мы соединены теперь съ тѣломъ болѣзненнымъ и способнымъ къ недугамъ. Ибо мы это разумѣемъ подъ кожанными ризами (Быт. 3, 21). Господь самымъ богоприличнымъ и полновластнымъ повелѣніемъ прогоняетъ болѣзнь этой женщины, и возлагаетъ на нее руки, дабы мы познали, что силу и дѣйствіе Слова носила эта святая плоть. Ибо она была собственная Его плоть, а не другаго кого, существующаго отдѣльно отъ Него и собственнолично, какъ представляется нечестивому Несторію. Такова благость Гос-

пода, и такъ Онъ помиловалъ созданіе Свое! А сатана, сначала связавшій женщину, въ досадѣ на ея освобожденіе, такъ какъ онъ еще болѣе зла желалъ причинить ей, связываетъ завистью начальника синагоги и его устами хулить чудо. Такъ онъ вездѣ противится добру! Сей негодуетъ на то, что исцѣленіе совершено въ субботу, но Господъ обличаетъ его прекраснымъ примѣромъ неразумныхъ животныхъ. Почему нетолько онъ, но и всѣ прочіе, противившіеся Іисусу, стыдились при такихъ словахъ Его. Ибо очень неразумно было возбранять исцѣленіе человѣка въ субботу потому, что будтобы въ субботу предписано хранить бездѣйствіе. Итакъ противившіеся Іисусу стыдились этихъ словъ Его, а народъ радовался о дѣлахъ Его. Тогда какъ тѣ не радовались о дѣлахъ, но растаевали завистью при чудесахъ Христовыхъ, народъ, получая пользу отъ знаменій, пользуясь исцѣленіями, радовался.—Понимай, пожалуй, чудеса эти и относительно внутренняго человѣка. Ибо душа бываетъ скорчена, когда она склоняется къ заботамъ только о житейскомъ и не помышляетъ ни о чемъ небесномъ или божественномъ. Почему и говорится, что она болитъ восемнадцать лѣтъ. Ибо кто погрѣшаетъ въ соблюденіи заповѣдей закона Божія, которыхъ *десять*, и слабъ въ упованіи на *восьмый* вѣкъ, о томъ говорится, что онъ скорченъ восемнадцать лѣтъ. Ужели не скорченъ тотъ, кто, будучи привязанъ къ землѣ и постоянно согрѣшая, нарушаетъ заповѣди и не принимаетъ будущаго вѣка? Но Господь исцѣляетъ такую душу въ субботу и въ синагогѣ. Ибо когда кто соберетъ въ себѣ помыслы исповѣданія (ибо

Іуда означаетъ исповѣданіе) и будетъ хранить *субботу*, то есть, бѣздѣйствіе во злѣ, тогда Іисусъ исцѣляетъ его, не словомъ только, говоря ему: освобожденъ ты отъ недуга своего, но и возложеніемъ рукъ, а не довольствоваться тою мыслію, что мы получимъ исцѣленіе чрезъ одно только слово и оглашеніе.

Зач. 72. *Глаголаше же:* кому подобно есть царствіе Божіе? и кому уподоблю е? Подобно есть зерну горушну, еже пріемъ человѣкъ вверже въ вертоградъ свой: и возрасте, и бысть древо веліе, и птицы небесныя вселишася въ вѣтвіе его. Паки рече: кому уподоблю царствіе Божіе? Подобно есть квасу, егоже пріемши жена скры въ сатѣхъ тріехъ муки, дондеже вскисе все. И прохождаше сквозѣ грады и веси, уча, и шествіе творя во Іерусалимъ.* Зерну горчичному уподобляется царствіе Божіе. А царствіе Божіе есть ученіе и проповѣдь: ибо чрезъ проповѣдь воцарилось оно въ душахъ человѣческихъ. Какъ горчица на видъ мала, а силы имѣетъ много, такъ и ученіе евангельское многіе презираютъ и считаютъ глупостію, но если человѣкъ приметъ оное и посадитъ въ саду своемъ, то есть, въ своей душѣ, то оно дастъ большое и вѣтвистое дерево, и птицы небесныя, то есть, люди, желающіе парить къ горнему, укрываются въ вѣтвяхъ его. Ибо возвышающіеся надъ земнымъ успокоиваются въ вѣтвяхъ проповѣди, то есть, въ пространныхъ помыслахъ. Напримѣръ, Павелъ принялъ зерно, небольшое оглашеніе отъ Ана-

---

*Рече Господь притчу сію:**

ніи, но, посадивъ это зерно въ удобренномъ своемъ саду, произвелъ вѣтви, то есть, обильное и доброе ученіе (Дѣян. 9, 17—22) и посланія, въ коихъ укрывались высокіе по уму и мудрости не въ тогдашнее только время, каковы—коринѳяне, Діонисей, Іероѳей и очень многіе другіе, но и жившіе во всѣ времена.—Подъ зерномъ горчичнымъ можно разумѣть и самого Господа. Повидимому Онъ, какъ сынъ плотника и весьма бѣдный, былъ не великъ. Но когда Онъ упалъ въ сердце земли, чрезъ смерть и погребеніе во гробѣ (Іоан. 12, 24), тогда Онъ произрастилъ прекрасныя вѣтви — апостоловъ, подъ коими успокоиваются всѣ тѣ, кои прежде колебались всякимъ вѣтромъ заблужденія, напримѣръ, язычники, подобные птицамъ по причинѣ удобопреклонности ихъ ума въ какую ни есть сторону, способности къ обольщенію и по причинѣ большаго легкомыслія. Ибо всѣ таковые заблуждающіеся подобны птицамъ небеснымъ, то есть, воздушнымъ. — Божественное ученіе подобно еще закваскѣ, которую, взявши женщина, то есть, человѣческая природа, положила въ три мѣры муки, то есть, въ тѣло, душу и духъ, такъ что все освятилось, какъ говоритъ блаженный Павелъ (1 Тим. 4, 5), и стало однимъ тѣстомъ чрезъ общеніе съ Духомъ Святымъ.—Подъ женщиною можешь разумѣть душу, подъ тремя мѣрами—три ея силы, разумъ, сердце и волю. Кто въ эти три силы сокрыетъ слово Божіе, тотъ сдѣлаетъ оныя совершенно духовными, такъ что ни разумъ не будетъ сомнѣваться въ ученіи, ни сердце и воля не будетъ стремиться къ неразумному, но вскиснутъ и уподобятся слову Божію.—Іисусъ прохо-

дилъ съ ученіемъ по городамъ и селеніямъ. Не ходилъ Онъ по однимъ малымъ селеніямъ, съ нерадѣніемъ о городахъ, какъ дѣлаютъ желающіе обольщать простѣйшихъ, ни ходилъ по однимъ городамъ, съ нерадѣніемъ о малыхъ селеніяхъ, какъ поступаютъ желающіе показать себя и достигнуть славы, но обходилъ повсюду, какъ общій Владыка, или лучше, какъ Отецъ промышляющій обо всѣхъ. Не ходилъ ли Онъ по однимъ внѣшнимъ городамъ, гдѣ было не столько искусныхъ въ законѣ, а Іерусалима избѣгалъ, какъ бы опасаясь обличеній со стороны законниковъ или страшась смерти отъ нихъ? Нельзя сего сказать. *И шествіе*, сказано, *творя въ Іерусалимъ*. Ибо гдѣ болѣе больныхъ, тамъ болѣе долженъ находиться и врачъ (Мѳ. 9, 12).

Рече же нѣкій ему: Господи, аще мало есть спасающихся? онъ же рече къ нимъ: Подвизайтеся внити сквозѣ тѣсная врата: яко мнози, глаголю вамъ, взыщутъ внити, и не возмогутъ. Отнелѣже востанетъ дому владыка, и затворитъ двери: и начнете внѣ стояти и ударяти въ двери, глаголюще: Господи Господи, отверзи намъ: и отвѣщавъ речетъ вамъ: не вѣмъ васъ, откуду есте. Тогда начнете глаголати: ядохомъ предъ тобою и пихомъ, и на распутіихъ нашихъ училъ еси. И речетъ: глаголю вамъ: не вѣмъ васъ откуду есте: отступите отъ мене вси дѣлателіе неправды. Ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ, егда узрите Авраама и Ісаака и Іакова и вся пророки во царствіи Божіи, васъ же изгонимыхъ вонъ. И пріидутъ отъ востокъ и западъ и сѣвера и юга, и возлягутъ во царствіи Божіи. И се суть послѣдніи, иже будутъ перви, и суть первіи, иже

будутъ послѣдни. Спасающихся мало, потому что узкія врата не могутъ вмѣстить многихъ. Хозяинъ дома есть Господь. Онъ всѣхъ людей созываетъ къ насыщенію и наслажденію неистощимыми благами. Тѣ, кои рачительны, стараются войти прежде часа самаго обѣда. А для лѣнивыхъ и приходящихъ послѣ часа обѣда двери затворяются. Часъ же обѣда (τȣ ἀρίστȣ) что иное, какъ не жизнь настоящая? Она есть по-истинѣ время самое отличное (ἄριστον) для приготовленія къ духовному насыщенію. Когда хозяинъ дома *востанетъ,* то есть, воскреснетъ на судъ, и *затворитъ двери,* то есть, путь добродѣтели, по которому нельзя идти по отходѣ изъ здѣшней жизни (ибо путемъ добродѣтели мы можемъ ходить только въ здѣшней жизни), то хотя жившіе здѣсь нерадиво станутъ стучаться въ двери, ибо тогда только съ безполезнымъ покаяніемъ поищутъ они пути добродѣтели, призывая оную голыми словами, безъ дѣлъ, какъ бы какими ударами и стукомъ: но хозяинъ дома, по праву заперши двери, приметъ видъ, что и не знаетъ, откуда они. Справедливо такъ поступитъ Онъ. Потому что они отъ діавола, а Господь знаетъ сущыя Своя (2 Тим. 2, 19).—*Ядохомъ и пихомъ предъ тобою, и на распутіихъ нашихъ училъ еси.* Это вообще говорится къ исраильтянамъ. Ибо Христосъ отъ нихъ по плоти (Рим. 9, 5), и съ ними ѣлъ и пилъ.—Впрочемъ слова: *мы ѣли и пили предъ Тобою* можно разумѣть и въ высшемъ смыслѣ. Совершая законное богослуженіе и принося Богу кровавыя жертвы, (исраильтяне) ѣли и веселились: слушали они въ синагогахъ и чтеніе книгъ божественныхъ. И чрезъ пророковъ, безъ

сомнѣнія, Господь же училъ. Ибо пророки не свое ученіе предлагали, но возвѣщали слово Божіе, почему и говорили они: *сія глаголетъ Господь* (Иса. 56, 1. Iерем. 2, 1. 5. Iезек. 3, 27). Итакъ іудеямъ, если они не принимали вѣры, оправдывающей нечистиваго (Римл. 4, 5), кроваваго богослуженія недостаточно было для оправданія. А по моему мнѣнію, это можетъ относиться и къ христіанамъ (по имени), но нерадивымъ къ жизни. И мы не ядимъ ли божественное Тѣло? И не пьемъ ли кровь Божію предъ Нимъ, ежедневно приступая къ божественной трапезѣ? И не учитъ ли Господь на улицахъ—въ душахъ нашихъ? Но (намъ не будетъ) никакой пользы, если мы будемъ (только) слушателями божественнаго закона, а не исполнителями (Рим. 2, 13). Напротивъ, слушаніе послужитъ для насъ причиною большихъ мукъ, подобно какъ и причастіе божественныхъ таинъ (ἁγιασμάτων) поставится въ осужденіе, Примѣчай же, что отвержены тѣ на улицахъ (ταῖς πλατείαις), коихъ учитъ Господь. Но если будемъ имѣть Его учителемъ не въ широкихъ (πλατείαις), но въ тѣсныхъ, сокрушенныхъ и истерзанныхъ скорбію сердцахъ, то не будемъ отвержены. — *Ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ, егда узрите Авраама и Iсаака и Iакова.* Слова сіи приличны какъ іудеямъ, къ которымъ Господь говорилъ оныя, такъ и невѣрующимъ послѣднихъ временъ. Ибо іудеямъ особенно непріятно было слышать, что иные, изъ язычниковъ, будутъ покоиться съ Авраамомъ и (другими) предками (ихъ), а они будутъ изгнаны вонъ. Идутъ слова сіи и къ намъ, когда мы дѣлаемъ несообразное съ вѣрою. Ибо и мы хвалимся

закономъ Христовымъ, но потомъ попираемъ его, когда преступаемъ оный, а потому хотя мы кажемся *первыми,* какъ принявшіе Христа и Его ученіе, съ самыхъ пеленокъ, но будемъ *послѣдними,* потому что язычники, увѣровавшіе при концѣ своей жизни и богоугодно пожившіе въ остальное время, будутъ поставлены выше.

Въ той день приступиша нѣцыи отъ фарісей глаголюще ему: изыди и иди отсюду, яко Иродъ хощетъ тя убити. И рече имъ: шедше рцыте лису тому: се изгоню бѣсы, и исцѣленія творю днесь и утрѣ, и въ третій скончаюся.—Обаче подобаетъ ми днесь и утрѣ и въ ближній ити: яко невозможно есть пророку погибнути кромѣ Іерусалима.* Проклятые фарисеи, снѣдаемые завистію, пытаются устрашить Господа и угрожаютъ ему Иродомъ. Они не желали видѣть Его творящимъ чудеса, дабы Онъ множествомъ знаменій не привлекъ къ себѣ народъ и силою ученія не обратилъ его къ Себѣ (Іоан. 11, 47. 48). Они выставляютъ въ предлогъ Ирода, и принимаютъ видъ заботливости о Спасителѣ. Но Онъ, зная сердца ихъ, по обычаю Своему, отвѣчаетъ имъ кротко и прикровенно, и говоритъ: *скажите сей лисицѣ.* Повидимому, Онъ называетъ лисицею Ирода, но, если тщательнѣе вникнуть, то, кажется, скорѣе Онъ называетъ такъ фарисеевъ. Ибо Онъ не сказалъ: лисицѣ *той* (ἐκείνῃ), но *сей* (ταύτῃ), употребляя нѣкоторое среднее выраженіе, и съ особен-

---

* *Во время оно, приступиша ко Іисусу*

Лук.

ною мыслію. Сказавъ въ единственномъ числѣ *лисицѣ*, далъ имъ разумѣть Ирода, а сказавъ указательно *сей*, намекнулъ на коварство ихъ самихъ. Ибо фарисеи поистинѣ выказывали (въ своихъ нравахъ) хитрость и безпечность лисицы.—Смотри, пожалуй, какъ Онъ отвѣчаетъ на ихъ злобу. Поелику они наводили на Него страхъ со стороны Ирода по зависти своей къ совершаемыхъ отъ Него исцѣленіямъ; то Онъ, зная, что̀ приводило ихъ въ печаль, говоритъ слѣдующее: се, Я совершаю исцѣленія и изгоняю бѣсовъ. Ибо, какъ прежде было сказано, изъ-за того преслѣдовали Его, чтобы Онъ, пользуясь обнаруженіемъ чудесъ, не уловилъ многихъ въ вѣру въ Себя. Слова *днесь* и *утрѣ* означаютъ большое число дней. Какъ мы въ обычной бесѣдѣ обыкновенно говоримъ: сегодня и завтра будетъ то-то, однакожъ вовсе не ограничиваемъ сего дѣла такимъ разстояніемъ, а выражаемъ только, что оно будетъ скоро: такъ и Христосъ словами: сегодня и завтра совершаю исцѣленія, и въ третій день кончу, совсѣмъ не то выразилъ, будто въ третій день Онъ непремѣнно скончается, а то выражаетъ, что смерть Его будетъ скоро. Впрочемъ мнѣ должно сегодня и завтра, то есть, нѣкоторое время пробыть здѣсь и совершать чудеса, а въ послѣдующій день пойти въ Іерусалимъ, ибо Я опредѣлилъ Себѣ тамъ пострадать. Поелику они (фарисеи) говорили Ему: выди, ибо Иродъ хочетъ убить Тебя, и говорили это въ Галилеѣ, которою управлялъ Иродъ; то Онъ объявляетъ имъ, что и при сильномъ желаніи Ирода нельзя ему убить Его, ибо Ему опредѣлено пострадать не въ Галилеѣ, но въ Іерусалимѣ. Чтобы мнѣ

яснѣе представить тебѣ изреченіе евангелія, скажу: ты не такъ понимай, что сегодня и завтра должно Мнѣ идти, но на словахъ *сегодня* и *завтра* остановись, а потомъ читай: и въ послѣдующій день идти. При отчисленіи времени мы часто имѣемъ обычай говорить: въ воскресенье, на другой день и на третій я выйду, не потому, что я намѣренъ выйти въ воскресенье и на другой день, но потому, чтобы, отчисляя только два сіи дни, указать на третій. Подобно и Господь здѣсь, какъ-бы отсчитывая, говоритъ: должно Мнѣ сегодня и завтра, потомъ на третій день идти въ Іерусалимъ, ибо тамъ опредѣлена Мнѣ кончина. Поелику же мы выше сказали, что Господь говоритъ это не потому, чтобъ заключалъ жизнь Свою въ три дни, но обозначаетъ большее число дней, если не нѣкоторое неочень продолжительнне время: то Онъ завидующимъ Ему говоритъ какъ-бы такъ: что вы заботитесь о Моей смерти? вотъ, немного спустя, настанетъ она.—Когда слышишь, что пророку невозможно погибнуть кромѣ Іерусалима, то изъ этихъ словъ не заключай, что іудеямъ дѣлается какъ-бы насиліе и принужденіе къ совершенію сего, но такъ говорится сообразно съ ихъ смертоубійственнымъ намѣреніемъ. Какъ если-бы кто, при видѣ убійцы—разбойника въ засадѣ при дорогѣ, сказалъ, что невозможно быть чистою отъ кровей дорогѣ сей, при которой разбойникъ подсиживаетъ странниковъ, то сказалъ бы совершенно согласно съ дѣлами разбойника: такъ и въ томъ случаѣ, когда въ Іерусалимѣ засѣдали разбойники—фарисеи и книжники, невозможно было Владыкѣ пророковъ погибнуть въ иномъ мѣстѣ,

какъ не въ мѣстѣ сихъ разбойниковъ. Ибо они, привыкши проливать кровь рабовъ, убьютъ и Господа.

Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки, и каменіемъ побивая посланныя къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокошъ гнѣздо свое подъ крылѣ, и не восхотѣсте? Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ: глаголю же вамъ, яко не имате мене видѣти, дондеже пріидетъ, егда речете: благословенъ грядый во имя Господне. Повтореніемъ имени Господь показываетъ, какую Онъ сильную любовь имѣетъ къ нимъ. Ибо Онъ также воззываетъ прелюбодѣйную синагогу, какъ бы какой возлюбленный, презираемый своею возлюбленною. Объявляетъ Господь и о человѣколюбіи своемъ, говоря, что Онъ много разъ хотѣлъ собрать ихъ, обозначаетъ и безуміе ихъ, скававъ: и вы не захотѣли. Наконецъ Я оставлю васъ. Ибо Я столько возненавидѣлъ ваше лукавство, что и храмъ не называю Моимъ домомъ, но домомъ вашимъ. Ибо доколѣ между вами жила добродѣтель, тогда храмъ былъ Мой. А когда вы и его осквернили, сдѣлали его мѣстомъ торговли и пещерою разбойниковъ, занимаясь въ немъ многообразною торговлею и убивая другъ друга изъ любостяжанія (ибо это дѣло разбоя—подсиживать брата и отнимать его собственность: такъ дѣлаютъ разбойники; они нападаютъ на путника, и потомъ отнимаютъ, что у него есть);—итакъ, когда вы сдѣлали храмъ пещерою разбойниковъ чрезъ разныя торговыя сдѣлки, которыя вы производили въ немъ — домѣ молитвы: то онъ уже не Мой домъ, но вашъ.—Подъ *домомъ* можешь разумѣть нетолько храмъ, но и весь родъ іудейскій.

Ибо Писаніе иногда и родъ называетъ домомъ, напримѣръ: *доме Левіинъ благословите Господа* (Псал. 134, 20). Поелику и здѣсь можно разумѣть такъ: *домъ*, то есть, родъ вашъ оставляется Мною. Подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ чрезъ пророка: оставилъ Я домъ Мой, оставилъ наслѣдіе Мое. Здѣсь домомъ называются израильтяне, Господь показываетъ, что и прежде сего Онъ же хранилъ ихъ и избавлялъ отъ враговъ.—Слова: *не имате Мене видѣти, дондеже речете: благословенъ грядый во имя Господне,* указываютъ на второе пришествіе. Ибо тогда и противъ воли исповѣдаютъ Его Спасителемъ и Господомъ. Только не будетъ имъ никакой пользы. Чтожъ? Неужели они не видѣли Его съ того времени, какъ Онъ сказалъ это? Точно такъ. Когда Онъ говоритъ, что не увидите Меня отнынѣ, то не тотъ часъ обозначаетъ, но время послѣ креста. Онъ какъ бы такъ сказалъ: съ того времени, какъ вы распнете Меня, вы уже не увидите Меня, пока не приду во второй разъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О человѣкѣ, страждущемъ водяною болѣзнію.—О томъ, что ненужно (въ случаѣ приглашенія куда-либо) занимать первыя мѣста.—О томъ, что на вечерю звать лучше бѣдныхъ, чѣмъ друзей.—О званныхъ на вечерю.—Притча о построеніи башни.

*И бысть егда внити ему * въ домъ нѣкоего князя* Зач. 74.
фарисейска въ субботу хлѣбъ ясти, и тіи бяху на-

---

*Во время оно, вниде Іисусъ **

Лук.

зиряюще его. И се человѣкъ нѣкій, имый водный трудъ, бѣ предъ нимъ: И отвѣщавъ Іисусъ, рече къ законникомъ и фарисеомъ, глаголя: аще достоитъ въ субботу цѣлити? Они же умолчаша и пріемъ исцѣли его, и отпусти. И отвѣщавъ къ нимъ рече: котораго отъ васъ оселъ или волъ въ студенецъ впадетъ, и не абіе ли исторгнетъ его въ день субботный, И не возмогоша отвѣщати ему къ симъ.* Господь хотя зналъ развращеніе фарисеевъ, однакожъ входилъ въ домы ихъ; входилъ потому, что заботился о пользѣ ихъ душъ. Ибо они, еслибы желали, могли бы получить себѣ пользу то̀ отъ словъ Его и ученія, то̀ отъ проявленія знаменій. Посему, когда предсталъ на средину страждущій водяною болѣзнію, Господь смотрѣлъ не на то, чтобъ не соблазнить ихъ, но на то, чтобъ оказать благодѣяніе нуждающемуся въ исцѣленіи. Ибо тамъ, гдѣ предстоитъ очень много пользы, намъ не должно заботиться о тѣхъ, кои безумно соблазняются. (Господь) обличаетъ неразуміе тѣхъ, кои намѣревались упрекнуть Его; посему и спрашиваетъ, позволительно ли лечить въ субботу, или нѣтъ. Не явно ли Онъ позоритъ ихъ какъ безумныхъ? Ибо тогда, какъ самъ Богъ благословилъ субботу, они возбраняютъ дѣлать добро въ оную, и такимъ образомъ дѣлаютъ ее проклятою. Ибо не благословенъ тотъ день, въ который не совершаютъ никакого добраго дѣла. Но они, понявъ, къ чему клонится вопросъ, умолчали. Тогда Іисусъ творитъ свое дѣло, и чрезъ прикосновеніе

(¹) У бл. Θеоф. и въ текстѣ и ниже въ объясненіи вмѣсто ὄνος (оселъ) читается ὑιὸς (сынъ).

исцѣляетъ больнаго человѣка. Потомъ симъ поступкомъ пристыжаетъ и фарисеевъ, говоря имъ какъ бы такъ: если законъ воспретилъ миловать въ субботу, то неужели ты не попечешься о сынѣ, подвергшемся бѣдствію въ субботу? и что говорю о сынѣ? Неужели ты оставишь вола безъ помощи, если увидишь его въ бѣдѣ? Какъ же не безумно подстрегать за исцѣленіемъ въ субботу человѣка, страждущаго водянкою?—Водянкою страждетъ и всякій, кто отъ распутной и безпечной жизни страшно заболѣлъ душею и нуждается во Христѣ. Таковый будетъ исцѣленъ, если предстанетъ предъ Христа. Ибо кто постоянно содержитъ въ мысли, что онъ предъ Богомъ и Богъ видитъ его, тотъ будетъ грѣшить сколь можно менѣе.

Глаголаше же къ званнымъ притчу, обдержа, како предсѣданія избираху, глаголя къ нимъ: Егда званъ будеши кимъ на бракъ, не сяди на преднемъ мѣстѣ, еда кто честнѣе тебе будетъ званныхъ: И пришедъ иже тебе звавый и онаго, речетъ ти: даждь сему мѣсто: и тогда начнеши со студомъ послѣднее мѣсто держати. Но егда званъ будеши, шедъ сяди на послѣднемъ мѣстѣ: да егда пріидетъ звавый тя, речетъ ти: друже, посяди выше: тогда будетъ ти слава предъ званными съ тобою. Яко всякъ возносяйся, смирится: и смиряяйся, вознесется. Видишь ли, каковы вечери (ужины) Христовы, какъ онѣ обращаются на пользу душъ, а не на пресыщеніе чрева? Ибо, смотри, уврачевалъ Онъ страждущаго водянкою, научилъ фарисеевъ тому, что творить добро въ субботу есть благое дѣло. Потомъ, когда увидѣлъ, что они дѣлаютъ шумъ изъ-за си-

дѣнія въ переднихъ мѣстахъ, врачуетъ и эту страсть, происходящую не отъ малой причины, но отъ великой и неудобоизбѣжной, то есть, отъ тщеславія. И никто не считай ученіе о семъ маловажнымъ и недостойнымъ величія Божія. Ибо ты отнюдь не можешь назвать человѣколюбивымъ врачемъ того, кто лечить подагру и какую ни есть важную болѣзнь обѣщается, а ушиба пальца или зубной боли лечить не берется. Потомъ, какъ считать маловажною страсть тщеславія, когда она во всѣхъ отношеніяхъ безпокоитъ любящихъ садиться на переднихъ мѣстахъ? Итакъ нужно было Учителю, Начальнику и Совершителю смиренія, Христу, нужно было пересѣчь всякую вѣтвь этого злаго корня—тщеславія. Прими, пожалуй, во вниманіе и то. Если бы теперь не время стола было, и Господь заговорилъ бы о семъ, оставивъ рѣчь о прочемъ, то могли бы Его упрекнуть: а теперь, когда время было ужина и когда страсть къ первенству мучила несчастныхъ въ глазахъ Спасителя, Его увѣщаніе было весьма благовременно. Смотри съ другой стороны и на то, отъ какого посмѣянія освобождаетъ Онъ человѣка и какъ научаетъ его благоприличію. Ибо сколько стыда въ томъ случаѣ, если ты займешь мѣсто, тебѣ неприличное, а потомъ придетъ кто-нибудь почетнѣе тебя, и звавшій тебя скажетъ: уступи мѣсто ему! А это (можетъ случиться) часто. И ты самъ долженъ будешь уступить, а тѣ сядутъ выше. Напротивъ, сколько похвально то, когда достойный перваго мѣста въ началѣ сядетъ ниже другихъ, а потомъ окажется предсѣдательствующимъ, такъ что всѣ уступаютъ ему первенство. Ужели же тебѣ кажется ма-

ловажнымъ такое убѣжденіе Господа, которое предписываетъ высочайшую изъ добродѣтелей—смиреніе, поселяетъ оное въ душахъ слушателей и покорнаго ему приводитъ къ благоприличію? Тому же училъ въ послѣдствіи и ученикъ Христовъ Павелъ: *вся*, говоритъ, *благообразно и по чину да бываютъ* (1 Коринѳ. 14, 40). Какъ же это будетъ? *Никто же своихъ си да ищетъ, но и дружникъ кійждо* (Филип. 2. 4). Видишь ли, ученикъ проповѣдуетъ тоже, что и Учитель?—Какъ разумѣть слова: *всякъ возносяйся смирится?* Ибо многіе, сами себя возвышающіе въ жизни сей, наслаждаются честью. *Смирится* (будетъ униженъ) означаетъ то, что кто вь мірѣ семъ пользуется большою честію, тотъ жалокь и низокъ предъ Богомъ. Притомъ таковый бываетъ въ чести не до конца и не у всѣхъ, но сколько одни уважаютъ его, столькожъ другіе поносятъ, можетъ быть, и изъ тѣхъ самыхъ, кои уважаютъ. Итакъ это изреченіе истины справедливо. И всякій недостойный высокаго мѣста, но присвояющій оное себѣ, будетъ униженъ и предъ Богомъ, и во время послѣдняго суда, хотябы въ сей жизни былъ и выше всѣхъ.—По природѣ же всякій человѣкъ недостоинъ возвышенія. Посему пусть никто не возвышаетъ себя, дабы не быть униженнымъ до крайности.

Глаголаше же и ко звавшему его: егда сотвориши обѣдъ или вечерю, не зови друговъ твоихъ, ни бра-* Зач. 75.

---

*Во время оно, вниде Іисусъ въ домъ нѣкоего князя фарисейска въ день субботный снѣсти хлѣбъ, и глаголаше**

тіи твоея, ни сродникъ твоихъ, ни сосъдъ богатыхъ: еда когда и тіи тя такожде воззовутъ и будетъ ти воздаяніе. Но егда твориши пиръ, зови нищыя, маломощныя, хромыя, слъпыя. И блаженъ будеши: яко не имутъ ти что воздати: воздастъжетися въ воскрешеніе праведныхъ. Слышавъ же нъкій отъ возлежащихъ съ нимъ сія, рече ему: блаженъ, иже снъстъ обѣдъ въ царствіи Божіи. На ужинѣ было два разряда возлежащихъ, звавшіе и званные. Господь прежде обратился съ увѣщаніемъ къ званнымъ, научилъ ихъ спасительному смиренномудрію и предложилъ имъ пищу неизысканную, а потомъ воздаетъ почесть позвавшему Его и отплачиваетъ за угощеніе увѣщаніемъ, дабы онъ не дѣлалъ угощеній изъ-за какого-нибудь людскаго благоволенія и ожидалъ тотчасъ воздаянія. Ибо малодушные, приглашая друзей или родныхъ, дѣлаютъ это въ видахъ скорой благодарности, и если не получаютъ оной, то приходятъ въ досаду. А великодушные, терпя до будущей жизни, получаютъ вознагражденіе отъ того, кто по-истинѣ богатъ (Ефес. 2, 4, 7).—Господь говоря сіе, не отклоняетъ насъ не торговать дружелюбіемъ. А нѣкто, услышавъ сіе и подумавъ, что Богъ почтитъ и угоститъ праведниковъ чувственными яствами, сказалъ: *блаженъ, иже снъстъ обѣдъ во царствіи Божіи.* Вѣроятно, онъ не былъ духовенъ, чтобъ понять, то есть, водился человѣческими размышленіями. Ибо душевный человѣкъ таковъ, что ничему сверхъестественному не вѣритъ, ибо обо всемъ судитъ по законамъ природы. Бываютъ три состоянія (въ человѣкѣ): плотское, душевное и духовное. *Плотское*—когда кто же-

лаетъ наслаждаться удовольствіями и радоваться, хотя бы (это сопряжено было) съ причиненіемъ зла другимъ. Таковы всѣ любостяжательные. *Душевное* состояніе—когда кто не желаетъ ни вредить, ни вреда получить. Такова жизнь по закону природы. Ибо это внушаетъ намъ и сама природа. А *духовное* состояніе—когда кто ради добра согласенъ даже потерпѣть вредъ и оскорбленіе. Первое состояніе близко къ природѣ, среднее—сообразно съ природою, а третье—выше природы. Всякій, кто мыслитъ о человѣческомъ и не можетъ понять ничего сверхъестественнаго, называется душевнымъ (1 Кор. 2, 14), такъ какъ онъ водится душею и духомъ. Но когда кто водится духомъ и не живетъ уже самъ, но живетъ въ немъ Христосъ (Галат. 2, 20), тотъ духовенъ, тотъ возвысился надъ природою. Итакъ подумавшій, что воздаяніе святымъ будетъ чувственное, былъ душевенъ, такъ какъ не могъ понять ничего сверхъестественнаго.

Онъ же рече ему: * *человѣкъ нѣкій сотвори вечерю* Зач. 76.
велію, и зва многи: И посла раба своего въ годъ вечери, рещи званнымъ: грядите, яко уже готова суть вся. И начаша вкупѣ отрицатися вси. Первый рече ему: село купихъ, и имамъ нужду изыти, и видѣти е: молютися, имѣй мя отречена. И другій рече: супругъ воловъ купихъ пять, и гряду искусити ихъ: молю тя, имѣй мя отречена. И другій рече: жену пояхъ, и сего ради не могу пріити. Такъ какъ возлежавшій съ Господомъ

Рече Господь притчу сію *

сказалъ: *блаженъ, иже снѣстъ обѣдъ во царствіи Божіи*, то Господь довольно пространно научаетъ его, какъ мы должны разумѣть угощеніе Божіе, и произноситъ настоящую притчу, называя человѣкомъ Своего человѣколюбиваго Отца. Ибо въ Писаніи, когда дѣлается намекъ на силу Божію наказующую, Богъ именуется пантерою, барсомъ и медвѣдицею (Осіи 13, 7, 8); а когда имѣется въ виду обозначить какое-либо дѣйствіе человѣколюбія Его, тогда Богъ представляется въ лицѣ человѣка (Лук. 15, 11—24), подобно какъ и въ настоящемъ мѣстѣ.—Поелику притча говоритъ о человѣколюбивѣйшемъ досмотроительствѣ, которое Богъ совершилъ въ насъ, сдѣлавъ насъ причастниками плоти Сына Своего, то и названъ Онъ человѣкомъ. Это домостроительство названо *великою вечерію*; *вечерію* названо потому, что Госгодь пришелъ въ послѣднія времена и какъ-бы при *вечерѣ* вѣка, а *великою* вечерію потому, что тайна спасенія нашего безпрекословно велика (1 Тим. 4, 16)—*И посла раба своего въ годъ вечери.* Кто этотъ рабъ? Сынъ Божій, который, принялъ образъ раба, содѣлавшись человѣкомъ (Филип. 2, 7), и о которомъ, какъ человѣкѣ, говорится, что Онъ посланъ. Обрати вниманіе на то, что не просто сказано *раба* (δȣ̃λον), но съ членомъ (τὸν δȣ̃λον): *того* раба, который, то есть, въ собственномъ смыслѣ благоугодилъ Богу по человѣчеству и хорошо послужилъ. Ибо нетолько какъ о Сынѣ и Богѣ, благоудномъ Отцу, но и какъ о человѣкѣ, который одинъ только самъ безгрѣшно покорился всѣмъ опредѣленіямъ и заповѣдямъ Отца и исполнилъ всякую правду (Матѳ. 3, 15), гово-

рится о Немъ, что онъ послужилъ Богу и Отцу. Почему рабомъ Божіимъ въ собственномъ смыслѣ Онъ только одинъ и можетъ быть названъ. Посланъ Онъ *въ годъ вечери*, то есть, въ опредѣленное и благоприличное время. Ибо для спасенія нашего не другое какое время было благоприличнѣйшимъ, какъ время царствованія Августа кесаря, когда злоба взошла на самый верхъ и ей нужно было пасть. Какъ врачи оставляютъ гнойную и дурную болѣзнь дотолѣ, пока она выточитъ всю дурную влагу, а потомъ уже прикладываютъ и лекарства: такъ нужно было, чтобъ и грѣхъ обнаружилъ всѣ свойственные ему виды, а потомъ чтобъ великій Врачъ приложилъ лекарство. Посему то Господь допустилъ діаволу исполнить мѣру злобы, и потомъ, воплотившись, уврачевалъ всякій видъ злобы совершенно святою Своею жизнію. Онъ послалъ *въ годъ* (ὥρα), то есть, въ настоящее и приличное время, какъ и Давидъ говоритъ: препояши мечь твой по бедрѣ твоей красотою твоею (τῇ ὡραιότητι) (Псал. 44, 4). Мечь, безъ сомнѣнія, есть Слово Божіе. Бедромъ означается рожденіе во плоти, которое совершилосъ при зрѣлости плода (τῇ ὡραιότητι), то есть, въ надлежащее время.— Посланъ былъ *рещи званнымъ*. Кто сіи званные? Можетъ быть, и всѣ люди, такъ какъ Богъ всѣхъ призывалъ къ познанію Себя, то чрезъ благоустройство видимыхъ вещей, то чрезъ законъ естественный, а можетъ быть по преимуществу израильтяне, которые были призваны чрезъ законъ и пророковъ. Къ нимъ, къ овцамъ дома Израилева, по преимуществу посланъ былъ Господь (Матѳ. 15, 24).—Онъ говоритъ: *грядите, яко*

уже готова суть вся. Ибо Господь всѣмъ благовѣствовалъ: близко царствіе небесное (Матѳ. 4, 17), и оно внутрь васъ (Лук. 17, 21). А они *начаша вкупѣ отрицатися,* то есть, какъ бы сговорясь за одно. Ибо всѣ начальники іудейскіе отказались имѣть Іисуса царемъ, и потому не удостоились (вкусить) вечери, кто по любви къ богатству, кто по любви къ удовольствіямъ. Ибо подъ тѣми, изъ которыхъ одинъ купилъ землю, а другой—пять паръ воловъ, можно разумѣть пристрастныхъ къ богатству, а подъ женившимся—сластолюбца. Если хочешь, пожалуй, разумѣй подъ купившимъ землю — того, кто по мудрости мірской не принимаетъ таинства (спасенія). Ибо поле есть міръ сей и вообще природа, а кто смотритъ (только) на природу, тотъ не принимаетъ сверхъестественнаго. Итакъ фарисей, быть можетъ, заглядѣвшись на землю, то есть, наблюдая только законы природы, не принялъ того, что Дѣва родила Бога, такъ какъ это выше природы. Да и всѣ, хвалящіеся внѣшнею мудростію, изъ-за сей земли, то есть, изъ привязанности къ природѣ, не признали Іисуса, обновившаго природу. Подъ купившимъ пять паръ воловъ и испытывающимъ ихъ можно разумѣть и человѣка, привязаннаго къ веществу, который пять чувствъ духовныхъ совокупилъ съ тѣлесными, и душу сдѣлалъ плотію. Посему, какъ занятый земнымъ, онъ не хочетъ участвовать въ духовной вечери. Ибо и премудрый говоритъ: *чѣмъ умудрится держай орало?* (Іис. Сирах, 38, 25). А подъ отпадающимъ изъ-за жены можно разумѣть пристрастнаго къ удовольствіямъ, который, приставъ къ плоти, союзницѣ души, и будучи

съ нею одно, какъ совокупившійся съ нею, не можетъ угодить Богу. Можешь все это разумѣть и буквально: ибо мы отпадаемъ отъ Бога какъ изъ-за паръ воловъ, и изъ-за женитьбы, когда привязываемся къ нимъ, на нихъ истрачиваемъ всю жизнь, изъ-за нихъ трудимся даже до крови, а божественнаго ничего, ни мысли, ни изреченія, не помыслимъ, ни изслѣдуемъ.

И пришедъ рабъ той повѣда господину своему сія. Тогда разгнѣвався дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутія и стогны града, и нищыя и бѣдныя и слѣпыя и хромыя введи сѣмо. И рече рабъ: господи, бысть, якоже повелѣлъ еси, и еще мѣсто есть. И рече господинъ къ рабу: изыди на пути и халуги, и убѣди внити, да наполнится домъ мой. Глаголю бо вамъ, яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери: мнози бо суть звани, мало же избранныхъ. Начальники іудейскіе были отвергнуты, и никто изъ нихъ не увѣровалъ во Христа, какъ и сами они хвалились (своею) злобою. *Еда*, говорили они, *кто отъ князь вѣрова въ Онь* (Іоан. 7, 48)? Итакъ сіи законники и книжники, какъ сказалъ пророкъ (Іерем. 8, 8. 9), объюродѣвше отпадоша благодати, а простодушные изъ іудеевъ, которые уподобляются хромымъ и слѣпымъ и увѣчнымъ, *буяя міра и уничиженная* (1 Коринѳ. 1, 27. 28), были призваны. Ибо народъ дивился словамъ благодати, исходившимъ изъ устъ Іисусовыхъ (Лук. 4, 22), и радовался о ученіи Его. Но послѣ того, какъ вошли исраильтяне, то есть, избранные (ἐκλογή) изъ нихъ, которыхъ Богъ предназначилъ къ славѣ Своей (Римл. 8, 29. 30), каковы были: Петръ, сыны Зеведеовы и про-

чее множество увѣровавшихъ,—послѣ того благодать Божія излилась и на язычниковъ. Ибо въ находящихся на *путяхъ* и *халугахъ* можно разумѣть язычниковъ. Исраильтяне были внутри города, такъ какъ они приняли законоположеніе и наслѣдовали городской образъ жизни. А язычники, будучи чужды завѣтовъ и отчуждены законоположенія Христова и не будучи согражданами святыхъ (Колос. 1, 21. 12. Ефес. 2, 12. 3), проводили жизнь не на одной дорогѣ, но на многихъ *путяхъ* беззаконія и невѣжества, и въ *изгородяхъ*, то есть, въ грѣхахъ; ибо грѣхъ есть большая изгородь и средостѣніе, отдѣляющее насъ отъ Бога (Иса. 59, 2). Словомъ *на пути* намекается на скотоподобную и раздѣленную на многія мнѣнія жизнь язычниковъ, а словомъ *на халуги* указывается на жизнь ихъ во грѣхахъ.—Не просто повелѣваетъ позвать сихъ (находящихся по дорогамъ и по изгородямъ), но понудить (ἀνάγκασον), хотя вѣра есть дѣло произвола каждаго. Для того сказалъ онъ: понуди (ἀνάγκασον), дабы мы познали, что увѣрованіе язычниковъ, находявшихся въ глубокомъ невѣдѣніи, есть знаменіе великой силы Божіей. Ибо еслибы немного было силы у Проповѣдуемаго и невелика была истина ученія, то какъ люди служащіе идоламъ и совершающіе постыдныя дѣла могли бы убѣдиться вдругъ познать истиннаго Бога и совершать духовную жизнь? Желая указать на чудность сего обращенія, и назвалъ оное понужденіемъ. Какъ бы кто сказалъ: язычники и не желали оставить идоловъ и чувственныхъ наслажденій, однакожъ истиною проповѣди принуждены были оставить ихъ. Или иначе:

сила знаменій составляла великое побужденіе обратиться къ вѣрѣ во Христа.—Вечеря сія приготовляется ежедневно, и всѣ мы призываемся въ царство, которое Богъ уготовалъ людямъ еще прежде созданія міра (Мѳ. 25, 34). Но мы не удостоиваемся онаго, одни по любопытству мудрости, другіе по любви къ вещественному, иные по любви къ плоти. А человѣколюбіе Божіе даруетъ сіе царство другимъ грѣшникамъ, которые слѣпы разумными очами, не понимаютъ, что есть воля Божія, или и понимаютъ, но хромы и неподвижны къ исполненію оной, и нищи, какъ лишившіеся небесной славы, и увѣчные, какъ необнаруживающіе въ себѣ непорочной жизни. Къ симъ-то грѣшникамъ, блуждающимъ по широкимъ и пространнымъ путямъ грѣха, Отецъ (небесный) посылаетъ съ приглашеніемъ на вечерю Сына Своего, Который сталъ рабомъ по плоти, пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ (Матѳ. 9, 13), и обильно угощаетъ ихъ вмѣсто тѣхъ, разумныхъ и богатыхъ и угождающихъ плоти. На многихъ Онъ посылаетъ болѣзни и бѣдствія, и чрезъ то невольно заставляетъ отказаться отъ такой жизни, по судьбамъ, по какимъ Самъ знаетъ, и приводитъ ихъ на Свою вечерю, обращая въ побужденіе для нихъ наведеніе бѣдствій. Примѣровъ сему много.—Въ болѣе простомъ смыслѣ, притча научаетъ насъ—подавать лучше нищимъ и увѣчнымъ, чѣмъ богатымъ. Къ чему Господь убѣждалъ нѣсколько выше, къ тому самому, кажется, сказалъ и притчу сію, увѣряя оною еще болѣе, что угощать должно нищихъ. Научаемся (сею притчею) еще и другому, именно, что мы должны быть такъ усердны

и щедры на принятіе братьевъ (меньшихъ), что должны убѣждать ихъ къ участію въ нашихъ благахъ и тогда, когда они не желаютъ. Въ этомъ и для учителей сильное внушеніе, чтобъ они наставляли учениковъ своихъ должному и тогда, когда сіи не желаютъ.

Зач. 77. *Идяху же съ нимъ* народи мнози и обращся рече къ нимъ: Аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ. И иже не носитъ креста своего, и въ слѣдъ мене грядетъ, не можетъ мой быти ученикъ.* Поелику изъ ходящихъ за Іисусомъ многіе слѣдовали не со всѣмъ усердіемъ и самоотверженіемъ, но имѣли очень холодное расположеніе: то Онъ, научая, каковъ долженъ быть ученикъ Его, высказываетъ Свои мысли о семъ, и какъ бы изображаетъ и живописуетъ его, утверждая, что онъ долженъ ненавидѣть нетолько близкихъ ему со-внѣ, но и душу свою. Смотри же, въ простотѣ своей и неопытности не соблазнись симъ изреченіемъ. Ибо Человѣколюбецъ не безчеловѣчію учитъ, ни самоубійство внушаетъ, но хочетъ, чтобъ искренній Его ученикъ ненавидѣлъ своихъ родныхъ тогда, когда они препятствуютъ ему въ дѣлѣ богопочтенія и когда онъ при отношеніяхъ къ нимъ находитъ затрудненія въ совершеніи добра. Напротивъ, когда они не препятствуютъ сему, Онъ учитъ даже почитать ихъ до послѣдняго издыханія. И какъ учитъ? Самымъ лучшимъ

---

* *Во время оно, идяху со Іисусомъ*

ученіемъ, то есть, собственными дѣлами. Ибо Онъ повиновался Іосифу (Лук. 2, 51), не смотря на то, что сей не былъ отцемъ Его въ собственномъ смыслѣ, но мнимымъ. И о Матери Своей Онъ всегда имѣлъ большое попеченіе, такъ что и вися на крестѣ Онъ не забылъ Ее, но поручилъ возлюбленному ученику Своему (Іоан. 19, 26. 27). Какъ же Онъ, одному уча на дѣлѣ, иное будетъ внушать на словахъ? Нѣтъ, какъ я сказалъ, Онъ заповѣдуетъ намъ ненавидѣть родителей тогда, когда они угрожаютъ опасностію богопочтенію. Ибо тогда они уже не родители, ни родные, когда противодѣйствуютъ намъ въ столь полезномъ дѣлѣ. Утверждаемое нами видно и изъ того, что заповѣдуется ненавидѣть душу свою. Ибо сею заповѣдію, безъ сомнѣнія, повелѣвается не убивать себя, но оставлять душевныя пожеланія, отлучающія насъ отъ Бога, и не заботиться о душѣ (жизни), если предстоять будетъ мученіе, лишь бы предлежало вѣчное пріобрѣтеніе. А что Господь сему научаетъ, а не самоубійству, это Самъ же Онъ показываетъ, во-первыхъ тѣмъ, что, когда діаволъ, искушая Его, предлагалъ Ему броситься внизъ съ кровли церковной, Онъ отвергъ искушеніе (Матѳ. 4, 5—7), и, во—вторыхъ, тѣмъ, что Онъ не предавалъ Себя іудеямъ (каждый разъ), но удалялся, и проходя посреди ихъ, укрывался отъ убійцъ (Лук. 4, 30). Итакъ кому родные вредятъ въ дѣлѣ богопочтенія, и онъ однакожъ съ удовольствіемъ продолжаетъ расположеніе къ нимъ, ставитъ оное выше благоугожденія Богу, а иногда изъ любви къ жизни, въ случаѣ угрозы мученія,

склоняется къ отреченію отъ вѣры,—тотъ не можетъ быть ученикомъ Христовымъ.

Кто бо отъ васъ, хотяй столпъ создати, не прежде ли сѣдъ разчтетъ имѣніе, аще имать, еже есть на совершеніе? Да не когда положитъ основаніе, и не возможетъ совершити, вси видящіи начнутъ ругатися ему, глаголюще, яко сей человѣкъ начатъ здати и не можетъ совершити. Притчею о башнѣ Господь научаетъ насъ, чтобъ мы, однажды рѣшившись слѣдовать за Нимъ, сохраняли сіе самое намѣреніе, и не полагали одного только основанія, то есть, слѣдовать начали бы, а до конца не послѣдовали, какъ неимѣющіе достаточнаго приготовленія и усердія. Таковы были тѣ, о коихъ евангелистъ Іоаннъ говоритъ: *мнози отъ ученикъ Его идоша вспять* (Іоан. 6, 66). И всякъ человѣкъ, рѣшившійся творить добродѣтель, но недостигшій до божественнаго знанія, поелику началъ добродѣтель несовершенно и неразумно, строитъ несовершенно, такъ какъ не можетъ докончить башни высокаго знанія. Почему и бываетъ посмѣшищемъ смотрящихъ на него, людей и бѣсовъ. И иначе: подъ основаніемъ можешь разумѣть слово учительское. Ибо слово учителя, разсуждающее, напримѣръ, о воздержаніи, брошенное на душу ученика, подобно основанію. На этомъ словѣ, какъ на основаніи, нужно и *построеніе*, то есть, совершеніе дѣлъ, дабы *башня*, то есть, добродѣтель, которую мы вознамѣрились творить, была окончена у насъ и притомъ была крѣпка предъ лицемъ непріятеля. А что слово есть основаніе, а дѣло—построеніе, сему довольно научаетъ насъ апостолъ, когда говоритъ: *азъ основаніе*

положихъ Іисуса Христа, *инъ же назидаетъ* (1 Коринѳ. 3, 10), и далѣе перечисляетъ различныя построенія (стих. 12—15), то есть, совершеніе дѣлъ или добрыхъ или злыхъ. Итакъ будемъ бояться, дабы не стали надъ нами бѣсы смѣяться, о которыхъ пророкъ говоритъ: *ругатели господствовати будутъ ими* (Исаіи 3, 4), то есть, отверженными отъ Бога.

Или кій царь идый ко иному царю сгнитися съ нимъ на брань, не сѣдъ ли прежде совѣщаваетъ, аще силенъ есть срѣсти съ десятію тысящъ грядущаго содвѣмадесять тысящами нанъ? Аще ли же ни, еще далече ему сущу, моленіе пославъ, молится о смиреніи. Тако убо всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти мой ученикъ. Добро есть соль: аще же соль обуяетъ, чимъ осолится? Ни въ землю, ни въ гной потребна есть: вонъ рзсыплютъ ю. Имѣяй уши слышати, да слышитъ. И эта притча научаетъ насъ не раздвояться душею, не пригвождаться къ плоти и прилѣпляться къ Богу, но, если имѣемъ намѣреніе вести войну противъ лукавыхъ силъ, наступать на нихъ какъ на враговъ и самымъ дѣломъ противоборствовать имъ.—Царемъ бываетъ и грѣхъ, царствующій въ смертномъ нашемъ тѣлѣ (Римл. 6, 12), когда мы допускаемъ его. Царемъ же созданъ и умъ нашъ. Посему если онъ намѣренъ возстать противу грѣха, долженъ воевать противъ него всею душею, ибо воины его сильны и страшны и кажутся больше и многочисленнѣе насъ. Послику воины грѣха суть бѣсы, которые противъ нашихъ десяти тысячь направляютъ повидимому двадцатитысячное число. Они же, будучи без-

тѣлесны и состязаясь съ нами, живущими въ тѣлѣ, имѣютъ повидимому большую силу. Однакожъ мы можемъ бороться противъ нихъ, хотя они кажутся и сильнѣе насъ. Ибо сказано: *о Бозѣ сотворимъ силу* (Псал. 59, 14), и: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое* (Псал. 26, 1. 3). Притомъ же Богъ, воплотившійся ради насъ, далъ намъ власть наступать на всю силу вражію (Лук. 10, 19). Посему мы хотя и во плоти, однакожъ имѣемъ оружіе не плотское (2. Кор. 10, 3. 4). Хотя по причинѣ тѣлесности мы составляемъ, повидимому, десять тысячь противъ ихъ двадцати тысячь, по причинѣ безтѣлесной ихъ природы: однакожъ мы должны говорить: *Господь Богъ мой—сила моя* (Аввакум. 3, 19)! И никогда не должны примиряться съ грѣхомъ, то есть, порабощаться страстямъ, но съ особенною силою противустоять имъ и должны возъимѣть непримиримую ненависть къ нимъ, не желая ничего страстнаго въ мірѣ, но оставляя все. Ибо тотъ не можетъ быть Христовымъ ученикомъ, кто оставляетъ не все, но имѣетъ расположеніе къ чему-нибудь въ мірѣ душевредному.—Ученикъ Христовъ долженъ быть *солью*, то есть, долженъ быть нетолько самъ въ себѣ добръ и непричастенъ къ злобѣ, но и другимъ сообщать доброту. Ибо такова соль. Она, сама оставаясь неповрежденною и свободною отъ гніенія, предохраняетъ отъ гніенія и другое, чему передаетъ это свойство. Но если соль потеряетъ свою природную силу, она не бываетъ ни на что полезна, не годится ни въ землю, ни въ навозъ. Слова сіи имѣютъ такой смыслъ:

Я желаю, чтобъ всякій христіанинъ былъ полезенъ и силенъ назидать, нетолько тотъ, кому ввѣрено дарованіе учительства, каковы были апостолы, учители и пастыри, но Я требую, чтобъ и самые міряне (λαϊκοὺς) были плодоносны и полезны для ближнихъ. Если же имѣющій служить на пользу другимъ самъ будетъ негоденъ и выйдетъ изъ состоянія, приличнаго христіанину, то онъ не въ состояніи будетъ ни принесть (пользы), ни получить пользы. *Ни въ землю*, сказано, *ни въ гной потребна есть.* Словомъ *землю* дѣлается намекъ на полученіе пользы, а словомъ *гной* (навозъ)—на доставленіе пользы. Посему, какъ неслужащій на пользу, ни получающій пользы, онъ долженъ быть отвергнутъ и выброшенъ вонъ.—Поелику же рѣчь была темна и приточна, то Господь, возбуждая слушателей, чтобъ они сказанное Имъ не приняли просто о соли, сказалъ: *имѣяй уши слышати, да слышитъ*, то есть, имѣющій умъ да разумѣетъ. Ибо подъ *ушами* здѣсь должно разумѣть чувственную силу души и способность къ разумѣнію. Итакъ всякій изъ насъ, вѣрующихъ, есть соль, получившій сіе свойство отъ божественныхъ словъ и отъ благодати свыше. А что благодать есть соль, слушай (апостола) Павла: *слово ваше да бываетъ во благодати, солію растворено* (Колосс. 4, 6), такъ что слово, когда оно безъ благодати, можетъ быть названо безсолымъ. Итакъ если мы будемъ пренебрегать симъ свойствомъ божественныхъ словъ, и не будемъ принимать онаго въ себя и не освоимся съ нимъ, тогда мы будемъ глупы и неразумны, и соль наша по-истинѣ обуяла, какъ неимѣющая свойства небесной благодати.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Притча о сотнѣ овецъ.—О сынѣ, ушедшемъ (отъ отца) въ дальнюю сторону.

Зач. *Бяху же приближающеся къ нему* вси мытаріе
78. *и грѣшницы, послушати его. И роптаху фарисее и книжницы, глаголюще, яко сей грѣшники пріемлетъ, и съ ними ястъ. Рече же къ нимъ притчу сію, глаголя: Кій человѣкъ отъ васъ имый сто овецъ, и погубль едину отъ нихъ, не оставитъ ли девятидесяти и девяти въ пустыни, и идетъ въ слѣдъ погибшія, дондеже обрящетъ ю? И обрѣтъ возлагаетъ на рамѣ свои радуяся: и пришедъ въ домъ, созываетъ други и сосѣды, глаголя имъ: радуйтеся со мною, яко обрѣтохъ овцу мою погибшую. Глаголю вамъ, яко тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девятидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія. Или кая жена имущи десять драхмъ, аще погубитъ драхму едину, не вжигаетъ ли свѣтилника, и помететъ храмину, и ищетъ прилѣжно, дондеже обрящетъ? И обрѣтши созываетъ другини и сосѣды, глаголющи: радуйтеся со мною, яко обрѣтохъ драхму погибшую. Тако, глаголю вамъ, радость бываетъ предъ ангелы Божіими о единомъ грѣшницѣ кающемся.* Господь, допуская къ себѣ мытарей и грѣшниковъ, какъ врачь больныхъ, дѣлалъ то, для чего Онъ и воплотился. Но фарисеи, по-истинѣ грѣшники, на

---

*Во время оно: бяху приближающеся Іисусу**

такое человѣколюбіе отвѣчали ропотомъ. Ибо они считали мытарей отвратительными, хотя сами поѣдали домы вдовицъ и сиротъ. Что же Господь? Онъ былъ человѣколюбивъ какъ до мытарей, такъ и до тѣхъ самыхъ, которые поносили Его человѣколюбіе. Онъ не отвращается и отъ сихъ, какъ отъ неисцѣлимыхъ и ропотниковъ, но съ кротостію врачуетъ (ихъ), сказывая имъ притчу объ овцахъ, и отъ дѣйствительнаго и нагляднаго убѣждая ихъ и обуздывая не досадовать на толикое излитіе благости. Ибо если объ одной овцѣ, неразумной и несозданной по образу Божію, когда ее найдутъ послѣ потери, бываетъ столько радости: сколько же болѣе должно быть радости о человѣкѣ разумномъ, сотворенномъ по образу Божію? Притча, очевидно, подъ девяносто девятью овцами разумѣетъ праведниковъ, а подъ одною овцею—падшаго грѣшника. Нѣкоторые же подъ сотнею овецъ разумѣютъ всѣ разумныя твари, а подъ одною овцею—человѣка разумной природы, которую, когда она заблудилась, взыскалъ добрый пастырь, оставивъ девяносто девять въ пустынѣ, то есть, въ вышнемъ, небесномъ мѣстѣ. Ибо небо, отдаленное отъ мірскаго треволненія и исполненное всякаго мира и тишины, есть пустыня. Господь, нашедши эту погибшую овцу, положилъ ее на свои плеча. Ибо Онъ понесъ наши болѣзни и грѣхи (Иса. 53, 4), и не тяготясь взялъ на Себя всѣ наши бремена: Онъ уплатилъ все, чѣмъ мы должны были, и удобно и безъ труда спасъ насъ (и довелъ) до самаго дома, то есть, до неба. И *созываетъ други и сосѣды*, можетъ быть, ангеловъ, которыхъ мы разумѣли и подъ овцами, въ двоякомъ отношеніи.

Такъ какъ, съ одной стороны, всякое созданное существо по отношенію къ Богу есть какъ бы безсловесное, посему горнія силы могутъ быть названы овцами. Поелику же, съ другой стороны, они словесны, то есть, разумны и кажутся къ Богу ближайшими прочихъ тварей, посему лики ангельскихъ силъ можно разумѣть подъ друзьями и сосѣдями. И подъ *женщиною* разумѣй премудрость и силу Бога и Отца, Его Сына, который потерялъ одну драхму изъ словесныхъ и по образу Его созданныхъ тварей, — человѣка, и засвѣчиваетъ свѣтильникъ—свою плоть. Ибо какъ свѣтильникъ, будучи отъ земли, свѣтомъ, который Онъ принимаетъ, освѣщаетъ покрытое тьмою: такъ и плоть Господа, земная и подобная нашей, осіяла свѣтомъ божества, которымъ она воспринята. И *домъ выметенъ*, то есть, весь міръ очистился отъ грѣха: ибо Христосъ взялъ грѣхъ міра на себя. И *драхма*, то есть, царское изображеніе, *нашлась*, и настала радость какъ для самого Христа, нашедшаго ее, такъ и для горнихъ силъ, которыя суть подруги Его и сосѣдки: *подруги*, поелику творятъ Его волю, *сосѣдки*, поелику безтѣлесны. А я спрошу, не суть ли подруги Его—всѣ горнія силы, а сосѣдки—ближайшія изъ нихъ, какъ-то престолы, херувимы и серафимы? Ибо обрати вниманіе на выраженіе: *созываетъ дружини* (τὰς φίλας) *и сосѣды* (τὰς γείτονας). Оно, очевидно, указываетъ на два предмета, хотя это и можетъ представиться не особенно нужнымъ.

Рече же: человѣкъ нѣкій имѣ два сына: И рече* Зач.
юнѣйшій ею отцу: отче, даждь ми достойную часть 79.
имѣнія. И раздѣли имъ имѣніе. И не по мнозѣхъ днехъ собравъ все мній сынъ, отъиде на страну далече, и ту расточи имѣніе свое, живый блудно. Изжившу же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися. И шедъ прилѣпися единому отъ житель тоя страны: и посла его на села своя пасти свинія. И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія: и никтоже даяше ему. И эта притча подобна предъидущимъ. И она подъ образомъ человѣка вводитъ Бога воистинну человѣколюбиваго; подъ двумя сыновьями—два разряда людей, то есть, праведниковъ и грѣшниковъ. И *рече юнѣйшій: даждь ми достойную часть имѣнія.* Праведность есть древній удѣлъ человѣческой природы, посему старшій сынъ не вырывается изъ отеческой власти. А грѣхъ есть зло, въ послѣдствіи родившееся: посему и вырывается (ἀποσκιρτᾷ) изъ подъ родительской власти *младшій* сынъ, который выросъ съ грѣхомъ, пришедшимъ въ послѣдствіи. И иначе: грѣшникъ называется *младшимъ* сыномъ, какъ нововводитель, отступникъ и возмутитель противъ отеческой воли. *Отче даждь ми достойную часть имѣнія. Имѣніе* (οὐσία) есть разумность, которой подчиняется и свобода (τὸ αὐτεξούσιον). Ибо всякое разумное существо свободно. Господь даетъ намъ разумъ, дабы пользовались имъ свободно, какъ истиннымъ нашимъ имѣніемъ, и даетъ всѣмъ равно, ибо всѣ равно разум-

---

*Рече Господь притчу сію:**

ны, ровно самовластны. Но одни изъ насъ пользуются симъ достоинствомъ согласно съ назначеніемъ, а другіе дарованіе Божіе дѣлаютъ безполезнымъ. Подъ *имѣніемъ* нашимъ можно разумѣть и все вообще, что Господь далъ намъ, именно: небо, землю, всякую вообще тварь, законъ, пророковъ. Но младшій сынъ увидѣлъ небо,—и обоготворилъ оное; увидѣлъ землю,—и почтилъ ее: а въ законѣ его не хотѣлъ ходить, и пророкамъ дѣлалъ зло. Старшій же сынъ всѣмъ этимъ воспользовался во славу Божію. Господь Богъ, давши (все) это въ равной мѣрѣ, позволилъ (каждому) ходить (жить) по своему произволенію, и никого, нежелающаго служить Ему, не принуждаетъ. Ибо если бы хотѣлъ принуждать, то не сотворилъ бы насъ разумными и свободными. Младшій сынъ все это, въ совокупности, *расточилъ*. И что было причиною? то, что онъ *отъиде на страну далече*. Ибо когда человѣкъ отступитъ отъ Бога и удалитъ отъ себя страхъ Божій, тогда онъ расточаетъ всѣ божественные дары. Будучи близки къ Богу, мы ничего не дѣлаемъ такого, что достойно погибели, по сказанному: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Псал. 15, 9). А удалившись и отступивши отъ Бога, мы дѣлаемъ и терпимъ всевозможное зло, по словамъ: *се удаляющіи себе отъ тебе погибнутъ* (Псал. 72, 27). Итакъ неудивительно, что онъ расточилъ имѣніе. Ибо добродѣтель имѣетъ одинъ предѣлъ, и есть нѣчто единое: а злоба многочастна, и производитъ много соблазна. Напримѣръ, для мужества одинъ предѣлъ, именно, когда, какъ и на кого, должно употреблять гнѣвъ: а зло-

бы два вида, страхъ и дерзость. Видишь ли, расточается разумъ, и единство добродѣтели погибаетъ? Когда это имѣніе растрачено, и человѣкъ не живетъ ни по разуму, то есть, по естественному закону, ни послѣдуетъ закону писанному, и пророковъ не слушаетъ: тогда наступаетъ (для него) сильный голодъ, не голодъ хлѣба, но голодъ слышанія слова Господня (Амос. 8, 11). И онъ начинаетъ *лишатися* (терпѣть скудость), поелику не боится Господа, но далеко отстоитъ отъ Него, тогда какъ боящимся Господа нѣсть лишенія (Псал. 33, ст. 10). Почему же нѣтъ скудости боящимся Господа? Такъ какъ боящійся Господа въ заповѣдѣхъ его восхощетъ зѣло, посему слава и богатство въ дому его, и онъ скорѣе по своей волѣ расточаетъ и даетъ убогимъ (Псал. 111. 1. 3. 9). Такъ онъ далекъ отъ скудости! А кто далеко ушелъ отъ Бога, и не имѣетъ предъ своими очами грознаго Его лица, тотъ, неудивительно, будетъ испытывать нужду: поелику въ немъ не дѣйствуетъ никакое божественное слово. И *шедъ*, то есть, далеко зашедши и успѣвши въ злобѣ, *прилѣпися единому отъ житель тоя страны*. Соединяющійся съ Господомъ становится одинъ духъ (съ Господомъ): а совокупляющійся съ блудницею, то есть, съ природою бѣсовъ, становится одно тѣло съ нею (1 Кор. 6, 17. 16), всецѣло дѣлаясь плотію и не имѣя въ себѣ мѣста для Духа, подобно жившимъ во дни потопа (Быт. 6, 3). *Жители той страны*, отдаленной отъ Бога, безъ сомнѣнія суть бѣсы.—Успѣвши и сдѣлавшись сильнымъ въ злобѣ, онъ *пасетъ свиней*, то есть, и другихъ учитъ злобѣ и грязной жизни. Ибо всѣ находя-

щіе удовольствіе въ тинѣ безчестныхъ дѣлъ и вещественныхъ страстей суть свиньи. Глаза свиные никогда не могутъ смотрѣть вверхъ, имѣя такое странное устройство. Почему и пасущіе свиней, если, поймавъ свинью, долго не могутъ укротить ея вигзъ, загибаютъ ей голову назадъ, и такимъ образомъ умѣряютъ ея визгъ.—Какъ человѣкъ пришедшій на такое зрѣлище, какого онъ никогда не видалъ, когда подниметъ глаза (на сцену), бываетъ пораженъ и молчитъ: такъ глаза тѣхъ, кои воспитаны во злѣ, никогда не видятъ горняго. Сихъ-то пасетъ превосходящій многихъ во злобѣ, каковы: содержатели блудницъ, начальники разбойниковъ, мытарей. Ибо о всѣхъ такого рода людяхъ можно сказать, что они пасутъ свиней. Несчастный сей *желаетъ насытиться* грѣхомъ, и никто не дастъ ему сего насыщенія. Ибо привыкшій къ злу, не находитъ насыщенія въ немъ. Удовольствіе непостоянно, но какъ приходитъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и отходитъ, и несчастный сей опять остается съ пустотою (на душѣ). Ибо грѣхъ подобенъ *рожцамъ*, имѣя сладость и горечь: на время онъ услаждаетъ, но мучитъ на вѣки. Никто не дастъ насытиться зломъ тому, кто услаждается имъ. Да и кто дастъ ему насыщеніе и покой? Богъ? но при немъ нѣтъ Его; ибо питающійся зломъ уходитъ далеко отъ Бога. Бѣсы? но какъ они дадутъ, когда они о томъ особенно и стараются, чтобъ никогда не было покоя и насыщенія отъ зла?

Въ себе же пришедъ, рече: колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю? Воставъ иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ

на небо и предъ тобою: И уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ. И воставъ иде ко отцу своему: еще же ему далече сущу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его, и облобыза его. Рече же ему сынъ: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой. Со временемъ распутный *пришелъ въ себя.* Ибо доколѣ онъ жилъ развратно, онъ былъ внѣ себя. Говорится, что онъ расточилъ имѣніе, и справедливо: посему онъ внѣ себя. Ибо кто не управляется разумомъ, но живетъ какъ неразумный и другихъ доводитъ до неразумія, тотъ внѣ себя, и не останется при своемъ имѣніи, то есть, при разумѣ. Когда же кто сообразитъ, въ какое онъ впалъ бѣдствіе, тогда онъ приходитъ въ себя, чрезъ размышленіе и обращеніе отъ блужданія вовнѣ къ покаянію. Подъ *наемниками* вѣроятно разумѣетъ оглашенныхъ, которые, какъ еще непросвѣщенные, не успѣли еще сдѣлаться сынами. А оглашенные, безъ сомнѣнія, удовольствуются духовнымъ хлѣбомъ съ избыткомъ, каждодневно слушая чтенія. И дабы тебѣ знать различіе между наемникомъ и сыномъ, слушай. Три разряда спасающихся. Одни, какъ рабы, дѣлаютъ добро изъ страха суда. На это намекаетъ Давидъ, когда говоритъ: *пригвозди страху твоему плоти моя, отъ судебъ бо твоихъ убояхся* (Псал. 118, 120). Другіе—наемники; это, кажется, тѣ, кои стараются благоугождать Богу изъ желанія получить благо, какъ тотъ же Давидъ говоритъ: *приклонихъ сердце мое, сотворити оправданія твоя въ вѣкъ за воздаяніе* (Псал. 118, 112). А третьи—сыны, то есть тѣ,

кои соблюдают заповѣди Божія изъ любви къ Богу, о чемъ опять тотъ же Давидъ свидѣтельствуетъ: *коль возлюбихъ законъ твой, Господи! весь день поученіе мое есть* (Псал. 118, 97), И опять: *воздвигохъ руцѣ мои къ заповѣдемъ твоимъ, яже возлюбихъ* (Псал. 118, 48), а не *ихже убояхся.* И еще: *дивна свидѣнія твоя.* и поелику дивны, *сего ради испыта я душа моя* (ст. 129). Итакъ когда тотъ, кто находился въ разрядѣ сыновъ, но потомъ чрезъ грѣхъ лишился сыновства, увидитъ, что другіе наслаждаются божественными дарованіями, причащаются божественныхъ Таинъ и божественнаго хлѣба (а подъ названіемъ наемниковъ можно разумѣть нетолько оглашенныхъ, но и вообще членовъ церкви, находящихся не въ первомъ чинѣ); тогда онъ долженъ сказать самъ себѣ сіи слова сожалѣнія: *колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю!* Но *воставъ*, то есть, отъ паденія грѣховнаго, *иду ко отцу моему, и реку ему*: *Отче согрѣшихъ на небо и предъ тобою.* Оставивъ небесное, я согрѣшилъ противъ онаго, предпочетши ему презрѣнное удовольствіе, и вмѣсто неба. своего отечества, выбравъ лучше страну голодную. Ибо какъ тотъ, можно сказать, грѣшитъ противъ золота, кто предпочитаетъ ему свинецъ: такъ тотъ грѣшитъ противъ неба, кто предпочитаетъ ему земное. Ибо онъ, безъ сомнѣнія, удаляется отъ пути, ведущаго на небо. И замѣть, что когда онъ грѣшилъ, тогда дѣлалъ грѣхъ какъ бы не предъ Богомъ: а когда раскаявается, тогда чувствуетъ себя согрѣшившимъ предъ Богомъ. *И воставъ иде ко отцу своему.* Ибо намъ должно нетолько желать того, что

угодно Богу, но и самымъ дѣломъ исполнять.—Ты видѣлъ теперь теплое покаяніе, посмотри же и на милосердіе отца. Онъ не дожидается, пока сынъ дойдетъ до него, но самъ спѣшитъ на встрѣчу и обнимаетъ его. Ибо, будучи по природѣ отцемъ, Богъ есть отецъ и по благости. Онъ весь всего обнимаетъ сына, дабы со всѣхъ сторонъ соединить его съ собою, какъ сказано: *и слава Божія объиметъ тя* (Иса. 58, 8). Прежде, когда сынъ самъ удалялся, время было и отцу удалиться отъ обнятія. А когда (сынъ) приблизился чрезъ молитву и обращеніе, тогда благовременно стало и обнять его. Отецъ *кидается на шею* сыну, показывая, что она, непокорная прежде, стала нынѣ покорною, и *цѣлуетъ* его, обозначая примиреніе, и освѣщая уста прежде осквернившагося, какъ бы нѣкое преддверіе, и чрезъ нихъ ниспосылая освященіе и вовнутрь.

Рече же отецъ къ рабомъ своимъ: изнесите одежду первую, и облецыте его, и дадите перстень на руку его, и сапоги на нозѣ: И приведше телецъ упитанный заколите, и ядше веселимся: Яко сынъ мой сей мертвъ бѣ, и оживе: и изгиблъ бѣ, и обрѣтеся. И начаша веселитися. Подъ *рабами* можешь разумѣть ангеловъ, такъ какъ они суть служебные духи, посылаемые на служеніе для достойныхъ спасенія (Евр. 1, 14). Ибо они обращающагося отъ злобы одѣваютъ въ *первую* одежду, то есть, или въ прежнюю, которую мы носили прежде грѣха, одежду нетлѣнія, или въ одежду лучшую всѣхъ прочихъ, какова одежда крещенія. Ибо она первая надѣвается на меня, и чрезъ нее я снимаю съ себя одежду неприличія. Подъ *рабами* можешь разумѣть анге-

ловъ и потому, что они служатъ при всемъ томъ, что совершается ради насъ, и что мы освящаемся при посредствѣ ихъ. Подъ *рабами* можешь разумѣть и священниковъ, такъ какъ они обращающагося одѣваютъ чрезъ крещеніе и учительское слово, и надѣваютъ на него первую одежду, то есть, самого Христа. Ибо всѣ мы, крестившіеся во Христа, облеклись во Христа (Галат. 3, 27). И дастъ *перстень на руку*, то есть, печать христіанства, которую мы получаемъ чрезъ дѣла. Ибо рука есть знакъ дѣятельности, а перстень печати. Итакъ крестившійся, и вообще обращающійся отъ злобы, долженъ имѣть на рукѣ, то есть, на всей дѣятельной силѣ печать и признакъ христіанина, дабы могъ показать, какъ онъ обновился по образу создавшаго его. Или иначе: подъ *перстнемъ* можешь разумѣть залогъ Духа. Скажу такъ: Богъ дастъ совершеннѣйшія блага тогда, когда наступитъ ихъ время, а нынѣ для увѣренія, какъ бы въ видѣ залога будущихъ благъ, даетъ намъ такого рода дарованія, однимъ даръ чудотворенія, другимъ даръ учительства, инымъ другой какой-нибудь даръ. Принимая сіи дары, мы съ твердостію уповаемъ и на полученіе совершеннѣйшихъ. Даются *сапоги на ноги*, дабы онѣ сохранились какъ отъ скорпіоновъ, то есть, отъ погрѣшностей повидимому малыхъ и тайныхъ, какъ говоритъ Давидъ (Псал. 18, 13), однакожъ и тѣхъ смертоносныхъ, такъ и отъ змѣй, считаемыхъ видимо вредными, то есть, отъ грѣховъ. И иначе: удостоенному первой одежды даются сапоги, въ знакъ того, что Богъ дѣлаетъ его готовымъ благовѣствовать и служить на пользу другимъ. Ибо отличи-

тельное свойство христіанина быть полезнымъ для другихъ.—Кто есть упитанный *телецъ*, закалаемый и ядомый, это не трудно понять. Онъ есть, безъ сомнѣнія, истинный Сынъ Божій. Поелику онъ человѣкъ и принялъ на себя плоть, по природѣ неразумную и скотоподобную, хотя и наполнилъ ее собственными совершенствами, посему названъ тельцомъ. Телецъ сей не испыталъ ярма закона грѣховнаго, но есть телецъ *откормленный*, поелику опредѣленъ на сіе таинство прежде созданія міра (1 Петр. 1, 20). Быть можетъ, покажется изысканнымъ то, что еще имѣетъ быть сказано, однакожъ пусть будетъ сказано. Хлѣбъ, который мы ломимъ, по виду своему состоитъ (ἐκ σἱτȣ) изъ пшеницы, посему можетъ быть названъ откормленнымъ пшеницею (σιτευτὸς), а по духовной сторонѣ есть плоть, посему можетъ быть названъ тельцомъ, и такимъ образомъ одинъ и тотъ же есть телецъ и упитанный. Итакъ всякій кающійся и дѣлающійся сыномъ Божіимъ, особенно же возставленный и вообще отъ грѣха очищаемый, причащается сего упитаннаго тельца, и бываетъ причиною веселія для Отца и рабовъ его, ангеловъ и священниковъ: *яко мертвъ бѣ, и оживе: и изгиблъ бѣ, и обрѣтеся*. Въ томъ отношеніи, что онъ пребываетъ во злѣ, онъ былъ *мертвъ*, то есть, безнадеженъ: а по отношенію къ тому, что природа человѣческая удобопреклонна, и отъ злобы можетъ обратиться къ добродѣтели, онъ называется *изгибшимъ*. Ибо слово потерявшійся (ἀπολωλὼς) умѣреннѣе, чѣмъ мертвый (νεκρὸς).

Бѣ же сынъ его старѣй на селѣ: и яко грядый приближися къ дому, слыша пѣніе и лики: И призвавъ единаго отъ отрокъ, вопрошаше, что убо сія суть? Онъ же рече ему, яко братъ твой пріиде и закла отецъ твой телца упитанна, яко здрава его пріятъ. Разгнѣвався же, и не хотяше внити: отецъ же его изшедъ моляше его. Онъ же отвѣщавъ рече отцу: се толико лѣтъ работаю тебѣ, и николиже заповѣди твоя преступихъ, и мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други своими возвеселился быхъ. Егда же сынъ твой сей, изъядый твое имѣніе съ любодѣйцами, пріиде, заклалъ еси ему телца питомаго. Онъ же рече ему: чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть. Возвеселитиже ся и возрадовати подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ, и оживе: и изгиблъ бѣ, и обрѣтеся. Здѣсь даютъ пресловутый (πολυθρυλλητον) вопросъ: какъ оказывается завистливымъ сынъ, который въ прочихъ отношеніяхъ жилъ и служилъ отцу благоугодно? Но онъ рѣшится, коль скоро сообразятъ, почему была сказана сія притча. Притча эта вмѣстѣ съ предыдущими сказана была, безъ сомнѣнія, потому, что фарисеи, считавшіе себя чистыми и праведными, роптали на Господа за то, что Онъ принималъ блудницъ и мытарей. Если же она сказана потому, что роптали фарисеи, которые, повидимому, были праведнѣе мытарей: то смотри, что лице сына, по видимому ропщущаго, относится ко всѣмъ, кои соблазняются внезапнымъ благополучіемъ и спасеніемъ грѣшниковъ. А это не есть зависть, но излитіе человѣколюбія Божія, непонятное для нась, и потому раждающее ропотъ. И Давидъ не

выводитъ ли лице соблазняющихся миромъ грѣшниковъ (Псал. 72, 3), подобно какъ и Іеремія, когда говоритъ: *что яко путь нечестивыхъ спѣется? насадилъ еси ихъ, и укорениша ся* (Іерем, 12. 1, 2). Все это свойственно слабому и бѣдному уму человѣческому, который возмущается и приходитъ въ недоумѣніе при (видѣ) недостоинства, именно благополучія людей порочныхъ. Посему Господь настоящею притчею какъ бы такъ говоритъ фарисеямъ: пусть такъ, что вы подобно этому сыну праведны и благоугодны предъ Отцемъ; но Я прошу васъ, праведныхъ и чистыхъ, не роптать на то, что мы устрояемъ веселіе за спасеніе грѣшника: ибо и онъ сынъ же. Итакъ отсюда не зависть обнаруживается, но сею притчею Господь вразумляетъ фарисеевъ, дабы они не досадовали на принятіе грѣшниковъ, хотя бы сами и были праведны и соблюдали всякую заповѣдь Божію. И ни мало неудивительно, если мы огорчаемся принятіемъ тѣхъ, кои кажутся недостойными. Человѣколюбіе Божіе такъ велико, и такъ обильно подаетъ намъ свои блага, что отсюда и ропотъ можетъ родиться. Такъ мы говоримъ и въ обычной бесѣдѣ. Часто, оказавъ кому-нибудь благодѣяніе, потомъ не получивъ благодарности отъ него, мы говоримъ: всѣ порицаютъ меня за то, что я такъ много облагодѣтельствовалъ тебя. Хотя, можетъ быть, и никто не порицалъ насъ, но желая показать величіе благодѣянія, мы выдумываемъ это.—Разсмотримъ же эту притчу по частямъ, и какъ бы въ краткомъ извлеченіи. Старшій сынъ былъ *на селѣ*, то есть. въ мірѣ семъ, воздѣлывалъ свою землю, то есть, плоть, дабы она изобиловала хлѣбами, и сѣялъ со слезами, дабы

пожать съ веселіемъ (Псал. 125, 5). Узнавъ о случившемся, онъ не хотѣлъ войти въ общую радость. Но человѣколюбивый Отецъ выходитъ, зоветъ его, и сообщаетъ ему, что причиною веселія оживленіе мертваго, чего тотъ не зналъ, какъ человѣкъ соблазняющійся и обвиняющій отца за то, что Онъ не далъ ему и козленка, а для распутнаго закололъ откормленнаго теленка. Что обозначается *козленкомъ?* Можешь узнать изъ того, что всякій козленокъ причисляется къ сторонѣ лѣвой и сторонѣ грѣшниковъ (Матѳ. 25, 33, 41). Итакъ добронравный сынъ говоритъ (Отцу): я проводилъ жизнь во всякомъ трудѣ, терпѣлъ гоненія, непріятности, оскорбленія отъ грѣшниковъ, и ты никогда не закололъ для меня и не убилъ козленка, то есть, оскорбляющаго меня грѣшника, дабы я могъ найти хотя малую пріятность. Напримѣръ, Ахавъ былъ козелъ по отношенію къ Иліи. Онъ гналъ пророка, но Господь не предалъ тотчасъ сего козла на заколеніе, дабы немного обрадовать Илію, и успокоить съ друзьями его пророками. Посему (Илія) и говоритъ Богу: *пророки твоя Господи избиша, и олтари твои раскопаша* (3 Цар. 19, 13). По отношенію къ Давиду козломъ былъ Саулъ и всѣ клевещущіе на него, которымъ Господь позволялъ искушать его, но которыхъ не убивалъ для удовольствія Давида. Посему сей и говоритъ: *доколѣ грѣшницы Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся* (Псал. 93, 3)? Такъ и сей, представляемый въ евангеліи, сынъ говоритъ: который постоянно въ трудахъ, того ты не удостоилъ никакого утѣшенія, ни даже не предалъ на закланіе никого изъ оскорбляющихъ меня, а теперь такъ, безъ тру-

да, спасаешь распутнаго! Итакъ вся цѣль притчи сей, сказанной по поводу ропота фарисеевъ на Господа за принятіе Имъ грѣшниковъ, состоитъ въ томъ, чтобъ научить насъ не отвергать грѣшниковъ и не роптать, когда Богъ принимаетъ ихъ, хотя бы мы были и праведны. Младшій сынъ—блудницы и мытари, старшій сынъ—фарисеи и книжники, предположительно принимаемые за праведныхъ. Богъ какъ бы такъ говоритъ: пусть вы дѣйствительно праведны, и не преступали никакого повелѣнія, но неужели же не должно принимать тѣхъ, кои обращаются отъ зла? Подобныхъ ропотниковъ вразумляетъ Господь настоящею притчею. Не безъизвѣстно мнѣ, что нѣкоторые подъ старшимъ сыномъ разумѣли ангеловъ, а подъ младшимъ природу человѣческую, возмутившуюся и непокорившуюся данной заповѣди. Другіе разумѣли (подъ старшимъ) исраильтянъ, а (подъ младшимъ) язычниковъ. Но истинно то, что мы сей часъ сказали, именно, что старшій сынъ представляетъ собою лице праведныхъ, а младшій грѣшниковъ и раскаявающихся, и все построеніе притчи составилось изъ-за фарисеевъ, которымъ Господь внушаетъ, что они, хотя бы сами были и праведны, не должны огорчаться принятіемъ грѣшниковъ. Итакъ никто да не оскорбляется судьбами Божіими, но да терпитъ и въ томъ случаѣ, когда дѣлаются счастливыми и спасаются, повидимому, грѣшники. Ибо почему знаешь? можетъ быть тотъ, кого ты считаешь грѣшникомъ, принесъ покаяніе, и за то принятъ. А также быть можетъ, что онъ имѣетъ тайныя добродѣтели, и ради ихъ благопріятенъ въ очахъ Божіихъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О неправедномъ приставникѣ.—О томъ, что ни одна черта изъ закона не пропадетъ.—О томъ, что не должно разводиться съ женою.—О богатомъ и Лазарѣ.

Зач. *Глаголаше же ко ученикомъ своимъ:* человѣкъ нѣ-*
80. *кій бѣ богатъ, иже имяше приставника: и той окле-*
ветанъ бысть къ нему, яко расточаетъ имѣнія его. И
пригласивъ его рече ему: что се слышу о тебѣ? воз-
даждь отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ: не возможе-
ши бо ктому дому строити. Рече же въ себѣ пристав-
никъ дому: что сотворю, яко господь мой отъемлетъ
строеніе дому отъ мене? копати не могу, просити сты-
жуся. Разумѣхъ, что сотворю, да егда отставленъ бу-
ду отъ строенія дому, пріимутъ мя въ домы своя. И
призвавъ единаго когождо отъ должникъ господина свое-
го, глаголаше первому: колицѣмъ долженъ еси господину
моему? Онъ же рече: сто мѣръ масла. И рече ему: пріи-
ми писаніе твое, и сѣдъ скоро напиши пятьдесятъ.
Потомъ же рече другому: ты же колицѣмъ долженъ
еси? онъ же рече: сто мѣръ пшеницы. И глагола ему:
пріими писаніе твое, и напиши осмьдесятъ. И похва-
ли господь дому строителя неправеднаго, яко мудрѣ
сотвори(1)*: яко сынове вѣка сего мудрѣйши паче сы-*
новъ свѣта въ родѣ своемъ суть. И азъ вамъ глаголю:
сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда

---

*Рече Господь притчу сію:**

(1) Словъ, соотвѣтствующихъ словамъ: *яко мудрѣ сотвори*, въ текстѣ блаженнаго Θеофилакта не читается.

оскудњете, пріимутъ вы въ вњчныя кровы. Всякая притча прикровенна и образно объясняетъ сущность какого-нибудь предмета, но она не во всемъ подобна тому предмету, для объясненія котораго берется. Посему не должно всѣ части притчи изъяснять до тонкости: но воспользовавшись предметомъ на сколько прилично, прочія части нужно опускать безъ вниманія, какъ прибавленныя для цѣлости притчи, а съ предметомъ неимѣющія никакого соотвѣтствія. Такъ нужно поступить и съ предложенною притчею. Ибо если мы возмемся до тонкой подробности объяснять все, кто домоправитель, кто приставилъ его къ управленію, кто донесъ на него, кто должники, почему одинъ долженъ масломъ, а другой пшеницею, почему говорится, что они должны были по сту: и если все прочее вообще будемъ изслѣдовать съ излишнимъ любопытствомъ; то мы сдѣлаемъ рѣчь темною, при чемъ, вынужденные затрудненіями, можетъ быть, дойдемъ и до смѣшныхъ объясненій. Посему настоящею притчею должно воспользоваться столько, сколько можно. Поясню нѣсколько. Господь желаетъ здѣсь научить насъ хорошо распоряжаться ввѣреннымъ намъ богатствомъ. И во-первыхъ мы научаемся тому, что мы не господа имѣнія, ибо ничего собственнаго не имѣемъ, но что мы управители чужаго, ввѣреннаго намъ Владыкою, съ тѣмъ, чтобы мы располагали имѣніемъ хорошо, и такъ, какъ Онъ повелѣваетъ. Потомъ научаемся тому, что если мы поступаемъ въ управленіи богатствомъ не по мысли Владыки, но ввѣренное намъ расточаемъ на свои прихоти, то мы такіе управители, на которыхъ сдѣланъ доносъ. Ибо

воля Владыки такова, чтобы ввѣренное намъ мы употребляли на нужды сослужителей, а не на собственныя удовольствія. Когда же на насъ доносятъ, и мы имѣемъ быть отставленными отъ управленія имѣніемъ, то есть, исторгнутыми изъ здѣшней жизни, когда именно мы будемъ давать очетъ въ управленіи, послѣ преставленія отселѣ, тогда мы поздно примѣчаемъ, что нужно дѣлать, и пріобрѣтаемъ себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ. *Неправеднымъ* называется то *богатство*, которое Господь вручилъ намъ для употребленія на нужды братьевъ и сослужителей, а мы удерживаемъ оное для самихъ себя. Но поздно мы ощутимъ, куда намъ обратиться, и что въ этотъ день мы не можемъ ни трудиться, ибо тогда не время дѣлать, ни милостыни просить, ибо неблагоприлично, такъ какъ дѣвы просившія (милостыни) названы глупыми (Матѳ. 25, 8). Что же остается дѣлать? Раздѣлить съ братьями это имѣніе, дабы, когда перейдемъ отселѣ, то есть, переселимся изъ здѣшней жизни, бѣдные приняли насъ въ вѣчныя обители. Ибо нищимъ во Христѣ назначены въ удѣлъ вѣчныя обители, въ которыя они могутъ принять явившихъ имъ любовь здѣсь чрезъ раздачу богатства, хотя оное, какъ принадлежащее Владыкѣ, сначала нужно было раздать бѣднымъ. Они суть должники, по сказанному: *весь день милуетъ, и взаимъ даетъ праведный* (Псал. 36. 26), и въ другомъ мѣстѣ: *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови* (Притч. 19, 17). Итакъ предварительно нужно было все раздать этимъ добрымъ должникамъ, которые уплачиваютъ во сто кратъ. Впрочемъ, когда мы оказываемся управителями невѣрными,

несправедливо удерживая за собою то, что назначено для другихъ, намъ не должно навсегда оставаться въ этомъ безчеловѣчіи, но должно раздавать бѣднымъ, дабы они приняли насъ въ вѣчныя обители. Когда мы такъ будемъ изъяснять эту притчу, то въ объясненіи не встрѣтится ничего ни лишняго, ни изысканнаго, ни сногадательнаго. Впрочемъ выраженіе *сынове вѣка сего мудрѣйши,* и далѣе, кажется, означаетъ нѣчто другое, и не неудобопонятное или странное. *Сынами вѣка* сего называетъ тѣхъ, кои придумываютъ все, что на землѣ полезно для нихъ, а *сынами свѣта* тѣхъ, кои изъ любви къ Богу должны преподавать другимъ духовное богатство. Итакъ здѣсь говорится, что люди, поставляемые въ управители человѣческимъ имѣніемъ, всячески стараются о томъ, чтобы, послѣ отставки отъ управленія, имѣть утѣшеніе: а сыны свѣта, поставляемые, то есть, получающіе въ довѣріе управленіе духовнымъ имѣніемъ, нисколько не думаютъ о томъ, чтобы послѣ сего получить себѣ пользу. Итакъ сыны вѣка сего суть тѣ, коимъ ввѣрено управленіе человѣческими дѣлами, и кои *въ родѣ своемъ*, то есть, въ жизни сей, умно ведутъ свои дѣла: а сыны свѣта тѣ, кои приняли имѣніе съ тѣмъ, чтобы управлять имъ боголюбезно. Оказывается, что управляя человѣческимъ имѣніемъ, мы умно ведемъ свои дѣла и стараемся, чтобъ имѣть какое нибудь убѣжище жизни и тогда, когда будемъ отставлены отъ сего управленія. А когда управляемъ имѣніемъ, коимъ должно распоряжаться по волѣ Божіей, мы, кажется, не заботимся о томъ, чтобъ намъ, по преставленіи изъ здѣшней жизни, не подпасть отвѣтственно-

сти за управленіе и не остаться безъ всякаго утѣшенія. Потому мы и называемся неразумными, что не думаемъ о томъ, что будетъ полезно для нась послѣ сего. Но будемъ пріобрѣтать себѣ друзей въ нищихъ, употребляя на нихъ неправедное богатство, данное намъ отъ Бога въ оружіе правды, но нами удержанное въ свою пользу и потому превратившееся въ неправду. Если же богатство, праведнымъ путемъ доставшееся, когда имъ управляютъ нехорошо и не раздаютъ нищимъ, вмѣняется въ неправду и въ мамону, то тѣмъ болѣе богатство неправедное. Будемъ же симъ последнимъ пріобрѣтать себѣ друзей, дабы, когда умремъ и переселимся изъ здѣшней жизни, или и въ другомъ случаѣ будемъ малодушествовать отъ осужденія, они приняли насъ тамъ въ вѣчныя обители.

Зач. 81. * *Вѣрный въ малѣ, и въ мнозѣ вѣренъ есть: и неправедный въ малѣ, и во мнозѣ неправеденъ есть. Аще убо въ неправеднѣмъ имѣніи вѣрни не бысте, во истиннѣмъ кто вамъ вѣру иметъ? И аще въ чужемъ вѣрни не бысте, ваше кто вамъ дастъ? Никій же рабъ можетъ двѣма господинома работати: ибо или единаго возненавидитъ, а другаго возлюбитъ: или единаго держится, о друзѣмъ же нерадѣти начнетъ: не можете Богу работати и мамонѣ.* Господь еще учитъ о томъ, что богатствомъ нужно управлять по волѣ Божіей. Ибо *вѣрный въ маломъ,* то есть, хорошо распоряжавшійся ввѣреннымъ ему имѣніемъ въ мірѣ семъ, вѣренъ *и во многомъ,* то есть, и въ будущемъ вѣкѣ достоинъ истин-

---

Рече Господь: *

наго богатства. *Малымъ* называетъ земное богатство, такъ какъ оно по-истинѣ мало, даже ничтожно, поколику скоропреходящее, а *малымъ*—богатство небесное, такъ какъ оно всегда пребываетъ и прибываетъ. Посему кто оказался невѣрнымъ въ семъ земномъ богатствѣ, и данное на общую пользу братьевъ присвоилъ себѣ, тотъ не будетъ достоинъ и того многаго, но будетъ отвергнутъ, какъ невѣрный. Поясняя сказанное, прибавляетъ: *аще въ неправеднѣмъ имѣніи вѣрни не бысте, во-истиннѣмъ кто вамъ вѣру иметъ? Неправеднымъ* богатствомъ назвалъ богатство, которое остается при насъ: ибо еслибъ оно не было неправедно, оно и не было бы у насъ. А теперь, поелику оно у насъ, то очевидно, что неправедно, такъ какъ оно задержано нами и не роздано бѣднымъ. Ибо похищеніе чужаго имѣнія и принадлежащаго нищимъ есть несправедливость. Итакъ кто нехорошо и невѣрно управляетъ симъ имѣніемъ, какъ тому довѣрять *истинное* богатство? И намъ кто дастъ *наше*, когда мы невѣрно распоряжаемся *чужимъ*, то есть, имѣніемъ? А оно *чужое*, такъ какъ оно назначено для бѣдныхъ: а съ другой стороны, такъ какъ мы ничего не принесли въ міръ, но родились нагими. А нашъ удѣлъ богатство небесное и божественное, ибо тамъ жилище наше (Филип. 3, 30). Имѣніе и пріобрѣтеніе чужды для человѣка, сотвореннаго по образу Божію, ибо изъ нихъ ничто не похоже на него. А наслажденіе божественными благами и общеніе съ Богомъ—это сродно намъ.—Доселѣ Господь училъ насъ. какъ должно вѣрно управлять богатствомъ. Ибо оно чужое, а не наше, мы управители,

а не господа и владыки. Поелику же управленіе богатствомъ по волѣ Божіей совершается не иначе, какъ при твердомъ безстрастіи къ нему, то Господь прибавилъ къ ученію своему и сіе: *не можете Богу работать и мамонѣ*, то есть, невозможно тому быть слугою Божіимъ, кто привязался къ богатству и по пристрастію къ нему нѣчто удерживаетъ за собою. Посему, если ты намѣренъ вѣрно распоряжаться богатствомъ, то не порабощайся ему, то есть, не имѣй привязанности къ нему, и ты истинно послужишь Богу. Ибо сребролюбіе, то есть, страстная наклонность и любовь къ богатству, повсюду порицается (1 Тим. 6, 10).

Зач. *Слышаху же сія вся и фарисее сребролюбцы суще,*
82. *ругахуся ему: И рече имъ:* Вы есте оправдающе себе предъ человѣки. Богъ же вѣсть сердца ваша: яко, еже есть въ человѣцѣхъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ.* Фарисеи, въ досадѣ на слова Господа, смѣялись надъ Нимъ. Ибо имъ, какъ сребролюбцамъ, непріятно было слушать о нестяжательности. Такъ и сказано: *мерзость грѣшнику богочестіе, и обличеніе нечестивому раны* (Притч. 9, 7). Господь, обнаруживая скрытное лукавство фарисеевъ, и показывая, что они, хотя и принимаютъ видъ праведности, мерзки однакожъ предъ Богомъ по своему самомнѣнію, говоритъ: вы представляете себя праведниками предъ людьми, и думаете, будто вамъ однимъ дано разумѣть то, что нужно, и учить: посему вы и смѣетесь надъ моими словами, какъ неразумными, желая почитаться у черни учителями исти-

---

*Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ:**

ны. Но не такъ на дѣлѣ. Потому что Богъ знаетъ сердца ваши, и считаетъ васъ мерзкими за ваше высокомудріе и пристрастіе къ людской славѣ. Ибо что̀ высоко у людей, то̀ мерзость предъ Богомъ. *Нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Прич. 16, 5). Посему вамъ, фарисеи, нужно было жить не для людскаго мнѣнія, *яко Богъ разсыпа кости человѣкоугодниковъ* (Псал. 52, 6), но лучше содѣловать себя праведными предъ Богомъ.

Законъ и пророцы до Іоанна: оттолѣ царствіе Божіе благовѣствуется, и всякъ въ не нудится. Удобѣе же есть небу и земли прейти, неже отъ закона единой чертѣ погибнути. Всякъ пущаяй жену свою, и приводя ину, прелюбы дѣетъ: и женяйся пущеною отъ мужа, прелюбы творитъ. Повидимому, это отдѣльная рѣчь, неимѣющая ничего общаго съ вышесказаннымъ, но для внимательнаго она не покажется непослѣдовательною, а напротивъ очень связанною съ предъидущимъ. Господь вышесказанными словами училъ нестяжательности, и богатство назвалъ неправеднымъ имѣніемъ, а законъ (Левит. 26, 3—9) поставлялъ благословенія и въ богатствѣ (между прочимъ), и пророки (Иса. 1, 19) обѣщали (въ награду) блага земныя. Дабы кто-нибудь, подобно фарисеямъ, не сказалъ Ему съ насмѣшкою: что ты говоришь? ты противорѣчишь закону: онъ благословляетъ богатствомъ, а ты учишь нестяжательности? посему Господь говоритъ: законъ и пророки имѣли время до Іоанна, и хорошо такъ учили, потому что слушатели были тогда въ юномъ возрастѣ. Но съ того времени, какъ явился Іоаннъ, почти

Лук.

безплотный по нестяжательности и нестяжательный почти по безплотности, и проповѣдалъ царствіе небесное, блага земныя уже не имѣютъ времени, а проповѣдуется царствіе небесное. Посему желающіе небесъ должны на землѣ усвоить себѣ нестяжательность. Поелику пророки и законъ не упоминали о царствѣ небесномъ, то справедливо обѣщали блага земныя (людямъ) еще далеко несовершеннымъ и неспособнымъ представить себѣ ничего великаго и мужескаго. Посему, фарисеи, Я справедливо учу нестяжательности, когда несовершенныя заповѣди закона не имѣютъ уже времени. Потомъ, дабы не сказали, что наконецъ все законное отвергнуто какъ суетное и совершенно пустое, Господь говоритъ: нѣтъ! напротивъ, нынѣ еще болѣе исполняется и совершается. Ибо что̀ законъ начерталъ въ тѣни (ἐσκιαγράφησεν), говоря образно о Христѣ или о заповѣдяхъ, то̀ нынѣ исполняется, и ни одна черта изъ того не пропадетъ. Что̀ тамъ въ видѣ тѣни указано о Христѣ, то̀ нынѣ совершится яснѣйшимъ образомъ. И заповѣди закона, данныя тогда приспособительно и сообразно съ разумѣніемъ несовершенныхъ, нынѣ будутъ имѣть смыслъ высшій и совершеннѣйшій. А что законъ несовершеннымъ говорилъ несовершенно, видно изъ слѣдующаго. Напримѣръ, законъ по жестокосердію евреевъ далъ приговоръ о расторженіи брака, именно: мужъ, если возненавидитъ жену свою, имѣлъ право развестись съ нею, дабы не случилось чего-нибудь худшаго. Ибо склонные къ убійству и кровожадные (евреи) не щадили ближайшихъ родныхъ, такъ что закалали въ жертву бѣсамъ своихъ сыновей и дочерей.

Но это недостатокъ и несовершенство закона. Тогда было время такого законоположенія: а нынѣ нужно другое ученіе, совершеннѣйшее. Посему Я и говорю: всякій, кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе, и женится на другой, томъ прелюбодѣйствуетъ. Посему нѣтъ ничего удивительнаго, если Я учу и нестяжательности, хотя законъ ничего о ней ясно не говоритъ. Вотъ, законъ равнодушно далъ заповѣдь о брачномъ разводѣ, для предотвращенія смертоубійства въ іудеяхъ; а Я, пріучая слушателей къ высшему совершенству, запрещаю разводъ безъ благословной причины, и повелѣваю такъ не вопреки закону, но съ тѣмъ, чтобы не было убійствъ мжеду мужьями и женами. И Я подверждаю это, когда учу, чтобъ супруги заботились другъ о другѣ, и берегли другъ друга какъ собственные члены. И законъ желалъ этого, но поелику слушатели были несовершенны, то Онъ опредѣлилъ расторгать бракъ, чтобы по крайней мѣрѣ при такомъ условіи мужъ и жена щадили другъ друга, и не ярились одинъ на другаго. И такъ Христосъ всѣ требованія закона подтвердилъ; а посему и хорошо сказалъ, что невозможно пропасть ни одной чертѣ изъ закона. Ибо какъ бы она погибла, когда Христосъ исправилъ его (законъ) въ лучшемъ видѣ.

Человѣкъ же нѣкій бѣ богатъ, и облачашеся въ* Зач. 83.
порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло. Нищъ же бѣ нѣкто, именемъ Лазарь, иже лежаше предъ враты его гноенъ, И желаше насытитися отъ крупицъ па-

---

*Рече Господь притчу сію: человѣкъ**

Лук.

дающихъ отъ трапезы богатаго: но и пси приходяще облизаху гной его. Бысть же умрети нищему, и несену быти ангелы на лоно Авраамле: умре же и богатый, и погребоша его. Эта рѣчь стоитъ въ связи съ предъидущею. Поелику выше Господь училъ хорошо управлять богатствомъ, то справедливо присокупляетъ и сію притчу, которая, примѣромъ случившагося съ богачемъ, указываетъ на туже самую мысль. Рѣчь эта есть именно притча, а не дѣйствительное событіе, какъ нѣкоторые думали безъ основанія. Ибо не настало еще время ни праведнымъ наслѣдовать блага, ни грѣшнымъ противное. А Господь придалъ рѣчи образность, чтобы какъ немилосердыхъ вразумить, что̀ имъ предлежитъ въ будущемъ, такъ и злостраждущихъ научить, что они будутъ благополучны за то, что̀ переносятъ здѣсь. Богача въ притчу (Господь) взялъ безъ имени, поелику онъ недостоинъ и именоваться предъ Богомъ, какъ и чрезъ Пророка сказано: *не помяну именъ ихъ устнама моима* (Псал. 15, 4). А о нищемъ упоминаетъ по имени: ибо имена праведныхъ написываются въ книгѣ жизни. Говорятъ же, по преданію евреевъ, что въ то время былъ въ Іерусалимѣ нѣкто Лазарь, находившійся въ крайней бѣдности и болѣзни, и что Господь объ немъ упомянулъ, взявъ его въ притчу, какъ явнаго и извѣстнаго.—Богачь былъ во всѣхъ отношеніяхъ благополученъ. Онъ одѣвался въ порфиру и виссонъ, и не только одѣвался, но и всякимъ другимъ удовольствіемъ наслаждался. *Веселяся*, сказано, и не то, чтобъ нынѣ да, а завтра нѣтъ, но на *вся дни*, и не то, чтобъ умѣренно, но *свѣтло*, то есть, роскошно и расточительно.

А Лазарь былъ нищій и больной, и притомъ сильно, *гноенъ*, какъ сказано. Ибо можно болѣть, и однакожъ не быть въ ранахъ, а отъ сихъ увеличивается зло. И поверженъ былъ онъ у воротъ богатаго, Новая скорбь видѣть, что другіе съ избыткомъ наслаждаются, а онъ томится голодомъ. Ибо онъ желалъ насытиться не роскошными яствами, но крошками отъ нихъ такими, которыми питались псы. Никто не заботился и объ излеченіи Лазаря: ибо псы облизывали раны его, такъ какъ никто не отгонялъ ихъ. Что жъ? Лазарь, находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи, хулилъ Бога? поносилъ роскошную жизнь богача? осуждалъ безчеловѣчіе? роптал на Промыслъ? Нѣтъ, ничего такого онъ не помышлялъ, но переносилъ все съ великимъ любомудріемъ. Откуда это видно? Изъ того, что, когда умеръ, его приняли ангелы. Ибо если бы онъ былъ ропотникъ и богохульникъ, онъ не удостоился бы такой чести—сопровожденія и несенія ангелами. *Умре же и богатый, и погребаша его.* Еще при жизни богача душа его была поистинѣ зарыта, она носила плоть какъ-бы гробъ. Посему, и по смерти его, онъ не ангелами возводится, но низводится во адъ. Ибо не помышлявшій никогда ни о чемъ высокомъ и небесномъ достоинъ самаго низшаго мѣста. Словами *погребоша его* Господь намекнулъ на то, что и душа его получила въ удѣлъ преисподнее и мрачное мѣсто.

И во адѣ возведъ очи свои, сый въ мукахъ, узрѣ Авраама издалеча, и Лазаря на лонѣ его. И той возглашъ, рече: отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и усту-

дитъ языкъ мой: яко стражду во пламени семъ. Рече же Авраамъ: чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши. И надъ всѣми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюда къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ. Какъ Адама, изгнавъ изъ рая, Господь поселилъ *прямо рая* (Быт. 3, 24), дабы страданіе, повторяющееся при постоянномъ видѣ рая, давало Адаму яснѣе чувствовать лишеніе блаженства: такъ и сего (богача) осудилъ предъ лицемъ Лазаря, дабы видя, въ какомъ состояніи находится теперь Лазарь, богатый чувствовалъ, чего онъ лишился чрезъ безчеловѣчіе. Почему же богатый увидѣлъ Лазаря не у другаго кого изъ праведныхъ, но на лонѣ Авраама? Поелику Авраамъ былъ гостепріименъ, а богатаго нужно было обличить въ нелюбви къ гостепріимству, посему богатый и видитъ Лазаря съ Авраамомъ. Сей и мимо проходящихъ приглашалъ въ домъ свой, а тотъ презиралъ и лежащаго внутри дома. Почему богатый обращаетъ просьбу свою не къ Лазарю, а къ Аврааму? Можетъ быть, онъ стыдился, а можетъ быть, думалъ, что Лазарь помнитъ его зло, и по своимъ дѣламъ заключалъ и объ Лазарѣ. Если я (могъ онъ думать), наслаждаясь такимъ несчастіемъ, презиралъ его, угнетаемаго такимъ счастіемъ, и не удѣлялъ ему даже крошекъ, то тѣмъ болѣе онъ, презрѣнный мною, вспомнитъ зло и не согласится оказать мнѣ милость. Посему-то онъ обращается съ своими словами къ Аврааму, думая вѣроятно, что патріархъ не знаетъ, какъ

было дѣло. Что же Авраамъ? Онъ не сказалъ богачу: безчеловѣчеый и жестокій, не стыдно ли тебѣ? теперь ты вспомнилъ о человѣколюбіи. Но какъ? *Чадо!* Смотри на сострадательную и святую душу. Мудрецъ какой-то говоритъ: смиренную душу не возмущай. Посему и Авраамъ говоритъ: *чадо,* давая чрезъ сіе знать ему, что именовать его такъ милостиво даже теперь въ его власти, но и только, а что болѣе сего онъ ничего не властенъ сдѣлать для него. Что̀ могу, то̀ удѣляю тебѣ, то есть, голосъ состраданія. Но чтобы перейти отсюда туда, это не въ нашей волѣ, ибо все заключено. *Воспріялъ еси благая твоя,* а онъ злая. Почему (Авраамъ) не сказалъ (богачу): ты пріялъ (ἔλαβες), но воспріялъ (ἀπέλαβες)? Слово *получить обратно* (ἀπολαβεῖν) мы обыкновенно употребляемъ о тѣхъ, кои получаютъ то, чѣмъ имъ должны были. Чему же мы научаемся? Тому, что хотя нѣкоторые осквернили себя злодѣяніями, хотя дошли до крайней степени злобы, но когда-нибудь сдѣлали же они одно или два добрыхъ дѣла. Посему и богачь имѣлъ какія-нибудь добрыя дѣла, и такъ какъ онъ въ благоденствіи здѣшней жизни получилъ воздаяніе, то и говорится, что онъ *воспріялъ благая. И Лазарь такожде злая.* Можетъ быть, и онъ совершилъ одно или два злыхъ дѣла, и въ скорби, которую здѣсь претерпѣлъ, получилъ за нихъ должное воздаяніе. Посему онъ утѣшается, а ты страждешь. *Пропасть* означаетъ разстояніе и различіе между праведными и грѣшниками. Ибо какъ произволенія ихъ были различны, такъ и обители ихъ имѣютъ большую разность, когда каждый получаетъ воздаяніе соотвѣт-

Лук.

ственно произволенію и жизни. Примѣть здѣсь и возраженіе противъ оригенистовъ. Они говорятъ, что придетъ время, когда муки окончатся, и грѣшники соединятся съ праведниками и съ Богомъ, и такимъ образомъ Богъ будетъ все во всѣхъ. Но вотъ, мы слышимъ, Авраамъ говоритъ, что хотящіе перейти отсюда къ вамъ, или оттуда къ намъ, не могутъ (сего сдѣлать). Посему, какъ изъ участи праведниковъ невозможно кому-нибудь перейти въ мѣсто грѣшниковъ, такъ невозможно, учитъ насъ Авраамъ, перейти изъ мѣста мученія въ мѣсто праведниковъ. И Авраамъ, безъ сомнѣнія, болѣе достоинъ вѣры, чѣмъ Оригенъ.—Что такое *адъ*? Одни говорятъ, что адъ есть подземное мрачное мѣсто, а другіе называли адомъ переходъ души изъ нагляднаго въ невидимое и безвидное состояніе. Ибо доколѣ душа находится въ тѣлѣ, она обнаруживается собственными дѣйствіями, а по разлученіи съ тѣломъ она становится невидимою. Это-то и называли адомъ.—*Лономъ Авраамовымъ* называютъ совокупность (περιοχή) тѣхъ благъ, какія предлежатъ праведникамъ, по входѣ ихъ отъ бури въ небесныя пристани. Поелику и въ морѣ заливами (лономъ) мы обыкновенно называемъ мѣста удобныя для пристани и упокоенія.—Обрати вниманіе и на то, что въ день тотъ обидчикъ увидитъ, въ какой славѣ будетъ обиженный имъ, а сей въ свою очередь (увидитъ), въ какомъ осужденіи будетъ обидчикъ, подобно какъ здѣсь богатый увидѣлъ Лазаря, а сей опять богатаго.

Рече же: молю тя убо отче, да послеши его въ домъ отца моего, Имамъ бо пять братій: яко да за-

свидѣтельствуетъ имъ, да не и тіи пріидутъ на мѣсто сіе мученія. Глагола ему Авраамъ: имутъ Моѵсеа и пророки, да послушаютъ ихъ. Онъ же рече: ни, отче Аврааме: но аще кто отъ мертвыхъ идетъ къ нимъ, покаются. Рече же ему: аще Моѵсеа и пророковъ не послушаютъ, и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры. Несчастный богачь, не получивъ облегченія своей участи, прилагаетъ просьбу о другихъ. Смотри, какъ онъ чрезъ наказаніе пришелъ въ сочувствіе (другимъ), и тогда какъ прежде презиралъ Лазаря, у ногъ его лежащаго, теперь заботится о другихъ, кои не находятся при немъ, и умоляетъ послать въ домъ отца своего Лазаря изъ мертвыхъ, не просто кого-нибудь изъ мертвыхъ, но Лазаря, дабы видѣвшіе его прежде больнымъ и безчестнымъ увидѣли теперь увѣнчаннымъ славою и здоровымъ, и бывшіе свидѣтелями его убожества сами сдѣлались созерцателями его славы. Ибо очевидно, онъ имѣлъ бы явиться имъ во славѣ, если бы нужно было быть ему проповѣдникомъ, достойнымъ вѣроятія. Что же сказалъ Авраамъ? *Имутъ Моѵсеа.* Ты, говоритъ, не такъ печешься о братьяхъ, какъ Богъ, творецъ ихъ. Онъ приставилъ къ нимъ безчисленныхъ наставниковъ. А богачь говоритъ: *ни, отче.* Ибо какъ самъ, слыша Писанія, не вѣрилъ, и слова ихъ считалъ баснями, такъ предполагалъ и о братьяхъ своихъ, и судя по себѣ, говоритъ, что они Писаній не послушаютъ, какъ и самъ онъ, но, если кто воскреснетъ изъ мертвыхъ, повѣрятъ. Есть и нынѣ подобные люди, кои говорятъ: кто видѣлъ, что̀ дѣлается во адѣ? кто пришелъ оттуда и возвѣстилъ намъ? Пусть же они послу-

шаютъ Авраама (который говоритъ), что, если мы не слушаемъ Писаній, то не повѣримъ и тѣмъ, кто пришелъ бы къ намъ изъ ада. Это очевидно изъ примѣра іудеевъ. Они, такъ какъ не слушали Писаній, не повѣрили и тогда, когда видѣли мертвыхъ воскресшими, даже помышляли и убить Лазаря (Іоан. 12, 11). Равнымъ образомъ и послѣ того, какъ при распятіи Господа воскресли многіе усопшіе (Мѳ. 27, 52), іудеи дышали на апостоловъ еще большимъ убійствомъ. Притомъ, еслибъ это (воскрешеніе мертвыхъ) было полезно для нашей вѣры, Господь творилъ бы оное часто. Но нынѣ ничто такъ не полезно, какъ тщательное изслѣдованіе Писаній (Іоан. 5, 38). Воскрешать мертвыхъ (хотя) призрачно умудрился бы и діаволъ, и посему ввелъ бы неразумныхъ въ заблужденіе, всѣявъ между ними ученіе объ адѣ, достойное своей злобы. А при здравомъ (нашемъ) изслѣдованіи Писаній, дьяволъ не можетъ ничего такого выдумать. Ибо онѣ (Писанія) суть свѣтильникъ и свѣтъ (2 Петр. 1, 19), при сіяніи котораго тать обнаруживается и открывается. Итакъ нужно Писаніямъ вѣровать, а не требовать воскрешенія мертвыхъ.—Можно понимать притчу сію и въ переносномъ смыслѣ, напримѣръ такъ, что лицемъ богача обозначается народъ еврейскій. Онъ прежде былъ именно богатъ, обогащенъ всякимъ знаніемъ и мудростію, и реченіями Божіими, которыя честнѣе злата и каменій многоцѣнныхъ (Притч. 3, 14. 15). Онъ одѣвался въ порфиру и виссонъ, имѣя царство и священство и самъ будучи царскимъ священствомъ Богу (Исх. 19, 6). Порфира намекаетъ на царство, а виссонъ на

священство. Ибо левиты при священнодѣйствіяхъ употребляли облаченія изъ виссона. Онъ и веселился на вся дни свѣтло, ибо всякій день утромъ и вечеромъ приносилъ жертвы, которыя носили и securityваніе безконечности (τῦ ἐνδελεχισμῦ), то есть, непрерывности.—Лазаремъ были язычники, народъ бѣдный божественными дарованіями и мудростію, и лежавшій у воротъ. Ибо язычникамъ не позволено было входить въ домъ (Божій); входъ ихъ туда считался оскверненіемъ, какъ видно изъ книги Дѣяній. (Асійскіе іудеи) съ возмущеніемъ кричали на Павла, что ввелъ язычниковъ во храмъ, и осквернилъ сіе святое мѣсто (гл. 21, ст. 27. 38). Язычники изранены были зловонными грѣхами, и своими ранами питали безстыдныхъ псовъ, бѣсовъ: ибо язвы наши (духовныя) для нихъ удовольствіе. Язычники желали питаться крошками, падающими отъ стола богача: ибо они не имѣли никакого участія въ хлѣбѣ, укрѣпляющемъ сердце (Псал. 103, 15), и нуждались въ пищѣ тончайшей, немногой и разумной. Такъ жена хананейская, будучи язычницею, желаетъ напитаться крошками (Матѳ. 15, 22. 26. 27). Что же далѣе? Народъ еврейскій умеръ для Бога, и кости его омертвѣли, такъ какъ онъ не дѣлалъ никакого движенія къ добру. И Лазарь, то есть, народъ языческій, умеръ для грѣха. Іудеи, умершіе во грѣхахъ своихъ, сожигаются пламенемъ зависти, ревнуя, какъ говоритъ апостолъ, о томъ, что язычники приняты въ вѣру (Рим. 11, 11). А язычники, прежде бѣдный и безславный народъ, по справедливости живутъ въ нѣдрахъ Авраама, отца язычниковъ. Авраамъ, бывъ язычникомъ, увѣро-

валъ въ Бога, и отъ служенія идоламъ перешелъ къ богопознанію. Посему и тѣ, кои стали участниками въ его обращеніи и вѣрѣ, справедливо покоятся въ его нѣдрахъ, наслѣдовавъ такія же, какъ онъ, участь, обители и воспріятіе благъ. Іудейскій народъ желаетъ хотя одной капли отъ прежнихъ законныхъ окропленій и очищеній, дабы языкъ его прохладился, и могъ смѣло что-нибудь сказать противъ насъ въ пользу силы закона; но не получаетъ. Ибо законъ только до Іоанна (Матѳ. 11, 13). *Жертвы*, сказано, *и приношенія не восхотѣлъ еси*, и далѣе (Псал. 39, 7). И Даніилъ предвозвѣстилъ: *потребится помазаніе, и запечатается пророчество* (гл. 9, ст. 26 24), то есть прекратятся и заключатся.—Можешь ты и нравственно понимать эту притчу. Именно, будучи богатъ зломъ, не оставляй ума твоего терпѣть голодъ, и когда онъ созданъ для стремленія къ небу, не повергай его долу, и не заставляй лежать при воротахъ, но вводи его во внутрь, и не стой внѣ, ни блуждай, ни лежи, но дѣйствуй. Это послужитъ тебѣ началомъ для разумной дѣятельности, а не наслажденія только плотскаго. И прочія части притчи удобно понимать въ пользу нравственности.

ГЛАВА СЕМНАЦАТАЯ.

О соблазнѣ.—Объ отпущеніи ближнимъ ихъ согрѣшеній.—О вѣрѣ въ Бога.—О десяти прокаженныхъ.—О вопрошеніи (фарисеями) Іисуса о томъ, когда придетъ царствіе Божіе.

Рече же ко ученикомъ своимъ: не возможно есть не пріити соблазномъ: горе же, егоже ради приходятъ.

Уне ему было бы, аще жерновъ осельскій облежалъ бы о выи его, и ввержен въ море, неже да соблазнитъ отъ малыхъ сихъ единаго.

**Внемлите себѣ: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ* Зач. 84.
твой, запрети ему: и аще покается, остави ему, И аще седмищи на день согрѣшитъ къ тебѣ, и седмищи на день обратится, глаголя: каюся, остави ему. Поелику любостяжательные фарисеи роптали на Господа за то, что Онъ говорилъ о нестяжательности, то Онъ сначала сказалъ притчу о богатомъ и Лазарѣ, показывая имъ чрезъ нее, какое постигнетъ ихъ наказаніе за привязанность къ богатству; а потомъ обращаетъ рѣчь свою къ ученикамъ о самихъ фарисеяхъ, что они производятъ соблазнъ и удерживаютъ (другихъ) отъ божественнаго пути, и что за сіе въ удѣлъ ихъ предлежитъ имъ *горе*. Посмотримъ же, что Онъ говоритъ. *Не возможно есть не пріити соблазномъ: горе же, егоже ради приходятъ*, то есть, невозможно не придти соблазнамъ, или препятствіямъ въ доброй и боголюбезной жизни. Ибо при многой злобѣ людей необходимо оказаться и множеству препятствій проповѣди и истинѣ. Но горе только тому, чрезъ кого они приходятъ: то есть, виновнику ихъ, каковы фарисеи, соблазняющіе и препятствующіе проповѣди. Многіе съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: если необходимо придти соблазнамъ, и невозможно проповѣди не встрѣтить препятствій, то за что же, Господи, ты осуждаешь и называешь несчастными виновниковъ соблазновъ? Они стали та-

---

*Рече Господь:**

кими по необходимости, а все, что дѣлается по необходимости, достойно прощенія. Знай же, что самая необходимость эта имѣетъ начало въ свободномъ произволеніи. Скажу яснѣе: Господь, видя злобу тогдашнихъ людей, видя, какъ они прилежатъ злу и не избираютъ ничего добраго. сказалъ, что судя по слѣдствію изъ того, что̀ теперь предъ глазами, необходимо придти соблазнамъ. Итакъ злоба, которою люди услаждались, дѣло произвола, а произведеніе соблазновъ необходимо слѣдовало отъ злобы: посему-то виновники соблазновъ и достойны наказанія. Можно пояснить это примѣромъ.. Врачь, видя, что такой-то ведетъ дурной образъ жизни и предается неумѣренности, можетъ сказать, что онъ необходимо заболитъ. Ужели эта болѣзнь необходима? Да, какъ слѣдствіе дурнаго образа жизни, необходима. Посему, горе препятствующимъ проповѣди, за то, что они дошли до такой злобы, что необходимо стало придти соблазнамъ. И подлинно человѣку, производящему соблазны и препятствія, лучше, чтобъ ему повѣсили жерновъ мельничный и бросили его въ море, нежели чтобъ соблазнить и совратить одного изъ малыхъ, то есть, вѣрныхъ. Посему (Господь) предостерегаетъ учениковъ: *внемлите себѣ*. Вотъ, говоритъ, Я прежде вамъ сказываю, что придетъ зло, не будьте въ отвѣтѣ. Ибо злу необходимо придти, но нѣтъ необходимости вамъ погибнуть, если будете осторожны и вооружитесь. Необходимо придти волку, но если пастухъ бодрствуетъ, нѣтъ необходимости овцамъ погибнуть, а волкъ долженъ уйти съ пустымъ зѣвомъ. (Господь) сказалъ это о соблазнителяхъ и тѣхъ, кои вредятъ (про-

повѣди), то есть, препятствуютъ. Поелику между ними есть большое различіе, ибо одни неисцѣлимы, какъ фарисеи, а другіе излечимы, какъ братья Господа по отношенію къ самому Господу, ибо и они не вѣровали въ Него (Іоан. 7, 5). Итакъ, поелику большое различіе между препятствующими проповѣди, ибо между ними могли быть нѣкоторые и единовѣрные, то Господь говоритъ: если братъ твой согрѣшитъ противъ тебя, ты выговори ему одинъ наединѣ, и если послушаетъ тебя, ты пріобрѣлъ его, если же не послушаетъ, возми съ собою еще одного или двухъ, и прочая, что̀ евангелистъ Матѳей (18, 15—17) изобразилъ пространнѣе, а евангелистъ Лука прошелъ молчаніемъ, какъ сказанное уже евангелистомъ Матѳеемъ. Кто послушаетъ выговоровъ, тотъ достоинъ прощенія; а кто не послушаетъ, тотъ да будетъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь, то есть, мерзокъ и недостоинъ называться братомъ. Потомъ какъ-бы кто сказалъ: пусть такъ, Господи! Ты хорошо это различилъ; но что дѣлать съ тѣмъ, кто много разъ получилъ прощеніе и снова вредитъ? Господь говоритъ: если онъ снова покается, прости ему. И еще: если и семь разъ въ день обратится, прости ему. А слово *седмищи* поставлено здѣсь вмѣсто слова *многократно*, подобно какъ въ выраженіи: *неплоды роди седмь* (1 Цар. 2, 5). Итакъ сколько онъ разъ покается, столько разъ должно прощать ему. И не подумай, будто Господь полагаетъ число, сколько разъ прощать, но, какъ я прежде сказалъ, *седмищи* понимай вмѣсто *многократно* и безчисленно̀. Мы говоримъ же въ обычной бесѣдѣ: въ такомъ-то городѣ тьма

жителей (*μυρίανδρος*), но говоримъ не потому, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ тьма (десять тысячь) жителей, ибо ихъ можетъ быть и больше въ немъ, а вмѣсто того, чтобъ назвать городъ очень многолюднымъ, мы говоримъ, что въ немъ десять тысячь жителей. А что *седмищи* употреблено въ семъ значеніи, это видно изъ евангелія отъ Матөея (18. 21. 22). Ибо тамъ, когда Петръ сказалъ: Господи, долженъ ли я прощать ему (брату моему) до семи разъ? Господь сказалъ: не до семи, но доседмижды семидесяти разъ, обозначая чрезъ сіе безчисленное множество разъ.

И рекоша апостоли Господеви: приложи намъ вѣру. Рече же Господь: аще бысте имѣли вѣру яко зерно горушно, глаголали бысте убо ягодичинѣ сей: восторгнися, и всадися въ море, и послушала бы васъ. Который же отъ васъ раба имѣя орюща или пасуща, иже пришедшу ему съ села речетъ абіе: минувъ возляzи. Но не речетъ ли ему: уготовай, что вечеряю, и препоясався служи ми, дондеже ямъ и пію: и потомъ яси и піеши ты? еда иматъ хвалу рабу тому, яко сотвори повелѣнная? не мню. Тако и вы, егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ. Апостолы вѣровали въ Господа, однакожъ, пришедши въ сознаніе своей слабости, понявши, что Господь сказалъ о чемъ-то великомъ, и услышавъ объ опасности отъ соблазновъ, просятъ, чтобъ умножилась въ нихъ сила вѣры, дабы чрезъ нее они могли исполнить то, что̀ Онъ сказалъ, то есть, относительно нестяжательности. Ибо ничто такъ не укрѣпляетъ въ нестяжательности,

какъ вѣра въ Бога и твердое на Него упованіе, равно какъ ничто такъ не располагаетъ къ собиранію сокровищъ, какъ невѣріе, что Богъ есть великій сокровищехранитель (*ταμίας*, казначей), а благость его—неистощимая сокровищница; притомъ съ вѣрою они могутъ противустать соблазнамъ. Посему (апостолы) приступаютъ (къ Господу) и говорятъ: *приложи намъ вѣру*, то есть, яви насъ совершеннѣйшими и твердѣйшими въ вѣрѣ. Господь, показывая имъ, что просьба ихъ хороша, и что имъ нужно твердо содержать ту мысль, что вѣра имѣетъ великую силу, говоритъ: если бы вы имѣли вѣру, вы пересадили бы и эту смоковницу. Здѣсь двѣ великія вещи: именно, что̀ укоренилось въ землѣ, то̀, во-первыхъ, передвинулось бы съ своего мѣста, а во-вторыхъ, пересадилось бы въ море. А что̀ можетъ быть посажено въ водѣ? Очевидно, сими словами Господь показываетъ силу вѣры. Быть можетъ, кто-нибудь въ переносномъ смыслѣ подъ *смоковницею* будетъ разумѣть дьявола, такъ какъ онъ изобрѣлъ для насъ вѣчнаго червя, и питаетъ его насаждаемыми имъ помыслами: ибо смоковничными листьями питаются черви, отъ которыхъ бываютъ шелковыя нити. Такъ и сію смоковницу вѣра можетъ искоренить изъ сердца человѣческаго и бросить въ море, то есть, низвергнуть въ бездну. Сказавъ это о вѣрѣ, (Господь) присовокупляетъ и другое очень нужное ученіе. Какое же? ученіе о томъ, что не должно гордиться совершенствами. Поелику вѣра совершаетъ многое, и содержащаго ее содѣлываетъ исполнителемъ заповѣдей, украшая его при семъ и чудотвореніями, а отъ сего человѣкъ легко мо-

жетъ впасть въ высокомѣріе; посему (Господь) предостерегаетъ апостоловъ не превозноситься совершенствами, представляя прекрасный примѣръ. *Который*, говоритъ, *отъ васъ раба имѣя,* и прочая. Сею притчею объявляется, что не должно величаться никакимъ совершенствомъ, ни даже исполненіемъ всѣхъ заповѣдей. Ибо на рабѣ лежитъ необходимая обязанность исполнять приказанія господина, однакожъ исполненіе ихъ не должно вмѣняться ему въ совершенство. Ибо, если рабъ не будетъ дѣлать, онъ достоинъ ранъ; а когда сдѣлалъ, пусть довольствуется тѣмъ, что избѣжалъ ранъ, а не долженъ за это необходимо требовать платы. Ибо заплатить ему, особенно же подарить что нибудь, зависитъ отъ великодушія господина. Такъ и Богу работающій не долженъ превозноситься, если исполнитъ заповѣди: ибо онъ не сдѣлалъ ничего великаго. Напротивъ, если бы онъ не исполнилъ, ему было бы горе, какъ говоритъ апостолъ: *горе мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16). Равнымъ образомъ, если онъ получитъ дарованія, онъ не долженъ ими величаться: ибо дарованія даны ему по милости Божіей, а не потому, будто бы Владыка былъ ему долженъ. Ибо особенный долгъ раба, по отношенію къ его господину, исполнять всѣ его приказанія. Если же мы не должны думать о себѣ ничего великаго и тогда, когда соблюдемъ всѣ заповѣди: то что мы такое бываемъ, когда не исполняемъ и малой части заповѣдей Божіихъ, да еще гордимся? Обрати вниманіе и на то выраженіе притчи, что прежде поставлено *орюща*, а потомъ присово-

куплено *насуща*. Ибо, кому бы то ни было, прежде нужно землю воздѣлывать, а потомъ уже принимать въ руки и пастырскую должность. Кто хорошо воздѣлалъ свою плоть, какъ-бы какую землю, тотъ достоинъ быть и для другихъ пастыремъ. Ибо кто не умѣетъ собственнымъ домомъ управлять, какъ слѣдуетъ, тотъ какъ будетъ пещись о церкви (1 Тимоѳ. 3, 5)? Итакъ прежде воздѣлай самого себя, и тогда уже другихъ паси, какъ и пророкъ Іеремія сказалъ: *поновите себѣ поля* (Іерем. 4. 3), а потомъ просвѣтите себѣ свѣтъ разума, чѣмъ обозначается важнѣйшая часть пастырской должности.

И бысть идущу ему во Іерусалимъ, и той прохождаше между Самаріею и Галилеею.

Входящу же ему * *въ нѣкую весь, срѣтоша его десять прокаженныхъ мужей, иже сташа издалеча: И тіи вознесоша гласъ, глаголюще: Іисусе наставниче, помилуй ны. И видѣвъ рече имъ: шедше покажитеся священникомъ: и бысть идущымъ имъ, очистишася. Единъ же отъ нихъ видѣвъ, яко исцѣлѣ, возвратися, со гласомъ веліимъ славя Бога: И паде ницъ при ногу его, хвалу ему воздая:* * *и той бѣ самарянинъ. Отвѣщавъ же Іисусъ рече: не десять ли очистишася? да девять гдѣ? Како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменникъ сей? И рече ему: воставъ иди, вѣра твоя спасе тя.* И отсюда всякій можетъ познать, что никому ничто не препятствуетъ богоугождать Богу,

Зач. 85.

Во время оно, входящу Іисусови *

хотя бы онъ былъ изъ проклятаго рода, но лишь только бы имѣлъ доброе произволенiе. Вотъ, десять человѣкъ прокаженныхъ встрѣтили Iисуса, когда Онъ имѣлъ войти въ одинъ городъ. Встрѣтили они Его внѣ города: ибо имъ, такъ какъ они считались нечистыми, не позволялось жить внутри города (Числ. 1, 1. 3). Они остановились *вдали*, какъ-бы стыдясь мнимой своей нечистоты, и не смѣя приблизиться, въ той мысли, что и Iисусъ возгнушается ими, какъ прочiе то дѣлали, возвышаютъ голосъ и просятъ милости. По мѣсту они стояли вдали, но по молитвѣ стали вблизи. Ибо Господь близокъ ко всѣмъ призывающимъ его во истинѣ (Псал. 144, 18). Они просятъ милости не какъ отъ простаго человѣка, но какъ отъ такого, который выше человѣка. Ибо они называютъ (Iисуса) наставникомъ, то есть, господиномъ, попечителемъ, надзирателемъ, что̀ очень близко къ наименованiю его Богомъ. Онъ (Iисусъ) повелѣваетъ имъ (прокаженнымъ) показаться священникамъ. Ибо священники осматривали таковыхъ, и отъ нихъ сiи принимали рѣшенiе, чисты ли они отъ проказы или нѣтъ (Левит. гл. 13). Священники имѣли признаки, по коимъ они отмѣчали неизлечимую проказу. Да и тогда, когда кто заболѣлъ проказою, потомъ выздоровѣлъ, священники осматривали, и имъ приносили даръ, какой повелѣно въ законѣ. Здѣсь же, когда прокаженные были непререкаемо таковы, какая была имъ нужда показаться священникамъ, если они не имѣли быть очищенными совершенно? Повелѣнiе имъ пойти къ священникамъ указывало не на другое что, какъ на то, что они сдѣлаются чистыми. Посему и сказано, что они, идучи до-

рогою, очистились. Но смотри, какъ мы и сначала говорили, изъ десяти человѣкъ девять, хотя они были и израильтяне, остались неблагодарными. А самарянинъ, хотя былъ и чуждаго рода, возвратился и высказалъ свою признательность, (а самаряне были ассиріяне), дабы никто изъ язычниковъ не отчаявался, и никто изъ происходящихъ отъ святыхъ предковъ симъ не хвалился.—Чудо сіе намекаетъ и на общее спасеніе, бывшее для всего рода человѣческаго. Десять прокаженныхъ обозначаютъ всю природу человѣческую, прокаженную злобою, носящую на себѣ безобразіе грѣха, живущую за нечистоту свою внѣ города небеснаго, и отстоящую далеко отъ Бога. Это самое отстояніе вдали отъ Бога ходатайствовало о милости. Ибо, для человѣколюбиваго и желающаго всѣхъ спасти и облагодѣтельствовать Бога, самое сильное побужденіе къ милости видѣть, что никто не участвуетъ въ благости. Посему-то самому Онъ преклонился уврачевать находящихся въ такомъ положеніи. И хотя Онъ уврачевалъ всю прокаженную природу, воплотившись и вкусивши смерть за всякаго человѣка, однакожъ іудеи, не смотря на то, что со стороны Господа очищены отъ всѣхъ нечистотъ прокаженнаго грѣха, оказались неблагодарными, и не обратились отъ суетнаго своего пути, чтобъ дать славу Спасителю Богу, то есть, повѣрить Ему, что Онъ истинный Богъ благоволилъ претерпѣть самыя тяжкія страданія. Ибо плоть и крестъ суть слава Божія. Итакъ они воплощеннаго и распятаго не признали Господомъ славы. А язычники, народъ чуждый, признали очистившаго ихъ и прославили Его вѣрою, что Богъ столько

человѣколюбивъ и силенъ, что ради насъ принялъ на Себя крайнее безчестіе, что составляетъ дѣло человѣколюбія, и принявъ оное, никакого вреда не потерпѣлъ въ своемъ естествѣ, что составляетъ дѣло могущества.

Зач. 86. *Вопрошенъ же бывъ* * *отъ фарисей, когда пріидетъ царствіе Божіе, отвѣщавъ имъ рече: не пріидетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ. Ниже рекутъ: се здѣ, или ондѣ: се бо царствіе Божіе внутрь васъ есть. Рече же ко ученикомъ своимъ: пріидутъ дніе, егда вожделѣете единаго дне Сына человѣческаго видѣти, и не узрите. И рекутъ вамъ: се здѣ, или, се ондѣ: не изыдите, ни пожените. Яко бо молнія блистающися отъ поднебесныя, на поднебеснѣй свѣтится: тако будетъ Сынъ человѣческій въ день свой. Прежде же подобаетъ ему много пострадати, и искушену быти отъ рода сего.* Господь часто въ своемъ ученіи упоминалъ о царствіи Божіемъ. Но фарисеи, при слухѣ объ ономъ, смѣялись надъ Господомъ, и посему приступили съ вопросомъ когда оно пріидетъ, въ видѣ насмѣшки надъ Нимъ, какъ надъ чудакомъ, проповѣдующимъ о необычайномъ и странномъ предметѣ. Ибо никто изъ прежде бывшихъ учителей и пророковъ не упоминалъ о немъ (царствіи Божіемъ). Или, быть можетъ, имѣя въ умѣ намѣреніе свое по немногомъ времени убить Его, приступаютъ къ Нему съ вопросомъ, чтобъ имъ укольнуть Его и осмѣять, какъ-бы такъ говоря: ты ведешь рѣчи о царствіи, когда же настанетъ это царствіе твое? Ибо на утро ты преданъ будешь нами на смерть, воздѣтъ бу-

---

Во время оно, вопрошенъ бысть Іисусъ *

дешь на крестъ, и много инаго безчестія пріимешь. Что же Христосъ? Онъ не отвѣчаетъ безумнымъ по ихъ безрасудной мысли и безумію (Притч. 26. 4), но оставляетъ ихъ блуждать относительно подобно-именности царствія, и не открываетъ имъ ни того, о какомъ Онъ царствіи говоритъ (ибо они и не приняли бы), ни того, что царствіе сіе непохоже на царство мірское, но есть царствіе премірное (Іоан. 18, 36). Умолчавъ о семъ, такъ какъ они по произвольной своей глухотѣ недостойны были слышать о семъ, Господь о времени пришествія царствія говоритъ, что оно неизвѣстно и не подлежитъ наблюденію. Поелику царствіе Божіе не имѣетъ опредѣленнаго времени, но для желающаго присуще во всякую пору. Ибо царствіе Божіе, безъ сомнѣнія, составляетъ жизнь и устроеніе себя по образу ангеловъ. Тогда, говорится, по-истинѣ Богъ царствуетъ, когда въ душахъ нашихъ не находится ничего мірскаго, но когда мы во всемъ ведемъ себя выше міра. А такой образъ жизни мы имѣемъ внутрь себя, то есть, когда захотимъ. Ибо для вѣры не нужно ни продолжительнаго времени, ни путешествій, но вѣра и въ слѣдъ за вѣрою жизнь богоугодная близки къ намъ. О семъ самомъ апостолъ сказалъ: *близъ ти глаголъ есть во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ, сирѣчь глаголъ вѣры* (Римл. 10. 8). Ибо, чтобы увѣровать, и, увѣровавъ, ходить достойно званія, это внутрь насъ. Итакъ фарисеи глумились надъ Господомъ за то, что Онъ проповѣдуетъ царствіе, о которомъ никто не проповѣдывалъ. Но Господь объявляетъ, что они не понимаютъ такого предмета, который на-

ходится внутрь ихъ, и котораго желающему очень удобно достигнуть. Нынѣ, когда Я нахожусь среди васъ, вы несомнѣнно можете получить царствіе Божіе, если увѣруете въ Меня и рѣшитесь жить по моимъ заповѣдямъ. *Рече же ко ученикомъ своимъ: пріидутъ дніе*, и прочая. То есть: и вамъ присуще царствіе Божіе, доколѣ Я нахожусь съ вами. Присуще оно вамъ не потому только, что вы увѣровали въ Меня и послѣдовали Мнѣ, но и потому, что вы живете теперь съ совершенною безаботливостію, такъ какъ Я пекусь и промышляю объ васъ. Но когда Я не буду съ вами, придутъ такіе дни, что вы преданы будете опасностямъ, ведены будете къ владыкамъ и царямъ. Тогда вы какъ царствія Божія пожелаете теперешней безопасной и беззаботной жизни, какую ведете при Мнѣ, и многократно пожелаете получить хотя бы одинъ изъ моихъ дней, то есть, дней моего пребыванія съ вами, какъ дней безопаснѣйшихъ. Хотя они (ученики Господа) и въ то время, какъ съ Нимъ были, вели жизнь не безъ трудовъ и опасностей, а терпѣли бѣгство съ бѣгущимъ и оскорбленіе съ оскорбляемымъ: но если прежнія ихъ приключенія сравнить съ будущими опасностями, то окажется, что они тогда были очень безопасны. Посему и при такомъ образѣ жизни, то есть, при небольшихъ опастностяхъ и трудахъ, царствіе Божіе было внутрь апостоловъ. Между тѣмъ какъ послѣ воскресенія они были какъ-бы плѣнники и изгнанники. Сими словами (Господь) приготовляетъ сердца апостоловъ къ трудамъ и терпѣнію, и прежде сказываетъ имъ, чтобъ они не соблазнялись (Іоан. 16, 1). *Аще*, говоритъ, *ре-*

кутъ вамъ: се здѣ, или ондѣ, не пожените. Не слушайте, говоритъ, ничьихъ убѣжденій, будто Я пришелъ здѣсь или тамъ. Ибо второе мое пришествіе, блистательнѣйшее и славнѣйшее, не ограничится какимъ-нибудь мѣстомъ, а какъ молнія не скрывается, но является съ одного края земли на другомъ краю, такъ свѣтло и явно будетъ и второе мое пришествіе, и ни для кого не будетъ сокрыто. Итакъ не сдавайтесь на соблазны лжехристовъ. Прежде Я явился въ ясляхъ, и тридцать лѣтъ былъ въ уничиженіи, но тогда будетъ не такъ: Я пріиду во всей славѣ, въ сопровожденіи ангельскихъ воинствъ, и въ одно мгновеніе. Потомъ, поелику предсказалъ имъ страшныя бѣдствія, утѣшая ихъ и убѣждая переносить оныя мужественно, выставляетъ имъ Себя въ примѣръ. Не дивитесь, говоритъ, если случатся съ вами такія трудности, что заставятъ васъ пожелать (возвращенія) теперяшняго моего пребыванія съ вами. Ибо и Я самъ, имѣющій явиться какъ молнія, прежде долженъ много пострадать и быть отверженнымъ, и потомъ придти въ этой славѣ. Пусть же это будетъ для васъ убѣжденіемъ къ добродѣтели, и ободреніемъ къ терпѣнію, то есть, смотрите на Меня и уповайте, что и вамъ за перенесеніе опасностей и за отверженіе достанется въ удѣлъ слава, подобно какъ и Мнѣ.

И якоже бысть во дни Ноевы, тако будетъ и во* Зач.
дни Сына человѣческа: Ядяху, піяху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное въ ковчегъ: и пріиде по- 87.

---

*Рече Господь: якоже**

топъ, и погуби вся. Такожде, и якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: Въ оньже день изыде Лотъ отъ содомлянъ, одожди камыкъ горящъ и огнь съ небесе, и погуби вся. По тому же будетъ и въ день, въ оньже Сынъ человѣческій явится. И здѣсь (Господь) указываетъ на внезапность и неожиданность своего пришествія. Ибо какъ при Ноѣ внезапно пришелъ потопъ и погубилъ всѣхъ: тако будетъ и пришествіе Его. Примѣрами сими, то есть, примѣромъ людей предпотопныхъ и содомлянъ (предъ пожаромъ), намекается и на то, что въ пришествіе антихриста между людьми умножатся всѣ неприличныя удовольствія, что люди будутъ распутны и преданы преступнымъ удовольствіямъ, какъ и апостолъ сказалъ: *яко въ послѣднія дни будутъ человѣцы сластолюбцы паче, нежели боголюбцы* (2 Тим. 3, 1. 2. 4). И неудивительно, что при царствѣ обольстителя процвѣтетъ зло. Ибо онъ есть пристанище злобы всякаго грѣха. Что̀ же иное постарается онъ вселить въ жалкое поколѣніе тогдашнихъ людей, какъ не свои свойства? Ибо отъ нечистаго что̀ можетъ сдѣлаться чистымъ? Итакъ люди погрязнутъ тогда во всякомъ чувственномъ наслажденіи, подобно какъ при Ноѣ, и не будутъ ожидать никакой непріятности, даже и не повѣрятъ, если кто-нибудь заговоритъ имъ о приключеніи какой-либо бѣды, подобно людямъ, жившимъ во дни Ноевы и во дни Лотовы.

Въ той день, иже будетъ на кровѣ, и сосуди его въ дому, да не слазитъ взяти ихъ: и иже на селѣ, такожде да не возвратится вспять. Поминайте жену

Лотову. Иже аще взыщетъ душу свою спасти, погубитъ ю: и иже аще погубитъ ю, живитъ ю. Въ тотъ день пришествія антихристова, кто будетъ *на кровлѣ*, то есть на высотѣ добродѣтели, тотъ не сходи съ оной, не спускайся за какимъ ни есть житейскимъ предметомъ. Ибо всѣ житейскіе предметы называются сосудами для человѣка, служащими иному къ добродѣтели, а иному къ злодѣяніямъ. Итакъ, стоящій на высотѣ добродѣтели. не сходи ни за чѣмъ житейскимъ и не спадай съ своей высоты, но противься злобѣ и не ослабѣвай! Подобно и тотъ, кто будетъ на полѣ, да не обращается назадъ. Ибо находящемуся въ полѣ, то есть, въ мірѣ семъ воздѣлывающему добродѣтель, не должно обращаться назадъ, но должно простираться впередъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказано: *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіе небесное* (Лук. 9, 62). (Господь) представляетъ въ примѣръ жену Лотову. Она, обратившись назадъ, стала соленымъ столбомъ, то есть, не удалившись отъ злобы, осталась при ея солености, сдѣлавшись совершенно злою, и погрязши и оставшись во злѣ составляетъ памятникъ пораженія, которое она потерпѣла. Потомъ (Господь) присовокупляетъ относящееся также къ вышесказанному: *иже аще взыщетъ душу свою спасти, погубитъ ю.* Никто, говоритъ, въ гоненіе антихриста не старайся сберегать свою душу, ибо таковый погубитъ ее. А кто предастъ себя на смерть и вообще на бѣдствія, тотъ спасется, не преклоняясь предъ мучителемъ изъ любви къ жизни. Выше (Господь) сказалъ, что стоящій на высотѣ добродѣтели не долженъ схо-

дить съ оной за житейскими предметами, не долженъ увлекаться ни пріобрѣтеніемъ, ни имуществомъ, и изъ за нихъ ослабѣвать въ борьбѣ. Подобно и теперь, простираясь далѣе, говоритъ: и что Я говорю, не сходи за сосудами? нѣтъ, не оставляй добродѣтели и изъ за внѣшнихъ благъ, ни даже изъ за самаго сбереженія души не рѣшайся преклониться предъ обольстителемъ и гонителемъ. Евангелистъ Матѳей (Мат. гл. 24) говоритъ, что все это Господь сказалъ о плѣненіи Іерусалима, намекая на осаду отъ непріятелей и на то, что, при нашествіи римлянъ, должно бѣжать отъ нихъ безъ оглядки: находящимся на кровлѣ не нужно сходить въ домъ, чтобъ взять что-нибудь изъ житейскаго, но должно тотчасъ бѣжать, ибо тутъ не время спокойствія, чтобъ собирать сосуды; равнымъ образомъ, находящимся въ полѣ не нужно возвращаться домой, а даже и тому, кто будетъ дома, нужно бѣжать. Ничего впрочемъ нѣтъ удивительнаго, если это сбылось при взятіи Іерусалима, и опять сбудется въ пришествіе антихриста, особенно же, если предъ самымъ временемъ кончины (міра) имѣетъ быть невыносимо тяжела скорбь.

Глаголю вамъ: въ ту нощь будета два на одрѣ единомъ: единъ поемлется, а другій оставляется. Будетѣ двѣ вкупѣ мелющѣ: едина поемлется, а другая оставляется. Два будета на селѣ: единъ поемлется, а другій оставляется. И отвѣщавше глаголаша ему: гдѣ Господи? онъ же рече имъ: идѣже тѣло, тамо соберутся и орли. И отсюда мы научаемся тому, что пришествіе Господа воспослѣдуетъ неожиданно и внезапно. Ибо сказаніе, что двое будутъ на одной постелѣ, по-

казываетъ беззаботность (людей). Равно и молотье обозначаетъ неожиданность пришествія. Научаемся еще и тому, что пришествіе послѣдуетъ ночью. Итакъ (Господь) говоритъ, что и изъ богатыхъ, покоющихся на постелѣ, одни спасутся, а другіе нѣтъ. Нѣкогда Господь говорилъ, что богатые съ трудомъ спасаются (Матѳ. 19, 23. 24). Теперь Онъ показываетъ, что ни (всѣ) богатые не погибаютъ, ни (всѣ) бѣдные спасаются, но и изъ богатыхъ одинъ возмется и будетъ восхищенъ въ срѣтеніе Господу (1 Солун. 4, 17), какъ легкій духомъ и небесный, а другой оставится внизу, какъ осужденный. Подобнымъ образомъ и изъ бѣдныхъ, которые означены мелющими, одинъ спасется, а другой нѣтъ, Ибо не всѣ бѣдные праведны: иные изъ нихъ бываютъ воры, и подрѣзываютъ кошельки. Молотьемъ указывается на многотрудность жизни бѣдныхъ. Когда ученики спросили Господа, куда взяты будутъ сіи, Онъ отвѣчалъ: гдѣ трупъ, тамъ и орлы; то есть: гдѣ Сынъ человѣческій, тамъ всѣ святые, легкіе и высоколетающіе, тогда какъ грѣшники тяжелы, и потому остаются на низу. Какъ тогда, когда лежитъ мертвое тѣло, всѣ плотоядныя птицы слетаются къ нему: такъ и тогда, когда явится съ небесъ Сынъ человѣческій, умершій за насъ и вмѣненный въ трупъ, соберутся всѣ святые и самые ангелы. Ибо съ ними придетъ Онъ во славѣ Отца и въ несказанномъ блистаніи. Хотя Онъ наименовалъ это время ночью, но Онъ назвалъ его такъ потому, что оно неожиданно, и что грѣшниковъ тогда объиметъ тма. Но праведникамъ свѣтъ возсіяетъ, да и сами они просвѣтятся, какъ солнце (Матѳ. 13, 43).

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ

О всегдашней молитвѣ.—О неправедномъ судіи.—О фарисеѣ и мытарѣ.—О томъ, что царствіе Божіе принадлежитъ дѣтямъ.—О (начальникѣ), спросившемъ Іисуса касательно жизни вѣчной.—О прокаженномъ.

Глаголаше же (и) притчу къ нимъ, како подоба-
етъ всегда молитися и не стужати (си), глаголя: *
Зач. *Судія бѣ нѣкій въ нѣкоемъ градѣ, Бога не бояся, и че-*
88. *ловѣкъ не срамляяся. Вдова же нѣкая бѣ во градѣ*
томъ: и прихождаше къ нему, глаголющи: отмсти ме-
не отъ соперника моего. И не хотяше на долзѣ вре-
мени, послѣди же рече въ себѣ: аще и Бога не боюся,
и человѣкъ не срамлюся: Но зане творитъ ми труды
вдовица сія, отмщу ся: да не до конца приходящи за-
стоитъ мене. Рече же Господь: слышите, что судія не-
правды глаголетъ. Богъ же не иматъ ли сотворити
отмщеніе избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ нему день
и нощь, и долготерпя о нихъ? Глаголю вамъ, яко со-
творитъ отмщеніе ихъ вскорѣ: обаче Сынъ человѣче-
скій пришедъ убо обрящетъ ли (си) вѣру на земли?
Поелику (Господь) упомянулъ о скорбяхъ и опасностяхъ, то предлагаетъ и врачество отъ нихъ. Врачевство это есть молитва, и не просто молитва, но молитва постоянная и усиленная. Все это, говоритъ, имѣетъ случиться съ людьми того времени, но противъ этого великую помощь подаетъ молитва, которую мы должны постоянно и съ терпѣніемъ творить, представляя себѣ

---

* *Рече Господь притчу сію:* *

то, какъ докучливость вдовы преклонила неправеднаго судью. Ибо если его, полнаго всякой злобы и не стыдившагося ни Бога, ни людей, постоянная просьба смягчила, то тѣмъ болѣе не преклонимъ ли мы на милость Отца щедротъ Бога, хотя Онъ въ настоящее время и медлитъ? Смотри, не стыдиться людей—признакъ большой злобы. Ибо многіе Бога не боятся, а развѣ только людей стыдятся, и потому менѣе грѣшатъ. Но кто пересталъ и людей стыдиться, въ томъ уже верхъ злобы. Посему и Господь послѣ поставилъ: *и человѣкъ не срамляяся*, говоря какъ-бы такъ: судья и Бога не боялся, и что говорю, Бога не боялся? онъ обнаруживалъ еще большую злобу, потому что и людей не стыдился. Притча сія научаетъ насъ, какъ мы много разъ говорили, тому, чтобъ мы не унывали въ молитвахъ, подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ сказано: кто изъ васъ, имѣя друга, отошлетъ его, если онъ придетъ, и постучится ночью? Ибо если не по чему другому, то по неотступности его отворитъ ему (Лук. 11, 5. 8). И еще: *кто есть отъ васъ, егоже аще вопроситъ сынъ его хлѣба*, и прочая (Матѳ. 7, 9)? Всѣмъ этимъ (Господь) внушаетъ намъ постоянное упражненіе въ молитвахъ. Нѣкоторые пытались какъ можно обстоятельнѣе изложить эту притчу, и осмѣливались прилагать ее къ дѣйствительности. Вдова, говорили они, есть душа, отвергшая прежняго своего мужа, то есть, діавола, который по сему сталъ соперникомъ, постоянно нападающимъ на нее. Она приходитъ къ Богу, Судіи неправды, который, то есть, осуждаетъ неправду. Сей Судія Бога не боится, ибо Онъ единъ только Богъ,

и не имѣетъ другаго, котораго могъ бы бояться, и людей не стыдится, потому что Богъ не взираетъ на лице человѣка (Галат. 2, 6). Надъ этою вдовою, надъ душою, постоянно просящею у Бога защиты отъ соперника ея—дьявола, Богъ умилостивляется, такъ какъ докучливость ея побѣждаетъ Его. Такое разумѣніе, кому угодно, пусть принимаетъ. Оно передается для того только, чтобъ не осталось безъизвѣстнымъ. Только Господь научаетъ насъ симъ необходимости молиться, и показываетъ, что если сей судія, беззаконный и полный всякой злобы, сжалился по причинѣ безпрестанной просьбы, тѣмъ болѣе Богъ, начальникъ всякой правды, вскорѣ подастъ защиту, хотя Онъ долготерпитъ, и, повидимому, не слушаетъ просящихъ Его день и ночь. Научивъ насъ сему и показавъ намъ, что во время кончины міра нужно пользоваться молитвою противъ имѣющихъ тогда случиться опасностей, (Господь) присовокупляетъ: *обаче Сынъ человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли (си) вѣру на земли?* вопросительною рѣчью показывая, что мало найдется тогда вѣрующихъ. Ибо сынъ беззаконія будетъ имѣть тогда такую силу, что прельстилъ бы и избранныхъ, еслибъ можно было (Матѳ. 24, 24). О томъ, что̀ встрѣчается рѣдко, Господь обыкновенно употребляетъ вопросительный образъ рѣчи. Напримѣръ: *кто убо есть рабъ вѣрный и мудрый* (Лук. 12, 42)? И здѣсь, обозначая тоже самое, именно, что сохраняющихъ вѣру въ Бога и довѣріе другъ къ другу тогда будетъ очень малое число, (Господь) употребилъ помянутый вопросъ.—Убѣждая къ молитвѣ, (Господь) справедливо присовокупилъ слово о

вѣрѣ, поелику вѣра составляетъ начало и основаніе всякой молитвы. Ибо напрасно будетъ человѣкъ молиться, если онъ не вѣруетъ, что получитъ просимое на пользу (Іак. 1, 6. 7). Посему Господь, научая молиться, упомянулъ и о вѣрѣ, прикровенно давая знать, что немногимъ тогда можно будетъ молиться, поелику и вѣра тогда найдется не во многихъ. Итакъ Господь, пришедши на облакахъ, не найдетъ вѣры на землѣ, исключая развѣ немногихъ. Но Онъ произведетъ тогда вѣру. Ибо, хотя невольно, всѣ исповѣдуютъ, что Господь Іисусъ въ славу Бога Отца (Филип. 2, 11), и если нужно назвать это вѣрою, а не необходимостью, изъ невѣрныхъ не останется никого, кто бы не повѣрилъ, что Спаситель одинъ только тотъ, кого онъ прежде злохулилъ.

Рече же и ко другимъ уповающимъ собою, яко суть праведницы, и уничижающимъ прочихъ, притчу сію:

**Человѣка два внидоста въ церковь помолитися:* Зач.
единъ фарисей, а другій мытарь. Фарисей же ставъ, 89.
сице въ себѣ моляшеся: Боже, хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмь якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь. Пощуся два краты въ субботу, десятину даю всего, елико притяжу. Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очію возвести на небо: но біяше перси своя, глаголя: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику. Глаголю вамъ, яко сниде сей оправданъ въ домъ свой паче онаго: яко всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется.

---

*Рече Господь притчу сію**

Лук.

Господь не перестаетъ истреблять страсть высокомѣрія сильнѣйшими доводами. Поелику она болѣе всѣхъ страстей смущаемъ умы людей, посему Господь и учитъ о ней часто и много. Такъ и теперь Онъ врачуетъ худшій видъ ея. Ибо много отраслей самолюбія. Отъ него раждаются: самомнѣніе, хвастовство, тщеславіе и пагубнѣйшее всѣхъ высокомѣріе. Высокомѣріе есть отверженіе Бога. Ибо когда кто совершенства приписываетъ не Богу, а себѣ, тотъ что иное дѣлаетъ, какъ не отрицаетъ Бога и возстаетъ противъ Него? Сію-то богопротивную страсть, противъ которой Господь вооружается, какъ непріятель противу непріятеля, Господь обѣщаетъ уврачевать настоящею притчею. Ибо Онъ говоритъ ее къ тѣмъ, кои увѣрены были о себѣ и не приписывали всего Богу, а посему и другихъ уничижали, и показываетъ, что праведность, хотя бы она заслуживала удивленія въ прочихъ отношеніяхъ и приближала человѣка къ самому Богу, но если допуститъ до себя высокомѣріе, низвергаетъ человѣка на самую низшую степень, и уподобляя его бѣсу, иногда принимающему на себя видъ равнаго Богу. Начальныя слова фарисея похожи на слова человѣка признательнаго; ибо онъ говоритъ: благодарю Тебя, Боже! Но послѣдующая его рѣчь исполнена рѣшительнаго безумія. Ибо онъ не сказалъ: (благодарю Тебя), что Ты удалилъ меня отъ неправды, отъ грабительства, но какъ? что я не таковъ, *нѣсмь*. Совершенство приписалъ себѣ и собственной своей силѣ. А осуждать другихъ, какъ это свойственно человѣку, знающему, что все, что ни есть, онъ имѣетъ отъ Бога? Ибо если бы онъ былъ увѣренъ,

что онъ по благодати имѣетъ чужія блага, то безъ сомнѣнія не сталъ бы уничижать другихъ, представляя себѣ въ умѣ, что и онъ, по отношенію къ собственной его силѣ, равно нагъ, а по милости облеченъ даромъ. Посему фарисей, какъ приписывающій совершенныя дѣла собственной силѣ, высокомѣренъ, а отсюда дошелъ и до осужденія другихъ. Господь обозначаетъ высокомѣріе и отсутствіе смиренномудрія въ фарисеѣ и словомъ: *ставъ* (σταϑεὶς). Ибо у смиренномудраго и видъ смиренномудрый, а фарисей и во внѣшнемъ поведеніи обнаруживалъ тщеславіе. Правда, и о мытарѣ сказано: *стоя*, но смотри, что̀ далѣе прибавлено: *не хотяше ни очію возвести на небо.* Посему стояніе его было вмѣстѣ и преклоненіемъ, а у фарисея и глаза и сердце поднимались къ небу. Посмотри и на порядокъ, какой представляется въ молитвѣ фарисея. Сначала онъ сказалъ, каковъ онъ не есть, а потомъ перечислилъ и то, каковъ онъ есть. Сказавъ: я не таковъ-то какъ прочіе люди, онъ выставляетъ и разныя добродѣтели: пощусь два раза въ субботу, даю десятую часть, отъ всего, что пріобрѣтаю. Ибо должно не только уклоняться отъ зла, но и творить добро (Псал. 33, 15). И прежде должно удалиться отъ зла, а потомъ приступить къ добродѣтели, подобно тому, какъ, желая изъ мутнаго источника почерпнуть чистой воды, ты долженъ прежде вычистить грязь, а потомъ уже можешь черпать чистую воду. Примѣть и то, что (фарисей) не сказалъ въ единственномъ числѣ: я не грабитель, не прелюбодѣй, какъ прочіе. Онъ не позволилъ даже просто на словахъ приложить поносное имя единственно къ свое-

му лицу, но употребилъ сіи названія во множественномъ числѣ, о прочихъ. Сказавъ, я не таковъ какъ прочіе, онъ противопоставилъ сему: *пощуся дважды въ субботу*, то есть, дважды въ недѣлю. Ибо *субботою* называлась недѣля, получивши это имя отъ послѣдняго въ ней дня покоя. Ибо σαββάτ означаетъ покой, и σάββατα во множественномъ числѣ называли недѣлю. Отсюда *единою отъ субботъ* (Лук. 24, 1. Іоан. 20, 1) называли первый день недѣльный, по нашему Господень (κυριακὴν, воскресный). Ибо у евреевъ одинъ означаетъ тоже, что первый.—Рѣчь фарисея могла имѣть и другой болѣе глубокій смыслъ. Вопреки страсти прелюбодѣянія онъ хвалится постомъ. Ибо похоть раждается отъ чувственнаго пресыщенія. Такъ онъ, удручая тѣло постомъ, былъ очень далекъ отъ подобныхъ страстей. А фарисеи подлинно постились во второй день недѣли и въ пятый. Названію грабителей и обидчиковъ (фарисей) противопоставилъ то, что онъ даетъ десятую часть отъ всего, что пріобрѣтаетъ. Грабительство, говоритъ онъ, и нанесеніе обидъ столько мнѣ противны, что я отдаю даже мое собственное. По мнѣнію нѣкоторыхъ, законъ заповѣдуетъ вообще и навсегда десятину, а тѣ, кои глубже изслѣдываютъ его, находятъ, что онъ предписываетъ троякого рода десятину. Объ этомъ подробно узнаешь изъ Второзаконія (гл. 12 и 14), если приложишь вниманіе. Такъ велъ себя фарисей.—А мытарь велъ себя совершенно наоборотъ. Онъ сталъ вдали, и очень былъ далекъ отъ фарисея не только по разстоянію мѣста, но и по одеждѣ, по словамъ и по сокрушенію сердца. Онъ стыдился поднять глаза свои къ

небу, считая ихъ недостойными созерцанія горнихъ предметовъ, такъ какъ они любили смотрѣть на блага земныя и пользоваться оными. Онъ ударялъ себя въ грудь, какъ-бы поражая сердце за лукавые совѣты и пробуждая оное отъ сна къ сознанію, и ничего другаго не говорилъ кромѣ сего: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику.* За все это мытарь пошелъ болѣе оправданнымъ, чѣмъ фарисей. Ибо нечистъ предъ Господомъ всякъ высокосердый, и Господь гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать (Притч. 3, 34).—Иной, быть можетъ, удивится, почему фарисей, хотя немного словъ сказалъ съ высокомудріемъ, однакожъ осужденъ, а Іовъ и очень много высказалъ о себѣ великаго, однакожъ получилъ вѣнецъ? Это потому, что фарисей сталъ пустословить на похвалу себѣ тогда, какъ никто не заставлялъ его, и осуждалъ другихъ, когда не побуждала къ сему никакая польза. А Іовъ вынужденъ былъ исчислять свои совершенства тѣмъ, что его стѣсняли друзья, налегали на него тяжелѣе самаго несчастія, говорили, что онъ страдаетъ за грѣхи, и исчислялъ свои добрыя дѣла для славы Божіей и для того, чтобъ люди не ослабѣвали въ теченіи по пути добродѣтели. Ибо еслибъ люди дошли до убѣжденія, что дѣла, которыя творилъ Іовъ, были дѣла грѣшныя, и онъ страдаетъ за нихъ, то они стали бы удаляться отъ совершенія этихъ самыхъ дѣлъ, и такимъ образомъ вмѣсто страннолюбивыхъ сдѣлались бы негостепріимными, вмѣсто милостивыхъ и правдивыхъ—немилосердыми и обидчиками. Ибо таковы были дѣла Іова. Итакъ Іовъ исчисляетъ свои добрыя дѣла для того, чтобы многіе

не потерпѣли вреда. Таковы были причины для Іова. Не говоримъ уже о томъ, что въ самыхъ словахъ его, повидимому, велерѣчивыхъ, просвѣчиваетъ совершенное смиренномудріе. Ибо *кто мя,* говоритъ, *устроитъ по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ нихже мя Богъ храняше* (Іов. 26, 2)? Видишь ли, онъ все возлагаетъ на Бога, и не осуждаетъ другихъ, но скорѣе самъ терпитъ осужденіе отъ друзей? А на фарисея, который все относитъ къ себѣ, а не къ Богу, и безъ нужды осуждаетъ другихъ, справедливо наводится осужденіе. Ибо всякъ возвышающій самъ себя унизится, будучи осужденъ Богомъ, а унижающій себя чрезъ осужденіе возвысится, будучи оправданъ Богомъ. Такъ и сказано: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ісаіи 43, 26).

Зач. 90. *Приношаху же къ нему и* младенцы, да ихъ коснется: видѣвше же ученицы запретиша имъ. Іисусъ же, призвавъ ихъ, глагола: оставите дѣтей приходити ко мнѣ, и не браните имъ: таковыхъ бо есть царствіе Божіе. Аминь бо глаголю вамъ: иже аще не пріиметъ царствія Божія яко отроча, не иматъ внити въ не.* Примѣръ дѣтей также ведетъ къ смиренномудрію. Господь симъ научаетъ быть смиренными, принимать всѣхъ и никого не презирать. Ученики считали недостойнымъ такого Учителя—приносить къ нему дѣтей. А Онъ показываетъ имъ, что нужно быть такъ смиренными, чтобъ не гнушаться и самыми малыми. Такимъ образомъ, не отвергнувъ младенцевъ, но съ удовольствіемъ принявъ

---

* *Во время оно, приношаху ко Іисусу*

ихъ, (Господь) *дѣломъ* учитъ смиренномудрію. Учитъ Онъ и *словомъ*, говоря, что таковыхъ есть царствіе небесное, кои имѣютъ расположеніе дѣтское. Дитя не превозносится, никого не унижаетъ, незлобиво, безхитростно, ни въ счастіи не надмевается, ни въ скорби не уничижается, но всегда совершенно просто. Посему кто живетъ смиренно и незлобиво, и кто принимаетъ царствіе Божіе какъ дитя, то есть, безъ коварства и любопытства, но съ вѣрою, тотъ пріятенъ предъ Богомъ. Ибо кто излишне любопытствуетъ и всегда спрашиваетъ, *какъ* это? тотъ погибнетъ съ своимъ невѣріемъ и не войдетъ въ царствіе, котораго не хотѣлъ принять въ простотѣ, безъ любопытства и со смиреніемъ. Посему всѣ апостолы и всѣ въ простотѣ сердца увѣровавшіе во Христа, могутъ быть названы дѣтьми, какъ и самъ Господь назвалъ апостоловъ: *дѣти, еда что снѣдно имате* (Іоан. 21, 5). А мудрецы языческіе, доискивающіеся премудрости въ такомъ таинствѣ, каково царствіе Божіе, и не хотящіе принять оное безъ разсужденія, по справедливости отторгнуты отъ этого царствія. Господь не сказалъ: *сихъ* есть царствіе, но *таковыхъ*, то есть, кои добровольно пріобрѣли себѣ незлобіе и смиренномудріе, которое дѣти имѣютъ по природѣ. Итакъ все церковное, что составляетъ царствіе Божіе, будемъ принимать безъ любопытства, съ вѣрою и смиреніемъ. Ибо любопытство свойственно самомнѣнію и самомудрованію.

И вопроси его нѣкій князь, глаголя: * *Учителю* Зач. 91.

Во время оно, человѣкъ нѣкій приступи ко Іисусу, искушая его, и глаголя: *

Лук.

благій, что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдствую? Рече же ему Іисусъ: что мя глаголеши блага? никтоже благъ, токмо единъ Богъ. Заповѣди вѣси: не прелюбы твори, не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй, чти отца твоего и матерь твою. Онъ же рече: вся сія сохранихъ отъ юности моея. Слышавъ же сія Іисусъ рече ему: еще единаго не докончалъ еси: вся, елика имаши, продаждь, и раздай нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди во слѣдъ мене. Онъ же слышавъ сіе, прискорбенъ бысть: бѣ бо богатъ зѣло. Человѣкъ сей, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ какой-нибудь злой хитрецъ, и искалъ, какъ бы уловить Іисуса въ словахъ. Но вѣроятнѣе то, что онъ былъ сребролюбецъ, поелику и Христосъ обличилъ его именно таковымъ. Да и евангелистъ Маркъ говоритъ, что нѣкто, подбѣжавъ и падъ на колѣна, спросилъ Іисуса, и взглянувъ на него Іисусъ полюбилъ его (Марк. 10, 17, 21). Итакъ человѣкъ сей былъ любостяжателенъ. Къ Іисусу приходитъ онъ съ желаніемъ узнать о вѣчной жизни. Быть можетъ, и въ семъ случаѣ онъ руководился страстью къ пріобрѣтенію. Ибо никто такъ не желаетъ долгой жизни, какъ человѣкъ любостяжательный. Итакъ онъ думалъ, что Іисусъ укажетъ ему способъ, по коему онъ будетъ вѣчно жить, владѣть имуществомъ, и такимъ образомъ наслаждаться. Но когда Господь сказалъ, что средство къ достиженію жизни вѣчной есть нестяжательность, то онъ, какъ-бы упрекая себя за вопросъ и Іисуса за отвѣтъ, отошелъ. Ибо онъ нуждался въ вѣчной жизни, потому тто имѣлъ богатства на много лѣтъ. А когда онъ долженъ отказаться отъ имѣнія, и жить повидимому въ бѣдности, то

что ему за нужда въ вѣчной жизни? Приходитъ онъ къ Господу, какъ просто къ человѣку и учителю. Посему Господь, дабы показать, что къ Нему не должно приходить какъ просто къ человѣку, сказалъ: *никтоже благъ, токмо единъ Богъ.* Ты, говоритъ, назвалъ Меня *благимъ,* къ чему же еще прибавилъ: *учителю?* Кажется, ты принимаешь Меня за одного изъ многихъ. Если же такъ, то Я не благъ: ибо изъ людей собственно никто не благъ; благъ только одинъ Богъ. Посему, если хочешь называть Меня благимъ, называй Меня благимъ какъ Бога, а не приходи ко Мнѣ, какъ просто къ человѣку. Если же ты считаешь Меня однимъ изъ обыкновенныхъ людей, то не называй Меня благимъ. Ибо одинъ только Богъ по-истинѣ благъ, есть источникъ благости и начало самоблагостыни. А мы люди, если и бываемъ добры, то не сами по себѣ, но по участію (въ Его благости), имѣемъ доброту смѣшанную и способную преклоняться (на зло).—*Заповѣди вѣси: не прелюбы твори, не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй,* и прочая. Законъ запрещаетъ прежде то, во что мы удобнѣе впадаемъ, потомъ уже и то, во что впадаютъ немногіе и нечасто: напримѣръ, *прелюбодѣйство,* поелику оно есть огонь съ внѣшней и внутренней стороны, *убійство,* поелику гнѣвъ есть великій звѣрь. А *воровство* менѣе важно, и во *лжесвидѣтельство* можно нечасто впадать. Посему первыя преступленія запрещаются прежде, такъ какъ мы легко впадаемъ въ оныя, хотя въ другихъ отношеніяхъ они и болѣе тяжки. А сіи, то есть, воровство и лжесвидѣтельство, законъ поставляетъ на второмъ мѣстѣ, такъ какъ оныя совер-

шаются нечасто, и менѣе важны. Вслѣдъ за сими преступленіями законъ поставилъ грѣхъ противъ родителей. Ибо хотя грѣхъ этотъ и тяжекъ, но нечасто случается, такъ какъ нечасто и немного, но рѣдко и мало оказывается такихъ звѣрообразныхъ людей, чтобъ рѣшились оскорблять родителей. — Когда юноша сказалъ, что онъ сохранилъ все это отъ юности, то Господь предлагаетъ ему верхъ всего, нестяжательность. Смотри, законы предписываютъ истинно христіанскій образъ жизни. *Вся*, говоритъ, *елика имаши, продаждь*. Ибо, если что-нибудь останется, ты, значитъ, рабъ того. И *раздай*, не родственникамъ богатымъ, а *нищимъ*. По моему мнѣнію, и слово *раздай* выражаетъ ту мысль, что расточать имѣніе нужно съ разсужденіемъ, а не какъ попало. Поелику же при нестяжательности человѣкъ долженъ имѣть и всѣ прочія добродѣтели, посему Господь сказалъ: *и гряди въ слѣдъ мене*, то есть, и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ будь моимъ ученикомъ, и всегда слѣдуй за Мною, а не такъ, чтобъ сегодня слѣдовать, а завтра нѣтъ. Какъ любостяжательному, (Господь) обѣщалъ (князю) сокровище на небесахъ, однакожъ онъ не внялъ, ибо былъ рабомъ своихъ сокровищъ: посему и опечалился, услышавъ, что (Господь) внушаетъ ему лишеніе имущества, тогда какъ онъ для того и вѣчной жизни желалъ, чтобъ при большомъ обиліи богатства ему и жить вѣчно. Скорбь князя показываетъ, что онъ былъ человѣкъ благонамѣренный, а не злой хитрецъ. Ибо изъ фарисеевъ никто никогда не печалился, а скорѣе они ожесточались. Не безъизвѣстно мнѣ, что великій свѣтильникъ вселенной, Златоустъ, принималъ, что юноша сей желалъ истинной вѣч-

ной жизни и любилъ оную, но одержимъ былъ сильною страстью, сребролюбіемъ (¹); однакожъ не неумѣстна (οὐκ ἄχαρι) и предложенная теперь мысль, что онъ желалъ вѣчной жизни, какъ человѣкъ любостяжательный.

Видѣвъ же его Іисусъ прискорбна бывша, рече: какако неудобь имущіи богатство въ царствіе Божіе внидутъ. Удобѣе бо есть велблуду сквозѣ иглинѣ ушы пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити. Рѣша же слышавшіи: то кто можетъ спасенъ быти? Онъ же рече: невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога. Рече же Петръ: се мы оставихомъ вся, и по тебѣ идохомъ. Онъ же рече имъ: аминь глаголю вамъ, яко никтоже есть, иже оставитъ домъ, или родители, или братію, или сестры, или жену, или чада царствія ради Божія, иже не пріиметъ множицею во время сіе, и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный. Послѣ того, какъ богачь, услышавъ объ отреченіи отъ богатства, опечалился, Господь чудеснымъ подобіемъ объясняетъ, какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе. Не сказалъ Онъ, что имъ (богатымъ) невозможно войти, но трудно. Ибо таковымъ не невозможно спастись. Раздавъ богатство, они могутъ получить небесныя блага. Но сдѣлать первое нелегко: потому что богатство связываетъ крѣпче клея, и тому, кѣмъ оно возобладало, трудно отказаться отъ него. Ниже (Господь) объясняетъ, какъ это бываетъ новозможно. Удобнѣе, говоритъ, верблюду сквозь игольныя уши пройти, нежели богатому спастись. Верблюду пройти сквозь игольныя уши рѣшительно невозможно, будешь ли разумѣть

(¹) См. *Іоанна Златоустаго* бесѣды на св. Матѳея. ч. 3 бес. 63. Москва. 1843.

подъ верблюдомъ самое животное, или какой-то корабельный толстый канатъ. Если же удобнѣе верблюду помѣститься въ игольныя уши, нежели богатому спастись, а первое невозможно, то тѣмъ болѣе невозможно спастись богатому. Что же нужно сказать? Прежде всего то, что богатому дѣйствительно невозможно спастись. Не говори мнѣ пожалуй, что такой-то, будучи богатъ, роздалъ что̀ у него было, и спасся. Ибо онъ спасся не въ богатствѣ, но когда сдѣлался бѣднымъ, или спасся какъ домоправитель, но не какъ богатый. А иное дѣло домоправитель, иное богачь. Богачь сберегаетъ богатство для себя, а домоправителю ввѣрено богатство для другихъ. Посему и тотъ, (на котораго указываешь), если спасся, то спасся не съ богатствомъ, но, какъ мы сказали, или тѣмъ, что отказался отъ всего, что онъ имѣлъ, или хорошо распоряжался имѣніемъ, какъ домоправитель. Потомъ, замѣть и то, что богатому невозможно спастись, а имѣющему богатство трудно. Господь какъ-бы такъ говоритъ: кто одержимъ богатствомъ, кто находится у него въ ра́бствѣ и подданствѣ, тотъ не спасется; но кто имѣетъ богатство и держитъ его въ своей власти, а не самъ у него находится подъ властію, тому трудно спастись по немощи человѣческой. Ибо невозможно не злоупотребить тѣмъ, что мы имѣемъ. Поелику, доколѣ мы имѣемъ богатство, дьяволъ старается уловить насъ, чтобъ мы употребляли оное вопреки правиламъ и закону домоправленія, — и трудно бываетъ избѣгнуть его сѣтей. Посему бѣдность доброе дѣло, и она почти неискусима. *Рѣша же*, сказано, *слышавшіи: то кто можетъ*

спасенъ быти? Онъ же рече: невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога. Кто имѣетъ человѣческій образъ мыслей, то есть, увлекается дольнымъ и пристрастенъ къ земному, тому, какъ сказано, спастись невозможно, а для Бога это возможно: то есть, когда кто будетъ имѣть совѣтникомъ своимъ Бога, и въ учители себѣ возметъ оправданія Божіи и заповѣди о нищетѣ, и будетъ призывать Его въ помощь, тому возможно будетъ спастись. Ибо наше дѣло желать добра, а совершать оное дѣло Божіе. И иначе: если мы, возвысившись надъ всякимъ человѣческимъ малодушіемъ относительно богатства, пожелаемъ даже друзей пріобрѣсть себѣ неправеднымъ богатствомъ, то мы спасемся и провождены будемъ ими въ вѣчныя обители. Ибо лучше, если мы откажемся отъ всего, или если не откажемся отъ всего, по крайней мѣрѣ сдѣлаемъ бѣдныхъ соучастниками, и тогда невозможное сдѣлается возможнымъ. Хотя не отказавшись отъ всего нельзя спастись, но по человѣколюбію Божію возможно бываетъ спастись и въ томъ случаѣ, если нѣсколько частей удѣлить на дѣйствительную пользу. При семъ Петръ спрашиваетъ, *се мы оставихомъ вся*, и спрашиваетъ не для себя только, но для утѣшенія всѣхъ бѣдныхъ. Дабы не одни богатые имѣли благія надежды получить много, какъ отказавшіеся отъ многаго, а бѣдные не имѣли надежды, какъ отказавшіеся отъ малаго и посему малую награду заслужившіе, для сего Петръ спрашиваетъ, и слышитъ въ отвѣтъ, что и въ нынѣшнемъ и будущемъ вѣкѣ получитъ воздаяніе всякій, кто бы ни презрѣлъ ради Бога свое имѣніе, хотя бы

оно было и мало. Ты не на то смотри, что оно мало, но что это малое заключало въ себѣ всѣ средства человѣка къ жизни, и что какъ ты надѣялся на многое и великое, такъ онъ этимъ немногимъ и малымъ надѣялся поддержать свою жизнь. Не говорю уже о томъ, что имѣющій малое имѣетъ большую къ нему привязанность. Это видно на отцахъ. Имѣя одно дитя, они обнаруживаютъ къ нему большую привязанность, нежели тогда, когда у нихъ дѣтей бываетъ больше. Такъ и бѣдный, имѣя одинъ домъ и одно поле, сильнѣе ихъ любитъ, нежели ты многія. Если и не такъ, а у обоихъ равномѣрна привязанность, то равно достойно и отреченіе. Посему и въ настоящемъ вѣкѣ они получаютъ во много разъ большее воздаяніе, подобно какъ сіи самые апостолы. Ибо каждый изъ нихъ, оставивъ хижину, нынѣ имѣетъ блистательные храмы, поля, приходы, много женъ, привязанныхъ къ нимъ горячностію и вѣрою, и вообще все прочее. Да и въ будущемъ вѣкѣ получатъ они не множество подобныхъ полей и тѣлесныхъ наградъ, но вѣчную жизнь.

Зач. *Поемъ же*обанадесяте ученики своя, рече къ нимъ:*
92. *се восходимъ во Іерусалимъ, и скончаются вся писанная пророки о Сынѣ человѣчестѣ. Предадятъ бо его языкомъ, и поругаются ему, и укорятъ его, и оплюютъ его. И бивше убіютъ его: и въ третій день воскреснетъ. И тіи ничесоже отъ сихъ разумѣша: и бѣ глаголъ сей сокровенъ отъ нихъ, и не разумѣваху глаголемыхъ.* (Господь) предсказываетъ имъ (ученикамъ) о

Во время оно поемъ Іисусъ *

страданіяхъ своихъ для двухъ цѣлей. Во-первыхъ, дабы показать, что Онъ будетъ распятъ не противъ воли, и не какъ простой человѣкъ, незнающій своей смерти, но что Онъ знаетъ объ ней прежде, и претерпитъ ее добровольно. Поелику, если бы Онъ не желалъ пострадать, то, какъ предвидящій, уклонился бы отъ сего. Ибо (противъ воли) попадаться въ чужія руки свойственно незнающимъ о томъ впередъ. Во-вторыхъ, дабы убѣдить ихъ легко переносить будущія обстоятельства, какъ извѣстныя имъ предварительно, и случившіяся съ ними не внезапно. Если же, Господи, на Тебѣ имѣетъ совершиться давно предсказанное пророками, то зачѣмъ Ты восходишь (во Іерусалимъ)? За тѣмъ самымъ, чтобъ Мнѣ совершить спасеніе. Итакъ Онъ идетъ добровольно. Впрочемъ для сего Онъ говорилъ, а ученики не понимали тогда ничего. Ибо слова сіи были для нихъ сокровенны, особенно слова о воскресеніи. И прочихъ словъ они не разумѣли, напримѣръ о томъ, что предадутъ Его язычникамъ; но словъ о воскресеніи рѣшительно не разумѣли, потому что они не были въ употребленіи. Да и не всѣ іудействующіе вѣровали даже и во всеобщее воскресеніе, какъ это видно на саддукеяхъ (Матѳ. 22, 23). Быть можетъ, ты скажешь: если ученики не разумѣли, то зачѣмъ же, наконецъ, (Господь) говорилъ имъ о семъ впередъ? какая польза для ихъ утѣшенія во время крестныхъ страданій, когда они не разумѣли сказаннаго? За то немалая польза была тогда, когда они въ послѣдствіи вспоминали, что сбылось именно то, чего они не поняли, когда предсказывалъ имъ Господь. Это видно изъ

многаго, особенно же изъ словъ Іоанна: *сихъ же не разумѣша ученицы его прежде: но егда прославися Іисусъ, тогда помянуша, яко сія быша о немъ писана* (Іоан. 12, 16. 14, 29). И Утѣшитель, напомнивъ имъ все, вложилъ имъ достовѣрнѣйшее свидѣтельство о Христѣ. А о томъ, какъ погребеніе было тридневное, довольно сказано въ толкованіи на прочихъ евангелистовъ (¹).

Зач. *Бысть же егда приближишася* во Іерихонъ, слѣ-*
93. *пецъ нѣкій сидяше при пути прося. Слышавъ же народъ мимоходящъ, вопрошаше, что убо есть се? Повѣдаша же ему, яко Іисусъ Назарянинъ мимоходитъ. И возопи, глаголя: Іисусе Сыне Давидовъ, помилуй мя. И предъидущіи прещаху ему, да умолчитъ: онъ же паче множае вопіяше: Сыне Давидовъ, помилуй мя. Ставъ же Іисусъ, повелѣ привести его къ себѣ: приближшуся же ему къ нему, вопроси его глаголя: что хощеши, да ти сотворю? онъ же рече: Господи, да прозрю. Іисусъ же рече ему: прозри, вѣра твоя спасе тя. И абіе прозрѣ, и во слѣдъ его идяше славя Бога: и вси людіе видѣвше, воздаша хвалу Богови.* Во время пути Господь совершаетъ чудо надъ слѣпымъ, дабы и прохожденіе Его не было ученіемъ безполезнымъ для насъ и для учениковъ Христовыхъ, дабы мы во всемъ, всегда и вездѣ приносили пользу, а празднаго у насъ не было бы ничего. Слѣпецъ вѣровалъ, что Онъ (Іисусъ) есть

(¹) См. Благовѣстникъ; часть первая: евангеліе отъ Матѳея, гл. 12, зач. 48.

*Во время оно, егда прибижися Іисусъ **

ожидаемый Христосъ (ибо вѣроятно, какъ воспитанный между іудеями, онъ зналъ, что Христосъ отъ сѣмени Давидова), и кричалъ громкимъ голосомъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя:* И словами *помилуй мя* выражалъ, что онъ имѣетъ о Немъ какое-то божественное понятіе, а не считаетъ просто человѣкомъ. Подивись, пожалуй, и настойчивости его исповѣданія, какъ онъ не смотря на то, что многіе унимали его, не молчалъ, а еще громче кричалъ; ибо горячность извнутри двигала имъ. Посему и Іисусъ подзываетъ его къ себѣ, какъ по-истинѣ достойнаго приблизиться къ Нему, и спрашиваетъ его: *что хощеши, да ти сотворю?* Спрашиваетъ не потому, будтобы не знаетъ, но дабы находящимся тутъ не показалось, что тотъ проситъ о томъ, а Онъ подаетъ другое: тотъ напримѣръ проситъ денегъ, а Онъ, желая показать себя, исцѣляетъ слѣпоту. Ибо зависть можетъ клеветать и такимъ безумнымъ образомъ. Посему (Господь) спросилъ, и когда открылъ, что онъ желаетъ прозрѣть, прозрѣніе ему и даетъ. Смотри и на отсутствіе гордости. *Вѣра твоя,* говоритъ, *спасе тя:* поелику ты увѣровалъ, что Я есмь проповѣдуемый оный Сынъ Давидовъ Христосъ, и высказалъ такую горячность, что не молчалъ, не смотря на запрещеніе. Изъ сего мы научаемся тому, что когда мы просимъ съ вѣрою, то не такъ бываетъ, что мы просимъ сего, а (Господь) подаетъ иное, но именно то самое. Если же мы просимъ сего, а получаемъ иное, то явный знакъ, что мы просимъ не добраго и не съ вѣрою. *Просите,* сказано, *и не пріемлете, зане злѣ просите* (Іак. 4, 3). Примѣчай и власть: *прозри.* Кто изъ пророковъ исцѣ-

лялъ такъ, то есть, съ такою властію? Отсюда и гласъ, произшедшій отъ истиннаго свѣта (Іоан. 1, 9), сталъ свѣтомъ для больнаго. Замѣть и благодарность исцѣленнаго. Ибо онъ пошелъ за Іисусомъ, славя Бога и другихъ располагая къ прославленію Его.

ГЛАВА ДЕВЯТНАЦАТАЯ.

О Закхеѣ—О (человѣкѣ) отправившемся за тѣмъ, чтобъ получить себѣ царство.—О десяти рабахъ, получившихъ мины.—Объ осленкѣ и ослицѣ.—О плачѣ Іисуса надъ Іерусалимомъ.—Объ изгнаніи изъ храма продавцовъ и покупателей.

Зач. 94. *И вшедъ прохождаше * Іерихонъ. И се мужъ нарицаемый Закхей: и сей бѣ старѣй мытаремъ, и той бѣ богатъ. И искаше видѣти Іисуса, кто есть: и не можаше отъ народа, яко возрастомъ малъ бѣ. И предитекъ возлѣзе на ягодичину, да видитъ, яко хотяше мимо ея проити. И яко пріиде на мѣсто, воззрѣвъ Іисусъ, видѣ его, и рече къ нему: Закхее, потщався слѣзи: днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ ми быти. И потщався слѣзе, и пріятъ его радуяся. И видѣвше вси роптаху, глаголюще, яко ко грѣшну мужу вниде витати. Ставъ же Закхей рече ко Господу: се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею. Рече же къ нему Іисусъ: яко днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть. Пріиде бо Сынъ человѣчь взыскати и спасти погибшаго.* Господь похищаетъ самые крѣпкіе сосуды у дьявола и разрушаетъ его города. Ибо смотри,

---

*Во время оно, пріиде Іисусъ**

какъ Онъ нетолько мытарей сдѣлалъ своими учениками, но и старшаго между мытарями Закхея плѣняетъ во спасеніе. А что мытарь существо низкое, а старшій между мытарями, какъ начальствующій въ злобѣ, еще болѣе гнусенъ, въ томъ никто не сомнѣвается. Ибо средства къ жизни мытари пріобрѣтаютъ не иначе, какъ отъ слезъ бѣдныхъ. Однакожъ этотъ старшій между мытарями не оставляется въ презрѣніи, но оказываетъ гостепріимство, и въ воздаяніе получаетъ спасеніе. Ибо когда онъ пожелалъ увидѣть Іисуса, и для сего взлѣзъ на смоковницу, Господь усматриваетъ его прежде, чѣмъ онъ самъ увидѣлъ Его. Такъ Богъ вездѣ предваряетъ насъ, лишь только увидитъ нашу готовность. Іисусъ, увидѣвъ его, повелѣваетъ ему скорѣе слѣзть, такъ какъ Онъ имѣетъ быть въ дому его. Закхей не умедлилъ, ибо не должно уклоняться, когда повелѣваетъ что-нибудь Христосъ, но слѣзъ и принялъ съ радостію, хотя многіе роптали. Посмотримъ же, какіе онъ приноситъ плоды по случаю посѣщенія Христова. *Полъ имѣнія моего, Господи,* говоритъ онъ, *дамъ нищимъ.* Видишь ли горячность? онъ началъ сѣять безъ пощады, и отдалъ не что-нибудь малое, но все жизненное. Ибо и то самое, что онъ удержалъ, удерживалъ для того, чтобъ имѣть возможность отдать обиженнымъ. Симъ научаетъ и насъ, что нѣтъ никакой пользы, если кто имѣя богатство неправедное, милуетъ иныхъ, а обиженныхъ оставляетъ безъ вниманія. Смотри, какъ онъ и въ семъ случаѣ поступаетъ. Если кого чѣмъ обидѣлъ, онъ возвращалъ вчетверо, симъ самымъ вознаграждая убытокъ, причиненный обижен-

ному. Ибо истинная милость не просто убытокъ возвращаетъ, но и съ прибавленіемъ, согласно съ закономъ. Ибо законъ заставлялъ укравшаго уплатить вчетверо (Исх. 22, 1). Если даже до точности разсмотримъ, то увидимъ, что у него рѣшительно ничего не осталось изъ имѣнія. Ибо половину имѣнія онъ даетъ нищимъ, и у него осталась только половина. Изъ этой оставшейся половины онъ опять возвращаетъ вчетверо тѣмъ, кого онъ обидѣлъ. Посему, если жизнь этого старѣйшины мытарей состояла изъ неправдъ, а онъ за все, что пріобрѣлъ неправдою, возвращаетъ вчетверо, то смотри, какъ онъ всего лишился. Въ семъ отношеніи онъ оказывается мудрствующимъ выше закона, ученикомъ Евангелія, такъ какъ онъ возлюбилъ ближняго болѣе, чѣмъ себя, и это не въ обѣщаніи только, но и на самомъ дѣлѣ. Ибо не сказалъ: отдамъ половину, возвращу вчетверо, но: вотъ я *даю* (δίδωμι), *возвращаю* (ἀποδίδωμι). Онъ знаетъ наставленіе Соломона: *не рцы, отшедъ возвратися, и заутра дамъ ти* (Притч. 3, 28).—Христосъ благовѣствуетъ ему спасеніе. Нынѣ, говоритъ, ты даешь, нынѣ тебѣ спасеніе. Ибо словами *дому сему*, безъ сомнѣнія, указываетъ на Закхея, получающаго спасеніе. Подъ домомъ разумѣется Закхей, потому что бездушное зданіе Господь не назвалъ бы сыномъ Авраамовымъ, а очевидно называлъ такъ одушевленнаго хозяина дома. Назвалъ его *сыномъ Авраамовымъ*, быть можетъ потому, что онъ увѣровалъ и оправдался вѣрою, а можетъ быть и потому, что великодушно презрѣлъ богатство и возлюбилъ бѣдныхъ, подобно сему патріарху. Примѣчай: (Гос-

подь) назвалъ Закхея сыномъ Авраамовымъ теперь, когда увидѣлъ въ немъ сходство въ образѣ жизни. Не сказалъ Онъ: потому что и сей сынъ Авраамовъ *былъ*, но нынѣ *есть*. Ибо прежде, будучи старѣйшиною мытарей и сборщикомъ податей, а съ праведникомъ не имѣя никакого сходства, онъ не былъ сыномъ его. Поелику же нѣкоторые роптали на то, что (Господь) пошелъ въ домъ къ грѣшному мужу, то, дабы заградить имъ уста, Онъ говоритъ: Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее. Таковъ буквальный смыслъ.—Но удобно можно изъяснять это и иначе, въ пользу нравственности. Всякъ, кто старше многихъ въ злобѣ, малъ духовнымъ ростомъ, ибо плоть и духъ противоположны между собою, и потому не можетъ увидѣть Іисуса за народомъ; то есть, смущаемый страстями и житейскими дѣлами, не можетъ видѣть Іисуса дѣйствующаго, движущагося и ходящаго. Ибо таковый не ощущаетъ никакого дѣйствія, приличнаго христіанину. А хожденіе Іисуса то и означаетъ, когда Христосъ нѣчто дѣйствуетъ въ насъ. Такой человѣкъ, никогда невидавшій Іисуса ходящаго, и не испытавшій никакого дѣйствія приличнаго Христу, часто отъ раскаянія приходитъ въ сознаніе, и взлѣзаетъ на смоковницу, то есть, презираетъ и попираетъ всякое удовольствіе и пріятность, которыя означаются смоковницею, и такимъ образомъ возвысившись надъ собою, и полагая восхожденія въ сердцѣ, усматривается Іисусомъ, и самъ усматриваетъ Его. Тогда Господь говоритъ ему: *потщався слѣзи*, то есть, чрезъ покаяніе ты пришелъ на высшую жизнь, сойди же чрезъ смиреніе внизъ, дабы высо-

комѣріе не обмануло тебя. Смирись скорѣе, ибо если ты смиришься, то Мнѣ надобно быть у тебя въ домѣ. Мнѣ, говоритъ, необходимо быть въ дому смиреннаго. Ибо *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ моихъ* (Исаiи 66, 2)? Такой человѣкъ половину имѣнія отдаетъ нищимъ, то есть, бѣсамъ. Имѣніе у насъ двоякаго рода, то есть, тѣлесное и душевное. Все тѣлесное праведникъ уступаетъ бѣсамъ, по-истинѣ нищимъ и лишеннымъ всякаго блага, но отъ душевнаго имѣнія не отступается, какъ извѣстно и Господь говоритъ объ Іовѣ: *токмо души его не коснися* (Іов. 2, 6). Если таковый обидѣлъ кого чѣмъ, онъ уплачиваетъ вчетверо. Симъ намекается на то, что всякій, чрезъ покаяніе переходящій на путь, противный прежней злобѣ, четырьмя добродѣтельными врачуетъ всѣ прежніе грѣхи, и такимъ образомъ получаетъ спасеніе. Называется онъ *сыномъ Авраамовымъ*, такъ какъ, подобно Аврааму, онъ вышелъ изъ своей земли и отъ сродства прежней злобы, поселился внѣ дома отца своего, то есть, внѣ себя, и отвергся самого себя, (ибо онъ былъ домомъ отца своего дьявола, Іоан. 8, 44), и такимъ образомъ ставъ внѣ себя и отчуждившись, получаетъ спасеніе.

Слышащимъ же имъ сія, приложь рече притчу, зане близъ ему быти Іерусалима, и мняху, яко абіе царство Божіе хощетъ явитися. Рече убо:

Зач. * *Человѣкъ нѣкій добра рода иде на страну дале-*
95. *че, пріяти себѣ царство, и возвратитися. Призвавъ*

---

*Рече Господь притчу сію:**

же десять рабъ своихъ, даде имъ десять мнасъ, и рече къ нимъ: куплю дѣйте, дондеже пріиду. И граждане его ненавидяху его, и послаша послы въ слѣдъ его, глаголюще: не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами. Мнѣ кажется, что люди сіи, слыша о царствіи Божіемъ, понимали оное чувственно о благоволеніи будто-бы Божіемъ на освобожденіе народа еврейскаго, посему и предполагали, что Іисусъ, восходя въ Іерусалимъ, приметъ это царство. Но Господь, дабы показать имъ, что они разсуждаютъ неразумно, ибо царствіе его не чувственное, а вмѣстѣ выразить и то, что Ему, какъ Богу, извѣстны ихъ помыслы, говоритъ настоящую притчу, выводя Себя въ лицѣ человѣка высокаго рода. Ибо хотя Онъ содѣлался человѣкомъ, но не отступилъ и отъ высоты и благородства божества. Совершивъ же таинство домостроительства во плоти, снова отправился въ дальную страну, то есть, дабы и по человѣчеству сѣсть съ плотію одесную престола величія на небесахъ (Евр. 8, 1). Ибо какъ Богъ—Онъ всегда возсѣдалъ со Отцемъ, а какъ человѣкъ—Онъ тогда сѣлъ, когда вознесся, ожидая, доколѣ враги положены будутъ подъ ноги Его (Евр. 10, 12, 13). А это будетъ въ концѣ міра, когда всѣ и нежелающіе покорятся Ему, увѣровавъ, что Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца (Филип. 2, 11). *Граждане* его суть іудеи, ненавидящіе Его. *Видѣша,* говоритъ Онъ, *и возненавидѣша Мене и Отца моего* (Іоан. 15, 24). Они не хотѣли, чтобъ Онъ царствовалъ надъ ними. Посему, отрекаясь отъ Его царства, и говорили Пилату: *не имамы царя,* и опять: *не пиши: царь іудейскій* (Іоан. 19, 15, 21). Однакоже За-

Лук.

харія взываетъ: *радуйся зѣло, дщи Сіоня: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаяй* (Зах. 9, 9); и Исаія: *се Царь праведный воцарится* (32, 1); и Давидъ: *азъ же поставленъ есмь Царь отъ него* (Псал. 2, 6). Іудеи возненавидѣли Господа, а Онъ рабамъ своимъ далъ десять мнасъ (1).. *Рабы* его суть тѣ, коимъ ввѣрены служенія въ церкви. Говорится, что ихъ *десять*, по причинѣ совершенства церковнаго предстоятельства. Ибо порядокъ въ церкви имѣетъ совершенное устроеніе предстоятелей, и не было нужно ихъ ни больше, ни меньше. Напримѣръ, мы видимъ въ церкви три слѣдующія (дѣйствія): очищеніе, просвѣщеніе и совершеніе, Три и степени, между которыми раздѣлены эти дѣйствія. Діаконы очищаютъ оглашеніемъ и ученіемъ, пресвитеры просвѣщаютъ крещеніемъ, архіереи на священныя степени поставляютъ и совершаютъ, то есть, рукополагаютъ. Видишь ли степени (соразмѣрены) съ дѣйствіями, и степеней предстоятелей ни больше, ни меньше? Симъ-то рабамъ (Господь) раздаетъ десять *мнасъ*; то есть, дарованій, которыя каждому даются на пользу (1 Кор. 12, 7). Ибо всякъ, кому ввѣрено предстоятельство, хотя бы недостоинъ былъ, имѣетъ дарованіе отъ самаго помазанія, и это есть по-истинѣ великое таинство человѣколюбія и домостроительства Божія.

И бысть егда возвратися пріимъ царство, рече пригласити рабы тіи, имже даде сребро, да увѣсть,

---

(1) Мина заключаетъ въ себѣ сто драхмъ, и, какъ вѣсъ, равнялась почти фунту; цѣнность же ея, какъ суммы денегъ, простиралась до 22 руб. серебромъ.

какову куплю суть сотворили. Пріиде же первый, глаголя: Господи, мнасъ твоя придѣла десять мнасъ. И рече ему: благо, рабе добрый: яко о малѣ вѣренъ былъ еси, буди область имѣя надъ десятію градовъ. И пріиде вторый, глаголя: господи, мнасъ твоя сотвори пять мнасъ. Рече же и тому: и ты буди надъ пятію градовъ. И другій пріиде, глаголя: господи, се мнасъ твоя, юже имѣхъ положену въ убрусѣ. Бояхся бо тебе, яко человѣкъ яръ еси: вземлеши, егоже не положилъ еси, и жнеши, егоже не сѣялъ еси. Глагола же ему: отъ устъ твоихъ сужду ти, лукавый рабе: вѣдѣлъ еси, яко азъ человѣкъ яръ есмь, вземлю, егоже не положихъ, и жну, егоже не сѣяхъ: И почто не вдалъ еси моего сребра купцемъ, и азъ пришедъ съ лихвою истязалъ быхъ е? И предстоящимъ рече: возмите отъ него мнасъ, и дадите имущему десять мнасъ. И рѣша ему: господи, иматъ десять мнасъ. Глаголю бо вамъ, яко всякому имущему дастся: а отъ неимущаго, и еже иматъ, отъимется отъ него. Обаче враги моя оны, иже не восхотѣша мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и изсѣцыте предо мною. И сія рекъ, идяше преди, восходя во Іерусалимъ. — Егда возвратися. Христосъ, благородный и по человѣчеству (ибо Господь происходилъ изъ царскаго рода) и по божеству во второе свое пришествіе, когда Онъ явится съ апостолами Царемъ, грядущимъ во славѣ Отца, и когда поклонится предъ Нимъ всякое колѣно, тогда точно потребуетъ отчета и отъ рабовъ, кои получили дарованія. Открывается, что одинъ принесъ пользу многимъ, и умножилъ дарованіе въ десять разъ; другой также принесъ пользу;

по меньшему числу; а третій рѣшительно никому не былъ полезенъ, но время дѣятельности провелъ въ праздности. Посему тотъ, кто принятое имъ умножилъ въ десять разъ, поставляется надъ десятью городами, то есть, получаетъ власть надъ десятью городами, слѣдовательно во много разъ награждается. Сообразную награду получаетъ и слѣдующій за нимъ. А тотъ, который не принесъ никакой прибыли, осуждается. Посмотримъ, что онъ говоритъ: *господи, се мнасъ твоя*, возми ее! *имѣхъ ю положену въ убрусѣ.* На главу Господа умершаго положенъ былъ платъ (Іоан. 20, 7), и лицо Лазаря во гробѣ обвязано было платкомъ (Іоан. 11, 44). Посему нерадивецъ сей справедливо говоритъ, что онъ завернулъ дарованіе въ платокъ. Ибо, сдѣлавъ оное мертвымъ и бездѣйственнымъ, онъ употребленія изъ него не сдѣлалъ и прибыли не принесъ. *Бояхся бо тебе*, говоритъ, *яко вземлеши, егоже не положилъ еси.* Многіе отзываются такимъ предлогомъ. Не желая быть кому-нибудь полезными, они говорятъ: гдѣ Богъ не посѣялъ даровитости и способности, тамъ не ищи жатвы. Такого-то Онъ не создалъ даровитымъ и способнымъ къ наученію: что же отъ меня требовать пользы ему? Посему и Господь говоритъ: ты учи, и отдай серебро мое торжникамъ, то есть, всѣмъ людямъ, назначеннымъ для полученія пользы. Ибо каждый человѣкъ поставленъ отъ Бога торжникомъ, чтобъ въ великой рабочей міра сего дѣлать обороты. И *азъ пришедъ съ лихвою истязалъ быхъ е*, то есть, вытребовалъ бы обратно съ прибылью. Намъ должно дѣлать свое дѣло, а о послѣдующемъ Богъ будетъ судить тѣхъ, кои

не пожелают воспользоваться. Дарованіе отнимается, и дается доброму дѣлателю. Хотя онъ и имѣетъ, но посему-то самому ему полезно получить больше. *Имущему дастся,* то есть, кто чрезъ хорошіе обороты составилъ богатыя средства, тому дано будетъ и больше. Ибо если онъ малое увеличилъ въ десять разъ, то очевидно, удесятеривъ бо́льшее, доставитъ господину еще больше прибыли. А отъ нерадива́го и лѣниваго, и не постаравшагося принятое имъ умножить, и то самое, что̀ онъ имѣетъ, возмется, дабы не лежало безъ пользы имѣніе господина, когда оно можетъ быть отдано другому и во много разъ увеличено. Мы понимаемъ это не о словѣ только и ученіи, но и о нравственныхъ добродѣтеляхъ. Ибо и въ нихъ Богъ далъ намъ дарованія, одному поста, другому милостыни, иному кротости, иному смиренія. И если мы будемъ бодрствовать, то умножимъ сіи дарованія; если же будемъ небрежны и добровольно умремъ, то въ послѣдствіи будемъ слагать вину на Бога, какъ обыкновенно мы говоримъ: чтожъ мнѣ дѣлать? если такой-то будетъ святъ, то потому, что Богъ благоволитъ ему, и онъ святъ; а мнѣ не благоволитъ, и я не святъ; и тотъ былъ Петръ, иной Павелъ. Безумный человѣкъ! самая мина (данная тебѣ) дѣлаетъ тебя Петромъ и Павломъ. Дѣлай по силѣ, и принеси что-нибудь давшему, если не столько, сколько Петръ и Павелъ: ибо они получили по минѣ, и ты мину. И потомъ, нисколько не подвигнувшись на дѣланіе добра, ты обвиняешь Бога! Посему, оказываясь недостойными дарованій, мы лишаемся оныхъ. *Враговъ* же *моихъ*, говоритъ, тѣхъ, кои не хотѣли, чтобъ я цар-

ствовалъ надъ ними, *приведите* сюда *и избейте* предо
мною: то есть, іудееевъ, которыхъ Онъ предастъ поги-
бели, пославъ ихъ въ огнь внѣшній. Да, несчастные и
здѣсь, то есть, въ мірѣ семъ, они избиты были римски-
ми войсками, и еще хранятся и будутъ храниться на
избіеніе тамъ.

Зач. *И бысть яко приближися* въ Виѳсфагію и Виѳа-*
96. *нію, къ горѣ нарицаемѣй Елеонъ, посла два ученикъ
своихъ, глаголя: идите въ прямную весь: и въ нюже вхо-
дяща обрящета жребя привязано, на неже никтоже
николиже отъ человѣкъ всѣде: отрѣшше е приведита.
И аще кто вы вопрошаетъ: почто отрѣшаета? сице
рцыта ему, яко Господь его требуетъ. Шедше же по-
сланныя, обрѣтоста, якоже рече има. Отрѣшающема
же има жребя, рекоша господіе его къ нима: что от-
рѣшаета жребя? Она же рекоста, яко Господь его тре-
буетъ. И приведоста е ко Іисусови: и возвергше ризы
своя на жребя, всадиша Іисуса. Идущу же ему, пости-
лаху ризы своя по пути.*

Зач. *Приближающужеся ему** уже (абіе) къ нисхож-*
97. *денію горѣ Елеонстѣй, начаша все множество ученикъ,
радующеся, хвалити Бога гласомъ веліимъ о всѣхъ си-
лахъ, яже видѣша, глаголюще: благословенъ грядый
царь во имя Господне: миръ на небеси, и слава въ вы-
шнихъ. И нѣцыи фарисее отъ народа рѣша къ нему:
учителю, запрети ученикомъ твоимъ. И отвѣщавъ ре-
че имъ: глаголю вамъ, яко аще сіи умолчатъ, каменіе*

---

*Во время оно, яко приближися Іисусъ**
*Во время оно, приближающуся Іисусови***

возопіетъ. Господь садится на осленка, для двухъ въ одно и тоже время цѣлей: во-первыхъ, чтобъ исполнить пророчество, глаголющее: се Царь твой грядетъ, всѣдъ на осла подъяремника (Зах. 9, 9); а во-вторыхъ, дабы образно дать намъ знать, что Онъ покоритъ Себѣ новый, неочищенный и необузданный народъ язычниковъ. Судя по разстоянію пути, (Господь), безъ сомнѣнія, не нуждался въ подъяремникѣ. Ибо, обошедъ пѣшкомъ всю Галилею и Іудею, какъ Онъ возъимѣлъ нужду въ осленкѣ при переходѣ изъ Виѳаніи въ Іерусалимъ, гдѣ разстояніе, какъ всѣмъ извѣстно, незначительное? Итакъ Онъ дѣлаетъ это, какъ я сказалъ, съ таинственнымъ смысломъ. Осленокъ былъ привязанъ, и имѣлъ много хозяевъ, но *апостолами*, то есть, посланными, отвязывается. Это имѣетъ такой смыслъ: Виѳанія по толкованію, означаетъ *домъ послушанія*, а Виѳсфагія—*домъ челюстей*, мѣсто приличное священникамъ. Ибо священникамъ давались челюсти, какъ предписано въ законѣ (Второз. 18, 4). Челюстями обозначается учительское слово, которое растираютъ и утончаютъ душевныя челюсти. Итакъ гдѣ домъ учительскаго слова и покорности сему слову, тамъ посылаются ученики Господа, и разрѣшаютъ людей, связанныхъ грѣховными сѣтями и многими житейскими заботами, и изъ рабовъ многихъ господъ и боговъ дѣлаютъ ихъ почитателями одного Господа Іисуса и одного Бога Отца. А гдѣ нѣтъ ни дома послушанія, ни слово учительское не принимается, тамъ ничего подобнаго не бываетъ, и осленокъ не отвязывается. Посланныхъ *двое*. Симъ означается, что приведенію язычниковъ ко Хри-

сту и покорности Ему, служатъ два чина, пророки и апостолы. Приводятъ осленка изъ нѣкотораго *селенія* (деревни), дабы мы знали, что народъ языческій былъ въ большой простотѣ и невѣжествѣ. Ибо онъ никогда не подчинялся ни Моvсееву ученію, ни пророческому, но онъ былъ необученный осленокъ. Если же, какъ сказалъ другой евангелистъ (Матѳ. 21, 15), и дѣти взывали: *осанна Сыну Давидову*, то и они могутъ означать тотъ же самый новый народъ, который, вѣруя въ Іисуса, явившагося плотію отъ сѣмени Давидова, возсылалъ славу Богу, по написанному; *людіе зиждеміи восхвалятъ Господа* (Псал. 101, 19). Постиланіе одеждъ, кажется, то означаетъ, что достойные воспѣвать Іисуса, совлекаясь ветхаго человѣка, подстилаютъ и подчиняютъ его Іисусу, дабы, наступивъ на него, освятилъ его, и дабы плоть не возставала противъ духа, такъ чтобъ и сами они могли сказать: повинухся Господеви, и умолихъ его (Псал. 36. 7).—Говоря, что все множество учениловъ хвалило Бога, Лука называетъ *учениками* всѣхъ вообще послѣдователей Іисуса, не двѣнадцать только, и не семьдесятъ, но весь народъ, который, или нуждаясь въ чудесахъ, или по временамъ увлекаясь ученіемъ, слѣдовалъ за Іисусомъ. Въ томъ числѣ естественно замѣчались и дѣти, какъ передаютъ прочіе евангелисты (Матѳ. 21, 15). Движимые Богомъ, дѣти исповѣдуютъ Іисуса Царемъ, грядущимъ *во имя Господне*, то есть, Богомъ, и говорятъ: *миръ на небеси*. Иначе: прежняя вражда, которую мы имѣли съ Богомъ, прекращена. Ибо не было на землѣ Царя-Бога. А теперь, когда Богъ грядетъ по землѣ, по-истинѣ

миръ на небеси, и посему *слава въ вышнихъ*, такъ какъ и ангелы прославляютъ то единеніе и примиреніе, которое даровалъ намъ ѣдущій на ослѣ Царь и Богъ. Ибо то самое, что на землѣ является истинный Богъ и ходитъ въ нашей странѣ, странѣ враговъ своихъ, показываетъ, что между Имъ и нами заключено примиреніе.—Фарисеи роптали на то, что народъ называлъ Іисуса Царемъ и восхвалялъ его какъ Бога: ибо (по ихъ мнѣнію) торжественное усвоеніе ему имени царя было знакомъ возмущенія и хулы на Господа. Но (Іисусъ) говоритъ: *аще сіи умолчатъ, каменіе возопіетъ*. Или: люди говорятъ сіе не изъ угожденія Мнѣ, но произносятъ это славословіе потому, что ихъ убѣждаютъ къ сему и побуждаютъ всѣ тѣ знаменія силы, какія они видѣли.

И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ, глаголя: яко аще бы разумѣлъ и ты, въ день сей твой, еже къ смиренію твоему: нынѣ же скрыся отъ очію твоею: Яко пріидутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя, и объимутъ тя отвсюду: И разбіютъ тя, и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ: понеже не разумѣлъ еси времене посѣщенія твоего. (Господь), какъ человѣколюбивый плачетъ объ городѣ; ибо не желалъ погибели жителей онаго за дерзкій противъ Него поступокъ. Итакъ плачемъ Онъ обнаруживаетъ сострадательное сердце. А что Онъ жалѣлъ ихъ, и не только прежде распятія, но и послѣ распятія, жаждалъ ихъ обращенія, это видно изъ того, что Онъ предалъ ихъ римлянамъ спустя столько лѣтъ, ибо протекло трид-

цать пять лѣтъ. Безъ сомнѣнія, Онъ отлагалъ наказаніе не по другому чему, какъ по сильному желанію ихъ обращенія. Итакъ Онъ плачетъ о безчувственности Іерусалима, и говоритъ: *аще бы разумѣлъ и ты,* хотя *въ день сей твой, еже къ миру твоему.* То есть, о если бы ты хотя нынѣ узналъ, что̀ служитъ къ твоей пользѣ и ведетъ къ миру и спокойствію, именно—что нужно увѣровать въ Меня, и удалиться отъ злаго умысла противъ Меня! А теперь сокрыто отъ очей твоихъ то, что на тебя придутъ нестерпимыя бѣдствія за (твое) отверженіе Меня, и что ты потерпишь вотъ то и то, за то, что не уразумѣлъ времени *посѣщенія* своего, то есть моего явленія, когда Я пришелъ посѣтить тебя и спасти. Итакъ тебѣ должно было узнать, что служитъ къ твоему благосостоянію, то есть, увѣровать въ Меня, и ты былъ бы безопасенъ со стороны римлянъ и свободенъ отъ всякаго поврежденія. Ибо всѣ увѣровавшіе во Христа остались свободными отъ плѣна, такъ что если бы всѣ увѣровали, то никто и не попался бы въ плѣнъ.

Зач. 98. *И вшедъ * въ церковь, начатъ изгонити продающія въ ней и купующія, глаголя имъ: писано есть: домъ мой, домъ молитвы есть: вы же сотвористе его пещеру разбойникомъ. И бѣ уча по вся дни въ церкви: архіерее же и книжницы искаху его погубити, и старѣйшины людемъ: И не обрѣтаху, что бы сотворили ему: людіе бо вси держахуся его, послушающе его.*

---

*Во время оно, вшедъ Іисусъ **

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Первосвященники и книжники спрашиваютъ Господа, какою силою Онъ творитъ это.—Притча о виноградникѣ.—Лукавые люди спрашиваютъ о подати.—О саддукеяхъ, отвергающихъ воскресенiе.—Господь предлагаетъ вопросъ фарисеямъ.

*И бысть во единъ отъ дней онѣхъ, учащу ему** Зач. 99.
люди въ церкви и благовѣствующу, прiидоша священницы и книжницы со старцы, и рѣша къ нему, глаголюще: рцы намъ, коею областiю сiя твориши? или кто есть давый тебѣ власть сiю? Отвѣщавъ же рече къ нимъ: вопрошу вы и азъ единаго словесе, и рцыте ми: крещенiе Iоанново съ небесе ли бѣ, или отъ человѣкъ? Они же помышляху въ себѣ, глаголюще: яко аще речемъ, съ небесе, речетъ: почто убо не вѣровасте ему? Аще ли же речемъ, отъ человѣкъ: вси людiе каменiемъ побiютъ ны, извѣстно бо бѣ о Iоаннѣ, яко пророкъ бѣ. И отвѣщаша: не вѣмы откуду. Iисусъ же рече имъ: ни азъ глаголю вамъ, коею областiю сiя творю. Господь, со славою вшедшй во Iерусалимъ, въ доказательство своей власти творитъ то, что домъ Отца своего очищаетъ отъ торгашей. Онъ сдѣлалъ это и въ началѣ проповѣди, какъ говоритъ евангелистъ Iоаннъ (2, 13. 18). А теперь снова дѣлаетъ тоже, во второй разъ. Это служитъ къ большему обвиненiю iудеевъ, что они не уцѣломудрились отъ перваго Его открытаго вразумленiя, но продолжали торговать (во храмѣ), и называли Его противникомъ Божiимъ, тогда какъ Онъ почи-

---

* *Во время оно учащу Iисусу.*

таетъ Отца и Бога до такой степени, что домъ Его очищаетъ отъ торгашей. Въ обличеніе ихъ Онъ приводитъ и слова Исаіи: *домъ мой домъ молитвы наречется* (56, 7). А они безумно спрашиваютъ Его: *коею властію сія твориши?* Однакоже имъ можно было понять, что, поелику Онъ привелъ слова пророка во свидѣтельство, что домъ Божій есть домъ молитвы, а не торжище и вертепъ разбойниковъ (ибо любостяжаніе и торгашество свойственны разбойникамъ), то какая же, наконецъ, нужда спрашивать Его, какою властію Онъ это дѣлаетъ, когда можно прямо заключить, что такъ повелѣваетъ Богъ чрезъ пророка. А они спрашиваютъ, какою властію ты это дѣлаешь? Законъ, говорятъ, распоряжаться во храмѣ предоставилъ происходящимъ отъ Левіи: какъ же ты, непроисходящій отъ Левіина колѣна, дѣлаешь это и похищаешь священныя права? Но, о іудеи, вспомните слова Давида: *ты Іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. 109, 4). Мелхиседекъ названъ священникомъ. А Мелхиседекъ не былъ священникомъ ни по закону, ни по происхожденію отъ Левіина колѣна. Ибо какъ быть сему, когда онъ за столь много лѣтъ былъ прежде Левія? Потомъ, съ чего ты требуешь отъ Христа порядка законнаго? Богъ законамъ не подлежитъ. Когда нужно было, Онъ повелѣлъ, чтобъ священники были изъ колѣна Левіина, а теперь отмѣняетъ тотъ законъ, и предъизбираетъ священство Мелхиседека. Потому и продающихъ жертвенныя животныя, какъ то овецъ и голубей, Онъ выгоняетъ, съ одной стороны, чтобъ сохранить благолѣпіе и благоприличіе храма, а съ другой, чтобъ и то показать, что не должно уже вѣровать въ умилостивленіе Бога жертвами животными. Итакъ

Господу легко было отвѣтить имъ, что *такъ сказано*, и сказать, что такъ повелѣваетъ пророкъ, или лучше, Богъ. Однакожъ, чтобъ обличить ихъ въ постоянномъ противленіи Духу Святому, и въ томъ, что они не хотѣли вѣровать не только древнему пророку Исаіи, быть можетъ, ими и забытому, но и такъ недавно явившемуся, почти невещественному и безплотному Іоанну, для сего на вопросъ ихъ съ своей стороны даетъ имъ настоящій, достойный удивленія, вопросъ. Симъ вопросомъ Онъ и имъ заграждаетъ уста, и намъ показываетъ, что если они не повѣрили такому пророку, каковъ Іоаннъ, по мнѣнію, большій Его, когда сей свидѣтельствовалъ о Немъ, то какъ же повѣрили бы они Его отвѣту на то, какою властію Онъ это дѣлаетъ? Ибо что̀ бы Онъ ни сказалъ, они, во всякомъ случаѣ, могли перетолковать это и осмѣять, подобно тому, какъ они презрѣли и слова Іоанна, бывшаго у нихъ въ большой славѣ.

Начатъ же къ людемъ глаголати притчу сію: * Зач. 100.
человѣкъ нѣкій насади виноградъ, и вдаде его дѣлателемъ, и отъиде на лѣта многа. И во время посла къ дѣлателемъ раба, да отъ плода винограда дадутъ ему: дѣлатели же биввше его, послаша тща. И приложи послати другаго раба: они же и того бивше и досадивше (ему), послаша тща. И приложи послати третьяго: они же и того уязвлше изгнаша. Рече же господинъ винограда: что сотворю? послю сына моего возлюбленнаго: еда како, его видѣвше, усрамятся. Видѣвше

Рече Господь притчу сію: *

же его дѣлателе, мышляху въ себѣ, глаголюще: сей есть наслѣдникъ: пріидите, убіемъ его, да наше будетъ достояніе. И изведше его вонъ изъ винограда, убиша: что убо сотворитъ имъ господинъ винограда? Пріидетъ и погубитъ дѣлатели сія, и вдастъ виноградъ инѣмъ. Притча сія кратка, но научаетъ насъ многому и великому, именно, что Богъ имѣлъ и доказалъ особенное промышленіе объ евреяхъ, что они издавна склонны къ убійству, что одинъ Богъ ветхаго и новаго завѣта, что язычники будутъ введены, а іудеи отвергнуты. Виноградникъ есть самая церковь іудейская, виноградари книжники и фарисеи, эти передовые люди и приставники народные; или: каждый самъ по себѣ есть виноградникъ и виноградарь, ибо каждый изъ насъ воздѣлываетъ самого себя. Человѣколюбецъ, отдавъ этотъ виноградникъ дѣлателямъ, *отъиде*, то есть, оставилъ ихъ дѣйствовать по собственному ихъ произволу. Онъ посылаетъ разныхъ *слугъ*, то есть, пророковъ, чтобъ имѣть хотя малую какую-нибудь прибыль: ибо желалъ, сказано, получить *отъ плода*, а не всѣ плоды. Какой же отъ насъ Богу плодъ, какъ только не Его познаніе? И оно есть намъ прибытокъ: однакожъ Онъ спасеніе наше и нашу пользу поставляетъ своими. Злые дѣлатели причиняли обиды посланнымъ, избивали ихъ и отсылали ни съ чѣмъ, то есть, дошли до такой неблагодарности, что не только уклонились отъ добра и не дали никакого добра плода, но и злое совершили, что̀ заслуживаетъ большаго наказанія. Послѣ того, какъ пророки перенесли такое ужасное зло, посылается Сынъ. *Еда како*, говоритъ, *усрамятся* Сына моего. Говоритъ

такъ: *еда како*, не потому, будто не знаетъ будущаго, именно, что съ Нимъ поступятъ гораздо хуже, чѣмъ съ пророками, но потому, что такъ должно было быть, именно они должны были устыдиться Его. Если же они до того были безстыдны, что и убили Его, то это служитъ къ большему ихъ обвиненію, потому что и послѣ того, какъ Богъ высказалъ, что хорошо было устыдиться Сына, они положили приговоръ противный. Такой оборотъ рѣчи находится во многохъ мѣстахъ Писанія, напримѣръ: *негли послушаютъ* (Іерем. 26, 3); *аще убо послушаютъ* (Іезек. 2, 5. 2, 11). Въ сихъ мѣстахъ Богъ говоритъ такъ не по незнанію будущаго, но для того употребляетъ такой образъ выраженій, дабы кто не сказалъ, что предвѣдѣніе Божіе было необходимою причиною непослушанія. *Убили* Сына, *изведше его вонъ изъ винограда.* Удобно можно сказать: вонъ изъ Іерусалима; ибо Христосъ *внѣ вратъ* пострадалъ (Евр. 13, 12). Но поелику выше подъ виноградникомъ мы разумѣли народъ, а не Іерусалимъ, то едвали не ближе къ дѣлу сказать, что народъ хотя убилъ Его, но внѣ виноградника, то есть, не своеручно нанесъ Ему смерть, а предавъ Его Пилату и язычникамъ. Итакъ Господь пострадалъ внѣ виноградника, то есть, не отъ рукъ народа, ибо ему нельзя было никого убивать, посему Онъ умеръ отъ рукъ воиновъ. Нѣкоторые подъ виноградникомъ разумѣли Писанія. Итакъ Господь пострадалъ внѣ Писаній, то есть, Его убили невѣрующіе Моѵсею. Ибо если бы вѣровали Моѵсею, и обращались въ Писаніяхъ, изслѣдуя оныя, то не убили бы Владыку Писаній.—Сказавъ это, присовокупляетъ и тотъ приго-

воръ, который имѣетъ произнесть надъ ними, именно, что *вдастъ виноградъ инымъ*, то есть, другимъ дастъ ту благодать, чтобъ называться моимъ народомъ. Смотри: тѣ, кои говорятъ, что виноградникъ означаетъ Писаніе, кажется, ближе угадываютъ смыслъ, какъ отсюда оказывается. Ибо Писаніе, отобранное отъ евреевъ, передано намъ. А иной смѣлый, пожалуй, скажетъ, что виноградникъ есть все духовное, заключается ли оно въ Писаніи и законахъ, или въ дѣяніяхъ и исторіяхъ, чего всего іудеи лишились, а мы тѣмъ наслаждаемся.

Слышавше же, рекоша: да не будетъ. Онъ же возрѣвъ на нихъ, рече: что убо писаніе сіе: камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла? Всякъ падый на камени томъ, сокрушится: а на немже падетъ, стрыетъ его.

И взыскаша архіерее и книжницы возложити нань
Зач. *руцѣ въ той часъ,* и убояшася народа: разумѣша бо,*
101. *яко къ нимъ притчу сію рече.* Какъ слышишь, евангелистъ Лука говоритъ, что Господь сказалъ сіи слова: господинъ виноградника погубитъ неблагодарныхъ виноградарей, и отдастъ виноградникъ другимъ, и что фарисеи, услышавъ сіе, сказали: *да не будетъ.* А евангелистъ Матѳей говоритъ иначе, именно: Господь спросилъ, что сдѣлаетъ съ виноградарями тѣми хозяинъ виноградника? А іудеи въ отвѣтъ сказали: злодѣевъ сихъ предастъ злой смерти, и виноградникъ отдастъ другимъ (¹), Не противорѣчіе ли это? отнюдь нѣтъ. Ибо

---

*Во время оно, взыскаша архіерее и старцы возложити руцѣ на Іисуса,**

(¹) См. Благовѣстникъ; часть первая: евангеліе отъ Матѳея, гл. 21, зач. 87.

вѣроятно случилось то и другое: сначала сами они произнесли приговоръ, какъ передаетъ евангелистъ Матѳей; а потомъ, догадавшись, къ кому относится притча, именно, что она на нихъ-то и сказана, сказали опять то, что передаетъ теперь евангелистъ Лука, именно: *да не будетъ*. Что же Христосъ? Онъ приводитъ и другое свидѣтельство изъ псалмовъ Давида, Себя называя камнемъ, а самихъ учителей строющими, подобно какъ и пророкъ Іезекіиль говоритъ: *сограждающіи стѣну и помазующіи безъ приправы* (Іезек. 13, 10), то есть, говорящіе въ угоду и прикрывающіе недостатки народа, и потому какъ-бы помазывающіе поверхностно поврежденія народа, какъ-бы какой стѣны. Какъ же *небрегоша* сей камень? Когда говорили: *нѣсть сей отъ Бога* (Іоан. 9, 16).—Господь говоритъ здѣсь о двоякой погибели: одна—погибель душъ ихъ, которую они потерпѣли за то, что соблазнились. Ибо всякій, падающій на сей камень, разобьется. Другая—погибель отъ плѣненія, которое навелъ на нихъ камень сей за свое уничиженіе отъ нихъ. Ибо на кого, сказано, упадетъ, того раздавитъ. Іудеи раздавлены и разсѣяны такъ, какъ мякина, отъ одного гумна—Іудеи—во весь міръ. Примѣчай же то, что прежде они упали на камень сей, то есть, соблазнились, а потомъ уже камень упалъ на нихъ и наказалъ. Ибо прежде совершается мною грѣхъ, а потомъ меня постигаетъ праведное наказаніе отъ Бога. Но іудеи отвергли сей камень. А онъ былъ такъ хорошъ и избранъ, что положенъ во главу угла, и совокупилъ и соединилъ двѣ стѣны, то есть, ветхое и новое. Хотя имъ должно было послушать Исаіи, говоря-

Лук.

щаго: *Господа того освятите, и той будетъ вамъ въ страхъ, а не яко же о камень претыканія преткнетеся, ниже яко о камень паденія* (Исаіи 8, 13, 14). Но они и тогда, какъ поняли, что на нихъ говоритъ (Господь) притчу сію, злоумышляютъ противъ Него, и наложили бы на Него руки, если бы не побоялись народа. И законъ говоритъ: *неповинна и праведна да не убіеши* (Исх. 23, 9); но его они не слушаютъ, а боятся гнѣва людскаго, и, уклоняясь отъ видимаго наложенія рукъ, устрояютъ иные ковы противъ Него.

И наблюдше, послаша лаятели, притворяющихъ себе праведники быти: да имутъ его въ словеси, во еже предати его начальству и области игемоновѣ. И вопросиша его, глаголюще: учителю, вѣмы, яко право глаголеши и учиши, и не на лица зриши, но воистину пути Божію учиши. Достоитъ ли намъ кесареви дань даяти, или ни? Разумѣвъ же ихъ лукавство, рече къ нимъ: что мя искушаете? Покажите ми цату: чій иматъ образъ и надписаніе? отвѣщавше же рекоша: кесаревъ. Онъ же рече имъ: воздадите убо, яже кесарева, кесареви, и яже Божія, Богови. И не могоша зазрѣти глагола его предъ людми: и дивишася о отвѣтѣ его, и умолчаша. Фарисеи приготовили сѣть, которой, по ихъ мнѣнію, Господу трудно избѣжать, но въ сѣти сей *увязе нога* ихъ (Псал. 9, 16). Смотри, какое лукавство! Если Господь скажетъ, что должно давать подать кесарю, тогда обвинятъ Его предъ народомъ въ томъ, что Онъ въ рабство приводитъ народъ, который есть сѣмя Авраамово и никому не работалъ (Іоан. 8, 33). Если Онъ запретитъ давать подать, въ такомъ слу-

чаѣ, какъ возмутителя, поведутъ Его къ правителю. Но Господь избѣгаетъ сѣтей ихъ какъ *серна*, ибо такъ назвала Его невѣста въ Пѣсни пѣсней (2, 9), и научаетъ, что тѣлесная подчиненность владѣющему нашими тѣлами, царь ли онъ или тиранъ, нисколько не препятствуетъ намъ духовно благоугождать Богу духовъ. *Воздадите*, говоритъ, *яже кесарева, кесареви, и яже Божія, Богови*. И смотри, не сказалъ; *дадите*, но *воздадите*. Это, говоритъ, долгъ: посему и уплати должное. Государь твой хранитъ тебя отъ непріятелей, жизнь твою дѣлаетъ мирною: за это ты обязанъ ему податью. И иначе: то самое, что̀ ты вносишь, то есть, монету, ты имѣешь отъ него же самого. Итакъ монету царскую ему (царю) и возврати опять. Между тѣмъ ты и для себя извлекъ изъ нея выгоду, размѣнивая ее и добывая необходимое для жизни.—Такъ точно и Божіе должно воздавать Богу. Онъ далъ тебѣ умъ: возврати Ему оный разумною дѣятельностію. Онъ далъ тебѣ разсудокъ: возврати Ему оный, не уподобляясь неразумнымъ животнымъ, но поступая во всемъ какъ одаренный разумомъ. И вообще Онъ далъ тебѣ душу и тѣло: возврати Ему все, и возстанови для Него образъ Его, живя по вѣрѣ, съ надеждою въ любви.—И въ иномъ смыслѣ, должно отдавать кесарево кесарю. Каждый изъ насъ носитъ на себѣ или образъ Божій, или образъ князя міра. Когда мы уподобимся кесарю, становясь сыновьями дьявола, мы носимъ на себѣ его образъ. Сей-то (образъ) должно отдавать ему, и отвергать, дабы онъ имѣлъ свое при себѣ, а въ насъ не находилъ ничего принадлежащаго ему. Чрезъ это и

образъ Божій можетъ сохраниться у насъ въ чистотѣ. Посему и апостолъ Павелъ убѣждаетъ, дабы мы какъ носили образъ земнаго, такъ носили и образъ небеснаго (1 Кор. 15, 49); и въ другомъ мѣстѣ: *отложити ветхаго человѣка* (Ефес. 4, 22). Чтò здѣсь выражено словомъ *воздать*, тò у Павла словомъ *отложити*, и чтò здѣсь названо образомъ *кесаря*, тò тамъ образомъ *земнаго*, безъ сомнѣнія, Адама согрѣшившаго, и *ветхаго человѣка*. Ибо образъ земнаго не что иное, какъ тлѣніе и грѣхъ, каковый образъ мы имѣемъ потому, что уподобились отступнику, а не Царю. Фарисеи не могли уловить Іисуса (въ словѣ) предъ народомъ. Ибо особенное стараніе у нихъ было о томъ, дабы оклеветать Его предъ народомъ, какъ порабощающаго народъ римлянамъ. А сего они не могли достигнуть по причинѣ премудраго Его отвѣта.

Зач. *Приступиша же* нѣцыи отъ саддукей, глаголю-*
102. *щіи воскресенію не быти, вопрошаху его, глаголюще: учителю, Моисей написа намъ: аще кому братъ умретъ имый жену, и той безчаденъ умретъ, да братъ его поиметъ жену, и возставитъ сѣмя брату своему. Седмь убо братій бѣ: и первый поятъ жену, умре безчаденъ: И поятъ вторый жену, и той умре безчаденъ: И третій поятъ ю: такожде же и вси седмь: и не оставиша чадъ, и умроша. Послѣжде же всѣхъ умре и жена. Въ воскресеніе убо, котораго ихъ будетъ жена? седмь бо имѣша ю жену. И отвѣщавъ рече имъ Іисусъ: сынове вѣка сего женятся и посягаютъ: А сподобльшіися*

---

*Во время оно, приступиша ко Іисусу **

вѣкъ онъ улучити и воскресеніе, еже отъ мертвыхъ, ни женятся, ни посягаютъ, ни умрети бо ктому могутъ: равни бо суть ангеломъ, и сынове суть Божіи, воскресенія сынове суще. А яко востаютъ мертвіи, и Моисей сказа при купинѣ, якоже глаголетъ Господа Бога Авраамля и Бога Исаакова и Бога Іаковля. Богъ же нѣсть мертвыхъ, но живыхъ: вси бо тому живи суть. Отвѣщавше же нѣцыи отъ книжникъ рекоша: учителю, добрѣ реклъ еси. Ктому же не смѣяху его вопросити ничесоже. Саддукеи, утверждаясь на слабомъ основаніи, не вѣрили ученію о воскресеніи. Предполагая, что по воскресеніи будетъ тѣлесная жизнь, они естественно заблуждались. Посему, осмѣивая ученіе о воскресеніи какъ нелѣпое, они выдумываютъ настоящій безразсудный расказъ. Но Господь опровергаетъ ихъ основаніе, и объявляетъ, что тамъ не тѣлесная жизнь. А вмѣстѣ съ этимъ слабымъ основаніемъ и предположеніемъ разрушаетъ и ученіе ихъ, сказавъ: вы заблуждаетесь, не зная Писаній, и превратно толкуя ихъ смыслъ. *Сыны вѣка сего*, то есть, раждающіе и раждающіеся въ мірѣ семъ, женятся и посягаютъ, то есть, выходятъ за мужъ. А сыны того вѣка ничего такого не дѣлаютъ, ибо и умирать не могутъ: посему нѣтъ тамѣ и брака, а жизнь ангельская и божественная. Здѣсь потому и бракъ, что есть смерть, и потому смерть, что есть бракъ. А тамъ, когда упразднится смерть, какая нужда въ бракѣ? Ибо бракъ (установленъ) въ помощь смертности и въ восполненіе недостатка. А гдѣ нѣтъ никакого недостатка, тамъ какая нужда въ восполненіи? *равни бо суть ангеломъ, и сынове суть Божіи*

Почему? потому, что суть сыны воскресенія. Слова сіи такой имѣютъ смыслъ: Я, говоритъ, назвалъ ихъ сынами Божіими потому, что въ рожденіи ихъ не усматривается ничего тѣлеснаго, но все божественное. Ибо въ воскресеніи не предшествуетъ ни соитія, ни сѣмени, ни утробы, ни зачатія, но тѣла наши раждаетъ Богъ извѣстнымъ Ему способомъ. Поелику же въ воскресеніи дѣйствуетъ Богъ, то возраждающіеся отъ воскресенія справедливо называются сынами Божіими. Къ умозаключенію (Господь) присовокупляетъ и свидѣтельство отъ Писанія. Моvсей говоритъ, что Богъ сказалъ ему изъ купины: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ*, и прочая (Исход. 3, 6). Если бы патріархи навсегда уничтожились, и не были живы предъ Богомъ по надеждѣ воскресенія, то Онъ не сказалъ бы: *Я есмь*, но *Я былъ*. Ибо о вещахъ поврежденныхъ и потерянныхъ мы обыкновенно говоримъ, я *былъ* хозяиномъ такой-то вещи. А теперь, когда Богъ сказалъ: *Азъ есмь*, Онъ показалъ, что Онъ есть Господь и Богъ живыхъ, а не уничтожившихся совершенно. Ибо хотя они и умерли, но надеждою воскресенія живы, подобно какъ и Адамъ, хотя и живъ былъ, однакожъ былъ смертенъ, и о немъ говорится, что онъ умеръ въ то самое время, какъ вкусилъ (отъ запрещеннаго плода). Когда такимъ образомъ саддукеи были пристыжены, книжники, довольные побѣдою надъ ними, одобрили Іисуса какъ соперника ихъ.

Рече же къ нимъ: Како глаголютъ Христа сына Давидова быти? Самъ бо Давидъ глаголетъ въ книзѣ псаломстѣй: рече Господь Господеви моему: сѣди одe-

сную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ. Давидъ убо Господа его нарицаетъ, и како сынъ ему есть?

Слышащимъ же всѣмъ людемъ, рече ученикомъ своимъ: * *Внемлите себѣ отъ книжникъ, хотящихъ ходи-* Зач.
ти во одеждахъ, и любящихъ цѣлованія на торжищахъ, 103.
и предсѣданія на сонмищахъ, и преждевозлежанія на вечеряхъ: Иже снѣдаютъ домы вдовицъ, и виною далече молятся: сіи пріимутъ лишшее осужденіе. Вскорѣ имѣя идти на страданія, (Господь) проповѣдуетъ о своемъ божествѣ, и то не явно и съ гордостью, но очень скромно. Ибо спрашиваетъ ихъ, и, приведши въ недоумѣніе, предоставляетъ имъ самимъ выводить слѣдствіе. Давидъ, говоритъ, называетъ Его Господомъ: какъ же Онъ простой сынъ ему? Онъ былъ и сынъ Давиду по плоти, но вмѣстѣ и Богъ его, а они считали Его только сыномъ Давидовымъ. Посему Онъ опровергаетъ это мнѣніе ихъ, что (Христосъ) есть простой сынъ Давида, и объявляетъ, что Онъ не противенъ Отцу, но имѣетъ съ Нимъ большое единомысліе, ибо Отецъ побораетъ враговъ Его. Это сказалъ Онъ книжникамъ. Поелику же учениковъ Онъ посылалъ учителями во вселенную, то справедливо убѣждаетъ ихъ не подражать фарисеямъ въ славолюбіи, въ любви къ первенству и вообще въ свѣтскости и человѣкоугодливости. Ибо тщательно соблюдать привѣтствія на площадяхъ свойственно тѣмъ, кои льстятъ всякому встрѣчному и заискиваютъ доброе о себѣ мнѣніе, или употребляютъ это сред-

---

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

ствомъ къ собранію денегъ. *Снѣдаютъ*, говоритъ, *домы вдовицъ*, наполняя чрево и расточая за предѣлы должнаго. И предлогъ къ тому какъ-бы благоговѣйный. Ибо, подъ предлогомъ молитвы и душевной пользы, они учатъ не посту, но піянству и чревоугодію, и за то, говоритъ, *пріимутъ лишшее осужденіе:* потому что не только зло дѣлаютъ, но и прикрываютъ оное молитвою. И видъ у нихъ благоговѣйный, и добродѣтель они дѣлаютъ предлогомъ къ лукавству. Посему они заслуживаютъ и большее осужденіе, такъ какъ добро подвергаютъ порицанію. Вдовицъ должно жалѣть; а они входятъ въ домы ихъ, за тѣмъ будтобы, чтобъ долгими молитвами благословить ихъ. Между тѣмъ вдовицы принуждены бываютъ по случаю ихъ посѣщенія дѣлать издержки, и такимъ образомъ разоряются.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О вдовѣ, положившей (въ сокровищницу) двѣ лепты.—Вопросъ (учениковъ) о кончинѣ (міра).—Господь предсказываетъ ученикамъ о плѣненіи Іерусалима и запустѣніи его.—О знаменіяхъ (того времени).

Воззрѣвъ же видѣ вметающія въ храмъ набдящій имѣнія (γαζοφυλάκιον), *дары своя богатыя. Видѣвъ же и нѣкую вдовицу убогу, вметающу ту двѣ лептѣ, и рече: воистинну глаголю вамъ, яко вдовица сія убогая множае всѣхъ вверже. Вси бо сіи отъ избытка своего ввергоша въ дары Богови: сія же отъ лишенія своего все житіе, еже имѣ, вверже.* Газа значитъ сокровище. Было священное сокровище, удѣляемое боголюбивыми, которое употребляли на подѣлки и поправки во храмѣ,

и вообще на украшеніе храма и на пропитаніе бѣдныхъ. Но въ послѣднее время священники и это сокровище обратили въ торговые обороты, раздѣляя оное между собою, а не употребляя на то, на что опредѣлено оно первоначально. — Господь вдовицу хвалитъ больше всѣхъ прочихъ, потому что она отъ скудости своей повергла все свое состояніе. Ибо двѣ лепты, повидимому, и ничтожны, но у кормившейся милостынею онѣ составляли весь животъ: ибо вдовица была нищая. Итакъ Господь воздаетъ награду, обращая вниманіе не на то, сколько дается, но на то, сколько остается. Въ домахъ богачей, принесшихъ немногое и невеликое, оставалось гораздо больше, а у ней домъ весь опустѣлъ, и въ немъ ничего не осталось. Посему по-истинѣ она достойна похвалы большей, нежели тѣ.—Нѣкоторые думали, что подъ *вдовицею* можно разумѣть всякую душу, отказавшуюся отъ прежняго мужа, то есть, ветхаго закона, но еще неудостоившуюся соединиться съ Богомъ Словомъ, и что она вмѣсто залога приноситъ тонкую (την λέπτην) и возможную для ней вѣру и добрую совѣсть. Ибо съ вѣрою нужно приносить и добрую совѣсть, то есть, жизнь безпорочную. И кто съ ними приходитъ къ Богу, тотъ, кажется, полагаетъ больше всѣхъ тѣхъ, кои богаты ученіемъ и обилуютъ языческими добродѣтелями.

И нѣкимъ глаголющимъ о церкви, * *яко каменіемъ* Зач. 104.
добрымъ и сосуды украшена, рече: Сія яже видите, прі-

Во время оно, нѣкимъ глаголющимъ ко Іисусови о церкви, *

идутъ дніе, въ няже не останетъ камень на камени, иже не разорится. Вопросиша же его, глаголюще: учителю, когда убо сія будутъ? и что есть знаменіе: егда хотятъ сія быти?

Зач. 105. *Онъ же рече: * блюдите, да не прельщени будете: мнози бо пріидутъ во имя мое, глаголюще, яко азъ есмь: и время приближися, не изыдите убо въ слѣдъ ихъ. Егда же услышите брани и нестроенія, не убойтеся: подобаетъ бо симъ быти прежде, но не у абіе кончина. Тогда, глаголаше имъ, востанетъ бо языкъ на языкъ, и царство на царство: Труси же велицы по мѣстамъ, и глади и пагубы будутъ, страхованія же и знаменія велія съ небесе будутъ.* Господь, какъ по немногомъ времени имѣющій претерпѣть распятіе, прилично пророчествуетъ теперь объ Іерусалимѣ, дабы мы въ семъ имѣли сильное доказательство того, что Онъ есть истинный Богъ. Посему и тогда, когда нѣкоторые хвалили зданія храма и *вклады,* (я думаю, что они говорили о рѣзныхъ и изваянныхъ произведеніяхъ, напримѣръ, о пальмахъ и херувимахъ (3 Царств. 6, 32): это, быть можетъ, и называли ἀναθήματα), Господь ни на что не обращаетъ вниманія, но предсказываетъ разрушеніе ихъ.—Они подумали, что Онъ говоритъ о кончинѣ вселенной, хотя Онъ говорилъ о плѣненіи Іерусалима римлянами. Посему, снисходя имъ, Онъ на время оставляетъ рѣчь о плѣненіи, намѣреваясь присоединить ее къ послѣдующему, а теперь разсуждаетъ о кончинѣ міра,

---

*Рече Господь: **

и предостерегаетъ ихъ, чтобъ они не слушались лжепророковъ, имѣющихъ придти прежде Его пришествія.—Будутъ *войны и смятенія*, ибо, по прекращеніи всякой любви, естественно будутъ имѣть мѣсто войны и смятенія. Вслѣдствіе войнъ (наступятъ) *голодъ и моръ*, моръ отъ испорченности воздуха отъ труповъ, а голодъ отъ невоздѣлыванія полей.—Нѣкоторые принимали такъ, что голодъ и моръ и прочія бѣдствія будутъ не при кончинѣ только вѣка, но и во время плѣненія (Іерусалима). Ибо Іосифъ (Флавій) говоритъ, что по причинѣ голода были ужасныя бѣдствія. Да и Лука въ книгѣ Дѣяній (11, 28) говоритъ, что голодъ былъ при кесарѣ Клавдіи. Много также было ужасовъ, указывавшихъ на плѣнъ, какъ повѣствуетъ тотъ же Іосифъ. Это, то есть, *войны*, *смятенія* и прочая, рѣшительно можно понимать обще о времени кончины міра и плѣненія (Іерусалима).

Прежде же сихъ всѣхъ * *возложатъ на вы руки* Зач.
своя, и иждену̀тъ, предающе на сонмища и темницы, 106.
ведомы къ царемъ и владыкамъ, имене моего ради. Прилучится же вамъ во свидѣтельство. Положите убо на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати: Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, ейже не возмогутъ противитися или отвѣщати вси противляющіися вамъ. Предани же будете и родители и братіею и родомъ и други: и умертвятъ отъ васъ. И будете ненавидими отъ всѣхъ имене моего ради. И власъ главы

Рече Господь своимъ ученикомъ: внемлите отъ человѣкъ, *

вашея не погибнетъ. Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша. Прежде сихъ всѣхъ, то есть, прежде всего того, что́ имѣетъ случиться при кончинѣ міра, или и при плѣненіи, (ибо, какъ я сказалъ, Онъ съ рѣчью о кончинѣ соединяетъ рѣчь и о плѣненіи), *возложатъ на вы*, то есть, учениковъ моихъ, *руки*. И дѣйствительно прежде плѣненія Іерусалима апостолы изгнаны были изъ него, по особенному усмотрѣнію Божію, именно, чтобъ всѣ ужасы обрушились только надъ распинателями, а они, то есть, апостолы, наполнили весь міръ проповѣдью. Были также приводимы апостолы и предъ царей и правителей: напримѣръ, Павла водили къ Фисту, къ Агриппѣ, къ самому кесарю (Дѣян. 25, 6. 23. 26, 32). Обратилось же это для нихъ въ славу свидѣтельства.—Поелику же они были люди простые и неученые, то дабы они не смущались тѣмъ, что отъ нихъ будутъ требовать отчета мужи мудрые, говоритъ, чтобъ они объ этомъ нисколько не заботились, Ибо вы отъ Меня получите вмѣстѣ премудрость и благорѣчивость, такъ что всѣ противящіеся, хотя бы соединились за одно, не возмогутъ противостоять вамъ ни по мудрости, то есть, силѣ мыслей, ни по краснорѣчію и непогрѣшительности языка. Часто иной искусенъ въ составленіи умозаключеній и находчивъ въ мысляхъ, но при шумѣ скоро смущается, и отъ того во время рѣчи къ народу все перемѣшиваетъ. Но имъ, то есть, апостоламъ, въ обоихъ отношеніяхъ дана была благодать. Посему и священники изумлялись необычайной мудрости Петра и Іоанна, зная, что прежде они были люди простые (Дѣян. 4, 13). А Павлу Фистъ говорилъ:

съ ума сошелъ ты, Павелъ: большая ученость доводитъ тебя до съумасшествія (Дѣян. 26. 24). Сказавъ это, и уменьшивъ ихъ страхъ отъ неучености, (Господь) высказываетъ еще обстоятельство, необходимое и могущее поколебать души, именно, что они преданы будутъ друзьями и сродниками. Предсказываетъ о семъ обстоятельствѣ для того, чтобъ, случившись внезапно, оно не смутило ихъ. Ибо оно сильно поражаетъ душу, какъ и Давидъ говоритъ: *яко аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо. Ты же человѣче равнодушне* (Псал. 54, 13. 14); и опять: *ядый хлѣбы моя, возвеличи на мя запинаніе* (Псал. 40, 10). Сказавъ это и то, что ихъ будутъ ненавидѣть, и нѣкоторыхъ изъ нихъ умертвять, присовокупляетъ величайшее утѣшеніе: *власъ главы вашея не погибнетъ*. Вы, говоритъ, будете спасены, и ни малѣйшая частичка ваша не пропадетъ, хотя многимъ и будетъ казаться, что пропала: только нужно терпѣть. Ибо терпѣніемъ вы можете пріобрѣсть ваши души. Врагъ приступаетъ, какъ-бы съ намѣреніемъ взять въ плѣнъ, и стараться захватить ваши души, наведши на васъ бѣдствія: но вы вмѣсто серебра дайте терпѣніе, и этимъ выкупомъ пріобрѣтете ваши души и не потерпите въ нихъ вреда. Обрати вниманіе на выраженіе: *умертвять отъ васъ*, и ты уразумѣешь оное нѣсколько глубже, именно: умертвятъ васъ не всецѣло. Вы состоите изъ двухъ частей: души и тѣла. Не ту, и другое, но одно у (ἐξ) васъ, то есть, тѣло умертвятъ, а души ваши вы терпѣніемъ пріобрѣтете. Объ этомъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *не*

убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити (Матѳ. 10, 28).

Егда же узрите обстоимъ Іерусалимъ вои: тогда разумѣйте, яко приближися запустѣніе ему. Тогда сущіи во Іудеи, да бѣгаютъ въ горы: и иже посредѣ егѡ, да исходятъ: и иже во странахъ, да не входятъ въ онь, яко дніе отмщенію сіи суть: яко исполнитися всему писанному. Горе же имущимъ во утробѣ и доящимъ въ тыя дни: будетъ бо бѣда велія на земли, и гнѣвъ на людехъ сихъ. И падутъ во остріи меча, и плѣнени будутъ во вся языки: и Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ. И будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ и звѣздахъ: и на земли туга языкомъ отъ нечаянія, шума морскаго и возмущенія, издыхающимъ человѣкомъ отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную: силы бо нѐбесныя подвигнутся. И тогда узрятъ сына человѣческа грядуща на облацѣхъ съ силою и славою многою. Теперь самымъ яснымъ образомъ (Господь) говоритъ о плѣненіи Іерусалима. Посему я думаю, что слова: *прежде же сихъ всѣхъ* нужно разумѣть такъ: прежде голода и мора, и прочихъ бѣдъ, какія случатся во время кончины міра, васъ апостоловъ изгонятъ, и прочая. Потомъ и для Іерусалима наступятъ бѣдствія. Поелику они думали, что зданія храма будутъ разрушены во время кончины, то Господь говоритъ: нѣтъ! Ибо во время кончины будутъ лжепророки, голодъ и моръ отъ постоянныхъ войнъ, имѣющихъ возгорѣться вслѣдствіе того, что любовь изсякнетъ. А вы изгнаны будете прежде времени кончины, и Іерусалимъ будетъ взятъ въ плѣнъ, и камни

сіи будутъ разрушены. Когда увидите городъ (Іерусалимъ), окруженый римскими войсками, тогда знайте, (что приблизилось) его запустѣніе.—За симъ оплакиваетъ тѣ бѣдствія, кои постигнутъ тогда городъ. Находящіеся въ Іудеѣ, говоритъ, пусть бѣгутъ въ горы; находящіеся въ окресностяхъ, пусть не надѣются, что ихъ сберегутъ стѣны города, но и тѣ, кои будутъ внутри города, пусть выходятъ изъ него вонъ. Потому что это будутъ дни отмщенія, дабы исполнилось написанное, особенно въ книгѣ пророда Даніила (9, 27. 27). *Горе беременнымъ* (въ тѣ дни), ибо онѣ по причинѣ тяжести чрева не могутъ бѣжать, *и питающимъ сосцами*, ибо по причинѣ сильной любви къ дѣтямъ не могутъ онѣ ни оставить ихъ безъ присмотра, ни увесть ихъ съ собою. Нѣкоторые говорятъ, что Господь симъ намекаетъ на закланіе дѣтей, о которомъ разсказываетъ Іосифъ и пророчествуетъ Іеремія (11, 22).—И *Іерусалимъ*, говоритъ, *будетъ попираемъ языки*. Доселѣ рѣчь была о плѣненіи: потомъ опять о кончинѣ. *Будутъ*, говоритъ, *знаменія въ солнцѣ и лунѣ и звѣздахъ*. Ибо съ перемѣною въ твари естественно быть новому порядку и въ стихіяхъ. У народовъ будетъ *уныніе*, то есть, скорбь, смѣшанная съ недоумѣніемъ во всемъ. Море будетъ страшно шумѣть, и наступятъ боязнь и смущеніе, такъ что люди будутъ издыхать отъ одного страха и ожиданія (бѣдствій), идущихъ на вселенную. Видишь ли? Онъ ясно говоритъ здѣсь о кончинѣ міра. Ибо выше говорилъ, что Іерусалимъ будетъ окруженъ и попираемъ языческими войсками, а здѣсь говоритъ о наступленіи бѣдствій для вселенной. Зна-

читъ, теперь рѣчь у Него о кончинѣ вселенной. *Силы бо небесныя подвигнутся.* Что Я говорю, (говоритъ Онъ), что при измѣненіи всей твари смутятся люди? Самые ангелы и первѣйшія силы смутятся и ужаснутся при столь страшныхъ перемѣнахъ во всемъ. *И тогда узрятъ Сына человѣческа.* Кто? всѣ вѣрующіе и невѣрующіе. *Грядуща на облацѣхъ,* то есть, какъ Бога, съ силою и славою великою. Ибо тогда и самъ Онъ и крестъ Его возблистаетъ лучше солнца, и всѣми будетъ признанъ.

Зач. 107. *Начинающимъ же симъ бывати,* восклонитеся, и воздвигните главы ваша: зане приближается избавленіе ваше. И рече притчу имъ: видите смоковницу и вся древа. Егда прошибаются уже, видяще сами вѣсте, яко близъ жатва есть. Тако и вы, егда узрите сія бывающа, вѣдите, яко близъ есть царствіе Божіе. Аминь глаголю вамъ, яко не имать прейти родъ сей, дондеже вся сія будутъ. Небо и земля мимо идетъ, а словеса моя не имутъ прейти.* Какъ первое пришествіе Господа было для возсозданія и возрожденія душъ нашихъ, такъ второе будетъ для возрожденія нашихъ тѣлъ. Поелику души умерли прежде, чрезъ преслушаніе, а тѣла самымъ дѣломъ подверглись смерти спустя девять сотъ лѣтъ послѣ преслушанія, то и возрождаются онѣ и улучшаются послѣдовательно, души чрезъ первое пришествіе, а тѣла чрезъ второе. Посему и Господь говоритъ: когда это начнетъ сбываться, вы, отягченные тлѣніемъ, восклонитесь и пользуйтесь свободою. Ибо настаетъ искупленіе (*апо-*

---

*Рече Господь своимъ ученикомъ:**

λύτρωσις) ваше, то есть, совершенное освобожденіе обоихъ, то естъ, души и тѣла. Предлогъ (απο), кажется, именно указываетъ на совершенное избавленіе отъ тлѣнія, каковое получитъ тогда и тѣло, по благодати Господа, упраздняющаго послѣдняго врага— смерть (1 Кор. 15, 53. 57. 26). Ибо Онъ упразднилъ начала и власти и искупилъ душу. Оставалась еще смерть, которая питалась нашими тѣлами: упраздненіе оной будетъ причиною нашей свободы и искупленія. При исполненіи сего, царствіе Божіе тотчасъ настанетъ. Какъ смоковница, когда на ней распускаются листья, указываетъ на приближеніе лѣта: такъ и появленіе сихъ знаменій и пребразованіе вселенной служатъ признакомъ того, что наступаетъ *лѣто*, то есть, царствіе Божіе, для праведникомъ наступающее именно какъ лѣто послѣ зимы и бури. Между тѣмъ для грѣшниковъ тогда настанетъ зима и буря. Ибо они настоящій вѣкъ считаютъ лѣтомъ, а будущій для нихъ— буря. *Аминь глаголю вамъ, яко не иматъ прейте родъ сей, дондеже вся сія будутъ.* Родомъ называетъ не тѣхъ, кои тогда жили, но все поколѣніе вѣрующихъ. Ибо Писаніе называетъ иногда родомъ и тѣхъ, кои сходны въ нравахъ, напримѣръ: *сей родъ ищущихъ Господа* (Псал. 23, 6). Поелику Онъ сказалъ, что имѣютъ быть смятенія и войны, и перемѣны какъ въ стихіяхъ, такъ и въ самыхъ предметахъ, то, дабы кто не пришелъ къ мысли, не рушится ли когда-нибудь и христіанство, Онъ говоритъ: нѣтъ! родъ сей, то есть, родъ христіанъ, никогда не прейдетъ. Небо и земля измѣнятся, а слова мои и Евангеліе мое не рушатся, а пребудутъ навсегда, хотя бы и все поколебалось, и

вѣра въ Меня не оскудѣетъ. Отсюда видно также, что Церковь Онъ предпочитаетъ всей твари: ибо тварь измѣнится, а изъ Церкви вѣрныхъ, равно изъ Его словъ и Евангелія, ничто не погибнетъ.

Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ. и печалми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той: Яко сѣть бо пріидетъ на вся живущыя на лицы всея земли. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убѣжати всѣхъ сихъ хотящихъ быти, и стати предъ Сыномъ человѣческимъ. Вы, говоритъ, слышали объ ужасахъ и смятеніяхъ. Всѣ они чуственны, и предъизображаютъ тѣ бѣдствія, кои постигнутъ грѣшниковъ. Но противъ сихъ бѣдъ есть сильное и противодѣйствующее средство, молитва и внимательность къ себѣ. Ибо всегдашняя готовность и ожиданіе кончины можетъ все это побѣдить. А она будетъ у васъ подъ тѣмъ условіемъ, говоритъ, если вы будете бодрствовать, и сердца ваши не будутъ отягчаемы объядeніемъ и пьянствомъ, и заботами житейскими. Ибо день тотъ не придетъ съ наблюденіемъ, но неожиданно, тайно, какъ сѣть, захватывающая невнимательныхъ къ себѣ, Иной, быть можетъ, станетъ до тонкости изслѣдывать выраженіе: *живущыя* (καθημένȣς, сидящихъ) *на лицы всея земли.* День оный захватитъ сѣтью тѣхъ, кои ведутъ жизнь беззаботную и праздную. Ибо они именно суть сидящіе, и они попадаются въ сѣть. Но кто дѣятеленъ и трудолюбивъ, бодръ на совершеніе добра и всегда стремится къ добру, не сидитъ и не успокоивается земными предметами, но возбуждаетъ себя, и говоритъ себѣ: *востани и поиди, яко нѣсть тебѣ сей покой* (Мих. 2, 10), и желаетъ лучша-

го отечества, для того день оный не есть сѣть и бѣда, но какъ-бы праздникъ. Посему нужно бодроствовать и молиться Богу, чтобы намъ можно было избѣжать всѣхъ будущихъ (бѣдствій). Какихъ же? Быть можетъ, во-первыхъ, голода и мора, и прочихъ, которыя избранныхъ не такъ будутъ тяготить, какъ прочихъ, а напротивъ избранныхъ-то ради сократятся и для прочихъ; можетъ быть, во-вторыхъ, тѣхъ, кои на вѣки наступятъ для грѣшниковъ, ибо мы не можемъ избѣжать оныхъ иначе, какъ только бдѣніемъ и молитвою. Поелику же для великодушныхъ недостаточно избѣжать озлобленія, но имъ нужно еще получить благо какое нибудь: то сказавъ, дабы вы могли избѣжать всѣхъ будущихъ (бѣдствій), (Господъ) присовокупилъ: *и стати предъ Сыномъ человѣческимъ*, въ чемъ и состоитъ наслажденіе благами. Ибо христіанину должно не только избѣгать золъ, но и стараться получить славу. А то, чтобъ стоять предъ Сыномъ человѣческимъ и Богомъ нашимъ, есть ангельское достоинство. Ибо сказано: *ангели его выну видятъ лице Отца моего* (Матѳ. 18, 10).

Бѣ же во дни во церкви учя: нощію же исходя водворяшеся въ горѣ нарицаемѣй Елеонъ, И вси людіе* Зач.
изъ утра прихождаху къ нему во церковь, послушати 108.
его. Евангелисты, особенно три первые, не передали очень многаго изъ того, чему училъ Господь. Правда, и самъ Іоаннъ умолчалъ объ очень многомъ, однакожъ онъ сверхъ того, что передали трое, изложилъ нѣкоторые высшіе уроки Господа. Господь, какъ можно дога-

---

*Во время оно, бѣ Іисусъ**

дываться, многимъ и высокимъ истинамъ училъ собирающихся во храмѣ. Что евангелисты сказали немногое, ибо и не желали объявлять всего, это видно какъ изъ многаго другаго, такъ немало можно заключить о семъ и изъ того, что они, тогда какъ Господь училъ почти три года, записали такъ мало Его уроковъ, что, по моему мнѣнію, не будетъ заслуживать порицанія тотъ, кто сказалъ бы, что ихъ можно было передать менѣе, чѣмъ въ цѣлый день. Итакъ святые евангелисты изъ многаго написали немногое, чтобъ лишь только передать вкусъ сладости. Господь говорилъ не (со всѣми) одинаково, но каждому предлагалъ полезное. Посему народъ съ утра приходитъ къ Нему. Ибо благодать изливалась изъ устъ Его. А ночью Господь удалялся на гору, показывая намъ, что во время тишины ночной нужно бесѣдовать съ Богомъ, а днемъ во время столкновеній съ людьми приносить имъ пользу, и ночью собирать, а днемъ раздавать собранное. Самъ Онъ не нуждался въ молитвѣ или общеніи съ Богомъ. Ибо, самъ будучи Богъ, не имѣлъ, въ чемъ бы Ему смиряться, Но для насъ положилъ это въ образецъ, дабы мы во время ночи, подобно колодезямъ, забирали въ себя стокъ изъ духовныхъ жилъ—молитвы, а днемъ изъ насъ вычерпали бы тѣ, кои нуждаются въ полезномъ. Смотря на то, какъ тогда народъ съ утра приходилъ къ Іисусу слушать Его, иной сказалъ бы, что къ Нему идутъ слова Давида: *Боже, Боже мой, къ тебѣ утренню: возжада тебе душа моя* (Псал. 62, 2).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Совершеніе пасхи.—Споръ учениковъ о томъ, кто изъ нихъ больше.—Просьба сатаны.—Взятіе Христа.—Отведеніе Іисуса къ первосвященнику.

*Приближашеся же** *праздникъ опрѣснокъ, глаголемый пасха: И искаху архіерее и книжницы, како бы убили его: бояхуся бо людей. Вниде же сатана во Іуду нарицаемаго искаріотъ, суща отъ числа обоюнадесяте. И шедъ глагола архіереомъ и воеводамъ, како его предастъ имъ. И возрадовашася, и совѣщаша ему сребреники дати: И исповѣда, и искаше удобна времене, да предастъ его имъ безъ народа.* Книжники искали убить Его (Іисуса). Поелику же наступало время пасхи, и они посему видѣли для себя опасность отъ собирающагося народа, особенно на праздникъ, то они изыскивали наконецъ способъ, какъ бы убить Его, не подвергаясь опасности.—Вошелъ же сатана въ Іуду, *суща отъ числа обоюнадесяте*, то есть, одного изъ приближенныхъ и искреннихъ учениковъ. Никто не надѣйся на самого себя, но будь внимателенъ къ своей жизни, потому что имѣешь страшнаго врага. Нѣкоторые же слова: *суща отъ числа обоюнадесяте*, понимали такъ: дополняющаго только собою число апостоловъ, но не истиннаго апостола и ученика. Ибо что за истинный ученикъ тотъ, кто воровалъ опускаемое въ ящикъ (Іоан. 12, 6)? Такимъ образомъ (Іуда) принялъ вошедшаго въ него сатану, и согласился предать Іисуса ищущимъ Его. Ибо это означаетъ слово *исповѣда*, то есть, окон-

---

*Во время оно, приближашеся**

чательно заключилъ условіе и договоръ. И искалъ удобнаго времени, когда бы застать Его (Іисуса) безъ народа, то есть, наединѣ и предать имъ. *Воеводами* называетъ здѣсь начальниковъ надъ зданіями храма, или надзирателей за благочиніемъ. Ибо римляне приставили нѣкоторыхъ (надсмотрщиковъ) за народомъ, чтобъ онъ не возмущался, ибо былъ мятеженъ. Сихъ-то называетъ воеводами. А быть можетъ, воеводами названы тѣ, кои, принадлежа къ составу священническому, имѣли военныя должности. Ибо, страдая любовью къ первенству, они вмѣшивались и въ такія должности. Посему и назвалъ ихъ воеводами храма, быть можетъ съ тѣмъ, чтобъ чувствительнѣе задѣть ихъ.

Пріиде же день опрѣснокoвъ, въ оньже подобаше жрети пасху. И посла Петра и Іоанна, рекъ: шедша уготовайта намъ пасху, да ямы. Она же рекоста ему: гдѣ хощеши, уготоваемъ? Онъ же рече имъ: се восходящема вама во градъ, срящетъ вы человѣкъ въ скудельницѣ воду нося: по немъ идѣта въ домъ, въ оньже входитъ: И рцѣта дому владыцѣ: глаголетъ тебѣ Учитель: гдѣ есть обитель, идѣже пасху со ученики моими снѣмъ? И той вама покажетъ горницу велію постлану: ту уготовайта. Шедша же обрѣтоста, якоже рече има: и уготоваста пасху. Что пасха, по еврейски называемая фасéк, означаетъ выходъ изъ Египта, объ этомъ многіе говорили, и вообще все, что совершалось тогда въ сей праздникъ, святые изъяснили. А намъ нужно сказать о томъ, какой день называетъ днемъ опрѣсноковъ. *Днемъ опрѣсноковъ* называетъ чет-

вертокъ (τὴν πέμπτην) (¹), въ вечеру котораго нужно было закалать пасху. Итакъ въ четвертокъ, быть можетъ утромъ, Господь посылаетъ учениковъ Петра и Іоанна, одного какъ любящаго, другаго какъ любимаго, посылаетъ въ *чужой* домъ: ибо ни самъ, ни ученики не имѣли собственнаго, иначе Онъ совершилъ бы пасху у кого-либо изъ учениковъ. Смотри, какая бѣдность! Посылаетъ ихъ къ человѣку неизвѣстному, дабы показать, что Онъ и страданія воспринимаетъ добровольно. Ибо если бы Онъ не желалъ (страдать), то преклонивъ умъ сего неизвѣстнаго человѣка къ принятію ихъ (Себя и учениковъ), Онъ могъ бы и въ іудеяхъ произвесть то, что Ему угодно. Нѣкоторые говорятъ, что (Господь) не сказалъ имени сего человѣка, и не объявилъ его, но доводитъ учениковъ до дому его по нѣкоторому признаку для того, чтобъ предатель, узнавъ имя, не указалъ фарисеямъ домъ сей, и они не пришли бы взять Его прежде, нежели Онъ установитъ вечерю, прежде чѣмъ преподастъ духовныя свои тайны. Посему Христосъ, спустя немного, говоритъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ.* То есть, Я приложилъ все стараніе, чтобы намъ укрыться отъ предателя, дабы не подвергнуться страданію прежде времени, прежде нежели преподадимъ таинства. Такое объясненіе, кто хочетъ, можетъ принимать. — Для чего же (Господь) совершаетъ пасху? для того, дабы всѣми своими дѣйствіями до послѣдняго издыханія доказать, что Онъ не противникъ закона. Будемъ же и мы

(¹) Пятый день недѣли по еврейскому счету (отъ субботы).

Лук.

ѣсть сію пасху разумно, будемъ подъ днемъ опрѣсноковъ разумѣть всю жизнь, проводимую въ духовномъ свѣтѣ, не имѣющую нисколько ветхости прежняго преслушанія во Адамѣ. Проводя по-истинѣ такую жизнь, мы должны насыщаться тайнами Іисусовыми. Тайны сіи будутъ приготовлять Петръ и Іоаннъ, дѣятельность и созерцаніе, горячая ревность и мирная кротость. Ибо вѣрующій долженъ быть пламеннымъ на совершеніе добра, ревностнымъ противу зла, и кроткимъ къ совершающимъ зло. Ибо должно ненавидѣть зло, а не дѣлающаго зло. Сего нужно лечить, ибо онъ страдаетъ. Дѣлать зло (*πονηρεύεσθαι*) то и значитъ, что быть смущаемымъ отъ лукаваго, и страдать злобою. Если мы будемъ имѣть приготовляющихъ вечерю Петра и Іоанна, то есть, добрую жизнь, которое изображаетъ собою Петръ, и истинное ученіе, которое изображаетъ Іоаннъ богословъ, то съ такими приготовителями встрѣтится *человѣкъ*, то есть, мы найдемъ тогда истинно человѣческое существо, созданное по образу Создателя, или лучше, Творца, носящее кувшинъ воды. Вода означаетъ благодать Духа, какъ учитъ евангелистъ Іоаннъ (7, 38 и 39), а кувшинъ—удобосокрушимость и размягчимость сердца. Ибо принимающій духовную благодать бываетъ смиренъ и сокрушенъ сердцемъ, а смиреннымъ Господь даетъ благодать (Іак. 4, 6). Сознавая себя землею и пепломъ, и говоря съ Іовомъ: *отъ земли мя создалъ еси* (Іов. 10, 9), онъ будетъ носить благодать Духа въ удобо则разломимомъ и удобосокрушимомъ сосудѣ сердца своего. Послѣдуя за такимъ настроеніемъ, мы войдемъ въ домъ ума, котораго хозяинъ, умъ, покажетъ намъ боль-

шую убранную горницу. *Горница* это есть высокое помѣщеніе (χώρησις) ума, то есть, божественные и духовные предметы, среди которыхъ онъ живетъ и обращается съ любовію. Они убраны: ибо у нихъ нѣтъ ничего суроваго, но и кривое для такого ума дѣлается путемъ правымъ, какъ и Соломонъ сказалъ: *вся права разумѣвающимъ, и проста обрѣтающимъ разумъ* (Притч. 8, 9). Не погрѣшишь, если и то скажешь, что умъ хотя совершаетъ высокое дѣло, дѣйствуя по силѣ ума, однакожъ знаніе его еще простерто и очень близко къ землѣ. Но знаніе по-истинѣ высокое, и незнаніе, превышающее умъ, выше всякой высоты, когда умъ уже не дѣйствуетъ, но воспринимаетъ дѣйствіе. Прежде намъ должно дѣйствовать умомъ своимъ, потомъ уже будетъ въ насъ дѣйствовать благодать Господа, восхищая насъ, какъ и пророковъ, и отрѣшая отъ всякой естественной силы. По-истинѣ говорится, что въ такомъ-то пророкѣ было восхищеніе отъ Господа. Подобно какъ и здѣсь, когда горница сія убрана, приходитъ Іисусъ со учениками своими и совершаетъ таинства, приходя къ намъ самъ и являя въ насъ собственную свою силу, а не ожидая нашего къ Нему прихода. *Ученики* Бога Слова суть всѣ размышленія о сотворенномъ. Когда такимъ образомъ Слово будетъ дѣйствовать въ насъ, тогда мы уразумѣемъ причастіе пасхи, и еще болѣе насытимся размышленіями о сотворенномъ, по сказанному: *узрю небеса, дѣла перстъ твоихъ* (Псал. 8, 4).

И егда бысть часъ, возлеже, и обанадесяте апостоли съ нимъ. И рече къ нимъ: желаніемъ возжелѣхъ сію

Лук.

пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ. Глаголю бо вамъ, яко отселѣ не имамъ ясти отъ нея, дондеже скончаются въ царствіи Божіи. И пріимъ чашу, хвалу воздавъ, рече: пріимите сію и раздѣлите себѣ: Глаголю бо вамъ, яко не имамъ пити отъ плода лознаго, дондеже царствіе Божіе пріидетъ. И пріимъ хлѣбъ, хвалу воздавъ преломи, и даде имъ, глаголя: сіе есть тѣло мое, еже за вы даемо: сіе творите въ мое воспоминаніе. Такожде же и чашу по вечери, глаголя: сія чаша, новый завѣтъ моею кровію, яже за вы проливается. Пасху ѣли стоя: какъ же о Господѣ говорится, что Онъ возлегъ? Говорятъ, что, съѣвши законную пасху, возлегли уже послѣ, по общему обыкновенію, ѣсть прочія какія-нибудь яства.—Господь говоритъ ученикамъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ.* Онъ какъ-бы такъ говоритъ: это для Меня послѣдняя съ вами вечеря, посему она любезна и вожделѣнна для Меня: ибо въ послѣдующее время Я не буду ѣсть съ вами. Это подобно тому, какъ имѣющіе отправиться въ странствованіе, послѣднія рѣчи съ родными и друзьями ведутъ съ большею пріятностію и любовію. И иначе: я очень желалъ ѣсть съ вами сію пасху, потому что въ ней Я имѣю преподать вамъ великія таинства,—таинства новаго завѣта. Симъ Онъ показываетъ, что Онъ добровольно будетъ страдать. Ибо Ему, такъ какъ Онъ зналъ о предстоящихъ страданіяхъ, безъ сомнѣнія, можно было уклониться отъ оныхъ, подобно тому, какъ и въ предшествовавшее время (Іоан. 8, 59). Слова: *не буду пить отъ него, пока не пріидетъ царствіе Божіе,* нѣкоторые

изъ святыхъ разумѣли такъ: пока не воскресну. Ибо послѣ воскресенія, обращаясь съ учениками, Онъ ѣлъ и пилъ съ ними, какъ и Петръ говоритъ Корнилію: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ по воскресеніи* (Дѣян. 10. 41). Что воскресеніе есть царствіе Божіе, это очевидно. Ибо воскресеніе есть разрушеніе смерти. Смерть царствовала отъ Адама до Христа; а съ того времени, разрушенная, она уступила побѣду и царство Господу, какъ сказано: смерть, гдѣ твоя побѣда (Осіи 13, 14)? И Давидъ говоритъ: *Господь воцарися* (Псал. 92, 1), а потомъ въ объясненіе, какъ воцарился, присовокупляетъ: *въ лѣпоту облечеся,* когда тѣло избавилось отъ тлѣнія и украсилось божествомъ, какъ Исаія говоритъ: *сей красенъ во утвари, зѣло съ крѣпостію* (63, 1). И самъ Господь по воскресеніи говоритъ: *дадеся ми вслка власть* (Матѳ. 28, 18). Итакъ, когда пришло воскресеніе, которое, какъ разрушившее смерть, названо царствіемъ Божіемъ, (Господь) опять пилъ съ учениками, во увѣреніе, что Онъ воскресъ не призрачно.—Иные же подъ царствіемъ Божіимъ разумѣли будущее состояніе, а подъ питіемъ Господа съ нами въ будущемъ вѣкѣ—откровеніе Имъ таинъ. Ибо Онъ, человѣколюбецъ, радуя насъ, самъ радуется, и питая насъ, самъ питается, и наше питіе и пищу, то есть, ученіе, вмѣняетъ въ пищу Себѣ. Итакъ Онъ будетъ тогда пить нѣкоторое новое питіе съ достойными, открывая имъ всегда нѣчто новое и необычайное.—Кажется, Лука упоминаетъ о двухъ чашахъ. Объ одной говоритъ: *пріимите и раздѣлите себѣ,* которую иной можетъ назвать образомъ ветхаго завѣта, а о другой говоритъ послѣ преломленія и раз-

Лук.

даянія хлѣба. (Господь) самъ раздѣляетъ ее между учениками, называетъ ее новозавѣтною, и говоритъ, что она обновляется въ Его крови. Ибо, когда былъ данъ ветхій законъ, то печатію употреблена была кровь неразумныхъ животныхъ (Исх. 24, 5—8); а нынѣ, когда Богъ Слово сталъ человѣкомъ, новый завѣтъ для насъ запечатлѣвается Его кровію. Словами: *еже за вы даемо, яже за вы проливается*, не то показываетъ, что тѣло Его предано и кровь Его пролита за однихъ только апостоловъ, но за (весь) родъ человѣческій. Итакъ, когда говоритъ, что *за васъ* предается, ты понимай: за вашъ родъ человѣческій.—Древняя пасха совершалась во избавленіе отъ рабства египетскаго, и кровь агнца (проливалась) за сохраненіе первенцовъ: а новая пасха—во оставленіе грѣховъ и въ сохраненіе помысловъ, назначенныхъ и посвященныхъ Богу.—Прежде (преподается) хлѣбъ, а потомъ чаша. Ибо прежде бываетъ дѣятельность трудная и неудобосовершимая. Добродѣтели предшествуетъ потъ, подобно какъ и хлѣбъ не только воздѣлывается въ потѣ лица, но и во время употребленія требуетъ трудовъ (Быт. 3, 19). Потомъ уже, послѣ трудовъ, бываетъ радованіе отъ благодати Божіей, что означается чашею. Ибо кто потрудится въ неудобосовершимой добродѣтели, тотъ въ послѣдствіи удостоивается дарованій, и испытываетъ доброе опьяненіе, отрѣшаясь отъ міра сего, какъ Павелъ и Давидъ, или, если еще смѣлѣе сказать, какъ Богъ у пророка Аввакума (3, 14).

Обаче се рука предающаго мя со мною есть на трапезѣ. И Сынъ убо человѣческій идетъ по реченному: обаче горе человѣку тому, имже предается. И тіи на-

чаша искати въ себѣ, который убо отъ нихъ хощетъ сіе сотворити. Бысть же и пря въ нихъ, кій мнится ихъ быти болій. Онъ же рече имъ: царіе языкъ господствуютъ ими, и обладающіи ими благодателе нарицаются. Вы же не тако: но болій въ васъ, да будетъ яко мній: и старѣй, яко служай. Кто бо болій, возлежай ли, или служай? не возлежай ли? азъ же посредѣ васъ есмь яко служай. Нѣтъ ничего несчастнѣе души, закоснѣвшей въ упорствѣ. Ибо смотри, что говоритъ Господь: вотъ рука предающаго Меня со Мною за столомъ, а безумный не очувствовался. Господь говоритъ это не только для того, чтобъ показать, что Онъ знаетъ имѣющее случиться, но и для того, дабы явить намъ свою благость и злобу предателя, по которой сей не устыдился быть на Его вечери, а потомъ не оставилъ исполнить и свое намѣреніе. (Господь) также даетъ намъ этимъ образецъ, дабы мы до конца старались о пользѣ падающихъ. И *Сынъ человѣческій*, говоритъ, *идетъ*, не потому, что будто бы не можетъ защитить Себя, но потому, что Онъ предназначилъ Себѣ смерть за спасеніе людей. *Обаче горе человѣку тому, имже предается.* Хотя Ему предназначено пострадать, но ты зачѣмъ оказался такъ золъ, что рѣшился предать Его? За то и достанется тебѣ въ удѣлъ *горе*, что ты оказался склоннымъ на предательство, такъ какъ и змій проклятъ за то, что онъ послужилъ орудіемъ козней дьявола.—Услышавъ сіе, ученики смутились. Объ этомъ пространнѣе узнаешь въ толкованіи на евангеліе отъ Іоанна (гл. 13). Они смущаются теперь не только подозрѣніемъ себя въ предательствѣ, но отъ сего смяте-

нія переходятъ къ спору, спорятъ о томъ, кто изъ нихъ больше. До спора о семъ они дошли послѣдовательно. Вѣроятно, одинъ изъ нихъ говорилъ другому: ты хочешь предать, а сей опять тому: нѣтъ, ты (хочешь предать.) Отсюда перешли къ тому, что начали говорить: я лучше, я больше, и подобно. Что же Господь? Онъ укрощаетъ смятеніе ихъ двумя примѣрами. Во-первыхъ примѣромъ язычниковъ, которыхъ они считали скверными, объявляя, что, если они будутъ такъ думать, то подобны будутъ язычникамъ. Во-вторыхъ, собственнымъ своимъ примѣромъ: ибо объяснивъ, что Онъ служитъ имъ, Онъ этимъ приводитъ ихъ къ смиренномудрію. Именно въ то время Онъ, какъ сказано, раздѣлилъ имъ хлѣбъ и чашу. Если Я, которому покланяется вся ангельская и разумная тварь, служу посреди васъ: то вы какъ осмѣливаетесь думать о себѣ много и спорить о первенствѣ? Мнѣ кажется, что Онъ упомянулъ объ этомъ возлежаніи и служеніи не мимоходомъ, но чтобъ напомнить имъ, что если вы ѣли отъ одного хлѣба, и пили отъ одной чаши, то одна трапеза дѣлаетъ васъ друзьяти и единомысленными. Зачѣмъ же вы имѣете мысли недостойныя ихъ? Притомъ и Я не такъ сдѣлалъ, чтобъ одному послужилъ, а дргому нѣтъ, а всѣмъ вамъ равно. Посему и вы имѣйте одни и тѣже чувствованія. Пожалуй, изъ всего этого ты и то пойми, какъ ученики были тогда еще несовершенны, а въ послѣдствіи такъ чудно просіяли, Да устыдятся манихеи, которые говорятъ, что нѣкоторые по природѣ неспособны къ обученію, и таковымъ невозможно перемѣниться.

Вы же есте пребывше со мною въ напастехъ моихъ: И азъ завѣщаваю вамъ, якоже завѣща мнѣ Отецъ мой, царство: Да ясте и піете на трапезѣ моей во царствіи моемъ: и сядете на престолѣхъ, судяще обоимнадесяте колѣномъ израилевымъ. Рече же Господь: Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ, яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя: и ты нѣкогда обращся утверди братію твою. Онъ же рече ему: Господи, съ тобою готовъ есмь и въ темницу и на смерть ити. Онъ же рече: глаголю ти, Петре, не возгласитъ пѣтелъ днесь, дондеже трикраты отвержешися мене не вѣдѣти. Сказавъ, *горе* предающему Меня, и между тѣмъ научивъ ихъ (учениковъ), что должно быть смиренномудрымъ, (Господь) какъ предающему предназначаетъ въ удѣлъ *горе*, такъ, напротивъ, имъ говоритъ: вы же тѣ, которые (только) пребыли вмѣстѣ со Мною въ искушеніяхъ моихъ: посему и вамъ Я завѣщаваю воздаяніе, то есть, договариваюсь съ вами, чтобы,—подобно тому, какъ Отецъ мой завѣщалъ мнѣ, то есть, назначилъ мнѣ царство,—и вы ѣли и пили за трапезою моею. Сказалъ: *да ясте и піете*, не потому, будто бы тамъ будутъ яства, и будто бы царство Его чувственное. Ибо отвѣтомъ своимъ саддукеямъ Онъ самъ научилъ, что тамъ жизнь ангельская (Лук. 20, 36); и Павелъ учитъ, что царствіе Божіе не есть пища и питіе (Римл. 14, 17). Посему, слыша слова: *да ясте и піете на трапезѣ мой*, никто да не соблазняется, но пусть понимаетъ такъ, что они сказаны примѣнительно къ тѣмъ, кои пользуются почетомъ отъ царей міра сего. Ибо тѣхъ, кои раздѣ-

ляютъ трапезу царя, считаютъ первенствующими надъ всѣми. Такъ и объ апостолахъ (Господь) говоритъ, что Онъ предпочтетъ ихъ всѣмъ. Равно, когда слышишь о сидѣніи на престолахъ, разумѣй не престолы, но славу и честь. Ибо изъ сотворенныхъ и рожденныхъ никто не будетъ тамъ сидѣть. Сидѣть прилично единой святой Троицѣ, несозданному и Царю всего Богу, а тварь, какъ раба, должна стоять, и то мы говоримъ тѣлесно о сидѣніи и стояніи. *Судяще*, то есть, осуждая тѣхъ, кои не увѣруютъ изъ двѣнадцати колѣнъ. Ибо неувѣровавшимъ израильтянамъ служатъ немалымъ осужденіемъ апостолы, которые и сами суть израильтяне, однакоже увѣровали.—Поелику же предателю Онъ воздалъ горемъ, а имъ, пребывшимъ въ любви къ Нему, предсказалъ въ будущемъ высокую честь: то, дабы они не возгордились какъ-бы совершившіе нѣчто великое, что пребыли въ любви къ Нему и не предали, говоритъ: сатана просилъ, чтобъ *сѣять* васъ, то есть, смущать, портить, искушать. Но *Азъ молихся*. Не думайте, говоритъ, что все это совершенство отъ васъ самихъ. Ибо дьяволъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы отторгнуть васъ отъ моей любви и сдѣлать предателями. Господь обращаетъ сію рѣчь *къ Петру*, потому что онъ былъ и дерзновеннѣе прочихъ, и вѣроятно возгордился обѣщаніями Христовыми. Посему, смиряя его, (Господь) говоритъ, что сатана много усиливался противъ нихъ. *Азъ же молихся о тебѣ*. Говоритъ такъ по человѣчеству: ибо, какъ Богъ, какую имѣлъ Онъ нужду молиться? Я, говоритъ, молился, *да не оскудѣетъ вѣра твоя*. Хотя ты и поколеблешься нѣсколько, но въ те-

бѣ сохраняются сѣмена вѣры, и хотя духъ искусителя потрясетъ листья, но корень живъ, и вѣра твоя не оскудѣетъ. *Ты же обращся, утверди братію твою.* Это удобно понять, именно: такъ какъ Я къ тебѣ первому обратился съ своимъ словомъ, то,—послѣ того, какъ оплачешь свое отреченіе отъ Меня и придешь въ раскаяніе,—утверди прочихъ. Ибо это прилично тебѣ, который первый исповѣдалъ Меня камнемъ и утвержденіемъ Церкви (Матѳ. 16, 16—18). Но можно относить эти слова не къ однимъ только апостоламъ, которыхъ долженъ былъ утвердить тогда Петръ, но и ко всѣмъ вѣрующихъ до скончанія вѣка. Петръ! ты, обратясь, для всѣхъ будешь прекраснымъ примѣромъ покаянія, и никто изъ вѣрующихъ въ Меня не будетъ отчаяваться, смотря на тебя, который, будучи апостоломъ, отрекся, и однакожъ чрезъ покаяніе снова получилъ свое прежнее значеніе среди всѣхъ апостоловъ и среди избранниковъ Божіихъ изъ всей вселенной. Сатана просилъ, чтобъ сѣять тебя и испортить какъ чистую пшеницу, вмѣшавъ въ нее грязи, потому что онъ, по своему обыкновенію, завидуетъ тебѣ въ любви ко Мнѣ. Такъ онъ поступилъ и съ Іовомъ. Но Я не оставилъ тебя совсѣмъ, дабы вѣра твоя не оскудѣла совершенно. Хотя Я самъ молился за тебя, однакожъ ты не падай, но обратясь, то есть, принеспи покаяніе и слезы, будь и для прочихъ вѣрующихъ образцомъ покаянія и упованія. Что же Петръ? Полагаясь на сильную любовь, онъ обѣщаетъ то, что пока невозможно для него. Но Господь, видя, что онъ говоритъ необдуманно, (ибо однажды услышавъ отъ самосущей Истины

сказавшей ему, что подвергнется искушенію, онъ не долженъ былъ еще противорѣчить), объявляетъ ему и видъ искушенія, именно отреченіе. Отсюда мы научаемся той истинѣ, что произволенія человѣческаго недостаточно безъ помощи Божіей. Петръ оставленъ былъ не надолго, и, повидимому, любилъ даже горячо: однакожъ, когда Богъ оставилъ его, запнутъ былъ врагомъ. Равно и помощи Божіей недостаточно безъ соизволенія человѣческаго. Іуда, хотя Господь все сдѣлалъ для его пользы, не получилъ никакой пользы, ибо не имѣлъ добраго произволенія. Итакъ содрогнемся при мысли о козняхъ дьявола, какъ онѣ сильны противъ небрежныхъ. Вотъ и здѣсь, хотя Петръ подкрѣпляемъ былъ Богомъ, однакожъ, когда по особеннымъ цѣлямъ оставленъ былъ, дошелъ до отреченія. Чему же подвергся бы онъ, если бы не былъ хранимъ Богомъ, и не было въ немъ сокрыто добрыхъ сѣмянъ? Ибо цѣль у дьявола была, чтобъ и его довесть до предательства: ибо *пища* у дьявола *избранная*, какъ говоритъ пророкъ (Аввак. 1, 16). Благодареніе же Богу, неоставляющему святыхъ и праведныхъ и добрыхъ сердцемъ, каковымъ былъ Петръ, нѣжно любящій и чуждый всякаго подозрѣнія относительно Учителя.

И рече имъ: егда послахъ вы безъ влагалища и безъ мѣха и безъ сапогъ, егда чесого лишени бысте? они же рѣша: ничесоже. Рече же имъ: но нынѣ, иже иматъ влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ: а иже не иматъ, да продастъ ризу свою, и купитъ ножъ. Глаголю бо вамъ, яко еще писаное се, подобаетъ, да скончается о мнѣ, еже, и со беззаконными вмѣнися: ибо

еже о мнѣ, кончину имать. Они же рѣша: Господи се ножа здѣ два. Онъ же рече имъ: довольно есть. Господь, въ началѣ проповѣди посылая учениковъ по селеніямъ и городамъ, повелѣлъ имъ не брать лишняго, не носить съ собою ничего даже нужнаго и ни о чемъ не заботиться. И въ этомъ случаѣ они должны были познать Его силу. Ибо самъ заботясь объ нихъ, какъ о слабыхъ, Онъ устроялъ такъ, что и безъ ихъ заботы въ обиліи текло къ нимъ все нужное. А теперь Онъ повелѣваетъ противное, не противорѣча впрочемъ Себѣ, но объявляя имъ, что доселѣ Онъ ухаживалъ за ними какъ за дѣтьми, и не заставлялъ ихъ ни о чемъ заботиться, а отселѣ они должны считать себя возмужалыми и заботиться сами о себѣ. Я, говоритъ, заботливый Отецъ вашъ, отхожу уже. Отселѣ примите сами на себя заботы о своихъ дѣлахъ, а не возлагайте всего на Меня: ибо дѣла ваши будутъ не таковы, какъ были легки и нетрудны, но вы подвергнетесь и голоду и жаждѣ и многимъ бѣдствіямъ. На это намекаетъ словами о мѣшкѣ, сумѣ и мечѣ. Посему будьте бодры, такъ какъ вы имѣете алкать и нуждаться въ пищѣ, на что намекаетъ *сумою*, и мужественны, такъ какъ впадете во многія опасности, на что указываетъ *мечъ*. Говоритъ это, конечно, не для того, чтобъ они носили съ собою мечи, но чтобъ, какъ я сказалъ, объявить о войнахъ и бѣдствіяхъ, и сдѣлать ихъ ко всему готовыми. Дабы потомки не подумали, что апостолы ничего отъ себя не привнесли для благочестія, но все было отъ Бога, (Господь) говоритъ: нѣтъ, да не будетъ такъ. Ибо Я не хочу пользоваться моими учениками, какъ бездушными

орудіями, но требую, чтобъ они приложили и то, что могутъ сами отъ себя. И дѣйствительно, ты найдешь, что апостолы, и особенно Павелъ, удачно исполняли многія и изъ человѣческихъ искусствъ (прочти Дѣянія 18, 3. 20, 34); развѣ только въ нихъ не отсутствовала и помощь Божія. Вмѣстѣ съ симъ это полезно было и для скромности апостоловъ. Ибо если бы они, не заботясь сами ни о чемъ, всего ожидали отъ Бога и имъ все давалось бы, то они могли бы возгордиться, какъ получившіе въ удѣлъ нѣчто высшее человѣческой природы. Сверхъ того природа стала бы недѣятельною и растлилась бы, еслибъ они ничего не изобрѣтали сами отъ себя, а ожидали всего именно, какъ говорится, въ измолотомъ видѣ. Посему Господь говоритъ имъ: отселѣ носите *сумы*, то есть, такъ располагайтесь и заботьтесь, какъ имѣющіе испытать голодъ, и купите *мечи*, то есть, такъ берегите себя, какъ имѣющіе встрѣтить опасности и войны. — Нѣкоторые покупку меча разумѣли иначе. Симъ, говорятъ, Онъ намекаетъ на имѣющее вскорѣ совершиться нападеніе на Него, и на то, что Его захватятъ люди — убійцы. Такъ какъ предъ симъ временемъ они спорили другъ съ другомъ о первенствѣ, то Господь говоритъ: теперь время не спорамъ о первенствѣ, но время опасности и убійствъ. Ибо и Меня, Учителя вашего, отведутъ на смерть, и притомъ на смерть безчестную. Но чрезъ сіе исполнится на Мнѣ сказанное: *и со беззаконными вмѣнися* (Исаіи 53, 12). Итакъ, желая указать на разбойническое нападеніе, Онъ упомянулъ о мечѣ, и не открылъ совершенно, дабы не смутились какимъ-нибудь ужа-

сомъ, ни умолчалъ совершенно, дабы не пришли въ смятеніе въ случаѣ внезапнаго нападенія, особенно же для того, дабы, вспоминая въ послѣдствіи, подивились Его предвѣдѣнію и почудились, какъ Онъ однакожъ предалъ самъ Себя на страданія за спасеніе людей, а посему и сами не убѣгали ни отъ какихъ болѣзней за спасеніе нѣкоторыхъ. Я думаю, что Господь говоритъ такъ приточно для того, дабы получили пользу послѣ, когда вспомнятъ и поймутъ. Поелику тогда они находились въ такомъ неразуміи, что сказали: Господи, вотъ здѣсь два меча. А Онъ, видя, что они не поняли, говоритъ: довольно, хотя и не было довольно. Ибо если бы противъ пришедшихъ разбойническимъ образомъ нужно было употребить человѣческую помощь, то не довольно было бы и сотни мечей. Если же не человѣческое, но Божественное содѣйствіе нужно было, то излишни были и два меча. Однакожъ Господь не захотѣлъ обличать ихъ въ непониманіи, но сказавъ, *довольно есть*, пошелъ. Это подобно тому, какъ и мы, когда, бесѣдуя съ кѣмъ-нибудь, видимъ, что онъ не понимаетъ нашихъ словъ, говоримъ: хорошо, оставь, хотя и не хорошо, но, чтобъ не оскорбить его, оставляемъ. Господь поступилъ такъ потому, что видѣлъ, что ученики не понимаютъ сказаннаго. — Онъ идетъ впередъ и оставляетъ рѣчь, предоставляя уразумѣніе сказаннаго теченію обстоятельствъ, подобно тому, какъ Онъ нѣкогда сказалъ: *разорите церковь сію*, а ученики поняли уже въ послѣдствіи, послѣ Его воскресенія (Іоан. 2, 19. 22). Нѣкоторые же говорятъ, что Господь словами: *довольно есть*, — указалъ на несообраз-

ность ихъ словъ (съ обстоятельствами). Ученики сказали: вотъ здѣсь два меча. А Господь, говорятъ, указывая на эту несообразность, сказалъ: если есть два меча, то это очень много и довольно для насъ противъ той толпы, которая придетъ на насъ.

Зач. *И изшедъ* иде по обычаю въ гору Елеонскую: по*
109. *немъ же идоша ученицы его. Бывъ же на мѣстѣ, рече имъ: молитеся, да не внидите въ напасть. И самъ отступи отъ нихъ яко верженіемъ камене, и поклонь колѣна, моляшеся, глаголя: Отче, аще волиши мимонести чашу сію отъ мене: обаче не моя воля, но твоя да будетъ. Явися же ему ангелъ съ небесе, укрѣпляя его. И бывъ въ подвизѣ, прилѣжнѣе моляшеся: бысть же потъ его яко капли кровe каплющыя на землю. И воставъ отъ молитвы, и пришедъ ко ученикомъ, обрѣте ихъ спящихъ отъ печали, И рече имъ: что спите? воставше, молитеся да не внидете въ напасть.* Послѣ вечери Господь не предается бездѣйствію, удовольствіямъ и сну, но учитъ и молится, давая на то намъ образецъ и примѣръ. Посему горе тѣмъ, кои послѣ ужиновъ обращаются къ постыднымъ дѣламъ блуда. Научивши сему учениковъ, (Господь) восходитъ на гору масличную, чтобъ помолиться. Онъ любилъ это дѣлать наединѣ, посему отлучается и отъ учениковъ. Впрочемъ Онъ беретъ съ Собою учениковъ, но не всѣхъ, а только тѣхъ троихъ, кои видѣли славу Его на горѣ (Лук. 9, 28). Поелику Онъ находится въ бореніи и молится, то, дабы сіе не показалось признакомъ боязни,

---

*Во время оно, изшедъ Іисусъ**

Онъ беретъ тѣхъ, кои сами видѣли Божескую славу Его и сами слышали свидѣтельство съ неба, дабы, видя Его въ бореніи, сочли это дѣломъ человѣческой природы. Ибо для увѣренія, что Онъ былъ во-истину человѣкъ, Онъ сей природѣ позволилъ дѣйствовать по-своему. Какъ человѣкъ, Онъ желаетъ пожить и молится о мимонесеніи чаши, ибо человѣкъ животолюбивъ; и чрезъ то низпровергаетъ ереси, по словамъ коихъ Онъ вочеловѣчился призрачно. Ибо если и послѣ такихъ дѣйствій (человѣческой природы) находили поводъ подобнымъ образомъ пустословить, то чего не насказали бы, если бы сихъ дѣйствій не было? Итакъ желаніе, чтобъ чаша пронесена была мимо, принадлежитъ человѣческому естеству, а вскорѣ (за тѣмъ сказанныя) слова: однако *не моя воля, но твоя да будетъ* показываютъ, что и мы должны имѣть такое же расположеніе и также мудрствовать, подчиняться волѣ Божіей, и не уклоняться, хотя бы наша природа влекла и въ противную сторону. *Не моя* человѣческая *воля да будетъ, но твоя*, и эта твоя не отдѣлена отъ моей Божеской воли. Единый Христосъ, имѣя два естества, имѣлъ, безъ сомнѣнія, и волю или желанія каждаго естества, Божескаго и человѣческаго. Итакъ человѣческое естество сначало желало жить, ибо это ему свойственно, а потомъ, слѣдуя Божеской волѣ, чтобы всѣ люди спаслись, волѣ, общей Отцу и Сыну и Святому Духу, рѣшилось на смерть, и такимъ образомъ одно стало желаніе—спасительная смерть. Что молитва была отъ человѣческаго естества, по допущенію, имѣвшаго общее всѣмъ пристрастіе къ жизни, а не отъ Божества,

какъ говорятъ проклятые аріане, это видно изъ того, что (Іисусъ) былъ въ поту и такомъ бореніи, что, какъ говоритъ присловіе, съ Него падали капли крови. Ибо о тѣхъ, кои сильно трудятся, обыкновенно говорятъ, что они потѣютъ кровью, подобно какъ и о тѣхъ, кои горько сѣтуютъ, говорятъ, что они плачутъ кровью. Сіе-то желая показать, именно, что съ Него текла не какая-нибудь тонкая и какъ-бы для видимости показывающаяся жидкость, но падали крупныя капли пота, евангелистъ для изображенія дѣйствительности употребилъ капли крови. Отсюда явно, что естество, источавшее потъ и находившееся въ бореніи, было человѣческое, а не Божеское. Ибо естеству человѣческому допущено было испытывать такія состоянія, и оно испытывало, дабы съ одной стороны показать, что Онъ не призрачно являлся человѣкомъ, а съ другой—цѣль сокровенная — чтобъ уврачевать общую человѣческому естеству боязливость, истощивъ оную въ самомъ Себѣ и подчинивъ ее волѣ Божеской.—Иной можетъ сказать, что выступающій изъ тѣла и падающій на землю потъ означаетъ то, что, съ ободреніемъ и укрѣпленіемъ нашего естества во Христѣ, источники боязливости въ насъ испаряются, обращаются въ капли и падаютъ съ насъ. Ибо если бы Онъ не имѣлъ этого въ виду, то есть, желанія излечить нашу человѣческую боязливость, то не потѣлъ бы такъ, хотя бы и очень былъ боязливъ и малодушенъ. *Явися же ему ангелъ укрѣпляя его.* И это для нашего утѣшенія, именно, дабы мы узнали укрѣпляющую силу молитвы, и, узнавъ, къ ней обращались въ случаѣ несчастій. Вмѣстѣ съ симъ испол-

нялется и пророчество Моусея, сказанное въ великой пѣсни: *и да укрѣпятся ему вси сынове Божіи* (Второз. 32, 43). Нѣкоторые же изъясняли сіи слова такъ, что Ему явился ангелъ, прославлялъ Его и говорилъ: твоя, Господи, крѣпость! ибо Ты одолѣлъ смерть и адъ, и освободилъ родъ человѣческій. Эта такъ.—Онъ же, нашедши учениковъ спящими, выговариваетъ имъ, и вмѣстѣ убѣждаетъ молиться въ искушеніяхъ, чтобъ не быть отъ нихъ побѣжденными. Ибо не впасть въ искушеніе значитъ не быть поглощеннымъ отъ искушенія, ни стать подъ его властью. Или и просто повелѣваетъ намъ молиться, чтобы наше достояніе было безопасно, и намъ не подвергнуться какой-нибудь непріятности. Ибо самимъ себя ввергать въ искушенія значитъ отважничать и гордиться. Какъ же Іаковъ (1, 2) говоритъ: *всяку радость имѣйте, егда во искушенія впадаете различна?* Что это? не противорѣчимъ ли мы себѣ? Нѣтъ; ибо Іаковъ не сказалъ: ввергайте себя, но: когда подвергнетесь, не падайте духомъ, а имѣйте всякую радость, и невольное нѣкогда сдѣлайте вольнымъ. Ибо лучше, еслибъ не пришли (искушенія), но когда и пришли, зачѣмъ печалиться безумно?—Укажи ты мнѣ (мѣсто въ Писаніи), гдѣ бы буквально повелѣвалось молиться о томъ, чтобы впадать въ искушенія. Но ты не можешь указать.—Знаю, что два вида искушеній, и что нѣкоторые долгъ молиться о невпаденіи въ искушеніе разумѣютъ объ искушеніи, побѣждающемъ душу, напримѣръ, объ искушеніи блуда, искушеніи гнѣва. А всякую радость должно имѣть тогда, когда подвергаемся тѣлеснымъ болѣзнямъ и искушеніямъ. Ибо въ какой

Лук.

мѣрѣ внѣшній человѣкъ тлѣетъ, въ такой внутренній обновляется (2 Кор. 4, 16). Хотя знаю я это, но предпочитаю то, что̀ болѣе истинно, и что̀ ближе къ настоящей цѣли.

Еще же ему глаголющу, се народъ, и нарицаемый Іуда, единъ отъ обоюнадесяте, идяше предъ ними, и приступи ко Іисусови цѣловати его: сіе бо бѣ знаменіе далъ имъ: егоже аще лобжу, той есть. Іисусъ же рече ему: Іудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши? Видѣвше же, иже бѣху съ нимъ, бываемое, рѣша ему: Господи, аще ударимъ ножемъ? И удари единъ нѣкій отъ нихъ архіереова раба, и урѣза ему ухо десное. Отвѣщавъ же Іисусъ рече: оставите до сего, и коснувся уха его, исцѣли его. Рече же Іисусъ ко пришедшимъ нанъ архіереомъ и воеводамъ церковнымъ и старцемъ: яко на разбойника ли изыдосте со оружіемъ и дреколми яти мя? По вся дни, сущу ми съ вами въ церкви, не простросте руки на мя: но се есть ваша година, и область темная. Іуда идущимъ (на Іисуса) поставилъ знакомъ поцѣлуй, но дабы они не ошиблись по причинѣ ночи, указалъ не издалека.—Чтобъ Іисусъ не скрылся, для сего они приходятъ съ фонарями и свѣтильниками.—Что же Господь? Онъ допускаетъ къ себѣ съ этимъ вражескимъ поцѣлуемъ. И громовыя стрѣлы не посыпались въ неблагодарнаго и коварнаго! Такъ, Спаситель учитъ насъ незлобію въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ съ укоризною говоритъ только: *Іудо, лобзаніемъ ли предаеши?* Ужели не стыдишься самаго вида предательства? Зачѣмъ къ дружескому поцѣлую примѣшиваешь предательство, дѣло вражеское? Да и кого предаешь?

Сына человѣческаго, то есть, смиреннаго, кроткаго, снисходительнаго, вочеловѣчившагося ради тебя, и притомъ истиннаго Бога. Говоритъ это потому, что до послѣдняго времени пламенѣлъ къ нему любовію. Посему ни обидѣлъ его, ни назвалъ его безчеловѣчнымъ и крайне неблагодарнымъ, но назвалъ его собственнымъ его именемъ: *Іудо*. И не упрекнулъ бы, если бы и это не служило къ его улучшенію, въ случаѣ его желанія. Ибо Онъ сдѣлалъ это, и, повидимому, упрекнулъ для того, чтобъ Іуда не подумалъ, что Онъ укроется, но чтобы по крайней мѣрѣ теперь, признавъ Его Владыкою, какъ всевѣдущаго, припалъ къ Нему и раскаялся. (Господь) зналъ, что Іуда неисправимъ, однакоже творилъ свое, подобно какъ и Отецъ Его творилъ въ ветхомъ завѣтѣ; зналъ, что евреи не послушаютъ, однакоже посылалъ пророковъ. А вмѣстѣ и насъ научаетъ сему самому, именно, чтобъ мы не оскорблялись при исправленіи падающихъ.—Ученики воспламеняются ревностію, и извлекаютъ мечи. Откуда они имѣли ихъ? Имъ естественно было имѣть ихъ, такъ какъ они (передъ этимъ) закалали агнца и вышли изъ за стола. Но горячій Петръ получаетъ упрекъ, потому что употребилъ ревность вопреки намѣренію Господа. Тогда какъ прочіе спрашиваютъ, не ударить ли намъ, онъ не ожидаетъ ободренія, (такъ вездѣ онъ былъ горячъ за Учителя!), но ударяетъ раба первосвященникова, и отсѣкаетъ ему правое ухо. Это сдѣлалось не случайно, но въ знакъ того, что первосвященники тогдашніе всѣ сдѣлались рабами и потеряли правильный слухъ. Ибо, если бы они слушались Моусея, не распя-

ли бы Господа славы (Іоан. 5, 46). Іисусъ приставляетъ ухо; ибо великой силѣ Слова прилично исцѣлять непокорныхъ, и давать имъ ухо для слышанія. Іисусъ совершаетъ чудо для того, дабы симъ видимымъ чудомъ надъ ухомъ показать свое незлобіе, и по крайней мѣрѣ чудомъ навесть ихъ на мысль удержаться отъ бѣшенства.—Говоритъ первосвященникамъ и *воеводамъ* храма, то есть, распорядителямъ, поставленнымъ для удовлетворенія требованій священниковъ; или воеводами называетъ тѣхъ, коимъ ввѣрялись дѣла по постройкѣ и украшенію храма. Говоритъ имъ: всякій день училъ Я во храмѣ, и вы не хотѣли взять Меня, а теперь пришли какъ на разбойника. Впрочемъ вы предпринимаете по-истинѣ дѣла ночи, и власть ваша есть власть тьмы. Посему вы точно выбрали такое время, которое прилично и вамъ и дѣлу, которое вы предпринимаете.

Емше же его ведоша, и введоша его во дворъ архіереовъ: Петръ же во слѣдъ идяше издалече. Возгнѣщшымъ же огнь посредѣ двора, и вкупѣ сѣдящымъ имъ, сѣдяше Петръ посредѣ ихъ. Узрѣвши же его рабыня нѣкая сѣдящая при свѣтѣ, и воззрѣвши нанѣ, рече: и сей съ нимъ бѣ. Онъ же отвержеся его, глаголя: жено, не знаю его. И по малѣ другій видѣвъ его, рече: и ты отъ нихъ еси. Петръ же рече: человѣче, нѣсмь. И мимошедшу яко часу единому, инъ нѣкій крѣпляшеся, глаголя: воистинну и сей съ нимъ бѣ: ибо галилеанинъ есть. Рече же Петръ: человѣче, не вѣмъ, еже глаголеши: и абіе, еще глаголющу ему, возгласи пѣтель. И обращся Господь воззрѣ на Петра: и помяну Петръ

слово Господне, якоже рече ему, яко прежде даже пѣтель не возгласитъ, отвержешися мене трикраты. И изшедъ вонъ плакася горько. Петръ, по предсказанію Христову, оказался слабъ, и отрекся отъ Владыки Христа не однажды, но трижды, и отрекся съ клятвою. Ибо Матѳей говоритъ: *начатъ ротитися и клятися, яко не знаю человѣка* (Матѳ. 26, 74). Можетъ быть, имъ овладѣла такая робость, и онъ на нѣкоторое время оставленъ былъ за его дерзновеніе, какъ-бы въ наученіе, чтобъ онъ и къ прочимъ былъ снисходителенъ. Ибо онъ былъ очень дерзновененъ, и если бы не уцѣломудрился этимъ обстоятельствомъ, то во многомъ поступалъ бы самовластно и безъ снисхожденія. Но тогда онъ впалъ въ такой ужасъ, что не почувствовалъ бы и паденія, если бы Господь, обратясь, не взглянулъ на него. О благость! Самъ находится подъ осужденіемъ, а заботится о спасеніи ученика. И справедливо. Ибо самое осужденіе Онъ переносилъ для спасенія человѣчечкаго. Сначала ученикъ отрекся, потомъ пѣтухъ запѣлъ. Тотъ снова отрекся, даже до трехъ разъ, и пѣтухъ опять запѣлъ въ другой разъ. Такъ точно и подробно описываетъ Маркъ (¹), и передаетъ это, какъ узнавшій отъ Петра, ибо онъ былъ его ученикомъ. А Лука, поелику о семъ сказано у Марка, сказалъ кратко, не входя въ подробности. И слова Луки не противорѣчатъ тому, что̀ сказалъ Маркъ. Ибо пѣтухъ имѣетъ обычай и за каждый пріемъ пѣть раза два и три. Итакъ

(¹) См. Благовѣстникъ; часть вторая: евангеліе отъ Марка, гл. 14, зач. 65.

Петръ былъ приведенъ человѣческою немощію въ такое забвеніе, что не пришелъ въ чувство и отъ пѣнія пѣтуха, но и послѣ того, какъ пѣтухъ пропѣлъ, снова отрекся, и еще разъ, доколѣ благостный взглядъ Іисуса не привелъ его въ память.—*И изшедъ вонъ плакся горько.* Маркъ говоритъ, что Петръ вышелъ и послѣ перваго отреченія (Марк. 14, 68). Потомъ естественно было ему снова войти, дабы не подать большаго подозрѣнія, что онъ былъ Іисусовъ. Когда же снова пришелъ въ чувство, тогда уже выходитъ, и горько плачетъ. А дабы не быть замѣченнымъ отъ находившихся во дворѣ, выходитъ тайно отъ нихъ,—Нѣкоторые, не знаю почему, слагаютъ безумную защиту въ пользу Петра, дерзко говоря, что Петръ не отрекся, но сказалъ: я не знаю сего *человѣка*, то есть, знаю не какъ простаго человѣка, но какъ Бога, сдѣлавшагося человѣкомъ. Этотъ безумный доводъ оставимъ другимъ. Ибо они Господа представляютъ лживымъ, противорѣчатъ связи евангельской рѣчи, и никакъ не смогутъ согласить порядокъ повѣствованія. Да и о чемъ Петру плакать, если онъ не отрекся?

И мужіе держащіи Іисуса, ругахуся ему, біюще: И закрыше его, біяху его по лицу, и вопрошаху его, глаголюще: пророцы, кто есть ударей тя? И ина многа хуляще глаголаху нанъ. И яко бысть день, собрашася старцы людстіи, и архіерее, и книжницы, и ведоша его на сонмъ свой, глаголюще: аще ты еси Христосъ? рцы намъ. Рече же имъ: аще вамъ реку, не имете вѣры: Аще же и вопрошу вы, не отвѣщаете ми, ни отпустите. Отселѣ будетъ Сынъ человѣческій сѣдяй

одесную силы Божія. Рѣша же вси: ты ли убо еси Сынъ Божій? онъ же къ нимъ рече: вы глаголете, яко азъ есмь. Они же рѣша: что еще требуемъ свидѣтельства? сами бо слышахомъ отъ устъ его. Причинившіе это Іисусу были какіе-нибудь ругатели и люди необузданные. Ибо нужно было, чтобы дьяволъ не оставилъ ни одного вида злобы, но всю ее излилъ, дабы природа наша, оказавшись во всемъ святою, побѣдила и попрала его. Поелику Господь для того воспринялъ наше естество, дабы укрѣпить оное противу всѣхъ хитростей дьявола, и показать, что и первоначально Адамъ не былъ бы побѣжденъ, если бы былъ бодръ: посему, когда изливаются на Него всѣ виды злобы дьявольской, Онъ терпитъ, дабы мы въ послѣдствіи мужались, зная, что природа наша во Христѣ побѣдила, и не робѣли ни предъ чѣмъ, повидимому, обиднымъ и горькимъ. Посему Онъ переноситъ насмѣшки и біенія, и, будучи Владыкою пророковъ, осмѣивается какъ лжепророкъ. Ибо слова. *прорцы* намъ, *кто есть ударей тя*, къ тому относятся, чтобы осмѣять Его какъ обманщика, а между тѣмъ присвояющаго Себѣ даръ пророчества. *И яко бысть день.* Пьяные слуги ночью осмѣивали и злословили Его. А (днемъ) старѣйшины и почетные люди спрашиваютъ: онъ ли Христосъ? Зная ихъ мысли, и то, что, не повѣривъ дѣламъ, сильнѣе могущимъ убѣдить, подавно не повѣрятъ словамъ, Онъ говоритъ: если Я и скажу вамъ, вы не повѣрите. Ибо если бы вы вѣрили моимъ словамъ, то какая была бы нужда въ настоящемъ собраніи? Если же и спрошу, вы не будете отвѣчать. Ибо они часто отмалчивались при во-

просахъ, напримѣръ, о крещеніи Іоанновомъ (Мар. 11, 33), о словахъ: *рече Господь Господеви моему*, (Мѳ. 22, 46), о женщинѣ скорченной (Лук. 13, 11). Когда вы послушали Меня и увѣровали? Когда вы не смолчали на данный вамъ вопросъ? Посему скажу только, что отнынѣ не время говорить вамъ и объяснять, кто Я, (ибо если бы вы желали, вы познали бы Меня изъ совершенныхъ Мною знаменій), а отнынѣ время осужденія. *Вы увидите* Меня, *Сына человѣческаго, сѣдящимъ одесную силы Божіей*. При семъ нужно бы устрашиться, а они послѣ такихъ словъ еще болѣе разсвирѣпѣли, и въ неистовствѣ спрашиваютъ: и такъ Ты Сынъ Божій? Онъ же съ умѣренностію и съ указаніемъ на несообразность ихъ вопроса отвѣчаетъ имъ: вы это говорите, что Я. Ибо Онъ презиралъ ихъ ярость, говорилъ съ ними неустрашимо. Отсюда же явно, что упорные не получаютъ никакой пользы отъ того, что имъ открываются тайны, но принимаютъ гораздо большее осужденіе. Посему и должно скрывать оныя отъ таковыхъ; ибо это дѣло больше человѣколюбивое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Объ отведеніи Спасителя къ Пилату.—Объ уничиженіи отъ Ирода.—О женщинахъ плачущихъ.—О распятіи Христа.—О разбойникѣ покаявшемся.—О погребеніи Христа.

И воставше все множество ихъ, ведоша его къ Пилату. Начаша же * *нань вадити, глаголюще: сего об-*

Зач. 110. ———————————

Во время оно, ведоша Іисуса архіереи и книжницы, и старцы людстіи къ Пилату, и начаша *

развращающа языкъ нашъ, и возбраняюща кесареви дань даяти, глаголюща себе Христа царя быти. Пилатъ же вопроси его, глаголя: ты ли еси царь іудеомъ? онъ же отвѣщавъ рече ему: ты глаголеши. Пилатъ же рече ко архіереомъ и народу: никоеяже обрѣтаю вины въ человѣцѣ семъ. Они же крѣпляхуся, глаголюще: яко развращаетъ люди, уча по всей Іудеи, наченъ отъ Галилеи до здѣ. Видимо противорѣчатъ истинѣ. Ибо гдѣ Іисусъ воспретилъ платить подати, когда Онъ, напротивъ, повелѣлъ отдавать оныя какъ должное? Именно Онъ такъ говорилъ: *воздадите, яже кесарева, кесареви* (Лук. 20, 25). Какъ Онъ возмущаетъ народъ? не доискивается ли царства? Но этому никто не повѣритъ. Ибо и тогда, когда народъ хотѣлъ сдѣлать его царемъ, Онъ, узнавъ о семъ, удалился (Іоан. 6, 15). Посему и Пилатъ, понявъ клевету, открыто говоритъ: я не нахожу никакой вины въ этомъ человѣкѣ.—По моему мнѣнію, и самый вопросъ, который онъ дѣлаетъ Христу, есть насмѣшка надъ клеветою. Ибо говоря, царь ли Ты іудейскій?—онъ насмѣхается надъ самымъ дѣломъ. Онъ говоритъ какъ-бы такъ: Тебя, убогаго, бѣднаго, нагаго, безпомощнаго, обвиняютъ въ стремленіи къ царской власти. А это, какъ мы сказали, есть насмѣшка надъ обвиняющими въ семъ Іисуса, что они такого безпомощнаго и такого бѣдняка представляютъ себѣ замышляющимъ такое дѣло, для котораго нужны и состояніе и помощники. А они, не имѣя ничего другаго въ подтвержденіе клеветы, употребляютъ въ дѣло голоса, и кричатъ противу Бога Слова. *Развращаетъ*, говорятъ, то есть, возмущаетъ *народъ*, и не въ одномъ частномъ мѣстѣ, но началъ отъ Галилеи, и,

прошедъ чрезъ средину Іудеи, успѣлъ (возмутить) до сего мѣста. Мнѣ кажется, что они не спроста упомянули о Галилеѣ, но съ намѣреніемъ привесть Пилата въ страхъ. Ибо галилеяне всегда таковы, мятежники и склонны къ нововведеніямъ, каковъ и Іуда галилеянинъ. О немъ-то, кажется, они и напоминали Пилату, говоря какъ-бы такъ: правитель, сравни Іуду галилеянина, который надѣлалъ много безпокойства римлянамъ, возмутивъ немалую часть народа. Таковъ же и сей, котораго тотчасъ нужно истребить.

Пилатъ же слышавъ Галилею, вопроси: аще человѣкъ галилеанинъ есть? И разумѣвъ, яко отъ области Иродовы есть, посла его ко Ироду, сущу и тому во Іерусалимѣ въ тыя дни. Иродъ же, видѣвъ Іисуса, радъ бысть зѣло: бѣ бо желая отъ многа времене видѣти его, зане слышаше многа о немъ, и надѣяшеся знаменіе нѣкое видѣти отъ него бываемо. Вопрошаше же его словесы многими: онъ же ничесоже отвѣщаваше ему. Стояху же архіерее и книжницы, прилѣжно вадяще нанъ. Укоривъ же его Иродъ съ вои своими, и поругався, оболкъ его въ ризу свѣтлу, возврати его къ Пилату. Быста же друга Иродъ же и Пилатъ въ той день съ собою: прежде бо бѣста вражду имуща между собою. Пилатъ же созвавъ архіереи и князи и люди, рече къ нимъ: приведосте ми человѣка сего, яко развращающа люди: и се азъ предъ вами истязавъ ни единыя же обрѣтаю въ человѣцѣ семъ вины, яже нанъ вадите: Но ни Иродъ: послахъ бо его къ нему, и се ничтоже достойно смерти сотворено есть о немъ. Наказавъ убо его отпущу. Нужду же имяше на вся праздники от-

пущати имъ единаго. Возопиша же вси народи, глаголюще: возми сего, отпусти же намъ Варавву: иже бѣ за нѣкую крамолу бывшую во градѣ и убійство ввер-женъ въ темницу. Паки же Пилатъ возгласи, хотя отпустити Іисуса. Они же возглашаху, глаголюще: распни, распни его. Онъ же третицею рече къ нимъ: что бо зло сотвори сей? ничесоже достойна смерти обрѣтохъ въ немъ: наказавъ убо его отпущу. Они же прилѣжаху гласы великими, просяще его на распятіе: и устояху гласи ихъ и архіерейстіи. Пилатъ же посуди быти прошенію ихъ. Отпусти же бывшаго за крамолу и убійство всажденна въ темницу, егоже прошаху: Іисуса же предаде воли ихъ. И яко поведоша его, емше Симона нѣкоего Киринеа грядуща съ села, возложиша нань крестъ, нести по Іисусѣ. Идяше же въ слѣдъ его народъ многъ людей, и жены, яже и плакахуся и рыдаху его. Пилатъ посылаетъ Господа къ Ироду, во исполненіе римскаго закона, повелѣвающаго, чтобъ каждый судимъ былъ начальникомъ его области. Посему Іисуса, какъ галилеянина, онъ посылаетъ къ правителю Галилеи. Иродъ обрадовался сему, не потому впрочемъ, бодто бы имѣлъ пріобрѣсть какую-нибудь пользу для души, увидя Іисуса; но поелику слышалъ объ Немъ, что Онъ мудрецъ и чудотворецъ, то имѣлъ неразумное желаніе, страдая и самъ любовію къ новостямъ, увидѣть сего страннаго человѣка, и послушать, что Онъ говоритъ. Не страждутъ ли и нынѣ многіе изъ насъ этою болѣзію? Онъ самъ желалъ увидѣть какое-нибудь чудо отъ Іисуса, не съ тѣмъ впрочемъ, чтобы увѣровать, но чтобы насытить зрѣніе, по-

добно какъ мы на зрѣлищахъ смотримъ, какъ кудесники представляютъ, будто они проглатываютъ змѣй, мечи и подобное, и удивляемся. Ибо Іисуса относили почти къ роду таковыхъ же. Иродъ распрашивалъ Его о многомъ, обращаясь съ Нимъ въ нѣкоторомъ ироническомъ тонѣ, и во всемъ насмѣхаясь надъ Нимъ: посему Іисусъ ничего и не отвѣчалъ ему. Ибо Тотъ, кто все сотворилъ словомъ, и о комъ Давидъ засвидѣтельствовалъ, что *устроитъ словеса своя на судѣ* (Псал. 111, 5), знаетъ, когда должно отвѣчать. Ибо что за нужда отвѣчать тому, кто спрашиваетъ не для наученья? какая нужда повергать бисеръ предъ свиньями (Матѳ. 7, 6)? Напротивъ, какъ мы и выше (¹) сказали, человѣколюбіе требуетъ молчать въ такихъ случаяхъ. Ибо сказанное слово, не принося никакой пользы невнимательнымъ, сверхъ того подвергнетъ ихъ еще большему осужденію. Впрочемъ Пилату, поелику онъ былъ благонамѣреннѣе Ирода, (Господь) отвѣчаетъ, хотя не совсѣмъ ясно. Ибо тотъ спрашивалъ, царь ли Ты іудейскій? а Господь отвѣчаетъ: ты говоришь. Отвѣтъ сей заключаетъ какъ-бы двоякую мысль. Ибо можно понимать его и такъ: Я по-истинѣ есмь (царь іудейскій), ты сказалъ сущую правду. Можно разумѣть и иначе: Я не говорю, ты говоришь, имѣешь власть и говоришь. А Ироду, какъ рѣшительному насмѣшнику, нисколько не отвѣчаетъ. Ибо по-истинѣ, какъ говоритъ Исаія (3, 4. 12), у сѣмени лукаваго, сыновъ беззаконныхъ, то есть, тогдашнихъ іудеевъ, и сборщики были притѣсняющіе

(¹) Въ концѣ объясненія на 22 главу.

ихъ, и господствующіе ими насмѣшники. А что (Иродъ) желалъ видѣть Іисуса съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ наругаться и насмѣяться надъ Нимъ, и увидѣть отъ Него чудо, и въ такихъ мысляхъ распрашивалъ Его, это показалъ конецъ. Ибо уничиживъ (Іисуса) и наругавшись надъ Нимъ, отпустилъ Его, и не самъ только наругался, но и воины его, что̀ всего обиднѣе, и надѣвъ на Него свѣтлую одежду, отослалъ Его къ Пилату.— А ты смотри, пожалуй, какъ дьяволъ запинается во всемъ, что̀ ни дѣлаетъ. Онъ устрояетъ такія ругательства и обиды Христу, а отсюда яснѣе обнаруживается истина. Ибо насмѣшки самымъ очевиднымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что Господь не мятежникъ и не возмутитель. Если бы Онъ былъ таковъ, то не стали бы шутить, когда угрожаетъ такая опасность, и предполагается возстаніе цѣлаго народа, и притомъ народа многочисленнаго и очень склоннаго къ новизнѣ.— *Быста же*, говорится, *друга Иродъ же и Пилатъ*. Отосланіе Пилатомъ къ Ироду подчиненнаго сему показалось началомъ дружбы, такъ какъ Пилатъ не присвояетъ себѣ преимуществъ Иродовыхъ. Впрочемъ смотри повсюду, какъ дьяволъ для того, чтобъ только приготовить смерть Христу, сводитъ въ одно, что̀ отстояло другъ отъ друга, поселяетъ единодушіе и дружбу между тѣми, кои были врагами. Не стыдъ ли намъ, когда онъ для того, чтобъ Христа умертвить, и враговъ примирилъ, а мы, для собственнаго спасенія, и друзей не сохраняемъ въ дружбѣ съ нами?—Когда же (Христосъ) отосланъ былъ назадъ къ Пилату, смотри, какъ опять сіяетъ истина. Вы, говоритъ Пилатъ, привели

ко мнѣ человѣка сего, какъ развращающаго народъ: но я не нахожу въ Немъ ничего достойнаго смерти, равно какъ и Иродъ. Видишь ли свидѣтельство двухъ человѣкъ, и притомъ одного—правителя, а другаго—царя, совершенно истинно? Ни я, говоритъ, ни царь Иродъ не нашли въ Немъ никакой вины. Что скажутъ на это іудеи? Судьи сами свидѣтельствуютъ, что человѣкъ сей невиновенъ: вы, обвинители, не привели ни одного свидѣтеля: кому же нужно вѣрить? Дивно, какъ побѣждаетъ истина! Іисусъ молчитъ, а враги свидѣтельствуютъ въ пользу Его. Іудеи кричатъ, и никто не подтверждаетъ ихъ воплей. Пилатъ былъ какой-то слабый, и весьма мало вступался за правду. Онъ боялся клеветы, дабы его не опорочили, что онъ отпустилъ возмутителя. Ибо онъ не умѣлъ сказать: страха вашего не убоимся, а самъ Господь будетъ мнѣ въ страхъ (Исаіи 8, 12. 13). *Наказавъ убо*, говоритъ, то есть, вразумивъ бичами, *отпущу его*. А римлянамъ, въ угоду іудеямъ, и надлежало ради праздника отпускать по одному (узнику). Ибо при заключеніи договора съ іудеями дали имъ свободу жить по своимъ обычаямъ и законамъ. А у іудеевъ былъ отъ отцовъ обычай выпрашивать осужденныхъ у правителя, подобно какъ и за Іонаѳана заступились предъ Сауломъ (1 Цар. 14, 45). Если не знаешь этой исторіи, то возми первую книгу Царствъ, и ты найдешь ее.—*Возопиша же*, говорится, *вси народи глаголюще*: *возми сего.* Что (можетъ быть) хуже этого? Народъ избранный неистово требуетъ убійства; Пилатъ язычникъ отвращается отъ убійства: верхъ сталъ низомъ. *Возми*, говорятъ, *сего отпусти же намъ*

Варавву, который посаженъ былъ въ темницу, какъ возмутитель и убійца. Пилатъ въ третій разъ предлагаетъ отпустить, въ третій разъ и они кричатъ противъ Христа, дабы симъ троекратнымъ воплемъ окончательно подтвердить свою жажду убійства. И они, какъ говоритъ блаженный Петръ, отреклись отъ Святаго и Праведнаго, а выпросили даровать имъ человѣкоубійцу (Дѣян. 3, 14). Ибо они любятъ подобное, (почему и принимаютъ участіе въ немъ), потому что и сами возмутились противъ римлянъ, и стали виновниками безчисленныхъ убійствъ и собственной погибели. Господь предсказываетъ о семъ чрезъ Іеремію: *оставихъ домъ мой, оставихъ достояніе мое, дахъ* достояніе мое *въ руки враговъ. Бысть мнѣ достояніе мое яко левъ въ дубравѣ, даде противу мене гласъ свой: сего ради возненавидѣхъ е* (Іерем. 12, 7. 8). И Осія опять: *горе имъ, яко отскочиша отъ мене: боязливи суть, яко нечествоваша ко мнѣ: азъ избавихъ и, сіи же возглаголаша на мя лжу: и падутся князи ихъ мечемъ ради ненаказанія языка своего* (Осіи 7, 13 и 16).—Іисуса повели, и сначала на Него возложили крестъ, и Онъ шелъ съ этою ношею. Ибо изъ прочихъ никто не брался несть его, такъ какъ считали его древомъ проклятымъ. Потомъ, нашедши нѣкотораго Симона киринейскаго, возложили на него крестъ, принудивши сего человѣка и какъ-бы какое поношеніе возложили на него крестъ, котораго прочіе чуждались. Симъ дѣлается немаловажное внушеніе. Крестъ есть умерщвленіе, бездѣйственность страстей и неподвижность. Ибо распинаемый пригвождается, и становится недѣятельнымъ. Итакъ учи-

тель Христосъ сначала долженъ самъ взять крестъ, и пригвоздить плоть свою къ страху Божію, и просіять безстрастіемъ, а потомъ уже возлагать его на покорныхъ: ибо Симонъ означаетъ *послушаніе*. Исполняются въ семъ и слова Исаіи: *егоже начальство на рамѣ его* (Исаіи 9, 6). Ибо крестъ есть начальство Господа и царство. Павелъ говоритъ: *смирилъ себе даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ его превознесе*, и прочая (Филип. 2, 8. 9). Если же крестъ сталъ для Іисуса высотою и славою, то онъ справедливо называется *начальствомъ* Его, то есть, начальственнымъ достоинствомъ и знакомъ начальства. Какъ сенаторы имѣютъ знаки своихъ достоинствъ, иные—пояса, другіе—мантіи, такъ и Господь установляетъ крестъ знаменіемъ своего царствія. И всмотрѣвшись, ты найдешь, что Іисусъ царствуетъ въ насъ не иначе, какъ чрезъ злостраданіе, что живущіе въ нѣгѣ суть враги креста, и тотъ можетъ сдѣлаться покорнымъ Христу и взять крестъ Его, кто упражняется въ добродѣтели, кто *грядетъ съ села*, то есть, оставляетъ настоящее поле—міръ сей и дѣла въ немъ, и стремится въ Іерусалимъ вышній, свободный (Галат. 4, 26).—Что за Христомъ слѣдовало множество народа и женщинъ, симъ обозначается то, что послѣ креста увѣруетъ въ Него (ибо это значитъ *послѣдовать*) великое множество іудеевъ и много женщинъ. Прочти книгу Дѣяній (2, 41. 4, 4), и ты увидишь тысячи вѣрующихъ. А то, что слѣдовавшія за Іисусомъ женщины плакали и рыдали, не служитъ ли для насъ нравственнымъ урокомъ? Слабая душа есть женщина; но если она чрезъ покаяніе полу-

чаетъ сокрушеніе сердца, плачетъ и рыдаетъ, то она по-истинѣ слѣдуетъ за Іисусомъ, распинаемымъ и злостраждущимъ ради нашего спасенія.

Обращся же къ нимъ Іисусъ, рече: дщери Іерусалимски, не плачитеся о мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ: Яко се дніе грядутъ, въ няже рекутъ: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны: и холмомъ: покрыйте ны. Зане аще въ суровѣ древѣ сія творятъ, въ сусѣ что будетъ? Женщины, эти созданія, удобоподвижныя на рыданія и плачь, плачутъ, такъ какъ-бы Господа постигла какая напасть, и тѣмъ выражаютъ свою сострадательность и сѣтованіе о человѣческой неправдѣ. А Онъ не только этимъ недоволенъ, но даже возбраняетъ имъ. Ибо Онъ страдалъ добровольно, а страждущему добровольно, и притомъ за спасеніе всего рода (человѣческаго), приличествуютъ не слезы, а одобреніе и прославленіе. Крестомъ и смерть разрушена, и адъ плѣненъ. Слезы приносятъ утѣшеніе не тѣмъ, кои страждутъ добровольно, но тѣмъ, кои страждутъ невольно. Посему Онъ возбраняетъ имъ плакать объ Немъ, а убѣждаетъ ихъ обратить вниманіе на будущія бѣдствія и плакать объ этихъ бѣдствіяхъ, когда женщины безъ жалости будутъ варить собственныхъ дѣтей, и чрево носившее, къ сожалѣнію, само опять въ себя приметъ родившееся изъ него. Ибо если римляне такъ поступили со Мною, деревомъ влажнымъ, плодоноснымъ, вѣчно зеленѣющимъ и вѣчно живущимъ силою Божества, и плодами ученія своего всѣхъ питающимъ: то чего не причинятъ они вамъ, то

есть, народу, дереву сухому, лишенному всякой животворной праведности, и не приносящему никакого плода? Если бы вы имѣли сколько-нибудь живительной силы добра, быть можетъ, вы удостоились бы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой пощады; а теперь, какъ сухое дерево, вы подвергнетесь сожженію и погибели.

Зач. 111. *Ведяху же * и ина два злодѣя съ нимъ убити. И егда пріидоша на мѣсто нарицаемое лобное, ту распяша его, и злодѣя, оваго убо одесную, и другаго ошуюю. Іисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ: раздѣляюще же ризы его, метаху жребія. И стояху людіе зряще: ругахуся же и князи съ ними, глаголюще: иныя спасе, да спасетъ и себе, аще той есть Христосъ Божій избранный. Ругахуся же ему и воини, приступающе и оцетъ придѣюще ему, и глаголаху: аще ты еси царь іудейскъ, спасися самъ. Бѣ же и написаніе написано надъ нимъ писмены еллинскими и римскими и еврейскими: сей есть царь іудейскъ.* Дьяволъ, желая составить и внушить дурное мнѣніе о Господѣ, устрояетъ такъ, что съ Нимъ распинаются два разбойника. Но смотри, какъ онъ одного изъ нихъ лишился, и какъ послужило къ большей славѣ Господа то, что̀ дьяволъ замышлялъ противъ Него. Ибо крестовъ разбойниковъ никто не искалъ, напротивъ весь міръ томился ожиданіемъ креста Господня. И отсюда очевидно оказывается, что Господь не беззаконникъ, какъ разбойники, но путеначальникъ всякой праведности. — Ведутъ Его на мѣсто лобное, гдѣ,

---

*Во время оно, ведяху со Іисусомъ **

говорятъ, погребенъ былъ праотецъ. дабы, гдѣ совершилось паденіе чрезъ древо, тамъ же совершилось и возстановленіе чрезъ древо.—Іисусъ, являя чрезвычайную кротость, молится за нихъ, говоря: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*. И, конечно, грѣхъ сей простился бы имъ, если бы послѣ сего они не остались въ невѣріи. — Для чего дѣлятъ одежды Его? Быть можетъ, многіе нуждались въ нихъ, а быть можетъ (что̀ и вѣроятнѣе), дѣлали это по дерзости и съ намѣреніемъ наругаться. Ибо на ихъ взглядъ что̀ было драгоцѣннаго въ сихъ одеждахъ? Итакъ они дѣлали это въ видѣ насмѣшки и ругательства. Ибо что̀ нужно заключать о простомъ народѣ, когда начальники его насмѣхались? *Иныя спасе, да спасетъ и себе, аще той есть Христосъ, Божій избранный.* Это дьяволъ говоритъ чрезъ нихъ. Какъ на кровлѣ храма (Лук. 4, 9), такъ и здѣсь, онъ это говоритъ, завидуя спасенію чрезъ крестъ, и желая всѣми возможными хитростями пресѣчь оное.—Воины подносили уксусъ для питья, служа именно какъ царю.—Вотъ и другая хитрость дьявола, обращающаяся на него самого. Именно, онъ письменами трехъ языковъ объявлялъ о возмущеніи Іисусовомъ, дабы всякому изъ проходящихъ было извѣстно, что Онъ повѣшенъ за то, что выдавалъ Себя за царя. А изобрѣтательный на зло не понималъ, что это было знакомъ того, что сильнѣйшіе изъ народовъ, каковы римляне, и мудрѣйшіе, каковы греки, и набожнѣйшіе, каковы евреи, войдутъ въ царство Іисуса и будутъ проповѣдывать Его. Впрочемъ въ толкованіи на евангеліе отъ Іоанна мы сказали о семъ больше и возвышеннѣе.

Лук.

Единъ же отъ обѣшеною злодѣю хуляше его, глаголя: аще ты еси Христосъ, спаси себе и наю. Отвѣщавъ же другій прещаше ему, глаголя: ни ли ты боишися Бога, яко въ томже осужденъ еси? И мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева: сей же ни единаго зла сотвори. И глаголаше Іисусови: помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си. И рече ему Іисусъ: аминь глаголю тебѣ, днесь со мною будеши въ раи. Какъ же прочіе евангелисты говорятъ (Матѳ. 27, 44. Марк. 15, 22), что Іисуса злословили оба разбойника? Сначала, вѣроятно, оба злословили Его, а потомъ одинъ изъ нихъ, который поблагоразумнѣе, позналъ благость и божество Іисуса изъ тѣхъ словъ, кои Онъ изрекъ за распинателей, говоря: *Отче, отпусти имъ.* Ибо слова сіи не только исполнены совершеннаго человѣколюбія, но обнаруживаютъ много и собственной власти. Іисусъ не сказалъ: Господи, молю Тебя, прости имъ, но просто также, какъ и со властію: *Отче, отпусти имъ.* Вразумленный сими словами, тотъ, кто прежде злословилъ Іисуса, признаетъ его истиннымъ Царемъ, заграждаетъ уста другому разбойнику, и говоритъ Іисусу: помяни меня во царствіи твоемъ. Что же Господь? *Днесь со мною будеши въ раи.* Какъ человѣкъ—Онъ на крестѣ, а какъ Богъ—вездѣ, и тамъ, и въ раю все наполняетъ, и нѣтъ мѣста, гдѣ Его нѣтъ. — Иные спросятъ: когда Господь говоритъ разбойнику,—*днесь со мною будеши въ раи,*—то какъ послѣ сего Павелъ сказалъ, что никто изъ святыхъ не получилъ обѣтованія (Евр. 11, 39)? И одни отвѣчаютъ: апостолъ не о всѣхъ святыхъ выразился, что они не

получили обѣтованія, но только о тѣхъ, коихъ онъ перечислилъ. А перечислилъ онъ много другихъ, но о разбойникѣ не упомянулъ. Ибо слушай, что̀ говоритъ: *сіи вси;* очевидно, онъ рѣчь свою относилъ къ тѣмъ, коихъ онъ перечислялъ и въ числѣ коихъ нѣтъ этого разбойника. Другіе говорили, что и разбойникъ еще не наслѣдовалъ жизни въ раю, но поелику обѣщаніе Господа непреложно и отнюдь неложно, посему и сказано: нынѣ же будешь со Мною въ раю. Ибо есть, говорятъ, въ рѣчахъ Господа и такіе обороты, въ коихъ Онъ о будущемъ выражается какъ о случившемся. Напримѣръ, когда говоритъ: *не вѣруяй уже осужденъ есть* (Іоан, 3, 18), и въ другой разъ: *слушаяй словесе моего и вѣруяй, на судъ не пріидетъ, но прейде* (μεταβέβηκε) *отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24), Иные искажаютъ это изреченіе, именно послѣ *днесь* ставятъ знакъ препинанія, такъ чтобъ выходила такая рѣчь: истинно говорю тебѣ нынѣ, а потомъ продолжаютъ: будешь со Мною въ раю. Еще иные, и, кажется, весьма удачно, объясняютъ это такъ: обѣщанныя намъ блага суть не жизнь въ раю или возвращеніе въ оный, а царство небесное: почему мы и молимся: *да пріидетъ царствіе твое*, а не жизнь райская. И не говори мнѣ никто, что рай и царствіе одно и тоже. Ибо благъ царствія ни глазъ не видалъ, ни ухо не слыхало, и на сердце человѣку они не приходили (1 Кор. 2, 9). А рай и видѣнъ былъ глазомъ Адама, и ухо объ немъ слышало, ибо сказано: *отъ всякаго древа, еже въ раи, снѣдію снѣси* (Быт. 2, 16). Хотя Адаму и воспрещено было одно дерево, однакоже онъ и видѣлъ его и слышалъ объ немъ. Рай

и на сердце человѣку приходилъ. Ибо Адамъ увеселялся душевно, такъ какъ онъ не оставлялъ такой дѣятельности и земледѣльческой радости. Посему, говорятъ, Павелъ нисколько не противорѣчитъ. Разбойникъ получилъ *рай*, но не получилъ *царствія*; получитъ же оное тогда, когда получатъ и всѣ тѣ, коихъ перечислилъ Павелъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ въ раю, который есть мѣсто душевнаго успокоенія. Такъ говорили многіе и много разъ. Можно сказать, что ничто не мѣшаетъ быть истинными словамъ какъ Господнимъ, такъ и Павловымъ, и въ томъ случаѣ, если даже царство небесное и рай суть одно и тоже. Ибо разбойникъ хотя въ раю или въ царствіи, и не только онъ, но и всѣ исчисленные Павломъ, однакоже онъ не наслаждается всецѣлымъ обладаніемъ благъ. Какъ осужденные не находятся въ царскихъ жилищахъ, но заключены въ темницы и стерегутся для предназначенныхъ наказаній, а почетные входятъ въ чертоги царскіе и пребываютъ въ нихъ, потомъ, когда настанетъ время раздачи, удостоиваются даровъ царскихъ: такъ и святые, хотя не вкушаютъ еще полнаго блаженства, однакоже находятся въ обителяхъ свѣтлыхъ, полныхъ благовонія, и, вообще говоря, царскихъ, хотя еще не удостоились окончательнаго раздаянія царскихъ даровъ. Такъ и разбойникъ, хотя сталъ теперь въ раю, однакоже не наслаждается совершеннымъ блаженствомъ, дабы не безъ насъ достигъ совершенства (Евр. 11, 40). И такое объясненіе, по моему мнѣнію, всѣхъ справедливѣе. — Не говорю уже о томъ, что и дарованія святыхъ, проявляющіяся въ повседневныхъ

чудотворенiяхъ, справедливо могутъ быть названы раемъ, и что всѣ они, поколику, сподобившись дарованiй духовныхъ, приняли въ оныхъ залогъ Духа, находятся въ раю, хотя не достигли совершенства, и получили царствiе, какъ говоритъ Павелъ въ томъ же посланiи къ евреямъ, хотя не получили обѣщаннаго. Подъ словомъ *обѣтованiе* онъ, очевидно, разумѣлъ полноту наслажденiя. Итакъ они еще не получили всего обѣщаннаго, однакоже находятся въ царствiи и въ раю. Прошу тебя, подивись и сему: какъ царь какой-нибудь, возвращаясь съ побѣды съ трофеями, несетъ за собою самую лучшую часть добычи, такъ и Господь, похитивъ самую лучшую добычу у дьявола, ведетъ оную съ Собою, возвращаясь въ первоначальное отечество человѣка, то есть, въ рай. Онъ былъ въ раю не божествомъ только, но и воспринятою Имъ, мыслящею и разумною, душою человѣческою, и въ раю былъ съ духомъ и во адъ нисходилъ съ душою. Спасши разбойника, Господь связалъ орудiе злобы, согласно своему предсказанiю: связавъ крѣпкаго, сосуды его расхититъ (Матѳ. 12, 29).

Бѣ же часъ яко шестый, и тма бысть по всей земли. до часа девятаго. И померче солнце, и завѣса церковная раздрася посредѣ: И возглашъ гласомъ велiимъ Iисусъ, рече: Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой: и сiя рекъ издше. Видѣвъ же сотникъ бывшее, прослави Бога, глаголя: воистинну человѣкъ сей праведенъ бѣ. И вси пришедшiи народи на позоръ сей, видяще бывающая, бiюще перси своя возвращахуся. Стояху же вси знаемiи его издалеча, и жены спослѣдствовавшыя ему

отъ Галилеи, зряще сія. Нѣкогда іудеи желали увидѣть знаменіе съ неба: итакъ вотъ имъ знаменіе, эта необычайная *тма.*—И *завѣса* храма *раздирается.* Господь этимъ показываетъ, что Святое Святыхъ уже не будетъ недоступно, но предано будетъ римлянамъ, попрано и осквернено. Или еще Онъ показываетъ, что раздирается завѣса, разлучавшая насъ со святыми, живущими на небесахъ, то есть, вражда и грѣхъ. Ибо это составляло великую преграду, раздѣлявшую насъ отъ живущихъ тамъ. Показываетъ вмѣстѣ и то, что Онъ не по безсилію распятъ. Ибо совершившій такое знаменіе могъ бы и ихъ расторгнуть и уничтожить.— Возгласивъ громкимъ голосомъ, Іисусъ испускаетъ духъ. Ибо Онъ имѣлъ власть положить душу свою, и опять принять ее (Іоан, 10, 18).—Голосъ этотъ и прочія чудеса послужили для сотника поводомъ къ вѣрѣ. Ибо Іисусъ умиралъ не какъ обыкновенный человѣкъ, но какъ Владыка, и смерть назвалъ передачею подъ сохраненіе (παραϑήκην), такъ какъ Онъ имѣлъ снова принять душу. Это первый голосъ, коимъ души наши удостоились свободы, такъ какъ ихъ уже не дьяволъ держитъ, но онѣ предаются Отцу. Ибо до смерти Христовой дьяволъ имѣлъ большое право надъ душами, но съ тѣхъ поръ, какъ Сынъ предалъ духъ свой не въ адъ, но въ руки Отца, содержащіеся въ адѣ получили свободу. Здѣсь-то усматривается событіе сказанныхъ нѣкогда Господомъ словъ: когда Я вознесенъ буду, всѣхъ привлеку къ Себѣ (Іоан. 12, 32). Ибо, вознесенный на крестъ, Онъ привлекъ разбойника, привлекъ сотника.— Нѣкоторые изъ іудеевъ били себя въ грудь, и, упрекая

распинателей, открыто признавали Іисуса праведникомъ.—Ученики бѣжали, а женщины, этотъ униженный и проклинаемый родъ, остаются и смотрятъ на все сіе и за то первыя наслаждаются проистекающимъ отселѣ оправданіемъ и благословеніемъ, равно какъ и воскресеніемъ.—А ты подивись, пожалуй, ожесточенію іудеевъ. Они говорятъ: пусть сойдетъ со креста, и мы повѣримъ Ему. А видя большія чудеса, не вѣруютъ! Ибо не равнялось ли снитію со креста помраченіе солнца, разсѣданіе камней, страшное землетрясеніе, воскрешеніе мертвыхъ, раздраніе завѣсы и измѣненіе всей твари? Посему пусть никто не недоумѣваетъ, для чего Іисусъ не сошелъ со креста, но пусть принимаетъ это безъ любопытства, соображая, что они и тогда не повѣрили бы, когда бы Онъ сдѣлалъ то, и ничего другаго не вышло бы изъ сего, кромѣ того, что исказилось бы спасеніе чрезъ крестъ. Ибо крестъ преимущественно предъ всѣмъ есть слава Христова. Итакъ Онъ, совершивъ больше чудесъ, тогда какъ они не вѣровали, въ одно время исправилъ два дѣла: во-первыхъ, до конца претерпѣлъ и воспринялъ крестъ, это великое знаменіе побѣды: и во-вторыхъ, обнаружилъ, что они совершенно безчувственны, не имѣютъ нисколько добра, но загрубѣли въ невѣріи.

И се мужъ именемъ Іосифъ, совѣтникъ сый, мужъ благъ и праведенъ: Сей не бѣ присталъ совѣту и дѣлу ихъ, отъ Аримаѳеа града іудейска, иже чаяше и самъ царствія Божія: Сей приступль къ Пилату, проси тѣла Іисусова. И снемъ е, обвитъ плащаницею, и положи е во гробѣ изсѣченѣ, въ немже не бѣ никтоже ни-

когдаже положенъ. И день бѣ пятокъ, и суббота свѣташе. Во слѣдъ же шедшыя жены, яже бяху пришли съ нимъ отъ Галилеи, видѣша гробъ, и яко положено бысть тѣло его. Возвращся же уготоваша ароматы и мѵро: и въ субботу убо умолчаша по заповѣди. Іосифъ прежде не открывался, но теперь творитъ дѣло достохвальное. Не смотря на то, что былъ членъ совѣта и богатый человѣкъ, онъ смѣло проситъ тѣло человѣка, котораго распяли какъ мятежника и возмутителя, и не обращаетъ вниманія ни на какую опасность, хотя богатство боязливо, но испрашиваетъ и съ честію погребаетъ во гробѣ, изсѣченномъ въ камнѣ, гдѣ никого другаго прежде не полагали, дабы клеветники не сказали, что воскресло тѣло другаго. А женщины, хотя имѣли вѣру къ Господу, но не такую, какую слѣдовало имѣть, а слабую и малую. Ибо, считая Его за простаго человѣка, приготовляютъ масти и благовонія по господствовавшему у іудеевъ обычаю, всегда соблюдаемому надъ умершими. Впрочемъ въ субботу по заповѣди закона остаются въ покоѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О посѣщеніи гроба женщинами.—О скоромъ шествіи Петра ко гробу.—О Клеопѣ.—О явленіи Іисуса (апостоламъ).—О вознесеніи на небо.

Во едину же отъ субботъ, зѣло рано пріидоша
Зач. 112. *на гробъ,* носяще, яже уготоваша ароматы, и другія*

Во время оно, во едину отъ субботъ зѣло рано пріидоша жены на гробъ,

съ ними. Обрѣтоста же камень отваленъ отъ гроба, И вшедше не обрѣтоша тѣлесе Господа Іисуса. И бысть не домышляющымся имъ о семъ, и се мужа два стаста предъ ними въ ризахъ блещащихся. Пристрашнымъ же бывшымъ имъ, и поклоншымъ лица на землю, рекоста къ нимъ: что ищете живаго съ мертвыми? Нѣсть здѣ, но воста: помяните, якоже глагола вамъ, еще сый въ Галилеи: яко подобаетъ Сыну человѣческому предану быти въ руцѣ человѣкъ грѣшникъ, и пропяту быти, и въ третій день воскреснути. И помянуша глаголы его: И возвращшеся отъ гроба, возвѣстиша вся сія единомунадесяте, и всѣмъ прочымъ. Бяше же Магдалина Марія, и Іоанна, и Марія Іаковля, и прочыя съ ними, яже глаголаху ко апостоломъ сія. И явишася предъ ними яко лжа глаголы ихъ, и не вѣроваху имъ.

*Петръ же*воставъ тече ко гробу: и приникъ видѣ* Зач.
ризы едины лежаща: и отъиде, въ себѣ дивяся бывшему.—Единою отъ субботъ (Лука) называетъ первый 113.
день субботы или седмицы, тотъ самый, который мы отъ воскресенія Господня называемъ Господнимъ. Въ этотъ-то день женщины пришли ко гробу, нося съ собою благовонія. Пришли онѣ весьма рано, что евангелистъ Матѳей (28, 1) называетъ вечеромъ субботы. Ибо глубокое утро почти тоже, что очень поздній вечеръ. И нашли онѣ камень отваленнымъ (отъ гроба), ибо ангелъ отвалилъ его, какъ говоритъ Матѳей (28, 2). Когда онѣ вошли внутрь, имъ являются два мужа. Одинъ, упоминаемый Матѳеемъ (28, 2), сидѣлъ на камнѣ,

---

Во время оно, Петръ *

а эти два мужа предстали внутри гроба. Это разныя видѣнія. Мужи являются въ одеждахъ блистающихъ, по причинѣ свѣтлости воскресенія, и напоминаютъ женщинамъ то, что̀ имъ говорилъ Господь, именно, что *подобаетъ*, то есть, необходимо Ему *быть предану въ руки человѣкъ грѣшниковъ*, то есть, римлянъ, язычниковъ и скверныхъ, *и въ третій день воскреснуть*. О томъ, какъ воскресеніе тридневно, мы достаточно сказали въ толкованіи на Матѳея ([1]).—Когда онѣ возвратились отъ гроба и разсказали объ этомъ апостоламъ, то ихъ почли мечтательницами. Такъ, по природѣ, невѣроятнымъ кажется людямъ чудо воскресенія! Впрочемъ Петръ не медлитъ, какъ и огонь принявшійся за вещество, но бѣжитъ ко гробу, и видитъ только пелены лежащія. И отъ того, что онъ достигъ до гроба, на первый разъ польза та, что вмѣсто того, чтобы насмѣхаться, онъ удивляется: *и отъиде*, сказано, къ (πρὸς) *себѣ*, то есть, самъ въ себѣ *дивяся бывшему*. Ибо какъ остались однѣ только пелены, и притомъ тогда, когда тѣло намазано было смирною? Сколько же досуга имѣлъ воръ, когда онъ вставилъ ихъ свитыми понадлежащему, вынесъ тѣло, и притомъ тогда, когда приставлены были воины? Подъ *Маріею Іаковлевою* разумѣй Богородицу, ибо ее такъ называли, какъ мнимую мать Іакова, сына Іосифова, котораго называли малымъ; я разумѣю брата Божія. Ибо былъ Іаковъ и большій, одинъ изъ двѣнадцати, сынъ Зеведеевъ.

([1]) См. Благовѣстникъ; часть первая: евангеліе отъ Матѳея, гл. 28, зач. 115.

И се два отъ нихъ бѣста идуща ве тойже день въ весь, отстоящу стадій шестьдесятъ отъ Іерусалима, ейже имя Еммаусъ: И та бесѣдоваста къ себѣ о всѣхъ сихъ приключшихся. И бысть бесѣдующема има и совопрошающемася, и самъ Іисусъ приближися, идяше съ ними. Очи же ею держастѣся, да его не познаста. Рече же къ нима: что суть словеса сія, о нихже стязаетася къ себѣ идуще, и еста дряхла? Отвѣщавъ же единъ, емуже имя Клеопа, рече къ нему: ты ли единъ пришлецъ еси во Іерусалимъ, и не увѣдѣлъ еси бывшихъ въ немъ во дни сія? И рече имъ: кіихъ? она же рѣста ему: яже о Іисусѣ Назарянинѣ, иже бысть мужъ пророкъ, силенъ дѣломъ и словомъ предъ Богомъ и всѣми людьми: Како предаша его архіереи и князи наши на осужденіе смерти, и распяша его: Мы же надѣяхомся, яко сей есть хотяй избавити Исраиля: но и надъ всѣми сими, третій сей день есть днесь, отнелиже сія быша. Но и жены нѣкія отъ насъ ужасиша ны, бывшыя рано у гроба: И не обрѣтше тѣлесе его, пріидоша, глаголюще, яко и явленіе ангелъ видѣша, иже глаголютъ его жива. И идоша нѣцыи отъ насъ ко гробу, и обрѣтоша тако, якоже и жены рѣша: самого же не видѣша. Нѣкоторые говорятъ, что одинъ изъ этихъ двоихъ былъ самъ Лука, потому евангелистъ и скрылъ свое имя. Они разговаривали между собою о всѣхъ сихъ событіяхъ, не какъ вѣрующіе, но какъ недоумѣвающіе и изумляющіеся необычайнымъ происшествіямъ, и не скоро могущіе примириться съ такимъ чуднымъ явленіемъ. Іисусъ, подойдя, пошелъ съ ними. Ибо, имѣя тѣло уже духовное и божественнѣйшее, Онъ въ раз-

стояніи мѣстъ не находилъ препятствія быть съ тѣми, съ кѣмъ Ему угодно. Посему и тѣлесныя очертанія, съ которыми тогда являлся Спаситель, не позволяли имъ узнать Его. Ибо Онъ явился имъ, какъ говоритъ Маркъ (16, 12), *инымъ образомъ* и въ иныхъ чертахъ. Онъ тѣломъ располагалъ уже не по законамъ природы, но сверхъестественно и духовно. Отъ сего-то очи ихъ и были удержаны такъ, что они не узнали Его. Для чего же Онъ явился въ иномъ образѣ, и для чего очи ихъ были удержаны? Для того, чтобъ они открыли всѣ свои недоумѣнія, обнаружили свою рану, и потомъ уже приняли лекарство; чтобъ послѣ долгаго промежутка явиться имъ болѣе пріятнымъ; чтобъ научить ихъ изъ Моисея и пророковъ, и тогда уже быть узнаннымъ; чтобъ они лучше повѣрили, что тѣло Его уже не таково, чтобы могло быть усматриваемо всѣми вообще, но что воскресло хотя тоже самое, которое и пострадало, однакоже видимо бываетъ только для тѣхъ, кому Онъ благоволитъ; чтобы они пріобрѣли отсюда и ту великую пользу, чтобы не колебаться уже недоумѣніями (относительно того, напримѣръ), для чего Онъ снова не обращается среди народа, но размышляли въ себѣ, что образъ жизни Его по воскресеніи далеко разнится отъ обыкновеннаго, не человѣческій, но божественнѣйшій, такъ что служитъ образомъ и будущаго воскресенія, въ которое мы будемъ жить, какъ ангелы и сыны Божіи. Итакъ вотъ для чего очи ихъ были удержаны, и они не узнали Его. Ибо Онъ становился видимъ для тѣхъ, для кого желалъ.—Господу, являющемуся въ видѣ спутника, Клеопа дѣлаетъ упрекъ и

говоритъ: *ты ли единъ пришлецъ еси*, то есть, неужели ты единъ изъ жителей Іерусалима не знаешь о случившемся? Иные впрочемъ слова: *пришлецъ еси*, понимали такъ: неужели ты одинъ только пришлецъ, и живешь внѣ Іерусалима, и такъ безучастенъ къ происходящему въ немъ, что не знаешь о семъ?—Смотри же, какое очень малое еще имѣли они понятіе о Господѣ. Они назвали его мужемъ *пророкомъ*, какъ можно назвать Илію, Іисуса сына Навина, или Моѵсея; *сильнымъ въ дѣлѣ и словѣ*: прежде—дѣло, потомъ—слово. Ибо никакое слово учителя не твердо, если учитель прежде не представитъ себя исполнителемъ онаго. Итакъ будь прежде силенъ въ дѣлѣ, потомъ старайся имѣть и слово. Тогда и Богъ будетъ содѣйствовать тебѣ. Ибо прежде—дѣланіе, а потомъ—созерцаніе и озареніе. Если не вычистишь зеркало съ трудомъ и пóтомъ, то не увидишь желаемой красоты. Ибо *блажени чистіи сердцемъ*, а это достигается дѣлами; *яко тіи Бога узрятъ* (Мат. 5, 8), это конецъ созерцанію. Нужно быть сильнымъ въ дѣлѣ и словѣ *предъ Богомъ*, а потомъ *предъ всѣми людьми*. Ибо прежде Богу нужно угождать, а потомъ стараться быть по возможности непорочнымъ и предъ людьми, и не должно ни человѣкоугодливость предпочитать богоугожденію, ни жить на соблазнъ многихъ, но заботиться о томъ и другомъ, какъ и премудрый говоритъ: разумѣвай добрѣ предъ Богомъ и людьми. И Павелъ говоритъ тоже (2 Кор. 8, 21). *Мы же надѣяхомся*, говоритъ, *яко сей есть хотя избавити Исраиля*. Какъ-бы обманутые въ своихъ надеждахъ, они говорятъ такъ: мы надѣялись, что Онъ и другихъ спа-

сетъ, а вотъ Онъ и Себя не спасъ. Такъ они были малодушны и косны на вѣру! Ихъ слова похожи на то, что говорили и находящіеся у креста: *ины спасе, себе ли не можетъ спасти* (Марк. 15, 31)? Посему и Господь называетъ ихъ несмысленными и медлительными въ вѣрованіи. Что значатъ слова: *избавити Исраиля*? Мы говорили нѣкогда, что народъ іудейскій и менѣе прочихъ основательные ожидали во Христѣ спасителя и избавителя отъ угнетавшихъ ихъ золъ и отъ ига римскаго рабства, и надѣялись, что Онъ воцарится на землѣ. Посему и говорятъ: мы надѣялись, что Онъ и Израиля избавитъ отъ язычниковъ—римлянъ, а вотъ Онъ и самъ не избѣгъ несправедливаго надъ Нимъ приговора.—*Третій день есть днесь, и жены ужасиша ны*, и прочая. Говорятъ такъ въ состояніи недоумѣнія. Мнѣ кажется, что эти два мужа были въ сильномъ колебаніи мыслей, ни слишкомъ не вѣрили, ни слишкомъ вѣрили. Ибо слова: *мы надѣялись, что Онъ избавитъ Исраиля*, обнаруживаютъ невѣріе; а слова: *нынѣ уже третій день*, показываютъ, что люди уже близки къ тому, чтобы вспомнить слова Господа: *въ третій день воскресну*. И слова: *ужасиша ны*, обнаруживаютъ нѣчто подобное же, то есть, колебаніе ихъ невѣрія. Разсматриваемыя же въ совокупности, слова эти по-истинѣ свойственны людямъ, находящимся въ сильномъ сомнѣніи, такъ какъ люди сіи необычайностью воскресенія приведены были въ состояніе недоумѣнія и въ затруднительное положеніе. И *идоша*, говорятъ, *нѣцыи отъ насъ*, то есть, или одинъ Петръ, или Петръ и Іоаннъ. И отсюда видно, что о чемъ одни говорятъ простран-

но, о томъ другіе упоминаютъ кратко и мимоходомъ, такъ какъ Іоаннъ пространнѣе повѣствуетъ о хожденіи Петра и Іоанна ко гробу, а сей (Лука), упомянувъ о немногихъ, имена ихъ опустилъ.

И той рече къ нима: о несмысленная и косная сердцемъ еже вѣровати о всѣхъ, яже глаголаша пророцы. Не сія ли подобаше пострадати Христу, и внити въ славу свою? И наченъ отъ Моѵсеа и отъ всѣхъ пророкъ, сказаше има отъ всѣхъ писаній яже о немъ. И приближишася въ весь, въ нюже идяста: и той творяшеся далечайше ити. И нуждаста его, глаголюще: облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и приклонился есть день: и вниде съ нима облещи. И бысть яко возлеже съ нима, и пріимъ хлѣбъ благослови, и преломивъ даяше има. Онѣма же отверзостѣся очи, и познаста его: и той невидимъ бысть има. И рекоста къ себѣ: не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама писанія? И воставша въ той часъ, возвратистася во Іерусалимъ, и обрѣтоста совокупленныхъ единонадесяте, и иже бяху съ ними, Глаголющихъ, яко воистинну воста Господь, и явися Симону: И та повѣдаста, яже быша на пути, и яко познася има въ преломленіи хлѣба. Поелику они размышляли почеловѣчески и страдали большимъ сомнѣніемъ, то Господь называетъ ихъ несмысленными и медлительными въ вѣрованіи всему тому, что̀ предсказывали пророки. Ибо можно вѣровать отчасти, и вѣровать всецѣло. Напримѣръ, кто надѣется, что Христосъ придетъ для спасенія народа, впрочемъ не для спасенія душъ, но для возстановленія и избавленія

іудейскаго народа, тотъ вѣруетъ не настолько, насколько должно вѣровать. Равно и тотъ, кто словамъ Давида: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои* (Псал. 21, 17), и прочимъ словамъ относительно креста и обстоятельствъ на крестѣ вѣруетъ, какъ пророчеству отъ лица Господа, и мѣста Писанія о страданіи принимаетъ, но не принимаетъ въ разсужденіе мѣста о воскресеніи, каковы напримѣръ сіи: *не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія, и не оставиши душу мою во адѣ* (Псал. 15, 10), *въ мертвыхъ свободь* (Псал. 87, 6), *изводя окованныя и живущыя во гробѣхъ* (Псал. 67, 7) и подобныя, тотъ имѣетъ вѣру не совершенную, но вѣруетъ отчасти. А должно вѣрить пророкамъ во всемъ, какъ относительно состоянія уничиженія, такъ и относительно состоянія славы. Ибо Христу нужно было пострадать; это—уничиженіе. Но нужно было Ему войти и въ славу свою; это—прославленіе. Вы же такъ несмысленны, что слыша Исаію, говорящаго о томъ и другомъ состояніи, именно: *на заколеніе ведеся*, и: *хощетъ Господь явити Ему свѣтъ* (Исаіи 53, 7. 11), первое принимаете, а о второмъ не помышляете: тому, что Онъ *язвенъ бысть*, вѣруете, а того, что Господь хощетъ очистити Его отъ язвы (Исаіи 53, 5. 10), и въ умъ не берете. Но поелику, говоритъ, вы *несмысленны*, то есть, медлительны, (ибо если бы они были несмысленны, то Онъ ничего не сталъ бы и говорить имъ), поелику вы медлительны, то Я раскрою вашъ умъ и сдѣлаю его быстрымъ въ мышленіи. Посему Онъ и изъяснилъ имъ изъ Моисея и изъ всѣхъ пророковъ (сказанное о Немъ). Таинство жертвоприношенія Авраамова, когда онъ,

оставивъ живымъ Исаака, принесъ во всесожженіе овна, служило прообразованіемъ относительно Господа, какъ и самъ Господь говоритъ, что Авраамъ видѣлъ день Его, и возрадовался (Іоан. 8, 56). И это мѣсто: *узрите животъ вашъ висящъ* (Второз. 28, 66), въ одно и тоже время указываетъ и на распятіе, словомъ *висящъ*, и на воскресеніе, словомъ *животъ*. Разсѣяны и въ прочихъ пророчествахъ изреченія о крестѣ и о воскресеніи, особенно у важнѣйшихъ (пророковъ). Такихъ мѣстъ можно набрать и изъ нихъ.—Примѣчай, пожалуй, и то, что входъ въ славу зависитъ отъ перенесенія страданій.—Господь показываетъ видъ, что хочетъ идти далѣе, безъ сомнѣнія, по человѣчеству.—Когда Онъ соизволяетъ, тогда очи ихъ отверзаются, и они узнаютъ Его. Симъ обозначается и нѣчто другое, именно, что у тѣхъ, кои причащаются благословеннаго хлѣба, отверзаются очи для узнанія Его. Ибо плоть Господа имѣетъ великую и несказанную силу.—Онъ становится имъ невидимымъ, потому что имѣлъ не такое уже тѣло, чтобъ надолго пребывать съ ними тѣлесно, и вмѣстѣ для того, чтобы таковымъ дѣйствіемъ еще болѣе усилить ихъ любовь.—Они такъ обрадовались, что *въ тотъ же часъ* встали, и возвратились въ Іерусалимъ: впрочемъ возвратились не въ тотъ же часъ, ибо встали въ тотъ же самый часъ, а возвратились спустя столь много (времени), сколько нужно было имъ на переходъ разстоянія въ шестьдесятъ стадій. Въ эти часы, конечно, Господь явился и Симону, покуда эти (два мужа) совершали обратный путь (въ Іерусалимъ).—*Сердце* ихъ *горьло* или отъ огня словъ Господнихъ, когда при изъ-

Лук.

ясненіи Господомъ они внутренно разогрѣвались, и соглашались съ Его рѣчами, какъ истинными, или, когда Онъ изъяснялъ имъ Писанія, сердце ихъ билось и внутренно говорило: сей самый, который изъясняетъ намъ, есть Господь.

Сія же имъ глаголющимъ, и самъ Іисусъ ста по-
Зач. 114. *средѣ ихъ* (¹), * *и глагола имъ: миръ вамъ, Убоявшеся же и пристрашни бывше, мняху духъ видѣти. И рече имъ: что смущени есте? и почто помышленія входятъ въ сердца ваша? Видите руцѣ (мои) и нозѣ мои, яко самъ азъ есмь: осяжите мя и видите: яко духъ плоти и кости не иматъ, якоже мене видите имуща. И сіе рекъ показа имъ руцѣ и нозѣ. Еще же не вѣрующымъ имъ отъ радости и чудящимся, рече имъ: имате ли что снѣдно здѣ? Они же даша ему рыбы печены часть и отъ пчелъ сотъ. И веземъ, предъ ними яде. Рече же имъ: сія суть словеса, яже глаголахъ къ вамъ еще сый съ вами, яко подобаетъ скончатися всѣмъ написаннымъ въ законѣ Моисеовѣ и пророцѣхъ и псалмѣхъ о мнѣ.*
Господь, все устрояющій для нашего спасенія, становится посреди учениковъ, съ намѣреніемъ увѣрить ихъ въ воскресеніи. И во-первыхъ, обычнымъ привѣтствіемъ мира утишаетъ ихъ смущеніе, а потомъ показываетъ, что Онъ самый есть Учитель ихъ, который любитъ это привѣтствіе и который вооружалъ ихъ этимъ привѣтствіемъ, когда посылалъ на проповѣдь (Матѳ. 10,

---

(¹) У блажен. Ѳеофилакта вмѣсто αὐτῶν читается τῶν μαθητῶν αὐτοῦ.

Во время оно, воскресъ Іисусъ отъ мертвыхъ, и ста посредѣ ученикъ своихъ, *

12. Лук. 10, 5). Поелику же отъ этого слова не укротилось душевное ихъ смущеніе, Онъ иначе показываетъ имъ, что Онъ есть Сынъ Божій, знающій сердца. *Почто*, говоритъ, *помышленія входятъ въ сердца ваша?* А всѣми признано, что знать сердца свойственно одному Богу (Псал. 138). Присовокупляетъ и еще иное доказательство—осязаніе рукъ и ногъ. Вы, говоритъ, считаете меня за духа, или за привидѣніе, каковыхъ обыкновенно много отъ умершихъ представляется, особенно при гробахъ. Но знайте, что духъ не имѣетъ ни плоти, ни костей, а Я имѣю и плоть и кости, хотя божественнѣйшія и духовныя. Ибо тѣло Господа хотя не было духомъ, но было *духовно*, то есть, чуждо всякой вещественной грубости и управлялось духомъ. Тѣло, какое мы нынѣ имѣемъ, *душевно*, то есть, управляется душою, и оживотворяется естественными и душевными свойствами и силами. А тѣло, какимъ оно будетъ по воскресеніи, Павелъ называетъ духовнымъ (1 Кор. 15, 44), то есть, оно оживотворяется и управляется Духомъ Божіимъ, а не душою, бывъ неизреченнымъ и духовнымъ образомъ пересоздано для нетлѣнія, и сохраняясь въ ономъ. Такъ нужно мыслить о тѣлѣ Господнемъ по воскресеніи, именно какъ о духовномъ, тонкомъ, чуждомъ всякой грубости, не нуждающемся ни въ пищѣ, ни въ другомъ чемъ, хотя Господь и вкушалъ для увѣренія. Ибо если Онъ вкушалъ, то вкушалъ не по природѣ (тѣла своего), но по особенному устроенію, именно, дабы показать, что воскресло тоже самое тѣло, которое страдало. А въ природѣ этого тѣла было входить сквозь запертыя двери, безъ

труда переходить отъ мѣста до мѣста.—Когда же ученики еще не вѣрили, ни осязаніемъ не убѣждались, то (Господь) присовокупилъ и еще доказательство—вкушеніе пищи, потребляя ядомое нѣкоторою божественною силою. Ибо все, что естественно поядается устами, афедрономъ выходитъ, а Онъ, какъ мы сказали, вкушаетъ не по закону природы, но по особенному устроенію. Употребленныя Имъ яства, кажется, имѣютъ и нѣкоторый прикровенный смыслъ. Вкушая часть печеной рыбы, (Господь) даетъ знать, что Онъ огнемъ своего Божества испекъ наше естество, плавающее въ соленой жизни сей, обсушилъ всю влагу, приставшую къ нему отъ глубокихъ водъ, а особенно отъ волнъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ оное божественною пищею, сдѣлавъ пріятною Богу снѣдію то, что было прежде скверно. Это означается пчелинымъ сотомъ, то есть, нынѣшняя сладость нашего естества, прежде отверженнаго. Или, я и то думаю, что *печеною рыбою* означается дѣятельная жизнь, которая съ помощію пустыническихъ и молчальническихъ углей истребляетъ въ насъ большую влажность и тучность, а *пчелинымъ сотомъ*—знаніе или созерцаніе, такъ какъ реченія Божіи сладки (Псал. 18, 11). Впрочемъ есть медъ трутневый—языческая мудрость, и есть медъ пчелиный—премудрость божественная, а пчела есть Христосъ. Хотя она мала величиною, ибо слово сокращенно и слабо силою, ибо Павелъ проповѣдуетъ не въ силѣ слова, чтобы не упразднить креста (1 Кор. 1, 17): однакоже она любезна царямъ и частнымъ людямъ, кои труды ея употребляютъ на здоровье душамъ.

Тогда отверзе имъ умъ, разумѣти писанія: И рече имъ: яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день. И проповѣдатися во имя его покаянію, и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Іерусалима. Вы же есте свидѣтеліе симъ, И се азъ послю обѣтованіе Отца моего на вы: вы же сѣдите во градѣ Іерусалимстѣ, дондеже облечетеся силою свыше. Изведъ же ихъ вонъ до Виѳаніи: и воздвигъ руцѣ свои, и благослови ихъ. И бысть егда благословяше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо, И тіи поклонишася ему, и возвратишася во Іерусалимъ съ радостію великою: и бяху выну въ церкви, хваляще и благословяще Бога, аминь. Когда (Господь) умирилъ и успокоилъ сердца учениковъ, удостовѣривъ ихъ въ дѣйствительности воскресенія своего тѣла своими рѣчами, дозволеніемъ осязать Себя и вкушеніемъ пищи, тогда отверзъ имъ умъ къ разумѣнію Писанія. Ибо если бы душа ихъ не утишилась, какъ бы они уразумѣли, находясь въ состояніи безпорядочномъ, въ состояніи смущенія? Ибо *упразднитеся*, сказано, и *разумѣйте* (Псал. 45, 11). За симъ учитъ ихъ, что *тако подобаше пострадати Христу*. Какъ же это *тако*? на древѣ крестномъ. Поелику погибель вошла чрезъ дерево, то и тлѣнію надлежало быть разрушену чрезъ древо, и услажденіе деревомъ надлежало упразднить Господу, непобѣдимо прошедшему болѣзни на древѣ. Потомъ, говоритъ, (надлежало Христу) *воскреснути въ третій день. и проповѣдатися во имя его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ.* Здѣсь (Господь) го-

Лук.

воритъ о крещеніи. Ибо въ немъ совершается покаяніе чрезъ исповѣдь и отложеніе прежней злобы и нечестія, и послѣдуетъ прощеніе грѣховъ.—Какъ понимать то, что крещеніе бываетъ во имя одного только Христа, когда мы въ другомъ мѣстѣ научаемся совершать оное во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѳ. 28, 19)? Во-первыхъ, то скажемъ, что когда мы говоримъ: крещеніе бываетъ во имя Христа, то не то говоримъ, будто нужно совершать оное въ одно имя Христа, но что нужно совершать крещеніе ни іудейское, ни Іоанново, служившее къ одному покаянію, но Христово, которымъ Христосъ крестился, то есть, духовное, подающее общеніе Святаго Духа и прощеніе грѣховъ, что Онъ самъ показалъ, крестившись ради насъ во Іорданѣ, и явивъ Духа Святаго въ видѣ голубя.— Потомъ, крещеніе во имя Христа понимай такъ: крещеніе въ смерть Христову. Ибо какъ Онъ умеръ, и въ третій день воскресъ, такъ и мы образно погребаемся въ водѣ, потомъ выходимъ изъ нея нетлѣнными по душѣ, и получаемъ залогъ быть нетлѣнными по самому тѣлу.—И иначе: имя Христосъ (помазанникъ) само въ себѣ предъявляетъ и Отца помазавшаго, и Духа помазаніе, и Сына помазаннаго.—Прощеніе грѣховъ бываетъ *во имя Господа*. Гдѣ же скверные языки тѣхъ, кои крестятъ въ Монтана и Прискиллу и Максимиллу [1]? По-истинѣ, крестящимся такъ не бываетъ никакого

---

[1] Лжепророкъ и лжепророчицы II вѣка по Р. Х. Монтанъ выдавалъ себя за Параклита (утѣшителя), обѣщаннаго Іисусомъ Христомъ (Іоан. 16, 7).

прощенія, а еще прилагаются грѣхи, и посему они впали въ ужасную погибель.—Слово прошло *во всѣхъ языцѣхъ*, начиная отъ Іерусалима. Ибо, когда во Христѣ соединилось и воспринято все естество (человѣческое), ему не нужно уже было распадаться на два отдѣла—евреевъ и язычниковъ, но, начиная отъ Іерусалима, слову нужно было вселиться и между язычниками, дабы объединить (весь) родъ (человѣческій). *Вы*, говоритъ, *есте свидѣтеліе симъ*, то есть, страданіямъ, воскресенію. Потомъ, дабы они не смутились внутренно помыслами (о томъ, напримѣръ), какъ мы, люди простые, будемъ свидѣтельствовать и посланы будемъ къ язычникамъ, какъ выступимъ прямо противъ іерусалимлянъ, которые и Тебя убили, (Господь) для сего говоритъ: мужайтесь, ибо Я вскорѣ пошлю (на васъ) *обѣтованіе Отца моего*, о которомъ Я сказалъ чрезъ Іоиля: излію отъ Духа моего на всяку плоть, и прочая (Іоил. 2, 28, 29). Итакъ вы, нынѣ боязливые и немужественные, оставайтесь (въ городѣ Іерусалимѣ), пока не облечетесь силою, не человѣческою, но небесною. Не сказалъ: пока не *получите*, но: пока не *облечетесь*, показывая чрезъ это, что духовное вооруженіе будетъ хранить ихъ со всѣхъ сторонъ. Вывелъ ихъ до Виѳаніи: думаемъ, что это случилось въ самый сороковый день (отъ воскресенія). Ибо о чемъ они говорятъ кратко, то (ты понимай, пожалуй), совершается въ теченіе многихъ дней, какъ и самъ Лука говоритъ въ Дѣяніяхъ (гл. 1, 3), что (Господь) являлся (ученикамъ) въ продолженіе сорока дней, ибо Онъ часто являлся имъ и часто удалялся отъ нихъ.—Господь *благословилъ* учениковъ, быть мо-

жетъ для того, чтобъ преподать имъ силу, которая хранила бы ихъ до сошествія Духа; а можетъ быть и въ наше наученіе, чтобы мы, когда удаляемся куда-нибудь, подчиненныхъ своихъ ввѣряли подъ сохраненіе благословеніямъ.—И *возношашеся на небо.* Илія возшелъ *яко на небо* (4 Цар. 2, 11), ибо казалось, что онъ возносился какъ-бы на небо; а Спаситель возшелъ на самое небо предтечею всѣхъ, дабы съ святою плотію своею явиться лицу Божію и посадить ее со Отцемъ (Евр. 9, 24): и нынѣ естество наше во Христѣ принимаетъ поклоненіе отъ всякой ангельской силы.—И *тіи возвратишася съ радостію великою, и бяху выну въ церкви.* Смотри, какое мужество! Еще не получили Духа, а живутъ духовно. Прежде запирались въ дому, а теперь живутъ посреди первосвященниковъ, и не заботятся ни о чемъ житейскомъ, но, презрѣвши все, постоянно пребываютъ во храмѣ, хвалятъ и благословляютъ Бога. О, если бы и мы, ставъ подражателями ихъ, постоянно пребывали въ святой жизни, хваля и благословляя Бога такою жизнію! Ибо жизнь святая и добродѣтельная есть слава и благословеніе Богу, потому что Ему принадлежитъ всякая слава во вѣки. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОТДѢЛЕНІЙ СВЯТАГО ЕВАНГЕЛІЯ ОТЪ ЛУКИ.

—

БЛАГОВѢСТНИКЪ,

или

толкованіе

БЛАЖЕННАГО ѲЕОФИЛАКТА,

АРХІЕПИСКОПА БОЛГАРСКАГО,

на

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛІЕ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА.

Изданіе второе.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1875.

Печатать дозволяется. Ректоръ казанской духовной академіи,
Протоіерей *А. Владимірскій.*

БЛАЖЕННАГО ѲЕОФИЛАКТА,

АРХІЕПИСКОПА БОЛГАРСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ

НА СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА.

ЖИЗНЬ ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА ПО СОФРОНІЮ.

Іоаннъ, возлюбленный ученикъ Іисусовъ (Іоан. 13, 23), сынъ Зеведея, братъ Іакова, обезглавленнаго Иродомъ послѣ страданій Господнихъ (Дѣян. 12, 1. 2), написалъ евангеліе послѣ всѣхъ, по просьбѣ азійскихъ епископовъ, противъ Керинфа и другихъ еретиковъ, особенно же противъ возникшаго въ то время ученія евіонитовъ, пустословившихъ, будто Христосъ не существовалъ прежде рожденія отъ Маріи. Это побудило Іоанна написать о божественномъ рожденіи Христа.— Передаютъ и другую причину къ написанію Іоанномъ евангелія. Именно: прочитавъ евангелія Матѳея, Марка и Луки, Іоаннъ одобрилъ послѣдовательность въ повѣствованіяхъ и подтвердилъ истинность ихъ сказаній, но нашелъ, что они составили исторію за одинъ только годъ, въ который пострадалъ Христосъ, со времени заключенія Іоанна въ темницу. Посему, опустивъ тотъ годъ, событія котораго изложены тремя евангелистами, Іоаннъ изложилъ исторію того времени, въ которое Іоаннъ (креститель) еще не былъ заключенъ въ темницу. Это легко могутъ примѣтить тѣ, которые со вниманіемъ прочитаютъ (всѣ) четыре евангелія.—Симъ же объясняется и мнимое разногласіе (Іоанна) съ прочими евангелистами.—

Іоаннъ написалъ также одно посланіе которое начинается словами: *еже бѣ исперва.* Оно всѣми учителями церкви и образованными людьми признается за подлинное. А прочія два, изъ коихъ первое начинается словами: *старецъ избранный госпожѣ,* а второе словами: *старецъ Гаіеви возлюбленному,* приписывали Іоанну пресвитеру, которому и понынѣ существуетъ въ Ефесѣ другой памятникъ. Нѣкоторые же думаютъ, что оба эти памятника въ честь Іоанна евангелиста. Это мы объяснимъ, когда по порядку дойдемъ до слушателя его Папія.—Потомъ, въ четырнадцатый годъ, когда Домиціанъ воздвигъ послѣ Нерона второе гоненіе, Іоаннъ заточенъ былъ на островъ Патмосъ, и тамъ написалъ Апокалипсисъ, который отчасти объясняли Іустинъ мученикъ иИриней.—Когда Домиціанъ былъ убитъ, и повелѣнія его, по причинѣ сильной ихъ жестокости, были отмѣнены сенатомъ, Іоаннъ при Нервѣ возвратился въ Ефесъ, и жилъ здѣсь до царствованія Траяна. Въ это время онъ утвердилъ и устроилъ всѣ азійскія церкви.—Достигши глубокой старости, въ шестьдесятъ восьмомъ году послѣ страданій Господа, Іоаннъ скончался, и сподобился почивать близъ вышесказаннаго города.

—

ЖИЗНЬ ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА ИЗЪ ОБОЗРѢНІЯ (СИНОПСИСА) МУЧЕНИКА И ЕПИСКОПА ТИРСКАГО ДОРОѲЕЯ.

Іоаннъ, братъ Господень и евангелистъ, возлюбленный Господомъ, проповѣдывалъ Евангеліе Христово въ Азіи, и царемъ Траяномъ за слово Господне сосланъ въ заточеніе на островъ Патмосъ. Находясь тамъ, онъ и написалъ святое евангеліе, и выдалъ въ Ефесѣ чрезъ страннопріимца и діакона Гаія, о которомъ и апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, говоря Римлянамъ: привѣтствуетъ васъ Гаій страннопріимецъ мой и всей церкви (Римл. 16, 23). По смерти Траяна блаженный Іоаннъ возвратился съ острова, поселился въ Ефесѣ, и дожилъ до ста двадцати лѣтъ. Послѣ сего, по волѣ Божіей, онъ здѣсь былъ погребенъ. Нѣкоторые говорятъ, что онъ заточенъ былъ на Патмосъ не при Траянѣ, но при сынѣ Веспасіановомъ Домиціанѣ.

Сила Духа Святаго, какъ написано (2 Корин. 12, 9) и вѣруемъ, совершается въ немощи, въ немощи не тѣла только, но и разума и краснорѣчія. Это видно какъ изъ многаго другаго, такъ особенно изъ того, чтò благодать показала на великомъ богословѣ и братѣ Христовомъ. Отецъ у него былъ рыболовъ; самъ Іоаннъ занимался тѣмъ же промысломъ, какимъ и отецъ; онъ не только не получилъ греческаго и іудейскаго образованія, но и вовсе не былъ ученъ, какъ замѣчаетъ о немъ божественный Лука въ Дѣяніяхъ (4, 13). Да и отечество его самое бѣдное и незнатное, какъ мѣстечко, въ которомъ занимались рыбною ловлею, а не науками. Его произвела на свѣтъ Виѳсаида. Однакожъ смотри, какого Духа получилъ этотъ неученый, незнатный, ни въ какомъ отношеніи незамѣчательный. Онъ возгремѣлъ о томъ, чему не училъ насъ никто изъ прочихъ евангелистовъ. Такъ какъ они благовѣствуютъ о воплощеніи Христовомъ, а о предвѣчномъ его бытіи не сказали ничего довольно яснаго и нагляднаго, то угрожала опасность, что люди, привязанные къ земному и немогущіе помыслить ни о чемъ высокомъ, подумаютъ, что Христосъ тогда лишь началъ свое бытіе, когда родился отъ Маріи, а не родился отъ Отца прежде вѣковъ. Въ такое заблужденіе, какъ извѣстно, впалъ самосатскій Павелъ. Посему великій Іоаннъ возвѣщаетъ о горнемъ рожденіи, не преминувъ впрочемъ упомянуть и о воплощеніи Слова. Ибо говоритъ: *и Слово плоть бысть* (1, 14).—Иные говорятъ, что право-

славные и просили его написать о горнемъ рожденіи, такъ какъ въ то время появились еретики, учившіе, что Іисусъ былъ простой человѣкъ. Говорятъ также, что святый Іоаннъ, прочитавъ писанія прочихъ евангелистовъ, подивился истинности ихъ повѣствованія обо всемъ, и призналъ ихъ здравомысленными и не сказавшими ничего въ угоду апостоловъ. Впрочемъ, о чемъ они неясно сказали, или совершенно умолчали, то онъ распространилъ, уяснилъ и прибавилъ въ своемъ евангеліи, которое и написалъ въ то время, какъ находился въ заточеніи на островѣ Патмосѣ, спустя тридцать два года по вознесеніи Христовомъ.—Іоаннъ былъ любимъ Господомъ болѣе всѣхъ учениковъ за его простоту, кротость, добродушіе и чистоту сердца, или дѣвство. Въ слѣдствіе такого дарованія ему ввѣрено и богословіе, наслажденіе таинствами, для многихъ незримыми. Ибо *блажени*, сказано, *чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8). Іоаннъ былъ и сродникъ Господа. А какъ? слушай. Іосифъ, обручникъ пречистой Богородицы, имѣлъ отъ первой жены семерыхъ дѣтей, четырехъ мужеска пола и трехъ—женска пола, Марѳу, Есѳирь и Саломію; сей-то Саломіи Іоаннъ былъ сынъ. Такимъ образомъ оказывается, что Господь былъ ему дядя. Такъ какъ Іосифъ отецъ Господу, а Саломія дочь этого Іосифа, то Саломія приходится сестрою Господу, а посему и сынъ ея Іоаннъ племянникомъ Господу.—Быть можетъ, не неумѣстно разобрать и имена матери Іоанна и самого евангелиста. Мать, называемая Саломіею, означаетъ мирную, а Іоаннъ—благодать ея. Итакъ пусть всякая душа знаетъ, что миръ

съ человѣками и миръ отъ страстей въ душѣ становится матерью божественной благодати и пораждаетъ ее въ насъ. Ибо душѣ, возмущаемой и ведущей борьбу съ прочими людьми и съ самой собою, неестественно удостоиться божественной благодати.—Намъ представляется и еще одно дивное обстоятельство въ этомъ евангелистѣ Іоаннѣ. Именно, онъ одинъ только, а матерей оказывается у него три: родная—Саломія, громъ, ибо за великій гласъ въ Евангеліи онъ—сынъ громовъ (Марк. 3, 17), и Богородица, ибо сказано: *се мати твоя* (Іоан. 19, 27).—Сказавъ это прежде изъясненія, мы должны теперь начать разборъ и самыхъ рѣчей Іоанновыхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Свидѣтельство Іоанна о Христѣ.—Вопросъ Іоанну: не Христосъ ли онъ.—Призваніе Андрея, Петра, Филиппа и Наѳанаила.

Въ началѣ бѣ Слово. Что̀ я сказалъ въ преди- Зач.
словіи, то̀ и теперь повторю, именно: тогда какъ про- 1.
чіе евангелисты пространно повѣствуютъ о земномъ рожденіи Господа, воспитаніи и возрастаніи; Іоаннъ опускаетъ эти событія, такъ какъ объ нихъ довольно сказано соучениками его, а ведетъ рѣчь о божествѣ вочеловѣчившагося ради насъ. Впрочемъ при тщательномъ разсмотрѣніи увидишь, что какъ ни тѣ не умолчали вовсе о божествѣ Единороднаго, но упомянули хотя необширно, такъ ни Іоаннъ, вперивъ свой взоръ къ вышнему слову, не опустилъ вовсе изъ вниманія домостроительство воплощенія. Ибо одинъ Духъ руководилъ душами всѣхъ.—Іоаннъ говоритъ намъ о Сынѣ, упоминаетъ и объ Отцѣ.—Онъ указываетъ на вѣчность Единороднаго, когда говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово,* то есть было отъ начала. Ибо что существуетъ отъ начала, у того, безъ сомнѣнія, не найдется времени, когда бы оно не существовало. Откуда, скажетъ иной, видно, что выраженіе *въ началѣ бѣ* означаетъ тоже, что отъ начала? Откуда? Какъ изъ самаго общаго пониманія, такъ особенно изъ самаго этого евангелиста. Ибо въ одномъ изъ своихъ посланій (1,1) онъ говоритъ: еже бѣ *исперва* (ἀπ᾽ ἀρχῆς, отъ начала), еже видѣхомъ. Видишь ли, какъ возлюбленный объ-

ясняетъ самъ себя? такъ скажетъ вопрошающій; но я понимаю это *въ началѣ* такъ же, какъ и у Моисея: *въ началѣ сотвори Богъ* (Быт. 1, 1). Какъ тамъ выраженіе *въ началѣ* не даетъ той мысли, будтобы небо вѣчно, такъ и здѣсь я не буду понимать слово *въ началѣ* такъ, будтобы Единородный вѣченъ. Такъ скажетъ еретикъ. На эту безумную настойчивость мы ничего другаго не будемъ говорить, кромѣ сего: мудрецъ злобы! зачѣмъ ты умолчалъ о послѣдующемъ? Но мы и противъ твоей воли скажемъ это. Тамъ Моусей говоритъ: въ началѣ Богъ *сотвори* небо и землю, а здѣсь сказано: въ началѣ *бѣ* Слово. Что же общаго между *сотвори* и *бѣ*? Если бы и здѣсь было написано: въ началѣ сотворилъ Богъ Сына, то я умолчалъ бы; но теперь, когда здѣсь сказано: *въ началѣ бѣ*, я заключая изъ сего, что Слово существуетъ отъ вѣка, а не въ послѣдствіи получило бытіе, какъ ты пустословишь. Почему Іоаннъ не сказалъ: въ началѣ бѣ Сынъ, но: *Слово?*—слушай. Это ради немощи слушателей, дабы мы, съ самаго начала услышавъ о Сынѣ, не помыслили о страстномъ и плотскомъ рожденіи. Для того назвалъ Его *Словомъ*, чтобы ты зналъ, что какъ слово раждается отъ ума безстрастно, такъ и Онъ раждается отъ Отца безстрастно. Еще: назвалъ Его *Словомъ* потому, что Онъ возвѣстилъ намъ о свойствахъ Отца, подобно какъ и всякое слово объявляетъ настроеніе ума. А вмѣстѣ и для того, чтобы показать, что Онъ совѣченъ Отцу. Ибо какъ нельзя сказать, что умъ бываетъ иногда безъ слова, такъ и Отецъ и Богъ не былъ безъ Сына.—Іоаннъ сказалъ: оное слово, съ членомъ (ὁ Λόγος) потому, что много есть и иныхъ

словъ Божiихъ, напримѣръ, пророчества, заповѣди, какъ и сказано объ ангелахъ: *сильнiи крѣпостiю, творящiи слово Его* (Псал. 102, 20), то есть, повелѣнiя Его. Но собственно Слово есть личное существо.

И Слово бѣ къ Богу. Здѣсь евангелистъ еще яснѣе показываетъ, что Сынъ совѣченъ Отцу. Дабы ты не подумалъ, что Отецъ былъ нѣкогда безъ Сына, онъ говоритъ, что Слово бѣ *къ Богу*, то есть, у Бога въ нѣдрахъ отеческихъ. Ибо предлогъ πρὸς (при, у) ты долженъ понимать вмѣсто μετὰ (съ), какъ и въ иномъ мѣстѣ онъ употребленъ: не и братiя ли Его и сестра Его въ насъ (πρὸς ἡμᾶς) суть, то есть, съ нами живутъ (Марк. 6, 3). Такъ и здѣсь *къ Богу* понимай вмѣсто: былъ съ Богомъ, вмѣстѣ съ Богомъ въ Его нѣдрахъ. Ибо не возможно, чтобы Богъ когда-либо былъ безъ Слова, или премудрости, или силы. Посему мы вѣруемъ, что Сынъ, такъ какъ Онъ есть Слово, премудрость и сила Отца (1 Корин. 1, 24), всегда былъ у Бога, то есть, былъ современно и совмѣстно съ Отцемъ (σὺν τῷ Πατρὶ καὶ μετὰ τοῦ Πατρὸς). И какъ же, скажешь, Сынъ не послѣ Отца? Какъ? Научись отъ вещественнаго примѣра. Сiянiе солнечное не отъ самаго ли солнца? такъ точно. Ужели оно и позднѣе солнца, такъ что будтобы можно представить себѣ время, когда солнце было безъ сiянiя? Нельзя. Ибо какъ оно было бы и солнцемъ, если бы не имѣло сiянiя? Если же такъ мыслимъ о солнцѣ, то тѣмъ болѣе должны такъ мыслить объ Отцѣ и Сынѣ. Должно вѣровать, что Сынъ, сый сiянiе Отца, какъ говоритъ Павелъ (Евр. 1, 3), всегда блистаетъ вмѣстѣ съ Отцемъ,

а не позднѣе Его.—Замѣть также, что этимъ выраженіемъ опровергается и Савеллій ливіянинъ. Онъ училъ, что Отецъ и Сынъ и Духъ суть одно лице, и что это единое лице въ одно время являлось какъ Отецъ, а въ другое какъ Сынъ, а въ иное какъ Духъ. Такъ пустословилъ сынъ отца лжи, исполненный духа лукаваго. Но сими словами: *и Слово бѣ къ Богу* онъ явно обличается. Евангелистъ здѣсь самымъ яснымъ образомъ говоритъ, что иной—Слово и иной—Богъ, то есть, Отецъ. Ибо если Слово было вмѣстѣ съ Богомъ, то очевидно вводятся два лица, хотя у нихъ обоихъ и одно естество. А что одно естество, слушай.

И Богъ бѣ Слово. Видишь ли, что и Слово—Богъ! Значитъ, у Отца и Сына едино естество, какъ и едино божество. Итакъ да устыдятся и Арій и Савеллій. Арій, называющій Сына Божія созданіемъ и тварью, да посрамится тѣмъ, что Слово въ началѣ было и было Богомъ. А Савеллій, не принимающій троичности лицъ, но единичность, да посрамится тѣмъ, что Слово было у Бога. Ибо здѣсь великій Іоаннъ ясно возвѣщаетъ, что иной—Слово, и иной—Отецъ, хотя не иное и иное. Ибо иной говорится о лицахъ, а иное и иное объ естествахъ. Напримѣръ, чтобы мысль изложить яснѣе, Петръ и Павелъ суть иной и иной, ибо два лица; но не иное и иное, ибо у нихъ одно естество—человѣчество. Такъ же должно учить и объ Отцѣ и Сынѣ: Они, съ одной стороны, иной и иной, ибо два лица, а, съ другой стороны, не иное и иное, ибо одно естество—божество.

Сей бѣ искони къ Богу. Сей Богъ Слово никогда не отдѣлялся отъ Бога и Отца. Такъ какъ Іоаннъ сказалъ, что и Слово было Богомъ, то, дабы не смутила кого-нибудь такая сатанинская мысль: если и Слово есть Богъ, то не возставало ли Оно когда-нибудь противъ Отца, какъ боги язычниковъ въ ихъ басняхъ, и, если отдѣлилось отъ Него, не стало ли противникомъ Богу?, онъ говоритъ, что хотя Слово есть и Богъ, однакожъ Оно опять у Бога и Отца, вмѣстѣ съ Нимъ пребываетъ и никогда не отдѣлялось отъ Него.—Не менѣе прилично сказать держащимся Аріева ученія и это: слушайте, глухіе, называющіе Сына Божія дѣломъ и твореніемъ Его, вы разумѣйте, какое имя Сыну Божію приложилъ евангелистъ. Онъ назвалъ Его Словомъ. А вы именуете Его дѣломъ и твореніемъ. Не дѣло Онъ и не твореніе, а Слово.—Слово—двухъ родовъ. Одно—внутреннее, которое мы, когда и не говоримъ, имѣемъ, то есть, способность говорить. Ибо и тотъ, кто спитъ и не говоритъ, имѣетъ однакожъ положенное въ немъ слово и не потерялъ способность. Итакъ одно слово—внутреннее, а другое—произносимое, которое мы и устами произносимъ, приводя въ дѣйствіе способность говорить, способность умственнаго и внутри лежащаго слова. Хотя такимъ образомъ слово двухъ родовъ, однакожъ ни которое изъ нихъ не подходитъ къ Сыну Божію; ибо Слово Божіе не есть ни произносимое, ни внутреннее.—Тѣ слова естественны и наши; а Слово Отца, будучи выше естества, не подлежитъ дольнымъ хитрословіямъ. Посему хитрое умозаключеніе Порфирія язычника распадается само собою. Онъ, пы-

таясь ниспровергнуть Евангеліе, употреблялъ такое раздѣленіе: если Сынъ Божій есть слово, то или произносимое, или внутреннее слово. Но Онъ ни то, ни другое. Слѣдовательно Онъ не есть и Слово. Итакъ евангелистъ впередъ разрѣшилъ это умозаключеніе, сказавъ, что внутреннее и произносимое говорится объ насъ и предметахъ естественныхъ, а о сверхъестественныхъ ничего такого не говорится. Впрочемъ и то нужно сказать, что сомнѣніе язычника имѣло бы основаніе, еслибъ это имя *слово* было вполнѣ достойно Бога, и собственно и существенно употреблялось объ Немъ. Но доселѣ никто еще не нашелъ никакого имени вполнѣ достойнымъ Бога, ни это самое „*слово*" не употребляется собственно и существенно объ Немъ, а оно только показываетъ, что Сынъ родился отъ Отца, безстрастно, подобно какъ слово отъ ума, и что Онъ сталъ вѣстникомъ воли Отчей. Чтожъ ты, несчастный, привязываешься къ имени, или, слыша объ Отцѣ и Сынѣ и Духѣ, ниспадаешь на вещественныя отношенія, и воображаешь въ умѣ плотскихъ отцовъ и сыновей, и вѣтръ воздушный, можетъ быть, южный или сѣверный, или другой какой, производящій бурю? Но если хочешь узнать, что за слово—Божіе Слово, то слушай, что слѣдуетъ далѣе.

Вся тѣмъ быша. Не считай, говоритъ, Слово разливающимся въ воздухѣ и исчезающимъ, но почитай Творцемъ всего умопредставляемаго и чувственнаго. Но аріане опять съ настойчивостію говорятъ: „какъ мы выражаемся, что дверь сдѣлана пилою, хотя она тутъ орудіе, а другой двигалъ орудіемъ—мастеръ, такъ и

Сыномъ все получило бытіе, не такъ, будто Онъ самъ Творецъ, но орудіе, подобно какъ тамъ пила, а Творецъ есть Богъ и Отецъ, и Онъ употребляетъ Сына какъ орудіе. Посему Сынъ есть твореніе, на то созданное, чтобы Имъ все получило бытіе, подобно какъ пила устрояется для того, чтобъ ею производить плотническія работы". Такъ твердитъ лукавый сонмъ Арія.—Что же намъ сказать имъ просто и прямо? Если Отецъ, какъ вы говорите, на то создалъ Сына, чтобъ имѣть Его орудіемъ къ совершенію твари, то Сынъ честію будетъ ниже твари. Ибо какъ въ томъ случаѣ, когда бываетъ орудіемъ пила, устрояемое ею честнѣе ея, такъ какъ пила сдѣлана для издѣлій, а не они для пилы; такъ и тварь будетъ честнѣе Единороднаго, ибо для нея, какъ они говорятъ, создалъ Его Отецъ, какъ будто бы Богъ и не произвелъ изъ Себя Единороднаго, если бы не имѣлъ намѣренія сотворить все. Что безумнѣе сихъ рѣчей?—Для чего же, говорятъ, евангелистъ не сказалъ: это Слово сотворило все, но употребилъ такой предлогъ: διὰ (чрезъ)? Чтобы ты не помыслилъ, что Сынъ не рожденъ, безначаленъ и противенъ Богу, для сего и сказалъ Онъ, что Отецъ все сотворилъ Словомъ. Ибо представь себѣ, что какой нибудь царь, имѣя сына, и намѣреваясь построить городъ, устройство его ввѣрилъ сыну. Какъ тотъ, кто говоритъ, что городъ построенъ сыномъ царя, сына царева не низводитъ въ раба, но показываетъ, что этотъ сынъ и отца имѣетъ, и не одинъ только; такъ и здѣсь евангелистъ, сказавъ, что все сотворено Сыномъ, показалъ, что Отецъ, такъ сказать, употребилъ Его посредникомъ къ сотворенію, не какъ меньшаго, но напротивъ, какъ

равносильнаго и какъ могущаго выполнитъ столь великое порученіе. Скажу тебѣ и то, что если тебя смущаетъ предлогъ διά, и ты желаешь найти въ писаніи какое нибудь мѣсто, говорящее, что само Слово сотворило все, то послушай Давида: *въ началѣхъ ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку твоею суть небеса* (Псал. 101, 26). Видишь ли, не сказалъ онъ: чрезъ Тебя сотворены небеса, и основана земля, но: *ты* основалъ, и дѣла руку Твоею суть. А что Давидъ говоритъ это объ Единородномъ, а не объ Отцѣ, ты можешь узнать и отъ апостола, употребляющаго эти слова въ посланіи къ евреямъ (1, 8. 10), можешь узнать и изъ самаго псалма. Ибо сказавъ, что Господь призрѣлъ на землю услышать воздыханіе, разрѣшить умерщвленныхъ, и возвѣстить въ Сіонѣ имя Господне, на кого иного указываетъ Давидъ, какъ не на Сына Божія? Ибо Онъ призрѣлъ на землю, разумѣть ли подъ нею ту, по которой мы движемся, или наше естество оземленившееся, или нашу плоть, по сказанному: земля еси (Быт. 3, 19), которую Онъ воспринялъ на Себя; Онъ же и разрѣшилъ насъ, связанныхъ оковами собственныхъ грѣховъ, сыновей умерщвленныхъ Адама и Евы, и возвѣстилъ въ Сіонѣ имя Господне. Ибо стоя въ храмѣ, Онъ училъ объ Отцѣ своемъ, какъ и Самъ говоритъ: *явихъ имя Твое человѣкомъ* (Іоан. 17, 6). Кому эти дѣйствія приличны, Отцу или Сыну? всѣ Сыну. Ибо Онъ въ ученіи возвѣстилъ имя Отца. Сказавъ это, блаженный Давидъ присовокупляетъ и то: въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса. Но очевидно ли, онъ выставляетъ Сына Творцемъ, а не орудіемъ?—Еслижъ опять предлогъ διά, по

твоему мнѣнію, вводитъ нѣкоторое уменьшеніе, то что скажешь, когда Павелъ употребляетъ его объ Отцѣ? Ибо вѣренъ, говоритъ, Богъ, имже (δι' οὗ) звани быхомъ во общеніи Сына Его (1 Кор. 1, 9). Ужели здѣсь онъ дѣлаетъ Отца орудіемъ? И опять: Павелъ апостолъ волею Божіею (διὰ θελήματος) (1 Кор. 1, 1). Но достаточно и этого, а нужно опять возвратиться туда же, откуда мы начали. *Вся тѣмъ быша.* Моисей, говоря о видимой твари, ничего не объяснилъ намъ о тваряхъ умопостигаемыхъ. А евангелистъ, все обнявъ однимъ словомъ, говоритъ: *вся* Тѣмъ быша, видимое и умопредставляемое.

И безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Поелику евангелистъ сказалъ, что Слово сотворило все, то, дабы кто не подумалъ, что и Духа Святаго Оно же сотворило, прибавляетъ: вся Тѣмъ быша. Что же все? сотворенное. Какъ бы такъ онъ сказалъ: что ни есть въ сотворенной природѣ, все это получило бытіе отъ Слова. Но Духъ не принадлежитъ къ сотворенной природѣ; посему Онъ не отъ Него и бытіе получилъ. Итакъ безъ силы Слова не получило бытія ничто, что ни получило бытіе, то есть, что ни было въ созданной природѣ.

Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. Духоборцы настоящее мѣсто читаютъ такъ: *и безъ Него ничтоже бысть;* потомъ, поставивъ тутъ знакъ препинанія, читаютъ какъ бы съ другаго начала: *еже бысть, въ томъ животъ бѣ,* и толкуютъ это мѣсто по своей мысли, говоря, что здѣсь евангелистъ ведетъ рѣчь о Духѣ, то есть, что Духъ Святый былъ

жизнью. Такъ говорятъ македоніане, стараясь доказать, что Духъ Святый сотворенъ, и сопричислить Его къ тварямъ. Но мы не такъ, а поставивъ знакъ препинанія послѣ словъ *еже бысть*, читаемъ съ другаго начала: *въ Томъ животъ бѣ*. Сказавъ о твореніи, что все Словомъ получило бытіе, евангелистъ говоритъ далѣе и о промышленіи, что Слово не только сотворило, но Оно же и сохраняетъ жизнь сотвореннаго. Ибо въ Немъ была жизнь.—Знаю я у одного изъ святыхъ такое чтеніе сего мѣста: *и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть въ томъ*. Потомъ, поставивъ здѣсь знакъ препинанія, онъ начиналъ далѣе: *животъ бѣ*. Думаю, что и это чтеніе не заключаетъ ошибки, но содержитъ ту же правильную мысль. Ибо и этотъ святый правильно понималъ, что безъ слова не получило бытія ничто, что ни получило въ Немъ бытіе; такъ какъ все, что получило бытіе и сотворено, сотворено самимъ Словомъ, и слѣдовательно безъ Него не было. Потомъ онъ снова начиналъ: *животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*. Евангелистъ называетъ Господа *жизнію*, какъ потому, что Онъ поддерживаетъ жизнь всего, такъ и потому, что Онъ подаетъ жизнь духовную всѣмъ разумнымъ существамъ, и *свѣтомъ*, не столько чувственнымъ, сколько умнымъ, просвѣщающимъ самую душу. Не сказалъ, что Онъ свѣтъ однихъ іудеевъ только, но всѣхъ *человѣковъ*. Ибо всѣ мы люди, поколику получили умъ и разсудокъ отъ создавшаго насъ Слова, называемся посему просвѣщаемыми отъ Него. Ибо разумъ, данный намъ, по которому мы и называемся разумными, есть свѣтъ, руководящій насъ въ томъ, что должно и чего не должно дѣлать.

И свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ. Свѣтъ, то есть, Слово Божіе, свѣтитъ *во тмѣ*, то есть, въ смерти и заблужденіи. Ибо онъ, и подчинившись смерти, такъ преодолѣлъ ее, что принудилъ ее изблевать и тѣхъ, коихъ она прежде поглотила. И въ языческомъ заблужденіи сіяетъ проповѣдь. *И тма Его не объятъ*. Ни смерть не преодолѣла Его, ни заблужденіе. Ибо свѣтъ этотъ, то есть, Слово Божіе, не преоборимъ. Нѣкоторые *тмою* считали плоть и (земную) жизнь. Слово сіяло и тогда, какъ стало во плоти, и было въ сей жизни, а тма, то есть, противоположная сила искушала и преслѣдовала Свѣтъ, но нашла Его неодолимымъ и непобѣдимымъ. Тмою называется плоть не потому, будто она такова по естеству (да не будетъ!), но по причинѣ грѣха. Ибо плоть, доколѣ управляется закономъ природы, не имѣетъ рѣшительно никакого зла, но когда подвигнется за предѣлъ природы и служитъ грѣху, становится и называется тмою.

Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ. Сказавъ намъ о предвѣчномъ бытіи Бога Слова, и намѣреваясь сказать и о воплощеніи Слова, евангелистъ вставляетъ рѣчь о предтечѣ. Да и очемъ иномъ, какъ не о рожденіи Іоанна Предтечи, можетъ быть слово передъ рѣчью о рожденіи Господа во плоти. Евангелистъ говоритъ о Предтечѣ, что онъ былъ *посланный Богомъ*, то есть посланъ отъ Бога. Ибо лжепророки не отъ Бога. Когда слышишь, что онъ посланъ былъ отъ Бога, то знай, что онъ ничего не говорилъ отъ себя или отъ людей, но все отъ Бога. Посему и называется онъ Ангеломъ (Матѳ. 10, 11. Малах. 3, 1): а

преимущество Ангела—ничего не говорить отъ себя. Слыша объ Ангелѣ, не подумай, что Іоаннъ былъ по естеству Ангелъ, или сошелъ съ небесъ; онъ называется Ангеломъ по дѣлу и служенію. Такъ какъ онъ послужилъ проповѣди, и предвозвѣстилъ Господа, то за сіе и названъ Ангеломъ. Посему и евангелистъ, въ опровержение предположенія многихъ, быть можетъ, думавшихъ, что Іоаннъ по естеству былъ Ангелъ, говоритъ: *бысть человѣкъ* посланный отъ Бога.

Сей пріиде зо свидѣтельство, да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ, да вси вѣру имутъ ему. Сей, говоритъ, посланъ отъ Бога, чтобъ засвидѣтельствовать о свѣтѣ. Потомъ, чтобы кто нибудь не подумалъ, что вѣрно нужно было свидѣтельство его для Единороднаго, какъ бы нуждающагося въ чемъ нибудь, евангелистъ присовокупляетъ, что Іоаннъ пришелъ засвидѣтельствовать о Сынѣ Божіемъ, не потому, будто бы Онъ нуждался въ его свидѣтельствѣ, но чтобы всѣ увѣровали чрезъ него. Ужели жъ всѣ и увѣровали чрезъ него? нѣтъ. Какъ же евангелистъ говоритъ: да *вси* увѣруютъ? Какъ? сколько отъ него завѣсѣло, онъ свидѣтельствовалъ для того, чтобы всѣхъ привлечь. А если нѣкоторые не увѣровали, то онъ не заслуживаетъ порицанія. И солнце за тѣмъ восходитъ, чтобы всѣхъ освѣтить: но если кто, запершись въ темной комнатѣ, не пользуется лучемъ его, то ужели въ этомъ виновно солнце? Такъ и здѣсь. Іоаннъ посланъ былъ, чтобы всѣ увѣровали чрезъ него; еслижъ этого не случилось, онъ не виноватъ.

Не бѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ. Такъ какъ часто случается, что свидѣтель быва-

етъ выше того, о комъ свидѣтельствуетъ, то чтобы ты не подумалъ, что и Іоаннъ, свидѣтельствующій о Христѣ, былъ выше Его, евангелистъ, въ опроверженіе этого лукаваго помысла, говоритъ: *не бѣ той свѣтъ*. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: ужели мы не можемъ называть свѣтомъ ни Іоанна, ни иного кого изъ святыхъ? Свѣтомъ мы можемъ назвать каждаго изъ святыхъ, но онымъ свѣтомъ (τὸ φῶς), съ членомъ, не можемъ назвать. Напримѣръ, если кто тебѣ скажетъ: Іоаннъ есть ли свѣтъ? согласись. Если же спроситъ такъ: ужели Іоаннъ есть оный Свѣтъ (τὸ φῶς)? скажи: нѣтъ. Ибо самъ онъ не есть свѣтъ въ собственномъ смыслѣ, но свѣтъ по причастію, имѣющій сіяніе отъ истиннаго свѣта.

Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Евангелистъ намѣренъ говорить о домостроительствѣ Единороднаго во плоти, что Онъ пришелъ къ своимъ, что Онъ сталъ плотію. Итакъ, чтобы кто нибудь не подумалъ, что Онъ не существовалъ прежде воплощенія, для сего возводитъ мысль къ бытію прежде всякаго начала, и говоритъ, что Свѣтъ истинный былъ и прежде воплощенія. Этимъ онъ ниспровергаетъ и ересь Фотина и Павла самосатскаго, утверждавшихъ, что Единородный тогда получилъ бытіе, когда родился отъ дѣвы, а прежде сего не существовалъ. И ты, аріанинъ, не признающій Сына Божія истиннымъ Богомъ, слушай, что говоритъ евангелистъ: *Свѣтъ истинный*. И ты, манихей, говорящій, что мы созданы злымъ творцемъ, слушай, что Свѣтъ истинный просвѣщаетъ всякаго человѣка. Если злой творецъ есть

тма, то онъ не можетъ никого просвѣщать. Посему мы созданія истиннаго Свѣта. И какъ, скажетъ иной, просвѣщаетъ всякаго человѣка, когда мы видимъ нѣкоторыхъ омраченными? Сколько зависитъ отъ Него самого, Онъ просвѣщаетъ всѣхъ. Ибо скажи, пожалуй, развѣ не всѣ мы разумны? развѣ не всѣ по природѣ знаемъ добро и противное ему? развѣ не имѣемъ способности чрезъ размышленіе о тваряхъ познавать Творца? Посему разумъ, данный намъ и наставляющій насъ природою, который и называется закономъ естественнымъ, можетъ быть названъ свѣтомъ, даннымъ намъ отъ Бога. Еслижъ нѣкоторые худо воспользовались разумомъ, тѣ сами омрачили себя. Иные разрѣшаютъ это возраженіе такъ: просвѣщаетъ, говорятъ, Господь всякаго человѣка, приходящаго *въ міръ* (κοσμον, украшеніе, порядокъ), то есть, въ лучшее состояніе, и старающагося украсить свою душу, а не оставлять ее безпорядочною и безобразною.

Въ мірѣ бѣ. и міръ тѣмъ бысть, и міръ его не позна. Былъ въ мірѣ какъ вездѣсущій Богъ, а можно сказать, что былъ въ мірѣ, и въ отношеніи къ промышленію и сохраненію. Впрочемъ, говоритъ, что я говорю, что былъ въ мірѣ, когда не было бы и міра, еслибъ Онъ не сотворилъ его? Со всѣхъ сторонъ доказываетъ, что Онъ— Творецъ, отстраняя въ одно время и безуміе Манеса, говорившаго, что все произвелъ злой творецъ. и безуміе Арія называвшаго Сына Божія тварью, а вмѣстѣ и всякаго человѣка приводя къ исповѣданію Творца, научая не служить тварямъ. но покланяться Создателю. Но *міръ*. говоритъ, *Его не позна*, то есть, худые люди,

занявшіеся мірскими дѣлами. Ибо имя *міръ* означаетъ и эту вселенную, какъ и здѣсь сказано: *міръ Тѣмъ бысть*, означаетъ и мудрствующихъ по мірскому, какъ здѣсь сказано: *міръ Его не позна*, то есть, люди, приверженные къ землѣ. Но всѣ святые и Пророки познали.

Во своя пріиде, и свои его не пріяша. Здѣсь евангелистъ, очевидно, ведетъ рѣчь о домостроительствѣ спасенія во плоти, и весь порядокъ мысли такой: Свѣтъ былъ истинный въ мірѣ безъ плоти, и не былъ познанъ, потомъ пришелъ къ своимъ съ плотію. Подъ *своими* Ему можешь разумѣть или весь міръ, или Іудею, которую Онъ избралъ, какъ долю наслѣдія, какъ участокъ и собственность свою (Псал. 113, 2). *И свои Его не пріяша*, или Іудеи, или и прочіе люди, Имъ сотворенные. Такимъ образомъ оплакиваетъ безуміе людей, и удивляется человѣколюбію Владыки. Будучи, говоритъ, своими Ему, не всѣ приняли Его. Ибо Господь не привлекаетъ никого насильно, но предоставляетъ на собственное усмотреніе и произволъ.

Елицы же пріяша его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его. Тѣмъ, которые приняли Его, рабы ли они или свободные, отроки или старцы, варвары или греки, всѣмъ далъ власть содѣлываться чадами Божіими. Кто же это такіе? Вѣрующіе во имя Его, тѣ, то есть, которые приняли Слово и истинный свѣтъ, и приняли вѣрою, и обняли. Почему евангелистъ не сказалъ, что Онъ *сдѣлалъ* ихъ чадами Божіими, но *далъ* имъ *власть содѣлываться* чадами Божіими? Почему? слушай. Потому, что для сохраненія чистоты не достаточно креститься, но нужно много

старанія, чтобы сохранить не оскверненнымъ образъ сыноположенія, начертанный въ крещеніи. Посему многіе хотя приняли благодать сыноположенія чрезъ крещеніе, но по нерадѣнію не пребыли до конца чадами Божіими. Иной, быть можетъ, скажетъ и то, что многіе принимаютъ Его чрезъ вѣру только, напримѣръ, такъ называемые оглашенные, но не содѣлались еще чадами Божіими, впрочемъ, если захотятъ окреститься, имѣютъ власть удостоиться и этой благодати, то есть, сыноположенія.—Иной скажетъ еще и то, что хотя мы чрезъ крещеніе получаемъ благодать усыновленія, но совершенство получимъ въ воскресеніи; тогда надѣемся получить совершеннѣйшее усыновленіе, такъ и Павелъ говоритъ: *всыновленія чаемъ* (Рим. 8, 23). Посему и евангелистъ этотъ не сказалъ, что тѣхъ, кои приняли Его, Онъ сдѣлалъ чадами Божіими, но далъ имъ власть содѣлываться чадами Божіими, то есть, получить эту благодать въ будущемъ вѣкѣ.

Иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. Дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ сравненіе Божественнаго и плотскаго рожденія, не безъ цѣли напоминая намъ о плотскихъ родахъ, но чтобы мы, чрезъ сравненіе познавши неблагородство и низость плотскаго рожденія, устремились къ Божественной благодати. Говоритъ: *иже не отъ кровей* (αἱμάτων) родишася, то есть, мѣсячныхъ, ибо ими питается и растетъ дитя во чревѣ. Говорятъ также, что и сѣмя прежде въ кровь обращается, потомъ образуется въ плоть и прочее устройство. Поелику же нѣкоторые могли сказать, что и рожденіе Иса-

ака, значитъ, было такое же, какимъ раждаются вѣрующіе во Христа, такъ какъ Исаакъ родился не отъ кровей, ибо у Сарры прекратились мѣсячныя (отдѣленія кровей) (Быт. 18, 11);—поелику нѣкоторые такъ могли подумать, то евангелистъ прибавляетъ: *ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія.* Рожденіе Исаака было хотя не отъ кровей, но отъ хотѣнія мужа, такъ какъ мужъ точно желалъ, чтобъ отъ Сарры родилось ему дитя (Быт. 21, 8). А *отъ похоти плотскія*, напримѣръ, Самуилъ отъ Анны. Итакъ можешь сказать, что Исаакъ отъ хотѣнія мужа, а Самуилъ отъ хотѣнія плоти, то есть, Анны, ибо эта неплодная сильно желала получить сына (1 Цар. 1, 6), а можетъ быть, то и другое было на томъ и другомъ. Если же ты хочешь научиться и еще чему нибудь, то слушай. Смѣшеніе плотское бываетъ или отъ природнаго воспламененія, ибо часто иной получаетъ очень горячее сложеніе и отъ того очень склоненъ къ соитію. Это евангелистъ назвалъ хотѣніемъ плоти. Или неудержимое стремленіе къ соитію бываетъ отъ худой привычки и неумѣреннаго образа жизни. Это стремленіе онъ назвалъ *хотѣніемъ мужа*, такъ какъ оно есть дѣло не природнаго сложенія, но неумѣренности мужа. Поелику же сильная склонность къ соитію оказывается иногда въ женѣ, иногда въ мужѣ, то можетъ быть, *похотію мужескою* евангелистъ означилъ сладострастіе мужа, а *похотію плотскою* сладострастіе жены. Справедливо также подъ *хотѣніемъ плоти* можешь разумѣть похоть, которая воспламеняетъ плоть къ смѣшенію, а подъ *хотѣніемъ мужа* согласіе похотствующа-

го на совокупленіе, каковое согласіе есть начало дѣла. Евангелистъ положилъ то и другое, потому что многіе похотствуютъ, однакоже не увлекаются тотчасъ плотію, но одолѣваютъ ее и не впадаютъ въ самое дѣло. А тѣ, коихъ она одолѣваетъ, доходятъ до желанія совокупиться, потому что первоначально ихъ воспламеняла плоть и тлѣющая въ ней похоть. Итакъ евангелистъ хотѣніе плоти благоприлично поставилъ прежде хотѣнія мужа, потому что естественно похоть предшествуетъ смѣшенію, и то и другое хотѣніе по необходимости стекается при совокупленіи. Все это сказано ради тѣхъ, кои часто дѣлаютъ неразумные вопросы, потому что, собственно говоря, всѣмъ этимъ выражается одна мысль, именно, выставляется на видъ низость плотскаго рожденія. Что же мы, вѣрующіе во Христа, имѣемъ большаго предъ подзаконными израильтянами? Правда, и они назывались сынами Божіими, но между нами и ими большая разность. Законъ во всемъ имѣлъ тѣнь будущаго (Евр. 10, 1), и не сообщалъ израильтянамъ сынopoложенія (вполнѣ), но какъ бы въ образѣ и мысленномъ представленіи (σχήματι). А мы, чрезъ крещеніе самымъ дѣломъ получивъ Духа Божія, взываемъ: Авва, Отче (Галат. 4, 6). У нихъ какъ крещеніе было образомъ и тѣнію, такъ и сынoположеніе ихъ прообразовало наше усыновленіе. Хотя и они назывались сынами, но въ тѣни, и самой истины сынoположенія не имѣли, какъ мы теперь имѣемъ чрезъ крещеніе.

И слово плоть бысть. Сказавъ, что мы, вѣрующіе во Христа, если желаемъ, содѣлываемся чадами Божі-

ими, евангелистъ присовокупляетъ и причину столь великаго блага. Ты хочешь, говоритъ, знать, что доставило намъ это сыноположеніе? то, что Слово стало плотію. Когда же слышишь, что Слово стало плотію, не подумай, что Оно оставило собственную свою природу и превратилось въ плоть, (ибо Оно не было бы и Богомъ, еслибы превратилось и измѣнилось), но что, оставаясь тѣмъ, чѣмъ было, Оно стало тѣмъ, чѣмъ не было. Но Аполлинарій лаодикіянинъ составилъ отсюда ересь. Онъ училъ, что Господь и Богъ нашъ воспринялъ не цѣлое естество человѣческое, то есть, тѣло съ душею словесною, но одну только плоть безъ словесной и разумной души. Какая-де была нужда въ душѣ Богу, когда у Него тѣломъ управляло божество, подобно какъ у насъ тѣломъ нашимъ управляетъ душа? И основаніе сему думалъ видѣть въ настоящемъ изреченіи: *и Слово плоть бысть*. Не сказалъ, говоритъ, евангелистъ, что Слово стало человѣкомъ, но *плотію*; значитъ, Оно восприняло не душу разумную и словесную, но плоть неразумную и безсловесную. Вѣрно, не зналъ онъ несчастный, что Писаніе часто называетъ частью цѣлое. Напримѣръ, хочетъ оно упомянуть о цѣломъ человѣкѣ, а называетъ его частью, словомъ—*душа*. Всяка *душа*, яже не обрѣжется, погубится (Быт. 17, 14). Итакъ вотъ, вмѣсто того, чтобъ сказать: всякій человѣкъ, поименована часть, именно: *душа*. Называетъ также Писаніе цѣлаго человѣка плотію, когда, напримѣръ, говоритъ: *и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Исаіи 40, 5). Нужно бы сказать: всякій *человѣкъ*, а употреблено имя *плоти*. Такъ и еванге-

листъ вмѣсто того, чтобы сказать: Слово стало *человѣкомъ*, сказалъ: Слово стало *плотію*, называя человѣка, состоящаго изъ души и тѣла, (одною) частью. А какъ плоть чужда Божескаго естества, то, можетъ быть, евангелистъ упомянулъ о плоти, съ намѣреніемъ показать необыкновенное снисхожденіе Божіе, дабы мы изумились невыразимому человѣколюбію Его, по которому Онъ для спасенія нашего воспринялъ на Себя отличное и совершенно чуждое собственному естеству, именно, плоть. Ибо душа имѣетъ нѣкоторое сродство съ Богомъ, а плоть совершенно ничего общаго не имѣетъ. Посему-то я думаю, что евангелистъ употребилъ здѣсь имя только плоти, не потому, будто бы душа не причастна воспринятію (вочеловѣченію), но для того, чтобы болѣе показать, какъ чудно и страшно таинство. Ибо если воплотившееся Слово не приняло души человѣческой, то души наши еще не исцѣлены; ибо чего Оно не приняло, того и не освятило. И какъ смѣшно! тогда, какъ первая заболѣла душа (ибо она въ раю сдалась на слова змія, и обманулась, а потомъ уже въ слѣдъ за душею, какъ госпожею и владычицею, коснулась и рука), воспринята, освящена и уврачевана плоть, служанка, а госпожа оставлена безъ воспринятія и безъ уврачеванія. Но пусть заблуждается Аполлинарій. А мы, когда слышимъ, что Слово стало плотію, вѣруемъ, что Оно стало совершеннымъ человѣкомъ, такъ какъ у Писанія въ обычаѣ называть человѣка одною частью, плотію и душею.—Симъ изреченіемъ ниспровергается и Несторій. Онъ говорилъ, что не самъ Богъ Слово сталъ человѣ-

комъ, зачатымъ изъ пречистыхъ кровей святой Дѣвы, но Дѣва родила человѣка, а сей человѣкъ, облагодатствованный всякимъ видомъ добродѣтели, сталъ имѣть Слово Божіе, соединившееся съ нимъ, и дававшее власть надъ духами нечистыми, и потому училъ, что два—сына, одинъ—сынъ Дѣвы Іисусъ человѣкъ, а другой—Сынъ Божій, соединившійся съ симъ человѣкомъ и нераздѣльный съ нимъ, но по благодати и отношенію и любви, потому что человѣкъ сей былъ добродѣтеленъ. Такъ онъ глухъ къ истинѣ. Ибо если бы онъ хотѣлъ, онъ и самъ услышалъ бы, что говоритъ сей блаженный евангелистъ, именно: Слово стало плотію. Не очевидное ли ему здѣсь обличеніе? Ибо само Слово стало человѣкомъ. Не сказалъ (евангелистъ): Слово, нашедши человѣка, соединилось съ нимъ, но само Оно стало человѣкомъ. Симъ изреченіемъ ниспровергается и Евтихій, и Валентинъ, и Манесъ. Они говорили, что Слово Божіе явилось призрачно. Пусть же слышатъ, что Слово *стало* плотію; не сказано: Слово представилось или показалось плотію, но *стало* ею по истинѣ, и по существу, а не по привидѣнію. Ибо нелѣпо и неразумно вѣрить, будто бы Сынъ Божій, по существу и по имени Истина (Іоан. 14, 6), солгалъ въ вочеловѣченіи. А обманчивое привидѣніе, безъ сомнѣнія, привело бы къ этой мысли.

И вселися въ ны. Поелику евангелистъ выше сказалъ, что Слово стало плотію, то, чтобы кто нибудь не подумалъ, что Христосъ сталъ, наконецъ, однимъ естествомъ, для сего прибавляетъ: *вселися въ ны,* чтобы показать два естества, одно—наше, и другое—Слова.

Ибо какъ иного естества обитель, и иного естества обитающій въ ней, такъ и Слово, когда объ немъ говорится, что Оно обитало въ насъ, то есть, въ нашемъ естествѣ, должно быть естества иного, чѣмъ наше. Пусть постыдятся Армяне, почитающіе одно естество. Итакъ словами: *Слово плоть бысть* научаемся, что само Слово стало человѣкомъ, и, будучи Сыномъ Бога, стало и сыномъ жены, которая и называется по истинѣ Богородицею, какъ родившая Бога во плоти. Словами же: *вселися въ ны* научаемся вѣровать, что въ одномъ Христѣ два естества. Ибо хотя Онъ и одинъ по упостаси, или по лицу, но по естествамъ—двоякъ, Богъ и человѣкъ, а Божеское естество и человѣческое не могутъ быть однимъ, хотя и созерцаются въ одномъ Христѣ.

И видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины. Сказавъ, что Слово стало плотію, евангелистъ прибавляетъ: мы видѣли славу *Его*, то есть, сущаго во плоти. Ибо если Израильтяне не могли смотрѣть на лице Моисея, просвѣтившееся отъ собесѣдованія съ Богомъ; то апостолы тѣмъ болѣе не могли бы снести чистаго (безъ покрова) Божества Единороднаго, если бы Онъ явился не во плоти. Видѣли же мы славу не такую, какую имѣлъ Моисей, или съ какою являлись пророку херувимы и серафимы, но такую славу, какая прилична была Единородному Сыну, какая присуща Ему была по естеству отъ Бога Отца. Частица *яко* означаетъ здѣсь не уподобленіе, но утвержденіе и несомнѣнное опредѣленіе. Видя царя, идущаго съ великою славою, мы говоримъ, что онъ пришелъ какъ царь, вмѣсто того, чтобъ сказать: истин-

но поцарски. Подобно сему, и здѣсь слова: *яко Единороднаго* мы должны понимать такъ: слава, которую мы видѣли, была настоящая слава истиннаго Сына, полная благодати и истины. *Полная благодати*, потому, что и ученіе Его было, такъ сказать, облагодатствовано, какъ и Давидъ говоритъ: *излiяся благодать въ устнахъ твоихъ* (Псал. 44, 3), и евангелистъ замѣчаетъ, что всѣ дивились *словамъ благодати*, исходящимъ изъ устъ Его (Лук. 4, 22), и потому, что Онъ подавалъ исцѣленія всѣмъ нуждающимся въ оныхъ. *Полная истины*, потому, что все, что говорили или дѣлали пророки и самъ Моvсей, было образами, а что говорилъ и дѣлалъ Христосъ, то все полно истины, такъ какъ Онъ самъ есть благодать и истина, и другимъ раздаетъ оныя.—Гдѣ же они видѣли эту славу? Можно съ нѣкоторыми думать, что апостолы видѣли сію славу Его на горѣ Ѳаворѣ, но справедливо также разумѣть, что они видѣли ее не на одной только сей горѣ, но во всемъ, что Онъ дѣлалъ и говорилъ.

Іоаннъ свидѣтельствуетъ о немъ, и возза глаголя: сей бѣ, егоже рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко первѣе мене бѣ. Евангелистъ часто ссылается на свидѣтельство Іоанна, не потому, будто достовѣрность Владыки поставляетъ въ зависимости отъ раба, но такъ какъ народъ имѣлъ высокое понятіе объ Іоаннѣ, то во свидѣтельство о Христѣ и ссылается на Іоанна, почитаемаго имъ за великаго и потому болѣе всѣхъ заслуживающаго довѣріе. Слово *воззва* указываетъ на большую смѣлость Іоанна; ибо онъ взывалъ о Христѣ не въ углу, а съ большою смѣлостію. Что же онъ гово-

рилъ? *Сей бѣ, егоже рѣхъ.* Іоаннъ свидѣтельствовалъ о Христѣ прежде, чемъ увидалъ Его. Такъ благоволилъ Богъ, конечно, для того, чтобы онъ, свидѣтельствуя о Христѣ съ очень хорошей стороны, не показался лицепріятнымъ въ отношеніи къ нему. Почему и говоритъ: о которомъ я сказалъ, то есть, прежде, чѣмъ увидалъ Его. *Иже по мнѣ грядый,* разумѣется, по времени рожденія; ибо Предтеча былъ шестью мѣсяцами старше Христа по рожденію во плоти. *Сей предо мною бысть,* то есть, сталъ почтеннѣе и славнѣе меня. Почему? потому, что Онъ и былъ прежде меня, по божеству. А аріане безумно объясняли сіе изреченіе. Желая доказать, что Сынъ Божій не рожденъ отъ Отца, но произошелъ какъ одно изъ твореній, говорятъ: вотъ Іоаннъ свидѣтельствуетъ объ Немъ: сталъ впереди меня, то есть, проозошелъ прежде мемя, и сотворенъ Богомъ какъ одно изъ твореній. Но изъ нижеслѣдующаго они обличаются въ худомъ пониманіи сего изреченія. Ибо какая мысль выражается въ словахъ: *сей,* то есть, Христосъ, *сталъ впереди меня,* то есть, сотворенъ прежде меня, *потому, что былъ прежде меня?* Совершенно безумно говорить, что Богъ сотворилъ Его прежде, потому, что Онъ былъ прежде меня, Напротивъ, лучше должно было бы сказать: сей былъ прежде меня, потому что сталъ или сотворенъ прежде меня. Такъ мудрствуютъ аріане. А мы поправославному понимаемъ такъ: *идущій за мною,* по рожденію отъ Дѣвы во плоти, *сталъ впереди меня,* сталъ славнѣе меня и почтеннѣе по чудесамъ, которыя совершались надъ Нимъ, по рождеству, по воспитанію, по мудрости. И сіе справедливо, *потому*

что Онъ былъ прежде меня, по предвѣчному рожденію отъ Отца, хотя по явленію во плоти пришелъ и за мною.

И отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать. И это—слова Предтечи, говорящаго о Христѣ, что всѣ мы пророки приняли отъ полноты *Его*. Ибо Онъ имѣетъ благодать не такую, какую имѣютъ духоносные люди, но, будучи источникомъ всякаго добра, всякой мудрости и пророчества, обильно изливаетъ ее на всѣхъ достойныхъ; и при такомъ изліяніи остается полонъ, и никогда не истощается. И мы приняли *благодать*, разумѣется, новаго завѣта, вмѣсто благодати законоположенія. Поелику тотъ завѣтъ устарѣлъ и одряхлѣлъ, то вмѣсто его мы приняли новый. Почему же, скажутъ, назвалъ ветхій завѣтъ благодатію? потому, что и Іудеи усыновлены и приняты по благодати. Ибо сказано: Я избралъ васъ не за множество ваше, а за отцевъ вашихъ. И ветхозавѣтные приняты по благодати, и мы очевидно спасены по благодати.

Яко законъ Моусеомъ данъ бысть: благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть. Объясняетъ намъ, какимъ образомъ мы приняли величайшую благодать вмѣсто благодати малой. Говоритъ, что законъ данъ чрезъ Моисея, то есть, Богъ употребилъ посредникомъ человѣка, именно Моисея; а новый завѣтъ данъ чрезъ Іисуса Христа. Онъ называется и *благодатію*, потому что Богъ даровалъ намъ не только прощеніе грѣховъ, но и сыновство; называется и *истиною*, потому что Онъ ясно проповѣдалъ то, что ветхозавѣтные видѣли

или говорили образно. Сей новый завѣтъ, называемый и благодатію и истиною, имѣлъ посредникомъ не простаго человѣка, но Сына Божія. Примѣть и то, что о ветхомъ законѣ сказалъ: *данъ* чрезъ Моисея, ибо онъ былъ подчиненный и слуга, а о новомъ—не сказалъ: *данъ*, но: *былъ*, чтобы показать, что онъ произошелъ отъ Господа нашего Іисуса Христа, какъ отъ Владыки, а не отъ раба, и въ конецъ достигъ благодати и истины. Законъ *данъ* Богомъ чрезъ посредство Моисея; благодать была, а не дана, чрезъ Іисуса Христа. *Была*—знакъ самостоятельности, *данъ*—рабства.

Зач. 2. *Бога * никтоже видѣ нигдѣже: единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда.* Сказавъ, что благодать и истина произошла чрезъ Іисуса Христа; и желая подтвердить это, евангелистъ говоритъ: я не сказалъ ничего невѣроятнаго. Ибо Моусей, какъ и никто другой, ни Бога не видѣлъ, ни намъ не могъ сообщить объ Немъ яснаго и нагляднаго понятія, но, будучи рабомъ, послужилъ только къ написанію закона. А Христосъ, будучи Сыномъ, Единороднымъ, и находящимся въ нѣдрѣ Отца, не только видитъ Его, но и всѣмъ людямъ ясно говоритъ объ Немъ. Такимъ образомъ, поелику Онъ Сынъ и видитъ Отца, какъ сушій въ нѣдрѣ Его, Онъ справедливо далъ намъ благодать и истину.—Но, быть можетъ, скажетъ кто-нибудь: мы здѣсь узнаемъ, что никто не видѣлъ Бога; какъ же пророкъ говоритъ: *видѣхъ Господа* (Исаіи 6, 1)? Пророкъ видѣлъ, но не самую сущность, а нѣкоторое по-

---

*Бога **

добіе и нѣкоторое умственное представленіе, насколько могъ видѣть. Притомъ же иной видѣлъ въ томъ образѣ, другой—въ другомъ. А отсюда явно, что они видѣли не самую истину; ибо ее, по существу простую и безобразную, не созерцали бы въ разныхъ видахъ. И ангелы не видятъ сущности Бога, хотя и говорится объ нихъ, что они видятъ лице Бога (Матѳ. 18, 10). Симъ указывается на то только, что они всегда представляютъ въ умѣ своемъ Бога. Итакъ одинъ только Сынъ видитъ Отца, и являетъ Его всѣмъ людямъ. Слыша о нѣдрѣ Отца, не представляй ничего тѣлеснаго въ Богѣ. Евангелистъ употребилъ такое названіе съ цѣлію показать сродство, нераздѣльность и совѣчность Сына со Отцемъ.

И сіе есть свидѣтельство Іоанново, егда послаша жидове отъ Іерусалима іереевъ и левитовъ, да вопросятъ его: ты кто еси? И исповѣда, и не отвержеся: и исповѣда, яко нѣсмь азъ Христосъ. Выше евангелистъ сказалъ, что Іоаннъ свидѣтельствуетъ объ Немъ; потомъ вставилъ, что засвидѣтельствовалъ Іоаннъ о Христѣ, именно, что Онъ сталъ впереди меня, и что всѣ мы пророки приняли отъ полноты Его; теперь прибавляетъ: *и сіе есть свидѣтельство Іоанново.* Какое? то, о которомъ выше сказалъ, именно: *сталъ впереди меня,* и прочее. Но и нижеслѣдующія слова: *нѣсмь азъ Христосъ* составляютъ также свидѣтельство Іоанна. Іудеи послали къ Іоанну людей, по ихъ мнѣнію, лучшихъ, именно, священниковъ, левитовъ, и притомъ іерусалимлянъ, съ тѣмъ, чтобъ они, какъ умнѣйшіе другихъ, ласкою убѣдили Іоанна объявить самого себя за Хри-

ста. Смотри на уклончивость. Не спрашиваютъ прямо: Христосъ ли ты; но кто ты? А онъ, видя ихъ лукавство, не говоритъ, кто онъ, а объявляетъ, что я не Христосъ, имѣя въ виду цѣль ихъ, и всячески привлекая ихъ къ вѣрѣ, что Христосъ есть иной, тотъ, кого они считаютъ бѣднымъ сыномъ бѣднаго отца—плотника, происходящимъ изъ бѣднаго отечества—Назарета, отъ котораго они не ожидали ничего добраго. Между тѣмъ о самомъ Предтечѣ они имѣли высокое мнѣніе, такъ какъ онъ имѣлъ отцомъ первосвященника и жизнь велъ ангельскую и почти безплотную. Почему стоитъ удивленія, какъ они запутываются въ томъ, чѣмъ думали повредить славѣ Христа. Они спрашиваютъ Іоанна, какъ человѣка достовѣрнаго, чтобы въ его свидѣтельствѣ имѣть предлогъ къ невѣрію во Христа, въ томъ случаѣ, если бы онъ не объявилъ Его Христомъ. А это обратилось противъ нихъ. Ибо находятъ, что тотъ, кого они считали достовѣрнымъ, свидѣтельствуетъ въ пользу Христа, и чести Его не присвояетъ себѣ.

И вопросиша его: что убо? Иліа ли еси ты? и глагола: нѣсмь; пророкъ ли еси? и отвѣща: ни. Рѣша же ему: кто еси? да отвѣтъ дамы пославшимъ ны: что глаголеши о тебѣ самомъ? Рече: азъ гласъ вопіющаго въ пустыни, исправите путь Господень, якоже рече Исаіа пророкъ. На основаніи древняго преданія ожидали пришествія Иліи. Посему спрашиваютъ Іоанна, не Илія ли онъ? такъ какъ и жизнь его была подобна жизни Иліиной. Но онъ отрекаеття и отъ сего. Ты—тотъ пророкъ? онъ отрекается и отъ сего, хотя былъ пророкъ.

Какъ же отрекается? почему? потому, что не спрашивали его: ты пророкъ? но сдѣлали вопросъ съ членомъ: ты тотъ пророкъ (ὁ προφήτης)? тотъ пророкъ, котораго ожидаютъ, о которомъ Моусей сказалъ, что Господь Богъ возставитъ вамъ пророка (Второз. 18, 15). Итакъ Іоаннъ отрекся не отъ того, что онъ пророкъ, а отъ того, что онъ—тотъ пророкъ, котораго ожидаютъ. А какъ они знали слова Моисея о томъ, что возстанетъ пророкъ, то и надѣялись, что когда-нибудь явится пророкъ. Потомъ, опять настойчиво спрашиваютъ: скажи же намъ: кто ты? Тогда отвѣчаетъ имъ: я голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Я, говоритъ, тотъ, о которомъ написано: гласъ вопіющаго въ пустынѣ (Исаіи 40, 3). Ибо если не прибавить словъ: *о которомъ написано;* то сочетаніе словъ представится страннымъ. Что же вопіющаго? *исправьте путь Господу.* Я, говоритъ, рабъ, и предуготовляю сердца ваши для Господа. Итакъ вы, лукавые и хитрые, исправьте ихъ и уравняйте, такъ чтобы чрезъ васъ былъ путь для Господа Христа. Потомъ, приводитъ свидѣтелемъ Исаію. Сказавъ великое о Христѣ, что Онъ—Господь, а о себѣ, что онъ исполняетъ дѣло раба и глашатая, прибѣгаетъ къ пророку. Быть можетъ, слова: *я голосъ вопіющаго* кто-нибудь объяснитъ такъ: я голосъ Христа *вопіющаго*, то есть, ясно возвѣщающаго истину. Ибо всѣ вѣстники закона не громогласны, такъ такъ не пришло еще время истины Евангелія, и слабый голосъ Моисея подлинно указывалъ на невнятность и неясность закона. А Христосъ, какъ самосущая Истина, и всѣмъ намъ возвѣстившій объ Отцѣ есть *вопіющій.*

Итакъ Іоаннъ говоритъ: я голосъ Слова вопіющаго, живущій въ пустынѣ.—Потомъ другое начало: *исправьте путь Господу.*—Іоаннъ, какъ Предтеча Христа, справедливо называется голосомъ, потому что и голосъ предшествуютъ слову. Скажу яснѣе: голосъ есть нечленораздѣльное дыханіе, выходящее изъ груди; когда же языкомъ оно раздѣлится на члены, тогда бываетъ слово. Такъ, прежде голосъ, потомъ Слово, прежде Іоаннъ, потомъ Христосъ—по явленію во плоти. И крещеніе Іоанново нечленораздѣльно, ибо не имѣло (дѣйствія) *Духомъ*, а (крещеніе) Христово членораздѣльно, не имѣетъ ничего тѣнистаго и образнаго, ибо (совершается) *Духомъ* (Матѳ. 3, 11).

И послании бѣху отъ фарисей: И вопросиша его, и рѣша ему: что убо крещаеши, аще ты нѣси Христосъ ни Иліа, ни пророкъ? Послѣ того, какъ не могли увлечь его (Іоанна) ласкательствомъ, чтобъ онъ сказалъ, чего имъ желалось, и самого себя объявилъ Христомъ, застращиваютъ его очень строгими и грозными рѣчами, говоря: что же ты крестишь? Кто далъ тебѣ такую власть? Изъ сей же рѣчи видно, что они инымъ считали Христа, и инымъ—ожидаемаго пророка. Ибо говорятъ: если ты не Христосъ, ни тотъ пророкъ, (очевидно) разумѣя, что иной—Христосъ, и иной—тотъ пророкъ. Худо они знаютъ. Ибо пророкъ тотъ есть самый Христосъ и Богъ нашъ. Все сіе они говорили, какъ я сказалъ, для того, чтобы принудить Іоанна объявить себя Христомъ. А ближе къ истинѣ можно сказать, что они спрашиваютъ его, какъ-бы изъ зависти къ его славѣ. Они не спрашиваютъ: Христосъ

ли онъ, но: кто ты? Какъ-бы такъ говоря: кто ты, что принимашься за такое важное дѣло, крестишь и очищаешь исповѣдующихся? И мнѣ кажется, что іудеи, желая, чтобы и Іоаннъ большинствомъ не былъ принятъ за Христа, отъ зависти и недоброжелательства спрашиваютъ его: кто ты? Итакъ прокляты тѣ, которые принимаютъ крестителя, а послѣ крещенія не признаютъ его: подлинно іудеи—порожденія ехиднины.

Отвѣща имъ Іоаннъ, глаголя: азъ крещаю водою: посредѣ же васъ стоитъ, егоже вы не вѣсте: Той есть грядый по мнѣ, иже предо мною бысть: емуже нѣсмь азъ достоинъ, да отрѣшу ремень сапогу его. Примѣчай кротость святаго и правдивость. Кротость въ томъ, что онъ не отвѣчаетъ имъ ничего суроваго, не смотря на ихъ высокомѣріе; правдивость въ томъ, что онъ свидѣтельствуетъ о славѣ Христа съ большою смѣлостію, и не скрываетъ славы Господа съ тѣмъ, чтобъ себѣ заслужить доброе имя, но объявляетъ, что я крещу крещеніемъ не совершеннымъ (ибо крещу въ одной только водѣ, не имѣющей прощенія грѣховъ), но приготовительнымъ къ принятію крещенія духовнаго, дарующаго прощеніе грѣховъ. *Стоитъ среди васъ, котораго вы не знаете.* Господь соединился съ народомъ, и потому не знали, кто Онъ и откуда.—Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что и въ иномъ смыслѣ Господь стоялъ среди фарисеевъ, но они не знали Его. Такъ какъ они, повидимому прилежно занимались писаніями, а въ нихъ возвѣщаемъ былъ Господь; то Онъ былъ *среди* ихъ, то есть, въ сердцахъ ихъ, но они не знали Его, потому что не понимали Писаній, хотя и имѣ-

ли ихъ въ сердцахъ. Можетъ быть, и въ томъ смыслѣ, что Господь былъ посредникомъ между Богомъ и людьми, Онъ стоялъ *среди* фарисеевъ, желая примирить ихъ съ Богомъ, но они не знали Его.—Постоянно прибавляетъ: *идущій за мною,* чтобы показать, что его крещеніе не совершенное, но приготовительное къ крещенію духовному. *Сталъ впереди меня,* то есть, почтеннѣе, славнѣе меня, и настолько, что я не считаю себя и между послѣдними Его рабами. Ибо развязывать обувь—дѣло послѣдняго служенія.—Знаю я, и читалъ у одного изъ святыхъ такое объясненіе: *обувь* вездѣ понимается о плоти грѣшниковъ, подлежащей тлѣнію, а *ремень* или повязка объ узахъ грѣховныхъ. Итакъ Іоаннъ у прочихъ, приходящихъ къ нему и исповѣдующихся, могъ развязывать ремень грѣховъ,—ибо они приходили къ нему связанные узами собственныхъ грѣховъ; и, убѣждая ихъ къ покаянію, указывалъ имъ путь и къ совершенному сверженію съ себя ремня сего и грѣховной обуви; на Христѣ же не находя ремня или узъ грѣха, естественно не могъ и развязать его. Почему же не находилъ его? потому, что Онъ не сдѣлалъ грѣха, и не нашлось лжи въ устахъ Его (1 Петр. 2, 22). *Обувью* означается и явленіе къ намъ Господа, *ремнемъ* ея—способъ воплощенія и того, какъ Слово Божіе соединилось съ тѣломъ. Способъ сей невозможно разрѣшить. Ибо кто можетъ объяснить, какъ Богъ соединился съ тѣломъ?

Сія въ Виѳаніи быша обонъполъ Іордана, идѣже бѣ Іоаннъ крестя. Для чего евангелистъ сказалъ, что сіе происходило въ Виѳаніи? Для того, чтобы показать

смѣлость великаго проповѣдника, что онъ проповѣдывалъ такъ о Христѣ не въ дому, ни въ углу, но при Іорданѣ среди множества народа. Нужно впрочемъ знать, что въ исправнѣйшихъ спискахъ стоитъ: *въ Виѳаварѣ*. Ибо Виѳанія находится не по ту сторону Іордана, а близъ Іерусалима.

*Во утрій же видѣ * Іоаннъ Іисуса грядуща къ себѣ, и глагола: се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.* Зач. 3.
Господь часто приходитъ къ Предтечѣ. Для чего это? Такъ какъ и Господь крестился отъ Іоанна, какъ одинъ изъ многихъ, то часто приходитъ къ нему для того, безъ сомнѣнія, чтобы нѣкоторые не подумали, что Онъ наравнѣ съ прочими крестился какъ виновный въ грѣхахъ. Креститель, желая исправить такое предположеніе, говоритъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра*. Тотъ, кто настолько чистъ, что беретъ на себя и истребляетъ грѣхи прочихъ, очевидно, не могъ принять крещеніе исповѣданія (покаянія) наравнѣ съ прочими. Изслѣдуй, прошу тебя, и сіе выраженіе: *се агнецъ Божій*. Слово это относится къ тѣмъ, кои желаютъ видѣть агнца, о которомъ возвѣщаетъ Исаія (53, 7. 8). Вотъ, говоритъ, тотъ Агнецъ, котораго ищутъ; тотъ Агнецъ вотъ здѣсь. Ибо естественно, что многихъ, тщательно занимавшихся пророческою книгою Исаіи, занималъ вопросъ, кто бы былъ тотъ Агнецъ. Итакъ Іоаннъ указываетъ его. Онъ не сказалъ (просто) *агнецъ*, но *тотъ агнецъ* (ὁ ἀμνός), такъ какъ агнцевъ много, какъ и христовъ много; но Онъ есть тотъ Аг-

---

*Во время оно, видѣ Іоаннъ **

нецъ, котораго прообразъ указанъ у Моисея (Исх. 12) и о которомъ возвѣщаетъ Исаія (53).—Христосъ называется *агнцемъ Божіимъ*, или потому, что Богъ отдалъ его за насъ на смерть, или потому, что Богъ принялъ смерть Христа за наше спасеніе. Какъ мы обыкновенно говоримъ: эта жертва такого-то, вмѣсто того, чтобъ сказать: эту жертву принесъ такой-то; такъ и Господь называется Агнцемъ Божіимъ, потому, что Богъ и Отецъ изъ любви къ намъ отдалъ Его на закланіе за насъ —Не сказалъ Іоаннъ: *взявшій* грѣхъ, но *вземляй*, потому, что Онъ каждый день беретъ на Себя грѣхи наши, одни чрезъ крещеніе, другіе чрезъ покаяніе.—Агнцы, которыхъ закалали въ ветхомъ завѣтѣ, не уничтожали совершенно ни одного грѣха; но сей Агнецъ беретъ на Себя грѣхъ всего міра, то есть, истребляетъ, изглаживаетъ.—Почему не сказалъ (Іоаннъ): *грѣхи*, но: *грѣхъ*? можетъ быть и потому, что, сказавъ *грѣхъ*, онъ сказалъ вообще о всѣхъ грѣхахъ; какъ мы обыкновенно говоримъ: *человѣкъ* отпалъ отъ Бога, вмѣсто *все человѣчество*, такъ и онъ здѣсь, сказавъ *грѣхъ*, обозначилъ всѣ грѣхи. А можетъ быть, и потому, что грѣхъ міра состоялъ въ непослушаніи, такъ какъ человѣкъ низринулся въ страсти, чрезъ неповиновеніе Богу, а Господь загладилъ это послушаніе, бывъ послушливъ до смерти и уврачевавъ противное противнымъ.

Сей есть, о немже азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ мужъ, иже предо мною бысть: яко первѣе мене бѣ. Выше Іоаннъ говоритъ пришедшимъ отъ фарисеевъ: стоитъ среди васъ нѣкто, котораго вы не знаете, но который первенствуетъ передо мною (ст. 26 и 27), а теперь и перстомъ

указываетъ Его, и объявляетъ незнающимъ, говоря: Сей есть тотъ, о которомъ я свидѣтельствовалъ предъ фарисеями, что Онъ первенствуетъ передо мною, то есть, превосходитъ меня достоинствомъ и честію. Почему? Потому, что Онъ былъ прежде меня. Слушай Арій. Не сказалъ (Іоаннъ о Христѣ): *созданъ* прежде меня, но *былъ*. Слушай и ты, секта Самосатянина. Господь началъ бытіе не отъ Маріи, но былъ прежде Предтечи по предвѣчному бытію. Ибо если бы Господь, какъ вы пустословите, получилъ начало бытія отъ Маріи, то какъ бы Онъ былъ прежде Предтечи? А Предтеча, всякому извѣстно, явился на свѣтъ шестью мѣсяцами прежде рожденія Господа по плоти.—*Мужемъ* называется Господь, можетъ быть, и потому, что имѣлъ совершенный возрастъ, ибо Онъ крестился 30-ти лѣтъ, а можетъ быть и въ томъ смыслѣ, что Онъ есть мужъ всякой души и женихъ церкви. Ибо апостолъ Павелъ говоритъ: я обручилъ васъ, чтобъ представить единому мужу, именно Христу (2 Кор. 11, 2). Такъ и Предтеча говорилъ: я только другъ жениховъ и посредникъ, а мужъ идетъ за мною; я привлекаю души къ вѣрѣ во Христа, а Онъ есть мужъ, который соединится съ ними.

И азъ не вѣдѣхъ его: но да явится Исраилеви сего ради пріидохъ азъ водою крестя. И свидѣтельствова Іоаннъ, глаголя: яко видѣхъ Духа сходяща яко голубя съ небесе, и пребысть на немъ. И азъ не вѣдѣхъ его: но пославый мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ, той есть крестяй Духомъ Святымъ. И азъ видѣхъ, и свидѣтельствовахъ, яко сей есть Сынъ Божій. Такъ какъ Предтеча былъ родственникъ Господу (ибо ангелъ го-

ворить Дѣвѣ: вотъ Елизавета *родственница* твоя зачала (Лук. 1, 36); то, чтобы кто не подумалъ, что Предтеча благопріятствуетъ Господу и даетъ о Немъ такое высокое свидѣтельство по родству съ Нимъ, онъ часто говоритъ: *и азъ не вѣдѣхъ его,* и тѣмъ удаляетъ подозрѣніе. *Но да явится Израилеви, сего ради пріидохъ азъ водою крестя,* то есть, чтобы всѣ могли придти къ вѣрѣ въ Него, и Онъ былъ явленъ народу, для того я крещу; ибо когда я крещу, народъ стекается, а когда народъ собирается, то и я объявляю ему о Христѣ въ проповѣди моей, и самъ Онъ, будучи на виду, является присутствующимъ. Ибо если бы (люди) не приходили для крещенія, какъ бы Іоаннъ явилъ имъ Господа? не сталъ же бы онъ ходить по домамъ, и, водя за руку Христа, указывать на Него всякому. Посему и говоритъ: я для того пришелъ крестить въ водѣ, чтобы Онъ явленъ былъ мною людямъ, приходящимъ для крещенія. Отсюда же узнаемъ, что чудеса, приписываемыя Христу въ отрочествѣ, ложны и сложены тѣми, кои хотѣли осмѣять таинство. Ибо если бы они были истинны, то какъ не знали бы Господа, совершавшаго оныя? По крайней мѣрѣ, не естественно, чтобъ о такомъ чудотворцѣ не было всюду разглашено. Но не такъ это, нѣтъ. Ибо прежде крещенія (Господь) ни чудесъ не творилъ, ни пользовался извѣстностію. *Но пославый мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ, той есть крестяй Духомъ Святымъ.* Іоаннъ, отклоняя, какъ я сказалъ, подозрѣніе отъ своего свидѣтельства о Христѣ, возводитъ сіе свидѣтельство къ Богу и Отцу. Я, гово-

ритъ, и не зналъ Его, но Отецъ открылъ мнѣ Его въ крещеніи. Но, спроситъ иной, если Іоаннъ не зналъ Его, какъ же евангелистъ Матѳей (3, 14) говоритъ, что онъ удерживалъ Его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ тебя? На сіе можно отвѣтить и то, что слова: *не вѣдѣхъ Его* нужно понимать такъ, что задолго впередъ и до крещенія (Іоаннъ) не зналъ Его, но тогда, во время крещенія, узналъ Его. Или можно и иначе отвѣчать: хотя Іоаннъ зналъ объ Іисусѣ, что Онъ-Христосъ, но что Онъ будетъ крестить Духомъ Святымъ, сіе тогда узналъ, когда увидѣлъ Духа, сходящаго на Него. Итакъ словами: *азъ не вѣдѣхъ Его* - Іоаннъ даетъ разумѣть, что онъ хотя не зналъ, что Онъ будетъ крестить Духомъ Святымъ, но зналъ, что Онъ превосходнѣе многихъ. Почему, зная навѣрное, что Онъ больше (всѣхъ), Іоаннъ, по словамъ евангелиста Матѳея, удерживалъ Его. Но когда нисшелъ Духъ, то онъ еще яснѣе узналъ Его, и прочимъ проповѣдывалъ объ Немъ. А Духъ явился всѣмъ присутствующимъ, а не Іоанну только. Почему же, скажетъ иной, не увѣровали? Потому, что неразумное сердце ихъ омрачилось такъ, что они, видя Его и чудодѣйствующимъ, не увѣровали. Нѣкорые же говорятъ, что Духа не всѣ видѣли, а только благоговѣйнѣйшіе. Ибо хотя Духъ нисшелъ и чувственно, но Ему прилично явиться не всѣмъ, а достойнымъ, такъ какъ и пророки, напримѣръ, Даніилъ, Іезекіиль, хотя многое видѣли въ чувственномъ видѣ, однакожъ никто другой не видѣлъ того. *И азъ видѣхъ, и свидѣтельствовахъ, яко сей есть Сынъ Божій.* Гдѣ же Іоаннъ свидѣтельство-

Іоан.

валъ (объ Іисусѣ), что Онъ есть Сынъ Божій? Этого нигдѣ не написано. Агнцемъ онъ называетъ, а Сыномъ Божіимъ нигдѣ. Отсюда естественно предполагать, что и очень многое другое оставлено (апостолами безъ записи), ибо не все записано.

Зач. 4. *Во утрій же паки * стояше Іоаннъ, и отъ ученикъ его два. И узрѣвъ Іисуса грядуща, глагола: се агнецъ Божій. И слышаста его оба ученика глаголющаго, и по Іисусѣ идоста.* По причинѣ легкомыслія слушателей Іоаннъ принужденъ повторять одно и тоже, чтобы, по крайней мѣрѣ, непрерывнымъ свидѣтельствомъ произвесть что-нибудь. И не обманулся; но привелъ двухъ учениковъ ко Христу. Будучи истиннымъ невѣстоводителемъ, онъ дѣлалъ все для того, чтобъ природу человѣческую привесть къ ея жениху. Посему и Христосъ, какъ женихъ, молчитъ, а все возглашаетъ посредникъ, и Господь какъ женихъ. приходитъ къ народу. На бракахъ (обыкновенно) не невѣста приходитъ къ жениху, но женихъ къ невѣстѣ, хотя бы онъ былъ и царскій сынъ. Такъ и Господь, желая уневѣстить себѣ природу нашу, самъ сошелъ къ ней на землю, и, когда бракъ совершился, взялъ ее съ Собою, когда вознесся въ домъ Отца своего. *Узрѣвъ*, сказано, *Іисуса*, то есть, имѣя предъ глазами радость свою объ Іисусѣ и чудо, Іоаннъ сказалъ: вотъ тотъ Агнецъ. Ученики, подготовленные постояннымъ свидѣтельствомъ, пошли вслѣдъ за Іисусомъ, не изъ презрѣнія къ Іоанну, а наиболѣе изъ послушанія ему, свидѣтельствующему о Христѣ съ лучшей стороны.

---

*Во время оно **

Обращся же Іисусъ, и видѣвъ я по себѣ идуща, глагола има: чесо ищета? она же рѣста єму: Равви, еже глаголется сказаемо, Учителю, гдѣ живеши? И глагола има: пріидита и видита; пріидоста же и видѣста, гдѣ живяше: и у него пребыста день той: бѣ же часъ яко десятый. Евангелистъ Матѳей, разсказавъ о крещеніи Господа, тотчасъ возводитъ Его на гору для искушенія, а настоящій евангелистъ, опустивъ сказанное Матѳеемъ, повѣствуетъ о случившемся по сошествіи Господа съ горы. Итакъ ученики Іоанновы слѣдуютъ за Христомъ и идутъ къ Нему послѣ того, какъ Онъ сошелъ съ горы и вынесъ искушеніе. По моему мнѣнію, такое сочетаніе событій показываетъ, что никому ненужно вступать въ званіе учителя прежде, чѣмъ онъ взойдетъ на высоту добродѣтели (ибо сіе означается горою), побѣдитъ всякое искушеніе и будетъ имѣть знакъ торжества надъ искусителемъ.—Ученики сіи прежде слѣдуютъ за Іисусомъ, а потомъ уже спрашиваютъ Его, гдѣ Онъ живетъ. Ибо имъ нужно было бесѣдовать съ Нимъ не открыто, въ присутствіи многихъ, но наединѣ, какъ о предметѣ необходимомъ. Даже и не они первые спрашиваютъ, но Христосъ самъ наводитъ ихъ на вопросъ. Что вамъ надобно? говоритъ Онъ имъ. Спрашиваетъ не потому, чтобъ не зналъ Онъ (Онъ, который знаетъ сердца человѣческія), но чтобъ вопросомъ вызвать ихъ высказаться въ своемъ желаніи. Вѣроятно, они стыдились и боялись Іисуса послѣ свидѣтельства Іоаннова, что Онъ выше человѣка. А ты, прошу тебя, подивись ихъ благоразумію. Они не только пошли въ слѣдъ за Іисусомъ, но и называютъ

Его *Равви*, что значитъ: Учитель, и притомъ тогда, какъ еще ничего не слышали отъ Него. Впрочемъ, желая чему-нибудь научиться отъ Него наединѣ, они спрашиваютъ Его: гдѣ живешь? Ибо въ тишинѣ удобнѣе и говорить и слышать.—Господь не сказываетъ имъ признаковъ дома, но говоритъ: подите и увидите. Поступаетъ такъ для того, чтобъ еще болѣе привлечь ихъ къ послѣдованію, а вмѣстѣ и обнаружить силу ихъ желанія, въ томъ случаѣ, если они не затруднятся дорогою. Ибо еслибъ они пошли за Іисусомъ съ чувствомъ холоднымъ, то не рѣшились бы идти до дому.—Какимъ образомъ согласить то, что Христосъ здѣсь представляется имѣющимъ домъ, а въ другомъ мѣстѣ говорится, что Сынъ человѣческій не имѣетъ, гдѣ голову приклонить (Лук. 9, 58)? Одно другому не противорѣчитъ. Ибо когда говоритъ, что не имѣетъ гдѣ главу приклонить, говоритъ не то, чтобы не имѣлъ рѣшительно никакого пристанища, но что не имѣлъ собственнаго. Итакъ если Онъ жилъ и въ домѣ, то жилъ не въ своемъ домѣ, но въ чужомъ. Евангелистъ замѣчаетъ о времени, что *было около десятаго часа*, не безъ цѣли, но для того, чтобъ и учителей и учениковъ научить не откладывать своего дѣла до другаго времени; учитель не долженъ откладывать и говорить: сегодня поздно, научишься завтра, а ученикъ долженъ всякое время признавать годнымъ для ученія, а не откладывать слушанія до завтра. И то узнаемъ, что ученики такъ были умѣренны и трезвы, что употребляли на слушаніе такое время, которое другіе проводятъ въ успокоеніи тѣла, будучи обременены яствами и ставъ не-

способны къ занятію важнымъ дѣломъ. Истые ученики Іоанна постника! Примѣть, пожалуй, и то, что Іисусъ обращается къ идущимъ за Нимъ, и показываетъ имъ свое лицо. Ибо если не пойдешь въ слѣдъ за Іисусомъ своею доброю дѣятельностію, то не достигнешь созерцанія лица Господня, то есть, не достигнешь просвѣщенія божественнымъ знаніемъ. Ибо свѣтъ есть домъ Христовъ, какъ сказано: *во свѣтѣ живый неприступнѣмъ* (1 Тим. 6, 16). И какъ просвѣтится знаніемъ тотъ, кто не очистилъ себя и не идетъ путемъ очищенія?

Бѣ же Андрей братъ Симона Петра, единъ отъ обоихъ слышавшихъ отъ Іоанна, и по немъ шедшихъ. Обрѣте сей прежде брата своего Симона, и глагола ему: обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказаемо Христосъ. И приведе его ко Іисусови; воззрѣвъ же нань Іисусъ рече: ты еси Симонъ, сынъ Іонинъ: ты наречешися Кифа, еже сказается Петръ. Евангелистъ сообщаетъ намъ объ имени Андрея, а объ имени другаго умалчиваетъ. Нѣкоторые говорятъ, что другой былъ самъ Іоаннъ, пишущій сіе, а иные говорятъ, что онъ былъ изъ незнатныхъ. Притомъ отъ знанія имени не прибыло бы пользы. Объ Андреѣ упомянуто какъ потому, что онъ былъ изъ знатныхъ, такъ и потому, что онъ привелъ своего брата. Посмотри, пожалуй, на любовь (его) къ брату, какъ онъ не скрылъ отъ брата оное благо, но сообщаетъ ему о сокровищѣ, и съ большою радостію говоритъ: мы нашли (вѣроятно, они сильно желали и много занимались исканіемъ Мессіи), и не просто говоритъ *Мессію*, но съ членомъ: *онаго* Мессію (*τὸν Μεσσίαν*), того самого, который есть по-истинѣ Христосъ.

Ибо хотя многіе назывались помазанниками и сынами Божіими, но ожидаемый ими былъ одинъ. Андрей привелъ Симона къ Іисусу, не потому, будто Симонъ былъ легкомысленъ и увлекался всякою рѣчью, но потому, что онъ былъ очень быстръ и горячъ, и удобно принялъ рѣчи, которыя братъ передалъ ему о Христѣ. Ибо, вѣроятно, Андрей очень многое высказалъ Симону, и возвѣстилъ о Христѣ основательно, такъ какъ онъ довольно пробылъ у Христа и узналъ нѣчто таинственнѣйшее. Если же кто продолжаетъ осуждать Петра въ легкомысліи, то пусть знаетъ таковый и то, что не написано, что онъ тотчасъ повѣрилъ Андрею, но что Андрей привелъ его къ Іисусу; а это дѣло разума болѣе твердаго, чѣмъ увлекающагося. Ибо Симонъ не просто принялъ слова Андрея, но пожелалъ увидѣть и Христа, чтобы, если найдетъ въ Немъ нѣчто стоющее рѣчей, послѣдовать за Нимъ, а если не найдетъ, отступить назадъ, такъ что приведеніе Симона къ Іисусу есть признакъ не легкомыслія его, но основательности.—Что же Господь? Начинаетъ себя открывать ему пророчествомъ объ Немъ. Такъ какъ пророчества убѣждаютъ людей не менѣе, чѣмъ и чудеса, если еще не болѣе, то Господь пророчествуетъ о Петрѣ. Ты, говоритъ, Симонъ, сынъ Іонинъ; потомъ открываетъ и будущее: ты назовешься Кифа, и, высказавъ настоящее, чрезъ то удостовѣряетъ и въ будущемъ. Впрочемъ не сказалъ: Я тебя переименую Петромъ, но: *ты наречешься*; ибо сначала Онъ не хотѣлъ обнаруживать всю свою власть, такъ какъ еще не имѣли твердой вѣры въ Него.—Для чего же Господь про-

зываетъ Симона Петромъ, а сыновъ Зеведеевыхъ—громовыми? Для того, чтобъ показать, что ветхій завѣтъ далъ Тотъ же, кто и нынѣ перемѣняетъ имена, какъ тогда назвалъ Аврама—Авраамомъ, и Сару—Саррою (Быт. 17, 5. 15).—Знай и то, что *Симонъ* значитъ: послушаніе, а *Іона*—голубь. Итакъ послушаніе раждается отъ кротости, которая обозначается голубемъ. А кто имѣетъ послушаніе, тотъ становится и Петромъ, чрезъ послушаніе достигая твердости въ добрѣ.

*Во утрій же восхотѣ * изыти въ Галилею: и обрѣте Филиппа, и глагола ему: гряди по мнѣ. Бѣ же Филиппъ отъ Виѳсаиды, отъ града Андреова и Петрова. Обрѣте Филиппъ Наѳанаила, и глагола ему: егоже писа Моусей въ законѣ, и пророцы, обрѣтохомъ Іисуса сына Іосифова, иже отъ Назарета.* Андрей, услышавъ отъ Предтечи, и Петръ, услышавъ отъ Андрея, послѣдовали за Іисусомъ; а Филиппъ, кажется, ничего не слышалъ, и однакожъ послѣдовалъ за Господомъ тотчасъ, какъ Онъ сказалъ ему: *гряди по Мнѣ.* Чѣмъ же Филиппъ такъ скоро убѣдился? Думается, во-первыхъ, что голосъ Господа произвелъ въ душѣ его нѣкоторое уязвленіе любви. Ибо рѣчь Господа не просто говорилась, а сердца достойныхъ тотчасъ воспламеняла любовію къ Нему, какъ и Клеопа со спутникомъ говорятъ: не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ съ нами на дорогѣ (Лук. 24, 33)? Во-вторыхъ, такъ какъ Филиппъ имѣлъ озабоченное сердце, и по- Зач. 5.

---

* *Во время оно, восхотѣ Іисусъ* *

стоянно занимался писаніями Моисеевыми, и всегда ожидалъ Христа; то, какъ увидѣлъ Его, тотчасъ убѣдился, и говоритъ: мы *нашли* Іисуса; а это показываетъ, что онъ искалъ Его. Потомъ, Филиппъ не узналъ ли чего-нибудь о Христѣ отъ Андрея и Петра. Вѣроятно, бесѣдуя съ нимъ, какъ соотчичемъ, они разсказывали ему и о Господѣ. Кажется, на это намекаетъ евангелистъ, когда говоритъ, что Филиппъ былъ изъ города Андреева и Петрова. Сей городъ былъ небольшой, и приличнѣе могъ быть названъ деревнею. Посему и нужно удивляться силѣ Христовой, что Онъ лучшихъ учениковъ избиралъ изъ среды не приносящихъ никакого плода.—Филиппъ также не удерживаетъ добра за самимъ собою, но передаетъ Наѳанаилу, и какъ Наѳанаилъ былъ свѣдущъ въ законѣ, то Филиппъ отсылаетъ его къ закону и пророкамъ, потому что онъ прилежно упражнялся въ законѣ. Называетъ Господа сыномъ *Іосифовымъ*, потому что въ то время считали Его еще сыномъ Іосифа.—Называетъ Его *назаряниномъ*, хотя Онъ собственно былъ виѳлеемляниномъ, потому что Онъ родился въ Виѳлеемѣ, а воспитался въ Назаретѣ. Но какъ рожденіе Его было многимъ неизвѣстно, а воспитаніе извѣстно, то и называютъ Его назаряниномъ, какъ воспитавшагося въ Назаретѣ.

И глагола ему Наѳанаилъ: отъ Назарета можетъ ли что добро быти? глагола ему Филиппъ: пріиди и виждь. Видѣ же Іисусъ Наѳанаила грядущаго къ себѣ, и глагола о немъ: се воистинну израильтянинъ, въ немже льсти нѣсть. Глагола ему Наѳанаилъ: како мя зна-

еши? отвѣща Іисусъ, и рече ему: прежде даже не возгласи тебе Филиппъ, суща подъ смоковницею видѣхъ тя. Филиппъ сказалъ, что Христосъ изъ Назарета, а Наѳанаилъ, какъ болѣе свѣдущій въ законѣ, зналъ изъ Писаній, что Христосъ долженъ придти изъ Виѳлеема, и потому говоритъ: изъ Назарета можетъ ли быть что доброе? Филиппъ говоритъ: поди и посмотри, зная, что Наѳанаилъ не отстанетъ отъ Христа, если послушаетъ Его рѣчей.—Христосъ хвалитъ Наѳанаила, какъ истиннаго израильтянина, потому что онъ не сказалъ ничего ни въ пользу, ни противъ Его; ибо слова его происходили не отъ невѣрія, а отъ осмотрительности, и отъ ума, знавшаго изъ закона, что Христосъ придетъ не изъ Назарета, а изъ Виѳлеема.—Что же Наѳанаилъ? не увлекся ли похвалою? Нѣтъ, онъ желаетъ узнать нѣчто яснѣе и точнѣе, и потому спрашиваетъ: почему Ты меня знаешь? Господь сказываетъ ему то, чего не зналъ никто, кромѣ его самого и Филиппа, то, что было говорено и дѣлано наединѣ, и такимъ образомъ открываетъ свое божество. Филиппъ бесѣдовалъ съ Наѳанаиломъ наединѣ, когда никого не было подъ смоковницею, однакожъ Христосъ, и не бывъ тамъ, зналъ все, почему и говоритъ: Я видѣлъ тебя, какъ ты былъ подъ смоковницею.—Господь заговорилъ о Наѳанаилѣ прежде, чемъ приблизился Филиппъ, для того, чтобы кто не подумалъ, что Филиппъ пересказалъ Ему о смоковницѣ и о прочемъ, о чемъ онъ говорилъ съ Наѳанаиломъ.—Изъ сего Наѳанаилъ узналъ Господа, и исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ. Ибо слушай, что онъ говоритъ.

Отвѣща Наѳанаилъ, и глагола ему: Равви, ты еси Сынъ Божій: ты еси царь исраилевъ. Отвѣща Іисусъ и рече ему: зане рѣхъ ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши: больша сихъ узриши. И глагола ему: аминь аминь глаголю вамъ, отселѣ узрите небо отверсто, и ангелы Божія восходящыя и нисходящыя надъ Сына человѣческаго. Пророчество имѣетъ величайшую силу привлекать нѣкоторыхъ къ вѣрѣ, и его сила болѣе, чѣмъ сила чудесъ. Ибо чудеса могутъ быть представлены призрачно и бѣсами, а точнаго предузнанія и предсказанія будущаго никто не имѣетъ, ни ангелъ, ни тѣмъ болѣе бѣсы. Почему и Господь привлекъ Наѳанаила, сказавъ ему и мѣсто, и то, что Филиппъ звалъ его, и что онъ по-истинѣ израильтянинъ. Наѳанаилъ, услышавъ сіе, почувствовалъ величіе Господа, насколько было возможно, и исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ. Впрочемъ, хотя и Сыномъ Божіимъ исповѣдуетъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ Петръ. Петръ исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ, какъ истиннаго Бога, и за то Господь ублажаетъ его, и ввѣряетъ ему церковь (Матѳ. 16, 16—19). Наѳанаилъ же исповѣдалъ Его какъ простаго человѣка, по благодати усыновленнаго Богу за добродѣтель. И это видно изъ прибавленія: Ты—царь израилевъ. Видишь ли, онъ не достигъ еще до совершеннаго познанія истиннаго божества Единороднаго. Онъ вѣруетъ (только), что Іисусъ есть человѣкъ боголюбезный и царь израилевъ. Если бы онъ исповѣдалъ Его истиннымъ Богомъ, то не назвалъ бы Его царемъ Израиля, но царемъ всего міра. За сіе онъ и не ублажается, какъ Петръ. Посему и Господь, исправляя его, и

возводя къ уразумѣнію, достойному Его божества, говоритъ: будете видѣть ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ надъ Сына человѣческаго. Принимай, говоритъ, Меня не за простаго человѣка, но за Владыку ангеловъ. Ибо кому служатъ ангелы, тотъ не можетъ быть простымъ человѣкомъ, но истинный Богъ. Сіе сбылось при распятіи и при вознесеніи. Ибо, какъ повѣствуетъ Лука, и предъ страданіями ангелъ съ неба укрѣплялъ Его, и при гробѣ (являлся) ангелъ, и при вознесеніи (Лук. 22, 43. 24, 4. 23. Дѣян. 1 10).—Нѣкоторые подъ *смоковницею* разумѣли законъ, такъ какъ онъ имѣлъ плодъ, на время сладкій, а строгостію законныхъ предписаній и неудобоисполнимостію заповѣдей былъ покрытъ какъ-бы листьями. Господь *увидѣлъ* Наѳанаила. На сіе говорятъ, что Онъ милостиво призрѣлъ, и уразумѣлъ пониманіе его, хотя онъ былъ еще и подъ закономъ. Прошу тебя, если ты услаждаешься подобными вещами, обратить вниманіе и на то, что Господь увидѣлъ Наѳанаила подъ смоковницею или подъ закономъ, то есть, внутри закона, изслѣдывающимъ глубины онаго. Если бы онъ не иcлѣдовалъ глубины закона, Господь не увидѣлъ бы его. Знай и то, что *Галилея* значитъ: низверженная. Итакъ Господь пришелъ въ низверженную страну всего міра, или въ естество человѣческое, и, какъ человѣколюбецъ, воззрѣлъ на насъ, находящихся подъ смоковницею, то есть, подъ грѣхомъ, усладительнымъ (на время), но съ которымъ соединена и немалая острота, по причинѣ раскаянія и тамошнихъ (будущихъ) казней, и—тѣхъ, которые признаютъ Его Сыномъ Божіимъ и царемъ Израиля, видящаго Бога, избралъ Себѣ.—Если же мы

продолжимъ стараніе, то Онъ удостоитъ насъ и большихъ созерцаній, и мы будемъ видѣть ангеловъ, *восходящихъ* на высоту божественнаго знанія Его, и опять *нисходящихъ*, потому что не достигаютъ полнаго познанія Существа непостижимаго. И иначе: *восходитъ* нѣкто, когда занимается размышленіемъ о божествѣ Единороднаго; *нисходитъ*, когда охотно занимается размышленіями о воплощеніи и нисшествіи во адъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О бракѣ въ Канѣ.—О выгнанныхъ изъ храма.—О словахъ: „разрушьте храмъ сей".

Зач. 6. *И въ третій день * бракъ бысть въ Канѣ галилейстѣй: и бѣ мати Іисусова ту. Званъ же бысть Іисусъ, и ученицы его на бракъ. И не доставшу вину, глаголи мати Іисусова къ нему: вина не имутъ. Глагола ей Іисусъ: что есть мнѣ и тебѣ жено? не у пріиде часъ мой.* Зовутъ Господа на бракъ не потому, что видѣли чудеса Его, не какъ великаго человѣка, но просто какъ знакомаго. Обозначая сіе, евангелистъ говоритъ: *была тамъ матерь Іисуса* и братья Его. Какъ Ее и братьевъ позвали, такъ и Господа. Господь не отвергаетъ приглашенія и приходитъ, потому что Онъ смотрѣлъ не на собственное достоинство, а на то, что̀ полезно и благотворно для насъ. Тотъ, кто не сочелъ низкимъ быть между рабами, тѣмъ болѣе не могъ сочесть низ-

---

*Во время оно **

кимъ пойти на бракъ.— Матерь убѣждаетъ Его совершить чудо, потому что изъ событій зачатія и рожденія Она получила высокое понятіе о силѣ Его. Ибо она все сохраняла въ сердцѣ своемъ (Лук. 2, 19. 51), и отсюда заключала, что Сынъ Ея имѣетъ силу выше человѣка. Но Матерь не имѣла повода просить Іисуса о совершеніи чуда въ томъ, будто Онъ совершалъ и другія чудеса. Ибо, будучи отрокомъ, Онъ не совершилъ ни одного чуда; иначе Онъ былъ бы извѣстенъ всѣмъ. Вмѣстѣ съ симъ Матерь помнила и отзывы Іоанна, въ какихъ онъ свидѣтельствовалъ объ Немъ, видѣла уже, что и ученики слѣдуютъ за Нимъ, и изъ всего этого догадывалась о силѣ Сына.—Но Онъ дѣлаетъ ей упрекъ, и не безъ основанія. Если, говоритъ, нѣтъ вина, то и нужно было придти и просить тѣмъ самимъ, которые не имѣютъ его, а не тебѣ Матери. Ибо когда свои просятъ (совершить чудо), то зрители (его) соблазняются, а когда просятъ сами нуждающіеся, тогда дѣло бываетъ свободно отъ подозрѣнія.—*Еще не пришелъ часъ мой*, сказалъ не потому, будто подлежитъ зависимости отъ времени, или наблюдаетъ извѣстные часы (ибо какъ прилично сіе Творцу временъ и вѣковъ?), но потому, что все совершаетъ въ приличное время. Такъ какъ Онъ для многихъ былъ невидѣнъ и неизвѣстенъ, потому что не всѣ были учениками, и даже присутствующіе на бракѣ не знали Его, ибо въ такомъ случаѣ сами обратились бы съ просьбою объ винѣ,— поелику все это было такъ, то и сказалъ: *еще не пришелъ часъ мой*, то есть, не наступило приличное время. Но еще возстаетъ бѣшенство Арія, пытающееся

доказать, что Господь подчиненъ часамъ и временамъ. Итакъ научись, проклятый! Если Онъ зависѣлъ отъ часовъ, то какъ наконецъ совершилъ чудо? Ибо, если, по твоимъ словамъ, Онъ въ зависимости отъ часовъ и временъ, а часъ Его еще не пришелъ, слѣдовало бы, что Онъ не въ силахъ совершить чудо. Однакожъ Онъ совершилъ чудо; слѣдовательно независимъ отъ часовъ.— Примѣчай, пожалуй, какъ Онъ не до конца и не во всемъ противодѣйствуетъ Матери, но упрекнулъ немного, и опять исполняетъ ея просьбу, воздавая ей честь, и намъ подавая образецъ уваженія къ родителямъ.

Глагола мати его слугамъ: еже аще глаголетъ вамъ, сотворите. Бѣху же ту водоносы каменни шесть лежаще по очищенію іудейску, вмѣстящыя по двѣма или тріемъ мѣрамъ. Глагола имъ Іисусъ: наполните водоносы воды; и наполниша ихъ до верха. И глагола имъ: почерпите нынѣ, и принесите архитриклинови; и принесоша. Мать говоритъ служителямъ: что̀ скажетъ Онъ вамъ, то сдѣлайте, съ тѣмъ, чтобы просьба была усилена чрезъ приступъ и прошеніе ихъ самихъ, чтобы явно было, что отказъ былъ не отъ безсилія, но съ цѣлію—отвратить мнѣніе, будто прибѣгаетъ къ чудотвореніямъ изъ самохвальства и пустой напыщенности.—Каменные водоносы употреблялись для очищенія іудеевъ. Ибо іудеи почти каждый день обмывались, и потомъ уже принимались за пищу. Прикасались ли они къ прокаженному, къ мертвецу, сообщались ли съ женщиною, они обмывались, какъ уже нечистые. И какъ Палестина была безводна, и нельзя было находить много источниковъ, то они всегда наполняли водоносы водою, чтобы не бѣ-

гать на рѣки, въ случаѣ оскверненія. Не безъ цѣли сказалъ: *по очищенію іудейскому*. Но, чтобы кто изъ невѣрныхъ не подумалъ, что (въ сосудахъ) оставался нѣкоторый осадокъ винный, потомъ, когда влили воду и смѣшали, образовалось самое слабое вино, показываетъ, что они никогда не были вмѣстилищами вина. Но неужели не могъ Онъ произвесть вино изъ ничего, не наполняя сосуды водою? Конечно, могъ; но величіе чудесъ часто уменьшаетъ ихъ удобопріемлемость.—Могла быть и та цѣль, чтобы служителей, носившихъ воду въ сосуды, имѣть свидѣтелями чуда. Еще, чтобы мы научились, что Онъ же претворяетъ въ вино и влагу винограда, которая есть совершенно вода.—Приказываетъ служителямъ, чтобъ они подали питье для отвѣданія распорядителю пира, не безъ цѣли, но чтобы кто не подумалъ, что было собраніе пьяницъ, вкусъ у нихъ испортился, и, въ состояніи опьяненія, они приняли воду за вино. Чтобы такое подозрѣніе не имѣло мѣста, Онъ отвѣдываніе предоставляетъ трезвому—распорядителю пира. Ибо тѣ, которымъ ввѣрялось служеніе при подобныхъ случаяхъ, строго воздерживались, чтобы подъ ихъ распоряженіемъ все происходило чинно и благоприлично.—Но будемъ молиться, чтобъ это совершилось и надъ нами, чтобъ нынѣ совершился какъ-бы бракъ, то есть, соединеніе Бога съ душею нашею, доколѣ мы еще въ Канѣ галилейской, то есть, въ странѣ сего низкаго и низвращеннаго міра, во всѣхъ отношеніяхъ превратнаго и превращающаго. Бракъ же сей не бываетъ безъ присутствія Христа и Его Матери и учениковъ. Ибо какъ соединится съ Богомъ тотъ, кто не увѣруетъ во

Христа, родившагося отъ Маріи, и говорившаго во апостолахъ? Посмотримъ же, какое чудо совершаетъ Господь при такомъ бракѣ и при такомъ соединеніи Бога съ душею. Онъ претворяетъ воду въ вино, наполняетъ шесть каменныхъ водоносовъ нашихъ. Подъ *водою* ты можешь разумѣть нашу водянистость, влажность и разслабленіе въ жизни и мнѣніяхъ; подъ пятью *водоносами* пять чувствъ, которыми ошибаемся мы въ дѣлахъ, подъ шестымъ водоносомъ—разумъ, которымъ мы колеблемся въ мнѣніяхъ. Итакъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, евангельское Слово, врачуя наши паденія, въ дѣятельной ли то жизни, въ умственной, или созерцательной, жидкое и нетвердое въ насъ прелагаетъ въ *вино*, то есть, въ жизнь и ученіе, вяжущее и веселящее, и такимъ образомъ шесть нашихъ водоносовъ наполняются симъ прекраснымъ напиткомъ,—чувства, чтобъ мы не погрѣшали въ дѣятельности,—разумъ, чтобъ мы не погрѣшали къ мнѣніяхъ.—Прими во вниманіе, что тамъ стояли каменные водоносы по обычаю очищенія іудейскаго. Слово *Іуда* значитъ исповѣданіе. Исповѣдующійся очищается въ пяти чувствахъ, которыми прежде грѣшилъ. Глазъ видѣлъ худо; глазъ же при исповѣданіи плачетъ, и такимъ образомъ служитъ къ очищенію. Ухо слышало блудныя пѣсни; оно же опять наклоняется къ словамъ устъ Божіихъ. Такъ бываетъ и надъ прочими чувствами. Разумъ погрѣшаетъ въ мнѣніяхъ; онъ же опять очищаетъ прежнее зло, преклоняясь на правильное мудрствованіе. Водоносы—*каменные*, или потому, что составъ нашъ изъ земли, или потому, что преднамѣреваемыя вмѣстилища такого вина должны быть тверды и неразрушимы. Разумъ Павла былъ ка-

менным водоносом и въ то время, когда онъ гналъ, ибо онъ ревновалъ по отеческимъ преданіямъ болѣе всѣхъ сверстниковъ (Галат. 1, 14), и въ то время, когда проповѣдывалъ, ибо онъ имѣлъ такую силу въ словахъ, что ликаонцы, какъ первенствующаго въ словѣ, сочли его за Ермія (Дѣян. 14, 12).

Якоже вкуси архитриклинъ вина бывшаго отъ воды, и не вѣдяше, откуду есть: слуги же вѣдяху почерпшіи воду; пригласи жениха архитриклинъ, и глагола ему: всякъ человѣкъ прежде доброе вино полагаетъ, и егда упіются, тогда хуждшее: ты же соблюлъ еси доброе вино доселѣ. Распорядитель пира спрашиваетъ не служителей, а жениха. Почему? Конечно, по Божескому устроенію. Если бы онъ спросилъ служителей, они, конечно, открыли бы чудо; но имъ не повѣрилъ бы никто, ибо оно было началомъ знаменій, и никто еще не имѣлъ великаго понятія о Христѣ, такъ что никто не повѣрилъ бы, если бы служители и разсказывали о чудѣ. Однакожъ, когда послѣ сего Онъ совершилъ и другія чудеса, и настоящее должно было сдѣлаться достовѣрнымъ, и служители, всѣмъ разсказывающіе объ немъ, мало по малу могли пріобрѣсть довѣріе. Для сего-то Господь устроилъ такъ, что спрошены не служители, а женихъ. Господь не просто сотворилъ (изъ воды) вино, но вино прекрасное. Ибо чудеса Христовы таковы, что гораздо превосходнѣе того, что совершается природою. О томъ, что вода претворилась въ вино, свидѣтельствуютъ служители, черпавшіе воду; о томъ, что оно было прекрасное,—распорядитель пира. Обо всемъ этомъ, съ теченіемъ времени, проповѣдано, и слышащіе о семъ

должны были увѣриться очень твердо.—Подъ *виномъ* ты можешь разумѣть евангельское ученіе, а подъ *водою* все, предшествовавшее Евангелію, что было очень водянисто и не имѣло совершенства евангельскаго ученія. Скажу примѣръ: Господь далъ человѣку разные законы, одинъ—въ раю (Быт. 2, 16. 17), другой—при Ноѣ (Быт. 9 гл.), третрій—при Авраамѣ объ обрѣзаніи (Быт. 17 гл.), четвертый—чрезъ Моисея (Исх. 19 и 20 гл.), пятый—чрезъ пророковъ. Всѣ сіи законы, въ сравненіи съ точностію и силою Евангелія, водянисты, если кто понимаетъ ихъ просто и буквально. Еслижъ кто углубится въ духъ ихъ и уразумѣетъ сокрытое въ нихъ, тотъ найдетъ воду претворившеюся въ вино. Ибо различающій духовно то, что говорится просто и понимается многими буквально, безъ сомнѣнія, въ этой водѣ найдетъ прекрасное вино, піемое въ послѣдствіи и сберегаемое женихомъ Христомъ, такъ какъ Евангеліе и явилось въ послѣднія времена.

Се сотвори начатокъ знаменіемъ Іисусъ въ Канѣ галилейстѣй и яви славу свою: и вѣроваша въ него ученицы его. Что Господь началъ творить чудеса послѣ своего крещенія, объ этомъ мы и прежде говорили. Но кажется, что первое чудо Онъ совершилъ именно претвореніемъ воды въ вино. Ибо сказано: сіе положилъ начало чудесамъ. Но скажетъ иной: если сіе чудо и есть начало чудесъ, то не всѣхъ, а только совершенныхъ въ Канѣ галилейской. Такъ какъ Онъ совершилъ разныя чудеса въ Канѣ, то имъ оно—начало. Хотя мы многое имѣемъ для подтвержденія, что настоящее чудо есть начало и всѣхъ чудесъ, потому что слова: *и явилъ*

славу свою, и: *увѣровали въ Него ученики Его,* показываютъ, что прежде сего Онъ не творилъ другаго чуда, которымъ бы Онъ явилъ славу свою: однакожъ не будемъ спорить, оно ли было первымъ чудомъ, или другое. – Какъ же Онъ явилъ славу свою? Вѣдь немногіе находились при семъ событіи, и не предъ лицемъ народа совершено оно? Но если не тогда, то въ послѣдствіи всѣ должны были услышать объ этомъ чудѣ, какъ оно и донынѣ возвѣщается, а не осталось безъизвѣстнымъ. Слова: ученики Его увѣровали въ Него—понимай такъ, что они возъимѣли большую и крѣпчайшую вѣру въ Него. Они и прежде, конечно, вѣровали, но вѣровали не такъ твердо.

По семъ сниде въ Капернаумъ самъ, и мати его.* Зач.
и братія его, и ученицы его: и ту не многи дни пребыша. 7.
И близъ бѣ пасха іудейска, и взыде во Іерусалимъ Іисусъ. И обрѣте въ церкви продающыя овцы и волы и голуби, и пѣняжники сѣдящыя. И сотворивъ бичь отъ вервій, вся изгна изъ церкве, овцы и волы, и торжникомъ разсыпа пѣнязи, и дски опроверже: И продающимъ голуби рече: возмите сія отсюду: и не творите дому Отца моего дому купленаго. Помянуша же ученицы его, яко писано есть: жалость дому твоего снѣсть мя. Господь приходитъ въ Капернаумъ не для другаго какого дѣла, какъ для того, чтобъ оставить тамъ Мать свою, чтобы не водить ее за Собою повсюду. Такъ какъ они ходили въ Кану на бракъ, а бракъ прошелъ, то Онъ и возвращаетъ Мать въ Капернаумъ въ домъ ея. А что

Во время оно, сниде Іисусъ *

по сей именно причинѣ Господь приходилъ въ Капернаумъ, это открывается изъ того, что Онъ и пробылъ тамъ не много дней, и не совершалъ тамъ чудесъ, потому что жители сего города не имѣли къ Нему вѣры, почему Господь въ другомъ мѣстѣ и высказываетъ горе ему (Матѳ. 21, 23).—Словами: *приближалась пасха*, евангелистъ показываетъ, что Іисусъ крестился не задолго до пасхи. Пришедъ въ Іерусалимъ, Онъ совершаетъ дѣло, обнаруживающее полное самовластіе, именно: выгоняетъ изъ храма тѣхъ, кои продавали овецъ и воловъ. Хотя и Матѳей (21, 12. 13) повѣствуетъ о семъ, но знай, что Онъ сдѣлалъ сіе не однажды. Разсказываемое у Матѳея Онъ совершаетъ близко къ страданіямъ своимъ, а настоящее—у Іоанна—Онъ совершаетъ въ началѣ знаменій. Посему здѣсь съ послабленіемъ сказалъ: *дома Отца моего не дѣлайте домомъ торговли*. Ибо чудеса только еще начинались, и у Него не было еще той смѣлости, какую придавали чудеса. А тамъ, то есть, у Матѳея, говоритъ: *не дѣлайте вертепомъ разбойниковъ*. Явно назвалъ ихъ разбойниками, какъ наживающихся несправедливыми средствами. Ибо кто мало стоющую вещь цѣнитъ дорого, и при случаѣ извлекаетъ себѣ выгоду отъ бѣдныхъ и вдовъ (какъ обыкновенно дѣлаютъ скупающіе необходимые предметы и потомъ продающіе), что иное дѣлаетъ, какъ не разбойничаетъ, извлекая себѣ выгоду изъ несчастія ближнихъ? Для чего Онъ совсѣмъ выгоняетъ такихъ людей изъ храма? не безъ основанія. Онъ будетъ исцѣлять въ субботу, и (какъ-бы) нарушать законъ объ ней, посему чтобы (тогда) не сочли Его богопротивни-

комъ. Онъ настоящимъ случаемъ предупреждаетъ такую мысль ихъ. Ибо кто показалъ такую ревность по храмѣ, тотъ не станетъ отвергать Бога, Господа храма. И выгналъ не просто, но ударяя бичемъ изъ веревокъ, и опрокинулъ столы, и разсыпалъ монету или деньги мѣновщиковъ, и рѣшился на дѣло весьма опасное. А кто подвергаетъ себя опасности за домъ Бога, тотъ допуститъ отступленіе отъ закона Божія не какъ богопротивникъ, но, безъ сомнѣнія, какъ Сынъ, имѣющій равную власть съ Богомъ и Отцемъ, давшимъ законъ о субботѣ. Посему не сказалъ: домъ *Бога*, но: домъ *Отца моего*, показывая, что Онъ, какъ Сынъ, имѣетъ власть надъ всѣмъ принадлежащимъ Отцу. Мѣновщики суть тѣ, кои продаютъ *мелкія монеты или нуммы*; ибо у грековъ словомъ κόμλυβος называется мелкая монета, которую римляне называютъ словомъ—νοῦμμον. Подобно тогдашнимъ торговцамъ грѣшатъ и многіе изъ первосвященниковъ, когда они продаютъ въ церкви *воловъ*, не отдавая чести отличающимся въ учительскомъ словѣ, но отдавая (оную) желающимъ злодѣйствовать, когда продаютъ *овецъ*—простой и обыкновенный народъ, *голубей*—духовныя дарованія, и когда поставляютъ на высшую степень тѣхъ, которые больше даютъ: такихъ Господь *выгоняетъ* изъ святилища, находя ихъ по суду своему недостойными первосвященства. Также, если кто продаетъ крупную и мелкую монету, то есть, мнѣніе и слово, и, будучи учителемъ, но не предвидя пользы, не возвѣщаетъ евангельскаго слова, то Господь *опрокидываетъ* и его *столъ*, то есть, званіе учителя, и ученіе, которое онъ по злобѣ удерживаетъ, не давая его

всѣмъ, между тѣмъ какъ Господь Іисусъ отрѣпаетъ такого отъ власти, и посаждаетъ на столъ учительскій другаго—достойнаго.—Ученики вспомнили, что написано: ревность по домѣ твоемъ снѣдаетъ меня (Псал. 68, 10). Немного еще времени возрастаютъ они въ добрѣ, а уже припоминаютъ и мѣста изъ Писаній, и въ нихъ находя свидѣтельства, болѣе и болѣе утверждаются въ своихъ познаніяхъ о Христѣ.

Отвѣщаша же іудее и рѣша ему: кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши? Отвѣща Іисусъ и рече имъ: разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю. Рѣша же іудее: четыредесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и ты ли треми денми воздвигнеши ю? Онъ же глаголаше о церкви тѣла своего. Егда убо воста отъ мертвыхъ, помянуша ученицы его, яко се глаголаше: и вѣроваша писанію и словеси, еже рече Іисусъ. Когда іудеи увидѣли, что Господь дѣлаетъ это съ великою властію и говоритъ: дома Отца моего не дѣлайте рынкомъ, то говорятъ: увѣрь насъ какимъ-нибудь чудомъ, что ты Сынъ Бога и что ты Имъ посланъ. Ибо откуда видно, что Господь дома сего—Отецъ тебѣ? Онъ же отвѣчаетъ имъ приточно, говоря: *разрушьте храмъ сей*, безъ сомнѣнія, говоря о своемъ тѣлѣ, потому что въ немъ обитало все божество Единороднаго. Словомъ: *разрушьте* не поощряетъ ихъ къ убійству (прочь такая мысль!), но, зная ихъ намѣреніе совершить сіе, намекаетъ на то, что̀ случится безотложно.—Пусть и аріане слышатъ, какъ Господь и разрушитель смерти говоритъ: *Я воздвигну*. Не сказалъ: Отецъ воздвигнетъ, но *Я* воздвигну, употребивъ соб-

ственную силу, а не нуждаясь въ чужой отвнѣ. Іудеи же, думая, что Онъ говоритъ о бездушномъ храмѣ, смѣются надъ Нимъ. Какъ, говорятъ, говоришь ты, что воздвигнешь его въ три дня, тогда какъ онъ строился сорокъ шесть лѣтъ? Нужно знать, что, когда храмъ въ первый разъ строился при Соломонѣ, тогда все безъ нужды исполнено въ двадцать лѣтъ. Въ послѣдствіи же, когда евреи послѣ плѣненія получили позволеніе строить (храмъ), они начали возобновлять его въ царствованіе Кира; потомъ, встрѣтивъ препятствіе со стороны завистниковъ, продолжали постройку до царствованія Артаксеркса; при немъ же, пользуясь полною безопасностію, съ большимъ трудомъ могли окончить это дѣло.—Когда же говорится, что іудеи, во время строенія, въ одной рукѣ держали копье, а въ другой строительное орудіе; то они были въ такомъ большомъ страхѣ отъ сосѣдственныхъ идумеевъ, а не отъ персовъ, ибо отъ нихъ, то есть, отъ персовъ, какъ я сказалъ, они пользовались полною безопасностію. О сей-то постройкѣ, бывшей послѣ плѣна, говорятъ, что она продолжалась сорокъ шесть лѣтъ, такъ какъ іудеямъ препятствовали, и потому они протянули ее отъ царствованія Кира до Артаксеркса.—И неудивительно, что не поняли словъ (Іисуса) іудеи, равно какъ и ученики. Для нихъ были два величайшія затрудненія: одно—то, что дѣло воскресенія очень неудобопонятно, тѣмъ болѣе, что имъ вовсе неизвѣстно; другое—то, что живущій въ тѣлѣ есть Богъ. Однакожъ послѣ воскресенія ученики поняли, и повѣрили Писанію. Какому Писанію? и всякому, которое предваряетъ о воскресеніи, и,

какъ яснѣйшему, сему: ты не оставишь души моей во адѣ (Псал. 15, 10), и сему: Господь хочетъ очистить его отъ раны, и показать ему свѣтъ (Исаіи 53, 11). Ибо сіи мѣста Писанія весьма ясно предваряютъ о воскресеніи. Аполлинарій пытается найти здѣсь защиту своей ереси. Желая подтвердить, что плоть Господа была безъ души, говоритъ: плоть называется храмомъ, а храмъ бездушенъ; слѣдовательно и она бездушна. Пораженный громомъ и вскружившійся! ты плоть Господа сдѣлаешь, пожалуй, и деревьями и камнями, такъ какъ храмъ изъ нихъ?! Когда ты слышишь слова Господа: *душа* моя теперь возмутилась (Іоан. 12, 27), и: Я имѣю власть положить *душу* мою (Іоан. 10, 18): то какъ ихъ понимаешь? Если ты скажешь, что сіе говорится не о словесной и разумной душѣ: то гдѣ ты положишь слова: Отче! въ руки твои предаю *духъ* мой (Лук. 23, 46)? Неужели и сіе будешь понимать о неразумной душѣ? А это: не оставишь *души* моей во адѣ (Псал. 15, 10), какъ тебѣ кажется? Но погибай ты съ своими (единомышленниками).

Егда же бѣ во Іерусалимѣхъ въ праздникъ пасхи, мнози вѣроваша во имя его, видяще знаменія его, яже творяше. Самъ же Іисусъ не вдаяше себе въ вѣру ихъ, зане самъ вѣдяше вся. И яко не требоваше, да кто свидѣтельствуетъ о человѣцѣхъ: самъ бо вѣдяше, что бѣ въ человѣцѣ ([1]).

([1]) *Примѣч.* 23, 24 и 25 стихи 2-й главы у блаженнаго Ѳеофилакта отнесены къ 3-й главѣ и составляютъ ея начало.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О Никодимѣ и Іисусѣ.—О крещеніи Іисусовомъ и Іоанновомъ.—Объ очищеніи.

*Бѣ же человѣкъ * отъ фарисей, Никодимъ имя ему, князь жидовскій: Сей пріиде ко Іисусу нощію, и рече ему: Равви вѣмъ, яко отъ Бога пришелъ еси учитель: никтоже бо можетъ знаменій сихъ творити, яже ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ.* Зач. 8. Когда Іисусъ былъ на праздникѣ, то нѣкоторые, повидимому, увѣровали во имя Его; но вѣра ихъ была нетверда. Ибо, внимая на время Христу, не какъ Богу, а какъ богоносному человѣку, они опять отпадали и отъ сей самой ничтожной вѣры. А что они были таковы, это видно изъ нижеслѣдующаго. Самъ, говорится, Іисусъ не ввѣрялъ Себя имъ, и не передавалъ всего ученія, какъ неистинно вѣрующимъ, проникая въ сердца ихъ (Псал. 93, 11. Іерем. 17, 10) и зная, что объ Немъ было въ нихъ. Ибо отъ Него не укрывалось, каковъ былъ помыслъ въ каждомъ человѣкѣ, повидимому, вѣрующемъ. Таковъ почти былъ и Никодимъ. Вѣрилъ и онъ Іисусу, и, кажется, говорилъ іудеямъ въ пользу Господа, именно, что нужно судить Его по внимательномъ изслѣдованіи (Іоан. 7, 50. 51). Да и послѣ распятія, при погребеніи, онъ также показалъ много заботливости и щедрости. Однакожъ онъ не вѣровалъ, какъ должно было. Придерживаясь еще слабости іудейской, онъ приходитъ къ Іисусу *ночью* изъ страха отъ

Во время оно, человѣкъ нѣкій бѣ *

іудеевъ (Іоан. 19, 38, 39); называетъ Его *учителемъ*, какъ простаго человѣка; ибо такое имѣлъ понятіе объ Немъ, почему и прибавляетъ, что никто не можетъ творить такихъ (чудесъ), если не будетъ съ нимъ Богъ. Видишь ли? онъ приходитъ къ Іисусу, какъ къ пророку и человѣку, любимому отъ Бога. Что же Господь? Онъ не обличаетъ его грознымъ образомъ, не говоритъ, зачѣмъ ночью приходишь къ учителю, посланному отъ Бога, почему не имѣешь смѣлости? Ничего такого не говоритъ, но милостиво разговариваетъ съ нимъ о предметахъ божественныхъ и высокихъ. Примѣчай также, что хотя Христосъ творилъ много чудесъ, но настоящій евангелистъ не повѣствуетъ ни объ одномъ изъ нихъ, или потому, что объ нихъ сказано другими евангелистами, или потому, что они выше подробнаго повѣствованія.

Отвѣща Іисусъ, и рече ему: аминь аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія. Кажется, слова Господа къ Никодиму не имѣютъ ничего общаго съ словами къ Нему Никодима. Но для внимательнаго откроется много общаго. Такъ какъ Никодимъ имѣлъ понятіе о Христѣ уничиженное, именно, что Онъ учитель, и что съ Нимъ Богъ, то Господь говоритъ ему: тебѣ естественно имѣть такое понятіе обо Мнѣ. Ибо ты еще не родился *свыше*, то есть, отъ Бога, рожденіемъ духовнымъ, но еще плотянъ, и познаніе; какое ты имѣешь обо Мнѣ, не есть духовное, но душевное и человѣческое. А Я говорю тебѣ, что и ты, и всякій другой, будете внѣ царствія, если не родитесь свыше и отъ Бога, и не по-

лучите должнаго обо Мнѣ понятія. Ибо рожденіе чрезъ крещеніе, внося въ душу свѣтъ, даетъ ей возможность видѣть или познавать царствіе Божіе, то есть, единороднаго Его Сына. Ибо Сынъ можетъ быть названъ какъ премудростію Божіею, такъ и царствомъ Божіимъ. Царства же сего, Никодимъ, никто не можетъ видѣть или познать, если не родится отъ Бога. Такъ и ты, потому что не родился еще духовно, не видишь Меня—царствія Божія, какъ должно, но имѣешь обо Мнѣ низкое понятіе.

Глагола къ нему Никодимъ: како можетъ человѣкъ родитися старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матери своея, и родитися? Отвѣща Іисусъ: аминь аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе. Никодимъ, слыша ученіе выше, чѣмъ человѣческое, изумляется, и, по свойству немощной природы человѣческой, спрашиваетъ: какъ это возможно? Это—признакъ невѣрія. Ибо, гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ являются вопросы: какъ это? почему это? Слова Никодима кажутся и смѣшными, потому что онъ не помыслилъ о духовномъ рожденіи, а припомнилъ тѣлесное чрево. Услышавъ, что если кто не родится ἄνωθεν *свыше*, онъ подумалъ, что ἄνωθεν употреблено вмѣсто: *сначала*, *снова*, во второй разъ, и рѣчь понялъ въ такомъ значеніи: если кто не родится *сначала*, во второй разъ. Посему и говоритъ: какъ можетъ, будучи старъ, войти во утробу матери своей? Два предмета для него были неудобопонятны: одинъ—рожденіе духовное, другой—царствіе. Ибо имени царства небеснаго іудеи никогда не слы-

шали. Теперь онъ недоумѣваетъ о рожденіи. Христосъ и открываетъ ему яснѣе способъ рожденія духовнаго. Ибо человѣкъ, состоя изъ двухъ частей, изъ души и тѣла, имѣетъ и образъ рожденія двучастный. Вода, видимо принимаемая, дѣйствуетъ къ очищенію тѣла, а Духъ, невидимо соединяюшійся, къ возрожденію невидимой души. Если ты спрашиваешь, какъ вода можетъ родить; то и Я спрошу, какъ сѣмя, которое само водообразно, можетъ образоваться въ человѣка? Посему, какъ надъ сѣменемъ тѣлеснымъ все совершаетъ благодать Божія, такъ и при крещеніи предлежитъ вода, но все совершаетъ Духъ, и молитвенное призываніе, а особенно присутствіе Бога. Ибо въ водѣ сей совершаются знаки и образъ погребенія и воскресенія. Три погруженія—знакъ тридневнаго погребенія; потомъ человѣкъ воскресаетъ (выныряетъ), какъ Господь, нося свѣтлую и чистую одежду нетлѣнія, а тлѣніе погрузивъ въ водѣ.

Рожденное отъ плоти, плоть есть: и рожденное отъ Духа, духъ есть. Не дивися, яко рѣхъ ти: подобаетъ вамъ родитися свыше. Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа. Господь, отвлекая (вниманіе) Никодима отъ рожденія плотскаго, говоритъ: рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа—духъ, то есть, человѣкъ, родившійся крещеніемъ, становится духовенъ: ибо слово *духъ* ты долженъ разумѣть вмѣсто: духовный. Правда, крестившійся не дѣлается духомъ божественнымъ, но, получивъ Духомъ сыноположенія

женіе, благодать и честь, удостоивается быть духовнымъ Видя же, что Никодимъ и еще смущается, говоритъ: не удивляйся. Потомъ пытается учить чувственнымъ примѣромъ. Духъ, говоритъ, дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, однакожъ не знаешь его направленія, потому что онъ неудержимъ и безпрепятственъ, и по силѣ природы имѣетъ стремленіе во всѣ стороны. Если говоритъ: дышетъ, гдѣ хочетъ, то не потому, будто вѣтеръ имѣетъ способность (свободнаго) выбора и желанія, но потому, что хочетъ (какъ я сказалъ) указать на естественное его движеніе и неудержимую силу. Если же не знаешь, гдѣ и какъ дышетъ вѣтеръ, сей духъ, подлежащій чувству, то какъ хочешь уразумѣть возрожденіе отъ Духа Божія? Если сей духъ не можетъ быть задержанъ, то тѣмъ болѣе не подчинится законамъ природы благодать Духа Святаго. Да постыдится духоборецъ Македоній и предшественникъ его Евномій. Первый поставляетъ Духа въ раба, однако здѣсь слышитъ, что вѣтеръ дышетъ, гдѣ хочетъ, и слѣдовательно тѣмъ болѣе Духъ имѣетъ самовластное движеніе, и дѣйствуетъ, гдѣ и какъ хочетъ. А Евномій, прежде погрѣшивъ въ семъ же самомъ и назвавъ Духа тварью, до того простеръ свою дерзость, что будто онъ знаетъ Бога также, какъ самого себя. Пусть же слышитъ, что онъ не знаетъ движенія и стремленія вѣтра: какъ же, преступный, дерзаешь (присвоять себѣ знаніе) сущности Божіей.

Отвѣща Никодимъ и рече ему: како могутъ сія быти? Отвѣща Іисусъ и рече ему: ты еси учитель исраилевъ, и сихъ ли не вѣси? Аминь аминь глаголю те-

бѣ, яко, еже вѣмы, глаголемъ: и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ: и свидѣтельства нашего не пріемлете. Азъ земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете? Никодимъ еще остается съ іудейскою немощію; потому опять спрашиваетъ: какъ это можетъ быть? Посему и Господь, показывая ему, что онъ спрашиваетъ такъ отъ простоты, говоритъ: ты учитель израилевъ. Если вспомнишь славныя чудеса, совершенныя въ ветхомъ завѣтѣ, начиная отъ сотворенія человѣка и далѣе, именно, какъ онъ сотворенъ (Быт. 2, 7. 21, 22), какъ жена создана изъ ребра, какъ совершились знаменія въ Египтѣ, какъ въ Чермномъ морѣ (Исх. гл. 7. 8. 9. 14), какъ неплодныя раждали (1 Цар. гл. 1) и тому подобное, если сообразишь это, какъ учитель израилевъ; то повѣришь и тому, что̀ Я теперь говорю. Притомъ Я говорю о томъ, что̀ знаю и что̀ видѣлъ, то есть, знаю до точности. Ибо словомъ: мы *видѣли* Онъ обозначаетъ не тѣлесное зрѣніе, но знаніе самое точное. Но вы свидѣтельства *нашего*, то есть, моего не принимаете. Господь говоритъ это не (одному) Никодиму, но простираетъ къ (цѣлому) роду іудеевъ, до конца оставшихся въ невѣріи. Если Я сказалъ вамъ о земномъ, и вы не вѣрите, то есть, если Я сказалъ вамъ о возрожденіи, совершающемся въ крещеніи, и вы не приняли, но спросили: *какъ?* (называетъ сіе рожденіе *земнымъ*, потому что оно совершается на землѣ во благодѣяніе людямъ, живущимъ на землѣ; хотя оно по благодати и достоинству небесное, но мы крещаемся, будучи на землѣ),—итакъ если Я сказалъ о семъ *земномъ* рожденіи, и нашелъ

васъ невѣрующими: то такъ вы повѣрите, если услышите о неизреченномъ рожденіи небесномъ, какимъ единородный Сынъ родился отъ Отца?—Нѣкоторые же подъ *земнымъ* разумѣли примѣръ вѣтра, такъ что рѣчь представляется въ такомъ смыслѣ: если Я представилъ вамъ примѣръ изъ предметовъ земныхъ, и вы имъ не убѣдились; то какъ можете учиться предметамъ болѣе возвышеннымъ?

И никтоже * *взыде на небо, токмо сшедый съ небе-* Зач. 9.
се, Сынъ человѣческій, сый на небеси. И это, повидимому, не имѣетъ ничего общаго съ предъидущимъ. Но если кто внимательно всмотрится въ мысль Господа, то окажется, что и это близко относится къ предъидущему. Поелику Никодимъ называлъ Господа учителемъ и пророкомъ, то Онъ говоритъ: не считай Меня за пророка, сущаго отъ земли, посланнаго Богомъ учить, но считай Меня сшедшимъ свыше, какъ Сына, а не отъ земли сущимъ. Никто изъ пророковъ не восходилъ на небо, а только Я одинъ имѣю взойти, какъ и низшелъ. Услышавъ, что Сынъ человѣческій сшелъ *съ неба*, не думай, что плоть сошла съ неба. Дѣйствительно Аполлинарій такъ думалъ, что Христосъ, имѣя тѣло съ неба, прошелъ чрезъ Дѣву какъ чрезъ каналъ. Но поелику Христосъ, состоящій изъ двухъ естествъ, былъ одна ипостась или одно лице, то названія человѣка прилагаются къ Слову, и опять названія Слова—къ человѣку. Такъ и здѣсь говорится, что съ неба сшелъ *Сынъ человѣческій,* потому что Онъ одно лице и одна

Рече Господь: никтоже *

упостась. Потомъ, чтобъ ты, услышавъ *сшелъ*, не подумалъ, что сшедшій уже не находится на небѣ, говоритъ: *сущій на небѣ*. Итакъ услышавъ, что сшелъ, не подумай, что Я не нахожусь тамъ; но Я и здѣсь присутствую тѣлесно, и тамъ возсѣдаю со Отцемъ по божеству.

И якоже Моѵсей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому: Да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный. Сказавъ прежде о возрожденіи чрезъ крещеніе, говоритъ потомъ уже и о благодѣяніи, совершенномъ для насъ чрезъ крестъ. Ибо крестъ и смерть—причина благодати, подаваемой намъ чрезъ крещеніе, такъ какъ при крещеніи изображаемъ смерть Господню. Не говоритъ прямо, что Я буду распятъ, но напоминаетъ о зміѣ и о древней исторіи (Числ. 21, 5—9) и такимъ образомъ заразъ съ одной стороны научаетъ насъ, что древнее сродно съ новымъ, и что одинъ и тотъ же законоположникъ ветхаго и новаго завѣта, хотя Маркіонъ, Манесъ и остальное собраніе подобныхъ еретиковъ отвергаютъ ветхій завѣтъ, говоря, что онъ есть законоположеніе злаго диміурга (художника); съ другой стороны научаетъ, что если іудеи избѣгали смерти чрезъ взглядъ на мѣдное изображеніе змія, то тѣмъ болѣе мы избѣжимъ смерти душевной, взирая на распятаго и вѣруя въ Него. Сличи, пожалуй, образъ съ истиною. Тамъ подобіе змія, имѣющее видъ змія, но не имѣющее яда: такъ и здѣсь Господь—человѣкъ, но—свободный отъ яда грѣха, пришедшій въ подобіи плоти грѣха, то есть, въ подобіи плоти, подлежащей грѣху, но самъ не есть

плоть грѣха. Тогда—взирающіе избѣгали тѣлесной смерти; а мы—избѣгаемъ духовной. Тогда повѣшенный исцѣлялъ отъ ужаленія змѣй, а нынѣ—Христосъ исцѣляетъ язвы отъ дракона мысленнаго.—Когда слышишь: *вознестися*, понимай такъ: быть повѣшену. Ибо Онъ повѣшенъ былъ на высотѣ, чтобы Освятившему землю, хожденіемъ по ней, освятить и воздухъ. *Вознестися* понимай и такъ: быть прославлену. Ибо крестъ сталъ по-истинѣ высотою и славою Христа. Въ чемъ Онъ казался осужденнымъ, тѣмъ осудилъ князя міра сего. Объясню нѣсколько. Адамъ умеръ по справедливости, потому что согрѣшилъ. Господь умеръ не по долгу справедливости, потому что не согрѣшилъ. До распятія Господа смерть справедливо властвовала надъ людьми. А какъ Господь оказался безгрѣшнымъ, то діаволъ что̀ могъ найти въ Немъ заслуживающаго смерти? А какъ Онъ былъ умерщвленъ несправедливо, то побѣдилъ умертвившаго Его, и такимъ образомъ освободилъ и Адама отъ смерти, справедливо причиненной ему, какъ согрѣшившему.—И иначе. Два предмета господствовали надъ родомъ человѣческимъ: удовольствіе и скорбь. Господь, прошедши чрезъ то и другую, оказался непобѣдимъ. Искуситель сначала приступалъ къ Нему на горѣ съ предложеніемъ удовольствія (Матѳ. 4, 3. 6. 9.); но, нашедъ Его непобѣдимымъ чрезъ это, употребилъ великую хитрость, навелъ скорбь, чтобы по крайней мѣрѣ чрезъ нее овладѣть Имъ, и для сего возставилъ противъ Него все: отреченіе учениковъ, насмѣшки воиновъ, хулу мимопроходящихъ, смерть отъ іудеевъ, но и при этомъ—нашелъ Его непобѣдимымъ. Ибо скорбь

на крестѣ не могла возбудить въ Господѣ ненависть къ распинателямъ, но Онъ продолжалъ любить ихъ и молился за нихъ, говоря; Отче! не поставь имъ грѣха сего (Лук. 23, 34). Видишь ли, какъ Онъ побѣдилъ тѣмъ, чѣмъ, повидимому, былъ побѣжденъ. Такимъ образомъ крестъ сталъ и возвышеніемъ Его и славою.

Зач. 10. *Тако бо * возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный. Не посла бо Богъ Сына своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ.* Любовь Бога къ міру велика и до того простерлась. что Онъ отдалъ не ангела, ни пророка, но Сына своего, и притомъ единороднаго (1 Іоан. 4, 9). Если бы Онъ отдалъ и ангела. то и это дѣло было бы немало. Почему? потому, что ангелъ—вѣрный и покорный Его служитель, а мы—враги и отступники. Теперь же, когда отдалъ Сына. какое превосходство любви показалъ Онъ?! Опять, если бы Онъ имѣлъ много сыновей, и отдалъ одного, то и это было бы очень великое дѣло. А теперь Онъ отдалъ Единороднаго. Можно ли же достойно воспѣть Его благость? Аріане говорятъ, что единороднымъ Сынъ называется потому, что онъ одинъ только произведенъ и сотворенъ Богомъ, а все прочее уже Имъ сотворено. Отвѣтъ имъ простой. Если бы Онъ названъ былъ единороднымъ безъ слова Сынъ, то ваша тонкая выдумка имѣла бы основаніе. Но теперь, когда Онъ называется единороднымъ и Сыномъ, слово единородный нельзя понимать такъ, какъ

---

*Рече Господь: тако **

вы, но такъ, что Онъ одинъ только рожденъ отъ Отца.—Замѣть, прошу тебя, то, что какъ выше Онъ сказалъ, что Сынъ человѣческій сшелъ съ неба, хотя плоть не сошла съ неба, но принадлежащее Богу приложилъ къ человѣку по причинѣ единства Лица и единства Ѵпостаси, такъ и здѣсь, опять, принадлежащее человѣку прилагаетъ къ Богу Слову. Отдалъ, говоритъ, Богъ Сына своего на смерть, хотя Богъ пребылъ безстрастенъ, но поелику по Ѵпостаси одинъ и тотъ же былъ и Богъ Слово и человѣкъ, подлежащій страданіямъ, то и говорится, что отдается (на смерть) Сынъ, который дѣйствительно и страдалъ въ собственной плоти.—Какая польза отъ того, что отданъ Сынъ? Великая и недомыслимая для человѣка—та, чтобы всякій, вѣрующій въ Него, получилъ два блага, одно, чтобы не погибъ, другое, чтобы имѣлъ жизнь, и притомъ вѣчную. Ветхій завѣтъ тѣмъ, кои въ немъ благоугождали Богу, обѣщалъ долголѣтнюю жизнь, а Евангеліе награждаетъ такихъ жизнію не временною, но вѣчною и неразрушимою. Поелику два пришествія Христовы, одно уже бывшее, а другое—будущее, то о первомъ пришествіи говоритъ, что Сынъ не посланъ, чтобы судить міръ (потому что, если бы Онъ для сего пришелъ, то всѣ были бы осуждены, такъ какъ всѣ согрѣшили, какъ и Павелъ говоритъ, Рим. 3, 23), но преимущественно для того пришелъ, чтобы спасти міръ. Таковая была цѣль у Него. Но на дѣлѣ вышло, что осуждаетъ тѣхъ, кои не увѣровали. Моисеевъ законъ пришелъ преимущественно для обличенія грѣха (Рим. 3, 20) и осужденія преступниковъ. Ибо онъ никому не прощалъ, но какъ

находилъ согрѣшающаго въ чемъ-нибудь, въ тоже время налагалъ и наказаніе. Итакъ первое пришествіе не имѣло цѣлію судить кромѣ тѣхъ, которые на дѣлѣ не увѣровали, ибо они уже осуждены, а второе пришествіе будетъ рѣшительно для того, чтобы судить всѣхъ и воздать каждому по дѣламъ его.

Вѣруяй въ онъ, не будетъ осужденъ: а не вѣруяй, уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя единороднаго Сына Божія. Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ, и возлюбиша человѣцы паче тму, неже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ бо дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, (яко лукава суть) [1]*: Творяй же истину, грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана.* Что значитъ: вѣрующій въ Сына не судится? Неужели не судится, если жизнь его нечиста? Весьма судится. Ибо такихъ и Павелъ не называетъ искренно вѣрующими. Показываютъ, говоритъ (Тит. 1, 16), что они знаютъ Бога, дѣлами же отрекаются (Его). Впрочемъ здѣсь говоритъ о томъ, что не судится потому самому, что увѣровалъ: хотя въ злыхъ дѣлахъ отдастъ самый строгій отчетъ, но за невѣріе не наказывается, потому что за одинъ разъ увѣровалъ. *А невѣрующій уже осужденъ.* Какъ? Во-первыхъ, потому, что и самое невѣріе есть осужденіе. Ибо быть внѣ свѣта—одно только это—величайшее наказаніе. Потомъ, хотя здѣсь не отдается еще въ геенну, но здѣсь соединилъ все, что доводитъ до будущаго наказанія; подобно тому, какъ и убійца, хотя бы не былъ

---

[1] Сихъ словъ нѣтъ у блаженнаго Ѳеофилакта.

приговоренъ къ наказанію приговоромъ судьи, осужденъ сущностью дѣла. И Адамъ умеръ въ тотъ же день, въ который вкусилъ отъ (запрещеннаго) дерева; хотя онъ былъ живъ, но по приговору и по существу дѣла былъ мертвъ. Итакъ всякій невѣрующій уже здѣсь осужденъ, какъ несомнѣнно подлежащій наказанію и не имѣющій придти на судъ, по сказанному: не воскреснутъ нечестивіи на судъ (Псал. 1, 5). Ибо отъ нечестивыхъ не потребуется отчетъ, какъ и отъ діавола: они воскреснутъ не на судъ, а на осужденіе. Какъ и въ Евангеліи Господь говоритъ, что князь міра сего уже осужденъ (Іоан. 16, 11), какъ потому, что самъ не увѣровалъ, такъ и потому, что Іуду сдѣлалъ предателемъ, и прочимъ приготовилъ погибель. Если же въ притчахъ (Матѳ. 25, 14—32. Лук. 19, 11—27) Господь вводитъ и подлежащихъ наказанію дающими отчетъ, то не удивляйся, во-первыхъ, потому, что говоримое есть притча, а говоримое въ притчахъ не нужно принимать все, какъ законы и правила. Ибо въ день тотъ каждый, имѣя непогрѣшимаго судію въ совѣсти, не потребуетъ другаго обличенія, но пойдетъ связанный самъ отъ себя. Во-вторыхъ, потому, что Господь вводитъ дающими отчетъ не невѣрующихъ, а вѣрующихъ, но несострадательныхъ и немилостивыхъ. Мы же говоримъ о нечестивыхъ и невѣрующихъ; а иное—нечестивый и невѣрующій и иное—немилосердый и грѣшный. *Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ.* Здѣсь невѣрующихъ показываетъ лишенными всякаго оправданія. Въ томъ, говоритъ, состоитъ судъ, что свѣтъ пришелъ къ нимъ, и они не устремились къ нему. Не тѣмъ толь-

ко они согрѣшили, что сами не искали свѣта, но, что̀ всего хуже, тѣмъ, что онъ пришелъ къ нимъ, и они однакожъ не приняли. Посему-то они и осуждены. Если бы свѣтъ не пришелъ, то люди могли бы сослаться на незнаніе добра. А когда Богъ Слово пришелъ, и предалъ свое ученіе, чтобы просвѣтить ихъ, и они не приняли; тогда они уже лишились всякаго оправданія.— Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что никто не предпочтетъ тму свѣту, выставляетъ и причину, по которой люди обратились къ тмѣ: потому что, говоритъ, дѣла ихъ были злы. Такъ какъ христіанство требуетъ не только праваго образа мыслей, но и жизни честной, а они пожелали валяться въ грязи грѣха: посему дѣлающіе худыя дѣла не пожелали идти къ свѣту христіанства, и подчиниться моимъ законамъ. *Творяй же истину*, то есть, ведущій жизнь честную и богоугодную, стремится къ христіанству, какъ свѣту, чтобы еще болѣе преуспѣть въ добрѣ, и дабы явны были дѣла его по Богѣ. Ибо таковый, правильно вѣруя и проводя честную жизнь, свѣтитъ всѣмъ людямъ, и Богъ прославляется въ немъ. Посему причиною невѣрія язычниковъ была нечистота ихъ жизни. Быть можетъ, скажетъ иной: что же? развѣ нѣтъ христіанъ порочныхъ, и язычниковъ одобрительныхъ по жизни? Что есть христіане порочные, я и самъ это скажу; но чтобъ нашлись язычники добрые, не могу сказать рѣшительно. Нѣкоторые могутъ найтись *отъ природы* кроткими и добрыми, но это—не добродѣтель, а добрымъ *отъ подвига* и упражненія въ добрѣ—никто. Если же нѣкоторые казались добрыми, то все дѣлали изъ за славы; дѣлающій же

для славы, а не для самаго добра, съ охотою предастся злому пожеланію, когда найдетъ къ тому случай. Ибо если у насъ и угроза геенною, и всякое иное попеченіе, и примѣры безчисленныхъ святыхъ, едва удерживаютъ людей въ добродѣтели; то бредни и гнусности язычниковъ тѣмъ менѣе удержатъ ихъ въ добрѣ. Велико и то, если не сдѣлаютъ ихъ совершенно злыми.

По сихъ же * *пріиде Іисусъ и ученицы его въ жи-* Зач. 11.
довскую землю: и ту живяше съ ними, и крещаше. Бѣ же Іоаннъ крестя въ Енонѣ близъ Салима, яко воды многи бяху ту: и прихождаху и крещахуся. Не у бо бѣ всажденъ въ темницу Іоаннъ. Доколѣ продолжался праздникъ пасхи, Іисусъ былъ въ Іерусалимѣ. Когда онъ прошелъ, Іисусъ вышелъ оттуда въ землю іудейскую, и жилъ близь Іордана, куда многіе сходились. Онъ искалъ многолюдныхъ мѣстъ не для пустой чести или славы, но потому, что желалъ большему числу людей доставить пользу и благо. Когда Онъ восходилъ и на праздники, то ходилъ для сего же самаго, чтобы большему числу людей доставить пользу и ученіемъ и явленіемъ чудесъ.—Слыша, что Онъ крестилъ, не подумай, что Онъ самъ крестилъ; крестили ученики Его, но дѣло учениковъ евангелистъ относитъ къ Учителю. Далѣе сей же самый евангелистъ говоритъ, что Іисусъ не крестилъ, а ученики Его (Іоан. 4, 2). Спросишь ли: почему Онъ самъ не крестилъ? узнай. Іоаннъ прежде сказалъ, что Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ (Матѳ. 3, 11). А Духа Святаго Онъ еще не да-

---

Во время оно *

валъ, потому, что было еще не время. Итакъ, если бы Онъ крестилъ, то или крестилъ бы безъ Духа (и чѣмъ бы тогда разнился отъ Іоанна?), или давалъ бы Духа и прежде времени, а это недостойно Бога, дѣлающаго все во время. Когда же было время дать Духа? Время послѣ вознесенія. Ибо естеству нашему во Христѣ Іисусѣ нужно было явиться къ Отцу безгрѣшнымъ и, по примиреніи такимъ образомъ Бога съ нами, быть низпослану Духу, какъ богатому и щедрому дару. Итакъ ученики Іисусовы крестили, и Іоаннъ еще крестилъ и не переставалъ, разомъ исполняя два дѣла, одно—то, что приходящимъ къ нему говорилъ о Христѣ и приводилъ ихъ къ Нему, другое—то, что ученикамъ не давалъ повода къ ревности и большимъ спорамъ. Если бы онъ пересталъ крестить, чего бы не сдѣлали ученики его, при завистливомъ расположеніи ко Христу? Если онъ, весьма часто взывая и всегда уступая первенство Христу, не убѣдилъ ихъ обратиться къ Нему; то какую бы зависть возбудилъ въ нихъ, когда бы пересталъ крестить? Посему и Христосъ особенно началъ проповѣдывать тогда, когда Іоаннъ былъ заключенъ, по причинѣ зависти учениковъ Крестителя. Я думаю, что и кончинѣ Іоанна допущено быть весьма скоро для того, чтобы все расположеніе народа перешло ко Христу, и онъ не раздѣлялся въ мысляхъ о томъ и другомъ, Іоаннѣ и Христѣ.—Ученики Христовы крестятъ крещеніемъ, не имѣющимъ ничего большаго предъ крещеніемъ Іоанновымъ: ибо то и другое несовершенно, какъ непричастное Духа, хотя цѣль обоихъ одна—крещаемыхъ привесть ко Христу.

Бысть же стязаніе отъ ученикъ Іоанновыхъ со іудеи о очищеніи: И пріидоша ко Іоанну, и рекоша ему: равви, иже бѣ съ тобою обонъполъ Іордана, емуже ты свидѣтельствовалъ еси, се сей крещаетъ, и вси грядутъ къ нему. Отвѣща Іоаннъ и рече: не можетъ человѣкъ пріимати ничесоже, аще не будетъ дано ему съ небесе. При спорѣ учениковъ Іоанновыхъ съ однимъ іудеемъ зашелъ вопросъ о крещеніи. Іудей ставилъ выше крещеніе учениковъ Христовыхъ, а ученики Іоанновы—крещеніе учителя (своего). Заспорившіе объ очищеніи, то есть, крещеніи приходятъ къ учителю своему, и начинаютъ его подстрекать, говоря: учитель! тотъ, который былъ съ тобою, который имѣлъ степень ученика, отдѣлился и креститъ; тотъ, о которомъ ты свидѣтельствовалъ, то есть, котораго ты крестилъ, котораго ты сдѣлалъ знатнымъ, осмѣливается дѣлать тоже, что ты; сверхъ сего, нѣкоторые не внимаютъ тебѣ, а Ему внимаютъ всѣ; ибо всѣ, говоритъ, идутъ къ Нему, а тебя оставляютъ. Іоаннъ, желая устрашить ихъ, и показать, что они, препятствуя Христу и отстраняя Его отъ славы, враждуютъ противъ Бога, говоритъ: не можетъ человѣкъ ничего принимать самъ отъ себя, и далѣе: если бы, говоритъ, не было дано съ неба, то не возрасталъ бы тотъ, которому вы завидуете. Посему вы заразъ согрѣшаете дважды, разъ—тѣмъ, что противитесь опредѣленію Божію, а другой—тѣмъ, что предпринимаете невозможное. Вмѣстѣ съ симъ онъ ихъ и успокоиваетъ нѣсколько тѣмъ, что побѣждающій ихъ не человѣкъ, но—Богъ. Да и мы, говоритъ, что имѣли, то имѣли не отъ себя, а съ

неба. Если же дѣла Христовы славнѣе, то не нужно удивляться; ибо такъ угодно Богу.

Вы сами мнѣ свидѣтельствуете, яко рѣхъ: нѣсмь азъ Христосъ, но яко посланъ есмь предъ нимъ. Имѣяй невѣсту, женихъ есть: и другъ жениховъ, стоя и послушая его, радостію радуется за гласъ жениховъ, сія убо радость моя исполнися. Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися, Вы, говоритъ. сами знаете, что я свидѣтельствовалъ объ Немъ, что Онъ больше меня. Итакъ, если вполнѣ принимаете мое свидѣтельство, то знайте, что Онъ досточтимѣе меня, и радость моя состоитъ въ томъ, чтобы всѣ приходили къ Нему. Если бы къ этому жениху не приходила невѣста, то есть, народъ, тогда я невѣстоводецъ скорбѣлъ бы; теперь же, когда это случилось, я весьма радуюсь, ибо вижу, что женихъ—Христосъ взываетъ къ невѣстѣ—народу и учитъ его. Не безъ цѣли сказалъ: *стоя,* но симъ показываетъ, что его дѣло кончено, и онъ стоитъ уже безъ дѣйствія, и что ему, наконецъ, нужно стать и только слушать ученіе Христа и бесѣду Его съ невѣстою. Мое, говоритъ, дѣло окончено, и я передалъ народъ Ему. Посему моей славѣ нужно умаляться, а Его—расти. Какъ же умаляется слава Предтечи? Какъ утренняя заря закрывается солнцемъ, и кажется многимъ, что свѣтъ ея угасъ, хотя на самомъ дѣлѣ не угасъ, а закрывается бо́льшимъ: такъ, безъ сомнѣнія, и денница Предтеча покрывается мысленнымъ Солнцемъ, и потому говорится, что онъ умаляется. Христосъ же растетъ, потому что въ короткое время дѣлаетъ себя извѣстнымъ чрезъ чудеса. Не растетъ Онъ по мѣрѣ ус-

пѣха въ добродѣтели. Прочь такая мысль! Она—пустословіе Несторія. Но растетъ по мѣрѣ проявленія и обнаруженія божества; ибо мало помалу, а не вдругъ, Онъ объявляетъ, что Онъ есть Богъ. Радость моя, говоритъ, исполнилась при женихѣ. Дѣло, которое ввѣрено мнѣ, какъ невѣстоводцу, я вижу, получило успѣхъ. Итакъ Господь есть женихъ всякой души; брачная комната, въ которой бываетъ соединеніе, есть мѣсто крещенія, то есть, церковь; даетъ Онъ невѣстѣ залогъ—прощеніе грѣховъ, общеніе Духа Святаго, а остальное въ будущемъ (вѣкѣ), когда Онъ достойныхъ введетъ въ лучшія и высшія таинства. Замѣть же, что женихъ есть не другой кто, какъ только одинъ Христосъ, всѣ же учители суть невѣстоводцы, какъ и Предтеча. Ибо податель благъ есть не другой кто, какъ только Господь; всѣ прочіе суть посредники и служители благъ, поданныхъ отъ Господа.

Грядый свыше, надъ всѣми есть: сый отъ земли, отъ земли есть, и отъ земли глаголетъ: грядый съ небесе, надъ всѣми есть. И еже видѣ и слыша, сіе свидѣтельствуетъ: и свидѣтельства его никтоже пріемлетъ. Пріемый его свидѣтельство, вѣрова, яко Богъ истиненъ есть. Егоже бо посла Богъ, глаголы Божія глаголетъ: не въ мѣру бо Богъ даетъ Духа. Предтеча сравниваетъ себя съ Христомъ, и говоритъ, что Онъ приходитъ *свыше,* отъ Отца, и есть *выше всѣхъ,* превосходитъ всѣхъ и сохраняетъ превосходство Отчее, а я, сущій отъ земли, говорю земное, несовершенное и уничиженное, въ сравненіи съ ученіемъ Христовымъ. Хотя и ученіе самого Предтечи было божественно; но, въ сравненіи съ ученіемъ Христовымъ, оно имѣетъ много земна-

го. Онъ, говоритъ, что̀ видѣлъ и слышалъ, о томъ говоритъ; то есть, Онъ говоритъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что̀ слышалъ отъ Отца, и что̀ видѣлъ, то есть, что̀ знаетъ до точности. Но свидѣтельства Его не принимаетъ никто изъ тѣхъ, которые не внимаютъ истинѣ. А кто принялъ свидѣтельство, то есть, ученіе Его, тотъ запечатлѣлъ, то есть, показалъ, подтвердилъ, что Богъ истиненъ. Ибо кто вѣруетъ посланному отъ Бога, тотъ вѣруетъ Богу, и симъ запечатлѣваетъ и доказываетъ, что онъ повѣрилъ Ему, потому что Онъ истиненъ. И наоборотъ, кто не вѣруетъ посланному отъ Бога, тотъ показываетъ, что Онъ лживъ, и потому-то не повѣрилъ ему, что онъ лживъ (Римл. 1, 25. 1 Іоан. 5, 10). Посему, кто вѣруетъ Христу, тотъ симъ уже самымъ, что повѣрилъ посланному отъ Бога, показываетъ, что Богъ истиненъ. Ибо, очевидно, онъ повѣрилъ Ему потому, что Онъ истиненъ.—И справедливо. Ибо всѣ прочіе, говоритъ, получили силу Духа мѣрою, а самому Христу Онъ не мѣрою далъ одну какую-нибудь или двѣ силы, но Онъ существенно имѣетъ всецѣлаго Духа. Итакъ пророкамъ Богъ и даетъ Духа, то есть, силу Духа, и даетъ мѣрою; а Христу не даетъ ни мѣрою, ни безъ мѣры: ибо Христосъ имѣетъ Его существенно.—Когда слышишь, что Христосъ говоритъ то, что слышалъ отъ Отца, то не думай, что Онъ имѣетъ нужду учиться знанію отъ Отца, но поелику все, что знаетъ Сынъ по естеству, Онъ имѣетъ отъ Отца, какъ единосущный съ Нимъ, то и говорится, что Онъ слышалъ отъ Отца то, что знаетъ. Это подобно тому, какъ ты, увидѣвъ сына во всемъ похожаго на отца, говоришь, что онъ все

имѣетъ отъ отца, то есть, не вышелъ похожъ ни на кого другаго, кромѣ отца.—Слыша, что Онъ *посланъ*, понимай такъ, что Онъ посланъ отъ Отца, какъ лучь отъ солнца. Не говоримъ ли мы такъ: солнце послало лучи? и: солнце пустило свѣтъ, то есть, послало на землю? Однако мы не говоримъ, что лучь иной сущности, или позднѣе солнца. Такъ и Сынъ посланъ въ міръ отъ мысленнаго Солнца—Отца, какъ отблескъ, какъ лучь, какъ свѣтъ, и какъ хочешь назови Его, насколько то прилично.—Не безвременно здѣсь сказать, когда рѣчь зашла, о томъ, какъ Сынъ имѣетъ Духа, и въ какомъ смыслѣ Духъ называется сыновнимъ. Апостолъ говоритъ: послалъ (Богъ) въ сердца ваши Духа Сына своего, взывающаго: Авва, Отецъ! (Галат. 4, 6), и въ другомъ мѣстѣ: если кто не имѣетъ Духа Христова, тотъ и не Его (Римл. 8, 9). Латины худо принимая и понимая слова сіи, говорятъ, что Духъ исходитъ отъ Сына. Мы скажемъ имъ, во-первыхъ, то, что иное—быть отъ кого-нибудь, и иное—чьимъ-нибудь. Что Духъ есть Духъ Сына, это не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается всѣмъ Писаніемъ; но о томъ, что Онъ отъ Сына, не свидѣтельствуетъ никакое писаніе, дабы мы не ввели двухъ виновниковъ Духа, именно, Отца и Сына. Такъ, говорятъ; но Онъ дунулъ на учениковъ, и сказалъ: пріимите Духа Святаго (Іоан. 20, 22). Какое ложное пониманіе! Если Онъ далъ Духа ученикамъ тогда, когда дунулъ на нихъ, то какъ Онъ говорилъ имъ, что чрезъ нѣсколько дней послѣ сего вы получите силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святый (Дѣян. 1, 5. 8)? Или зачѣмъ мы вѣруемъ, что въ пятьдесятницу

было низшествіе Духа, если Онъ далъ Его ввечеру дня воскресенія (своего)? Ибо тогда еще Онъ дунулъ. Но это очень смѣшно. Очевидно, Онъ далъ имъ тогда не Духа Святаго, но одно изъ дарованій Духа, именно—прощеніе грѣховъ. Ибо тотчасъ прибавляетъ: кому простите грѣхи (Іоан. 20, 23). А Сынъ имѣетъ Духа существенно, какъ единосущный Ему, а не какъ приводимый Имъ въ дѣйствіе. Ибо въ дѣйствіе приводятся пророки.—Называется же Духомъ сыновнимъ, потому, что Сынъ есть истина, и сила, и премудрость, а Духъ Святый Исаіею описывается какъ Духъ истины, и силы, и премудрости (Ис. 11, 2. 3). Называется сыновнимъ и въ иномъ смыслѣ, въ томъ именно, что людямъ подается чрезъ Сына. Ты вѣруй, что Духъ исходитъ отъ Отца, а твари подается чрезъ Сына, и это будетъ тебѣ правиломъ православія.

Отецъ бо любитъ Сына, и вся даде въ руцѣ его. Вѣруяй въ Сына, имать животъ вѣчный; а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ. Сказавши высокое о Христѣ, теперь опять возвѣщаетъ смиренное, чтобъ сдѣлать слово удобопріемлемымъ для слушателей. Посему говоритъ, Отецъ любитъ Сына, какъ-бы бесѣдуя о какомъ-нибудь необычайномъ человѣкѣ, и все далъ въ руки Сына,—по человѣчеству. Если и по божеству, то что же? Отецъ все далъ Сыну, по естеству, а не по благодати. Такъ какъ Онъ имѣетъ бытіе отъ Отца, то естественно говорится, что Онъ и все имѣетъ отъ Отца. Итакъ Сынъ имѣетъ все, что на небѣ, и что на землѣ. Ибо господствуетъ надъ всѣми, хотя и не (всѣ) желаютъ. Въ

послѣдствіи, когда во второе пришествіе поклонится предъ Нимъ всякое колѣно, Онъ получитъ полное господство надъ всѣми, когда злоба не будетъ уже имѣть силы, но, оставаясь бездѣйственною, покажетъ, что природа добра отъ начала присуща всѣмъ и содержитъ все. *Вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную* въ себѣ, то есть, самого Христа, который есть по-истинѣ жизнь (Іоан. 14, 6); ибо Имъ мы живемъ и движемся (Дѣян. 17, 28). А невѣрующій не увидитъ жизни. Ибо кто произвольно отступился отъ жизни, тотъ какъ будетъ имѣть ее, когда жизнь есть Христосъ? ибо и апостолъ Павелъ говоритъ: когда явится Христосъ, жизнь ваша, тогда и вы, ставъ мертвыми для зла и неподвижными, явитесь во славѣ (Колос. 3, 4). *Но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ.* Не сказалъ: оставитъ его, но: останется на немъ, показывая, что никогда не отступитъ отъ него. Дабы ты, услышавъ о смерти, не принялъ ее за временную, говоритъ, что пребудетъ на немъ, на томъ, кто не увѣровалъ, и наказаніе будетъ вѣчное. Всѣми сими словами Креститель приводитъ и побуждаетъ всѣхъ слушателей къ вѣрѣ во Христа. Ибо не безъ цѣли говоритъ это, но и своихъ учениковъ и всѣхъ прочихъ вразумляетъ уже не завидовать Христу, но внимать какъ Богу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О самарянкѣ. — О сынѣ царедворца.

Егда убо разумѣ Іисусъ, яко услышаша фарисее, яко Іисусъ множайшія ученики творитъ и крещаетъ,

неже Іоаннъ: Іисусъ же самъ не крещаше, но ученицы его: остави Іудею, и иде паки въ Галилею. Подобаше же ему пройти сквозѣ Самарію. Человѣколюбецъ, однажды воплотившись для насъ, все дѣлаетъ для нашей пользы. Такъ и теперь, узнавъ, что фарисеи услышали объ Его славѣ, и зная, что они позавидуютъ Ему и возстанутъ противъ Него, удаляется въ Галилею, научая насъ двумъ предметамъ: во-первыхъ, щадить враговъ и всячески стараться не давать имъ повода къ соблазну или зависти; во-вторыхъ, неразумно и безъ пользы не подвергаться искушеніямъ, но удаляться на время, пока ярость укротится. Хотя онъ силенъ остановить своихъ завистниковъ, еслибъ они и устремились на Него; однакожъ уклоняется, дабы дѣло воплощенія не показалось призрачнымъ. Ибо если бы Онъ постоянно удалялся изъ среды ихъ, то чего бы не сказали фантазіодокеты, то есть, Манесъ, Валентинъ, проклятый Евтихій и ученики ихъ?—Евангелистъ, намекая на клевету завистниковъ, говоритъ, что хотя Іисусъ не крестилъ, однакожъ завистники, желая подстрекнуть фарисеевъ противъ Христа, клеветали, что Онъ крестилъ.—*Надлежало Ему проходить чрезъ Самарію.* Онъ заходитъ къ самарянамъ какъ-бы между дѣломъ. Смотри. Не сказалъ: надлежало пойти въ Самарію, но: проходить чрезъ Самарію. Онъ хотѣлъ отнять у іудеевъ всякій предлогъ къ обвиненію, дабы они не могли сказать, что Онъ, оставивъ ихъ, перешелъ къ нечистымъ—язычникамъ. Ибо, когда изгоняли Его, тогда Онъ переходилъ къ язычникамъ, и то не нарочито, а между дѣломъ.

гл. 4.

*Пріиде убо ** *во градъ самарійскій, глаголемый Си-* Зач.
харъ, близъ веси, юже даде Іаковъ Іосифу сыну своему. Бѣ 12.
же ту источникъ Іаковль. Стóитъ сказать, откуда произошли самаряне и отъ чего получили они такое названіе. Сомором назывался гора отъ имени своего владѣльца, какъ и Исаія говоритъ: глава Ефрема Соморонъ (7, 9). Живущіе подъ горою первоначально назывались не самарянами, а израильтянами. Но за оскорбленія Бога они въ разныя времена предаваемы были ассиріянамъ. Наконецъ, когда они вознамѣрились отпасть, ассиріянинъ взялъ ихъ въ плѣнъ, и, опасаясь новаго отступничества, не попустилъ имъ долѣе оставаться въ ихъ странѣ, но разселилъ ихъ между вавилонянами и мидянами, а оттуда привелъ изъ разныхъ мѣстъ народы и поселилъ въ Самаріи. Послѣ сего, Богъ, желая показать варварамъ, что Онъ предалъ имъ іудеевъ не по безсилію (своему), но за грѣхъ (ихъ), на переселившихся въ Самарію варваровъ напустилъ львовъ, которые погубляли ихъ всѣхъ вообще. Когда объ этомъ довели до свѣдѣнія царя, онъ призываетъ къ себѣ нѣкоторыхъ старцевъ іудейскихъ, бывшихъ въ плѣну, и спрашиваетъ, что̀ бы нужно сдѣлать, дабы львы болѣе не погубляли варваровъ, живущихъ въ Самаріи. Они объясняютъ ему, что Богъ израилевъ призираетъ на то мѣсто, и не терпитъ, чтобы тамъ жили незнающіе законовъ Его. Посему, если онъ заботится о тамошнихъ варварахъ, то нужно послать іудейскихъ священникомъ, которые бы преподали варварамъ законы Бо-

---

Во время оно, пріиде Іисусъ *

жіи; и такимъ образомъ Богъ умилостивится. Царь слушаетъ ихъ, и посылаетъ одного священика, чтобы онъ преподалъ самарійскимъ варварамъ законъ Божій (4 Цар. 17, 24—28). Но они приняли не всѣ божественныя книги, а только пять Моѵсеевыхъ: Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконія. Не отстали они совершенно и отъ нечестія, но по временамъ отставали отъ идоловъ, и почитали Бога. Посему іудеи, по возвращеніи изъ плѣна, всегда относились къ нимъ съ ненавистью, какъ ассиріянамъ по происхожденію, и отъ (имени) горы называли ихъ самарянами. А они сами себя называли потомками Авраама и Іакова, потому что Авраамъ былъ халдей, а Іакова считали своимъ по причинѣ находившагося тутъ источника. Іудеи же считали со всѣми язычниками и ихъ (самарянъ) нечистыми, почему въ укоризну Господу и говорили: ты—самарянинъ (Іоан. 8, 48). И самъ Онъ говорилъ ученикамъ: въ городъ самарянскій не входите (Маѳ. 10, 5),—Для чего евангелистъ подробно говоритъ о мѣстечкѣ и колодезѣ Іакова? Во-первыхъ, для того, чтобы ты не изумлялся, когда услышишь, что женщина говоритъ: отецъ нашъ Іаковъ далъ намъ этотъ колодезь. Ибо мѣсто это было Сикима (Сихемъ), гдѣ сыновья Іакова Симеонъ и Левій произвели жестокое убійство за то, что сестрѣ ихъ Динѣ причинено было насиліе княземъ сикимитовъ. Потомъ, изъ того, что евингелистъ передаетъ намъ о мѣстечкѣ и колодезѣ, мы узнаемъ, что отверженіе іудеевъ издавна было за грѣхи ихъ, и когда они оскорбляли Бога, тогда язычники овладѣвали ихъ мѣстами, и что они нечестіемъ погубляли то, что патрі-

архи пріобрѣли вѣрою во Христа. Посему нисколько не ново, если и нынѣ язычники введены въ царство небесное вмѣсто іудеевъ. Мѣстечко, данное Іаковомъ Іосифу, называлось Сикима. Сыновья Іакова, погубивши сикимитовъ, опустошили городъ, а опустошенный онъ переданъ отцомъ въ наслѣдство Іосифу.

Іисусъ же утруждся отъ пути, сѣдяше тако на источницѣ: бѣ же яко часъ шестый. Пріиде жена отъ Самаріи почерпати воду; глагола ей Іисусъ: даждь ми пити. Ученицы бо его отшли бяху во градъ, да брашно купятъ. Евангелистъ, говоря, что Господь утрудился отъ пути, показываетъ намъ скромность и умѣренность Его; ибо Онъ для путешествія не употреблялъ подъяремныхъ животныхъ, но ходилъ пѣшій, научая и насъ не требовать многаго. Показываетъ вмѣстѣ и то, что Онъ совершалъ путь усиленно, а не безпечно; откуда и мы научаемся совершать дѣло Божіе съ усиліемъ и стараніемъ. Слова: *сѣдяше тако* означаютъ, что Онъ сѣлъ просто, и какъ случилось, не на престолѣ, а совершенно просто, успокоивая на помостѣ тѣло и освѣжая оное при колодезѣ. Потомъ, вводитъ и другую причину тому, что Онъ сѣлъ у колодезя,—то, что былъ полдень. *Было,* говоритъ, *около шестаго часа.* И еще, чтобы кто нибудь не сталъ обвинять Господа въ томъ, что Онъ, заповѣдавъ ученикамъ своимъ не ходить на путь къ язычникамъ, самъ приходитъ къ самарянамъ, для того говоритъ, что сидѣніе на семъ мѣстѣ было по причинѣ усталости, и что разговоръ съ женщиною имѣлъ благословный поводъ—жажду. Такъ какъ вслѣдствіе человѣческой природы Онъ жаждалъ, то нуждался и въ

питіи. Когда же Онъ проситъ (пить), съ Нимъ вступаетъ въ бесѣду женщина съ душею любознательною. Что же нужно было дѣлать? Ужели отвергнуть женщину, такъ любознательную и жаждущую выслушать разъясненіе своихъ недоумѣній? Но это отнюдь несвойственно человѣколюбію Божію.—Примѣчай, пожалуй, и здѣсь скромность Господа. Онъ одинъ остается при дорогѣ, когда ученики отлучились въ городъ для покупки пищи. Они нужды чрева до того считали второстепенными, что тогда, какъ всѣ почти отобѣдали и отдыхали, они только еще покупаютъ пищу, то есть, одного только хлѣба, дабы и мы научились не заботиться о разнообразіи яствъ.—Примѣчай, пожалуй, и точность евангелиста. Онъ не сказалъ утвердительно: былъ шестый часъ, но, чтобъ не погрѣшить противъ истины, сказалъ: *было около шестаго часа*, сообщая достовѣрность своему слову.

Глагола ему жена самарянына: како ты жидовинъ сый отъ мене пити просиши, жены самарянын сущей? не прикасаютбося жидове самаряномъ. Отвѣща Іисусъ и рече ей: аще бы вѣдала еси даръ Божій, и кто есть глаголяй ти: даждь ми пити: ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу. Глагола ему жена: Господи, ни почерпала имаши, и студенецъ есть глубокъ: откуду убо имаши воду живу? По виду, и, можетъ быть, по одеждѣ, и по другому положенію тѣла, и по самой бесѣдѣ, самарянка почла Господа за іудея, почему и говоритъ Ему: *какъ ты, будучи іудей*, и такъ далѣе. Смотри, какъ проницательна была женщина. Если бы нужно было беречься, то нужно было бы Госпо-

ду, а не ей. Ибо не сказала: самаряне не сообщаются съ іудеями, но: іудеи не сообщаются съ самарянами. Однакожъ женщина не останавливается на этомъ, но, подумавъ, что Господь совершаетъ дѣло противозаконное, исправляетъ бывающее не по закону.—Христосъ открываетъ самаго Себя не прежде, какъ обнаружилась добродѣтель женщины. Когда же обнаружилась добродѣтель женщины, ея проницательность и точность, тогда уже начинаетъ бесѣдовать съ нею о предметахъ высшихъ. Если бы ты, говоритъ, знала даръ Божій, то есть, если бы ты знала, что даруетъ Богъ, что онъ даруетъ вѣчныя и нетлѣнныя (блага), если бы знала и Меня, (знала), что Я, какъ Богъ, могу дать тебѣ ихъ; то ты просила бы, и получила бы воду живую. *Водою* называетъ благодать Святаго Духа, потому что она очищаетъ пріемлющихъ ее и сообщаетъ имъ большое освѣженіе; водою не стоячею, какая бываетъ въ ямахъ и колодезяхъ, гнилая и испортившаяся, но *живою*, то есть, бьющею ключемъ, вскакивающею, быстро текущею. Ибо благодать Духа дѣлаетъ душу всегда подвижною къ добру, всегда полагающею восхожденія (Псал. 8, 3. 6). Такую воду, живую и всегда подвижную, пилъ Павелъ, забывающій заднее и стремящійся къ переднему (Филиппис. 3, 13. 14). Женщина говоритъ Ему: *Господи!* Видишь ли, какъ скоро она отстала отъ низкаго мнѣнія, и воздаетъ Ему большую честь, называя Господомъ. Однакожъ она не постигла глубины рѣчей Христовыхъ; но въ иномъ смыслѣ говоритъ о водѣ Онъ, въ иномъ смыслѣ понимаетъ она.

Іоан.

Еда ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студенецъ сей, и той изъ него пить, и сынове его, и скоти его? Отвѣща Іисусъ и рече ей: всякъ піяй отъ воды сея, вжаждется паки: А иже піетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный. Глагола къ нему жена: Господи, даждь ми сію воду, да ни жажду, ни прихожду сѣмо почерпати. Іакова считаетъ отцемъ своимъ, и себя причисляетъ къ іудейскому благородству Смотри, пожалуй, на разумность женщины, какъ она скоро отъ различія водъ заключаетъ и о различіи дающихъ. Если, говоритъ, Ты дашь такую воду, то, безъ сомнѣнія, Ты больше Іакова, который далъ намъ настоящую воду. Слова: *и самъ изъ него пилъ* указываютъ на пріятность воды. Патріарху, говоритъ, источникъ сей такъ нравился, что и самъ и дѣти его пили (изъ него). Слова: *и скотъ его пилъ* указываютъ на изобиліе воды. Вода сія, говоритъ, не только пріятна, и такъ пріятна, что Іаковъ пилъ ее, но и обильна, и такъ обильна, что ея доставало для множества скота патріархова. Когда женщина сказала: *неужели ты больше отца нашего*, то Господь хотя не говоритъ прямо, что я подлинно больше, дабы, не представивъ еще доказательства своей силы, не показаться тщеславнымъ, но приготовляетъ къ этому своими словами: кто пьетъ воду сію, тотъ (опять) возжаждетъ, а кто пьетъ мою (воду), тотъ не будетъ жаждать. То есть, если ты удивляешься Іакову, который далъ воду сію, то тѣмъ болѣе должна удивляться мнѣ, который даю воду гораздо луч-

шую. Ибо вода, которую Я даю, дѣлается источникомъ воды, постоянно и непрерывно умножающейся. Ибо святые не то только и сохраняютъ до конца, что̀ получаютъ отъ Бога, но чрезъ благодать они принимаютъ сѣмена и начатки добра, а сами пріумножаютъ (ихъ) и возращаютъ. На сіе указываетъ Господь притчею о талантахъ (Матѳ. 25, 14—31) и о содержателѣ гостинницы (Лук. 11, 35). Получившій два таланта чрезъ оборотъ въ дѣло пріобрѣлъ другіе два (Матѳ. 25, 17). И содержателю гостинницы, принявшему израненнаго разбойниками, Господь обѣщаетъ: если что издержишь изъ своего, Я отдамъ тебѣ (Лук. 10, 35). На это и здѣсь указываетъ (Господь). Я даю жаждующему воду, но вода, которую Я даю, не остается въ тойже мѣрѣ, а умножается и дѣлается источникомъ. Такъ, въ оглашеніяхъ Ананіи Господь далъ Павлу немного воды (Дѣян. 9, 17); но эту малую воду ученія Ананіина Павелъ показалъ источникомъ, такъ что потоки этого источника отъ Іерусалима достигли до Иллирика. Какое же при этомъ является расположеніе въ женщинѣ? Хотя еще не высокое, ибо она думаетъ, что рѣчь идетъ о водѣ чувственной, однакожъ она обнаруживаетъ и нѣкоторое движеніе впередъ. Прежде она недоумѣвала, и говорила: откуда Ты имѣешь воду живую? А теперь, принявши то слово за несомнѣнное, говоритъ: дай мнѣ этой воды. Посему она кажется понятливѣе Никодима. Тотъ, выслушавъ весьма много подобнаго говорилъ: *какъ это можетъ быть* (Іоан. 3, 9)? А она начинаетъ уже пренебрегать и источникомъ Іакова. Если, говоритъ, Ты имѣешь такую воду, то дай мнѣ, и я не стану уже

ходить сюда черпать. Видишь ли, какъ она Господа ставитъ уже выше Іакова.

Глагола ей Іисусъ: иди, пригласи мужа твоего, и пріиди сѣмо. Отвѣща жена и рече ему: не имамъ мужа. Глагола ей Іисусъ: добрѣ рекла еси, яко мужа не имамъ: пять бо мужей имѣла еси: и нынѣ, егоже имаши, нѣсть ти мужъ: се воистинну рекла еси. Глагола ему жена: Господи, вижу, яко пророкъ еси ты. Отцы наши въ горѣ сей поклонишася: и вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идеже кланятися подобаетъ. Глагола ей Іисусъ: жено, вѣру ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу. Вы кланяетеся, егоже не вѣсте: мы кланяемся, егоже вѣмы: яко спасеніе отъ іудей есть.— Пойди позови мужа своего. Видя, что она настаиваетъ на полученіе, а Его побуждаетъ на даяніе, говоритъ: *позови мужа своего*, какъ-бы показывая, что и онъ долженъ съ тобою участвовать въ семъ дарѣ моемъ. Она, чтобы скорѣе скрыть и вмѣстѣ получить, говоритъ: я не имѣю мужа. Теперь-то Господь чрезъ пророческое вѣдѣніе открываетъ свою силу, перечисляетъ прежнихъ (ея мужей) и обнаруживаетъ того, котораго она теперь скрываетъ. Не пришла ли она въ досаду, выслушавши это? Не оставила ли Его, и не убѣжала ли? Нѣтъ, она еще болѣе удивилась, еще болѣе укрѣпилась, и говоритъ: Господи! вижу, что Ты пророкъ, и спрашиваетъ Его о предметахъ божественныхъ, а не о житейскихъ, напримѣръ, о здоровьѣ тѣла или объ имуществѣ. Такъ любомудра и благорасположена къ добродѣтели душа ея! О чемъ же (спрашиваетъ)? *Отцы наши по-*

кланялись на этой горѣ. Говоритъ это объ Авраамѣ и его преемникахъ. Ибо здѣсь, говорятъ, Исаакъ принесенъ имъ на жертву. Какъ же, говоритъ, вы говорите, что должно покланяться въ Іерусалимѣ? Видишь ли, какъ она стала выше? Не задолго предъ этимъ она заботилась о томъ, чтобы не мучиться жаждою, а теперь спрашиваетъ объ ученіи (догматахъ). Посему и Христосъ, видя ея понятливость, хотя не разрѣшаетъ сего неудомѣнія ея, (ибо оно не имѣло особенной важности), но открываетъ другую болѣе важную истину, которой Онъ не открывалъ ни Никодиму, ни Наѳанаилу. Наступаетъ, говоритъ, время, когда Богу будутъ покланяться ни въ Іерусалимѣ, ни здѣсь. Ты говоритъ, стараешься доказать, что обычаи самарянскіе достойнѣе обычаевъ іудейскихъ. А Я тебѣ говорю, что ни тѣ, ни другіе не имѣютъ достоинства, но наступитъ другой нѣкоторый порядокъ, который лучше обоихъ сихъ. Но и при этомъ Я объявляю, что іудеи достойнѣе самарянъ. Вы, говоритъ, кланяетесь тому, чего не знаете; а мы іудеи (кланяемся) тому, что знаемъ. Себя самого причисляетъ къ іудеямъ, потому что Онъ говоритъ примѣнительно къ понятію женщины, а она разумѣла Его, какъ пророка іудейскаго. Посему-то Онъ и говоритъ: *мы* кланяемся.—Какъ же самаряне не знали, чему они кланялись? Они думали, что Богъ ограничивается мѣстомъ. Посему, когда и львы ихъ пожирали, какъ выше было сказано, они чрезъ пословъ донесли царю ассиріанъ, что Богъ мѣста сего не терпитъ ихъ. Однакожъ и послѣ того они долго продолжали служить идоламъ, а не самому Богу. А іудеи были свободны

отъ такого понятія, и, хотя не всѣ, признавали Его Богомъ всѣхъ. *Ибо спасеніе отъ іудеевъ.* Слова сіи подаютъ намъ двоякую мысль. Или ту, что блага для вселенной произошли отъ іудеевъ; ибо знаніе Бога и отверженіе идоловъ отъ нихъ имѣетъ начало, и всѣ прочія ученія (догматы), и сей самый родъ вашего поклоненія самарянскаго, хотя неправильный, получилъ начало отъ іудеевъ же. Или Онъ *спасеніемъ* называетъ свое пришествіе, которое было отъ іудеевъ. Можно подъ *спасеніемъ* разумѣть и самого Господа, который по плоти былъ отъ іудеевъ.

Но грядетъ часъ, и нынѣ естъ, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ покланяющихся ему. Духъ есть Богъ: и иже кланяется ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися. Хотя мы іудеи въ образѣ поклоненія преимуществуемъ предъ вами самарянами, но и образъ іудейскаго служенія напослѣдокъ окончится. И перемѣна произойдетъ не въ мѣстѣ только, но и въ способѣ служенія, и перемѣна сія очень близка, и настала уже. Ибо эти *предметы* не будутъ имѣть значенія во всѣ времена, какъ (имѣютъ) изреченія пророковъ.—Истинными поклонниками называетъ тѣхъ, которые живутъ по Его закону, которые не ограничиваютъ Бога мѣстомъ, какъ самаряне, или не чтутъ Его служеніемъ тѣлеснымъ, какъ іудеи, но (кланяются) въ духѣ и истинѣ, то есть, душею, чистотою ума. Такъ какъ Богъ есть духъ, то есть, безтѣлесенъ, то и покланяться Ему должно безтѣлесно, то есть, душею. Это означается словомъ: *въ духѣ.* Ибо душа есть духъ и существо без-

тѣлесное. А какъ многіе, повидимому, покланяются Ему душею, но не имѣютъ объ Немъ истиннаго понятія, напримѣръ, еретики, посему присовокупилъ: *и въ истинѣ.* Ибо должно покланяться Богу умомъ, но также должно имѣть и понятіе объ Немъ истинное.—Иной, быть можетъ, скажетъ, что здѣсь сими двумя словами *(въ духѣ и истинѣ)* намекается на двѣ части нашего любомудрія: на дѣятельность и созерцаніе. Словомъ: *въ духѣ* намекается на дѣятельность. Ибо, по словамъ божественнаго апостола, всѣ, водимые Духомъ Божіимъ, умерщвляютъ дѣла плотскія (Римл. 8, 13. 14). И опять: *плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти* (Галат. 5, 17). Такимъ образомъ словомъ: *въ духѣ* намекается на дѣятельность; словомъ же: *въ истинѣ*—на созерцаніе. Такъ и Павелъ (1 Кор. 5, 8) понимаетъ, когда говоритъ: *съ опрѣснoками чистоты*, то есть, чистоты жизни, или, что тоже, дѣятельности, *и истины*, то есть, созерцанія, ибо созерцаніе занимается истиною догматическаго ученія. И иначе: такъ какъ самаряне ограничивали Бога мѣстомъ, и говорили, что на этомъ мѣстѣ должно покланяться, а у іудеевъ все совершалось въ образахъ и тѣняхъ, то противъ отличія самарянъ употребляетъ слово: *въ духѣ*, такъ что рѣчь имѣетъ такой смыслъ: вы, самаряне, совершаете служеніе Богу какое-то мѣстное, а истинные поклонники будутъ совершать не мѣстное, ибо они будутъ служить *въ духѣ*, то есть, умомъ и душею. Не будутъ покланяться подъ образомъ и тѣнію, какъ іудеи, но *въ истинѣ*, такъ какъ обычаи и обряды іудейскіе будутъ отмѣнены. Такъ какъ законъ іудейскій, понимае-

мый буквально, былъ образомъ и тѣнію, то, можетъ быть, слово: *въ духѣ* употреблено для отличія отъ буквы; ибо въ насъ дѣйствуетъ уже законъ не буквы, а духа: *ибо буква убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). Для отличія отъ образа и тѣни употреблено слово: *въ истинѣ*. Настанетъ, говоритъ, время, и настало уже, именно, время явленія моего во плоти, когда истинные поклонники будутъ покланяться не на одномъ мѣстѣ, какъ самаряне, но на всякомъ мѣстѣ, *духомъ*, и, совершая поклоненіе не тѣлесное (только), какъ и Павелъ говоритъ: которому (Богу) я служу *въ духѣ* моемъ (Римл. 1, 9), будутъ совершать служеніе не образное, тѣнистое, и указывающее собою на будущее, какъ іудеи, но служеніе истинное и не имѣющее никакихъ тѣней. Ибо такихъ поклонниковъ ищетъ Себѣ Богъ: какъ Духъ — духовныхъ, какъ Истина — истинныхъ.

Глагола ему жена: вѣмъ, яко Мессіа пріидетъ, глаголемый Христосъ: егда той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся. Глагола ей Іисусъ: азъ есмь, глаголяй съ тобою. И тогда пріидоша ученицы его, и чудяхуся, яко съ женою глаголаше: обаче никтоже рече: чесо ищеши? или, что глаголеши съ нею? Откуда знала женщина, что придетъ Мессія, называемый Христосъ? Изъ писаній Моисеевыхъ. Ибо мы выше говорили, что самаряне приняли Пятикнижіе Моисеево. Какъ они приняли книги Моисеевы, то изъ нихъ и знали пророчество о Христѣ, и то, что Онъ — Сынъ Божій. Такъ слова: *сотворимъ человѣка* (Быт. 1, 26), очевидно, сказаны Отцемъ Сыну; бесѣдовавшій съ Авраамомъ въ палаткѣ былъ Сынъ

(Быт. гл. 18); о Немъ пророчески говорилъ Іаковъ: не оскудѣетъ князь отъ Іуды, пока придетъ, кому отложено (Быт. 49, 10), и самъ Моисей: *пророка возставитъ Господь изъ братьевъ вашихъ, какъ меня, его будете слушать* (Второз. 18, 15), и многія другія мѣста возвѣщаютъ о пришествіи Христа. Посему-то и говоритъ женщина: *знаю, что придетъ Мессія.* Когда такимъ образомъ самый ходъ рѣчи требовалъ, Господь уже открываетъ ей (самарянкѣ) самого Себя. Если же бы Онъ съ самаго начала сказалъ, что Христосъ—это Я; то не убѣдилъ бы женщины, да и могъ показаться какимъ-то заносчивымъ и гордымъ. А теперь мало помалу, заставивши ее вспомнить обѣтованіе о Христѣ, Онъ уже открываетъ и самого Себя. Почему же онъ женщинѣ сказываетъ (что Онъ Мессія), а іудеямъ, которые часто спрашивали, скажи намъ: *Ты ли Христосъ*, Онъ не открывалъ Себя? Имъ ничего не говорилъ Онъ потому, что они спрашивали не для того, чтобъ узнать (истину), но для того, чтобы болѣе оклеветать; а ей ясно открываетъ Себя потому, что она благонамѣренна. Она спрашивала простодушно и съ желаніемъ узнать истину. Это видно и изъ нижеслѣдующаго. Услышавъ (откровеніе), она не только сама увѣровала, но и другихъ привлекла къ вѣрѣ, и во всемъ является женщиною основательною и вѣрующею. — Въ то время, какъ оканчивался уже разговоръ съ женщиною и ученіе, пришли ученики, и удивлялись Его смиренію, по которому Онъ съ такою снисходительностію разговаривалъ съ женщиною бѣдною и самарянкою, тогда какъ у всѣхъ былъ въ славѣ и извѣстности. Удивляются; однакожъ не смѣютъ спросить, о чемъ Онъ го-

ворить съ нею. Такъ они были обучены, и сохраняли должное отъ учениковъ уваженіе къ Учителю! Въ иныхъ случаяхъ они, повидимому, смѣлы. Напримѣръ, Іоаннъ припадаетъ къ груди (Іоан. 13, 25); приступаютъ съ вопросомъ: *кто больше въ царствіи небесномъ* (Матѳ. 18, 1); сыны Зеведеевы просятъ, чтобъ одному сѣсть по правую, а другому по лѣвую руку (Марк. 10, 35. 37). Въ этихъ случаяхъ они спрашиваютъ о томъ, что ихъ самихъ касалось, и что представлялось имъ тогда необходимымъ. А какъ здѣсь вопросъ не занималъ ихъ самихъ такъ много, и не былъ совершенно необходимъ; то они и не употребляютъ смѣлости, какъ неблаговременной.

Остави же водоносъ свой жена, и иде во градъ, и глагола человѣкомъ: Пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ: еда той есть Христосъ? Изыдоша же изъ града, и грядяху къ нему. Отъ словъ (Господа) сердце женщины такъ возгорѣлось, что она и водоносъ свой оставила. Такъ скоро она воду Христову предпочла колодезю Іаковлю, и вѣрою, обнявшею ея сердце, возводится въ званіе апостола, учитъ и привлекаетъ цѣлый городъ. Пойдите, говоритъ, посмотрите человѣка, который сказалъ мнѣ все, что̀ я сдѣлала. По-истинѣ, душа, воспламененная божественнымъ огнемъ, не смотритъ ни на что земное, ни на стыдъ, ни на безчестіе. Вотъ, и она не стыдится обнаруживать свои дѣла, но говоритъ: который сказалъ мнѣ все, что я сдѣлала. Она могла бы сказать и иначе: пойдите, посмотрите пророка, который пророчествуетъ; но она не говоритъ такъ, а презираетъ мнѣніемъ

о самой себѣ, и имѣетъ въ виду одно только—проповѣдать истину. Не говоритъ утвердительно, что Онъ Христосъ, но: не Онъ ли Христосъ, для того, чтобъ ихъ самихъ привесть къ одинаковому съ собою мнѣнію, и слово сдѣлать болѣе удобопріемлемымъ. Ибо, если бы она утверждала, что Онъ—Христосъ, то нѣкоторые, быть можетъ, не согласились бы, не приняли бы мнѣніе ея, какъ (женщины) отверженной.—Нѣкоторые подъ *пятью* мужами самарянки разумѣли пять книгъ, которыя только принимала самарянка. Тотъ, говоритъ, котораго нынѣ имѣешь, то есть, ученіе мое, которое нынѣ принимаешь отъ Меня, не мужъ тебѣ; ибо ты, говоритъ, не сопряглась еще съ моимъ ученіемъ—Іисусовымъ.—Иной скажетъ, что самарянка служитъ образомъ природы человѣческой. Естество наше прежде жило на горѣ, обладало умомъ, полнымъ божественной благодати. Ибо Адамъ прежде, чѣмъ согрѣшилъ, былъ украшенъ всѣми божественными дарованіями. Онъ былъ и пророкъ. Пробудившись отъ сна, онъ ясно высказался о созданіи жены и объ отношеніи мужа къ ней; ибо сказалъ: это нынѣ кость отъ костей моихъ; и: для сего оставитъ человѣкъ отца своего и мать (Быт. 2, 23. 24). На сей горѣ, высокомъ умѣ, было наше естество, но за оскорбленіе Бога отведено въ плѣнъ. И діаволъ, плѣнившій насъ, сѣмя святое, то есть, всякую божественную мысль, отвелъ въ Вавилонъ, то есть, въ смѣшеніе здѣшняго міра. Вмѣсто святыхъ мыслей онъ поселилъ помыслы грубые: львы, царствующіе въ насъ добрые помыслы, пожирали ихъ, доколѣ не убѣдили ихъ принять рѣченія Божіи. Но они приняли ихъ не все-

цѣло. Ибо злоба, однажды поселившись на горѣ нашей, то есть, въ умѣ, хотя приняла книги Моисеевы, однакожъ не стала всецѣло добра, но и еще была подъ проклятіемъ. Итакъ Іисусъ, совершивши путь, то есть, прошедши многіе пути домостроительства и способы къ нашему спасенію, улучшая нашу жизнь то угрозами, то ударами бѣдствій, то благодѣяніями, то обѣщаніями благъ, и стараясь исправить насъ такими способами, утрудился. Но Онъ нашелъ и иное домостроительство, на которомъ, какъ удовлетворительномъ, сѣлъ и успокоился. Какое же? источникъ крещенія, которымъ Онъ облагодѣтельствовалъ наше естество, какъ-бы нѣкоторую самарянку. Сей источникъ крещенія справедливо можетъ быть названъ источникомъ Іакова, то есть, запинателя; ибо въ семъ источникѣ всякъ попираетъ діавола. Въ немъ и Господь разрушилъ голову дракона, котораго отдалъ въ пищу людямъ еѳіопскимъ (Псал. 73, 13). Ибо дракономъ симъ не иной кто увеселяется и питается, какъ люди, омраченные и черные по душѣ, и не имѣющіе участія въ божественномъ свѣтѣ.— Съ симъ естествомъ нашимъ вступили въ союзъ пять мужей, разные законы, данные ему отъ Бога, законъ въ раю, законъ при Ноѣ, законъ при Аврамѣ, законъ при Моисеѣ, законъ чрезъ пророковъ. Ибо Ной послѣ потопа принялъ нѣкоторую заповѣдь, и Авраамъ заповѣдь обрѣзанія (Быт. 9, 1—17. 17, 1—14). Сопрягшись съ сими пятью законами, естество наше въ послѣдствіи приняло и шестый законъ новаго завѣта, котораго не имѣло мужемъ и съ которымъ еще не сочеталось. — Иной подъ шестымъ закономъ, котораго

естество наше не имѣло мужемъ, можетъ разумѣть законъ идолослуженія. Ибо сей законъ не былъ данъ ему отъ Бога въ мужа, но оно смѣшалось съ нимъ, какъ прелюбодѣйца. Посему и пророкъ говоритъ: *и блудодѣйствовали въ древѣ* (Iерем. 2, 20) и опять: *блудодѣйствовали позади всякаго дерева* (Iезек. 16), говоритъ, очевидно, о томъ, что они почитали изваянья и деревья. Ибо естество наше до такого дошло безумія, что и деревьямъ красивымъ, кипарисамъ, яворамъ и подобнымъ, приносили жертвы за ихъ красоту. Итакъ, когда человѣкъ полюбилъ этого шестаго прелюбодѣя, и низпалъ въ идолослуженіе, тогда Господь приходитъ и освобождаетъ насъ отъ него, посему и говоритъ: тотъ, котораго ты нынѣ имѣешь. Ибо ко времени пришествія Христова, дѣйствительно, и мудрецы іудейскіе обратились къ язычеству, какъ это показываетъ ересь фарисеевъ, вѣрующихъ судьбѣ и звѣздочетству. Самарянка есть и всякая душа, которая неразумно подчинилась пяти чувствамъ, потомъ приняла и ложныя ученія, какъ-бы шестаго прелюбодѣя, но которой Iисусъ благодѣтельствуетъ или крещеніемъ или источникомъ слезъ. И слезы могутъ быть названы колодеземъ Iакова, то есть, ума нашего, попирающаго злобу. Воду сію пьетъ и самъ разумъ, и дѣти его—помыслы, и скотъ его—неразумныя части души, гнѣвъ и пожеланіе. Ибо слезы служатъ освѣженіемъ для ума и для помысловъ и для прочихъ (силъ души).

Между же симъ моляху его ученицы его, глаголюще: Равви, яждь. Онъ рече имъ: азъ брашно имамъ ясти, егоже вы не вѣсте. Глаголаху убо ученицы къ себѣ: еда кто принесе ему ясти? Глагола имъ Iисусъ: мое

брашно есть, да сотворю волю пославшаго мя, и совершу дѣло его. Ученики спрашивали, то есть, просили Господа ѣсть, не по безразсудству, но по сильной любви къ Учителю; ибо видѣли, что Онъ утрудился отъ пути и отъ палящаго жара. А Господь, зная, что самарянка привлечетъ къ Нему почти весь городъ, и что самаряне увѣруютъ въ Него, говоритъ: у Меня есть, что̀ ѣсть, именно, спасеніе людей, потому что спасенія сего Я такъ желаю, какъ никто изъ васъ не желаетъ чувственной пищи. Пищи, которую Я имѣю ѣсть, вы, ученики мои, не знаете. Вы еще плотяны, и не можете понимать того, что̀ Я говорю прикровенно, а потому не знаете, что пищею Я называю спасеніе людей. И иначе: вы не знаете сей пищи; ибо не знаете, что самаряне увѣруютъ въ Меня и спасутся. Что же ученики? они еще недоумѣваютъ, не принесъ ли кто Ему ѣсть? Предложить же вопросъ Ему не смѣютъ по обычному уваженію къ Нему. Однакожъ Онъ, хотя они и не спрашивали, объясняетъ сказанное прикровенно, и говоритъ: моя пища есть—творить волю пославшаго Меня (ибо спасеніе людей—воля Божія), и совершить дѣло Его. Пророки и законъ не могли совершить дѣло Божіе, потому что, являя собою образы и тѣни будущихъ благъ, (сами) были несовершенны. А Господь совершилъ дѣло Божіе, то есть, наше спасеніе и обновленіе. Подъ дѣломъ Божіимъ разумѣй, пожалуй, человѣка, котораго усовершилъ одинъ только Сынъ Божій, такъ какъ Онъ въ Себѣ самомъ явилъ естество наше безгрѣшнымъ, и чрезъ божественную жизнь во плоти, усовершенствованнымъ во всякомъ добромъ дѣ-

лѣ, показалъ оное совершеннымъ, и до конца побѣдилъ міръ.—И законъ есть дѣло Божіе, такъ какъ онъ написанъ перстомъ Божіимъ (Второз. 9, 10). Господь совершилъ этотъ законъ; потому что Христосъ есть конецъ закона (Римл. 10, 4). Онъ прекратилъ все совершавшееся въ законѣ, и отъ тѣлеснаго служенія возвелъ оное къ духовному.—Господь часто говоритъ прикровенно, для того, чтобы слушателей сдѣлать внимательнѣе, возбудить ихъ къ изслѣдованію и познанію того, что говорится сокровенно. — Называя спасеніе людей пищею, (Господь) научаетъ учениковъ, чтобъ и они, когда будутъ рукоположены въ учители вселенной, не заботились много о тѣлесной пищѣ, а все усердіе прилагали къ спасенію людей.—Замѣть и то, что Господь принималъ яства, когда кто-нибудь приносилъ ихъ. Ибо ученики говорятъ: не принесъ ли кто Ему ѣсть? Дѣлалъ же это Господь не потому, будто нуждался въ услуженіи другихъ, ибо Онъ самъ даетъ пищу всякой плоти (Псал. 135, 25), но для того, чтобы приносящіе имѣли награду, и привыкали питать и другихъ, и чтобы показать всѣмъ людямъ, что не нужно стыдиться бѣдности, и тяготиться, въ случаѣ питанія отъ другихъ. Учителямъ же свойственно и даже необходимо заботы о пищѣ возлагать на другихъ, для того, чтобы самимъ, не развлекаясь, совершать служеніе Слова. Посему Онъ даже и заповѣдалъ ученикамъ питаться на счетъ наставляемыхъ ими (Лук. 10, 7).

Не вы ли глаголете, яко еще четыре мѣсяцы суть, и жатва пріидетъ? се глаголю вамъ: возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы суть къ жатвѣ уже.

И жняй, мзду пріемлетъ, и собираетъ плодъ въ животъ вѣчный: да и сѣяй вкупѣ радуется, и жняй. О семъ бо слово есть истинное, яко инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй. Азъ послахъ вы жати, идѣже вы не трудистеся: иніи трудишася, и вы въ трудъ ихъ внидосте. (Господь) начинаетъ теперь яснѣе раскрывать ученикамъ то, что̀ прежде говорилъ прикровенно; Онъ говоритъ: вы говорите, то есть, думаете, что въ четвертый мѣсяцъ отселѣ наступитъ жатва, то есть, чувственная; а Я говорю вамъ, что разумная жатва уже наступила. Это говорилъ Онъ о самарянахъ, которые уже шли къ Нему. *Возведите очи ваши*, и разумныя и чувственныя, и посмотрите на множество самарянъ, идущихъ сюда, и на души ихъ, расположенныя и готовыя къ вѣрѣ, которыя, какъ побѣлѣвшія нивы, нуждаются въ жатвѣ. Ибо какъ колосья, когда побѣлѣютъ, готовы къ жатвѣ, такъ и они готовы ко спасенію.—*И жнущій получаетъ награду, и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную, такъ что и сѣющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ.* Смыслъ этихъ словъ такой: пророки сѣяли, но не пожали. Впрочемъ чрезъ это они не лишились удовольствія, но радуются вмѣстѣ съ нами, хотя и не жнутъ вмѣстѣ съ нами. Въ чувственныхъ жатвахъ такъ не бываетъ. Тамъ, если случится иному сѣять и иному жать, не жнущій скорбитъ. А въ духовныхъ жатвахъ не такъ. Но и пророки, проповѣдывавшіе и предрасполагавшіе умы людей, радуются вмѣстѣ съ нами, привлекшими людей къ спасенію.—*Я послалъ васъ жать то, надъ чѣмъ вы не трудились.* Господь говоритъ это для того, чтобы, когда Онъ пошлетъ учениковъ на про-

повѣдь, они не смущались тѣмъ, что посылаются на дѣло трудное. Труднѣйшее, говоритъ Онъ, приняли на себя пророки, а васъ посылаю Я на готовое. Справедливымъ изреченіемъ называетъ поговорку, употреблявшуюся въ народѣ: иной сѣетъ, и иной жнетъ.—Смотри, какъ Онъ говоритъ все со властію и повелѣніемъ: Я послалъ васъ жать. Пусть слышатъ это ученики проклятаго Маркіона и Манеса, и подобныхъ, которые отчуждаютъ ветхій завѣтъ отъ новаго. Они и здѣсь обличаются. Ибо если бы ветхій завѣтъ былъ чуждъ новаго, то какъ бы апостолы пожали сѣянное пророками? Если же апостолы жали сѣянное въ ветхомъ завѣтѣ, то онъ не чуждъ новаго завѣта, но оба суть одинъ завѣтъ. Пусть слышатъ и аріане, что (Христосъ) посылаетъ учениковъ, какъ Господь и Владыка. Посылаетъ для того, чтобъ они жали, и отрѣзывали отъ земныхъ предметовъ пристрастившихся къ нимъ язычниковъ и іудеевъ, и сносили ихъ на гумно, то есть, въ Церковь. Въ ней чрезъ молотьбу волами, то есть, учителями, и подчиненіе имъ, они растираются, и, освобождаясь отъ всякой плевы, отъ всего плотскаго и пожираемаго огнемъ, складываются чистыми зернами въ небесную житницу, и потомъ становятся пищею Богу, радующемуся объ ихъ спасеніи. Такъ Павелъ жалъ, отрѣзывая насъ отъ земли, и научая, что жительство наше на небесахъ (Филип. 3, 20).—Нѣкоторые же слова: посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ, примѣняютъ къ старцамъ, по причинѣ ихъ сѣдинъ и пожатія смертію.

Отъ града же того мнози вѣроваша въ онь отъ самарянъ, за слово жены свидѣтельствующія, яко рече ми вся, елика сотворихъ. Егда убо пріидоша къ нему самаряне, моляху его, дабы пребылъ у нихъ: и пребысть ту два дни. И много паче вѣроваша за слово его. Женѣ же глаголаху, яко не ктому за твою бесѣду вѣруемъ: сами бо слышахомъ, и вѣмы, яко сей есть воистинну Спасъ міру, Христосъ. Самаряне вѣруютъ по слову женщины, благоразумно судя по самимъ себѣ, что женщина не открыла бы предъ всѣми жизни своей изъ за угожденія другому, если бы проповѣдуемый ею не былъ по-истинѣ великъ и превосходнѣе многихъ. Посему, доказывая вѣру дѣлами, просили Его остаться у нихъ совсѣмъ. Ибо побыть (μεῖναι) означаетъ именно поселиться совершенно. Но Онъ не соглашается на это, а проводитъ у нихъ два только дня, и по ученію Его еще большее число ихъ увѣровало. Хотя евангелистъ не повѣствуетъ въ частности о чудныхъ рѣченіяхъ Его ученія, но о силѣ божественнаго Его ученія даетъ намъ разумѣть изъ окончанія дѣла. Ибо евангелисты опускаютъ много и изъ великихъ дѣлъ, потому что пишутъ не изъ видовъ честолюбія, а для истины. Вѣроятно, и въ бытность у самарянъ Господь училъ чему-нибудь божественному; потому что они, не увидѣвъ никакого чуда, вѣруютъ въ Него и просятъ Его остаться. А іудеи, удостоенные отъ Него безчисленнаго множества рѣчей и чудесъ, еще гнали Его. По-истинѣ, враги человѣку домашніе его (Мих. 7, 6. Матѳ. 10, 36).—Смотри, пожалуй, въ короткое время народъ превзошелъ свою учительницу. Ибо они назы-

ваютъ Его не пророкомъ, ни Спасителемъ Израиля, но Спасителемъ міра, и еще съ членомъ: Онъ есть тотъ Спаситель (ὁ Σωτὴρ), который собственно и истинно спасъ всѣхъ. Многіе приходили спасать, и законъ, и пророки, и ангелы, но истинный Спаситель есть Онъ.

По двою же дню изыде оттуду, и иде въ Галилею. Самъ бо Іисусъ свидѣтельствова, яко пророкъ во своемъ отечествіи чести не имать. Егда же пріиде въ Галилею, пріяша его галилеане, вся видѣвше, яже сотвори во Іерусалимѣхъ въ праздникъ: и тіи бо пріидоша въ праздникъ. Господь, вышедъ изъ Самаріи, приходитъ въ Галилею. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сталъ изслѣдовать и недоумѣвать, почему Онъ не пребывалъ всегда въ Галилеѣ, но приходилъ въ оную съ промежутками, между тѣмъ какъ и происходилъ, повидимому, изъ Галилеи, говоритъ: потому не жилъ Онъ въ Галилеѣ, что галилеяне не оказывали Ему никакой чести. Самъ Іисусъ свидѣтельствовалъ, что пророкъ не пользуется честію въ своемъ отечествѣ. Ибо мы люди обыкновенно презираемъ то, что стало въ ряду обычайнаго, а на странное и необычайное всегда обращаемъ вниманіе. Что же? Не видимъ ли мы многихъ въ чести и у своихъ? Да, но это весьма рѣдко. Если же иные находятся въ чести и въ отечествѣ своемъ, то въ чужой сторонѣ они будутъ чтимы гораздо болѣе, такъ что честь, оказываемая въ отечествѣ, при сравненіи съ честью въ чужой странѣ, покажется безчестьемъ. Ибо зависть не позволяетъ соотечественникамъ воздавать должную славу, а они воздаютъ ее уменьшенную, считая за стыдъ себѣ прославленіе единоплеменника.—

Когда Господь пришелъ въ Галилею, галилеяне увѣровали, видѣвъ знаменія, какія Онъ сдѣлалъ въ Іерусалимѣ. Но самаряне достойны большаго одобренія, потому что они увѣровали безъ знаменій, по слову женщины. Смотри: почитаемые отверженными повсюду отличаются вѣрою. разумѣю самарянъ и галилеянъ. Ибо и сихъ послѣднихъ презирали, какъ живущихъ подеревенски; почему и говорили, что изъ Галилеи не приходилъ пророкъ (Іоан. 7, 52). А почитавшіеся избранными, каковы были іерусалимскіе іудеи, отвергаются. Подлинно справедливо приняты и мы язычники. Ибо въ собственномъ отечествѣ, по разумѣнію иного, въ синагогѣ іудейской. *Пророкъ* Христосъ не имѣлъ чести, какъ называетъ Его Моисей: пророка возставитъ Господь нашъ (Второзак. 18, 15).

Зач. *Пріиде же паки Іисусъ въ Кану галилейскую, идѣ-*
13. *же претвори воду въ вино. И бѣ * нѣкій царевъ мужъ, егоже сынъ боляше въ Капернаумѣ. Сей слышавъ, яко Іисусъ пріиде отъ Іудеи въ Галилею, иде къ нему и моляше его, да снидетъ, и исцѣлитъ сына его: имѣяше бо умрети. Рече убо Іисусъ къ нему: аще знаменій и чудесъ не видите, не имате вѣровати. Глагола къ нему царевъ мужъ: Господи, сниди, прежде даже не умретъ отроча мое. Глагола ему Іисусъ: иди сынъ твой живъ есть, и вѣрова человѣкъ словеси, еже рече ему Іисусъ, и идяше.* Евангелистъ напоминаетъ намъ о чудѣ въ Канѣ, гдѣ вода претворена въ вино, во-первыхъ, для того, чтобы яснѣе выставить достоинство самарянъ.

---

*Во время оно, бѣ **

Галилеяне, говоритъ, приняли Господа по причинѣ знаменій, сотворенныхъ въ Іерусалимѣ и у нихъ, а самаряне—по одному свидѣтельству женщины и по ученію самого Господа. Во-вторыхъ, для того, чтобы показать намъ, что отъ чуда въ Канѣ получилъ нѣкоторое доброе, хотя и не вполнѣ достойное, понятіе о Христѣ и царевъ мужъ. Называетъ его *царевымъ* или потому, что онъ былъ изъ царскаго рода, или потому, что имѣлъ какое - нибудь достоинство власти такого названія. Иной скажетъ: царедворецъ сей не одинъ ли и тотъ же съ сотникомъ, упоминаемымъ въ евангеліи отъ Матѳея (8, 5—13)? ибо и тотъ былъ въ Капернаумѣ. Я думаю, что не одинъ и тотъ же, а другой. Тотъ, когда Христосъ хочетъ придти, удерживаетъ Его, говоря: я недостоинъ, чтобъ Ты вошелъ подъ кровъ мой. А этотъ усильно зоветъ Іисуса въ домъ свой. У того страдалъ разслабленіемъ отрокъ, то есть, рабъ, а у этого сынъ—горячкою. Тамъ Господь пришелъ въ Капернаумъ, по сошествіи съ горы; а теперь приходитъ изъ Самаріи, и не въ Капернаумъ, а въ Кану. По всему тотъ—сотникъ, а этотъ—царевъ мужъ по достоинству.—Царедворецъ проситъ Господа придти и исцѣлить сына, а Господь упрекаетъ его въ томъ, что онъ вѣритъ не вполнѣ, а отчасти. Ибо слова: *приди, пока не умеръ сынъ мой*, обнаруживаютъ, что вѣра его слаба. Онъ не вѣруетъ, что, и въ случаѣ смерти его сына, Господь силенъ воскресить его. Посему-то, упрекая его, Онъ говоритъ: вы не увѣруете, если не увидите знаменій и чудесъ, осуждая вмѣстѣ съ нимъ и другихъ жителей Капернаума. Ибо они всюду представляются виновными въ сильномъ невѣріи. Такъ какъ ца-

редворецъ былъ нетвердъ въ мысляхъ, и настаивалъ, чтобы Господь пришелъ для исцѣленія его сына, то Спаситель, показывая ему, что Онъ заочно можетъ исцѣлить его, говоритъ: пойди, сынъ твой живъ. Такимъ образомъ за одинъ разъ исцѣлилъ сына отъ горячки, а отца—отъ невѣрія.—Знай и то, что̀ иное дѣло—чудо, и иное—знаменіе. Чудо—то, что сверхъ природы, напримѣръ, отверсть очи слѣпорожденному, воскресить мертваго; а знаменіе—то, что̀ не внѣ природы, напримѣръ исцѣлить больнаго.—Такое чудо Господь и нынѣ совершитъ надъ всякимъ приходящимъ. Всякій человѣкъ есть какъ-бы царскій мужъ, не только потому, что онъ по душѣ сроденъ Царю всѣхъ, но и потому, что самъ получилъ царскую власть надъ всѣмъ. Часто оказывается, что у иного умъ, какъ сынъ (царедворца), страдаетъ отъ огня неумѣстныхъ удовольствій и отъ похотѣній. Если онъ пойдетъ къ Іисусу, и попроситъ Его притти, то есть, явить снисхожденіе человѣколюбія и простить ему грѣхи, пока онъ не умеръ окончательно отъ болѣзни похотѣній, (ибо если Богъ не снизойдетъ къ намъ, но будетъ взирать на беззаконія, и по нимъ судить, то кто устоитъ (Псал. 130, 3)?),—итакъ, если онъ пойдетъ (ко Христу), то, какъ сказано (Мате. 7, 7. 8), найдетъ искомое, и уму своему получитъ здоровье. Впрочемъ замѣть, что Господь ему говоритъ. *Пойди*, сынъ твой живъ; то есть, не будь неподвиженъ къ добру, но ступай и обнаруживай непрестанное движеніе къ добру. Ибо въ такомъ случаѣ сынъ твой живъ. Если же прекратишь шествіе, то умъ твой окончательно умретъ, получивъ омертвѣніе отъ неподвижности къ добру.

Абіе же входящу ему, се раби его срѣтоша его, и возвѣстиша ему, глаголюще, яко сынъ твой живъ есть. Вопрошаше убо отъ нихъ о часѣ, въ который легчае ему бысть: и рѣша ему, яко вчера въ часъ седмый остави его огнь. Разумѣ же отецъ, яко той бѣ часъ, въ оньже рече ему Іисусъ, яко сынъ твой живъ есть: и вѣрова самъ, и весь домъ его. Сіе паки второе знаменіе сотвори Іисусъ, пришедъ отъ Іудеи въ Галилею. Слуги, изумленные внезапною перемѣною болѣзни, встрѣчаютъ господина, и сказываютъ ему о здоровьи сына. Ибо онъ избавился отъ горячки не просто, и какъбы случайно, но внезапно.—Дѣло это, очевидно, было не слѣдствіемъ природы, но дѣйствіемъ силы Христовой.—Узнавъ отъ слугъ о часѣ, въ которомъ сыну стало легче, то есть, когда сынъ пришелъ въ лучшее и здоровое состояніе, (отецъ) совершенно вѣруетъ Господу. Ибо прежняя вѣра его была несовершенна. Не говори мнѣ, что онъ и не пошелъ бы (ко Христу), если бы не вѣровалъ. Ибо отцы, изъ любви къ дѣтямъ, обыкновенно обращаются къ врачамъ не только опытнымъ, но и къ неискуснымъ, не желая оставить ничего должнаго. Итакъ онъ пришелъ по вѣрѣ, допустимъ и это, но по вѣрѣ холодной и несовершенной, которую иной не назоветъ и вѣрою; а тогда, когда узналъ и о часѣ, совершенно увѣровалъ,—Для чего евангелистъ говоритъ, что это второе чудо сотворилъ (Іисусъ) въ Канѣ? Для того, чтобы показать, какой похвалы заслуживаютъ самаряне; хотя, говоритъ, это было и второе чудо, однакожъ галилеяне не достигли высоты тѣхъ, которые не видѣли ни одного знаменія (и увѣровали).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О человѣкѣ, находившемся въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ.— Объ іудеяхъ, ищущихъ убить Іисуса.

Зач. 14. *По сихъ же бѣ праздникъ іудейскій, и * взыде Іисусъ во Іерусалимъ. Есть же во Іерусалимѣхъ овчая купѣль, яже глаголется еврейски Виөезда, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды. Ангелъ бо Господень на всяко лѣто схождаше въ купѣль, и возмущаше воду: и иже первѣе влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше, яцѣмъ же недугомъ одержимъ бываше.* Былъ праздникъ іудейскій; думаю, что праздникъ пятидесятницы. Господь идетъ на праздникъ, частію для того, чтобы не явиться противникомъ закона, но показаться участникомъ въ праздникѣ народа, частію для того, чтобы большее число людей привлечь къ Себѣ ученіемъ и знаменіями, и особенно народъ безхитростный. Ибо на праздники обыкновенно сходятся и земледѣльцы и городскіе ремесленники, которые въ прочіе дни занимаются работами.— Купальня называлась *овечьею*, потому что къ ней пригоняемы были жертвенныя овцы, и въ ней омывались ихъ внутренности. Многіе думали, что вода получала нѣкоторую божественную силу отъ одного того, что въ ней омывались внутренности жертвъ, что потому и ангелъ сходилъ на сію воду, какъ на избранную, и чудодѣйствовалъ. Кажется, божественный Промыслъ пред-

---

*Во время оно **

устроилъ чудо въ этой купальнѣ для того, чтобъ издалека вести іудеевъ къ вѣрѣ во Христа. Такъ какъ имѣло быть даровано крещеніе, имѣющее великую силу и величайшій даръ, ибо оно очищаетъ отъ грѣховъ и оживляетъ души; то Богъ преджививописуетъ крещеніе въ іудейскихъ обрядахъ, и даетъ іудеямъ. напримѣръ, воду, очищающую ихъ отъ нечистотъ, хотя не существенныхъ, а мнимыхъ, напримѣръ, отъ нечистоты вслѣдствіе прикосновенія къ мертвецу, или къ прокаженному, и много подобнаго; даетъ также и чудо этой купальни, руководящее ихъ къ принятію крещенія.— Ангелъ, нисходившій по временамъ, возмущалъ воду, и сообщалъ ей цѣлительную силу. Ибо не отъ естества воды, чтобъ ей исцѣлять самой по себѣ (въ такомъ случаѣ это было бы всегда), но все зависѣло отъ дѣйствія ангела. Такъ и у насъ вода крещенія есть простая вода, но чрезъ божественное низхожденіе получивъ благодать Духа, она уничтожаетъ душевныя болѣзни. Слѣпъ ли кто, то есть, имѣетъ поврежденныя очи душевныя, и не можетъ различить добро отъ зла; хромъ ли кто, то есть, неподвиженъ къ дѣланію добра и преуспѣянію въ добрѣ; изсохъ ли кто совершенно, то есть, находится въ состояніи отчаянія, и не имѣетъ въ себѣ ничего добраго;—вода сія всѣхъ исцѣляетъ. И тогда слабость не позволяла нѣкоторымъ получить исцѣленіе, а нынѣ мы не имѣемъ никакого препятствія къ крещенію. Ибо за выздоровленіемъ одного, прочіе не остаются безъ исцѣленія; но, хотя бы вся вселенная сошлась, благодать не уменьшится.

Бѣ же ту нѣкій человѣкъ, тридесять и осмь лѣтъ имый въ недузѣ своемъ. Сего видѣвъ Іисусъ лежаща, и

разумѣвъ, яко многа лѣта уже имяше въ недузѣ, глагола ему: хощеши ли цѣлъ быти? Отвѣща ему недужный: ей Господи, человѣка не имамъ, да егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль: егда же прихожду азъ, инъ прежде мене слазитъ. Терпѣніе разслабленнаго изумительное! Тридцать восемь лѣтъ онъ былъ боленъ, каждогодно ожидалъ избавленія отъ болѣзни, но предваряемъ былъ сильнѣйшими; однакожъ онъ не отставалъ и не отчаявался. Почему Господь и спрашиваетъ его, желая показать намъ терпѣніе сего человѣка. Спрашиваетъ не для того, чтобы узнать; потому что не только излишне, но и безумно спрашивать больнаго, хочетъ ли онъ быть здоровымъ. Такъ я сказалъ, что Онъ спрашиваетъ для того, чтобы показать намъ терпѣніе этого человѣка. Что же онъ? онъ отвѣчаетъ весьма кротко. Да, говоритъ, Господи, я желаю, но не имѣю человѣка, который бы опустилъ меня въ воду. Онъ не высказываетъ никакой хулы, не отвергаетъ Христа, какъ предложившаго неумѣстный вопросъ, не проклинаетъ день рожденія своего, какъ мы малодушные дѣлаемъ, и притомъ въ болѣзняхъ легчайшихъ, но отвѣчаетъ кротко и робко. Хотя онъ и не зналъ, кто спрашиваетъ его, но, можетъ быть, считалъ Христа полезнымъ для себя уже и въ томъ одномъ, что опуститъ его въ воду, и потому хочетъ привлечь и расположить къ себѣ своими рѣчами.—Христосъ же не сказалъ: хочешь ли, Я исцѣлю тебя? для того, чтобы не показаться тщеславнымъ.

Глагола ему Іисусъ: востани, возми одръ твой, и ходи. И абіе здравъ бысть человѣкъ: и вземъ одръ свой, и хождаше: бѣ же суббота въ той день. Глаголаху же

жидове исцѣлѣвшему: суббота есть, и не достоитъ ти взяти одра твоего. Повелѣваетъ взять постель, для того, чтобы удостовѣрить въ совершившемся чудѣ, чтобы никто не сочелъ онаго за привидѣніе. Ибо, если бы члены больнаго не утвердились и не укрѣпились, онъ не могъ бы носить постель.—Не требуетъ отъ него вѣры прежде исцѣленія, какъ отъ нѣкоторыхъ другихъ, потому, что больной не видалъ еще Его сотворившимъ знаменіе. Ибо отъ тѣхъ, отъ которыхъ Господь требовалъ вѣры, Онъ требовалъ ее не прежде чудесъ, но совершивши чудеса предъ ними.—Смотри, пожалуй, какъ онъ заразъ услышалъ, и увѣровалъ. Онъ не думалъ самъ въ себѣ, и не сказалъ: не шутитъ ли Онъ, что приказываетъ мнѣ тотчасъ встать? я въ тридцать восемъ лѣтъ болѣзни не получалъ исцѣленія, и теперь вдругъ встану? ничего такого онъ не подумалъ, но повѣрилъ, и всталъ.—Исцѣляетъ *въ субботу*, научая людей иначе понимать обряды закона и почитаніе субботы поставлять не въ тѣлесно понимаемомъ бездѣйствіи, но въ воздержаніи отъ зла. Потому что законъ, будучи закономъ (всегда) добротворящаго Бога, не можетъ воспрещать добро творить въ субботу.

Онъ же отвѣща имъ: иже мя сотвори цѣла, той мнѣ рече: возми одръ твой, и ходи. Вопросиша же его: кто есть человѣкъ рекій ти: возми одръ твой и ходи? Исцѣлѣвый же не вѣдяше, кто есть: Іисусъ бо уклонися, народу сущу на мѣстѣ. Нужно удивляться смѣлости этого человѣка предъ іудеями. Они настойчиво говорятъ ему: не должно тебѣ брать свою постель въ субботу. А онъ смѣло проповѣдуетъ имъ своего благо-

дѣтеля. *Кто меня исцѣлилъ, тотъ мнѣ сказалъ.* Онъ какъ-бы такъ говоритъ: вы безумствуете, когда приказываете мнѣ не слушать того, кто исцѣлилъ меня отъ болѣзни, столь продолжительной и трудной.—Іудеи не спрашиваютъ его, кто исцѣлилъ тебя, но *кто сказалъ тебѣ:* возми постель, Такъ они добровольно смѣжили себѣ глаза для добра, а мнимое нарушеніе субботы постоянно выставляли на видъ.—Іисусъ скрылся, частію, для того, чтобы въ Его отсутствіе свидѣтельство объ исцѣленіи было свободно отъ всякаго подозрѣнія, и не подумали бы, что человѣкъ этотъ благопріятствуетъ Ему, но свидѣтельствуетъ объ истинѣ, частію, для того, чтобы еще болѣе не воспламенить ярость іудеевъ. Ибо и одинъ только видъ ненавидимаго придаетъ ненавидящимъ немалую искру ненависти. Посему Онъ оставляетъ, чтобы дѣло это изслѣдовалось само по себѣ. Ибо іудеи обвинители, перенесши событіе на изслѣдованіе и разсужденія, дѣлаютъ оное тѣмъ болѣе гласнымъ.

Потомъ же обрѣте его Іисусъ въ церкви, и рече ему: се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ. Иде же человѣкъ, и повѣда іудеомъ, яко Іисусъ есть, иже мя сотвори цѣла: И сего ради гоняху Іисуса іудее, и искаху его убити, зане сія творяше въ субботу. Изъ словъ Господа разслабленному: „вотъ ты выздоровѣлъ, не грѣши же болѣе", мы научаемся, во-первыхъ, что болѣзнь съ этимъ человѣкомъ приключилась за грѣхи, и во-вторыхъ, что ученіе о геенне истинно, и что мученіе вѣчно, Гдѣ же нынѣ тѣ, которые говорятъ: въ одинъ часъ я соблудилъ; за что же

буду нести безконечное наказаніе? Ибо, вотъ, и сей человѣкъ не столько лѣтъ грѣшилъ, сколько терпѣлъ наказаніе; но почти цѣлую жизнь человѣческую провелъ въ наказаніи. Грѣхи судятся не по продолжительности ихъ, а по самому естеству преступленій. Научаемся вмѣстѣ и тому, что хотя мы понесемъ тяжкое наказаніе за прежніе грѣхи, но, если опять впадемъ въ тѣже грѣхи, потерпимъ еще бо́льшее наказаніе. И весьма справедливо. Ибо кто не улучшился отъ перваго наказанія, тотъ подвергается бо́льшимъ мукамъ, потому, что онъ безчувственъ и нерадивъ.—Для чего, скажешь, не всѣ такъ наказываются? Ибо мы видимъ, что многіе порочные пользуются здоровьемъ, удовольствіемъ и благоденствіемъ. Но то, что они не потерпѣли здѣсь ничего, будетъ поводомъ къ большему наказанію тамъ. На сіе-то указывая, Павелъ говоритъ: *будучи судимы отъ Господа*, то есть, здѣсь, *наказываемся, чтобы не быть осужденными съ міромъ*, то есть, тамъ (1 Кор. 11, 32). Ибо здѣшнія страданія суть вразумленія, а тамошнія—наказанія.—Ужели же всѣ болѣзни отъ грѣховъ? Не всѣ, но большая часть. Ибо однѣ изъ нихъ бываютъ за грѣхи, какъ случилось съ этимъ разслабленнымъ; и въ книгѣ Царствъ видимъ, что нѣкто впалъ въ подагру за грѣхи (4 Цар. 5, 27. 15, 5). Другія бываютъ для прославленія и обнаруженія, какъ случилось съ Іовомъ, чтобы открылась его добродѣтель. Иныя бываютъ отъ разсѣянности, напримѣръ, отъ невоздержанія и пьянства.—Нѣкоторые изъ словъ Господа: *не грѣши болѣе*, выводятъ догадку, что Господь зналъ, что сей разслабленный объявитъ объ Немъ іу-

деямъ, и укажетъ, послѣ встрѣчи съ Нимъ въ храмѣ, и на счетъ этого говоритъ: не грѣши же. Но не такъ. Человѣкъ сей оказывается благочестивымъ. Ибо Іисусъ находитъ его въ храмѣ. Если бы онъ не былъ благочестивъ, онъ возвратился бы домой и предался бы отдыху и наслажденію, и убѣгъ бы отъ ярости іудеевъ и словопренія. Но ничто подобное не отвлекло его отъ храма.—Узнавъ Іисуса, смотри, какъ благоразумно онъ объявляетъ объ Немъ іудеямъ. Не говоритъ, какъ они желали слышать, что Іисусъ сказалъ: возми постель, но: исцѣлилъ меня, чего они не хотѣли слышать, обвиняя Его въ нарушеніи субботы.—Если іудеи стали гнать Господа, то чѣмъ виноватъ въ этомъ человѣкъ сей, объявившій имъ объ Немъ? Онъ проповѣдывалъ объ Исцѣлителѣ съ доброю цѣлію, съ тѣмъ, чтобы и прочихъ привлечь къ вѣрѣ. Еслижъ они стали гнать Благодѣтеля, то это—ихъ вина.—Подъ овчею купѣлью разумѣй, пожалуй, благодать крещенія, которою Господь Іисусъ, закланное за насъ Овча, омылся, крестившись за насъ. Купѣль эта имѣетъ пять ходовъ. Ибо въ крещеніи являются четыре добродѣтели, и созерцаніе и догматы. Итакъ естество человѣческое, на подобіе разслабленнаго, разбитое во всѣхъ душевныхъ силахъ, тридцать восемь лѣтъ лежало въ болѣзни. Ибо не имѣло здравой вѣры въ Троицу, не вѣровало твердо въ будущій вѣкъ, то есть, въ воскресеніе и въ судъ за всю жизнь. Оно не получало исцѣленія. Ибо не имѣло человѣка, который бы спустилъ въ купальню, то есть, тогда Сынъ Божій, который имѣлъ исцѣлить его крещеніемъ, не былъ еще человѣкомъ. А когда сталъ

человѣкомъ, тогда исцѣлилъ естество наше; повелѣлъ взять и постель, то есть, и тѣло сдѣлать легкимъ и тонкимъ, и возвыситься отъ земли, не отягчаясь плотію и земными заботами, но возстать отъ равнодушія къ добру, и ходить, то есть, двигаться къ дѣланію добра.—Возмущеніе воды въ купальнѣ означаетъ то, что въ ней возмущаются духи злобы, сокрушаемые и попираемые благодатію Святаго Духа. О, если бы и намъ получить здоровье! намъ, которые разслабѣли и неподвижны ко всякому доброму дѣлу, и не имѣемъ человѣка, то есть, смысла человѣческаго, какъ-бы уподобившіеся скотамъ несмысленнымъ, чтобы онъ опустилъ насъ въ купѣль слезнаго покаянія, въ которую кто войдетъ первымъ, тотъ получаетъ исцѣленіе. Ибо надѣющійся на послѣдующее время, и отлагающій покаяніе, и не спѣшащій покаяться здѣсь, но опаздывающій, не получаетъ исцѣленія. Итакъ старайся войти первымъ, чтобы смерть не захватила тебя.—Сію купѣль покаянія возмущаетъ ангелъ. Какой? Ангелъ великаго совѣта Отчаго, Христосъ и Спаситель. Ибо если божественное ученіе не коснется нашего сердца, и не произведетъ въ немъ возмущенія напоминовеніемъ о мукахъ въ будущемъ вѣкѣ, то купѣль сія не будетъ дѣйственна, и здоровья разслабленной душѣ не бываетъ.—Справедливо она можетъ быть названа овчею. Ибо въ ней, какъ овцы, омываются внутренности и помыслы святыхъ и незлобивыхъ, уготовляющихъ себя въ жертву живую и благоугодную Богу. О, если бы и мы получили здоровье, и, по выздоровленіи, находились въ храмѣ, то есть, не осквернялись несвященными помы-

слами, дабы не постигло насъ худшее наказаніе въ будущемъ.

Зач. *Іисусъ же отвѣщаваше имъ: * Отецъ мой доселѣ*
15. *дѣлаетъ, и азъ дѣлаю. И сего ради паче искаху его іудее убити, яко не токмо разоряше субботу, но и Отца своего глаголаше Бога, равенся творя Богу,* Іудеи обвиняютъ Христа въ томъ, что Онъ совершилъ исцѣленіе въ субботу. А Онъ, какъ равный Отцу по чести и власти, говоритъ: какъ Богъ и Отецъ мой дѣлаетъ и въ субботу, и вы не обвиняете Его, такъ и Меня (не должны обвинять). Какъ же Отецъ дѣлаетъ донынѣ? Моисей говоритъ, что Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ (Быт. 2.). Ты желаешь знать, какъ Богъ дѣлаетъ доселѣ? Смотри на вселенную, и познай дѣла Промысла: солнце восходитъ и заходитъ; посмотри на море, источники, рѣки, животныхъ, вообще на все сотворенное; и увидишь, что тварь дѣлаетъ свое дѣло, особенно же приводится въ дѣйствіе и движеніе неизреченнымъ способомъ Промысла. Безъ сомнѣнія, Промыслъ дѣлаетъ свое дѣло и въ субботу. Посему, какъ Отецъ дѣлаетъ, и управляетъ тварію и въ субботу, то и Я, Сынъ Его, дѣлаю справедливо.—Но они, подстрекаемые завистію, искали убить Его, не только за то, что Онъ нарушалъ субботу, но и за то, что Онъ называетъ Бога Отцемъ своимъ, дѣлая Себя равнымъ Богу. Называя Себя Сыномъ, Онъ необходимо дѣлалъ Себя равночестнымъ Богу. Ибо всякій сынъ бываетъ одного и тогоже естества съ отцемъ. Гдѣ при этомъ Арій? По-истинѣ, онъ при свѣтѣ слѣпъ. Называя Христа

Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: *

Сыномъ Отца, онъ не допускалъ единосущія Его съ Отцемъ, но Сына несозданнаго Отца признавалъ тварію. Ему нужно было поучиться хотя бы у іудеевъ, которые гнали Господа за то, что Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, а отсюда необходимо слѣдовало и равенство Его съ Богомъ. Если бы достоинство Сына не было важно, и Онъ не дѣлалъ Себя чрезъ оное равнымъ Богу: то за что̀ бы стали гнать Его?

Отвѣща же Іисусъ и рече имъ: аминь аминь глаголю вамъ, не можетъ Сынъ творити о себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща: яже бо онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ. Отецъ бо любитъ Сына, и вся показуетъ ему, яже самъ творитъ: и больша сихъ покажетъ ему дѣла, да вы чудитеся. Якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ живитъ. Сынъ ничего не можетъ творить самъ отъ Себя, потому, что не имѣетъ ничего чуждаго или отличнаго отъ Отца, но во всемъ подобенъ Отцу, и не иное имѣетъ существо, чтобы имѣть иную силу, а слѣдовательно и дѣйствіе иное, но какъ существо имѣетъ тоже, то и силу имѣетъ туже. Посему и (Сынъ) дѣлаетъ тоже, и не можетъ дѣлать что-нибудь иное, кромѣ того, что̀ дѣлаетъ Отецъ; ибо не иную имѣетъ силу, меньшую или большую Отчей, но у Отца и Сына одно существо, одна сила, одно дѣйствіе. Такъ, скажетъ. Но Отецъ становится какъ-бы учителемъ Сына, показывающимъ Ему, какъ должно дѣлать? Ибо Сынъ ничего не творитъ, если не увидитъ Отца творящаго. Итакъ я спрашиваю Арія и Евномія говорящихъ сіе: какъ Отецъ учитъ Сына, премудростію,

или нѣтъ? Безъ сомнѣнія, премудростію, Кто же премудрость Божія? Не Сынъ ли? Да, безъ сомнѣнія. Значитъ, Сынъ учитъ самого Себя, Какое неразуміе съ вашей стороны! вы поручаете Сына Отцу какъ-бы отрока какого-нибудь въ наученіе. А я согласно съ премудростію Божіею утверждаю, что если Отецъ знаетъ что-либо, то знаетъ не безъ Сына, ибо премудрость Его есть Онъ; можетъ ли что Отецъ, можетъ не безъ Сына, ибо сила Его есть Онъ. Что это истинно, слушай: *что творитъ Отецъ, то и Сынъ творитъ также*. Если Отецъ имѣетъ власть и силу, и Сынъ также; значитъ, Сынъ не меньше Отца. Если сказано уничиженно: *показываетъ Ему все*, и: *покажетъ больше сихъ*, то сему не нужно дивиться; ибо Онъ ведетъ рѣчь съ людьми, вопіющими противъ Него и снѣдаемыми завистью. Если бы Онъ не соединялъ вездѣ съ высокимъ смиренное, то чего бы они не сдѣлали, когда возстаютъ и въ то время, какъ Онъ большую часть говоритъ уничиженно?—Что это значитъ: *покажетъ и больше сихъ?* Укрѣпивъ разслабленнаго, Онъ намѣренъ воскресить мертваго; посему и говоритъ: если вы удивляетесь, что Я исцѣлилъ разслабленнаго, то увидите больше сего. Что уничиженное выраженіе: *покажетъ* Онъ сказалъ съ намѣреніемъ, чтобъ смягчить ихъ неразуміе, то слушай, что слѣдуетъ далѣе. Онъ говоритъ: *какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ*. Итакъ Сынъ воскрешаетъ, *какъ Отецъ*. Симъ показываетъ безразличіе силы, а словами: *кого хочетъ*—равенство власти. Аріане все это выставляютъ противъ славы Сына; а мы, православные, понимаемъ въ пользу ея.

Отецъ бо не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови: Да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца, иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца пославшаго его. * *Аминь* Зач. 16.
аминь глаголю вамъ, яко слушаяй словесе моего, и вѣруяй пославшему мя, иматъ животъ вѣчный: и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ. Христосъ, сотворивъ многія знаменія, доказалъ, что Онъ можетъ благодѣтельствовать. Но такъ какъ не убѣдилъ и не привлекъ ихъ къ достойному почитанію Себя, то говоритъ, что Отецъ отдалъ Сыну всякій судъ, чтобы страхъ суда преклонилъ ихъ воздать Ему почтеніе. Ибо мы люди, и особенно неразумнѣйшіе изъ насъ, обыкновенно научаемся нужному болѣе страхомъ, чѣмъ благодѣяніями. Слова: *Отецъ отдалъ судъ Сыну* понимай такъ, что Онъ родилъ Его судьею, подобно тому, какъ слышишь, что Онъ далъ Ему жизнь, и понимаешь, что Онъ родилъ Его живущимъ. Такъ какъ Отецъ есть причина бытія Сына, то и говорится, что все, что̀ ни имѣетъ Сынъ, принялъ отъ Отца, какъ имѣющій это отъ Него по естеству. Такимъ образомъ и судъ имѣетъ Онъ отъ Отца также, какъ имѣетъ оный Отецъ. Чтобы мы, слыша, что Отецъ есть причина Сына, не стали понимать, что Онъ произвелъ Его, какъ и твари, и чрезъ то не ввели уменьшенія чести, для сего Онъ говоритъ, что между Отцемъ и Сыномъ нѣтъ никакого различія. Ибо кто имѣетъ власть наказывать и награждать, какъ хочетъ, тотъ имѣетъ силу, одинаковую съ Отцемъ; посему и почитать Его должно также, какъ Отца. *Дабы,*

Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: *

говоритъ, *всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца.* Такъ какъ аріане думаютъ чтить Сына какъ тварь, то оказывается, что они и Отца чтутъ какъ тварь. Ибо они или совсѣмъ не чтутъ Сына, и потому должны стать въ рядъ съ іудеями, или если чтутъ Его какъ тварь, а Его должно чтить, какъ и Отца, то рѣшительно обличаются въ томъ, что они и Отца чтутъ какъ тварь.— И иначе, судя по прибавленію, какъ чтутъ Отца не чтущіе Сына? Ибо прибавляетъ: *кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ Отца,* кто, то есть, не чтитъ такъ, какъ и Отца. Если кто говоритъ, что Онъ есть тварь, превосходнѣйшая всѣхъ твореній, и думаетъ, что Ему (какъ Сыну) ложно и напрасно придается такая честь, тотъ рѣшительно безчеститъ и Отца, пославшаго Его. Сказалъ: *пославшаго* для того, чтобъ они не ожесточились, какъ мы выше сказали. Ибо Онъ, какъ сказано, чудно соединяетъ ученіе; иногда даетъ о Себѣ свидѣтельство высокое, какъ и слѣдовало, иногда смиренное, изъ за бѣснованія враждебныхъ іудеевъ. Ибо если, послѣ воскресенія Его изъ мертвыхъ, послѣ вознесенія на небеса, послѣ обнаруженія силы Его чрезъ апостоловъ, Арій и Евномій возстали противъ Его славы, и низвели Его въ тварь: то современные Ему іудеи, видя Его ходящимъ во плоти, ядущаго и піющаго съ мытарями и блудницами, какъ одного изъ многихъ, чего бы не сдѣлали, если бы Онъ говорилъ о Себѣ одно высокое, а не присоединялъ и уничиженнаго? Посему и прибавляетъ: *слушающій слова мои и вѣрующій пославшему Меня, имѣетъ жизнь вѣчную.* Такимъ образомъ тѣмъ, что слушающіе слова Его будутъ вѣ-

ровать Богу, успокоиваетъ ихъ умы. Ибо не сказалъ: вѣрующій *Мнѣ*, но: *пославшему* Меня. Вѣрующій въ Него не приходитъ на судъ, то есть, въ муку, но живетъ вѣчною жизнію, не подлежа смерти душевной и вѣчной, хотя смерти тѣлесной и временной и не избѣгнетъ.

Аминь аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Якоже бо Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ: И область даде ему и судъ творити, яко Сынъ человѣчь есть; не дивитеся сему: Яко грядетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія: И изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота: а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда. Выше сказалъ, что кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ Отца, и возвѣстилъ о Себѣ нѣчто высокое. Чтобы слова Его не приняли за напыщенность и пустую надменность, Онъ представляетъ и подтвержденіе отъ дѣлъ. Говоритъ: *наступаетъ время.* Потомъ, чтобы не подумали о времени далекомъ, говоритъ: *и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына*, то есть, Меня, нынѣ живущаго съ вами. Говоритъ это объ мертвыхъ, которыхъ Онъ имѣлъ воскресить, какъ то: о сынѣ вдовы, о дочери начальника синагоги и объ Лазарѣ. Потомъ присовокупляетъ и умственное доказательство своихъ словъ. *Какъ*, говоритъ, *Отецъ имѣетъ жизнь въ самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ самомъ Себѣ*, чтобы Онъ слушающихъ Его голоса оживлялъ. И далъ Ему власть не только оживлять, но и судъ произво-

дить, то есть наказывать, и предавать мукамъ.—Часто вставляетъ рѣчь о судѣ, для того, чтобы слушателей привлечь къ Себѣ. Ибо кто убѣжденъ, что онъ воскреснетъ, и долженъ будетъ дать Ему отчетъ въ преступленіяхъ, тотъ, безъ сомнѣнія, поспѣшитъ къ Нему, чтобы умилостивить Его, какъ будущаго своего судію. — *Не удивляйтесь, что Онъ Сынъ человѣческій.* Хотя Онъ—Сынъ человѣческій, но вмѣстѣ и—Богъ. Посему справедливо имѣетъ власть суда, какъ Сынъ Божій. Хотя Онъ, повидимому, и человѣкъ, но вы не удивляйтесь.—Нужно знать, что Павелъ самосатскій, выдавая Господа за простаго человѣка, читалъ сіе мѣсто такъ: и далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть сынъ человѣческій. Здѣсь ставя знакъ, онъ читалъ съ иного начала: *не дивитеся сему.* Такое чтеніе совершенно неразумно. Ибо Отецъ далъ судъ Сыну не потому, что Онъ есть сынъ человѣческій, но потому, что Онъ — Богъ. А онъ, не терпя называть Христа Богомъ, но называя сыномъ человѣческимъ, понималъ такъ, что Онъ судія не какъ Богъ, но какъ сынъ человѣческій. Мы же понимаемъ такъ, какъ сказано. Сказавъ о частномъ воскресеніи, то есть, Лазаря и другихъ, которые прежде умерли, теперь говоритъ о всеобщемъ (воскресеніи): *наступаетъ время, когда находящіеся во гробахъ услышатъ гласъ* Бога. Здѣсь говоритъ о всеобщемъ воскресеніи. Поелику выше сказалъ, что вѣрующій не приходитъ на судъ, то, дабы мы не подумали, что одной только вѣры достаточно для спасенія, говоритъ, что *дѣлавшіе зло востанутъ въ воскресеніе осужденія, а творившіе добро—въ воскресеніе жизни.* Значитъ, оправдываетъ не одна вѣра безъ дѣлъ,

но нужно имѣть и дѣла; ибо тогда только и вѣра бываетъ истинна.—Смотри, какъ ученіе растворено страхомъ и милостію. Ибо мысль, что дѣлавшіе зло будутъ осуждены, устрашаетъ, а что творившіе добро воскреснутъ въ жизнь, побуждаетъ милостію.

Не могу азъ о себѣ творити ничесоже. * *Якоже* Зач. 17.
слышу, сужду: и судъ мой праведенъ есть: яко не ищу воли моея, но воли пославшаго мя Отца. Слова сіи: Я не могу творить самъ отъ Себя, и имъ подобныя, какъ и выше сказано, указываютъ на равенство Сына съ Отцемъ. Я не могу творить ничего новаго и чуждаго отъ Отца; ибо Я не имѣю ни воли, ни силы, отличной отъ Отчей. *Какъ слышу* отъ Отца, *такъ и сужу*, то есть, какъ самъ Отецъ судитъ, такъ и Я.—Говоритъ сіе, какъ мы часто говорили, для того, чтобы показать безразличіе и въ дѣлахъ, и въ словахъ, и въ судахъ. Дабы нѣкоторые, видя Его человѣкомъ, не соблазнились, какъ видимый человѣкъ можетъ производить праведный судъ, тогда какъ, по словамъ Давида, *всякъ человѣкъ ложь* (Псал. 115, 2), то Онъ впередъ сказалъ: не удивляйтесь тому, что Я—Сынъ человѣческій. И теперь, говоритъ, *судъ мой праведенъ,* потому что Я сужу такъ, какъ слышу отъ Отца моего, судящаго. *Ибо Я не своей ищу воли, но* воли *Отца.* Кто желаетъ утвердить свою волю, тотъ можетъ быть заподозрѣнъ въ нарушеніи правды, а кто не имѣетъ въ виду себя, тотъ какой будетъ имѣть предлогъ произносить судъ праведный? А Я не ищу воли моей; ибо своей воли Я и не имѣю, но, чего хочетъ Отецъ, того и Я желаю.

Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: *

Іоан.

Аще азъ свидѣтельствую о мнѣ, свидѣтельство мое нѣсть истинно. Инъ есть свидѣтельствуяй о мнѣ, и вѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство, еже свидѣтельствуетъ о мнѣ. Вы посласте ко Іоанну, и свидѣтельствова о истинѣ. Азъ же не отъ человѣка свидѣтельства пріемлю, но сія глаголю, да вы спасени будете. Онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя: вы же восхотѣсте возрадоватися въ часъ свѣтѣнія его. Здѣсь Господь, повидимому, Себѣ противорѣчитъ. Ибо Онъ неоднократно свидѣтельствовалъ самъ о Себѣ, напримѣръ, самарянкѣ сказалъ: Я—Христосъ (Іоан. 4, 25. 26), слѣпому (Іоан. 9, 35—37) и въ другое время нѣсколько разъ. Если это ложно: то какъ намъ надѣяться спасенія? Но не въ этомъ только представляется противорѣчіе, а есть еще и другое не меньшее. Послѣ этого (Іоан. 8, 14) Онъ говоритъ: если Я и самъ свидѣтельствую о Себѣ, свидѣтельство мое истинно. Какъ же согласить это кажущееся противорѣчіе? Когда Онъ говоритъ: если Я свидѣтельствую самъ о Себѣ, свидѣтельство мое не есть истинно: тогда говоритъ примѣнительно къ понятію іудеевъ. Быть можетъ, они намѣрены были сказать Ему, что Ты самъ о Себѣ свидѣтельствуешь, а въ свидѣтельствѣ о самомъ себѣ никто не заслуживаетъ вѣры. Посему Онъ настоятельно говоритъ: Я самъ о Себѣ не свидѣтельствую, ибо въ такомъ случаѣ, по вашему мнѣнію, Я не стоилъ бы вѣроятія, но есть другой, свидѣтельствующій о Мнѣ,—Іоаннъ. Когда же говоритъ: если Я и самъ свидѣтельствую, свидѣтельство мое истинно: то говоритъ такъ по уступчивости. Уступая помыслу іудеевъ, говоритъ: пусть такъ,

что Я свидѣтельствую самъ о Себѣ; но если Я и самъ свидѣтельствую, свидѣтельство мое истинно. Ибо Я, будучи Богъ, достоинъ вѣры. Посему первое сказалъ настоятельно, что не Я свидѣтельствую, но Предтеча, а второе по противопоставленію или по уступчивости: если и Я свидѣтельствую, свидѣтельство мое истинно.—Я, говоритъ, имѣю троихъ свидѣтелей: Іоанна, дѣла мои и Отца моего. Первымъ выставляетъ Іоанна. Чтобы кто-нибудь не сказалъ Ему, что Онъ свидѣтельствовалъ о Тебѣ въ угодливость (Тебѣ), говоритъ: вы сами посылали къ Іоанну. А, безъ сомнѣнія, вы не послали бы спрашивать его, если бы не считали его достойнымъ вѣры. Посему вы сами свидѣтельствуете, что Іоаннъ былъ истиненъ. Хотя Я, какъ Богъ, не нуждаюсь въ свидѣтельствѣ человѣка, Господь—въ свидѣтельствѣ раба; но такъ какъ вы считаете его болѣе правдивымъ, и внимаете ему болѣе, нежели Мнѣ, и къ нему прибѣгали, а Мнѣ, и при чудесахъ, не вѣруете: посему Я напоминаю и о свидѣтельствѣ Іоанновомъ, и дѣлаю все, принимаю и недостойное моего божества, только бы вы спаслись.—Называетъ Іоанна *свѣтильникомъ горящимъ*, потому что онъ имѣлъ происхожденіе земное, и свѣтъ имѣлъ не самъ отъ себя, но отъ благодати Духа, *и на время*; когда же наступилъ день Господень, то есть, ученіе, то свѣтильникъ закрылся. Все сказанное имъ приняли *на время*, и порадовались объ Немъ, а потомъ забыли сказанное имъ обо Мнѣ и остались при прежнемъ невѣріи. Ибо если бы вы однажды твердо повѣрили ему, то онъ скоро довелъ бы васъ до вѣры въ Меня.

Азъ же имамъ свидѣтельство болѣ Іоаннова: дѣла бо, яже даде мнѣ Отецъ, да совершу я, та дѣла, яже азъ творю, свидѣтельствуютъ о мнѣ, яко Отецъ мя посла. И пославый мя Отецъ самъ свидѣтельствова о мнѣ: ни гласа его нигдѣже слышасте, ни видѣнія его видѣсте: И словесе его не имате пребывающа въ васъ: зане, егоже той посла, сему вы вѣры не емлете. Іоаннъ, говоритъ, засвидѣтельствовалъ обо Мнѣ, Іоаннъ, котораго вы считаете достовѣрнѣе всѣхъ. Но какъ могли найтись нѣкоторые клеветники, и сказать: да намъ-то что? Іоаннъ благопріятствовалъ Тебѣ, посему и далъ свидѣтельство весьма доброе? Посему говоритъ: вы посылали къ Іоанну, и спрашивали его, безъ сомнѣнія, считая его истиннымъ. Впрочемъ Я имѣю и другое свидѣтельство, больше Іоаннова. Дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ, то есть, возложилъ на Меня совершить, свидѣтельствуютъ обо Мнѣ. Дѣлами называетъ чудеса, напримѣръ, исцѣленіе разслабленнаго, и прочія. Поелику же обвиняли Его за то, что Онъ творитъ оныя въ субботу, и говорили, что Онъ не отъ Бога, потому что не хранитъ субботы; то объявляетъ имъ, что Онъ творитъ заповѣданное Ему Отцемъ, и тѣмъ болѣе отъ Бога, что совершаетъ дѣла, возложенныя на Него Богомъ. *Дѣла*, говоритъ, *которыя Отецъ далъ Мнѣ совершитъ.* Если же далъ ихъ Отецъ, то вы, противясь такимъ дѣламъ, противитесь Богу.—*И пославшій Меня Отецъ самъ засвидѣтельствовалъ обо Мнѣ.* Гдѣ же засвидѣтельствовалъ объ Немъ Отецъ? Нѣкоторые говорятъ, что при крещеніи, когда сказалъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный* (Матѳ. 3, 17). А я думаю лучше раз-

умѣть, что Богъ засвидѣтельствовалъ объ Немъ во всемъ Писаніи, въ законѣ и пророкахъ.—Вы, говоритъ, не слышали голоса Его, то есть, Отца, ни лица Его не видѣли, да Онъ вамъ и рѣшительно неизвѣстенъ, потому что вы не имѣете и слова Его пребывающаго въ васъ, то есть, не знаете Писаній, свидѣтельствующихъ обо Мнѣ; хотя и думаете, что знаете, и хвалитесь, что вамъ ввѣрены слова Божіи. Что вы не знаете Писаній, это ясно изъ того, что вы не вѣруете Тому, кого Онъ послалъ. И какъ вы не слышали голоса Божія, ибо Богъ не имѣетъ голоса чувственнаго, ни лица Его не видѣли, ибо Онъ не имѣетъ вида и образа: такъ не имѣете въ себѣ и слова Его, то есть, Писаній, свидѣтельствующихъ обо Мнѣ.

Испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный: и та суть свидѣтельствующая о мнѣ. И не хощете пріити ко мнѣ, да животъ имате. Славы отъ человѣкъ не пріемлю. Но разумѣхъ вы, яко любве Божія не имате въ себѣ. Сказалъ имъ, что въ васъ не пребываетъ слово Божіе, то есть, Писанія, свидѣтельствующія обо Мнѣ. Научая же, какъ они могутъ возъимѣть въ себѣ слово Божіе, говоритъ: изслѣдуйте Писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь. Смотри: не сказалъ: вы имѣете, но: *мните*. Сказалъ: *думаете*, объявляя, что они по-истинѣ никакой пользы отъ нихъ (Писаній) не получали, такъ какъ ожидали спасенія отъ одного только чтенія, не прилагая вѣры. Онѣ (Писанія) свидѣтельствуютъ о Мнѣ, но вы не хотите придти ко Мнѣ, чтобъ имѣть жизнь. Отсюда узнаемъ, что они были злы по произволенію. Ибо не сказалъ: вы

не можете придти, но: не хотите придти.—Пусть манихеи слышатъ, что зло не въ природѣ состоитъ, но въ свободномъ изволеніи.—Когда напомнилъ имъ о свидѣтельствѣ Іоанновомъ, о свидѣтельствѣ Отца и свидѣтельствѣ дѣлъ своихъ, единственно только изъ желанія имъ спасенія, а между тѣмъ многіе могли подумать, что Онъ говоритъ это изъ любви къ славѣ, то посему говоритъ: славы отъ людей Я не принимаю, то есть, не нуждаюсь въ славѣ, да и природу имѣю не такую, чтобы нуждалась въ славѣ отъ людей.—Вы Меня преслѣдуете подъ тѣмъ предлогомъ, что любите Бога. Но не такъ это; нѣтъ. Ибо Я знаю объ васъ, что вы не имѣете въ себѣ любви къ Богу, хотя и выставляете всюду, что гоните Меня изъ любви къ Богу. Іудеи, дѣйствительно, не имѣли любви къ Богу, потому что гнали самосущую любовь—Сына Божія. Дѣйствительно, не имѣли они въ себѣ и слова Его пребывающаго, ибо отказывались отъ Слова и Бога.

Азъ пріидохъ во имя Отца моего, и не пріемлете мене: аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріемлете. Како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете? Не мните, яко азъ на выреку ко Отцу: есть, иже на вы глаголетъ, Моисей, наньже вы уповаете. Аще бо бысте вѣровали Моисеови, вѣровали бысте убо и мнѣ: о мнѣ бо той писа. Аще ли того писаніемъ не вѣруете, како моимъ глаголомъ вѣру имете? Я, говоритъ, пришелъ во имя Отца Моего. Вездѣ прославляетъ Отца, и говоритъ, что отъ Него посланъ, и что самъ отъ Себя не можетъ дѣлать ничего, и вообще высказываетъ

много уничиженнаго, желая пресѣчь всякій предлогъ къ непризнанію (Его). А придетъ иной, то есть, антихристъ, который будетъ доказывать, что онъ только одинъ Богъ. Итакъ Меня, который пришелъ во имя Отца, то есть, говорю, что посланъ Отцемъ, вы не принимаете, а его примете. Это съ вами случится за то, что онъ пообѣщаетъ вамъ славу житейскую, которой вы ищете, желая принимать славу другъ отъ друга, и отвергая славу, которая отъ одного Бога. А Я вамъ не обѣщаю ничего привлекательнаго въ жизни, но въ словахъ моихъ вы видите много труднаго. Потому-то, говоритъ, вы и не вѣрите Мнѣ, что не надѣетесь получить отъ Меня никакой житейской пріятности. И иначе: вы не вѣрите Мнѣ, потому, что любите славу другъ отъ друга. Ибо начальники и учители, желая сами только быть въ славѣ у народа, не принимаютъ Меня, чтобы ихъ слава не уменьшилась. А народъ, ищущій любви отъ начальниковъ, не хочетъ обратиться ко Мнѣ, чтобы изъ за Меня не лишиться чести у начальниковъ. —Такъ какъ они постоянно ссылались на Моисея, то (Господь) говоритъ, что онъ будетъ обвинять васъ, потому что онъ писалъ обо Мнѣ. Гдѣ же писалъ объ Немъ? Во многихъ мѣстахъ. Такъ изреченіе: *Пророка возставитъ вамъ Господь*, относилось ко Христу, и многое иное частію въ словахъ, частію въ знаменіяхъ и символахъ, напримѣръ, чудо надъ купиною (Исх. 3, 2). Тутъ огнемъ означалось Божество, а терновымъ кустомъ—грѣшное естество, которое восприняло огонь Божества, и однакожъ сохранилъ оное неопальнымъ, озаривъ свѣтомъ и одаривъ своимъ сіяніемъ, а недостатковъ его

не принявъ. Весьма немало способствовало къ вѣрѣ во Христа и сіе изреченіе Моисея. Если, говоритъ, возстанетъ пророкъ, творящій чудеса и отвлекающій отъ Бога, не вѣрьте ему: это антихристъ. Если же возстанетъ Пророкъ, творящій чудеса и ведущій къ Богу и Отцу, особенно не отвлекающій отъ Него, ему вѣрьте (Второз. 13, 1—3). Итакъ Христосъ, пришедшій во имя Отца, творящій чудеса и не отвлекающій ихъ (іудеевъ) отъ благочестія, былъ тотъ самый, о которомъ пророчествовалъ Моисей.—Если же не вѣрите писаніямъ Моисея; какъ повѣрите моимъ словамъ? Онъ, говоритъ, написалъ, и Библія всегда у васъ предъ глазами, такъ что, если бы вы и забыли, легко можете припомнить, и однакожъ вы не вѣрите написанному: какъ же повѣрите моимъ словамъ неписаннымъ?—Для чего же Ты это говоришь, Господи, когда знаешь, что они не повѣрятъ? Хотя, говоритъ, Я знаю, что они не послушаютъ; однакожъ говорю, чтобы они послѣ не отозвались, что мы повѣрили бы, если бы Ты сказалъ. И иначе: современники Его, неблагодарные, не вѣрили; но несправедливо было лишить пользы отъ словъ Христовыхъ—тѣхъ, которые имѣли въ послѣдствіи времени вѣровать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О пяти хлѣбахъ и двухъ рыбахъ.—Объ удаленіи Іисуса, чтобы не сдѣлали Его царемъ.—О хожденіи по морю.—О народѣ, слѣдующемъ за Іисусомъ въ лодкахъ.—О народѣ, требующемъ знаменія.—О хлѣбѣ съ неба.—О томъ, что многіе изъ учениковъ отстали отъ Іисуса.—Мнѣніе Петра о Христѣ.

По сихъ иде Іисусъ на онъполъ моря Галилеи Тиверіадска: И по немъ идяше народъ многъ, яко видяху

знаменія его, яже творяше надъ недужными. Взыде же на гору Іисусъ, и ту сѣдяше со ученики своими. Бѣ же близъ пасха, праздникъ жидовскій. Господь послѣ строгой рѣчи къ іудеямъ, которая возбудила въ нихъ зависть и гнѣвъ, укрощаетъ ихъ удаленіемъ (отъ нихъ), и уходитъ на ту сторону моря тиверіадскаго. Озеро называетъ моремъ, потому что божественное Писаніе собранія водъ назвало морями (Быт. 1, 10).—Иначе. Переходитъ съ мѣста на мѣсто для того, чтобы испытать расположеніе народа. Ибо тогда какъ нерадивые оставались въ своемъ мѣстѣ, болѣе усердные слѣдовали за Нимъ. Впрочемъ, смотри, и тѣ, которые слѣдовали, слѣдовали не изъ-за ученія, но изъ-за тѣлесной пользы отъ чудесъ: потому что, говоритъ, видѣли чудеса, которыя Онъ творилъ надъ больными. Упоминаемые у Матѳея (послѣдователи) лучше и любомудрѣе, потому что они, говоритъ, дивились ученію Его; ибо Онъ училъ, какъ власть имѣющій (Матѳ. 7, 28. 29). *Восходитъ на гору*, потому что намѣревался совершить чудо. Ибо Онъ не любилъ чести и славы, чтобы творить чудеса посреди городовъ; но, избѣгая пустой славы людской, ищетъ уединенія, научая и насъ сему же.—Восходитъ на гору и потому, что желаетъ сообщить ученикамъ нѣчто таинственное. Ибо Онъ обыкновенно всегда такъ дѣлалъ. Потому что тому, кто имѣетъ вести такую рѣчь, нужно быть свободнымъ отъ всякаго смущенія, и мѣсто нужно, свободное отъ всякаго шума.—*Приближалась*, говоритъ, *пасха*, *праздникъ іудейскій*. И однакоже Онъ не идетъ на оный, но удаляется въ Галилею; потому что Онъ не подлежалъ уже постановле-

ніямъ закона, чтобы выполнять законные праздники. И иначе: такъ какъ злоба іудеевъ преслѣдовала Его, то Онъ, получивши случай, мало по малу обезсиливаетъ законъ, образъ прекратился.—Примѣчай и сіе: праздникъ іудейскій. Онъ не былъ праздникъ Христовъ, когда Христосъ не пошелъ на оный, а одни только іудеи.

Зач. *Возведъ убо Іисусъ очи,* * *и видѣвъ, яко многъ на-*
18. *родъ грядетъ къ нему, глагола къ Филиппу: чимъ купимъ хлѣбы, да ядятъ сіи? Сіе же глаголаше, искушая его: самъ бо вѣдяше, что хощетъ сотворити. Отвѣща ему Филиппъ: двѣма стома пѣнязей хлѣбы не довлѣютъ имъ, да кійждо ихъ мало что пріемлетъ. Глагола ему единъ отъ ученикъ его, Андрей братъ Симона Петра: есть отрочищъ здѣ единъ, иже иматъ пять хлѣбъ ячменныхъ, и двѣ рыбѣ: но сіи что суть на толико?* Для чего сказано: *Іисусъ возведъ очи?* для того, чтобы мы знали, что очи Его не блуждали тамъ и сямъ, но Онъ сидѣлъ съ сознаніемъ, и вниманіемъ и сосредоточенностію, бесѣдуя съ учениками о предметахъ божественныхъ, наконецъ воззрѣлъ очами, и спрашиваетъ о народѣ, чѣмъ бы его накормить.—Спрашиваетъ не другаго кого, но Филиппа. Ибо онъ требовалъ большаго обученія, такъ какъ въ послѣдствіи говоритъ: покажи намъ Отца, и довольно для насъ (Іоан. 14, 8). Посему задолго впередъ приготовляетъ его, и вопросомъ побуждаетъ его всегда помнить это чудо. Ибо если бы чудо совершено было просто, оно не показалось бы такъ великимъ чудомъ. А теперь Онъ пред-

---

Во время оно, возведъ Іисусъ очи, *

варительно заставляетъ его объявить о недостаткѣ (хлѣба), чтобы онъ лучше понялъ величіе имѣющаго совершиться чуда, и не могъ уже забыть высказаннаго. Посему говоритъ: *гдѣ намъ купить хлѣбовъ, чтобы ихъ накормить?* Говоритъ это, испытывая Филиппа, то есть, желая обнаружить, какую имѣетъ онъ вѣру. Безъ сомнѣнія Онъ спрашиваетъ Филиппа не потому, будто Самъ не знаетъ мыслей его, но потому, что хочетъ обнаружить ее предъ прочими. Ибо самъ Господь зналъ, что хотѣлъ сдѣлать. Испытавъ Филиппа, имѣетъ ли онъ вѣру, и открывъ, что онъ не свободенъ еще отъ немощи человѣческой, таковымъ же находитъ и Андрея, хотя его представленіе и было нѣсколько выше Филиппова. Филиппъ сказалъ, что на двѣсти денаріевъ не довольно будетъ хлѣба. Андрей указываетъ на пять хлѣбовъ ячменныхъ и двѣ рыбки, быть можетъ, вспомнивши о чудесахъ пророковъ, какъ, напримѣръ, Елисей совершилъ чудо надъ хлѣбами, когда Самарія дошла до крайней погибели (4 Цар. 4, 42—44). Однакоже оказывается, что и Андрей имѣлъ помыслъ нисколь недостойный Господа. Онъ говоритъ: но что̀ это для такого множества? Онъ думалъ, что Господь, быть можетъ, умножитъ эти хлѣбы, но еслибы ихъ было болѣе, бо̀льшее было бы и умноженіе. Очивидно, мысль его не вѣрна. Ибо Господь могъ изъ ничего сотворить хлѣбы въ достаточномъ числѣ для народа. Однакоже, чтобы не думали, что тварь чужда Его премудрости, Онъ самую тварь употребляетъ въ орудіе для совершенія чудесъ, и хлѣбы, какъ нѣкое вещество, принявъ за поводъ, такимъ образомъ являетъ чудо. Да постыдятся Манихеи,

которые говорятъ, что хлѣбъ и все созданное есть произведеніе бога злаго, и посему, если кто подастъ имъ хлѣбъ, не берутъ оный изъ рукъ его, но приказываютъ бросить его издалека, сами же стоятъ и проклинаютъ подавшаго: „посѣявшій тебя (хлѣбъ) пусть (самъ) разсѣется! моловшій тебя пусть (самъ) измолотъ будетъ по тѣлу!“ и прочее подобное. Да постыдятся же, когда слышатъ, что Христосъ, Сынъ Бога благаго, умножалъ хлѣбы. Еслибы они были злымъ твореніемъ, Благій не умножилъ бы зла, не говорю уже о томъ, что и Самъ не сталъ бы ѣсть хлѣба.—Быть можетъ, кто-нибудь спроситъ: сіе чудо надъ хлѣбами одно ли и тоже съ чудомъ, описаннымъ въ евангеліи Матѳея (¹)? Одно и тоже. Если тамъ ученики подходятъ и напоминаютъ о народѣ, чтобъ его отпустить, а здѣсь самъ Іисусъ не нужно удивляться. Ибо, вѣроятно, было то и другое: сначала ученики напомнили Господу объ отпущеніи народа, а потомъ Господь спросилъ Филиппа, чѣмъ бы накормить его?

Рече же Іисусъ: сотворите человѣки возлещи. Бѣ же трава многа на мѣстѣ. Возлеже убо мужей числомъ яко пять тысящъ. Пріятъ же хлѣбы Іисусъ, и хвалу воздавъ, подаде ученикомъ, ученицы же возлежащымъ: такожде и отъ рыбъ, елико хотяху. И яко насытишася, глагола ученикомъ своихъ: соберите избытки укрухъ: да не погибнетъ ничтоже. Собраша же, и исполниша дванадесяте коша укрухъ отъ пятихъ хлѣбъ

(¹) См. Благовѣстникъ. Часть первая: евангеліе отъ Матѳея; гл. 14; зач. 58.

ячменныхъ, иже избыша ядшымъ. Повелѣваетъ имъ тотчасъ возлечь, какъ будто столъ уже готовъ. Ученики прежде не вѣрили, однакоже теперь съ готовностью располагаютъ людей (возлечь).—*Была трава*, по времени весны. Ибо была, говоритъ, пасха; а она совершалась въ первый весенній мѣсяцъ.—Евангелистъ исчисляетъ только мужей. Онъ слѣдуетъ въ этомъ законному обычаю. Ибо и Моисей исчислялъ народъ отъ двадцати лѣтъ и выше, но не упомянулъ ни объ одной женѣ (Числ. 26 гл.). Писаніе симъ показываетъ, что все мужеское и юношеское цѣнно, и достойно исчисленія у Бога.—Взявъ хлѣбы, благодаритъ. Симъ показываетъ, что прежде принятія пищи должно благодарить Бога. А какъ (тутъ) былъ народъ, то въ присутствіи народа благодаритъ и для того, чтобы всѣ узнали, что Онъ пришелъ по волѣ Божіей, что Онъ не противникъ Богу, но все относитъ къ Отцу. Когда Онъ творитъ знаменія наединѣ, то ничего такого не творитъ, хотя и бо̀льшее (чудо) совершаетъ. Но, когда чудодѣйствуетъ предъ лицемъ многихъ, тогда возводитъ очи къ Богу. А что Онъ дѣлаетъ такъ не по безсилію, но съ тѣмъ намѣреніемъ, о которомъ мы сказали, это видно изъ того, что Онъ бо̀льшія чудеса творитъ господственно и самовластно. По словамъ же нѣкоторыхъ, Онъ для того благодаритъ, чтобы до времени страданій укрыться отъ князя міра, чтобы онъ по сему дѣйствію не почелъ Его за Бога, но прельстился и обманулся, и такимъ образомъ крестомъ былъ умерщвленъ.— Господь попускаетъ отъ хлѣбовъ остаться излишку не для показанія себя, нѣтъ, но для того, чтобы насыще-

ніе мужей не приняли за призрачное, а всѣ бы увидѣли ясно, что они истинно насытились такъ, что и осталось очень много. По сей же причинѣ повелѣваетъ и куски собрать, чтобы, видя ихъ, болѣе помнили о совершенномъ чудѣ.—Нужно удивляться не тому только, что оказался остатокъ, но и числу остатка. Онъ устроилъ такъ, что коробовъ остатковъ оказалось ни больше, ни меньше, но по числу учениковъ, чтобы всѣ носили, и Іуда не остался бы безъ участка, но и въ этомъ чудѣ имѣлъ бы указаніе на то, что учитель его Богъ, и отсюда получилъ бы пользу; хотя по его злобѣ это обратилось въ бо̀льшее осужденіе ему, такъ какъ онъ предалъ Того, Кто сдѣлалъ такъ много остатка, что и онъ имѣлъ коробъ.—Не безъ цѣли Онъ повелѣлъ апостоламъ носить коробы, но для того, чтобъ они, какъ будущіе учители вселенной, всегда помнили о чудѣ. Ибо народъ не думалъ получить никакой важной пользы, а тотчасъ забылъ о чудѣ; такъ онъ неразуменъ! А ученики имѣли получить пользу, но случайную только.—Изъ сего случая мы научаемся, не малодушествовать въ тѣснотѣ убожества, ни уклоняться отъ страннопріимства и подаянія милостыни, но вѣровать, что если мы и одинъ хлѣбъ будемъ имѣть, то его умножитъ Тотъ, Кто отъ пяти хлѣбовъ сдѣлалъ такой остатокъ. — Въ смыслѣ иносказательномъ: когда Господь отступился отъ Іерусалима, по сказанному у пророковъ: оставилъ *Я* домъ свой, *Я* оставилъ удѣлъ мой (Iерем. 12, 7), тогда Онъ отходитъ въ Галилею языческую, и принимаетъ язычниковъ, и много народа слѣдуетъ за Нимъ. — Восходитъ *на гору*,

или на крестъ, чтобы всѣхъ привлечь къ Себѣ, или на небо, въ богоприличную честь и славу. Ибо какъ мы, по вознесеніи Его на небо, прославляемъ Его какъ Бога, а не простаго человѣка, то и говорится, что Онъ восшелъ на гору. Горою означается высокая мысль о Немъ.—Дастъ намъ, подлежащимъ пяти чувствамъ, пять разумныхъ хлѣбовъ, ибо каждому чувству даетъ приличный хлѣбъ или ученіе, какъ и Павелъ говоритъ: въ церкви хочу сказать пять словъ (1 Кор. 14, 19), то есть, служащихъ къ исправленію пяти чувствъ. Однакоже мы не можемъ съѣсть всѣ сіи пять словъ, но остается и остатокъ. Ибо никто изъ насъ не можетъ вмѣстить всего таинственнаго ученія. То, что для насъ грубыхъ непостижимо и неудобоваримо, апостолы вмѣщаютъ въ своихъ праведныхъ душахъ, какъ бы въ нѣкоторыхъ коробахъ. Короба дѣлаются изъ финиковыхъ вѣтвей, а праведникъ процвѣтетъ, какъ финикъ (Псал. 91, 13).

*Человѣцы же, видѣвше * знаменіе, еже сотвори* Зач.
Іисусъ, глаголаху, яко сей есть воистинну пророкъ грядый въ міръ. Іисусъ убо разумѣвъ, яко хотятъ пріити, да восхитятъ его, и сотворятъ его царя, отъиде паки въ гору единъ. 19. Смотри, какъ народъ любитъ чрево. Тогда какъ Іисусъ творилъ безчисленныя и самыя поразительныя чудеса, они не удивлялись. А вотъ изъза пищи говорятъ: сей есть тотъ пророкъ; не обвиняютъ уже Его въ нарушеніи субботы, не мстятъ уже за нарушеніе закона, но за хлѣбы считаютъ Его столь

Во время оно, видѣвше человѣцы *

Іоан.

великимъ, что не только пророкомъ называютъ, но и считаютъ достойнымъ царства. Но Онъ удаляется, научая насъ презирать мірскія достоинства. Онъ удаляется на гору одинъ только, не взявъ ни одного изъ учениковъ, для того, чтобы испытать любовь ихъ, смотря по тому, снесутъ ли они отсутствіе Его.

Яко поздѣ бысть, снидоша ученицы его на море, и влѣзоша въ корабль, и идяху на онъ полъ моря въ Капернаумъ: и тма абіе бысть, и не у бѣ пришелъ къ нимъ Іисусъ. Море же, вѣтру велію дыхающу, воздвизашеся. Гребше же яко стадій двадесять пять, или тридесять, узрѣша Іисуса ходяща по морю, и близъ корабля бывша: и убояшася. Онъ же глагола имъ: азъ есмь, не бойтеся. Хотяху убо пріяти его въ корабль, и абіе корабль бысть на земли, въ нюже идяху. Господь удалился на гору одинъ только, для того, какъ мы сказали, чтобы испытать любовь учениковъ, будутъ ли они искать Его. Они ждутъ Его до вечера, думая, что Онъ придетъ. Когда же Онъ не пришелъ, они не удерживаются, но, любовію побуждаемые искать Его, входятъ въ лодку. Ибо евангелистъ не просто и какъ бы случайно указалъ на время, но для того, чтобы показать ихъ сильную любовь въ томъ, что и вечеръ ихъ не остановилъ. — Попускаетъ имъ испытать бурю для того, чтобы, когда послѣ бури настанетъ тишина, они болѣе обрадовались случившемуся, и чтобы въ сердцахъ ихъ напечатлѣлось неизгладимое воспоминаніе о семъ.—Когда они находились въ опасности, Онъ предстаетъ предъ ними, и словомъ своимъ прогоняетъ страхъ ихъ, и на морѣ производитъ

тишину, и такимъ образомъ творитъ двоякую тишину, укрощаетъ смущеніе въ душахъ ихъ, и волненіе на морѣ.—Не вошелъ въ лодку, чтобы совершитъ большее чудо. Смотри; три чуда: одно, что Онъ шелъ по морю; другое, что укротилъ волны; что лодка вдругъ пристала къ тому берегу, куда они плыли, хотя она далеко еще была отъ того берега, когда присталъ къ ней Господь.—И іудеи перешли чрезъ Чермное море, подъ предводительствомъ Моисея. Но онъ все дѣлалъ какъ рабъ и силою молитвы, а Сей дѣйствуетъ съ совершенною властію. Тамъ вода, отъ (воздвигнутаго Господомъ) сильнаго южнаго вѣтра, разступилась, такъ что они перешли по сушѣ (Исх. 14, 21. 22.); а здѣсь совершилось большее чудо. Море оставалось при собственной природѣ, и однакоже носило Господа на поверхности своей, чтобы исполнилось пророческое слово: *ходяй по морю, яко по земли* (Іов. 9, 8). И нынѣ многіе изъ насъ находятся въ тьмѣ мысленой и въ опасности потонуть въ морѣ мысленномъ. Но воспріимемъ къ себѣ Христа,—и мы совершенно избавимся отъ бѣдъ. И если нѣкоторые искусители наши, бѣсы или люди, часто наводятъ на насъ страхъ, и страхомъ пытаются поколебать насъ, то будемъ слушать Христа, взывающаго: *Я есмь, не бойтесь.* Слова Его имѣютъ такое значеніе: страхи проходятъ; посему не бойтесь того, что проходитъ. А Я *есмь,* то есть, всегда пребываю, и, какъ Богъ, Я есмь тотъ, который есть (Сущій). Итакъ, поелику страхи временны и не имѣютъ истиннаго бытія, а Я есмь, то есть, пребываю и никогда не перестаю быть, но истинно есмь, то вѣру въ

Меня не измѣняйте изъ-за того, что временно.— Смотри, пожалуй, какъ Христосъ является и уничтожаетъ страхъ не въ началѣ опасности, но въ крайности. Онъ попускаетъ намъ стать среди опасностей, чтобы мы, поборовшись со скорбію, и стѣсненные ею, сдѣлались удобопріемлемѣе, и, употребивши въ дѣло всю свою силу и мудрость, но нашедши ее слабою, прибѣгли къ Нему одному, могущему спасать неожиданнымъ образомъ. Ибо когда умъ человѣческій утомится, тогда вдругъ является спасеніе отъ Бога, и побуждаетъ насъ стремиться къ Нему, единственному Спасителю, а не приписывать спасенія самимъ себѣ.—Если мы пожелаемъ принять Христа и въ лодку нашу, то есть, поселить Христа въ сердцѣ нашемъ, то мы тотчасъ очутимся на той землѣ, къ которой плывемъ. Что же это за земля? Безъ сомнѣнія, это—земля обѣщанная, небо, земля кроткихъ и умирившихся отъ всякой злобы.

Во утрій же, народъ, иже стояше обонъ-полъ моря, видѣвъ, яко корабля иного не бѣ ту, токмо единъ той, въ оньже внидоша ученицы его, и яко не вниде со ученики своими Іисусъ въ коробль, но едини ученицы его идоша: И ини пріидоша корабли отъ Тиверіады близъ мѣста, идѣже ядоша хлѣбы, хвалу воздавше Господеви. Егда же видѣша народи, яко Іисуса не бысть ту, ни ученикъ его, влѣзоша сами въ корабли, и пріидоша въ Капернаумъ, ищуще Іисуса. И обрѣтше его обонъ-полъ моря, рѣша ему: равви, когда здѣ бысть? Отвѣща имъ Іисусъ и рече: аминь аминь глаголю вамъ, ищете мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко яли есте хлѣбы, и насытистеся. Іисусъ перешелъ на ту сторону мо-

ря пѣшкомъ. Народъ, ища Его на другой день, и видя, что одна только была лодка, въ которую помѣстились ученики, но въ которую Іисусъ не входилъ вмѣстѣ съ ними, пришелъ къ мысли объ этомъ чудѣ, и предполагалъ, что Іисусъ перешелъ черезъ море пѣшкомъ на ту сторону. Ибо если бы была и другая лодка, то естественно было бы предположить, что Онъ, не поплывши съ учениками, вошелъ въ нее и переправился. А теперь, когда лодка была одна, и въ нее вошли одни ученики, а Господь не входилъ, чудо очевидно. Народъ, пришедши къ этой мысли, и нашедши другія лодки, приплывшія съ той стороны, вошелъ въ оныя и переправился въ Капернаумъ. Нашедши здѣсь Господа, народъ не падаетъ предъ Нимъ, не хочетъ узнать, какъ Онъ пришелъ, не распрашиваетъ объ этомъ чудѣ, но такъ небрежно говоритъ: когда ты пришелъ сюда?—Тѣ, которые хотѣли нечаянно взять Его и сдѣлать царемъ, когда нашли Его, не желаютъ уже ничего подобнаго. Они не обращаютъ вниманія на чудо, но желаютъ въ другой разъ насытиться, какъ и прежде. Посему-то Господь и укоряетъ ихъ. Вы, говоритъ, ищете Меня потому, что ѣли хлѣбъ, и за тѣмъ придерживаетесь Меня, чтобы Я опять накормилъ васъ. Замѣть: хотя онъ обличаетъ ихъ, однакоже не употребляетъ строгаго обличенія. Онъ не сказалъ: чревоугодники вы и обжорливые, но сказалъ кротко. Ибо Онъ обличаетъ ихъ съ желаніемъ исправить, и чрезъ открытіе таинъ сердца ихъ привесть ихъ къ большей вѣрѣ. Что цѣлію обличенія ихъ было исправленіе, это видно изъ нижеслѣдующаго. Ибо Онъ преподаетъ имъ ученіе самое спасительное, и говоритъ:

Зач. 20. * *Дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный, еже Сынъ человѣческій вамъ дастъ: сего бо Отецъ знамена Богъ.* Вы, говоритъ, ищете Меня изъ-за хлѣбовъ, желая насытиться ими. Но вы не должны всецѣло заниматься чревомъ, а должны преимущественно стараться о духовномъ, и не употреблять всей заботы на пищу тѣлесную. Ибо ее Онъ назвалъ пищею гибнущею. Такъ какъ многіе изъ желающихъ жить праздно, и особенно Масаліане употребляютъ сіи слова въ защиту своей праздности; то необходимо уяснить это изреченіе. Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ это не потому, будто желалъ пресѣчь тѣлесную дѣятельность и расположить къ праздности: *многой бо злобѣ научила праздность* (Сирах. 33, 28). И если нужно сказать точнѣе, то именно желаніе жить праздно и есть та гибнущая пища. А послѣдователь Христовъ долженъ трудиться, чтобы могъ и другимъ удѣлять. Ибо въ награду за сіе обѣщано будущее царствіе. Какъ же, скажутъ, Господь сказалъ, что не должно стараться о пищѣ гибнущей? Онъ сказалъ это съ тѣмъ, чтобы пресѣчь усиленную заботливость ихъ объ яствахъ, и перевесть оную на предметы духовные. Такъ, скажутъ, но что Христосъ искореняетъ тѣлесную дѣятельность это видно изъ словъ Его къ Мароѣ: Мароа, ты заботишься и суетишься, а нужно одно только. Марія же выбрала благую часть (Лук. 10, 41. 42), и изъ словъ: не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ (Мато. 6, 34). Такъ разсуждаютъ желающіе быть безъ труда. Что же мы скажемъ? То, что сказанное къ Мар-

---

Рече Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеомъ: *

сѣ сказано не о дѣлѣ, ни о дѣятельности, ни о праздности, но о томъ, что нужно знать время, и времени слушанія не употреблять на заботу объ яствахъ. Онъ сказалъ это съ цѣлію научить ее, что время ученія не нужно употреблять напрасно на занятіе тѣмъ, что относится до чрева. И тогда, какъ говоритъ: *не заботьтесь,* не отвергаетъ дѣятельности; ибо иное—забота, иное—дѣятельность. Бываетъ, что (человѣкъ) и дѣлаетъ что-нибудь, но нисколько не заботится. Итакъ Господь, научая насъ не пригвождаться къ житейскимъ вещамъ, ни заботиться объ успокоеніи на завтра, но желая лучше, чтобы мы трудились каждодневно, говоритъ: не заботьтесь о томъ, какъ бы вамъ, потрудившись сегодня, быть на завтра спокойными, но, каждый день пріобрѣтая пищу дневнымъ трудомъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ.—Пищею пребывающею называетъ таинственное причастіе плоти Господней, которую Самъ даетъ намъ, содѣлавшись Сыномъ человѣческимъ, котораго Отецъ *знамена,* то есть, показалъ, подтвердилъ, что Онъ есть Сынъ Его. Хотя Христосъ и самъ подтвердилъ Свое достоинство чудесами; но какъ Онъ говоритъ іудеямъ, то, чтобы они не возмутились, обращается къ Отцу, и говоритъ, что Имъ запечатлѣнъ, то есть, доказанъ, засвидѣтельствованъ. Такъ какъ Сынъ есть образъ Отца, и печать, и отраженіе, то Онъ запечатлѣнъ Отцемъ, поколику есть Его образъ и печать. Посему слова сіи имѣютъ такой смыслъ: сего, который по виду есть Сынъ человѣческій, Отецъ запечатлѣлъ, то есть, родилъ печатью и образомъ Своимъ, сохраняющимъ совершенную неизмѣняемость и естественное съ Нимъ тожество.

Рѣша же къ нему: что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія? Отвѣща Іисусъ и рече имъ: се есть дѣло Божіе да вѣруете въ того, егоже посла онъ. Рѣша же ему: кое убо ты твориши знаменіе, да видимъ, и вѣру имемъ тебѣ? что дѣлаеши? Іудеи хотятъ узнать о дѣлѣ Божіемъ не для того, чтобы совершать оное, но чтобы получить поводъ къ рѣчи. Посему хотя знаетъ, что они не получать никакой пользы, однакоже для общей пользы ученія даетъ отвѣтъ, и показываетъ имъ, равно и всѣмъ людямъ, что дѣло Божіе состоитъ въ томъ, чтобы вѣровать въ Того, кого Онъ послалъ. Вѣра въ Него естъ дѣло поистинѣ священное, и совершенное, и святящее имѣющихъ оную; ибо основательная вѣра руководитъ ко всякому доброму дѣлу, а добрая дѣятельность сохраняетъ вѣру, и какъ дѣла безъ вѣры мертвы, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 17. 26). Смотри, какая неблагодарность и безчувственность. Послѣ того, какъ видѣли столько и такихъ чудесъ, опять просятъ знаменія, и при томъ бо̀льшаго хлѣбовъ, которыми насытились. Какъ чревоугодники, опять требуютъ такого чудо, которое бы служило ихъ чреву. Справедливость сего видна изъ нижеслѣдующаго.

Отцы наши ядоша манну въ пустыни, якоже есть писано: хлѣбъ съ небесе даде имъ ясти. Рече убо имъ Іисусъ: аминь аминь глаголю вамъ, не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе: но Отецъ мой даетъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе. Хлѣбъ бо Божій есть сходяй съ небесе, и даяй животъ міру. Рѣша убо къ нему: Господи, всегда даждь намъ хлѣбъ сей. Не напрасно мы говорили, что они просятъ знаменія, какъ рабы чрева. Таково было чудо надъ хлѣбами. Вотъ, они вспомина-

ютъ о маннѣ, а не о другомъ какомъ-нибудь чудѣ, надъ египтянами ли то совершенномъ, или надъ чермнымъ моремъ. Желая возбудить Его совершить такое чудо, которое бы могло напитать ихъ плоть, они напоминаютъ о маннѣ по крайнему чревоугодію. Что же отвѣчаетъ имъ неиспытанная премудрость Божія, Господь нашъ Іисусъ? Не Моисей далъ вамъ хлѣбъ сей, то есть, Моисей не далъ вамъ хлѣба истиннаго, но все, бывшее тогда, служило образомъ того, что совершается нынѣ. Такъ, Моисей представлялъ образъ Бога, истиннаго вождя мысленныхъ израильтянъ, а хлѣбъ оный прообразовалъ Меня, который сшелъ съ небесъ, который истинно питаю и истинно существую. Называетъ Себя хлѣбомъ истиннымъ не потому, будто манна была ложна, но потому, что она была образомъ и тѣнію, а не самою истиною. Ибо единородный Сынъ Божій, сдѣлавшійся человѣкомъ, есть въ собственномъ смыслѣ *манна*, поразительное слово и слышаніе. Манна значитъ: *что это*? Ибо евреи, каждый, увидѣвши ее во множествѣ выпадшую около своей палатки, пораженные необычайностію и странностію видѣнія, спрашивали другъ друга: что это? И Господь, Сынъ Божій, ставъ человѣкомъ, Самъ есть поражающая всѣхъ манна, такъ что каждый въ недоумѣніи говоритъ: что это? какъ Сынъ Божій и сынъ человѣческій? Какъ изъ двухъ противоположныхъ (естествъ) одно лице? что это за таинство?—Итакъ сей Хлѣбъ, по естеству будучи жизнь, какъ Сынъ живаго Отца, творитъ свойственное Ему, оживляетъ все. Какъ хлѣбъ земной поддерживаетъ слабое естество плоти, и не попускаетъ разлагаться, такъ и Христосъ дѣйствіемъ Духа оживляетъ душу, да и самое тѣло поддер-

живаетъ въ нетлѣніи. Ибо Христомъ даровано естеству человѣческому возстаніе изъ мертвыхъ и нетлѣніе тѣлъ. Но іудеи, еще занятые чревомъ, и всецѣло будучи земными, понимаютъ слова сіи о хлѣбѣ чувственномъ, и говорятъ: дай намъ такого хлѣба. Безумствуя такимъ образомъ, они обличали себя. Всегда, говорятъ, подавай намъ такой хлѣбъ, не по одинъ день, не по два. Говорили это и по сребролюбію. Чтобы намъ не употреблять своихъ денегъ на пріобрѣтеніе пищи, подавай всегда этотъ, легко получаемый, хлѣбъ.

Зач. 21. *Рече же имъ Іисусъ:* * *Азъ есмь хлѣбъ животный: грядый по мнѣ, не имать взалкатися: и вѣруяй въ мя, не имать вжаждатися никогдаже. Но рѣхъ вамъ, яко и видѣсте мя, и не вѣруете. Все, еже даетъ мнѣ Отецъ, ко мнѣ пріидетъ: и грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ: Яко снидохъ съ небесе, не да творю волю мою, но волю пославшаго мя Отца.* Такъ какъ іудеи, какъ земные, думаютъ, что Господь говоритъ о чувственномъ хлѣбѣ, и потому настойчиво просятъ онаго; то Господь, обличая ихъ, и показывая, что они стремились къ Нему, доколѣ предполагали чувственную пищу, а когда узнаютъ, что она духовная, то уже не побѣгутъ, говоритъ: *Я есмь хлѣбъ жизни.* Не сказалъ: хлѣбъ пищи, но: жизни. Поелику все было умерщвлено, то оживилъ насъ Самъ собою Господь. Онъ есть Хлѣбъ, поколику мы вѣруемъ, что закваска человѣческаго смѣшенія испечена огнемъ Божества; Хлѣбъ *жизни*, не простой, обыкновенной, но особенной и не пресѣкаемой смертію. Вѣрующій въ такой хлѣбъ не бу-

---

Рече Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеомъ: *

детъ алкать, не будетъ терпѣть голодъ слышанія слова Божія, и не будетъ имѣть разумной жажды, бывающей отъ неимѣнія воды крещенія и освященія Духа. Ибо некрещенный имѣетъ жажду и большую сухость, не участвуя въ святой водѣ, возраждающей душу; а крещенный, имѣя Духа, всегда отъ Него оживляется.— Показывая же, что вѣра въ Него не есть дѣло случайное, но даръ Божій, подаваемый отъ Отца достойнымъ и благонравнымъ по сердцу, говоритъ: *все, что даетъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ*, то есть, тѣ будутъ вѣровать въ Меня, которыхъ даетъ Мнѣ Отецъ. А вы— іудеи, какъ недостойные, не даетесь Мнѣ отъ Отца, потому и не приходите ко Мнѣ. Ибо вы не имѣете праваго сердца, чтобы Богъ и Отецъ, возлюбивши васъ, привелъ къ вѣрѣ въ Меня.—А *Я приходящаго ко Мнѣ не изгоняю вонъ*, то есть, не погублю, но спасу, и доставлю ему много наслажденія. Ибо Я сошелъ съ неба не за тѣмъ, чтобы дѣлать что-нибудь иное, кромѣ воли Отца. Говоритъ это, чтобы узнали, что не принимающій Его—противенъ Богу, какъ противящійся волѣ Отца. Такъ какъ они Его называли противникомъ Богу, то Онъ обвиненіе сіе обращаетъ на нихъ, и говоритъ, хотя не явно: не принимая того, кто слѣдуетъ волѣ Отца, вы дѣлаетесь противниками Богу.—Гдѣ здѣсь Несторій, говорящій, что Христосъ обоготворенъ послѣ воскресенія? Развѣ не слышишь, несчастный, что Онъ сошелъ съ небесъ? А сшедшій съ небесъ, очевидно, былъ не простой человѣкъ, но Богъ. Ибо простой человѣкъ не нисходитъ, а иногда восходитъ на небо, когда Богъ даруетъ ему сіе за добродѣтель. Поелику

же схожденіе Господа предшествовало воскресенію: то Самъ Онъ и сошелъ съ небесъ, какъ Богъ, сошедшій для вочеловѣченія, и вошелъ на небеса съ плотію, какъ человѣкъ, гдѣ прежде былъ, какъ Богъ. Итакъ Христосъ не простой человѣкъ, обоготворенный въ послѣдствіи, какъ пустословилъ Несторій, но предвѣчный Богъ, вочеловѣчившійся въ послѣднія времена.

Се же есть воля пославшаго мя Отца, да все, еже даде ми, не погублю отъ него, но воскрешу е въ послѣд-
Зач. 22. *нїй день. Се же есть * воля пославшаго мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ него, иматъ животъ вѣчный: и воскрешу его азъ въ послѣднїй день.* Постоянно говоритъ: *Отецъ Мнѣ далъ*, для того, чтобы поразить сердца ихъ, и чтобъ они узнали, что они недостойны этого дара Божія. Ибо если Отецъ даетъ вѣру во Христа, какъ нѣчто великое, а они ея не имѣютъ; то, очевидно, они лишились дара Божія. Итакъ Я, говоритъ, не погублю тѣхъ, которыхъ даетъ Мнѣ Отецъ, то есть, вѣрующихъ въ Меня, но воскрешу ихъ, то есть, удостою свѣтлаго воскресенія. Воскресеніе двоякаго рода: одно общее и вселенское, которымъ воскреснутъ и всѣ грѣшники, а другое, которымъ воскреснутъ одни только праведники, восхищаемые на облакахъ по воздуху на встрѣчу Господу и встрѣчающіе Господа съ дерзновеніемъ. Сіе (послѣднее) воскресеніе Павелъ называетъ возвышеніемъ (ἐξανάστασιν) по причинѣ поднятія отъ земли. Ибо грѣшники хотя воскреснутъ отъ гробовъ, но не поднимутся отъ земли на воздухъ, а

---

*Рече Господь ко пришедшымъ къ нему іудеомъ: се есть **

останутся внизу, какъ осужденные. Посему праведники и воскреснутъ, и поднимутся, восхищаемые на облакахъ на встрѣчу Господу (1 Солун. 4, 17), а грѣшники только воскреснутъ. Господь, объясняя значеніе словъ: *ничего не погублю изъ того, что далъ Мнѣ Отецъ*, выражаетъ туже мысль другими словами: чтобы всякій, видящій Сына и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо Онъ говоритъ не иное что, какъ тоже, что сказалъ выше. Слова: все, что далъ Мнѣ Отецъ,—тождественны съ словами: всякъ видящій Сына и вѣрующій, а слово: не погублю—тождественно съ словами: имѣетъ жизнь вѣчную. Часто упоминаетъ о воскресеніи, для того, чтобы люди не ограничивали Промыслъ Божій однимъ видимымъ (порядкомъ дѣлъ), но знали, что есть и иное состояніе, когда они несомнѣнно получатъ награды за добродѣтель и не оставляли теченія къ добродѣтели изъ-за того, что въ настоящей жизни не обнаруживается воздаяніе.

Роптаху убо іудее о немъ, яко рече: азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе. И глаголаху: не сей ли есть Іисусъ сынъ Іосифовъ, егоже мы знаемъ отца и матерь? како убо глаголетъ сей, яко съ небесе снидохъ? Отвѣща убо Іисусъ и рече имъ: не ропщите между собою. Никтоже можетъ пріити ко мнѣ, аще не Отецъ пославый мя привлечетъ его, и азъ воскрешу его въ послѣдній день. Когда Господь сказалъ: *Я есмь хлѣбъ*, то іудеи зароптали на Него, потому что обманулись. Ибо доколѣ они думали, что Онъ говоритъ о хлѣбѣ чувственномъ, они вели себя кротко. надѣясь, что Онъ дастъ имъ сего хлѣба, и удовлетворитъ ихъ чреву. А какъ

Онъ открылъ имъ, что у Него рѣчь не о чувственномъ хлѣбѣ, а о духовномъ; то они въ отчаяніи ропщутъ. Ибо гдѣ имъ помышлять о духовной пищѣ, жизни и воскресеніи? Они соблазнялись объ Немъ, видя съ одной стороны, Матерь Его, а, съ другой стороны, слыша: Я сшелъ съ небесъ. Смотря на видимое, и не разумѣя, что Онъ же есть и Богъ, они роптали, будто бы Господь обманывалъ, и говорили: не Іосифовъ ли это сынъ? Самъ же Спаситель не отвѣчаетъ имъ: Я не Іосифовъ сынъ; ибо они не могли понять неизреченнаго рожденія отъ Дѣвы. Если же мысль ихъ не обнимала рожденія по плоти, тѣмъ болѣе не могла обнять предвѣчнаго рожденія отъ Отца. Что же Онъ отвѣчаетъ имъ? *Никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ.* Говоритъ это, не уничтожая самопроизволенія, но показывая, что имѣющій вѣровать нуждается во многомъ содѣйствіи отъ Бога. Иначе: Отецъ привлекаетъ тѣхъ, которые имѣютъ способность по ихъ произволенію, а тѣхъ, которые сами себя сдѣлали неспособными, не привлекаетъ къ вѣрѣ. Ибо какъ магнитъ привлекаетъ не все, къ чему приближается, а одно только желѣзо; такъ и Богъ ко всѣмъ приближается, но привлекаетъ (только) тѣхъ, которые способны и обнаруживаютъ нѣкоторое родство съ Нимъ. Отецъ привлекаетъ и приводитъ къ Сыну; а Сынъ воскрешаетъ и оживляетъ, даруя дыханіе въ добрѣ и жизнь, которая есть Духъ Святый. Итакъ вѣрующимъ благодѣтельствуетъ вся святая Троица, а не въ частности одинъ только Отецъ, или одинъ только Сынъ, но какъ естество одно, такъ и дѣйствіе благотворенія одно. Отецъ приводитъ, Сынъ оживляетъ, Духъ Святый для ожив-

ляемыхъ служитъ дыханіемъ; ибо всякій живой имѣетъ и дыханіе. Смотри, какая власть Сына. *Я*, говоритъ, *воскрешу*. Не сказалъ: Отецъ мой воскреситъ, но: Я. Ибо не всегда говоритъ о Себѣ уничиженно, а иногда открываетъ и высоту своего божества.

Есть писано во пророцѣхъ: и будутъ вси научени Богомъ. Всякъ слышавый отъ Отца и навыкъ, пріидетъ ко мнѣ: Не яко Отца видѣлъ есть кто: токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца. Аминь аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ мя, иматъ животъ вѣчный. Выше сказалъ, что, кого Отецъ привлечетъ, тотъ приходитъ ко Мнѣ. Желая подтвердить это, ссылается на пророковъ. У пророковъ, говоритъ, написано: и будутъ всѣ научены Богомъ (Иса. 54, 13); всѣ, разумѣется, желающіе. Отецъ есть общій Учитель, чрезъ откровеніе достойнымъ дающій знать о своемъ Сынѣ. Ибо, касаясь сердецъ простыхъ и незлобивыхъ, открываетъ имъ Сына, подобно какъ и Петру открылъ Его (Матѳ. 16, 17). Итакъ слышащій отъ Отца, то есть, принимающій откровеніе Отца, и дѣлающійся истиннымъ Его ученикомъ, приходитъ ко Мнѣ. Смотри, съ какою точностію говоритъ Онъ о всемъ. Не сказалъ, что приходитъ ко Мнѣ тотъ, кто слышитъ отъ Отца, но прибавилъ еще: и кто научился. Ибо недостаточно слышать, надобно еще оставаться и учиться. Чтоже? Ужели прежде сего они не были учены Богомъ въ ветхомъ завѣтѣ? были, но не такъ. Ибо здѣсь, то есть, въ новомъ Завѣтѣ есть особенность. Тогда учились познанію о Богѣ чрезъ людей, а нынѣ, когда воплотился Единородный, познаніе бываетъ отъ самого Отца во Святомъ Духѣ, такъ что исполняется проро-

ческое слово: во свѣтѣ Тебя, Отца, то есть, въ Духѣ узримъ Свѣтъ, который есть Сынъ (Псал. 35, 10). Подлинно всѣ мы, которые приняли вѣру во Христа, научены нынѣ Богомъ. Такъ какъ сказалъ, что ко Мнѣ приходитъ тотъ, кто слышалъ отъ Отца; то, дабы кто не подумалъ, что Онъ говоритъ объ Отцѣ чувственномъ, прибавляетъ: Я не то говорю, будто Отца видитъ кто-нибудь кромѣ Сына, истинно сущаго отъ Него и рожденнаго изъ Его существа. Ибо всѣ мы отъ Бога, но собственно Сынъ—одинъ тотъ, кто и знаетъ Отца.

Зач. 23. * *Азъ есмь хлѣбъ животный. Отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша: Сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, да, аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе: аще кто снѣстъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки: и хлѣбъ, егоже азъ дамъ, плоть моя есть, юже азъ дамъ за животъ міра.* Подаваемую Имъ пищу сравниваетъ съ манною. Я, говоритъ, есмь хлѣбъ жизни, а ѣвшіе манну умерли. Не просто прибавилъ слово: *въ пустынѣ*, но съ цѣлію показать, что манны не надолго стало отцамъ,—въ пустынѣ только, а въ землю обѣтованную она не вошла съ ними. Сей же хлѣбъ не таковъ, но пребываетъ во вѣкъ, такъ что они, если захотятъ, получатъ блага гораздо бо̀льшія, чѣмъ отцы ихъ. Какъ не больше то, что̀ даруется Христомъ? Ибо хотя всякій вкуситъ смерть, однакожъ онъ живъ по надеждѣ воскресенія.—Ясно говоритъ Онъ здѣсь о таинственномъ причастіи Его тѣла. *Хлѣбъ*, говоритъ, *который*

Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: *

Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра. Показывая свою власть, что Онъ распятъ не какъ рабъ и меньшій Отца, но по своей волѣ, говоритъ, что *Я отдамъ* плоть Мою за жизнь міра. Хотя говорится, что Онъ отданъ Отцемъ (Іоан. 3, 16), но Онъ отдалъ и Самъ себя: первое, чтобы мы познали единомысліе съ Отцемъ, а второе, чтобы познали самовластіе Сына. Замѣть, что хлѣбъ, вкушаемый нами въ таинствѣ, не есть образъ тѣла Господня, но есть самая плоть Господа. Ибо не сказалъ Онъ, что хлѣбъ, который Я дамъ, есть образъ плоти Моей, но: *есть плоть Моя.* Ибо хлѣбъ сей неизреченными словами, чрезъ таинственное благословеніе и наитіе Святаго Духа претворяется въ плоть Господа. Никто да не страшится вѣровать, что хлѣбъ становится плотію. Ибо когда Господь ходилъ во плоти и принималъ пищу изъ хлѣба, то хлѣбъ сей, вкушаемый, премѣнялся въ Его тѣло и уподоблялся святой Его плоти, и по обычаю естества человѣческаго, служилъ къ возрастанію и укрѣпленію. И нынѣ хлѣбъ сей премѣняется въ плоть Господа. Какъ же, скажутъ, намъ является не плоть, а хлѣбъ? Это для того, чтобы у насъ не было отвращенія къ яству. Ибо если бы намъ показывалась плоть, мы непріятно располагались бы къ причастію; а теперь, когда Господь снисходитъ нашей слабости, таинственная пища намъ является такою, какая у насъ бываетъ обыкновенно. Онъ отдалъ плоть Свою на смерть за жизнь міра; ибо смертію Своею разрушилъ смерть. Разумѣй, пожалуй, подъ жизнію міра и воскресеніе. Ибо смерть Господа произвела всеобщее воскресеніе для всего рода человѣческаго. Можетъ быть, жизнію міра

Онъ именуетъ и жизнь въ святости и блаженствѣ. Ибо хотя не всѣ приняли освященіе и жизнь въ Духѣ, но Господь отдалъ самого Себя за міръ, и что касается до Него, то міръ спасенъ, и все естество освящено, поколику получило силу побѣждать грѣхъ, и грѣхъ бѣжалъ чрезъ одного человѣка, Господа нашего Іисуса Христа, какъ и чрезъ одного человѣка Адама оно впало въ грѣхъ.

Пряхуся же между собою жидове, глаголюще: како можетъ сей намъ дати плоть свою ясти? Рече же имъ Іисусъ: аминь аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове его, живота не имате въ себѣ. Ядый мою плоть, и піяй мою кровь, иматъ животъ вѣчный: и азъ воскрешу его въ послѣдній день. Плоть бо моя истинно есть брашно, и кровь моя истинно есть пиво. Іудеи, услышавъ о вкушеніи плоти Господней, не вѣрятъ; поэтому и произносятъ слово невѣрія, „*какъ?*“ Ибо когда входятъ въ душу помыслы невѣрія, тогда сопривходитъ и слово *какъ.* Посему и Онъ, желая показать, что сіе не невозможно но и весьма необходимо, и что нельзя иначе имѣть жизни, говоритъ: если не будете ѣсть плоти, и проч. Такъ и Никодимъ отъ невѣрія говорилъ: какъ можетъ человѣкъ войти во утробу матери (Іоан. 3, 4)? Посему, когда мы слышимъ, что, не вкушая плоти Сына, не можемъ имѣть жизни, мы должны имѣть несомнѣнную вѣру при принятіи божественныхъ таинъ, а не спрашивать: *какъ?* Ибо душевный человѣкъ, то есть, слѣдующій помысламъ человѣческимъ и душевнымъ или естественнымъ, не принимаетъ сверхъестественнаго и духовнаго (1 Кор. 2, 14). Такъ и духовной пищи пло-

ти Господней онъ не разумѣетъ. Между тѣмъ не причащающіеся оной не будетъ имѣть участія въ жизни вѣчной, какъ не принявшіе Іисуса, который есть истинная Жизнь. Ибо вкушаемое есть плоть не простаго человѣка, но Бога, и могущая боготворить, какъ соединенная съ божествомъ. Она есть истинно пища, поколику, удовлетворяетъ не на малое время, ни портится, какъ преходящая пища, но способствуетъ къ вѣчной жизни. Подобнымъ образомъ и питіе крови Господней есть истинно питіе, потому что утоляетъ жажду не на время, но піющаго охраняетъ отъ жажды и нужды навсегда, какъ и самарянкѣ говорилъ (Господь): пьющій воду, которую Я дамъ, не будетъ жаждать (Іоан. 4, 14). Ибо кто чрезъ причащеніе божественныхъ таинъ получитъ благодать Святаго Духа, тотъ не будетъ, подобно невѣрующимъ, ощущать ни голода разумнаго, ни жажды.

* *Ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во мнѣ* Зач. 24.
пребываетъ, и азъ въ немъ. Якоже посла мя живый Отецъ, и азъ живу Отца ради: и ядый мя, и той живъ будетъ мене ради. Сей есть хлѣбъ сшедый съ небесе: не якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша: ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣки. Здѣсь мы научаемся таинству причащенія. Ядущій и піющій плоть и кровь Господа пребываетъ въ самомъ Господѣ, и Господь въ немъ. Странное и непостижимое бываетъ соединеніе, такъ что Богъ пребываетъ въ насъ, а мы въ Богѣ. Не страшное слышишь ты ученіе. Мы вкуша-

---

Рече Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеомъ: *

емъ не самого Бога, ибо Онъ неосязаемъ и безтѣлесенъ и необъятенъ ни для глазъ, ни для зубовъ: ни опять вкушаемъ плоть простаго человѣка, ибо она не можетъ принесть никакой пользы. Но какъ Богъ неизреченнымъ смѣшеніемъ соединилъ Самъ съ Собою плоть, то и плоть животворитъ, не потому, будто премѣнилась въ естество Божіе,—нѣтъ, но по подобію раскаленнаго желѣза, которое и остается желѣзомъ, и обнаруживаетъ силу огня. Такъ и плоть Господа, пребывая плотію, животворитъ, какъ плоть Бога Слова.—Какъ *Я*, говоритъ, *живу Отцемъ*, то есть, потому, что родился отъ Отца, который есть Жизнь, такъ *и ядущій Меня, жить будетъ Мною*, соединившись и какъ-бы претворившись въ Меня, могущаго животворить. Когда же слышишь, что Я живу, не думай, что Онъ живетъ по причастію жизни. Иначе Богомъ называлось бы животное. Но нѣтъ! Ибо ни животное не называется Богомъ, ни сотворенное—Жизнію.—Часто повторяетъ слова: *отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ*, для того, чтобы убѣдить слушателей, что если можно было питаться людямъ безъ жатвы и сѣянія въ теченіе сорока лѣтъ, и жизнь ихъ поддерживалась, тѣмъ болѣе нынѣ Господь подкрѣпитъ нашу разумную жизнь лучшимъ хлѣбомъ, плотію Своею, образовавшеюся изъ земли—Дѣвы, безъ сѣянія—мужа.—Вездѣ упоминаетъ о жизни, и часто приводитъ это имя, потому что никто такъ не пріятно людямъ, какъ жизнь.—Впрочемъ ты можешь ѣсть плоть и пить кровь Владыки не только въ таинственномъ причастіи, но и инымъ образомъ. Плоть ѣстъ тотъ, кто идетъ путемъ дѣятельности. Ибо плоть—не-

удобоварима, какъ и дѣятельность—многотрудна. Кровь пьетъ какъ бы вино, веселящее сердце, созерцатель. Ибо созерцаніе не сопряжено съ трудомъ, есть даже успокоеніе отъ трудовъ, и похоже на питье, какъ и питье легче, чѣмъ пища.

Сія рече на сонмищи, уча въ Капернаумѣ. Мнози убо слышавше отъ ученикъ его, рѣша: жестоко есть слово сіе: (и) кто можетъ его послушати? Вѣдый же Іисусъ въ себѣ, яко ропщутъ о семъ ученицы его, рече имъ: сіе ли вы блазнитъ? Аще убо узрите Сына человѣческаго восходяща, идѣже бѣ прежде? Для чего Онъ училъ въ синагогѣ? Частію для того, чтобы привлечь больше людей, частію для того, чтобы показать, что Онъ не противникъ Закону, читаемому въ синагогахъ. Почему же Онъ произносилъ предъ народомъ такія рѣчи, когда зналъ, что никто не получитъ отъ нихъ пользы, а многіе даже соблазнятся? Ибо ученики Его, услышавъ ихъ, говорили: слова сіи странны; кто можетъ слушать это?—Какая же польза отъ сихъ словъ? Очень большая и важная. Они постоянно упоминали о тѣлесной пищѣ, и выставляли на видъ манну. Показывая имъ, что все это было ѝбразами и тѣнью, а что̀ Онъ нынѣ говоритъ, то̀ истина, говоритъ сіе, и упоминаетъ о духовной пищѣ для того, чтобы убѣдить ихъ сколько нибудь отклониться отъ чувственнаго, и оставить ѝбразы и тѣнь, а устремиться къ истинѣ. Но они, не будучи въ силахъ понять ничего сверхъестественнаго, не улучшаются, а даже отвращаются, и говорятъ: слова сіи странны, то есть, суровы, неудобопріемлемы. Ибо кто, будучи плотянъ, можетъ принять духовную

пищу? хлѣбъ, сходящій съ небесе? плоть вкушаемую? Когда же слышишь, что ученики отстали отъ Него, не понимай этого объ истинныхъ ученикахъ, но о тѣхъ, которые слѣдовали за Нимъ въ ряду учениковъ, и однимъ только видомъ показывали, будто учатся отъ Него. Ибо и между учениками были нѣкоторые, которые, по сравненіи съ народомъ, назывались учениками Его, потому что проводили при Немъ времени болѣе, чѣмъ народъ, но въ сравненіи съ истинными учениками Его не стоили ничего, такъ какъ вѣрили Ему на время, и, такъ сказать, отъ холодной горячности. Смотри, какое неразуміе. Нужно бы спросить и узнать, чего не знаютъ, а они отступаютъ, и ничего не понимаютъ въ духовномъ смыслѣ, но все по внѣшности. Слыша о плоти, они и думали, что Онъ принуждаетъ ихъ сдѣлаться плотоядцами и кровопійцами. Но мы, понимающіе это въ духовномъ смыслѣ, не только не плотоядцы, а даже освящаемся такою пищею.—Желая показать имъ, что отъ Него, какъ Бога, нимало не укрываются сердечные ихъ помыслы, говоритъ: это ли соблазняетъ васъ? Чтожъ, если увидите Меня, по виду, Сына человѣческаго, восходящимъ на небо, гдѣ Я былъ прежде, какъ Богъ? Ибо одинъ и тотъ же восходитъ, какъ человѣкъ, туда, гдѣ былъ прежде, какъ Богъ. Сказалъ сіе для того, чтобы отвлечь ихъ отъ мнѣнія о Немъ, какъ сынѣ Іосифовомъ. Ибо кто повѣрилъ, что Онъ прежде былъ на небѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, повѣритъ, что Онъ и сынъ не Іосифовъ, а Божій, а наконецъ повѣритъ рѣчамъ Его.—Слыша, что сынъ человѣческій былъ прежде на небѣ, не думай, что тѣло низошло съ неба (такъ

пустословятъ ересеначальники Маркеллъ и Аполлинарій); но какъ одинъ и тотъ же былъ Сынъ человѣческій и Богъ Слово, то, какъ мы сказали, говорится, что Онъ восходитъ, какъ человѣкъ, туда, гдѣ былъ прежде, какъ Богъ.

Духъ есть иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже: глаголы, яже азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть. Но суть отъ васъ нѣцыи, иже не вѣруютъ. Вѣдяше бо искони Іисусъ, кіи суть невѣрующіи, и кто есть предаяй его. Они понимали слова Христовы по плотскому, какъ мы часто говорили, и соблазнялись. Посему Онъ говоритъ, что духовное только пониманіе словъ Моихъ полезно, а плоть, то есть, плотское пониманіе ихъ, нисколько не полезно, а бываетъ поводомъ къ соблазну. Такъ они соблазнялись, понимая слова Христовы плотски. Присовокупляетъ, что слова, которыя говорю Я, суть *духъ*, то есть, духовны, *и жизнь*, не имѣютъ ничего плотскаго, а доставляютъ жизнь вѣчную. Проявляя свойство божества, именно открывая сокровенное, говоритъ имъ, что нѣкоторые изъ васъ не вѣруютъ; сказавъ: *нѣкоторые*, исключилъ учениковъ. И евангелистъ, желая показать намъ, что Онъ зналъ все прежде устроенія міра, говоритъ, что Іисусъ отъ начала зналъ, кто суть невѣрующіе, зналъ и злобу предателя. А это было доказательствомъ истиннаго божества. Ибо пророкъ говоритъ о Богѣ: *свѣдый вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42).

И глаголаше: сего ради рѣхъ вамъ, яко никтоже можетъ пріити ко мнѣ, аще не будетъ ему дано отъ Отца моего. Отъ сего мнози отъ ученикъ его идоша

вспять, и ктому не хождаху съ нимъ. Рече же Іисусъ обѣманадесяте: еда и вы хощете ити? Часто мы говорили, что, когда слышишь, что Отецъ даетъ вѣру въ Сына, не думай, что однимъ Отецъ благотворитъ, а другимъ нѣтъ, по жребію, ибо это свойственно неправедному; но такъ понимай, что Отецъ благодѣтельствуетъ и даетъ даръ вѣры тѣмъ, у которыхъ есть произволеніе. Ибо не имѣющій произволенія не получитъ пользы и отъ помощи Божіей. Объяснюсь. Богъ даетъ всѣмъ (свои дары). Одни принимаютъ, и хорошо употребляютъ данное, и, сохраняя оное, показываютъ даръ Божій. А другіе принимаютъ, но теряютъ данное, и оказываются ничего не получившими. Итакъ когда Евангелистъ говоритъ, что, кому не будетъ дано отъ Отца, тотъ не можетъ придти къ Сыну; то слова его значатъ, что приходитъ къ Сыну тотъ, кому даетъ Отецъ, и кто сохранитъ поданный ему отъ Бога даръ.—*Многіе изъ учениковъ отошли назадъ*, то есть, отдѣлившись отъ Него, не пошли къ лучшему, но возвратились назадъ, то есть, къ невѣрію. Ибо по истиннѣ, кто отдѣляется отъ Христа, отходитъ назадъ, а кто, подобно Павлу, прилѣпляется къ Господу (1 Кор. 6, 17), тотъ постоянно простирается впередъ (Филип. 3, 13).—Онъ же, показывая, что не нуждается ни въ комъ, и ни въ служеніи или попеченіи отъ нихъ, говоритъ имъ: не хотите ли и вы отойти? Почему, напротивъ, Онъ не похвалилъ двѣнадцать (учениковъ) за то, что они не отошли вмѣстѣ съ прочими? Съ одной стороны, чтобы сохранить достоинство Учителя, а съ другой—показать и намъ, что такимъ образомъ можно еще болѣе при-

влечь. Ибо если бы Онъ похвалилъ, то они, быть можетъ, испытали бы нѣчто человѣческое, и возгордились, думая, что своимъ послѣдованіемъ за Нимъ одолжаютъ Его. А показывая, что не нуждается въ ихъ слѣдованіи за Нимъ, Онъ болѣе могъ удержать ихъ, какъ болѣе благодѣтельствуемыхъ, чѣмъ благодѣтельствующихъ, и получающихъ благодать, а не дающихъ.—Примѣчай, какъ благоразумно Онъ выразился. Не сказалъ: отойдите, ибо это значило бы отталкивать, но спрашиваетъ: *не хотите ли отойти?* Такимъ образомъ предоставляетъ полную свободу слѣдовать или нѣтъ, показывая, что Онъ хочетъ, чтобы слѣдовали за Нимъ не изъ стыда предъ Нимъ, но по сознанію, что за послѣдованіе получатъ благодать.

Отвѣща убо ему Симонъ Петръ: Господи, къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаши. И мы вѣровахомъ, и познахомъ, яко ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго. Отвѣща имъ Іисусъ: не азъ ли васъ дванадесяте избрахъ? и единъ отъ васъ діаволъ есть. Глаголаше же Іуду Симонова Искаріота: сей бо хотяше предати его, единъ сый отъ обоюнадесяте: Петръ, имѣя нѣжную любовь (къ Нему) и къ братьямъ, отвѣчаетъ за весь ликъ (Апостоловъ). Онъ не сказалъ: Господи! къ кому *я* пойду? и: *я* позналъ и увѣровалъ, но: къ кому пойдемъ? и проч. Говоритъ, что Господь имѣетъ глаголы вѣчной жизни; потому что слышалъ, какъ Онъ говорилъ: вѣрующаго въ Меня Я воскрешу, и онъ будетъ имѣть жизнь вѣчную (выше стих. 40). Ибо они уже приняли истину воскресенія и все ученіе. Посему причиною соблазна были не слова Христовы, но невнима-

тельность, нерадѣніе и неблагодарность слушателей. Ибо и сіи двѣнадцать слышали то же, и однакоже не блазнились, но пребыли (вѣрны). Что же Христосъ? Ободряетъ ли Петра, какъ это сдѣлалъ Онъ при другомъ случаѣ (Матѳ. 16, 17)? Никакъ нѣтъ, для того, чтобы не показаться льстящимъ за то, что онъ пребылъ съ нимъ. Что же говоритъ Онъ Петру? Я избралъ васъ двѣнадцать, однакожъ не всѣ вы достойны сего избранія, но одинъ изъ васъ—діаволъ. Это можно понимать двояко: или потому (діаволъ), что и теперь все Мое извращаетъ, и ничего изъ онаго не принимаетъ, или потому, что онъ оклевещетъ Меня. Ибо таковъ дѣйствительно оказался Іуда, клевеща на Господа предъ іудеями и выдавая имъ Его тайны, какъ и Давидъ говоритъ о немъ: *исхождаше вонъ, и глаголаше вкупѣ*, выходилъ вонъ и говорилъ за-одно (Псал. 40, 7). Господь говоритъ это Петру, чтобы исправить его. Петръ сказалъ: мы узнали все и увѣровали. А Онъ говоритъ: не думай такъ; вы не всѣ вѣрны, и не всѣ узнали Меня.—Смотри, пожалуй, какъ Господь издалека предотвращаетъ злобу предателя, и, какъ бы насильно удерживая ее, говоритъ это; хотя знаетъ, что не принесетъ пользы, однакоже исполняетъ свое дѣло. И не обнаружилъ его, и не оставилъ совершенно неизвѣстнымъ; первое сдѣлалъ для того, чтобы онъ, потерявъ стыдъ, не сдѣлался упорнѣе; другое, чтобы онъ не безъ страха совершалъ отважный поступокъ, и не думалъ, что онъ скроется. Отселѣ мы научаемся и тому, что Богъ не дѣлаетъ добрыми принужденно и насильственно, и что избраніе Божіе не стѣсняетъ нашего

произвола; и, когда онъ золъ, не принуждаетъ сдѣлаться добрымъ. А избраніе Божіе состоитъ въ томъ, что Богъ предрасполагаетъ насъ къ добру, и даруетъ намъ свою благодать. Спастись же и поступить достойно избранія, или наоборотъ, это зависитъ отъ нашей мысли и воли. Подивись и тому, какъ сильно враждуетъ діаволъ. Онъ смогъ увлечь одного изъ двѣнадцати (апостоловъ), которые воскрешали мертвыхъ, совершали чудеса, и слышали духовное и животворное ученіе Господа. И гдѣ, наконецъ, надежда намъ на спасеніе, когда мы съ юности добровольно поработили себя злу? Посему и евангелистъ, какъ-бы съ удивленіемъ, сказалъ: *будучи одинъ изъ двѣнадцати*. Хотя, говоритъ, принадлежалъ къ сему святому лику, однакоже по злому произволу оказался недостойнымъ его. Такъ человѣкъ удобопреклоненъ (ко злу)! Пусть же заблуждаютъ манихеи. Мы злы не отъ природы. Въ семъ случаѣ въ насъ постоянно дѣйствовала бы злоба. Но вотъ Іуда невсегда былъ золъ, а былъ нѣкогда и святъ. Значитъ, зло и раждается и растетъ отъ произвола.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

О пришествіи Господа на праздникъ какъ-бы тайно.—Объ удивленіи іудеевъ тому, какъ Іисусъ, не учившись, знаетъ Писанія.—О разныхъ толкахъ въ народѣ о Христѣ.—О спорѣ начальниковъ съ Никодимомъ.

*И хождаше * Іисусъ по сихъ въ Галилеи: не хо-* Зач.
тяше бо во Іудеи ходити, яко искаху его іудее уби- 25.

---

*Во время оно, хождаше **

ти. Бѣ же близъ праздникъ іудейскій, поченіе сѣни. Рѣша убо къ нему братія его: прейди отсюду, и иди во Іудею, да и ученицы твои видятъ дѣла твоя, яже твориши. Никтоже бо въ тайнѣ творитъ что, и ищетъ самъ явѣ быти; аще сія твориши, яви себе мірови. Ни братія бо его вѣроваху въ него. Іисусъ удаляется отъ убійцъ—іудеевъ не потому, будто боится смерти, ибо Ему можно было и посреди ихъ ходить и не потерпѣть ничего, но потому, что если бы Онъ всегда такъ поступалъ, то не повѣрили бы, что Онъ былъ человѣкъ, но почли бы за призракъ. Посему теперь Онъ удаляется, и такимъ образомъ подтверждаетъ и удостовѣряетъ, что Онъ человѣкъ, и поражаетъ всѣхъ, которые говорятъ, что Онъ воплотился призрачно, какъ то: Манеса, Маркіона, Василида и подобныхъ. Въ другихъ же случаяхъ, когда Онъ находится среди убійцъ, злоумышляющихъ на Него, и остается невредимымъ, Онъ показываетъ, что Онъ Богъ, и постыждаетъ Павла самосатскаго, и всѣхъ увѣряетъ, что Онъ былъ не просто человѣкъ, но и Богъ.—Теперь Онъ уходитъ въ Галилею. Такъ какъ не наступило еще время страдать, то напрасно и излишне было обращаться Ему среди враговъ своихъ, и тѣмъ подавать поводъ къ усиленію ихъ злобы.—Было, говоритъ, поставленіе кущей. О праздникахъ, совершаемыхъ іудеями, нужно замѣтить слѣдующее. Ихъ было три: одинъ—праздникъ пасхи, который они совершали въ память выхода изъ Египта, и онъ у нихъ былъ первый (главный). Другой праздникъ—пятдесятница, которую они совершали въ память избавленія отъ бѣдствій въ пустынѣ, и вступ-

ленія въ землю обѣтованную. Тогда они въ первый разъ вкусили хлѣбныхъ плодовъ, почему и въ праздникъ сей приносили колосья, какъ начатки. Третій праздникъ—поставленіе кущей, который они совершали въ благодарность за собраніе плодовъ, по римскому счету, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Тогда они благодарили Господа за то, что собрали всѣ плоды. Почему и устрояли скиніи или палатки, и веселились, какъ-бы живя на полѣ. Нѣкоторые говорятъ, что и нѣкоторые псалмы Давидовы (80 и 83), имѣющіе надпись: *о точилѣхъ,* составлены Давидомъ именно на сей праздникъ. Тогда они наполняли свои виноградные тиски, собирая виноградъ, и, благодаря за оный, употребляли эти псалмы и другіе, служащіе выраженіемъ благодарности, наприм. восьмой псаломъ. Ибо и въ немъ пророкъ упоминаетъ о благахъ, дарованныхъ человѣку Богомъ.—Праздники сіи имѣли и другое значеніе. Пасха означала нашъ переходъ отъ невѣрія къ вѣрѣ, пятдесятница—вступленіе въ Церковь, какъ-бы въ иную землю обѣтованную, въ которой мы также вкушаемъ хлѣбъ, причащаясь божественныхъ таинъ. Мы не тотчасъ вкушаемъ хлѣба, какъ увѣруемъ и перейдемъ отъ невѣрія, но должны прежде креститься и удостоиться стоянія въ церкви вмѣстѣ съ крещенными, и тогда уже причаститься хлѣба.—Поставленіе кущей означало воскресеніе, когда соберутся всѣ плоды нашихъ дѣлъ, а хижины наши (тѣла), разрушенныя смертію, снова возстанутъ. Есть и иныя возвышенныя стороны у сихъ праздниковъ, но не время теперь высказывать ихъ. Ибо мы всегда выбираемъ то, что полезнѣе для многихъ.—

Іоан.

Итакъ, когда приближался іудейскій праздникъ, называемый поставленіе кущей, и братья Іисуса видѣли, что Онъ не собирается на праздникъ, они съ завистью говорятъ ему: выйди отсюда, и пойди туда, чтобы дѣла твои видѣли и ученики твои, то есть, народъ, слѣдующій за тобой; ибо говорятъ не о двѣнадцати, но о другихъ его послѣдователяхъ. Братья его, то есть, дѣти Іосифа, обвиняютъ его въ двухъ расположеніяхъ, въ боязни и славолюбіи. Посему и говорятъ: *никто не дѣлаетъ чего-либо втайнѣ*, это знакъ—боязни, *и ищетъ самъ быть извѣстнымъ*, это знакъ славолюбія. Если. говорятъ, ты творишь такія дѣла, то яви себя міру. Симъ они какъ-бы такъ говорятъ: мы не въ добрую сторону понимаемъ поведеніе твое. Ибо, если ты творишь такія дѣла, какъ добрыя, то яви себя; если же ты скрываешься, очевидно, скрываешься потому, что дѣлаешь худое.—Для чего евангелистъ изъ пятимѣсячной дѣятельности ни о чемъ другомъ не разсказалъ, кромѣ чуда надъ хлѣбами, и бесѣды Господа къ насыщеннымъ, но неблагодарнымъ, и, опустивъ прочее, сказалъ: приближался праздникъ іудейскій, поставленіе кущей? А что онъ умолчалъ о дѣлахъ, совершенныхъ въ теченіи пяти мѣсяцевъ, видно изъ слѣдующаго. Когда Іисусъ совершилъ чудо надъ хлѣбами, тогда была пасха, которая совершалась въ мѣсяцѣ, называемомъ у римлянъ мартомъ, а у іудеевъ—первымъ мѣсяцемъ. Теперь же—поставленіе кущей, которое совершается по нашему въ сентябрѣ. Почему же евангелистъ такъ поступилъ? Потому, что говорить обо всемъ по порядку было не возможно. И иначе: евангелисты старались говорить о томъ,

изъ за чего со стороны іудеевъ выходило какое-либо порицаніе или противорѣчіе. Любовь ихъ къ истинѣ достойна удивленія. Они не стыдятся говорить о томъ, что̀, повидимому, навлекаетъ на Учителя ихъ нѣкоторое безславіе. Такъ и сей евангелистъ, опустивъ многія чудеса и рѣчи Господа, повѣствуетъ о невѣріи братьевъ, и о томъ, что они порицали Его. Откуда же въ нихъ такое невѣріе? Отъ произвола и зависти. Впрочемъ, смотри. До распятія, хотя они и видятъ Его въ славѣ и творящимъ чудеса, такъ не вѣруютъ въ Него, но послѣ распятія и мнимаго безславія свидѣтельствуютъ за Него, ставъ апостолами, проповѣдниками и архіереями. Значитъ, они непререкаемо увидѣли Его воскресшимъ. Ибо если бы они не получили твердой увѣренности въ Его воскресеніи, они не предали бы себя на смерть ради Его.

Глагола убо имъ Іисусъ: время мое не у пріиде: время же ваше всегда готово есть. Не можетъ міръ ненавидѣти васъ: мене же ненавидитъ, яко азъ свидѣтельствую о немъ, яко дѣла его зла суть. Вы взыдите въ праздникъ сей: азъ не взыду въ праздникъ сей, яко время мое не у исполнися. Братья, завидуя Господу, обвиняютъ Его въ боязни и тщеславіи. Что̀ же Онъ говоритъ имъ? Не отвѣчаетъ ли имъ сурово? нѣтъ, а кротко. Онъ не сказалъ: кто вы, чтобы давать Мнѣ такой совѣтъ и учить? Но что̀ говоритъ? не настало еще мое время, то есть, время страданія и смерти. А для васъ всегда время. Вы, говоритъ, хотя всегда пребудете съ іудеями, они не умертвятъ васъ; какъ имѣющихъ одинаковыя съ ними стремленія, а Меня,

какъ увидятъ, что пришелъ на праздникъ, тотчасъ рѣшатся убить.—Или это можно и иначе понимать. Тотъ, кто ублажаетъ плачущихъ въ настоящемъ вѣкѣ (Матѳ. 5, 4), и теперь говоритъ подобное, что можетъ случиться и со всѣми святыми. Для Меня, говоритъ, еще не наступило время праздника, такъ какъ Я вижу, что въ іудеяхъ живетъ всякая злоба. Ибо время плача и скорби тогда, какъ истина изгнана, и воля Божія не преобладаетъ. Посему-то для Меня еще не праздничное время. А для васъ, живущихъ согласно съ іудеями и привязанныхъ къ міру, свойственно и праздновать вмѣстѣ съ подобными вамъ. И міръ, то есть, заботящіеся о мірскомъ, не можетъ ненавидѣть васъ, какъ одинаковыхъ съ собою. А Меня ненавидитъ, потому что Я обличаю дѣла его. Ибо обличеніе, весьма смѣлое, всегда пораждаетъ ненавистъ. Итакъ братьевъ посылаетъ на праздникъ, показывая, что не принуждаетъ оставаться съ Нимъ, если не хотятъ. Смотри же. На двоякое обвиненіе, возносимое на Него, въ боязни и славолюбіи, дѣлаетъ и двоякое оправданіе; противъ обвиненія въ боязни говоритъ, что Я обличаю дѣла міра, то есть, тѣхъ, кои заботятся о мірскомъ. А Я не обличалъ бы, если бы былъ боязливъ, какъ вы думаете. Вопреки обвиненію въ славолюбіи, не принуждаетъ ихъ оставаться при Себѣ. А если бы Онъ былъ виновенъ въ славолюбіи, не отослалъ бы ихъ. Ибо славолюбивые и горделивые стараются, напротивъ, имѣть многихъ послѣдователей. Двѣ вины приписывали Ему; естественно два оправданія и противопоставилъ Онъ, показывая, что мнѣніе ихъ слабо. Слова: *мое время*

еще не исполнилось, означаютъ, что еще не время быть распятымъ и умереть. Мнѣ нужно еще жить во плоти, и сотворить больше чудесъ, и высказать больше ученія для того, чтобы больше народа приготовить къ вѣрѣ и учениковъ болѣе утвердить чрезъ явленіе большихъ чудесъ и чрезъ ученіе. Итакъ, говоритъ, еще не настало время смерти, чтобы Мнѣ предавать Себя враждующимъ на Меня; потому Я и не пойду на праздникъ.

Сія рекъ имъ, оста въ Галилеи. Егда же взыдоша братія его въ праздникъ, тогда и самъ взыде, не явѣ, но яко тай. Для чего это сказалъ Онъ братьямъ, что не пойду Я на праздникъ, а потомъ идетъ? Онъ не просто сказалъ, что не пойду, но теперь не пойду, то есть, съ вами. Въ началѣ Онъ отказывался идти, потому что іудеи пылали яростью, а потомъ отправляется, къ окончанію праздника, когда естественно и ярость ихъ ослабѣла. И иначе. Онъ поступилъ не вопреки своихъ словъ. Ибо Онъ взошелъ не праздновать, но учить, и не съ *пышностію*, какъ обыкновенно дѣлаютъ панегиристы, но тайно. Укрывается Онъ для того, чтобы подтвердить свое человѣчество. Ибо если бы Онъ явился, они возъярились бы на Него, съ намѣреніемъ убить Его. Онъ же не допустилъ бы имъ сдѣлать это, такъ какъ не наступило еще время страданія, но, будучи среди ихъ, избѣгъ бы страданія, и показался бы воплотившимся призрачно. Посему, какъ человѣкъ, Онъ избѣгаетъ и удаляется, устрояя свое.

Жидове же искаху его въ праздникъ, и глаголаху: гдѣ есть онъ? И ропотъ многъ бѣ о немъ въ народѣхъ: овіи глаголаху, яко благъ есть: иніи же глаголаху: ни,

но льститъ народы. Никтоже убо явѣ глаголаше о немъ, страха ради іудейскаго. Іудеи отъ сильной ненависти не упоминаютъ о имени Его. Не говорятъ: гдѣ Іисусъ, но: гдѣ Онъ? Такъ они ненавидѣли и одно только имя Его. Примѣчай, пожалуй, ихъ склонность къ убійству. Они не уважаютъ времени праздника, но хотятъ Его уловить на ономъ. Посему-то и ищутъ. Такъ они хранили благоговѣніе и уваженіе къ праздникамъ! такъ правы были ихъ дѣла!—Въ народѣ былъ споръ объ Немъ, потому что мнѣнія объ Немъ были различны. Начальники говорили, что Онъ обольщаетъ народъ, а народъ говорилъ, что Онъ добръ. Называвшіе Его добрымъ были изъ среды народа. Справедливость сего видна изъ слова евангелиста: никто не смѣлъ говорить о Немъ явно, боясь іудеевъ. Очевидно, не смѣющіе говорить о Немъ были изъ народа, и молчали, боясь начальниковъ іудейскихъ. Слова: *обольщаетъ народъ,* показываютъ, что клевещущіе на Него суть изъ начальниковъ. Ибо, если бы они были изъ народа, они сказали бы, что Онъ насъ обольщаетъ. Но говорящіе, что Онъ обольщаетъ народъ, показываютъ, что они не изъ народа, а изъ начальниковъ. Смотри, пожалуй. Начальство вездѣ неоткровенно, а подначальные остаются прямыми, но, не имѣя твердой воли, и будучи еще несовершенны, они несмѣлы.

Зач. *Абіе же въ преполовеніе праздника, * взыде Іисусъ*
26. *во церковь, и учаше. И дивляхуся іудее, глаголюще: како сей книги вѣсть не учився? Отвѣща убо имъ Іи-*

Въ преполовеніе пятдесятницы, *

сусъ, и рече: мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго мя. Почему Онъ пришелъ въ половинѣ праздника? Для того, чтобы ослабить ихъ гнѣвъ, и чтобы они съ большимъ прилежаніемъ и вниманіемъ слушали рѣчи Его, когда праздникъ не заграждалъ ихъ слуха. Ибо въ началѣ праздника имъ естественно было развлечься праздничною обстановкою. Когда Онъ явился внезапно, то всѣ вообще слушали Его, и тѣ, кои называли Его добрымъ, и тѣ, кои называли Его обольстителемъ; одни, чтобы получить какую-нибудь пользу и подивиться; другіе, чтобы привязаться къ Нему и схватить Его, какъ обманщика. Чему Онъ училъ, евангелистъ того не сказалъ, но что Онъ преподавалъ нѣчто чудесное, чѣмъ и занялъ ихъ, сіе евангелистъ показалъ словами, что дивились, какъ Онъ знаетъ Писанія, не учившись. Однакожъ, хотя дивились, злобное намѣреніе ихъ не измѣнилось. Ибо они не ученію дивились, ни рѣчь принимали, но дивились, какъ Онъ знаетъ Писанія, то есть, недоумѣвали, изумлялись, что обыкновенно бываетъ съ завидующими. Напримѣръ, у кого-нибудь есть бѣдный сосѣдъ. Потомъ случится, что онъ неоднократно пройдетъ въ дорогой одеждѣ. Завистливый сосѣдъ, увидѣвъ его, говоритъ: какъ онъ, будучи весьма бѣденъ, одѣлся такъ богато? Откуда у него такая одежда? Говоритъ такъ не потому, что удивляется дѣлу, но потому, что его снѣдаетъ зависть. И онъ къ очерненію сосѣда употребляетъ такія слова: безъ сомнѣнія, говоритъ, онъ укралъ эту одежду. Такъ и іудеи. Какъ, говорятъ, знаетъ Писанія? безъ сомнѣнія, силою веельзевула. Хотя имъ лучше слѣдовало заключить изъ се-

го, что въ Немъ не было ничего человѣческаго; но такъ какъ они не хотѣли признать сего, то Онъ самъ отвѣчаетъ имъ, и научаетъ, что ученіе Его отъ Отца и Бога. Моего, говоритъ, нѣтъ ничего. Самъ отъ Себя, вопреки Богу, Я ничего не говорю, но что̀ принадлежитъ Отцу, о томъ Я и говорю.

Аще кто хощетъ волю его творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или азъ отъ себе глаголю. Глаголяй отъ себе, славы своея ищетъ: а ищай славы пославшаго его, сей истиненъ есть, и нѣсть неправды въ немъ. Сказавъ, что мое ученіе не мое, то есть, не противное Богу, но ученіе Отца моего, говоритъ, что кто будетъ творить волю Божію, то есть, кто освоится съ добродѣтелью, а не будетъ рабомъ зависти, и не омрачится напрасною ненавистью противъ Меня, тотъ узнаетъ силу словъ моихъ, отъ Отца ли Я говорю, или нѣчто чуждое и противное Ему.—Волю же Божію творитъ тотъ, кто углубляется въ Писанія и пророковъ. Такой человѣкъ можетъ узнать о ученіи Господнемъ, что оно отъ Бога. Ибо пророки изображаютъ Господа не противникомъ Богу и говорящимъ отъ самого Себя, но говорящимъ и дѣлающимъ все такое, что угодно Богу.—Потомъ присоединяетъ и другой доводъ, такой: кто говоритъ самъ отъ себя, то есть, хочетъ ввести свое ученіе, тотъ не для другаго чего это дѣлаетъ, какъ для того, чтобы чрезъ то пріобрѣсть себѣ славу. А Я не желаю пріобрѣсть Себѣ славу, но ищу славы Пославшему Меня. Для чего же Я стану учить тому, что чуждо Ему? Слѣдовательно, Я истиненъ, и нѣтъ во Мнѣ неправды, то есть, Я не при-

своя̀ю Себѣ славы, принадлежащей другому, что было бы несправедливо. Посему ученіе мое имѣетъ вмѣстѣ и истину и правду. Оно не отъ честолюбія проистекаетъ, чтобы быть ему ложнымъ и несправедливымъ. Ибо честолюбецъ и лжетъ, говоря о себѣ то, что̀ превышаетъ его достоинство, и неправду творитъ, присвояя себѣ славу чужую и нисколько ему не принадлежащую. Но Господь ищетъ славы Отцу, и ничего не приписываетъ самому Себѣ. Очевидно, Онъ истиненъ и праведенъ. Неоднократно мы уже говорили, и теперь скажемъ, что, когда Господь говоритъ о себѣ нѣчто уничиженное, не нужно думать, что Онъ говоритъ такъ потому, что будто бы Онъ ниже Отца по естеству своему, но для того Онъ такъ говоритъ, чтобы не сочли Его противникомъ Богу, изъ снисхожденія къ слабости слушателей своихъ, потому что Онъ облекся плотію, и для того, чтобы насъ научить смиренію, чтобы мы не говорили о самихъ себѣ ничего великаго. Когда же Господь говоритъ высокое и о Своей славѣ, то мы должны вѣровать, что Онъ говоритъ о Себѣ такъ возвышено по величію своего естества, потому что Онъ по существу равенъ Отцу.

Не Моисей ли даде вамъ законъ, и никтоже отъ васъ творитъ закона? что мене ищете убити? Отвѣща народъ и рече: бѣса ли имаши? кто тебе ищетъ убити? Повидимому, настоящія слова Господа не имѣютъ никакой связи съ преждесказанными; но когда мы всмотримся ближе, они находятся въ тѣсной связи. Его обвиняютъ въ томъ, что Онъ нарушаетъ субботу и преступаетъ законъ. Онъ противопоставляетъ сему то, что

скорѣе они преступники закона. Законъ говоритъ: *не убій* (Исх. 20, 13). А вы ищете убить Меня. Значитъ, вы преступники закона, а не Я. Итакъ вы сами себѣ позволяете творить неправду, а Меня обвиняете въ преступленіи закона, за то, что Я въ субботу исцѣлилъ человѣка.—Господь сказалъ: никто изъ васъ не поступаетъ по закону, потому что убить Его искали всѣ, съ которыми Онъ велъ рѣчь.—Смотри, съ какою кротостью Онъ говоритъ съ ними, а они, напротивъ, съ обидною дерзостью говорятъ: бѣсъ въ тебѣ. Они такъ дерзки потому, что думали поразить Его и устрашить. Хотя Христосъ самъ Господь Моисея и виновникъ закона, но уступая слабости и безчувственности іудеевъ, говоритъ, что законъ данъ Моисеемъ. Ибо они не могли бы спокойно выслушать, что законъ имъ данъ не Моисеемъ, а Имъ—Владыкою Моисея и Господомъ.

Отвѣща Іисусъ и рече имъ: едино дѣло сотворихъ, и вси дивитеся. Сего ради Моисей даде вамъ обрѣзаніе, не яко отъ Моисеа есть, но отъ отецъ: и въ субботу обрѣзаете человѣка. Аще обрѣзаніе пріемлетъ человѣкъ въ субботу, да не разорится законъ Моисеовъ: на мя ли гнѣваетеся, яко всего человѣка здрава сотворихъ въ субботу? Не судите на лица, но праведный судъ судите. Что іудеи напрасно возстаютъ противъ Господа, Онъ доказываетъ сіе слѣдующимъ умозаключеніемъ. Я одно дѣло совершилъ въ субботу, исцѣлилъ разслабленнаго, и изъ за этого всѣ вы дивитесь, то есть, смущаетесь, поднимаете тревогу. Между тѣмъ самъ Моисей, этотъ законодатель, нарушилъ субботу, когда повелѣлъ, чтобы всякая душа (человѣкъ) обрѣзывалась

въ восьмой день (Лев. 12, 3). Ибо часто случалось, что восьмой день, въ который необходимо было обрѣзываться, приходился въ субботу. Посему для обрѣзанія самимъ Моисеемъ суббота была нарушаема, и день субботній нимало не возбраняетъ человѣку обрѣзываться; хотя бы восьмой день случился въ субботу, законъ о покоѣ субботнемъ оставляется, чтобы не былъ нарушенъ законъ объ обрѣзаніи. Если это такъ, то для чего вы на Меня негодуете и гнѣваетесь за то, что Я въ субботу исцѣлилъ всего человѣка? Хотя обрѣзаніе было не отъ Моисея, но отъ отцовъ, однакожъ оно, бывшее не отъ Моисея, нарушало законъ о субботѣ, данный Моисеемъ. И въ субботу не возбраняется обрѣзаніе, которое причиняетъ боль; а вы Меня порицаете за то, что Я освободилъ человѣка отъ болѣзни, и сдѣлалъ здоровымъ, *Не судите по лицу*, то есть, судите праведно и нелицепріятно. Моисея, нарушающаго субботу обрѣзаніемъ, вы освобождаете отъ порицанія; а Меня, нарушившаго субботу чрезъ благодѣяніе человѣку, вы осуждаете. Освобождать Моисея отъ порицанія, изъ уваженія къ его достоинству, и осуждать Меня, который по виду безславенъ,—это явное лицепріятіе.

Глаголаху убо нѣцыи отъ іерусалимлянъ: не сей ли есть, егоже ищутъ убити? И се не обинуяся глаголетъ, и ничесоже ему не глаголютъ: еда како разумѣша князи, яко сей есть Христосъ? Но сего вѣмы, откуду есть: Христосъ же егда пріидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ. Не просто и не напрасно прибавлено: *нѣкоторые изъ іерусалимлянъ*, но для того,

чтобы показать, что всѣ тѣ, которые преимущественно предъ прочими удостоились великихъ чудесъ, болѣе достойны сожалѣнія. Ибо какъ не жалки они, когда видѣли великое знаменіе Его божества, и однакожъ еще допускаютъ неправду въ судѣ объ Немъ? Если бы они хотѣли, они видѣли бы великое знаменіе и въ томъ, что Онъ смѣло говоритъ посреди враговъ своихъ, и однакожъ ничего отъ нихъ не терпѣлъ; но они не хотѣли узнать въ семъ знаменіи силу Его.—Они недоумѣваютъ, не удостовѣрились ли начальники, что Онъ по-истинѣ Христосъ. И на этой мысли не останавливаются, но дѣлаютъ такое заключеніе: откуда Христосъ придетъ, того никто не знаетъ. Но откуда Сей,—мы знаемъ. Значитъ это—не Христосъ.—Но смотри, какъ злоба сама себѣ противорѣчитъ. Начальники ихъ, когда спрашивалъ ихъ Иродъ, говорятъ, что Христосъ раждается въ Виѳлеемѣ іудейскомъ (Матѳ. 2, 4. 5); а они говорятъ, что никто не знаетъ, откуда Христосъ. Видишь ли противорѣчіе?—И опять въ другомъ мѣстѣ говорятъ: мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ, но откуда Сей, не знаемъ (Іоан. 9, 29). Видишь ли, какъ неистовы говорящіе? Знаемъ, и не знаемъ. Есть ли что подобное сему неистовству? Но они имѣли въ виду одно, чтобы не вѣровать. Посему, когда для нихъ было полезно, они говорили: знаемъ; а когда было невыгодно, утверждали, что не знаемъ. Итакъ противорѣчіе вытекаетъ отъ злобы ихъ,—Иной спроситъ: на какомъ основаніи говорятъ они, что никто не будетъ знать о Христѣ, откуда Онъ? Ибо, если бы они не имѣли какого-нибудь свидѣтельства въ Писаніи, или твер-

даго преданія, они не говорили бы такъ явно вопреки книжникамъ, которые ясно сказали Ироду, что Христосъ раждается въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, и тѣмъ, которые въ другомъ мѣстѣ говорятъ, что Христосъ придетъ изъ селенія Виѳлеема (Іоан. 7, 42). Что же отвѣчать? Тѣ, и другіе говорили такъ на основаніи пророковъ. Тѣ, кои говорили, что Христосъ раждается въ Виѳлеемѣ, и что Онъ изъ селенія Давидова, очевидно, какъ и Матѳей замѣчаетъ, имѣли въ основаніи свидѣтельство пророка Михея, говорящаго: и ты, Виѳлеемъ, земля Іудина, ничѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ; ибо изъ тебя произойдетъ Вождь, который упасетъ народъ мой, Израиля (Мих. 5, 2. Матѳ. 2, 4—6). И тѣ, которые говорили, что никто не знаетъ, откуда придетъ Христосъ, основывали свою мысль также на свидѣтельствѣ пророковъ. Самъ же Михей (5, 2) говоритъ, что *исходы Его отъ начала, отъ дней вѣка*, чѣмъ ясно означается неизвѣстность исхода или рожденія Его. Ибо того, кто имѣетъ исходы отъ начала и отъ дней вѣка, никто изъ людей не можетъ знать. Люди во времени, а Онъ—отъ дней вѣка и отъ начала. Какъ же временный познаетъ вѣчное? Исаія также говоритъ: *родъ же Его кто изъяснитъ* (53, 8)? Основываясь на семъ, они и говорили, что о Христѣ никто не знаетъ, откуда Онъ. Ибо они не понимали, что Господь Іисусъ двухъ естествъ, и что откуда Онъ по плотскому рожденію отъ Дѣвы, именно изъ Виѳлеема, это было извѣстно, а о безтѣлесномъ и несказанномъ рожденіи Его отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ говорится, что рожденіе Его выше всякаго изъясненія. Итакъ іеру-

салимляне сіи говорятъ о плотскомъ рожденіи, и говорятъ, что знаютъ откуда Онъ; а о предвѣчномъ рожденіи, по которому никто не знаетъ Христа, откуда Онъ, не говорятъ. Посему, не зная, что Онъ двухъ естествъ, и по одному извѣстенъ, а по другому нѣтъ, говорятъ, что Онъ не Христосъ.

Воззва убо въ церкви уча Іисусъ, и глаголя: и мене вѣсте, и вѣсте, откуду есмь: и о себѣ не пріидохъ, но есть истиненъ пославый мя, егоже вы не вѣсте: Азъ вѣмъ его, яко отъ него есмь, и той мя посла. Такъ какъ они говорили, что они знаютъ сего, откуда Онъ, не съ иною какою цѣлію, а чтобы показать, что Онъ отъ земли и сынъ древодѣлателя, посему Онъ возводитъ ихъ къ небу, говоря: вы и знаете Меня, и знаете, откуда Я, то есть, хотя вы по злобѣ своей и скрываете, однакожъ знаете, что Я съ неба. Ибо если Отецъ мой оттуда, очевидно, что и Я самъ оттуда, и что Я посланъ отъ Того, кто истиненъ. Ибо Истинный не захотѣлъ бы послать обманщика и лжеца. Но вы не знаете Пославшаго Меня, не признаете Его дѣлами своими. Ибо и въ знаніи бываетъ незнаніе; какъ говоритъ апостолъ Павелъ: они говорятъ, что знаютъ Бога, а дѣлами отрекаются (Тит. 1, 16). И вы, іудеи, не знаете Отца моего по причинѣ злыхъ дѣлъ вашихъ и по весьма злому намѣренію. А Я знаю Его. Ибо знать Его Мнѣ не препятствуютъ ни злое намѣреніе, ни противныя Ему дѣла.—Я отъ Него, то есть, изъ Него, не отъ иной сущности, не чужой Ему. — И Онъ послалъ Меня. Здѣсь ясно указываются два естества во Христѣ: словами *Я отъ Него*—существо божеское, а словами *и Онъ*

послалъ Меня—человѣческое. Ибо Сынъ Божій называется посланникомъ, какъ и рабомъ Божіимъ, по человѣчеству.

Искаху убо да имутъ его: и никтоже возложи нанъ руки, яко не у бѣ пришелъ часъ его. Мнози же отъ народа вѣроваша въ него, и глаголаху, яко Христосъ. егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, яже сей творитъ? Евангелистъ, показывая, что они невидимо были удерживаемы, и что Онъ пострадалъ добровольно, говоритъ, что искали схватить Его, и однако никто не наложилъ на него рукъ.—Еще не пришелъ часъ Его,—сіе сказано не потому, будто Онъ подлежитъ условіямъ времени, но потому, что Онъ все творитъ въ удобное и приличное время и часъ. Когда Онъ счелъ благовременнымъ пострадать, то есть, пришло приличное и удобное время, тогда Онъ и предалъ Себя распинателямъ. Ибо Онъ все творитъ и строитъ во времена приличныя и удобныя. Въ свое время нужно было дать законъ; свое время для пророковъ и Евангелія. Итакъ наименованіе *часа* указываетъ на особенную мудрость и промышленіе Спасителя.—Многіе же увѣровали въ Него, говоря: неужели Христосъ сотворитъ больше знаменій, нежели сколько Сей сотворилъ? Они говорятъ о винѣ въ Канѣ, о сынѣ царедворца, о разслабленномъ, о хлѣбахъ, и вообще о всѣхъ другихъ знаменіяхъ, о которыхъ, за множествомъ, евангелисты не упомянули поимянно. Впрочемъ, если и слышишь, что многіе увѣровали, то вѣра ихъ не была вѣра истинная, но такая, какая свойственна простому народу, легко перемѣняющему свои мысли.

Іоан.

Слышаша фарисее народъ ропщущъ о немъ сія: и послаша фарисее и архіерее слуги, да имутъ его. Рече убо Іисусъ: еще мало время съ вами есмь, и иду къ пославшему мя. Взыщете мене, и не обрящете: и идѣже есмь азъ, вы не можете пріити. Рѣша же іудее къ себѣ: камо сей хощетъ ити, яко мы не обрящемъ его? еда въ разсѣяніе еллинское хощетъ ити, и учити еллины? Что есть сіе слово, еже рече: взыщете мене, и не обрящете: и идѣже есмь азъ, вы не можете пріити? Въ разговорахъ своихъ народъ обнаруживалъ какъ-бы доброе расположеніе и нѣчто похожее на вѣру въ Господа, и какъ-бы желалъ отдѣлиться отъ начальниковъ. Они, замѣтивъ сіе, послали схватить Господа за то лишь одно, что Его начинали признавать за Христа. Они послали, а не пошли сами, потому что боялись народа, чтобы не произвесть мятежа. Посему они посылаютъ служителей, и такимъ образомъ предохраняютъ самихъ себя отъ могущей послѣдовать опасности, а ихъ предаютъ въ жертву ярости народной. Такъ они вездѣ соблюдаютъ свои выгоды.—А Господь произноситъ слова, полныя смиренномудрія: *еще немного времени Я съ вами.* Что вы, говоритъ, стараетесь объ отшествіи моемъ, зачѣмъ гоните Меня? Потерпите немного времени, и Я взятъ буду, хотя бы вы и не желали схватить Меня.—*Я съ вами.* Хотя вы преслѣдуете и гоните, а Я съ вами, устрояю и говорю, что служитъ къ вашему благу и спасенію. И Я *иду къ Пославшему Меня.* Здѣсь устрашаетъ ихъ тѣмъ, что они оскорбятъ Пославшаго Его. Ибо наносящіе безчестіе посланному, очевидно, оскорбляютъ пославшаго.

Словомъ: *Я иду*, Онъ указываетъ на добровольное принятіе смерти. Показывая же, что смерть Его будетъ не такова, какова у всѣхъ вообще, Онъ говоритъ: куда Я иду, *туда вы не можете придти*. Ибо, если бы смерть Его была обща и сходна со смертью большинства, и Онъ долженъ былъ бы остаться мертвымъ; то Онъ не сказалъ бы, что вы не можете придти. Ибо въ общую смерть мы всѣ приходимъ. Но, какъ я сказалъ, желая показать, что смерть Его не такова, какъ у всѣхъ, Онъ говоритъ, что вы не можете придти туда, гдѣ Я буду. Словами: *будете искать Меня, и не найдете*, показываетъ, что они будутъ желать Его. Когда же они искали Его? Лука сказалъ, что многія женщины плакали о Немъ (23, 27). Вѣроятно, это чувство испытали и многіе другіе, и особенно, когда городъ былъ разрушаемъ, вспомнили о Христѣ и чудесахъ Его, и желали Его присутствія (Лук. 17, 22). Говорилъ Онъ обо всемъ этомъ, съ тѣмъ, чтобы привлечь и склонить ихъ на свою сторону.—Такъ какъ служители пришли съ намѣреніемъ взять Его, то Онъ показываетъ, что Ему извѣстна причина ихъ прибытія, Онъ знаетъ, что они хотятъ убить Его; посему предсказываетъ имъ о своей смерти, что еще немного, и Онъ пойдетъ къ Отцу. А предсказывать смерть тоже дѣло великое и не человѣческое. Посему и Давидъ говоритъ: Господи! дай мнѣ знать конецъ мой (Псал. 38, 5).—Іудеи говорили: не хочетъ ли Онъ идти въ еллинское разсѣяніе? Смотри, они перемѣнились нѣсколько, и смягчились отъ словъ Его. Это видно изъ вопроса: не хочетъ ли Онъ идти въ еллинское разсѣяніе? Ибо, если бы это было

не такъ, то они сказали бы: „ты хочешь уйти? мы этого желаемъ, мы рады этому". Но тутъ нѣтъ ничего такого; но, какъ-бы сильно желая не лишиться Его, спрашиваютъ, куда Онъ хочетъ идти? Это видно и изъ словъ, что Онъ хочетъ идти въ еллинское разсѣяніе, и учить ихъ. Они не сказали, что хочетъ обманывать ихъ, но учить. Разсѣяніемъ они называли язычниковъ, потому что они разсѣяны повсюду. Ибо іудеи въ древности не смѣшивались съ ними, но, собранные въ одномъ мѣстѣ, въ Палестинѣ, поносили язычниковъ за разсѣяніе повсюду, что̀ въ послѣдствіи обратилось на нихъ самихъ. Ибо евреи сами сдѣлались разсѣяніемъ.

Зач. *Въ послѣдній же* * *день великій праздника стоя-*
27. *ше Іисусъ, и зваше, глаголя: аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ. Вѣруяй въ мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы.* Первый день праздника и послѣдній или седьмой называли великимъ, потому что и законъ послѣдній день праздника называлъ нарочитымъ, святымъ (Левит. 23, 35. 36). Слѣдуя сему, и евангелистъ называетъ послѣдній день великимъ.—Справедливо Онъ обращается съ рѣчью къ народу въ послѣдній день, и тѣмъ какъ-бы напутствуетъ его на обратный путь домой. Ибо говорить тѣмъ, которые среди дня предавались увеселеніямъ, было бы неблаговременно. Они не стали бы слушать.—Іисусъ возгласилъ громко, частію для того, чтобы быть услышану, частію для того, чтобы показать смѣлость, что Онъ не боится никого. Что̀ же го-

---

Въ послѣдній *

ворить Онъ? *Кто вѣруетъ въ Меня, какъ сказано въ Писаніи.* Здѣсь должно остановиться, потомъ снова читать: *рѣки потекутъ изъ чрева его.* Многіе вѣровали по причинѣ знаменій. Онъ показываетъ, что вѣровать должно не столько на основаніи чудесъ, сколько на основаніи Писанія. Ибо правая вѣра отъ Писанія. Посему Онъ говоритъ: кто вѣруетъ въ Меня, *какъ сказано въ Писаніи,* то есть, какъ Писаніе свидѣтельствуетъ о Мнѣ, именно, что Я Сынъ Божій, Творецъ, Господь всего, Спаситель міра. Ибо многіе повидимому вѣровали, но не такъ, какъ сказано въ Писаніи, а какъ имъ хотѣлось. Таковы всѣ еретики.—Сказалъ, что у такого вѣрующаго потекутъ рѣки изъ чрева. Чревомъ въ переносномъ смыслѣ Онъ называетъ сердце, какъ и Давидъ: *и законъ твой посредѣ чрева моего* (Псал. 39, 9), то есть, въ сердцѣ у меня.—Сказалъ, что потекутъ *рѣки* воды живой, а не рѣка. Симъ указываетъ на обиліе и щедрость благодати Духа. Ибо Духъ таковъ, что въ чью душу войдетъ, и утвердится въ ней, Онъ заставляетъ ее течь обильнѣе всякаго источника. Какъ у вѣрующаго, по Писанію, изъ чрева текутъ рѣки, сіе всякій можетъ узнать, когда обратитъ вниманіе на языкъ Петра, на стремительность Павла и мудрость Стефана. Словъ ихъ ничто не останавливало, но они всѣхъ увлекали въ слѣдъ за собою, какъ рѣки какія неудержимымъ теченіемъ своимъ.

Сіе же рече о Дусѣ, егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя его: не у бо бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ. Евангелистъ, объясняя, что такое рѣки воды живой, говоритъ, что сіе сказалъ Онъ

о Духѣ, котораго имѣли принять вѣрующіе въ Него; ибо еще не было Духа Святаго. Здѣсь спроситъ иной: какъ евангелистъ говоритъ, что не было Духа Святаго, то есть, дано? Развѣ пророки не Духомъ говорили? И Апостолы какъ совершали чудеса? Отвѣчаемъ. Безспорно, пророки говорили Духомъ. Но благодать сія прекратилась, и отъ земли удалилась. Хотя она дѣйствовала во времена пророковъ, но въ то время, когда Христосъ дѣйствовалъ во плоти, за недостоинство народа, пророчество не являлось, и благодать не присутствовала во святилищѣ и въ храмѣ ихъ. А какъ дѣйствія Духа тогда не было, и оно еще имѣло быть дано, посему и говоритъ, что Духа Святаго еще не было, то есть, Онъ не обиталъ между іудеями, и не проявлялся въ дѣйствіяхъ. Что касается до апостоловъ, то они совершали чудеса не Духомъ, но властію Господа. Ибо слушай, что̀ говоритъ евангеліе. Намѣреваясь послать ихъ, Онъ далъ имъ *власть*, а не Духа Святаго (Матѳ. 10, 1. Лук. 10, 19). Посему, сколько ни совершали они чудесъ, они творили ихъ не Духомъ, но властію и именемъ Господа. Когда же Онъ воскресъ изъ гроба, тогда сказалъ имъ: пріимите Духа Святаго (Іоан. 20, 22). И въ пятдесятницу сошелъ на нихъ Духъ Святый (Дѣян. 2, 4). И иначе: сила Духа и прежде креста была въ пророкахъ и апостолахъ, но не такъ, какъ послѣ вознесенія, то есть, не такъ щедра и обильна, чтобы сравнивать ее съ рѣками. Посему евангелистъ справедливо сказалъ, что еще не было Духа Святаго, то есть, излито въ такомъ обиліи, какъ въ послѣдствіи. Хотя Онъ былъ и прежде креста, но

не въ обиліи, потому что Іисусъ еще не былъ прославленъ. Здѣсь евангелистъ славою называетъ крестъ, потому что Господь крестомъ низвергъ мучителя, и воцарился. Посему, когда еще ни крестъ не былъ водруженъ, ни грѣхъ упраздненъ, ни природа наша во Христѣ не побѣдила міръ и не примирилась съ Богомъ, естественно, не была дарована и обильная благодать Духа. Ибо нужно было намъ прежде содѣлаться друзьями Богу, а это совершено чрезъ крестъ, потомъ уже получить и даръ Божій, подобно какъ и въ мірскомъ быту прежде человѣкъ дѣлается другомъ царя, а потомъ получаетъ и дары. Итакъ благодареніе Богу, который излилъ на насъ такую обильную благодать, какой не имѣли и пророки. Ибо пророки имѣли благодать Духа, но не удѣляли оной другимъ, а апостолы исполнили ею безчисленное множество людей.

Мнози же отъ народа слышавше слово, глаголаху: сей есть воистинну пророкъ. Друзіи глаголаху: сей есть Христосъ. Овіи же глаголаху: еда отъ Галилеи Христосъ приходитъ? Не писаніе ли рече, яко отъ сѣмене Давидова, и отъ Виѳлеемскія веси, идѣже бѣ Давидъ, Христосъ пріидетъ? Распря убо бысть въ народѣ его ради. Пристыженные смѣлостію рѣчи, одни изъ народа, а не изъ начальниковъ, (ибо начальники по зависти всегда были противъ Него), исповѣдуютъ, что Онъ есть тотъ Пророкъ, котораго ожидаютъ; другіе, изъ числа неученыхъ и неразсудительныхъ, говорили, что Онъ Христосъ, не понимая, что Христосъ и тотъ Пророкъ одно и тоже лице, а не разныя. Болѣе неразумные говорятъ, что Христосъ придетъ не изъ

Галилеи, а изъ Виѳлеема и отъ сѣмени Давидова. Но они говорили это съ злымъ умысломъ, а не какъ Наѳанаилъ. И онъ говорилъ: можетъ ли быть что доброе изъ Назарета (Іоан. 1, 46), но говорилъ, какъ человѣкъ свѣдущій и точный въ законѣ. Посему и Господь похвалилъ его, такъ какъ онъ говорилъ сіе не съ злымъ умысломъ а по точному знанію закона. А сіи съ хитростью говорятъ, что Христосъ придетъ не изъ Галилеи. Они могли знать, что Іисусъ изъ Виѳлеема, хотя воспитанъ и въ Галилеѣ; но по зависти не хотятъ признать происхожденія Его изъ Виѳлеема, а называютъ Его галилеяниномъ. Пусть они и не знали, что онъ изъ Виѳлеема. Но какъ имъ не знать, что Онъ отъ сѣмени Давидова? Ибо Марія очевидно вела родъ свой отъ Давида. Отсюда и открывается, что они говорили такъ злонамѣренно.—Распря произошла въ народѣ, а не въ начальникахъ, потому что начальники держались одной мысли, чтобы не принимать Его за Христа.

Нѣцыи же отъ нихъ хотяху яти его, но никтоже возложи нань руцѣ. Пріидоша же слуги ко архіереомъ и фарисеомъ, и рѣша имъ тіи: почто не приведосте его? Отвѣщаша слуги: николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ. Болѣе умѣренные въ злобѣ противились славѣ Христовой только на словахъ, а болѣе безстыдные хотѣли и руку наложить, Однакожъ божественная сила невидимо удержала ихъ. Впрочемъ и это чудо ихъ не поразило. Справедливо сказалъ объ нихъ Давидъ: *раздѣлишася и не умилишася* (Псал. 34, 15). Посмотримъ, что отвѣчаютъ

фарисеямъ служители, посланные за тѣмъ, чтобы привесть Его. Они очень благоразумны. Фарисеи считали себя мудрыми, читали Писаніе и чудеса видѣли, но возстаютъ противъ Господа, и, какъ разбойники, спрашиваютъ: отъ чего вы не привели Его? А служители убѣдились однимъ ученіемъ, безъ знаменій. Такъ они были удобопреклонны къ добру. А что они плѣнились не знаменіями, а однимъ ученіемъ (что̀ важнѣе), это видно изъ слѣдующаго. Они не сказали: *никогда человѣкъ* не чудодѣйствовалъ такъ, но: *не говорилъ такъ*. Такъ они были готовы и быстры къ принятію слова спасенія. Но нужно удивляться не одному только благоразумію ихъ, но и смѣлости. Они не робѣютъ предъ яростію фарисеевъ, не унижаются какъ служители, и не говорятъ въ угоду своимъ начальникамъ, но свидѣтельствуютъ объ истинѣ. Имъ должны подражать всѣ, состоящіе подъ властію начальниковъ, и не слушать ихъ, когда они приказываютъ что-либо несправедливое, какъ случилось и при Саулѣ. Онъ, вопреки закону, приказывалъ умертвить священниковъ Божіихъ, но предстоящіе не послушались, и не сдѣлали по его волѣ (1 Цар. 22, 17).

Отвѣщаша убо имъ фарисее: еда и вы прельщени бысте? Еда кто отъ князь вѣрова въ онь, или отъ фарисей? Но народъ сей, иже не вѣсть закона, прокляти суть. Глагола Никодимъ къ нимъ, иже пришедый къ нему нощію, единъ сый отъ нихъ: Еда законъ нашъ судитъ человѣку, аще не слышитъ отъ него прежде, и разумѣетъ, что творитъ? Почему фарисеи обращаются къ служителямъ не съ гнѣвомъ, но съ кротостью, и

такъ мягко говорятъ: неужели и вы соблазнились? Потому, что боялись, чтобы они совсѣмъ не отдѣлились отъ нихъ, и не пристали ко Христу. Посему они говорятъ имъ очень кротко и ласково: неужели соблазнились и вы, которые умнѣе прочихъ, и всегда находитесь при насъ, опытныхъ въ законѣ? За тѣмъ стараются убѣдить ихъ примѣромъ, но очень неразумно. Развѣ, говорятъ, увѣровалъ въ Него кто-нибудь изъ начальниковъ? Но кто виноватъ? Христосъ, или тѣ, которые не увѣровали? Безъ сомнѣнія, тѣ подлежатъ осужденію, которые не увѣровали.—Народъ называютъ проклятымъ за то, что онъ увѣровалъ, между тѣмъ какъ сами и за свое невѣріе, и за препятствіе прочимъ вѣровать, достойны безчисленныхъ проклятій.—Для чего евангелистъ замѣчаетъ о Никодимѣ, что онъ приходилъ къ Іисусу ночью, и что онъ одинъ изъ нихъ? Для того, чтобы обнаружить ихъ ложь. Они сказали, что никто изъ начальниковъ не увѣровалъ въ Него; а онъ показываетъ, что они и въ этомъ случаѣ лгутъ. Ибо вотъ, Никодимъ, и начальникъ, и одинъ изъ нихъ же, а увѣровалъ во Христа.—Что имъ замѣчаетъ Никодимъ? Онъ говоритъ: развѣ законъ нашъ осуждаетъ человѣка, не выслушавъ его прежде? Симъ онъ показываетъ, что они ни закона не читали, ни требованій его не исполняли, хотя и много мечтали о законности. Ибо, если законъ не велитъ никого убивать, безъ предварительнаго суда, а они имѣли ревніе къ тому, не выслушавъ прежде, то очевидно, они преступники закона. Сказалъ еще: *и не узнавъ, что онъ дѣлаетъ.* Симъ онъ показалъ, что нужно выслушать не просто, но весьма

внимательно, чтобы узнать, какъ нужно поступить, а не осуждать такъ, не разузнавъ дѣла.

Отвѣщаша и рекоша ему: еда и ты отъ Галилеи еси? испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ. И иде кійждо въ домъ свой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Іисуса спрашиваютъ объ Отцѣ Его.—Іисусъ обѣщаетъ своимъ послѣдователямъ свободу. — Говорятъ, что въ Іисусѣ бѣсъ.—Іудеи покушаются побить Іисуса камнями за то, что Онъ ставилъ Себя выше Авраама.

Іисусъ же иде въ гору Елеонску. Заутра же паки пріиде въ церковь, и вси людіе идяху къ нему: и сѣдъ учаше ихъ.

*Приведоша же книжницы и фарисее къ нему * же-* Зач.
ну въ прелюбодѣяніи яту, и поставивше ю посредѣ, гла- 28.
голаша ему: Учителю, сія жена ята есть нынѣ въ прелюбодѣяніи. Въ законѣ же намъ Моисей повелѣ таковыя каменіемъ побивати: ты же что глаголеши? Сіе же рѣша искушающе его, да быша имѣли что глаголати нанъ. Іисусъ же долу преклонся, перстомъ писаше на земли, не слагая имъ. Якоже прилѣжаху вопрошающе его, восклонся рече къ нимъ: иже есть безъ грѣха въ васъ, прежде верзи камень на ню. И паки долу преклонся, писаше на земли. Они же слышавше, и совѣстію обличаеми исхождаху единъ по единому, наченше отъ старецъ до послѣднихъ: и оста единъ Іисусъ,

---

*Во время оно, приведоша ко Іисусу книжницы и фарисее **

и жена посредѣ сущи. Восклонся же Іисусъ, и ни единаго видѣвъ, точію жену, рече ей: жено, гдѣ суть, иже важдаху на тя? никійже ли тебе осуди? Она же рече: никтоже Господи. Рече же ей Іисусъ: ни азъ тебе осуждаю: иди, и отселѣ ктому не согрѣшай (1).

Зач. 29. *Паки же имъ Іисусъ рече, глаголя:* * *азъ есмь свѣтъ міру: ходяй по мнѣ, не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный.* Когда Никодимъ весьма разумно обличилъ фарисеевъ въ ихъ противозаконномъ распоряженіи, они, раздосадованные, съ грубостію и даже звѣрствомъ говорятъ ему: *и ты не изъ Галилеи ли?* Но какъ это идетъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Никодима? Онъ сказалъ, что безъ суда и слѣдствія не должно обвинять человѣка. Безъ сомнѣнія, въ отвѣтъ на это имъ нужно было доказать, что они обвиняютъ Іисуса не безъ суда, но законно, что они и служителей послали схватить Его, и все дѣлаютъ такъ, какъ должно. А они что говорятъ? и ты не изъ Галилеи ли? Видишь ли, какъ неразумно? Видишь ли, какая непослѣдовательность въ словахъ? Потомъ, выставляя его невѣждею, говорятъ: разсмотри и увидишь, что изъ Галилеи не приходилъ пророкъ, то есть, ступай и научись, такъ какъ доселѣ не научился, что пророкъ изъ Галилеи не приходилъ. Говорятъ такъ, осмѣивая его,

---

Рече Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеомъ: *

(1) *Примѣч.* Въ изданіи твореній блаж. Ѳеофилакта 7-я глава оканчивается 51 стихомъ; за тѣмъ 8-я глава начинается 52 ст. седмой и 12 ст. восьмой главы. Такимъ образомъ не помѣщено сказаніе о женщинѣ, взятой въ прелюбодѣяніи. Въ славянскомъ переводѣ поэтому сдѣлано примѣчаніе: «Сему евангелію, зачалу 28, толкованіе не пишется».

какъ несвѣдущаго. Но, о фарисеи! что̀ Никодимъ сказалъ? Онъ не сказалъ, что Іисусъ есть пророкъ, но сказалъ, что не должно убивать Его безъ суда. Какъ же, онъ сказалъ то, а вы отвѣчаете на это другое?—Такъ какъ они постоянно укоряли Христа Галилеею, а принимали Его за одного изъ пророковъ, то Онъ показываетъ имъ, что Онъ не изъ числа пророковъ. Я, говоритъ, свѣтъ міру, свѣтъ въ собственномъ смыслѣ, свѣтъ не пророческій, то есть, неполный и слабый, но свѣтъ истинный, не ограничивающійся предѣлами Галилеи или Палестины, но свѣтъ міру и Владыка всѣхъ людей, Я—тотъ, о комъ пророкъ сказалъ: Я положилъ тебя свѣтомъ язычниковъ (Иса. 42, 6). Симъ изреченіемъ можешь пользоваться и противъ Несторія. Ибо не сказалъ Господь: во Мнѣ свѣтъ міру, но: Я свѣтъ міру, Кто видимъ былъ, какъ человѣкъ, тотъ же самъ былъ и Сынъ Божій и свѣтъ міру, а не такъ, какъ пустословилъ Несторій, будто Сынъ Божій обиталъ въ простомъ человѣкѣ. Нѣтъ! Сынъ Маріи и Божій, какъ сказано, былъ едино.—*Кто*, говоритъ, *послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тмѣ*, то есть, не останется въ заблужденіи, но освободится отъ заблужденія и тмы. Симъ вмѣстѣ одобряетъ Никодима и служителей, какъ прямо дѣйствующихъ, и потому во свѣтѣ находящихся, и фарисеямъ намекаетъ, что они находятся въ заблужденіи и тмѣ, и втайнѣ строятъ ковы.

Рѣша убо ему фарисее: ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши: свидѣтельство твое нѣсть истинно. Отвѣща Іисусъ, и рече имъ: аще азъ свидѣтельствую о себѣ, истинно есть свидѣтельство мое: яко вѣмъ, откуду

пріидохъ, и камо иду: вы же не вѣсте, откуду прихожду, и камо гряду. Когда Онъ сказалъ: Я свѣтъ міру, Его обвиняютъ за то, что Онъ самъ о Себѣ свидѣтельствуетъ. О безуміе! Онъ постоянно приводитъ свидѣтельства о Себѣ изъ Писанія, а они обвиняютъ Его, что Онъ самъ о Себѣ свидѣтельствуетъ. Посему и Онъ отвѣчаетъ имъ по лукавству ихъ. Пусть такъ, что Я самъ свидѣтельствую о себѣ, хотя на дѣлѣ не такъ, а Я имѣю трехъ свидѣтелей—Отца моего, дѣла мои и Писаніе, какъ и выше сказано (5, 33. 36. 37. 39). Положимъ, что Я самъ свидѣтельствую о Себѣ. Но, если Я и самъ свидѣтельствую о себѣ, свидѣтельство мое истинно, потому, что Я знаю, что Я Сынъ Божій, и не простой человѣкъ, но свыше приходящій, и Богъ. Какъ же свидѣтельство мое ложно, когда Я—Богъ, и посему достоинъ вѣры? Богъ, безъ сомнѣнія, достоинъ вѣры и въ свидѣтельствѣ о самомъ Себѣ. Притомъ Я и пойду къ Богу истинному. Какъ же, намѣреваясь идти къ Истинному, Я буду лгать?

Вы по плоти судите, азъ не сужду никомуже. И аще сужду азъ, судъ мой истиненъ есть: яко единъ нѣсмь, но азъ и пославый мя Отецъ. Я, говоритъ: какъ Богъ и пришедшій свыше, свидѣтельствую о Себѣ истину; а вы смотрите только на видимое, и, какъ Я во плоти, вы принимаете Меня за простую плоть, а не за Бога, и пришедшаго отъ Бога. *Вы судите по плоти*, то есть, ошибочно. Какъ о живущемъ по плоти говорится, что онъ живетъ порочно, такъ и о судящемъ по плоти нужно сказать, что онъ неправедный судья. Потомъ, какъ-бы кто сказалъ: если мы,

іудеи, судимъ несправедливо, то почему не наказываешь, почему не осуждаешь? А Онъ говоритъ: Я не затѣмъ пришелъ, чтобы судить. Я нынѣ не сужу никого; а если и сужу, то судъ мой истиненъ, и если бы Я захотѣлъ судить, вы были бы осуждены. Нынѣ же вы остаетесь безъ осужденія не потому, будто Я не могу осудить васъ, но потому, что нынѣ не время, такъ какъ осужденіе на васъ Я сберегаю до втораго пришествія. Такъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: Я пришелъ не судить міръ, но спасти (Іоан. 12, 47). А что Судія всѣхъ есть Онъ, слушай неложныя уста: Отецъ всякій судъ отдалъ Сыну (Іоан. 5, 22). Посему, когда слышишь: Я не сужу никого, то разумѣй сіи слова не о будущемъ пришествіи, а о первомъ. Сказавъ: Я не одинъ только, но и Отецъ мой со Мною, Онъ объявилъ: не одинъ только Я осуждаю васъ, но и Отецъ. Ибо не иначе сужу Я и иначе судитъ Отецъ, но—какъ Я, такъ и Онъ, и какъ Онъ, такъ и Я.

И въ законѣ же вашемъ писано есть, яко двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть. Азъ есмь свидѣтельствуяй о мнѣ самомъ, и свидѣтельствуетъ о мнѣ пославый мя Отецъ. Аріане и евноміяне, не признающіе Сына единосущнымъ Отцу, пусть скажутъ здѣсь: если бы Онъ не былъ единосущенъ, то какъ бы осмѣлился сказать: Я имѣю свидѣтельство и достовѣрность такія же, какъ и Отецъ? Когда два человѣка свидѣтельствуютъ о чемъ-либо, и свидѣтельство ихъ истинно, очевидно, что и достовѣрность ихъ одинакова. Такъ и здѣсь Онъ доказываетъ, что свидѣтель-

ство Его самого ничѣмъ не ниже свидѣтельства Отца. Ибо слушай, съ какою властію говоритъ Онъ далѣе. Я самъ свидѣтельствую о Себѣ, и Отецъ свидѣтельствуетъ обо Мнѣ. Видишь ли равенство власти, и какъ Онъ выставляетъ Себя столькоже достовѣрнымъ, сколько и Отецъ? Этого Онъ не осмѣлился бы сказать, если бы достоинствомъ былъ ниже Отца, и не былъ бы Ему равенъ и единосущенъ. Ибо, если бы Онъ хотѣлъ показать, что въ чемъ-нибудь уступаетъ Отцу и меньше Его, то не сопричислилъ бы Себя къ Отцу, и свидѣтельства своего не сопоставилъ бы со свидѣтельствомъ Отца, но будучи рабомъ, какъ богохульствуютъ еретики, обратился бы къ кому-нибудь изъ сорабовъ, и его сдѣлалъ бы сосвидѣтелемъ, напримѣръ бы, Іоанна, Моисея; да и вообще, если бы Онъ пожелалъ такихъ свидѣтельствъ, нашелъ бы ихъ множество. Но теперь Онъ желаетъ показать свое единосущіе со Отцемъ, потому и сопричисляетъ Себя къ Отцу. Если въ другихъ мѣстахъ Онъ приводитъ въ свидѣтели о Себѣ Іоанна, Моисея и пророковъ, то не удивляйся сему. Онъ дѣлаетъ это приспособительно къ понятію слушателей. Они Іоанна и Моисея ставили выше Его; посему Онъ и приводитъ свидѣтельство тѣхъ, кого они считали славными и великими. Высокое понятіе они имѣли о Богѣ и Отцѣ. Ибо что̀ иное прославляли они, какъ не Бога? Посему теперь Онъ приводитъ свидѣтелемъ и Его самого, сущаго надъ всѣми Бога. А какъ Онъ и самого Себя сопоставляетъ съ такимъ непогрѣшимымъ и неложнымъ Свидѣтелемъ; то весьма очевидно, что Онъ имѣетъ одинаковую съ Отцемъ важность и власть.

И тѣ, которые называютъ Его рабомъ и по всему меньшимъ Отца, должны посрамиться.

Глаголаху же ему: гдѣ есть Отецъ твой? Отвѣща Іисусъ: ни мене вѣсте, ни Отца моего: аще мя бысте вѣдали, и Отца моего вѣдали бысте. Сія глаголы глагола Іисусъ въ газофилакіи, учя въ церкви: и никтоже ятъ его, яко не у бѣ пришелъ часъ его. Такъ какъ спрашивали Его объ Отцѣ въ видѣ искушенія, а не съ цѣлію познать (истину), то Онъ ихъ и не удостоиваетъ отвѣта, но говоритъ: *вы не знаете ни Меня, ни Отца моего,* то есть, не можете знать Отца моего безъ Меня. Хотя вы и думаете, что почитаете Бога, но какъ не вѣруете, что Онъ Отецъ Мнѣ, истинному Сыну, то нѣтъ вамъ никакой пользы. Вы и не знаете Его, какъ должно знать. Иначе вы знали бы и почитали и Меня. А какъ теперь вы не знаете и не почитаете Меня, то и Его не знаете, и не воздаете Ему чести, хотя думаете и наоборотъ. А что вы не знаете Меня, въ томъ виноватъ не другой кто, а вы сами. Слышишь ли, нечестивецъ, подчиняющій Сына Отцу? Если бы Онъ не былъ единосущенъ съ Отцемъ, то какъ бы сказалъ, что если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца? Ибо если, по вашему мнѣнію, Сынъ есть тварь, то какъ знающій тварь знаетъ и Бога? Кто знаетъ существо ангела, тотъ еще не знаетъ уже и существа Божія. Если же знающій Сына знаетъ и Отца, то Сынъ подлинно одного и тогоже существа съ Отцемъ. Будешь ли утверждать, что знающіе тварь знаютъ и Бога? Никакъ. Ибо многіе, даже всѣ, видятъ и знаютъ тварь, а Бога никто не видитъ и не знаетъ.—*Іисусъ говоритъ*

сіе у сокровищницы посреди храма. Такъ Онъ держалъ Себя смѣло! И однакожъ дышавшіе убійствомъ противъ Него, имѣя Его въ рукахъ, не смѣли взять Его. И при этомъ они не понимали, что дѣломъ силы истинно божеской было то, что Онъ, окруженный врагами, среди ихъ оставался невредимымъ и неприкосновеннымъ, тогда какъ они прежде пасхи искали Его и подстерегали. Кого искали, когда Его не было, и противъ кого, даже въ отсутствіе Его, неистовствовали, того, когда Онъ среди сѣтей, не могутъ взять. И при всемъ этомъ не пришелъ часъ Его, то есть, не наступило еще предназначенное время смерти Его, въ которое Онъ хотѣлъ предать Себя на оную. Ибо и тогда они не могли бы ничего сдѣлать надъ Нимъ, если бы не наступило опредѣленное время, которое Онъ самъ назначилъ Себѣ. Распятіе было дѣломъ не безсилія, но дозволенія; ибо Онъ дозволилъ, когда захотѣлъ. Они давно желали умертвить Его, но были удерживаемы невидимыми узами силы Его. Ибо Ему нужно было долѣе оставаться живымъ во плоти, дабы доставить людямъ болѣе пользы чрезъ совершеніе бо́льшихъ чудесъ и преподаніе бо́льшаго ученія.—Иные думаютъ, что іудеи сказали Господу: *гдѣ отецъ твой*, въ обиду и укоризну. Такъ какъ мнимый отецъ Его Іосифъ былъ бѣденъ; то словами: *гдѣ отецъ твой* (іудеи) говорятъ какъ-бы такъ: отецъ твой безвѣстенъ и низкаго рода: что же ты намъ постоянно напоминаешь о немъ?

Зач. 30. *Рече же имъ паки Іисусъ:* * *азъ иду, и взыщете*

Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: *

мене, и во грѣсѣ вашемъ умрете: аможе азъ иду, вы не можете пріити. Глаголаху убо іудее: еда ся самъ убіетъ, яко глаголетъ: аможе азъ иду, вы не можете пріити? И рече имъ: вы отъ нижнихъ есте, азъ отъ вышнихъ есмь: вы отъ міра сего есте, азъ нѣсмь отъ міра сего. Рѣхъ убо вамъ, яко умрете во грѣсѣхъ вашихъ; аще бо не имете вѣры, яко азъ есмь, умрете во грѣсѣхъ вашихъ. Для чего такъ часто Онъ говоритъ имъ: Я отхожу, и будете искать Меня? Для того, чтобы потрясти и устрашить души ихъ. Ибо смотри, въ какую они тотчасъ впали заботу. Они въ недоумѣніи говорятъ: неужели Онъ убьетъ самъ Себя? Хотя они желали избавиться отъ Него, просили Его удалиться отъ нихъ, и даже хотѣли убить Его; однакожъ настоящее обстоятельство представляютъ себѣ такъ важнымъ, что пришли отъ него въ недоумѣніе.—*Я отхожу.* Часто говоритъ сіе и для того, чтобы показать, что Онъ впередъ знаетъ о своей смерти, и что крестъ есть дѣло не ихъ силы, но Его произволенія. *Я*, говоритъ, *отхожу*: не вы Меня ведете, но Я иду добровольно.—*Куда Я иду, туда вы не можете придти.* Сими словами показываетъ, что Онъ подлинно воскреснетъ въ славѣ, и сядетъ одесную Бога, а они умрутъ во грѣхахъ своихъ. Что̀ же они говорятъ на это? *Неужели Онъ убьетъ самъ Себя?* Отвергая такое ихъ предположеніе, и показывая, что самоубійство есть дѣло преступное, Господь говоритъ: *вы отъ нижнихъ*, и не можете помыслить ничего божественнаго; потому вамъ естественно такъ думать. Но *Я не отъ сего міра,* то есть, не забочусь ни о чемъ мірскомъ и земномъ, и по-

тому никогда не могу дойти до такого безумія, чтобы убить самого Себя. Ибо это дѣло бѣсовское, а не божеское. Здѣсь Аполлинарій, ухватившись за сіе изреченіе, вслѣдъ за манихеями, говоритъ: видишь ли, тѣло Господа было не отъ сего міра, но свыше, съ неба, какъ и Павелъ говоритъ, что вторый человѣкъ Господь съ неба (1 Кор. 15, 47). Что же нужно сказать? Или нужно спросить его, какъ онъ понимаетъ слова Господа къ апостоламъ: *вы не отъ міра* (Іоан. 15 19)? ужели такъ, что и они имѣли тѣла съ неба, а не отъ сей твари? Или Господь сказалъ это потому, что они не заботились о благахъ міра сего. Такъ нужно понимать и сіи слова: *Я не отъ сего міра*, то есть, Я не то, что—вы, заботящіеся о мірскомъ. Подобнымъ образомъ и Павелъ говоритъ нѣкоторымъ: *вы не по плоти* (Римл. 8, 9), говоритъ не потому, будто они безтѣлесны, но свидѣтельствуетъ объ ихъ любомудріи и свободѣ отъ плотскихъ страстей. Что же опять Господь говоритъ имъ? *Если не увѣруете въ Меня, то умрете во грѣхахъ своихъ*. Если Онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы взять на Себя грѣхъ міра (Іоан. 1, 29), а получить прощеніе грѣховъ можно не иначе, какъ чрезъ крещеніе, креститься же невозможно, не увѣровавъ прежде, то невѣрующій неизбѣжно умретъ во грѣхѣ своемъ, ибо, не принявъ крещенія, онъ не совлекся ветхаго человѣка. Посему и Господь въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что невѣрующій уже осужденъ (Іоан. 3, 18), не потому только, что не увѣровалъ, но и потому, что умираетъ съ прежними грѣхами.

Глаголаху убо ему: ты кто еси? и рече имъ Іисусъ: начатокъ, яко и глаголю вамъ. Многа имамъ о васъ глаголати и судити: но пославый мя истиненъ есть: и азъ, яже слышахъ отъ него, сія глаголю въ міръ. Не разумѣша убо, яко Отца имъ глаголаше. Спустя сколько времени, послѣ того, какъ явлено столько чудесъ, они еще спрашиваютъ Его: *кто ты?* Такъ они были неразумны, несправедливы и насмѣшливы. Господь говоритъ: Я говорю вамъ то, что и въ началѣ. Вы, говоритъ, недостойны всецѣло выслушать мои рѣчи, ни познать, кто Я; ибо вы все говорите съ цѣлію искусить, а не желаете внимать ничему изъ моего ученія. Я могъ бы и обличить васъ въ этомъ, и не только обличить, но и наказать. Ибо на это Онъ намекаетъ, когда говоритъ: *много имѣю говорить объ васъ*, говорить *и судить.* Словомъ *говорить* указываетъ на обличеніе, а словомъ *судить* на осужденіе и наказаніе. Но, говоритъ, пославшій Меня послалъ Меня не за тѣмъ, чтобы судить и обличать. Ибо не послалъ Богъ Сына своего, чтобы судить міръ, но чтобы спасти міръ (Іоан. 3, 17). И какъ Отецъ мой послалъ Меня спасать, а Онъ истиненъ; то Я по сему самому нынѣ никого не сужу, а только говорю то, что̀ слышалъ отъ Отца моего, то есть, что̀ служитъ ко спасенію, а не къ обличенію. Говорилъ же Онъ это для того, чтобы не подумали, что Онъ не наказываетъ ихъ по своему безсилію. Онъ показываетъ, что небезсиленъ Онъ, но не желаетъ наказывать ихъ, такъ какъ пришелъ не наказывать, а спасать. Когда Онъ говорилъ это, они были такъ неразумны, что не поняли, что Онъ говорилъ

имъ объ Отцѣ своемъ, Какъ часто и много говорилъ Онъ уже имъ объ Отцѣ! Но по-истинѣ омрачилось несмысленное ихъ сердце (Рим. 1, 21).—Нѣкоторые же такъ понимаютъ сіи слова? *пославшій Мя истиненъ. Я* могъ бы и нынѣ судить васъ, но оставляю это до будущаго вѣка. А вы не вѣруете, и не обращаете вниманія на время воздаянія. Но если вы и не вѣруете, то истиненъ Отецъ мой, который и назначилъ день для воздаянія вамъ, и Меня послалъ возвѣстить объ этомъ, и открыть міру Его правду и силу.

Рече же имъ Іисусъ: егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко азъ есмь, и о себѣ ничесоже творю: но яко научи мя Отецъ мой, сія глаголю. И пославый мя со мною есть: не остави мене единаго Отецъ, яко азъ угодная ему всегда творю. Много чудесъ совершилъ (Іисусъ), и однакожъ не привлекъ (іудеевъ) къ Себѣ. Теперь говоритъ имъ о крестѣ. Вы, говоритъ, думаете, что, когда распнете Меня, будете свободны отъ всякой заботы, и избавитесь отъ Меня. А Я говорю, что вы узнаете, что это Я, то есть, Христосъ, Сынъ Божій, все носящій и держащій (Евр. I, 3), и что Я не противникъ Отцу, не дѣйствую и не говорю самъ отъ Себя, ибо не имѣю собственной воли, отличной отъ воли Отца. Какъ же они узнаютъ Его на крестѣ? Изъ знаменій того времени, изъ воскресенія (Его) и плѣненія (ихъ). Ибо все это могло обнаружить Его силу. Итакъ, когда распнете Меня, вы узнаете то и другое, и силу мою и единомысліе мое со Отцемъ. Ибо Отецъ не предалъ бы вашего города римлянамъ въ отмщеніе за Меня, и не совершилъ бы

знаменій на крестѣ, если бы Я не былъ Сыномъ Его, и единомысленнымъ, а не противнымъ Богу. Тогда узнаете, что, чему Я ни учу, и что̀ ни говорю, это отъ Него, несомнѣнно божественно, и не мое, но пославшаго Меня. Потомъ, дабы не подумали, что посланіе и посольство означаетъ подчиненность, говоритъ, что Отецъ мой со Мною. Хотя Онъ и послалъ Меня, какъ человѣка, но Я неразлученъ съ Нимъ, а Онъ со Мною, какъ Богъ съ Богомъ. За симъ, опять нисходитъ къ уничиженной рѣчи, и говоритъ: *а не оставилъ Меня одного*, потому что Я дѣлаю угодное Ему. Такъ смиренно говоритъ Онъ для іудеевъ. Они говорили, что Онъ не отъ Бога, потому что не хранитъ субботу. А Онъ говоритъ: *Я дѣлаю угодное Ему*, такъ что, если и субботу нарушаю, то дѣлаю угодное Ему. Впрочемъ такою уничиженною рѣчью Онъ нисколько не вредилъ своей славѣ, но слушателямъ приносилъ пользу, да и свою славу чрезъ это упрочивалъ. Ибо слушатели, слыша, что Онъ все относитъ къ Отцу, охотнѣе прилагались къ Нему и вѣровали въ Него, такъ что смиреніе болѣе возвышало Его. Видишь ли достоинство блаженнаго смиренія? А что это такъ, слушай далѣе.

*Сія ему глаголющу, мнози вѣроваша въ него. Глаголаше же Іисусъ * къ вѣровавшимъ ему іудеомъ: аще вы пребудете во словеси моемъ, воистинну ученицы мои будете: И уразумѣете истину, и истина свободитъ вы.* Зач. 31.
Я сказалъ, что слушатели смиренными рѣчами болѣе увлекались. На это намекаетъ и евангелистъ. Когда

Рече Господь *

Іоан.

Онъ говорилъ это, замѣчаетъ онъ, то многіе увѣровали; говорилъ *это*, то есть, рѣчи смиренныя и какъ-бы недостойныя Его славы. Посему, когда слышишь, что Онъ говоритъ о самомъ Себѣ нѣчто малое и несовершенное, ни въ какомъ случаѣ не смущайся. Ибо Онъ говоритъ это для слушателей, которые не могутъ понять что-нибудь высшее, и тотчасъ приходятъ въ ярость. Чего бы не случилось съ ними, не могущими постигнуть глубины богословскаго таинства, когда высота Его славы осталась непостижимою и для христіанъ, познавшихъ Его силу и спасенныхъ Имъ? Когда слышишь, что многіе увѣровали, понимай такъ, что увѣровали просто, и какъ случилось, а не какъ должно было, увѣровали потому, что имъ понравилось смиреніе въ рѣчахъ. А что они не были вѣрующими въ точномъ смыслѣ, это очевидно. Ибо Онъ къ увѣровавшимъ іудеямъ говорилъ: *если пребудете въ словѣ моемъ.* Симъ показываетъ, что хотя они увѣровали, но поверхностно, и потому не останутся въ вѣрѣ. Обличая же ихъ въ этомъ, показываетъ, что Онъ знаетъ сердца ихъ, и есть Богъ. А какъ нѣкоторые изъ прежнихъ мнимыхъ учениковъ Его удалились; посему къ увѣровавшимъ теперь Онъ говоритъ: хотя тѣ удалились, но если вы пребудете въ моемъ словѣ и вѣрѣ, то *познаете истину*, то есть, Меня. Ибо Я есмь истина (Іоан. 14, 6). Нынѣ же вы не знаете истины, потому что законъ, блюстителями котораго вы себя почитаете, не есть истина, но образъ и тѣнь. Если познаете Меня, который истиненъ, то *истина освободитъ васъ*, то есть, Я освобожу васъ отъ грѣховъ. Ибо кто вѣруетъ во взэмлю-

щаго грѣхъ міра, тотъ, безъ сомнѣнія, свободенъ отъ грѣховъ. Какъ невѣрующимъ Онъ сказалъ, что *умрете во грѣхахъ своихъ* (Іоан. 8, 21), такъ тѣмъ, которые пребудутъ въ вѣрѣ, обѣщаетъ свободу отъ грѣховъ. Ибо законныя жертвы и окропленія, какъ образы, не освобождали отъ грѣховъ. А жертва духовная и истинная чрезъ вѣру и познаніе освобождаетъ (отъ грѣховъ) насъ, которые уже не остаемся рабами, но содѣлываемся сынами Божіими.

Отвѣщаша и рѣша ему, сѣмя Авраамле есмы, и никомуже работахомъ николиже: како ты глаголеши, яко свободни будете? Отвѣща имъ Іисусъ: аминь аминь глаголю вамъ, яко всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха. Рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ: сынъ пребываетъ во вѣкъ. Аще убо Сынъ вы свободитъ, воистинну свободни будете. Гордые іудеи опять привязываются къ суетному своему благородству, и съ яростью говорятъ: *мы сѣмя Авраамово.* Если и нужно имъ было негодовать, то на что-нибудь другое. Онъ сказалъ имъ: вы познаете истину. Посему имъ слѣдовало бы сказать: что жъ, развѣ нынѣ мы не знаемъ истины? Развѣ всѣ предписанія закона и наше познаніе ложны? Но они ни о чемъ такомъ не заботились: они безпокоятся о дѣлахъ мірскихъ, думая, что Онъ укоряетъ ихъ въ рабствѣ и низкомъ происхожденіи. *Мы сѣмя Авраамово.* Нигдѣ они не упоминаютъ о своихъ достоинствахъ, но обращаются къ отцамъ. Посему и Іоаннъ говоритъ имъ: не начинайте говорить, что отецъ у насъ Авраамъ (Матѳ. 3, 9). Говоря, что никому не были рабами, они явно лгали. Ибо каждый разъ, какъ были плѣняемы, они

были въ порабощеніи: у египтянъ, вавилонянъ и многихъ иныхъ (народовъ). Господь не обличаетъ ихъ во лжи. Его цѣль доказать не то, что они рабы человѣковъ, но что они рабы грѣха. А это рабство и есть самое тяжкое, и отъ него можетъ избавить одинъ только Богъ. Ибо отпущать грѣхи—дѣло одного только Бога. Посему говоритъ: *всякій дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха.* а посему и вы, поколику грѣшны, также рабы. На это они могли сказать, что хотя мы и подлежимъ такому рабству, но у насъ есть жертвы, есть священники, которые очищаютъ насъ отъ грѣховъ. Онъ говоритъ, что и они рабы; потому что всѣ грѣшили, и лишены славы Божіей (Рим. 3, 23). Впрочемъ священники ваши, будучи сами рабами, не имѣютъ власти другимъ прощать грѣхи. Объ этомъ яснѣе говоритъ апостолъ Павелъ, именно, что священникъ долженъ приносить жертву и за самого себя, какъ за народъ, потому что и самъ обложенъ немощами (Евр. 5, 2. 3). *Рабъ*, говоритъ, *не пребываетъ въ дому*, то есть, не имѣетъ власти дарить что-нибудь, такъ какъ онъ не господинъ дому, а сынъ—господинъ дому и пребываетъ въ домѣ. *Домомъ* называетъ власть, подобно какъ въ другомъ мѣстѣ именуетъ домомъ начальство, говоря, что *въ домѣ Отца моего обителей много* (Іоан. 14, 2). Итакъ тѣ священники ваши, будучи рабами, не имѣли власти прощать (грѣхи). А Я, Сынъ, пребывающій въ дому, то есть, имѣющій власть и самостоятельное начальство, Владыка дома, одарю васъ свободою, потому что все—мое, и Я единосиленъ и единовластенъ со Отцемъ. Когда Я васъ освобожду, тогда вы будете по-

чтены истинною свободою. Теперь вы присвояете себѣ ложную свободу, а Мною будете освобождены существенно и истинно.

Вѣмъ, яко сѣмя Авраамле есте: но ищете мене убити, яко слово мое не вмѣщается въ вы. Азъ, еже видѣхъ у Отца моего, глаголю: и вы убо, еже видѣсте у отца вашего, творите. Вы, говоритъ, считаете себя сѣменемъ Авраамовымъ. Я согласенъ съ тѣмъ, что вы сохраняете плотское родство съ этимъ святымъ, но у васъ нѣтъ съ нимъ родства по духу. Онъ праведенъ, человѣколюбивъ и странноприимецъ, а вы (умалчиваю уже о прочихъ сторонахъ вашей жизни, а выставлю самое явное, что̀ вы теперь дѣлаете) дышете убійствомъ и ненавистью къ людямъ. Ибо вы ищете убить Меня, и злоумышляете противъ Меня. Какъ же вы истинныя его дѣти, когда такъ далеки отъ свойствъ отца? Если хвалитесь сродствомъ, то должны подражать и добродѣтели его. Чтобы не сказали, что мы справедливо ищемъ убить тебя, Онъ выставляетъ причину. Вы, говоритъ, бѣснуетесь противъ Меня не за другое что, какъ за то, что слово мое превышаетъ ваше разумѣніе и не вмѣщается въ васъ. Между тѣмъ за это нужно было бы не убивать, а уважать и почитать, и сильнѣе желать, чтобы Я научилъ высотѣ догматовъ. Чтобы опять не сказали Ему, что мы и за слово твое справедливо ненавидимъ Тебя, потому что Ты говоришь намъ не отъ Бога, а отъ самого Себя, и потому мы не можемъ принять твоего ученія, — Онъ прибавляетъ: Я говорю не самъ отъ Себя, но говорю то, что̀ видѣлъ у Отца моего; а вы дѣлаете то, что̀ ви-

дѣли у отца вашего. Я, говоритъ, возвѣщаю божественное и небесное, и тѣмъ являю Отца моего, а вы своими дѣлами являете отца вашего, то есть, діавола. Когда слышишь сіи слова: Я говорю то, что̀ видѣлъ, то не думай о тѣлесномъ видѣніи, но разумѣй знаніе естественное, истинное и самое вѣрное. Какъ глаза, здраво видящіе дѣло и истину, видятъ истинно и не обманываются: такъ и Я истинно говорю то, что̀ узналъ отъ Отца.

Отвѣщаша и рѣша ему: отецъ нашъ Авраамъ есть. Глагола имъ Іисусъ: аще чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили. Нынѣ же ищете мене убити, человѣка, иже истину вамъ глаголахъ, юже слышахъ отъ Бога: сего Авраамъ нѣсть сотворилъ. Вы творите дѣла отца вашего. Рѣша же ему: мы отъ любодѣянія нѣсмы рождени: единаго Отца имамы, Бога. Онъ выставляетъ отцомъ ихъ діавола, потому что въ дѣлахъ ихъ видитъ ихъ подобными ему; а они постоянно выставляютъ Авраама. Господь часто напоминаетъ объ ихъ преступномъ намѣреніи, и отрицаетъ родство ихъ съ праведникомъ, для того, чтобы пресѣчь лишнюю хвастливость ихъ, и убѣдить, что надежду нужно полагать не въ суетной гордости плотскимъ сродствомъ, а въ сходствѣ произволенія. По-истинѣ, какъ врачь душъ, Онъ утишаетъ въ нихъ воспаленіе, происходящее отъ мечтанія о сродствѣ съ Авраамомъ, и препятствующее имъ придти ко Христу, ибо они сродство это считали достаточнымъ для своего спасенія. Итакъ вы, дышущіе убійствомъ и ищущіе умертвить Меня, не дѣти Авраама. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что справедливо ищутъ убить Тебя, Онъ говоритъ: Я—человѣкъ, не

востающій противъ Бога, не ищущій своей славы, но говорящій то̀, что̀ Я слышалъ отъ Отца моего, и сказывающій истину. Какая же это была истина? Та, что Онъ равенъ Отцу, и не рабъ, какъ одинъ изъ пророковъ, но Сынъ, не дѣлающій и не говорящій ничего отъ Себя, но все отъ Отца. Ибо за это они искали убить Его. А они опять говоритъ: *мы не отъ любодѣянія рождены, одного Отца имѣемъ Бога.*—Смотри, какая надменность! Господь отрицаетъ родство ихъ и съ Авраамомъ, а они до того тщеславны, что въ безуміи сами себя называютъ дѣтьми самого Бога. Они хвалятся сыновствомъ Божіимъ, вѣроятно, потому, что слышали слова: *сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. 4, 22). Но они должны были знать, что Богъ говорилъ и въ другомъ мѣстѣ: *сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене* (Иса. 1, 2). Господь могъ бы обличить ихъ въ томъ, что многіе изъ нихъ рождены отъ любодѣянія, такъ какъ вопреки закону жены еврейскія вступали въ связи съ язычниками, а языческія жены съ іудеями; однакожъ Онъ не дѣлаетъ этого. Ибо Онъ не о томъ заботился, чтобы доказать неблагородство ихъ тѣлесное, но главнымъ образомъ хотѣлъ доказать, что они низки по душѣ.

*Рече же имъ Іисусъ: * аще Богъ Отецъ вашъ бы* Зач.
былъ, любили быстe убо мене: изъ бо отъ Бога изы- 32.
дохъ, и пріидохъ: не о себѣ бо пріидохъ, но той мя посла. Почто бесѣды моея не разумѣете? яко не можете слышати словесе моего. Такъ какъ Онъ исклю-

---

*Рече Господь ко пришедшымъ къ нему іудеомъ: **

чилъ ихъ изъ родства съ Авраамомъ; то они поднялись еще выше, называютъ отцемъ своимъ Бога. Онъ укорилъ ихъ, какъ убійцъ; а они, защищая себя, говорятъ, что они мстятъ за Бога, и потому-то составляютъ совѣтъ противъ Него. Посему и Господь, показывая, что они не за Бога вступаются, по самому замыслу своему убить Его, и не суть дѣти Божіи, какъ они думали, но даже противники Богу, говоритъ: *если бы Богъ былъ отцемъ вашимъ, то вы любили бы Меня.* Ибо Я отъ Бога исшелъ въ міръ, то есть, явился во плоти. Я не противникъ Богу. Я отъ Него пришелъ. Посему, возставая на Меня, вы враги Богу. Почему вы не познаете рѣчи моей, не разумѣете и не понимаете того, что̀ Я говорю? Безъ сомнѣнія, не по другому чему, какъ потому, что не можете слышать слова моего, то есть, не хотите. Ибо *не мочь* употребляется мѣсто *не хотѣть.* Доколѣ въ васъ живетъ зависть и убійственный замыслъ; какъ вы можете слушать, что̀ Я говорю?

Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хощете творити, онъ человѣкоубійца бѣ искони, и во истинѣ не стоитъ: яко нѣсть истины въ немъ: егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ: яко ложь есть, и отецъ лжи. Азъ же зане истину глаголю, не вѣруете мнѣ. Сказалъ: вы *не можете* слушать слова моего, вмѣсто: *не хотите.* Потомъ приводитъ причину, по которой они не хотѣли слушать, то, что у нихъ свой отецъ, именно діаволъ. Хотя вы безумно и приписываете себя въ дѣти Богу, какъ отцу своему, но дѣла ваши свидѣтельствуютъ, что діаволъ для васъ

есть отецъ болѣе родной. Вы хотите исполнять похоти его. Не сказалъ: *дѣла*, но *похоти*, показывая, что они очень склонны ко лжи и убійству, двумъ видамъ зла, кои весьма свойственны діаволу. *Онъ былъ человѣкоубійца отъ начала.* Посему и вы, ища убить Меня, уподобляетесь ему, убившему Адама. *Онъ и въ истинѣ не устоялъ*, но есть отецъ лжи. И вы, когда лжете на Меня, и говорите, что Я не отъ Бога, не стоите въ истинѣ, не пребываете въ словѣ моемъ, вы дѣти его, породившаго ложь. Ибо онъ и людямъ клеветалъ на Бога, когда говорилъ Евѣ, что Онъ возбранилъ имъ древо (познанія добра и зла) по зависти. Равно и Богу клеветалъ на людей, напримѣръ, на Іова, говоря, что Іовъ чтитъ Бога не даромъ. *Когда онъ говоритъ ложь, говоритъ свое.* Люди, когда лгутъ, пользуются какъ-бы чужою ложью. А діаволъ употребляетъ ложь, какъ собственность, ибо она его порожденіе; и лжецъ въ собственномъ смыслѣ и отецъ лжи есть онъ самъ. Онъ сказалъ Евѣ: въ который день вкусите, будете какъ боги (Быт. 3, 5). А они (Адамъ и Ева) получили смерть.—А Мнѣ не вѣрите, потому что Я говорю истину. Не имѣя обвинить Меня ни въ чемъ иномъ, кромѣ истины, вы за сіе самое и возстаете противъ Меня, какъ сыны отца лжи.

Кто отъ васъ обличаетъ мя о грѣсѣ? аще ли истину глаголю, почто вы не вѣруете мнѣ? Иже есть отъ Бога, глаголовъ Божіихъ послушаетъ: сего ради вы не послушаете, яко отъ Бога нѣсте. Отвѣщаша убо іудее и рѣша ему: не добрѣ ли мы глаголемъ, яко самарянинъ еси ты, и бѣса имаши? Отвѣща Іисусъ: азъ бѣ-

са не имамъ, но чту Отца моего, и вы не чтете мене. Азъ же не ищу славы моея: есть ищя и судя. Они сами себя называли сынами Бога. Онъ говоритъ: если вы сыны Бога, вы конечно должны ненавидѣть грѣшника. Если и Меня, котораго ненавидите, можете обличить во грѣхѣ; очевидно, ненавидите Меня справедливо. Если же никто не можетъ обличить; явно, вы ненавидите Меня за истину. За какую истину? Безъ сомнѣнія за ту, что Онъ самъ Себя называлъ Сыномъ Божіимъ, что совершенно истинно.—*Кто отъ Бога, тотъ слушаетъ слова Божіи.* Посему, если бы и вы были сынами Божіими, вы не отвращались бы отъ Меня, Сына Божія, сшедшаго съ неба и возвѣщающаго слова Божіи.—Такъ кротко говоритъ имъ Господь, а они позволяютъ себѣ дерзости. Они говорятъ: не правду ли мы говорили, что ты самарянинъ, и бѣса имѣешь въ Себѣ? Называли Его самаряниномъ, какъ нарушителя іудейскихъ обычаевъ, напримѣръ, субботняго покоя, такъ какъ самаряне не соблюдали въ точности іудейскаго закона. А бѣснующимся называютъ Его, можетъ быть, подобно тому, какъ говорили, что Онъ и бѣсовъ изгонялъ силою князя бѣсовскаго (Лук. 11, 15). Ибо всѣ клеветавшіе, что Онъ изгонялъ бѣсовъ силою веелзевула, говорили, что Онъ имѣлъ въ себѣ веелзевулова бѣса, которымъ и совершалъ чудеса. А какъ Онъ открылъ ихъ помыслы и пожеланія, то, можетъ быть, считали Его бѣснующимся и потому, что думали, будто тайны серца ихъ открываемы Ему были бѣсами.—Когда же назвали Его самаряниномъ? Евангелистъ нигдѣ объ этомъ не упомянулъ. Отсюда видно, что еван-

гелисты не все записали, а многое и опустили, какъ мы о семъ самомъ замѣтили въ другомъ мѣстѣ (¹). Такъ они обижаютъ Его; а Онъ незлобливо принимаетъ отъ нихъ обиды. Впрочемъ, когда они сами себя называютъ сынами Божіими, Онъ сильно обличаетъ ихъ, вступаясь за истину; а когда Его обижаютъ, Онъ не защищается. Симъ научаетъ Онъ и насъ вступаться за славу Бога, и кротко переносить обиды, касающіяся насъ самихъ, подобно какъ и Онъ кротко говоритъ: *во Мнѣ нѣтъ бѣса, но Я чту Отца моего.* Какъ же Онъ чтитъ Отца? Вступаясь за Него, и не позволяя убійцамъ и лжецамъ называться сынами Спасителя и Истины. Вы, говоритъ, безчестите Меня за то, что Я чту Отца моего, поносимаго вами, такъ какъ вы клевещете, что Онъ отецъ вашъ. Но, если Я и не отмщаю за Себя, а переношу обиды, вы не думайте, что эта обида останется безъ отмщенія. Есть Отецъ, который накажетъ за такую обиду, наносимую Мнѣ, потому что Я вступаюсь за Него и не позволяю вамъ называть самихъ себя сынами Его. Есть ищущій моей славы, и не только ищущій, но и могущій судить и наказать обижающимъ Меня безъ основанія. Часто иной ищетъ взысканія за обиду, но самъ не можетъ судить. А Отецъ и ищетъ славы Сына, и можетъ судить. Посему и сказалъ: *есть ищущій и судящій.*

* *Аминь аминь глаголю вамъ: аще кто слово мое* Зач. 33.
соблюдетъ, смерти не иматъ видѣти во вѣки. Рѣша

(¹) Стр. 48 и 72.

Рече Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеомъ: *

убо ему жидове: нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаши. Авраамъ умре и пророцы, и ты глаголеши: аще кто слово мое соблюдетъ, смерти не иматъ вкусити во вѣки. Какое человѣколюбіе! Его обижаютъ, а Онъ, исканіе своей славы и отмщеніе предоставляя Отцу, обращается къ увѣщанію и ученію, и такимъ образомъ благотворитъ тѣмъ, кои наносятъ Ему обиды. Такъ и мы должны платить своимъ врагамъ. Что же Онъ сказалъ имъ? *Кто соблюдетъ мое слово,* то есть, съ вѣрою соединитъ и жизнь чистую. Ибо тотъ только истинно соблюдаетъ ученіе Господне, кто имѣетъ и жизнь чистую. Такой не увидитъ смерти, которою умираютъ грѣшники, предаваемые въ будущемъ вѣкѣ безконечному мученію и отпадающіе отъ истинной жизни. Вмѣстѣ съ симъ даетъ имъ знать, что если соблюдающій слово мое не умираетъ, тѣмъ болѣе—Я. Зачѣмъ же вы хотите убить Меня, надъ которымъ смерть имѣетъ такъ мало власти, что Я даже и другимъ дарую истинную жизнь? Ибо хотя вѣрующіе умираютъ тѣлесно, однако они живы въ Богѣ. Что же говорятъ на это іудеи? Они считаютъ Его за бѣснующагося, какъ будтобы Онъ отъ поврежденія разсудка говоритъ какія-то странности. Умерли Авраамъ и пророки, которые слышали слова Божіи; какъ же не умрутъ твои слушатели? Теперь, говорятъ, мы истинно, то есть, вполнѣ и твердо, узнали, что Ты, говоря это, бѣснуешься.

Еда ты болій еси отца нашего Авраама, иже умре? и пророцы умроша: кого себе самъ ты твориши? Отвѣща Іисусъ: аще азъ славлюся самъ, слава моя ничесоже есть: есть Отецъ мой славяй мя, егоже вы глаго-

лете, яко Богъ нашъ есть. И не познасте его, азъ же вѣмъ его: и аще реку, яко не вѣмъ его, буду подобенъ вамъ, ложь: но вѣмъ его, и слово его соблюдаю. Безумцы, не понимая, о какой смерти говорилъ Господь, что она не коснется вѣрующихъ въ Него, говорятъ Ему нѣчто безразсудное и безумное. Смотри, какъ они отвѣчаютъ. *Неужели ты больше отца нашего Авраама?* Имъ слѣдовало бы сказать: неужели Ты больше Бога? Слушавшіе слово Божіе умерли, а слушающіе твое не умрутъ. Но они не такъ. Желая показать, что Онъ меньше и Авраама, говорятъ: неужели Ты больше отца нашего Авраама? Самъ Господь не открываетъ имъ, о какой Онъ сказалъ смерти. А что Онъ выше Авраама, въ этомъ убѣждаетъ немного послѣ. *Чѣмъ Ты Себя дѣлаешъ?* Говорятъ это въ обиду. Ты, недостойный ни одного слова, сынъ плотника, галилеянинъ, чѣмъ Ты Себя дѣлаешь? Ни дѣла, ни истина, ни Писанія, но Ты самъ чѣмъ Себя дѣлаешь? Ибо Ты самъ присвояешь Себѣ славу. Говоритъ на это Господь: *если Я самъ славлю Себя, то слава моя ничто,* какъ и вы думаете. Но нынѣ славящій Меня есть иной, именно Отецъ мой. Отецъ прославлялъ Его всячески, то пророчествами объ Немъ, то свидѣтельствомъ съ небесъ, то безчисленными и безмѣрными чудесами. О семъ Отцѣ вы говорите, что Онъ Богъ вашъ. Но вы не признаете Его ни Отцемъ моимъ, ни Богомъ вашимъ. Если бы вы признавали Его Отцемъ, вы почитали бы Сына Его. А нынѣ вы Сына Его не почитаете. Очевидно, вы не признаете Его Отцемъ моимъ. Но вы не признаете Его и просто Богомъ. Иначе вы боялись бы словъ

Его, какъ Бога. Нынѣ же вы рѣшительно пренебрегаете Имъ. Онъ постановилъ закономъ: *не убій.* Вы ищете убить Меня, и притомъ тогда, какъ не можете обличить Меня во грѣхѣ. Отселѣ ясно, что вы совершенно не знаете Его. А Я знаю Его по природѣ, имѣю совершенное знаніе объ Немъ. Ибо каковъ Я, таковъ и Отецъ. А какъ Я самъ Себя знаю, то знаю и Его. И если скажу, что не знаю Его, то буду, подобно вамъ, лжецомъ. Ибо вы лжете, хвалясь, что знаете Его; а Я отрекусь отъ истины, если, зная Его, скажу, что не знаю. Чѣмъ же Ты докажешь, что знаешь Его? Тѣмъ, говоритъ, что Я соблюдаю слово Его, то есть, заповѣди Его. Ибо Я не противникъ Ему, иначе Я хвалился бы. какъ богопротивникъ, ни заповѣдей Его не нарушаю. А вы преступники Его заповѣдей, находитесь въ плѣну, предаваясь злымъ похотямъ, жаждете убійства, и многое другое, воспрещенное закономъ, совершаете со страстью, и тѣмъ ясно обнаруживаете, что не знаете Его. Ибо, если бы вы знали Его, вы соблюдали бы слово Его, то есть, заповѣди.—Иные же слова: *соблюдаю слово Его,* понимаютъ такъ: потому Я знаю Его, что въ самомъ Себѣ имѣю неизмѣнный образъ (λόγον) существа Его, то есть, бытія, и какой образъ естества у Отца, такой же и у Меня. Ибо у Отца и Сына одно и тоже естество, и одинъ и тотъ же образъ бытія. Посему Я знаю Отца; ибо соблюдаю неизмѣнный образъ существа Его. Такой оборотъ рѣчи у Писанія въ обычаѣ. Напримѣръ говорится: *даждь намъ помощь отъ скорби, и суетно спасеніе человѣческо* (Псал. 59, 13). Здѣсь частица *и*

употреблена вмѣсто *ибо*, и рѣчь имѣетъ такой смыслъ: дай намъ помощь, ибо спасеніе отъ человѣка ненадежно. Такъ и въ сихъ словахъ: Я знаю Его, и соблюдаю слово Его, частица *и* поставлена вмѣсто *ибо*. Ибо, говоритъ, Я соблюдаю слово Его.

Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой: и видѣ, и возрадовася. Рѣша убо іудее къ нему: пятидесять лѣтъ не у имаши, и Авраама ли еси видѣлъ? Рече же имъ Іисусъ: аминь аминь глаголю вамъ, прежде даже Авраамъ не бысть, азъ есмь: Взяша убо каменіе, да вергутъ нань: Іисусъ же скрыся, и изыде изъ церкве, прошедъ посредѣ ихъ: и мимохождаше тако. Здѣсь утверждаетъ, что Онъ больше Авраама. Выше они говорили Ему: неужели Ты больше отца нашего Авраама? Здѣсь Онъ отвѣчаетъ: да, Я больше. Онъ радъ былъ увидѣть день мой, то есть, считалъ его пріятнымъ, вожделѣннымъ и радостотворнымъ, какъ день весьма благотворный и какъ день не малаго кого-нибудь, ни обыкновеннаго человѣка, но большаго. *Днемъ* называетъ крестъ, ибо его прообразовалъ Авраамъ въ принесеніи Исаака и въ закланіи овна. Какъ тотъ несъ дрова, такъ Господь несъ крестъ, и какъ Исаакъ былъ оставленъ, а заколотъ овенъ, такъ Онъ, какъ Богъ, пребылъ внѣ страданія, а пострадалъ человѣчествомъ и плотію. Провидя сей день креста, какъ день всемірнаго спасенія, Авраамъ возрадовался. Показываетъ и то, что Онъ добровольно идетъ на страданія, такъ какъ хвалитъ того, кто радовался о крестѣ; ибо чрезъ него спасеніе вселенной.—Иные подъ *днемъ* разумѣютъ все время явленія Христа во плоти,

которое провидя, Авраамъ возрадовался, что отъ него и его потомства произойдетъ Спаситель. А можетъ быть, и не одинъ только Авраамъ радовался, но и всѣ, какъ Давидъ говоритъ: *сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь* (Псал. 117, 24). Іудеи, не въ силахъ будучи возвыситься до смысла словъ Его, вмѣсто того, чтобы спросить и узнать, о какомъ Онъ говоритъ днѣ, который видѣлъ Авраамъ, еще болѣе осмѣиваютъ Его, будто бы Онъ говоритъ что-то безразсудное. Тебѣ, говорятъ, нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ, и Ты видѣлъ Авраама? Сказали такъ, думая, что Господу близъ 50 лѣтъ, тогда какъ Ему было около 33 лѣтъ. Отъ чего не сказали они: Тебѣ нѣтъ еще сорока лѣтъ, но: пятидесяти? Объ этомъ излишне бы и спрашивать. Можетъ быть, они упомянули о 50 годахъ безъ опредѣленной мысли. Однакожъ нѣкоторые говорятъ, что они такъ сказали потому, что у нихъ особенно чтился 50-й годъ, то есть, юбилейный годъ, въ который рабовъ отпускали на свободу, покупщики уступали свои пріобрѣтенія, и дѣлали все иное, что относилось къ чести. Что же Господь говоритъ? *Прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь.* Смотри, не сказалъ: прежде нежели былъ Авраамъ, Я *былъ*, но: *Я есмь*. Ибо это изреченіе—есмь—свойственнѣе Богу, потому что означаетъ бытіе непрерывное и всегдашнее. Такъ и Отецъ Его въ ветхомъ завѣтѣ выразился объ Себѣ: *Я есмь Сый* (Исх. 3, 14). Объ Авраамѣ, какъ тлѣнномъ, прилично сказалъ: *былъ*. Ибо что̀ получило бытіе, то̀ и разрушается. А слово *есмь* указываетъ на свободу отъ всякаго тлѣнія и на божественную вѣчность. По-

сему и они это изреченіе, какъ приличное одному только Богу, приняли за хулу, и взяли каменья на Него. Но Онъ опять со смиреніемъ скрывается, чтобы не умереть прежде опредѣленнаго для Его смерти времени. Какъ же скрывается? Онъ не спрятался въ уголъ храма, ни убѣгъ въ домикъ, ни прислонился къ стѣнѣ или за столбъ; но Божескою властію самъ Себя сдѣлалъ невидимымъ для навѣтниковъ, хотя вышелъ и посреди ихъ. *И мимохождаше тако*, то есть, пошелъ такъ, просто, до нѣкотораго времени.—Смотри, пожалуй, какъ Онъ исполнилъ все съ своей стороны: Онъ достаточно научилъ ихъ и о Себѣ и объ Отцѣ, и указалъ истинное благородство и свободу въ свободѣ отъ грѣховъ, объяснилъ, что одно только рабство постыдно; рабство грѣху, и вообще ничего нужнаго не опустилъ. А они бросаютъ каменья въ Него. Посему-то Онъ и оставляетъ ихъ, какъ уже неспособныхъ къ исправленію. Замѣть, что каменья бросаютъ тѣ, о которыхъ евангелистъ сказалъ, что они увѣровали въ Него (выше ст. 30 и 31). Значитъ, вѣра ихъ была не вѣра, но какое-то привременное и холодное расположеніе къ рѣчамъ Христовымъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О слѣпомъ отъ рожденія.

*И мимоидый * видѣ человѣка слѣпа отъ рождества. И вопросиша его ученицы его, глаголюще: Равви,* Зач. 34.

---

*Во время оно, мимоидый Іисусъ *.*

кто согрѣши, сей ли, или родителя его, яко слѣпъ родися? Господь уходитъ изъ храма, чтобы укротить сколько-нибудь гнѣвъ іудеевъ. Приступаетъ къ исцѣленію слѣпаго, чтобы этимъ знаменіемъ смягчить ихъ жестосердіе и упорство, хотя они и не воспользовались симъ, и вмѣстѣ показатъ имъ, что Онъ не напрасно и не по самохвальству сказалъ: *прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь* (Іоан. 8, 58). Прилично самъ подошелъ къ слѣпому, а не сей къ Нему. Ученики, примѣтивъ вниманіе Его къ слѣпому, спрашиваютъ: *кто согрѣшилъ, онъ, или родители его, что родился слѣпымъ?* Вопросъ сей кажется страннымъ. Ибо какъ онъ могъ согрѣшить прежде рожденія своего? Апостолы, вѣроятно, не раздѣляли языческаго суевѣрія о томъ, будто душа прежде соединенія съ тѣломъ живетъ въ иномъ мірѣ и за грѣхъ какъ-бы въ наказаніе нисходитъ въ тѣло. Будучи рыболовами, они ничего такого не могли слышать, ибо подобныя мысли принадлежали мудрецамъ. Итакъ вопросъ кажется неразумнымъ, но не для внимательнаго. Ибо знай. Апостолы слышали, какъ Христосъ сказалъ разслабленному: вотъ, ты выздоровелъ; не грѣши же, чтобы не случилось съ тобою чего хуже (Іоан. 5, 14). Теперь, видятъ слѣпаго, и недоумѣваютъ, и какъ-бы такъ говорятъ: положимъ, что тотъ разслабленъ былъ за грѣхи; но что̀ Ты скажешь объ этомъ? Онъ ли согрѣшилъ? Но этого нельзя сказать; потому что онъ слѣпъ отъ рожденія. Или родители его? Нельзя и этого сказать, потому что сына за отца не наказываютъ. Итакъ апостолы въ настоящемъ случаѣ не столько спрашиваютъ, сколько недоумѣваютъ. Господь въ раз-

рѣшен е недоумѣнія ихъ говоритъ: *не согрѣшилъ ни онъ* (ибо какъ бы согрѣшилъ прежде рожденія?), *ни родители его.* Впрочемъ онъ говоритъ это, не освобождая ихъ отъ грѣховъ. Ибо не просто сказалъ, что не согрѣшили родители его, но прибавилъ, что *родился слѣпъ.* Хотя родители его и согрѣшили, но не за то съ нимъ это убожество. Слагать грѣхи отцовъ на дѣтей, ни въ чемъ невиноватыхъ, несправедливо. Это внушаетъ и Богъ чрезъ Іезекіиля: да не будетъ у васъ больше поговорки этой: *отцы ядоша терпкое, а зубомъ чадъ ихъ оскомины быша* (Іезек. 18, 1. 2). А чрезъ Моисея постановилъ закономъ: да не умретъ отецъ за сына (Второзак. 24, 16). Но какъ же, скажешь, написано: отдаяй грѣхи родителей на чада до третьяго и четвертаго рода (Исх. 34, 7)? На это можно сказать, во-первыхъ, то, что это приговоръ не всеобщій, сказанный не обо всѣхъ, а только о тѣхъ, которые вышли изъ Египта. Потомъ, смотри и на смыслъ приговора. Въ немъ не говорится, что дѣти наказываются за грѣхи, совершенные отцами, но что наказанія за грѣхи отцовъ переходятъ и на дѣтей, когда дѣти совершали такіе же грѣхи. Чтобы вышедшіе изъ Египта не подумали, что они не будутъ наказаны тѣмъ же, чѣмъ отцы ихъ, хотя бы согрѣшили и хуже ихъ, говоритъ имъ: нѣтъ, не такъ. Грѣхи отцовъ, то есть, наказанія перейдутъ и на васъ, потому что вы не сдѣлались лучшими, но совершили грѣхи такіе же и даже худшіе. Если видимъ, что нерѣдко и дѣти умираютъ въ наказаніе родителямъ; то знай, что Богъ беретъ ихъ изъ здѣшней жизни по человѣколюбію, чтобы въ жиз-

ни не сдѣлались хуже родителей, и не прожили на зло своей душѣ или даже многихъ другихъ. Но бездна судебъ Божіихъ сокрыла эти случаи въ самой себѣ. А мы простремся далѣе.

Отвѣща Іисусъ: ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ. Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго мя, дондеже день есть: пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати. Егда въ мірѣ есмь, свѣтъ есмь міру. Вотъ опять другое затрудненіе. Иной спроситъ: какъ Онъ сказалъ это? Ибо это значило бы, что человѣкъ, лишенный свѣта, былъ обиженъ для того, чтобы на немъ явились дѣла Божія? Развѣ они не могли явиться иначе?—Какую же, скажи ты, человѣкъ, онъ терпитъ обиду? Ту, скажешь, что свѣта лишенъ. И какой вредъ отъ того, что лишенъ чувственнаго свѣта? Напротивъ, онъ болѣе облагодѣтельствованъ. Ибо вмѣстѣ съ зрѣніемъ тѣлеснымъ онъ прозрѣлъ и очами душевными. Слѣпота послужила ему на добро, такъ какъ чрезъ исцѣленіе отъ нея онъ позналъ истинное Солнце правды. Итакъ слѣпецъ этотъ не обиженъ, а облагодѣтельствованъ.—Потомъ, всякій, занимающійся словомъ Божіимъ, долженъ знать, что частицы ἵνα и ὅπως (для того, чтобы) нерѣдко употребляются въ Писаніи для обозначенія не причины, а самаго событія. Напримѣръ, у Давида сказано: *яко да* (ὅπως) *оправдишися во словесѣхъ твоихъ* (Псал. 50, 6). Давидъ не для того согрѣшилъ, чтобы Богъ оправдался. Но вслѣдствіе грѣха Давидова довелось Богу оправдаться. Ибо когда Богъ надѣлилъ Давида столькими дарами, какихъ онъ не былъ достоинъ, а онъ пре-

ступилъ заповѣдь Божію, совершилъ убійство и прелюбодѣяніе, и царскую власть употребилъ на оскорбленіе Бога: то какое отсюда вытекало слѣдствіе, какъ не то, что Богъ, судящій и обличающій Давида, оправдался, и явился побѣдителемъ осужденнаго царя, потому что онъ преступилъ законъ Того, отъ кого получилъ царство, нарушилъ по тому самому, что былъ царемъ. Будучи частнымъ человѣкомъ, онъ не могъ бы такъ легко совершить два столь великія преступленія. Итакъ, видишь, въ предложеніи—*яко да оправдишися*—частица ὅπως означаетъ не причину, а слѣдствіе. Такихъ оборотовъ рѣчи много найдешь и у апостола. Напримѣръ, въ посланіи къ римлянамъ: что̀ можно знать о Богѣ, то̀ явно для язычниковъ, *во еже быти* (εἰς τὸ εἶναι) имъ *безотвѣтнымъ* (Рим. 1, 19. 20). Богъ далъ язычникамъ знаніе не для того, чтобы они, согрѣшая, были безотвѣтны, но для того, чтобы они не грѣшили. А какъ они грѣшили, то вслѣдствіе сего знаніе сдѣлало ихъ безотвѣтными. И опять: законъ пришелъ послѣ, *да* (ἵνα) *умножится прегрѣшеніе* (Рим. 5, 20). Хотя законъ данъ не для того, чтобы грѣхъ умножился, а для того, чтобы уменьшился; но какъ принявшіе законъ не хотѣли уменьшить грѣха, то законъ и послужилъ имъ къ умноженію грѣха. Ибо грѣхъ ихъ сталъ важнѣе и тяжелѣе отъ того, что они имѣли законъ, и однакожъ грѣшили.—Такъ и здѣсь выраженіемъ: *для того, чтобы явились дѣла Божіи*, указывается не причина, а слѣдствіе. Ибо чрезъ исцѣленіе слѣпаго прославился Богъ.—Нерѣдко иной строитель дома одно сдѣлаетъ, а другое оставляетъ неоконченнымъ,

для того, чтобы невѣрящему, что онъ устроилъ первую часть, могъ чрезъ устройство недоконченнаго доказать, что онъ же есть художникъ и прежде устроеннаго. Такъ и Богъ нашъ Іисусъ, врачуя поврежденные члены и приводя ихъ въ естественное (нормальное) состояніе, показываетъ, что творецъ и прочихъ членовъ есть Онъ же.—*Чтобы явилась слава Божія,* говоритъ это о самомъ Себѣ, а не объ Отцѣ. Ибо слава Отца была явна, а нужно было явиться славѣ Іисуса и тому, что сотворившій человѣка въ началѣ есть Онъ. А въ томъ, безъ сомнѣнія, немало славы, когда откроется, что Тотъ, кто нынѣ явился человѣкомъ, въ началѣ, какъ Богъ, сотворилъ человѣка.—Что Онъ говоритъ о самомъ Себѣ, слушай далѣе. Онъ прибавляетъ: *Мнѣ должно дѣлать дѣла пославшаго Меня.* Мнѣ, говоритъ, должно явить самого Себя и совершить дѣла, могущія показать, что Я совершаю тоже, что̀ и Отецъ творитъ. Смотри, не сказалъ, что Мнѣ должно дѣлать дѣла такія же, какія творитъ Отецъ, но тѣ самыя, которыя Отецъ творитъ. Мнѣ, говоритъ, должно дѣлать тѣ самыя дѣла, которыя творитъ пославшій Меня. Мнѣ должно дѣлать ихъ, *пока есть день,* пока, то есть, длится настоящая жизнь и люди могутъ вѣровать въ Меня. Потомъ *наступитъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать,* то есть, вѣровать, ибо дѣломъ называетъ вѣру. Итакъ въ будущемъ вѣкѣ никто не можетъ вѣровать.—Настоящая жизнь есть день, потому что мы въ теченіи ея, какъ днемъ, можемъ дѣлать, хотя апостолъ Павелъ и называетъ ее ночью, частію потому, что здѣсь неизвѣстны совершающіе добродѣтель или порокъ, и

частію по сравненію со свѣтомъ, который озаритъ праведниковъ. Будущій вѣкъ есть ночь, потому что тамъ никто не можетъ дѣлать, хотя апостолъ Павелъ и называетъ его днемъ, потому что праведные явятся во свѣтѣ, и откроются дѣла каждаго. Итакъ въ будущемъ вѣкѣ нѣтъ вѣры, но всѣ будутъ повиноваться, желающіе и нежелающіе.—*Доколѣ Я въ мірѣ, Я свѣтъ міру*, ибо ученіемъ и явленіемъ чудесъ просвѣщаю души. Посему и теперь должно Мнѣ просвѣтить души многихъ чрезъ уврачеваніе слѣпаго и просвѣщеніе зрачковъ въ глазахъ его. Какъ свѣтъ, Я долженъ просвѣщать и чувственно и духовно.

Сія рекъ, плюну на землю, и сотвори бреніе отъ плюновенія, и помаза очи бреніемъ слѣпому. И рече ему: иди, умыйся въ купѣли силоамстѣ, еже сказается, посланъ, иде убо, и умыся, и пріиде видя. Сказавъ это, Іисусъ не остановился на словахъ, но присоединилъ къ нимъ и дѣло. Онъ плюнулъ на землю, сдѣлалъ бреніе изъ плюновенія, и бреніемъ помазалъ глаза слѣпому, показывая чрезъ бреніе, что и Адама (тѣло) образовалъ изъ бренія Онъ же. Одни слова, что создалъ Адама Я, могли показаться соблазнительными для слушателей, но, когда слова подтверждаются дѣломъ, не оставалось уже повода къ соблазну. Устрояетъ глаза изъ бренія, употребляя тотъ же способъ творчества, какимъ сотворилъ и Адама. Не только устроилъ глаза и открылъ ихъ, но одарилъ зрѣніемъ, а это показывало, что Онъ вдохнулъ и душу въ Адама. Ибо безъ дѣйствія души глазъ никогда бы не увидѣлъ, хотя бы и былъ устроенъ. Употребилъ и плюновеніе для ода-

ренія зрѣніемъ. Такъ какъ Онъ намѣренъ былъ послать слѣпца на Силоамъ, то чтобы не приписали чуда водѣ источника, но познали, что образовала глаза слѣпому и открыла ихъ сила, вышедшая изъ устъ Его, для сего плюнулъ на землю, и изъ плюновенія устъ сдѣлалъ бреніе. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что чудо зависѣло отъ земли, повелѣваетъ умыться, чтобы бреніе совсѣмъ отстало. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что бреніе не отпало, но превратилось въ глаза. Повелѣваетъ слѣпцу пойти на Силоамъ, частію для того, чтобы обнаружилась степень вѣры его и послушанія; ибо онъ не разсуждалъ, что не нужно идти на Силоамъ или умываться, если бреніе и плюновеніе дѣлаютъ его вполнѣ зрячимъ, но повиновался Повелѣвшему; частію для того, чтобы заградить уста неразумныхъ іудеевъ; ибо, естественно, многіе смотрѣли на него, когда онъ шелъ съ глазами, помазанными бреніемъ, и внимательно вглядывались въ него, такъ что не могли въ послѣдствіи говорить: это онъ, это не онъ; и, наконецъ, для того, чтобы, посылая его на Силоамъ, о самомъ Себѣ засвидѣтельствовать, что Онъ нечуждъ закона и ветхаго завѣта.—Для чего евангелистъ прибавилъ объясненіе имени Силоамъ? Для того, чтобы ты зналъ, что и тутъ исцѣлилъ слѣпца Христосъ, и что Силоамъ—образъ Христа. Ибо Христосъ есть какъ камень духовный (1 Кор. 10, 4), такъ и Силоамъ духовный, и какъ ручей силоамскій своимъ страшнымъ теченіемъ представлялъ нѣчто внезапное и ужасное, такъ и пришествіе Господа, сокровенное и недовѣдомое ангеламъ, силою своею потопляетъ всякій грѣхъ.

Сосѣди же, и иже бяху видѣли его прежде, яко слѣпъ бѣ, глаголаху: не сей ли есть сѣдяй и просяй? Овіи глаголаху, яко сей есть: иніи же глаголаху, яко подобенъ ему есть: онъ же глаголаше, яко азъ есмь. Глаголаху же ему: како ти отверзостеся очи? Отвѣща онъ и рече: человѣкъ, нарицаемый Іисусъ, бреніе сотвори, и помаза очи мои, и рече ми: иди въ купѣль силоамлю, и умыйся, шедъ же и умывся, прозрѣхъ. Сосѣди, пораженные необычайностію чуда, не вѣрили. Хотя шествіе его на Силоамъ съ глазами, помазанными бреніемъ, для того и было, чтобы многіе увидѣли его, и потомъ не отрекались бы незнаніемъ; однакожъ и теперь не вѣрятъ. Евангелистъ не безъ намѣренія замѣчаетъ, что онъ просилъ милостыни, но чтобы показать неизреченное человѣколюбіе Господа въ томъ, что Онъ снисходилъ и къ бѣднымъ, что Онъ съ большимъ попеченіемъ врачевалъ и нищихъ, а отсюда и мы научились бы не призирать своихъ меньшихъ братій. А слѣпецъ, не стыдясь прежняго убожества, ни боясь народа, открыто говоритъ: *это я*, проповѣдуетъ Благодѣтеля, и говоритъ: *человѣкъ, называемый Іисусъ.*—Называетъ Господа человѣкомъ, потому что доселѣ еще ничего не зналъ объ Немъ, а что̀ теперь узналъ, то̀ и исповѣдуетъ. Откуда же знаетъ, что это Іисусъ? Изъ разговора Его съ учениками. Ученики спрашивали Господа объ немъ, Онъ имъ довольно продолжительно отвѣчалъ: Мнѣ нужно совершать дѣла пославшаго Меня; Я свѣтъ міру. Такъ не училъ никто иной, кромѣ одного Іисуса, и такія рѣчи Онъ употреблялъ часто. Отсюда-то и узналъ слѣпецъ, что это Іисусъ. Что Онъ сдѣлалъ бреніе, и по-

мазалъ его глаза, онъ зналъ изъ прикосновенія, и сказалъ. О плюновеніи умолчалъ, потому что не зналъ, а какъ не зналъ, то и не прибавилъ. Видно, человѣкъ этотъ былъ праведный.

Рѣша убо ему: кто той есть? глагола: не вѣмъ. Ведоша же его къ фарисеомъ, иже бѣ иногда слѣпъ. Бѣ же суббота, егда сотвори бреніе Іисусъ, и отверзе ему очи. Паки же вопрошаху его и фарисее, како прозрѣ. Онъ же рече имъ: бреніе положи мнѣ на очи, и умыхся, и вижу. Глаголаху убо отъ фарисей нѣцыи: нѣсть сей отъ Бога человѣкъ, яко субботу не хранитъ, овіи глаголаху: како можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити? и распря бѣ въ нихъ. Такъ какъ Господь, даруя исцѣленіе и совершая чудо, обыкновенно укрывался по своей скромности; то слѣпецъ на вопросъ о томъ, гдѣ Іисусъ, говоритъ *не знаю*, чтобы быть совершенно вѣрнымъ истинѣ.—Ведутъ его къ фарисеямъ, чтобы подвергнуть его болѣе подробному и строгому допросу.—Евангелистъ замѣчаетъ, что *была суббота*, чтобы показать злобу ихъ, какъ они ловятъ всякій случай противъ Христа, обвиняютъ его въ нарушеніи субботы, и тѣмъ покушаются затемнить чудо. Посему не спрашиваютъ его, какъ ты прозрѣлъ, но какъ Онъ отверзъ тебѣ очи; во всемъ клевеща на Господа, какъ дѣйствовавшаго въ субботу, заставляютъ самого слѣпаго припомнить, что Онъ сдѣлалъ бреніе именно въ субботу. Онъ, отвѣчая уже слышавшимъ, не упоминаетъ ни объ имени Іисуса, ни о томъ, что̀ говорилъ ему Господь, а только говоритъ: бреніе положилъ Онъ на мои глаза, и я умылся, и вижу. Ибо, вѣроятно, фарисеи преж-

де слышали отъ тѣхъ, которые привели къ нимъ слѣпаго, и, быть можетъ, клеветали на Господа и сказали: вотъ что̀ Іисусъ дѣлаетъ въ субботу. Достойна замѣчанія смѣлость слѣпца, что онъ безбоязненно ведетъ рѣчь съ фарисеями. Его привели съ тѣмъ, чтобы онъ, пораженный страхомъ, отвергъ дѣйствительность исцѣленія, а онъ очень ясно возглашаетъ: я вижу.—Изъ фарисеевъ нѣкоторые, не всѣ, а болѣе дерзкіе, говорили: не отъ Бога этотъ человѣкъ. А другіе говорили: какъ можетъ человѣкъ грѣшный творить такія чудеса? Видишь ли, подъ вліяніемъ чудесъ многіе смягчаются? Вотъ эти люди—фарисеи и начальники, однакожъ вслѣдствіе сего чуда пристыждаются и нѣсколько защищаютъ. *И была между ними распря.* Распря эта происходила прежде въ народѣ, ибо одни говорили, что Онъ обольщаетъ народъ, а другіе, что Онъ добръ (Іоан. 7, 12. 43), а теперь начинается и между начальниками. И вотъ многіе фарисеи, отдѣлившись отъ прочихъ, защищаютъ чудо. Однакожъ, и по отдѣленіи, говорятъ за Христа очень слабо, и болѣе сомнительно и двоедушно, чѣмъ твердо. Ибо, слушай, что̀ говорятъ: какъ можетъ человѣкъ грѣшный творить такія чудеса? Видишь, какъ слабо возражаютъ? Посмотри и на хитрость клеветниковъ. Они не говорятъ, что Онъ не отъ Бога, потому что исцѣляетъ въ субботу, но что Онъ не хранитъ субботы, постоянно выставляютъ на видъ не благодѣяніе, а нарушеніе дня. Примѣчай и то, что начальники на добро медлительнѣе, чѣмъ народъ. Народъ еще прежде раздѣлился въ мнѣніяхъ, и не всѣ говорили противъ Христа, а начальники уже послѣ (народа) пришли къ этому похвальному раздѣ-

ленію. Ибо хорошо (иногда) бываетъ и раздѣленіе, какъ и Господь говоритъ: Я пришелъ принести на землю мечь (Матѳ. 10, 34), то есть, безъ сомнѣнія, разногласіе изъ за добра и благочестія.

Глаголаху убо слѣпцу паки: ты что глаголеши о немъ, яко отверзе очи твои? онъ же рече: яко пророкъ есть. Не яша убо вѣры іудее о немъ, яко слѣпъ бѣ и прозрѣ, дондеже возгласиша родителей того прозрѣвшаго: И вопросиша ихъ, глаголюще: сей ли есть сынъ вашъ, егоже вы глаголете, яко слѣпъ родися? Како убо нынѣ видитъ? Кто были спрашивающіе: ты что скажешь объ немъ? Это были изъ числа благоразумныхъ. Ибо они говорили: какъ можетъ грѣшникъ творить такія дѣла? Чтобы не показаться напрасными защитниками, они приводятъ во свидѣтельство самого получившаго благодѣяніе, какъ испытавшаго на себѣ силу (Его), дабы заградить уста клеветниковъ. Смотри, какъ благоразумно спрашиваютъ. Не сказали: ты что̀ скажешь о Немъ, потому что Онъ сдѣлалъ бреніе, потому что Онъ не сохранилъ субботы, но напоминаютъ о чудѣ, потому что Онъ открылъ тебѣ глаза, какъ-бы подстрекая исцѣленнаго сказать о Христѣ сущую правду. Напоминаютъ ему, и побуждаютъ его, потому что Онъ открылъ тебѣ глаза. Онъ, говорятъ, облагодѣтельствовалъ тебя. Посему ты долженъ проповѣдывать объ Немъ. Слѣпой теперь и исповѣдалъ, что̀ могъ, именно, что Онъ не грѣшникъ, но отъ Бога, это—пророкъ, хотя иные и говорятъ, что Онъ не отъ Бога, потому что не хранитъ субботы.—Христосъ однимъ перстомъ совершилъ помазаніе бреніемъ, и Его считаютъ нарушителемъ субботы. Сами же они всею рукою отвязываютъ

животныхъ для того, чтобы напоить ихъ, и считаютъ себя благочестивыми.—Жестокосердые и упорные призываютъ родителей его, съ цѣлію поставить ихъ въ затрудненіе, и чрезъ то принудить ихъ отвергнуть (прежнюю) слѣпоту сына. Такъ какъ они не могли заградить благонамѣренныя уста, то застращиваютъ родителей. въ надеждѣ уничтожить чудо. Итакъ, ставятъ ихъ на срединѣ, и дѣлаютъ допросъ съ яростію и еще съ большею злобою. Не говорятъ: это ли сынъ вашъ, бывшій нѣкогда слѣпымъ, но: *о которомъ вы говорите*, какъ-бы такъ говоря: котораго вы сдѣлали слѣпымъ, и молву объ этомъ распространили всюду, совершенно вымышленно и ложно. Но, о злочестивые фарисеи, какой отецъ позволитъ себѣ лгать такъ о своемъ дѣтищѣ? Съ двухъ сторонъ стѣсняютъ ихъ, и принуждаютъ отказаться отъ сына, съ одной стороны—выраженіемъ: о которомъ вы говорите, съ другой—вопросомъ: какъ онъ теперь видитъ. Видишь ли? Ложнымъ будтобы показаніемъ родителей о томъ, что сынъ ихъ прежде былъ слѣпъ, они унижаютъ это чудо,—что онъ въ послѣдствіи сталъ зрячимъ. Говорятъ: ложно или то, что онъ видитъ теперь, или то, что онъ былъ слѣпъ. Но, что онъ зрячь, это истинно; слѣдовательно вы ложно разгласили, что онъ прежде былъ слѣпъ.

Отвѣщаша же имъ родителя его и рѣша: вѣмы, яко сей есть сынъ нашъ, и яко слѣпъ родися: Како же нынѣ видитъ, не вѣмы: или кто отверзе ему очи: мы не вѣмы: самъ возрастъ имать, самого вопросите, самъ о себѣ да глаголетъ. Сія рекоша родителя его, яко бояшася жидовъ: уже бо бяху сложилися жидове, да,

аще кто его исповѣсть Христа, отлученъ отъ сонмища будетъ. Сего ради родителя его рекоша: яко возрастъ имать, самого вопросите. Фарисеи родителямъ слѣпаго предложили три вопроса: 1) сынъ ли это ихъ? 2) слѣпымъ ли онъ родился? и 3) какъ онъ сталъ зрячимъ? На первые два вопроса они отвѣчаютъ утвердительно, что это сынъ ихъ, и онъ былъ слѣпъ, а о способѣ исцѣленія не отвѣчаютъ за незнаніемъ. Такъ случилось, безъ сомнѣнія, для того, чтобы истина была признана тверже, чтобы ее засвидѣтельствовалъ самъ получившій благодѣяніе и потому свидѣтель достовѣрнѣйшій, какъ и родители его говорятъ: самъ въ совершенныхъ лѣтахъ, онъ не дитя или недоросль, чтобы не понималъ, какъ исцѣлился. Такъ отвѣчали родители его потому, что боялись фарисеевъ. Они были нетверды и малодушнѣе сына своего. А онъ становился неустрашимымъ свидѣтелемъ истины; онъ сталъ хорошо видѣть и мысленными очами.

Возгласиша же вторицею человѣка, иже бѣ слѣпъ, и рѣша ему: даждь славу Богу: мы вѣмы, яко человѣкъ сей грѣшенъ есть. Отвѣща убо онъ и рече: аще грѣшенъ есть, не вѣмъ: едино вѣмъ, яко слѣпъ бѣхъ, нынѣ же вижу. Рѣша же ему паки: что сотвори тебѣ? како отверзе очи твои? Отвѣща имъ: рекохъ вамъ уже, и не слышасте: что паки хощете слышати? еда и вы ученицы его хощете быти? Они же укориша его, и рѣша ему: ты ученикъ еси того: мы же Моисеовы есмы ученицы. Мы вѣмы, яко Моисеови глагола Богъ: сего же не вѣмы, откуду есть. Какъ родители настаивали на то, что нужно спрашивать сына ихъ, такъ и дѣла-

ютъ высокомѣрные. Они приводятъ его, но не за тѣмъ, чтобы спрашивать, а чтобы внушить ему обвиненіе на Исцѣлителя. Ибо внушеніе: *воздай славу Богу*—значитъ: исповѣдуй, что Іисусъ ничего для тебя не сдѣлалъ, и въ томъ, чтобы не приписывать ничего добраго Іисусу, поставляютъ славу Божію! Мы, говорятъ, знаемъ, что Онъ грѣшникъ. Почему же вы не обличали Его, когда Онъ вызвалъ васъ на это, говоря: кто изъ васъ обличитъ Меня во грѣхѣ (Іоан. 8, 46)? Слѣпецъ говоритъ: грѣшникъ ли Онъ, я не знаю, и теперь этого не испытываю, ни утверждаю. Но весьма ясно знаю то, что Онъ совершилъ надо мною чудо. Итакъ пусть это дѣло будетъ разсмотрѣно само по себѣ, и дастъ объ Немъ понятіе. Потомъ, когда снова спрашивали его, что̀ Онъ сдѣлалъ съ тобою, поставляя въ вину Спасителю, что Онъ помазаніе бреніемъ совершилъ въ субботу, человѣкъ этотъ понялъ, что они спрашиваютъ не для разузнанія, а для обвиненія, и отвѣтилъ имъ съ укоризною: не хочу я болѣе говорить съ вами, потому что много разъ я сказывалъ, и вы не послушали. Потому, что̀ особенно могло уязвить ихъ, прибавляетъ: неужели и вы хотите сдѣлаться Его учениками? Очевидно, самъ Онъ желаетъ быть ученикомъ Его. Шутя же и смѣяся надъ ними, говоритъ это спокойно; а это показываетъ душу смѣлую и неустрашимую, и небоящуюся ихъ бѣшенства. На обиду его они говорятъ: ты ученикъ Его, а мы ученики Моисеевы. И здѣсь явно лгутъ. Ибо если бы были учениками Моисеевыми, то были бы и Христовыми, какъ и самъ Онъ говоритъ имъ: если бы вы вѣрили Моисею, то вѣрили бы и Мнѣ

(Іоан. 2, 46). Не сказали: мы слышали, но: мы *знаемъ*, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ, хотя объ этомъ имъ передали предки. О томъ, что̀ приняли по слуху, говорятъ: мы вѣрно знаемъ, а Того, чьи чудеса видѣли своими глазами, и чье ученіе Божественное и небесное слышали сами, называютъ обманщикомъ (Іоан. 7, 12). Видишь ли, до какого безумія довела ихъ злоба.

Отвѣща человѣкъ и рече имъ: о семъ бо дивно есть, яко вы не вѣсте, откуду есть, и отверзе очи мои. Вѣмы же, яко грѣшники Богъ не послушаетъ: но аще кто богочтецъ есть, и волю его творитъ, того послушаетъ. Отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену. Аще не бы былъ сей отъ Бога, не моглъ бы творити ничесоже. Вы, говоритъ, іудеи, отвергаете моего Исцѣлителя потому, что будтобы не знаете, откуда Онъ. А я говорю, что Онъ тѣмъ болѣе достоинъ удивленія, что, не будучи изъ числа знатныхъ между вами и славныхъ людей, можетъ совершать такія дѣла, которыя совершенно ясно свидѣтельствуютъ, что Онъ владѣетъ какою-то высшею силою, и не нуждается ни въ какой помощи человѣческой.—Потомъ, такъ какъ прежде нѣкоторые изъ нихъ же говорили: какъ можетъ человѣкъ грѣшный творить такія чудеса, то и онъ берется за это осужденіе ихъ, и напоминаетъ имъ собственныя ихъ слова. Мы, говоритъ, всѣ знаемъ, что Богъ не слушаетъ грѣшниковъ, а слушаетъ того, кто почитаетъ Его, и исполняетъ волю Его. Примѣчай отсюда, какъ онъ не только отстраняетъ грѣхи отъ Господа, но и выставляетъ Его великимъ угодникомъ Божіимъ, и дѣлающимъ все по Его волѣ, когда говоритъ: *если кто чтитъ*

Бога, и творитъ волю Его. Далѣе, зная, что они хотятъ затемнить чудо, онъ съ полнымъ разумѣніемъ проповѣдуетъ о благодѣяніи. Если бы Онъ не былъ отъ Бога, то не совершилъ бы такого чуда, какого отъ вѣка никто не совершалъ. Если, можетъ быть, и открывались глаза слѣпыхъ, но не отъ рожденія испорченные, а отъ какой-нибудь болѣзни. Но совершившееся нынѣ—неслыханное дѣло. Итакъ, очевидно, совершившій такое чудо—болѣе, чѣмъ человѣкъ.—Нѣкоторые вдаются въ холодное и утонченное совопросничество. Какъ, говорятъ, сказано, что Богъ не слушаетъ грѣшниковъ? Онъ человѣколюбецъ. Что же, говорятъ, значатъ здѣсь слова: Богъ не слушаетъ грѣшниковъ? На такой вопросъ не слѣдовало бы и отвѣчать. Однакожъ нужно сказать, что словами этими—Богъ не слушаетъ грѣшниковъ—выражается та мысль, что Богъ грѣшникамъ не даетъ силы творить чудеса. Ибо Духъ Божій не станетъ обитать въ тѣлѣ, обложенномъ грѣхами. Тѣхъ же, которые искренно и отъ сердца просятъ себѣ прощенія грѣховъ, Богъ выслушиваетъ не какъ грѣшниковъ, а какъ кающихся. Ибо вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они просятъ себѣ прощенія, они перешли уже изъ ряда грѣшниковъ въ рядъ кающихся. Посему справедливо сказано, что Богъ не слушаетъ грѣшниковъ. Онъ не даетъ грѣшникамъ и благодати творить чудеса. Ибо если бы они и стали когда-нибудь просить о чемъ-либо подобномъ, то какъ Онъ дастъ (просимое) тѣмъ, которыхъ ненавидитъ за то уже, что они присвояютъ себѣ вовсе имъ неприличное? А если Онъ слушаетъ просящихъ прощенія, то слушаетъ не какъ грѣшниковъ, а

какъ кающихся.—Примѣчай. Сказавъ: *если кто чтитъ Бога,* прибавилъ: *и творитъ волю Его.* Ибо многіе чтутъ Бога, а воли Божіей не исполняютъ. А должно быть вмѣсто то и другое: и богопочтеніе и исполненіе воли Божіей, иначе, вѣра и дѣла, или, какъ выразился апостолъ Павелъ, вѣра и добрая совѣсть (1 Тимоѳ. 1, 5), короче сказать: созерцаніе и дѣятельность. Ибо вѣра истинно жива тогда, когда при ней есть и богоугодныя дѣла, отъ которыхъ бываетъ добрая совѣсть, подобно какъ отъ худыхъ дѣлъ порочная совѣсть. И опять, дѣла тогда живы, когда при нихъ есть и вѣра, а въ раздѣльности другъ отъ друга онѣ мертвы, какъ сказано: вѣра безъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 26), и дѣла безъ вѣры. Примѣчай, пожалуй, и то, какую смѣлость даетъ истина нищему, нисколько незамѣчательному человѣку, и онъ обличаетъ великихъ и славныхъ между іудеями. Такъ велика сила истины, тогда какъ ложь весьма робка и несмѣла.

Отвѣщаша и рѣша ему: во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши? и изгнаша его вонъ. Услыша Іисусъ, яко изгнаша его вонъ и обрѣтъ его, рече ему: ты вѣруеши ли въ Сына Божія? Отвѣща онъ и рече: и кто есть, Господи, да вѣрую въ него? Рече же ему Іисусъ: и видѣлъ еси его, и глаголяй съ тобою, той есть. Онъ же рече: вѣрую, Господи· и поклонися ему. Доколѣ надѣялись, что человѣкъ этотъ скажетъ въ угоду имъ, его призывали, и спрашивали, и притомъ не однажды. Но когда изъ отвѣтовъ узнали, что онъ мыслитъ неодинаково съ ними, а расположенъ къ истинѣ, унижаютъ его, какъ рожденнаго во грѣхахъ. Со-

вершенно неразумно поносятъ его слѣпотою, и думаютъ, что онъ, какъ весьма грѣшный и прежде рожденія, осужденъ былъ на рожденіе слѣпымъ, что̀ неосновательно.—Какъ сыны лжи, выгоняютъ его,—исповѣдника истины,—вонъ изъ храма. Но это послужило ему во благо. Изъ храма его выгнали, а Господь храма тотчасъ нашелъ его. Обезчестили его за мнѣніе въ пользу Христа, а онъ удостоился познать Сына Божія. Іисусъ, сказано, нашелъ его, подобно подвигоположнику, который принимаетъ борца, сильно изнемогшаго и увѣнчаннаго. И что̀ говоритъ? Вѣруешь ли ты въ Сына Божія? Для чего объ этомъ спрашиваетъ, когда онъ столько спорилъ съ іудеями, столько говорилъ за Него? Не по незнанію такъ дѣлаетъ, но по желанію научить слѣпца познанію о самомъ Себѣ. Прежде онъ совершенно не видѣлъ Его, не видѣлъ и послѣ исцѣленія его, потому что іудеи, эти злѣйшіе псы, таскали его туда и сюда. Теперь Онъ спрашиваетъ его для того, чтобы на вопросъ его о томъ, кто есть Сынъ Божій, весьма кстати указать на самого Себя. Вмѣстѣ съ симъ показываетъ ему и то, что Онъ высоко цѣнитъ вѣру его, говоря какъ-бы такъ: столько народа оскорбило Меня, но Я нисколько не вмѣняю имъ этого. Я объ одномъ забочусь—о вѣрѣ. Господи, кто это Сынъ Божій? съ любовію спрашиваетъ онъ. Іисусъ отвѣчаетъ: Онъ тотъ, котораго ты видѣлъ, и который говоритъ съ тобою. Не сказалъ: это—Я, исцѣлившій тебя, сказавшій тебѣ: поди, умойся, но говоритъ сначала прикровенно и неясно: и видѣлъ ты Его, а потомъ и яснѣе: и Онъ говоритъ съ тобою. Гос-

подь, кажется, съ намѣреніемъ сказалъ: *видѣлъ ты Его*, съ тѣмъ именно, чтобы напомнить ему объ исцѣленіи и о томъ, что онъ отъ Него получилъ способность видѣть. И онъ тотчасъ вѣруетъ, и на дѣлѣ обнаруживаетъ вѣру горячую и истинную, покланяется, и дѣломъ подтверждаетъ слово, что прославляетъ Его какъ Бога, потому что закономъ повелѣно покланяться одному только Богу (Второзак. 6, 13).—Примѣчай, пожалуй, что чудо это совершилось и въ духовномъ смыслѣ. Слѣпъ былъ и вообще всякій человѣкъ отъ рожденія, то есть, отъ подчиненія рожденію, съ которымъ соединено тлѣніе, ибо съ тѣхъ поръ, какъ мы осуждены на смерть и на размноженіе чрезъ страстное рожденіе, оттолѣ надъ нашими мысленными глазами распростерлось какъ-бы какое густое облако, и, можетъ быть, та кожаная одежда, о которой упоминаетъ священное Писаніе (Быт. 3, 21). Слѣпъ былъ въ частности народъ языческій. И онъ былъ слѣпъ отъ рожденія. Напримѣръ, еллины отъ того, что обоготворили раждаемое и тлѣнное, стали слѣпы, по сказанному: омрачилось несмысленное ихъ сердце (Рим. 1, 21). Такъ и мудрецы (маги) персидскіе жизнь свою проводили въ толкахъ о рожденіи и дняхъ рожденія.—Сего слѣпца, то есть, вообще всякаго человѣка, или въ частности язычниковъ, Іисусъ *увидѣлъ*. Какъ слѣпецъ не могъ увидѣть Творца, то Онъ по благоутробію милости самъ посѣтилъ насъ, востокъ свыше (Лук. 1, 78). Какъ же увидѣлъ? *Проходя*, то есть, не на небѣ будучи, и, по словамъ пророка, преклонившись съ неба, и призрѣвъ на всѣхъ сыновъ человѣческихъ (Псал. 13, 2. 52, 3), но явившись на землѣ. И въ

иномъ смыслѣ, *проходя* увидѣлъ язычниковъ, то есть, пришедъ не къ нимъ преимущественно. Ибо Онъ пришелъ къ погибшимъ овцамъ дома израилева (Матѳ. 15, 24), а потомъ, какъ-бы мимоходомъ, взглянулъ и на язычниковъ, сидящихъ во тмѣ совершеннаго незнанія.— Какъ врачуетъ слѣпоту? Плюнувъ на землю, и сдѣлавъ бреніе. Ибо кто повѣритъ, что Слово низошло во святую Дѣву, какъ капля, каплющая на землю, тотъ помажетъ себѣ мысленные глаза бреніемъ изъ плюновенія и земли, то есть, единымъ Христомъ, состоящимъ изъ божества, котораго знакомъ (символомъ) служитъ капля и плюновеніе, и человѣчества, знакомъ котораго служитъ земля, изъ которой тѣло Господа. Остановится ли врачеваніе на вѣрѣ? Нѣтъ; должно идти и на Силоамъ, источникъ крещенія, и креститься въ посланнаго, то есть, Христа. Ибо всѣ мы, которые духовно крестились, во Христа крестились. А кто крестится, тотъ послѣ сего подвергнется и искушеніямъ. Можетъ быть, за исцѣлившаго его Христа, поведутъ его предъ царей и правителей (Лук. 21, 12). Посему нужно быть твердымъ, и непреклонно стоять во исповѣданіи; не отрекаться изъ страха, но, если понадобится, стать и отлученнымъ и изгнаннымъ изъ синагоги, по сказанному: будете ненавидимы всѣми за имя мое, и изгонятъ васъ изъ синагогъ (Матѳ. 24, 9. Іоан. 16, 2). Если люди, враждующіе противъ истины, и выгонятъ исповѣдника ея, и удалятъ отъ святаго и драгоцѣннаго для нихъ, то есть, отъ богатства и славы; то найдетъ его Іисусъ, и, когда врагами будетъ обезчещенъ, тогда отъ Христа будетъ особенно почтенъ познаніемъ и основа-

тельнѣйшею вѣрою. Ибо тогда наиболѣе будетъ покланяться Христу, какъ человѣку видимому и какъ истинному Сыну Божію. Ибо не иной Сынъ Божій, и иной Сынъ Маріи, какъ нечестиво хулилъ Несторій, но одинъ и тотъ же Сынъ Божій и человѣческій. Смотри. Когда бывшій нѣкогда слѣпымъ спросилъ: кто Сынъ Божій, чтобы мнѣ вѣровать въ Него, тогда Господь отвѣчалъ: Онъ есть тотъ, котораго ты видѣлъ, и который говоритъ съ тобою. Кто же говорилъ, какъ не родившійся отъ Маріи? А Онъ же и Сынъ Божій, но не иной и иной. Почему и святая Марія по-истинѣ Богородица. Ибо Она родила Сына Божія, ставшаго плотію, нераздѣльнаго и въ двухъ естествахъ единаго, который есть Христосъ Господь.

Зач. 35. *И рече Іисусъ: * на судъ азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ и видящіи слѣпи будутъ. И слышаша отъ фарисей сія сущіи съ нимъ, и рѣша ему: еда и мы слѣпи есмы? Рече имъ Іисусъ: аще бысте слѣпи были, не бысте имѣли грѣха: нынѣ же глаголете, яко видимъ: грѣхъ убо вашъ пребываетъ.* Господь видѣлъ, что фарисеи изъ чуда извлекли для себя болѣе вреда, чѣмъ пользы, и чрезъ это стали достойны большаго осужденія, а потому говоритъ: какъ кажется, и какъ выходитъ на дѣлѣ, Я пришелъ на судъ, то есть, для большаго наказанія, чтобы невидящіе видѣли, и видящіе, каковы фарисеи, стали слѣпы душевными глазами. Ибо, вотъ, невидящій отъ рожденія ви-

---

Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: *

дитъ и душею и тѣломъ, а считающіе себя видящими стали слѣпы умомъ. Здѣсь Онъ говоритъ о зоркости и слѣпотѣ двоякаго рода. Фарисеи, всегда хватавшіеся за чувственное, подумали, что Онъ говоритъ о слѣпотѣ чувственной, и сказали: неужели и мы слѣпы? Они стыдились одной только этой слѣпоты тѣлесной. А Господь хотѣлъ показать имъ, что лучше быть слѣпыми по тѣлу, чѣмъ невѣрующими, и сказалъ: если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы грѣха. Ибо если бы вы по необходимости, отъ природы, были слѣпы, вамъ могло бы быть дано прощеніе въ невѣріи, которымъ вы заражены. Но нынѣ вы говорите, что вы видите, и однакожъ, бывъ самовидцами чуда надъ слѣпымъ, еще остаетесь въ невѣріи, а потому и недостойны прощенія. Ибо грѣхъ нашъ остается неизгладимымъ, и вы тѣмъ болѣе будете наказаны, что не приходите къ вѣрѣ при очевидныхъ чудесахъ. Слова сіи,—если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы грѣха,—можно и такъ понимать. Вы спрашиваете о тѣлесной слѣпотѣ, которой одной и стыдитесь. А Я говорю о душевномъ вашемъ ослѣпленіи, что если бы вы были слѣпы, то есть, несвѣдущи въ Писаніи, то не имѣли бы на себѣ столь тяжкаго грѣха, ибо грѣшили бы по незнанію. А теперь вы говорите, что вы видите, и выдаете сами себя за разумныхъ и опытныхъ въ законѣ; посему вы сами себя осуждаете, и имѣете на себѣ грѣхъ большій, потому что грѣшите сознательно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О добромъ пастырѣ и о наемникѣ.—О вопросѣ, предложенномъ Іисусу, когда онъ ходилъ въ притворѣ.

Зач. **Аминь аминь глаголю вамъ: не входяй дверми во дворъ овчій, но прелазя инудѣ, той тать есть и разбойникъ. А входяй дверми, пастырь есть овцамъ. Сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ. И егда своя овцы ижденетъ, предъ ними ходитъ, и овцы по немъ идутъ, яко вѣдятъ гласъ его. По чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него: яко не знаютъ чуждаго гласа.* Господь словами, что вы истинно слѣпы по душѣ чрезъ недугъ невѣрія, упрекнулъ фарисеевъ за невѣріе. Чтобы они не могли сказать, что мы отвращаемся Тебя не по слѣпотѣ нашей, а во избѣженіе обмана, Онъ ведетъ о семъ продолжительную рѣчь. Какую именно? Онъ выставляетъ признаки какъ истиннаго пастыря, такъ и волка—губителя, и такимъ образомъ показываетъ о самомъ Себѣ, что Онъ добръ, ссылаясь во свидѣтельство на дѣла. Сначала Онъ излагаетъ отличительныя свойства губителя. Онъ, говоритъ, не входитъ дверью, то есть, Писаніями, ибо онъ не свидѣтельствуется ни Писаніями, ни пророками. Писанія поистинѣ суть дверь; ибо мы чрезъ нихъ приближаемся къ Богу. Они не позволяютъ входить волкамъ, ибо отлучаютъ еретиковъ, поставляя насъ въ безопасности, и сообщая намъ знаніе обо всемъ, о чемъ пожела-

---

Рече Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеомъ: *

емъ. Итакъ воръ—тотъ, кто не входитъ чрезъ Писанія во дворъ овчій, чтобы заботиться объ овцахъ, но восходитъ индѣ, то есть, самъ себѣ прокладываетъ дорогу иную и необычайную, какъ, напримѣръ, Ѳевда и Іуда. Они предъ пришествіемъ Христовымъ обманули народъ, погубили его и сами погибли (Дѣян. 5, 36. 37). Таковъ будетъ и скверный антихристъ. Ибо у нихъ свидѣтельство не изъ Писаній. Намекаетъ и на книжниковъ, которые не выполняли ни одного слова изъ заповѣдей закона, а учили заповѣдямъ человѣческимъ и преданіямъ. Прилично сказалъ: восходитъ. Это идетъ къ вору, который перепрыгиваетъ чрезъ ограду и дѣлаетъ все съ опасностію. Это—признаки разбойника.—Вотъ и признаки пастыря. Пастырь входитъ чрезъ Писанія, и придверникъ отворяетъ ему. Подъ придверникомъ разумѣй, пожалуй, и Моисея. Ибо ему ввѣрены были слова Божіи. Моисей отворилъ дверь Господу, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что говорилъ объ Немъ. Самъ Господь сказалъ: если бы вы вѣрили Моисею, то повѣрили бы и Мнѣ (Іоан. 5, 46). Или придверникъ есть Духъ Святый. Такъ какъ Писанія, понимаемыя при озареніи отъ Духа Святаго, указываютъ намъ Христа; то справедливо Духъ Святый придверникъ. Имъ, какъ Духомъ премудрости и знанія, отворяются Писанія, чрезъ которыя Господь входитъ въ попеченіе объ насъ, и чрезъ которыя Онъ оказывается Пастыремъ. И овцы слушаются голоса Пастыря.—Фарисеи часто называли Господа обманщикомъ, и доказывали это своимъ собственнымъ невѣріемъ, говоря: неужели кто-нибудь изъ начальниковъ увѣровалъ въ Него (Іоан. 7,

48)? Посему Господь показываетъ, что не Его нужно считать губителемъ, за то, что они не вѣруютъ, а ихъ нужно исключить изъ числа овецъ. Я, говоритъ, вхожу дверью. Очевидно, Я по-истинѣ Пастырь. Вы не послѣдовали за Мною, и тѣмъ показали о себѣ, что вы не овцы. Откуда же выводитъ своихъ овецъ? Изъ среды невѣрныхъ, какъ, напримѣръ, извелъ изъ среды іудеевъ слѣпца, который и услышалъ Его, и узналъ Его.—И идетъ передъ овцами, хотя у тѣлесныхъ пастуховъ бываетъ наоборотъ, ибо они ходятъ позади овецъ. Симъ показываетъ, что Онъ всѣхъ приведетъ къ истинѣ. И учениковъ, какъ овецъ, посылаетъ въ средину волковъ (Матѳ. 10, 16). Такъ, подлинно, пастырское служеніе Христа необычайно. За чужимъ не пойдутъ, потому что не знаютъ чужаго голоса. И здѣсь, безъ сомнѣнія, намекаетъ на Ѳевду и Іуду, за которыми овцы не послѣдовали: ибо немногіе были обольщены, да и тѣ, по смерти ихъ, отстали. А за Христомъ и при жизни, и въ особенности послѣ смерти, ходилъ весь міръ (Іоан. 12, 19).—Намекаетъ и на антихриста; ибо и онъ немногихъ обольститъ, а послѣ своей погибели не будетъ имѣть послѣдователей. Слова: *не идутъ* показываютъ то, что по смерти обманщиковъ никто не будетъ внимать или слѣдовать. Итакъ Писанія суть дверь. Чрезъ эту дверь Господь выводитъ овецъ на пастбище. Какое же пастбище? Будущее наслажденіе и успокоеніе, въ которое Господь вводитъ насъ. Если въ иныхъ мѣстахъ Онъ и самого Себя называетъ дверью, сему не нужно дивиться. Ибо, когда Онъ хочетъ изобразить свое попеченіе объ насъ, Онъ называетъ са-

мого Себя пастыремъ, а когда хочетъ показать, что Онъ приводитъ къ Отцу, тогда называетъ самого Себя дверью; подобно тому, какъ Онъ же въ разныхъ смыслахъ есть и овца и пастырь. Еще подъ дверью разумѣются слова божественныхъ Писаній; а Господь самъ есть и называется Слово; слѣдовательно можетъ быть названъ и дверью.

Сію притчу рече имъ Іисусъ: они же не разумѣша, что бяше, яже глаголаше имъ. Рече же паки имъ Іисусъ: аминь аминь глаголю вамъ, яко азъ есмь дверь овцамъ. Вси, елико ихъ пріиде прежде мене, татіе суть и разбойницы: но не послушаша ихъ овцы. Іисусъ сказалъ имъ въ этихъ словахъ притчу, или сравненіе, и употребилъ неясную рѣчь для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Когда же достигъ этого, то разрѣшаетъ неясность, и говоритъ: Я—дверь. *Всѣ, сколько ихъ ни приходило.* Сіе сказалъ не о пророкахъ, какъ безумствуютъ манихеи. Они пользуются симъ изреченіемъ для доказательства того, что ветхій завѣтъ не отъ Бога, и пророки не были посылаемы Богомъ. Вотъ, говорятъ, Господь сказалъ, что всѣ, сколько ни приходило, суть ѳоры и разбойники. Но Онъ сказалъ это не о пророкахъ, а о Ѳевдѣ и Іудѣ и прочихъ возмутителяхъ. А что сказалъ объ нихъ, это видно изъ того, что̀ прибавилъ: *овцы не послушали ихъ.* Ибо овцы не послушали этихъ возмутителей, а пророковъ послушали, и, сколько ни увѣровало во Христа, всѣ чрезъ нихъ увѣровали. И иначе: *овцы не послушали ихъ.* Сказалъ это въ похвалу. Но нигдѣ не видно, что бы Онъ хвалилъ тѣхъ, которые не слушали пророковъ, напро-

тивъ Онъ сильно охуждаетъ и обличаетъ ихъ. Потомъ, обрати вниманіе на точность выраженія: сколько *ни приходило*, а не говоритъ: сколько *ни* было *послано*. Ибо пророки приходили потому, что были посланы, а лжепророки, какъ и вышесказанные мятежники, приступали къ развращенію обольщаемыхъ, тогда какъ никто ихъ не посылалъ. Такъ и Богъ говоритъ: Я не посылалъ ихъ, и они бѣжали (Іерем. 23, 21).

Зач. 36. * *Азъ есмь дверь: мною аще кто внидетъ, спасется: и внидетъ и изыдетъ, и пажить обрящетъ.* Кто Мною, дверью, войдетъ, и приведется къ Отцу, и станетъ Его овцою, тотъ спасется, и не только спасется, но и получитъ великую неустрашимость, какъ и Господь и Владыка. Ибо это обозначаетъ словами: *и войдетъ и выйдетъ.* Такъ и апостолы смѣло входили и выходили предъ повелителей, и выходили радостными и непобѣдимыми (Дѣян. 5, 41). *И найдетъ пастбище*, то есть, обильную пищу. И иначе: такъ какъ нашъ человѣкъ двойственъ, по выраженію апостола Павла, внутренній и внѣшній (Рим. 7, 22. 2 Коринѳ. 4, 16); то можно сказать, что входитъ тотъ, кто заботится о внутреннемъ человѣкѣ, а тотъ опять выходитъ, кто члены, которые на землѣ, и дѣла плотскія умерщвляетъ во Христѣ (Рим. 8, 13). Такой найдетъ пастбище и въ будущемъ вѣкѣ, по сказанному: Господь пасетъ меня, и ни въ чемъ не будетъ у меня недостатка, и далѣе (Псал. 22, 1).

Рече Господь ко пришедшымъ къ нему іудеомъ: *

Тать не приходитъ, развѣ да украдетъ и убіетъ и погубитъ: азъ пріидохъ, да животъ имутъ, и лишше имутъ. Азъ есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. А наемникъ, иже нѣсть пастырь, емуже не суть овцы своя, видитъ волка грядуща, и оставляетъ овцы, и бѣгаетъ: и волкъ расхититъ ихъ, и распудитъ овцы. А наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть, и не радитъ о овцахъ. Такъ какъ приставшіе къ Ѳевдѣ и Іудѣ и прочимъ отступникамъ были убиты и погибли, то прибавилъ: воръ приходитъ только для того, чтобы украсть, убить и погубить, называя ворами ихъ и подобныхъ имъ. А Я, говоритъ, пришелъ для того, чтобы имѣли жизнь. Они убивали и погубляли своихъ послѣдователей, а Я пришелъ, чтобы жили и имѣли нѣчто бóльшее, именно причастіе Святаго Духа, подъ чѣмъ нужно разумѣть и царство небесное. Итакъ во Христѣ всѣ имѣютъ жизнь; ибо всѣ воскреснутъ и будутъ жить; а праведники получатъ и нѣчто бóльшее, именно царство небесное. Потомъ ведетъ рѣчь и о страданіяхъ, и говоритъ: Я жизнь (душу) мою полагаю за овецъ, выражая симъ, что Онъ идетъ на страданія не по принужденію, а добровольно. Словомъ *полагаю* показываетъ, что никто ея ни отнимаетъ у Меня, а Я самъ отдаю ее. Намекаетъ и на мятежниковъ, не разъ упомянутыхъ. Они, говоритъ, не положили жизни за овецъ, но оставили своихъ послѣдователей; ибо были наемники. А самъ Господь поступилъ наоборотъ. Когда взяли Его, Онъ сказалъ: если Меня ищете, то оставьте сихъ, пусть идутъ, чтобы исполнилось слово, что никто изъ нихъ не погибъ (Іоан.

Іоан.
18, 8. 17, 12), и притомъ тогда, когда іудеи пришли на Него хуже, чѣмъ волки на овецъ. Ибо пришли, сказано, съ мечами и кольями, чтобы взять Его (Лук. 22, 52). Подъ волкомъ здѣсь можно разумѣть и мысленнаго врага, котораго Писаніе называетъ и львомъ (1 Пет. 5, 8), и скорпіономъ (Лук. 10, 19), и зміемъ (Быт. 3, 1. Псал. 90, 13). Говорится, что онъ *похищаетъ* овцу, когда пожираетъ кого-нибудь чрезъ худое дѣло; *разгоняетъ*, когда посредствомъ злыхъ помысловъ смущаетъ душу. Справедливо можно назвать его и воромъ, который *обкрадываетъ* чрезъ лукавые помыслы, *убиваетъ* чрезъ соглашеніе съ ними, *погубляетъ* чрезъ дѣло. Иногда приражается къ кому-нибудь помыслъ злобный, это будетъ воровство. Если человѣкъ согласится съ лукавымъ внушеніемъ, тогда, можно сказать, діаволъ убиваетъ его. Когда же человѣкъ на дѣлѣ совершитъ зло, тогда онъ погибаетъ. Можетъ быть, и это значатъ слова: воръ приходитъ только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Господь дѣлаетъ со всѣми иначе, чѣмъ этотъ воръ. Онъ даетъ божественную жизнь, освящаетъ и помыслы наши добрыми внушеніями, и тѣла добрыми дѣлами; даетъ и нѣчто преизбыточествующее, именно то, что мы можемъ приносить и другимъ пользу посредствомъ дара учительскаго, а также и царство небесное, какъ-бы придавая намъ нѣкоторую лишнюю награду. Онъ подлинно добрый пастырь, а не наемникъ, каковы начальники іудейскіе, которые не заботятся о народѣ, а имѣютъ въ виду только то, чтобы получить съ него плату. Ибо они искали не пользы народу, а себѣ прибыли отъ народа.

Азъ есмь пастырь добрый: и знаю моя, и знаютъ мя моя. Якоже знаетъ мя Отецъ, и азъ знаю Отца: и душу мою полагаю за овцы. И ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ: и будетъ едино стадо, и единъ пастырь. И отсюда ты можешь узнать различіе между пастыремъ и наемникомъ. Наемникъ не знаетъ овецъ, что̀ происходитъ отъ того, что онъ не надзираетъ за ними постоянно. Ибо если бы онъ постоянно смотрѣлъ, то зналъ бы ихъ. А пастырь, каковъ Господь, знаетъ своихъ овецъ, потому что печется объ нихъ, и онѣ опять знаютъ Его, потому что пользуются Его надзоромъ, и по привычкѣ узнаютъ своего Покровителя. Смотри. Прежде Онъ узнаетъ насъ, потомъ уже мы Его. И не иначе можно познать Бога, какъ бывъ познанными отъ Него (1 Коринѳ. 13, 12). Ибо Онъ прежде усвоился намъ плотію, ставъ человѣкомъ, потомъ уже мы усвоились Ему, получивъ даръ обоженія. Желая показать, что не увѣровавшіе недостойны быть познанными отъ Бога, и не суть овцы Его, Онъ сказалъ: Я знаю моихъ, и мои знаютъ Меня, какъ написано: позналъ Господь своихъ (2 Тим. 2, 19). Чтобы кто-нибудь не подумалъ, что Онъ узнавалъ, какъ человѣкъ, Онъ присовокупилъ: какъ Отецъ знаетъ Меня, и Я знаю Отца, то есть: Я такъ вѣрно знаю Его, какъ самъ Себя. Часто повторяетъ: *Я жизнь мою полагаю за овецъ*, для того, чтобы показать, что Онъ не обманщикъ. Ибо выраженія: *Я свѣтъ, Я жизнь*, для несмысленныхъ казались надменными. Но слова: Я хочу умереть, не заключаютъ никакого самохваленія, а напротивъ выра-

жаютъ великое попеченіе, такъ какъ Онъ хочетъ предать Себя за людей, которые бросали въ Него камнями.—*Есть у Меня и другія овцы.* Это говоритъ объ язычникахъ. Они не того двора, который подъ закономъ. Ибо язычники не ограждаются закономъ. *И тѣхъ надлежитъ Мнѣ привесть.* Ибо и эти въ разсѣяніи, и тѣ не имѣютъ пастырей. И благоразумные, и способнѣйшіе къ вѣрѣ, изъ іудеевъ, были безъ пастырей, слѣдовательно, тѣмъ болѣе язычники. Мнѣ *надлежитъ* собрать и язычниковъ и іудеевъ. Слово *надлежитъ* здѣсь означаетъ не принужденіе, а то, что непремѣнно послѣдуетъ. *И будетъ одно стадо, и одинъ пастырь.* Во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни іудея, ни язычника (Гал. 3, 28), и никакого различія. Ибо у всѣхъ одинъ образъ, одна печать крещенія, одинъ пыстырь, слово Божіе и Богъ. Пусть устыдятся манихеи, отвергающіе ветхій завѣтъ, и услышатъ, что одно стадо, одинъ пастырь; ибо одинъ и тотъ же Богъ ветхаго и новаго завѣта.

Зач. 37. * *Сего ради мя Отецъ любитъ, яко азъ душу мою полагаю, да паки пріиму ю. Никтоже возметъ ю отъ мене, но азъ полагаю ю о себѣ: область имамъ положити ю, и область имамъ паки пріяти ю: сію заповѣдь пріяхъ отъ Отца моего. Распря же паки бысть во іудеехъ за словеса сія. Глаголаху же мнози отъ нихъ: бѣса имать и неистовъ есть: что его послушаете? Иніи глаголаху: сіи глаголы не суть бѣснующагося: еда можетъ бѣсъ слѣпымъ очи отверсти?* Такъ

Рече Господь ко пришедшимъ къ Нему іудеомъ: *

какъ Его называли чуждымъ Отцу, обманщикомъ и губителемъ, а не Спасителемъ душъ; то настоящими словами Онъ объявляетъ: Я не губитель вашъ, а готовъ за васъ все претерпѣть, если уже не по другому чему, то потому, что Богъ возлюбилъ васъ столько, что и Меня Онъ любитъ за то, что Я умираю за васъ. Какъ же Я буду обманывать васъ, когда знаю, что васъ Богъ любитъ? Напротивъ, не лучше ли рѣшусь умереть за васъ, если не для иного чего, то для того, чтобы Отецъ мой за это еще болѣе возлюбилъ Меня? Говоритъ это такъ уничиженно, изъ снисхожденія, потому что слушатели не принимали, когда Онъ говорилъ о Себѣ возвышенно. Придавать другой смыслъ этому изреченію было бы нелѣпо. Ибо неужели Отецъ прежде не любилъ Его, а началъ любить только теперь, и причиной сему стала смерть Его за насъ? Нѣтъ; а, какъ я сказалъ уже, Онъ выразился такимъ образомъ по снисхожденію. Иной можетъ сказать и слѣдующее. Любовь къ намъ Бога и Отца была извѣстна. А Богъ и Отецъ увидѣлъ, что и Сынъ Его явилъ къ намъ такую же доброту, ибо восхотѣлъ и умереть за насъ, и въ точности сохраняетъ свойства благости Отчей. Посему Отецъ посправедливости возлюбилъ Сына, возлюбилъ не въ качествѣ дара Сыну и какъ-бы награды за Его смерть за насъ, но потому, что увидѣлъ въ Сынѣ сродство существа съ самимъ Собою, и потому любить Сына былъ побуждаемъ какъ-бы непреодолимымъ закономъ природы. Ибо, еще ли не дѣло великой любви къ намъ явилъ Сынъ, когда принялъ за насъ поносную смерть, и не только смерть;

но опять принялъ жизнь, чтобы умертвить смерть, и чрезъ воскресеніе свое насъ содѣлать безмертными? Итакъ, когда говоритъ, что Отецъ любитъ Меня за то, что Я умираю за васъ, то симъ выражаетъ, что Отецъ какъ-бы веселится и радуется тому, что Сынъ похожъ на Него, и имѣетъ къ людямъ такую же любовь, какую и Онъ.—*Жизни моей никто не отниметъ у Меня.* Говоритъ это для тѣхъ, которые вамѣревались убить Его. Вы, говоритъ, жаждете моей крови; но знайте твердо, что безъ моей воли никто не можетъ (пролить ее). Чтобы кто-нибудь не подумалъ, что Онъ умираетъ какъ рабъ и слуга, по приказанію другаго и вслѣдствіе подчиненія сему, то говоритъ: Я самъ властенъ въ моей смерти, какъ Владыка смерти. Я имѣю власть отдать жизнь мою. Хотя каждый изъ васъ имѣетъ власть отдать жизнь свою, ибо всякому желающему можно умертвить самого себя; но Господь говоритъ не объ этомъ способѣ смерти, а о томъ, что безъ Его воли никто не могъ бы сдѣлать этого. У людей такъ не бываетъ. Ибо и безъ нашей воли другіе могутъ умертвить насъ. А Христосъ безъ своей воли никогда не пострадалъ бы. Посему подчиняясь смерти только по собственному изволенію, Онъ имѣетъ и большее (право)—опять принять жизнь.—Сію заповѣдь—умереть за міръ—Я получилъ отъ Отца. Я, говоритъ, не противникъ Богу, и притомъ до такой степени, что эта самая смерть заповѣдана Мнѣ Отцемъ. Прежде сказалъ Онъ о Себѣ высокое: Я имѣю власть принять жизнь мою, что показываетъ въ Немъ Владыку смерти и Начальника жизни. Теперь присовокупляетъ сми-

ренное: заповѣдь сію Я получилъ отъ Отца моего. Такъ дивно Онъ соединяетъ то и другое, чтобы не почли Его меньшимъ Отца и рабомъ Его, чтобы почли не противникомъ Богу, но равносильнымъ Ему и единовольнымъ. Такая рѣчь Его дѣйствительно послужила на пользу многимъ изъ слушателей. Между ними произошло раздѣленіе. Одни, для которыхъ эти слова Его казались загадочными, думали, что Онъ безъ разумѣнія. Другіе, понимая нѣсколько, говорили: это слова не бѣсноватаго. Такъ какъ Господь словами не могъ заградитъ имъ уста, (ибо и благоразумные ни сами не поняли вполнѣ словъ Его, ни убѣдили бы своихъ противниковъ); то пытаются защитить Христа дѣлами, и говорятъ, что это слова не бѣсноватаго. Откуда же это видно? Изъ дѣлъ. Неужели бѣсъ можетъ открывать глаза слѣпымъ? А если дѣло это божеское, таковы же непремѣнно и слова. Почему же Христосъ ничего не отвѣчалъ тѣмъ, которые говорили, что Онъ бѣснуется? Потому, что и противники ихъ и защитники Его могли заставить ихъ молчать, и быть для нихъ болѣе достовѣрными. Такъ какъ они раздѣлились, и возстали другъ противъ друга, то къ чему еще было и Ему противорѣчить хульникамъ, когда притомъ Онъ нисколько не будетъ имѣть отъ нихъ довѣрія.

*Быша же тогда * обновленія во Іерусалимѣхъ, и* Зач.
зима бѣ. И хождаше Іисусъ въ церкви въ притворѣ Соломони. Обыдоша же его іудее, и глаголаху ему: до-

---

Во время то, быша: *

колѣ души наша возмлешиʔ аще ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся. Отвѣща имъ Іисусъ: рѣхъ вамъ, и не вѣруете, дѣла, яже азъ творю о имени Отца моего, та свидѣтельствуютъ о мнѣ. Но вы не вѣруете: нѣсте бо отъ овецъ моихъ, якоже рѣхъ вамъ. Какое обновленіе было въ Іерусалимѣ? Одни говорятъ, что обновленіе праздновали въ тотъ день, въ который былъ устроенъ храмъ Соломономъ. Другіе же говорятъ не такъ, но что евангелистъ разумѣетъ здѣсь обновленіе храма, созданнаго послѣ (возвращенія изъ) плѣна. Праздникъ этотъ былъ свѣтлый и многолюдный. Такъ какъ городъ, послѣ продолжительнаго плѣна, получилъ (въ храмѣ) какъ-бы собственное украшеніе; то день обновленія (храма) считали днемъ радости. На этотъ праздникъ прибылъ и Іисусъ. Теперь Онъ уже часто ходилъ въ Іудеѣ, потому что страданія были при дверяхъ (близко).—Была зима, и послѣ этой зимы въ первый весенній мѣсяцъ Господь пострадалъ. Посему и евангелистъ замѣтилъ это время, съ цѣлію показать, что время страданія было близко, и потому Господь прибылъ въ Іерусалимъ. Іудеи окружили Его, и, повидимому, отъ нѣкотораго усердія (къ Нему) и желанія узнать (истину), просятъ сказать ихъ, Христосъ ли Онъ; но на самомъ дѣлѣ вопросъ ихъ былъ праздный и злонамѣренный. Ибо тогда, какъ дѣла Его доказываютъ, что Онъ — Христосъ, они для убѣжденія требуютъ словъ. Это скорѣе свойственно шалунамъ и насмѣшникамъ. Впрочемъ вопросъ ихъ, полный неблагодарности и притворства, обнаруживаетъ ихъ развращеніе. Говорятъ: скажи намъ *прямо*. Между тѣмъ Онъ

много разъ говорилъ прямо, когда приходилъ на праздники, и ничего не говорилъ тайно, называлъ самого Себя Сыномъ Божіимъ, и свѣтомъ, и путемъ, и дверью, и ссылался на свидѣтельство Моисея. Посему, уличая ихъ въ томъ, что они спрашиваютъ съ злымъ намѣреніемъ, Господь отвѣчаетъ имъ: Я многократно говорилъ вамъ, и вы не вѣрите.—И иначе: что притворяетесь, будто послушаетесь одного простаго слова? Вы не принимаете дѣлъ, которыя творю Я, не какъ противникъ Богу, но во имя Отца моего. Какъ же вы повѣрите одному простому слову? Ибо несомнѣнно, что дѣла гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ слова. Это высказывали и умѣреннѣйшіе изъ нихъ: не можетъ человѣкъ грѣшный творить такія чудеса (Іоан. 9, 16).—Вы, говоритъ, не вѣрите Мнѣ потому, что вы не изъ моихъ овецъ. Я, какъ добрый пастырь, съ своей стороны исполнилъ все, что̀ Мнѣ должно было сдѣлать; если же вы не слѣдуете за Мною, то не Я недостоинъ званія пастыря, но вы недостойны званія овецъ.—Доколѣ стоитъ зима, то есть, настоящая жизнь, которая всегда имѣетъ смущенія отъ духовъ злобы, старайся и ты праздновать обновленіе своего духовнаго храма, постоянно обновляясь и полагая восхожденія въ сердцѣ своемъ (Псал. 23, 6). Тогда придетъ къ тебѣ Іисусъ, и поможетъ совершить праздникъ обновленія сего, въ притворѣ Соломоновомъ, охраняя тебя своимъ покровомъ и подавая тебѣ миръ отъ страстей. Ибо Онъ самъ будетъ Соломономъ, что̀ значитъ *мирный*. Итакъ кто, по выраженію пророка (Псал. 90, 1), водворяется въ кровѣ Христа, мирнаго, съ тѣмъ самъ Христосъ празднуетъ об-

новленіе души его, доколѣ продолжается зима, то есть, настоящая жизнь. Ибо будущій вѣкъ подобенъ веснѣ; тогда все оживетъ и получитъ новое бытіе; тогда никто не можетъ обновить душу; всѣ такія дѣла окончатся съ настоящимъ вѣкомъ.

Зач. 38. * *Овцы моя гласа моего слушаютъ, и азъ знаю ихъ, и по мнѣ грядутъ. И азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки моея. Отецъ мой, иже даде мнѣ, болій всѣхъ есть: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца моего. Азъ и Отецъ едино есма.* Сказавъ имъ, что они не изъ овецъ Его, теперь склоняетъ ихъ сдѣлаться овцами Его. Для сего и прибавляетъ: овцы мои слушаютъ гласа моего, и онѣ идутъ за Мною. Потомъ, подстрекая ихъ, сказываетъ и то, что получатъ идущіе за Нимъ. Я, говоритъ, даю имъ жизнь вѣчную, и онѣ не погибнутъ во вѣкъ, и проч. Конечно, такими словами Онъ возбуждаетъ ихъ, и внушаетъ имъ ревность и желаніе слѣдовать за Нимъ, коль скоро Онъ подаетъ такіе дары.—Почему, говоритъ, онѣ не погибнутъ? Потому, что никто не можетъ похитить ихъ изъ руки моей; ибо Отецъ мой, который далъ Мнѣ ихъ, больше всѣхъ, и изъ руки Его никто не можетъ похитить ихъ, а потому и изъ моей руки. Ибо моя и Отчая рука—одна. Я и Отецъ одно, то есть, по власти и силѣ. *Рукою* называетъ власть и силу. Итакъ, Я и Отецъ одно по естеству, и по существу, и по власти. Такъ поняли и іудеи, что Онъ сими словами объявляетъ Себя единосущнымъ Богу, и за то, что Онъ дѣлаетъ

Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: *

Себя Сыномъ Божіимъ, схватили каменья, чтобы побить Его.—Но спроситъ иной: какъ Господь сказалъ, что никто не похититъ ихъ изъ руки Отца моего, тогда какъ мы видимъ, что многіе погибаютъ? На это можно отвѣтить, что похитить изъ руки Отца никто не можетъ, а обольстить могутъ многіе. Ибо насильно и самовластно никто не можетъ отвлечь ихъ отъ Отца, Бога; а по обольщенію мы каждый день запинаемся. Какъ же говоритъ: овцы мои пойдутъ за Мною, и онѣ не погибнутъ? Между тѣмъ мы видимъ, что погибъ Іуда. Но онъ погибъ потому, что не послѣдовалъ за Іисусомъ и не пребылъ до конца овцою. А Господь говоритъ объ истинныхъ своихъ послѣдователяхъ и овцахъ, что онѣ не погибнутъ. Если же кто-нибудь отстанетъ отъ стада овецъ, и перестанетъ слѣдовать за пастыремъ, тотъ вскорѣ погибнетъ. Случившееся съ Іудою можно употребить и противъ манихеевъ. Іуда былъ святымъ и овцою Бога, но отсталъ: отпалъ именно по своему выбору и самовластію. Значитъ, зло или добро существуетъ не по природѣ, но является и прекращается отъ свободнаго произволенія.

Взяша же каменіе паки іудее, да побіютъ его. Отвѣща имъ Іисусъ: многа добра дѣла явихъ вамъ отъ Отца моего: за кое ихъ дѣло каменіе мещете на мя? Отвѣщаша ему іудее, глаголюще: о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на тя, но о хулѣ, яко ты, человѣкъ сый, твориши себе Бога. Отвѣща имъ Іисусъ: нѣсть ли писано въ законѣ вашемъ: азъ рѣхъ: бози есте? Аще оныхъ рече боговъ, къ нимъ же слово Божіе бысть, и не можетъ разоритися писаніе. Егоже Отецъ святи и посла въ міръ, вы глаголете, яко хулу глаголеши,

зане рѣхъ: Сынъ Божій есмь. Такъ какъ Господь сказалъ, что Я и Отецъ одно, разумѣется, по власти и силѣ, и показалъ, что рука Его и Отца одна; то іудеи сочли это за богохульство, и хотѣли побить Его камнями за то, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу. Господь, обличая ихъ и показывая, что они не имѣютъ никакой благословной причины къ неистовству противъ Него, но ярятся напрасно, напоминаетъ имъ о чудесахъ, какія Онъ совершилъ, и говоритъ: Я показалъ вамъ много добрыхъ дѣлъ; за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями? Они отвѣчаютъ: мы хотимъ побить Тебя камнями за богохульство, за то, что Ты дѣлаешь Себя Богомъ. Онъ не отрицаетъ этого, не говоритъ, что Я не дѣлаю Себя Богомъ, Я не равенъ Отцу, но еще болѣе утверждаетъ ихъ мнѣніе, а, что Онъ Богъ, доказываетъ это тѣмъ, что написано въ законѣ. Закономъ же называетъ и книгу Давида, равно какъ и все Писаніе. Слова Его имѣютъ такой смыслъ: если получившіе обоженіе по благодати суть боги (Псал. 81, 6), и это не поставляется имъ въ вину; то какая справедливость, когда вы осуждаете Меня, который по естеству—Богъ, котораго Отецъ освятилъ, то есть, опредѣлилъ на закланіе за міръ? Ибо отдѣленное Богу называется святымъ. Очевидно, когда Отецъ освятилъ Меня и опредѣлилъ на спасеніе міра, Я не равенъ прочимъ богамъ, но есмь истинный Богъ. Если же и тѣ, къ которымъ было Слово Божіе, то есть, Я, ибо Я—Слово Божіе, и Я, вселившись въ нихъ, даровалъ имъ сыноположеніе, если они суть боги; то тѣмъ болѣе Я могу безъ всякой вины называть Себя

Богомъ, Я, который по естеству своему Богъ, и прочимъ дарую обоженіе.—Да постыдятся сихъ словъ аріане и несторіане. Ибо Христосъ есть Сынъ Божій и Богъ по существу и естеству, а не тварь, и даетъ обоженіе прочимъ, къ которымъ было Слово Божіе, а не обожается самъ по благодати. Очевидно, Онъ настоящими словами отличаетъ Себя отъ обожаемыхъ по благодати, и показываетъ, что обоженіе даровалъ имъ Онъ, будучи Слово Божіе и вселившись въ нихъ. Ибо это обозначается словами: *къ которымъ было Слово Божіе*, съ которыми было, въ которыхъ обитало. Какъ же Я богохульствую, когда называю Себя Сыномъ Божіимъ? Ибо хотя Я ношу плоть, и происхожу отъ потомства Давидова, но вы не знаете тайны, и того, что плотское естество человѣческое не иначе могло принять бесѣду съ Богомъ, какъ только если Онъ явится ему во плоти, какъ-бы подъ завѣсою.

Аще не творю дѣла Отца моего, не имите ми вѣры: Аще ли творю, аще и мнѣ не вѣруете, дѣломъ моимъ вѣруйте: да разумѣете и вѣруете, яко во мнѣ Отецъ, и азъ въ немъ. Хотите ли вы, говоритъ, познать мое равенство съ Отцемъ? равенство по существу вы не можете познать, потому что познать существо Божіе невозможно; но равенство и тождество дѣлъ примите за доказательство тождества силы; ибо дѣла будутъ для васъ свидѣтельствомъ о моемъ божествѣ. И вы узнаете, и повѣрите, что Я не иное что, какъ Отецъ. Ибо, пребывая Сыномъ и отличаясь Лицемъ, Я имѣю одно и тоже существо, равно какъ и Отецъ, пребывая Отцемъ и отличаясь Лицемъ, есть не иное

что, какъ Сынъ, разумѣется, по существу и естеству. Хотя Мы и различаемся Лицами, но Лица неразлучны и нераздѣльны, а Отецъ и Сынъ пребываютъ одинъ въ другомъ неслитно. Унасъ отецъ существуетъ отдѣльно отъ сына, хотя и одно по природѣ. Но въ лицахъ божескихъ не такъ, какъ у насъ; а Они пребываютъ одно въ другомъ неслитно. Посему объ насъ и говорится: *три человѣка*, ибо мы—раздѣльныя лица, а не составляемъ собственно одно; а о Святой Троицѣ говорится: *единъ* Богъ, а не три, потому что Лица неслитно сопребываютъ одно съ другимъ. Прибавь къ сему тождество воли и хотѣнія.

Искаху убо паки яти его: и изыде отъ рукъ ихъ. И иде паки на онъполъ Іордана, на мѣсто, идѣже бѣ Іоаннъ прежде крестя: и пребысть ту. И мнози пріидоша къ нему, и глаголаху, яко Іоаннъ убо знаменія не сотвори ни единаго: вся же, елика рече Іоаннъ о семъ, истинна бяху. И мнози вѣроваша въ него ту. Ищутъ схватить Господа, не перенося Его высокаго свидѣтельства о самомъ Себѣ, ибо они не терпѣли превосходнаго Его богословія. Но Онъ удаляется, уступая гнѣву ихъ, и устрояя такъ, чтобы чрезъ Его удаленіе страсть гнѣва ихъ утихла. Удаляется вопреки воли ихъ, съ цѣлію показать (о чемъ мы многократно говорили), что Онъ не былъ бы взятъ и на крестъ, если бы не предалъ самъ Себя добровольно. Куда же удаляется? За Іорданъ, въ то мѣсто, гдѣ крестилъ Іоаннъ. Не безъ цѣли Онъ удалился сюда, но съ тѣмъ, чтобы многимъ напомнить о томъ, что̀ тамъ произошло, и что̀ Іоаннъ говорилъ объ Немъ. Что пребываніе Его

здѣсь многимъ принесло пользу, это видно изъ того, что евангелистъ прибавляетъ: *и многіе пришли къ Нему*, и, вспомнивъ объ этомъ мѣстѣ, говорили: Іоаннъ никакого чуда не сотворилъ. Слова ихъ имѣютъ такое значеніе: если мы вѣрили тому (Іоанну), хотя онъ не сотворилъ никакого чуда, то гораздо болѣе должно вѣровать этому (Іисусу), такъ какъ Онъ совершилъ столько чудесъ. Поелику же Іоаннъ свидѣтельствовалъ о Христѣ, а чуда никакого не сотворилъ, и потому могъ быть сочтенъ недостовѣрнымъ; то евангелистъ прибавляетъ: все, что ни сказалъ объ Немъ Іоаннъ, было истинно. Придаетъ вѣру уже не Іисусу по свидѣтельству Іоанна, а Іоанну по дѣламъ, которыя сотворилъ Іисусъ. Посему, говоритъ, многіе увѣровали тутъ. Слово *тутъ* показываетъ, что мѣсто это принесло имъ много пользы. Посему-то Іисусъ часто выводитъ народъ въ пустынныя мѣста, и удаляетъ его отъ сообщества злыхъ людей, чтобы больше могло быть плода. Такъ, кажется, сдѣлалъ Онъ и въ ветхомъ завѣтѣ: вывелъ изъ Египта, и въ пустынѣ образовалъ и устроилъ народъ, давъ ему законъ.—Примѣчай, что удаленіе Христа совершается и въ духовномъ смыслѣ. Онъ удаляется изъ Іерусалима, то есть, отъ іудейскаго народа, и переходитъ въ мѣсто, имѣющее источники, то есть въ Церковь изъ язычниковъ, имѣющую источники крещенія. И приходятъ къ Нему многіе, переходя чрезъ крещеніе. Ибо *онъполъ* Іордана означаетъ это, то есть, переходъ чрезъ крещеніе. Ибо никто не приходитъ къ Іисусу и не дѣлается истинно вѣрнымъ иначе, какъ прошедши чрезъ крещеніе, которое обозначается Іорданомъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О воскрешеніи Лазаря.—О совѣщаніи первосвященниковъ и фарисеевъ убить Іисуса.—Объ изреченіи Каіафы.

Зач. 39. *Бѣ же * нѣкто боля Лазарь отъ Виѳаніи, отъ веси Маріины, и Марѳы сестры ея. Бѣ же Марія помазавшая Господа мѵромъ, и отершая нозѣ его власы своими, еяже братъ Лазарь боляше. Посласте убо сестрѣ къ нему, глаголюще: Господи, се, егоже любиши, болитъ.* Одинъ только Іоаннъ разсказываетъ эту исторію. Разсказываетъ же для того, чтобы научить насъ не соблазняться, если какая-нибудь болѣзнь постигнетъ людей усердныхъ и боголюбезныхъ. Ибо Лазарь былъ другъ Христовъ, однакожъ и онъ былъ боленъ. Нужно знать и то, что сія Марія, помазавшая Господа мѵромъ, не была ни блудница, упоминаемая у евангелиста Луки (7, 37—50), ни женщина, упоминаемая у евангелиста Матѳея (26, 7), но иная, не блудница, но честная, боголюбезная и усердная. Ибо она заботилась о принятіи Христа и служила Ему, какъ самъ Іоаннъ потомъ (12, 2) свидѣтельствуетъ. Господь объ ней же свидѣтельствуетъ, что она избрала благую часть, какъ замѣчаетъ евангелистъ Лука (10, 42). Сестры сіи были такъ чудны и достопочтенны, что и Лазарь сдѣлался извѣстнымъ болѣе изъ за нихъ. Ибо Лазарь, сказано, былъ изъ Виѳаніи, изъ селенія Маріи и Марѳы. Почему же онѣ посылаютъ звать Іисуса, а не идутъ къ Нему сами, подобно сотнику и цареву мужу? Потому, что онѣ крѣпко надѣялись на Христа. потому, что онѣ были (слабыя) женщины и не при-

---

*Во время оно, бѣ **

лично было имъ выходить изъ дому, и потому, что онѣ одержимы были скорбію и заняты были заботою около брата. А что онѣ сдѣлали такъ не по небреженію, это оказывается изъ послѣдующаго; ибо онѣ оказываютъ (Христу) великую честь и уваженіе и приносятъ твердую молитву. *Се, егоже любиши.* Говорятъ такъ для того, чтобы именемъ дружбы вѣрнѣе преклонить Господа къ состраданію. Такое выраженіе сихъ женъ обнаруживаетъ и нѣкоторую вѣру ихъ. Онѣ такъ увѣрены въ величіи силы Господней, что для нихъ удивительно, какъ болѣзнь коснулась человѣка, любимаго Имъ. Ибо удивительнымъ какъ-то представляется, что боленъ тотъ, кого Ты, Господи любишь.

Слышавъ же Іисусъ рече: сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славѣ Божіи, да прославится Сынъ Божій ея ради. Любляше же Іисусъ Марѳу и сестру ея и Лазаря. Егда же услыша, яко болитъ, тогда пребысть на немже бѣ мѣстѣ два дни. Поелику Іисусъ намѣревался пробыть на томъ мѣстѣ два дня, то и говоритъ, что *сія болѣзнь нѣсть къ смерти.* хотя она послужила къ смерти; говоритъ для того, чтобы обнадежить вѣстниковъ и преподать имъ какъ-бы нѣкоторое утѣшеніе, чтобы они не настаивали и не тужили. Для сего-то и говоритъ: *сія болѣзнь не къ смерти.* И иначе. Если внимательно всмотришься, то болѣзнь сія не была къ смерти,—такой, какою умираютъ многіе, то есть, къ смерти долговременной, но—привременной и продолжавшейся четыре дня. Поелику же на четвертый день Лазарь воскресъ, то, взирая на конецъ дѣла, мы говоримъ: сія болѣзнь не къ смерти. *Но о*

славѣ Божіи, да прославится Сынъ Божій. Видишь ли, у Отца и у Сына одна слава. Ибо, сказавъ: *о славѣ Божіи*, прибавилъ: *да прославится Сынъ Божій.* Ибо слава Бога, то есть, Отца, ничѣмъ не разнится отъ славы Сына. Слѣдовательно и Сынъ есть собственно и истинно Богъ, такъ же, какъ и Отецъ. Ибо у кого одна слава, у тѣхъ одно и существо. Да постыдятся аріане и сего изреченія. *Да прославится.* Это понимай не какъ причину, а какъ событіе и окончаніе дѣла (о чемъ мы и говорили не разъ). Ибо не для того Лазарь былъ боленъ, чтобы прославился Богъ; но съ Лазаремъ случилась болѣзнь, а Господь обратилъ ее къ славѣ Божіей. *Пребысть два дни*—для того, чтобы Лазарь умеръ, чтобы никто не могъ сказать, что съ нимъ былъ крѣпкій сонъ, изнеможеніе и изступленіе, а не смерть. Посему-то Господь и остается столько времени, что началось уже разложеніе, и сама сестра говоритъ, что *уже смердитъ* (ст. 39).

Потомъ же глагола ученикомъ: идемъ во Іудею паки. Глаголаша ему ученицы: Равви, нынѣ искаху тебе каменіемъ побити іудее, и паки ли идеши тамо? Отвѣща Іисусъ: не двонадесять ли часовъ есть во дни? Аще кто ходитъ во дни, не поткнется: яко свѣтъ міра сего видитъ. Аще же кто ходитъ въ нощи, поткнется: яко нѣсть свѣта въ немъ. Въ иныхъ случаяхъ Господь никогда не высказывалъ впередъ, куда онъ намѣренъ пойти, а только здѣсь впередъ объявляетъ, кажется, потому, что ученики Его очень боялись идти въ Іудею. Объявляетъ впередъ, чтобы они не смутились неожиданностію, если бы Онъ внезапно повелъ ихъ въ страну,

въ которую идти они боялись. Такъ какъ они боялись и за Него, ибо не имѣли еще совершеннаго познанія о Немъ, а еще болѣе боялись за самихъ себя, то говорятъ Ему: давно ли іудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда? Господь ободряетъ ихъ и говоритъ: какъ тотъ, кто видитъ свѣтъ, не спотыкается, а спотыкается тотъ, кто ходитъ ночью: такъ тотъ, кто творитъ добро и ходитъ въ дѣлахъ свѣта, не подвергнется никакой бѣдѣ; а кто творитъ злое, тотъ потерпитъ бѣду; посему вамъ нѣтъ нужды бояться; ибо мы не сдѣлали ничего достойнаго смерти. Или еще иначе: если тотъ не споткнется, кто видитъ этотъ свѣтъ, тѣмъ болѣе не споткнется тотъ, кто пребываетъ со Мною, если только самъ не отстанетъ отъ Меня. Посему и вы, пребывая со Мною, свѣтомъ (истиннымъ), напрасно боитесь. Иные подъ *днемъ* разумѣютъ время до страданія, а подъ *ночью* время страданія. Итакъ, говоритъ, доколѣ идетъ *день*, то есть, пока еще не настало время страданія, вы не споткнетесь, ибо не встрѣтите гоненія отъ іудеевъ, ни другой какой-нибудь непріятности. А когда придетъ *ночь*, то есть, страданія мои, тогда вы смятенные соберетесь въ одномъ домикѣ изъ опасенія іудеевъ. Съ того времени вы будете испытывать скорби и болѣзни, и много озлобленій и непріятностей. Когда Я—Свѣтъ—не буду уже съ вами жить тѣлесно, то обойметъ васъ ночь скорбей.

Сія рече, и по семъ глагола имъ: Лазарь другъ нашъ успе: но иду, да возбужу его. Рѣша убо ученицы его: Господи, аще успе, спасенъ будетъ. Рече же Іисусъ о

смерти его: они же мнѣша, яко о успеніи сна глаголетъ. Тогда рече имъ Іисусъ не обинуяся: Лазарь умре: И радуюся васъ ради, да вѣруете, яко не бѣхъ тамо: но идемъ къ нему. Рече же Ѳома, глаголемый близнецъ, ученикомъ: идемъ и мы, да умремъ съ нимъ. Такъ какъ ученики Господа боялись идти въ Іудею, то Онъ говоритъ имъ: іудеи искали побить Меня камнями за то, что Я опровергалъ ихъ и обличалъ. Но нынѣ Я иду не за тѣмъ, чтобы обличать ихъ, а за тѣмъ, чтобы посѣтить своего друга. Посему нѣтъ нужды бояться. Я иду не за тѣмъ, за чѣмъ ходилъ прежде, чтобы ожидать опасности со стороны іудеевъ, а иду разбудить друга. Ученики, желая удержать Его отъ путешествія туда, говорятъ: довольно, если онъ уснулъ; если уснулъ, то выздоровѣетъ. Посему намъ не нужно ходить; ибо нѣтъ необходимости. Хотя Господь, говоря объ Лазарѣ, для того и прибавилъ: *другъ мой*, чтобы показать необходимость быть тамъ; но ученики утверждаютъ, что посѣщеніе Его не нужно, такъ какъ онъ можетъ выздоровѣть и отъ того, что уснулъ. Еще болѣе, говорятъ, пришествіе твое не только не необходимо, но и вредно для друга. Ибо, если сонъ, какъ намъ думается, служитъ къ его выздоровленію, а Ты пойдешь и разбудишь его, то Ты попрепятствуешь его выздоровленію. Итакъ не нужно ходить и будить; ибо это вредно. Господь, видя, что ученики Его доселѣ еще не понимаютъ Его, прямо говоритъ, что Лазарь *умеръ*. Для чего же Онъ прежде выразился не прямо, а прикровенно, смерть назвалъ *сномъ*? По многимъ побужденіямъ. Во-первыхъ, по смиренномудрію. Ибо не хотѣлъ

показаться хвастливымъ, а прикровенно назвалъ воскресеніе разбужденіемъ отъ сна. Какъ же бы употребилъ Онъ это выраженіе, если бы смерть не назвалъ сномъ? А что это справедливо, то есть, что Онъ выразился прикровенно по смиренномудрію, это видно изъ послѣдующаго. Ибо сказавъ, что Лазарь *умеръ*, Господь не прибавилъ: пойду, воскрешу его. Видишь ли, какъ Онъ не хотѣлъ на словахъ хвалиться тѣмъ, что намѣренъ былъ подтвердить самымъ дѣломъ? Въ тоже время Господь учитъ насъ и тому, чтобы мы не были поспѣшны въ своихъ обѣщаніяхъ. Ибо, если при просьбѣ сотника (объ исцѣленіи слуги его) Господь и далъ обѣщаніе, сказавъ: Я приду и исцѣлю его (Матѳ. 8, 5—6), то сказалъ это для того, чтобы обнаружить вѣру его. Итакъ это—первая причина, по которой Господь смерть назвалъ сномъ. Другая—та, чтобы показать намъ, что и всякая смерть естъ сонъ и успокоеніе. Третья—та, что хотя кончина Лазаря для прочихъ и была смертью, но для самого Іисуса, поколику Онъ намѣревался воскресить его, она была не болѣе, какъ сонъ. Какъ намъ легко разбудить спящаго, такъ, и еще въ тысячу разъ болѣе, для Него удобно воскресить умершаго. *Радуюсь*, говоритъ, *за васъ*, что вы можете отселѣ болѣе увѣриться въ божескомъ достоинтвѣ моемъ изъ того, что Я не былъ тамъ, и нахожусь далеко оттуда, однако впередъ говорю вамъ, что въ Виѳаніи послѣдовала смерть, и говорю такъ, не на слухѣ основываясь, но, какъ Богъ, самъ прозрѣвая случившееся въ далекомъ растояніи. Нѣкоторые, слова Господа: *радуюсь васъ ради*, понимали такъ: что Я не былъ тамъ, это послужитъ

для утвержденія васъ въ вѣрѣ. Ибо, если бы Я былъ тамъ, Я исцѣлилъ бы больнаго. Чудомъ было бы и это, но оно показало бы мало силы моей. А теперь, когда Меня тамъ не было, и послѣдовала смерть Лазаря, и Я пойду и воскрешу его, вы должны болѣе утвердиться въ вѣрѣ въ Меня. Ибо увидите, что Я силенъ дѣлать и то, чего прежде еще не явилъ, именно возсозидать и воскрешать мертвеца, уже разложившагося и издающаго гнилый запахъ. Когда Господь сказалъ это, и доказалъ ученикамъ необходимость своего шествія въ Іудею, тогда Ѳома, боявшійся болѣе прочихъ, говоритъ: *идемъ и мы, да умремъ съ Нимъ*. Ибо эти слова выражаютъ не бодрость, а страхъ и малодушіе. Чтобы и прочихъ соучениковъ пріостановить, онъ напоминаетъ имъ о смерти, и намѣренно прибавляетъ: *да умремъ*, говоря какъ-бы такъ: и мы, глупые и безумные, и не заботящіеся о своемъ спасеніи и жизни, пойдемъ-те, чтобы умереть съ Нимъ. Пусть Онъ не дорого цѣнитъ свою жизнь; поэтому и мы должны быть неблагоразумны? Такія рѣчи приличны боязливому. Но посмотри на него въ послѣдствіи. Онъ, какъ апостолъ, закланъ былъ за истину. Благодать Божія такъ *укрѣпила* его, что и къ нему можно приложить слова апостола Павла: *способность наша отъ Бога* (2 Кор. 3, 5), и: *не я, но благодать* (1 Кор. 15, 10). А Оригенъ говоритъ о Ѳомѣ нѣчто, похожее на сонъ. Ѳома, говоритъ онъ, узнавъ пророчества о Христѣ, и уразумѣвъ, что Онъ съ душею сойдетъ во адъ для освобожденія душъ, когда услышалъ, что Господь идетъ разбудить Лазаря, то подумалъ, что Онъ можетъ разбудить его,

то есть, освободить душу его, не иначе, какъ если самъ отложитъ тѣло и сойдетъ во адъ. Посему, какъ искренній ученикъ Христовъ, не желающій и въ этомъ отстать отъ своего Учителя, онъ и прочимъ соученикамъ совѣтуетъ и самъ вызывается сложить тѣло свое, чтобы сойти въ адъ вмѣстѣ съ Іисусомъ, который, по его понятію, положитъ душу свою, чтобы душу друга освободить изъ ада. Такое смѣшное объясненіе приложилъ я для посрамленія тѣхъ, которые превозносятъ все Оригеново. Ибо такое объясненіе мудреца—не явное ли пустословіе и настоящій сонъ? А я прошу тебя замѣтить то, что хотя Лазарь и умеръ, Господь однакожъ сказалъ: *идемъ къ нему*, какъ-бы къ живому. Ибо для Христа, какъ Бога, и самый Лазарь былъ живъ.

Пришедъ же Іисусъ, обрѣте его четыри дни уже имуща во гробѣ. Бѣ же Виѳанія близъ Іерусалима, яко стадій пятьнадесять: И мнози отъ іудей бяху пришли къ Марѳѣ и Маріи, да утѣшатъ ихъ о братѣ ею. Марѳа убо егда услыша, яко Іисусъ грядетъ, срѣте его: Марія же дома сѣдяше. Господь намѣренно промедлилъ, чтобы Лазарю исполнилось четыре дня. Потомъ пошелъ, чтобы чудо сдѣлать со всѣхъ сторонъ свободнымъ отъ клеветы. Для чего евангелистъ прибавляетъ, что Виѳанія отстояла отъ Іерусалима стадіяхъ въ пятнадцати? Для того, чтобы показать, что дѣйствительно многіе изъ іерусалимлянъ приходили; ибо Виѳанія была недалеко. Іудеи утѣшали этихъ женщинъ не потому, что любилъ ихъ Христосъ (ибо іудеи сговорились уже, чтобы отлучать отъ синагоги того, кто признаетъ Его за Христа, Іоан. 9, 22), но или

по причинѣ тяжести бѣдствія, или потому, что пришедшіе были не изъ числа злыхъ, отъ чего многіе изъ нихъ и увѣровали. Марѳа одна только идетъ впередъ на встрѣчу, а не беретъ съ собою сестру, потому что она хотѣла наединѣ увидѣться съ Нимъ и разсказать Ему о случившемся. Когда же Господь возбудилъ въ ней добрую надежду, тогда она уходитъ, и зоветъ сестру. Прежде она не сказывала сестрѣ Маріи о приходѣ Господа для того, чтобы скрыть это отъ бывшихъ съ нею. Ибо, если бы Марія услышала, что идетъ Іисусъ, она тотчасъ пошла бы на встрѣчу Ему, а за нею послѣдовали бы и пришедшіе іудеи; но Марѳа не хотѣла, чтобы они узнали о пришествіи Іисуса.

Рече же Марѳа ко Іисусу: Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ. Но и нынѣ вѣмъ, яко елика аще просиши отъ Бога, дастъ тебѣ Богъ. Глагола ей Іисусъ: воскреснетъ братъ твой. Глагола ему Марѳа: вѣмъ, яко воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день. Рече же ей Іисусъ: азъ есмь воскресеніе и животъ: вѣруяй въ мя, аще и умретъ, оживетъ: и всякъ живый и вѣруяй въ мя, не умретъ во вѣки: емлеши ли вѣру сему? Глагола ему: ей, Господи: азъ вѣровахъ, яко ты еси Христосъ, Сынъ Божій, иже въ міръ грядый. И сія рекши, иде и пригласи Марію сестру свою, тай рекши: Учитель пришелъ есть, и глашаетъ тя. Марѳа имѣла вѣру во Христа, но не полную, ненадлежащую. Посему и говоритъ: Господи! если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой. Сказала это, безъ сомнѣнія, потому, что не вѣровала, что Онъ, если бы захотѣлъ, то, и не присутствуя лично,

могъ бы предотвратить смерть брата ея. А далѣе обнаруживаетъ еще большую слабость вѣры. Ибо говоритъ: *чего Ты ни попросишь у Бога, дастъ Тебѣ.* Видишь ли, она считаетъ Его за какого-нибудь человѣка, добродѣтельнаго и угоднаго Богу. Ибо не сказала: чего Ты ни захочешь, все сдѣлаешь; но: чего ни попросишь, все дастъ Тебѣ. Господь же, опровергая такое пониманіе ея, говоритъ: *братъ твой воскреснетъ.* Не сказалъ ей: да, Я буду просить Бога, и дастъ Мнѣ, ни согласился съ ея рѣчью, но употребилъ умѣренное выраженіе. А далѣе гораздо яснѣе выставляетъ свое могущество и власть; Я, говоритъ, есмь воскресеніе и жизнь. Поелику Мареа еще не вѣровала, и не поняла смысла словъ: *воскреснетъ братъ твой,* но подумала, что онъ воскреснетъ въ послѣднее воскресеніе, (а что будетъ послѣднее воскресеніе, это Мареа знала частію изъ божественнаго Писанія, а еще болѣе изъ частыхъ бесѣдъ Христовыхъ о воскресеніи), итакъ, поелику женщина оставалась еще женщиною, Господь возставляетъ ее, и возбуждаетъ ея вѣру, какъ-бы умершую, говоря яснѣе: ты говоришь Мнѣ, что Богъ дастъ Мнѣ все, чего Я ни попрошу у Него. А Я говорю тебѣ ясно, что Я есмь воскресеніе и жизнь, такъ что сила моя не ограничивается мѣстомъ, но Я могу равно изцѣлять, присутствуя на мѣстѣ и заочно. Ибо Я раздаю блага и не отъ лица кого-либо другаго, но самъ Я воскресеніе и жизнь, самъ имѣю силу воскрешать и оживлять. Вѣрующій въ Меня, если и умретъ этою тѣлесною смертію, оживетъ, и всякій, живущій и вѣрующій

въ Меня, не умретъ смертію духовною. Посему не смущайся. Ибо хотя братъ твой и умеръ, но оживетъ. И что говорю о братѣ твоемъ? И вы, если вѣруете въ Меня, не умрете, но будете выше смерти духовной, которая гораздо страшнѣе. А кто избавляетъ отъ смерти страшнѣйшей, тотъ тѣмъ легче избавитъ умершаго брата твоего отъ смерти менѣе страшной. Вѣришь ли сему? спрашиваетъ Господь Маріу (τὴν γυναῖκα). А она, хотя выслушала такія высокія рѣчи, однако не поняла, что̀ сказалъ ей Господь. Думаю, что отъ скорби она страдала и непонятливостію. Ибо иное спрашиваетъ Господь, иное отвѣчаетъ она. Господь спрашиваетъ, вѣруетъ ли она, что Онъ есть воскресеніе и жизнь, и что вѣрующій въ Него не умретъ во вѣкъ, будешь ли разумѣть смерть духовную, или тѣлесную. Ибо о вѣрныхъ, по причинѣ ихъ надежды на воскресеніе, справедливо говорится, что они и не умираютъ. А что̀ отвѣчаетъ Марѳа? я увѣрена, что Ты—Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ. Хорошъ и справедливъ ея отвѣтъ, но отвѣтъ не на вопросъ. Однакожъ она отсюда получила ту пользу, что укротилась сила ея скорби и уменьшилась ея печаль. Марѳа *тайно* зоветъ сестру свою; и сдѣлала это весьма благоразумно. Ибо если бы пришедшіе къ нимъ іудеи узнали, что Марія идетъ на встрѣчу Христу, они бы ушли отъ нихъ, и чудо осталось бы, посему, безъ свидѣтелей. А теперь іудеи подумали, что Марія идетъ на гробъ плакать, пошли вмѣстѣ съ нею, и по необходимости сдѣлались очевидными свидѣтелями чуда. Марѳа говоритъ Маріи: Учитель зоветъ тебя. А у еван-

гелиста не замѣчено, что Господь звалъ ее. Это можно объяснить такъ, что евангелистъ умолчалъ, что Господь повелѣлъ Марѳѣ позвать сестру ея, или она самое пришествіе Господа почла за приглашеніе, и сказала, что Учитель зоветъ тебя. Ибо когда Господь пришелъ: ужели не слѣдовало ей пойти къ Нему? Итакъ, пришествіе Господа, необходимо требующее (отъ Маріи) втрѣчи Ему, евангелистъ и назвалъ приглашеніемъ. Ибо Учитель, говоритъ, пришелъ, и зоветъ тебя; и какъ Онъ пришелъ, то самое пришествіе Его служитъ тебѣ зовомъ. Ибо, какъ скоро Онъ пришелъ, то и тебѣ необходимо пойти на встрѣчу къ Нему.

Она же яко услыша, возста скоро, и иде къ нему. Не уже бо бѣ пришелъ Іисусъ въ весь, но бѣ на мѣстѣ, идѣже срѣте его Марѳа. Іудее же убо сущіи съ нею въ дому и утѣшающе ю, видѣвше Марію, яко скоро воста и изыде, по ней идоша, глаголюще, яко идетъ на гробъ, да плачетъ тамо. Маріа же яко пріиде, идѣже бѣ Іисусъ, видѣвши его, паде ему на ногу, глаголющи ему: Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умерлъ мой братъ. Марія какъ скоро узнала, что Іисусъ пришелъ, не замедлила, но воспѣшно встала, и пошла къ Нему. Отсюда видно, что Марѳа прежде не предувѣдомляла ее, хотя и знала, что Іисусъ идетъ. Іисусъ же еще не пришелъ въ селеніе. Ибо Онъ шелъ медленно, чтобы не подумали, что Онъ самъ напрашивается на чудо, но что Онъ совершитъ оное по ихъ просьбѣ. И какъ имѣющее совершиться чудо было велико, совершено немного разъ, а многимъ долженствовало принести пользу; то Господь устрояетъ такъ,

чтобы многіе сдѣлались свидѣтелями чуда. Ибо евангелистъ говоритъ, что іудеи, которые были съ нею въ домѣ, пошли за нею. Марія пришла ко Христу съ большею горячностію, чѣмъ сестра ея Марѳа. Ибо, увидѣвши Его, она пала къ ногамъ Его, ни устыдившись народа, ни обративши никакого вниманія на то, что нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ враждебно расположены ко Христу. Въ присутствіи Учителя она отбросила все человѣческое, и заботилась только о томъ, чтобы почтить Его. Она говоритъ: *Господи! если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой.* Марѳа же ничего такого не дѣлаетъ, ибо она не падаетъ предъ Нимъ, а напротивъ, когда Христосъ и подаетъ добрую надежду относительно брата, она оказывается невѣрующею. Хотя и Марія является несовершенною, когда говоритъ: если бы Ты былъ здѣсь, *не умеръ бы братъ мой;* однако Христосъ не говоритъ ей ничего такого, что̀ сказалъ сестрѣ ея, потому что тутъ было много народа, и не время было для такихъ рѣчей. Еще болѣе снисходитъ, ясно показываетъ въ Себѣ человѣческую природу и обнаруживаетъ ея свойства. Ибо слушай, что̀ говоритъ евангелистъ.

Іисусъ убо, яко видѣ ю плачущуся, и пришедшыя съ нею іудеи плачущя, запрети духу, и возмутися самъ: И рече: гдѣ положисте его? глаголаша ему: Господи, пріиди и виждь. Прослезися Іисусъ. Глаголаху убо жидове: виждь, како любляше его. Нѣцыи же отъ нихъ рѣша: не можаше ли сей отверзый очи слѣпому сотворити, да и сей не умретъ? Такъ какъ Марія и пришедшіе съ нею плакали, то природа (человѣческая) располагалась къ слезамъ и смущалась. Господь же по-

давляетъ потрясеніе въ духѣ, то есть, Духомъ обуздываетъ смущеніе, и удерживаетъ оное, и дѣлаетъ вопросъ, нисколько не обнаруживая слезъ. Но какъ Господь скорбѣлъ, ибо былъ во-истину человѣкъ, и желалъ удостовѣрить въ дѣйствительности своей человѣской природы, то позволилъ ей сдѣлать свое. Въ тоже время Онъ ограничиваетъ плоть, запрещаетъ ей силою Духа Святаго; но плоть, не вынося запрещенія, смущается, воздыхаетъ и предается печали. Все это Господь допускаетъ испытать своему человѣчеству; частію для того, чтобы утвердить, что Онъ былъ человѣкъ по истинѣ, а не по привидѣнію, а частію для того, чтобы научить насъ полагать предѣлы и мѣру печали и безпечалію. Ибо не имѣть сочувствія и слезъ— свойственно звѣрямъ, а проливать много слезъ и предаваться много печали — свойственно женщинамъ. И такъ какъ Господь воспринялъ на Себя нашу плоть и кровь (Евр. 2, 14), то принимаетъ участіе и въ томъ, что̀ свойственно человѣку и природѣ, и показываетъ намъ мѣру въ томъ и другомъ. *Гдѣ вы положили его?* спрашиваетъ Господь, не потому, будто не знаетъ (ибо, бывъ въ иномъ мѣстѣ и далеко, Онъ зналъ же, что Лазарь умеръ), но для того, чтобы не подумали, будто Онъ самъ отъ Себя вызывается на чудо, Онъ желаетъ узнать все отъ нихъ и совершить чудо по ихъ просьбѣ, чтобы освободить оное отъ всякаго подозрѣнія. И какъ не было еще никакого намека на воскрешеніе Лазаря, и не приходило никому на мысль, что Онъ идетъ воскресить его, а не поплакать только, то и говорятъ Ему: Господи! поди и смотри. А лукавые іу-

деи, не смотря на то, что предъ глазами ихъ большое несчастіе, и при всемъ этомъ не оставляютъ своей злобы. Они говорятъ: ужели Сей, отверзшій очи слѣпому, не могъ сдѣлать, чтобы и этотъ не умеръ? Говорятъ это въ уничиженіе чуда, совершеннаго надъ слѣпорожденнымъ (Іоан. 9 гл). Имъ слѣдовало бы удивляться тому чуду; а они по поводу смерти Лазаря наводятъ сомнѣніе и на дѣйствительность его, и, не дождавшись окончанія дѣла, впередъ уже произносятъ обидный приговоръ. Такъ зависть растлила умы ихъ!

Іисусъ же паки претя въ себѣ, пріиде ко гробу. бѣ же пещера, и камень лежаше на ней. Глагола Іисусъ: возмите камень. Глагола ему сестра умершаго Мареа: Господи, уже смердитъ: четверодневенъ бо есть. Глагола ей Іисусъ: не рѣхъ ли ти, яко аще вѣруеши, узриши славу Божію? Взяша убо камень, идеже бѣ умерый лежа? Іисусъ же возведе очи горѣ, и рече: Отче, хвалу тебѣ воздаю, яко услышалъ еси мя, Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда мя послушаеши: но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ, яко ты мя послалъ еси. Для чего евангелистъ опять замѣчаетъ, что Іисусъ плакалъ, и скорбѣлъ по сочувствію? Для того, чтобы мы знали, что Онъ истинно облекся въ наше естество. Іоаннъ, сравнительно съ прочими евангелистами, возвѣщаетъ о Господѣ высшее ученіе и благословствуетъ нѣчто великое: посему и изъ дѣлъ Его тѣлесныхъ повѣствуетъ о болѣе уничиженныхъ. Посему и въ скорби (Господа) онъ находитъ много человѣческаго, и тѣмъ доказываетъ истинность плоти (Его), чтобы ты позналъ, что Господь былъ Богъ и вмѣстѣ человѣкъ. Ибо, какъ

Лука подвигомъ, скорбію и потомъ Господа (гл. 22), такъ Іоаннъ слезами Его доказываетъ, что Онъ носилъ истинную плоть. Для чего Господь не воскресилъ Лазаря, когда камень лежалъ еще на гробѣ? Ибо, кто однимъ словомъ воздвигъ мертвое тѣло, и одушевилъ уже начавшаго разлагаться, тотъ гораздо удобнѣе могъ словомъ отвалить камень. *Возмите камень*—говоритъ Господь для того, чтобы сдѣлать ихъ свидѣтелями чуда, чтобы не могли, какъ прежде о слѣпорожденномъ, говорить: „это—онъ; это—не онъ" (Іоан. 9, 9.). Ибо присутствіе на самомъ мѣстѣ и отнятіе камня своими руками должны были заградить уста неблагонамѣреннымъ свидѣтелямъ чуда. *Уже смердитъ; четверодневенъ бо есть*, сказала Мареа по невѣрію, потому что считала уже невозможнымъ воскресеніе брата своего, по прошествіи столькихъ дней послѣ его смерти. Такъ она еще невысока была въ вѣрѣ! Христосъ же, напоминая ей свою бесѣду съ нею, и какъ-бы укоряя ее въ забывчивости, говоритъ: не сказалъ ли я тебѣ, что, если будешь вѣровать, увидишь славу Божію? Ученикамъ своимъ Господь говоритъ, что Лазарь умеръ для того, чтобы прославился чрезъ сіе *Сынъ Божій* (выше ст. 4.), а Мареѣ говоритъ: увидишь славу *Божію*, разумѣя Отца. Различныя выраженія употребляетъ объ одномъ и томъ же—по причинѣ немощи слушателей. Здѣсь находились іудеи. Сказать Мареѣ, что ты увидишь славу *Сына Божія*, Господь нашелъ неумѣстнымъ; потому что Его сочли бы тщеславнымъ. А теперь, сказавъ о славѣ Отца, Онъ сдѣлалъ рѣчь умѣренною и удобопріемлемою. Для чего молится Господь,

или, вѣрнѣе, принимаетъ видъ молитвы? Слушай, какъ самъ Онъ говоритъ: для народа, здѣсь стоящаго, сказалъ я сіе, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня; то есть, для того, чтобы не считали Меня противникомъ Богу, чтобы не говорили, что Я не отъ Бога, чтобы доказать имъ, что дѣло это совершено Мною по твоей волѣ. А что именно по этой, а не по другой причинѣ, представляется молящимся, то есть, для предстоящихъ, обрати вниманіе и на самую молитву. *Благодарю Тебя* (Отче!), что *Ты услышалъ Меня.* Ясно, что это не молитва, а только положеніе и видъ молитвы. А что Онъ не нуждается въ молитвѣ, это видно изъ того, что Онъ многое иное совершалъ безъ молитвы. Напримѣръ: тебѣ говорю, бѣсъ! выйди изъ него (Лук. 4, 35.); еще: хочу, очистись (Матѳ. 8, 3.); еще: прощаются грѣхи твои (Матѳ. 9, 2), а это важнѣе всего; и морю: умолкни, перестань (Марк. 4, 39). Итакъ, для того, чтобы присутствующіе тутъ повѣрили, что Онъ съ неба, а не противникъ Богу, Господь и молится. Ибо, если при такихъ дѣлахъ Его, при всесторонних доказательствахъ единомыслія Его со Отцемъ, говорили, что Онъ—не отъ Бога; чего же не сказали бы, если бы Онъ не дѣлалъ ничего такого?

И сія рекъ, гласомъ великимъ воззва: Лазаре, гряди вонъ. И изыде умерый, обязанъ рукама и ногама укроемъ, и лице его убрусомъ обязано; глагола имъ Іисусъ: разрѣшите его, и оставите ити. Мнози убо отъ іудей пришедшіи къ Маріи, и видѣвше, яже сотвори Іисусъ, вѣроваша въ него. Нѣцыи же отъ нихъ идоша къ фарисеомъ, и рекоша имъ яже сотвори Іисусъ. Гос-

подь, болѣе возблагодаривъ Отца, чѣмъ попросивъ (ибо, какъ сказано, Онъ не нуждался въ молитвѣ и помощи отъ нея, потому что равносиленъ со Отцемъ), воззвалъ громкимъ голосомъ, самовластнымъ и владычнимъ. Ибо не сказалъ: во имя Отца моего, Лазарь, или вонъ; ни такъ: Отче! воскреси его; но, какъ сказано, самовластно, заграждая уста всѣхъ, которые говорятъ, что Онъ меньше Отца. Ибо, что̀ нашлось бы равнаго такой власти, что Онъ умершему, какъ живому, говоритъ: Лазарь, иди вонъ! И теперь сбылись на дѣлѣ слова: наступаетъ время, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія, и, услышавъ, оживутъ (Іоан. 5, 25). Дабы кто-нибудь не подумалъ, что Христосъ отъ другаго получилъ такую силу, Онъ впередъ предсказываетъ о томъ, что̀ имѣлъ доказать самымъ дѣломъ. Громкій голосъ Спасителя, воскресившій Лазаря, служитъ образомъ великой трубы, которая будетъ гласить во всеобщее воскресеніе (1 Кор. 15, 52. 1 Солун. 4, 16). Господь воззвалъ громко, для того, чтобы заградить уста еллиновъ, пустословящихъ, будто душа пребываетъ во гробѣ (вмѣстѣ съ тѣломъ); ибо зоветъ ее громко, какъ-бы далеко находящуюся. Какъ было это частное, такъ и всеобщее воскресеніе будетъ вдругъ, во мгновеніе ока (1 Кор. 15, 52). *Вышелъ*, сказано, *умершій, связанный по рукамъ и по ногамъ.* Связанному выдти казалось не менѣе чудно, какъ и воскреснуть. Итакъ, къ чуду воскресенія присоединилось еще чудо,— то, что совершенно связанный двигался. Господь повелѣваетъ развязать его, чтобы приблизившіеся и коснувшіеся его увидѣли, что это—онъ самый. *Пусть,*

говоритъ, *идетъ онъ.* Это—по нелюбви къ славѣ. Ибо не выводитъ его (самъ), ни повелѣваетъ ходить съ Собою, чтобы показаться. Когда чудо совершилось, одни изъ видѣвшихъ оное увѣровали, а другіе объявили фарисеямъ, безъ сомнѣнія, съ *цѣлію* опорочить Его, какъ-бы совершившаго нѣчто неправедное, такъ какъ Онъ повелѣлъ раскопать погребеннаго.

Зач. 40. *Собраша убо архіерее и фарисее сонмъ,* * *и глаголаху: что сотворимъ? яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ. Аще оставимъ его тако, вси увѣруютъ въ него: и пріидутъ римляне, и возмутъ мѣсто и языкъ нашъ.* Нужно было изумляться и удивляться Господу, когда Онъ творитъ такія чудеса; фарисеи, напротивъ, составляютъ совѣтъ, какъ погубить Его. Какое крайнее безуміе! Того, кто въ тѣлахъ прочихъ преодолѣваетъ смерть, думаютъ предать смерти, чтобы сокрыть славу Его; и послѣ столькихъ чудесъ считаютъ Его простымъ человѣкомъ. Что̀, говорятъ, дѣлать намъ? Этотъ *человѣкъ* много чудесъ творитъ. И что за преступленіе, если Онъ творитъ чудеса? (Въ такомъ случаѣ) должно вѣровать въ Него, покланяться Ему, а не считать уже простымъ человѣкомъ. Смотри, какая наглость у фарисеевъ! Стараясь возмутить народъ, они пускаютъ молву, что всѣмъ іудеямъ грозитъ опасность и погибель отъ римлянъ по подозрѣнію въ похищеніи верхо̀вной власти. Если, говорятъ, оставимъ Его, за Нимъ послѣдуетъ много народа, привлекаемаго явленіемъ чу-

---

Во время оно, собрашася архіерее и фарисее на Іисуса *

десъ, и наконецъ римляне заподозрятъ всѣхъ насъ въ похищеніи верховной власти, возмутъ наши города и разрушатъ. Такъ говорили они съ лукавствомъ. Чтобы не показалось, что они строятъ ковы Христу по зависти, они выставляютъ на видъ общую опасность, возбуждая народъ противъ Христа, какъ будущаго виновника погибели ихъ. Понимай, пожалуй, чудо это и въ отношеніи ко внутреннему человѣку. Умъ нашъ— другъ Христовъ, но часто побѣждается слобостію человѣческой природы, впадаетъ въ грѣхъ и умираетъ смертію духовною и самою жалкою, но со стороны Христа удостоиваемою сожалѣнія, ибо умершій—другъ Его. Пусть же сестры и сродницы умершаго ума,— плоть, какъ Марѳа (ибо Марѳа тѣлеснѣе и вещественнѣе), и душа, какъ Марія (ибо Марія набожнѣе и благоговѣйнѣе), придутъ ко Христу и припадутъ предъ Нимъ, ведя вслѣдъ за собою и помыслы исповѣданія, какъ тѣ—іудеевъ. Ибо Іуда значитъ исповѣданіе. И Господь, безъ сомнѣнія, предстанетъ при гробѣ, лежащее на памяти ослѣпленіе повелитъ отнять, какъбы камень какой-нибудь, и приведетъ на память будущія блага и муки. И воззоветъ великимъ голосомъ евангельской трубы: выйди вонъ изъ міра, не погребайся въ житейскихъ развлеченіяхъ и страстяхъ, подобно какъ и ученикамъ своимъ Онъ говорилъ: вы не отъ міра (Іоан. 15, 19), и апостолъ Павелъ: и мы выдемъ къ Нему за станъ (Евр. 13, 13), то есть, міръ, и такимъ образомъ воскреситъ отъ грѣха умершаго, котораго раны пахли злобою. Умершій издавалъ запахъ потому, что былъ четверодневенъ, то естъ, умеръ

для четырехъ кроткихъ и свѣтлыхъ добродѣтелей, и былъ празденъ и недвижимъ къ нимъ. Впрочемъ, хотя и былъ неподвиженъ, и связанъ по рукамъ и ногамъ, сжатъ узами собственныхъ грѣховъ, и казался совершенно бездѣятельнымъ, хотя и по лицу былъ покрытъ платкомъ, такъ что при наложеніи плотскаго покрова не могъ видѣть ничего божественнаго, кратко сказать, былъ въ самомъ худомъ положеніи и *по дѣятельности*, которая обозначается руками и ногами, и *по созерцанію*, которое обозначается покрытымъ лицемъ,—итакъ, хотя онъ находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, но услышитъ: развяжите его добрые и служащіе спасенію ангелы, или священники, и дайте ему прощеніе грѣховъ, пусть онъ идетъ и приступитъ къ дѣланію добра. Нѣкоторые же подъ *Маѳою* разумѣли церковь іудейскую, а подъ *Маріею*—церковь изъ язычниковъ. Церковь іудейская заботится о многомъ, ибо заповѣдей закона много и онѣ неудобоисполнимы, а церковь изъ язычниковъ нуждается не во многихъ заповѣдяхъ, но въ нѣсколькихъ, въ которыхъ заключается весь законъ и пророки (Мѳ. 22, 40), въ заповѣдяхъ о любви. Подъ братомъ ихъ, воскрешаемымъ изъ мертвыхъ, разумѣли души людей, за грѣхи нисходящихъ во адъ, по написанному: *да возвратятся грѣшники во адъ* (Псал. 9, 18), но души эти Господь воскрешаетъ.

Единъ же нѣкто отъ нихъ Каіафа, архіерей сый лѣту тому, рече имъ: вы не вѣсте ничесоже: Ни помышляете, яко уне есть намъ, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ. Сего же о

себѣ не рече: но архіерей сый лѣту тому прорече, яко хотяше Іисусъ умрети за люди: И не токмо за люди, но да и чада Божія расточеная соберетъ во едино. Отъ того убо дне совѣщаша, да убіютъ его. У іудеевъ, между прочимъ, было искажено и первосвященническое достоинство. Ибо, съ того времени, какъ начальственныя должности стали покупными, первосвященники уже не всю свою жизнь священствовали, но только по году. Впрочемъ и при такомъ растлѣніи этого достоинства, Духъ Святый еще дѣйствовалъ въ помазанныхъ. А когда они подняли руки и на Христа, тогда благодать совершенно оставила ихъ, и перешла на апостоловъ. Тогда какъ одни въ видѣ мнѣнія предлагали умертвить Христа, первосвященникъ былъ такъ кровожаденъ, что прямо (съ обнаженною головою) и дерзко произноситъ приговоръ на Христа. Даже порицаетъ прочихъ, что они не разумѣютъ должнаго и не заботятся усмотрѣть полезное. Вы, говоритъ, не знаете ничего, не хотите понять, и не подумаете, что лучше, чтобы одинъ умеръ, и спасся весь народъ. Сказалъ онъ это съ злобнымъ помысломъ. Ибо благодать Духа уста его употребила для предсказанія о будущемъ, хотя и не коснулась сквернаго его сердца. Смотри, какая сила Духа! Она устроила такъ, что и изъ лукаваго сердца произошли слова, заключающія чудное пророчество. Ибо, когда Христосъ умеръ, то всѣ увѣровавшіе изъ народа избавились отъ великаго и вѣчнаго наказанія, и Онъ умеръ не за іудейскій только народъ, но чтобы собрать во едино и остальныхъ чадъ Божіихъ, то есть, язычниковъ. Чадами Бо-

жіими называетъ язычниковъ, и называетъ ихъ такъ или примѣнительно къ будущему, поколику они должны содѣлаться чадами Божіими, какъ и въ иномъ мѣстѣ говоритъ: *есть у Меня и другія овцы* (Іоан. 10, 16), называя ихъ такъ примѣнительно къ будущему; или потому, что Онъ есть Отецъ всѣхъ, родившій насъ образомъ творческимъ, и поколику почтилъ насъ, создавъ по образу своему и по подобію, какъ и апостолъ Павелъ, по сказанію книги Дѣяній (17, 29), въ бесѣдѣ къ аѳинянамъ говоритъ: *итакъ мы, будучи родъ Божій*. Итакъ, поелику человѣкъ есть живое существо высшее и богоподобное, то всякій называется чадомъ Божіимъ. Итакъ насъ разсѣянныхъ (ибо сатана многообразно отлучилъ людей другъ отъ друга и отъ Бога, настроивъ каждаго неистовствовать противъ ближняго своего по любви къ богатству и славѣ) Христосъ привелъ во едино, собравъ во единую Церковь и подъ единое иго, и сдѣлавъ однимъ тѣломъ ближнихъ и дальнихъ, чтобы находящійся въ Римѣ считалъ своими членами жителей Индіи, и исповѣдывалъ Христа единою Главою всѣхъ. *Отъ того дне совѣщаша, да убіютъ Іисуса*. Это значитъ, что съ того дня особенно и окончательно они утвердились въ этомъ намѣреніи. Объ убійствѣ замышляли они и прежде сего, но слабо, и дѣло было скорѣе вопросомъ, чѣмъ рѣшеніемъ, а теперь состоялся окончательный судъ и рѣшительный приговоръ. И прежде искали убить Его (Іоан. 5, 18), и самъ Онъ, обличая ихъ, говорилъ: *за что ищете убить Меня* (Іоан. 7, 19)? Примѣчай силу первосвященническаго достоинства, какъ оно полно благодати

Духа, хотя носящіе оное и недостойны. И прошу тебя, почитай первосвященниковъ по достоинству обитающей въ нихъ благодати, а не по ихъ произволу. Не только Каіафа пророчествуетъ, но и многіе иные недостойные знали будущее, напримѣръ: Фараонъ объ урожаѣ и неурожаѣ (Быт. 45, 17—32). Навуходоносоръ о царствахъ и Христѣ (Дан. 2, 28—45), и Валаамъ о Христѣ (Числ. 24, 17). Да и не всякъ, кто пророчествуетъ, можетъ быть названъ пророкомъ, но всякій пророкъ пророчествуетъ. Подобно какъ не всякій, дѣлающій что-нибудь врачебное, есть уже и врачъ, но кто дѣлаетъ врачебное по врачебному званію, тотъ можетъ быть врачемъ. Подобно какъ и праведникъ не тотъ, кто дѣлаетъ что-нибудь справедливое, но тотъ, кто творитъ правду, по сказанному: *праведно правду гони* (Второз. 16, 20). Такъ пророчествуетъ и Каіафа, но не въ пророческомъ настроеніи (духа), а потому и не пророкъ.

Іисусъ же ктому не явѣ хождаше во іудеехъ, но иде оттуду во страну близъ пустыни, во Ефремъ нарицаемый градъ, и ту хождаше со ученики своими. Бѣ же близъ пасха іудейска: и взыдоша мнози во Іерусалимъ отъ странъ прежде пасхи, да очистятся. Искаху убо Іисуса, и глаголаху къ себе въ церкви стояще: что мнится вамъ, яко не иматъ ли пріити въ праздникъ? Даша же архіерее и фарисее заповѣдь, да аще кто ощутитъ его гдѣ будетъ, повѣстъ, яко да имутъ его. Отъ приговора іудеевъ Господь удаляется, не изъ боязни, а чтобы научить насъ не вдаваться самимъ въ опасности, хотя бы и за благочестіе, но,

если будемъ захвачены, стоять мужественно, а если не будемъ взяты, добровольно не бросаться въ опасность по причинѣ неизвѣстности окончанія дѣла. Смотри, какъ безразсудно намѣреніе іудеевъ. Они и на время праздника не удерживаются отъ злобы убійства, но положили совершить убійство, и восходятъ для очищенія. Согрѣшившіе волею или неволею не совершали пасхи, прежде чѣмъ очистятся по обычаю, чрезъ омовеніе, постъ, обрѣзаніе и принесеніе узаконенныхъ жертвъ. А они, самые лучшіе, творящіе очищеніе, составляютъ совѣтъ противъ Господа, и говорятъ: *какъ вы думаете? не придетъ ли Онъ на праздникъ?* то есть, Онъ непремѣнно попадетъ въ наши руки, и если не что иное, то самое время приведетъ Его въ наши сѣти. Какая злоба! Тогда какъ и открытыхъ преступниковъ слѣдовало для праздника освободить, они злоумышляютъ противъ невиннаго. И если бы только простецы это дѣлали, ихъ пристрастіе показалось бы дѣломъ невѣжества, а то фарисеи даютъ приказаніе объявить объ Немъ и схватить Его. Итакъ Господь прилично удаляется отъ нихъ. Ибо слово Божіе, возвѣщаемое пророками, прежде явно ходило между іудеями, а теперь уже нѣтъ, но удалилось въ пустыню,— церковь язычниковъ, о которой сказано, что у пустой дѣтей гораздо болѣе, чѣмъ у той, у которой есть мужъ (Исаіи 54, 1). Близко находится Ефраимъ, — самая пустыня. Ефремъ значитъ *плодоносіе.* Ефремъ былъ младшій братъ; Манассія—старшій. Манассія значитъ *забвеніе.* Итакъ іудейскій народъ былъ старшимъ сыномъ Божіимъ; ибо сказано, сынъ мой первенецъ Из-

раиль (Исх. 4, 22), но Богъ забылъ его; а Ефрема, то есть, плодоносіе изъ язычниковъ, Господь творилъ вторымъ сыномъ. Итакъ слово, оставивъ Іудею, вышло въ пустыню Ефраимъ,—церковь изъ язычниковъ, оплодотворенную Евангеліемъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О помазавшей Господа мνромъ.—О словахъ Іуды.—Объ осленкѣ.—Объ еллинахъ, пришедшихъ и просившихъ Филиппа.— О голосѣ, слышанномъ съ неба.

Іисусъ же прежде шести днiй пасхи пріиде * *въ* Зач.
Виѳанію, идѣже бѣ Лазарь умерый, егоже воскреси 41.
отъ мертвыхъ. Сотвориша же ему вечерю ту, и Марѳа служаше. Лазарь же единъ бѣ отъ возлежащихъ съ нимъ. Марія же, пріемши литру мνра нарда пистика многоцѣнна, помаза нозѣ Іисусовѣ, и отре власы своими нозѣ его: храмина же исполнися отъ вони масти благовонныя. Въ десятый день мѣсяца выбираютъ агнца для закланія въ праздникъ пасхи (Исх. 12, 3) и съ этого же времени начинаютъ приготовлять все, необходимое для праздника. Обыкновенно и за шесть дней до пасхи, то есть, въ девятый день мѣсяца, ѣдятъ роскошнѣе, и этимъ днемъ начинаютъ праздникъ. Посему и Іисусъ, пришедъ въ Виѳанію, раздѣляютъ вечерю. Евангелистъ, желая показать истинность воскресенія Лазаря, говоритъ: *а Лазарь былъ одинъ изъ возлежавшихъ съ Нимъ.* Ибо онъ, явившись живымъ, не тотчасъ умеръ, но долгое время оставался на землѣ, ѣлъ,

---

Прежде шести днiй пасхи, пріиде Іисусъ *

пилъ и прочее обычное совершалъ. Словами же, что *Мароа служила*, означилъ, что угощеніе было въ ея домѣ. Примѣть, прошу тебя, вѣру этой женщины. Она не поручила служеніе служанкамъ, но исполняетъ оное сама непосредственно. И Павелъ говорить о вдовицѣ, которая умывала ноги святымъ (1 Тим. 5, 10). Итакъ, Мароа сама служитъ вообще всѣмъ, а Марія воздаетъ честь только одному Христу, потому что она внимаетъ Ему не какъ человѣку, а какъ Богу. Ибо она пролила мvро, и отерла волосами головы, потому что имѣла понятіе объ Немъ не такое, какое имѣли другіе, не какъ о простомъ человѣкѣ, но какъ о Владыкѣ и Господѣ. Марію можно понимать и въ высшемъ смыслѣ,— о божествѣ Отца и Господа всѣхъ; ибо Марія значитъ *госпожа*. Итакъ господствующее надъ всѣмъ божество Отца помазало ноги Іисуса,—воспринятую въ последнее время плоть Господа-Слова,—(помазало) мvромъ Духа, какъ и Давидъ говоритъ: *посему помазалъ Тебя. Боже, Богъ твой елеемъ радости* (Псал. 44, 8); и великій Петръ говоритъ: *знай весь домъ израилевъ, что Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ сего самаго Іисуса, котораго вы распяли* (Дѣян. 2, 36). Ибо воспринятая Словомъ плоть, помазанная нашедшимъ на утробу Дѣвы божественнымъ Духомъ и содѣлавшаяся тѣмъ же, что̀ Слово, то есть, Богомъ, наполняла міръ благовоніемъ, какъ и мvро Маріи наполнило весь домъ благоуханіемъ. Что же такое *волосы*, которыми отерты ноги? Это, конечно, святые, украшающіе главу Божію и верховную власть Его. Ибо они, будучи во славу Божію, могутъ быть названы украшеніемъ Его. Они и

сдѣлались причастниками помазанія плоти Господней, какъ и Давидъ называетъ ихъ *причастниками* (Псал. 44, 8), и апостолъ Павелъ говоритъ коринѳянамъ: *утверждающій насъ съ вами во Христѣ, и помазавшій насъ Богъ* (2 Кор. 1, 21). И вездѣ мы узнаемъ, что живущіе по Христѣ называются христами (помазанниками). Итакъ подъ волосами, которыми отерты ноги Іисуса и которые причастны божественнаго помазанія, можно разумѣть христіанъ. Волосы—нѣчто мертвое. И христіане мертвы; ибо они распяли плоть (Гал. 5, 34), и умертвили члены, сущіе на землѣ (Колос. 3, 3), и умертвили для міра. Волосы украшаютъ голову и составляютъ славу ея. Славу Божію составляютъ и святые, такъ какъ свѣтъ ихъ свѣтитъ предъ людьми, и Отецъ прославляется чрезъ нихъ (Мѳ. 5, 16), и они ястіе и питіе творятъ во славу Божію (1 Кор. 10, 31), и въ членахъ своихъ они прославляютъ Его. И ты, поелику Іисусъ воскресилъ твой умъ, какъ-бы нѣкоего Лазаря, прими Его въ домъ души своей; пусть возлежитъ съ Нимъ и воскресшій; помажь ноги Господа за шесть дней до пасхи, прежде чѣмъ наступитъ пасха будущаго вѣка, доколѣ живешь въ этомъ мірѣ, сотворенномъ въ шесть дней. Подъ *ногами* Христовыми можно разумѣть Апостолъ и Евангеліе, и вообще заповѣди, ибо ими Онъ ходитъ въ насъ. Итакъ къ этимъ заповѣдямъ присоедини муро—расположеніе, составленное изъ различныхъ добродѣтелей, изъ которыхъ высшая—вѣра, горячая, какъ нардъ. Ибо, если не покажешь горячаго, усерднаго и добродѣтельнаго расположенія къ симъ заповѣдямъ, и не отрешь ихъ умерщвленными

членами, какъ-бы волосами, и не воспріемлешь въ себя, не сможешь облагоухать домъ свой. Подъ *ногами* Господа можно разумѣть и меньшихъ братій, въ лицѣ которыхъ Христосъ приходитъ къ дверямъ каждаго, и проситъ нужнаго: помажь ихъ мѵромъ милостыни. Многіе подаютъ милостыню на показъ, посему и не получаютъ себѣ пользы, ибо здѣсь получаютъ награду (Мѳ. 6, 1—2). А ты отри волосами головы, и восприми пользу для души, собери плодъ милостыни въ господственной части. И если имѣешь что-нибудь мертвое и бездушное, на подобіе волосъ,—надуши этимъ благимъ помазаніемъ. Ибо сказано: *грѣхи твои загладь милостынями* (Дан. 4, 24).

Глагола же единъ отъ ученикъ его, Іуда Симоновъ искаріотскій, иже хотяше его предати: Чесо ради мѵро сіе не продано бысть на трехъ стѣхъ пѣнязь, и дано нищимъ? Сіе же рече, не яко о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ, и ковчежецъ имѣяше, и вметаемая ношаше. Рече же Іисусъ: не дѣйте ея: да въ день погребенія моего соблюдетъ е. Нищыя бо всегда имате съ собою, мене же не всегда имате. Іуда, будучи любостяжателенъ, не одобряетъ такой образъ попеченія. Почему, какъ-бы говоритъ онъ, принесла ты не деньги, изъ коихъ мнѣ бы можно было украсть, а мѵро? Какъ же другой евангелистъ (Мѳ. 26, 8—9) говоритъ, что всѣ ученики сказали это? На это нужно сказать, что хотя всѣ такъ сказали, но прочіе говорили не съ такою мыслію, съ какою Іуда. Господь не обличаетъ Іуду, хотя знаетъ, что онъ сказалъ это съ намѣреніемъ татя. Ибо не хотѣлъ посрамить его, научая и насъ долго терпѣть

таковыхъ людей. Впрочемъ прикровенно Господь упрекаетъ Іуду въ предательствѣ, и въ томъ, что онъ продастъ Его на смерть по любостяжанію. Посему упоминаетъ и о погребеніи, поражая неразумное его сердце, чтобы онъ исправился, и прибавленіе имѣетъ такой смыслъ: нищихъ, говоритъ, вы всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда; еще немного, и Я отойду, такъ какъ ты приготовилъ Мнѣ смерть. Посему, если Я непріятенъ тебѣ, и честь, Мнѣ дѣлаемая, тягостна для тебя, ты потерпи немного, и избавишься отъ Меня; и тогда обнаружится, изъ за нищихъ ли ты заботишься о продажѣ мура.—Если же Іуда былъ любостяжателенъ и тать, то почему Господь возложилъ на него распоряженіе деньгами? По тому самому, что онъ былъ тать, чтобы отнять у него всякое извиненіе. Ибо онъ не могъ сказать, что предалъ Его (Іисуса) по любви къ деньгамъ. Денежный ящикъ утѣшалъ его; но, и нося ящикъ, онъ не былъ вѣренъ. Ибо онъ уносилъ, то есть, кралъ то, что̀ туда опускали, и былъ святотатецъ, присвояя себѣ подаянія на дѣло святое. Пусть слышатъ святотатцы, какова ихъ участь. Верхъ зла въ томъ, что Іуда впослѣдствіи предалъ (Іисуса) и Господа. Видишь ли, до чего доводитъ любостяжаніе? до предательства. Итакъ, апостолъ Павелъ прилично назвалъ сребролюбіе корнемъ всѣхъ золъ (1 Тим. 6, 10), потому что оно предало Господа, и всегда такъ дѣлаетъ. Нѣкоторые же говорятъ, что Іудѣ было ввѣрено храненіе денегъ, какъ меньшему прочихъ. Ибо служить около денегъ меньше, чѣмъ учить, какъ и въ Дѣяніяхъ (6, 2) апостолы говорятъ: *не хорошо намъ оставивъ слово Божіе пещись о столахъ.*

Разумѣ же народъ многъ отъ іудей, яко ту есть: и пріидоша не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ, егоже воскреси отъ мертвыхъ. Совѣщаша же архіерее, да и Лазаря убіютъ: Яко мнози его ради идяху отъ іудей, и вѣроваху во Іисуса. Тѣ, кои пришли къ Господу, были благонамѣреннѣе прочихъ, безсознательныхъ и неистовыхъ; ибо пришли не для одного только Іисуса, но и для того, чтобы увидѣть Лазаря. Такъ какъ совершилось по-истинѣ величайшее чудо, то многіе желали быть зрителями воскресшаго, можетъ быть, въ надеждѣ узнать отъ Лазаря что-либо о находящихся во адѣ. Фарисеи же такъ безчеловѣчны, что хотятъ убить не только Іисуса, но и Лазаря, потому что онъ для многихъ послужилъ поводомъ ко спасенію, чрезъ чудо, надъ нимъ совершенное, людей безхитростныхъ приводя къ вѣрѣ. Такъ и благодѣяніе Іисуса для нихъ стало преступленіемъ. Особенно они досадовали на то, что по случаю наступленія праздника всѣ идутъ въ Виѳанію, узнаютъ о чудѣ, и своими глазами видятъ воскресшаго.

Во утрейй же день народъ многъ пришедый въ праздникъ, слышавше, яко Іисусъ грядетъ во Іерусалимъ. Пріяша ваіа отъ финикъ, и изыдоша въ срѣтеніе ему и зваху, глаголюще: Осанна, благословенъ грядый во имя Господне царь израилевъ. Господь на малое время удалившись въ пустыню, для того чтобы утишить ярость кровожадныхъ, опять явно входитъ (въ Іудею) и предъ всѣми показывается. Наступило наконецъ время пострадать, и Ему слѣдовало не укрываться, но предать самого Себя за спасеніе міра. Смотри же, какова была

послѣдовательность страданія. Господь воскресилъ Лазаря, сохранивъ къ концу это чудо, важнѣйшее всѣхъ прочихъ; вслѣдствіе сего многіе стекались къ Нему, и увѣровали. Отъ того, что многіе увѣровали, увеличилась зависть (враговъ). За симъ (послѣдовали) козни (противъ Него) и крестъ. Народъ, услышавъ, что идетъ Іисусъ, встрѣтилъ Его со славою, безъ сомнѣнія, ради чуда надъ Лазаремъ, воздавая Ему честь бо́льшую, нежели какая приличествовала простому человѣку. Ибо принимали Его уже не за пророка; потому что кому изъ пророковъ отцы ихъ воздавали такую честь? Посему-то и восклицали: *Осанна! благословенъ грядущій во имя Господне!* Изъ этого восклицанія мы уразумѣваемъ, во-первыхъ, что Онъ Богъ; ибо *Осанна* значитъ: *спаси.* Такъ это слово погречески перевели и LXX толковниковъ въ 117 псалмѣ (ст. 25). Ибо на еврейскомъ языкѣ читается: *Осанна,* на греческомъ же: *О Господи, спаси!* Спасать — свойственно одному только Богу, и къ Нему сказано: *спаси насъ, Господи Боже нашъ!* Изъ всѣхъ мѣстъ Писанія всякій узнаетъ, что спасеніе приписывается Писаніемъ только одному Богу. Итакъ восклицавшіе Христу словами Давида этимъ показываютъ во-первыхъ то, что Онъ Богъ; потомъ, что Онъ — Богъ въ собственномъ смыслѣ. Ибо говорятъ: *грядущій,* а не: ведомый. Послѣднее нѣчто рабское, а идти — самовластное. Словами: *во имя Господне* выражаютъ тоже самое, что Онъ есть истинный Богъ. Ибо не говорятъ, что Онъ идетъ во имя раба, но во имя *Господа.* Еще и то представляютъ, что Онъ не противникъ Богу, но пришелъ во имя Отца, какъ и самъ Господь

говоритъ: *Я пришелъ во имя Отца моего, а иной придетъ во имя свое* (Іоан. 5, 43). Называютъ Его и царемъ израилевымъ, можетъ быть, въ мечтахъ о чувственномъ царствѣ; ибо ожидали, что возстанетъ какой-то царь природы высшей, чѣмъ человѣческая, и избавитъ ихъ отъ владычества римлянъ.

Обрѣтъ же Іисусъ осля, всѣде на не, якоже есть писано: Не бойся, дщи Сіоня: се царь твой грядетъ, сѣдя на жребяти осли. Сихъ же не разумѣша ученицы его прежде: но егда прославися Іисусъ, тогда помянуша, яко сія быша о немъ писана, и сія твориша ему. Прочіе евангелисты говорятъ, что Господь сказалъ ученикамъ: *отвязавъ приведите ко Мнѣ* (Мѳ. 21, 2. Марк. 11, 2. Лук. 19, 30). А здѣсь Іоаннъ ни о чемъ этомъ не упоминаетъ, а просто говоритъ: *Іисусъ, нашедши молодаго осла.* Впрочемъ разногласія между евангелистами нѣтъ. Прочіе сказали пространнѣе, а Іоаннъ короче сказалъ: *Іисусъ нашедши молодаго осла.* Когда ученики отвязали и привели, Іисусъ нашелъ его, и сѣлъ на него. Въ этомъ обстоятельствѣ Онъ исполнялъ и пророчество Захаріи, который сказалъ: *не бойся, дочь Сіонова! вотъ Царь твой идетъ къ тебѣ, сидя на молодомъ ослѣ* (Зах. 9. 9). Такъ какъ цари іерусалимскіе по большей части были несправедливые и корыстолюбивые, то пророкъ говоритъ: не бойся, дочь Сіона! Царь, о которомъ я предсказываю тебѣ, не таковъ, но кротокъ и смиренномудъ, и нисколько негордъ. Это видно и изъ того, что Онъ пришелъ, сидя на ослѣ. Ибо Онъ вошелъ не въ сопровожденіи войска, но пріѣхалъ на (одномъ) ослѣ. Возсѣданіе Господа на ослѣ было и

образомъ будущаго. Животное это, по закону нечистое, было образомъ нечистаго народа изъ язычниковъ, на которомъ Іисусъ, Слово Божіе, возсѣдаетъ, подчиняя Себѣ этотъ непокорный и грубый, на подобіе осла, новый народъ, который Онъ и возводитъ въ истинный Іерусалимъ послѣ того, какъ онъ сталъ ручнымъ и покорнымъ Ему. Ибо, ужели Господь не совозвелъ на небо тѣхъ язычниковъ, которые стали Его народомъ и покорились проповѣди (евангельской)? Пальмы, можетъ быть, означали то, что Онъ, воскресивъ Лазаря, сталъ побѣдителемъ смерти; ибо пальма давалась на бояхъ побѣдителямъ. Можетъ быть, ими выражалось и то, что прославляемый есть существо небесное и свыше пришедшее. Ибо пальма изъ прочихъ деревъ одна только достигаетъ, такъ сказать, самаго неба, на высотѣ пускаетъ листья, въ листѣ имѣетъ бѣлыя ядра, въ стволѣ же и срединѣ, до верха, шероховата и неудобна для того, чтобы возлѣсть на нее, такъ какъ на вѣтвяхъ имѣетъ колючки. Такъ и тотъ, кто стремится къ познанію Сына и Слова Божія, найдетъ оное не легкимъ, а труднымъ, восходя трудами добродѣтели, но, достигнувъ высоты познанія, озарится яркимъ свѣтомъ богопознанія и откровеніемъ неизреченныхъ таинъ, какъ-бы бѣлѣйшими ядрами пальмы. Прошу тебя, подивись евангелисту, какъ онъ не стыдится, а открыто говоритъ о прежнемъ познаніи апостоловъ. Ученики, говоритъ, сперва не поняли сего, но (поняли) тогда, какъ Іисусъ прославился. Подъ славою разумѣетъ вознесеніе; послѣдовавшее за страданіями и смертію. Тогда-то, безъ сомнѣнія, по сошествіи Святаго Духа, они познали, что

это объ Немъ было написано. Что было это написано, они можетъ быть, и знали; но что написанное относилось къ Іисусу, это отъ нихъ было сокрыто, и не безъ пользы. Иначе они соблазнились бы распятіемъ Его, когда такъ страдаетъ Тотъ, кого Писаніе называетъ царемъ.

Свидѣтельствоваше убо народъ, иже бѣ прежде съ нимъ, егда Лазаря возгласи отъ гроба, и воскреси его отъ мертвыхъ, Сего ради и срѣте его народъ, яко слы-
Зач. *шаша его сіе сотворша знаменіе. Фарисее убо рѣша* *
42. *къ себѣ: видите, яко никаяже польза есть? се міръ по немъ идетъ.* Народъ, видѣвшій чудо надъ Лазаремъ, свидѣтельствовалъ и проповѣдывалъ о силѣ Іисуса. Посему и встрѣтили Его со славою тѣ, которые слышали о совершеніи этого чуда, то есть, увѣровали; ибо если бы не увѣровали, не перемѣнились бы такъ скоро. Фарисеи, говорящіе: *видите ли, не успѣваете ничего,*— говорятъ это не по лукавству, ибо были не изъ числа навѣтовавшихъ на Спасителя, но представляются благорасположенными, только неявно, потому что не смѣютъ явно противостать неистовствующимъ противъ Господа, пытаются утишить ихъ послѣдствіями дѣла, говоря какъ-бы такъ: какая вамъ польза отъ того, что много строите ковъ надъ человѣкомъ симъ? Сколько вы ни злоумышляете, Онъ все болѣе растетъ, и слава Его умножается; ибо міръ, то есть, весь народъ идетъ за Нимъ. Посему, не имѣя никакого успѣха, оставьте ваши ковы и не грѣшите по напрасну.

Во время оно. совѣтъ сотвориша фарисее на Іисуса, и рѣша *

Бяху же нѣцыи еллини отъ пришедшихъ, да поклонятся въ праздникъ. Сіи убо приступиша къ Филиппу, иже бѣ отъ Виѳсаиды Галилейскія, и моляху его, глаголюще: господи, хощемъ Іисуса видѣти. Пріиде Филиппъ и глагола Андреови: и паки Андрей и Филиппъ глаголаста Іисусови. Іисусъ же отвѣща има, глаголя: пріиде часъ, да прославится Сынъ человѣческій. Аминь аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ. По причинѣ красоты храма и чудесъ, передаваемыхъ у іудеевъ, многіе и изъ еллиновъ пришли поклониться. Они были близки къ тому, чтобы стать и пришельцами, то есть, принять іудейство. Когда дошла до нихъ молва объ Іисусѣ, они подходятъ къ Филиппу и просятъ его (доставить имъ возможность) видѣть Іисуса. Филиппъ, по смиренномудрію и благочинію, говоритъ Андрею, какъ высшему себя. Андрей не берется за докладъ, ни рѣшаетъ этого самъ собою, но, взявъ съ собою и Филиппа, осмѣливается доложить Іисусу (такой добрый порядокъ и взаимная любовь господствовали между ними). Что же Господь? Такъ какъ Онъ заповѣдывалъ ученикамъ не ходить на путь къ язычникамъ (Мѳ. 10, 5), а теперь видѣлъ, что язычники уже сами приходятъ къ Нему (ибо еллины, желавшіе видѣть Его, безъ сомнѣнія, были язычники), а іудеи строятъ Ему ковы, говоритъ: время, наконецъ, идти на страданіе, ибо наступило время креста, чтобы прославился Сынъ человѣческій. Какая польза не принимать язычниковъ, приходящихъ къ намъ, и навязываться іудеямъ, ненавидящимъ и гонящимъ? Итакъ,

поелику язычники приходятъ къ намъ, то теперь время уже быть распятымъ. Итакъ Я позволю іудеямъ докончить ихъ козни, и допущу имъ распять Меня, чтобы они въ послѣдствіи были безъ всякаго извиненія, такъ какъ Я благословно оставлю ихъ, какъ распинателей и убійцъ, и обращусь къ язычникамъ, которые уже начали приходить къ моему ученію. Ибо очень несправедливо было бы ничего не давать язычникамъ, жаждущимъ слова и спасенія, и изобильно давать іудеямъ, которые попираютъ даруемое имъ и умышляютъ зло Благодѣтелю. Потомъ, чтобы ученики не соблазнились тѣмъ, что Онъ умираетъ тогда, когда начали приходить и язычники, Онъ говоритъ: это самое, то есть, смерть моя, еще болѣе увеличитъ вѣру язычниковъ. Ибо, какъ пшеничное зерно тогда приноситъ много плода, когда, бывъ посѣяно, умретъ, такъ и моя смерть принесетъ много плода для вѣры язычниковъ. Итакъ пусть никто не соблазняется, потому что моя смерть не препятствуетъ присоединенію язычниковъ, но примѣромъ зерна пусть убѣдится, что паденіе (мое) въ смерти моей пріумножитъ число вѣрующихъ. Ибо, если такъ бываетъ съ зерномъ, тѣмъ болѣе (будетъ) со Мною. Ибо, умерши и воскресши, Я чрезъ воскресеніе еще болѣе явлю силу свою, и тогда всѣ увѣруютъ въ Меня, какъ Бога.

Любяй душу свою, погубитъ ю: и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю. Аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ: и идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ: и аще кто мнѣ служитъ, почтитъ его Отецъ мой. Такъ какъ Господь

былъ близокъ къ страданіямъ, и зналъ, что ученики исполнятся печали, посему говоритъ: вы нисколько не должны печалиться о смерти моей. Ибо, если и сами вы не умрете, то для васъ не будетъ никакой пользы. Да и всякій вообще человѣкъ, который любитъ настоящую жизнь, и любитъ свою душу, то есть, исполняетъ ея неумѣстныя пожеланія, когда угождаетъ ей больше, чѣмъ должно, и не презираетъ смерти,—погубитъ ее. А кто ненавидитъ ее, то есть, не служитъ ей, и не преклоняется предъ нею, тотъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную. Желая показать, сколь строгое отвращеніе должно имѣть къ похотѣніямъ души, сказалъ: *кто ненавидитъ.* Мы не можемъ ни видѣть лица, ни слышать голоса ненавидимыхъ нами: также должны относиться и къ неразумнымъ пожеланіямъ души, то есть, ненавидѣть ихъ совершенною ненавистью. Словами: кто ненавидитъ душу свою *въ мірѣ семъ,* показываетъ временность дѣла. Заповѣдь сія казалась убійственною и несообразною (съ любовію къ жизни). Онъ смягчилъ ее прибавленіемъ: *въ мірѣ семъ.* Я, говоритъ, невсегда повелѣваю ненавидѣть душу; но *въ этомъ мірѣ* невѣрномъ отвращайся ея, когда она предписываетъ тебѣ *творити неподобная.* (Рим. 1, 28). Прибавляетъ и пользу: *сохранитъ ее въ жизнь вѣчную;* возненавидишь на время, а сохранишь живою на вѣки, для жизни божественной. Желая еще болѣе убѣдить ихъ презирать настоящую жизнь и ободритъ противъ смерти, говоритъ: *кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ,* пусть будетъ готовъ къ смерти также, какъ Я. Ибо говоритъ здѣсь о послѣдованіи (Себѣ) на самомъ дѣлѣ.

Потомъ предлагаетъ и утѣшеніе: *гдѣ Я, тамъ и слуга мой будетъ.* Гдѣ же Христосъ? На небесахъ. Ибо небесное и земное противоположны между собою. Кто любитъ быть на землѣ, тотъ не будетъ на небѣ; а кто избѣгаетъ земнаго и міра сего, тотъ будетъ высоко и на небесахъ. *Кто Мнѣ служитъ, того почтитъ Отецъ мой.* Не сказалъ: *Я* почту его, но: *Отецъ.* Симъ показываетъ свое сродство съ Нимъ. Ибо истинный Отецъ удостоитъ его чести, какъ слугу своего истиннаго Сына. Симъ вмѣстѣ показываетъ и то, что Онъ не противникъ Богу. Ибо Богъ и Отецъ не почтилъ бы того слугу, который противится Ему. Итакъ, не будемъ поставлять любовь къ душѣ своей въ томъ, чтобы хранить ее отъ опасностей за истину, и не желать терпѣть зла за добро; но, если мы слуги Христовы, отдадимъ ее въ опасности за истину, и, безъ сомнѣнія, будемъ въ томъ же состояніи, въ какомъ нынѣ Христосъ, не говорю въ божескомъ достоинствѣ, ибо Онъ по природѣ Богъ, но въ томъ, чѣмъ можетъ украситься природа человѣческая; ибо Онъ—Богъ по естеству, а мы боги—по усыновленію и по благодати.

Нынѣ душа моя возмутися: и что реку? Отче, спаси мя отъ часа сего: но сего ради пріидохъ на часъ
Зач. *сей.* * *Отче, прослави имя твое, пріиде же гласъ съ небесе: и прославихъ, и паки прославлю.* Что это Онъ говоритъ! Кажется, Онъ противорѣчитъ самъ Себѣ. Выше Онъ, кажется, приготовлялъ (другихъ) къ смерти, и убѣждалъ ненавидѣть душу, а теперь Онъ же, вбли-

---

Рече Господь *

зи къ смерти, возмущается. Это прилично не увѣщевающему къ смерти, а отвращающему отъ нея. Но, если внимательно разсмотришь, то найдешь, что самое возмущеніе Его есть увѣщаніе къ презрѣнію смерти. Дабы кто-нибудь не вздумалъ сказать, что Ему легко такъ любомудрствовать о смерти и другихъ убѣждать къ терпѣнію бѣдствій, когда Онъ самъ внѣ человѣческихъ страданій и внѣ опасности,—Онъ показываетъ, что и самъ Онъ испыталъ свойственное людямъ и причастенъ нашего естества, хотя и безъ грѣха. Посему, хотя Онъ, какъ человѣкъ, по природѣ любящій жизнь, не желаетъ смерти и возмущается, однакожъ не отказывается отъ нея, поколику она нужна для спасенія міра, Для сего-то, говоритъ, на сей часъ Я и пришелъ, чтобы воспринять смерть за всѣхъ. Симъ ясно научаетъ насъ, чтобы и мы, хотя бы возмущались, хотя бы печалились, однакожъ смерти за истину не избѣгали бы. И Я, говоритъ, возмущаюсь, ибо Я по-истинѣ человѣкъ и попущаю природѣ (человѣческой) обнаруживать свойственное ей, однакожъ не говорю Отцу, чтобы Онъ избавилъ Меня отъ часа сего; но что говорю? *Отче! прослави имя твое*, то есть, благоволи Мнѣ воспринять крестъ и смерть за спасеніе всѣхъ. Смотри: смерть за истину Онъ назвалъ славою Божіею. Посему и Отецъ говоритъ: *и прославихъ, и паки прославлю*; прославилъ тѣми чудесами, которыя Ты до креста совершалъ во имя мое; *и еще прославлю*, совершивъ чрезъ Тебя чудеса на самомъ крестѣ; а послѣ погребенія сдѣлаю еще болѣе славнымъ и мое имя и Тебя, воскресивъ Тебя, и низпославъ Духъ.

Народъ же стояй и слышавъ глаголаху: громъ бысть, иніи глаголаху: ангелъ глагола ему. Отвѣща Іисусъ и рече: не мене ради гласъ сей бысть, но народа ради. Нынѣ судъ есть міру сему: нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ. И аще азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ. Сіе же глаголаше, назнаменуя, коею смертію хотяше умрети. Такъ какъ очень многіе были грубы и невѣжественны, то они сочли голосъ за громъ, хотя голосъ этотъ былъ членораздѣльный и весьма ясный. Ибо они скоро забыли слова голоса, удержавши только его отголосокъ. Иные помнили и самыя слова голоса: *и прославилъ, и еще прославлю*; однакожъ, не понимая, какой смыслъ сихъ словъ, думали, что ангелъ проговорилъ Ему, а потому слова сіи, какъ сказанныя ангеломъ, и непонятны для нихъ. Но Іисусъ говоритъ: *голосъ сей былъ не для Меня, но для васъ.* Я не имѣлъ нужды въ наученіи, что Отецъ прославилъ, и еще прославитъ имя свое. А васъ нужно было научить, что Я не противникъ Богу, а дѣйствую во славу имени Божія. Ибо, если чрезъ Меня прославится имя Божіе, какъ же Я противникъ Богу? Итакъ голосъ сей былъ для васъ, чтобы вы узнали, что Я (дѣйствую) во славу Божію, и если не можете (сами) узнать, то чрезъ распросы узнали бы, чего не знаете. Слова: *нынѣ судъ міру сему*, повидимому, не имѣютъ связи съ предъидущимъ. Ибо какое отношеніе ихъ къ словамъ: *и прославилъ, и еще прославлю*? Но связь, безъ сомнѣнія, есть. Такъ какъ Отецъ свыше сказалъ: *прославлю*, то Господь показываетъ намъ способъ прославленія. Какой же именно? Тотъ, что князь

міра сего будетъ изгнанъ вонъ и побѣжденъ, а за міръ будетъ судъ, то есть, отмщеніе. Слова сіи имѣютъ такой смыслъ: нынѣ совершается судъ и отмщеніе за міръ сей. Такъ какъ діаволъ подвергъ этотъ міръ смерти, сдѣлавъ всѣхъ людей повинными грѣху, но напавъ на Меня, и не нашедъ во Мнѣ грѣха, подвелъ подъ смерть и Меня, наравнѣ съ прочими: то онъ будетъ осужденъ Мною, и такимъ образомъ Я отмщу за міръ. Пусть прочимъ нанесъ онъ смерть за грѣхъ; но что̀ такое онъ нашелъ во Мнѣ подобнаго прочимъ, чтобы умертвить и Меня? Итакъ нынѣ Мною совершается судъ міра сего, то есть, отмщеніе (за него). Ибо, умертвивъ умертвившаго всѣхъ, потомъ напавшаго и на Меня невиннаго, Я буду отмстителемъ за всѣхъ, умерщвленныхъ имъ, и жестокій властитель (тиранъ), осужденный моею смертію, будетъ изгнанъ вонъ. Выраженіе: *изгнанъ вонъ* употреблено по сравненію съ тѣмъ, какъ въ судебныхъ мѣстахъ выталкиваютъ осужденныхъ изъ судилища. *Будетъ изгнанъ вонъ*—можно понимать и такъ, что изгнанъ будетъ во тьму внѣшнюю. Онъ лишится владычества надъ людьми, и не будетъ, какъ прежде, царствовать въ нихъ, и въ душахъ и въ смертномъ тѣлѣ ихъ, но Я всѣхъ привлеку къ самому Себѣ, когда вознесенъ буду на крестъ. Ибо всѣ, и изъ числа язычниковъ, будутъ привлечены къ вѣрѣ въ Меня. Такъ какъ они сами не могутъ придти ко Мнѣ, удерживаемые властителемъ симъ, то Я, побѣдивъ его и выславъ вонъ, и пресѣкши нити владычества его надъ людьми, привлеку ихъ и противъ его воли. Это въ иномъ мѣстѣ Онъ назвалъ похищеніемъ: *никто*, говоритъ, *не можетъ рас-*

хитить вещей сильнаго, если прежде не свяжетъ сильнаго (Марк. 3, 27). Когда *вознесенъ буду*, сказалъ это, давая разумѣть, какою смертію Онъ умретъ, то есть, будетъ распятъ; ибо этимъ означается высота креста.

Отвѣща ему народъ: мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки: како ты глаголеши, вознестися подобаетъ Сыну человѣческому? кто есть сей Сынъ человѣческій? Рече же имъ Іисусъ: еще мало время свѣтъ въ васъ есть: ходите, дондеже свѣтъ имате, да тма васъ не иметъ: и ходяй во тмѣ не вѣсть,
Зач. 43. *камо идетъ.* * *Дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете.* Думая обличить Господа и затруднить Его, какъ неистиннаго Христа, говорятъ: если Христосъ безсмертенъ, а Ты о самомъ Себѣ говоришь, что умрешь, какъ же мы будемъ вѣровать, что подлинно Ты Христосъ? Говорили они такъ злонамѣренно. Ибо и Писаніе, которое они называютъ закономъ, упоминаетъ не только о воскресеніи, но и о страданіи. Такъ Исаія указываетъ на то и другое: на *страданіе и смерть*, когда говоритъ: „Онъ былъ веденъ, какъ овца, на заколеніе"; на *воскресеніе*, когда говоритъ: „Господь хочетъ очистить Его отъ язвы, и показать Его свѣтомъ" (Ис. 53, 11). Давидъ также упоминаетъ вмѣстѣ о смерти и о воскресеніи. Ибо говоритъ: *не оставиши души моей во адѣ* (Псал. 15, 10). Также патріархъ, благословляя Іуду, пророчествуетъ о Христѣ: *возлегъ, уснулъ какъ левъ, и какъ львенокъ: кто разбудитъ его* (Быт. 49, 9)? Посему, отвер-

---

Рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеомъ: *

гая страданія Христа и приписывая Ему воскресеніе, они дѣлали это злонамѣренно. Мы знаемъ изъ закона, то есть, изъ Писанія (ибо закономъ, какъ мы часто замѣчали, называется все Писаніе), что Христосъ пребываетъ во вѣкъ.—Справедливо вы знаете это, ибо Онъ пребываетъ во вѣкъ, и, какъ Богъ, пребываетъ и по воскресеніи. Но какъ вы не узнали о страданіяхъ, когда тѣже самыя Писанія, какъ мы показали, учатъ тому и другому вмѣстѣ? Какъ же, говорятъ, Ты говоришь, что Сыну человѣческому должно *быть вознесену?* Видишь ли, они понимали многое и изъ приточныхъ рѣчей Господа, напримѣръ, поняли, что словами: *быть вознесену* Онъ говоритъ о крестѣ? Да, они подлинно многое понимали, но по злой волѣ своей прикрывались незнаніемъ. Примѣчай же, что они говорятъ. Какъ Ты говоришь, что Сыну человѣческому должно быть вознесену? Кто этотъ Сынъ человѣческій? рѣчь ихъ полна злобы. Они говорятъ какъ-бы такъ: хотя мы и не знаемъ, о комъ Ты говоришь, и кто есть Сынъ человѣческій; однакожъ ясно понимаемъ ту истину, что кто будетъ вознесенъ, кто бы онъ ни былъ, тотъ не Христосъ; это несовмѣстимо; ибо Писанія говорятъ, что Христосъ безсмертенъ. Что же Господь? Заграждая имъ уста, и показывая, что страданія Его нисколько не препятствуютъ Ему пребывать во вѣкъ, Онъ говоритъ: *еще мало время свѣтъ въ васъ есть.* Свѣтомъ Онъ назвалъ самого Себя. Какъ свѣтъ солнечный совершенно не изчезаетъ, но сокрывается, и снова возсіяваетъ: такъ и моя смерть не есть истлѣніе, но западъ и преставленіе, и чрезъ воскресеніе Я опять

возсіяю. А какъ страданія нисколько не препятствуютъ Мнѣ быть вѣчнымъ, Писанія же свидѣтельствуютъ о Христѣ, что Онъ вѣченъ: то Я подлинно Христосъ, хотя и претерплю страданія. Ибо Я—свѣтъ; зайду, и снова взойду. Итакъ, пока свѣтъ съ вами, ходите, то есть, вѣруйте въ Меня. О какомъ времени Онъ говоритъ здѣсь? (Говоритъ) о времени до страданій, или о времени послѣ страданій, или о томъ и о другомъ вмѣстѣ. Итакъ, говоритъ, ходите и вѣруйте въ Меня, и прежде моего распятія, и послѣ онаго. На это Онъ указываетъ словами: *доколѣ свѣтъ съ вами*, то есть, доколѣ можете вѣровать въ Меня; вѣровать же въ Меня, который есмь свѣтъ, вы можете и прежде страданій, и послѣ оныхъ. А кто ходитъ въ невѣріи, тотъ не знаетъ, куда идетъ. Ибо чего ни дѣлаютъ теперь іудеи, и однакожъ не знаютъ, что̀ дѣлаютъ, но ходятъ какъ-бы во тьмѣ; думаютъ, что идутъ по прямому пути, но все у нихъ выходитъ напротивъ, когда они соблюдаютъ субботу и обрѣзаніе. Но не такъ (поступаютъ) тѣ, кои увѣровали. Они ходятъ во свѣтѣ, дѣлая все, что̀ относится до спасенія. Ибо тѣни закона и тьмы гаданій они избѣжали, и пришли къ свѣту, сокрывавшемуся въ нихъ, но теперь возсіявшему, и содѣлались сынами свѣта, то есть, Христа. *Да будете*, говоритъ, *сынами свѣта*, то есть, моими сынами. Хотя евангелистъ въ началѣ (евангелія) говоритъ, что нѣкоторые рождены отъ Бога (1, 13); но здѣсь называетъ ихъ сынами свѣта, то есть, Христа. Да постыдятся Арій и Евномій. Ибо и здѣсь показывается, что у Отца и Сына одно дѣйствіе.

Сія глагола Іисусъ, и отшедъ скрыся отъ нихъ. Толика знаменія сотворшу ему предъ ними, не вѣроваху въ него: Да сбудется слово Исаіи пророка, еже рече: Господи, кто вѣрова слуху нашему? и мышца Господня кому открыся? Сего ради не можаху вѣровати, яко паки рече Исаіа: Ослѣпи очи ихъ, и окаменилъ есть сердца ихъ: да не видятъ очима, ни разумѣютъ сердцемъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ. Для чего Господь скрылся отъ нихъ? Теперь не подняли на Него камней и не сказали накакой хулы, какъ было прежде. Зачѣмъ же Онъ скрылся? Хотя они и ничего не говорили, но, проникая въ сердца ихъ, Онъ видѣлъ, что ярость ихъ усиливается. Чтобъ укротить ихъ ненависть, Онъ и скрывается. Что они не вѣровали, а досадовали, на это и евангелистъ указалъ, когда сказалъ: *столько чудесъ сотворилъ Онъ; и они не вѣровали въ Него.* А конечно, дѣло немалой злобы—не вѣровать столькимъ чудесамъ. Столько, говоритъ, чудесъ, о которыхъ онъ умолчалъ. Итакъ Іисусъ скрылся для того, чтобы утишить ихъ злобу; а вмѣстѣ и для того, чтобы дать имъ время и спокойствіе, такъ чтобы они, успокоившись, обсудили Его слова и дѣла. Ибо въ такомъ случаѣ, если бы захотѣли, они могли бы дойти до уразумѣнія Его достоинства;—божества. Хотя Онъ и впередъ зналъ ихъ невѣріе; однакожъ, что̀ зависѣло отъ Него самого, Онъ дѣлалъ и допускалъ, давая имъ, какъ сказано, время для обсужденія. Въ словахъ: *не вѣровали въ Него, да сбудется слово Исаіи,* заключается не причина, а событіе. Ибо они не вѣровали во Христа не потому, что Исаія пред-

сказалъ объ нихъ, но пророкъ предсказалъ объ нихъ потому, что они не будутъ вѣровать. Таже мысль выражается и въ словахъ: *потому не могли они вѣровать, что Исаія еще сказалъ объ нихъ.* Всѣмъ этимъ Онъ хочетъ подтвердить то, что Писаніе неложно, и что пророчество Исаіи сбылось не иначе, какъ онъ предсказывалъ. Чтобы кто-нибудь не сталъ говоритѣ и недоумѣвать, зачѣмъ же и пришелъ Христосъ, если зналъ, что іудеи не будутъ вѣровать въ Него,—для этого евангелистъ и приводитъ пророковъ, предвозвѣщавшихъ объ этомъ; Христосъ же хотя зналъ объ ихъ невѣріи, однако пришелъ, чтобы они не имѣли извиненія во грѣхѣ своемъ, и не могли сказать, что мы повѣрили бы, если бы Онъ пришелъ. Слова: *не могли вѣровать*—означаютъ тоже, что̀ *не хотѣли.* Ибо злый и лукавый человѣкъ, доколѣ остается такимъ, то есть, избираетъ злое, не можетъ вѣровать. Когда же слышишь, что Богъ ослѣпилъ глаза ихъ, и окаменилъ сердце ихъ, не думай, что Онъ просто однихъ дѣлаетъ добрыми, а другихъ злыми (прочь такая мысль!), но подъ совершеннымъ ослѣпленіемъ разумѣй оставленіе отъ Бога. Объясню примѣромъ. Положимъ, что кто-нибудь умѣренъ въ злобѣ. Богъ, по видимому, есть съ нимъ; потому что есть надежда, что такой человѣкъ обратится. Когда же человѣкъ погрузится въ глубину злобы, тогда Богъ оставляетъ его, по причинѣ злаго его произволенія. О человѣкѣ, лишившемся божественнаго свѣта и ходящемъ во тьмѣ грѣха, говорится, что онъ ходитъ, какъ слѣпой; отсутствіе божественнаго свѣта ему кажется наконецъ ослѣпленіемъ, и лишеніе

божественнаго слова, умягчающаго сердца тѣхъ, кои принимаютъ оное,—окамененіемъ сердца. Ослѣпленъ уже тотъ, кто совершенно не принимаетъ луча божественнаго свѣта, и окамененъ тотъ, кто не хочетъ слушать ученія, умягчающаго сердце, и удаленіе Божіе совершенно ослѣпляетъ и помрачаетъ его. Итакъ, когда слышишь, что Богъ ослѣпляетъ, то понимай такъ, что ослѣпляетъ потому, что не присущъ. Ибо, если бы Богъ былъ присущъ человѣку, человѣкъ не сдѣлался бы слѣпъ. Если бы было солнце, не было бы тьмы. А нынѣ солнце производитъ ночь. Какимъ же образомъ? Когда заходитъ. Такъ и Богъ дѣлаетъ людей слѣпыми, удаляясь отъ нихъ. Удаляется же отъ нихъ по причинѣ ихъ злобы, и оттолѣ они, какъ слѣпые, грѣшатъ безвозвратно, и падаютъ неисправимо. Вникнемъ и въ слова Исаіи: *Господи! кто повѣрилъ слуху нашему?* Это—тоже, что никто не повѣрилъ. Ибо слово: *кто* во многихъ мѣстахъ Писанія употребляется вмѣсто: *никто*. Пророкъ сказалъ это какъ-бы отъ лица Христа. Христосъ какъ-бы такъ говоритъ Отцу: Господи! кто повѣрилъ слуху нашему? то есть, никто не повѣрилъ нашему слову и моей проповѣди, которую Онъ назвалъ *слухомъ*. Ибо говоритъ: что̀ Я слышалъ отъ Отца моего, то̀ и говорю (Іоан. 8, 26). *И мышца ко̀му открылась?* то есть, сильное дѣйствіе чудесъ, которое назвалъ *мышцею*, не открылось никому изъ неразумныхъ іудеевъ, но они клевещутъ на Меня и тогда, какъ Я творю столько чудесъ.

Сія рече Исаіа, егда видѣ славу его, и глагола о немъ. Обаче убо и отъ князь мнози вѣроваша въ него:

но фарисей ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ: Возлюбиша бо паче славу человѣческую, неже славу Божію. Сіе сказалъ Исаія, когда видѣлъ славу *Его.* Кого? Сына. Хотя пророкъ, судя по связи рѣчи, видѣлъ, кажется, славу Отца; но евангелистъ говоритъ здѣсь, что Исаія видѣлъ славу Сына, а апостолъ Павелъ (говоритъ), что онъ видѣлъ славу Духа (Дѣян. 28, 25). Истинно едина слава Св. Троицы, Отца и Сына и Св. Духа. Исаія, говоритъ, видѣлъ славу—дымъ, который ему представился, серафимовъ, угли, жертвенникъ, престолъ (Иса 6, 1...). Итакъ Исаія увидѣлъ эту славу, и сказалъ о Немъ, то есть. о Сынѣ. Что̀ же сказалъ о Немъ? То, что̀ выше сказано, что ослѣпилъ глаза ихъ, и ожесточилъ сердца ихъ. Евангелистъ замѣчаетъ, что многіе и изъ начальниковъ увѣровали въ Него, показывая, что фарисеи солгали и въ томъ, когда сказали: *увѣровалъ ли въ Него кто изъ начальниковъ* (Іоан. 7, 48)? Ибо вотъ, многіе и изъ начальниковъ увѣровали, но ради фарисеевъ не исповѣдывали. Ибо возлюбили славу человѣческую. Объ этомъ Христосъ и прежде говорилъ имъ: какъ вы можете вѣровать, когда отъ людей принимаете славу, а славу, которая отъ единаго Бога, отвергаете (Іоан. 5, 44)? Итакъ евангелистъ показываетъ, что съ ними случилось то, что̀ предсказывалъ имъ Христосъ. Подлинно, они были не начальники, а рабы, и рабы самые низкіе. Отселѣ же научаемся, что кто любитъ славу, тотъ рабъ и безчестенъ.

Іисусъ же воззва и рече: вѣруяй въ мя, не вѣруетъ въ мя, но въ пославшаго мя: И видяй мя, видитъ по-

славшаго мя. Іисусъ, уступая ярости іудеевъ, на время скрылся, а потомъ снова является, и взываетъ открыто. Показывая же, что Онъ самъ равенъ Отцу, и не противникъ Богу, говоритъ: *вѣрующій въ Меня не въ Меня вѣруетъ, но въ пославшаго Меня,* говоря какъ-бы такъ: что боитесь вы увѣровать въ Меня? Вѣра въ Меня восходитъ къ Отцу моему. Примѣчай и точность въ словахъ. Господь не сказалъ: вѣрующій *Мнѣ,* но: вѣрующій *въ Меня,* что̀ означаетъ вѣру въ Бога. Ибо иное—вѣрить кому-нибудь, и иное—вѣровать въ кого-нибудь. Если кто вѣритъ кому-нибудь, это можно понимать такъ, что вѣритъ справедливости словъ его; а кто вѣруетъ въ кого-нибудь, тотъ, безъ сомнѣнія, вѣруетъ въ него, какъ Бога. Посему можно сказать: вѣровать апостоламъ, но вѣровать въ апостоловъ—нельзя сказать. Посему Господь не сказалъ: вѣрующій Мнѣ. Ибо и Павелъ и Петръ могли сказать: вѣрующій мнѣ. И евреямъ поставлялось въ укоризну, что они не вѣровали Моисею (Іоан. 5, 46). Но Онъ сказалъ больше: вѣрующій *въ Меня,* чѣмъ показываетъ, что самъ Онъ есть Богъ, какъ и ученикамъ говоритъ: *вѣруйте въ Бога, и въ Меня вѣруйте* (Іоан. 14, 1). Посему, кто вѣруетъ въ Него, возводитъ вѣру (свою) къ Отцу, и не вѣрующій Ему не вѣруетъ Отцу. *И видящій Меня видитъ пославшаго Меня.* Ужели видящій тѣлесныя черты? Нѣтъ. Ибо Отецъ—не тѣло, чтобы можно было сказать, что видящій тѣлесно Христа видитъ и Отца; но подъ видѣніемъ разумѣй, прошу тебя, созерцаніе умственное. Господь говоритъ какъбы такъ: кто созерцаніемъ ума обнялъ существо мое,

насколько возможно человѣку, тотъ обнялъ и существо Отца. Кто Меня призналъ Богомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, признаетъ и Отца. Ибо Я—образъ Отца. Всѣмъ этимъ показывается единосущіе Отца и Сына. Страждущіе аріанствомъ пусть слышатъ, что вѣрующій въ Сына вѣруетъ не въ Него, но въ Отца, такъ что или и Отецъ есть тварь, или и Сынъ—не тварь. Какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что черпающій воду изъ рѣки беретъ ее не изъ рѣки, а изъ источника, такъ и вѣрующій въ Сына вѣруетъ не въ Сына—рѣку (ибо Сынъ не инаго существа съ Отцемъ, и не имѣетъ чего-нибудь отличнаго отъ Отца), но вѣруетъ въ источникъ добра, то есть, Отца.

Азъ свѣтъ въ міръ пріидохъ, да всякъ вѣруяй въ мя во тмѣ не пребудетъ. И аще кто услышитъ глаголы моя, и не вѣруетъ, азъ не сужду ему: не пріидохъ бо, да сужду мірови, но да спасу міръ. Опять и этими словами показываетъ (свое) единосущіе (со Отцемъ). Ибо какъ Отецъ вездѣ въ Писаніи называется Свѣтомъ, то и Онъ о самомъ Себѣ говоритъ: *Я свѣтъ пришелъ въ міръ.* Посему и апостолъ Павелъ называетъ Его сіяніемъ (Евр. 1, 3), показывая тѣмъ, что ничего нѣтъ посредствующаго между Отцемъ и Сыномъ, но Отецъ и Сынъ вмѣстѣ, какъ вмѣстѣ свѣтъ и сіяніе. Итакъ и Сынъ есть Свѣтъ, поколику избавляетъ отъ заблужденія, и разсѣяваетъ умственный мракъ; и потому, что какъ свѣтъ съ своимъ явленіемъ становится видимъ самъ, и показываетъ прочіе видимые предметы, такъ и Сынъ, пришедши и явившись къ намъ, далъ познаніе о Себѣ самомъ и объ Отцѣ,

и сердца тѣхъ. кои приняли Его, просвѣтилъ всякимъ познаніемъ. *Если,* говоритъ, *кто услышитъ Меня, и не повѣритъ, Я не сужу его: ибо Я пришелъ не судить міръ, но спасти міръ.* Смыслъ сихъ словъ такой: не Я виновенъ въ осужденіи человѣка невѣрующаго; ибо Я не за этимъ преимущественно пришелъ, но случилось это по послѣдствію. Я пришелъ спасти, и для этого училъ. Если же кто не вѣруетъ, то не Я причина его осужденія, но онъ самъ на себя навлекъ оное. Это еще болѣе уяснится изъ послѣдующаго. Слушай же, что далѣе.

Отметаяйся мене, и не пріемляй глаголъ моихъ. имать судящаго ему: слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день. Яко азъ отъ себе не глаголахъ: но пославый мя Отецъ, той мнѣ заповѣдь даде, что реку и что возглаголю. И вѣмъ, яко заповѣдь его животъ вѣчный есть, яже убо азъ глаголю, якоже рече мнѣ Отецъ, тако глаголю. Я никого не сужу, но невѣрующій имѣетъ себѣ судію. И у насъ въ обычаѣ, и мы часто говоримъ, когда хотимъ наказать безпорядочное дитя, что не мы его наказываемъ, но его безпечность и безпорядочность, и не мы осуждаемъ его, но убѣжденія наши, которымъ оно не покорилось, они обвиняютъ его, какъ непокорнаго. Такъ и Господь говоритъ: не Я сужу, но слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить. Ибо, почему не увѣровали? Не потому ли, что Я противникъ Богу, и ищу славы Себѣ? Но Я говорилъ не самъ отъ Себя, а сказывалъ все отъ Отца моего, и нигдѣ не выставлялъ Себя мудрствующимъ что-нибудь иное. Ибо пославшій Меня

Отецъ далъ Мнѣ заповѣдь, что̀ сказать, и что̀ говорить. Какое глубокое смиреніе въ этихъ словахъ! Ужели, Господи, прежде, чѣмъ послалъ Тебя Отецъ, и далъ Тебѣ заповѣдь, Ты не зналъ, что̀ должно говорить, не зналъ той заповѣди, которая есть жизнь вѣчная? не зналъ этой жизни вѣчной? Какъ же Ты говорилъ: *Я есмь жизнь* (Іоан. 11, 25)? Видишь ли, какая возникаетъ несообразность, если мы не будемъ благоразумно понимать, что̀ говорится. Итакъ знай, что Господь такъ смиренно выражается потому, что слушатели немощны. И что̀ Онъ хочетъ выразить этимъ? То̀, что Онъ не говоритъ, ни мудрствуетъ ничего, отличнаго отъ Отца. Ибо какъ посланные, говоритъ, не говорятъ ничего, кромѣ заповѣданнаго, такъ и Я са̀мъ не мудрствую и не училъ ничему иному, кромѣ того, что̀ служитъ къ славѣ Отца. Итакъ, желая доказать это, то есть, единомысліе со Отцемъ, напомнилъ объ этомъ примѣрѣ, то есть, о заповѣди. Посему и прибавляетъ: итакъ, что̀ Я говорю, говорю такъ, какъ сказалъ Мнѣ Отецъ. А какъ Я ничего не говорилъ отъ Себя, то не увѣровавшіе какое представятъ оправданіе? Безъ всякаго противорѣчія они будутъ осуждены за то, что не повѣрили Отцу. Итакъ, православный, ничего низкаго не подразумѣвай въ смиренныхъ словахъ, напримѣръ: *Я заповѣдь получилъ*, и подобныхъ, но понимай ихъ благоразумно, какъ и это: Я принялъ заповѣдь, что̀ сказать, и что̀ говорить. Ибо Сынъ, будучи Словомъ, и выражая то, что̀ есть въ Умѣ, то есть, Отцѣ, говоритъ, что отъ Него получилъ заповѣдь, что̀ сказать, и что̀ говорить. Подобно какъ

и наше слово, если захотимъ быть истинными, говоритъ то, что̀ предлагаетъ ему умъ, и слово никогда не разнится въ сущности съ умомъ, но совершенно единосущно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Объ умовеніи.—О выходѣ Іуды для преданія Христа.—О заповѣди любить другъ друга.—О вопросѣ апостола Петра, куда идетъ Господь.

Прежде же, праздника пасхи, вѣдый Іисусъ, яко пріиде ему часъ, да прейдетъ отъ міра сего ко Отцу, возлюбль своя сущыя въ мірѣ; до конца возлюби ихъ.* Господь и прежде всѣхъ вѣковъ зналъ часъ своей смерти, а когда онъ насталъ, творитъ дѣло, полное многаго человѣколюбія и снисхожденія, и являющее великую любовь къ ученикамъ. Ибо, намѣреваясь оставить ихъ, обнаруживаетъ къ нимъ сильнѣйшую любовь. Слова: *возлюбивъ ихъ, до конца возлюбилъ ихъ*— означаютъ то, что Онъ не опустилъ ничего, что̀ слѣдовало сдѣлать тому, кто сильно любитъ. Посему, въ заключеніе всего творитъ и это, умываетъ ноги ученикамъ, чтобы вполнѣ выказать любовь къ нимъ, и впередъ оставить имъ великое утѣшеніе среди бѣдствій, какія ихъ постигнутъ, (утѣшеніе въ той мысли), что возлюбившій ихъ до того, что умылъ имъ и ноги, не оставитъ ихъ и въ бѣдствіяхъ. *Переходомъ* называетъ смерть Христа по причинѣ вознесенія Его, по воскресеніи. Итакъ, поелику Онъ имѣлъ перейти отъ

Зач. 44.

---

* *Во время оно, прежде*

міра сего, являетъ любовь къ своимъ, а своими называетъ учениковъ по причинѣ близости. Богу свои и всѣ люди по праву творчества Его, почему сказано: пришелъ *къ своимъ,* и *свои* Его не приняли (Іоан. 1, 11). Но святые—свои Ему потому, что близки къ Нему, какъ и здѣсь своими назвалъ учениковъ. Прибавилъ: *сущихъ въ мірѣ,* потому, что есть свои Ему и иные, напримѣръ, Авраамъ и патріархи; но они не въ мірѣ семъ, потому что переселились отсюда. Сихъ-то своихъ, сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ, то есть, явилъ къ нимъ совершенную любовь.

И вечери бывшей, діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ Симонову искаріотскому, да его предастъ. Вѣдый Іисусъ, яко вся даде ему Отецъ въ руцѣ, и яко отъ Бога изыде, и къ Богу грядетъ: Воставъ отъ вечери, и положи ризы, и пріемъ лентіонъ, препоясася. Потомъ влія воду во умывальницу и начатъ умывати ноги ученикомъ, и отирати лентіемъ, имже бѣ препоясанъ. Евангелистъ, удивляясь тому, что Христосъ умылъ (ноги) и тому, кто рѣшился предать Его, говоритъ: *когда діаволъ уже вложилъ въ сердце Іудѣ.* Такъ до конца Онъ заботился объ исправленіи предателя. И слова: *во время вечери*—не безъ цѣли поставлены, но чтобы показать безчеловѣчіе Іуды, такъ какъ и участіе въ вечери не перемѣнило его. *Вѣдый Іисусъ, яко вся даде ему Отецъ въ руцѣ,* то есть, вручилъ Ему спасеніе вѣрныхъ, и нужно уже явить имъ все, относящееся ко спасенію, между прочимъ, и умыть ноги ученикамъ; ибо этимъ узаконяется смиренномудріе... И иначе: зная, что Отецъ предалъ Ему все, и

что Онъ отъ Бога изшелъ, и къ Богу отходитъ, и слава Его не уменьшится, если Онъ умоетъ ноги ученикамъ. Ибо Онъ не похитилъ славу, чтобы бояться потери оной, и посему не браться ни за какое смиренное дѣло. Подобное (чувство) испытываютъ тѣ, кои не имѣютъ (истиннаго) благородства. Поелику они похитили себѣ славу, то они не желаютъ даже наклониться, чтобы не потерять того, что не принадлежитъ имъ, и что они похитили. Но Онъ былъ Царь всѣхъ и Сынъ Божій. Ибо это значатъ слова: *отъ Бога изшелъ,* то есть, изъ сущности Отца, *и* опять *къ Богу отходитъ.* Посему слава Его, когда Онъ такъ высокъ и такъ великъ, не уменьшится, если Онъ умоетъ (ноги) ученикамъ. Примѣчай, прошу тебя, что если смиреніе есть дѣло того, кто отъ Бога изходитъ, и къ Богу отходитъ; то гордость, очевидно, будетъ дѣломъ того, кто изходитъ отъ бѣсовъ, и къ бѣсамъ отходитъ. Когда же слышишь, что *Отецъ предалъ Ему,* не думай, что здѣсь обнаруживается безсиліе Сына, но единочестіе и единомысліе со Отцемъ. Ибо, если отъ того, что говорится, что Отецъ предалъ Ему, Сынъ представляется тебѣ безсильнымъ, то и Отца представляй безсильнымъ. Ибо и Ему, какъ говоритъ апостолъ (1 Кор. 15, 24), Сынъ предастъ царство. Но этого нѣтъ; а *преданіе* означаетъ, такъ сказать, единомысліе, и содѣйствіе, и благоволеніе Отца. Примѣчай и превосходную степень смиренія. Ибо не прежде вечери умываетъ, но, когда всѣ возлегли, одинъ только Онъ встаетъ, а прочіе покоятся. Отлагаетъ свои одежды, научая насъ дѣлать себя безпрепятственными и легкими

на служеніе. Опоясывается полотенцемъ, дѣлая все самъ, и умовеніе и отираніе. Вливаетъ воду, и это дѣлая самъ, а не приказывая (сдѣлать) другому. Все это примѣръ и законъ для насъ, какъ мы должны служить, именно со всѣмъ усердіемъ, дѣлать все сами, а не пользоваться служеніемъ другихъ.

Пріиде же къ Симону Петру: и глагола ему той: Господи, ты ли мои умыеши нозѣ? Отвѣща Іисусъ и рече ему: еже азъ творю, ты не вѣси нынѣ, уразумѣеши же по сихъ. Господь умываетъ (ноги у) Петра не перваго, хотя онъ и имѣлъ первенство предъ учениками, но, можетъ быть, предатель, будучи дерзокъ и безстыденъ, возлежалъ выше Петра, и ему умылъ (Господь) ноги. Откуда это видно? Изъ слѣдующаго. *Началъ*, сказано, умывать ноги ученикамъ и отирать, *потомъ* подходитъ къ Симону Петру. Отсюда-то и видно, что (Господь) умылъ Петра не перваго. Ибо, если бы Господь не умылъ кого-нибудь прежде Петра, евангелистъ не сказалъ бы: подходитъ къ Симону Петру. Изъ прочихъ учениковъ никто не отважился бы принять умовеніе прежде Петра, а предатель могъ дерзнуть на это. Ибо, если бы Господь началъ умывать кого-нибудь изъ прочихъ учениковъ, то сей, кто бы онъ ни былъ, не допустилъ бы Господа, и сказалъ бы тоже, что и Петръ: *Господи! Тебѣ ли умывать мои ноги?* Но этого возраженія не послѣдовало. Значитъ, изъ прочихъ учениковъ Господь умылъ предателя перваго, потомъ уже Петра. А остальные, вразумленные примѣромъ Петра, естественно, не противорѣчили, но приняли такую высокую честь, воздаиную имъ Господомъ.

Вникни и въ то, какую силу имѣютъ слова апостола Петра. Ты ли умоешь ноги мои тѣми руками, которыми Ты очищалъ прокаженныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, открывалъ глаза слѣпыхъ? Ты ли, который сдѣлалъ это, и больше сего, у меня, раба и неученаго, умоешь,—и не руки, ни иной какой-нибудь честнѣйшій членъ,—а ноги, членъ послѣдній изъ всѣхъ, считаемый особенно грязнымъ и безчестнымъ? Что же Господь? Онъ говоритъ: что Я дѣлаю, теперь ты не знаешь того; дѣло мое заключаетъ въ себѣ глубокое смиреніе, которому Я и васъ учу. Однакожъ, послѣ того, какъ ты именемъ моимъ будешь изгонять бѣсовъ, когда увидишь мое вознесеніе на небо, когда отъ Духа Святаго узнаешь, что Я возсѣдаю одесную Отца, тогда ты поймешь, что Тотъ, кто смирился до того, что умылъ ноги твои, Тотъ самый даетъ тебѣ такую силу надъ бѣсами, и вознесся, и спрославился со Отцемъ, нисколько не унизившись отъ смиренія. А потому и самъ ты внѣдри въ себя смиреніе, которое не унижаетъ, а болѣе возвышаетъ.

Глагола ему Петръ: не умыеши ногу моею во вѣки, отвѣща ему Іисусъ: аще не умыю тебе, не имаши части со мною. Глагола ему Симонъ Петръ: Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу. Петръ глубоко уважаетъ своего Учителя, посему и благоговѣетъ предъ Нимъ, и не принимаетъ отъ Него служенія. Хотя при иномъ случаѣ Петръ получилъ упрекъ отъ Господа (Мѳ. 16, 22), и во избѣжаніе того упрека долженъ былъ бы теперь принять умовеніе отъ Господа; однакожъ, поелику совершаемое теперь Христомъ дѣ-

ло очень важно, Петръ противится, а не помышляетъ, что Господь, быть можетъ, сдѣлаетъ ему опять выговоръ, еще болѣе строгій, какъ непокорному. Что же Христосъ? Онъ не говоритъ Петру: Я учу тебя смиренію, и для того умываю ноги твои. Ибо Петръ сказалъ бы Ему, даже съ клятвою, что я и безъ умовенія ногъ буду имѣть смиреніе. Что же говоритъ ему Господь? Что, по вѣдѣнію Господа, могло особенно затронуть сердце Петра, то Онъ и поставляетъ ему на видъ, какъ-бы нѣкоторую угрозу. *Если*, говоритъ, *Я не умою тебя, ты не имѣешь части со Мною.* Такъ какъ Петръ болѣе всѣхъ прочихъ учениковъ желалъ быть вмѣстѣ со Христомъ, почему и спрашивалъ Его, куда Онъ идетъ, и по любви обѣщался положить за Него душу свою (Іоан. 13, 36. 37), то настоящею угрозою Господь потрясаетъ душу его. *Если*, говоритъ, *Я не умою тебя, ты не имѣешь части со Мною.* Петръ, услышавъ такую страшную угрозу, насколько былъ твердъ въ сопротивленіи, настолько же, и еще болѣе, силенъ въ изъявленіи согласія; ибо даетъ и голову свою на умовеніе. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ руководится любовію: сопротивляется умовенію потому, что очень почитаетъ Господа; соглашается потому, что не хочетъ разлучиться съ Нимъ. А я прошу тебя: когда увидишь, что кто-нибудь сильно настаиваетъ на своемъ — по неразумѣнію, и съ клятвою обѣщаетъ: „не буду дѣлать того-то“, потомъ изъ уваженія къ клятвѣ пребываетъ въ томъ, чего не обсудилъ хорошо, и изъ за этого терпитъ вредъ по душѣ или по тѣлу; то пользуйся благоприлично примѣромъ апостола Петра, ко-

торый настаивалъ на своемъ, но, когда увидѣлъ, что его настойчивость можетъ разлучить его со Христомъ, отсталъ отъ нея.

Глагола ему Іисусъ: измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти, есть бо весь чистъ· и вы чисти есте, но не вси. Вѣдяше бо предающаго его: сего ради рече, яко не вси чисти есте. Господь, получивъ поводъ, обличаетъ предателя, что онъ имѣетъ нечистую мысль, нуждается въ омовеніи отъ лукавства и перемѣнѣ своего намѣренія. Вы, говоритъ, будучи омыты, не нуждаетесь еще въ другомъ омовеніи; а одинъ—нечистъ и нуждается въ омовеніи. Многіе спрашиваютъ: почему Господь сказалъ апостоламъ: *вы чисты*, когда они еще не были освобождены отъ грѣховъ, не получили Духа, такъ какъ грѣхъ еще царствовалъ, клятва еще сохраняла свою силу; ибо Агнецъ, вземлющій грѣхъ міра, не былъ еще закланъ, Искупитель нашъ отъ проклятія не былъ еще повѣшенъ на древѣ? Въ какомъ же смыслѣ апостолы были чисты? Можно сказать, что хотя они совершенно и не были освобождены отъ грѣховъ, но они чисты чрезъ слово, которое проповѣдалъ имъ Господь (Іоан. 15, 3), чисты, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что уже приняли Свѣтъ, уже освободились отъ іудейскаго заблужденія, Ибо слушай, какъ Исаія научаетъ насъ омываться: *омыйтесь и очиститесь, удалите лукавствіе отъ душъ вашихъ* (Иса. 1, 16). Посему и учениковъ своихъ Господь справедливо называетъ омытыми и чистыми; ибо они пребывали со Христомъ со всякимъ незлобіемъ и простотою. Подъ вечерію нѣкоторые разумѣли познаніе таинства Хри-

стова въ концѣ вѣковъ, которому Іисусъ научаетъ учениковъ своихъ, для чего умываетъ и ноги ихъ, не потому, что они грязны, но для того, чтобы приготовить ихъ къ благовѣствованію, по изреченію Исаіи: *какъ прекрасны ноги благовѣствующихъ миръ* (Иса. 52, 7)! Итакъ, говоритъ, вы, что касается до васъ самихъ, чисты, но вы должны быть посланы и для очищенія другихъ, что и выражается умовеніемъ ногъ вашихъ. Итакъ умовеніе даетъ намъ мысль не объ очищеніи апостоловъ отъ грѣховъ, ибо они, по свидѣтельству Господа, чисты, но служитъ знакомъ того, что они посылаются на проповѣдь, чтобы чистоту, дарованную имъ чрезъ ученіе Владыки, передать и прочимъ. Посему и Петръ говоритъ: умой не только ноги мои, но и главу, то есть, не только пошли на проповѣдь, но очисти и голову мою чрезъ мученичество. Замѣть, пожалуй, какъ и нынѣ это совершается. Ибо вечеря и нынѣ бываетъ, когда при божественномъ священнодѣйствіи предлежитъ божественное тѣло и кровь Его. Какое же дѣло требуется отъ каждаго изъ насъ? Слушай. Всѣ мы, увѣровавшіе во Христа, имѣемъ сами въ себѣ слово Божіе и евангельскую проповѣдь, ибо всѣ мы приняли Христа въ сердца наши; но на этой божественной вечери мы должны возстановить это слово, и снять съ него одежды, которыя скрываютъ его. Такими одеждами бываютъ—сребролюбіе, тщеславіе, зависть и каждая изъ прочихъ страстей, которыя, налегая на сущее въ насъ слово Божіе, обременяютъ оное. Итакъ, когда слово встаетъ, нужно отложить (страсти), чтобы оно, ставъ легкимъ, могло очистить насъ чрезъ покая-

ніе. Ибо слово, поднявшись и отложивъ всякую тяжесть и заботу житейскую, умоетъ помыслы наши, которые учатся у него и слѣдуетъ за нимъ, умоетъ и ноги наши, то есть, дѣятельныя движенія наши и поступки наши. Если же кто нуждается въ другомъ очищеніи, желаетъ улучшенія въ ученіи и созерцаніи, пусть говоритъ Господу: Господи! (умой) не только ноги, но и руки и голову, то есть, очисти не только поступки мои, но и *руки*, чтобы я могъ и другихъ руководить и приниматься за добро, *и голову*, чтобъ я въ созерцательномъ и богословскомъ отношеніи имѣлъ о предметахъ божественныхъ понятіе чистое и безукоризненное. Такимъ образомъ чрезъ исповѣдь мы можемъ омыться, чтобы достойно причаститься вечери, а не ѣсть и не пить осужденія себѣ (1 Кор. 11, 29).

Егда же умы ноги ихъ, * *пріятъ ризы своя, возлегъ паки, рече имъ: вѣсте ли, что сотворихъ вамъ? Вы глашаете мя Учителя и Господа: и добрѣ глаголете: есмь бо. Аще убо азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и вы должни есте другъ другу умывати нозѣ. Образъ бо дахъ вамъ, да, якоже азъ сотворихъ вамъ, и вы творите. Аминь аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его.* Господь уже не къ одному Петру, но и ко всѣмъ обращаетъ рѣчь свою, и выставляетъ причину такого смиренія съ своей стороны. Причина же заключается въ томъ, что ученики должны подражать Ему въ этомъ. Быть можетъ, не о настоящемъ ли времени и говоритъ

Зач. 45.

Во время оно, егда умы Іисусъ нозѣ ученикомъ, *

Господь, когда говоритъ Петру: узнаешь же *послѣ сего*, то есть: Петръ, ты узнаешь послѣ того, какъ Я возму одежду свою и возлягу, и начну учить васъ, и говорить: *знаете ли, что Я сдѣлалъ вамъ?* Ибо, если Я, признаваемый отъ васъ Господомъ и Учителемъ, и признаваемый неложно, ибо Я точно есмь, умылъ ноги вамъ (и не сказалъ: вамъ, рабамъ, некнижнымъ и неученымъ, но оставилъ это самимъ доразумѣвать); то и вы необходимо должны умывать другъ другу ноги, то есть, оказывать другъ другу всякую услугу. Ибо чрезъ умовеніе, которое считается послѣднимъ служеніемъ, научаетъ, что мы тѣмъ болѣе должны исполнять прочія служенія, болѣе почтенныя. Я далъ вамъ примѣръ, чтобъ и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ, то есть служили съ такимъ же усердіемъ. Хотя мое дѣло и больше, поколику Я, Владыка, умылъ ноги рабамъ, а вы умывайте ноги подобныхъ вамъ рабовъ. Такъ мы видимъ, что и учители пишутъ для дѣтей весьма красивыя буквы, чтобы они мало помалу дошли до подражанія. Апостоламъ же по необходимости Господь внушаетъ это. Они имѣли получить честь, одни большую, другіе меньшую. Чтобы они не превозносились другъ предъ другомъ, Онъ очищаетъ помыслы всѣхъ ихъ. Ибо рабъ не больше господина своего, доколѣ онъ рабъ, ни посланникъ не больше пославшаго его, доколѣ онъ посланникъ; а когда сдѣлается больше, тогда онъ ни рабъ, ни посланникъ.

Аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я. Не о всѣхъ васъ глаголю: азъ бо вѣмъ, ихже избрахъ: но да писаніе сбудется: ядый со мною хлѣбъ, воздвиже

на мя пяту свою. Отселѣ глаголю вамъ: прежде даже не будетъ, да, егда будетъ, вѣру имете, яко азъ есмь. Чтобы не сказали: что Ты говоришь намъ объ этомъ, какъ будтобы мы не знаемъ? мы и сами знаемъ, что смиреніе хорошо,—посему говоритъ: если вы знаете, этого одного недостаточно, но вы блаженны тогда, когда это исполняете. Ибо и іудеи знали заповѣди, но они не блаженны, а весьма несчастны, потому что не исполняли ихъ. *Не о всѣхъ васъ говорю: Я знаю, которыхъ избралъ.* Сими прикровенными словами обличаетъ предателя, и вмѣстѣ не уличаетъ; ибо хотѣлъ довести его до раскаянія. Посему, опустивъ всѣ прочія благодѣянія, какія оказалъ ему, выставляетъ то, которое болѣе всѣхъ могло обратить его. Кто ѣстъ хлѣбъ мой, кого Я питаю, кто раздѣляетъ со Мною (трапезу) столъ, (каковое обстоятельство смягчаетъ и враговъ), тотъ... и не сказалъ: тотъ *предаетъ* Меня, но: *поднялъ на Меня пяту*, то есть, упортебилъ противъ Меня коварство и лукавство, по подобію борцовъ, которые ухищряются противъ своихъ соперниковъ, и, запиная ихъ пяты, повергаютъ ихъ. *Не о всѣхъ васъ говорю.* Чтобъ не навесть страха на многихъ, Онъ явно отдѣляетъ его (предателя), и показываетъ, что замышляетъ противъ Него одинъ только. Посему говоритъ: *кто ѣстъ хлѣбъ мой.* Когда Іисусъ сказалъ: *Я знаю, кого избралъ*; то что̀ намъ сказалъ объ Іудѣ? неужели избралъ и его? Да, когда онъ былъ хорошъ, избралъ, какъ и Саула, (но онъ самъ перемѣнился, ибо свободенъ; Господь же попускаетъ каждому дѣйствовать по своей его волѣ, потому что не отнимаетъ свободы); а когда Іуда перемѣ-

нился, то отвергъ его, хотя прежде и избралъ. *Да сбудется писаніе.* Это выраженіе понимай также, какъ и прочія подобныя, о которыхъ мы часто говорили.

Аминь аминь глаголю вамъ: пріемляй, аще кого послю, мене пріемлетъ: а пріемляй мене, пріемлетъ пославшаго мя. Какая связь настоящихъ словъ съ предъидущими? Ибо доселѣ говоритъ о предателѣ, а теперь прибавляетъ: *принимающій того, кого Я пошлю, Меня принимаетъ?* Связь есть, и самая близкая. Господь сказалъ, что Онъ будетъ преданъ, говорилъ, что Онъ оставитъ ихъ, что они потомъ разойдутся, разсѣются, будутъ терпѣть много бѣдствій; посему утѣшаетъ ихъ двумя способами: во-первыхъ—чрезъ самого Себя. Ибо показалъ имъ, что̀ самъ Онъ претерпитъ, и что̀ Онъ сдѣлалъ предателю, умывъ ему ноги и допустивъ къ участію за столомъ. Ибо если будутъ имѣть это на душѣ, то легко перенесутъ всякія бѣдствія. Итакъ одинъ способъ состоитъ въ томъ, что Господь утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что̀ Онъ сдѣлалъ врагу, до конца врачуя его, и что̀ самъ претерпитъ. Другой способъ—въ томъ, что Онъ отворяетъ для нихъ домы всѣхъ, что всѣ, которые послушаютъ ихъ ученія, примутъ ихъ. Видишь ли связь настоящихъ словъ съ предъидущими? Господь оставитъ ихъ; они будутъ терпѣть множество золъ и бѣдъ; Онъ утѣшилъ ихъ собственнымъ примѣромъ; ибо будетъ преданъ ученикомъ, а умываетъ его; утѣшаетъ ихъ и предреченіемъ имъ, что хотя они испытаютъ много бѣдъ, но всѣ будутъ ихъ принимать. Принимающій васъ, Меня принимаетъ, а чрезъ Меня—Бога и Отца. Примѣчай силу утѣшенія. Васъ, говоритъ,

люди будутъ чтить, какъ самого Бога: посему не унывайте отъ злобы гонителей.

Сія рекъ Іисусъ, возмутися духомъ, и свидѣтельствова, и рече: аминь аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ мя. Сзирахуся убо между собою ученицы, недоумѣющеся, о комъ глаголетъ. Господь, помысливъ, что предатель лишился и того и другаго,—и терпѣнія въ трудахъ, и услугъ отъ людей, кои будутъ принимать (апостоловъ),—*возмутися духомъ,* то есть, въ душѣ ощутилъ скорбь. *И свидѣтельствова.* Это значитъ: предсказалъ, впередъ засвидѣтельствовалъ, объявилъ. *Ученики въ недоумѣніи озирались другъ на друга.* Каждый изъ нихъ сознавалъ себя чистымъ, не находилъ никакого лукавства въ своихъ помыслахъ; но слово Господа почиталъ достовѣрнѣе своихъ помысловъ. Посему всѣ они скорбятъ и недоумѣваютъ. Ибо объявленіе сдѣлано Тѣмъ, кто неложенъ, и они были увѣрены, что оно непремѣнно сбудется. Нѣкоторые слова: *одинъ отъ васъ,* понимали такъ: предастъ Меня одинъ, отпавшій отъ лика вашего и вышедшій изъ (числа) васъ, подобно какъ выраженіе: *вотъ, Адамъ сталъ какъ одинъ отъ насъ* (Быт. 3, 22), объясняли довольно изыскано: сталъ, какъ одинъ, отпадшій отъ насъ, то есть, діаволъ. Ибо, какъ онъ отпалъ, такъ и этотъ чрезъ послушаніе сталъ отъ (внѣ) насъ, то есть, отпалъ отъ насъ.

Бѣ же единъ отъ ученикъ его возлежа на лонѣ Іисусовѣ, егоже любляше Іисусъ. Поману же сему Симонъ Петръ вопросити, кто бы былъ, о немже глаголетъ. Нападъ же той на перси Іисусовы, глагола ему:

Господи, кто есть? Отвѣща Іисусъ: той есть, емуже азъ омочивъ хлѣбъ подамъ. Всѣ въ томленіи, и самъ верховный Петръ въ трепетѣ, а Іоаннъ какъ-бы въ радости возлежитъ на лонѣ Господа. Почему это? И еще, почему онъ самъ о себѣ говоритъ: *егоже любляше Іисусъ?* (Іоаннъ) возлежалъ по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что былъ любимъ болѣе всѣхъ прочихъ, а признакомъ любви служило возлежаніе (рядомъ) съ Господомъ. Во-вторыхъ, потому, что смѣлостію и бодростію онъ хотѣлъ показать, что онъ былъ чуждъ обвиненія (въ предательствѣ). Свидѣтельствуетъ же самъ о себѣ, что Іисусъ любилъ его, въ разрѣшеніе недоумѣнія. Чтобы ты, слыша, что Петръ далъ ему знакъ спросить, не подумалъ, что тотъ далъ ему знакъ, какъ старшему, евангелистъ говоритъ самъ о себѣ, что Петръ далъ ему знакъ не какъ большему, а какъ любимому Христомъ. Посему эти слова его выражаютъ смиреніе, а не желаніе показать себя. Ибо онъ не говоритъ: я любилъ Іисуса, но: Онъ любилъ меня, взыскавъ меня по милости и щедротамъ, подобно тому, какъ и апостолъ Павелъ говоритъ: стремлюсь еще, не достигну ли такъ, какъ достигъ меня Богъ (Филип. 3, 12), и въ другомъ мѣстѣ: познавъ Бога, или лучше, бывъ познаны Богомъ (Гал. 4, 9). Такъ и слова: *котораго любилъ Іисусъ,* выражаютъ не тщеславіе, а смиренномудріе. Почему же Петръ не спрашиваетъ Господа самъ, а даетъ знакъ Іоанну? Во многихъ случаяхъ Петръ отъ большой горячности былъ стремителенъ, но подвергался порицанію. Посему теперь онъ опасался спросить, чтобы Господь и въ настоящій разъ

не упрекнулъ его, какъ порывистаго. Для чего же Іоаннъ припадаетъ къ груди Іисусовой такъ неблагоговѣйно и неприлично? Потому, что онъ не понималъ еще ничего великаго о Христѣ, и они не были научены почтеннымъ воздавать достойную честь, ибо были люди—рыболовы и несвѣдующіе въ приличіяхъ. Господь позволяетъ ему припасть къ груди, чтобъ ослабить его печаль, укротить смущеніе въ душѣ его, и вообще успокоить его скорбь. Ибо естественно, что и на лицахъ ихъ выражалось много печали. Господь, спрошенный и такимъ способомъ, не объявляетъ предателя по имени; но даетъ знать объ немъ посредствомъ куска, чтобы обратить предателя и привести ему на память общеніе въ столѣ и хлѣбѣ, участнику въ которыхъ не слѣдовало предавать Питателя и неистовствовать противъ Него. Прими, говоритъ, хлѣбъ сей, который ты раздѣлялъ вмѣстѣ со Мною, сознай, что мы имѣли общій столъ. Но онъ, страстію усыпленный въ душѣ, не уразумѣлъ этого. Если ты и самъ желаешь возлежать ближе къ Іисусу и припасть къ персямъ Его, и научиться отъ Него тайнамъ, постарайся заслужить любовь Его простотою и добротою. Ибо Іоаннъ былъ незлобивѣе, проще и кротче всѣхъ, и за это былъ любимъ. Такъ и ты, если будешь также незлобивъ, удостоишься припасть къ груди Іисусовой, что служитъ знакомъ богословскаго достоинства. Ибо, по увѣренію Писанія, въ сердцѣ сокрываются слова Господни (Псал. 118, 11). Такимъ образомъ откроется тебѣ все таинство и предатель Слова. Ибо для того, кому ввѣрена благодать богословія, явнымъ становит-

ся и предатель Слова, то есть, мудрствующій не по правой вѣрѣ. Ибо еретикъ, подмѣняющій слово истины, которое есть хлѣбъ, оказывается имѣющимъ оный не безъ примѣси, но подмоченный.

И омочь хлѣбъ, даде Іудѣ Симонову искаріотскому. И по хлѣбѣ тогда вниде въ онь сатана, глагола убо ему Іисусъ: еже твориши, сотвори скоро. Сего же никтоже разумѣ отъ возлежащихъ, къ чесому рече ему. Нѣцыи же мняху, понеже ковчежецъ имяше Іуда, яко глаголетъ ему Іисусъ: купи, еже требуемъ на праздникъ: или нищымъ да нѣчто дастъ. Пріимъ же онъ хлѣбъ, абіе изыде: бѣ же нощь, егда изыде. Господь подалъ кусокъ Іудѣ для того, чтобы онъ посовѣстился общенія въ столѣ и хлѣбѣ, и удержался отъ предательства. Но Іуда и отъ этого не улучшился, а отселѣ сталъ еще болѣе на сторонѣ сатаны, и, какъ неисправимый, совершенно предался ему. Доколѣ Іуда считался однимъ изъ учениковъ и членовъ святаго лика, дотолѣ сатана не имѣлъ къ нему такого доступа. Когда же Господь отдѣлилъ его и отлучилъ отъ прочихъ учениковъ, объявивъ его чрезъ хлѣбъ, тогда сатана овладѣлъ имъ, какъ оставленнымъ отъ Господа и отлученнымъ отъ божественнаго лика. *Сатана вошелъ въ него,* то есть, проникъ во глубину его сердца, и овладѣлъ его душею. Ибо сатана прежде нападалъ на Іуду извнѣ страстью сребролюбія, а теперь совершенно овладѣлъ имъ, внушивъ ему предательство. Іисусъ говоритъ Іудѣ: *что дѣлаешь, дѣлай скорѣе.* Симъ Господь не побуждаетъ Іуду къ предательству, но какъ-бы укоряетъ его въ томъ, что онъ идетъ на предательство. Словомъ: *дѣлай*

Господь какъ-бы такъ говоритъ: вотъ Я оставляю тебя, дѣлай что хочешь; не препятствую твоему намѣренію; не удерживаю тебя болѣе. Ибо прежде сего Господь обуздывалъ злобу Іуды, соблюдая самъ для Себя время смерти, почему и говорилъ: *никто не отнимаетъ жизни моей у Меня, но Я отдаю ее самъ* (Іоан. 10, 18). И *сего никтоже разумѣ отъ возлежащихъ.* Достойно изслѣдованія, отъ чего никто не узналъ этого, когда Господь, на вопросъ о предателѣ, сказалъ, что онъ—тотъ, кому Я подамъ кусокъ. Видно, Господь сказалъ это тихо одному только Іоанну, такъ что изъ прочихъ никто не слыхалъ. Притомъ Іоаннъ, припавъ къ груди, спрашиваетъ почти подъ ухо, такъ что предатель не былъ объявленъ. Ибо иначе Петръ, можетъ быть, простеръ бы мечь и умертвилъ бы его. Неужели и Іоаннъ не узналъ сего? Да, и ни онъ, ибо онъ не ожидалъ, что ученикъ будетъ способенъ на такое беззаконіе. Святою душею своею будучи далекъ отъ такой злобы, онъ не предполагалъ этого легкимъ и для другаго. Итакъ словъ: *дѣлай скорѣе*, никто не понялъ, но подумали, что Господь повелѣвалъ Іудѣ купить что-нибудь для праздника, или дать что-нибудь нищимъ. Ибо Онъ много заботился объ нищихъ, и хотя прочихъ убѣждалъ не имѣть ни сумы, ни мѣди, но самъ позволялъ носить при Себѣ ящикъ, показывая тѣмъ, что и нестяжательный и распявшійся для міра долженъ имѣть большое попеченіе объ этой части (людей,—бѣдныхъ). *Была ночь, когда онъ вышелъ.* Евангелистъ не безъ цѣли замѣтилъ, что *была ночь*, но для того, чтобы научить насъ, что Іудѣ и время не помѣшало, но

и ночью онъ былъ занятъ коварствомъ. Мнѣ кажется, что Іуда вышелъ въ пятомъ часу вечера, когда и сатана вошелъ въ него. Ибо въ четвертомъ часу сатана напалъ на Іуду, именно, когда упоминаемая у евангелиста Матѳея (26, 6—16) жена пролила мѵро, а Іуда пошелъ и уговорился съ іудеями о предательствѣ. Въ пятомъ же часу вечера сатана вошелъ въ Іуду, то есть, завладѣлъ его сердцемъ. Ибо иное дѣло ударить кого-нибудь рукою снаружи, и иное—вонзить въ него мечь и поразить имъ внутренность. Іуда *вышелъ* отъ Спасителя и чувственно и мысленно. *Была ночь*, можетъ быть, и мысленная ночь, то есть, накрывшая его тьма сребролюбія.

Зач. 46. *Глагола Іисусъ:* * *Нынѣ прославися Сынъ человѣческій, и Богъ прославися о немъ. Аще Богъ прославися о немъ, и Богъ прославитъ его въ себѣ, и абіе прославитъ его.* Такъ какъ помыслы учениковъ низпали, то Господь возставляетъ ихъ, говоря: *нынѣ прославился Сынъ человѣческій.* Убѣждаетъ ихъ не сѣтовать, а лучше радоваться. Ибо страданія и доставленіе посредствомъ безчестія чести людямъ составляютъ славу Его. И иначе: Онъ прославился чрезъ чудеса, совершившіяся на крестѣ, именно: когда солнце померкло, камни распались, завѣса раздралась, и всѣ прочія знаменія совершились. Что значитъ *Богъ прославитъ* Сына *въ себѣ?* То, что прославитъ чрезъ самого Себя, не чрезъ другаго, ни чрезъ ангеловъ и архангеловъ, ни чрезъ другую силу, но чрезъ самого Себя, ибо Онъ

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

дѣлалъ все для славы Сына. *Абіе прославитъ Его*, то есть, не замедлитъ, но прославитъ на самомъ крестѣ, потомъ чрезъ три дня воскреситъ Его, и чрезъ сорокъ дней низпошлетъ ученикамъ благодать Духа. Посмотримъ и еще на цѣль сихъ словъ. *Нынѣ прославился Сынъ человѣческій*, то есть, Я учащій, совершающій чудеса, и слава не останавливалась на Мнѣ, но восходила къ Богу и Отцу. А какъ моя слава становится славою Отца, то не сѣтуйте. Ибо Отецъ опять прославитъ меня, чтобъ и Ему прославиться. Ибо Я славы не присвояю Себѣ, и не къ Нему ли она восходитъ? Да, слава (у насъ) общая. Посему и опять прославитъ Меня, и не замедлитъ, но вскорѣ, когда Я буду терпѣть безчестныя страданія, когда, повидимому, Я буду взятъ изъ среды живыхъ чрезъ смерть, тогда-то Онъ болѣе почтитъ Меня, тогда-то чрезъ воскресеніе прославитъ Меня.

Чадца, еще съ вами мало есмь: взыщете мене, и якоже рѣхъ іудеомъ, яко аможе азъ иду, вы не можете пріити: и вамъ глаголю нынѣ. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Такъ какъ они вскорѣ подвергнутся бѣдствіямъ, то Господь предсказываетъ имъ объ этомъ, чтобы они помнили о бѣдствіяхъ и приготовились къ нимъ. Это же служитъ и къ славѣ Его. Ибо возвѣщеніе ученикамъ впередъ о томъ, что̀ съ ними случится, было немалою для Него славою, когда ученики впослѣдствіи вспоминали, что Господь предсказывалъ имъ объ этомъ. По-

казывая же, что не теперь только, въ первый разъ, Онъ узнаетъ, но и задолго зналъ, что въ искушеніяхъ будутъ искать Его, говоритъ, что Онъ, какъ задолго предвѣдущій, говорилъ это самое и іудеямъ. Словами: *куда Я иду*, Господь показываетъ, что смерть Его есть переходъ и преставленіе въ лучшее мѣсто, куда не принимаются тѣла тлѣнныя. Іудеямъ говорилъ: *будете искать Меня, и куда Я иду, туда вы не можете придти* (Іоан. 7, 34), съ тѣмъ, чтобы навесть на нихъ страхъ, а ученикамъ говоритъ для того, чтобы воспламенить въ нихъ любовь. Ибо, когда мы видимъ, что кто-нибудь изъ нашихъ друзей удаляется, мы обыкновенно воспламеняемся горячею къ нему любовію, особенно, если онъ отъѣзжаетъ туда, куда намъ придти невозможно. Итакъ говоритъ это имъ, чтобы воспламенить въ нихъ любовъ. Посему и прибавилъ: *чадца*, чтобы не подумали, что Онъ сказалъ имъ это отъ такого же расположенія, отъ какого іудеямъ, но отъ любви. Іудеи искали Господа, когда городъ ихъ былъ взятъ, и отвсюду несся на нихъ гнѣвъ Божій, какъ и Іосифъ свидѣтельствуетъ, что это послѣдовало съ ними за умерщвленіе Іисуса. Ученики же искали, когда бѣгали, или другую скорбь испытывали. Посему и въ другомъ вмѣстѣ говоритъ: *отнимется женихъ, и тогда друзья жениха будутъ поститься* (Мѳ. 9, 15). Итакъ Господь предсказываетъ будущее тѣмъ и другимъ, но однимъ по причинѣ невѣрія, другимъ—по причинѣ любви, чтобы они не подверглись бѣдствіямъ неожиданнымъ. Поелику они, выслушавъ это, естественно, могли придти въ смущеніе, какъ люди, которые будутъ ос-

тавлены (безъ помощи); то Онъ утѣшаетъ ихъ, говоря: не печальтесь; Я даю вамъ сильнаго стража—любовь; если будете ее имѣть, то, подкрѣпляемые другъ другомъ, будете непобѣдимы. Потомъ иной могъ спросить: Господи! почему Ты выдаешь любовь за новую заповѣдь, когда мы знаемъ, что любовь заповѣдана и въ ветхомъ завѣтѣ? Прибавляетъ: *якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе.* Какъ, говоритъ, Я возлюбилъ васъ даромъ, безъ предварительныхъ заслугъ, даже и тогда, какъ естество человѣческое было во враждѣ (съ Богомъ) и разлученіи, Я однакожъ принялъ оное на Себя и освятилъ: такъ и вы любите другъ друга даромъ: а если братъ оскорбитъ тебя, ты не помни этого. Видишь ли, новая заповѣдь состоитъ въ томъ, чтобы любить ближняго даромъ, хотя бы и ничѣмъ не были ему должны? А законъ говорилъ: *возлюби друга твоего,* повелѣвая любовію какъ-бы уплачивать долгъ ближнему, начавшему любить прежде. Показывая же, что они, по отшествіи Его, не будутъ уничижены, но сдѣлаются славными, говоритъ: *о семъ разумѣютъ вси.* Видишь ли, объявляетъ, что они сдѣлаются извѣстными у всѣхъ, и этимъ немало утѣшаетъ ихъ. Умалчивая о чудесахъ, которыя они будутъ совершать, отличительнымъ ихъ признакомъ поставляетъ любовь. Ибо многіе изъ творившихъ чудеса услышатъ: *Я не знаю васъ* (Мѳ. 7, 23). Если и вся вселенная чудесами была приведена къ вѣрѣ: что удивительнаго? Потому и была у нихъ сила творить чудеса, что была у нихъ любовь. А если бы они отстали и отдѣлились другъ отъ друга, то у нихъ погибло бы все, и никто не по-

вѣрилъ бы, когда бы они неистовствовали другъ противъ друга, тогда какъ болѣе чуда дѣлало ихъ достойными вѣры то, что у вѣрующихъ—одно сердце и одна душа (Дѣян. 4, 32).

Глагола ему Симонъ Петръ: Господи: камо идеши? отвѣща ему Іисусъ: аможе азъ иду, не можеши нынѣ по мнѣ ити: послѣди же по мнѣ идеши. Глагола ему Петръ: Господи, почто не могу нынѣ по тебѣ ити? (нынѣ) душу мою за тя положу. Отвѣща ему Іисусъ: душу ли твою за мя положиши? аминь аминь глаголю тебѣ, не возгласитъ алекторъ, дондеже отвержешися мене трищи. Петръ, отъ великой горячности сдѣлавшись дерзновеннымъ, когда услышалъ, что Господь говоритъ: *куда Я иду, туда вы не можете идти*, спрашиваетъ: *куда Ты идешь?* Онъ какъ-бы такъ говоритъ Христу: что это за путь, которымъ я не могу идти? Спрашиваетъ объ этомъ, не столько желая узнать (куда Онъ идетъ), сколько выражая прикровенно ту мысль, что хотя бы Ты пошелъ путемъ, труднѣйшимъ изъ всѣхъ, я (и тогда) послѣдую за Тобою. Такъ онъ любилъ всегда быть вмѣстѣ со Христомъ! Посему и Христосъ отвѣчаетъ на мысль Петра: не можешь ты нынѣ послѣдовать за Мною, а впослѣдствіи пойдешь за Мною. Но Петръ такъ неудержимъ въ стремленіи, что и Христу противорѣчитъ. Не довольствуется тѣмъ, что получилъ добрую надежду пойти за Христомъ впослѣдствіи, но настаиваетъ на своемъ и самоувѣренно говоритъ: *почему я не могу идти за Тобою теперь? Я душу свою положу за Тебя.* Смотри, какая сила желанія! Петръ слышалъ, какъ

Господь говорилъ, что *нѣтъ больше сей любви, какъ если кто положитъ душу свою за друга своего* (Іоан. 15, 13); посему и самъ сремится къ этой степени, и желаетъ достигнуть самой высшей любви, почему и обѣщаетъ положить за Господа душу свою. Спаситель, показывая ему, что одинъ только Онъ, а не человѣкъ какой-нибудь, можетъ съ увѣренностію обѣщать это, говоритъ: *не пропоетъ пѣтухъ, какъ ты отречешься отъ Меня трижды*, то есть, теперь же; ибо немного уже оставалось времени. Господь говорилъ это поздно ночью, и первая и вторая стража ночи уже прошли. Такъ какъ Петръ противорѣчилъ отъ великой любви, то Господь любовь принимаетъ, а противорѣчіе отсѣкаетъ. Посему Онъ лишаетъ его помощи свыше, и доводитъ до познанія своей немощи. Ибо, если ты любишь, то долженъ покоряться Тому, кого любишь. Я сказалъ, что ты не можешь, а ты противорѣчишь. Изъ отреченія ты ясно узнаешь, что не можетъ не сбыться то, что̀ Я говорю. Посему, щадя его, попустилъ ему пасть, для того, чтобы онъ не подвергся этому и въ послѣдствіи когда приметъ домостроительство вселенной, но позналъ бы самого себя. И смотри, какъ онъ палъ не однажды, а трижды. Такъ оставленіе отъ Бога обличаетъ наше безсиліе, и кто внимателенъ, тотъ находитъ въ этомъ величайшее благодѣяніе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О Ѳомѣ, незнающемъ, куда идетъ Господь.—Объ Іудѣ Ѳаддеѣ, вопрошающемъ Іисуса.—Объ Утѣшителѣ.

Зач. 47. * *Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога, и въ мя вѣруйте.* Когда апостолы услышали о верховномъ Петрѣ, что онъ отречется, естественно, на нихъ напало смущеніе. Посему Господь утѣшаетъ ихъ, и утишаетъ смущеніе сердца. Ибо, если верховный и пламенный Петръ отречется трижды, прежде чѣмъ пропоетъ пѣтухъ, очевидно, они должны ожидать какого-то великаго обстоятельства. Потомъ, ученики какъбы сказали: какъ же намъ не смутиться, когда наступятъ для насъ такія затрудненія? Онъ отвѣчаетъ: *вѣруйте въ Бога, и въ Меня вѣруйте,* и всѣ ваши затрудненія разрѣшатся, и смущеніе утишится чрезъ вѣру въ Бога и въ Меня. Посему и сказалъ имъ: *да не смущается сердце ваше,* чтобы они тѣмъ самымъ, что Онъ видитъ состояніе ихъ сердца и знаетъ сокровенное смущеніе, увѣрились, что Онъ Богъ.

Въ дому Отца моего обители многи суть: аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ себѣ: да, идѣже есмь азъ, и вы будете. Господь сказалъ Петру: послѣ ты пойдешь за Мною. Чтобы прочіе не подумали, что это обѣщаніе дано одному только Петру, а имъ нѣтъ, Господь говоритъ, что и васъ приметъ таже страна, которая приметъ Петра.

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

Посему не нужно смущаться изъ за мѣста. Ибо много обителей *въ дому Отца моего,* то есть, подъ властію Отца. Подъ *домомъ* разумѣй власть и начальство. Если же бы не было обителей, то Я пошелъ бы и приготовилъ бы вамъ, такъ что вамъ не должно смущаться въ томъ и другомъ случаѣ, готовы или неготовы обители. Ибо, если бы онѣ не были готовы, Я со всѣмъ усердіемъ приготовилъ бы ихъ для васъ. Если бы для приготовленія вамъ мѣста Я и отошелъ, то и въ этомъ случаѣ Я не оставилъ бы васъ, но взялъ бы съ Собою, чтобы и вы были тамъ же, гдѣ Я. Видишь ли, сколько утѣшенія и одушевленія въ словахъ: *идѣже есмь азъ, и вы будете.* Итакъ неразумно смущаться вамъ, когда вы будете со Мною.

И аможе азъ иду, вѣсте, и путь вѣсте, Глагола ему Ѳома: Господи, не вѣмы, камо идеши: и како можемъ путь вѣдѣти? Глагола ему Іисусъ: азъ есмь путь и истина и животъ: никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною. Господь видитъ, что̀ у нихъ на мысли—спросить и узнать, куда Онъ идетъ. Посему даетъ имъ поводъ спросить объ этомъ. Вы, говоритъ, знаете, куда Я иду, и путь знаете, и тѣмъ приводитъ ихъ къ вопросу. Посему Ѳома и говоритъ: *Господи! мы не знаемъ, куда Ты идешь; и какъ можемъ знать путь сей?* Ѳома говоритъ это отъ большаго страха, а не отъ желанія слѣдовать за Господомъ, какъ Петръ. Посему Христосъ, желая показать, что слѣдовать за Нимъ удобно для нихъ и пріятно, объявляетъ, куда Онъ идетъ, и какой путь. Идетъ Онъ къ Отцу, а *путь* есть самъ Онъ—Христосъ. Если путь есмь Я, то вы чрезъ

Меня, безъ сомнѣнія, взойдете къ Отцу. Я не только путь, но *и истина*; посему васъ нужно быть бодрыми, потому что Мною не будете обмануты. Я еще *и жизнь*; посему, если и умрете, смерть не воспрепятствуетъ вамъ придти къ Отцу. Итакъ бодрствуйте; ибо всякій чрезъ Меня приходитъ къ Отцу. И какъ въ моей власти приводить къ Отцу, то вы, безъ сомнѣнія придете къ Нему. Ибо придти туда и невозможно инымъ путемъ, какъ только Мною. А ты, пожалуй, и отсюда уразумѣй, что Сынъ равенъ родившему. Ибо въ иномъ мѣстѣ говоритъ, что Отецъ приводитъ къ Нему: *никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ* (Іоан. 6, 44). А здѣсь говоритъ, что къ Отцу Онъ приводитъ. Слѣдовательно у Отца и Сына равна сила, ибо и дѣиствіе едино. Итакъ, когда ты идешь дѣятельностію, тогда Христосъ бываетъ для тебя путемъ, а когда упражняешься въ созерцаніи, Онъ бываетъ для тебя истиною. Но какъ многіе, шествуя дѣятельностію, и занимаясь созерцаніемъ, все-таки не получили жизни, или потому, что, совершая добродѣтель изъ тщеславія, здѣсь получили награду, или потому, что въ догматическихъ мнѣніяхъ уклонились отъ праваго пути; то къ пути и истинѣ, то есть, къ дѣятельности и созерцанію, присоединена жизнь. Посему и намъ должно шествовать и богословствовать, стремясь къ живущей во вѣкъ, а не къ гибнущей славѣ— отъ людей.

Аще мя бысте знали, и Отца моего знали бысте убо: и отселѣ познасте его, и видѣсте его. Выше сказалъ, что вы *знаете*, куда Я иду, знаете и путь сей,

то есть, Меня; а здѣсь говоритъ, что *если бы* вы *знали* Меня, то знали бы и Отца моего. Какъ же это?— Въ словахъ Его нѣтъ противорѣчія. Ибо они знали Отца, но не такъ, какъ слѣдовало, знали какъ Бога, но какъ Отца еще не знали. Уже въ послѣдствіи Духъ, низшедшій на нихъ, сообщилъ имъ совершенное познаніе. Итакъ слова Его имѣютъ такой смыслъ: если бы вы знали мое существо и достоинство, то знали бы также существо и достоинство и Отца. И отнынѣ вы начали познавать Его чрезъ мое посредство, и видѣли Его, то есть, познали умомъ вашимъ, насколько возможно. Такъ какъ вы признаете Меня Господомъ и Учителемъ, то, безъ сомнѣнія, по Мнѣ, насколько для васъ достижимо, получили познаніе достаточное и объ Отцѣ, ибо совершеннаго еще не получили. И иначе. Слова: *если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца моего,* выражаютъ не то, будто они не знаютъ Его, но имѣютъ такой смыслъ: Я сказалъ вамъ, что вы знаете, куда Я иду, то есть, къ Отцу, и знаете путь сей, то есть, Меня. Ѳома сказалъ мнѣ: *не знаемъ, куда идешь* и проч., не знаемъ и пути сего. Я сказалъ Ѳомѣ: Я есмь путь, и никто не приходитъ къ Отцу иначе, какъ только чрезъ Меня. Итакъ, если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца моего. Но вы знаете Меня, слѣдовательно знаете и Отца моего. Ибо отнынѣ, говоритъ, вы знаете Его, и видѣли Его, видѣвши Меня.

Глагола ему Филиппъ: Господи, покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ. Глагола ему Іисусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси мене Филиппе? ви-

дѣвый мене, видѣ Отца: и како ты глаголеши: покажи намъ Отца? Филиппъ думалъ, что онъ хорошо знаетъ Христа, но не знаетъ Отца. Посему и сказалъ: *покажи намъ Отца, и довольно для насъ.* Ибо сколь много ни говори намъ, что если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца моего; но мы не сможемъ такимъ образомъ познать Отца, А Ты покажи Его намъ,—тѣлеснымъ глазамъ нашимъ. Филиппъ слышалъ, что пророки видѣли Бога, и самъ пожелалъ видѣть Его также тѣлесно, не зная, что видѣнія пророковъ были снизхожденіемъ. Итакъ, научая Филиппа, что Бога нельзя видѣть тѣлесно, Христосъ говоритъ: *столько времени Я съ вами, и ты еще не позналъ Меня, Филиппъ?* Смотри. Не сказалъ: не *видѣлъ* ты, но: не *позналъ*, для того, чтобы отвести Филиппа отъ земнаго помысла, отъ желанія видѣть Отца тѣлесно. Ибо о Богѣ говорится—знать, а не тѣлесно видѣть. Потомъ прибавляетъ: *видѣвшій Меня видѣлъ Отца.* Слова имѣютъ такой смыслъ. Филиппъ! ты желаешь видѣть Отца тѣлеснымъ глазомъ, и думаешь, что Меня ты уже видѣлъ. А Я тебѣ говорю, что если бы ты видѣлъ Меня, то видѣлъ бы и Его. А какъ Его ты нынѣ не видѣлъ, то не видѣлъ и Меня, какъ должно смотрѣть на Меня. Ты видѣлъ Меня тѣлесно, такъ какъ Я имѣю и тѣло, но божественнаго существа ты не видѣлъ; посему ты не можешь видѣть тѣлесно и существа Отца. Ни Меня, ни Отца не возможно видѣть тѣлесно. Ибо видѣвшій Меня видѣлъ и Отца. Впрочемъ многіе думаютъ, что видятъ Меня, а Отца не видятъ. Посему Меня они видятъ не по божескому естеству, но по

человѣческому. Можешь и яснѣе понимать такъ: Я единосущенъ Отцу. Итакъ кто Меня видѣлъ, то есть, позналъ, тотъ позналъ Отца. Ибо, когда одно существо и естество, тогда одно и познаніе. Да постыдится Арій, слыша, что видѣвшій *Сына*, то есть, познавшій божество Сына, позналъ *Отца*, то есть, божество Отца. Да постыдится и Савелій, который говоритъ: одно существо и одно лице Отца и Сына. Ибо вотъ, Господь различаетъ vпостаси, и иное Лице показываетъ въ Отцѣ, и иное въ Сынѣ. Ибо въ словахъ: *видѣвый Мене*, указываетъ на свое Лице, потомъ въ словахъ: *видѣлъ Отца*—на другое Лице. Если же бы Онъ и Отецъ былъ одно Лице, то ничего таковаго Онъ не сказалъ бы, но на просьбу Филиппа—*покажи намъ Отца*—отвѣтилъ бы, что у Меня нѣтъ Отца, но Я есмь Отецъ и Сынъ. И было бы крайне неразумно слышать, какъ Сынъ говоритъ: *иду къ Отцу моему*, и: *Я во Отцѣ*, и многое тому подобное, и не понимать, что иное Лице Сына и иное Отца, но сливать ихъ. Посему-то Господь упрекаетъ этого ученика, что онъ столько времени слѣдуетъ за Нимъ, видѣлъ знаменія и дѣла божества, но еще не позналъ Его, какъ Бога, чтобы чрезъ Него познать и Отца. Нынѣ же, говоритъ, изъ того, что ты желаешь видѣть Отца тѣлесно, открывается, что ты не вѣруешь ни тому, что Я Богъ, ни тому, что Онъ—Богъ.

Не вѣруеши ли, яко азъ во Отцѣ, и Отецъ во Зач.
мнѣ есть? * *Глаголы, яже азъ глаголю вамъ, о себѣ* 48.

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

не глаголю: Отецъ же во мнѣ пребываяй, той творитъ дѣла. Вѣруйте мнѣ, яко азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ: аще ли же ни, за та дѣла вѣру имите ми. Сынъ въ Отцѣ, такъ какъ является въ Его существѣ, и опять Отецъ въ существѣ Сына, подобно какъ царь является въ образѣ своемъ, и образъ въ царѣ. Ибо однѣ черты у образа и у царя. А что Мое и Отчее существо одно, это ясно. Ибо *слова, которыя говорю Я, говорю не отъ Себя,* то есть, говорю ихъ не иначе, но, какъ сказалъ бы Отецъ, такъ и Я говорю; потому что Я не имѣю у Себя ничего особеннаго, отдѣльнаго отъ Отца, но все общее; ибо одно существо, хотя Лица разныя. Но Отцу принадлежатъ не только слова, которыя говорю Я, но и дѣла, дѣла божественныя. Если же дѣла—Божіи, а Отецъ и Я—Богъ; слѣдовательно дѣла—одного существа, такъ что если Я дѣлаю, Отецъ дѣлаетъ, если Отецъ дѣлаетъ, Я дѣлаю. *Вѣрьте, что Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ,* то есть, вамъ, которые слышите объ Отцѣ и Сынѣ, не слѣдуетъ искать никакого другаго доказательства на ихъ сродство по существу. Если же этого вамъ недостаточно для доказательства единосущія и единочестія, и того, что Отецъ является въ моемъ существѣ, и Я въ существѣ Отца, то по крайней мѣрѣ по дѣламъ вѣрьте Мнѣ: ибо дѣла—Божіи.

Аминь аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той творитъ, и больша сихъ сотворитъ: яко азъ ко Отцу моему гряду. И еже аще что просите отъ Отца во имя мое, то сотворю: да прославится Отецъ въ Сынѣ. И аще чесо просите во

имя мое, азъ сотворю. Христосъ, показывая, что Онъ можетъ творить не одни только эти дѣла, но и другія, гораздо бо́льшія этихъ, говоритъ объ этомъ съ чрезвычайною силою. Ибо не говоритъ: Я могу творить дѣла и бо́льшія сихъ, но, что̀ гораздо удивительнѣе, могу и другимъ дать власть творить дѣла, бо́льшія сихъ. Видишь ли, сколь велика сила Единороднаго? Онъ и другимъ даетъ силу творить дѣла, бо́льшія тѣхъ, которыя самъ творилъ. *Яко азъ ко Отцу моему гряду*: то есть, теперь уже вы будете творить чудеса; ибо Я уже отхожу. Объясняя намъ, какъ вѣрующій въ Него можетъ творить великія и чудныя дѣла, говоритъ: *о чемъ ни попросите во имя мое.* Здѣсь показываетъ намъ способъ чудотворенія: всякій можетъ творить чудеса чрезъ прошеніе и молитву и призваніе Его имени. Такъ и апостолы сказали (хромому): *во имя Іисуса Христа встань и ходи* (Дѣян. 3, 6). Посему не сказалъ: о чемъ ни попросите, Я умолю Отца, и сдѣлаетъ, но: *Я сдѣлаю*, показывая собственную свою власть. *Да прославится Отецъ въ Сынѣ.* Ибо когда сынъ явится имѣющимъ великую силу, тогда бываетъ слава и тому, кто родилъ такого сына. Смотри же, какъ вытекаетъ слава Отцу. Именемъ Господа нашего Іисуса Христа совершались чудеса; по чудесамъ вѣровали проповѣди апостоловъ; наконецъ, переходя къ богопознанію, познавали Отца, и такимъ образомъ Онъ прославлялся въ Сынѣ. Страждущіе аріанствомъ пусть скажутъ: какъ это чудеса чрезъ апостоловъ творилъ Онъ, а свои дѣла не самъ, но при содѣйствіи Отца? Какъ это инымъ давалъ силу, а самъ не имѣлъ ея?

Для чего Онъ сказалъ одно и тоже дважды? Ибо, сказавъ: *о чемъ ни попросите во имя мое, Я сдѣлаю,* потомъ прибавивъ: *да прославится Отецъ въ Сынѣ,* опять во второй разъ говоритъ: *чего ни попросите во имя мое, Я то сдѣлаю.* Дважды говоритъ это для того, чтобы утвердить свое слово, и показать, что Онъ творитъ самъ, и не нуждается въ сторонней силѣ. Все же это Онъ говоритъ ученикамъ для утѣшенія ихъ и въ подтвержденіе, что Онъ по смерти не погибнетъ, ни уничтожится, но опять останется въ своемъ достоинствѣ, и будетъ на небесахъ. Ибо Я, говоритъ, иду къ Отцу; Я не уничтожусь, но отхожу туда, гдѣ жизнь блаженнѣйшая. Хотя Я и умру, но нисколько не явлюсь безсильнымъ, напротивъ и другихъ облеку силою творить дѣла бо́льшія. И чего ни пожелаете, дамъ вамъ. Итакъ не падайте духомъ изъ за того, что смерть моя такая, на какую Я вамъ указалъ.

Аще любите мя, заповѣди моя соблюдите. И азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины, егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его, ниже знаетъ его: вы же знаете его, яко въ васъ пребываетъ, и въ васъ будетъ. Выше сказалъ: Я сдѣлаю все, о чемъ ни попросите; теперь показываетъ, что должно просить не просто, но съ любовію къ Нему и соблюденіемъ заповѣдей. Ибо тогда Я сдѣлаю, когда будете просить такимъ образомъ. И иначе. Слыша, что будутъ Имъ оставлены, они, естественно, могли опечалиться и смутиться душами. Онъ говоритъ: любовь ко Мнѣ состоитъ не въ томъ, чтобы печалиться и смущаться, но

повиноваться моимъ словамъ. Я далъ вамъ заповѣдь не бояться убивающихъ тѣло (Мѳ. 10, 28). Если вы любите меня, то соблюдите ее, и уже не скорбите изъ за моей смерти. Ибо хранящему помянутую заповѣдь несвойственно скорбѣть. Какъ же, не соблюдая моей заповѣди, но боясь смерти, вы говорите, что любите Меня? На это они могли сказать: какъ же намъ не скорбѣть, когда намъ предстоитъ лишиться твоего утѣшенія и руководства? Посему говоритъ: этого не будетъ; вы не останетесь безъ утѣшенія. Ибо Я вопрошу (ἐρωτήσω), то есть, умолю Отца, и Онъ пошлетъ вамъ иного Утѣшителя, иного (но такого же), какъ Меня. Да постыдится сихъ словъ Савелій, который говоритъ, что одно Лице Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо вотъ, слушай: пошлетъ *иного* Утѣшителя; значитъ, Лице Духа иное. Да постыдится и Македоній, который говоритъ, что Духъ инаго существа и ниже Сына. Ибо слушай: и Духъ есть Утѣшитель, подобно какъ и Сынъ. Итакъ Духъ, единосущный Сыну, безъ сомнѣнія, единосущенъ и Отцу. Ибо Отецъ и Сынъ одного и тогоже существа. Не удивляйся, если Онъ говоритъ: *Я умолю Отца*, Ибо Онъ не проситъ, какъ рабъ; но для того, чтобы увѣрить учениковъ, что къ нимъ непремѣнно придетъ Духъ Утѣшитель, снизходитъ къ нимъ, и говоритъ: *Я умолю* Отца. Ибо, если бы Онъ сказалъ: *Я пошлю*, то они не столько повѣрили бы; а теперь, чтобы сдѣлать свое слово достовѣрнѣе, говоритъ: *Я умолю Отца*, то есть, если будетъ нужно и просить и молить, то Я всячески постараюсь о томъ, чтобы Духъ пришелъ къ вамъ. Это

подобно тому, какъ и мы нерѣдко говоримъ: Я жизнь свою положу, чтобы случилось то и то. Хотя часто дѣло не требуетъ большаго старанія, однакожъ мы говоримъ такимъ образомъ, желая показать, что не откажемся отъ старанія.—Иначе. Такъ какъ Господь за насъ самъ Себя принесъ въ жертву Отцу, умилостививъ Его своею смертію, какъ первосвященникъ, и за тѣмъ, по истребленіи грѣха и прекращеніи вражды, пришелъ къ намъ Духъ; посему-то Онъ говоритъ: Я умолю Отца, и дастъ вамъ Утѣшителя, то есть, Я умилостивлю за васъ Отца, и примирю Его съ вами, враждебными Ему по причинѣ грѣха; и Онъ, умилостивленный моею смертію за васъ, и примиренный съ вами, пошлетъ вамъ Духа. *Да будетъ съ вами въ вѣкъ.* Сказалъ это также въ утѣшеніе ихъ. Пришествіе Его не таково, какъ мое; оно не на время только, но продолжится до вѣка; Онъ не оставитъ васъ и по смерти вашей, но пребудетъ съ вами, и прославитъ васъ; Онъ и со всѣми святыми всегда пребываетъ, даже и по смерти ихъ, тѣмъ болѣе, что они тогда еще болѣе возвышаются надъ плотскими страстями. *Духъ истины,* говоритъ, то есть, Духъ не ветхаго завѣта, ибо онъ— образъ и тѣнь, а новаго, который есть истина. Имѣли Духа и тѣ, кои жили подъ закономъ, но имѣли въ образѣ и тѣняхъ, а нынѣ, можно сказать, истина сама существенно снизошла къ ученикамъ. А чтобы не подумали, что и Духъ, подобно Ему, воплотится, говоритъ, что міръ не можетъ принять Его. Онъ, говоритъ, будетъ учить васъ не такъ, какъ Я. Ибо міръ не можетъ принять Его тѣлесно, то есть, Онъ будетъ оби-

тать въ самыхъ душахъ вашихъ.—Иначе. Не можетъ принять Его *міръ*, то есть, люди порочные и мудрствующіе мірское, потому что не видятъ Его, то есть, потому, что существо Его не объятно. Ибо подъ видѣніемъ разумѣетъ здѣсь созерцаніе умомъ; почему и прибавилъ: *и не знаетъ Его.* Очевидно, словомъ: *не видитъ*, Онъ выразилъ то, что *не знаетъ.* Итакъ Онъ утѣшаетъ апостоловъ, когда говоритъ, что міръ не можетъ принять Его, а вамъ подастся этотъ превосходный даръ, и пребудетъ *у васъ*, и, что̀ еще болѣе, пребудетъ *въ васъ.* Ибо (словомъ) *у васъ* указываетъ на внѣшнюю помощь отъ близости, а *въ васъ*—на внутреннее обитаніе и укрѣпленіе. Это же показываетъ, что Онъ есть Богъ. Ибо Богъ говоритъ: вселюсь въ васъ и буду ходить (Лев. 26, 12). Итакъ міръ не можетъ принять Духа, потому что не знаетъ Его, а вы знаете Его. Почему? потому что вы не отъ міра. Потому-то вы и способны принять Его, и Онъ—нынѣ пребываетъ *у васъ*, и всегда будетъ *въ васъ.*

Не оставлю васъ сиры: пріиду къ вамъ. Еще мало, и міръ ктому не увидитъ мене, вы же увидите мя: яко азъ живу, и вы живи будете. Въ той день уразумѣете вы, яко азъ во Отцѣ моемъ, и вы во мнѣ, и азъ въ васъ. Не бойтесь, говоритъ, что Я сказалъ вамъ: пошлю иного Утѣшителя. Не думайте, что уже не увидите Меня. Ибо Я не удалюсь отъ васъ навсегда. Я приду, и не оставлю васъ сиротами. Такъ какъ въ началѣ рѣчи назвалъ ихъ дѣтьми, то теперь прилично говоритъ: *не оставлю васъ сиротами.* А чтобы они не думали, будто Онъ попрежнему имъ и всѣмъ явится

съ тѣломъ, говоритъ: *міръ уже не увидитъ Меня.* Вы только одни увидите Меня, по воскресеніи. *Яко Азъ живу*; хотя Я и приму смерть, но Я воскресну. *И вы живи будете,* то есть, увидѣвши Меня, возрадуетесь, и, какъ-бы послѣ смерти, оживете отъ моего явленія. Или и такъ: какъ моя смерть послужила къ жизни: такъ и вы, хотя умрете, оживете. Итакъ не скорбите ни обо Мнѣ умирающемъ, ни сами о себѣ. Ибо, если и умрете, оживете въ будущую жизнь. *Въ той день уразумѣете вы, яко азъ во Отцѣ моемъ,* то есть, когда Я воскресну, тогда вы узнаете, что Я не отдѣленъ отъ Отца, но имѣю одну и туже силу. *И вы во Мнѣ,* то есть, хранимы мною, *и Азъ въ васъ,* то есть, Я съ вами, избавляю васъ отъ скорбей, совершаю чрезъ васъ чудеса, вообще прославляю васъ чрезъ все. И иначе: *Я въ васъ,* какъ Глава въ членахъ, ибо апостолы члены Христовы (1 Кор. 3, 23), *и вы во мнѣ,* какъ члены въ Главѣ. Когда Онъ воскресъ, тогда Онъ уяснилъ имъ познаніе обо всемъ этомъ. Ибо, по воскресеніи, благодать Духа научила ихъ всему. Когда слышишь слова: *Я въ Отцѣ, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ,* то не понимай ихъ въ одномъ и томъ же значеніи. Ибо Сынъ въ Отцѣ—какъ единосущный, а въ апостолахъ—какъ помощникъ и споспѣшникъ, и апостолы въ Немъ—какъ получающіе отъ Него помощь, содѣйствіе и горячность. Много и иныхъ названій употребляется о Богѣ и о людяхъ, но не въ одинаковомъ смыслѣ. Такъ, называемся богами и мы (Псал. 81, 6), но не въ такомъ смыслѣ, какъ Богъ. Сынъ называется образомъ и славою Отца (Евр. 1, 3), и человѣкъ называется так-

же; но не въ одномъ значеніи. Такъ должно понимать и настоящія слова. Равно какъ и слѣдующія слова: *какъ послалъ Меня Отецъ, такъ Я посылаю васъ* (Іоан. 20, 21), ужели намъ должно понимать просто? Отецъ послалъ Сына въ томъ смыслѣ, что Онъ, будучи безтѣлесенъ, воплотился, родившись отъ Дѣвы. Неужели же посему и апостолы съ неба и безтѣлесны, потомъ воплотились, и каждый изъ нихъ родился отъ Дѣвы?! Но такъ понимать слова Писанія—очевидное безуміе.

* *Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй мя: а любяй мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ: и азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ. Глагола ему Іуда не искаріотскій: Господи, и что бысть, яко намъ хощети явитися, а не міровы?* Такими словами, какъ и выше мы говорили, Онъ утишаетъ ихъ скорбь, научая ихъ, что любитъ Его не тотъ, кто печалится о смерти Его, каковую печаль и они испытываютъ, но тотъ, кто соблюдаетъ Его заповѣди и завѣщанія о томъ, чтобы не привязываться къ настоящей жизни, но за Бога и за добро полагать жизнь. Онъ говоритъ имъ какъ-бы такъ: вы думаете, что изъ любви скорбите объ моей смерти, а Я, напротивъ, признакъ любви поставляю въ томъ, чтобъ вы не скорбѣли. Что такая мысль въ Его словахъ, это видно изъ того, что Онъ говоритъ нѣсколько далѣе: *если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я иду къ Отцу моему* (ст. 28). Итакъ кто любитъ Меня, тотъ имѣетъ заповѣди мои, и не Зач.

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

только имѣетъ, но и соблюдаетъ ихъ, чтобы не пришелъ воръ—діаволъ, и не похитилъ это сокровище, ибо нужна тщательная осторожность, чтобы не потерять ихъ. Какую же награду получитъ тотъ, кто любитъ Меня? *Онъ возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Я возлюблю его, и явлюся ему самъ.* Для чего это сказалъ: *явлюся ему самъ?* Такъ какъ по воскресеніи Онъ имѣлъ явиться имъ въ тѣлѣ боговидномъ, то, чтобы не приняли Его за духъ и призракъ, Онъ и предсказываетъ имъ объ этомъ, дабы, увидѣвъ Его тогда, не оставались въ невѣріи, но вспомнили, что Онъ предсказывалъ имъ это, и что Онъ является имъ за соблюденіе заповѣдей Его, дабы и всегда старались соблюдать оныя, чтобы и Онъ всегда являлся имъ. Тайна воскресенія велика, и съ трудомъ бы они приняли ее; посему Онъ приготовляетъ ихъ, говоря, что явится имъ самъ. Ибо по воскресеніи Онъ и вкушалъ для того, чтобы не почли Его за призракъ, каковая мысль была теперь и у Іуды. Упоминаемый нынѣ Іуда подумалъ, что какъ мертвыхъ мы видимъ во снѣ, такъ и Онъ явится имъ; посему и говоритъ: *Господи! отъ чего это, что Ты хочешь явиться намъ, а не міру?* говоритъ это отъ сильнаго изумленія и ужаса; говоритъ какъ-бы такъ: увы намъ! Ты умираешь и хочешь явиться намъ во снѣ, какъ и мертвые (являются). Ибо *что бысть?* это слова испуганнаго и встревоженнаго. Что же Господь отвѣчаетъ на это? Чѣмъ Онъ низпровергаетъ мнѣніе его, какъ ложное?

Отвѣща Іисусъ, и рече ему: аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ: и Отецъ мой возлюбитъ его, и

къ нему прiидемъ, и обитель у него сотворимъ. Не любяй мя, словесъ моихъ не соблюдаетъ: и слово, еже слышасте, нѣсть мое, но пославшаго мя Отца. Iуда въ сильномъ страхѣ подумалъ, что Господь, по смерти своей, явится имъ во снѣ, почему и предложилъ вышепомянутый вопросъ. А Господь, опровергая его мнѣнiе, говоритъ, что какъ Отецъ является самъ, такъ и Я явлюсь вамъ самъ. Ибо Я и Отецъ (вмѣстѣ) придемъ къ тому, кто хранитъ слова мои. Не во снѣ явлюсь Я вамъ; но такъ какъ Я приду съ Отцемъ, то какъ прилично явиться Отцу, таково же будетъ и мое явленiе къ вамъ. Слова: *обитель у него сотворимъ*, также низпровергаютъ мнѣнiе Iуды. Сны непродолжительны; а Я явлюсь и пребуду съ Отцемъ. Посему посѣщенiе мое не походитъ на сонъ. Предсказываетъ имъ о своемъ явленiи для того, какъ я сказалъ, чтобы не почли Его за призракъ, и вмѣстѣ возбуждаетъ ихъ къ соблюденiю своихъ заповѣдей, увѣренiемъ, что соблюдающимъ оныя является и Онъ и Отецъ. Равно какъ, наоборотъ, отъ того, кто не соблюдаетъ заповѣдей, какъ отъ нелюбящаго, удаляется и Онъ и Отецъ. Ибо кто не любитъ Меня, тотъ не соблюдаетъ словъ моихъ. А кто не любитъ Сына, тотъ не любитъ и Отца. Ибо слово принадлежитъ и Сыну и Отцу. Посему кто не соблюдаетъ словъ Сына, то есть, Отца, тотъ не любитъ какъ Сына, такъ и Отца. Итакъ вы, ученики, соблюдайте слова мои. Ибо этимъ вы докажете любовь ко мнѣ и къ Отцу. Иные говорятъ, что вопросъ: почему Ты хочешь явиться намъ, а не мiру, ученикъ Iуда предложилъ не изъ страха, а изъ любви къ людямъ. Онъ же-

лалъ, чтобы польза отъ явленія была не однимъ только ученикамъ, но и всему міру. А Спаситель показываетъ, что такихъ благъ удостоиваются не всѣ, но только тѣ, кои соблюдаютъ заповѣди Его, содѣлаются достойными явленія Его и любви Отчей. Ибо въ томъ, кто соблюдаетъ заповѣди, пребываетъ Богъ и Отецъ, но не также, какъ и въ Сынѣ; ибо въ Сынѣ Онъ пребываетъ естественно, а въ человѣкѣ нравственно.

Сія глаголахъ вамъ въ васъ сый: Утѣшитель же, Духъ Святый, егоже послетъ Отецъ во имя мое, той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ. Такъ какъ рѣчи Господа были неясны для учениковъ, и однѣхъ изъ нихъ они не понимали, а въ большей части ихъ сомнѣвались; то, чтобы опять не спросили Его, и не сказали, какія заповѣди намъ должно соблюдать, Онъ освобождаетъ ихъ отъ заботъ и смущенія, говоря, что Утѣшитель неясное и неудобопонятное сдѣлаетъ для васъ удобопонятнымъ. Это, кажущееся для васъ неяснымъ, Я сказалъ, пребывая у васъ и будучи съ вами; если же удалюсь, то вы будете всему научены. Итакъ вамъ не нужно скорбѣть по случаю разлуки со Мною, когда она доставитъ вамъ столько благъ и столько мудрости. Ибо доколѣ Я самъ пребываю у васъ и Духъ не придетъ, вы ничего ни великаго, ни высокаго не можете уразумѣть. Часто упоминаетъ объ Утѣшителѣ по причинѣ одержащей ихъ скорби, подавая имъ добрую надежду, что Онъ будетъ руководить ихъ. Утѣшитель придетъ *во имя мое.* Это значитъ: Онъ не будетъ учить васъ ничему, чуждому моего ученія, не будетъ искать своей славы, но при-

-детъ во имя мое, то есть, во славу имени моего, а не своего, какъ дѣлаютъ враждебные другъ другу учители, увлекая за собою послѣдователей. Нѣкоторые въ словахъ *во имя Мое*, разумѣютъ имя Христа: *Утѣшитель*. Ибо говорится: *имѣемъ ходатая* (παράκλητον,— Утѣшителя) *Іисуса Христа* (1 Іоан. 2, 1). И какъ Духъ, пришедшій къ ученикамъ, сталъ Утѣшителемъ, облегчилъ ихъ скорбь, то Онъ пришелъ во имя Христа; ибо и Онъ Утѣшитель, какъ и Христосъ. Но апостолъ Павелъ называетъ и Духа Христомъ, когда говоритъ *вы не по плоти живете, а по духу, если только Духъ Божій живетъ въ насъ. Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его* (Рим. 8, 9). Потомъ прибавилъ: *если же Христосъ въ васъ...* (ст. 10). Видишь ли, какъ онъ выше сказалъ, что Духъ Божій живетъ въ нихъ, потомъ прибавилъ: Христосъ въ васъ. Ясно, что Христомъ апостолъ назвалъ Духа. А какъ Духъ именуется Христомъ, то слова: Отецъ пошлетъ Его *во имя мое*, ты долженъ понимать такъ, что и Онъ будетъ называться Христомъ. Святый Духъ и научилъ и напомнилъ: *научилъ* всему тому, чего Христосъ не сказалъ имъ, какъ не могущимъ вмѣстить; *напомнилъ* все то, что̀ Господь хотя и сказалъ, но чего апостолы не могли удержать въ памяти или по неясности сказаннаго, или по немощи своего ума.

Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ, азъ даю вамъ. * *Да не смущается сердце* Зач.
ваше, ни устрашаетъ. Апостолы опять чувствовали пе- 49.

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

чаль, когда услышали слова Господа: Я отхожу, а придетъ Духъ. Посему, видя сердце ихъ въ смущеніи, и особенно изъ за предстоящихъ имъ скорбей и бѣдъ, говоритъ: *миръ оставляю вамъ,* говоря имъ какъ-бы такъ: какой вамъ вредъ отъ смятеній міра, доколѣ вы въ мирѣ со Мною? Ибо мой миръ не таковъ, каковъ бываетъ у міра. Этотъ миръ часто бываетъ вреденъ и безполезенъ, но Я даю такой миръ, по которому вы другъ съ другомъ будете въ мирѣ и будете составлять одно тѣло. А это сдѣлаетъ васъ сильнѣе всѣхъ. Хотя многіе возстанутъ на васъ, но вы при единодушіи и взаимномъ мирѣ нисколько не постраждете. Потомъ, поелику опять сказалъ: *оставляю,* а это указывало на Его отшествіе, и могло привести ихъ въ смущеніе,—прибавляетъ: *да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ.* Смущеніе они испытывали отъ привязанности и любви къ Нему, потому что должны лишиться Его, а страхъ отъ того, что, по смерти Его, съ ними могутъ случиться бѣдствія. Но Господь не оставляетъ безъ уврачеванія ни смущенія ихъ отъ привязанности, ни боязни будущихъ бѣдствій, а утишаетъ то и другую, говоря: *да не смущается сердце ваше, и да не устрашается.*

Слышасте, яко азъ рѣхъ вамъ: иду и пріиду къ вамъ, аще бысте любили мя, возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ: иду ко Отцу: яко Отецъ мой болій мене есть. И нынѣ рѣхъ вамъ, прежде даже не будетъ: да егда будетъ, вѣру имете. Такъ какъ Господь видѣлъ, что апостолы несовсѣмъ надѣются на воскресеніе Его, даже и не знаютъ, что оно такое, и посему сильно

скорбятъ и смущаются при мысли о разлукѣ съ Нимъ, снизходитъ къ ихъ слабости и говоритъ: Я сказалъ вамъ, что Я пойду, и опять приду; и однакожъ вы еще скорбите, ибо не довѣряете Мнѣ, что Я, хотя и умру, однако не оставлю васъ въ скорбяхъ вашихъ. Нынѣ же услышавъ, что Я иду къ Отцу моему, котораго вы считаете великимъ и бо́льшимъ Меня, вы должны радоваться, что Я отхожу къ Нему, бо́льшему Меня, и могущему уничтожить всѣ бѣдствія. Видашь ли, какая послѣдовательность мысли? *Отецъ мой больше Меня*,— это сказалъ Онъ для утѣшенія учениковъ. Они скорбѣли потому, что Христосъ будтобы не можетъ защитить ихъ. Онъ и говоритъ: если и Я не могу, то Отецъ мой, котораго вы считаете бо́льшимъ Меня, по всей вѣроятности, поможетъ вамъ. Равно и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: неужели думаете, что Я не могу умолить Отца, и Онъ пошлетъ Мнѣ двѣнадцать легіоновъ ангеловъ (Матѳ. 26, 53)? Здѣсь Онъ говоритъ такъ не потому, что не можетъ сдѣлать этого (ибо какъ не силенъ Тотъ, кто однимъ только словомъ, которое сказалъ іудеямъ, внезапно отбросилъ всѣхъ ихъ назадъ: Іоан. 18, 4—6?), но потому, что думали объ Немъ, какъ о человѣкѣ. Такъ и это: *Отецъ мой больше Меня*, Онъ сказалъ сообразно съ понятіемъ ихъ, такъ какъ они считали Его слабымъ, а Отца могущимъ укрѣпить ихъ во время скорбей. *И нынѣ Я сказалъ вамъ прежде, нежели сбылось, дабы вы повѣрили, когда сбудется*, то есть, Я такъ спокоенъ, не страшусь смерти, и не скорблю, что даже предсказываю объ ней; поэтому и вамъ повелѣваю радоваться, чтобы вы, когда сбу-

дется, повѣрили Мнѣ, что какъ о скорбяхъ имѣющихъ случиться съ вами, Я зналъ, и, предсказавши объ нихъ, не солгалъ, такъ и въ предсказаніи объ утѣшеніи и руководствѣ вашемъ не окажусь лживымъ, но все радостное придетъ къ вамъ.—Нѣкоторые думаютъ, что Онъ называлъ Отца бо́льшимъ въ томъ отношеніи, что Онъ виновникъ Сына. Отецъ, говоритъ, больше потому, что Онъ причина и начало мое, ибо Я отъ Него родился. А что Отецъ больше, это не значитъ, что Онъ и иного существа. Ибо и у людей можно сказать, отецъ больше сына, но не другаго существа. Потомъ пусть скажутъ еретики, чѣмъ Христосъ отходилъ къ Отцу, божествомъ, или человѣчествомъ? Безъ сомнѣнія, человѣчествомъ. Ибо, какъ Богъ, Онъ всегда былъ на небесахъ и неотдѣленъ отъ Отца. Итакъ Отецъ называется бо́льшимъ Его, какъ человѣка.

Ктому не много глаголю съ вами; грядетъ бо сего міра князь, и во мнѣ не иматъ ничесоже. Но да разумѣетъ міръ, яко люблю Отца, и якоже заповѣда мнѣ Отецъ, тако творю: (¹) *востаните, идемъ отсюду.* Утѣшивъ учениковъ вышеизложенною рѣчью, (Господь) опять говоритъ о своей смерти. *Грядетъ бо*, говоритъ, *сего міра князь*, то есть, діаволъ. Что онъ князь міра сего, это понимай не о твари вообще, но о людяхъ порочныхъ и мудрствующихъ мірское. Ибо онъ владычествуетъ не надъ небомъ и землею, иначе

(¹) *Примѣч. редак.* Слова: *востаните, идемъ отсюду*, въ текстѣ блаж. Ѳеофилакта отнесены къ слѣдующей главѣ евангелія отъ Іоанна.

онъ все низпровергъ бы и разстроилъ, но надъ тѣми, которые сами предаются ему. Поэтому онъ называется и княземъ тьмы; а подъ тьмой разумѣй злыя дѣла. А какъ нѣкоторые могли подумать, что и Христосъ предается смерти за грѣхи, то Онъ прибавилъ: *и во Мнѣ не иматъ ничесоже*; Я смерти не повиненъ, діаволу ничѣмъ не долженъ, но принимаю страданія добровольно, изъ любви къ Отцу. Часто упоминаетъ о смерти, присоединяя и слова утѣшенія, чтобы сдѣлать ее удобопріемлемою для нихъ. Ибо слыша, что Онъ умретъ, они узнаютъ и то, что Онъ добровольно пренебрегаетъ діавола, и умираетъ изъ любви къ Отцу. Итакъ, если бы страданія были пагубны, а не спасительны, не соизволилъ бы на это Отецъ любящій, не принялъ бы ихъ на себя Сынъ любимый. Какъ же намъ понимать, что Онъ умираетъ изъ любви къ Отцу? Отецъ, говоритъ, любитъ міръ, и за него предаетъ Меня на смерть. Я любя Отца, съ Его благоволеніемъ и хотѣніемъ соглашаюсь, и доказываю, что люблю Отца, тѣмъ, что беру на Себя и исполняю заповѣданное Имъ, то есть, Его благоволеніе и опредѣленіе. Скажите вы, аріане, если бы Сынъ былъ рабъ, ужели бы Онъ сказалъ, что Я умираю изъ любви къ Отцу? Рабъ исполняетъ волю господина своего не потому, что любитъ его, но потому, что онъ рабъ и боится наказанія. А Господь Іисусъ, такъ какъ Онъ творитъ волю Божію изъ любви, не рабъ, ни тварь, но по истинѣ Сынъ, исполняющій волю Отца. Посему, когда слышишь: *заповѣда Мнѣ Отецъ*, изъ-за слова: *заповѣдалъ* не смотри на Господа, какъ на подчиненнаго, но изъ-за сло-

ва: *Отецъ* признавай Его Сыномъ единосущнымъ Отцу. *Заповѣдалъ* же понимай такъ: восхотѣлъ, сказалъ, опредѣлилъ, благоволилъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Объ истинной виноградной лозѣ, о дѣлателѣ и о вѣтви.

Зач. * *Азъ есмь лоза истинная, и Отецъ мой дѣла-*
50. *тель есть. Всяку розгу о мнѣ не творящую плода, изметъ ю: и всяку творящую плодъ, отребитъ ю, да множайшій плодъ принесетъ. Уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ.* Многократною рѣчью о своихъ страданіяхъ (Господь) совершенно убѣдилъ учениковъ (въ необходимости оныхъ). За симъ уразумѣлъ, что они боятся, какъ бы вскорѣ ихъ не схватили, и отъ сильнаго страха уже не внимаютъ и словамъ Его. Посему Онъ хочетъ, повидимому, вести ихъ въ мѣсто потаенное, въ которомъ ихъ не схватятъ. Но Онъ уходитъ изъ того мѣста, гдѣ они были, для того, чтобы, укротивъ смятеніе въ душахъ ихъ, преподать имъ таинственнѣйшее ученіе. Отводитъ ихъ, какъ узнаемъ изъ послѣдующаго, въ тотъ садъ, который былъ извѣстенъ Іудѣ. Такой поступокъ былъ, повидимому, удаленіемъ, а на самомъ дѣлѣ добровольнымъ преданіемъ Себя; ибо Онъ удаляется въ такое мѣсто, которое зналъ Іуда. Что̀ же таинственнаго Онъ преподаетъ имъ? Я, говоритъ, есмь лоза, то есть, корень, а вы—

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

вѣтви, а Отецъ Мой—виноградарь. О комъ же заботится Отецъ? Ужели о корнѣ? Нѣтъ, а объ вѣтвяхъ. Ибо, говоритъ, *всякую вѣтвь, не приносящую плода Онъ отсѣкаетъ*, то есть, всякій человѣкъ, который чрезъ вѣру сталъ частію корня, соединился съ Господомъ и содѣлался стѣлесникомъ Ему долженъ и плодъ приносить, то есть, вести жизнь добродѣтельную, такъ что если кто-нибудь имѣетъ только голословное исповѣданіе вѣры, а не приноситъ плода чрезъ соблюденіе заповѣдей, тотъ дѣлается вѣтвію мертвою; ибо *вѣра безъ дѣлъ мертва* (Іак. 2, 29). Итакъ всякій вѣрующій дотолѣ находится въ Христѣ, доколѣ вѣруетъ; ибо, говоритъ, всякую вѣтвь, которая во Мнѣ, если она не приноситъ плода, Отецъ *отсѣкаетъ*, то есть, лишаетъ общенія съ Сыномъ, а приносящую плодъ *очищаетъ*. Отсюда мы узнаемъ, что и очень добродѣтельный человѣкъ все таки нуждается въ попеченіи Божіемъ. Ибо безплодная вѣтвь не можетъ оставаться на лозѣ, а плодоносную Отецъ дѣлаетъ еще болѣе плодородною. Понимай эти слова и о бѣдствіяхъ учениковъ. Такъ какъ бѣдствія похожи на то, что садоводы называютъ подрѣзываніемъ, то Господь показываетъ ученикамъ, что чрезъ бѣдствія они сдѣлаются болѣе плодоносными, подобно какъ и вѣтви чрезъ подрѣзываніе. Ибо чрезъ искушенія они оказывались болѣе и болѣе сильными. Потомъ, чтобы не спросили, о комъ Ты говоришь это, Онъ говоритъ: *вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ*. Смотри, выше сказалъ, что Отецъ очищаетъ, а теперь представляетъ самого Себѣ заботя-

щимся о вѣтвяхъ. Итакъ у Отца и Сына одно дѣйствіе. Я, говоритъ, очистилъ васъ чрезъ свое ученіе: теперь уже нужно, чтобы и вы показали на дѣлѣ, что̀ слѣдуетъ съ вашей стороны. Поэтому и присовокупляетъ:

Будите во мнѣ, и азъ въ васъ, якожъ розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе, и иже будетъ во мнѣ, и азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ мене не можете творити ничесоже. Аще кто во мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ: и собираютъ ю, и во огнь влагаютъ: и сгараетъ. Я, говоритъ, очистилъ васъ чрезъ свое слово и ученіе, и съ моей стороны не осталось ничего неисполненнымъ. Теперь должно начаться уже ваше дѣло. *Будите во Мнѣ.* Чтобы они изъ страха не отдѣлились отъ Него, Онъ укрѣпляетъ ослабѣвшую душу ихъ, прилѣпляетъ къ самому Себѣ, и уже подаетъ добрую надежду: чего ни попросите, то получите, если пребудете во Мнѣ (ст. 7). Примѣромъ вѣтви ясно представляетъ намъ, что отъ Него подаются сила и жизнь тѣмъ, кои благоугождаютъ Ему. Ибо какъ плодъ приноситъ та вѣтвь, которая пребываетъ на лозѣ, и отъ нея получаетъ содѣйствіе къ жизни: такъ и вы, если пребудете во Мнѣ чрезъ соблюденіе заповѣдей, принесете больше плода. А кто не пребываетъ, тотъ *изсышетъ,* то есть, теряетъ то, что̀ имѣлъ отъ корня, и если получалъ какую-нибудь духовную благодать, лишается ея и сообщаемой отъ нея помощи и жизни. И что же наконецъ?

въ огнь влагаютъ: и сгараетъ. Сими же словами подаетъ имъ и немалое утѣшеніе, показывая, что злоумышляющіе противъ Него, наприм. Іуда, будутъ сожжены, и они, пребывшіе въ Немъ, принесутъ плодъ. Ибо безъ силы и оживленія, кои подаются отъ Него, не смогутъ ничего сдѣлать.

Аще пребудете во мнѣ, и глаголы мои въ васъ пребудутъ, егоже аще хощете, просите, и будетъ вамъ. О семъ прославися Отецъ мой, да плодъ многъ сотворите, и будете мои ученицы. Здѣсь Господь объясняетъ намъ, что̀ значатъ слова: *если пребудете во Мнѣ,* именно, если соблюдете мои заповѣди. Ибо слова: *аще глаголы мои въ васъ пребудутъ*—означаютъ, что Онъ желаетъ соединенія (съ Нимъ) чрезъ дѣла. Ибо каждый изъ живущихъ богоугодно пребываетъ на лозѣ по собственному желанію, соединяясь съ нею чрезъ любовь и соблюденіе заповѣдей, и прилѣпляясь духомъ; равно какъ, напротивъ, тотъ, кто перестаетъ соблюдать заповѣди, произвольно отчуждается отъ Господа. *О семъ,* говоритъ, *прославися Отецъ мой, да плодъ многъ сотворите.* Славу Бога и Отца составляетъ достоинство учениковъ Сына Его. Ибо, когда свѣтилъ предъ человѣками свѣтъ апостоловъ, тогда прославляли и Отца небеснаго (Матѳ. 5, 14—16). Плодъ апостоловъ суть и тѣ народы, которые ихъ ученіемъ приведены къ вѣрѣ, и стали прославлять Бога. Если же Отецъ прославляется тѣмъ, когда вы приносите плодъ; то Онъ, безъ сомнѣнія, не будетъ пренебрегать своею славою, но поможетъ вамъ приносить больше плода, чтобы и Ему больше прославиться. Отецъ мой прославится

тѣмъ, когда вы принесете много плода, *и будете моими учениками.* Видишь ли, кто приноситъ плодъ, тотъ истинный ученикъ. И Отецъ отъ этого *прославляется*, то есть, радуется, и считаетъ это своею славою.

Зач. 51. * *Якоже возлюби мя Отецъ, и азъ возлюбихъ васъ: будите въ любви моей. Аще заповѣди моя соблюдете, пребудете въ любви моей: якоже азъ заповѣди Отца моего соблюдохъ, и пребываю въ его любви.* Убѣждаетъ ихъ не бояться, и для сего говоритъ: Я возлюбилъ васъ, и возлюбилъ такъ. какъ Меня возлюбилъ Отецъ. Сказалъ же это человѣкообразно. Итакъ *будите въ любви моей*; ибо это отъ васъ зависитъ. Услышавъ же, что Я возлюбилъ васъ, вы не будьте безпечны, но старайтесь пребыть въ любви моей. Потомъ объясняетъ, какъ они могутъ пребыть (въ этой любви), именно, если соблюдутъ заповѣди Его. Ибо, какъ много разъ было говорено, любитъ Его тотъ, кто соблюдаетъ заповѣди Его. Всѣмъ этимъ Онъ показываетъ, что они будутъ въ безопасности тогда, когда будутъ вести чистую жизнь. *Якоже азъ заповѣди Отца моего соблюдохъ, и пребываю въ его любви:* и это говоритъ по снизхожденію къ немощи слушателей. Ибо весьма нелѣпо думать, будто бы дающій законы для всѣхъ подлежалъ заповѣдямъ, и безъ заповѣдей Отца не могъ управить свою жизнь. Говоритъ же это для того, чтобы ихъ болѣе утѣшить. Онъ сказалъ имъ: Я люблю васъ. Между тѣмъ они впослѣдствіи должны бороться

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

со скорбями. Чтобы въ этомъ случаѣ они не соблазнились, будто бы любовь Его ни къ чему не служитъ имъ, Онъ говоритъ: не смущайтесь. Ибо, вотъ, Отецъ любитъ Меня, однакожъ предаетъ на страданія за міръ. И какъ отъ того, что Я стражду, любовь Отца не уменьшается, такъ и моя любовь къ вамъ не уменьшится, хотя вы и подвергнетесь бѣдствіямъ.

Сія глаголахъ вамъ, да радость моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится. Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы. Больши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя. Я, говоритъ, сказалъ вамъ это для того, чтобы не пресѣчь вашей радости. Ибо они радовались, когда были съ Нимъ, когда Онъ творилъ чудеса и былъ прославляемъ. Радовались они и потому, что сами изгоняли бѣсовъ, какъ и самъ Онъ говорилъ: *не радуйтесь,* что изгоняете бѣсовъ (Лук. 10, 20). Но какъ теперь наступали страданія, и печальныя рѣчи прерывали ихъ радость, то Онъ говоритъ: Я эти утѣшительныя слова сказалъ вамъ для того, чтобы радость ваша всегда и до конца пребывала непрерывною, была полною и совершенною. Ибо настоящія событія достойны не печали, а радости, хотя и предстоитъ крестъ, стыдъ и безчестіе. Выше Онъ сказалъ: вы тогда пребудете во Мнѣ, когда соблюдете заповѣди мои. Теперь показываетъ, какія заповѣди они должны соблюдать, и выставляетъ имъ на видъ любовь: *да любите другъ дуга, якоже Азъ возлюбихъ вы.* Онъ желаетъ, чтобы мы любили другъ друга не просто и какъ случилось, но такъ, какъ Онъ возлюбилъ насъ. Примѣчай,

что Онъ выше сказалъ во множественномъ числѣ: *заповѣди*, а здѣсь говоритъ въ единственномъ числѣ: сія есть *заповѣдь* моя. По моему мнѣнію, любовь называется и заповѣдями и заповѣдію потому, что она обнимаетъ всѣ заповѣди и есть глава ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ указываетъ намъ и путь, какъ намъ соблюдать заповѣди, именно чрезъ соблюденіе одной заповѣди,—заповѣди о любви. Когда же говоритъ: любите другъ друга и вы также, какъ Я возлюбилъ васъ, то симъ указываетъ мѣру и совершенство любви. Ибо нѣтъ больше сей любви, какъ если кто душу свою положитъ за друзей. Посему и вы полагайте души другъ за друга, какъ и Я умираю за васъ. Итакъ не думайте, что Я нынѣ удалюсь отъ васъ по нерасположенію къ вамъ, напротивъ это дѣлается по любви, и притомъ совершеннѣйшей.

Вы друзи мои есте, аще творите, елика азъ заповѣдаю вамъ. Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ. Не вы мене избрасте, но азъ избрахъ васъ, и положихъ васъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ: да, егоже аще просите отъ Отца во имя мое, дастъ вамъ. Постоянно вставляетъ рѣчь о любви, и этими многими рѣчами показываетъ намъ то, что заповѣдь о любви важнѣе прочихъ и требуетъ большаго усердія. Представляетъ и величайшее доказательство любви своей. Я, говоритъ, люблю васъ настолько, что открылъ вамъ и неизреченныя тайны. Рабъ не знаетъ таинъ господина; вы же, какъ друзья мои, уже

удостоились знать тайны. Ибо Я сообщилъ вамъ все, что̀ слышалъ отъ Отца моего. Какъ же въ другомъ мѣстѣ (Іоан. 16, 12) говоритъ: много имѣю Я сказать вамъ, но вы не можете понести? Онъ сообщилъ имъ все то, что̀ можно было имъ выслушать, и что̀ они могли теперь понять. Когда же говоритъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца моего,* то не подумай, будто Сынъ нуждается въ наученіи, а показываетъ то, что Онъ не возвѣщаетъ ничего посторонняго, но то, что̀ принадлежитъ Отцу, и что всѣ слова Его суть слова Отца. Сказавъ, что доказательствомъ любви моей къ вамъ служитъ сообщеніе вамъ таинъ, прибавляетъ и другой признакъ любви. *Азъ,* говоритъ, *избрахъ васъ,* то есть, не вы пристали къ моей дружбѣ, но Я къ вамъ, и Я первый возлюбилъ васъ. Какъ же Я оставлю васъ на послѣдующее время? *И положихъ васъ,* то есть, Я насадилъ васъ, *да вы идете,* то есть, чтобы вы расли, умножались, разширялись, распространялись и приносили плодъ. Здѣсь Онъ ясно выставляетъ самъ Себя дѣлателемъ. Онъ и выше объявилъ Себя очистителемъ, когда сказалъ: *вы очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ* (ст. 3), а теперь еще яснѣе, когда сказалъ: Я избралъ васъ, и положилъ васъ. Ибо извѣстно, что дѣлатель выбираетъ и полагаетъ вѣтви въ землю. Видишь ли равенство Отца и Сына? (Выше называется) дѣлателемъ Отецъ, а здѣсь является дѣлателемъ—Сынъ. Постыдись, Арій, съ тѣми, которые вмѣстѣ съ тобою поработились нечестію. Вотъ и еще признакъ любви. *Да, егоже аще просите отъ Отца, дастъ вамъ,* то есть, Я дамъ вамъ. Хотя по связи слѣдовало

бы сказать: чего ни попросите у Отца, дастъ вамъ; а Онъ сказалъ: *Я* дамъ вамъ, сказалъ такъ, безъ сомнѣнія, по равенству силы. Ибо Отецъ, когда даетъ, дастъ своею десницею, а десница Его—Сынъ. Примѣчай, прошу тебя, и то, что когда мы, бывъ насаждены, приносимъ плодъ, тогда и дастъ намъ, чего ни попросимъ; если же не приносимъ плода, то не получимъ. Ибо кто не приноситъ плода, тотъ и не проситъ полезнаго и спасительнаго для души, но непремѣнно проситъ мірскаго и безполезнаго, а потому и не получаетъ. Ибо *просите,* сказано, *но не получаете, потому что не на добро просите* (Іак. 4, 3).

Зач. 52. * *Сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга. Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко мене прежде васъ возненавидѣ. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ.* Чтобы апостолы не подумали, будто Господь въ укоръ имъ говоритъ, что Онъ полагаетъ за нихъ душу свою, и что Онъ избралъ ихъ, посему говоритъ: Я заповѣдываю вамъ это ни въ укоризну вамъ, ни въ похвалу Себѣ, какъ-бы за какое достоинство, но, чтобы души ваши болѣе утвердить въ любви другъ къ другу, для этого Я изчисляю совершенства любви моей къ вамъ. *Сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга.* Такъ какъ терпѣть гоненіе и ненависть—дѣло тяжелое и очень прискорбное; то въ утѣшеніе ихъ говоритъ: если ненавидятъ васъ, это нисколько не ново; ибо Меня возненa-

---

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

видѣли прежде васъ. Посему вы должны находить великое утѣшеніе и въ томъ, что становитесь общниками моими въ перенесеніи ненависти. За симъ присовокупляетъ и другой способъ утѣшенія, болѣе обязательный. Вамъ, говоритъ, напротивъ, нужно было бы скорбѣть въ томъ случаѣ, если бы міръ, то есть, злые люди любили васъ. Ибо, если бы они любили васъ, это было бы знакомъ того, что и сами вы имѣете съ ними общеніе въ тойже злобѣ и лукавствѣ. А теперь, когда злые ненавидятъ васъ, вы радуйтесь. Ибо они ненавидятъ васъ за добродѣтель; иначе, если бы вы не были добродѣтельны, міръ любилъ бы свое. Но какъ Я отлучилъ васъ отъ злобы мірской, то міръ и ненавидитъ васъ за то, что не участвуете въ дѣлахъ его.

Поминайте слово, еже азъ рѣхъ вамъ: нѣсть рабъ болій Господа своего, аще мене изгнаша, и васъ изженутъ: аще слово мое соблюдоша, и ваше соблюдутъ. Но сія вся творятъ вамъ за имя мое, яко не видятъ пославшаго мя. Что̀ сказалъ выше, именно, что Меня возненавидѣли прежде, нежели васъ, то̀ теперь излагаетъ пространнѣе, подавая имъ бо̀льшее утѣшеніе. Вспомните, говоритъ, мое слово о томъ, что рабъ не больше господина своего. А вы не больше Меня. Смотрите же, какъ поступали со Мною. Если гнали Меня—Владыку, то тѣмъ болѣе будутъ гнать васъ—рабовъ. Если не гнали Меня, а соблюдали слово мое, то и ваше будутъ соблюдать. Но этого нѣтъ. Ни моего слова, ни вашего не будутъ соблюдать. Но все то сдѣлаютъ надъ вами за Меня. Посему, если вы любите Меня, переносите, что̀ испытываете за Меня, котораго, по словамъ

вашимъ, вы любите. Вотъ и еще причина къ утѣшенію. Они, обижая васъ, оскорбляютъ вмѣстѣ и Того, кто послалъ Меня. Посему, если не что иное, то это самое, что одни и тѣже суть враги вамъ и Мнѣ и Отцу моему, должно служить къ вашему утѣшенію.

Аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣли: нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ. Ненавидяй мене, и Отца моего ненавидитъ. Аще дѣлъ не быхъ сотворилъ въ нихъ, ихже инъ никтоже сотвори, грѣха не быша имѣли: нынѣ же и видѣша, и возненавидѣша мене и Отца моего. Но да сбудется слово писанное въ законѣ ихъ, яко возненавидѣша мя туне. Ужели справедливо они дѣлаютъ это? Ненавидятъ и Меня и Отца моего и васъ? Ужели въ словахъ или дѣлахъ (моихъ) нашли они поводъ къ такому поведенію? Нѣтъ. Грѣхъ ихъ непростителенъ. Ибо не Я ли пришелъ и училъ? Если бъ не Я не приходилъ, если бы не говорилъ; они могли сказать: мы не слыхали. А теперь злоба ихъ неизвинительна. Потомъ, такъ какъ они вездѣ ссылались не на иное что, какъ на то, что вступаются за Отца (ибо говорятъ: *этотъ человѣкъ не отъ Бога,* и т. под. Іоан. 9, 16); посему прибавляетъ: *ненавидяй мене, и Отца моего ненавидитъ.* Такимъ образомъ и это нимало не служитъ къ оправданію ихъ. Я же не только ученіе преподавалъ, но и дѣла творилъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, напримѣръ, чудо надъ слѣпымъ, надъ Лазаремъ, и прочія подобныя. Какое же у нихъ оправданіе? Я съ своей стороны преподалъ ученіе на словахъ, и присовокупилъ доказательство отъ дѣлъ. И Моисей (Второз. 18, 18—21) запо-

вѣдуетъ слушаться того, кто чудеса творитъ и учитъ благочестію. А они теперь и видѣли такія дѣла, и однако возненавидѣли и Меня и Отца моего. Потомъ ссылается на свидѣтельство пророка: *возненавидѣли меня напрасно* (Псал. 68, 5). Ненависть ихъ родилась отъ одной только злобы, а не отъ иной причины. Закономъ, какъ мы часто говорили, называетъ не только законъ Моисеевъ, но и книги пророковъ, какъ и здѣсь назвалъ закономъ книгу Давида. Давидъ Духомъ Святымъ впередъ возвѣщалъ, что̀ будетъ дѣлать злоба ихъ; а они, безъ сомнѣнія, по злобѣ исполнили предсказанное пророкомъ, и тѣмъ подтвердили истину пророчества.

Егда же пріидетъ Утѣшитель, егоже азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ. И вы же свидѣтельствуете, яко искони со мною есте. (Господь) сказалъ ученикамъ: васъ будутъ гнать, сло̀ва вашего не будутъ соблюдать. Они могли сказать: Господи! зачѣмъ же, наконецъ, Ты посылаешь насъ? Какъ намъ будутъ вѣрить? Кто будетъ внимать намъ? Кто послушаетъ насъ? Дабы не сказали этого (Господь) прибавляетъ: *егда пріидетъ Утѣшитель, той свидѣтельствуетъ о Мнѣ.* Онъ—свидѣтель достовѣрный. Посему обличаемые отъ Духа въ томъ, что они грѣшатъ безотвѣтно, будутъ принимать (вашу) проповѣдь. И вы, сначала бывшіе со Мною, также будете свидѣтельствовать, что Я и словами и дѣлами сдѣлалъ ихъ безотвѣтными. Итакъ не смущайтесь. Проповѣдь не будетъ безъ свидѣтельства; но Духъ будетъ свидѣтельствовать знаменіями и чудесами, и свидѣтельство его будетъ досто-

вѣрно. Ибо Онъ—Духъ истины. Какъ Духъ истины, Онъ будетъ свидѣтельствовать объ истинѣ. Какъ исходящій отъ Отца, Онъ знаетъ все въ точности; ибо Онъ отъ Того, отъ кого всякое познаніе.—Слова: *его же азъ послю*, показываютъ равенство Его съ Отцемъ. Ибо въ иномъ мѣстѣ сказалъ, что Отецъ пошлетъ Духа (Іоан. 14, 26), а здѣсь говоритъ, что Онъ самъ пошлетъ Его. Симъ показываетъ не что̀ иное, какъ равенство. А чтобы не подумали, будто Онъ возстаетъ противу Отца, когда посылаетъ Духа иною властію, прибавилъ: *отъ Отца*. Пошлю Его самъ, но *отъ Отца*, то есть, по благоволенію Отца и пошлю вмѣстѣ съ Нимъ. Ибо Я не извожу Духа изъ собственныхъ нѣдръ, но отъ Отца Онъ подается чрезъ Меня. Когда слышишь, что *исходитъ*, подъ исхожденіемъ не разумѣй посольство, какъ посылаются служебные духи. Но исхожденіе есть естественное бытіе Духа. Если мы будемъ понимать исхожденіе не такъ, но какъ совнѣ бывающее посольство, то не видно будетъ, о какомъ Онъ Духѣ говоритъ. Ибо безчисленны духи, посылаемые на служеніе тѣмъ, которые наслѣдуютъ спасеніе (Евр. 1, 14). Но здѣсь исхожденіе есть какое-то особенное и отличное свойство, принадлеждщее собственно одному Духу. Итакъ подъ исхожденіемъ мы должны разумѣтъ не посольство, а естественное бытіе отъ Отца. Сей-то Духъ будетъ свидѣтельствовать о проповѣди. А также и вы будете свидѣтельствовать, потому что не отъ другихъ слышали, но сами съ самаго начала находитесь со Мною. А свидѣтельство тѣхъ, которые съ начала были съ Нимъ, немаловажно. Сами

апостолы впослѣдствіи говорили предъ лицемъ народа: (свидѣтели Его воскресенія) мы, *которые и ѣли и пили съ Нимъ* (Дѣян. 11, 41). Итакъ свидѣтельство съ двухъ сторонъ: и отъ васъ, и отъ Духа. Объ васъ могутъ подумать, что вы свидѣтельствуете въ угоду (Мнѣ); но Духъ никакъ не будетъ свидѣтельствовать изъ угодливости.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О томъ, какъ Іисусъ предсказываетъ ученикамъ ихъ будущность.—О словахъ: вмалѣ, и узрите Мя.—О томъ, что Отецъ дастъ все, чего бы ни попросили.

Сія глаголахъ вамъ, да не соблазнитеся. Отъ сонмищъ ижденутъ вы: но пріидетъ часъ, * *да всякъ, иже* Зач.
убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу. И сія 53.
сотворятъ, яко не познаша Отца, ни мене. Но сія вся глаголахъ вамъ, да егда пріидетъ часъ, вспомянете сія, яко азъ рѣхъ вамъ. Я, говоритъ, сказалъ вамъ объ этомъ прежде, чѣмъ сбылось, для того, чтобы вы не соблазнились впослѣдствіи, когда увидите, что многіе не вѣруютъ (вашей проповѣди), и что сами вы подвергнетесь бѣдствіямъ, но чтобы, заключая по тому, что Я сказалъ вамъ объ этомъ прежде, нежели сбылось, приняли и утѣшеніе мое съ вѣрою, что Я не обманулъ васъ въ этомъ случаѣ, также, какъ не солгалъ и въ предсказаніи о бѣдствіяхъ. — *Отъ сонмищъ ижденутъ вы,* отлучатъ отъ своихъ собраній и славныхъ мѣстъ, и лишатъ всякаго общенія. Ибо сго-

---

Рече Господь своимъ ученикомъ: пріидетъ часъ, *

ворились уже, чтобы, кто признаетъ Его за Христа, того отлучать отъ синагоги (Іоан. 9, 22). Не только вы будете изгнаны изъ синагогъ, но и примете смерть, и смерть поносную; ибо васъ будутъ убивать, какъ людей вредныхъ и враговъ Божіихъ. И всякій убивающій васъ будетъ такъ стараться отъ убіеніи васъ, что *возмнится службу приносити Богу*, то есть, будетъ думать, что онъ совершаетъ дѣло богоугодное и святое. Присовокупляетъ и достаточное утѣшеніе. Говоритъ: *сія сотворятъ, яко не познаша Отца, ни мене.* Вы будете страдать за Меня и за Отца, и потому терпите. Ибо блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать и всячески неправедно злословить за Меня (Мѳ. 5, 11). Это блаженство да будетъ вамъ утѣшеніемъ при воспоминаніи объ немъ. Я сказалъ вамъ объ этомъ для того, чтобы вы, когда увидите сбывшимися печальныя мои рѣчи, повѣрили и прочимъ. Ибо вамъ нельзя будетъ сказать, будто Я, желая обмануть васъ, предсказывалъ вамъ (только) пріятное; но какъ, предсказавши печальное, Я не обманулъ, такъ и въ предсказаніи о радостномъ достоинъ вѣры. Сказалъ вмѣстѣ и для того, чтобы вы не оставались безъ приготовленія, но приготовились бы, помня, что Я сказалъ вамъ объ этомъ, и потому стояли противу скорбей мужественно.

Сихъ же вамъ исперва не рѣхъ, яко съ вами бѣхъ. Нынѣ же иду къ пославшему мя, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ мене: камо идеши? Но, яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша. Но азъ истину вамъ глаголю, унѣ есть вамъ, да азъ иду: аще бо не

иду азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, послю его къ вамъ. Апостолы, услышавъ, что съ ними случатся такія бѣдствія, отягчены были сильною печалію. Посему Господь говоритъ: о такихъ скорбяхъ Я не сказывалъ вамъ прежде не потому, будто не зналъ, но потому, что Я былъ съ вами, и вы имѣли во Мнѣ достаточное убѣжище, и вся война была воздвигнута противъ Меня, а вы сами были въ совершенной безопасности. Итакъ, тогда не нужны были такія рѣчи, предуготовляющія и предограждающія васъ; но теперь, отходя къ Отцу своему, и оставляя васъ, Я предувѣдомляю объ этомъ, чтобы вы обезопасили сами себя. *И никтоже отъ васъ вопрошаетъ мене: камо идеши?* Ибо отъ скорби вы смутились, и пришли въ изступленіе; сердца ваши потрясены ожиданіемъ бѣдъ. Но *азъ истину вамъ глаголю.* Смотри, какъ Онъ утѣшаетъ ихъ. Сколько, говоритъ, ни скорбите, а Я говорю полезное вамъ. Вы желаете, чтобы Я всегда былъ при васъ, но это безполезно для васъ. *Аще бо не иду азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ.* Посему, хотя вы желаете моего присутствія, Я не послушаюсь васъ, но лучше изберу полезное для васъ, чѣмъ исполню вредное для васъ желаніе ваше. Такъ и во всемъ мы должны поступать, для самихъ себя и для ближнихъ придумывать полезное, а не пріятное. Ибо, если Я не умру за міръ, и не пойду къ Отцу, предавъ самъ Себя въ жертву и умилостивленіе за грѣхи міра, то Утѣшитель не придетъ. Ибо какъ Онъ придетъ, если вражда не прекратится чрезъ умерщвленіе грѣха, если Отецъ не примирится съ естест-

вомъ человѣческимъ? Что могутъ сказать здѣсь македоніяне, уменьшающіе славу Духа, и называющіе Его рабомъ Сына? Какая польза: Владыкѣ—отойти, и рабу—придти? Посему вы, ученики, хотя поскорбите по причинѣ моего отшествія, но обрадованы будете пришествіемъ Духа, которое доставитъ вамъ блага большія и важнѣйшія. Какъ же Господь сказалъ, что Онъ не говорилъ этого сначала, когда написано, что призвавъ двѣнадцать (учениковъ), Онъ сказалъ имъ: *поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ* (Мѳ. 10, 18)? Хотя Онъ сказалъ, что поведутъ васъ къ правителямъ, но еще не сказалъ, что будутъ убивать васъ, какъ нечестивцевъ, людей вредныхъ и враговъ Божіихъ. И иначе. Тамъ сказалъ, что доведется имъ терпѣть отъ язычниковъ, а здѣсь сказываетъ, что (бѣдствія) причинятъ (имъ) іудеи; ибо изгонятъ изъ синагоги, безъ сомнѣнія, іудеи. Примѣчай, пожалуй, здѣсь же самовластіе Духа и соизволеніе Сына; ибо въ словахъ—*Утѣшитель пріидетъ*—выражается власть Духа, а въ словахъ—*Я пошлю Его*—благоволеніе Сына, согласіе, если можно такъ сказать, на пришествіе Утѣшителя и мановеніе къ тому.

И пришедъ онъ обличитъ міръ о грѣсѣ и о правдѣ и о судѣ. О грѣсѣ убо, яко не вѣруютъ въ мя: О правдѣ же, яко ко Отцу моему иду, и ктому не видите мене: О судѣ же, яко князь міра сего осужденъ бысть. Утѣшитель придетъ. Какая же отъ того польза? Онъ *обличитъ міръ о грѣсѣ*, и покажетъ, что они, не вѣруя, грѣшатъ. Ибо, когда увидятъ, что Духъ руками учениковъ совершаетъ особенныя знаменія и чу-

деса, и послѣ того не увѣруютъ; какъ же они не будутъ достойны осужденія, и не будутъ повинны въ величайшемъ грѣхѣ? Нынѣ они могутъ говорить, что Я сынъ плотника, сынъ бѣдной матери, хотя Я и совершаю чудеса. А тогда, когда Духъ во имя мое совершитъ такія дѣла, невѣріе ихъ будетъ неизвинительно. Итакъ Онъ обличитъ ихъ *о грѣхѣ*, то есть, покажетъ, что они согрѣшили непростительно. Обличитъ и *о правдѣ, яко ко Отцу моему иду*, то есть, докажетъ имъ, что Я, будучи праведенъ и безукоризненъ по жизни, умерщвленъ ими несправедливо, и доказательство сего въ томъ, что Я иду къ Отцу. Ибо Я не взошелъ бы къ Отцу, если бы не былъ праведенъ. Такъ какъ они убьютъ Меня, какъ безбожника и беззаконника, то Духъ докажетъ имъ, что Я не таковъ; ибо, если бы Я былъ противникъ Богу и преступникъ закона, Я не удостоился бы чести у Бога и Законодателя, и притомъ чести не временной, но вѣчной. Ибо слова: *ктому не видите мене*—означаютъ, что Онъ пребудетъ вѣчно у Отца. Обличитъ *о судѣ, яко князь міра сего осужденъ бысть*, то есть, что Я праведенъ и безгрѣшенъ, это Духъ докажетъ еще и тѣмъ, что Мною осужденъ и побѣжденъ князь міра сего. Они говорили: бѣсъ въ Немъ (Іоан. 8, 48—52. 10, 20); Онъ творитъ чудеса силою веельзевула (Мѳ. 12, 24); Онъ обольщаетъ народъ (Іоан. 7, 12). Все это окажется ложнымъ, когда діаволъ осужденъ, и всѣмъ доказано, что онъ побѣжденъ Мною. Ибо Я не смогъ бы совершить это, если бы не былъ сильнѣе его, и не былъ свободенъ отъ всякаго грѣха. Чѣмъ же это до-

казано? Тѣмъ, что съ пришествіемъ Духа всѣ вѣрующіе во Христа попирали князя міра и посмѣявались надъ нимъ. А отсюда видно, что Христомъ осужденъ онъ гораздо прежде. Итакъ Духъ обличитъ тѣхъ, кои не увѣровали, какъ грѣшниковъ. Ибо вѣра разрѣшаетъ отъ грѣховъ чрезъ отпущеніе ихъ въ крещеніи, а силы Духа, являемыя въ вѣрующихъ, въ невѣрующихъ не обнаруживаются. Отсюда оказывается, что они сосуды злые, скверные и недостойные вмѣстить въ себѣ Духа. И иначе. Духъ обличаетъ невѣрующій міръ *о правдѣ*, то есть, что тотъ лишенъ праведности, кто не вѣруетъ въ Праведника Іисуса, за праведность вознесеннаго на небеса. Обличаетъ и *осуждаетъ* какъ лѣниваго, потому что и по уязвленіи сатаны онъ не хотѣлъ преодолѣвать его.

Еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: Егда же пріидетъ онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину: не отъ себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать, и грядущая возвѣститъ вамъ. Онъ мя прославитъ, яко отъ моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ.
Зач. 54. * *Вся, елика имать Отецъ, моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ.* Выше сказалъ Господь, что для васъ полезнѣе, чтобы Я пошелъ. Теперь излагаетъ это пространнѣе. Нынѣ, говоритъ, вы не можете вмѣстить, а когда придетъ Онъ, тогда, получивъ отъ Него благодатные дары, вы будете наставлены на всякую истину. Какую же разу-

---

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

мѣетъ истину? Ужели познаніе обо всемъ? Самъ Господь о Себѣ самомъ не возвѣщалъ ничего великаго, частію для того, чтобы подать образецъ смиренномудрія, частію по причинѣ немощи слушателей и неблагонамѣренности іудеевъ. Онъ не вводилъ явно и отмѣненія законныхъ обрядовъ, дабы всѣ не сочли Его за противника Богу. А когда пришелъ Утешитель, тогда уяснилось достоинство Сына; обо всемъ сообщено истинное и ясное познаніе; законные образы взяты отъ среды и упразднены; мы научены служить Богу въ истинѣ и духѣ; чудесами, совершенными Духомъ, вѣра утверждена. Потомъ, такъ какъ Господь о Духѣ сказалъ нѣчто великое, то чтобы иные не подумали, будто Духъ больше Его, если Онъ наставитъ на истину, сдѣлаетъ ихъ способными принять многое и великое, чего въ присутствіи Христа они не могли вмѣстить,—чтобы не подумали этого, Онъ прибавляетъ: *не отъ себе глаголати имать*, то есть, Онъ не будетъ говорить ничего отличнаго въ сравненіи съ моимъ. Ибо слова: *елика аще услышитъ*, означаютъ то, что Онъ не будетъ учить ничему, кромѣ того, чему училъ Христосъ. Какъ о самомъ Себѣ Господь говоритъ; что̀ Я слышалъ отъ Отца, то говорю (Іоан. 15, 15), и тѣмъ выражаетъ не то, будто Онъ самъ учится на подобіе дитяти, но то, что Онъ безъ Отца ничего не знаетъ и ничему не учитъ: такъ должно понимать и о Духѣ. А что Духъ не нуждается въ наученіи, слушай что̀ говоритъ апостолъ Павелъ. „Какъ того, что̀ въ человѣкѣ, никто не знаетъ, кромѣ духа, живущаго въ немъ, такъ и Божіяго никто не знаетъ, кромѣ Духа

Божія"(1 Кор. 2, 11). Видишь ли, Святый Духъ, какъ и нашъ духъ, самъ Себя научаетъ. Божество Духа благоразумный узнаетъ и изъ того, что̀ слѣдуетъ далѣе. Ибо говоритъ: *и грядущая возвѣститъ вамъ,* т. е. будущее. А знать будущее преимущественно свойственно Богу. И какъ для природы человѣческой ничто иное такъ не желательно, какъ знаніе будущаго, то Господь и этимъ утѣшаетъ апостоловъ. Столько, говоритъ, Онъ облагодѣтельствуетъ васъ, что даруетъ вамъ и предзнаніе будущаго; а это дарованіе считается бо̀льшимъ всѣхъ. И какъ они должны приготовиться къ искушеніямъ, то говоритъ: Онъ приготовитъ васъ къ тому, что̀ имѣетъ случиться съ вами, чтобы вы по незнанію не пали отъ неосторожности. *Онъ мя прославитъ;* ибо все и говорить и дѣлать будетъ во имя мое, а не будетъ говорить ничего противнаго. Посему чудеса, Имъ совершаемыя, удостовѣрятъ, что Я—Богъ, когда на васъ, моихъ учениковъ, изольется богатство благодати, и имя мое послѣ смерти моей будетъ сіять еще болѣе. Ибо это великая и непререкаемая слава, когда умерщвленный и обезчещенный послѣ сего будетъ блистать еще болѣе. Потомъ, такъ какъ Господь говорилъ, и они слышали, что одинъ у нихъ Учитель Христосъ (Матѳ. 23, 8), то, чтобы не подумали: если одинъ Учитель—Ты самъ, то какъ же говоришь, что будетъ и другой Учитель—Духъ,—чтобы не подумали этого, Онъ прибавляетъ: *отъ моего пріиметъ,* т. е. изъ того, что̀ Я знаю, отъ моего знанія. И иначе: *отъ моего,* т. е. отъ сокровища моего, которое есть Отчее. И какъ все, что̀ имѣетъ Отецъ,

есть мое, и мое богатство, а Утѣшитель будетъ говорить отъ Отца; то Я справедливо говорю: *отъ моего пріиметъ*, т. е. сокровища, и богатства, и знанія. Для чего же столько благъ даровалъ намъ Духъ, а не Сынъ? На это, во 1-хъ, скажемъ то, что путь къ дарамъ Духа сотворилъ Сынъ, и Онъ есть виновникъ столькихъ благъ. Ибо, если бы Онъ не истребилъ грѣха, какъ мы удостоились бы Духа? Ибо Духъ не будетъ обитать въ тѣлѣ, повинномъ грѣхамъ (Премуд. Солом. 1, 4). Посему, если велики дарованія Духа, то основаніе ихъ во Христѣ. Потомъ, такъ какъ имѣли явиться еретики, уменьшающіе достоинство Духа изъ-за того, что Онъ пришелъ послѣ (Сына), то Онъ предоставляетъ Ему дѣйствовать въ апостолахъ болѣе, чѣмъ самъ, для того, чтобы побуждаемые величіемъ даровъ, они и противъ воли признали достоинство Духа, и не считали Его меньшимъ Сына изъ-за того, что Онъ явился (въ мірѣ) послѣ Него.

Вмалѣ, и ктому не видите мене: и паки вмалѣ, и узрите мя, яко иду ко Отцу. Рѣша же отъ ученикъ его къ себѣ: что есть сіе, еже глаголетъ намъ: вмалѣ, и не видите мене: и паки вмалѣ, и узрите мя: и: яко азъ иду ко Отцу? Глаголаху убо: что сіе есть, еже глаголетъ: вмѣлѣ? не вѣмы, что глаголетъ. Для чего Христосъ опять напоминаетъ имъ объ удаленіи и смерти своей, тогда какъ болѣе слѣдовало бы скрывать это? Онъ упражняетъ ихъ душу и дѣлаетъ ее болѣе твердою, и постоянно напоминаетъ о печальномъ для того, чтобы они свыклись съ этимъ и ожидали этого, а не были поражены внезапностію. Въ тоже

время къ печальному присовокупляетъ и могущее одушевить. Такъ и здѣсь сказалъ печальное: *вмалѣ, и не видите мене;* прибавилъ и радостное: *и паки вмалѣ, и узрите мя,* потому что Я восхожу къ Богу, могущему помочь вамъ; Я не погибаю, а перемѣняю состояніе; разлука моя не надолго, а пребываніе мое съ вами, которое за тѣмъ наступитъ, вѣчно. Но они этого не понимали. Посему-то иный можетъ и подивиться, какъ они не уразумѣли словъ Его. Вѣроятно, печаль, овладѣвшая ихъ душею, изглаждала изъ памяти ихъ то, что̀ говорилось, или непонятливость нашла на нихъ отъ неясности самыхъ словъ. Посему и представляется имъ въ словахъ Іисуса нѣкоторое противорѣчіе: если мы увидимъ Тебя, то куда Ты отходишь? Если же Ты отходишь, то какъ мы увидимъ Тебя? Это казалось имъ загадкою.

Разумѣ же Іисусъ, яко хотяху его вопрошати, и рече имъ: о семъ ли стязаетеся между собою, яко рѣхъ: вмалѣ, и не видите мене: и паки вмалѣ, и узрите мя? Аминь аминь глаголю вамъ, яко восплачетеся и возрыдаете вы, а міръ возрадуется: вы же печални будете, но печаль ваша въ радость будетъ. Жена егда раждаетъ, скорбь иматъ, яко пріиде годъ ея: егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ. И вы же печаль имате убо нынѣ: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ. Господь видѣлъ, что ученики, обремененные печалію, несовсѣмъ поняли слова Его; посему предлагаетъ имъ яснѣйшее ученіе о своей смерти, чтобы свыкшись съ

словами и дѣлами, мужественно перенесли ее. *Вы*, говоритъ, *восплачетеся и возрыдаете* о томъ, что Я умру на крестѣ, *а міръ возрадуется*, т. е. іудеи мудрствующіе мірское, возрадуются, что уничтожили Меня, врага своего; но *печаль ваша въ радость будетъ*, а радость іудеевъ, напротивъ, обратится имъ въ печаль, когда по воскресеніи будетъ славиться имя мое. Подъ радостію міра можешь разумѣть и не радость іудеевъ, которою они возрадовались умерщвленію Господа, но спасеніе міра, такъ что въ словахъ сихъ будетъ такой смыслъ: вы будете печальны, но эти страданія мои, о которыхъ вы печалитесь, будутъ радостію всего міра и спасеніемъ. Потомъ приводитъ и обыкновенный примѣръ женщины и родовъ. Это сравненіе употребляли и пророки, жестокостію родильныхъ болѣзней обозначая высшую степень скорби. Онъ говоритъ какъ-бы такъ: васъ застигнутъ скорби, какъ-бы болѣзни рожденія, но болѣзнь бываетъ причиною рожденія. Въ тоже время удостовѣряетъ ученіе о воскресеніи, и показываетъ, что умереть похоже на то, какъ выйти изъ утробы матерней на свѣтъ. Не удивляйтесь же, что радости вамъ должно достигнуть чрезъ такую печаль. Ибо и мать чрезъ скорбь и болѣзнь достигаетъ того, что становится матерью. Здѣсь Онъ разрушилъ болѣзни смерти, и содѣлалъ то, что родился человѣкъ новый, уже не истлѣвающій, уже не умирающій, который есть самъ Господь. Ибо, смотри, Онъ не сказалъ: женщина уже не помнитъ скорби потому, что родилось *у нея* дитя, но потому, что родился человѣкъ *въ міръ*. Не безъ цѣли Онъ такъ сказалъ, но для

того, чтобы загадочно и прикровенно намекнуть на то, что Онъ самъ есть человѣкъ, родившійся не для ада, чревоболѣвшаго Имъ, но для міра. Ибо для насъ родился отъ воскресенія новый и нетлѣнный человѣкъ, Іисусъ Христосъ, Богъ нашъ. Итакъ примѣръ раждающей женщины не требуетъ во всемъ приноровленія къ событіямъ Христовымъ, но только имѣетъ цѣлію показать, что печаль временна, и что отъ этихъ болѣзней великая польза, и что воскресеніе раждаетъ для жизни и новаго бытія. Все прочее въ сравненіи не имѣетъ приложенія; и справедливо. Ибо это—притча, а притча, если во всѣхъ частяхъ сохранится, не есть уже притча, но то самое, что̀ ею изображается. Такъ и здѣсь подъ болѣзнями рожденія мы уразумѣемъ печаль апостоловъ, подъ радостью—утѣшеніе ихъ по воскресеніи, и опять подъ разрѣшеніемъ болѣзней—разрушеніе ада, а подъ рожденіемъ—воскресеніе Перворожденнаго изъ мертвыхъ. Но уже не разумѣемъ подъ матерью—адъ; ибо не адъ обрадовался, а возрадовались апостолы, и возрадовались такою радостію, которой у нихъ никто не отнялъ. Ибо, когда ихъ обижали, когда ихъ безчестили за имя Христово, они и тогда радовались (Дѣян. 5, 41). Словами: *радости вашей никтоже возметъ*, показываетъ также и то, что Онъ уже не умретъ, но, всегда будучи живъ, подастъ имъ радость неизсякаемую.

Зач. *И въ той день мене не воспросите ничесоже.* *
55. *Аминь аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо про-*

Рече Господь своимъ ученикомъ: *

сите отъ Отца во имя мое, дастъ вамъ. Доселѣ не просисте ничесоже во имя мое: просите, и пріемлете, да радость ваша исполнена будетъ. Когда, говоритъ, Я воскресну, а за тѣмъ пріидетъ Утѣшитель къ вамъ и наставитъ на всякую истину; тогда вы не спросите Меня ни о чемъ, какъ, напримѣръ, прежде спрашивали: куда Ты идешь (Іоан. 14, 5), покажи намъ Отца (Іоан. 14, 8). Ибо силою Духа вы будете знать все. Или *вопросите* употреблено вмѣсто: попросите, потребуете. Итакъ, когда Я, по воскресеніи изъ мертвыхъ, пошлю вамъ Утѣшителя, тогда вы уже не просите Меня, то есть, не будете нуждаться въ моемъ посредничествѣ, но довольно будетъ вамъ произнесть имя мое, чтобы желаемое получить отъ Отца. Итакъ здѣсь Онъ показываетъ силу своего имени, такъ какъ Его не будутъ видѣть, и не будутъ просить, а только назовутъ имя Его, и Онъ будетъ творить такія дѣла. *Доселѣ не просисте ничесоже во имя мое,* а отнынѣ *просите и* непремѣнно *пріимете.* Посему полезнѣе, чтобы Я умеръ; ибо отнынѣ вы получите бо́льшее дерзновеніе предъ Отцемъ моимъ. Хотя Я и разлучусь съ вами, но вы не думайте, что вы оставлены Мною; ибо имя мое дастъ вамъ бо́льшее дерзновеніе, и радость ваша тогда будетъ самая полная, когда вы получите все просимое. Примѣчай же: получаетъ тотъ, кто проситъ во имя Христа. А изъ тѣхъ, кои желаютъ предметовъ мірскихъ и душевредныхъ, никто не проситъ во имя Христово, а потому и не получаетъ. Ибо имя Христа божественно и спасительно. Если же кто проситъ пагубнаго для души, то неужели мы скажемъ, что онъ проситъ во имя Спасителя?

Сія въ притчахъ глаголахъ вамъ; но пріидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ о Отцѣ возвѣщу вамъ. Въ той день во имя мое воспросите: и не глаголю вамъ, яко азъ умолю Отца о васъ: Самъ бо Отецъ любитъ вы, яко вы мене возлюбисте, и вѣровасте, яко азъ отъ Бога изыдохъ. Изыдохъ отъ Отца, и пріидохъ въ міръ: и паки оставляю міръ, и иду ко Отцу. Притча есть рѣчь, объясняющая какой-нибудь предметъ косвенно, прикровенно и сравнительно. Такъ какъ Господь многое говорилъ прикровенно, и рѣчь о женщинѣ и рожденіи была приточная же, то Онъ говоритъ: *сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но пріидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ о Отцѣ возвѣщу вамъ.* Ибо, по воскресеніи, явилъ Себя живымъ, въ продолженіе сорока дней сообщилъ имъ объ Отцѣ познанія таинственнѣйшія и подробнѣйшія (Дѣян. 1, 3). А прежде они думали, что Богъ—Ему Отецъ также, какъ и намъ, по благодати. Снова ободряя ихъ, что они въ искушеніяхъ получатъ помощь свыше, говоритъ: *во имя мое воспросите,* и увѣряю, что Отецъ настолько любитъ васъ, что вы уже не будете имѣть нужды въ моемъ посредничествѣ. Ибо самъ Онъ любитъ васъ. Потомъ, чтобы они не отстали отъ Христа, такъ какъ не имѣютъ уже нужды въ Немъ, и состоятъ въ непосредственной любви Отца, говоритъ: *Отецъ любитъ вы*, за то, *яко вы мене возлюбисте.* Посему, если отпадете отъ любви моей, то немедленно отпадете и отъ Отца. А какъ слухъ о томъ, что Онъ изшелъ отъ Бога, и опять идетъ къ Богу, въ разныхъ отношеніяхъ утѣшалъ ихъ, то Онъ ча-

сто говоритъ объ этомъ. Посему и сами они, получивъ пользу отъ слуха объ этомъ и воодушевившись, что̀ говорятъ?

Глаголаша ему ученицы его: се нынѣ не обинуяся глаголеши, а притчи никоеяже не глаголеши. Нынѣ вѣмы, яко вѣси вся, и не требуеши, да кто тя вопрошаетъ: о семъ вѣруемъ, яко отъ Бога изшелъ еси. Отвѣща имъ Іисусъ: нынѣ ли вѣруете? Се грядетъ часъ, и нынѣ пріиде, да разыдетеся кійждо во своя, и мене единаго оставите: и нѣсмь единъ, яко Отецъ со мною есть. Ученики, услышавъ, что Богъ Отецъ будетъ любить ихъ, и что они не нуждаются въ посредничествѣ Его (Христа), какъ усвоенные Отцу, и что Онъ изшелъ отъ Бога, говорятъ: *нынѣ вѣмы, яко вѣси вся*, то есть, знаешь, чѣмъ соблазняется сердце каждаго, и не имѣешь нужды узнавать это отъ другихъ, и потому вѣруемъ, что Ты отъ Бога изшелъ. Ибо знать тайны сердечныя свойственно Богу (Псал. 43, 22). Смотри же, какъ они были несовершенны, когда говорятъ: *нынѣ вѣмы.* Они, такъ много и долго слушавшіе ученіе Его, говорятъ: теперь мы знаемъ. А Христосъ объявляетъ имъ, что они и теперь еще несовершенны, что они не уразумѣли ничего великаго объ Немъ, но еще обращаются низко и около земли. Онъ говоритъ: *нынѣ ли вѣруете?!* и этимъ какъ-бы упрекаетъ и укоряетъ ихъ за медленность вѣры. А чтобы они, держась такихъ мыслей объ Немъ, не подумали, что они угождаютъ Ему, говоритъ: *грядетъ часъ, да разыдетеся кійждо.* Вы думаете, что имѣете обо Мнѣ великое представленіе. А Я говорю вамъ, что вы оста-

вите Меня врагамъ, и такой страхъ овладѣетъ вами, что вы и удалитесь отъ Меня не вмѣстѣ другъ съ другомъ, но разсѣетесь каждый по-одиночкѣ, и каждый самъ себѣ будетъ искать убѣжища и спасенія. Но Я отъ того не потерплю никакого зла. Ибо Я не одинъ только, но и Отецъ вмѣстѣ со Мною. Посему Я страдаю не по безсилію, но добровольно отдаюсь распинателямъ. Когда, посему, слышишь: (Боже!) *почто Ты меня оставилъ* (Матѳ. 27, 46), не понимай такъ просто, будто Спаситель оставленъ Отцемъ, (ибо какъ Онъ свидѣтельствуетъ здѣсь: *Отецъ со мною?*), а понимай такъ, что слова эти сказаны естествомъ человѣческимъ, оставленнымъ и отверженнымъ за грѣхи, но во Христѣ примиреннымъ и усвоеннымъ Отцу.

Сія глаголахъ вамъ, да во мнѣ миръ имате; въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко азъ побѣдихъ міръ. Сія, говоритъ, *глаголахъ вамъ*, что бы вы не удаляли Меня изъ вашихъ мыслей, и не колебались, и не смущались продолжать твердую любовь ко Мнѣ, но *да во мнѣ миръ имате*, то есть, чтобы вы пребывали непреклонными, принимая за вѣрное все, что Я ни говорилъ вамъ. Да слышитъ и Арій, что все это смиренное и, повидимому, недостойное славы Сына, сказано ради слушателей, а не для того, чтобы мы пользовались этими словами при опредѣленіи догматовъ; ибо онѣ сказаны въ утѣшеніе апостоловъ, какъ показывающія любовь Его къ нимъ. *Въ мірѣ скорбни будете.* Искушенія для васъ не остановятся на страшныхъ этихъ словахъ, но до тѣхъ поръ, пока вы будете въ мірѣ, вы будете имѣть скорбь, не теперь только, когда Я

предаюсь, но и послѣ сего. Но вы противустойте (искушающему) помыслу. *Дерзайте, яко азъ побѣдихъ міръ.* А когда Я побѣдилъ, вамъ ученикамъ должно не скорбѣть, но презирать міръ, какъ уже побѣжденный. Какъ же Онъ побѣдилъ міръ? Низложивъ начальника мірскихъ страстей. Впрочемъ это видно и изъ послѣдующаго. Ибо все Ему покорилось и уступило. Какъ съ пораженіемъ Адама вся природа осуждена, такъ съ побѣдою Христовою побѣда простерлась на всю природу, и во Христѣ Іисусѣ намъ дарована сила наступать на змѣй и скоропіоновъ, и на всю силу вражескую (Лук. 10, 19). Ибо чрезъ человѣка смерть вошла, чрезъ человѣка же и жизнь и сила на діавола (1 Кор. 15, 21—55). Ибо, если бы побѣдилъ одинъ только Богъ, тогда ничто не относилось бы къ намъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О молитвѣ Іисуса къ Отцу за учениковъ, Ему данныхъ.

*Сія глагола Іисусъ, и возведе * очи свои на небо,* Зач. 56.
и рече: Отче, пріиде часъ: прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ тя. Якоже далъ еси ему власть всякія плоти, да всяко, еже далъ еси ему, дастъ имъ животъ вѣчный. Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога, и егоже посла̀лъ еси Іисуса Христа. Сказавъ ученикамъ, что они имѣть будутъ скорби, и убѣдивъ ихъ не унывать, Господь ободряетъ ихъ еще молитвою, научая и насъ

---

*Во время оно, возведе Іисусъ **

въ искушеніяхъ оставлять все и прибѣгать къ Богу. Иначе. Настоящія слова суть не молитва, но бесѣда съ Отцемъ. Если въ иныхъ случаяхъ (Матѳ. 26, 39) Онъ молится и преклоняетъ колѣна, то не удивляйся сему. Ибо Христосъ пришелъ не для того только, чтобы явить Себя (міру), но и для того, чтобы научить всякой добродѣтели. А учитель долженъ учить не словами только, но и дѣлами. Желая показать, что идетъ на страданія не противъ воли, а по собственной волѣ, говоритъ: *Отче! пріиде часъ*. Вотъ, Онъ желаетъ этого какъ чего-то пріятнаго, и предстоящее дѣло называетъ славою, и славою не своею только, но и Отчею. Такъ и было. Ибо не Сынъ только прославился, но и Отецъ. Ибо прежде креста Его не знали даже и іудеи, какъ сказано: „Израиль Меня не позналъ" (Иса. 1, 3); а послѣ креста вся вселенная притекла къ Нему. Показываетъ и то, въ чемъ состоитъ слава Его и Отца; слава Божія въ томъ, чтобы увѣровала и была облагодѣтельствована всякая плоть. Ибо благодать не ограничится одними только іудеями, но прострется на (всю) вселенную. Сказалъ это потому, что намѣренъ былъ послать ихъ къ язычникамъ. Чтобы они не почли этого нововведеніемъ, неугоднымъ Отцу, Онъ объявляетъ, что власть надъ всякою плотію дана Ему отъ Отца. Прежде же этого Онъ говорилъ имъ: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. 10, 5). Что же значитъ: *всякія плоти*? вѣдь, не всѣ же увѣровали? Но Христосъ съ своей стороны старался всѣхъ привести къ вѣрѣ; если же они не внимали Ему, то въ этомъ вина не Учителя, но тѣхъ, которые не принимаютъ (Его). Ког-

да слышишь: *далъ еси, пріяхъ* (Іоан. 10, 18), и тому подобное, то понимай такъ, что это сказано по снисхожденію, какъ мы много разъ говорили. Ибо, всегда остерегаясь говорить самъ о Себѣ что-нибудь великое, Онъ снисходитъ къ немощи слушателей. И какъ они соблазнялись, слыша о Немъ великое; то Онъ возвѣщаетъ то, что̀ для нихъ доступно, подобно какъ и мы, разговаривая съ дѣтьми, такъ называемъ хлѣбъ, воду и вообще все прочее, какъ и они. Когда же евангелистъ говоритъ о Господѣ (отъ своего лица), слушай, что̀ говоритъ: „все Имъ получило бытіе“ (Іоан. 1, 3), и: „тѣмъ, которые приняли Его, далъ власть содѣлываться чадами Божіими“ (Іоан. 1, 12). Если другимъ даетъ Онъ такую власть, то неужели самъ не имѣлъ ея, а получилъ отъ Отца? Потомъ и въ этихъ самыхъ словахъ, по видимому, уничиженныхъ, вставлено нѣчто высокое. *Да всяко, еже далъ еси ему*, это—снисхожденіе, *дастъ имъ животъ вѣчный*, это—власть Единороднаго и Божества. Ибо давать жизнь, и притомъ вѣчную, можетъ только Богъ. Назвалъ Отца *единымъ истиннымъ Богомъ* для отличія отъ лжеименныхъ боговъ языческихъ, а не отдѣляя самого Себя отъ Отца (прочь такая мысль!). Ибо и Онъ, будучи истиннымъ Сыномъ, не можетъ быть богомъ ложнымъ, а есть истинный (Богъ), какъ этотъ же самый евангелистъ въ соборномъ посланіи своемъ говоритъ о Господѣ: „Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и Жизнь вѣчная“ (1 Іоан. 5, 20). Если еретики настаиваютъ, что Сынъ есть богъ ложный, такъ какъ Отецъ названъ единымъ истиннымъ Богомъ, то пусть знаютъ, что этотъ же самый

евангелистъ говоритъ о Сынѣ: „былъ свѣтъ истинный“ (Іоан. 1, 9). Ужели же, по ихъ понятію, Отецъ есть ложный свѣтъ? Но нѣтъ, прочь такая мысль! Посему, когда называетъ Отца истиннымъ Богомъ, то называетъ Его такъ въ отличіе отъ ложныхъ боговъ языческихъ, подобно какъ и въ словахъ: „славы, которая отъ *единаго Бога*, не ищите“ (Іоан. 5, 44). По понятію еретиковъ выйдетъ: такъ какъ Отецъ — единый Богъ, то Сынъ вовсе и не Богъ. Но такое заключеніе поистинѣ безумно.

Азъ прославихъ тя на земли, дѣло соверших, еже далъ еси мнѣ да сотворю: И нынѣ прослави мя ты, Отче, у тебе самого славою, юже имѣхъ у тебе прежде міръ не быти. Явихъ имя твое человѣкомъ. Отсюда познай, какъ Отецъ прославляетъ Сына. Безъ сомнѣнія, прославляетъ также, какъ и Сынъ Отца. *Азъ*, говоритъ, *прославихъ тя на земли.* Справедливо прибавляетъ: *на земли.* Ибо на небесахъ Онъ былъ прославленъ, будучи покланяемъ отъ ангеловъ, а земля не знала Его. А какъ Сынъ всѣмъ возвѣстилъ объ Немъ, то и говоритъ: Я прославилъ Тебя, посѣявъ богопознаніе по всей землѣ, и совершивъ то дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ. Ибо дѣло воплощенія Единороднаго было—освятить нашу природу, низвергнуть міродержца, котораго прежде боготворили, насадить богопознаніе между тварію. Какъ же Онъ совершилъ это, когда еще и не начиналъ? Все, говоритъ, что̀ Мнѣ нужно было сдѣлать, Я совершилъ. Да, Онъ сдѣлалъ то, что̀ больше всего, всадилъ въ насъ корень добра, побѣдивъ діавола, и самого Себя предалъ все-

пожирающему звѣрю—смерти, а отъ этого корня по необходимости пойдутъ и плоды богопознанія. Итакъ, говоритъ, Я совершилъ дѣло, потому что Я посѣялъ, посадилъ корень, а плоды выростутъ. *Прослави мя и ты, Отче, у тебе самого славою, юже имѣхъ у тебѣ прежде міръ не быть.* Естество плоти еще не было прославлено, такъ какъ оно не сподоблялось еще нетлѣнія, и не пріобщалось Царскаго престола. Посему-то и говоритъ: *прослави мя*, то есть, мое человѣческое естество, которое теперь не въ чести, которое будетъ распято, и возведи оное въ ту славу, которую Я—Слово и Сынъ твой имѣлъ у Тебя прежде бытія міра. Ибо естество человѣческое Онъ съ Собою посадилъ на престолѣ Царскомъ, и теперь покланяется Ему всякая тварь. *Явихъ имя твое человѣкомъ.* Теперь объясняетъ, что̀ значатъ слова: Я прославилъ Тебя на землѣ, именно, Я возвѣстилъ имя твое. Какъ же Сынъ возвѣстилъ? Ибо Исаія еще говорилъ: „клянитесь Богомъ истиннымъ“ (8. 1). Но мы много разъ говорили, что если тогда имя Божіе и было извѣстно, то однимъ только іудеямъ, и притомъ не всѣмъ, а теперь говорится объ язычникахъ, что имъ будетъ извѣстно имя Божіе, такъ какъ Христосъ далъ уже сѣме̂на богопознанія, низложивъ діавола, введшаго идолослуженіе. И иначе. Если и знали Бога, то знали не какъ Отца, а только какъ Творца; но Сынъ возвѣстилъ о Немъ, какъ Отцѣ, и словами и дѣлами давъ знать о самомъ Себѣ; а кто доказалъ самъ о Себѣ, что Онъ Сынъ Божій, тотъ, очевидно, вмѣстѣ съ Собою далъ знать и объ Отцѣ.

Ихже далъ еси мнѣ отъ міра: твои бѣша, и мнѣ ихъ далъ еси: и слово твое сохраниша. Нынѣ разумѣша, яко вся, елика далъ еси мнѣ, отъ тебе суть: Яко глаголы, ихже далъ еси мнѣ, дахъ имъ: и тіи пріяша, и разумѣша воистинну, яко отъ тебе изыдохъ, и вѣроваша, яко ты мя послалъ еси. Господь хочетъ утвердить двѣ мысли: одну ту, что Онъ не противникъ Отцу, а другую, что Отецъ хочетъ, чтобы они вѣровали Сыну. Посему говоритъ: *ихже далъ еси мнѣ, твои бѣша.* Въ словахъ: *далъ еси мнѣ,* показывается то и другое. Я не похитилъ ихъ, но Ты соизволилъ, чтобы они пришли ко мнѣ. Посему не вражду, но единомысліе и любовь имѣешь Ты, Отче, ко Мнѣ. *Слово твое сохраниша,* потому что повѣрили Мнѣ, и не вняли іудеямъ. Ибо кто вѣритъ Христу, тотъ сохраняетъ слово Божіе, т. е. Писаніе, законъ. Ибо Писаніе возвѣщаетъ о Христѣ. Еще иначе. Все, что̀ говорилъ Господь ученикамъ, принадлежало Отцу. Ибо Я, говоритъ, говорю не отъ Себя (Іоан. 14, 10). А Онъ сказалъ имъ между прочимъ: *будьте во мнѣ* (Іоан. 15, 4). Вотъ они и соблюдали это. *Нынѣ разумѣша, яко вся, елика далъ еси мнѣ, отъ тебе суть.* Нѣкоторые ἔγνωκαν (разумѣша) читаютъ безъ ν: нынѣ Я позналъ (ἔγνωκα); но такое чтеніе неосновательно. Ибо должно читать съ ν. Нынѣ, говоритъ, ученики мои узнали, что Я не имѣю ничего особеннаго, и что Тебѣ Я не чужой, но что все, что̀ Ты далъ Мнѣ, (далъ не въ даръ, какъ созданію какому-нибудь, ибо это не пріобрѣтено Мною), есть отъ Тебя, то есть, принадлежитъ Мнѣ какъ Сыну, и Лицу властному надъ тѣмъ, что̀ при-

надлежитъ Отцу. Откуда же узнали это ученики мои? *Яко глаголы, ихже далъ мнѣ, дахъ имъ*, то есть, изъ моихъ словъ, изъ моего ученія: ибо Я всегда училъ ихъ, что все, что̀ Я имѣю, есть отъ Отца, и не только этому училъ, но и тому училъ, что Я изшелъ отъ Тебя, и что Ты послалъ Меня. Ибо во всемъ Евангеліи Онъ хотѣлъ утвердить ту истину, что Онъ не противникъ Богу, но исполняетъ волю Отца.

Азъ о сихъ молю: не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, ихже далъ еси мнѣ, яко твои суть. И моя вся твоя суть, и твоя моя: и прославихся въ нихъ. Показывая, что Онъ говоритъ это Отцу не для чего-нибудь другаго, а только ради ихъ, чтобы они познали, что Онъ любитъ ихъ и печется объ нихъ,—говоритъ: Я молю и прошу объ нихъ, а не о мірѣ. Ибо этимъ Я, безъ сомнѣнія, доказываю, что люблю ихъ, когда не только то, что̀ у Меня самого, даю, но и Тебя прошу хранить ихъ. Итакъ не о людяхъ порочныхъ и мудрствующихъ мірское Я молю Тебя, но о тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, потому, что они твои. Дабы ты, слыша постоянно, какъ Онъ говоритъ: *Ты Мнѣ далъ*, не подумалъ, будто начальство и власть эта даны Ему недавно, и въ то время, какъ Отецъ имѣлъ ихъ, Онъ (Сынъ) не имѣлъ, или опять теперь, когда Онъ имѣетъ, Отецъ лишился власти надъ ними,—для этого говоритъ: *и моя вся твоя суть, и твоя моя.* Я не теперь принялъ эту власть, но, когда они были твои, они были и мои. Ибо все твое мое. И теперь, когда Я самъ имѣю ихъ, имѣешь и Ты, и не лишился, ибо все мое твое. *И Я прославился въ нихъ*, то есть,

имѣя власть надъ ними, Я прославляюсь въ нихъ какъ Владыка, подобно какъ и сынъ царя, имѣя равную съ отцемъ честь и царство, прославляется тѣмъ, что имѣетъ столько же, сколько и отецъ. Итакъ, если бы Сынъ былъ меньше Отца, Онъ не осмѣлился бы сказать: *все твое мое*. Ибо господинъ имѣетъ все, что принадлежитъ рабу; но рабъ не имѣетъ всего, что принадлежитъ господину. Здѣсь же Онъ обоюдно усвояетъ: Отчее Сыну, а Сыновнее Отцу. Итакъ Сынъ прославляется въ тѣхъ, которые принадлежатъ Отцу; ибо Онъ имѣетъ столько же власти надъ всѣми, сколько и Отецъ.

И ктому нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣ суть, и азъ къ тебѣ гряду. Отче святый, соблюди ихъ во имя твое, ихже далъ еси мнѣ, да будутъ едино, якоже и мы. Егда бѣхъ съ ними въ мірѣ, азъ соблюдахъ ихъ во имя твое. Для чего Онъ постоянно говоритъ это: *ктому нѣсмь въ мірѣ*, и: *егда бѣхъ съ ними въ мірѣ?* Кто будетъ понимать эти слова просто, тому они покажутся противорѣчущими. Ибо въ другомъ мѣстѣ Онъ обѣщалъ имъ: *Я буду съ вами* (Іоан. 15, 4), и: *вы увидите Меня* (Іоан. 16, 17): а теперь, повидимому, говоритъ иное. Итакъ можно истину сказать, что Онъ говоритъ это приспособляясь къ ихъ понятіямъ. Имъ естественно было опечалиться, коль скоро они остаются безъ помощника. Онъ объявляетъ имъ, что Онъ вручаетъ ихъ Отцу, и Его даетъ имъ въ хранителя, и за тѣмъ говоритъ Отцу: такъ какъ Ты призываешь Меня къ Себѣ, то храни ихъ самъ *во имя твое*, т. е. твоею помощью и силою, которую Ты далъ Мнѣ. Въ чемъ же хранить? *Да будутъ едино*. Ибо, если они бу-

дутъ имѣть любовь другъ къ другу, и не будетъ между ними раздѣленій, то они будутъ непобѣдимы и ничто не одолѣетъ ихъ. И не просто, чтобы были едино, но такъ, какъ Я и Ты, имѣли одно мудрствованіе и одно желаніе. Ибо единодущіе — вотъ ихъ охрана. Итакъ, чтобы утѣшить ихъ, Онъ умоляетъ Отца хранить ихъ. Ибо, если бы Онъ сказалъ: Я буду хранить васъ, они не такъ бы (глубоко) повѣрили. А теперь, когда Онъ умоляетъ за нихъ Отца, Онъ подаетъ имъ твердую надежду. *Азъ соблюдахъ ихъ во имя твое.* Говоритъ такъ не потому, будто Онъ не могъ хранить ихъ иначе, какъ только именемъ Отца, но, какъ мы много разъ говорили, потому, что слушатели Его были слабы, и не представляли еще себѣ ничего великаго объ Немъ. Посему-то говоритъ: Я помощію твоею соблюдалъ ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ Онъ и укрѣпляетъ ихъ въ надеждѣ, что какъ въ мою бытность съ вами вы хранимы были именемъ и помощію Отца моего, такъ, вѣрьте, и опять будете соблюдены Имъ; ибо хранить васъ—для Него обычное дѣло.

Ихже далъ еси мнѣ, сохранихъ, и никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный, да сбудется писаніе. Нынѣ же къ тебѣ гряду, и сія глаголю въ мірѣ, да имутъ радость мою исполнену въ себѣ. Много уничиженія въ этихъ словахъ, если кто приметъ ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Ибо смотри, что здѣсь представляется. *Ихже далъ еси мнѣ, сохранихъ.* Повидимому, Онъ заповѣдуетъ Отцу, чтобы и Отецъ хранилъ подобно тому, какъ кто-нибудь, передавая имѣніе на сохраненіе другому, сказалъ бы: смотри, я ничего н

утратилъ, не потеряй же и ты. Но все это Онъ говоритъ для утѣшенія учениковъ. *Сія,* говоритъ *глаголю въ мірѣ,* для успокоенія, утѣшенія и радости учениковъ, чтобы они одушевились и не безпокоились, такъ какъ Ты принимаешь ихъ цѣлыми, и будешь хранить ихъ, какъ и Я сохранилъ ихъ и никого не погубилъ. Какъ же, Господи, никого не погубилъ Ты, когда Іуда погибъ, и многіе иные отошли обратно (Іоан. 6, 66)? Съ своей стороны, говоритъ, Я никого не погубилъ. Что только зависѣло отъ Меня, Я ничего не оставилъ безъ исполненія, но соблюдалъ ихъ, то есть, всячески старался сохранить ихъ. Если же они сами собою отпадаютъ, это нисколько не относится къ моей винѣ. *Да сбудется писаніе,* то есть, всякое писаніе, предсказывающее о сынѣ погибели. Ибо объ немъ сказано въ различныхъ псалмахъ (Псал. 108, 8, 68, 26) и въ прочихъ книгахъ пророческихъ. О частицѣ *да* мы много разъ говорили, что Писаніе имѣетъ обыкновеніе называть причиною то, что сбывается въ послѣдствіи.

Азъ дахъ имъ слово твое, и міръ возненавидѣ ихъ, яко не суть отъ міра, якоже и азъ отъ міра нѣсмь. Не молю, да возмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни. Отъ міра не суть, якоже и азъ отъ міра нѣсмь. Умоляя Отца о помощи апостоламъ, высказываетъ и причину, по которой они достойны великаго попеченія отъ Отца. За слово твое, которое Я предалъ имъ, возненавидѣли ихъ. Посему они достойны получить помощь отъ Тебя, такъ какъ мудрствующіе мірское возненавидѣли ихъ за Тебя. Пороч-

ные люди ненавидятъ ихъ потому, что они *не суть отъ міра,* то есть, умомъ своимъ не привязаны къ міру, и не истощаютъ своей дѣятельности для него. Какъ же Онъ въ другомъ мѣстѣ (Іоан. 17, 6) говоритъ: тѣ, которыхъ Ты далъ Мнѣ *отъ міра,* были твои? Тамъ Онъ говорилъ о природѣ ихъ, что они люди и часть міра, а здѣсь говоритъ о мысляхъ и произволеніи, и замѣчаетъ, что они не отъ міра. *Якоже и азъ отъ міра нѣсмь.* Не смущайся сими словами. Апостолы не были такъ святы и чужды страстей мірскихъ, какъ Господь. Онъ не сдѣлалъ грѣха, и не было лжи въ устахъ Его (1 Петр. 2, 22). А они не избѣгли немощи человѣческой природы. Итакъ, услышавъ слова: *какъ Я не отъ міра,* не принимай ихъ за совершенное сходство апостоловъ съ Господомъ, но когда это *какъ* объ Отцѣ и объ Немъ говорится, тогда только разумѣй равенство. *Не молю, да возмеши ихъ отъ міра.* Сказалъ это, желая доказать любовь къ нимъ, и что Онъ много заботится объ нихъ, когда съ такимъ усердіемъ приноситъ за нихъ молитву. Ибо Онъ не учитъ Отца тому, что̀ нужно, (ибо это было бы ни съ чѣмъ несообразно), но, какъ я сказалъ, говоритъ это Отцу съ тѣмъ, чтобы показать, что Онъ очень любитъ учениковъ и заботится объ нихъ. Не молю, чтобы Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы, во время нахожденія ихъ въ мірѣ, соблюлъ ихъ отъ зла. Опять повторяетъ: *отъ міра не суть.* Они, говоритъ, нуждаются въ сильной поддержкѣ, ибо у нихъ, ставшихъ гражданами небесными, ничего нѣтъ общаго съ землею. И какъ весь міръ будетъ обращаться съ ними какъ съ чужими, то

Ты, небесный, уже помоги имъ какъ гражданамъ небеснымъ. Говоритъ это очень часто въ слухъ учениковъ, чтобы они, слыша это, возненавидѣли міръ и не посрамили такой похвалы имъ. Соблюди ихъ *отъ непріязни*, говоритъ не только объ избавленіи ихъ отъ опасностей, но и о пребываніи и утвержденіи въ вѣрѣ. Почему и прибавляетъ:

Святи̂ ихъ во истину твою: слово твое истина
Зач. *есть. Якоже мене * послалъ еси въ міръ, и азъ послахъ*
57. *ихъ въ міръ: И за нихъ азъ свящу себе, да и тіи будутъ священи воистинну.* Сдѣлай ихъ святыми чрезъ преподаніе Духа, сохрани ихъ въ правотѣ слова и догматовъ, и наставь ихъ, и научи истинѣ. Ибо святость состоитъ въ храненіи правыхъ догматовъ. А что Онъ говоритъ о догматахъ, это видно изъ объясненія: *слово твое истина есть*, то есть, нѣтъ въ немъ никакой лжи. Посему, если Ты дашь имъ сохранить слово твое и самимъ сохраниться отъ зла, они освятятся истиною. Слова: *святи ихъ во истину твою*, означаютъ нѣчто и иное, именно, отдѣли ихъ для слова и проповѣди, и содѣлай ихъ жертвою, пусть они послужатъ этой истинѣ, пусть посвятятъ ей собственную жизнь. Прибавляетъ: *якоже мене послалъ еси въ міръ, и за нихъ азъ свящу себе*, то есть, приношу въ жертву; такъ Ты и ихъ освяти, т. е. отдѣли въ жертву за проповѣдь, и поставь ихъ свидѣтелями истины, подобно какъ и Меня Ты послалъ свидѣтелемъ истины и жертвою. Ибо все принесенное въ жертву называется

---

*Во время оно, возведе Іисусъ очи свои на небо, и рече: якоже ты мя Отче **

святымъ. *Да и тіи*, какъ Я, *будутъ священи* и принесены Тебѣ Богу, не какъ жертвы подзаконныя, закалаемыя въ образѣ, *но воистинну*. Ибо ветхозавѣтныя жертвы, напримѣръ агнецъ, голуби горлицы и прочее, были образами, и все святое въ прообразѣ было посвящаемо Богу, предъизображая собою нѣто иное, духовное. Души же, принесенныя Богу, въ самой истинѣ освящены, отдѣлены и посвящены Богу, какъ и Павелъ говоритъ: „представьте члены ваши жертвою живою, святою" (Рим. 12, 1). Итакъ освяти и посвяти души учениковъ, и сдѣлай ихъ истинными приношеніями, или укрѣпи ихъ потерпѣть и смерть за истину.

Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ мя: Да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ: да и міръ вѣру иметъ, яко ты мя послалъ еси. Сказалъ: *за нихъ азъ свящу себе.* Чтобы кто-нибудь не подумалъ, что Онъ умеръ только за апостоловъ, прибавляетъ: *не о сихъ токмо, но и о* всѣхъ *вѣрующихъ словесе ихъ ради въ мя.* Здѣсь Онъ опять ободрилъ души апостоловъ, тѣмъ, что они будутъ имѣть много учениковъ. А чтобы, слыша: *не о нихъ только молю*, апостолы не соблазнились, какъ будто Онъ не отдаетъ имъ предъ прочими никакого преимущества, утѣшаетъ ихъ, объявляя, что они для многихъ будутъ виновниками вѣры и спасенія. А какъ Онъ достаточно предалъ ихъ Отцу, чтобы Онъ освятилъ ихъ вѣрою, и совершилъ за нихъ святую жертву для истины, говоритъ, наконецъ, опять объ единомысліи, и съ чего началъ, т. е. съ любви, тѣмъ и заканчиваетъ рѣчь, и го-

воритъ: *да еси едино будутъ*, то есть, да имѣютъ миръ и единомысліе, и въ насъ, т. е. по вѣрѣ въ насъ, да сохранятъ полное согласіе. Ибо учениковъ ничто такъ не соблазняетъ, какъ если учители раздѣлились и неединомысленны. Ибо кто захочетъ слушаться тѣхъ, которые сами неединомысленны? Посему говоритъ: *да и тіи едино будутъ* въ вѣрѣ въ насъ, *якоже ты, Отче, во мнѣ и азъ въ тебѣ.* Часница *какъ* опять не означаетъ совершеннаго равенства. Ибо намъ невозможно объединиться другъ съ другомъ такъ, какъ Отецъ съ Сыномъ. Частицу *какъ* должно понимать также, какъ и въ словахъ: „будьте милосерды, какъ Отецъ вашъ" (Лук. 6, 36). *Да міръ вѣру иметъ, яко ты мя послалъ еси.* Единомысліе учениковъ докажетъ, что Я, Учитель, отъ Бога изшелъ. Если же будетъ между ними раздоръ, то (никто) не скажетъ, что они ученики примирителя; а если Я не примиритель, то не признаютъ Меня посланнымъ отъ Тебя. Видишь ли, какъ Онъ до конца утверждаетъ свое единомысліе съ Отцемъ?

И азъ славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже мы едино есмы: Азъ въ нихъ и ты во мнѣ: да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко ты мя послалъ еси. Какую славу далъ Онъ? Славу чудесъ, догматовъ ученія и еще славу единомыслія, *да будутъ едино.* Ибо эта слава больше, чѣмъ слава чудесъ. Какъ мы изумляемся предъ Богомъ, потому что въ Его естествѣ нѣтъ ни возстанія, ни борьбы и это величайшая слава: такъ, говоритъ, и они да будутъ славны тѣмъ же, то есть, едино-

мысліемъ. *Азъ въ нихъ, и ты во мнѣ.* Симъ показываетъ, что апостолы вмѣщали въ себѣ и Отца. Ибо Я, говоритъ, въ нихъ; а Я въ Себѣ имѣю Тебя, слѣдовательно и Ты въ нихъ. Въ другомъ же мѣстѣ говоритъ, что Отецъ и самъ Онъ придутъ и обитель сотворятъ (Іоан. 14, 23). Симъ Онъ заграждаетъ уста Савеллія, и показываетъ два Лица. Симъ же низпровергаетъ неистовство Арія; ибо говоритъ, что Отецъ пребываетъ въ ученикахъ чрезъ Него. *Да разумѣетъ міръ, яко ты мя послалъ еси.* Часто говоритъ объ этомъ, дабы показать, что міръ можетъ привлекать больше, чѣмъ чудо. Ибо какъ вражда разрушаетъ, такъ согласіе скрѣпляетъ.

И возлюбилъ еси ихъ, якоже мене возлюбилъ еси. Отче, ихже далъ еси мнѣ, хощу, да идѣже есмь азъ, и тіи будутъ со мною: да видятъ славу мою, юже далъ еси мнѣ, яко возлюбилъ мя еси прежде сложенія міра. Здѣсь частицу *какъ* опять понимай въ значеніи того, насколько человѣкъ можетъ быть возлюбленъ. Итакъ сказавъ, что они будутъ въ безопасности, что они будутъ святы, что многіе увѣруютъ чрезъ нихъ, что они получатъ великую славу, говоритъ теперь и о наградахъ и вѣнцахъ, предлежащихъ имъ по отшествіи отсюда. *Хощу*, говоритъ, *да идѣже есмь азъ, и тіи будутъ;* и дабы, ты, услышавъ это, не подумалъ, что они получатъ тоже самое достоинство, (какое и Онъ), прибавляетъ: *да видятъ славу мою.* Не сказалъ: да получатъ славу мою, но: *да видятъ*, Ибо для человѣка величайшее наслажденіе—созерцать Сына Божія. И въ этомъ—слава для всѣхъ достойныхъ, какъ и Павелъ говоритъ: „мы же

открытымъ лицемъ взирая на славу Господню“ (2 Кор. 3, 18). Показываетъ же этимъ, что тогда будутъ созерцать Его не такъ, какъ нынѣ они видятъ Его, не въ уничиженномъ видѣ, но въ славѣ, которую Онъ имѣлъ прежде сложенія міра. Имѣлъ же Я, говоритъ, эту славу потому, что Ты возлюбилъ меня. Ибо *возлюбилъ мя еси*—поставлено въ срединѣ. Какъ выше (ст. 5) сказалъ: прославь Меня славою, которую Я имѣлъ прежде бытія міра, такъ и теперь говоритъ, что слава божества дана Ему прежде основанія міра. Ибо истинно Отецъ далъ Ему божество, какъ Отецъ Сыну, по естеству. Такъ какъ Онъ родилъ Его, то, какъ виновникъ бытія, Онъ же необходимо называется виновникомъ и подателемъ славы.

Отче праведный, и міръ тебе не позна, азъ же тя познахъ, и сіи познаша, яко ты мя посланъ еси: И сказахъ имъ имя твое, и скажу: да любы, еюже мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и азъ въ нихъ. Послѣ такой молитвы о вѣрующихъ и обѣщанія имъ столькихъ благъ, высказываетъ, наконецъ, нѣчто милостивое и достойное человѣколюбія Его. Говоритъ: Отче праведный! Я желалъ бы, чтобы и всѣ люди получили такія блага, какихъ Я просилъ для вѣрныхъ, но они не познали Тебя, и потому не получатъ той славы и тѣхъ наградъ. *Азъ же тя познахъ.* Намекаетъ здѣсь и на іудеевъ, которые говорили, что знаютъ Бога, и показываетъ, что они не знаютъ Отца. Ибо міромъ во многихъ мѣстахъ называетъ іудеевъ. Хотя іудеи говорятъ, что Ты не послалъ Меня; но Я симъ ученикамъ моимъ *и сказалъ имя твое, и скажу.* Какъ же скажу? Низ-

пославъ имъ Духа, который наставитъ ихъ на всякую истину. И когда они узнаютъ, кто Ты, тогда любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, будетъ въ нихъ, и Я въ нихъ. Ибо они узнаютъ, что Я не отчужденъ отъ Тебя, но весьма любимъ, что Я истинный Сынъ (твой) и соединенъ (съ Тобою). Узнавши же это, они соблюдутъ вѣру въ Меня и любовь, и наконецъ Я пребуду въ нихъ за то, что они таковы, что Тебя познали и Меня чтутъ какъ Бога. И они вѣру въ Меня сохранятъ непоколебимою.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

О преданіи Іисуса.—Объ іудеяхъ, падшихъ на землю.—О Петрѣ, отсѣкшемъ ухо у раба первосвященникова.—Объ Іисусѣ, водимомъ къ Аннѣ, Каіафѣ и Пилату.

*И сія рекъ Іисусъ, изыде * со ученики своими на* Зач.
онъ полъ потока Кедрска, идѣже бѣ вертоградъ, въ 58.
оньже вниде самъ и ученицы его. Вѣдяше же Іуда предаяй его мѣсто: яко множицею собирашеся Іисусъ ту со ученики своими. Не сказалъ (евангелистъ): Іисусъ помолившись такимъ образомъ, но: *сія рекъ.* Ибо предшествовавшая рѣчь была не молитвою, а бесѣдою, и была для утѣшенія учениковъ.—(Іисусъ) идетъ среди ночи, переходитъ рѣку, и спѣшитъ придти на мѣсто, извѣстное Его предателю, самъ Себя выдаетъ убійцамъ, для того, чтобы показать, что Онъ идетъ на страданіе добровольно, и освобождаетъ іудеевъ отъ труда искать Его. Дабы они не затруднялись перехо-

---

*Во время оно изыде Іисусъ **

дя туда и сюда и отъискивая Его, Онъ самъ идетъ къ нимъ, самъ отдаетъ Себя въ руки ихъ; ибо въ саду они находятъ Его, какъ-бы въ какой-нибудь темницѣ. Чтобы ты не подумалъ, будто (Іисусъ) удалился въ садъ съ цѣлію укрыться, евангелистъ прибавляетъ, что зналъ сіе мѣсто и Іуда. Посему (Іисусъ) отходитъ въ сіе мѣсто скорѣе съ цѣлію открыться, чѣмъ укрыться. Іуда зналъ сіе мѣсто потому, что Іисусъ часто хаживалъ туда. Ибо Господь любилъ уходить въ мѣста пустыя и пристанища спокойныя, особенно когда передавалъ что-нибудь таинственное. Почему Іуда зналъ, что Іисусъ въ настоящее время находится въ саду, и не думалъ найти Его спящимъ въ дому? Онъ зналъ, что Господь много ночей проводилъ внѣ (града и дома), а посему и тогда вышелъ вонъ. И иначе: онъ зналъ, что (Господь) во время праздника особенно имѣетъ обычай учить учениковъ своихъ чему-нибудь высшему. А, какъ мы сказали, Онъ училъ учениковъ своихъ таинственному и въ мѣстахъ таинственныхъ. И какъ тогда былъ праздникъ, то (Іуда) догадывался, что (Іисусъ) находится тамъ и по обычаю разсуждаетъ съ учениками своими относительно праздника.

Іуда убо пріемъ спиру, и отъ архіерей и фарисей слуги, пріиде тамо со свѣтилы и свѣщами и оружіи. Іисусъ же вѣдый вся грядущая нанъ, изшедъ рече имъ: кого ищете? Отвѣщаша ему: Іисуса Назорея. Глагола имъ Іисусъ: азъ есмь. Стояше же Іуда, иже предаяше его, съ ними. Егда же рече имъ: азъ есмь, идоша вспять, и падоша на земли. Уговариваютъ на помощь себѣ отрядъ воиновъ за деньги; ибо воины

таковы, что золотомъ ихъ можно подкупить. Приходитъ ихъ много, потому что боятся послѣдователей Іисуса, привязанныхъ къ Нему ради Его ученія и чудесъ. Несутъ съ собою фонари и свѣтильники, чтобы (Іисусъ), скрывшись во тмѣ, не бѣжалъ отъ нихъ. А Онъ настолько нуждался въ бѣгствѣ, что самъ выходитъ къ нимъ и выдаетъ Себя. (Господь) спрашиваетъ ихъ, не потому, будто имѣетъ нужду знать;—(евангелистъ) говоритъ, что Онъ зналъ все, что̀ съ Нимъ будетъ. А какъ Онъ зналъ, что̀ съ Нимъ будетъ, то спрашиваетъ не по нуждѣ знать, но съ цѣлію показать, что и тогда, какъ Онъ на-лицо, они не видѣли Его, и не узнавали. Онъ спрашиваетъ, какъ другое лице, и Его не узнаютъ по голосу ни прочіе, ни самъ Іуда. А что не узнали Его не по причинѣ темноты, это видно изъ того, что, по сказанію евангелиста, они пришли съ фонарями. Если допустимъ, что не узнали Его и по причинѣ темноты, то по голосу должны были узнать Его. Итакъ (Господь) спрашиваетъ для того, какъ мы сказали, чтобы показать, что ни по виду, ни по голосу не узнали Его. Такъ, значитъ, сила Его была неизреченна, что не могли бы и распять Его, если бы Онъ самъ не предался добровольно. (Господь) не только ослѣпилъ глаза ихъ, но и повергъ ихъ на землю однимъ только вопросомъ своимъ. То, что пришедшіе на Іисуса пали, было знакомъ всеобщаго низпаденія этого народа, которое и постигло его въ послѣдствіи, послѣ смерти Христовой, какъ и Іеремія предсказалъ: „домъ Израиля палъ, и нѣтъ возставляющаго". И такъ падаютъ всѣ тѣ, которые проти-

вятся слову Божію. Садъ, въ которомъ спасеніе наше получило начало, можетъ быть сравненъ съ раемъ. Ибо въ саду мы изпали изъ рая; въ саду, видимъ, начинается спасительное страданіе Христово и исправляетъ всѣ прежнія бѣдствія.

Паки убо вопроси ихъ (Іисусъ): кого ищете? они же рѣша: Іисуса Назорея. Отвѣща Іисусъ: рѣхъ вамъ, яко азъ есмь, аще убо мене ищете, оставите сихъ ити: Да сбудется слово, еже рече: яко ихже далъ еси мнѣ, не погубихъ отъ нихъ никогоже. (Господь) повергъ ихъ на землю для того, чтобы показать и силу свою и то, что Онъ идетъ на страданіе добровольно. Сверхъ сего Онъ устрояетъ и нѣчто другое. Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что іудеи нисколько не согрѣшили, ибо Онъ самъ предался въ руки ихъ, и явился къ нимъ, для того Онъ и показываетъ надъ ними это чудо, и его было достаточно для вразумленія ихъ. Но когда и послѣ этого чуда они остались при своей злобѣ, тогда Онъ отдаетъ Себя въ руки ихъ. Смотри, какъ до послѣдняго часа (Господь) не оставляетъ любви къ ученикамъ. Если, говоритъ, ищете меня; оставьте ихъ, пусть идутъ. Да сбудется слово, сказанное Имъ: „изъ тѣхъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ, Я не погубилъ никого“ (Іоан. 17, 12), Господь говорилъ о погибели душевной, которой не подвергся никто изъ учениковъ Его, а евангелистъ понялъ это и о погибели тѣлесной. Чудно, какъ (воины) не взяли вмѣстѣ съ Нимъ апостоловъ и не умертвили ихъ даже и тогда, когда Петръ раздражилъ ихъ. Очевидно, это совершилось силою Того, кто былъ взятъ ими, и изреченіемъ, ко-

торое Онъ прежде сказалъ, что никто изъ нихъ не погибъ (Іоан. 17, 12). Что ученики остались невредимы по силѣ изреченія Господня, этому научаетъ насъ и евангелистъ, когда говоритъ: „да сбудется слово, сказанное Имъ, что Я не погубилъ никого изъ нихъ". По причинѣ немощи ихъ, поставляетъ ихъ внѣ искушеній. Такъ Онъ устрояетъ и нынѣ съ нами, хотя мы и не сознаемъ. Посему, если найдетъ на тебя искушеніе, вѣруй, что если бы (Господь) не зналъ, что ты можешь побѣдить оное, Онъ не допустилъ бы ему и придти къ тебѣ, какъ тогда къ ученикамъ.

Симонъ же Петръ имый ножъ, извлече его, и удари архіереова раба, и урѣза ему ухо десное, бѣ же имя рабу Малхъ. Рече убо Іисусъ Петрови: вонзи ножъ въ ножницу, чашу юже даде мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити ея? Петръ видѣлъ, что Господь повергъ ихъ на землю; слова Господа: *оставите сихъ ити*, исполнили его смѣлости; и — онъ подумалъ, что время уже отмщать, вынимаетъ мечъ, и ударяетъ раба. Если ты спросишь, зачѣмъ мечъ у того, которому заповѣдано не имѣть ни сумы, ни двухъ одеждъ (Матѳ. 10. 9); то знай, что онъ имѣлъ нужду въ немъ для закланія агнца, несъ его при себѣ и послѣ вечери; или же—что онъ, опасаясь нападенія, еще прежде заготовилъ мечъ на этотъ случай. Если ты недоумѣваешь, какъ тотъ, которому не велѣно ударять въ ланиту (Матѳ. 5, 32), готовъ былъ совершить убійство, то слушай, что (Петръ) въ особенности отмщалъ не за себя самого, а за Учителя. Притомъ же они не были еще вполнѣ совершенны. Ибо въ послѣдствіи,

прошу тебя посмотрѣть (на Петра), онъ крайне страдаетъ, и радуется. А теперь, негодуя на несправедливость къ Учителю, онъ покушается на самую голову, и, не усѣкнувъ ея, по крайней мѣрѣ отсѣкаетъ ухо. Іисусъ прикладываетъ (исцѣляетъ ухо), и этимъ чудомъ снова удерживаетъ безумныхъ іудеевъ отъ рвенія къ убійству. А какъ чудо надъ ухомъ было велико, то евангелистъ замѣчаетъ имя раба, чтобы читающіе, въ случаѣ сомнѣнія, могли разыскать и изслѣдовать, точно ли такъ это было. Господь удерживаетъ Петра, и съ угрозою говоритъ: *вложи мечъ твой въ ножны*. Въ тоже время и утѣшаетъ, говоря: *неужели Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ?* Ибо симъ показываетъ, что страданія зависятъ не отъ силы ихъ, но отъ Его соизволенія, и что Онъ не противникъ Богу, но исполняетъ волю Отца даже до смерти. Назвавъ (страданія) *чашею*, даетъ знать, что смерть для спасенія человѣческаго пріятна и вожделѣнна, Я прошу тебя замѣтить, что отсѣченіе праваго уха у первосвященникова раба было знакомъ непослушанія ихъ. Ибо ослѣпленіе пришло на израиля, чтобы слышащіе не слышали, за нечестіе ихъ противъ Спасителя, которое особенно сильно было въ первосвященникахъ, почему и знакъ—отнятіе уха—былъ на рабѣ первосвященника. Возстановленіе уха указываетъ на будущее возстановленіе разумѣнія израильтянъ, котораго они лишились нынѣ. Ибо Илія придетъ, и приведетъ ихъ ко Христу, и ихъ, отцевъ, соединитъ съ нами, сыновьями, о чемъ пророчествовалъ и Малахія (4, 6).

Спира же и тысящникъ и слуги іудейскія яша Іисуса, и связаша его. И ведоша его ко Аннѣ первѣе: бѣ бо тесть Каіафѣ, иже бѣ архіерей лѣту тому. Бѣ же Каіафа, давый совѣтъ іудеомъ, яко уне есть единому человѣку умрети за люди. Когда Господь сдѣлалъ все, что̀ могло укротить ихъ, а они не уразумѣли, тогда позволилъ имъ вести Себя. Они связываютъ Его и отводятъ къ Аннѣ, съ какимъ-то торжествомъ по сему случаю и похвальбою, какъ будто одержали великую побѣду. (Евангелистъ) напоминаетъ пророчество Каіафы (Іоан. 11, 49—52), для того, чтобы показать, что это совершилось для спасенія міра, и что истина сія столько важна̀, что и самые враги предсказывали объ этомъ, Итакъ, чтобы ты, услышавъ объ узахъ, не смутился, онъ поминаетъ тебѣ пророчество, то есть, что и узы и смерть были спасительны, и посему-то Господь терпѣлъ ихъ.

По Іисусѣ же идяше Симонъ Петръ, и другій ученикъ: ученикъ же той бѣ знаемъ архіереови, и вниде со Іисусомъ во дворъ архіереовъ. Петръ же стояше при дверехъ внѣ, изыде убо ученикъ той, иже бѣ знаемъ архіереови, и рече дверницѣ, и введе Петра. Кто былъ этотъ другой ученикъ? Тотъ самый, который написалъ объ этомъ, но онъ скрываетъ себя по смиренномудрію. Поелику онъ хочетъ выставить совершенство, что онъ послѣдовалъ (за Іисусомъ), тогда какъ прочіе разбѣжались; посему онъ себя скрываетъ, и впереди себя поставляетъ Петра. *По Іисусѣ же*, говоритъ, *идяше Симонъ Петръ*, потомъ прибавляетъ: *и другій ученикъ.* Итакъ по смиренію онъ себя скрываетъ. И если онъ

упомянулъ о себѣ, то упомянулъ для того, чтобы мы знали, что онъ обстоятельнѣе прочихъ расказываетъ о происшествіяхъ во дворѣ (архіерейскомъ), такъ какъ онъ самъ былъ внутри двора. Смотри опять, какъ онъ отстраняетъ отъ себя похвалу. Дабы ты, услышавъ, что Іоаннъ вошелъ съ Іисусомъ, не подумалъ объ немъ что-нибудь великое, онъ говоритъ, что онъ *бѣ знаемъ архіереови*. Я, говоритъ, взошелъ вмѣстѣ съ Нимъ, не потому, будто бы былъ мужественнѣе прочихъ, но потому, что былъ знакомъ первосвященнику. О Петрѣ объявляетъ, что онъ слѣдовалъ (за Іисусомъ) по любви (къ Нему), а остановится внѣ двора потому, что не былъ знакомъ. Что Петрѣ вошелъ бы, если бы ему было позволено, видно изъ того, что когда Іоаннъ вышелъ и велѣлъ привратницѣ ввести его, Петръ тотчасъ вошелъ. Почему же Іоаннъ самъ не ввелъ его, а велѣлъ сдѣлать это женщинѣ? Потому, что крѣпко держался Христа, слѣдовалъ за Нимъ неотступно и не хотѣлъ отлучиться отъ Него.

Глагола же раба дверница Петрови: еда и ты ученикъ еси человѣка сего? глагола онъ: нѣсмь. Стояху же раби и слуги огнь сотворше, яко зима бѣ, и грѣяхуся: бѣ же съ ними Петръ стоя и грѣяся. Женщина спрашиваетъ Петра безъ дерзости, безъ грубости, но очень кротко. Ибо она не сказала: и ты не изъ учениковъ ли этого обманщика, но: *человѣка сего:* а это, скорѣе, были слова сожалѣющей и проникнутой любовію къ человѣку. Сказала: *еда и ты*, потому, что Іоаннъ былъ внутри двора. Женщина эта говорила такъ кротко, а онъ ничего этого не замѣтилъ, опу-

стилъ изъ вниманія и предсказаніе Христа. Такъ слабо само по себѣ человѣческое естество, когда оно оставлено Богомъ. Нѣкоторые, напрасно желая угодить Петру, говорятъ, что Петръ отрекся не потому, что боялся, но потому, что постоянно желалъ быть со Христомъ и слѣдовать за Нимъ; а онъ зналъ, что если объявитъ себя ученикомъ Іисуса, то его отлучатъ отъ Него, и онъ не будетъ имѣть возможности слѣдовать за Нимъ и видѣть возлюбленнаго. Поэтому отрекся, сказавъ, что онъ не ученикъ. Съ этою же мыслію онъ и грѣлся. Ибо для видимости онъ дѣлалъ тоже, что̀ и слуги, какъ одинъ изъ нихъ, дабы не обличили его по измѣненію въ лицѣ, не выгнали изъ среды себя, какъ ученика Христова, и не лишили возможности видѣть Его.

Архіерей же вопроси Іисуса о ученицѣхъ его, и о ученіи его. Отвѣща ему Іисусъ: азъ не обинуяся глаголахъ міру: азъ всегда учахъ на сонмищихъ и въ церкви, идѣже всегда іудее снемлются, и тай не глаголахъ ничесоже. Что мя вопрошаеши? вопроси слышавшихъ, что глаголахъ имъ: се сіи вѣдятъ, яже рѣхъ азъ. Сія же рекшу ему, единъ отъ предстоящихъ слугъ удари въ ланиту Іисуса, рекъ: тако ли отвѣщаваеши архіереови? Отвѣща ему Іисусъ: аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши? Первосвященникъ спрашиваетъ Іисуса объ ученикахъ, можетъ быть, такъ: гдѣ они, кто они, съ какою цѣлію Онъ собралъ ихъ, и какое у Него намѣреніе? онъ хотѣлъ обличить Его, какъ нововводителя какого-нибудь или возмутителя. Спрашиваетъ и объ ученіи: въ

чемъ оно заключается, не разнится ли отъ закона, не противно ли Моисею, дабы и въ ученіи найти поводъ убить Его, какъ богопротивника? Что̀ же Господь? Онъ отвѣчаетъ на подозрѣніе его. Я, говоритъ, *тай не глаголахъ ничесоже.* Ты подозрѣваешь во мнѣ какого-то мятежника, тайно составляющаго какіе-то заговоры; а Я тебѣ говорю, что тайно Я не говорилъ ничего, то есть, ничего возмутительнаго, и, какъ тебѣ думается, ничего новаго не ввожу, и съ хитрымъ и тайнымъ намѣреніемъ Я не говорилъ ничего своего. Если мы будемъ понимать эти слова Господа не въ соотвѣтствіи съ подозрѣніемъ первосвященика, то Онъ представится говорящимъ ложь. Ибо Онъ многое говорилъ тайно, именно то, что̀ превышало понятія простаго народа. *Что мя вопрошаеши? вопроси слышавшихъ..* Это слова не (человѣка) надменнаго, но̀ увѣреннаго въ истинѣ своихъ словъ. Спроси, говоритъ, этихъ враговъ, этихъ ненавистниковъ, этихъ служителей, которые связали Меня. Ибо это самое несомнѣнное доказательство истины, когда кто въ свидѣтели своихъ словъ приводитъ своихъ враговъ. А эти самые служители прежде отзывались такъ: *никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ* (Іоан. 7, 46). И послѣ такого отвѣта Ему не удивляются, но наносятъ ударъ въ ланиту! Что же можетъ быть наглѣе этого? Но Тотъ, кто можетъ все потрясти и уничтожить, не дѣлаетъ ничего такого, но произноситъ слова, которыя могутъ укротить всякое звѣрство. Если, говоритъ, ты можешь порицать сказанное Мною, то докажи, что Я сказалъ худо; если же не можешь, то зачѣмъ бьешь

Меня? Или и такъ. *Аще злѣ глаголахъ*, то есть, если Я училъ худо, когда училъ въ синагогахъ, то приступи теперь, и свидѣтельствуй объ этомъ худомъ ученіи моемъ, и доставь полныя свѣдѣнія первосвященнику, который теперь спрашиваетъ Меня объ ученіи моемъ. Если же Я училъ хорошо, и вы служители дивились Мнѣ, то за что теперь ты бьешь Меня, которому прежде ты удивлялся? Этотъ служитель ударилъ Господа для того, чтобы избавиться отъ великаго преступленія. Такъ какъ Іисусъ предстоящихъ призывалъ въ свидѣтели, говоря: *се сіи вѣдятъ, яже рѣхъ азъ;* то служитель сей, желая отвлечь отъ себя подозрѣніе, что онъ былъ изъ числа дивившихся Іисусу, и ударилъ Его. Христосъ, сказавъ: *тай не глаголахъ ничесоже*, напоминаетъ пророчество, говорящее: „тайно Я ничего не говорилъ, ни въ мѣстѣ земли темной" (Исаіи 45, 19).

Посла же его Анна связаннаго къ Каіафѣ архіереови. Бѣ же Симонъ Петръ стоя и грѣяся: рѣша же ему: еда и ты отъ ученикъ его еси? онъ же отвержеся, и рече: нѣсмь. Глагола единъ отъ рабъ архіереовыхъ, южика сый, емуже Петръ урѣза ухо: не азъ ли тя видѣхъ въ вертоградѣ съ нимъ? Паки убо Петръ отвержеся, и абіе пѣтель возгласи. Такъ какъ не нашли въ Немъ никакой вины, то отводятъ Его къ Каіафѣ, быть можетъ, надѣясь, что онъ, какъ болѣе хитрый, найдетъ что-нибудь противъ Іисуса достойное смерти, или уловивъ Его въ отвѣтѣ, или обличивъ въ какомъ-нибудь поступкѣ. А Петръ, горячій любитель, одержимъ такою безчувственностію, что Учителя повели уже; а онъ еще не двигается съ мѣста и грѣется,

такъ что его опять спрашиваютъ, и онъ отрекается, и не только во второй разъ, не и въ третій. Для чего это всѣ евангелисты согласно написали о Петрѣ? Не для того, чтобы осудить своего соученика, но чтобы насъ научить, сколь худо—не обращаться во всемъ къ Богу, а полагаться на себя. Нужно удивляться и человѣколюбію Владыки. Онъ связанъ; Его водятъ (изъ мѣста въ мѣсто); однакожъ Онъ не оставилъ попеченія объ ученикѣ своемъ, но, обращаясь, взглянулъ на Петра, какъ замѣчаетъ другой евангелистъ (Лук. 22, 16), и этимъ взглядомъ упрекнулъ его въ слабости, и возбудилъ въ немъ раскаяніе и слезы.—Что̀ тогда случилось съ Петромъ, тоже и нынѣ испытываютъ на себѣ многіе изъ насъ, какъ можно видѣть. Сущее въ насъ Слово Божіе связывается и какъ-бы забирается въ плѣнъ, порабощаемое то скорбію, то удовольствіемъ. Ибо мы тѣмъ и другимъ связываемся, и отводимся въ плѣнъ или удовольствіями мірскими, или скорбями, забывая Бога. Тогда слово осуждается, а безсловесіе побѣждаетъ, и рабъ ударяетъ владыку, ибо таково возстаніе страстей. Умъ нашъ, какъ-бы иный Петръ, часто надѣется на себя, что не отречется отъ Слова, посему и стоитъ и грѣется. Стоитъ, потому что не преклоняется, ни смиряется, но одинаково и упорно остается при самоувѣренности. *Грѣется*, потому что самоувѣренностью болитъ отъ горячности и надменія. Но его обличаетъ *раба*, какое-нибудь небольшое и разслабляющее удовольствіе, и онъ тотчасъ отрекается отъ Слова, и подчиняется безсловесію. Или его обличаетъ какое-нибудь скорбное искушеніе, какъ

и тогда Петра обличалъ *рабъ*, и тогда обнаруживается безсиліе его. Но будемъ молиться, чтобы Іисусъ, Слово Божіе, взглянулъ на насъ, и возбудилъ насъ къ покаянію и слезамъ, когда мы выйдемъ изъ двора князя міра сего, этого первосвященника, распинающаго Господа. Ибо, когда мы выйдемъ изъ міра сего, который есть дворъ князя міра, тогда только воспрянемъ для искренняго покаянія, какъ и апостолъ Павелъ говоритъ: „выйдемъ къ Нему за ворота, то есть, міръ сей, нося поруганіе Его“ (Евр. 13, 13).

*Ведоша же * Іисуса отъ Каіафы въ преторъ, бѣ же утро: и тіи не внидоша въ преторъ, да не осквернятся, но да ядятъ пасху. Изыде же Пилатъ къ нимъ вонъ, и рече: кую рѣчь приносите на человѣка сего? Отвѣщаша и рѣша ему: аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали его тебѣ. Рече же имъ Пилатъ: поимите его вы, и по закону вашему судите ему, рѣша же ему іудее: намъ не достоитъ убити никогоже: Да слово Іисусово сбудется, еже рече, назнаменуя, коею смертію хотяте умрети.* Господа водятъ по многимъ судилищамъ, думая, что они обезславятъ Его; а истина, напротивъ, еще болѣе обнаружилась, чрезъ разсмотрѣніе дѣла многими судилищами. Ибо Господь, вышедъ изъ всѣхъ ихъ необвиненнымъ, получилъ силу непререкаемую. Ведутъ Его въ преторію, потому что сами не имѣли власти умерщвлять, такъ какъ они находились подъ владычествомъ римлянъ. При этомъ они боялись, чтобы въ послѣдствіи не подвергнуться суду и наказанію за то, Зач. 59.

Во время оно, ведоша *

что умертвили безъ суда. *Бѣ же утро,* говоритъ для того, чтобы ты зналъ, кто Каіафа допрашивалъ (Господа) въ полночь, ибо Онъ отведенъ былъ къ Каіафѣ прежде, чѣмъ пѣтухъ пропѣлъ. О чемъ онъ спрашивалъ (Господа),—этотъ евангелистъ умолчалъ, а другіе сказали. Когда ночь прошла въ этихъ допросахъ, наутро отводятъ Его къ Пилату. *И тіи не внидоша въ преторъ, да не осквернятся.* Какое безуміе! когда убиваютъ несправедливо; не думаютъ, что они оскверняются. А войти въ судилище считаютъ для себя оскверненіемъ! *Да ядятъ пасху.* Господь совершилъ ее въ первый день опрѣсночный (Мар. 14, 12). Посему мы подъ пасхою должны разумѣть или весь семидневный праздникъ или понимать такъ, что они на этотъ разъ должны были ѣсть пасху вечеромъ въ пятницу. Онъ совершилъ ее однимъ днемъ ранѣе, чтобы закланіе самого Себя соблюсти на пятницу, когда совершалась и ветхозавѣтная пасха. Пилатъ поступаетъ нѣсколько справедливѣе. Онъ самъ выходитъ. И хотя увидѣлъ Господа связаннымъ, однако не сочелъ этого достаточнымъ для обвиненія Христа, но спрашиваетъ, за что̀ Онъ связанъ. А они, не имѣя ничего сказать, говорятъ: *аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали его тебѣ.* Видишь ли, какъ они вездѣ уклоняются отъ доказательствъ. Анна спросилъ, и, не нашедъ ничего, отослалъ къ Каіафѣ. Этотъ, посудивъ нѣсколько, отсылаетъ къ Пилату. Потомъ, Пилатъ опять спрашиваетъ: *кую вину приносите на человѣка сего?* Они и тутъ ничего не могутъ сказать. Поелику же они никакого обвиненія не выставляютъ, онъ говоритъ: *поими-*

те его вы. Такъ какъ вы присвоиваете судъ самимъ себѣ, и хвалитесь, что никогда не поступили бы несправедливо (ибо говорятъ: если бы Онъ не былъ злодѣй, то мы не предали бы Его тебѣ), то возмите Его сами, и судите. Если же вы привели Его ко мнѣ, и дѣлу Его придаете видъ суда (законную форму), то необходимо высказать, въ чемъ этотъ человѣкъ виноватъ. Итакъ судите Его вы, ибо я не могу быть такимъ судьею; если законъ вашъ наказываетъ безъ вины, то судите сами. На это они говорятъ: *намъ не достоитъ убити никогоже.* Говорятъ это, зная, что римляне мятежниковъ осуждаютъ на распятіе. Дабы Господь былъ распятъ, и смерть Его была позорнѣе, и разгласили Его проклятымъ, для этого они притворно говорятъ, что имъ не позволено никого убивать. А какъ Стефана побивали камнями? Но я сказалъ, что они говорятъ такъ потому, что желаютъ, чтобы Господь былъ распятъ. Они какъ-бы такъ сказали: намъ не позволено никого умерщвлять на крестѣ, но намъ желательно, чтобы этотъ былъ распятъ. *Да сбудется слово Іисусово* о своей смерти, именно, или то, что Онъ будетъ распятъ (Іоан. 3, 14), или что Онъ будетъ умерщвленъ не іудеями, а язычниками (Мар. 10, 33). Итакъ, когда іудеи сказали, что имъ не позволено убивать, тогда берутъ Его, уже язычники, и по обычаю своему распинаютъ на крестѣ, и такимъ образомъ слово Іисусово сбывается въ томъ и другомъ отношеніи, въ томъ, что Онъ преданъ язычникамъ, и въ томъ, что Онъ распятъ.

Вниде убо паки Пилатъ въ преторъ, и пригласи Іисуса, и рече ему: ты ли еси царь іудейскъ? Отвѣща ему Іисусъ: о себѣ ли ты сіе глаголеши, или иніи тебѣ рекоша о мнѣ? Отвѣща Пилатъ: еда азъ жидовинъ есмь? родъ твой и архіерее предаша тя мнѣ: что еси сотворилъ? Отвѣща Іисусъ: царство мое нѣсть отъ міра сего: аще отъ міра сего было бы царство мое, слуги мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ іудеомъ: нынѣ же царство мое нѣсть отсюду. Пилатъ призвалъ Іисуса на-единѣ. Поелику объ Немъ было высокое мнѣніе, то онъ хотѣлъ точнѣе все узнать, вдали отъ смятенія іудейскаго. Итакъ спрашиваетъ Его, царь ли онъ? Что̀ говорили всѣ, то̀ онъ и выставляетъ на видъ. А Христосъ его спрашиваетъ, самъ ли отъ себя онъ говоритъ это, или отъ другихъ, не потому, что не знаетъ, но потому, что желаетъ обнаружить злой умыселъ іудеевъ, такъ чтобы и Пилатъ обвинилъ ихъ. Посему и Пилатъ правильно отвѣчаетъ, что Его предатели іудеи, и вину отводитъ отъ себя. И иначе. Господь спрашиваетъ Пилата, самъ ли отъ себя онъ спрашиваетъ это, или по внушенію другихъ; и тѣмъ обличаетъ его въ неразуміи и несправедливомъ судѣ. Онъ какъ-бы такъ говоритъ Пилату: если ты говоришь это самъ отъ себя, то укажи признаки моего возстанія; если же тебѣ донесли другіе, то произведи точное изслѣдованіе. (Пилатъ) не говоритъ, что онъ слышалъ отъ другихъ, но просто ссылается на мнѣніе народа, и говоритъ: *предаша тя мнѣ. Что еси сотворилъ?* Это, кажется, слова какъ-бы огорченнаго и ожесточеннаго. Ибо говоритъ:

что Ты сдѣлалъ? Господь отвѣчаетъ: *царство мое нѣсть отъ міра сего*, и такимъ отвѣтомъ совершаетъ два дѣла: во-первыхъ, возводитъ Пилата къ познанію, что Онъ не простой человѣкъ, и не изъ числа земныхъ существъ, но Богъ и Сынъ Божій; во-вторыхъ, уничтожаетъ подозрѣніе въ похищеніи верховной власти. *Царство мое нѣсть отъ міра сего:* посему не бойся Меня, якобы тиранна и мятежника. Ибо *аще отъ міра сего было бы царство мое, слуги мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ.* Здѣсь же показываетъ и слабость нашего (земнаго) царства, ибо оно имѣетъ силу въ слугахъ, а царство вышнее сильно само въ себѣ, и ни въ комъ не нуждается. А манихеи въ этихъ словахъ находятъ предлогъ говорить, что міръ сей чуждъ благаго Бога. Ибо, говорятъ, Сынъ Божій говоритъ, что *царство мое нѣсть отсюду.* Но, о безумные, вы прежде вникнете въ это изреченіе. Онъ сказалъ: *царство мое нѣсть отъ міра сего*, и опять: *нѣсть атсюду*, но не сказалъ: оно не въ мірѣ семъ, и: не здѣсь. Онъ царствуетъ въ мірѣ семъ, промышляетъ о немъ, и по своему хотѣнію всѣмъ управляетъ. Но царство Его *нѣсть отъ міра сего*, а свыше и прежде вѣковъ, *и нѣсть отсюду*, то есть, не отъ земли состоялось, хотя здѣсь имѣетъ силу и пребываетъ, но не отсюда, и не состоитъ изъ дольняго, и не падаетъ. Потомъ, какъ нужно было бы понимать эти слова: *во своя пріиде* (Іоан. 1, 11), если бы міръ сей не былъ Ему свой?

Рече же ему Пилатъ: убо царь ли еси ты? отвѣща Іисусъ: ты глаголеши, яко царь есмь азъ. азъ

на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину. и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего. Глагола ему Пилатъ: что есть истина? и сіе рекъ, паки изыде ко іудеомъ, и глагола имъ: азъ ни единыя вины обрѣтаю въ немъ. Есть же обычай вамъ, да единаго отпущу вамъ на пасху: хощете ли убо, да отпущу вамъ царя іудейска? Когда Пилатъ спросилъ Господа, царь ли Онъ, Онъ отвѣчалъ: *азъ на сіе родихся*, то есть, чтобы быть Царемъ. Я имѣю это по существу и по рожденію отъ Отца. Ибо то самое, что Я родился отъ Царя, свидѣтельствуетъ, что Я—Царь. Посему, когда слышишь, что Отецъ далъ Сыну жизнь, и судъ, и все прочее (Іоан. 5, 22. 26), то слово *далъ* понимай вмѣсто *родилъ* Его, такъ, что Онъ имѣетъ жизнь, и судитъ, и все это приходитъ отъ Отца къ Сыну по естеству. *На сіе азъ пріидохъ въ міръ* сей, чтобы сказать это, и научить, и убѣдить всѣхъ въ томъ, что Я—Царь, Владыка и Господь. Желая этимъ привлечь (вниманіе) Пилата, и склонить къ выслушанію своихъ словъ, говоритъ: *всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего.* Посему и ты, Пилатъ, если ты чадо истины, и любишь ее, послушаешь моего гласа, и повѣришь, что Я—Царь, но не такой, каковы цари міра сего, имѣю власть не пріобрѣтенную, а природную, присущую Мнѣ по самому рожденію отъ Бога и Царя. Дѣлаетъ здѣсь намекъ и на то, что іудеи не суть отъ истины, потому что не хотятъ слушать гласа Его; если же они не отъ истины, то, безъ сомнѣнія, вымыслили на Него все ложно, и Онъ истинно неповиненъ смерти. Этими немногими словами Онъ такъ плѣнилъ Пилата,

что Пилатъ спросилъ объ истинѣ, что она такое. Ибо она почти исчезла между людьми, и никто не зналъ ее, а всѣ были уже въ невѣріи. Но поелику этотъ вопросъ требовалъ особаго времени для разрѣшенія, а теперь нужно было избавить Іисуса отъ неистовства іудеевъ, то (Пилатъ) выходитъ къ нимъ и говоритъ: *азъ не единыя вины обрѣтаю въ немъ,* и говоритъ это разумно. Ибо не сказалъ: хотя Онъ погрѣшилъ и достоинъ смерти, но для праздника простите Ему; но сначала объявилъ Его свободнымъ отъ всякой вины, а потомъ уже предлагаетъ имъ и объ отпускѣ Его. Посему, если Іисусъ будетъ отпущенъ, то имъ Онъ не обязанъ нисколько; ибо они отпустили невиннаго. Если осудятъ Его, этимъ докажется злоба ихъ, потому что осудили невиннаго. Смотри: и названіе *царя іудейскаго* имѣетъ нѣкоторый свой смыслъ. Пилатъ этимъ, очевидно, высказываетъ то, что Іисусъ нисколько не виноватъ, но что они напрасно обвиняютъ Его, будто Онъ домогается царства. Ибо того, кто выдаетъ самъ себя за царя, и возстаетъ противу владычества римлянъ, правитель римскій не отпустилъ бы. Посему, сказавъ: *отпущу царя іудейскаго,* Пилатъ объявляетъ Іисуса рѣшительно невиннымъ, и насмѣхается надъ іудеями, говоря какъ-бы такъ: на кого вы клевещете, что Онъ выдаетъ Себя за царя, кого вы называете бунтовщикомъ и мятежникомъ, Того я признаю нужнымъ отпустить, очевидно, потому, что Онъ не таковъ. Нѣкоторые въ словахъ: *азъ на сіе родихся* — разумѣли указаніе не на предвѣчное рожденіе отъ Отца, а на рожденіе въ послѣднее время отъ Дѣвы. Я для того

содѣлался человѣкомъ и родился отъ Маріи, чтобы погубить ложь и діавола, и доказать, что божеское естество царствуетъ надъ всѣмъ. Итакъ истина состоитъ въ томъ, чтобы познавали Меня, и чрезъ это познаніе спасались. Я для того пришелъ, чтобы сообщить (людямъ) истинное познаніе о Богѣ, и даровать (имъ) спасеніе. Достойно изслѣдованія то, по какому поводу возникъ у іудеевъ обычай отпускать (ради пасхи) одного узника. На это можно, во-первыхъ, сказать то, что учащіе ученіямъ, заповѣдямъ человѣческимъ (Мар. 7, 7), весьма много вводили отъ своего мудрованія, но не соблюдали заповѣдей Божіихъ. Такъ и это ввели безъ разумнаго основанія, между тѣмъ какъ въ прочихъ случаяхъ оставляли обряды, предписанные закономъ. Потомъ, можно сказать, что и въ Писаніи находится похожее законоположеніе, съ котораго они могли взять поводъ ко введенію въ обычай такихъ отпусковъ лицъ осужденныхъ. Ибо о невольномъ убійствѣ написано: „если кто-нибудь не по враждѣ и безъ особеннаго намѣренія причинитъ зло ближнему, броситъ сосудъ или камень, а упавшая вещь поразитъ проходящаго, и человѣкъ этотъ умретъ; то такой убійца—невольный, разсудитъ же объ этомъ вся синагога (собраніе), и освободятъ его отъ смерти, ибо онъ убилъ не злонамѣренно; но помѣстятъ его во градъ убѣжища, то есть, накажутъ изгнаніемъ“. Отсюда, быть можетъ, какъ мы догадываемся, взяли они поводъ и ввели такой обычай, чтобы отпускать одного изъ осужденныхъ за убійственное намѣреніе. Законъ предписываетъ это дѣло вести синагогѣ іудейской; но какъ

іудеи были во власти римлянъ, то и право отпущать (узниковъ) они предоставляли начальникамъ римскимъ, какъ теперь Пилату.

Возопиша же паки вси, глаголюще: не сего, но Варавву. бѣ же Варавва разбойникъ.

(Сей стихъ у блаж. Өеофилакта отнесенъ къ слѣдующей, 19 главѣ, и составляетъ ея начало).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О бичеваніи Христа.—О распятіи Христа.—О стоящихъ при крестѣ.—Объ испрошеніи тѣла Господня; о погребеніи Его.

*Тогда убо Пилатъ поятъ Іисуса, и би его. И воини сплетше вѣнецъ отъ тернія, возложиша ему на главу, и въ ризу багряну облекоша его, и глаголаху: радуйся царю іудейскій: и біяху его по ланитома. Изыде убо паки вонъ Пилатъ, и глагола имъ: се изведу его вамъ вонъ, да разумѣете, яко въ немъ ни единыя вины обрѣтаю. Изыде же вонъ Іисусъ, нося терновенъ вѣнецъ и багряну ризу. и глагола имъ: се человѣкъ. Егда же видѣша его архіерее и слуги, возопиша, глаголюще: Распни, распни его. * глагола имъ* Зач.
Пилатъ: поимите его вы, и распните: азъ бо не обрѣ- 60.
таю въ немъ вины. Отвѣщаша ему іудее: мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети, яко себе Сына Божія сотвори. Смотри, въ какихъ размѣрахъ выказывается злоба іудеевъ. Варавву, из-

---

*Во время оно, совѣтъ сотвориша архіерее и старцы на Іисуса, яко да убіютъ его, и приведоша его къ Пилату, глаголюще: возми, возми, распни его. **

вѣстнаго разбойника, выпрашиваютъ на свободу, а Господа предаютъ. Пилатъ бичуетъ Его, желая по крайней мѣрѣ этимъ утишить и укротить ярость ихъ. Поелику словами не могъ освободить Его (изъ рукъ ихъ), то бичуетъ, надѣясь этимъ ограничить неистовство ихъ; позволяетъ надѣть на Него хламиду и возложить вѣнецъ, также съ цѣлію утолить гнѣвъ ихъ. Но воины дѣлаютъ все изъ угожденія іудеямъ. Они слышали, какъ Пилатъ говорилъ: я отпущу царя іудейскаго; посему насмѣхаются надъ Нимъ, какъ надъ царемъ. Ибо не по приказанію же Пилата дѣлали это и тѣ, которые ночью пошли на Іисуса, безъ вѣдома правителя, но въ угожденіе іудеямъ, изъ-за денегъ. Пилатъ слабодушенъ и немстителенъ въ отношеніи къ іудеямъ. Онъ выводитъ Іисуса, еще разъ желая погасить ярость ихъ. Но они и этимъ не укротились, а кричатъ: *распни, распни его.* Пилатъ же видя, что все (дѣлаемое имъ) остается напраснымъ, говоритъ: *поимите его вы, и распните. Азъ не обрѣтаю въ немъ вины.* Говоритъ же это, побуждая ихъ къ дѣлу, имъ не позволенному, для того, чтобы Іисусъ былъ отпущенъ. Я, говоритъ, имѣющій власть распять, не нахожу никакой вины; а вы, не имѣющіе власти распинать, говорите, что Онъ виновенъ. Итакъ возмите Его, и распните. Но вы не имѣете власти. Итакъ человѣкъ сей долженъ быть отпущенъ. Такова цѣль Пилата. Онъ милостивѣе, однакожъ ненастойчивъ за истину. А они, бывъ посрамлены этимъ, говорятъ: *по закону нашему долженъ есть умрети, яко себе Сына Божія сотвори.* Смотри, какъ злоба несогласна сама съ со-

бою. Прежде Пилатъ говорилъ имъ: возмите Его вы, и по закону вашему судите; они на это не согласились. Теперь же говорятъ, что Онъ по закону нашему долженъ умереть. Прежде они обвиняли Его въ томъ, что выдаетъ Себя за царя; а теперь, когда эта ложь изобличена, обвиняютъ Его въ томъ, что Онъ выдаетъ Себя за Сына Божія. И въ чемъ тутъ вина? Если Онъ творитъ дѣла Божіи, то что препятствуетъ Ему быть Сыномъ Божіимъ? Смотри на божественное домостроительство: Они предавали Господа многимъ судилищамъ, чтобы опорочить Его, и помрачить славу Его; но это безчестіе обращается на главу ихъ, ибо при точнѣйшемъ изслѣдованіи дѣла невинность Его еще болѣе доказана. Сколько разъ даже Пилатъ объявлялъ, что онъ не находитъ въ Немъ ничего достойнаго смерти.

Егда убо слыша Пилатъ сіе слово, паче убояся. И вниде въ преторъ паки, и глагола Іисусови: откуду еси ты? Іисусъ же отвѣта не даде ему. Глагола же ему Пилатъ: мнѣ ли не глаголеши? не вѣси ли, яко власть имамъ распяти тя, и власть имамъ пустити тя? Отвѣща Іисусъ: не имаши власти ни единыя на мнѣ, аще не бы ти дано свыше. сего ради предавый мя тебѣ болій грѣхъ имать. Пилатъ, услышавъ одно только слово, что Онъ есть Сынъ Божій, убоялся. А они видѣли божескія дѣла Его, однако умерщвляютъ Его за то самое, за что нужно было покланяться Ему. Спрашиваетъ Его не такъ, какъ прежде: *что еси сотворилъ,* но: кто Ты. Тогда обвиняли Его, какъ царя: потому естественно и спрашивалъ: что Ты сдѣлалъ?

А теперь, когда клевещутъ, что Онъ самъ Себя выдаетъ за Сына Божія, спрашиваетъ: *откуду еси ты?* Іисусъ молчитъ; ибо Онъ объявлялъ уже Пилату: *азъ на сіе родился, и царство мое нѣсть отсюду;* однакожъ Пилатъ нисколько не воспользовался этимъ, и не сталъ за истину, но уступилъ требованію народа. Посему Господь, презирая вопросы его, какъ предлагаемые напрасно, не отвѣчаетъ ничего. Оказывается, что Пилатъ нисколько не имѣетъ твердости, но всякая случайная опасность можетъ поколебать его. Онъ боялся іудеевъ; трепеталъ и Іисуса, какъ Сына Божія. Посмотримъ же, какъ онъ самъ себя осуждаетъ своими словами: *власть имамъ распяти тя, и власть имамъ пустити тя.* Если все зависѣло отъ тебя; почему же ты не отпустилъ того, кого нашелъ невиннымъ? Господь, низлагая его высокомѣріе, говоритъ: ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было тебѣ дано свыше. Ибо Я не просто такъ умираю, но совершаю нѣчто таинственное, и это свыше предопредѣлено для общаго спасенія. А чтобы ты, услышавъ: *дано свыше,* не подумалъ, что Пилатъ не подлежитъ отвѣтственности предъ Богомъ, прибавляетъ: *предавый мя тебѣ болій грѣхъ имать.* Этимъ показываетъ, что и Пилатъ повиненъ въ грѣхѣ, хотя и меньшемъ. Ибо отъ того, что умереть Христу *дано свыше,* то есть, допущено, Пилатъ и іудеи не становятся уже невинными, но свободная воля ихъ выбрала злое, а Богъ попустилъ и дозволилъ имъ привесть это въ дѣло. Итакъ отъ того, что Богъ попущаетъ злобѣ приходить въ дѣло, злые несвободны отъ вины, но

за то, что они избираютъ и совершаютъ злое, они достойны всякаго осужденія.

Отъ сего искаше Пилатъ пустити его. Іудее же вопіяху, глаголюще: аще сего пустиши, нѣси другъ кесаревъ: всякъ, иже царя себе творитъ, противится кесарю. Пилатъ убо слышавъ сіе слово, изведе вонъ Іисуса, и сѣде на судищи, на мѣстѣ глаголемѣмъ Лиѳостротонъ, еврейски же Гаввава. Бѣ же пятокъ пасцѣ, часъ же яко шестый. Господь устрашилъ Пилата этими словами, и представилъ ясное о Себѣ оправданіе: если бы Я не предалъ самъ Себя добровольно, и если бы Отецъ не допустилъ сего, то ты не имѣлъ бы власти надо Мною; грѣхъ и на тебѣ, а еще большій на предавшемъ Меня, Іудѣ, или и народѣ, потому что онъ приложилъ къ болѣзни ранъ моихъ болѣзнь новую, и не вспомнилъ долга сотворить милость, но, нашедъ Меня безотвѣтнымъ и безпомощнымъ, предалъ, на крестъ; не постыдился даже и того, что Я изъ столь многихъ судилищъ вышелъ невиннымъ, но кричалъ: *распни, распни.* Итакъ, когда Господь этими словами устрашилъ Пилата, онъ съ сего времени еще болѣе искалъ отпустить Его. Іудеи же, поелику уличены были въ клеветѣ, что Онъ самъ Себя выдаетъ за царя, не успѣли и въ томъ, что сослались на свой законъ (ибо Пилатъ съ этого времени еще болѣе убоялся, и пожелалъ отпустить Его, чтобы не раздражить Бога), опять прибѣгаютъ къ чужимъ законамъ, и Пилата, какъ боязливаго, устрашаютъ. Ибо какъ увидѣли, что Онъ съ благоговѣніемъ опасается, какъ бы, осуждая Іисуса, Сына Божія, не согрѣшить, они наводятъ на него

страхъ отъ кесаря, и оговоривши Господа въ похищеніи царской власти, угрожаютъ Пилату, что онъ оскорбитъ кесаря, если отпуститъ возстающаго противъ него. И гдѣ Онъ пойманъ въ похищеніи царской власти? чѣмъ вы это докажите? порфирою? діадемою? воинами? Но не все ли у Него бѣдно? и одежда, и пища, и домъ? Дома даже и нѣтъ. Но какъ мало мужества въ Пилатѣ, когда онъ счелъ опаснымъ для себя оставить такое обвиненіе безъ изслѣдованія! Онъ выходитъ, какъ-бы съ намѣреніемъ изслѣдовать дѣло; ибо это означаютъ слова: *сѣде на судищи*; между тѣмъ, не сдѣлавъ никакого изслѣдованія, предастъ Его, думая тѣмъ преклонить ихъ.—Евангелистъ Маркъ говоритъ, что, когда Христа распяли, былъ часъ третій (Марк. 15, 25); а Іоаннъ говоритъ, что тогда былъ часъ *яко шестый*. Какъ же это? Нѣкоторые думаютъ разрѣшить это тѣмъ, что тутъ ошибка писца. Ибо третій часъ означается буквою гаммою, и начертаніе ея такое *Г*, а шестый означается такъ называемымъ *ἐπίσημον*, и начертаніе его такое ϛ. Итакъ вѣроятно, что отъ невниманія переписчиковъ прямая буква *Г* удлинена и искривлена, и буква эта получила начертаніе еписимона, и такимъ образомъ произошла ошибка. А что это могло случиться, и что и у Іоанна написанъ былъ третій часъ, а не шестый, какъ теперь, — это видно изъ слѣдующаго. Три евангелиста, Матѳей, Маркъ и Лука, согласно говорятъ, что отъ часа шестаго настала тма по всей землѣ до часа девятаго. Очевидно, Господь нашъ былъ распятъ прежде шестаго часа, до наступленія тмы, именно около

третьяго часа, какъ замѣтилъ Маркъ, а равно и Іоаннъ, хотя ошибка писцовъ гамму перемѣнила въ начертаніе еписимона. Такъ разрѣшаютъ это несогласіе. Другіе же говорятъ, что Маркъ ясно и несомнѣнно означилъ часъ приговора о распятіи Господа. Ибо говорится, что судіи распяли и казнили, съ того времени, въ которое они произнесли приговоръ, потому что на словахъ онъ получилъ силу наказанія и смерти. Посему Маркъ говоритъ, что Онъ распятъ въ третій часъ, въ тотъ, въ который Пилатъ произнесъ приговоръ. А какъ Маркъ замѣчаетъ время приговора, то Іоаннъ записалъ часъ, въ который распяли Господа. Притомъ, смотри, сколь многое совершено между приговоромъ Пилата о распятіи и тѣмъ часомъ, въ который Господь восшелъ на крестъ. Отпустивъ Варавву, онъ бичевалъ Іисуса, и рѣшительно предалъ Его на распятіе; ибо отпущеніе Вараввы было осужденіемъ Господа. Воины насмѣхаются. И смотри, сколько времени пошло бы на продолжительное осмѣяніе. Пилатъ вывелъ Его, бесѣдовалъ съ іудеями; опять входитъ и судитъ Іисуса; опять выходитъ и разговариваетъ съ іудеями. Все это могло занять время отъ третьяго часа до шестаго. Посему Іоаннъ, съ точностію изложившій это, какъ слѣдившій за всѣмъ, упоминаетъ о шестомъ часѣ, когда (Пилатъ) предалъ совершенно, *да распнется*, уже не бесѣдуя съ іудеями, ни обсуждая Іисуса, но произнесши окончательное рѣшеніе объ Немъ. Если кто скажетъ: для чего, еще около третьяго часа произнесши приговоръ о распятіи, опять хотѣлъ отпустить Его? Во-первыхъ, пусть знаетъ таковый, что, принужденный толпою, онъ

произнесъ приговоръ; потомъ смущенъ былъ сномъ жены; ибо она предостергала его: „не дѣлай ничего сему праведнику“ (Матѳ. 27, 19). При всемъ этомъ замѣть, какъ выразился Іоаннъ: былъ часъ *яко шестый*. Не сказалъ утвердительно: часъ былъ шестый, но какъ-бы нерѣшительно и не съ увѣренностію: *яко шестый*. Посему нисколько не должно быть важно для васъ, что евангелисты, повидимому, не совершенно согласны другъ съ другомъ, если даже допустимъ это разногласіе. Ибо смотри, не всѣ ли они сказали, что Іисусъ былъ распятъ; а что о часѣ говорятъ — одинъ, что это былъ третій а другой—яко шестый, то вредитъ ли это сколько-нибудь истинѣ? Но весьма достаточно доказано, что разногласія даже и нѣтъ.

И глагола іудеомъ: се царь вашъ: Они же вопіяху: возми возми, распни его. глагола имъ Пилатъ: царя ли вашего распну? отвѣщаша архіерее: не имамы царя токмо кесаря. Тогда убо предаде его имъ, да распнется. поемше же Іисуса и ведоша: И нося крестъ свой, изыде на глаголемое лобное мѣсто, еже глаголется еврейски Голгоѳа. Идѣже пропяша его, и съ нимъ ина два сюду и сюду, посредѣже же Іисуса. Мы много разъ говорили, что Пилатъ болѣе слабъ и боязливъ, чѣмъ злостенъ. Вотъ, и теперь смотри: дѣлу онъ придаетъ видъ изслѣдованія и суда, а во всемъ дѣйствуетъ слабо. *Се*, говоритъ, *царь вашъ*: ни Іисуса не осуждаетъ, ни іудеевъ прямо не обличаетъ, но какъ-бы прикровенно упрекаетъ ихъ въ клеветѣ. Вотъ, говоритъ, какого человѣка вы оговариваете въ домогательствѣ царства надъ вами, человѣка бѣднаго и не дума-

ющаго искать этого. Обвиненіе—ложное. Ибо, что у Него свойственнаго похитителю царской власти? воины? богатство? благородство? *се царь вашъ.* Что пользы, если вы убьете Его, человѣка, который не можетъ причинить ни малѣйшаго вреда? Такъ говоритъ Пилатъ, но безъ настойчивости и твердости, и безъ борьбы за истину. А они говорятъ: *возми, возми, распни:* вынуждаютъ и требуютъ креста, потому что желаютъ придать Христу дурную славу. Ибо такая смерть была самою позорною и проклятою, какъ сказано: „проклятъ всякій висящій на древѣ" (Второз. 21, 23). А не знали они, что какъ древомъ (было) паденіе, такъ древомъ (будетъ) исправленіе. Примѣчай и то, какъ они сами заявляютъ, что у нихъ нѣтъ иного царя, кромѣ кесаря, и чрезъ то добровольно сами подчиняются власти римлянъ и отторгаются отъ царства Божія. Посему и Богъ предалъ ихъ римлянамъ, которыхъ они сами назвали царями, отрекшись отъ промышленія и покровительства Божія. *Тогда убо предаде его имъ.* Безумный! надлежало бы изслѣдовать, могъ ли Онъ дѣйствительно присвоить себѣ царскую власть; а ты предаешь Его, уступаешь по страху, и заканчиваешь судъ образомъ, недостойнымъ мужа. — *Нося крестъ свой изыде.* Такъ какъ одно прикосненіе къ (крестному) древу считали дѣломъ безчестнымъ: то на Него, какъ уже осужденнаго и проклятаго, и возлагаютъ проклятое древо. Примѣчай и то, что это совершается согласно съ ветхозавѣтнымъ прообразомъ. Какъ тамъ Исаакъ, нося дрова, шелъ на закланіе: такъ и здѣсь Господь идетъ, неся крестъ, и, какъ-бы воинъ

какой, несетъ оружіе, коимъ низпровергаетъ своего противника. Что Исаакъ служилъ образомъ Господа, это ясно. Исаакъ значитъ смѣхъ или радость. Кто же иной содѣлался нашею радостію, какъ не Тотъ, кто чрезъ ангела при самомъ зачатіи подалъ естеству человѣческому радость? Ибо благовѣстіе, которое услышала Дѣва, приняло все естество (человѣческое). Отецъ Исаака Авраамъ значитъ отецъ многихъ народовъ, и есть образъ Бога всѣхъ, который есть Отецъ іудеевъ и язычниковъ, по благоволенію и опредѣленію котораго Сынъ Его несетъ крестъ. Только въ ветхомъ завѣтѣ дѣло ограничивалось произволеніемъ отца, такъ какъ то было прообразованіемъ; а здѣсь исполнилось на самомъ дѣлѣ, потому что это была истина. Можетъ было (и еще сходство). Какъ тамъ Исаакъ былъ отпущенъ, а закланъ агнецъ, такъ и здѣсь божеское естество пребыло безстрастно, а заклано человѣческое естество, которое и называется агнцемъ, какъ рожденіе заблудшей овцы—Адама. Какъ же другой евангелистъ (Марк. 15, 21) говоритъ, что нести крестъ заставили Симона? Было то и другое. Въ началѣ Господь пошелъ, самъ неся крестъ, такъ какъ этимъ древомъ всѣ гнушались, и не позволяли себѣ даже прикоснуться къ нему. А когда вышли, встрѣтили Симона, идущаго съ поля, и тогда древо это возложили на него. — Мѣсто сіе назвали *лобное мѣсто*, ибо хранилась молва, что тутъ погребенъ Адамъ; дабы, гдѣ было начало смерти, тамже совершилось и упраздненіе ея. Ибо есть преданіе церковное, что, по изгнаніи человѣка изъ рая, первымъ жилищемъ его была Іудея, данная ему въ утѣшеніе

послѣ райскаго блаженства, какъ страна лучшая и обильнѣйшая всѣхъ прочихъ. Она-то первая приняла и мертваго человѣка. Люди того времени, удивленные мертвымъ лбомъ, сняли съ него кожу и зарыли его тутъ и отъ него дали названіе сему мѣсту. А послѣ потопа Ной передалъ всѣмъ сказаніе объ этомъ. Посему и Господь принимаетъ смерть тамъ, гдѣ источникъ смерти, дабы изсушить оный. Распинаютъ съ Нимъ и двухъ другихъ. Іудеи желали этимъ пустить дурную молву, будто и Онъ разбойникъ. Между тѣмъ невольно исполняютъ этимъ пророчество, которое говоритъ: *и со беззаконными вмѣнися* (Иса. 53, 12). Примѣчай же премудрость Божію, какъ она обратила къ славѣ Господа то, что̀ они дѣлали къ безчестію Его. Ибо Онъ на самомъ крестѣ спасъ разбойника, что̀ не менѣе чудно, и еще болѣе доказываетъ божество Его. Ибо прославился одинъ только Онъ, хотя вмѣстѣ съ Нимъ распяты были и другіе. Этого не сдѣлалось бы, если бы Онъ былъ виновенъ и нарушитель закона, но не былъ самъ выше закона и Судіею беззаконнымъ.

Написа же и титла Пилатъ, и положи на крестѣ: бѣ же написано: Іисусъ Назорянинъ Царь Іудейскій. Сего же титла мнози чтоша отъ іудей, яко близъ бѣ мѣсто града, идѣже пропята Іисуса: и бѣ написано еврейски, гречески, римски. Глаголаху убо Пилату архіерее іудейстіи: не пиши царь іудейскій: но яко самъ рече: царь есмь іудейскій. Отвѣща Пилатъ: еже писахъ, писахъ. Пилатъ пишетъ титло на крестѣ, то есть, вину, надпись, объявленіе, ибо это значитъ τίτλος. Въ надписи обозначалось, чей крестъ.

Итакъ (Пилатъ) дѣлаетъ эту надпись, съ одной стороны, для того, чтобы отмстить іудеямъ за то, что они не послушались его, и показать злобу ихъ, по которой они востали противъ своего собственнаго царя, а съ другой—для того, чтобы защитить славу Христа. Они распяли Его съ разбойниками, желая обезчестить имя Его. Пилатъ объявляетъ, что Онъ былъ не разбойникъ, но царь ихъ, и это объявляетъ не на одномъ, но на трехъ языкахъ. Ибо естественно было предполагать, что по причинѣ праздника съ Іудеями пришло много и язычниковъ. Выше и евангелистъ (12, 20. 21) упоминаетъ о нѣкоторыхъ еллинахъ, пришедшихъ видѣть Іисуса. Итакъ, чтобы всѣ знали о неистовствѣ іудеевъ, Пилатъ возвѣстилъ объ немъ на всѣхъ языкахъ. (Іудеи) завидовали (Іисусу) и тогда, какъ Онъ былъ распятъ. Ибо что говорятъ? Напиши, что Онъ самъ говорилъ. Ибо теперь (надпись) представляется общимъ мнѣніемъ іудеевъ; а если будетъ прибавлено, самъ Себя называлъ царемъ, тогда вина будетъ въ Его дерзости и гордости. Но Пилатъ не согласился, а остался при прежнемъ мнѣніи. Посему и говоритъ: *еже писахъ, писахъ*. Впрочемъ здѣсь устрояется и нѣчто другое важное. Такъ какъ три креста, зарытые въ землю, будутъ лежать въ одномъ и томъ же мѣстѣ: то, чтобы не осталось безъизвѣстнымъ, который изъ нихъ крестъ Господа, устроилось такъ, что онъ одинъ только имѣетъ титло и надпись, и поэтому признаку можетъ быть узнанъ. Ибо кресты разбойниковъ не имѣли надписей. Надпись, сдѣланная на трехъ языкахъ, даетъ намекъ и на нѣчто высшее,—именно,

показываетъ, что Господь есть Царь любомудрія дѣятельнаго, естественнаго и богословскаго. Римскія буквы служатъ образомъ дѣятельнаго любомудрія, ибо власть римлянъ самая мужественная и дѣятельная въ дѣлѣ военномъ; греческія—образъ любомудрія естественнаго, ибо греки занимались изученіемъ природы; еврейскія—богословскаго, ибо евреямъ ввѣрено богопознаніе. Итакъ слава Тому, кто чрезъ крестъ явилъ Себя имѣющимъ такое царство, кто и міръ побѣдилъ, и нашу дѣятельность укрѣпилъ, и подаетъ познаніе природы, и чрезъ оное вводитъ во внутреннѣйшее завѣсы, въ собственное знаніе и созерцаніе, то есть, богословіе.

Воини же, егда пропяша Іисуса, пріяша ризы его, и сотвориша четыре части, коемуждо воину часть и хитонъ. бѣ же хитонъ не швенъ, свыше истканъ весь. Рѣша же къ себѣ: не предеремъ его, но метнемъ жребія о немъ, кому будетъ: да сбудется писаніе, глаголющее: раздѣлиша ризы моя себѣ, и о иматисмѣ моей меташа жребія. Чѣмъ діаволъ лукавитъ, въ томъ исполняются пророчества. И смотри истину. Распятыхъ было трое, и однакожъ рѣчи пророковъ исполняются на Немъ только одномъ. И замѣть точность пророчества. Пророкъ сказалъ не о томъ только, что̀ они раздѣлили, но и о томъ. что̀ не раздѣлили. Прочія одежды они раздѣлили на части, а хитонъ нѣтъ, но дѣло о немъ предоставили жребію. Слова: *свыше истканъ* прибавлены также не безъ значенія. Но одни говорятъ, что̀ сими словами иносказательно выражается, что распятый былъ не простой человѣкъ, но имѣлъ и *свыше* божество. Нѣкоторые же говорятъ, что евange-

листъ описываетъ самый видъ хитона. Такъ какъ въ Палестинѣ, соединяя два куска матеріи, то есть, два полотна, ткутъ одежды, употребляя, вмѣсто шва, тканье: то Іоаннъ, чтобы показать, что таковъ именно былъ хитонъ, сказалъ, что онъ *свыше истканъ весь*, то есть, сотканъ отъ начала и сверху до низу. Указываетъ же этимъ замѣчаніемъ на бѣдность одеждъ Христовыхъ. Иные же говорятъ, что въ Палестинѣ ткутъ холсты не такъ, какъ у насъ: у насъ сверху находятся основа и утокъ, а полотно точется снизу, и такимъ образомъ идетъ къ верху; тамъ, напротивъ, основа находится снизу, а ткань точется сверху. Таковъ, говорятъ, былъ хитонъ Господа. Безъ сомнѣнія, и здѣсь является таинство. Тѣло Господа соткано свыше, ибо Духъ Святый пришелъ и сила Всевышняго осѣнила Дѣву (Лук. 1, 35). Ибо, хотя Онъ принялъ долу сущее и падшее естество человѣческое, но плоть божественная образована и соткана свышнею благодатію Святаго Духа. Итакъ святое тѣло Христа, раздѣляемое и раздаваемое въ четырехъ частяхъ міра, пребываетъ нераздѣлимо. Ибо, будучи удѣляемъ каждому поодиначкѣ и душу каждаго освящая своимъ тѣломъ, Единородный своею плотію всецѣло и нераздѣльно обитаетъ во всѣхъ. Ибо, будучи вездѣ, Онъ никакъ не раздѣленъ, какъ и апостолъ Павелъ взываетъ (1 Кор. 1, 13). Поелику все слагается изъ четырехъ стихій, то подъ одеждою Іисусовою можно разумѣть эту видимую и сотворенную природу, которую бѣсы раздѣляютъ, когда умертвятъ сущее въ насъ Слово Божіе; стараются они привлечь насъ на свою сторону чрезъ

привязанность къ мірскимъ благамъ (¹), но не могутъ разодрать хитонъ, то есть, сущее во всемъ существующемъ Слово, по которому все существуетъ (Псал. 32, 5). Ибо сколько бы много разъ я ни обольстился текущими благами, я все-таки знаю, что они текущи, знаю и качество и существо обманчивыхъ и преходящихъ вещей.

*Воини убо сія сотвориша. Стояху же * при* Зач.
крестѣ Іисусовѣ мати его, и сестра матере его, Ма- 61.
ріа Клеопова, и Маріа Магдалина. Іисусъ же видѣвъ матерь, и ученика стояща, егоже любляше, глагола матери своей: жено, се сынъ твой. Потомъ глагола ученику: се мати твоя, и отъ того часа поятъ ю ученикъ во своясн. Воины дѣйствовали по своему неразумію; Онъ печется объ Матери, научая насъ до послѣдняго издыханія прилагать всякое попеченіе о родителяхъ. И смотри, тогда какъ тутъ находятся и другія жены, Онъ заботится объ одной только Матери. Ибо на родителей, препятствующихъ въ дѣлѣ богопочтенія, не должно обращать вниманія, а о такихъ, которые не препятствуютъ, нужно всячески заботиться. Такъ и Онъ, поелику самъ отходилъ отъ жизни, и Матери естественно было скорбѣть и искать покровительства, поручаетъ попеченіе объ ней ученику. Евангелистъ скрываетъ свое имя, по скромности. Ибо, если бы онъ

(¹) *Примѣч.* Здѣсь въ славянскомъ переводѣ прибавлено: „сирѣчь блуженію и объяденію, піянству, гнѣву, зависти, скупости, и всякой злобѣ, златолюбію, еже есть второе идолослуженіе“.

*Во время оно, стояху **

хотѣлъ хвалиться, то представилъ бы и причину, по которой былъ любимъ;—и вѣроятно, она была какая-нибудь великая и дивная. Ахъ! какъ Онъ почтилъ ученика, дѣлая его своимъ братомъ. Такъ хорошо пребываніе со Христомъ страждущимъ; ибо оно приводитъ въ братство съ Нимъ. Подивись, какъ Онъ на крестѣ все творитъ безъ смущенія, заботится объ Матери, исполняетъ пророчества, отверзаетъ разбойнику рай, между тѣмъ какъ прежде распятія испытываетъ душевное томленіе, источаетъ потъ. Ясно, что послѣднее принадлежитъ человѣческому естеству, а первое—силѣ божеской. Да посрамятся Маркіонъ и всѣ прочіе, пустословившіе, будто Господь явился міру призрачно. Ибо если Онъ не родился, и не имѣлъ матери: то для чего Онъ прилагаетъ объ ней столь великое попеченіе?—Почему Марія Клеопова называется сестрою Матери Его, тогда какъ Іоакимъ не имѣлъ другаго чада? Клеопа былъ братъ Іосифу. Когда Клеопа умеръ бездѣтнымъ, то, по сказанію нѣкоторыхъ, Іосифъ жену его взялъ за себя, и родилъ брату дѣтей. Одна изъ нихъ—упоминаемая теперь Марія. Она называется сестрою Богородицы, то есть, родственницею. Ибо Писаніе имѣетъ обыкновеніе называтъ сродниковъ братьями. Наприм. Исаакъ говоритъ о Ревеккѣ, что она сестра ему, хотя она была женою его. Такъ и здѣсь мнимая дочь Клеопы называется сестрою Богородицы, по родству.—Въ евангеліяхъ являются четыре Маріи: одна—Богородица, которую называютъ матерью Іакова и Іосіи; ибо они были дѣти Іосифа, родившіеся отъ первой его жены, можетъ быть, жены

Клеоповой. Богородица называется матерью ихъ, какъ мачиха; ибо ее считала женою Іосифа. Другая—Магдалина, изъ которой Господь выгналъ семь бѣсовъ; третья—Клеопова, и четвертая—сестра Лазаря. Итакъ ученикъ сей взялъ Марію къ себѣ; ибо чистая ввѣрена чистому. Смотри, какъ женскій полъ твердъ въ бѣдахъ, а мужчины всѣ оставили Господа. Подлинно пришелъ Тотъ, кто слабое укрѣпляетъ, и уничиженное пріемлетъ.

Посемъ вѣдый Іисусъ, яко вся уже совершишася, да сбудется писаніе, глаголаː жажду. Сосудъ же стояше полнъ оцта: они же исполнивше губу оцта, и на трость вонзше, придѣша ко устомъ его. Егда же пріятъ оцетъ Іисусъ, рече: совершишася: и преклонь главу, предаде духъ.—*Вѣдый*, говоритъ, *Іисусъ, яко вся совершишася*, то есть, что не остается ничего неисполненнаго въ планѣ домостроительства Божія. Такъ свободна была смерть Его. Ибо кончина для тѣла Его наступила не прежде, какъ самъ Онъ восхотѣлъ, и Онъ восхотѣлъ послѣ того, какъ все исполнилъ. Посему-то и говорилъ: *область имамъ положити душу мою* (Іоан. 10, 18). Говоритъ: *жажду*, и въ этомъ случаѣ опять исполняетъ пророчество. А они, выказывая злодѣйскій нравъ свой, напояютъ Его уксусомъ, какъ они дѣлали съ преступниками. Ибо иссопъ для того и прилагается, что онъ вредоносенъ. Нѣкоторые же говорятъ, что иссопомъ называется трость, ибо такова вершина трости. Губу приложили къ трости, потому что уста Іисуса были высоко. И такимъ образомъ исполнилось пророчество, говорящее: „во время

жажды моей напоили меня уксусомъ" (Псал. 68, 22). Послѣ напоенія Онъ сказалъ: *совершишася*, то есть, и это пророчество со всѣми (прочими) сбылось, ничего не остается, все кончено. Онъ все творитъ безъ смущенія, и со властію. Это видно и изъ послѣдующаго. Ибо, когда все совершилось, онъ *преклонь главу*, такъ какъ она не была пригвождена, *предаде духъ*, то есть, испустилъ послѣднее дыханіе. Съ нами бываетъ на оборотъ: у насъ прежде дыханіе прекращается, а потомъ глава преклоняется. Онъ же прежде преклонилъ главу, а потомъ испустилъ духъ. Изъ всего этого ясно открывается, что Онъ былъ Господь смерти, и все творилъ по своей власти.

Іудее же, понеже пятокъ бѣ, да не останутъ на крестѣ тѣлеса въ субботу, бѣ бо великъ день тоя субботы, молиша Пилата, да пребіютъ голени ихъ, и возмутъ. Пріидоша же воини, и первому убо пребиша голени, и другому распятому съ нимъ: на Іисуса же пришедша, яко видѣша его уже умерша, не пребиша ему голеній: Но единъ отъ воинъ копіемъ ребра ему прободе: и абіе изыде кровь и вода. Господь предалъ духъ Богу и Отцу, чтобы показать, что души святыхъ не остаются въ гробницахъ, но востекаютъ въ руки Отца всѣхъ, а (души) грѣшныхъ низвлекаются въ мѣсто мученія, то есть, въ адъ. А тѣ, кои поглощаютъ вельблюда, и отцѣживаетъ комара (Матѳ. 23, 24), совершивъ столь великое злодѣяніе, выказываютъ особенную заботливость о днѣ. Ибо, говоритъ, *да не останутъ на крестѣ тѣлеса, молиша Пилата*, то есть, просили о томъ, чтобы снять ихъ. Для чего

они просятъ, чтобы перебиты были голени? Для того, чтобы, если и останутся живы, были неспособны къ дѣлу (ибо они были разбойники). Итакъ они не хотѣли являться въ день праздника мстителями и убійцами. Иначе: и законъ такъ повелѣвалъ, чтобы солнце не заходило во гнѣвѣ человѣка (Ефес. 4, 26). Смотри, какъ чрезъ выдумки іудеевъ исполняются пророчества. Здѣсь заразъ исполняются два пророчества, какъ далѣе говоритъ евангелистъ. Хотя не сокрушили голеней Іисуса, однакожъ, въ угоду іудеямъ, пронзаютъ Его, и вытекаетъ кровь и вода. И это удивительно. Они думали ругаться и надъ мертвымъ тѣломъ, но поруганіе обращается имъ въ чудо. Достойно удивленія и то, что изъ мертваго тѣла вытекаетъ кровь. Впрочемъ иной изъ недовѣрчивыхъ скажетъ, что, вѣроятно, въ тѣлѣ было еще сколько-нибудь жизненной силы. Но когда и вода вытекла, то чудо непререкаемо. Не спроста это случилось, но потому, что жизнь въ Церкви начинается и продолжается посредствомъ сихъ двухъ вещей: водою мы раждаемся, а кровію и тѣломъ питаемся. Итакъ, когда приступаешь къ чашѣ общенія крови Христовой, такъ располагай себя, какъ-бы ты пилъ изъ самаго ребра. Примѣчай, пожалуй, и то, какъ посредствомъ прободеннаго ребра врачуется рана ребра, то есть, Евы. Тамъ Адамъ, уснувъ, лишился ребра; и здѣсь Господь, уснувъ, даетъ ребро воину. Копье воина есть образъ меча, обращающагося и выгоняющаго насъ изъ рая (Быт. 3, 24), А какъ все вертящееся не останавливается въ своемъ движеніи, доколѣ не ударится обо что-нибудь; то Господь,

показывая, что Онъ остановитъ тотъ мечь, мечу воина подставляетъ свое ребро, чтобы намъ ясно было, что какъ копье воина, приразившись ребру, остановилось, такъ и пламенный мечь остановится, и не будетъ уже страшить своимъ вращеніемъ, и возбранятъ входъ въ рай.—Да постыдятся аріане, которые въ таинствѣ (причащенія) не присоединяютъ воды къ вину. Ибо они, какъ кажется, не вѣруютъ, что изъ ребра вытекла и вода, что̀ удивительнѣе, но (вѣруютъ) что вытекла одна кровь, и тѣмъ уменьшаютъ величіе чуда. Ибо кровь показываетъ, что распятый—человѣкъ, а вода, что Онъ выше человѣка, именно, Богъ.

И видѣвый свидѣтельства, и истинно есть свидѣтельство его: и той вѣсть, яко истину глаголетъ, да вы вѣру имете. Быша бо сія, да сбудется писаніе: кость не сокрушится отъ него. И паки другое писаніе глаголетъ: воззрятъ нань, егоже прободоша. Не отъ другихъ, говоритъ, я слышалъ, но самъ тутъ былъ и видѣлъ, *и истинно есть свидѣтельство* (мое). Справедливо замѣчаетъ это. Онъ повѣтствуетъ о поруганіи, а не о чемъ-нибудь великомъ и досточестномъ, чтобы тебѣ заподозривать это сказаніе. Для того, говоритъ, я подробно описываю это, и не скрываю, повидимому, безчестное, чтобы вы вѣрили, что все несомнѣнно истинно, а не составлено въ чью-нибудь пользу. Ибо кто говоритъ въ чью-нибудь пользу, тотъ выставляетъ болѣе славное. А какъ Моисея считали достовѣрнѣе его, то онъ и его приводитъ во свидѣтели. Что̀ Моисей сказалъ объ агнцѣ, закаляемомъ въ пасху, *кость не сокрушится* (Исх. 12, 10), то̀, по объясненію еван-

гелиста, исполнилось на Христѣ. Ибо тотъ агнецъ былъ образомъ Его, и много сходнаго между имъ и истиною. Исполняется и другое пророчество, говорящее: „воззрятъ на Того, кого пронзили“ (Зах. 12, 10). Ибо когда Онъ придетъ судить, тогда увидятъ Его въ лучшемъ и боговиднѣйшемъ тѣлѣ, и пронзившіе узнаютъ Его, и восплачутъ. Сверхъ сего это дерзкое дѣло враговъ (Іисусовыхъ) для невѣрующихъ будетъ дверью вѣры и доказательствомъ, какъ напрaим. для Θомы. Ибо онъ удостовѣрился въ воскресеніи чрезъ (осязаніе) ребра. Итакъ *кость не сокрушится* у Іисуса; а ребро Его проливаетъ намъ источники бытія и жизни. Вода—источникъ бытія, ибо мы чрезъ нее становимся христіанами, а кровь—жизни, ибо мы ею питаемся. И Слово Божіе есть Агнецъ; вкушая Его отъ головы до ногъ (головы—божества, ибо оно—глава, и ногъ—плоти, ибо она—самая низшая часть), еще и внутренности Его, то есть, тайное и сокровенное, съ благоговѣніемъ принимая въ пищу, мы не сокрушаемъ костей, то есть, трудныхъ для пониманія и возвышенныхъ мыслей. Ибо чего не можемъ понять, того мы не сокрушаемъ, то есть, не стараемся понять худо и съ извращеніемъ. Итакъ, когда здраво понимаемъ, тогда не сокрушаемъ, ибо божественное сохраняемъ въ цѣлости. А когда будемъ усиливаться понять и принимаемъ еретическое пониманіе, тогда сокрушаемъ и ломаемъ твердыя и недоступныя мысли. Такіе предметы, то есть, неудобопонятные, надобно жечь огнемъ, то есть, предавать Духу, и Онъ обдѣлаетъ и утончитъ ихъ, потому что Онъ постигаетъ все, и глубины Божіи (2 Кор. 2, 10).

Іоан.

Зач. *По сихъ же * моли Пилата Іосифъ, иже отъ*
62. *Аримаѳеа, сый ученикъ Іисусовъ, потаенъ же страха ради іудейска, да возметъ тѣло Іисусово: и повелѣ Пилатъ, пріиде же и взятъ тѣло Іисусово. Пріиде же и Никодимъ пришедый ко Іисусови нощію прежде, нося смѣшеніе смѵрнено и алойно, яко литръ сто. Пріяста же тѣло Іисусово, и обвиста е ризами со ароматы, якоже обычай есть іудеомъ погребати. Бѣ же на мѣстѣ, идѣже распятся, вертъ, и въ вертѣ гробъ новъ, въ немже николиже никто положенъ бѣ. Ту убо пятка ради іудейска, яко близъ бяше гробъ, положиста Іисуса.* Почему не изъ двѣнадцати кто-нибудь пришелъ къ Пилату, но осмѣлился на такое дѣло Іосифъ, быть можетъ, принадлежавшій къ числу семидесяти? Если кто-нибудь скажетъ, что ученики (12) скрылись по страху отъ іудеевъ, то и онъ одержимъ былъ такимъ же страхомъ. Можно сказать, что онъ (Іосифъ) былъ человѣкъ весьма знаменитый, и по своей знаменитости извѣстенъ и Пилату. Подумавъ, что гнѣвъ іудеевъ укротился, когда ненавистный для нихъ (Іисусъ) уже распятъ, (Іосифъ) безбоязненно приходитъ, и вмѣстѣ съ Никодимомъ совершаетъ великолѣпное погребеніе. Оба они не представляли объ Немъ ничего божественнаго, а расположены къ Нему только какъ къ человѣку, потому что приносятъ такія благовонія, которыя преимущественно имѣли силу надолго сохранять тѣло, и не давать ему скоро предаться тлѣнію. А это показывало, что они не представляли объ

---

*Во время оно *

Немъ ничего великаго. Однакожъ они выказываютъ къ Нему великую любовь, потому что погребаютъ не какъ преступника, но великолѣпно, по обычаю іудейскому. Время заставляло ихъ спѣшить. Ибо смерть (Іисуса) послѣдовала въ девятомъ часу. Потомъ, покуда они ходили къ Пилату, и пока снимали тѣло, естественно, наступилъ уже вечеръ, когда нельзя было устроять гробницу. Ибо *бѣ на мѣстѣ, идѣже распятся, вертъ* (садъ), *и въ вертѣ гробъ новъ.* Устроялось такъ, что гробъ близко; посему ученики могутъ придти и быть зрителями и свидѣтелями случившагося, могутъ быть приставлены воины для охраненія и будетъ неумѣстна рѣчь о похищеніи. Всего этого не могло бы быть, если бы (Іисусъ) погребенъ былъ далеко. *Гробъ* былъ *новъ, въ немже николиже никтоже положенъ бѣ.* (Такъ устроилось) для того, чтобы нельзя было перетолковать воскресенія, будтобы воскресъ иной, а не Іисусъ. И иначе. Гробъ новый образно показывалъ то, что чрезъ гробъ Господень будетъ обновленіе отъ смерти и тлѣнія, и въ немъ всѣ мы обновимся. Замѣть, прошу тебя, какъ много обнищалъ Господь для насъ. При жизни Онъ не имѣлъ дома; по смерти не имѣетъ гроба, но полагается въ чужомъ; Онъ нагъ, и одѣваетъ Его Іосифъ. Іисусъ и нынѣ бываетъ мертвъ, когда Его умерщвляютъ люди, дѣлающіе насиліе, или страстные до пріобрѣтеній; Онъ страдаетъ также отъ голода; бываетъ также нагъ, ибо, что̀ ни терпитъ бѣднякъ, все то̀ терпитъ Христосъ. И ты нынѣ подражай Іосифу, прилагай (добро) къ добру (ибо Іосифъ значитъ прибавленіе), одѣвай наготу Христа, то есть, бѣдняка.

Сдѣлай же это не однажды, но положи во гробѣ души и всегда помни, всегда размышляй и заботься о такихъ дѣлахъ. Примѣшивай смирну и алой. Ибо должно обносить въ умѣ горькія и строгія судилища тамошняго вѣка и тотъ гласъ, который немилостивыхъ назоветъ проклятыми и отошлетъ въ огонь (Матѳ. 25, 41). По моему мнѣнію, нѣтъ ничего ужаснѣе этого гласа.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

О воскресеніи Христовомъ.—О явленіи Христа сперва Маріи Магдалинѣ, а потомъ ученикамъ въ собраніи.

Зач. *Во едину же * отъ субботъ Марія Магдалина*
63. *пріиде за утра, еще сущей тмѣ, на гробъ: и видѣ камень взятъ отъ гроба. Рече убо, и пріиде къ Симону Петру и къ другому ученику, егоже любляше Іисусъ и глагола има: взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша его. Изыде же Петръ и другій ученикъ, и идяста ко гробу. Течаста же оба вкупѣ: и другій ученикъ рече скорѣе Петра, и пріиде прежде ко гробу.* Единою отъ субботъ (евангелистъ) называетъ тотъ день, который мы называемъ Господнимъ. Ибо субботою называетъ седмицу дней, а единою отъ субботъ—первый день. Въ сущности всякій день есть одинъ. Но одинъ, взятый много разъ и сложенный, составляетъ многіе. Такъ, первый день есть одинъ, дважды взятый есть вторый, трижды—третій, и такъ далѣе. Такой день есть образъ будущаго вѣка, который есть

---

* *Во время оно, во едину **

одинъ день, ни ночью не пресѣкающійся, ни полдня не имѣющій. Богъ есть солнце его, никогда не заходящее. Какъ Господь воскресъ въ этотъ день, тлѣнное свое тѣло сдѣлавъ нетлѣннымъ, такъ и мы въ будущемъ вѣкѣ получимъ нетлѣніе. Итакъ *во едину отъ субботъ*, то есть, въ первый день седмицы, *пріиде Марія Магдалина*. Такъ какъ суббота прошла, и закономъ уже не воспрещалось (движеніе), она отправляется, желая найдти нѣкоторое утѣшеніе отъ мѣста (погребенія Господа), и, увидѣвши камень отваленнымъ отъ гроба, съ большою поспѣшностію идетъ къ Петру и Іоанну. Господь воскресъ тогда, когда камень лежалъ еще на мѣстѣ, и печати были цѣлы. Но какъ нужно было кому-нибудь быть свидѣтелями воскресенія, и войти во гробъ, то камень отваленъ ангеломъ. Марія, ничего еще не знающая о воскресеніи, называетъ это событіе похищеніемъ и переложеніемъ. Затѣмъ ученики приходятъ ко гробу, и видятъ лежащими однѣ пелены; а это было знакомъ истиннаго воскресенія. Ибо, если бы кто-нибудь переложилъ тѣло, тотъ не обнажилъ бы его; и если бы кто укралъ, тотъ не позаботился бы свивать платъ, и класть отдѣльно на особомъ мѣстѣ, но взялъ бы тѣло просто, какъ было можно. Посему евангелистъ предварительно сказалъ, что (тѣло Христово) погребено было со многою смирною, которая не хуже смолы приклеиваетъ пелены къ тѣлу, чтобы мы, когда услышимъ, что платъ лежалъ на особомъ мѣстѣ, нисколько не вѣрили тѣмъ, которые говорятъ, будто (тѣло Христово) украдено. Ибо воръ не былъ бы такъ глупъ, чтобы на дѣло излиш-

нее употреблять столько времени и столько старанія, и не подозрѣвать, что чѣмъ долѣе будетъ имъ заниматься, тѣмъ скорѣе можетъ быть пойманъ.—Въ которомъ часу послѣдовало воскресеніе, о томъ никто не знаетъ, подобно какъ неизвѣстно и время втораго пришествія. Если евангелистъ Матѳей говоритъ, что землетрясеніе совершилось въ глубокій вечеръ, а Іоаннъ говоритъ, что Марія пришла и увидѣла отваленный камень утромъ, когда было еще темно, то въ этомъ нѣтъ разногласія. Ибо, во-первыхъ, по Матѳею, поздно въ субботу пришли женщины, а у Іоанна теперь не упоминается о женщинахъ;—когда сказалъ объ этомъ Матѳей, излишне было бы о томъ же говорить и Іоанну; но Марія Магдалина приходитъ утромъ. Различны пришествія ко гробу: то Марія приходитъ съ прочими женами, то одна только она. Отсюда и представляется разногласіе между евангелистами, что они говорятъ о разныхъ приходахъ, каждый о своемъ. Такъ, во-первыхъ, говоримъ, что Матѳей говоритъ объ одномъ приходѣ—женъ, а Іоаннъ о другомъ, о приходѣ жены—Магдалины. Потомъ, *глубокій вечеръ и утро, когда еще темно*, что̀ иной назвалъ бы глубокимъ утромъ, совпадаютъ въ одно и тоже, такъ что все это время есть средина ночи. Если спросишь, какимъ образомъ Петръ и Іоаннъ и жены входили во гробъ, когда тутъ были стражи; то отвѣтъ простой, что когда Господь воскресъ, и съ землетрясеніемъ предсталъ при гробѣ ангелъ, тогда стражи ушли объявлять объ этомъ фарисеямъ и такимъ образомъ гробъ освободился отъ военной стражи, и ученики безстрашно могли приходить.

И приникъ видѣ ризы лежащя: обаче не вниде. Пріиде же Симонъ Петръ въ слѣдъ его, и вниде во гробъ, и видѣ ризы едины лежащя. И сударь, иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежащь, но особь свитъ на единомъ мѣстѣ. Тогда убо вниде и другій ученикъ, пришедый прежде ко гробу, и видѣ, и вѣрова: Не у бо вѣдяху писанія, яко подобаетъ ему изъ мертвыхъ воскреснути. Идоста же паки къ себѣ ученика. Маріа
*же * стояше у гроба внѣ плачущи. якоже плакашеся,* Зач.
приниче во гробъ: И видѣ два ангела въ бѣлыхъ ри- 64.
захъ сѣдяща, единаго у главы, и единаго у ногу, идѣже бѣ лежало тѣло Іисусово. И глаголаста ей она: жено, что плачешися? глагола има: яко взяша Господа моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша его. Примѣчай, пожалуй, смиреніе евангелиста, съ какимъ онъ свидѣтельствуетъ о тщательности изслѣдованія Петрова. Самъ онъ пришелъ прежде, увидѣлъ лежащія пелены, и ничего болѣе не изслѣдуетъ, но дожидаетъ Петра. А пламенный Петръ вошелъ внутрь гроба, и тщательно осмотрѣлъ все. Тогда и онъ (Іоаннъ), вошедъ послѣ него (Петра), увидѣлъ погребальныя пелены лежащими отдѣльно (однѣ отъ другихъ), и увѣровалъ (впрочемъ) не тому, что Господь воскресъ, а тому, что Его украли. Онъ повѣрилъ словамъ Маріи, что взяли Господа. Почему же повѣрилъ Маріи, а не помыслилъ о воскресеніи? Потому, что они еще не знали Писанія, что Ему надлежитъ воскреснуть изъ мертвыхъ, и повѣрили Маріи, подозрѣвавшей похищеніе и переложе-

---

*Во время оно Маріа **

ніе тѣла. Итакъ они возвратились къ себѣ, то есть, сами по себѣ, ничего болѣе не узнавши. Марія, по свойственной женщинамъ чувствительности и любви къ слезамъ, стоитъ у гроба, и плачетъ. Не находя Іисуса, смотритъ на то мѣсто, гдѣ положено было любимое тѣло, и въ этомъ одномъ находитъ утѣшеніе. За то и удостоивается видѣть больше, чѣмъ ученики. Она увидѣла то, чего они не видѣли, именно двухъ ангеловъ. Видѣніе ангеловъ было для нея величайшимъ утѣшеніемъ. И свѣтлое ихъ одѣяніе, и сидѣніе ихъ, одного у головы, а другаго у ногъ, показывало, что они знаютъ нѣчто бо́льшее, и, если будутъ спрошены, могутъ наставить. И слова: *что плачешися*, полны искренняго участія. Чтобы (Марія) не смутилась, какъ женщина, вопросомъ этимъ утишаютъ ея смущеніе. Спрашиваютъ съ такимъ участіемъ и кротостію: *жено! что плачешися?* Она же съ жаромъ и любовію отвѣчаетъ: унесли Господа моего, потому и плачу; не знаю, куда и переложили Его; а пошла бы туда, помазала бы тѣло (Его), и въ этомъ, по крайней мѣрѣ, нашла бы нѣкоторое утѣшеніе. Ты же пойми, какъ Петръ дѣятеленъ и горячъ, а Іоаннъ проницателенъ и способенъ къ уразумѣнію божественныхъ предметовъ. Чисто созерцальный предваряетъ знаніемъ и даровитостью, а дѣятельный отстаетъ, однакожъ усердіемъ и стараніемъ побѣждаетъ остроту его, и дѣятельный первый усматриваетъ какую-нибудь божественную тайну. Не подобное ли нѣчто бываетъ и въ наукахъ? И здѣсь изъ двоихъ мальчиковъ мало способный и медленный стараніемъ превосходитъ того, который по природѣ

быстрѣе и способнѣе. Такъ и въ духовныхъ предметахъ, дѣятельный и неискусный въ словѣ нерѣдко понимаетъ лучше, чѣмъ созерцательный,—Всякая душа, господствующая надъ страстями, называется Маріею. Очистившись посредствомъ безстрастія, она видитъ въ Іисусѣ Бога и человѣка. Ибо одинъ изъ ангеловъ, сидящій въ головахъ, указываетъ на божество, а другой, сидящій въ ногахъ, на уничиженное воплощеніе Слова.

И сія рекши обратися вспять, и видѣ Іисуса стояща: и не вѣдяше, яко Іисусъ есть. Глагола ей Іисусъ: жено, что плачеши? кого ищеши? она же мнящи, яко вертоградарь есть, глагола ему: господи, аще ты еси взялъ его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ его: и азъ возму его. Глагола ей Іисусъ: Маріе. она же обращшися глагола ему: Раввуни, еже глаголется, Учителю. Глагола ей Іисусъ: не прикасайся мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу моему: иди же ко братіи моей, и рцы имъ: восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему. Пріиде же Марія Магдалина повѣдающи ученикомъ, яко видѣ Господа, и сія рече ей. Для чего Марія обратилась назадъ? Когда она бесѣдуетъ съ ангелами, что̀ ее побудило обратиться назадъ? Вѣроятно, пока она говорила съ ангелами, Іисусъ, (внезапно) явившись позади ея, привелъ ихъ въ изумленіе, и они, увидѣвъ Владыку, и видомъ и движеніемъ и взоромъ тотчасъ обнаружили, что они увидѣли Господа, и женщина сія (Марія), замѣтивши это, обратилась назадъ. Быть можетъ, Онъ ангеламъ явился въ поразительномъ видѣ, а Маріи не въ та-

комъ, но въ смиренномъ и обыкновенномъ. Почему она и сочла Его за садовника, именно того сада, въ которомъ былъ гробъ. Посему же она и говоритъ: господинъ: *аще ты еси взялъ Его*, то есть, если ты укралъ Его, и не говоритъ: Іисуса, но: *Его*, говоритъ какъ-бы знающему, въ чемъ дѣло. Итакъ, если ты унесъ, то есть, взялъ и укралъ отсюда, то скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возму Его, и переложу въ другое мѣсто, гдѣ Онъ будетъ погребенъ великолѣпно. Быть можетъ, она боялась, чтобы іудеи не наругались и надъ мертвымъ тѣломъ, и потому желала, чтобы оно переложено было въ другое мѣсто, (имъ) неизвѣстное. Намѣреніе жены полно любви; но она не можетъ представить себѣ ничего высокаго. И какъ она сама по себѣ не могла помыслить ничего высокаго, то Господь голосомъ своимъ даетъ ей знать Себя. Ибо Онъ произнесъ только имя ея, и тѣмъ вложилъ знаніе, подобно какъ іудеямъ Онъ иногда давалъ узнавать Себя, а иногда при нихъ былъ, и они не узнавали Его. Такъ и въ рѣчахъ, когда хотѣлъ, тогда давалъ узнавать Себя. Подобнымъ образомъ и теперь, когда захотѣлъ, тогда далъ Маріи узнать Себя по голосу. Безъ сомнѣнія, Онъ и прежде гласно говорилъ ей: *жено, что плачеши?* Но Марія не узнала: ибо не было на это воли Іисусовой. А когда Онъ восхотѣлъ, она узнала Его по голосу. *Она же обращшися глагола Ему*: какъ это? она вела съ нимъ рѣчь, и говорила: скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его; а теперь евангелистъ говоритъ, что она *обратилась*? Мнѣ кажется, что она, сказавъ: *гдѣ еси положилъ*, обратилась къ ангеламъ,

быть можетъ, съ намѣреніемъ спросить ихъ, чему они изумились. Потомъ, Христосъ, назвавъ ее по имени, изумилъ ее своимъ голосомъ, и отъ нихъ обратилъ къ Себѣ, и она, узнавши Его теперь, сказала: Учитель!— Она желаетъ подойти къ Нему, обращаться съ Нимъ, какъ и прежде, и быть можетъ, обнять, какъ Возлюбленнаго. Но Онъ возводитъ ея мысль, чтобы она помыслила нѣчто высшее, и внимала Ему съ бо́льшимъ почтеніемъ. *Не прикасайся Мнѣ*, то есть, обстоятельства теперь уже не въ прежнемъ положеніи, и Я не буду уже обращаться съ вами попрежнему. Хотя Онъ не сказалъ этого словами, но таковъ смыслъ словъ: *восхожду ко Отцу моему*, Я туда спѣшу. А какъ Я спѣшу туда, и уже не имѣю такого тѣла, чтобы обращаться съ людьми, то надобно быть благоговѣйнѣе ко Мнѣ, къ высшему обыкновенной бесѣды и прикосновенія, то есть, обращенія. Смотри же, сколько мыслей евангелистъ выразилъ кратко. (Господь) сказалъ: *не прикасайся Мнѣ*. Потомъ, какъ-бы кто спросилъ: почему? потому, отвѣчаетъ, что у Меня тѣло уже не такое, какому свойственно быть въ жизни земной, но такое, какое прилично небу и горнимъ селеніямъ. Потомъ вопрошающій какъ-бы продолжаетъ: зачѣмъ же Ты ходишь на землѣ, когда имѣешь такое тѣло? Потому, отвѣчаетъ, что Я не взошелъ еще ко Отцу моему, но взойду. Ибо это выражаетъ дальнѣйшими словами: *иди ко братіи моей, и рцы имъ: восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему*, хотя взойдетъ не тотчасъ, но спустя сорокъ дней. Для чего же такъ говоритъ? Для того, чтобы воскресить ея умъ, и убѣдить,

что Онъ отходитъ на небеса, и тѣмъ утѣшитъ. Назвавъ (учениковъ) братьями, прибавляетъ: *и Отцу вашему.* Богъ и намъ—Отецъ, но по благодати, а Господу Онъ Отецъ—по естеству. Наоборотъ, Онъ намъ Богъ—по естеству, а Господу Богъ—по Его человѣчеству. Ибо Онъ сталъ Богомъ Его, когда Онъ принялъ на Себя человѣческое естество. Марія, удостоившись такихъ рѣчей, уходитъ и возвѣщаетъ объ этомъ ученикамъ. Вотъ, какъ хорошо усердіе и постоянство. Будь и ты усерденъ, и, быть можетъ, узнаешь что-нибудь (высшее), и изъ учениковъ Слова сдѣлаешься учителемъ.

Зач. 65. *Сущу же поздѣ * въ день той воедину отъ субботъ, и дверемъ затвореннымъ, идѣже бяху ученицы его собрани страха ради іудейска, пріиде Іисусъ, и ста посредѣ, и глагола имъ: миръ вамъ. И сіе рекъ, показа имъ руцѣ и нозѣ и ребра своя. возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа. Рече же имъ Іисусъ паки: миръ вамъ: якоже посла мя Отецъ, и азъ посылаю вы. И сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся.* Кагда Марія возвѣстила объ этомъ ученикамъ, естественно было, что они или не повѣрили ей, или, повѣривши, пожалѣли, что не удостоились видѣть Его сами. Посему Онъ въ тотъ же день является къ нимъ, такъ какъ они, съ одной стороны, услышавъ отъ жены, что Онъ воскресъ, жаждали видѣть Его сами, а съ другой—боялись іуде-

---

*Сущу поздѣ **

евъ, и отъ того еще болѣе желалали увидѣть это единственное для нихъ утѣшеніе. Является *вечеромъ* для того, чтобы имѣли время собраться всѣ вмѣстѣ; является *дверемъ затвореннымъ*, для того, чтобы показать, что Онъ и воскресъ также тогда, какъ на гробѣ лежалъ камень. Иной подивится, какъ они не сочли Его за призракъ? Но прежде всего жена, предварившая ихъ, произвела въ нихъ сильную вѣру. Потомъ, Онъ явился имъ въ кроткомъ видѣ, и самымъ голосомъ успокоилъ волновавшіяся мысли ихъ, сказавъ: *миръ вамъ*, то есть, не смущайтесь. Этимъ онъ напоминаетъ имъ то слово, которое сказалъ имъ предъ страданіемъ: *миръ мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27). Обрадовались (ученики), увидя Господа. И объ этомъ Онъ также предсказывалъ имъ предъ страданіемъ: увижусь съ вами, и возрадуется сердце ваше (Іоан. 16, 22). А такъ какъ они имѣли непримиримую брань съ іудеями, то опять говоритъ имъ: *миръ*. Какъ женамъ сказалъ: *радуйтесь* (Матѳ. 28, 29), потому что полъ ихъ былъ въ печали, такъ ученикамъ даетъ *миръ*, по причинѣ брани, которую имѣли съ ними и будутъ имѣть всѣ. Итакъ прилично женамъ радоваться, потому что онѣ осуждены раждать въ печали, а мужчинамъ быть мирными по причинѣ брани за дѣло проповѣди. Показываетъ вмѣстѣ и благія слѣдствія креста; это—миръ. А какъ крестомъ пріобрѣтенъ миръ; то Я посылаю васъ на проповѣдь. Въ утѣшеніе же имъ и ободреніе говоритъ: *якоже посла мя Отецъ, и азъ посылаю вы*. Вы примите на себя мое дѣло; посему бодрствуйте, ибо Я буду съ вами. Примѣчай самовластіе. Не ска-

залъ: Я умолю Отца моего, и Онъ пошлетъ васъ, но: *азъ посылаю вы*. Дуетъ, и даетъ имъ Святаго Духа. Теперь Онъ удѣляетъ имъ не совершенный даръ Святаго Духа, ибо таковый Онъ дастъ имъ въ пятьдесятницу, но дѣлаетъ ихъ способными къ принятію Духа. Ибо слова: *пріимите Духъ Святъ*—тоже, что будьте готовы принять Духа. Можно сказать и то, что Онъ далъ имъ нѣкоторую власть и духовную благодать, только — не воскрешать мертвыхъ и творить силы, но—прощать грѣхи. Посему и прибавилъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ*, показывая, что Онъ далъ имъ этотъ именно видъ духовныхъ дарованій—прощеніе грѣховъ. По вознесеніи же Его, самъ Духъ низшелъ, и преизобильно подалъ имъ силы творить чудеса и всякое иное дарованіе. Стóитъ узнать, для чего Онъ является ученикамъ не въ Галилеѣ, а въ Іерусалимѣ. Ибо Матѳей (26, 32) и Маркъ (14, 28) говорятъ, что Онъ обѣщалъ увидѣться съ ними въ Галилеѣ. Какъ же Онъ является въ Іерусалимѣ? Нѣкоторые отвѣчаютъ: что жь такое? Онъ вѣдь не сказалъ, что Я увижусь съ вами только въ Галилеѣ, а въ Іерусалимѣ не увижусь. Значитъ, это богатство любви, а не поводъ къ нареканію во лжи. Потомъ можно сказать то, что Онъ обѣщаетъ явиться въ Галилеѣ всѣмъ ученикамъ, а въ Іерусалимѣ явился только принадлежавшимъ къ двѣнадцати. Итакъ нѣтъ здѣсь никакого разногласія. Ибо въ Галилеѣ Онъ явился всѣмъ, а въ Іерусалимѣ двѣнадцати. И какъ явленій было много, то одни евангелисты описали одни явленія, а другіе—другія. Иногда и два евангелиста со-

общаютъ объ одномъ и томъ же, но что у одного сказано сокращенно, то восполняетъ другой.—Примѣчай, пожалуй, достоинство священниковъ: оно—божественно. Ибо отпущать грѣхи—дѣло Божіе. Такимъ образомъ ихъ должно почитать, какъ Бога. Хотя бы они были недостойны; что отъ этого? они служители божественныхъ дарованій, и благодать дѣйствуетъ чрезъ нихъ, какъ проглаголала нѣкогда чрезъ ослицу Валаама (Числ. 22, 28—30). Итакъ недостоинство наше не препятствуетъ благодати. И какъ чрезъ священниковъ подается благодать, то должно ихъ почитать.

Ѳома же единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый близнецъ, не бѣ ту съ ними, егда пріиде Іисусъ. Глаголаху же ему друзіи ученицы: видѣхомъ Господа. онъ же рече имъ: аще не вижу на руки его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра его, не иму вѣры. И по днехъ осмихъ паки бяху внутрь ученицы его, и Ѳома съ ними. пріиде Іисусъ дверемъ затвореннымъ, и ста посредѣ ихъ, и рече: миръ вамъ. Потомъ глагола Ѳомѣ: принеси перстъ твой сѣмо, и виждь руцѣ мои: и принеси руку твою, и вложи въ ребра моя: и не буди невѣренъ, но вѣренъ. И отвѣща Ѳома, и рече ему: Господь мой и Богъ мой. Глагола ему Іисусъ: яко видѣвъ мя, вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи и вѣровавше. Ѳома не былъ съ учениками. Вѣроятно, онъ еще не возвратился къ нимъ изъ бывшаго разсѣянія. Что значитъ замѣчаніе—называемый близнецъ? Это значеніе имени—Ѳома. Ибо какъ Кифа значитъ камень, такъ и Ѳома значитъ близнецъ. Евангелистъ упоминаетъ о та-

комъ значеніи имени Ѳомы кстати, чтобы показать намъ, что онъ былъ какой-то недовѣрчивый, и имѣлъ такой нравъ отъ самаго рожденія, какъ показываетъ самое имя. Когда прочіе ученики сказали о Господѣ, (Ѳома) не вѣрилъ не потому, что считалъ ихъ лжецами, но потому, что дѣло воскресенія считалъ невозможнымъ. Почему и обвиняется въ неумѣренномъ любопытствѣ. Ибо, какъ скоро вѣрить—легкомысленно, такъ сильно упорствовать—дико и грубо. Смотри, онъ не сказалъ: я не вѣрю глазамъ, но присовокупилъ: *аще не вложу руку мою.* Но откуда онъ зналъ, что была рана въ боку? Слышалъ это отъ учениковъ. Для чего (Господь) является ему не тотчасъ, но спустя восемь дней? Для того, чтобы онъ, внимая наставленію соучениковъ, и слыша одно и тоже, воспламенился большимъ желаніемъ, и сдѣлался тверже вѣрующимъ на будущее время. Господь, желая показать, что Онъ былъ съ ними и тогда, когда Ѳома высказывалъ предъ соучениками слова своего невѣрія, не ожидаетъ, пока услышитъ отъ него что-нибудь подобное, но самъ впередъ исполняетъ то, чего желалъ (Ѳома), и употребляетъ его собственныя слова. И смотри, сначала Онъ говоритъ съ упрекомъ: *принеси руку твою*, но потомъ вразумляетъ: *не буди невѣренъ, но вѣренъ*. Отсюда ясно, что сомнѣніе происходило отъ невѣрія, и посему напрасно нѣкоторые въ защиту Ѳомы говорятъ, что онъ нескоро повѣрилъ по своей основательности. Ибо вотъ, Господь называетъ его невѣрнымъ. Смотри, какъ тотъ, кто сначала не вѣрилъ, отъ прикосновенія къ ребру сдѣлался отличнымъ богословомъ. Ибо онъ про-

повѣдалъ два естества и одно лице во единомъ Христѣ. Сказавъ: *Господь*, исповѣдалъ человѣческое естество; ибо *Господь* употребляется и объ людяхъ, наприм. *господи!* аще ты еси взялъ его (Іоан. 20, 15). А сказавъ: *Богъ мой*, исповѣдалъ божеское существо, и такимъ образомъ исповѣдалъ одного и тогоже Господомъ и Богомъ. Господь, показывая намъ, что вѣра состоитъ въ томъ, чтобы принимать невидимое, говоритъ: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.* Здѣсь Онъ намекаетъ на учениковъ, которые не касались ни раны отъ гвоздей, ни ребра, однако увѣровали, и не на однихъ только ихъ, но и на тѣхъ, которые увѣруютъ въ послѣдствіи. Сказалъ это, не съ тѣмъ, чтобы лишить Ѳому блаженства, но чтобы утѣшить не видѣвшихъ. Ибо многіе говорятъ: блаженны очи, видѣвшіе Господа. Онъ утѣшаетъ таковыхъ, говоря, что болѣе блаженства въ томъ, чтобы не видѣть и вѣровать.— Какимъ образомъ тѣло нетлѣнное оказалось имѣющимъ раны, и было осязаемо рукою человѣческою? Все это было дѣломъ снизхожденія. Ибо тѣло, вошедшее чрезъ запертыя двери, и потому тонкое и легкое, было свободно отъ всякой грубости. А чтобы увѣрить въ воскресеніи, (Господь) показываетъ его такимъ, и для того воскресъ, имѣя знаки креста и раны. Также, что Онъ и ѣлъ, ѣлъ не по нуждѣ для тѣла, но для удостовѣренія въ воскресеніи. Посему, какъ прежде распятія, ходя по волнамъ (Мар. 6, 48), Онъ имѣлъ тѣло не иной природы, такъ и нынѣ показываетъ оное осязаемымъ и имѣющимъ раны. Однакожъ, хотя оно осязаемо и видимо, но нетлѣнно. Ибо это показывается

для удостовѣренія, а не по необходимости и закону тѣла. Ибо все вкушаемое входитъ во чрево, и измѣняется (Матѳ. 15, 17), чего у Христа, послѣ воскресенія, не было; но вкушаемое, принимаемое только для удостовѣренія въ воскресеніи, было потребляемо нѣкоторою невидимою и божественною силою. Замѣть и то, какъ для одного человѣка—Ѳомы Господь не отказался снизойти и показать ребро, чтобы спасти одну душу невѣрующую; такъ и мы не должны презирать ни одного, ни самаго малаго.

Многа же и ина знаменія сотвори Іисусъ предъ ученики своими, яже не суть писана въ книгахъ сихъ. Сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и да вѣрующе, животъ имате во имя его. О какихъ знаменіяхъ говоритъ здѣсь евангелистъ? Ужели о тѣхъ, которыя Господь совершалъ до своихъ страданій? Нѣтъ, но о тѣхъ, которыя Онъ творилъ послѣ своего воскресенія. Ибо евангелистъ прибавляетъ: *сотвори предъ ученики своими.* Чудеса же до страданій Господь творилъ не предъ учениками, а предъ всѣми. Посему евангелистъ говоритъ теперь о тѣхъ чудесахъ, которыя совершены Господомъ по воскресеніи. Ибо, обращаясь съ одними только учениками въ теченіи сорока дней, Онъ представлялъ доказательства воскресенія. Какъ до страданій Онъ творилъ чудеса въ подтвержденіе, что Онъ Сынъ Божій, такъ по воскресеніи Онъ совершалъ чудеса предъ учениками въ подтвержденіе, что Онъ Сынъ человѣческій, то есть, носитъ тѣло, хотя и нетлѣнное и боговиднѣйшее, и уже не подлежащее законамъ плотскимъ.

Итакъ изъ многихъ чудесъ, совершенныхъ по воскресеніи, записаны одни только эти, и то не изъ хвастовства, или для приложенія славы Единородному, но, говоритъ, для того, *да вѣруете.* И какая польза и къ кому относится? Не ко Христу. Ибо какая польза Ему отъ нашей вѣры? Но намъ самимъ служитъ. *Да вѣрующе*, говоритъ, *животъ имате во имя Его.* Ибо, вѣруя, что Онъ воскресъ и живъ, мы приготовляемъ сами себѣ жизнь, ибо Онъ воскресъ и живъ для насъ. А кто думаетъ, что Онъ мертвъ, а не воскресъ, и не живъ, тотъ самъ себѣ присуждаетъ и утверждаетъ смерть и погибель.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О явленіи Іисуса, по воскресеніи, Петру и другимъ во время рыбной ловли на морѣ Тиверіадскомъ.—Объ изреченіи Петру: паси овцы моя.

*Посемъ явися паки Іисусъ * ученикомъ своимъ,* Зач. 66.
воставъ отъ мертвыхъ, на мори Тиверіадстѣмъ: явися же сице. Бяху вкупѣ Симонъ Петръ, и Ѳома нарицаемый близнецъ, и Наѳанаилъ, иже бѣ отъ Каны Галилейскія, и сыны Зеведеовы, и ины отъ ученикъ его два. Глагола имъ Симонъ Петръ: иду рыбы ловити. глаголаша ему: идемъ и мы съ тобою. изыдоша же, и всѣдоша абіе въ корабль, и въ ту нощь не яша ничесоже. Утру же бывшу, ста Іисусъ при брезѣ: не познаша же ученицы, яко Іисусъ есть. Глагола же имъ Іисусъ: дѣти, еда что снѣдно имате? отвѣщаша ему:

---

*Во время оно, явися Іисусъ **

ни. Онъ же рече имъ: ввергите мрежу одесную страну корабля, и обрящете. ввергоша же, и ктому не можаху привлещи ея отъ множества рыбъ. Глагола же ученикъ той, егоже любляше Іисусъ, Петрови: Господь есть. Симонъ же Петръ слышавъ, яко Господь есть, епендитомъ препоясася: бѣ бо нагъ, и ввержеся въ море. А друзіи ученицы кораблецемъ пріидоша, не бѣша бо далече отъ земли, но яко двѣ стѣ лактей, влекуще мрежу рыбъ. Словами: *Іисусъ явися*, евангелистъ выражаетъ ту мысль, что если бы Онъ не захотѣлъ и по снизхожденію не явилъ самъ Себя, то, при нетлѣнномъ тѣлѣ, и не былъ бы видимъ. Для чего онъ упомянулъ о мѣстѣ—морѣ Тиверіадскомъ? Для того, чтобы показать, что они не боялись уже іудеевъ такъ, какъ прежде, но большой страхъ отвергли. Они уже не сидѣли запершись, но выходили изъ дома, на что прежде не осмѣливались, и ходили повсюду, такъ что дошли и до Тиверіады, которая не на маломъ разстояніи отъ Іерусалима. Это море въ Галилеѣ.—Ученики ловили рыбу, ибо не имѣли, чѣмъ бы другимъ заняться. Самъ Іисусъ не постоянно находился съ ними, Духъ еще не былъ имъ дарованъ, и учительство не было имъ поручено окончально; посему они и принялись за свое прежнее ремесло. Петръ, будучи весьма дѣятеленъ, не можетъ оставаться въ праздности, но съ горячностію стремится къ дѣлу, а прочіе слѣдуютъ за нимъ, потому что они уже не разлучались другъ отъ друга. Явившись къ нимъ, когда они трудились и утомились, Онъ не тотчасъ обнаруживаетъ Себя, а сначала хочетъ вступить въ разговоръ съ ни-

ми. Какъ бы желая купить у нихъ что-нибудь, спрашаваетъ: дѣти, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь съѣстнаго? Когда же они отозвались, что нѣтъ, и, по Его приказанію, закинувъ сѣть по правую сторону (лодки), получили уловъ, тогда ученикъ, котораго любилъ Іисусъ, говоритъ Петру: это *Господь есть.* Здѣсь мы опять находимъ указаніе особенностей въ ученикахъ. Іоаннъ былъ проницательнѣе, а Петръ — пламеннѣе. Поэтому Іоаннъ первый узналъ Господа, а Петръ первый поспѣшилъ къ Нему. Опоясавши себя, (Петръ) выразилъ почтеніе (къ Іисусу), а бросившись въ море, выказалъ свою любовь. Ибо онъ не удержался, какъ прочіе, но пустился вплавь, хотя они были отъ берега на разстояніи около двухъ сотъ лактей. *Эпендутисъ* есть одежда изъ льнянаго полотна, какою опоясываются финикійскіе и сирійскіе рыбаки, или по нагому тѣлу, или поверхъ одежды, просто сказать, какъ живописцы изображаютъ апостоловъ опоясанными поверхъ одежды. Такъ какъ Петръ, занимаясь ловлею, былъ нагъ, то онъ опоясывается эпендутомъ, изъ уваженія (ибо это означается опоясаніемъ), и первый спѣшитъ къ Господу. Событіе настоящее не малое, но важное, потому что и много рыбы поймано, потомъ и сѣть не прорвалась.

Егда убо излѣзоша на землю, видѣша огнь лежащъ, и рыбу на немъ лежащу, и хлѣбъ. (И) глагола имъ Іисусъ: принесите отъ рыбъ, яже ясте нынѣ. Влѣзъ же Симонъ Петръ, извлече мрежу на землю, полну великихъ рыбъ сто и пятьдесятъ и три: и толико сущымъ не проторжеся мрежа. Глагола имъ

Іисусъ: пріидите, обѣдуйте. Ни единъ же смѣяше отъ ученикъ, истязати его, ты кто еси? вѣдяще, яко Господь есть. Пріиде же Іисусъ и пріятъ хлѣбъ и даде имъ, и рыбу такожде. Се уже третіе явися Іисусъ ученикомъ своимъ, воставъ отъ мертвыхъ. Угли, рыба и хлѣбъ, которыя видятъ теперь (ученики), составляютъ также чудо. Ибо Онъ столько человѣкъ удовлетворилъ ими не изъ готоваго вещества, какъ прежде въ пустыни пятью хлѣбами (Іоан. 6, 9—12) и двумя рыбами, но просто, изъ ничего. Когда Господь сказалъ: *пріидите. обѣдуйте,* то никто не спрашиваетъ и не осмѣливается спросить. Они не имѣли уже прежней смѣлости, но въ молчаніи и со страхомъ удивлялись (Ему), знали, что это Господь, потому и не спрашивали. Видя, что образъ его измѣнился и исполненъ поразительнаго величія, они сильно изумлялись. Желали бы по крайней мѣрѣ объ этомъ спросить, но страхъ и сознаніе, что это былъ не иной кто, а именно Онъ, удерживали ихъ отъ вопроса, и—они лишь вкушали то, что̀ Онъ для нихъ сотворилъ. Какъ же сотворилъ? съ полною властію. Ибо Онъ уже не взираетъ на небо, и не призываетъ Отца, ибо это дѣлалось (тогда) изъ снизхожденія. Повелѣваетъ принести рыбы (ими пойманной), для того, чтобы показать, что видимое ими не было призракомъ. Здѣсь не говорится, что бы Онъ ѣлъ съ ними, а Лука говоритъ, что Онъ вмѣстѣ и ѣлъ (Лук. 24, 30. 43). Какъ Онъ ѣлъ, мы не можемъ объяснить; ибо это происходило необыкновеннымъ образомъ.—не потому, что бы природа Его нуждалась въ явствахъ, но это было дѣломъ снизхожденія,

для доказательства воскресенія. (Евангелистъ) говоритъ: *се уже третіе явися*, и симъ показываетъ, что Онъ обращался съ ними не постоянно и не такъ, какъ прежде. Понимай это, пожалуй, и въ созерцательномъ смыслѣ: когда преобладала тма идолослуженія, тогда была ночь. Пророки, трудившіеся тогда, до явленія Христа—Солнца, не поймали ничего. Хотя они, повидимому, имѣли въ своемъ неводѣ одинъ народъ израильскій, но какъ и онъ часто впадалъ въ идолослуженіе, то, можно сказать, они ничего не поймали. Когда же возсіяло утро Солнца правды, и распростерта сѣть апостольская, ученіе по-истинѣ правое, въ сравненіи съ которымъ законъ и пророки представляются лѣвою стороною, тогда неводъ этотъ вытаскивается, и ко Христу приводятся не одни язычники, которыхъ можно назвать *стомъ*, но и израильтяне, которыхъ можно разумѣть подъ *пятидесятью*. Ибо когда войдетъ полнота язычниковъ, тогда и Израиль спасется (Рим. 11, 25. 26). Три (рыбы) означаютъ вѣру во святую Троицу. Ибо сто и пятьдесятъ, то есть, язычники и іудеи, пойманы не безъ трехъ, такъ какъ безъ вѣры въ Троицу никто не называется уловленнымъ. Повелѣніе: *пріидите, обѣдуйте*, служитъ намекомъ на то, что святые послѣ трудовъ своихъ получаютъ успокоеніе, довольство и наслажденіе. Ибо все, что тогда ни совершалось, ни говорилось, исполнено таинственности. Напр. то, что Марія почла Его за садовника, повидимому, просто, но въ семъ есть и нѣчто сокровенное. Ибо Онъ дѣйствительно былъ истинный дѣлатель сада, въ саду гроба, какъ-бы въ раю, исправляющій женскій родъ, и

обольстившую перваго садовника—Адама обращающій отъ обмана и невѣрія. Ибо обращеніе Маріи и ученіе о воскресеніи указываетъ на то, что женскій родъ обращается и возводится (къ совершенству).

Егда же обѣдоваше, глагола Симону Петру Іи-
Зач. 66. *сусъ:* * *Симоне Іонинъ, любиши ли мя паче сихъ? глагола ему: ей, Господи, ты вѣси, яко люблю тя. глагола ему: паси агнцы моя. Глагола ему паки второе: Симоне Іонинъ, любиши ли мя? глагола ему: ей Господи, ты вѣси, яко люблю тя. глагола ему: паси овцы моя. Глагола ему третіе: Симоне Іонинъ, любиши ли мя? оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третіе: любиши ли мя? и глагола ему: Господи, ты вся вѣси: ты вѣси, яко люблю тя. глагола ему Іисусъ: паси овцы моя. Аминь аминь глаголю тебѣ: егда былъ еси юнъ, поясался еси самъ, и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси: егда же состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои, и инъ тя пояшетъ, и ведетъ аможе не хощеши. Сіе же рече, назнаменуя, коею смертію прославитъ Бога.* Такъ какъ обѣдъ имѣлъ у Него цѣль, то Онъ вручаетъ Петру попеченіе объ овцахъ (всей) вселенной, вручаетъ попеченіе не иному кому, а сему, во-первыхъ потому, что онъ былъ избраннымъ изъ всѣхъ и былъ устами всего лика (апостоловъ), потомъ для того, дабы показать, что онъ долженъ имѣть дерзновеніе, такъ какъ отреченіе его заглажено. Объ отреченіи не воспоминаетъ, ни порицаетъ за оное, а говоритъ: если любишь Меня, по-

---

Во время оно, явися Іисусъ ученикомъ своимъ, воставъ отъ мертвыхъ, и глагола Симону Петру: *

заботься о братьяхъ, и докажи теперь ту горячую любовь ко Мнѣ, о которой ты говорилъ, что готовъ и умереть за Меня. Трижды спрашиваетъ его, частію для того, чтобы показать, что Онъ столько заботится о вѣрующихъ, и столько любитъ своихъ овецъ, что попеченіе объ овцахъ Его служитъ признакомъ любви къ Нему самому; частію, троекратнымъ вопрошеніемъ и исповѣданіемъ врачуетъ троекратное отреченіе, и словами исправляетъ паденіе, бывшее на словахъ. Отселѣ произошелъ обычай—отъ желающихъ креститься требовать троекратнаго исповѣданія. Послѣ перваго и втораго вопроса, (Петръ) призываетъ въ свидѣтели Его самого, знающаго сердца; онъ уже не надѣется самъ на себя, не отвѣчаетъ съ поспѣшностью, но всякій разъ прибавляетъ: *Ты вѣси.* Когда же Петръ былъ спрошенъ и въ третій разъ, то онъ смутился, не ошибочно ли онъ думаетъ о себѣ, что любитъ, тогда какъ, быть можетъ, (на дѣлѣ) не любитъ; потому что и прежде онъ много думалъ о себѣ и крѣпости своей, однакожъ послѣдствія опровергли его. И теперь онъ убоялся тогоже. Потому и отвѣчаетъ съ благоговѣніемъ: *Господи! Ты вся вѣси,* и настоящее и будущее; Ты знаешь, что нынѣ я люблю Тебя, какъ мнѣ кажется; но пребудетъ ли моя любовь на послѣдующее время, это Ты знаешь, а я не стою самъ за себя. Господь, сказавъ Петру о любви къ Себѣ, предсказываетъ ему и о мученіи, которое онъ претерпитъ. Говоритъ это съ тѣмъ, чтобы показать, что если Онъ спрашиваетъ его о любви, то спрашиваетъ не по недовѣрію къ нему, но по увѣренности, что онъ любитъ (ибо какъ

не любитъ тотъ, который будетъ и замученъ за Него?); спрашивалъ для того, чтобы болѣе обнаружить любовь самого Петра, и всѣхъ прочихъ научить, что если мы желаемъ любить Его, то должны доказать любовь къ Нему попеченіемъ о братьяхъ. Какъ же предвѣщаетъ ему мученичество? Слушай. *Егда былъ еси юнъ, поясался еси самъ*, и проч. Такъ какъ, говоритъ, ты любишь Меня, и не разъ обѣщался въ опасностяхъ за Меня положить душу свою, то будь спокоенъ; Я исполню твое желаніе, такъ что, чего ты не потерпѣлъ въ молодости, то потерпишь въ старости. Напоминаетъ ему о прежней жизни, дабы показать, что духовное съ плотскимъ находятся съ обратномъ отношеніи. Въ житейскихъ дѣлахъ полезенъ молодой, а состарѣвшійся безполезенъ; въ духовныхъ дѣлахъ, напротивъ, подвигъ блистательнѣе тогда, когда наступитъ старость. Говоритъ это съ цѣлію возбудить его любовь и воспламенить къ мученичеству. Намекаетъ ему и на то, что и онъ будетъ распятъ. Ибо слова: *воздѣжеши руцѣ твои, и инъ тя пояшетъ*, указываютъ не на иное что, какъ на простертіе на крестѣ и на узы. Словами: *егда былъ еси юнъ*, и опять: *егда же состарѣешися*, показываетъ, что Петръ тогда былъ ни молодъ, ни старъ, а совершенный мужъ. Для чего Господь сказалъ ему, что *инъ тя пояшетъ, и ведетъ аможе не хощеши?* Хотя Петръ желалъ мученичества, и желалъ его пламенно, но слова Господа указываютъ на сочувствіе нашего естества (къ жизни) и на то, что душа неохотно разлучается съ тѣломъ. Ибо Богъ такъ устроилъ и устроилъ на пользу, чтобы мы

не убивали сами себя. Посему-то никто, хотя бы и святъ былъ, не отлагаетъ тѣла безстрастно. Евангелистъ, по обычаю своему, въ объясненіе словъ присовокупляетъ: *сія же рече, назнаменуя, коею смертію прославитъ Бога.* Іисусъ, говоритъ, сказалъ Петру: *воздѣжеши руцѣ твои* и проч., давая разумѣть, что онъ потерпитъ за Него мученіе. Смерть Петрову называетъ славою Божіею, потому что страданіе за Него до смерти по-истинѣ есть слава Божія. Ибо, если душа не убѣждена вполнѣ, что онъ есть истинный Богъ, то (человѣкъ) и не умретъ за Него. А посему смерть святыхъ есть подтвержденіе славы Божіей.. Иной, можетъ быть, будетъ находить различіе между названіями: *агнцы* и *овцы*, между словами: *питай* (βόσκε) и *паси* (ποίμαινε). Подъ *агнцами*, можетъ быть разумѣются начинающіе, а подъ *овцами*—болѣе совершенные. Итакъ, кто любитъ Христа, тотъ долженъ имѣть попеченіе объ агнцахъ и объ овцахъ, долженъ *питать* агнцевъ, то есть, имѣть надъ ними надзоръ болѣе простой, и *пасти* овецъ, что̀ указываетъ на высшее руководство. Иногда впрочемъ, и совершеннѣйшіе нуждаются въ нѣжномъ попеченіи, и приставники овецъ должны кормить ихъ. *Пасти* выражаетъ надзоръ болѣе строгій, а *питать*—болѣе нѣжный. Что̀ же мы воздадимъ Господу, который такъ возлюбилъ насъ, что признакомъ любви къ Себѣ поставилъ попеченіе объ (Его) овцахъ?

И сія рекъ, глагола ему: иди по мнѣ. Обращся же Петръ видѣ ученика, егоже любляше Іисусъ, во слѣдъ идуща, иже и возлеже на вечери на перси его,

и рече: Господи, кто есть предаяй тя? Сего видѣвъ Петръ, глагола Іисусови: Господи, сей же что? Глагола ему Іисусъ: аще хощу, да той пребываетъ, дондеже пріиду, что къ тебѣ? ты по мнѣ гряди. Изыде же слово сѐ въ братію, яко ученикъ той не умретъ: и не рече ему Іисусъ, яко не умретъ: но: аще хощу тому пребывати, дондеже пріиду, что къ тебѣ? (Господь) вручилъ Петру попеченіе о всѣхъ вѣрующихъ. Ибо, если Іаковъ и получилъ престолъ въ Іерусалимѣ, то Петръ—во всей вселенной. Послѣ сего Господь говоритъ ему: *гряди по Мнѣ,* показывая попеченіе о немъ и свое великое расположеніе къ нему. Подъ слѣдованіемъ разумѣй здѣсь и исполнительность во всѣхъ дѣлахъ и словахъ. Ибо тѣ слѣдуютъ за Нимъ, которые идутъ по слѣдамъ Его жизни и подражаютъ Его исправности во всемъ. Можетъ быть, повелѣваетъ Петру и чувственно слѣдовать за Собою, являя, какъ я сказалъ, свое особенное расположеніе къ нему. Ибо мы дѣлаемъ послѣдователями своими тѣхъ, кои близки къ намъ. Когда Петръ услышалъ это, и удостоился того, что и вселенная ему будетъ вручена, и что онъ увѣнчается мученичествомъ; то, по сильной любви къ Іоанну, спрашиваетъ и объ немъ: *сей же что?* не пойдетъ ли и онъ тѣмъ же путемъ, которымъ и мы? не будетъ ли и онъ общникомъ въ попеченіи объ овцахъ и заботѣ объ нихъ? Ибо слова: *иди по Мнѣ,* почти тоже значатъ, что: ступай, принимай овецъ, выступай во вселенную. Зная, что Петръ заботится объ Іоаннѣ и не желаетъ разлучиться съ нимъ, Господь, чтобы прекратить неблаговременный ихъ союзъ и привязан-

ность другъ къ другу, говоритъ: тебѣ поручено дѣло; совершай его, и слѣдуй за Мною. когда Я вывожу тебя на проповѣдь, вручаю тебѣ всю вселенную. Если же Я хочу, чтобы онъ оставался здѣсь, въ окрестностяхъ Галилеи, и не хочу послать его вмѣстѣ съ тобою: что тебѣ до того?—Слова: *дондеже пріиду*, нѣкоторые понимали такъ: пока Я не приду на распявшихъ меня іудеевъ, чтобы наказать ихъ посредствомъ римлянъ, и разрушить городъ ихъ. Ибо говорятъ, что апостолъ сей (Іоаннъ) почти до правленія Веспасіана находился въ нагорныхъ мѣстахъ, проповѣдывалъ и пребывалъ тамъ, а передъ взятіемъ Іерусалима удалился оттуда. Итакъ, поелику имъ вручалось великое дѣло—проповѣдь, имъ уже не слѣдовало быть вмѣстѣ другъ съ другомъ, но раздѣльно пойти одному къ тѣмъ, другому къ другимъ. — Для чего евангелистъ упоминаетъ о томъ, что онъ преклонялся къ груди, и спрашивалъ, кто предастъ Тебя? Не просто и не случайно, но чтобы показать, что Петръ и послѣ отреченія своего имѣлъ дерзновеніе (предъ Господомъ). Ибо тотъ, кто прежде креста не смѣлъ спросить о предателѣ, но поручалъ вопросъ другому, именно Іоанну, тому теперь вручается попеченіе о всѣхъ, и онъ не только вопроса о самомъ себѣ не поручаетъ другому, но и о томъ самомъ ученикѣ, который пользовался особенною предъ всѣми любовію, спрашиваетъ Господа и становится какъ-бы ходатаемъ предъ Нимъ. Подивись, пожалуй, скромности евангелиста, съ какою онъ исправляетъ ошибочное пониманіе многихъ, которые не выразумѣли сказаннаго объ немъ Господомъ, но подума-

ли, что онъ не умретъ. Этого не было. Господь сказалъ не то, что онъ не умретъ, но что онъ не будетъ проповѣдывать въ одно время съ Петромъ, а останется послѣ него. *Дондеже пріиду*, то есть, пока Я не захочу вывесть и его на проповѣдь. Тебя Я нынѣ вывожу на попеченіе о вселенной, и ты слѣдуй за Мною, а онъ пусть останется здѣсь, пока Я опять приду, и выведу и его, какъ тебя. — Нѣкоторые же такъ понимаютъ: Петръ, услышавъ, что онъ умретъ за Христа, сказалъ: что же Іоаннъ? не умретъ ли и онъ? Христосъ не отвергъ этого, ибо всякъ, кто родился, тотъ и умретъ, а сказалъ: если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, то есть, жилъ до кончины міра, и тогда содѣлался мученикомъ за Меня. Отселѣ и говорятъ, что онъ живъ, а будетъ умерщвленъ антихристомъ, когда вмѣстѣ съ Иліею станетъ проповѣдывать Христа. Если указываютъ гробъ его; что̀ до того? онъ вошелъ въ него живой, а потомъ преставленъ, какъ Енохъ и Илія. Итакъ евангелистъ опровергаетъ ложное мнѣніе тѣхъ, кои подумали, что ученикъ сей не умретъ, а будетъ безсмертенъ; ибо сущая ложь, чтобы человѣкъ былъ безсмертенъ. Хотя Енохъ и Илія не умирали, однакожъ они смертны. Такъ и онъ хотя не умеръ, но умретъ. Посему пониманіе слова: не *умретъ*, въ томъ смыслѣ, что будетъ безсмертенъ, ложно. Иные утверждаютъ, что онъ умеръ, а слова: *аще хощу тому пребывати*, понимаютъ такъ, какъ мы выше изъяснили. Мы высказали всѣ мнѣнія, чтобы для любопытныхъ ни одно не было безъизвѣстно. По нашему мнѣнію, слова: *да той пребываетъ, дондеже пріиду*

лучше понимать не о жизни, а о разлукѣ съ Петромъ, какъ понималъ это достославный и златоустый Іоаннъ.

Сей есть ученикъ свидѣтельствуяй о сихъ, иже и написа сія: и вѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство его. Суть же и ина многа, яже сотвори Іисусъ: яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ. аминь. Изъ прочихъ евангелистовъ ни одинъ не свидѣтельствовалъ самъ о себѣ. Говорятъ, что онъ послѣ всѣхъ приступилъ къ написанію (евангелія), бывъ подвигнутъ и возбужденъ къ тому Христомъ. Посему-то онъ постоянно упоминаетъ о любви Его къ себѣ, показывая причину, по которой приступилъ къ написанію, и что Христосъ поручилъ это дѣло тому, котораго Онъ любилъ болѣе прочихъ. И я знаю, что онъ говоритъ истину, то есть, что̀ я написалъ, то̀ написалъ съ полною увѣренностію, такъ какъ я былъ при всемъ, при дѣлахъ и словахъ, при страданіяхъ и обстоятельствахъ по воскресеніи. Посему смѣло и о самомъ себѣ говорю, что я истиненъ, и вызываю разсмотрѣть и изслѣдовать каждое въ отдѣльности событіе. У насъ, людей, когда мы совершенно увѣрены въ истинѣ, есть обыкновеніе не отказываться отъ собственнаго о томъ свидѣтельства. Такъ и апостолы говорили: мы свидѣтели Ему въ томъ, что̀ говоримъ, и Духъ, котораго Онъ далъ повинующимся Ему (Дѣян. 5, 32). Откуда же видно, что я говорю истину, а не въ угоду Учителю? Изъ того уже, что я многое оставилъ, видно, что я не хотѣлъ угождать Ему. Ибо я выставилъ на видъ все укоризненное,

не скрывъ и того, что Его называли беззаконникомъ и обманщикомъ, и даже бѣсноватымъ. Очевидно, я не не старался угодить Ему. Ибо кто льститъ, тотъ поступаетъ напротивъ; позорное опускаетъ, а выставляетъ на видъ достославное. Не удивляйся сказанному, что если бы писать книги о дѣлахъ Іисуса, то не вмѣстилъ бы ихъ міръ; но помысли о неизреченной силѣ Бога Слова, и сказанное прими съ вѣрою. Ибо какъ для насъ легко говорить, такъ для Него легко, и даже гораздо легче, творить, что̀ Ему угодно. Нѣкоторые же говорятъ, что это по обычаю Писанія сказано иперболически; ибо у Писанія въ обычаѣ употреблять иперболы. Наприм. „мы видѣли города, досягающіе до неба. И: мы видѣли мужей, и были предъ ними, какъ саранча" (Числ. 13, 29. 33, 24), и тому подобное. Въ такомъ же де смыслѣ и здѣсь сказано, что міръ не могъ бы вмѣстить написанныхъ книгъ. — Иные подъ *міромъ* разумѣютъ человѣка, мудрствующаго мірское; дѣла же божественныя и таинственныя, совершенныя Іисусомъ въ мірѣ невидимомъ и видимомъ, и въ домостроительствѣ послѣдняго времени, которое исполнено таинъ, человѣкъ мірской не можетъ понять, по сказанному: „многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить" (Іоан. 15, 12). Но будемъ молиться, чтобы дѣла и слова Господа никогда не приходили у насъ въ забвеніе, но чтобы намъ всегда раскрывать сію книгу возлюбленнаго, и изыскивать сокровище, заключающееся въ чудесахъ и ученіи Іисуса; чтобы намъ, очистившись въ словѣ и жизни, въ день откровенія удостоиться неизреченнѣйшихъ дѣлъ и таинъ,

которыхъ нынѣ, находясь въ мірѣ, мы не можемъ вмѣстить, и содѣлаться совершенными въ самомъ Христѣ, возлюбившемъ насъ, и чрезъ возлюбленнаго своего ученика просвѣтившемъ насъ богословіемъ и познаніемъ Его (Сына) и Отца и Святаго Духа, которому слава во вѣки. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОТДѢЛЕНІЙ СВЯТАГО ЕВАНГЕЛІЯ ОТЪ ІОАННА.

—